This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПОСВЯЩЕННЫХЪ ПОЧИТАТЕЛЯМИ

АКАДЕМИКУ И ЗАСЛУЖЕННОМУ ПРОФЕССОРУ

В. И. ЛАМАНСКОМУ

ПО СЛУЧАЮ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ ЕГО УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ и Историко-Филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Часть первая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1907.

В. Ламанскій

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПОСВЯЩЕННЫХЪ ПОЧИТАТЕЛЯМИ

АКАДЕМИКУ И ЗАСЛУЖЕННОМУ ПРОФЕССОРУ

В. И. ЛАМАНСКОМУ

ПО СЛУЧАЮ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ ЕГО УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ и Историко-Филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Часть первая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1907.

HOOVER LIBRARY
ANM 3236

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1907 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

СОДЕРЖАНІЕ I-й ЧАСТИ.

Стран.

Петровскій М. Поученіе Севериана, епископа Гавальскаго, приписываемое Іоанну Златоустому (по сербской рукописи XIV—XV в.) . . . . . 1— 18

Сперанскій М. Н. «Завѣты двѣнадцати патріарховъ» въ старинной чешской письменности . . . . . 19— 40

Церетели Г. Ф. Легенда объ Эзопѣ по папирусу изъ Файума. 41— 54

Тураевъ Б. А. Агіологическое повѣствованіе о паденіи Аксумскаго царства. . . . . 55— 62

Халанскій М. Г. Къ вопросу о происхожденіи стихотворнаго размѣра и названія «бугарштицъ». . . . . 63— 71

Начовъ Н. Къмъ историята на новобългарската библиография. 72— 93

Рождественскій С. В. О земскомъ соборѣ 1642 года . . . 94—103

Поливка Ю. Творительный падежъ един. ч. въ словацкихъ нарѣчіяхъ . . . . . 104—113

Спространовъ Е. Софійская лѣтопись . . . . . 114—131

Петровъ Д. К. Испанскіе авантюристы XVI—XVII столѣтій. 132—189

Vondrák V. K výkladu třeti a čtvrté konjugace slovanské. . . 190—198

Челяковскій Я. О началахъ городскаго устройства Стараго города Пражскаго . . . . . 199—226

Пападопуло-Керамевсъ А. И. Συμβολη εις την ιστοριαν της αρχιεπισκοπης αχριδος . . . . . 227—250

Златарскій В. Н. Клятва у языческихъ болгаръ . . . . . 251—260

Державинъ Н. С. Обычай «умыканія» невѣстъ въ древнѣйшее время и его переживанія въ свадебныхъ обрядахъ у современныхъ народовъ . . . . . 261—293

Соболевскій А. И. Житіе папы Климента въ древнемъ церковнославянскомъ переводѣ . . . . . 294—310

Коларь О. Нѣсколько замѣчаній по поводу русскаго правописанія. . . . . 311—326

Стран.

Дмитріевскій А. А. Опытъ изданія греческихъ церковныхъ писателей древнѣйшаго времени въ русской патрологической литературѣ . . . . . 327—450

Жебелевъ С. Чудеса св. Артемія . . . . . 451—473

Грунскій Н. Къ изученію древне-хорватской глаголицы . . 474—481

Коршъ Ѳ. Происхожденіе десятисложнаго стиха южныхъ и западныхъ славянъ . . . . . 482—497

Зенгеръ Г. Э. Замѣтки къ описаніямъ Петрковскаго избирательнаго сейма 1492 г. . . . . 498—548

Лапшинъ И. Мистическое познаніе и «вселенское чувство». 549—641

Щербатской Ѳ. И. Опредѣлители корней въ тибетскомъ языкѣ . . . . . 642—656

Поливка Ю. Дополнительная замѣтка къ статьѣ «Творительный падежъ ед. ч. именъ ж. р.» и т. д. . . . . 656^{1}—656^{2}

Дмитріевскій А. А. Дополнительная замѣтка къ статьѣ «Опытъ изданія греческихъ церковныхъ писателей» и т. д. . . . 656^{3}—656^{4}

Опечатки . . . . . 656^{5}

Поученіе Северіана, епископа Гавальскаго, приписываемое Іоанну Златоустому

(по сербской рукописи XIV—XV в.).

Еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Сухомлиновъ указывалъ историкамъ славяно-русской литературы на «псевдонимы» среди древнихъ памятниковъ и въ греческой и въ древне-русской письменности, ссылаясь на давнія заявленія ученаго издателя твореній Іоанна Златоустаго, которому еще въ древности приписывалось множество произведеній, ему не принадлежавшихъ. Въ славянской письменности, разумѣется, укоренялось это или ошибочное, неумышленное, или преднамѣренно-невѣрное показаніе о принадлежности Іоанну Златоустому многихъ церковныхъ поученій, выдающихся нерѣдко дѣйствительно высокоталантливымъ изложеніемъ и уясненіемъ библейскихъ текстовъ[1]). Въ Славяно-русской письменности эти заблужденія были по большей части только отзвукомъ или наслѣдіемъ явленій, начало которыхъ лежало отчасти въ греческихъ оригиналахъ, а еще чаще — въ болгарскихъ и сербскихъ переводахъ, безъ критики—которой и ожидать нельзя было—переносимыхъ въ русскую письменность.

---

1) Въ Монфоконовскомъ изданіи твореній Іоанна Златоустаго (1718 г., томъ I, въ «Praefatio») говорится «de ingenti operum numero, quae Chrysostomi nomen ementiuntur».

Къ числу такихъ произведеній относится и предлагаемое здѣсь «слово на святое Богоявленіе», всюду являющееся въ славяно-русской письменности съ именемъ Іоанна Златоустаго. Во множествѣ описаній богатыхъ рукописныхъ собраній, находящихся въ Россіи, ученые издатели пропустили безъ вниманія литературный фактъ, уясняющій спорный вопросъ[1]). Единственно въ описаніи рукописей Соловецкаго монастыря, при цитированіи «слова на Богоявленіе» съ именемъ Іоанна Златоустаго, было упомянуто, что «между словами Златоустаго такого (слова) не имѣется»[2]).

А между тѣмъ уже много болѣе столѣтія тому назадъ была возможность, повидимому, точно опредѣлить личность искомаго автора поученія. Знаменитый ученый эллинистъ, столь извѣстный въ Германіи и такъ недостаточно и односторонне оцѣненный въ Россіи, Христіанъ Фридрихъ Маттэи въ 1779 году издалъ въ Лейпцигѣ свои Lectiones Mosquenses, въ которыхъ помѣстилъ нѣсколько греческихъ произведеній свѣтскаго и духовнаго содержанія, открытыхъ имъ въ Московскихъ книгохранилищахъ. Въ числѣ ихъ онъ обнародовалъ и Σεβεριανοῦ ἐπισκόπου Γαβάλων λόγος εἰς τὰ Θεοφάνια. Это поученіе начинается словами: ἀνοιγέσθω σήμερον πᾶν στόμα πρὸς θεολογίαν, καὶ ἀνυμνείτω πᾶς λόγος τὸν ἐξ οὐρανῶν ἐπιλάμψαντα, θεὸν λόγον[3]). Затѣмъ позднѣе въ *подробномъ* описаніи греческихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки Маттэи снова напомнилъ читателямъ

---

1) Востоковъ: Опис. румянцевскаго музея, стр. 671 и 703.

Горскій и Невоструевъ: Опис. Славянскихъ рукописей Московской Синодальной б—ки. Москва. 1859 г. Отд. II, стр. 678.

Арх. Леонидъ: Сист. опис. славяно-россійскихъ ркпп. собранія гр. А. С. Уварова; ч. 2-я, стр. 378.

Онъ же: Свѣдѣнія о Слав. рукописяхъ... Троицкой дух. Семинаріи. Вып. I, стр. 32.

Добрянскій: Опис. ркпп. виленской публичной библіотеки. 1882, стр. 119.

2) Опис. ркпп. Соловецкаго монастыря. Казань. 1885, ч. 2-я, стр. 469. (Ркп. XV в., № $\frac{637}{804}$).

3) Chr. Fridr. Matthaei: Lectiones mosquenses. Lipsiae. Vol. II, p. 1.

о рукописи X вѣка (№ CCLXXI), по которой (fol. 144) ранѣе и издано имъ было «слово на Богоявленіе»[1]). Послѣ этого въ прибавленіи (Appendix) къ изданію «отеческихъ» твореній, еще въ 1765 г., начатому Галландомъ, въ 1781 былъ перепечатанъ текстъ, по изданному въ Lectiones Mosquenses, причемъ прибавлено было раздѣленіе памятника на двѣнадцать § § или отдѣленій[2]); а затѣмъ въ 1864 г., по вышеуказанному изданію «Отеческой библіотеки», текстъ и біографическія и библіографическія свѣдѣнія о Северіанѣ Гавальскомъ вошли въ извѣстнѣйшее изданіе греческой патрологіи Миня[3]).

Не говоря объ изданіи цѣлаго текста поученія, уже заглавія и начальныхъ строкъ его было достаточно для опредѣленія въ описаніяхъ славяно-русскихъ рукописей имени автора поученія и для изданія славянскаго текста, всюду повторяющагося, но, очевидно, допускающаго нѣкоторые варіанты, вслѣдствіе механически-небрежной переписки и, порою, необдуманныхъ соображеній писца. При сличеніи такихъ списковъ всегда можно встрѣтить некстати появляющіяся отступленія переписчика, который часто не понималъ лежавшаго предъ нимъ подлинника и, по своему крайнему разумѣнію, вводилъ неумѣстныя замѣны непонятыхъ имъ терминовъ.

И въ старѣйшемъ сербскомъ спискѣ встрѣчаются и промахи и путаница въ чтеніи оригинальнаго текста, *который значительно короче переводнаго*. Но нельзя излишній—сравнительно съ оригиналомъ—славянскій текстъ считать, «интерполаціей» или «интерпозиціей», такъ какъ по своему содержанію *излишній* славянскій текстъ касается непосредственно эпохи и лицъ, при которыхъ Северіанъ Гавальскій писалъ свое поученіе. Очевидно,

---

1) Его же: Accurata codicum graecorum MSS. bibliothecarum mosquensium S. Synodi notitia et recensio. Lipsiae, 1805. Tom. I, p. 169. Въ ученомъ трудѣ Арх. Владиміра рукопись отнесена къ IX вѣку. См. Систематическое описаніе ркпп. Московской Синодальной б—ки. 1894 г., часть I-я, стр. 262 (№ 215 $\frac{284}{CCLXXI}$).

2) Gallandii: Bibl. vet. Patrum. Appendix, Tom. XIV, p. 147.

3) Patrologiae Cursus Completus. (Ser. Gr.). Tom. LXV, pp. 15—25.

греческій переписчикъ *извѣстнаго намъ текста* считалъ самою важною ту часть «слова», которая касалась непосредственно богословской стороны дѣла и умышленно пропустилъ мѣста, касающіяся соціальной. Въ опущенной переписчикомъ оригинала части «слова» мы встрѣчаемся именно съ тѣми пріемами каѳедральнаго краснорѣчія, которые настолько нравились византійскому двору, что Севериан, казалось, упрочилъ свое положеніе въ Константинополѣ и уже бралъ верхъ надъ Іоанномъ Златоустымъ.

Существуетъ ли въ современной ученой литературѣ указаніе на *полный* греческій текстъ поученія Севериана, мнѣ неизвѣстно. По крайней мѣрѣ послѣднія, по времени (1899 г.), сообщенія объ этомъ писателѣ, находимыя въ новомъ изданіи авторитетнаго «Церковнаго словаря»[1]), ничего не прибавляютъ къ свѣдѣніямъ по этому вопросу. Я вынужденъ былъ ограничиться только сличеніемъ дошедшей до насъ редакціи оригинала съ существующими переводами, съ буквальной точностью передалъ старосербскій текстъ, внеся въ него, въ скобкахъ, только § §, введенные въ Bibl. vet. Patrum, и сравнилъ съ сербской рукописью и русскую, находящуюся въ Соловецкой библіотекѣ, тоже относимую къ XV вѣку и не представляющую никакихъ особенностей сравнительно съ сербскою, за исключеніемъ, конечно, формальной стороны.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что смѣшеніе именъ Іоанна Златоустаго и его современника Севериана Гавальскаго могло появиться и въ греческихъ рукописяхъ уже потому, что, не смотря на извѣстную всѣмъ размолвку Севериана съ Іоанномъ, первый за свое краснорѣчіе нѣкоторыми своими почитателями тоже былъ называемъ «Златоустымъ»[2]). Писатели V-го вѣка — Сократъ, Созоменъ, и Геннадій — почти въ одина-

---

1) Wetzer und Welte's Kirchenlexikon. 2-e Aufl. Elfter Band., pp. 215—217.

2) «Vocatur..... Joannes, et ante eum Severianus Gabalorum Episcopus, Chrysostomus»..... (R. Montacutius, tom. I p. 112. Orig. ecclesiast.); Барсовъ Н.: Энциклоп. словарь, т. XIII, стр. 670.

ковыхъ выраженіяхъ признаютъ замѣчательный ораторскій талантъ Севериана Гавальскаго.

Сократъ, говоря объ Антіохѣ и Северіанѣ, современникахъ, замѣчаетъ, что оба они славились краснорѣчіемъ, что, пока Іоаннъ Златоустый по дѣламъ церковной администраціи удалялся изъ Константинополя, Северіанъ со дня на день возвышался въ мнѣніи цареградскихъ слушателей его поученій [1]).

Созоменъ сообщаетъ, что Северіанъ проповѣдью возбуждалъ удивленіе слушателей и пользовался не только почетомъ съ ихъ стороны, но имѣлъ значеніе даже у двора [2]).

Геннадій Марсельскій, въ сочиненіи «de scriptoribus ecclesiasticis», говоритъ, что «Северіанъ..... изучившій Священное Писаніе, былъ удивительнымъ ораторомъ въ своихъ поученіяхъ», что ему (Геннадію) удалось читать, между прочими сочиненіями Севериана, и «de Baptismo et Epiphaniae solemnitate libellum gratissimum», то есть, свидѣтельствуетъ о принадлежности Северіану «Сло́ва на Богоявленіе» [3]).

М. П—ій.

---

1) Migne, (Ser. Gr.) Tom. LXVII, pp. 697 и 732.
2) Ibid., p. 1541.
3) Migne (Ser. Lat.), Tom. LVIII, p. 1073.

Ӥже вь с҃тыхь, ѻ҃ца нашего ї҃ѡа а̓р'хиеп҃кпа кон'стан'тина гра҃ злау҃стаго на с҃тая б҃гоявлению. слово. бл҃гви. ѻ҃че.:·

[I] Да ѿврьзаюⷮ'се всака оу̑ста҃ д҃нь кь б҃гослόвию[1]).
и да вьспоеть всако слόво, иже сь н҃бсе вьсияв'-
шаго б҃жиѩ слόва.[2]) всакь ꙗзыкь да вещаеть.
в'сака д҃ша да ликьствоуеть. вса земля да поеть.
Д҃нь бо̀ слόвеса свѣта, с҃ны свѣта ѿсвѣщають.
да сьгласоують сь н҃бсны̏ми земльнаѩ.
да поють сь прѣмир'ны̏ми сй́лами, ꙗ҃же
вь мирѣ вимаѩ. йстинѣ бо ꙗвльши се,
й ц҃роу н҃бсномоу приш҃ьшоу. всѣмь по҃бае̑ть
сьтещи се, и вь ѡ҃б'щее в҃лкы всѣхь йспо-
вѣданию[3]). х҃во пришьствию[4]). вьселен'нѣй ѐсей
б҃лгодѣяние. х҃во пришьствие[5]), мйра. в'сего
свобожѐние. х҃ь вьспѣваеⷮ'се, и мирь

---

1) богословию — θεολογία — theologia въ смыслѣ «бесѣдованія о Богѣ». Въ Макаріевскихъ Чет. Минеяхъ Моск. Синодальной б—ки — «ко благословію». (Подр. оглавленіе в. Четіихъ Миней. Арх. Іосифа, стр. 381); въ Милютинскихъ Ч. М. — «къ богоявленію» (Чтенія въ Моск. Общ. Любителей духовнаго просвѣщенія, 1868 г., кн. 4, стр. 157).

2) Въ ориг. ἐπιλάμψαντα Θεὸν Λόγον.

3) Въ ориг. слѣдуетъ: χριστοῦ παρουσία, ἀληθινοῦ φωτὸς ἐπιδημία, опущенное въ переводѣ.

4) Въ ориг. παρουσία.

5) Тоже.

ѡ҆с҃щаѥт'се. х҃ь проповѣдоуѥт'се [1]), и всака дш҃а
нб҃сною любовию ѡ҆дѣваѥт'се. свѣ҃тельствоуѥ'
ми словеси, и҆скоусь вещїи. [II] Виж҃ь ми
бг҃олѣп'ноѥ сѐ цр҃кве ѹстроѥниѥ. виж҃ь ми нб҃снаго
неоу҆гасимоу҆ свѣщоу. виж҃ь телесноѥ ѥ҆ство ретеще се
а҆гг҃льскомоу слоужению. чл҃вци ѿ землѥ соу҆ще,
и҆ на земли живоуще, и҆ ѿ землѥ питѣющесе,
нб҃снымь [2]) сьпротѣзают'се [3]). та҆кова҆ бо̀ црькви бж҃иꙗ,
жительствоуѥть на земли. чинь же и҆мать
нб҃сныхь вещеи҆. Что дѣло и҆̀же на нб҃си а҆гг҃ломь,
ѥ҆же бг҃оу слоужити. что̀ дѣло ѥ҆же на земли прп҃об-
ныхь, ѥ҆же б҃а вьспѣвати. и҆х'же оу҆бо̀ ѥ҆диночт҃но
слоужениѥ, ѥ҆диночьстно и҆ достоиньство.
сего ради и҆ бл҃жен'ны дв҃ь, дх҃ов'ноую оу҆дараѥ
цѣв'ницоу. и҆ сп҃сноую бг҃ословиꙗ проповѣдоуѥ
пѣ҃нь, гла҃ше. ꙗ҆ко же нн҃ꙗшнѥѥ припѣваѥ.
б҃е силь҆ ѡ҆брати ни, и ꙗ҆ви лѝце своѥ и҆
сп҃ени боудемь. [4]) [III] Не оу҆ прїиде цр҃ь сла́вы, и҆
пр҃тче цр҃твиꙗ проповѣдахоу. пасы҆ ї҆ср҃лꙗ
ре҃ [5]), рци прр҃че свѣтлост'нѣ [6]) ѥ҆же гл҃ѥши.
и҆зьꙗ҆сни ѥ҆же проповѣдоуѥ҆ши [7]). мнози бо̀ пасоше.
мѡу҆си пастырь. а҆а҃ронь пастырь. оу҆пасе бо ре҃
люди своѥ роукою мѡу҆сѡвою и҆ а҆арѡнѥю [8])
пастырь и҆ дв҃ь, из'бра бо ре҃ дв҃да раба своѥ҆го
пасты и ї҆ср҃лꙗ до҃ꙗниѥ своѥ҆. [9]) что ѹбо̀

---

1) Въ ориг. καὶ ἡ οἰκουμένη φωτίζεται, опущенное въ переводѣ.

2) Въ ориг. прибавлено: νόμοις.

3) Въ ориг. слѣдуетъ: ἠρνήσαντο τοῦ σώματος τὴν φύσιν, ἐδέξαντο τῶν ἀγγέλων τὴν λειτουργίαν.

4) Псалт. LXXIX, 4.

5) Ibid., 2. Въ ориг. ὁ ποιμαίνων τὸν Ἰσραήλ, πρόσχες.

6) Свѣтлостьнѣ — τηλαυγῶς — dilucide.

7) Въ ориг. слѣдуетъ опущенное въ переводѣ: ὁποῖον ποιμένα λέγεις?

8) Псалт. LXXVI, 21.

9) Ibid., LXXVII, 71. Въ ориг. ἐξελέξατο γάρ, φησίν, τὸν δοῦλον αὐτοῦ ποιμαίνειν Ἰακὼβ τὸν δοῦλον αὐτοῦ, καὶ Ἰσραὴλ τὴν κληρονομίαν αὐτοῦ.

именованыѥ пастыра крыѥши. до҃и́нь-
ство раздѣли ꙗвьствьнѣ[1]). бл҃горасоудьнь[2]) и҆ несмоущень
вьспрїми гл҃сь проповѣданиꙗ. гл҃ѥть пасы҆
и҆ісрл҃ꙗ вьн'ми. наставлꙗѥи ꙗко ѡ҆вче ї҆ѡ́сифа[3]).
здѣ рекь пастыра, не ѥ́ще сказоуѥть пропо-
вѣдоуѥма҆го достоиньство. за ѥ҆же кь дроугы҆мь
пастыремь ѥ҆диноименьства[4]). [IV] что оу҆бо,
не ѥщели разоумѣль ѥ҆си достои́ньство.
и҆зьꙗвлю тебѣ и҆стиноу. сѣдеи҆ на хероувимѣ
ꙗви се. вьзв҃игни си́лоу твою҆, и҆ прїиди да
ни сп҃сеши[5]). Видиши ли како в'се ѡ҆бнажи
прр҃чьствоуѥма҆го до҃и́ньство; ви҆ши ли како
цр҃комоу и҆ прѣмир'номоу прѣстолоу, цр҃а
славы҆ вьзвѣсти і҆с҃а[6]); тѣм'же и҆ сп҃сь
пооу҆тврьжа҆ѥ[7]) ѥ҆же прр҃ка именованиѥ[8]).
вьпиꙗше є҆ѵ҃л'скою бл҃гтию҆. а҆зь ѥ҆с'мь пастырь
добрый[9]). понѥже бо ре҃ ꙗко словесны҆[10]) б҃а
не познасте, понѣ ꙗко бесловесныѥ ѡ҆в'це
пастыра познаите. [V] Хо́те же и҆ прр҃кь
плодь показати пастырьскаго пришьствиꙗ. вьзв҃игни
си́лоу твою҆, ре҃, и҆ прїиди да ни сп҃сеши[11]).
Сп҃сово бо҆ ꙗвлениѥ и҆сточьникь
всакаго ѥ҆ бл҃годѣꙗниꙗ. ꙗвисе оу҆бо и҆зба́витель
вьселѥ́ныѥ. вса вьсприѥмь вь себѣ, за ꙗ҆же томоу
по҆бною бл҃гостию҆. Понѥже видѣ всѣхь ꙗ҆же

---

1) Послѣ ꙗвьствьнѣ (σαφῶς—manifeste) слѣдуетъ ὅ λέγεις, опущенное въ пер.
2) благорасоудьнь — εὐκρινής — clarus, distinctus.
3) Псалт. LXXIX, 2.
4) Ѥдиноименьство — ὁμωνομία — nominis communitas.
5) Псалт. LXXIX, 2—3.
6) «і҆с҃а» въ ориг. нѣтъ.
7) пооутврьждати — ἐπιβεβαιοῦν — confirmare.
8) Въ ориг. προῤῥησιν.
9) Іоан. X, 11.
10) словесьнь — λογικός — ratione praeditus.
11) Псалт. LXXIX, 3.

на нб҃си[1]) ѿпад'шихъ, и҆ сщ҃ен'нычьство ѥ҆же
да҆ ї҆срл҃ю. и҆ прр҃чьство и вса и҆зред'на. тъ̀ ѡ҆бнавлꙗѥть
собою своѥ дары, и҆ како слыши́ [VI] бы́ваѥть прр҃къ
понѥже и҆скази се прр҃очьство ѿ недостоиныхъ,
ꙗ҆коже ѥ҆ писано. прр҃ка ва́мь въз҃вигнеть г҃ь б҃ь
ѿ братиѥ ваше ꙗ҆коже мене[2]). бы́ваѥть ап҃ль и҆
а҆рхиѥ҆реи҆[3]), по рѐн'номоу. смотрите а҆п҃ла
и҆ а҆рхиереа҆ званиꙗ҆ вашего і҆с҃а[4]). бы́ваѥть сщ҃енныкь,
ꙗ҆ко же рѐ пѣснопѣв'ць[5]). ты ѥси сщ҃енныкь вь вѣкы҆
по чиноу мел'хиседековоу[6]). бы́ваѥть брать[7]) и҆
слоужитель ꙗ҆коже рѐ доблѥствьны пав'ль.
ꙗ҆ко быти ѥ҆моу прьвѣн'цоу́ вь мнозѣи
братїи. и҆ пакы҆ гл҃ю бо рѐ х҃а слоужителꙗ бы́ти
ѡ҆брѣзанию҆ вь ѥже и҆спльнити ѡ҆бещаниꙗ ѿц҃ь[8]).
всакымь оу҆бо проходить чиномь. и҆ бы́ваѥть пакы҆
и҆ чьтець. приѥмь бо̀ и҆са́їю чтѣше[9]), ꙗ҆ко же сказаѥть
є҆ѵ҃лиѥ҆. да и҆ прр҃чьскыѥ҆ гл҃си и҆звѣстить, и҆ цр҃ковнаꙗ҆
трѣбища почтеть. бы҆ и ц҃рь цр҃твоуѭщихъ[10]), ꙗ҆ко
же рѐ наданаи́ль. рав'вї ты҆ ѥси сн҃ь
бж҃їи, ты҆ цр҃ь ѥ҆си ї҆срл҃ѥвь[11]). [VII] нь҆ рѐть ктѡ негли
ѿ прѣ҆стоѥщїихъ, что̀ оу҆бо кь мнѣ людиноу.

---

1) Въ ориг. ἐν ἀνθρώποις.
2) Второз. XVIII, 15.
3) «и архиѥреи҆» въ ориг. нѣтъ.
4) Евр. III, 1.
5) Въ ориг. ὑμνογράφος — hymnographus, вм. ожидаемаго ὑμνῳδός, ὑμνολόγος.
6) Псалт. CIX, 4.
7) М. б., вмѣсто вставного «братиѥ», хотя въ оригиналѣ этой вставки нѣтъ.
8) Римл. XV, 8.
9) Луки, IV, 17.
10) 1-е къ Тим., VI, 15. Касательно «трѣбища» въ предшествующемъ выраженіи слѣдуетъ замѣтить, что въ ориг. читаемъ: ἵνα καὶ τοῦ προφήτου τὰς φωνὰς βεβαιώσῃ, καὶ τῆς ἐκκλησίας τοὺς βαθμοὺς τιμήσῃ. Но вмѣсто βαθμός (gradus dignitatis) могло быть и βωμός (basis, ara), какъ видимъ въ переводѣ и трудно сказать, что тутъ вѣрнѣе, если пользоваться только одной рукописью М. Синодальной библіотеки.
11) Іоан. I, 49.

а҆́ще прⷪ҇рчьствомь и҆ а҆пⷭ҇льствомь. и҆ а҆рхиѥ́реи-
ствомь ѡ҆дѣꙗсе, что кь мнѣ иже вь людьскѡ҆
чи́ноу причтен'номоу. Паче же оу҆бо за в'се чл҃вкы
бы҆ чл҃вкь, чл҃вколюбивы҆. а҆́ще ли хо́щеши
того и҆ людина чи́нь приѥмлюща видѣти
тебе ради. посоудивь себѣ и҆ смотри хо́тещеѥ
сѐ рещи исповѣдательно[1]). крⷭ҇теи҆, не вь странѣ[2]) ли
ѥ҆ сщ҃ен'ныка. крьщаѥмы҆, не вь чи́ноу ли лоудина
ѥ҆. зри҆ оу҆бо і҆ѡа́нна крщ҃ающа вь чиноу сщ҃ен'ныка.
и҆ крщ҃аѥма х҃а вь чи́ноу людина. Дн҃ь бо́
братиѥ дн҃ь ѥ҆же во́дами испльни смотрениѥ.
не ѿ водь ѡ҆сщ҃аѥмь. нь во́дамь ѡ҆сщ҃ениѥ
подаѥ. і҆ѡа́нь и҆спльнꙗше ѡ҆бра́зь сщ҃ен'нычьскы҆.
пристоупаѥть и҆збавитель вьселен'ныѥ. крьщаю-
щомоу вь водѣ і҆ѡа́ноу[3]) крщ҃аѥи҆ вь дс҃ѣ. Цр҃ь
кь прⷣтчи. б҃ь кь прⷪ҇ркоу, не неѡразоумѣ[4]) достоѥньства,
смотрениꙗ ради. не смете ѥ҆го ѡ҆бразь телесны҆. не прѣльсти
ѥ҆го ви҆маго зра́ка невидимаꙗ си́ла[5]). ю҆же и҆
невѣдоущимь проповѣдаше. свѣтил'никь бо̀ бѣ҆ ст҃ы҆
див'ны҆. свѣтил'никь, ѡ҆ нѥм'же оуготова҆
свѣтил'никь х҃оу моѥмоу[6]), прⷪ҇ркѡ҆ рѣ҆ се.
свѣтил'ник' же і҆ѡа́нь прѣдиарицаше се.[7]) не понѥже
бж҃ию словеси[8]) свѣтоу и҆стин'номоу, потрѣба
бѣ҆ ѥ҆же ѿ свѣтил'ника приложениꙗ. сльньце
бо бѣ҆ правед'ноѥ. нь понѥже и҆же вь пльти
кри́ѥмаго б҃а познаваше ꙗ҆ко вь нощи і҆оудеискаго

---

1) исповѣдательно — ὁμολογουμένως — sine controversia.

2) Въ ориг. ἐν χώρᾳ, въ смыслѣ—in dignitate, in ordine.

3) ѥвь водѣ і҆ѡаноу въ ориг. нѣтъ.

4) неѡразоумѣти — ἀγνοεῖν — ignorare. Предъ этимъ словомъ въ ориг. Ἰωάννης, ἀδελφοί...

5) Въ ориг. οὐκ ἠπάτησεν αὐτὸν ἡ φαινομένη σάρξ, ἀλλὰ περιέλαμπεν αὐτὸν ἡ κρυπτομένη δύναμις.

6) Псалт. CXXXI, 17.

7) прѣдиарицати се — προαναγορεύεσθαι — praenominari.

8) Въ ориг. οὐκ ἐπειδὴ τῷ Θεῷ Λόγῳ...

ѹстроєнїа свѣть [1]) ѡблистаѥ [2]) бж҇твнаго
словесе. нарицаѥт'се свѣтил'никь, вь лѣпотоу.
[VIII] и҆ зрите див'ноѥ братиѥ, ѥ҆г҇а прїиде на
пл҇ътьскоѥ смотрениѥ, и҆же кь намь пришьд҇ы
в҇лка, ч҇лвкь ч҇лвколюбиꙗ ради бывь, и҆ стран'ноѥ
чюдо. б҇ь вь ч҇лцѣхь. вь рабѣхь в҇лка. творць
сь твореньми. ѿсꙗ҇ѥи кь ѿсꙗ҇ѥмымь. Тогда
і҆ѡ҇ань проповѣдоуѥть достоиньство. и҆ бѣ҇
видѣти оужасн҇о и҆ прѣслав'но чюдо [3]). свѣтил'ныка
приѥмлюща сл҇нце праведноѥ [4]). и҆бо всѣ҇ и҆з-
бавителꙗ г҇а, и҆збавлѥниꙗ трѣбоуѥ҇и ч҇лвкь.
кр҇ти, не дрьзостиѭ прѣ҇вьсхытив'се.
нь повелѣнию поработив'се. тог҇а оу҇бо
тогда, стекошесе два҇ пр҇рчьска г҇лса.
г҇лсь вьпиющаго вь поустыни [5]). и҆ г҇лсь
г҇нь на водахь [6]). Проповѣд'ныкь и҆стины вьпиѥть,
и҆ б҇ь славы вьз'грьмѣ [7]). И бѣ҇ тамо поклон'наꙗ троица, [8])
своѭ славоу ѿблистаюѿщи. ѿ҇ць сьвыше с҇на
проповѣдоуѥ. с҇нь низоу и҆спльнꙗѥ бж҇твеноѥ [9]) смотрениѥ.
д҇хь с҇ты запечатлꙗѥ бж҇твноѥ таиньство. и҆ г҇лсь толикь
бываѥть свѣ҇тельствоующоу сьвыше ѿ҇цоу, своѥмоу ѥ҆дино-
родномоу. ꙗко же разр҇ати се н҇бсемь. вьсходещоу во р҇е
і҆с҇оу ѿ воды. разр҇аше се н҇бса [10]). не бо стрьпѣше г҇лса
толикаго свѣдѣтельства, оужасше се бж҇твьнаго
смотрениꙗ. [IX] Нь зри҇ чюд'ноѥ, г҇лсь с҇їи н҇бса разр҇а,

---

1) свѣть вмѣсто λύχνος въ оригиналѣ.

2) Въ ориг. ἀπαστράπτων. И περιαστράπτειν и ἀπαστράπτειν передавались одинаково.

3) Въ ориг. ἦν ἰδεῖν ξένον θαῦμα.

4) Въ ориг. Ἰησοῦν, опущенное въ переводѣ.

5) Исаія XL, 3.

6) Псалт. XXVIII, 3.

7) Ibid.

8) поклоньнъ—προσκυνητός—adorabilis, adorandus.

9) «бж҇твеноѥ» въ ориг. нѣтъ.

10) Матѳ. III, 16.

а҆́ще прр҃чьствомь и҆ а҆́пⷭ҇льствомь. и҆ а҆́рхиєреи-
ствомь ѡ҆дѣꙗсе, что кь мнѣ иже вь людьскѡ҃
чи҆ноу причтен'номоу. Паче же оу҆бо за в'се чл҃вкы
бы҃ чл҃вкь, чл҃вколюбивы҃. а҆́ще ли хо́щеши
того и҆ людина чи҆нь приємлюща видѣти
тебе ради. посоудивь себѣ и҆ смотри хо́тещеѥ҆
се҆ рещи исповѣдательно [1]). кр҃теи҆, не вь странѣ [2]) ли
ѥ҆ сщ҃ен'ныка. крьщаємы҃, не вь чи҆ноу ли лоудина҃
ѥ҆. зри҆ оу҆бо ї҆ѡа́нна крщ҃ающа вь чиноу сщ҃ен'ныка.
и҆ крщ҃аєма х҃а вь чи҆ноу людина. Дн҃ь бо̀
братиѥ҆ дн҃ь ѥ҆же во́дами испльни смотрениѥ҆.
не ѿ водь҃ ѡ҆сщ҃аємь. нь҃ во́дамь ѡ҆сщ҃ениѥ
подаѥ҆. ї҆ѡа́нь и҆спльнꙗше ѡ҆бра́зь сщ҃ен'нычьскы҃.
пристоупаєть и҆збавитель вьселєн'ныє. крьщаю-
щомоу вь водѣ ї҆ѡ҃аноу [3]) крщ҃аєи҆ вь дс҃ѣ. Цр҃ь
кь пр҃тчи. б҃ь кь прр҃коу, не неѡразоумѣ [4]) достои́ньства,
смотрениꙗ ради. не смете ѥ҆го ѡ҆бразь телесны҃. не прѣльсти
ѥ҆го ви҃маго зра́ка неви҃маꙗ си́ла [5]). ю҆же и҆
невѣдоущимь проповѣдаше. свѣтил'никь бо̀ бѣ҃ ст҃ы҃
див'ны҃. свѣтил'никь, ѡ҆ нєм'же оуготова҃
свѣтил'никь х҃оу моємоу [6]), прр҃кѡ҃ ре҃ се.
свѣтил'ник' же ї҆ѡа́нь прѣднарицаше се. [7]) не понєже
бж҃ию словеси [8]) свѣтоу и҆стин'номоу, потрѣба
бѣ҃ ѥ҆же ѿ свѣтил'ника приложениꙗ. сльньце
бо бѣ҃ правед'ноє. нь҃ понєже и҆же вь пльти
кри҆ємаго б҃а познаваше ꙗ҆ко вь нощи ї҆оудеискаго

---

1) исповѣдательно — ὁμολογουμένως — sine controversia.

2) Въ ориг. ἐν χώρᾳ, въ смыслѣ—in dignitate, in ordine.

3) «вь водѣ ї҆ѡаноу» въ ориг. нѣтъ.

4) неѡразоумѣти — ἀγνοεῖν — ignorare. Предъ этимъ словомъ въ ориг. Ἰωάννης, ἀδελφοί...

5) Въ ориг. οὐκ ἠπάτησεν αὐτὸν ἡ φαινομένη σάρξ, ἀλλὰ περιέλαμπεν αὐτὸν ἡ κρυπτομένη δύναμις.

6) Псалт. CXXXI, 17.

7) прѣднарицати се— προαναγορεύεσθαι—praenominari.

8) Въ ориг. οὐκ ἐπειδὴ τῷ Θεῷ Λόγῳ...

ѹстроѥнїа свѣть [1]) ѡблистаѥ [2]) бж҃твнаго
сло́весе. нарицаѥт'се свѣтил'никь, вь лѣпотоу.
[VIII] и҆ зрите див'ноѥ братиѥ, ѥ҆г҃а прїиде на
пл҃тьскоѥ смотрениѥ, и҆же кь намь пришьды̑
вл҃ка, чл҃вкь чл҃вколюбиꙗ ради бы̑вь, и҆ стран'ноѥ
чюдо. б҃ь вь чл҃цѣхь. вь рабѣхь вл҃ка. твор́ць
сь твореньми. ѡ҆сщ҃аѥи҆ кь ѡ҆сщ҃аѥмы̑мь. Тогда
і҆ѡ҃а́нь проповѣдоуѥть достои́ньство. и҆ бѣ̑
видѣти оу҆жасно̑ и҆ прѣслав'но чюдо [3]). свѣтил'ныка
приѥмлюща сл҃нце праведноѥ [4]). и҆бо̀ всѣ̑ и҆з-
бавителꙗ г҃а, и҆збавлениꙗ трѣбоуѥ́и҆ чл҃вкь.
кр҃ти, не дрьзостию̑ прѣ̑вьсхытив'се.
нь повелѣнию поработив'се. тог҃а оу҆бо̀
тогда, стекошесе два̑ прр҃чьска гл҃са.
гл҃сь вьпиющаго вь поустыни [5]). и҆ гл҃сь
гн҃ь на водахь [6]). Проповѣд'ныкь и҆стины вьпиѥть,
и҆ б҃ь сла́вы вьз'грьмѣ [7]). И бѣ̑ тамо поклон'наꙗ тро́ица, [8])
свою̑ славоу ѡ҆блистаю̑щи̑. ѿц҃ь сьвы́ше сн҃а
проповѣдоуѥ̑. сн҃ь низоу и҆спльнꙗѥ бж҃твеноѥ [9]) смотрениѥ̑.
дх҃ь ст҃ы запечатлꙗѥ̑ бж҃твноѥ таи́ньство. и҆ гл҃сь толикь
бы̑ваѥть свѣ̑тельствоующоу сьвы̑ше ѿц҃оу, своѥ̑моу ѥ҆дино-
род'номоу. ꙗ҆ко же разр҃ати се нб҃семь. вьсходещоу бо рѣ̑
і҆с҃оу ѿ во́ды. разр҃аше се нб҃са [10]). не бо̀ стрьпѣше гл҃са
толикаго свѣдѣтельства, оу҆жасше се бж҃твьнаго
смотрениꙗ. [IX] Нь зри̑ чюд'ноѥ, гл҃сь сьи҆ нб҃са разр҃а,

---

1) свѣть вмѣсто λύχνος въ оригиналѣ.

2) Въ ориг. ἀπαστράπτων. И περιαστράπτειν и ἀπαστράπτειν передавались одинаково.

3) Въ ориг. ἦν ἰδεῖν ξένον θαῦμα.

4) Въ ориг. ἰησοῦν, опущенное въ переводѣ.

5) Исаіи XL, 3.

6) Псалт. XXVIII, 3.

7) Ibid.

8) поклоньнь—προσκυνητός—adorabilis, adorandus.

9) «бж҃твноѥ» въ ориг. нѣтъ.

10) Матѳ. III, 16.

а҆ єретыки не оустраши. сїи҆ є҆ с҃нь мои҆ вьзлюблѥн'ны, того послоушаите[1]). Понѥже прѣ҃вары законь проповѣдоуѥ, и҆ пр҃рци бл҃говѣствоующе. да не кто првѣ'нымь оустроѥмь ї҆оудеискаго слоуженїа вьземлѥмь, ѿтресеть ї҆армь є҆ульскыѥ бл҃гти. бж҃твьныи гл҃сь расоуж҃даѥть рабноѥ[2]) ѿ вл҃чнаго д҃отоиньства. того послоушаите, того, кого[3]). ꙗвѣ ꙗко х҃а. и҆спльнѥнїѥ во законоу х҃ь[4]). и҆спльнѥнїѥ бл҃гыхь і҃сь. а҆ще бо и҆ прѣ҃варꙗхоу закон'на[5]) бл҃гвенїа, нь не бѣхоу сьврьшен'на, ѿжидающе г҃а нашего. ѿ нѥм'же р҃е чюд'ныи[6]) павль. и҆спльнѥнїѥ во законоу х҃ь. и҆ хощеши ли ѿ вещеи ꙗвьствьно тебѣ прѣ҃ставлю и҆стиноу, свѣ҃тельствоующоу р҃ен'нымь. вьн'ми ѿпасно. повелѣ мωуси законоположитель разѣлити се ѿбѣма надесете колѣнома ї҆ср҃лѥвѣма. и҆ шесть оубо колѣнь вьзв҃е на гороу гевал'скоую. шесть же на гарїзиньскоую гороу. и҆ повелѣваѥть ѿнѣмь оубо бл҃гвлꙗти, ѿвѣм' же проклинати. бл҃гвлꙗти оубо и҆справлꙗющїи законь. проклинати же прѣстоупающихь. что оубо ѿ клетвахь вѣ всѣ наводимо запечатлѣнїѥ[7]). рекоуть бо р҃е[8]) левите, проклеть ѿставлꙗѥи г҃а б҃а[9]). и҆ рекоуть в'си лю҃дїѥ, а҆минь[10]). и҆ на коѥиждо заповѣди, на҃лежаше ѥже а҆минь прѣстоупающимь ѿ клетвѣ[11]). ѿ бл҃гвлѥни же рекоуть р҃е левите. бл҃гвнь хранеи законь г҃нь. бл҃нь на селѣ, бл҃нь вь градѣ[12]). бл҃гнь

1) Ibid., 18; XVII, 5 и Петра второе посланіе, I, 17.

2) раб(ь)нь — οἰκετικός — famularis, servilis.

3) «того, кого» — въ ориг. нѣтъ.

4) Ср. Римл. XIII, 10: πλήρωμα οὖν νόμου ἡ ἀγάπη.

5) Въ ориг. ἐν τῷ νόμῳ τῷ Μωσαϊκῷ.

6) «чоудьныи» въ ориг. нѣтъ, но повторяется πλήρωμα νόμου Χριστός, вмѣсто приведеннаго выше выраженія апостола Павла.

7) запечатлѣнїѥ — ἐπισφράγισμα — sigillum.

8) «р҃е» въ ориг. нѣтъ.

9) Второз. XXVII, 26, 15. Въ ориг. ἐπικατάρατος ὁ ἐγκαταλιμπάνων τὸν νόμον.

10) Въ ориг. слѣдуетъ опущенное въ переводѣ: ἐπικατάρατος ὁ δουλεύων θεοῖς ἀλλοτρίοις, καὶ ἐρεῖ πᾶς ὁ λαός. Ἀμήν.

11) «ѿ клетвѣ» въ ориг. нѣтъ.

12) Второз. XXVIII, 3. Слѣдующаго: «бл҃гнь вь бранн» — въ ориг. нѣтъ.

вь бра́ни. и҆ никако же а҆́минь, ни на є҆диномь
ѿ бл҃гвлєнїихь. Что̀ оу҆бо, клетви ли приємлють запе-
чатлѣниє. бл҃гословлєниꙗ же не приємлють печати.
что̀ оу҆бо̀ хощеть сложениє[1]). что сказоуєть гананиє.
є҆лико ѹбо̀ мощьнь боу҆ потьщоусе прои́ти, вашею
любовию вьскрилꙗємь. Ѿреченїи оу҆бо
клетви, бѣ҆ и҆спльнытель законьѣ. бл҃го-
вѣстиємь[2]) же оу҆тврьдитель і҆с҃ь. прѣбыше
бл҃гвениꙗ несьврьшен'на.[3]) понєже по҆баше
ꙗ҆же оу҆бо законоу своꙗ, да́ти се закономь. а҆
ꙗ҆же є҆ѹ҆льскыє бл҃гти сьхра́нити се[4]). сего ради
прѣбыше бл҃гвениꙗ, є҆же а҆́минь приложениꙗ,
прочеє и҆скоуще сло́весе[5]). [X] и҆ да не нѣкомоу вьзьмнит'се
поноу҆жено бы́ти бл҃гтию[6]), нь паче ѿ са́моє и҆стины
свѣ҆тельствоуємо. Слы́ши прѣмоудраго[7]) Па́вла гл҃юща. г҃ь бо
на́шь і҆с҃ х҃ь не бы҆ въ нємь є҆и҆ и҆ ни҆. нь в҆са вь нємь є҆и҆ бы́ше.
є҆лика бо̀ ѡ҆бещаниꙗ бж҃иꙗ вь нємь, є҆же є҆и҆. и҆ са́моє
тѡ҆ є҆же а҆минь кь сла́вѣ бж҃иєи҆[8]). Ѿсоу҆ є҆ ре҆нноє разоумѣти
ѿ самого а҆п҃ла. ꙗ҆ко мрьтвыхь соущїихь на҆ прѣгрѣшеньми҆,
и҆ неѡ҆брѣзаниємь пльти нашеє. сь собою животвори.
даровавь намь в҆са прѣгрѣшениꙗ. ѡ҆цѣстивь
є҆же на ны роукописаниє[9]). Понєже оу҆бо̀ в'сако
роукописаниє оу҆тврьжа҆ет'се, и҆ прѣзьпрѣдѣльствомь

---

1) сложениє — σύνθημα — symbolum (compositum, signum, sigillum). Далѣе начиная словомъ «є҆лико» и кончая словомъ «вьскрилꙗємь» — въ оригиналѣ нѣтъ.

2) Въ ориг. εὐλογιῶν.

3) Въ ориг. послѣдняго выраженія нѣтъ.

4) Вѣроятно пропущено: «благодати».

5) «словесе» въ оригиналѣ нѣтъ.

6) «благодатию» въ оригиналѣ нѣтъ.

7) «прѣмоудраго» въ ориг. нѣтъ.

8) Коринѳ. второе посланіе, I, 19, 20.

9) Колосс. II, 13—14. Слѣдующимъ выраженіямъ, оканчивающимся словомъ «слышещїимь», соотвѣтствуетъ въ оригиналѣ нижеслѣдующее: ποῖον χειρόγραφον; ἔχεις τούτου τὴν ἀπόδειξιν. ὅτε γὰρ ὑπηγόρευσε τὰς κατάρας ὁ νόμος, τὸ Ἀμὴν τοῦ λαοῦ ὑπογραφὴ ἦν τῶν ἀκουόντων.

дб҃домь. и҆ но́щь просвѣщениѥ пищи[1]) моѥи҆, ꙗ҆ко т҆ма
не ѡ҆мрачит҆се ѿ тебе, и҆ но́щь ꙗ҆ко дн҃ь
просвѣтит҆се[2]). толика доброта ѡ҆блиста́ѥть
цр҃квь[3]). ѡ҆сиꙗваѥт҆же на ню҆ ꙗ҆ко же нѣкы̀ вѣ́нць
бл҃голѣпиꙗ, до́ѥнь вѣн҆цоу цр҃твыꙗ҆. ѥ҆го же да҆ б҃ь
вьселен҆нѣи҆, ѿ бл҃гаго̀ корѣне, бл҃гаꙗ процвѣтьши вѣтьвь.
ѥ҆г҃а же сиꙗ рекоу, двои̇цоу братеи҆, и҆ сьгласиѥ пою҆
цр҃твыꙗ҆. а҆ще и бж҃твноѥ и҆стиньствоуѥть сло́во.
брать братомь помагаѥмь, ꙗ҆ко гра́дь крѣп҆кь.
и҆ ꙗ҆ко ѹ҆тврьжѐнно цр҃твиѥ. сы̀ соуть двѣ̀
маслинѣ тоучьнѣи҆. ѥ҆̀же прѣ̀стоѥть гв҃и всеѥ
землѥ. цвѣти бл҃гочьстиꙗ, стльпы и҆стины̀,
ѡ҆стѣнꙗю́ще цр҃квь. понѥже и҆ х҃ь тѣ̀ ѡ҆стѣнꙗѥть
цр҃тво, а҆́зь же вижоу вѣт҆вы сь корѣнениѥмь,
бл҃жен҆наго цр҃а сиꙗю́ща сь чеди. не бо оу҆мреть
сла́ва пра́ведны̀мь. вь паметь бо̀ вѣчноую҆
боудеть пра́вныкь. зри̇ши ли сиꙗю́ща ѡ҆бразомь
своимь. ѡ҆бра́зомь не безьдш҃нымь. нь ѡ҆бразомь
живы̀мь. сматраю҆ прѣ̀варив҆шаго, и҆
оу҆жасаю҆ се. Како в҆са расиповахоусе рат҆наꙗ страшилища,
вѣр҆на̀го ве́ликаго цр҃а. вѣра ѡ҆ного ѡ҆ц҃а,
ѡ҆стѣнꙗѥть чеда цр҃твиꙗ б҃ь прѣ̀водеи҆ ѡ҆наго
ц҃ра, прѣ̀водить и҆ пл҃о ѡ҆ного, и҆же ѿ бл҃город҆наго
прозеб҆шихь корѣна, пом҃лим҆се братиѥ, да
сьхранет҆се свѣтил҆ници х҃ртиꙗн҆скаго
бл҃гочиниꙗ, вѣтвы маслин҆ныѥ. два̀

---

1) Въ ориг. ἐν τῇ τρυφῇ μου. Или въ оригиналѣ была описка τροφή вм. τρυφή, или переводчикъ прочиталъ неправильно.

2) Псалт. CXXXVIII, 11—12. За симъ слѣдуетъ опущенное въ переводѣ: τοσοῦτον φῶς...

3) Послѣ этого въ оригиналѣ слѣдуютъ заключительныя строки: Γένοιτο δὲ ἡμᾶς, ἀδελφοί, θείᾳ χάριτι πάντοτε καταλαμπομένους τῷ παναγίῳ θεῷ δόξαν ἀναπέμπειν, ᾧ πρέπει δόξα καὶ τιμὴ εἰς τοὺς αἰῶνας. Ἀμήν. Передачею этихъ же словъ оканчивается и славянскій текстъ, но предъ ними читаемъ еще 66 строкъ славянскаго перевода или текста, оригинала котораго нѣтъ въ греческой рукописи Синодальной б-ки.

свѣтил'ника бл҃гочьстиꙗ. ѡстѣнениꙗ
ц҃рков'наꙗ. Нь̀ да нѣктѡ вьзмнить ласка-
ниꙗ быти сло́веса, нь и́стин'ныѥ вещи̑.
є҆и̑ ре̑, да чл҃вкь ли ѡстѣнꙗѥть ц҃рковь̀; и̑
зѣлѡ. и̑ли не вѣси ꙗко б҃ь великаꙗ даѥи̑
чл҃вкѡ̑, мала просити ѿ на̑. да̑ ман'ноу вь
поустыни̑. и̑ и̑щеть ѿ сщ҃ен'ныкь̀ хлѣбы̑.
да̑ ман'ноу и̑ просить хлѣбы, гл҃ѥ. Положи на
трапезѣ хлѣбы̑ прѣ̑ мною̑ [1]). да̑ стльпь ѡ̆гньны,
и̑ ре́че. положи свѣщ'ныкь прѣ̑ мною̑, толикь
источ'ныкь свѣта дароуѥть, и̑ свѣщьныкь
заѥмлѥть. да и̑ми же ӑзь дароую̑, ѡ̑билиѥ
покажоу. а̑ и́миже приносите, бл҃годарениѥ
и̑спльните. ѡ̑блистаѥт'же пакы ц҃рковь
прьвоѥ и̑ ст҃ыми ѡ̑ц҃и. Нь̀ по̑блаѥть мѣроу
вѣдети словесе. Мѣра же слова не гл҃ѥи̑,
нь послоушаѥи̑. понѥже истаꙗше тѣлеса
ваша не троуд'нымь оу̑срьдиѥмь. ноуж̑но ѥ̑ смѣрити
слово, и̑ здѣ̑ сьставити. и̑ ѡ̑свѣщати се бж҃твною
бл҃гтию̑. ѡ̑свѣщаваѥт'же на̑ ст҃аꙗ троица,
ѿчь҃скоѥ прѣ̑сѣданиѥ. в'сеѥ ц҃ркве гов'зованиѥ.
И̑ ꙗко же цвѣт'наꙗ и̑ бл҃гомаст'наꙗ ц҃ркыѥ
ѡ̑деже̑. сл҃нчноую лоучоу приѥмлюща. и̑ стѣны,
и̑ покровы̑, и̑ прѣ̑стоѥщеѥ чл҃вкы ѡ̑блистаю̑ть.
И̑ ꙗкова̑ а̑ще боудеть масти доброта, таково
вьз'доуха бл҃гомастиѥ сьдѣловаѥть. любо позла-
щен'на, любо зелена, любо багрѣнови́д'на. и́ли
кь каковомоу любо̀ ѹкрашен'на ѥ̑. цвѣтомастиꙗ
хытрость. Сице и̑ ц҃рквь, ѡ̑вога оу̑бо̀ приѥмлѥть
лоуче пр҃рчьскыѥ. ѡ̑вога же є̆у̑льскыѥ бл҃гти
дѣиство. ꙗко же тоиж̑е стати по пр҃рчьскомоу
гл҃соу. пьстры̑ми ѡ̑деждами сиꙗющоу, по ре̑н'номоу.

---

1) Ср. Исходъ, XXV, 30 и слѣд.

прѣ҆ста цр҃ца, ѡ҆десноую҆ тебе, въ риза҃ позлащен'нахь, ѡ҆дѣѩн'на прѣиспьщрен'на [1]). Почто ѥ҆же прѣ҆ста да и҆стиньствоуѥть. па́вьль гл҃ѥ. прѣ҆стави себѣ слав'но цр҃квь, не имоущоу скврьни, и҆ли враски, и҆ли что сицевы̀хь [2]). Боуди же и҆ намь братиѥ бж҃твьною бл҃гтию҆ вс҃ега҃ ѡ҆свѣщаѥмы̀мь. вс҃ест҃омоу бо҃у слову [3]) вьз'силати. ꙗ҆ко томоу по҃баѥть всака слава чт҃ь дрьжава величьство [4]), вь вѣкы вѣкѡмь, а҆минь ⁘ ⁘ ⁘ ⁘

---

1) Псалт. XLIV, 10.
2) Ефес. V, 27.
3) Описка, вм. «славу».
4) «дрьжава величьство»—въ оригиналѣ нѣтъ.

„Завѣты двѣнадцати патріарховъ“ въ старинной чешской письменности.

Апокрифическіе «Завѣты двѣнадцати патріарховъ», роль которыхъ въ югославянской и особенно въ русской старинной литературѣ (именно въ «Толковой» Палеѣ) такъ значительна, давно уже обратили на себя вниманіе изслѣдователей, впрочемъ, преимущественно русскихъ, каковы: Н. С. Тихонравовъ, И. Я. Порфирьевъ, Н. К. Никольскій и др.

Въ западно-славянскихъ литературахъ, въ частности въ чешской, эти «Завѣты» также принадлежатъ къ памятникамъ старинной (до Гусовой) эпохи, пользовались извѣстной популярностью еще въ XVII вѣкѣ, сохранившись и въ рукописяхъ и въ старопечатныхъ изданіяхъ. Не менѣе популярны были «Завѣты» и во всѣхъ средневѣковыхъ литературахъ: мы знаемъ ихъ, не говоря уже о греческомъ текстѣ, въ переводахъ: латинскомъ, англійскомъ, французскомъ, валлисскомъ, нѣмецкомъ, датскомъ, исландскомъ, наконецъ, армянскомъ[1]). Считаясь довольно важнымъ памятникомъ ранней христіанской литературы, въ частности по вопросу христологіи, «Завѣты» давно обратили вниманіе

1) Перечень см. R. Sinker. Testamenta XII patriarcharum. Appendix. Cambridge 1879, p. 8 sq. Русско-югославянскіе тексты Sinker'у остались неизвѣстны; чешскій (p. 21—23) извѣстенъ былъ ему по сообщеніямъ А. Я. Вртятка.

также и ученыхъ спеціалистовъ, I. E. Grabe, Фабриція[1]) и новѣйшихъ изслѣдователей[2]).

Въ чешской же ученой литературѣ почему-то этому памятнику не посчастливилось: до сихъ поръ нѣтъ ни научнаго изданія этого во всякомъ случаѣ для чешской литературы довольно древняго памятника, ни обстоятельнаго о немъ изслѣдованія. Не претендуя на полное изслѣдованіе исторіи этого памятника, я рѣшаюсь сообщить о немъ нѣсколько своихъ замѣчаній въ надеждѣ, что они вызовутъ и приведутъ къ болѣе глубокому и точному обслѣдованію «Завѣтовъ» въ старинной чешской литературѣ.

Приведу прежде всего то, что до сихъ поръ (по крайней мѣрѣ, по скольку я могъ услѣдить) было извѣстно о «Завѣтахъ двѣнадцати патріарховъ» въ чешской ученой литературѣ. Надо сознаться, что извѣстно о нихъ очень немного: все больше упоминанія вскользь по поводу ближайшихъ литературныхъ сосѣдей «Завѣтовъ», нежели о нихъ непосредственно, или по иному какому либо случаю. Первое и самое, по моему, обстоятельное извѣстіе дано было I. Добровскимъ, который въ своихъ «Geschichte der böhmischen Sprache und ältern Literatur» (изд. 1818, Прага), перечисляя памятники чешскаго языка за періодъ 1310—1410 годовъ, отмѣтилъ три текста рукописныхъ «Завѣтовъ» (это были: въ Моравіи въ Липникѣ у піаристовъ, въ Бреславлѣ у доминиканъ (рук. 1491 г.) и въ Прагѣ въ унив. библ. 1465 г.), два старопечатныхъ текста XVI в. (1545, 1570); онъ же намѣтилъ и сосѣдскую связь текста «Завѣтовъ» съ книгами: «Жизнію Іосифа», «Асенеѳью» и отчасти съ «Адамомъ и Евой». Но самое существенное въ сообщеніи I. Добровскаго то, что онъ, ука-

---

1) Первый предпослалъ обстоятельное введеніе къ своему изданію (Oxoniae 1698), второй цѣликомъ его перепечаталъ (Cod. pseudepigr. veteris testamenti, Hamb. 1722, I, 496—518).

2) Назову, хотя бы, L. F. Schnapp'a. Die Testamente der zwölf Patriarchen (Halle, 1884., Niemeyer), R. Sinker'a Testamenta XII patriarcharum. An attempt to estimate their historic and dogmatic Worth (Cambridge 1869, 125 стр. изслѣдованія кромѣ текста).

завши на то, что чешскій переводъ «Завѣтовъ» былъ извѣстенъ уже Ѳомѣ Штитному[1]), этимъ доказалъ, что въ XIV вѣкѣ (около 1376 г.) переводъ чешскій уже существовалъ[2]). Дальнѣйшіе историки литературы къ сообщенію Добровскаго прибавили лишь немногое. Такъ, І. Юнгманъ въ Historie literatury české (изд. 2-е, Прага, 1849) указалъ, повторивши извѣстное уже отъ Добровскаго, еще то, что чешскій переводъ сочиненія, которое «ač později složený, náleží mezi ony spisy, w kterých se nějaký obraz předhistorického světa zachoval», сдѣланъ съ перевода Роберта Grosseteste'a, еп. Линкольнскаго (ок. 1272), привелъ полное заглавіе старопечатнаго заглавія 1545 года; отмѣтилъ еще изданіе 1551 года; наконецъ, вмѣстѣ съ книгой объ Адамѣ и Евѣ, Жизнью Іосифа и Асенеѳью, занесъ «Завѣты» въ число «духовныхъ романовъ»[3]). Противъ этого послѣдняго взгляда высказался, не внося, впрочемъ, кромѣ того, ничего новаго І. Иречекъ (Rozpravy, 1860, str. 77), считая (и совершенно справедливо) «Завѣты» за рядъ поучительныхъ трактатовъ о нравственности (naučení o ctnostech). Съ этимъ соглашается и А. Я. Вртятко, въ предисловіи къ своему изданію «Асенеѳи»[4]). Кромѣ того, указавши на латинскій оригиналъ «Завѣтовъ» въ одной изъ музейскихъ рукописей (1. D. 9.), Вртятко сообщаетъ о не отмѣченной еще чешской рукописи, гдѣ есть «Завѣты», именно, Музейской 23. B. 39. (ок. 1470), приводя записи, въ этой рукописи находящіяся. Если сюда присоеди-

---

1) Цитата у Штитнаго: «yakoz prawye gedny knyzky gesto gsu o wssech synech Jakubowych».

2) Ук. соч., стр. 176—177.

3) II, 136 (str. 40). Кстати отмѣтимъ ошибку І. Юнгмана: онъ совершенно напрасно приписываетъ Добровскому указаніе, будто первое изданіе чешскихъ «Завѣтовъ» относится къ 1548: Добровскій правильно отмѣчаетъ 1545 г., но расходится въ опредѣленіи формата этого изданія: у него 8⁰, у Юнгмана 12⁰, что при близости этихъ форматовъ для старинной бумаги не играетъ никакой роли. Эту ошибку, повидимому, на основаніи сообщенія Вртятка по Юнгману повторилъ и Sinker въ своемъ изданіи «Завѣтовъ» (см. ук. соч., стр. 22), отмѣтивши два изданія: 1545 и 1548 годовъ.

4) Č. Č. M. 1862, I, 64.

нить замѣтку I. Гануша (въ Doplňky a dodavky k Jungmannově Historii literatury české, I (Praha, 1869), 22), указывающую на существованіе еще одного старопечатнаго изданія (именно 1601 года), и нѣсколько словъ о чешскихъ текстахъ у упомянутаго нами уже R. Sinker'a (Cambridge 1879, стр. 21—22), то мы, кажется, исчерпали все, что до сихъ поръ могли собрать о чешскихъ текстахъ «Завѣтовъ 12 патріарховъ»: другія извѣстія, разсѣянныя, по разнымъ изданіямъ, сводятся къ повторенію приведенныхъ выше свѣдѣній.—Въ итогѣ этихъ библіографическихъ справокъ получаемъ главнымъ образомъ почти только группировку матеріала для дальнѣйшаго изслѣдованія: рядъ рукописныхъ текстовъ, гдѣ встрѣчаются между прочимъ и «Завѣты», рядъ старопечатныхъ изданій ихъ, указаніе на то, что «Завѣты» — памятникъ не моложе XIV вѣка въ чешской письменности, что переводъ сдѣланъ съ латинскаго, который не старше XIII вѣка (Робертъ Grosseteste), наконецъ, — наблюденіе, что чаще всего «Завѣты» встрѣчаются вмѣстѣ съ «Жизнеописаніемъ Іосифа» и «Асенеѳью».

Присматриваясь же ближе, какъ къ самымъ текстамъ «Завѣтовъ», такъ и къ тѣмъ рукописямъ, гдѣ они встрѣтились, можемъ извлечь еще нѣсколько новыхъ чертъ для литературной исторіи чешскихъ «Завѣтовъ».

Въ моемъ распоряженіи — двѣ чешскія рукописи пражскихъ библіотекъ и старопечатное изданіе. Первая, старшая, рукопись 1465 г. принадлежитъ университетской библіотекѣ (сигн. B. XVII, 15, č. 9), отмѣченная уже I. Добровскимъ. Нѣкоторый интересъ представляетъ самый составъ этой рукописи, характеризуя ту литературную компанію, въ которую попали «Завѣты», а это въ свою очередь, характеризуетъ воззрѣніе чешскаго книжника XV в. (а, можетъ быть, и писца — составителя оригинала рукописи 1465 г.) на апокрифическіе «Завѣты». Поэтому представляю краткое описаніе рукописи. Въ первой половинѣ рукописи[1]) — книги новаго и ветхаго завѣта, съ

1) Въ ней всего 382 л. in f°; начало и конецъ утрачены.

предисловіями бл. Іеронима, иногда другихъ, въ такомъ составѣ и порядкѣ:

Л. 1 — 47d — евангелія: Марка, Луки, Іоанна (Матѳей, повидимому, пропалъ съ началомъ рукописи): Skonaly su se cztenie cztyrz Euwangelist a poczina se obecznie przedmluwa swateho Ieronima we wsseczky Episstoly takto; и дѣйствительно, л. 47d—151a заняты посланіями апостольскими съ апокалипсисомъ: skonal se gest zakon nowy (л. 151a). Въ числѣ посланій апостольскихъ находимъ, кромѣ каноническихъ, рѣдкое, небольшое «Лаодикійское» посланіе (л. 86a—86b), безъ обычнаго при другихъ посланіяхъ Павла введенія. Это апокрифическое посланіе, сыгравшее, какъ извѣстно, и въ русской литературѣ XV в. такую видную роль, именно, въ движеніи нашихъ жидовствующихъ,[1]) въ чешскомъ переводѣ до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не издано[2]). Пользуюсь случаемъ издать его по нашей рукописи.

Tuto Episstolu pisse k Laodyczenskym.

(86a) (1.) Pawel apposstol ne od lidii ani skrze człowieka, ale skrze Gesu Krista bratrzim, kterżiżto gsu w Laodiczii. (2) Milost wam a pokog od Boha Otcze a Pana Gezisse Krista. (3) Dieky cżinim Bohu memu skrze kazdu modlitbu mu, że gste w niem a trwagice zaslibenie oczakawagicze w den sudny. (4) Aniż was przewraczugte niekterych marnomluwenie prawiczych, aby was odwratili od prawdy cztenie, kterez se ode mne kaze. (5) A nynie vcżinit' Buoh, że ti, kterżiż gsu ze mne k prospiechu praw-

---

1) Оно переведено съ западнаго (латинскаго) оригинала извѣстнымъ Ѳеодоромъ Курицынымъ; ср. Н. С. Тихонравовъ, Сочиненія I, 266 (и прим. стр. 66).

2) Оно лишь отмѣчено І. Иречкомъ въ его Rukověť'u (Praha 1875), s. v. apostrphy (I, 19), съ замѣткой, что старшій изъ извѣстныхъ текстовъ (1406 г.) встрѣченъ въ рук. капитула въ Микуловѣ. Еще текстъ того же посланія отмѣченъ Фр. Прусикомъ по пражской рукописи (у Францишканъ) A. F. 3. половины XV ст. (л. 148 a); см. Krok. 1887, V, 261.

dy cztenie przisluhugicze a czinieczė dobrotiwost skutkow y spasenie żiwota wieczneho. (6) A nynie zgiewny gsu okowy me w Kristu Gezissi, z nichżto wesselim se a radugi, (7) neb to mi gest k spaseni wiecznemu, ze tenż skutek modlitbami wassimi a napomahagiczieho ducha swateho, (8) bud to skrze żiwot neboli skrze (86b) smrth. Nebo mnie żiwu byti żiwot gest w Kristu a vmrzeti radost (9) a toteż y w was vczini, skrze milosrdenstwie swe, abysste też milowanie mieli a byli gendomyslni. (10) Protoz naymileyssi, iakoz gste slysseli przitomnost mu, zachowagte a tak czinte w bazni Bozie a budet wam żiwot na wieky. (11) Nebot Buoh gest, genż diela w was (12) a czinte bez odtahowanie, czozkoliwiek czinite, (13) neb to gest naylepssie. Naymileyssi, radugte se w Panu, a wy warugte se mrzkych wzysku. (14). Wsseczky prosby wasse zgiewny budte v Boha a budte pewni w smyslu Kristowu. (15) Kterez wieczy gsu prawe a czele a stydliwe a sprawedliwe a mile, ty czinte, (16) a ktere wieczy gste slysseli a przigieli, w srdczy zachowagte. (18) A bude wam pokog, (19) milost Pana Gesu Krista s duchem wassim, (20) a każte sobie czisti Koloczensku.

Текстъ представляетъ нѣкоторыя особенности сравнительно съ извѣстнымъ латинскимъ Гуттера[1]), давая иногда точки соприкосновенія съ текстомъ Преторія[2]).

Далѣе, л. 151a — 262a, идутъ ветхозавѣтныя учительныя книги съ обычными введеніями: Товитъ, Юдифь, Есфирь, Іовъ, Притчи Соломона, Екклисіастъ, Пѣснь пѣсней, Премудрость Соломона, Сирахъ.

Л. 262a—293c. Poczina se Registrum, to gest zprawidlo na cztenie a Episstoly, a nayprwe Nedele w Adwenth.—Недѣльныя чтенія цѣликомъ ветхаго и новаго завѣта, начиная съ великаго поста.

---

1) Изданъ у Фабриція: Cod. apocr. novi testam. (Hamb. 1703), p. 873—879.

2) Тамъ же въ варьянтахъ. Интересно отмѣтить, что въ немъ, какъ и въ латинскихъ (а также греческихъ), нѣтъ знаменитаго мѣста о разумѣ и вѣрѣ (см. Тихонравовъ, ук. цитата), на которое ссылались наши жидовствующіе.

Л. 293c — 296c. Отрывки изъ какихъ-то нотныхъ латинскихъ молитвъ, мелкія выписки; между ними (296b) — De apocriphis: sunt agiographa ter tria tres Salomonis — psalma Salomonis. Iob. Paralipomenon. Esdre. Daniel et Gester. Sunt et apocripha sequentia: Baruch, Iudith atque Ecclesiastus et Sapientia cum Machabeis Tobias.

Л. 297a—298a. Proroczstwie Ieremiasse proroka XIIII kapitola; чертежъ въ видѣ треугольника съ надписями по угламъ и сторонамъ: Pater non est Filius, Filius non est Spiritus и т. д., сходный съ извѣстнымъ позднѣе масонскимъ.

Л. 299a—310a. Nikomedowo cżtenie; о немъ см. у Поливки въ Č. Č. M. 1890 и 1891 г.: Evangelium Nikodemovo v literaturách slovanských.

Л. 310b—313a. Легенда о Вероникѣ (Wolusyan); см. также изслѣдованіе Ю. И. Поливки: Drobné příspěvky literarně-historické (Praha 1891, str. 23 слѣд.).

Л. 313b—331a: Ezdra — всѣ три книги, но не цѣликомъ, а по частямъ.

Л. 331b—337c. Adam a Eva, — извѣстный апокрифъ Vita Adae; о немъ см. Ю. И. Поливки, Příspěvky, str. 89. (изъ нашей рукоп.) и И. В. Ягича, Beiträge zu den biblischen Apocryphen (изъ Denkschriften Вѣнск. Акад., XLII. 71).

Л. 337d — 366a. Život Jozefa; текстъ изданъ два раза: А. Вртяткомъ въ Č. Č. M. 1862, стр. 175—186, 213—230, причемъ принята во вниманіе, хотя и недостаточно полно, и наша рукопись, затѣмъ Ф. Прусикомъ «Duchovní romány» (Krok 1887, стр. 321 и 1888, стр. 23). Наша рукопись представляетъ совершенно иную редакцію этой повѣсти арабско-латинскаго происхожденія: она имѣетъ большое введеніе, сильно распространена при помощи библіи, какъ о томъ и заявлено въ předmluvě (л. 337d).

Л. 366b—382. Poruczenstwie dwanadczti patriarch. Текстъ расположенъ оригинально: «Завѣты» идутъ не въ обыч-

номъ порядкѣ (т. е. начиная съ «Завѣта» Рувима): Іосифовъ «Завѣтъ», Рувима (л. 369b), Симеона (370d), Левія (л. 372b) и т. д. Текстъ — не полный, кончая отрывкомъ «Завѣта» Асирова; въ срединѣ л. 381 и 382 должны идти въ обратномъ порядкѣ, а между 380 и 382 пропалъ листъ. Эта оригинальная перестановка «Завѣта» Іосифа впереди другихъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что писавшій желалъ установить связь между «Завѣтами» и только что имъ переписанной «Жизнью Іосифа», что̀ ясно изъ послѣсловія этой послѣдней и заглавія «Завѣтовъ». Skonaly su se knihy o biehu żiwota Joseffowa y Iakoba otcze geho y o smrti gich obu sebrane z knih Genesis, z knih skladanie arabskeho a z knih o swatbie Jozeffowie—tu subotu przed hodem ducha swateho letha bozieho M. ID. LXV° (л. 366a). — Počżinagi se knihy poruczenstwij dwanadczti patriarch synow Iakobowych, czo ktery z nich synom a bratrzim swym mluwil a poruczil gest. A nayprwe o smrti Joseffowie położim pro przicżiny w przedmluwie naprzed położene. Въ předmluvě же къ «Жизни Іосифа» (л. 347d.) находимъ: «такъ какъ переводчикъ этой хроники о жизни Іосифа — братъ Альфонсъ—либо сама хроника соприкасается со многими частями библіи, которыхъ однако здѣсь (т. е. въ «Жизни Іосифа») не приведено, то поэтому для удовольствія всѣхъ чеховъ, которые охотно будутъ читать или охотно съ любовью будутъ слушать чтеніе, но которые имѣть библіи не могутъ, я съ тѣмъ, чтобы они могли имѣть полностью изложеніе всей жизни этого святого, я по порядку старательно внесъ въ свое собраніе все, что могъ найти, изъ библіи, изъ этой книги (т. е. арабской «Жизни Іосифа»), изъ книги о его свадьбѣ (т. е. «Асенеѳи») и изъ книгъ «Завѣтовъ» послѣднихъ его и его братьевъ, причемъ я не нарушилъ этимъ внесеніемъ цѣльности книгъ, ибо вездѣ на поляхъ отмѣтилъ и тѣхъ, кто послѣ будетъ переписывать, прошу отмѣчать то, что полноты ради добавлено къ этой книгѣ изъ библіи и изъ какой главы.» Далѣе авторъ объясняетъ, почему онъ желалъ все сконцентрировать около личности Іосифа; наконецъ

онъ заявляетъ: aczkoli Iozeff porzad poczytagicz gedenaczty syn byl Iakobow a w knihach o poruczenstwi dwanadcti patriarch w gedenadcztem miestie położen gest, wssak gedno ze pro geho dobroty a czistoty duostoynost pan buch byl geho nad giny bratrzii geho byl zwelebil, druhe, proto ze po otczy swem Iakobowi nayprwnieyssi vmrzel gest z bratrzii, a protoz w tiechto knihach o poruczenstwii y o smrti geho naprzed powieda na poruczenstwich a na smrti geho ginych bratrzii naporzad knihy tyto s pomoczy boži dokonam... (л. 338b). Эти заявленія, на мой взглядъ, вполнѣ разъясняютъ порядокъ «Завѣтовъ» въ настоящемъ спискѣ 1465 года (какъ теперь видно изъ приведенной выше цитаты)[1]). Я умышленно остановился нѣсколько долѣе на этой рукописи, какъ представляющей новый и интересный матеріалъ для литературной исторіи чешскихъ «Завѣтовъ».

Вторая рукопись, бывшая въ моемъ распоряженіи,— музейская 23. B. 39 — относится приблизительно къ 1470 году, какъ видно изъ записи на ней (л. 207, послѣдній): Tak su se dokonalý rzeczi dwanadct patriarchuow. Trzeti pondieli po welicze noci kdy Buchlowa dobywali leta panie Tissiczieho cztyrsteho.... dessateho. Matieg z No..... miesta rzeczeny Sup.[2]) Она (форматъ въ 12 д. л.) по составу очень проста: въ ней на первомъ мѣстѣ (л. 1—58) обычная, арабская редакція «Zivota Iosefova», на второмъ —«Assenech» (л. 586—796) и наконецъ—«Rozkazanie Rubenowa. Przipis poslednieho rozkazanie Rubenowa...» — «Завѣты 12 патріарховъ» въ обычномъ порядкѣ, по старшинству сыновей Іакова.

Наконецъ я имѣлъ подъ руками и одно только старопе-

---

1) Ср. Č. Č. M. 1862, str. 67.

2) Мѣста, обозначенныя точками — разура, по которой позднѣе написано, на первомъ мѣстѣ: Mage, на второмъ—wýho. Вячеславъ Ганка на основаніи событія (взятіе Бухлова, городка въ Моравіи) возстановляетъ первую разуру — 70, т. е. 1470 годъ, не смотря на позднѣйшую (на доскѣ переплета) запись объ исторіи рукописи, которая якобы съ 1408 г. до 1714 была замурована въ стѣнѣ Сѣдлецкаго монастыря около Кутной Горы и т. д. См. Č. Č. M. 1862 г., стр. 65.

чатное изданіе «Завѣтовъ», именно, около 1601 года.[1]) Экземпляръ (онъ—въ очень малую 8-ку)—плохой сохранности, тѣмъ не менѣе для насъ любопытный; онъ не полонъ: нѣтъ 1-го и 2-го листковъ, которые, какъ и пропавшіе нѣсколько листковъ въ срединѣ, добавлены рукописью въ началѣ XVIII вѣка, какъ можно заключать по записи на первомъ листкѣ: «Letcha panie 1713. tato knižka gest slowutnecho mužie Giržyka Doczkala souseda z miestys (sic!) Blonu». Составъ этого изданія таковъ: 1) л. ajj. Předmluwa — о томъ, какъ «Завѣты» были переведены съ греческаго на латинскій; 2) л. ajjj (об.) — Giná předmluva — о томъ, что «Завѣты», содержа важныя свидѣтельства о Христѣ, а потому долго скрываемыя невѣрными жидами,[2]) не противорѣчатъ ни ветхому, ни новому завѣту, тѣмъ болѣе, что они примыкаютъ прямо къ XLIX главѣ Бытія, почему составитель и дѣлаетъ оттуда выписку о благословеніи Іаковомъ каждаго изъ сыновей и о смерти Іакова (л. Bj—j об.); 3) затѣмъ идутъ самые «Завѣты», начиная съ Рувимова; каждому «Завѣту» предпослано нѣсколько вводныхъ строкъ, напр.: Rûben, naystarssy syn Iákobûw, kssafftuge a naučenij dáwá synûm swým, kterých hřijchûw a neprawostij magij se warowati. Wyznáwá se, w které hřijchy sám vpadl. A naposledý o Krystu Pánu prorokuge, a gey gmenuge; тоже приблизительно—передъ каждымъ «Завѣтомъ»; въ текстѣ слѣдующихъ далѣе «Завѣтовъ» иногда выдѣляются въ отдѣльные подзаголовки части, содержащія пророчества о Христѣ; напр. въ «Завѣтѣ» Іуды: «Zgewne proroctwjj o Krystu Pánu» (л. Gjj)», Завулона: «O Krystu swětle prawij (л. kjj)[3]) Послѣ листка

---

1) Экземпляръ Чешскаго Музея (сигн. 54. G. 166). Опредѣленіе года изданія принадлежитъ П. І. Шафарику, см. I. Hanuš, Dodavky a doplňky k Jungmannově hist. lit. české, I, (Praha 1869), str. 22.

2) Здѣсь же говорится о томъ, что написаны «Завѣты» были по еврейски, съ еврейскаго переведены на греческій, съ котораго переводилъ и пěyaky Robertus biskup на латинскій (л. aV).

3) Подобные же заголовки выставлены на поляхъ также въ текстѣ 1465 года.

L VIII пропали листки, на которыхъ былъ конецъ «Завѣта» Невоалимова, «Завѣтъ» Іосифа, начало «Завѣта» Веніаминова; по счету (буквами—тетрадей и цифрами листковъ въ тетрадяхъ) листковъ пропали: тетради M и N (по 8 листковъ), Oj—Ojjj; отъ остальныхъ—O V—VIII, Pj—P VIII сохранились лишь 5 листковъ (вмѣсто 16), на которыхъ читаются отрывки «Завѣта» Іосифова и начало Веніаминова. «Завѣты» кончаются на л. Rjj: «Skonáwagij se testamentowé, aneb kssafftowé, dwanácti patryarchůw, synůw Iákobowých. 4) л. Rjj—Y VIII—Gistoria, kteraž slowe Assenath; также съ пропусками и рукописными дополненіями: въ тетрадкѣ R не достаетъ послѣдняго (8-го) листка, Xj и X VIII, Yj—VIII вписаны позднѣе. Т. о., особенность этого старопечатнаго текста составляютъ два предисловія, отсутствующія въ нашихъ рукописяхъ; общаго у него съ ними то, что и здѣсь мы находимъ соединенными вмѣстѣ «Завѣты» и «Асенеѳь».

Вотъ весь матеріалъ, на основаніи коего можно, хотя приблизительно, намѣтить литературную исторію чешскаго перевода «Завѣтовъ». Первый и естественный вопросъ, который приходится ставить, это—о самомъ переводѣ: одинъ ли онъ и тотъ же во всѣхъ нашихъ трехъ текстахъ, или различный? Прежде всего, простое сопоставленіе нашихъ трехъ текстовъ съ очевидностью показываетъ близость между собою текста рукописи 1465 года и изданія 1601 года, ведя насъ къ предположенію, что, если нѣтъ основаній ставить въ зависимость изданіе непосредственно отъ текста 1465 г., то во всякомъ случаѣ имѣемъ возможность возводить оба текста къ одному прототипу; въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ текстъ 1465 г. отклоняется отъ текста 1470 года, онъ совпадаетъ или даетъ чтеніе близкое къ печатному, и, естественно, чтенія изданія 1601 г. въ своихъ отклоненіяхъ отъ рукоп. 1470 г. находятъ оправданіе въ рукописномъ 1465-го. Для примѣра привожу нѣсколько выписокъ.

Przepis poruczenstv
nowa, kterekoli wieczy
gest synom swym
vmrzel gest we stu
mezdczietmem letie
Po dwu lethu smrt
k nemocznemu sh
se k nawsstieweni
geho a synowe syn
rzekl gest gim: Syn
gi, jat' vmieram
otczow mych. A
a Gaad y Asser,
rżekl gest gim:
mne, bratrzie,
y synom mym,
w srdczy swem
zhynutit' zagist
A stoge czelow
cże rzekl gest:
zie mogi, a vs
synowe Rube
czożkoliwiek
ay oswiedczug
beskeho dnes,
w nevmielost
smilstwi, w
ia a posskw
Iakoba lo
wam
ranu
za se

gim až do dne sudneho.	hodi az do dne sudu. Zdraw
biesse, kdyz powolal	biesse, kdyz powolal gich k so-
k sobie: zgeweno gest'	bie, nebylo geho tayno (sic!),
gemu że vmrzieti mie-	ze giz vmrzieti gmiegiesse. A
A kdyz zhromazdili su	kdyz su se sebrali, rzekl k nim:
mu, rzekl gest k nim:	Ja, Lewi w Canaan poczat sem
wi, w Aran poczat sem y	a tudiez se narodil a potom
tu, a potom przissel	sem przissel s otczem mym do
otczem mym do Sychy-	Sychynis... (л. 96)
372b).	

1601 г. Przijpis slow Léwij, kteréž zřijdil swým (sy- podlé wssech wěcý, kteréž činiti magij a kterékoli přihodij až do dne saudného. Zdráw byl na ten čas, když powolal swých k sobě, neb zgeweno bylo gemu, že měl brzo A když se sessli k němu, mluwil k nim Léwij toto: W počat gsem y narozen, a potom gsem přissel s otcem mým chem... (л. D).

Приведенныя сопоставленія, ясно, заставляютъ отдѣлять 1470 года отъ двухъ остальныхъ. Но какъ смотрѣть на анты, даваемые этимъ текстомъ? Привлеченіе латинскаго анала, къ которому восходятъ наши тексты, по крайней рѣ, рукописный 1465 г. и старопечатный (о чемъ заявляется предисловіи къ печатному), показываетъ прежде всего, что а текста, 1465 г. и печатный 1601-го, ближе передаютъ, собенно первый, латинскій текстъ[1]), нежели рукопись 1470 г., оторая даетъ отклоненія; отклоненія эти, при отсутствіи почти полномъ варіянтовъ въ латинскомъ текстѣ[2]), объясняемы быть могутъ или инымъ переводомъ, который можетъ представлять

1) По крайней мѣрѣ тотъ, который изданъ I. E. Грабе и перепечатанъ Фабриціемъ (Cod. pseudepigr. vet. test., I (1722), 519 слѣд.). Ср. Migne, Diction. des apocr. I, 853 sq. Я подъ рукой имѣю только изданіе Фабриція.

2) Очень немногіе отмѣчены у Фабриція. Латинскими рукописными текстами (напр., указаннымъ Вртяткомъ въ Č. Č. M. 1862, str. 64 — Музейскій 1. D. 9) я пользоваться не могъ во время работы.

wam zagisté že porazyl me byl Pán ranau welikau w bedrách mých na sedm měsěcůw. A kdy by byl otec můg Iakob nemodlil se za mně Pánu Bohu, chtiel mě Pan zabiti a byl bych zahynul. Byl gsem w letěch we tržidceti, když včinil gsem to zle před Panem Bohem, a sedm měsěcůw byl gsem nemocen až k smrti, a pro zachowánij dusse mé sedm leth pokánij gsem činil před Pánem Bohem, wina a nápoge opogného nepil gsem a žadné masso newchazelo w usta ma ani chleba žádostiweho neokusil gsem, ale plakal gsem truchliw gsa pro můg hřijch, neb weliky byl hřijch..... Sedm duchůw dono gest proti člowěku od Beliala, a onit' gsu hlawa skutkům mladosti. A sedm duchůw su gemu (totiz mládency) na pokussenij aby byl w nich každy skutek... (л. Bj—jj).

Przepis slow Symeonowych, kterez mluwil gest synom swym drziewe než gest vmrzel steho a dwadczateho letha žiwota geho, w kteremžto letie vmrzel gest Jozeff. Przissli su zagiste geho nawsstiewowat' nemocneho, a pozdwižen gsa sediel gest a czelowal gest ge a rzekl gim: Slysste, synowe, slysste Symeona... (л.—371a).

Przeloženie rzeczi a slow Symeona, ktere mluwil gest k synom swym przed smrti po stu k tomu dwanasteho leta, kterežto leto vmrzel gest Jozeff. Przissli k Symeonowi chtiecz nemocneho nawsscziewiti, a powstaw sede a czelowal gest gie a rzekl k nim: Slysste, synowe, Symeona... (л. 89).

Изданіе 1601 г. Přzijpis slow Symeonowých, kteraž mluwil synům swým, dřijwe než vmřel steho a dwadcatého letha žiwota geho, w kteremžto léthě vmřel Józeff. У přissli synowé geho, aby nawsstijwili nemocného. A pozdwijžen gsa, sedl a obgijmage ge polijbenij gim dáwal a řekl gim: Slysste, synowé, slysste Symeona.... (л. Cjj).

Prziepis slow Lewi, kteražkoli zrziedil gest synom swym podle wssech wieczy, kterez cžiniti magi a kterekoliwiek przi-

Przipis rzeczi a slow Lewi, ktere gest prawil synom swym podle wssech biehuow, ktere cziniti budu a coz se gim przi-

hodie se gim aż do dne sudneho. Zdraw biesse, kdyz powolal gest gich k sobie: zgeweno gest' zagiste gemu że vmrzieti miegesse. A kdyz zhromazdili su se k niemu, rzekl gest k nim: Ja, Lewi, w Aran poczat sem y narozen tu, a potom przissel sem s otczem mym do Sychyny... (л. 372b).

hodi az do dne sudu. Zdraw biesse, kdyz powolal gich k sobie, nebylo geho tayno (sic!), ze giz vmrzieti gmiegiesse. A kdyz su se sebrali, rzekl k nim: Ja, Lewi w Canaan poczat sem a tudiez se narodil a potom sem przissel s otczem mym do Sychynis... (л. 96)

Изд. 1601 г. Przijpis slow Léwij, kteréž zřijdil swým (synům) podlé wssech wěcý, kteréž činiti magij a kterékoli přihodij se gim až do dne saudného. Zdráw byl na ten čas, když powolal synuow swých k sobě, neb zgeweno bylo gemu, že měl brzo vmřijti. A když se sessli k němu, mluwil k nim Léwij toto: W Aram počat gsem y narozen, a potom gsem přissel s otcem mým do Sýchem... (л. D).

Приведенныя сопоставленія, ясно, заставляютъ отдѣлять текстъ 1470 года отъ двухъ остальныхъ. Но какъ смотрѣть на варьянты, даваемые этимъ текстомъ? Привлеченіе латинскаго оригинала, къ которому восходятъ наши тексты, по крайней мѣрѣ, рукописный 1465 г. и старопечатный (о чемъ заявляется въ предисловіи къ печатному), показываетъ прежде всего, что оба текста, 1465 г. и печатный 1601-го, ближе передаютъ, особенно первый, латинскій текстъ[1]; нежели рукопись 1470 г., которая даетъ отклоненія; отклоненія эти, при отсутствіи почти полномъ варіянтовъ въ латинскомъ текстѣ[2]), объясняемы быть могутъ или инымъ переводомъ, который можетъ представлять

1) По крайней мѣрѣ тотъ, который изданъ I. E. Грабе и перепечатанъ Фабриціемъ (Cod. pseudepigr. vet. test., I (1722), 519 слѣд.). Ср. Migne, Diction. des apocr. I, 853 sq. Я подъ рукой имѣю только изданіе Фабриція.

2) Очень немногіе отмѣчены у Фабриція. Латинскими рукописными текстами (напр., указаннымъ Вртяткомъ въ Č. Č. M. 1862, str. 64 — Музейскій 1. D. 9) я пользоваться не могъ во время работы.

текстъ 1470 года, или измѣненіями, произошедшими уже на чешской почвѣ и нашедшими выраженіе въ означенномъ текстѣ. Какое изъ двухъ предположеній ближе къ истинѣ, сказать при упомянутой однообразности или, м. б., правильнѣе, скудости матеріала, даваемаго изданіемъ Фабриція, конечно, трудно; все-таки, пользуясь и тѣми скудными данными, которыя можетъ представить сличеніе обѣихъ группъ чешскихъ текстовъ съ латинскимъ и ихъ же между собою, кажется, можно въ видѣ предположенія высказать, что мы имѣемъ передъ собою скорѣе всего *два* перевода съ латинскихъ текстовъ, весьма близкихъ другъ къ другу. Вотъ тѣ соображенія которыя можно привести въ пользу нашего предположенія. Во первыхъ, обращаетъ на себя вниманіе при сопоставленіи обоихъ текстовъ рукописныхъ съ латинскимъ своеобразный въ каждомъ изъ нихъ переводъ отдѣльныхъ латинскихъ словъ; такъ:[1])

testamentum въ рук. 1465—poručenství, въ рук. 1470—rozkazání.

quaecunque—kterekoli wieczy—cozkoliwiek

priusquam—prwe nez—drzewe nezli

congregati sunt—chromazdili su—sestali su se

vado viam—gdut' czestu—gdu na cestu

abscondita—skrytych wieczy—tayneho

in ignorantia juventutis—w nevmielosti mladosti—w neodpornosti mladosti

Dominus—Pan—hospodin[2])

occidere—zabiti—vmorziti.

sicera—opogisstie—pitie chutneho

panem desiderii—chleba żadosti—chleba pochotneho

omne opus—każdy skutek—wsseckno dokonanie

consistentia—podstata—stanie

---

1) Ограничусь для краткости преимущественно лишь первымъ «Завѣтомъ» — Рувима.

2) Эта разница въ передачѣ повторяется не разъ и далѣе, указывая уже на пріемъ писца (переводчика?).

spiritus somni—duch snu—duch spanie
coitus—sgitie—zplozenie
ignorantia—neumielost—nerozumnost и т. д.

А вотъ для образчика еще характерный для отношенія къ латинскому тексту отрывокъ (разсказъ идетъ о грѣхѣ Рувима съ Валой):

Рук. 1465 г.

Slysste Rubena otcze wasseho: nessetrzte v widieni żen aniż samotnie bywayte s żenu, kterażto gest pod mużem, aniż zpytugte diel żenskych. Bylt' bych newidiel ja Baaly (jak) ona se myge w skrytem miestie nevpadl bych w neprawost weliku. Znamenawssi sagiste mysl ma żensku nahotu nedopusstiesse mnie spati dokawadż sem neuczinil ohawnosti. Nebo kdyż nebylo doma Iakoba otcze meho, a byl gest v Isaaka otcze sweho, kdyż byli sme my w Gadir bliż v Effraty domu Bethleema, Baala opila se biesse a spiecz odkryta leżiesse na luoži. A ia wssed a wida nahotu gegii dokonal sem nesslechetnost a opustiw gi spieczy wyssel sem. A yhned angel panie zgewil gest otczy memu Iakobowi o nesslechetnosti me (л. 370a).

Рукоп. 1470 г.

Posluchaite Ruben otce wasseho: nemyslte k hledenie żeny ani sam bywag s żenu, ktera gest v malżenstwi, ani ptayte vczinkow żenskych. Bych ia byl newiediel..... mi(stie) sukrownie[1]), byl bych ne vpadl w nesslechetnost mu. Znamenawsse mysl ma nahost żensku nedopustila mi spati aż sem vczinil tu weliku ohawnost. Neb kdyz Iakob, otec moy, biesse v Isaaka otce sweho a my biechom w Gady blizko v Effrata y domu v Betlema, Bala opila se a leziesse odkryta hlawu swu w pokogi. A ya wssed wida odkrytu vczinil sem zly skutek a nechaw gie spiece odssel sem. A yhned angel bozi snesl to na otce meho Iakoba mu nesslechetnost (л. 84—84 об.).

1) Текстъ попорченъ.

Audite Ruben partem vestrum: non attendatis in visione mulieris, neque singulariter sitis cum foemina, quae est sub viro, neque circumscrutemini operationem mulierum. Nisi enim vidissem Ballam balneantem in coopetro loco, non incidissem in iniquitatem magnam. Concipiens enim mens mea muliebrem nuditatem, non sivit me dormire, usque quo operatus sum abominationem. Absente enim Jacob, patre meo apud Jsaac patrem suum, existentibus nobis in Gader, proximo Ephrata domus Bethlehem, Balla erat ebria; et dormiens relevata jacebat in cubiculo, et ego ingrediens et videns nuditatem ipsius, operatus impietatem, et derelinquens eam dormientem, egressus sum. Et confestim angelus Dei revelavit patri meo Jacob de impietate mea (Cap. III, pag. 524—526).

Число такихъ сопоставленій можно бы увеличить во много разъ, даже изъ одного «Завѣта» Рувима. Эти сопоставленія показываютъ, несомнѣнно, различное отношеніе къ подлиннику (если даже предположимъ его тожественнымъ по чтеніямъ для того и другого случая): въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснить различную передачу одного и того же обычнаго для чешскаго читателя латинскаго слова различными чешскими, нежели различіемъ переводившихъ? Ср., напр., передачи: somnus, Dominus, occidere, priusquam, absconditus, coopertus и т. д. Это соображеніе не допускаетъ также мысли о томъ, чтобы въ текстѣ 1470 года мы имѣли передъ собой справу (хотя бы по тожественному латинскому оригиналу) болѣе ранняго перевода, напр., читаемаго въ рукописи 1465 года. Другія сопоставленія, вродѣ: ignorantia, sicera, panis desiderii и т. п., подтверждаютъ наше предположеніе, указывая на различное толкованіе переводившимъ выраженія его подлинника. Во вторыхъ, нѣкоторое указаніе на различіе, въ мелочахъ, положимъ, латинскихъ текстовъ, бывшихъ у переводчиковъ, даютъ отчасти тѣ немногіе варьянты, какіе приведены у Фабриція; такъ, напр. различіе въ чтеніяхъ: A *stoge* czelowal gest ge (рук. 1465 г., л. 369b) — a *powstal* (w?) celowal (рук. 1470 г., л. 80), быть можетъ, объясняется изъ разныхъ

латинскихъ: Et *stans* osculatus est eos, и: Et *surgens* osculatus est eos. (Фабр., 520); at' neokrasslugi hlaw a zrakow swych (л. 370c)=ut non ornent capita et visus earum; aby swych hlaw przelissnu okrasu ne ozdobowali a hledanie sweho *ssirocze ne kladli* (л. 86 об.—87)=ut non ornent capita et visus earum *castigent* (Фабр. 529); zbudit' zagiste buoh z Lewi, iakożte knieze, knieze, a z Judy, jakożto krale, boha a czlowieka (л. 372a)= Suscitabit enim Dominus ex Lewi *ut principem* (—pe?) sacerdotem, et ex Juda, *ut regem* (rege?), Deum et hominem; z Judy hospodin, z Lewi knieze w knieze a z Juda, jako krale boha a czlowieka (л. 95)[1]=S. e. D. ex Lewi pr. sacerdotum ex Juda ut regem, Deum et hominem. Наконецъ, м. б. не лишена значенія для нашего предположенія и внѣшняя старина текстовъ: 1) рукоп. 1465 года «Завѣты» называетъ: poruczenstwie, рук. 1470 г.—poslednie rozkazanie; 2) текстъ 1465 г.—даетъ полные заголовки съ указаніемъ основной темы поученія каждаго патріарха, напр.: Kapitola trzetie o smrti Symeonowie kteryżto wyklada se vslyssenie[2]), a vczii warowati se zawisti (л. 370d.), что̀ напоминаетъ латинское: Testamentum Symeonis de invidia; или: Kapitola cżtwrta o smrti Lewi, kteryż se wyklada przidanie, nebo potwrditel towarzistwa. Vczii o kniezstwu a o warowani pychy (л. 372b.)=Testamentum Lewi, de Sacerdotio et superbia и т. д.; текстъ же 1470 г. въ заголовкахъ даетъ только имя патріарха (Lewi, Symeon...), что̀ до извѣстной степени напоминаетъ такія же краткія обозначенія греческаго текста (напр., въ изданіи Грабе-Фабриція); 3) наконецъ, нельзя не замѣтить, что весьма вѣроятнымъ представляется, что въ оригиналѣ перевода по рукоп. 1465 г. мы можемъ предполагать присутствіе предисловія о судьбѣ оригинала еврейскаго, переводѣ на греческій, а съ этого послѣдняго на латинскій: тоже-

1) Испорчено.

2) Эти объясненія значенія имени каждаго патріарха, быть можетъ, должны быть отнесены на долю усерднаго редактора рукоп. 1465 г. (см. выше, его предисловіе).

ственный по переводу текстъ въ изданіи 1601 года, какъ мы видѣли, сохранилъ введенія, которыя, м. б., случайно или, м. б., сознательно выпустилъ собиратель рукописи 1465 года; въ текстѣ же 1470 года, гдѣ никакихъ слѣдовъ редакторской работы мы не замѣтили, а текстъ «Завѣтовъ» начинается въ срединѣ рукописи (стало быть, дефекта въ ней нѣтъ въ этомъ мѣстѣ), гдѣ къ тому же сохранено извѣстіе о переводѣ на латинскій языкъ «Асенеѳи», въ этомъ текстѣ замѣтки либо предисловія о переводѣ «Завѣтовъ» нѣтъ: весьма возможно, что его не было и въ томъ латинскомъ сборникѣ, гдѣ обычно встрѣчались «Завѣты» вмѣстѣ съ «Жизнью Іосифа» и «Асенеѳью», каковой сборникъ мы въ правѣ предположить и для перевода въ рукописи 1465 года и изданія 1601 года[1]): разница для оригинала послѣднихъ — въ присутствіи введенія о переводѣ.

Т. о. собирая въ одно всѣ наши замѣтки о чешскихъ текстахъ «Завѣтовъ», мы можемъ сдѣлать весьма вѣроятное предположеніе о существованіи *двухъ* переводовъ «Завѣтовъ» на чешскій языкъ, изъ коихъ одинъ (какой, сказать трудно) былъ уже во второй половинѣ XIV в. извѣстенъ Штитному. Одинъ изъ этихъ переводовъ, именно, заключающійся въ рукописи 1465 г. и изданіи 1601 года, былъ, несомнѣнно, сдѣланъ съ латинскаго, какъ о томъ говорится въ предисловіяхъ (первомъ и второмъ) къ печатному изданію: «Долгое время книга эта, любезный читатель, скрыта и недоступна была по зависти и злости невѣрныхъ жидовъ изъ за истинныхъ и ясныхъ пророчествъ о Христѣ Господѣ и Спасителѣ нашемъ, любезномъ всему роду человѣческому..... Только впослѣдствіи греки, которые были изслѣдователями старыхъ дѣяній и событій, ее нашли и съ великимъ трудомъ и усердіемъ пере-

---

1) Также и старшихъ изданій; см. Юнгмана, ук. соч., стр. 40. Аналогичный составъ латинской рукописи см. въ статьѣ Вртятка въ Č. Č. M. 1862, стр. 64. Другіе тексты также часто соединяютъ: «Асенеѳь», «Жизнь Іосифа», «Адама и Еву» (см. Krok. 1887, ст. Прусика).

вели съ жидовскаго языка на греческій. Были эти «Завѣты» долго скрыты и утаены, и ни одинъ изъ ученыхъ, которые знали оба эти языка (т. е. греческій и еврейскій), не смѣлъ попытаться переложить ихъ на языкъ латинскій вплоть до времени Роберта II, называемаго Grossetestus, епископа Линкольнскаго. Робертъ этотъ, не съумѣвъ нажить какого-либо состоянія, послалъ нарочитыхъ пословъ въ греческую землю, чтобы добыть названную книгу, въ которой изложены столь важныя и ясныя пророчества о Христѣ. И когда онъ ее добылъ (будучи самъ хорошимъ знатокомъ обоихъ языковъ), онъ слово въ слово правильно и основательно перевелъ её на латинскій языкъ, въ 1272 году, съ тѣмъ, чтобы этотъ памятникъ, содержащій ясныя пророчества утвержденія вѣры христіанской, остался на вѣки. Имѣлъ онъ также себѣ въ помощь мистра Николая, настоящаго грека, ректора и клирика въ городѣ Dacheth, аббата св. Альбана». (Ajj—jjj).

Вотъ взятая изъ латинскаго оригинала исторія «Завѣтовъ» до перевода ихъ на чешскій[1]). Отсутствіе упоминанія перевода на какой либо иной (кромѣ латинскаго) языкъ исключаетъ предположеніе о какомъ либо посредствующемъ между латинскимъ и чешскимъ переводѣ, напр., нѣмецкомъ. Слѣдовательно, повидимому, дѣло съ переводомъ «Завѣтовъ» обстояло такъ: латинскій сборникъ, гдѣ были, кромѣ нихъ, «Асенеѳь», «Жизнь Іосифа», м. б., «Адамъ и Ева», считавшійся чѣмъ то въ родѣ дополненія къ собранію библейскихъ книгъ (ср. составъ рукоп. 1465, францишканской рукоп. A. F. 3)[2]), былъ цѣликомъ переведенъ на чешскій въ XIV вѣкѣ. Съ подобнаго же сборника былъ сдѣланъ и другой переводъ, сохранившійся въ рукописи 1470 года. Зачѣмъ понадобилось два перевода, объяснить не берусь.

Таковы наши наблюденія. Высказывая ихъ лишь въ видѣ

---

1) Ср. заглавіе латинскаго рукописнаго текста въ 1. 0. 9. Музея Чешскаго, Č. Č. M. 1862, str. 64.

2) Krok. 1887, V, 260—261.

предположеній и сознавая недостаточность матеріала для окончательнаго рѣшенія вопроса, позволю себѣ повторить сказанное раньше: быть можетъ, мои замѣтки вызовутъ и приведутъ къ болѣе глубокому и точному обслѣдованію исторіи «Завѣтовъ» въ чешской старинной письменности: «Feci, quae potui: faciant meliora potentes!».

М. Сперанскій.

Нѣжинъ 1904.

Легенда объ Эзопѣ по папирусу изъ Файума.

Среди греческихъ литературныхъ папирусовъ, входящихъ въ составъ коллекціи В. С. Голенищева, находится между прочимъ одинъ любопытный памятникъ, содержаніемъ котораго служитъ отрывокъ изъ βίος Αἰσώπου. Въ своемъ настоящемъ видѣ папирусъ имѣетъ форму довольно длиннаго листа, высота котораго равняется 32 сант., тогда какъ ширина, не превышая въ началѣ 10 сант., сводится мало по малу къ 2-мъ: дѣло въ томъ, что приблизительно съ середины папирусный листъ благодаря неправильному облому переходитъ въ узкую полоску съ остатками уже не фразъ, какъ это наблюдается на первыхъ 27 строкахъ, а отдѣльныхъ словъ и буквъ. (Такъ напр., послѣдняя строка лицевой стороны состоитъ изъ одного σ).

Письмо заполняетъ собой обѣ стороны памятника, причемъ на recto—число строкъ равняется 52, а на verso—не превышаетъ 47. Далѣе, если на recto оно поддается разбору безъ особаго труда, то этого нельзя сказать про verso, гдѣ отъ большинства буквъ остались лишь одни болѣе или менѣе ясные контуры, благодаря чему дешифровка становится мѣстами очень проблематичной. Скажу больше: она — поскольку дѣло касается verso — была бы совсѣмъ невозможной, если бы нѣкоторой помощи не оказывало намъ то обстоятельство, что сохраненная папирусомъ vita очень близко подходитъ къ vita, опубликованной въ 1835 году Вестерманномъ (Vita Aesopi, ed. Westermann.

Brunswigae — Londini, 1845). Лишь съ помощью послѣдней и удается кое-гдѣ возстановлять отдѣльныя слова, а затѣмъ путемъ сравненія догадываться, о чемъ идетъ рѣчь. Но и на recto, собственно говоря, ни одной фразы не сохранилось полностью: всё время мы имѣемъ дѣло только съ обрывками предложеній, такъ что и въ данномъ случаѣ Вестерманновская публикація оказываетъ намъ не малую пользу.

Такимъ образомъ, если затрудненія, доставляемыя папирусомъ, съ одной стороны объясняются сравнительно плохой сохранностью письма, то съ другой — ихъ нужно относить и на счетъ жалкаго состоянія самого памятника, обломаннаго и справа и слѣва.

Составлялъ ли тотъ листъ, съ которымъ намъ приходится имѣть дѣло, часть папируснаго кодекса или же онъ былъ только однимъ изъ отдѣльныхъ, не связанныхъ въ кодексъ листовъ, сказать трудно. Собственно говоря, оба предположенія вполнѣ допустимы, такъ какъ и первое и второе засвидѣтельствованы рядомъ фактовъ[1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одно изъ нихъ въ приложеніи къ нашему случаю не можетъ быть доказано въ виду отсутствія какихъ бы то ни было рѣшающихъ данныхъ. Вѣдь нельзя же считать такимъ даннымъ сравнительно большой форматъ папируснаго листа (32 сант.), какъ это, напр., дѣлаетъ Dziatzko (o. c., 128) по поводу Женевскаго папируса, содержащаго Γεωργός Менандра?

Такимъ образомъ, этотъ вопросъ, въ сущности, не безразличный для исторіи книжнаго дѣла въ древности, приходится оставить открытымъ. Можно отмѣтить только, что нашъ листъ былъ, повидимому, пагинированъ. По крайней мѣрѣ, на верху его оборотной стороны почти что у самаго излома справа можно различать остатки какой то буквы, надъ которой шла горизонтальная черточка: отсюда ясно, что буква играла роль цифры.

---

1) Dziatzko. Untersuchungen über ausgewählte Kapitel des antiken Buchwesens, 127 слл. и 143 слл.

Но въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же принципомъ пагинаціи, который находимъ между прочимъ въ Ватиканской библіи, а также въ содержащемъ отрывки изъ Еврипидовскаго «Реса» папирусѣ Парижской Національной Библіотеки[1]).

Что касается письма папируса, которое, какъ мной было указано, занимаетъ обѣ его стороны, то оно представляетъ собой овальный уставъ, снабженный довольно сильнымъ наклономъ вправо. Въ общемъ этотъ уставъ не лишенъ стройности и даже однообразія по отношенію къ формамъ отдѣльныхъ буквъ, хотя съ другой стороны, въ немъ трудно подмѣтить тонкость въ выдѣлкѣ буквенныхъ элементовъ: разницы между толстыми и тонкими чертами въ немъ почти нѣтъ, наоборотъ, большинство буквъ снабжено одинаково-грубымъ нажимомъ, что̀ въ связи съ ихъ тѣсной посадкой придаетъ всему письму характеръ слитности. Ясно выраженныхъ курсивныхъ оттѣнковъ въ письмѣ нашей рукописи незамѣтно, если не считать за таковые пробивающейся кое-гдѣ излишней удлиненности лѣвой косой въ χ и правой въ λ,—черта, κατ' ἐξοχήν присущая византійскому курсиву V, VI и VII вѣковъ. Что же касается отдѣльныхъ буквъ, то онѣ не достаточно характерны для выдѣленія ихъ изъ общей массы: не столько онѣ сами по себѣ вносятъ особый, специфическій характеръ въ письмо, сколько — ихъ совокупность въ этомъ письмѣ, напоминающемъ собой до нѣкоторой степени «Fragmentum mathematicum Bobiense». На основаніи этого сходства, допустимаго, впрочемъ, лишь постольку, поскольку здѣсь мы имѣемъ папирусъ, а тамъ пергаменъ, равно какъ на основаніи общаго вида письма, я считаю возможнымъ датировать нашъ памятникъ VII вѣкомъ, не раньше, и видѣть въ его письмѣ прототипъ того наклоннаго устава, который достигаетъ своего высшаго развитія въ Порьфирьевской Псалтири 862 года.

Намъ нужно сказать еще нѣсколько словъ по поводу остальныхъ внѣшнихъ частностей памятника. Какъ настоящая уставная

---

1) Dziatzko, o. c., 129.

рукопись, нашъ папирусъ не имѣетъ никакихъ сокращеній кромѣ традиціоннаго обозначенія союза καί черезъ букву κ + волнистая линія и столь же традиціоннаго примѣненія горизонтальной черты при неполномъ написаніи слова ἄνθρωπος и при числовомъ обозначеніи буквы ϑ (recto, 23: $\overline{\theta}$). Iota adscriptum въ папирусѣ нѣтъ,—нѣтъ также ни удареній, ни придыханій: только ι и υ имѣютъ надъ собой точку въ тѣхъ случаяхъ, когда ими вводится слово, надъ которымъ долженъ стоять spiritus asper (recto, 7: ὑπο; 23: καϑιδρευσεν и т. д.). Далѣе, при стеченіи двухъ однозвучныхъ согласныхъ писецъ ставитъ иногда на верху между ними что-то въ родѣ запятой (recto, 15: απολ'λωνι; verso, 8: πολ'λακις) и наконецъ, какъ знакомъ препинанія, пользуется точкой, которая иногда просто отдѣляетъ придаточное предложеніе отъ главнаго. Если ко всему сказанному прибавить, что текстъ вообще отличается сравнительной грамматической правильностью и что въ папирусѣ за исключеніемъ двукратнаго смѣшенія *іоты* и *ипсилона* (recto, 7: κιματων и 8: εγγυστα), а также нѣсколькихъ средней руки ошибокъ (напр., καϑιδρευσεν вм. καϑιδρυσεν (recto, 23); αυτω вм. αυτου (verso 1); αυλεου вм. αυλειου (verso, 9 и 17) и т. д.), другихъ промаховъ и погрѣшностей нѣтъ, то внѣшнее описаніе интересующаго насъ листка будетъ закончено.

Переходимъ теперь къ разбору сохраненнаго имъ текста. Собственно говоря, этотъ текстъ не является полной новинкой для науки, такъ какъ уже въ 1885 г. онъ совершенно случайно попалъ въ руки Henri Weil'я, который и посвятилъ ему небольшую статью въ «Revue de philologie»[1]).

---

1) Эта статья воспроизведена теперь Вейлемъ безъ какихъ бы то ни-было измѣненій въ его «Études de littérature et de rythmique grecques» (Paris, 1902), 119—126. — О томъ, какимъ образомъ попалъ къ нему нашъ папирусъ, Вейль говоритъ слѣдующее: Dans une collection de papyrus et de parchemins, provenant, ce semble, d'El-Fayûm, que M. Golenischeff de Saint-Petersbourg, a confié à M. Revillout et que Revillout a bien voulu me communiquer (мило!), j'ai trouvé un feuillet de papyrus, contenant un morceau d'une troisième rédaction (de vie d'Ésope)». Ср. также C. Haeberlin, Griechische Papyri (Leipzig, 1897), 94.

Въ этой статьѣ Вейль опубликовалъ первыя 27 строкъ лицевой стороны нашего папируса, да сверхъ того воспользовался одной фразой, находящейся на verso. Ограниченный такимъ образомъ матерьялъ все-таки далъ французскому ученому полную возможность выяснить степень сродства между папирусным списком и тѣмъ позднимъ, который опубликованъ у Вестерманна, а также придти къ кое-какимъ любопытнымъ предположеніямъ. Но, отмѣтивъ главное, Вейль лишь слегка затронулъ другой не менѣе интересный вопросъ, а именно, вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ развивалось въ нашемъ спискѣ дѣйствіе и совпадаетъ ли этотъ порядокъ съ тѣмъ, котораго держится Вестерманновская редакція. Равнымъ образомъ, благодаря утилизированію только части папируса Вейль упустилъ нѣсколько новыхъ деталей и не далъ сверхъ того изложенія разсказа по папирусному тексту. Итакъ, статья Вейля представляетъ собой не столько публикацію новаго памятника, сколько отчетъ о немъ, главнымъ образомъ, съ литературной точки зрѣнія. Изъ даннаго же Вейлемъ палеографическаго описанія имѣетъ значеніе только одна подробность, на основаніи которой можно заключать, что въ 1885 году нашъ папирусъ имѣлъ нѣсколько другой видъ. «En haut pour les cinq premières lignes» — говоритъ Вейль — «la marge extérieure est intacte. Il y a là comme une oreillette, au dessous de laquelle cette marge est entamée; cependant il n'y manque que peu de lettres, quelquefois même l'écriture y est complète» (o. c., 120).

Въ настоящее время этого «ушка» нѣтъ и такимъ образомъ пользованіе транскрипціей Вейля для первыхъ 5 строкъ прямо необходимо, ибо его текстъ оказывается полнѣе нашего.

Я уже сказалъ въ началѣ своего сообщенія, что разбираемый мной папирусъ заключаетъ въ себѣ отрывокъ изъ βίος Αἰσώπου. Скажу теперь точнѣе, что этотъ отрывокъ трактуетъ конецъ «Эзоповскаго жизнеописанія» и что начинается онъ съ появленія Эзопа въ Дельфахъ.

Но такъ какъ въ папирусѣ ни одной фразы не сохранилось полностью, то я долженъ буду замѣнить переводъ простымъ

изложеніемъ, восполнивъ лакуны съ помощью уже много разъ упомянутой мной Вестермановской редакціи. Изъ первыхъ двухъ строкъ послѣ сравненія ихъ съ текстомъ Вестермана становится вполнѣ яснымъ, что въ нихъ повѣствовалось о прибытіи Эзопа въ Дельфы, гдѣ онъ, какъ и въ другихъ пройденныхъ имъ городахъ, ἐπεδείκνυτο τὴν ἑαυτοῦ σοφίαν. Но если у Вестермана недовольство Эзопа Дельфійцами мотивируется тѣмъ, что они οὐδὲν αὐτὸν ἐτίμησαν, то въ нашемъ папирусѣ дѣло, повидимому, объясняется гораздо проще: дельфійцы вначалѣ не дѣлали Эзопу никакихъ затрудненій и только извѣстной рѣчью послѣдняго объясняется перемѣна въ ихъ дальнѣйшемъ отношеніи къ нему. Надо думать, что о первой оскорбительной выходкѣ Эзопа говорилось въ 4-ой строкѣ, которая въ настоящее время носитъ на себѣ—надо признаться—довольно загадочный характеръ. Если даже передъ τοῖς ἀνθρώποις ставить, какъ это дѣлаетъ Вейль, τὰ θηρία, то и тогда вся фраза: τὰ θηρία το]ῖς ἀνθρώποις ὁμόγνωμα, остается, главнымъ образомъ, благодаря слову ὁμόγνωμα, неясной. Но что въ этихъ словахъ крылась какая то выходка со стороны Эзопа, можно заключать изъ дальнѣйшей фразы: «ἔτι δὲ καὶ προσκρούσας αὐτοῖς». Эзопъ, видимо, не удовольствовался отдаленной насмѣшкой надъ дельфійцами, которая, быть можетъ, не была понята ими, но усугубилъ её новымъ, на этотъ разъ очень яснымъ и обиднымъ сравненіемъ. По словамъ Эзопа дельфійцы похожи на носящееся по волнамъ дерево, которое издали можно принять за что-то значительное, но которое при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается ничего не стоющимъ бревномъ. Равнымъ образомъ и дельфійцы, пока Эзопъ былъ вдали отъ нихъ, внушали ему чувство уваженія, но стоило ему увидѣть ихъ ближе, какъ хорошее мнѣніе о нихъ исчезло безслѣдно.

Слѣдующая за этимъ сравненіемъ фраза, на что указываетъ вводящій её союзъ γάρ, была, такъ сказать, выводомъ изъ общаго приговора Эзопа надъ дельфійцами. Правда, въ папирусѣ она сохранилась лишь на половину, но благодаря идущему за

ней предложенію её можно дополнять почти навѣрняка и переводить всё мѣсто слѣд. образомъ: «вѣдь вы не дѣлаете ничего достойнаго вашихъ предковъ». На это дельфійцы сказали: «а кто же были наши предки»?

Въ словахъ Эзопа какъ будто кроется намѣреніе похвалить прежнихъ обитателей Дельфъ, но на самомъ дѣлѣ его рѣчь разсчитана лишь на то, чтобы при удобномъ случаѣ еще разъ и еще больнѣе кольнуть Дельфійцевъ, простодушно спрашивающихъ о томъ, кто были ихъ γονεῖς. Именно такой смыслъ, думается мнѣ, и кроется въ иронической фразѣ: οὐδὲν γὰρ ἄξιον ποιεῖτε. Отвѣтъ Эзопа не оправдываетъ надежды дельфійцевъ услышать что нибудь хорошее, наоборотъ, они узнаютъ, что ихъ предки по мнѣнію чужеземца были той частью военной добычи, которую Эллины по одержаніи побѣды имѣли обыкновеніе посылать въ даръ Аполлону, т. е., что ихъ предки были рабами. Это фраза Эзопа рѣшаетъ его участь: дельфійцы хотятъ погубить дерзкаго чужестранца, чтобы помѣшать дальнѣйшему распространенію о нихъ дурной славы.

Если до сихъ поръ текстъ папируса почти совпадалъ съ текстомъ Вестерманна, то въ описаніи того способа, съ помощью котораго дельфійцамъ удалось извести обидчика, мы имѣемъ дѣло съ традиціей, нѣсколько отходящей, какъ отъ Вестерманновской, такъ и отъ той, которая воспроизводится между прочимъ въ схоліяхъ къ Аристофановскимъ «Осамъ» (къ ст. 1446) и «Богатству» (къ ст. 130). Согласно этой традиціи дельфійцы спрятали въ поклажу Эзопа (или его раба) золотую чашу изъ Аполлоновскаго храма, а затѣмъ, когда Эзопъ вышелъ изъ города, схватили его и обвинивъ въ святотатствѣ предали смерти. Въ нашемъ папирусѣ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: дельфійцы дѣйствуютъ не одни, имъ помогаетъ самъ Аполлонъ (Ἀπόλλωνος[1]) συνεργοῦντος αὐτοῖς), обиженный тѣмъ, что Эзопъ, воздвигнувъ Музамъ, вѣроятно, жертвенникъ, какъ думаетъ Вейль, не оказалъ той же

1) Дополненіе Вейля.

почести по отношенію къ самому богу. Но въ чемъ же, спрашивается, выразилось содѣйствіе Аполлона? Свѣдѣнія, которыя даетъ намъ по этому поводу папирусъ, довольно отрывочны, но тѣмъ не менѣе изъ нихъ можно выводить слѣдующее: опасаясь, что въ случаѣ открытаго насилія ξένοι, находящіеся въ городѣ, помогутъ Эзопу, дельфійцы избираютъ другой болѣе ловкій путь. Они подкарауливаютъ Эзопова раба и, воспользовавшись его сномъ (ἀφυπνωκότα), прячутъ, надо думать, въ его пожитки какую-то вещь, взятую ими изъ храма (ἄραντες ἐκ τοῦ ἱεροῦ). Этой вещью, согласно легендѣ, была χρυσῆ φιάλη. Такимъ образомъ рабъ сдѣлался невольнымъ орудіемъ противъ своего господина и вся вина его заключалась лишь въ томъ, что онъ гдѣ-то заснулъ. Но, спрашивается, гдѣ? Вейль думаетъ (о. с. 124) [1]), что этимъ мѣстомъ былъ храмъ и что содѣйствіе бога выразилось именно въ насылкѣ сна на Эзопова служителя. Это предположеніе вполнѣ возможно и, надо признаться, отлично подчеркиваетъ всю характерность вставочнаго эпизода, котораго нѣтъ въ позднѣйшей версіи и благодаря отсутствію котораго параллельный нашему разсказъ послѣдней теряетъ въ рельефности. Такимъ образомъ, пока мы можемъ констатировать, что въ разобранной нами части отрывка есть два эпизода (вмѣшательство Аполлона и сонъ раба), которыхъ нѣтъ у Вестерманна, и что, слѣдовательно, въ этой части наша, т. е. старая, редакція была полнѣе новой, т. е. Вестерманновской.

Что касается дальнѣйшаго хода разсказа, то вначалѣ, на сколько можно судить объ этомъ по жалкимъ остаткамъ фразъ на нашемъ папирусѣ, этотъ разсказъ почти не отличался отъ разсказа позднѣйшей версіи и повѣствовалъ о томъ, какъ Дельфійцы схватили Эзопа, какъ онъ сначала отговаривался полнымъ незнаніемъ, какъ найдена была въ его вещахъ золотая чаша и какъ подъ давленіемъ такой неопровержимой улики онъ былъ посаженъ въ тюрьму.

---

1) Ср. также его дополненіе: [εἰς τὸ ἱερον εἰσελθό]ντα.

То же самое можно сказать и про дальнѣйшія подробности. Правда, тутъ нашъ памятникъ даетъ уже не фразы, а только обрывки словъ, но тѣмъ не менѣе и по нимъ можно видѣть, что, начиная съ 37-ой строки recto вплоть до 52-ой, рѣчь шла о посѣщеніи Эзопа какимъ то другомъ, на странный вопросъ котораго, о чемъ, сидя въ тюрьмѣ, горюетъ Эзопъ, послѣдній отвѣчаетъ басней о «вдовѣ и земледѣльцѣ»[1]).

Самый конецъ этой басни, равно какъ и объяснительный выводъ изъ нея, заключается въ первыхъ 3-хъ строкахъ verso, строкахъ, едва поддающихся прочтенію вслѣдствіе блѣдности письма, но тѣмъ не менѣе позволяющихъ видѣть, что сохраненный ими текстъ лишь въ одномъ мѣстѣ отходилъ отъ обще-принятаго. Сходнымъ въ общихъ чертахъ оказывается и дальнѣйшее изложеніе, въ которомъ другъ упрекаетъ Эзопа за его излишнюю ѣдкость по отношенію къ дельфійцамъ, патетически восклицая: [ποῦ σου ἡ φι]λοσοφία; ποῦ σου ὁ σεμνὸς λόγος. Въ текстѣ Вестерманна послѣ этой фразы, имѣющей тамъ нѣсколько иную форму, другъ Эзопа, не получивъ еще отвѣта на свой вопросъ, снова обращается къ Эзопу съ рѣчью, въ которой докладываетъ ему о рѣшеніи дельфійцевъ сбросить его со скалы, какъ святотатца. Въ нашемъ папирусѣ этотъ эпизодъ развивается нѣсколько иначе и, по правдѣ говоря, гораздо естественнѣе. На послѣдній вопросъ своего друга Эзопъ отвѣчаетъ басней о «глупой дѣвушкѣ», той самой басней, которая въ поздней версіи стоитъ почти что въ концѣ и, непосредственно примыкая къ другой баснѣ, не имѣетъ никакой связи ни съ ней, ни съ послѣдующимъ разсказомъ. Зато въ нашемъ отрывкѣ эта, въ сущности, довольно нецензурная басня, имѣетъ нѣкоторую связь съ вопросомъ Эзопова друга. И дѣйствительно, подобно тому, какъ глупая дѣвушка, надѣясь найти недостающій ей разумъ, своимъ поступкомъ доказываетъ, что потеряла послѣдній, такъ и Эзопъ, думая своими насмѣшками надъ дельфійцами доказать остроту своего ума, до-

1) Fab. 343, ed. Corais (Paris 1810).

казываетъ на самомъ дѣлѣ, по его словамъ, что онъ ἀπώλεσε ὃν εἶχεν νοῦν. Такимъ образомъ, первенство въ настоящемъ случаѣ остается за нашимъ папирусомъ. Остается оно за нимъ и дальше, при изложеніи послѣднихъ минутъ Эзопа. Дѣло въ томъ, что, если Вестерманновскій текстъ, какъ мной было уже отмѣчено, влагаетъ угрозу дельфійцевъ предать Эзопа смерти въ уста друга, то въ нашемъ отрывкѣ роль друга кончается съ басней Эзопа о «глупой дѣвушкѣ». На смѣну этого друга являются сами Дельфійцы, которые схватываютъ Эзопа и сказавъ ему о своемъ намѣреніи сбросить его со скалы, прибавляютъ, что не пощадятъ его, такъ какъ онъ совершилъ святотатство.

Изъ нашего изложенія, думается мнѣ, ясно, что всё дѣйствіе развивалось въ папирусѣ гораздо проще, живѣе и естественнѣе.

Появленіемъ дельфійцевъ и ихъ обращенными къ Эзопу словами заканчивается различіе между нашимъ папирусомъ и Вестерманновской версіей.

Дальше оба текста, кажется, согласовались другъсъ другомъ. Я говорю «кажется» въ виду того, что, начиная съ 24-ой строки, разборъ почти совсѣмъ исчезнувшаго письма дѣлается прямо немыслимымъ. Только съ помощью изданія Вестерманна мнѣ удалось прочесть кое-какія слова, которыя, совпадая съ печатнымъ текстомъ, помогли выясненію общей ситуаціи. На основаніи этихъ прочитанныхъ мною словъ я могу сказать, что Эзопъ, влекомый на казнь, сперва отсрочиваетъ минуту смерти, разсказывая басню о «лягушкѣ и мыши»[1]), а затѣмъ, когда она не умягчаетъ дельфійцевъ, начинаетъ другую—о «жукѣ и орлѣ»[2]).

На этой баснѣ и обрывается папирусъ.

Изъ того факта, что разобранный нами списокъ, относящійся къ VII вѣку, по бо́льшей части совпадаетъ со спискомъ позднѣйшимъ, можно, пожалуй, предполагать, какъ это и дѣлаетъ Вейль,

---

1) Fab. 245, ed. Corais.

2) Fab. 2, ed. Corais. Ср. также Schol. ad v. 1446 Arist. Vesp., и Schol. ad v. 130 Arist. Plut.

что и въ остальныхъ, не дошедшихъ до насъ частяхъ древней версіи «Эзоповскаго жизнеописанія», это сходство было столь же близкимъ и тѣснымъ. Въ такомъ случаѣ и легенда о царяхъ Ликургѣ Вавилонскомъ и Нектенабо Египетскомъ, задающихъ другъ другу αἰνίγματα и платящихъ въ случаѣ неотгадыванія дань, должна была находиться на лицо, равно какъ и описаніе всей остальной жизни Эзопа и его мытарствъ.

Но съ другой стороны, наличность отмѣченныхъ нами разногласій дастъ намъ такое же право думать, что при сходствѣ въ общемъ обѣ версіи, и древняя и новая, имѣли не мало пунктовъ, въ которыхъ онѣ болѣе или менѣе отходили одна отъ другой.

Во всякомъ случаѣ, съ полной увѣренностью можно сказать только одно, а именно, что въ VII в. la légende d'Esope était déja formée et arrêtée [1]).

VITA AESOPI

I. Papyrus.

Recto.

π]ολεις επεδειχνυτο την εαυτου σ[οφιαν
ε]ις Δελφους κακει επεδειχνυτο ο[ι δε
] το κατ αρχας ουδεν αυτω παρειχον[
τοι]ς ανοις ομοχρωμα εφη προς αυτο[υς
]αι ανδρων ετι δε κ(αι) αυτοις προσκ[ρουσας 5

II. Recensio Westermanni.

[p. 52]: περιερχομένου οὖν τὰς πόλεις τῆς Ἑλλάδος καὶ τὴν ἑαυτοῦ ἐπιδεικνυμένου σοφίαν, παρεγένετο ἐν Δελφοῖς, οἱ δὲ ὄχλοι ἡδέως μὲν αὐτοῦ ἠκροῶντο, οὐδὲν δὲ αὐτὸν ἐτίμησαν. προσκρούσας δὲ πρὸς αὐτοὺς ὁ Αἴσωπος ἔφη «ὅμοιοί ἐστε ξύλῳ ἐν θαλάσσῃ φερομένῳ· ἐκεῖνο γὰρ θεωροῦντες ἐκ πολλοῦ διαστήματος ὑπὸ κυμάτων φερόμενον δοκοῦμέν τινος χρυσίου ἄξιον εἶναι, ἐπειδὰν δὲ ἐγγυτάτω προσέλθωμεν, ἐλάχιστον ὁρῶμεν. κἀγὼ οὖν πόρρωθεν ὑπάρχων τῆς ὑμῶν πόλεως κατεπληττόμην

---

1) Weil, o. c., 126.

ομοιοι εστ]ε ξυλω εν θαλασση φ[ε]ρομ[ε]νῳ[
διαστη]ματος ὑπο κυματων φερομ[ε]ν[ον
εαν δ]ε εγγιστα ελθη ελαχιστο[ν ορ α
ο]μοιως δε καγω απο πορρωθ[εν
κατεπ]λησσομην δοκων ὑμας π[α]γ[των
]ὑμας των αλ'λων ανων πλαγ[ηθεις
διανοια]ν· ουδεν γαρ αξιον ὑ[μεις ποιειτε
ε]φησαν· τινε‹ς› γαρ [οι] γ[ο]ν[εις] η[μων
μαθε]τε· εθος ην ‹εξ› αρχ[ης π]αρα τ[οις Ελλησι
]ρντες. τω [Α]πολ'λωγι δεκ[ατην
απο ειδους εκασ]του ριον απο προβατωγ [
]απο αλλων τετραποδων απο χ[ρηματων
γυ]ναικων· εκ τουτων ὑμεις εγενν[ηθητε
ειπ]ων ο Αισωπος περι εκδημιαγ [εγενετο
Αισ]ωπον λογιζομενοι οτι εαν εις ετ[ερας πολεις
αυ]τους κακολογηση εβουλευσανγ[ο ανελειν αυτον
Απολλω]νος συνεργουντος αυτοις δια την ατ[ιμιαν οτι
τ]αις θ Μουσαις ου καθιδρυσεν αυτῳ[
]ντες ξενοι βοηθησωσιν αυ[τω

---

7. pap. κιματων. 8. pap. εγγυστα 23. pap. καθιδρεύσεν.

ὑμᾶς ὡς μεγίστους, ἐλθὼν δὲ πρὸς ὑμᾶς, ὦ Δελφοί, εὗρον ὑμᾶς ταπεινοτέρους τῶν ἄλλων ἀνθρώπων καὶ ἀχρειοτέρους ὄντας. πεπλάνημαι καλὴν ἔχων ὑπὲρ ὑμῶν διάνοιαν. ὧδε ἄξιον ποιεῖτε τῶν προγόνων ὑμῶν». ταῦτα ἀκουσάντες οἱ ἐν Δελφοῖς ἔφησαν «τίνες γάρ εἰσιν οἱ πρόγονοι ἡμῶν»; ὁ δὲ «σύνδουλοι». εἰ δὲ ἀγνοεῖτε, μάθετε· νόμος ἦν παρὰ τοῖς Ἕλλησιν, ἐὰν πόλεις καταβάλωνται, τῶν λαφύρων τὸ δέκατον μέρος πέμπειν ἀπό τε βοῶν, προβάτων, αἰγῶν καὶ τῶν λοιπῶν κτήνων, ἀπὸ χρημάτων, ἀπὸ σωμάτων ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν· ἐκ τούτων οὖν ὑμεῖς γεννηθέντες ἀνελεύθεροί ἐστε, ἐκεῖθεν γεννηθέντες τῶν Ἑλλήνων δοῦλοι καθεστήκατε». ταῦτα εἰπὼν ὁ Αἴσωπος περὶ ἐκδημίαν ἐγένετο. οἱ δὲ Δελφοὶ λογισάμενοι, ὅτι καὶ ἄν εἰς ἑτέρας ἀπελθὼν Αἴσωπος πόλεις χείρονα αὐτοὺς κακολογήσαι, ἐβουλεύσαντο ἀνελεῖν δόλῳ καὶ ὡς ἱερόσυλον αὐτὸν καταδικάσαι. παρατηρησάμενοι οὖν τὸν δοῦλον αὐτοῦ πρὸ τῆς πύλης τῆς πόλεως σκεύη φέροντα ἐνέκρυψαν εἰς τὰ στρώματα, [p. 53] ἦν ἔλαβον φιάλην χρυσῆν ἐκ τοῦ ἱεροῦ τοῦ Ἀπόλλωνος. ὁ δὲ Αἴσωπος ἀγνοῶν τὰ συνεσκευασμένα αὐτῷ ὥδευεν εἰς τὴν Φωκίδα. οἱ δὲ Δελφοὶ εἰσδραμόντες ἐκράτησαν αὐτὸν καὶ εἰσήγαγον εἰς τὴν πόλιν. διαπορουμένου οὖν τοῦ Αἰσώπου, τί τοῦτο, ἔφησαν «ἵνα τί

π]ᾳρατηρησαμενοι δε τον δουλο[ν
εισελθ]ὸντα κ(αι) αφυπνωκοτα· ενεκρυψαν [φιαλην
εις τα σκευη] αυτου εκ του ιερου αραντες· ο [δε Αισωπος
]· ω[δευ]σεν επι την Φω[κιδα
κρατησ]ᾳντες τον Αισωπο[ν
μ]ηδεν ειδεναι κ(αι) λεγον[τος
εκτιναξαντες? α]υτου τα σκευη ευρισκ[ουσι
] κ(αι) επεδεικνυον [
μετα] θυμου κ(αι) κρα[υγῆς
εδεε]το εξαφεθη[ναι
δεσ]μωτηριω[
το μελ]λον εκφυ[γειν
φίλος δε] αυτου τι[ς

Дальше шла басня о «вдовѣ и земледѣльцѣ», отъ которой на папирусѣ остались только отдѣльныя слова и конецъ которой заключается въ двухъ первыхъ строкахъ на verso.

Verso.

η δε γ]υνη επυθετο αυτου δια τι κλαιει[
]σ κ(αι) επερωτας· ολος γαρ ολοφυρο[μαι
]τυχην· ο δε φιλος εφη τω Αισ[ωπω
υβ]ριζειν τους Δελφους εν τη ιδια [αυτων πατριδι· που
σου η φι]λοσοφια· που σου ο σεμνος λογ[ος

---

26. pap. απυπνωκοτα. 34. pap. εξαφηθη[ναι 1. pap. αυτω.

ἔκλεψας ἐκ τοῦ ἱεροῦ ἃ ἡμεῖς διαβεβαιούμεθα»; τοῦ δὲ ἀρνουμένου καὶ διισχυριζομένου μηδὲν εἰδέναι, ἔτι δὲ ἀπολέσθαι λέγοντος ἐὰν καταγνωσθῇ, ἐκτινάξαντος αὐτοῦ τὰ σκεύη εὗρον τὴν χρυσῆν φιάλην τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ λαβόντες οἱ Δελφοὶ ἐπεδείκνυον πᾶσι τοῖς ἐν τῇ πόλει μετὰ πολλοῦ θορύβου καὶ ταραχῆς περικομίζοντες αὐτήν. ὁ δὲ Αἴσωπος αἰσθόμενος τὴν ἐπιβουλὴν πολλὰ ἐδέετο ἀπολυθῆναι, οἱ δὲ αὐτὸν συλλαβόμενοι ἐνέκλεισαν εἰς φυλακήν. ὁ δὲ Αἴσωπος οὐχ εὑρὼν μηχανὴν τῆς πονηρᾶς τύχης, ὡς θνητὸς ὢν δυνήσεται τὸ μέλλον ἐκφυγεῖν ἐπένθει· φίλος δέ τις αὐτοῦ κτλ. Слѣдуетъ басня о «вдовѣ и земледѣльцѣ».

[p. 54]: ὁ δὲ ἐπ' αὐτῷ λυπούμενος ἔφη «τί γάρ σοι ἔδοξεν ὑβρίζειν Δελφούς; ἡ τοιαύτη σου σοφία εἰς τὸ ὑβρίζειν πολίτας κατέληξε καὶ μάλιστα ἐν τῇ ἰδίᾳ πατρίδι».

γ]υνη τις ειχεν θυγατερα [παρθενον μωραν·
θ]εοις εφ εκαστης ημερας [
ευχομενης]δε α[υτ]ης πολ'λακις η παρ[θενος
]ε[λθ]ουσα αν[ω? τ]ης αυλε‹ι›ου [
]β[αζο]με[ην] κ(αι) προσελθ[ουσα
ε]ν[τι]θε[ναι] νουν· αναμν[ησθεισα
α]υτω [ενθε]ς κ(αι) [εμ]οι νουν· ο[
τη]ν ονο[ν . . . . . .] . . . . . .[
περιχαρης? γε]νομεν[η π]ρος την μητερ[α
ευ]χου υπηκουσαν σου οι θεοι των [ευχων
] θεοι των ευ[χ]ων μου ειπε μ[οι] τε[κνον
]ασα επανω της αυλε‹ι›ου ανηρ τ[ις
εσ]ω και εξω μ . . . . ων νουν μοι δε[
τ]εκνον απωλεσας κ(αι) ον ειχες προτ[ερον νουν· τουτο δη?
συνεβη κ(αι) ε]μοι φιλε απωλεσα γαρ ο[ν ει]χον [νουν
συνελθον]τες δε οι Δελφοι αποσπασαν[τες
]δεον δις σε βληθηναι κα[τα τ]ων [κρημνων
ε]ψηφισαμεθα σε αξιον ονα ως ι[εροσυλον
παρακ]αλων δε αυτους [α]κουσα[ι αυτου ο Αισωπος?
επιστρεψαντων]αυτων εφη· [οτε ην ομοφωνα τα ζωα μυς
φιλησας βα]τραχον εκαλεσε[ν αυτον εις το δειπνον
πλ]ουσιου οπ[ο]υ αρτο[ς ην

Дальше — лишь остатки словъ. Можно сообразить по нимъ, что за басней о «мыши и лягушкѣ» шла послѣ перерыва въ одну строку басня о «жукѣ и орлѣ».

---

19. pap. απολεσας.

По поводу строкъ 6—20 ср. Westermann, p. 56—57.

[p. 54]: ὁ οὖν φίλος πάλιν πρὸς αὐτὸν ἔφη «σὲ οἱ Δελφοὶ ἀνέκαμψαν ψηφισάμενοι ὡς βλάσφημον καὶ ἀλαζόνα καὶ ἱερόσυλον ἀπὸ κρημνοῦ βληθῆναι, ἵνα μηδὲ ταφῆς τύχῃς». ταῦτα οὖν αὐτοῦ ἐν τῇ φυλακῇ τῷ Αἰσώπῳ λαλοῦντος συνῆλθον οἱ Δελφοὶ καὶ ἐκβαλόντες τὸν Αἴσωπον ἀπὸ τῆς φυλακῆς εἵλκον μετὰ βίας ἐπὶ τὸ κατακρημνίσαι αὐτόν. Ὁ δὲ Αἴσωπος περεκάλει αὐτοὺς ἐπὶ τὸ ἀκοῦσαι αὐτοῦ. ἐπιστρεψάντων δὲ αὐτῶν ἔφη «ὅτε ἦν ὁμόφωνα τὰ ζῶα, μῦς βάτραχον φιλήσας ἐκάλεσεν εἰς δεῖπνον καὶ ἀπήγαγεν αὐτὸν εἰς ταμιεῖον πλουσίου, ὅπου ἦν ἄρτος κτλ.

Г. Церетели.

Агіологическое повѣствованіе о паденіи Аксумскаго царства.

Для изслѣдователей исторіи Абиссиніи время отъ половины VI до начала XIII в. все еще представляетъ темную эпоху. Отсутствіе современныхъ событіямъ туземныхъ памятниковъ особенно ощутительно уже въ виду того, что эта эпоха была свидѣтельницей важныхъ событій и того печальнаго переворота, когда древняя Эѳіопія, потерявъ всѣ свои заморскія владѣнія, будучи отрѣзана отъ моря и обуреваема внутренними погромами, была осуждена на отчужденіе отъ остальнаго христіанскаго міра. Культурный Аксумскій періодъ уступаетъ мѣсто полудикому амхарскому. Какъ это произошло? Абиссинскіе историки не имѣли объ этомъ непрерывнаго преданія; вмѣсто исторіи мы встрѣчаемъ для времени до XIII в. легенды, домыслы и тенденціозныя построенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы сообщили одинъ изъ такихъ позднихъ вздорныхъ разсказовъ, тема котораго—переходъ престола т. наз. «Соломоновой династіи»[1]) и который представляетъ дѣло въ иномъ видѣ, чѣмъ офиціальныя лѣтописи, династическія легенды и житія святыхъ. Теперь я обращу вниманіе на другое повѣствованіе, касающееся той-же эпохи, но останавливающееся на другомъ событіи—паденіи Аксумскаго царства. Это

1) «Богатство царей». Трактатъ о династическомъ переворотѣ въ Абиссиніи въ XIII в. Записки Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ. т. XIII, 157—171.

повѣствованіе заимствовано мною изъ пока еще неизданнаго пространнаго житія абиссинскаго святого—Іареда Сладкопѣвца, гдѣ оно является однимъ изъ «чудесъ», разсказанныхъ послѣ собственно «житія». Рукопись въ настоящее время хранится въ Парижской Національной Библіотекѣ, куда она поступила изъ бывшей коллекціи д'Аббади[1]).

«Чудо св. Іареда, великаго іерея, праведнаго и чистаго пѣвца, сладкопѣвца.

Когда почилъ Іаредъ іерей, скончавъ подвигъ свой и побѣдивъ сатану своимъ сладостнымъ пѣніемъ, всѣ іереи скиніи Аксумскаго Собора, научившіеся отъ него различнымъ пѣснопѣніемъ: псалмамъ и ваземѣ, арьяму и саламу, эзелю и араряю, четыремъ и тремъ, всему этому и подобному, всего, на сколько намъ извѣстно, тридцати родамъ пѣнія, пребывали, хваля Бога отъ дней царя Габра-Маскаля[2]), сына Калеба[3]) эѳіопскаго, дворецъ который стоялъ надъ святыней Аксумскаго собора къ сѣверу отъ монастыря аввы Ликанія[4]), одного изъ девяти святыхъ[5]), до царствованія Дегнāйзāна. Дегнайзанъ же, царь Израилевъ управлялъ Эѳіопіей силою Божіей и обходилъ ее изъ конца въ конецъ. Однажды, когда царь сидѣль за обѣдомъ, пришли іереи и привѣтствовали его, говоря: «вотъ даровалъ тебѣ Богъ такую силу! Сойдись съ женой твоей въ день, когда вамъ будетъ угодно, какъ напр. сегодня, при объѣздѣ предѣловъ Эѳіопіи». И пришла гордость на царя отъ Сатаны, и сказалъ онъ: «всегда вы говорити о силѣ Божіей, а о моей—никогда не говорите». За эти слова отторгнуто царство отъ руки его и отдано рабу его Мерāрā. Мерара умеръ скоро, когда внутренности его вышли, какъ

---

1) Описаніе см. въ Catalogue raisonné de manuscrits Éthiopiens appartenant à A. d' Abbadie, p. 219 (№ 227).

2) Половина VI в.

3) Елезвой грековъ и четыихъ миней (24 октября), побѣдитель химьяритскаго Ду-наваша.

4) На ближайшей горѣ къ с. в. отъ Аксума, иначе Дабра Куанцель «Гора Лисицъ».

5) См. о нихъ м. пр. въ моихъ «Изслѣдованіяхъ» стр. 54—65.

испражненія. Воцарился родъ, именуемый Зāгвē и (царствовалъ) до Зенā-Петроса. Этотъ Зена-Петросъ пошелъ воевать въ землю Дамотъ со всѣмъ своимъ войскомъ, (пошли) и священника скиніи со своимъ ковчегомъ. Въ тѣ дни макваненомъ Дамота[1]) былъ язычникъ по имени Маталомэ, который служилъ идоламъ. Онъ воевалъ съ нимъ, и Маталомэ побѣдилъ и отрубилъ голову Зена-Петросу. Все войско его разбѣжалось, а іереи скиніи стояли одни передъ своимъ ковчегомъ, поя громогласно псаломъ съ аллилуіей. Они говорили: «уповайте на Бога и опирайтесь на Бога» до конца — это пѣснь Іареда іерея. Когда увидалъ макваненъ Дамота, что іереи стоятъ предъ ковчегомъ завѣта Божія безъ страха, послалъ воиновъ, которые окружили ихъ и привели къ нему. И спросилъ ихъ макваненъ: «почему вы не испугались и не убѣжали отъ меня»? Отвѣчали іереи Божіи: «мы не страшимся тебя: есть Богъ нашъ на небѣ, который спасетъ насъ отъ руки твоей»! Спросилъ макваненъ: «кто этотъ Богъ вашъ»? Отвѣтили спрошенные іереи и назвали Бога небеснаго. Тогда сказалъ макваненъ іереямъ скиніи: «можете ли вы творить чудеса, подобно волхвамъ, и войдете ли вы въ огонь сегодня и выйдете ли невредимы»? Они сказали: «да, мы можемъ силою Бога, Господа нашего, но дай намъ срокъ до 40-го дня». Онъ далъ имъ, согласно ихъ просьбѣ. Съ этого времени іереи скиніи начали восклицать и взывать къ Богу великимъ гласомъ пѣніемъ пѣсни Іареда іерея, говоря: «прибѣжище мое, сила моя, спасеніе души моей! Помози ми» и «На Тя уповаю» до конца. Онъ[2]) назвалъ это «меерафъ». Макваненъ же приказалъ всѣмъ людямъ Дамотскимъ и людямъ Гафатскимъ[3]) и всѣмъ людямъ изъ Барья собирать дрова къ 40-му дню. Они собрали и образовался костеръ величиной съ гору. По истеченіи 40 дней прибылъ макваненъ съ волхвами, пришли и іереи скиніи съ водой, и освятили ее при пѣніи пѣсни

---

1) Область къ югу отъ оз. Цына, по Бѣлому Нилу—зап. часть Годжама.

2) Т. е. Іаредъ. Подъ именемъ «меерафъ» извѣстна одна изъ нотныхъ богослужебныхъ книгъ, заключающая въ себѣ м. пр. гимны.

3) Область по Абаю (Бѣлому Нилу), съ в. отъ Дамота.

Іареда іерея. Макваненъ повелѣлъ зажечь огонь, и его зажгли. Когда поднялось пламя огненное, вошли волхвы, намазавъ бычачьимъ жиромъ животы свои, и сѣли среди огня на желѣзныхъ сѣдалищахъ. Іереи скиніи поспѣшно устремились и окружили волхвовъ, находившихся среди огня, и возгласили великимъ гласомъ всѣ вмѣстѣ: «во имя Отца, и Сына, и Св. Духа». Затѣмъ они сказали: «прибѣжище мое и сила моя, спасеніе души моей, помози ми, на Тя уповаю»! Такъ они воскликнули пѣніемъ Іареда великаго іерея и чистаго, и кропили святою водою. Тотчасъ оставилъ сатана тѣхъ, кто въ него облекся — они были сожжены, превратились въ пепелъ, и не найдено слѣда ихъ — а число этихъ волхвовъ, сидѣвшихъ среди огня на желѣзныхъ сѣдалищахъ, было 300.

Зрите, какое чудо сотворилъ Богъ пѣніемъ пѣсни Іареда іерея великаго, руками чадъ ученія его, іереевъ причта Аксумскаго собора: онъ сокрушилъ волхвовъ и уничтожилъ ихъ, и не осталось изъ нихъ ни одного, подобно тому, какъ сокрушилъ и ниспровергъ Іисусъ вождь стѣны іерихонскія восклицаніемъ народа и трубами іереевъ, какъ говоритъ законъ: «и воскликнуша вси купно людіе гласомъ великимъ и сильнымъ, и падоша вся стѣны града окрестъ; и внидоша вси людіе во градъ, кійждо противу себе и пріяша градъ»[1]). Іисусъ разрушилъ стѣны Іерихона со всѣми воинами Израиля, ибо онъ былъ вождь. А эти іереи разрушили стѣны сатаны и умертвили волхвовъ и обратили къ вѣрѣ язычниковъ съ ихъ макваненомъ, когда у нихъ не было ни царя, ни макванена, ни воиновъ: они сдѣлали своимъ оружіемъ воскликновеніе пѣсни Іареда іерея, боролись и побѣдили сатану и заставили макванена Дамота перебить всѣхъ волхвовъ. Посему мы говоримъ: «Іаредъ боролся и побѣдилъ и поборолъ пѣніемъ пѣсни своей въ лицѣ іереевъ скиніи, чадъ своего ученія. И сіи іереи скиніи, чада ученія Іареда іерея сладкопѣвца жили въ землѣ дамотской много дней, не имѣя ни царя, который помогъ

1) Іис. Нав. 6, 19.

бы имъ, ни вождя, который бы спасъ ихъ, но помощникомъ и избавителемъ ихъ было восклицаніе пѣсни Іареда іерея великаго и чистаго.

Послѣ многихъ лѣтъ послалъ имъ Богъ царя, который помогъ имъ и избавилъ ихъ, царя изъ рода льва, отъ колѣна Іудова, изъ дома Давидова по имени Амда-Сіонъ. Онъ былъ православенъ, любилъ Бога, и не признавалъ другого, кромѣ Него. Онъ пошелъ на страну Дамотъ и вошелъ туда, сокрушилъ невѣрныхъ и сломилъ рогъ ихъ силою Господа Бога своего. А іереевъ скиніи извелъ онъ изъ мѣста, куда посадилъ ихъ макваненъ Дамота, и возвратилъ ихъ въ землю ихъ и вернулъ къ прежнему порядку. Зрите, люди христіанскіе, какъ неугодно было Богу царство рода, который назывался Загвей».

Приведенный текстъ среди другихъ, повѣствующихъ о тѣхъ же событіяхъ, занимаетъ особое мѣсто. По наиболѣе распространенной версіи прямая линія потомковъ Калеба и Габра-Маскаля идетъ чрезъ 22 рода до Дельнаода, при которомъ «царство отнимается и отдается тѣмъ, которые не были израильтянами», именно Загвеямъ. Аксумская династія спасается въ Шоа, гдѣ пребываетъ все время Загвеевъ, погромовъ жидовствующихъ и царей изъ Ласты, пока Іекуно-Амлакъ, по позднимъ разсказамъ, при содѣйствіи преподобнаго Такла-Хайманота не возвращаетъ себѣ «Соломонова» престола[1]). Здѣсь у насъ вмѣсто Дельнаода Дегнайзанъ. Царство переходитъ не сразу къ Загвеямъ, а сначала къ «рабу» Мерара. «Послѣднимъ Загвеемъ названъ Зена-Петросъ, не встрѣчаемый нигдѣ въ царскихъ спискахъ; загвейская династія уступаетъ мѣсто не «Соломоновой», а падаетъ подъ ударами язычниковъ Дамота.

---

1) Подробнѣе см. у Conti Rossini, Appunti ed osservazioni sui re Zague. Rendic. Real. Accad. Linc. 1895.

Нѣкоторыя параллели къ этимъ извѣстіямъ все-таки можно извлечь изъ другихъ источниковъ. Такъ, царь Дегнайзанъ стоитъ на 28 мѣстѣ въ царскомъ спискѣ, обозначенномъ у Дилльманна B[1]), въ амхаризованной формѣ Дегна-Жāнъ, онъ здѣсь является четвертымъ предшественникомъ Дельнаода, т. е. конца династіи. Мерāрā въ формѣ Māйрāрā занимаетъ десятое мѣсто въ загвейской династіи[2]). Кто у кого и какимъ путемъ заимствовалъ, сказать едва ли возможно; трудно предположить, чтобы авторъ житія черпалъ изъ царскихъ списковъ и остановился на именахъ, не стоящихъ въ концѣ династій. Скорѣе всего слѣдуетъ думать, что списки заполнялись на основаній самыхъ разнообразныхъ источниковъ, и что оба имени попали и въ нихъ, и въ житіе изъ преданія или сказаній.—Еще интереснѣе разсказъ о паденіи Загвеевъ и дамотскомъ правителѣ Маталомэ. Выходитъ, что «реставраціи Соломонидовъ» предшествовало владычество этого язычника, столь хорошо извѣстнаго всѣмъ изслѣдователемъ абиссинской старины изъ житія Такла-Хайманота. Въ синаксарномъ и дабра-либаносскомъ житіи этого святого о немъ сказано, что онъ «царилъ самовластно надъ всѣми областями Дамота и Шоа до границы Амхары, гдѣ великая рѣка, именуемая Джама»[3]). Нашъ разсказъ представляетъ его и завоевателемъ царства Загвеевъ, сидѣвшихъ въ Ластѣ и древнемъ Аксумѣ. Любопытно, что житіе Такла-Хайманота разсказываетъ объ обращеніи Маталомэ этимъ святымъ м. пр. то же, что наше «чудо» говоритъ о подвигѣ аксумскихъ соборянъ:

«Собралъ Маталомэ волхвовъ и совѣтовался съ ними, какъ поступить. Они ему сказали: «повели собрать дрова и зажечь огонь. Мы войдемъ сначала, а онъ войдетъ послѣ насъ. Если побѣдитъ онъ насъ, послѣдуй за нимъ, а если мы побѣдимъ его,

---

1) Zur Geschichte des abyssinischen Reiches. Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch. VII, 349.

2) ibid. 350.

3) См. въ моихъ «Изслѣд. въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи» 81—100.

мы убьемъ его. И поступили такъ. Войдя, волхвы веселись среди огня, а отецъ нашъ молился со своимм, да покажетъ Богъ чудо. Затѣмъ благословилъ воду во имя Св. Троицы, сталъ кропить, говоря: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его» Раньше, чѣмъ онъ успѣлъ кончить, они сгорѣли и превратились въ пепелъ»[1]).

Хотя этотъ мотивъ въ той или иной формѣ и попадается неоднократно въ эѳіопской агіологіи[2]), но все же въ данномъ случаѣ трудно удержаться отъ мысли о заимствованіи. Не имѣя возможности судить о времени составленія житія Іареда[3]), мы не можемъ и здѣсь говорить о первоисточникѣ, но едва ли ошибемся, если допустимъ, что имя Маталомэ, оставившее воспоминаніе и на сѣверѣ, и на югѣ Абиссиніи, не принадлежитъ только легендѣ. Было время, когда этотъ дамотскій князь владѣлъ большею частью страны и, покоривъ христіанскія области, принялъ религію своихъ новыхъ подданныхъ. Были ли ближайшими виновниками его обращенія аксумскіе священники, или Такла-Хаймапотъ, рѣшить трудно, но весьма вѣроятно, что Джама не всегда было границей его владѣній, и что онъ, хотя бы на нѣкоторое время, властвовалъ и въ области древняго Аксумскаго царства — только тамъ въ то время господствовало христіанство и только оттуда могло побѣдить его. Если, что вполнѣ естественное житіе Іареда составлено на основаніи сѣверныхъ, аксумскихъ преданій, мы имѣемъ въ немъ воспоминаніе о господствѣ Маталомэ не только надъ Шоа и Амхарой, но и надъ Тигрэ.

Къ агіологическому памятнику вообще нельзя подходить съ хронологическими запросами. И въ нашемъ случаѣ онъ лишь съ трудомъ выдержитъ это испытаніе. Маталомэ былъ очевидно близкимъ предшественникомъ Іекуно-Амлака (1268—85); его побѣда надъ Зена-Петросомъ должна падать на половину XIII в.

---

1) Conti Rossini, Il «Gadla Takla Haymanot secondo la redazione Waldebbana, 12.

2) Напр. въ Житіи Филиппа Дабралиб.; см. мои «Изслѣдованія», 382.

3) Текстъ его переписанъ на бумагѣ спеціально для Аббади.

Амда-Сіонъ, освободившій аксумское духовенство изъ плѣна, царствовалъ 1314—1344; такимъ образомъ плѣнъ продолжался 50—70 лѣтъ. Чтобы признать разсказъ достовѣрнымъ, необходимо допустить большое долголѣтіе аксумскихъ соборянъ, попавшихъ въ плѣнъ, или то, что, обративъ Дамотъ, они учредили тамъ преемственную іерархію и имѣли епископа, и Амда-Сіонъ освободилъ не ихъ, а ихъ преемниковъ, что мало вѣроятно, и на что текстъ житія не даетъ указаній.

Приведенный разсказъ еще разъ указываетъ на стремленіе различныхъ центровъ эѳіопской церковности приписывать себѣ главную роль въ крупныхъ событіяхъ національной исторіи. Мы уже имѣли случай замѣтить это въ агіологическомъ матеріалѣ, относящемся къ эпохѣ «Гоненія»[1]). Такого же порядка и тенденція ввести Такла-Хайманота въ исторію династическаго переворота. Несомнѣнно и въ дѣлѣ обращенія Маталомэ хотѣлось различнымъ центрамъ культа видѣть свою историческую заслугу.

Б. Тураевъ.

---

1) «Изслѣдованія» 151.

Къ вопросу о происхожденіи стихотворнаго размѣра и названія «бугарштицъ».

Сравнительное изученіе южнославянскихъ пѣсенныхъ размѣровъ привело насъ къ установленію того факта, что они не представляютъ чего-либо исключительнаго, специфически-свойственнаго природной, оригинальной, первоначальной версификаціи южныхъ славянъ, а раздѣляютъ существенныя особенности той версификаціонной системы — силлабическо-тонической, — какая отличала многія произведенія полународныхъ, полукнижныхъ средневѣковыхъ профессіональныхъ пѣвцовъ, пользовавшихся въ своемъ обиходѣ и латинскимъ языкомъ. Въ частности, 10-ти сложный эпическій размѣръ, считавшійся славистами (Срезневскій, Потебня и др.) древнѣйшимъ и оригинальнымъ славянскимъ стихомъ[1]), оказался одинаковымъ по своей структурѣ съ 10-ти сложнымъ романскимъ эпическимъ стихомъ. Есть полное вѣроятіе полагать далѣе, что и возникъ-то этотъ размѣръ въ южно-славянской пѣвческой средѣ подъ живымъ и непосредственнымъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ юго-западно-

1) Исходя изъ этого убѣжденія, казавшагося непреложной аксіомой, Ганка свой «Судъ Любуши» изложилъ сербскимъ 10-ти сложнымъ размѣромъ, съ цезурой послѣ 4-го слога, а покойный П. А. Безсоновъ на лекціяхъ по Чешскому языку, читавшихся имъ студентамъ Историко-Филологич. фак. Харьковск. университета въ 1879—80 гг., исходя изъ строя этого сербскаго стиха, предлагалъ свои исправленія, касающіяся расположенія словъ въ отдѣльныхъ стихахъ «Суда Любуши».

европейскихъ романскихъ странствующихъ пѣвцовъ, шпильмановъ, находившихъ въ средніе вѣка, особенно въ эпоху крестовыхъ походовъ, пріютъ и покровительство при дворахъ южно-славянскихъ властителей, «знатныхъ и военныхъ людей» (Ю. Крижаничъ), около которыхъ, повидимому, группировались кадры національныхъ пѣвцовъ, слагавшихъ пѣсни въ честь народныхъ героевъ, «юнаковъ».

Этотъ нашъ взглядъ (см. Южно-славянскія пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ стр. 762—796) на происхожденіе южно-славянскаго эпическаго 10-ти сложнаго размѣра былъ сочувственно принятъ и подробнѣе развитъ болгарскими учеными, гг. И. Д. Шишмановымъ (Пѣсеньта за мъртвия братъ. София 1898, стр. 130—136) и Цвѣтковымъ (Бѣлѣжки за българск. юнашки епосъ Период. Спис. 1901 г. дек. 722—724).

Остается не выясненной судьба другого южно-славянскаго эпическаго стиха, именно 15-ти и 16-ти сложнаго размѣра т. н. «бугарскицъ» или «бугарштицъ», т. е. героическихъ пѣсенъ, извлеченныхъ изъ рукописныхъ сборниковъ Хорватскаго Приморья и Дубровника XVII—XVIII в., а частію изъ произведеній дубровницкихъ писателей XVI—XVII в. Гекторовича и Баракович (Miklosich. Beiträge zur Kenntniss der Slawischen Volkspoesie. I. Die Volksepik der Kroaten Wien 1870 г. V. Jagic, Gradja za istoriju slav. nar. poez. Rad jugoslav. Akad. znan. i umjetnosti Kn. XXXVII Zagr. 1876, рус. пер. въ Слав. Ежегодн. Задерацкаго за 1878 г. В. Богишић, Народне пјесме из старијех, највише приморскијех записа Биоград. 1878 г.).

Въ настоящей статьѣ я предполагаю дополнить, а частію исправить тѣ свои соображенія о происхожденіи стиха «бугарскицъ» v. «бугарштицъ», которыя были мной изложены, къ сожалѣнію, не вездѣ точно и детально, какъ въ студенческой статьѣ «О бугарштицахъ», напечат. въ Рус. Филолог. Вѣстникѣ за 1882 г., такъ и въ Южно-слав. сказан. о Кралевичѣ Маркѣ стр. 778—780, и которыя вызвали полемическія замѣчанія г. Шишманова и Маретича.

Стихотворный размѣръ «бугарштицъ» схематически можетъ быть представленъ въ слѣд. двухъ типахъ:

А. Типъ 15-ти-сложнаго размѣра:

⏑ – ⏑ – ⏑ – – | ⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ –

Језди Марко Краљевић || планиноме коња врла.
Рањен Јанко допаде || са Косова равна поља
(Богишић, стр. 7).

В. Типъ 16-ти-сложнаго размѣра:

⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ – || ⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ –

И пригну|се да му љуби || колѣно од десне ноге;
Златан ханџар повадио || и њим га је ударио.
(ibid.)

Или изъ пѣсни, два стиха которой запомнилъ Ю. Крижаничъ.

Još nauče besiditi || dobri Marko Kraljeviću.
A na to mu odgovori || Radisave Siverinče.

(Ягичъ, О Слав. нар. поэзіи. Слав. Ежегодн. 1878 г. стр. 246).

Оба размѣра могутъ встрѣчаться въ одной и той же пѣснѣ. Напр., въ п. № 10 Сборника Богишића:

Кад бијаше Маргарити || танка књига допаднула,
Књигу танку легаше || грозне сузе прол'јеваше.
(Богишић стр. 32).

Въ нѣкоторыхъ бугарштицахъ встрѣчается еще шестисложный припѣвъ, благодаря которому бугарштицы пріобрѣтаютъ куплетную форму, причемъ величина куплета мѣняется. Сравни напр. у Богишића въ № 21, 46 и друг. куплетъ состоитъ изъ двухъ стиховъ съ припѣвомъ по серединѣ между ними, въ п. № 38 куплетъ не имѣетъ опредѣленной формы, а въ п. № 48 куплетъ состоитъ изъ 6-ти стиховъ съ припѣвомъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ стихъ бугарштицъ можетъ или сокращаться до 14, или растягиваться до 20 слоговъ (Богишић ibid. стр. 9—11 предисловія).

По своей силлабо-тонической версификаціонной структурѣ размѣръ бугарштицъ, очевидно, также сближается со средневѣковыми латино-народными стихами, какъ и другіе размѣры южно-славянскихъ пѣсенъ. (Ср. южно-слав. сказ. о Кр. Мар. l. c.). Основной принципъ всѣхъ этихъ стиховъ заключается въ числѣ слоговъ и въ акцентѣ. (Ср. Christ Wilh. Metrik der Griechen und Römer Leipz. 1879 г. 2 изд. стр. 374).

Изъ классическихъ размѣровъ стихъ бугарштицъ является тождественнымъ съ размѣромъ трохаическаго тетраметра:

–́ ⏑ – ⏓ –́ ⏑ – ⏓, –́ ⏑ – ⏓ –́ ⏑ ⏓

напр. ὦ σοφώτατοι θεαταὶ δεῦρο τὸν νοῦν πρόσχετε. (Christ, Metrik, 2 изд. стр. 295).

Изъ размѣровъ средневѣковыхъ стихъ бугарштицъ тождественъ съ размѣромъ т. н. политическаго стиха (versus politicus, στίχος πολίτικος), какъ съ византійскимъ его видомъ (Ср. Miklosich Beiträge, 6)[1]) такъ и съ тѣмъ, который встрѣчается въ латинскихъ стихотвореніяхъ, и который близко подходитъ къ классическому трохаическому тетраметру. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого размѣра.

Кристъ приводитъ солдатскую пѣсню сообщенную Вопискомъ въ его біографіи Авреліана гл. 6:

Mille mille mille mille | mille decollavimus.
Unus homo mille mille | mille decollavimus.
Mille mille mille vivat | (qui) mille mille occidit.
Tantum vini habet nemo, | quantum fundit sanguinis
(Christ, Metrik, 373).

Часто этотъ размѣръ встрѣчается въ произведеніяхъ церковно-латинской поэзіи.

---

1) ⏓ – ⏑ – ⏓ – ⏑ –, ⏓ – ⏑ – ⏑ – ⏑ (Crist, ibid. 375).

Изъ гимна на Послѣдній Судъ, помѣщеннаго въ Thesaurus hymnologicus № CLXI Даніеля:

Apparebit repentina | dies magna domini,
fur obscura velut nocte | improvisos occupans.
brevis totus tum parebit | prisci laxus saeculi,
totum simul cum clarebit | praeterisse saeculum.

Другіе примѣры латинскихъ стихотвореній, между прочимъ, и 16-ти-сложнаго размѣра см. у меня въ Южно-слав. сказ. о Крал. Маркѣ, стр. 778—780.

Употребленіе какъ 15-ти такъ и 16-ти-сложнаго размѣра въ литературно-эпическихъ произведеніяхъ болѣе поздняго времени, именно XVII в., засвидѣтельствовано греческой поэмой о Михаилѣ Кантакузенѣ, составленной въ концѣ этого вѣка вистіаріемъ Ставриномъ: Διηγησις ωραιοτατη του Μιχαηλ Βοϊβονδα (Émil Legrand Recueil de poëmes historiques, en grec vulgaire, Paris 1877.

Προοίμιον διὰ στίχου изложено 15-ти-сложнымъ размѣромъ versus politici:

Διήγησις πανταύμαστος, ῥίμα ὡραιοτάτη,
τὴν ἔχουσιν οἱ φρόνιμοι πολλὰ ποθεινοτάτη. и т. д.

Тотъ же размѣръ, какъ извѣстно, встрѣчаемъ и въ поэмѣ о Дигенисѣ Акритѣ и во многихъ современныхъ греч. эпическихъ народныхъ пѣсняхъ.

Но ἕτεροι στίχοι εἰς τὸν αὐτόν изложены уже 16-ти-сложнымъ размѣромъ, представляющимъ полное тождество съ 16-ти-сложнымъ размѣромъ бугарштицъ:

ἔνθα στίχ' εἶναι γραμμένοι || ἔνδοξοι καὶ παινεμένοι
Μιχαὴλ τ' ἀνδρειωμένου || τ' ἄξιου καὶ παινεμένου,
ἐδῶ δείχνει ταῖς ἀνδρειαῖς του || θάνατον καὶ ἀμοιβαῖς του.
δείχνει πῶς ἀπὸ τὸν φθόνον || ὕοτερ' ἔλαβε τὸν πόνον,
ἀπὸ τὴν πολλὴν ζηλίαν || κ' ἔμεινεν 'ς τὴν ἐρημίαν

τὸ κορμὶ δίχως κεφάλι || κρίμα ἐις τὸ παλληκάρι,
τέτοιος ἄνδρας ἀκουσμένος || νἄναι ἄδικα χαμένος·
δείχνει πῶς ἐις τὴν Τουρκία || ἔκαμεν ἀνδραγαθία·
(стр. 28).

Употребленіемъ трохея на мѣстѣ ямба греческаго политическаго стиха бугарштицы болѣе сходятся съ латинскими стихами 15-ти и 16-ти-сложнаго размѣра, тоже видами политическаго стиха.

Употребленіемъ 6-ти сложнаго припѣва и куплетной формы также бугарштицы сходятся съ народно-латинскими средневѣковыми стихотвореніями. Сравн. Южно-слав. сказ. о Кр. М. стр. 780.

Въ виду этого тождества размѣра бугарштицъ съ размѣромъ средневѣково-латинскихъ церковныхъ произведеній, въ виду также сходства другихъ сербскихъ пѣсенныхъ размѣровъ съ латино-народными средневѣковыми размѣрами и несомнѣнной зависимости отъ этихъ послѣднихъ возникаетъ вѣроятіе, что и стихъ бугарштицъ возникъ подъ вліяніемъ западно-европейскимъ, латинскимъ.

Опредѣляя versus politicus со стороны его употребленія, Дюканжъ говоритъ: Praeterea Politici ejusmodi versus forte nuncupantur, quasi civiles ac populares, quorum nempe in colloquiis familiaribus vulgo usus erat (Du-Cange Glossarium III. 374). Это опредѣленіе подходитъ и къ употребленію бугарштицъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ дубровницкіе писатели (Ягичъ, Слав. Ежегодн. III, 255).

Возможно, что въ самомъ названіи «бугарштице», «бугарске пјесме» заключается указаніе на то, что это есть славянскіе versus politici, στίχοι πολιτικοί v. δημοτικοί, versus civiles ac populares въ средневѣковомъ смыслѣ этого термина, т. е. что это названіе представляетъ народно-этимологическое измѣненіе словъ carmen vulgare или carmina vulgaria. Г. Шишмановъ отмѣчаетъ вѣроятность возникновенія нѣкоторыхъ средневѣковыхъ латин-

скихъ названій для Болгаръ и Болгаріи вслѣдствіе вліянія народной этимологіи и сближенія съ сл. vulgaris: Vulgari, Vulgarius. (Критиченъ прѣгледъ на въпроса за произхода на прабългарите. Сборн. на нар. умотвор. XVI—XVII стр. 725—726).

Дѣйствіе народной этимологіи въ образованіи сл. «бугарштица» могло вызываться или подкрѣпляться вліяніемъ фонетическихъ факторовъ. Сравн. случаи измѣн. *в* на *б* въ сербскихъ именахъ: Бенетци, Бенетеческъ вм. Venetiae, Venetus, Бешька вм. Vesica (Jiřeček Die Romanen in Städten Dalmatiens 36).

Противуположный этому взглядъ на бугарштицы высказанъ гг. Маретичемъ и Шишмановымъ. Г. Маретичъ въ своей рецензіи на мое соч. «Южно-слав. сказ. о Крал. Маркѣ (Rad jugoslav. akad. CXXXII) и Шишмановъ (Критиченъ прѣгледъ) въ «бугарштицахъ» видятъ «болгарскія пѣсни» въ строго этнографическомъ значеніи этого слова. Сосредоточеніе *болгарскихъ* эпическихъ пѣсенъ, «бугарштицъ» въ Хорватскомъ Приморьѣ г. Шишмановъ считаетъ слѣдствіемъ культурнаго вліянія старой Болгаріи на сербо-хорватское Приморье: има пѣколка явления, кои-то прямо свидѣтелствуватъ, че отдавна между сърбохърватското приморие и нѣкои български етнографски области е имало тѣсни сношения, които обясняватъ и миграцията на извѣстни народни пѣсенни мотиви» (Критич. прѣгледъ. Сборн. за нар. умотвор. т. XVI—XVII, стр. 706).

Мы лично всегда признавали вполнѣ вѣроятнымъ и даже несомнѣннымъ фактъ зарожденія многихъ южно-славянскихъ пѣсенъ, даже цикловъ эпическихъ, въ болгарскихъ этнографическихъ областяхъ юга и юго-запада Балканскаго полустрова и движенія ихъ на сербскій сѣверо-западъ (срав. Южно-слав. сказанія о Крал. Маркѣ стр. 191, 739 слѣд.); тѣмъ не менѣе мы, вслѣдъ за покойнымъ Миклошичемъ, находимъ совершенно невозможнымъ согласиться съ предположеніемъ о *болгарскомъ* происхожденіи хорватскихъ «бугарштицъ».

1) Слово *болгарскій* въ XVI—XVIII вв. употреблялось на славянскомъ югѣ, какъ и на Руси, въ очень широкомъ смыслѣ

вообще южно-славянскаго и было синонимомъ слова *сербскій;* приведенный Миклошичемъ примѣръ такого словоупотребленія изъ соч. Гекторовича (Beiträge 3) мы дополняемъ свидѣтельствомъ съ русской стороны: «а уѣздныхъ людей жилья селъ ихъ отъ самаго Анъдранаполя доже до Белограда и выше все люди тѣ болгарскіе», говоритъ русскій авторъ «Описанія Турецкой Имперіи» (XVII в.) (Сырку, Опис. Турецк. Импер., составл. русскимъ, бывшимъ въ плѣну у турокъ въ XVII в. Спб. 1890 г. стр. 30); «а иза Андранаполя тутъ начнутся уѣздныя люди тѣ болгарскіе: вѣры христіанской, словенскаго языку онѣ; но турьские тутъ тѣ люди зовутся серпы» (ibid, 28) (сравн. Rječn. jugoslav. akad. I, 715 стлб. 2, Miklosich, Beiträge, стр. 3).

2) По своему содержанію бугарштицы относятся главнымъ образомъ къ событіямъ сербской исторіи XV — XVII; причемъ нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно книжнаго и литературнаго происхожденія, и сложены въ литературныхъ центрахъ Приморья.

3) Нѣтъ никакихъ основаній считать стихотворный размѣръ бугарштицъ специфическимъ старо-болгарскимъ пѣсеннымъ эпическимъ метромъ, занесеннымъ въ Приморье изъ центральныхъ болгарскихъ областей послѣ паденія Болгарскаго царства. Восьми-сложный эпическій размѣръ, свойственный многимъ болгарскимъ юнацкимъ пѣснямъ, отнюдь не разложеніе 16-ти сложнаго стиха на два восьмисложныхъ, а представляетъ особый самостоятельный размѣръ, очень распространенный въ поэзіи славянскихъ народовъ и въ средневѣковой церковной поэзіи; объяснять его изъ разложенія 15-ти и 16-ти слогового размѣра бугарштицъ сравнительныя данныя совершенно не позволяютъ.

Присутствіе 12-ти сложнаго политическаго стиха (Christ Metrik, 440, стр. 376) въ древне-болгарской литературѣ (Акад. Соболевскій, Церковно-славянскія стихотвор. IX — X в. Спб. 1892 г. и Сборн. за нар. умотвор. т. XVI—XVII), конечно, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе о возможности употребленія въ старо-болгарской словесности и 15-ти сложнаго вида полити-

ческаго стиха. Но если бы даже и нашлись въ дѣйствительности древне-болгарскія стихотворенія съ 15-ти сложнымъ размѣромъ, то и такой фактъ не устранилъ бы полной вѣроятности мнѣнія о хорватскомъ, приморскомъ, происхожденіи бугарштицъ, какъ видовъ старо-сербскаго политическаго стиха.

Въ литературныхъ центрахъ Приморья бугарштицы сложились подъ вліяніемъ латинскимъ, бывшимъ вообще такъ сильнымъ въ Далмаціи и Дубровникѣ (Ягичъ, О слав. нар. поэзіи § 43).

Несомнѣнно, размѣръ литературнаго политическаго стиха не былъ усвоенъ устнымъ южно-славянскимъ творчествомъ въ такой степени, что бы быть въ состояніи конкурировать съ 10-ти сложнымъ романскимъ эпическимъ стихомъ, распространявшимся путемъ живого воздѣйствія и вліянія западно-европейскихъ пѣвцовъ.

М. Халанскій.

Харьковъ, 21 іюня 1904 г.

τὸ κορμὶ δίχως κεφάλι || κρίμα ἐις τὸ παλληκάρι,
τέτοιος ἄνδρας ἀκουσμένος || νἄναι ἄδικα χαμένος·
δείχνει πῶς ἐις τὴν Τουρκία || ἔκαμεν ἀνδραγαθία·
(стр. 28).

Употребленіемъ трохея на мѣстѣ ямба греческаго политическаго стиха бугарштицы болѣе сходятся съ латинскими стихами 15-ти и 16-ти-сложнаго размѣра, тоже видами политическаго стиха.

Употребленіемъ 6-ти сложнаго припѣва и куплетной формы также бугарштицы сходятся съ народно-латинскими средневѣковыми стихотвореніями. Сравн. Южно-слав. сказ. о Кр. М. стр. 780.

Въ виду этого тождества размѣра бугарштицъ съ размѣромъ средневѣково-латинскихъ церковныхъ произведеній, въ виду также сходства другихъ сербскихъ пѣсенныхъ размѣровъ съ латино-народными средневѣковыми размѣрами и несомнѣнной зависимости отъ этихъ послѣднихъ возникаетъ вѣроятіе, что и стихъ бугарштицъ возникъ подъ вліяніемъ западно-европейскимъ, латинскимъ.

Опредѣляя versus politicus со стороны его употребленія, Дюканжъ говоритъ: Praeterea Politici ejusmodi versus forte nuncupantur, quasi civiles ac populares, quorum nempe in colloquiis familiaribus vulgo usus erat (Du-Cange Glossarium III. 374). Это опредѣленіе подходитъ и къ употребленію бугарштицъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ дубровницкіе писатели (Ягичъ, Слав. Ежегодн. III, 255).

Возможно, что въ самомъ названіи «бугарштице», «бугарске пјесме» заключается указаніе на то, что это есть славянскіе versus politici, στίχοι πολιτικοί v. δημοτικοί, versus civiles ac populares въ средневѣковомъ смыслѣ этого термина, т. е. что это названіе представляетъ народно-этимологическое измѣненіе словъ carmen vulgare или carmina vulgaria. Г. Шишмановъ отмѣчаетъ вѣроятность возникновенія нѣкоторыхъ средневѣковыхъ латин-

скихъ названій для Болгаръ и Болгаріи вслѣдствіе вліянія народной этимологіи и сближенія съ сл. vulgaris: Vulgari, Vulgarius. (Критиченъ прѣгледъ на въпроса за произхода на прабългарите. Сборн. на нар. умотвор. XVI—XVII стр. 725—726).

Дѣйствіе народной этимологіи въ образованіи сл. «бугарштица» могло вызываться или подкрѣпляться вліяніемъ фонетическихъ факторовъ. Сравн. случаи измѣн. *в* на *б* въ сербскихъ именахъ: Бенетци, Бенетеческъ вм. Venetiae, Venetus, Бешька вм. Vesica (Jiřeček Die Romanen in Städten Dalmatiens 36).

Противуположный этому взглядъ на бугарштицы высказанъ гг. Маретичемъ и Шишмановымъ. Г. Маретичъ въ своей рецензіи на мое соч. «Южно-слав. сказ. о Крал. Маркѣ (Rad jugoslav. akad. CXXXII) и Шишмановъ (Критиченъ прѣгледъ) въ «бугарштицахъ» видятъ «болгарскія пѣсни» въ строго этнографическомъ значеніи этого слова. Сосредоточеніе *болгарскихъ* эпическихъ пѣсенъ, «бугарштицъ» въ Хорватскомъ Приморьѣ г. Шишмановъ считаетъ слѣдствіемъ культурнаго вліянія старой Болгаріи на сербо-хорватское Приморье: има пѣколка явления, кои-то прямо свидѣтельствуватъ, че отдавна между сърбохърватското приморие и нѣкои български етнографски области е имало тѣсни сношения, които обясняватъ и миграцията на извѣстни народни пѣсенни мотиви» (Критич. прѣгледъ. Сборн. за нар. умотвор. т. XVI—XVII, стр. 706).

Мы лично всегда признавали вполнѣ вѣроятнымъ и даже несомнѣннымъ фактъ зарожденія многихъ южно-славянскихъ пѣсенъ, даже цикловъ эпическихъ, въ болгарскихъ этнографическихъ областяхъ юга и юго-запада Балканскаго полустрова и движенія ихъ на сербскій сѣверо-западъ (срав. Южно-слав. сказанія о Крал. Маркѣ стр. 191, 739 слѣд.); тѣмъ не менѣе мы, вслѣдъ за покойнымъ Миклошичемъ, находимъ совершенно невозможнымъ согласиться съ предположеніемъ о *болгарскомъ* происхожденіи хорватскихъ «бугарштицъ».

1) Слово *болгарскій* въ XVI—XVIII вв. употреблялось на славянскомъ югѣ, какъ и на Руси, въ очень широкомъ смыслѣ

вообще южно-славянскаго и было синонимомъ слова *сербскій;* приведенный Миклошичемъ примѣръ такого словоупотребленія изъ соч. Гекторовича (Beiträge 3) мы дополняемъ свидѣтельствомъ съ русской стороны: «а уѣздныхъ людей жилья селъ ихъ отъ самаго Анъдранаполя доже до Белограда и выше все люди тѣ болгарскіе», говоритъ русскій авторъ «Описанія Турецкой Имперіи» (XVII в.) (Сырку, Опис. Турецк. Импер., составл. русскимъ, бывшимъ въ плѣну у турокъ въ XVII в. Спб. 1890 г. стр. 30); «а иза Андранаполя тутъ начнутся уѣздныя люди тѣ болгарскіе: вѣры христіанской, словенскаго языку онѣ; по турьские тутъ тѣ люди зовутся серпы» (ibid, 28) (сравн. Rječn. jugoslav. akad. I, 715 стлб. 2, Miklosich, Beiträge, стр. 3).

2) По своему содержанію бугарштицы относятся главнымъ образомъ къ событіямъ сербской исторіи XV — XVII; причемъ нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно книжнаго и литературнаго происхожденія, и сложены въ литературныхъ центрахъ Приморья.

3) Нѣтъ никакихъ основаній считать стихотворный размѣръ бугарштицъ специфическимъ старо-болгарскимъ пѣсеннымъ эпическимъ метромъ, занесеннымъ въ Приморье изъ центральныхъ болгарскихъ областей послѣ паденія Болгарскаго царства. Восьми-сложный эпическій размѣръ, свойственный многимъ болгарскимъ юнацкимъ пѣснямъ, отнюдь не разложеніе 16-ти сложнаго стиха на два восьмисложныхъ, а представляетъ особый самостоятельный размѣръ, очень распространенный въ поэзіи славянскихъ народовъ и въ средневѣковой церковной поэзіи; объяснять его изъ разложенія 15-ти и 16-ти слогового размѣра бугарштицъ сравнительныя данныя совершенно не позволяютъ.

Присутствіе 12-ти сложнаго политическаго стиха (Christ Metrik, 440, стр. 376) въ древне-болгарской литературѣ (Акад. Соболевскій, Церковно-славянскія стихотвор. IX — X в. Спб. 1892 г. и Сборн. за нар. умотвор. т. XVI—XVII), конечно, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе о возможности употребленія въ старо-болгарской словесности и 15-ти сложнаго вида полити-

ческаго стиха. Но если бы даже и нашлись въ дѣйствительности древне-болгарскія стихотворенія съ 15-ти сложнымъ размѣромъ, то и такой фактъ не устранилъ бы полной вѣроятности мнѣнія о хорватскомъ, приморскомъ, происхожденіи бугарштицъ, какъ видовъ старо-сербскаго политическаго стиха.

Въ литературныхъ центрахъ Приморья бугарштицы сложились подъ вліяніемъ латинскимъ, бывшимъ вообще такъ сильнымъ въ Далмаціи и Дубровникѣ (Ягичъ, О слав. нар. поэзіи § 43).

Несомнѣнно, размѣръ литературнаго политическаго стиха не былъ усвоенъ устнымъ южно-славянскимъ творчествомъ въ такой степени, что бы быть въ состояніи конкурировать съ 10-ти сложнымъ романскимъ эпическимъ стихомъ, распространявшимся путемъ живого воздѣйствія и вліянія западно-европейскихъ пѣвцовъ.

М. Халанскій.

Харьковъ, 21 іюня 1904 г.

Къмъ историята на новобългарската библиография.

Колкото и млада, и нашата библиография има вече своя история — ако и кратка.

Въ 1906 г. на възродена България — бѣдна на събития, имена и дати — прѣдлежи, скромно, но съ значение торжество: стогодишниятъ юбилей на новобългарската печатна книга.

Прѣди 98 г. — именно въ 1806 г. бидоха напечатани пръвитѣ двѣ новобългарски книги: Кірікодроміонътъ на отца Софрония (Римникъ) и *Молитвеный кринъ* (Будимъ) [1]).

Ако и да броимъ нашето възраждане отъ знаменитата 1762 г. но то собствено се засили отъ началото на XIX в., въ който, както е извѣстно, за насъ българитѣ се извърши важно събитие: образованиятъ свѣтъ съзрѣ въ срѣдата на Балканския полуостровъ нова краска — туй бѣха прѣдѣлитѣ на една малка държавица; туй бѣ ликътъ на възкръсналата многострадална България, освободена съ кръвьта на братския намъ руски народъ; къмъ имената на освободенитѣ и образовани славяни и, изобще, народи се причисли и новъ народъ, довчера съвсѣмъ неизвѣстенъ и почти изгубенъ.

---

1) Поне досега не се знае печатана по̀ рано новобългарската книга. Бр. 329 у книгоп. А. Теод.—издадена въ 1801—сѐ оказала сръбска.—Не взимамъ подъ внимание Абагаръ (Бр. 957, А. Теод.), защото той е безъ всѣкаква органична връзка съ нашата нова литература.

Само единъ вѣкъ! Ето защо у насъ е всичко ново: и образование, и литература. Малко и годинѝи свободенъ животъ, малко дѣйци по литературата и малко писмени произведения. Всичко написано е слабъ призракъ на туй, което изработиха прѣзъ дългъ редъ вѣкове легионъ мѫже на просвѣтенитѣ и многобройни народи. И друго: туй врѣме бѣ периодъ на борби религиозни и политически на единъ слабъ народъ, борби неравни, ожесточени, за животъ или смърть, а слѣдъ освобождението — периодъ на лутане за дирене истината, уреждане младата ни държава и на политически борби, понѣкога доста бурни.

I.

Въ начало на XIX. в. и самитѣ славяни, дори и съсѣднитѣ намъ сърби, малко знаеха за насъ В. Караџић (Додатак Беч. 1822) познава сàмо *три* новобългарски книги, отъ които сàмо едната — небългарска — споменува П. Шафарикъ (1826).

Първи за новобългарската книга заговориха братята славяни.

Съ голѣма почеть нека споменемъ В. Копитара (1829), Ю. И. Венелина (1829), одеския професоръ Н. Мурзакевича («Нынѣшнее состояніе просвѣщенія у Болгаръ». 1838. Ж. М. Н. Пр.) харковския професоръ И. И. Срезневскій («Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи. 1846. Ж. М. Н. Пр. и Č. č. m. d. II. 1847.) В. Априловъ. Усърдно сбиралъ книгописенъ материалъ П. И. Шафарикъ, понеже се готвѣлъ да напише историята на българската литература — нѣщо, което, за жалость, не можà да извърши[1]).

Пръвъ български библиографъ справедливо трѣбва да считаме Ивана В. Шоповъ.

---

1) Книгоп. Иос. К. Иреч. 1872. Бълг. Книгоп. д. І. А. Теод. 1893. Д-ръ Ив. Д. Шишм.: *Личнитѣ сношения на Шафарика съ Българитѣ* (Бълг. Прѣгл. г. II., кн. XII и *Бѣлѣжки за България въ книгописното наслѣдство на П. И. Шафарика* (Бълг. Прѣгл. ч. III, кн. I).

Ще се спра върху тая видна личность — ако и рамкитѣ на статията ми не позволяватъ туй: заслужва да се кажатъ нѣколко думи за тоя толкова надеждент просвѣтенъ българинъ, той рано и трагично загиналъ. Голѣма е била загубата за народа ни, който тогава подобни дѣйци е броелъ на пръсти[1]). Шоповъ е билъ единъ отъ пионеритѣ на нашето възраждане, пламененъ родолюбецъ и добъръ познавачъ на езика ни въ оная отдалечена епоха, когато поробениятъ и духовно и политически нашъ народъ е почналъ да показва признаци за животъ.

Шоповиятъ баща, Хаджи Василь Генковъ (р. 1788, † 1847) билъ видно лице въ Калоферъ (Пловдивски окржгъ), прѣселенъ откъмъ Шопско тукъ и оженент за Мата Иванова Бацова (р. 1800 † 28. декември. 1895 г.)—Първото дѣте на Хаджи Василя—Генко, умрѣло двѣгодишно, второто било Иванъ, и слѣдъ него имало още три момчета и три момичета. Най-малкото чедо, Драгоя (р. 1844 г.), свърши въ Парижъ инженеръ и умрѣ умоповрѣденъ въ Калоферския мржки монастирь на 20 априлий 1880. г.

Сега—въ Исмаилъ (Бесарабия, Русия)—живи Хаджи Василеви чеда сж: Георги (р. 1823. г.) и Матея (р. 1834 г.). Първиятъ е заможенъ търговецъ и прочутъ благодѣтель.

Оскждни свѣдѣния притежаваме за Ивана. Много отдавна азъ се отнесохъ до брата му, уважаемия съотечественикъ Г-на Георгя В. Шоповъ, но—за жалость—не се удостоихъ съ отговоръ. Пакъ и отъ майка имъ, баба Хаджийка, която послѣднитѣ дни отъ дългия си животъ прѣкарваше въ Калоферския женски метохъ, гдѣто и умрѣ—не можàхъ нищо да изкопча отъ устата. Колчимъ и да ходихъ при нея и я запитвахъ отдалечь за Ивана, тя винаги изведнажъ промѣняше спокойния си видъ, очитѣ ѝ се напълняха съ сълзи и отклоняваше разговора надругадѣ, а понѣкога се и съвсѣмъ смълчаваше. Съвѣстно ми бѣше да настоя-

---

1) Ползувамъ се отъ моята статия Иванъ В. Шоповъ (Бълг. Прѣгл. ч. V, кн. IX—X).

вамъ и да измѫчвамъ тая добра майка, запазила до дълбока старость своитѣ добри чърти на лицето и своя просвѣтенъ умъ и благъ характеръ. Сѫщо не можàха нищо да узнаятъ и приближенитѣ до нея монахини.

Свѣдѣния сбирахъ отъ покойния сега Стефанъ Н. Кйойбашиевъ (Шоповъ сестринецъ), Н. В. Пр. дѣда Натанаила, пловдивски митрополитъ (нѣкогашенъ Шоповъ добъръ приятель) В. Д. Стояновъ и др.

Иванъ Василевъ Шоповъ се родилъ въ Калоферъ въ 1820. г. Изпървомъ той и братъ му Георги се учили тукъ въ келии и послѣ—въ Карлово (близу до Калоферъ), на български и гръцки при прочутия тогава славяно-елинский учитель Райно Поповичъ, заедно съ Сава Филаретовъ, Гавриилъ Кръстевичъ и др. Слѣдъ туй баща имъ, зàможенъ търговецъ абаджия въ Цариградъ, ги повикалъ при себе и ги далъ гръцкото въ островъ Халки училище, отдѣто нъкъ послѣ ги пратилъ на свои разноски да се учатъ въ Атина. Старци Калоферци помнятъ, кога Иванъ си дохождалъ съ голѣмъ бѣломорски аленъ фесъ и дългъ синь пискюлъ. Хаджи Василь често говорѣлъ на жена си: «И кожуха отъ гърба си ще продамъ, но синоветѣ ще изуча: народу трѣбатъ хора събудени, учени»!...—По онуй врѣме вечъ Влашко и Молдавия, Гърция, Сърбия и Черногора бѣха освободени. И бъгаритѣ замечтаха за просвѣта и свобода; и между тѣхъ се бѣше вечъ почнало брожение.... Слѣдъ година Георги се върналъ отъ Атина въ Цариградъ, защото се разболѣлъ, и останалъ въ търговската контора на Георги Золотовичъ, сѫщо калоферецъ. Слѣд. 4—5 години той отишълъ въ Исмаилъ, гдѣто, както казахъ, живе и доднесъ. — Отъ Атина Иванъ, около 1842. г. отива въ Москва. Тукъ той се запозналъ съ О. М. Бодянскій и съ други видни руси[1]). Около 1843—44 намираме Ивана въ

---

1) Гл. по-сетнѣ писмото на Шафарика до Бодянски. Дѣдо Натанаилъ ми пише: «Онъ (Шоповъ) дойде отъ Атина въ Одеса около 1842 г. и скоро замина за Москва, въ университета. Оттамъ е отишълъ въ Прага около 1848—49. г.

Пиза[1]) (Италия). Сетнѣ билъ слушатель въ Парижъ и най-послѣ заминалъ за Прага. Около 1849—50 г. той пакъ споходилъ Калоферъ. Сѫщо го помнятъ Калоферци, кога си дошълъ — отдѣ, неизвѣстно — сега пъкъ съ университетска униформа: трижгълна шапка, мундиръ и шпага.

Животътъ въ Атина, Москва, Пиза, Парижъ и Прага силно е повлиялъ върху младия интелигентенъ българинъ. Видѣлъ е той, какъ живѣятъ свободнитѣ и просвѣтени народи и още по̀печални му ся се прѣдставили тежкото робство и духовната летаргия у нашия народъ.

Въ Прага, Иванъ постѫпилъ въ медицинския факултетъ. Отпослѣ билъ добрѣ приетъ въ сѣмействата на Шафарика, Хапка, Челаковски, Шумавски, Д-ръ Станекъ и др. Шафариковиятъ синъ Ярòславъ сѫщо студентъ по медицината, былъ най-интименъ приятель на Шопова. Но Шоповъ не се ограничилъ сàмо съ медицината, както туй би направилъ другъ нѣкой *по̀практиченъ* на негово мѣсто: той разбралъ, че за народа е нуждна, прѣди всичко, друга, по̀-полезна дѣйность — да цѣри други недѫзи народни. Най-вече Бодянски, а послѣ и Шафарикъ му вдъхнали идеята да работи и въ съвсѣмъ затръненото и буренясало българско литературно поле.

Както бѣлѣжатъ Г-да К. Иречекъ и Д-ръ Ив. Д. Шишмановъ, въ рѫкописитѣ на Шафарика се намѣрили книгописни свѣдѣния, писани съ рѫката на Шопова. Безъ съмнѣние Шоповъ е доставилъ Шафарику и други свѣдѣния за нашия народъ.

За пръвъ пѫть въ Цариградски вѣстникъ, г. 3. № 99 (6 септемвр. 1852. г.) биде публикованъ:

Списокъ на Болгарскы книгы на нововозраждаема-та Бол-

---

1) Въ кн. *Православное Оученіе или сокращенно хрістіанско Богословіе* отъ московския митроп. Платона, прѣв. свещенноинокъ хилендарски Иларіонъ Стояновъ еленчанинъ. Цариградъ. 1844 сѫ и тия спомощници отъ Пиза студенти: Стоянъ Чомаковъ копришенецъ, Ив. Х. Василевъ (=Ив. В. Шоповъ) Калоферецъ, Константинъ Ивановъ отъ Битоля, Иванъ Сливенски, Захария М. Кюстендилски и др...

гарска Писменность въ XIX-й вѣкъ. Собранъ отъ Ивана В. Шопова. 1852. Маія 5-го. Златный Прагъ въ Богемія.

Тоя списъкъ съдържа всичко 112 книги. Начева съ Молитвеный Крінъ. У Будиму. 1806 (№ 1) и свършва съ Всеобща исторія, прев. Атанасія Чолакова. Цариградъ. 1851 (№ 112).

Книгитѣ сѫ наредени по годинитѣ на излазянето имъ, и заглавията имъ сѫ твърдѣ кратки—нѣматъ означени: форматъ, страници, цѣна и печатница. У нѣкои липсва годината. Има—както бѣлѣжи и г. Иречекъ — и нѣкои грѣшки въ заглавията и годинитѣ. [Напр. на № 83, вмѣсто 1850, е дадена 1840. г.).

Къмъ тоя списъкъ редакцията прибавила други 15, та станали всичко 127 (погрѣшно е отпечатано въ края 126; № 115 е писано дважди—и за № 116).

Послѣ наскоро тоя списъкъ излѣзълъ на отдѣлна книжка:

Списокъ за Болгарскы-те книгы кои-то са издадени до сега. Цареградъ. Въ Типографія-та Ц. Вѣстника. 1852. 16°. Стр. 15. — Отвѫтрѣ пъкъ въ начало на текста стои сѫщото заглавие, както е въ Цар. вѣстникъ.

Тая книжка съдържа всичко 143 книги (112 тѣ на Шопова и редакцията прибавила сега повече—31. Пакъ № 115 носятъ двѣ книги). Свършва съ кн.: Словарь Славяно-Еллинскій. Н. Рыл. [=Неофита Рилца]. 1852.

Тая малка книжка — сега важна библиографическа рѣдкость — притежава г. Д-ръ А. Теодоровъ. Подарилъ му я извѣстнятъ родолюбецъ и старъ книжарь г. Хр. Г. Дановъ.

Въ писмото си отъ 20. августъ 1852. г. изъ Одеса до редакцията на Ц. Вѣстникъ напечатано заедно съ *списъка*,— родолюбецътъ Н. Х. Палаузовъ излага причинитѣ, по които прѣдложилъ Шопову да състави тоя списъкъ: «Да се знае, каже, както се пише и прѣвежда, та да не прѣведе нѣкой вече прѣведена еднажъ книга, както се случило»... Той добавя, че Шоповъ приелъ прѣдложението съ достопохвално усърдие и се потрудилъ, та съставилъ списъка. За Шопова пъкъ ето какъ се произнася: «Младъ и ревностно разпаленъ Българинъ за отече-

в. Шоповъ участвувалъ и въ общославянския лексиконъ на Шумавски. печатанъ съ Кирилица и отъ който излѣзли 1 — 2 тетрадки.

Г. Димитровъ въ кн. «Българско Княжество» (ч. I, стр. 246) пише, че въ 1852 г. Натанаилъ Стояновъ и К. Петровичъ съставили въ Петербургѣ проектъ за основание на Българска матица—за разпространене просвѣта между българитѣ, и тоя проектъ подписалъ Ив. В. Шоповъ въ Прага.

За Шопова ето що пише г. В. Д. Стояновъ, който дълго врѣме се училъ въ Прага (Пер. сп. на Бълг. кн. др. въ Срѣдецъ. Кн. кн. XXIII и XXIV, стр. 1037).

«Единъ отъ приятелитѣ на покойния Филаретовъ и който почина въ Прага прѣзъ 1853. г. бѣше Ив. В. Шоповъ, отъ Калоферъ. Той почналъ да учи медицина въ Москва, но отпослѣ продължилъ учението си въ Пражския университетъ. Шоповъ билъ много духовитъ и сериозенъ момъкъ: неговото примѣрно трудолюбие въ сериозно научно занятие и особната му любознателность къмъ словѣновѣдѣнието скоро и обърнаха вниманиото на ученитѣ мѫже къмъ него, както въ едната, тъй и въ другата старославна митрополия на сѣверо-източния и сѣверо-западния словѣнски міръ. Той пръвъ направилъ опитъ за съставяне книгописъ на нововроденатa българска писменость въ сегашния вѣкъ... За зла честь, той почина преждеврѣменно...

За послѣднитѣ дни на Шопова и за трагичната му кончина узнаваме отъ тия двѣ Шафарикови писма изъ Прага:

1. Отъ 16. октомврий 1853. г. той пише М. П. Погодину: «Вечерьта въ деня на отпѫтуването Ви (23. Септ.) българинътъ Шоповъ си прѣрѣза врата, вѣроятно въ единъ припадъкъ отъ меланхолия, а може би и въ слѣдствие на скарване съ брата си, търговецъ въ Исмаилъ. Понеже азъ получихъ извѣстие за това вече на другата сутринь и моятъ Ярославъ, като най-близъкъ неговъ познайникъ, трѣбваше да се грижи за погребението, то случката много близу ни досѣгаше. Той имаше единъ по-малъкъ братъ при себе си; другиятъ бѣше вече отпѫтувалъ

за Виена, но дойде тукъ на погребението. Българитѣ не сѫ честити съ синоветѣ си, които се посвещаватъ на труда»[1]).

2. Отъ 20. юлий 1854 г. той пише до секретаря на «императорское общество исторіи и древностей россійскихъ» въ Москва, О. М. Бодянски: «Хоть и не очень давно писалъ... тѣмъ не менѣе чувствую потребность писать вамъ опять и сообщить вамъ о смерти *человѣка вамъ знакомаго и когдато вами направляемаго* (к. м.) и на полѣ науки и уважаемаго въ силу великихъ надеждъ, которыя онъ возбуждалъ своею преданностью наукѣ. Именно: 23 сент. (н. с.) вечеромъ скончался здѣсь жалкимъ образомъ Иванъ Шоповъ, болгаринъ изъ Калофера, перерѣзавъ себѣ горло хирургическимъ ножемъ. Случилось это подъ вліяніемъ какой-то меланхоліи, возможно, что и вслѣдствіе ссоры съ братомъ измаильскимъ, чего однако утверждать не могу. Былъ не задолго передъ этимъ у него братъ Георгій, и едва онъ уѣхалъ въ Вѣну, какъ Иванъ покончилъ съ собою. Имѣлъ здѣсь Иванъ у себя маленькаго брата Матѳея, случай тѣмъ печальнѣе. Мой Ярославъ, медикъ и близкій знакомый покойника, постарался о погребеніи. Георгій пріѣхалъ изъ Вѣны на погребеніе. Видите, какіе нещастные эти Болгаре! Сыны ихъ, отдаваясь наукѣ, одинъ за другимъ гибнутъ! (Бълг. Сбирка, г. III, кн. VIII).

Печалнитѣ мысли на Шафарика свѣдочатъ за обичьта, която тоя чешки ученъ и разпаленъ славянофилъ питаелъ къмъ Шопова и къмъ българитѣ изобщо.

Въ в. «Дунавска Зора», г. II, бр. 51 (отъ 1869) се казва, че Шоповъ си прѣрѣзалъ гръцмуля въ 1852 г. (годината погрѣшена).

Покойниятъ Ст. Н. Кйойбашиевъ ми разправя, че ужъ Шоповъ билъ замѣсенъ въ маджарското възстание на Кошута и на чехитѣ противъ Австрия. По онуй врѣме, кого хванѣли, и обѣсвали. Подирили и Шопова и — тогава той се самоубилъ. Каза

---

1) Д-ръ Ив. Д. Шишм.: Личнитѣ снош. на Шафарика съ бълг. (Бълг. Прѣгл. ч. II, кн. XII.

ми още, че кога прѣзъ 1894. г. билъ въ Прага издирилъ ужъ вуйчовия си гробъ. На него имало желѣзенъ кръстъ.

Подобно нѣщо загатва и дѣдо Натанаилъ: «Шоповъ самъ се закла съ бръсначъ прѣзъ есеньта — ми пише той. Причината на тая негова смъртъ не ми е точно извѣстна, но едно знамъ: тогава Прага бѣше въ военно положение, а онъ бѣше, чини ми се, замѣшанъ въ пражкитѣ свободолюбци и възстаници. Шоповъ бѣше буенъ и истински патриотъ за всичко, що се отнася до българитѣ и до цѣлото славянство»...

Туй твърдятъ и Калоферци. Тѣ още разправятъ, че кога узнала за смъртьта на сина си, баба хаджийка турила единъ день негови дрехи въ носило и ги опѣли свещеницитѣ. Тя ходила и въ Прага, но нищо не могла да види. Оттогава тя отъ жаль цѣли три години не подала глава извънъ вратнята.

Послѣ библиотеката на Шопова — отъ около 2000 тома хубаво подвързани книги: руски, чешки, гръцки, френски, нѣмски, италиянски, латински и малко български — била прѣнесена въ Калоферъ. Изъ нея Н. В. Пр. дѣдо Константинъ, вратчански митрополитъ, взималъ да чете съчиненията на Овидия. Хаджи Василевата кѫща бѣше въ Азмака, до Ваклиови. Едно-врѣме, помня, ние дѣца, движими отъ нѣкакво непобѣдимо любопитство, надниквахме съ страхопочитание, кога случайно зърнувахме открехната голѣмата дъсчена вратня, нашарена съ голѣми гвоздеи споредъ тогавашната мода и надъ която имаше отлукана. Но тя рѣдко се отваряше: синоветѣ — въ странство, момичетата изженени. Бѣ остала самà баба Хаджийка, която често отиваше при чедата, кѫщата оставаше праздна. Понѣкога тукъ живѣеха квартиранти. Въ входа — гробовна тишина, хладъ, сѣнка и нѣкакъвъ дъхъ отъ влага и отъ голѣмитѣ чемшири, налѣпени отлѣво до бѣлата стѣна, обрасла съ бръшлянъ и до чешмата. Отдѣсно срѣщу тая стѣна и дебелите дървени дирeци, които подпираха отлуканата, се намираше кйошкъ и до него — стаята, гдѣто въ рафтове бѣха наредени книгитѣ. Тукъ се намиралъ съ маслени бои портретътъ на Ивана Шоповъ, въ бѣломорска носия. — И

тая скѫпа библиотека изгорѣ ведно съ цѣлъ Калоферъ прѣзъ освободителната война (1877—78 г.). Сигурно, въ нея, е имало и нѣкои важни рѫкописи и писма, отъ които по̀-добрѣ да се изучатъ животътъ и дѣйността на Шопова и първитѣ години на нашето възраждане.

Узнахъ, че въ Прага за Шопова най-лестно се отзовавали лица, които го познавали, че пакъ нѣкакъвъ неговъ портретъ се намиралъ у Г-жа Лауерманова, дъщеря на прочутия чешки лексикографъ Юнгманъ и че върху гроба на Шопова имало плоча съ тия два лаконични стиха, неизвѣстно чии:

«Bulharské kosti
V české zemi».

Въ отговоръ на направенитѣ постѫпки, ето що пише изъ Прага Г-ца Z. Zapova, дъщеря на чешкия историко-географъ Иосифъ Запъ: "«...Чакъ на третия пѫть намѣрихъ Г-жа Лауерманова. За починалия Шоповъ, както и за неговия портретъ, тя нищо не знае, но—каза ми тя—навѣрно ще е знаяла снаха ѝ, която прѣди нѣколко години починала. Тази млада Г-жа Лауерманова ме прѣпорѫча на Г-ца Мусилова, внучка на Иосифа Юнгманъ. Г-ца Мусилова ни каза, че си спомня, какъ леля ѝ Г-жа Лауерманова, старата, ѝ говорила за Шопова, че той въ 1853. г. ѝ билъ деверъ, когато тя се женила, като вдовица, за нѣкой-си Петровичъ, и че наскоро слѣдъ туй Шоповъ се самоубилъ. Госпожицата ми каза, че не знае нищо за Шоповия портретъ, но ми се обѣща, че ще разпита подробно и грижливо. И наистина, тя изпълни обѣщанието си, но безъ никакъвъ резултатъ—нигдѣ не се намѣри Шоповиятъ портретъ. Като и въ туй ми не провървѣ, азъ се отправихъ до тукашното гробарско управление на Олшани (Olšany). Тамъ се намѣри въ книгитѣ, че въ 1853 г. билъ погребенъ въ четвъртия кварталъ на гробищата единъ българинъ Шоповъ, но като никой не се погрижилъ за гроба му, то слѣдъ десеть години коститѣ му били изкопани и

турени въ общата гробница. Отъ първия Шоповъ гробъ нѣма никаква слѣда—ни плоча, ни друго нѣщо»...

Туй досега знаемъ за Шопова. Въ всѣкой случай, причината за неговата смърть остава и доднесъ неразяснена. И двѣтѣ приведени писма на Шафарика сѫ кратки и почти стереотипни, ако и писани 9 мѣсеца едно слѣдъ друго. Дали Шафарикъ се е боялъ да каже истинската причина за Шоповата смърть? Дали на врѣмето нѣкои вѣстници сѫ писали нѣщо за тая случка? — Неизвѣстно!

По-подробни свѣдѣния за Ивана може ни дà — както и да поправи нѣщо, което невѣрно съмъ прѣдалъ — братъ му Г-нъ Георги В. Шоповъ.

II.

Умрѣ Шоповъ, а слѣдъ 8 години — и Шафарикъ († 1861) и, сѣкашъ, книгописното българско дѣло заглъхна: други по-важни религиозни и политически въпроси занимаваха умоветѣ на интелигентнитѣ българи. Но неусѣтно литературниятъ български езикъ се сформираше, оглаждаше, обогатяваше, и правописътъ се упростяваше; нови писатели се явяваха; българскитѣ печатници се плодѣха извънъ България, па дори и въ самà нея (въ Солунъ, Самоковъ, Браила, Русе); на всѣка година броятъ на излѣзлитѣ—съ все по-разнообразно съдържание книги и на вѣстницитѣ и списанията прогресивно растѣше, все нови и нови училища се отваряха. Народътъ тихо се развиваше и крѣпнѣше духомъ, та въ бѫдеще да поддигне гръмки протести и кървави възстания за отнетитѣ му религиозни и политически правà.

Тъкмо слѣдъ 20 години откакъ Шоповъ бѣ издалъ книгописа си, за българската библиография пакъ заговори единъ съотечественникъ и сродникъ на Шафарика, подбуденъ отъ неговия примѣръ.

Туй бѣше уважаемиятъ Г-нъ Д-ръ К. Иречекъ. Той издаде: *Книгописъ на новобългарската книжнина 1806—1870.*

Віена. 1872. 8°. г. стр. 48 (Прилож. къмъ кн. кн. 7 и 8 на Браилск. пер. спис.).

«Съставянето на българския книгописъ, каже Г-нъ Иречекъ въ прѣдговора, не бива вече да се отлага, защото събирането и записването на книгитѣ става всѣка година по̀-трудно. По̀-прѣдишнитѣ книги, издадени въ малко екземпляри, сѫ пръснати изъ цѣло Българско; въ книжарницитѣ не се намиратъ вече, а още по̀-малко въ книгохранилища, защото българитѣ още нѣматъ такива»...

Тоя книгописъ е вечъ, сравнително много по̀-пъленъ. Повечето книги иматъ: година, мѣсто, форматъ, страници, цѣна и печатница и сѫ наредени по азбучния редъ на авторитѣ, а прѣведенитѣ и безъ означенъ авторъ — по азбучния родъ на заглавията имъ. Много заглавия сѫ пълни. Има и класификация на книгитѣ споредъ съдържанието имъ. Всичкитѣ забѣлѣжени книги сѫ 532+18 — почти 4 пѫти повече отколкото у Шопова. Книгописътъ почва съ: Абдирити-тѣ и Магарешка-та сѣнка. Цариградъ. 1851. 32°. 195 стр. (№ 1) и свършва съ: *Шишковъ Тодоръ*. Енциклопедия, малка, съ правила за политизмъ или гражданство. М. и г.? — Разбира се, има книги и съвсѣмъ накратко отбѣлѣжени. Та и иначе не е могло да бѫде!

Догдѣто въ онния тъмни врѣмена и чакъ отъ Прага Шоповъ е събиралъ оскѫдни свѣдѣния за българскитѣ книги, сега Г-ну Иречеку е било по̀-лесно да направи туй въ Виена, благодарение още и на неговото образование и положение. Той схваща по̀-широко задачата си; събира свѣдѣния отъ чужди писатели, прѣдимно руски, чехски, сръбски и отъ каталозитѣ на книжарницата на Хр. Г. Дановъ.

Наста нова ера въ живота на българитѣ: наста освободителната война. Образува се едно свободно Българско княжество, което щѣше да служи като опора на другитѣ още не освободени български земи, и — една полусвободна българска область, която въ Берлинъ кръстиха: Източна Румелия. Мнозина въ странство българи се върнаха въ родината си. Почна се новъ свободенъ

човѣшки животъ, пъленъ съ най-идеални и смѣли мечти. Въ двѣтѣ български столици София и Пловдивъ, като въ двата фокуса на елипсата, закипѣ сега още по-голѣма дѣйность отъ прѣснитѣ и набрани български сили. Появиха се и по-високи училища, още по-много печатници всрѣдъ България, книжарници (нѣкои съ свои печатани каталози), книги, списания, вѣстници. Почна да се трупа още по-голѣмъ и по-разнообразенъ материалъ за бѫдещия български библиографъ. — Изъ наплодените списания и вѣстници се появиха вѣсти за всевъзможнитѣ излѣзли книги. Често туй книжаритѣ, издателитѣ, или пъкъ самитѣ автори, правѣха за лична полза.

Врѣмето летѣше, науката се разработваше все повече. По логическия родъ на сѫбитията появиха се и отдѣлни биографични работи. Тъй:

Въ 1891. г. подначалникътъ при Финансовото министерство Г-нъ Юрданъ Ивановъ прѣдприе важна и съ доста широки рамки задача, да даде: 1) по хронологиченъ и азбученъ редъ всички вѣстници и списания излѣзли отъ 1844. г.[1]) доднесъ; 2) програмитѣ имъ и библиографични бѣлѣжки за тѣхнитѣ редактори; 3) разнитѣ въ тоя период. печатъ статии, които не сѫ излѣзли отдѣлно, а много отъ тѣхъ съдържатъ цѣнни материали по разни въпроси и 4) общъ очеркъ за развоя на нашата преса (Кн. I).—Той издаде:

Български периодически печатъ отъ възраждането му до днесъ. Кн. I. София. 1891. 8°. Стр. 78+1 л. Ц. 1 л.

Кн. II. София. 1891. 8°. Стр. II+78 155. Ц. 1 л.

Кн. III. София. 1892. 8°. Стр. 156—235. Ц. 1 л.

Тия книжки възбудиха интересъ. Въ късо врѣме г. Ю. Ивановъ събра отъ разни мѣста и лица още много свѣдѣния, та наскоро прѣиздаде, а нѣкѫдѣ и поправи, публикуваното досега въ тая обемиста книга:

---

1) Отъ първото спис. на новобълг. езикъ: *Любословіе* на К. Г. Фотиновъ Смирна.

Бъларский периодически печатъ отъ възраждането му до днесъ (отъ 1844—1890 г.). Томъ I. София. 1893 8°. Стр. 587. Ц. 5 лева.

Тоя томъ обхвана първитѣ двѣ точки отъ програмата на Г. Иванова. Въ прѣдговора той ни казва, че вториятъ томъ ще съдържа сàмо общия прѣгледъ на нашия периодически печатъ, сир. четвъртата точка; третята той изоставилъ[1]).

Изъ день въ день се заусѣща повече нуждата отъ пò-пъленъ и съставенъ споредъ най-послѣднята дума на науката български книгописъ. Иречековиятъ се бѣ спрѣлъ до 1870. па бѣше и непъленъ и нàмѣсти погрѣшенъ: Г-нъ А. Теодоровъ бѣ открилъ повече отъ 300 книги невписани у Иречека.

III.

Най-сетнѣ и такъвъ се яви—слѣдъ други 20 години.

Заслугата се пада Г-ну А. Теодорову, професоръ въ нашето Висше училище.—Той издаде:

Бъларски книгописъ. Дѣлъ първи. Отъ врѣмето на първата новобъларска печатна книга до послѣднята руско-турска война (1641—1877). 8°. г. стр. 17, съ отдѣлна пагинация къмъ кн. IX на Сб. за нар. умотв. и пр. издава мин. на Нар. Просв. 1893. София.—И отд. отп.

Въ прѣдговора Г-нъ Теодоровъ разправя, че още отъ октомврия 1882 засъбиралъ допълнения и поправки за Иречековия книгописъ и нови книги излѣзли слѣдъ 1870. г.—При съставяне на книгописа той се ползувалъ отъ книгописитѣ на Шопова, Иречека и каталозитѣ на книжарницата на Хр. Г. Дановъ, отъ Н. Начова, Ю. Иванова и отъ др. па донѣкждѣ и отъ каталога

---

1) Пò-рано—въ 1885...—биде напечатанъ: *Каталогъ на книгитѣ въ Областната библиотека. Пловдивъ.* 4°. Стр. 185.—Гл. и моята статия: Библиографический прегледъ на нашата математическа литература отъ самото и начало до края на 1886. г. Искра, г. II, бр. бр. I, III и IV (Шуменъ) 1889.—и отд. отп. стр. 172.

на Областната библиотека въ Пловдивъ; отстѫпили му събранитѣ си библиографични свѣдѣния Г-да: К. Иречекъ и учителитѣ Д. Д. Стойновъ и Д. Панайотовъ.

Тоя книгописъ вече прѣдставя нѣщо пò-пълно и систематично. Споредъ смѣтката въ края на стр. 176, той съдържа 1116 книги — двойно повече отъ Иречековия и почти осморно отъ Шоповия. Има класификация на книгитѣ по: съдържание, години и мѣста на издаването.

Догдѣто книгописитѣ на Шопова и Иречека бѣха съставени извънъ България при съвсѣмъ неблагоприятни условия на епохата и свѣдѣнията за много книги бѣха събирани прѣзъ втори и трети рѫцѣ — сега свѣдѣнията за тоя книгописъ бѣха събирани на самото мѣсто.

Но слѣдъ врѣме и въ тоя книгописъ—твърдѣ естествено!— се оказаха нà мѣсти непълноти и грѣшки. Макаръ че България не е пространна държава, литературата и не представя нѣкое сложно развитие, па и книгописътъ да обхваща сàмо единъ вѣкъ врѣме — пакъ да се състави и у насъ пъленъ и точенъ книгописъ е огромна работа, дѣло отъ взаимни усилия на мнозина. Както бѣлѣжи и самъ Г-нъ А. Теодоровъ, мѫчно се събиратъ и сега още свѣдѣния за пò-старитѣ български книги пръснати изъ освободена и неосвободена още България или пъкъ изъ ония нейни части, които Берлинскиятъ договоръ даде на съсѣдитѣ. — А и другадѣ казахъ, че да се събератъ всички напечатани отъ бѣлѣжитата 1806 година насамъ наши книги въ народнитѣ библиотеки Софийската и Пловдивската, или поне въ първата, — си остава, за жалость, и доднесъ несбѫдната мечта!

Отсетнѣ като допълнения на споменатия книгописъ се явиха тия статии: *Приносъ къмъ Българския книгописъ до 1877*. Подава Ст. Аргировъ. Пер. сп. на бълг. Кн. др. въ Срѣдецъ, ч. IX, кн. XLVIII (1895 и отд. отп. 8°. Стр. 19).

Съ тоя приносъ Г-нъ Ст. Аргировъ, Директоръ на народната библиотека въ Пловдивъ подава 61 невписани у Г-на

А. Теодорова книги, а на други 61 поправя или допълня заглавията.

Въ юбилейния сборникъ по случай 50 годовщината на Българската журналистика и пр. 1894 г. Г-нъ С. С. Бобчевъ публикувà: *Прѣгледъ на Бѣлгарский печать* (1844—1894 гг.) Пловдивъ. 8°. Стр. IV+116+II. Отдѣлна пагинация. И отд. отпеч.

Тая статия е изпъстрена съ цѣнни свѣдѣния: авторътъ ѝ повече отъ 30 години насамъ се движи изъ нашата журналистика и литература[1]).

Въ туй отношение се направи нѣщо по-сѫществено: кога бѣше министъръ на Народното Просвѣщение Г-нъ К. Величковъ, отъ 22. февр. 1897 г. влѣзе въ сила новъ законъ, който задължаваше, срѣщу глоба 25—250, всинца печатари (и литографи) да изпращатъ даромъ въ народнитѣ библиотеки въ София и Пловдивъ по 2 тѣла отъ печатанитѣ отъ тѣхъ книги, а пъкъ Софийската библиотека задължаваше да издава прѣзъ всѣки три мѣсеца бюлетини за новопостѫпилитѣ въ нея книги.

До днесъ тая библиотека издаде тия библиографически бюлетини: прѣзъ 1897—г. I (за 1897, на 4 пѫти); прѣзъ 1898 и 1899—г. II (за 1898, на два пѫти); прѣзъ 1900—г. III (за 1899, на еднажъ). Бюлетинитѣ спрѣха за 2 години и послѣ пакъ почнаха; тъй: прѣзъ 1903 излѣзоха наедно двѣтѣтѣ години IV и V (за 1900 и 1901) и г. VI (за 1902 г.). Год. VII (за 1903) се печати.

Въ I г. и въ I кн. на II г. се даватъ и съдържанията на списанията, а въ края на бюлетина IV и V гг. — систематиченъ прѣгледъ на книгитѣ по: съдържание, азбученъ редъ на авторитѣ или пъкъ по заглавията на книги безъ посоченъ авторъ.

Освѣнъ туй, излѣзе и: Описъ на българскитѣ периодични

---

1) Гл. и моята статия: Къмъ Български книгописъ съставенъ отъ г. А. Теодоровъ. Дѣлъ първи. (Бълг.—Сбирка, г. XI, кн. I. 1904). Въ нея се даватъ нови 26 книги, поправятъ се заглавията на 18, а пъкъ на 38 се допълнятъ.

издания въ Народната Библиотека въ София. 1844—1900. 8°. Стр. IV+145. Ц. 60 стот. 1903. — Въ края е прибавлено: 1) Гдѣ сѫ издавани тия вѣстници и 2) прѣзъ кои години.

Туй е добра справочна книга.

Но и споменатиятъ бюлетинъ не принесе очакваната полза— доста книги липсваха въ него: не бѣха доставени въ библиотеката, макаръ и да се взимаха мѣрки да се прилага точно законътъ и да бѣше прѣдвидена глоба, както видѣхме.

Въ отчета за 1899 г. дирекцията на библиотеката прѣдлагаше да се прѣобразува тоя бюлетинъ въ библиографическо списание, което, освѣнъ съ библиография, да се занимава и съ критични бѣлѣжки, отзиви и къси рецензии на пò-важнитѣ български издания, както и на ония чуждестранни, които иматъ значение за отечеството и науката. Защо не се осѫществи тая добра мисъль, неизвѣстно. Сигурно, туй списание, издавано на прѣдлаганитѣ отъ дирекцията условия, щѣше да успѣе. У насъ мѫчно вирѣятъ изданията на частни лица: потрѣбни сѫ голѣми жъртви отъ трудъ и пари.

Обѣщания II томъ на Българския период. печать г. Ю. Ивановъ не издаде, па и авторътъ не продължи начнатото добро дѣло. Та, и наистина, много трудна стана отпослѣ задачата му: безъ четъ вѣстници и списания съ най-чудати имета бързо заизникваха и бързо гинѣха като гѫби. Нѣкои траеха само нѣколко седмици или мѣсеци — догдѣ минатъ, наприм., нѣкои избори. Нѣкои вѣстници и списания служеха на малки партийни фракции, или пъкъ на отдѣлни заинтересувани или амбициозни и никому непознати личности. Градовци като Трънъ, Радомиръ имаха свой вѣстникъ. — Г-нъ Ю. Ивановъ прѣдалъ всичкия осталъ у него библиографиченъ материалъ по периодичния печатъ на тукашната народна библиотека.

Догдѣ Г-нъ А. Теодоровъ събираше материалъ за втория дѣлъ на българския книгописъ (отъ руско-турската война до края на XIX в.) — той, прѣзъ изтеклитѣ вечъ 10 години, събра тоже доста попълнения и поправки и за първия дѣлъ, та се

рѣши и него да прѣработи и прѣиздаде. И тъй, и двата дѣла на българския най-новъ книгописъ сѫ вечь готови и ще бѫдатъ напечатани като приложение къмъ Сборн. за нар. умотв. и пр. изд. мин. на Нар. Пр. Съ какво ли число ще се прѣдстави всѣки единъ?! Надѣемъ се че въ тѣхъ не ще липсва и азбученъ показатель на авторитѣ, па даже и на прѣводачитѣ и печатаритѣ въ нуждната координация съ другитѣ биографичнн данни на книгата. Туй има свое практично значение, за да се намѣри по-лесно една книга, когато въ минутата не си спомняме други данни. Добрѣ ще е книгописътъ да се издаде и отдѣлно, за да могатъ си го купи заинтересуванитѣ.

Най-сетнѣ и ние ще имаме добъръ книгописъ, единъ пъленъ и точенъ, тъй да кажа, инвентаръ на всички български книги— основа на нашата книжнина. Отъ него и ние сами, и чужденцитѣ ще можемъ си състави ясно понятие за развоя и характера на нашата книжнина отъ начало на възражданието до днесъ, или пъкъ за извѣстни части отъ тоя периодъ, ще изучимъ нашата минала духовна дѣйность и сегашния ни прогресъ. Само тогава ще бѫдатъ възможни и пълнитѣ библиогрифични студни върху разнитѣ клонове на науката. Разработването на тия материяли ще прѣдставя благодатно работно поле за младитѣ наши работници.

Другъ е въпросътъ за качеството на тия книги. Безъ съмнѣние, много отъ тѣхъ сѫ изметъ, и българската книжнина не щѣше нищо да изгуби—напротивъ, щѣше да изпечели—ако ги нѣмаше.

Въ свръзка съ статията ми тукъ на бърза ржка отбѣлѣжвамъ нѣкои появени досега отдѣлни библиографични работи, оставямъ настрана разни сборници на закони и пр.:

Показалецъ на материялитѣ по Българска история обнародвани въ българскитѣ списания. И. П. Кеповъ. (Бълг. Прѣгл. г. IV, кн. VII) и

Показалецъ на напечатанитѣ до сега въ разни сборници и периодически списания варианти отъ пѣснитѣ на Братья Миладинови. Ефремъ Карановъ. Мсб. I, 157—175.

Бълг. Сбирка (г. VIII, кн. IV, 1. Апр. 1901) писà: «Г-нъ Д. П. Консуловъ отъ Сливенъ е съставилъ една цѣнна библиография на българския период. печать за изтеклото XIX ст., въ който по азбученъ редъ на авторитѣ сѫ посочени 20,000 статии съ означения гдѣ, въ коя година и книжка е вмѣстена статията, отъ колко страници се състои[1]). При туй, г. К. държи да осѫществи и друга една все тъй хубава мисъль — като отпечата труда си — да се залови да издава ежегодно библиография за всичко напечатано прѣзъ годината въ период. печатъ»... — Оттогава се измина доста врѣме, какво направи г. К. съ събрания материалъ — неизвѣстно.

Тоже сега и Г-нъ Ст. Аргировъ съставя систематиченъ прѣгледъ на статиитѣ въ старитѣ вѣстници и списания[2]).

Учительтъ Г-нъ Енчевъ готвѣлъ запечатъ отъ 50 кòли трудъ, въ който щѣла да бѫде посочена излѣзлата прѣзъ XIX в. на български литература, относно възпитанието и обучението и народната хигиена. Книгата щѣла да има 4 части, отъ които първата щѣла скоро да бѫде отпечатана (сѫщиятъ вѣстн. бр. 1017).

Студентътъ Г-нъ С. Чилингировъ готвѣлъ отъ година насамъ и щѣлъ наскоро да издаде педагогиченъ сборникъ, въ който щѣли да бѫдатъ посочени и резюмирами накратко всички педагогични статии печатани отъ 1844. г. до сега въ разнитѣ неспециялни педагогични издания *Вечерна поща* бр. 1014).

Студенттъ Г-нъ Албертъ Гечевъ готвѣлъ книгописъ по Българското възраждание.

Отъ начало на тая година Г-да А. Теодоровъ и Н. Николаевъ, учитель, почнаха да издаватъ въ столицата мѣсечно библиографическо списание *Книгописецъ*, съ доста обширна програма — каквато, както споменахъ, се прѣдлагаше въ отчета на

---

1) Туй прѣдполагаше извърши пò-рано и Г-нъ Ю. Ивановъ. Точка 3.

2) Той издаде: Ржководство за уреждане народни, общински, ученически и частни библиотеки. Пловдивъ. 1898. 8°. Стр. 121. Ц. 1 левъ.

Соф. Нар. Библиотека за 1899 г. [Броятъ отъ $1\frac{1}{2}$ кола, текстъ петитъ и нонпарейль въ двѣ колони и годишна цѣна 5 лева за България, а за странство 6].

Нека пожелаемъ дългъ животъ на туй полезно списание!

Българскитъ народъ е младъ и, като всѣки младъ човѣкъ— енергиченъ и съ голѣма вѣра въ бѫдещето. — И малки народи извършиха голѣми работи въ псторията, стара и най-нова.

Крачи народътъ ни смѣло и бързо къмъ прогреса. Прѣзъ много Сцили и Харибди мина благополучно той. Бѫдещето, може-би, му готви и други, нови изпитни, но увѣрени сме, че му готви и други още пò-голѣми триумфи и слава. Звѣздата на щастието му чудесно свѣти.

И малката България ще допринесе нѣщо на Славянство, на човѣчество!...

Н. Начовъ.

10. Юний. 1904. София.

О земскомъ соборѣ 1642 года.

Земскій соборъ 1642 г., рѣшавшій вопросъ о принятіи отъ донскихъ казаковъ Азова, останавливалъ на себѣ особенное вниманіе историковъ. Его организація и дѣятельность служили часто важнѣйшимъ матеріаломъ для построенія общихъ выводовъ о земскомъ представительствѣ въ древней Россіи. Слѣдуетъ, поэтому, желать, чтобы исторія этого знаменитаго собора была возстановлена со всей полнотой и деталями, какія только можно извлечь изъ имѣющагося въ рукахъ изслѣдователя матеріала.

Единственнымъ источникомъ для исторіи собора 1642 г. доселѣ остается соборный актъ, текстъ котораго напечатанъ въ III-мъ томѣ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Между тѣмъ, въ подлинномъ дѣлѣ о соборѣ 1642 г., хранящемся въ Московскомъ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ[1]), соборному акту предшествуетъ особый докладъ государю объ обстоятельствахъ, побудившихъ правительство обратиться къ собору. Этотъ докладъ содержитъ нѣсколько интересныхъ фактовъ, еще никѣмъ изъ изслѣдователей, насколько мнѣ извѣстно, не использованныхъ.

---

1) $\frac{7150}{1642}$ генваря 3—13. № 1 (Турецкія дѣла).

Передавъ подробно содержаніе грамоты донскихъ казаковъ, доставленной въ Москву 28 октября 1641 г. атаманомъ Наумомъ Васильевымъ съ товарищи и упомянувъ о посылкѣ 2 декабря на Донъ дворянина Ав. Желябужскаго и подъячаго Башмакова съ царскимъ жалованьемъ и съ порученіемъ подробно осмотрѣть Азовъ, докладъ сообщаетъ, что оставленные въ Москвѣ атаманъ Н. Васильевъ съ товарищи «безпрестанно» били челомъ царю о принятіи Азова и о посылкѣ къ нему царскаго войска. Выслушавъ эти новыя челобитья донской депутаціи, царь приказалъ «о томъ Азовскомъ дѣлѣ говорити боярамъ». Поговоривъ, бояре составили смѣту расходовъ, какихъ потребовала бы экспедиція подъ Азовъ:

«. . . . Только укажетъ государь Азовъ городъ принять у донскихъ атамановъ и у казаковъ и послати велитъ своего государева воеводу съ ратными людьми, и ратныхъ людей съ воеводою для приходу турскихъ и крымскихъ людей менши 10.000 человѣкъ послати нелзе.

А толко дати имъ государева жалованья на годъ по 10 рублевъ человѣку, и того иметца 100.000 рублевъ.

Да хлѣбныхъ всякихъ запасовъ толко послати для осадного времяни 50.000 чети, и того 50.000 рублевъ.

Пороху пушечново и ручново толко послати 20.000 пудовъ, а по ценѣ въ немъ будетъ 50.000 рублевъ, по 2 рубли съ полтиною пудъ.

Свинцу толко послати 10.000 пудъ, а по ценѣ иметца въ немъ 6000 рублевъ, по 20 алтынъ пудъ.

Самопаловъ ручныхъ толко послати 10.000, а по ценѣ будетъ въ нихъ 15.000 рублевъ, по пол 2 рубли за самопалъ.

И всего иметца по сему писму, что дати государева жалованья ратнымъ людемъ, и что положено за запасъ хлѣбной и за порохъ и за свинецъ и за ручные самопалы 221.000 рублевъ.

А только дѣлать въ Азовѣ земляной городъ, и на то городовое дѣло смѣту положить нѣпочему. А ныне по государеву указу

велено дворянину да подьячему толко ево досмотрѣть и на роспись написать и на чертежъ начертить, да ту роспись и чертежъ привести къ Москве. А въ приходъ воинскихъ людей къ Азову на выручку безъ ратныхъ людей быти нелзе. Да ратные жъ люди надобны для обереганія отъ приходу воинскихъ людей на государевы украинные городы».

Но рѣшить самый вопросъ о принятіи Азова, по мнѣнію бояръ, могъ только земскій соборъ. Они предложили царю «выбрать изо властей духовного чину и изо всякихъ чиновъ людей лутчихъ и съ ними поговорить о томъ же дѣле, что ихъ мысль о Азове,—держать ли Азовъ и кемъ держать, охочихъ ли людей называть или послать, ково государь укажетъ и неохочихъ, и на тотъ на весь подъемъ деньги какъ збирать со властей и со всякихъ чиновъ людей, а денги надобны не малые. Да и з донскимъ атаманомъ и съ казаками поговорить, толко къ нимъ въ прибавку укажетъ государь послать ратныхъ людей тысечи три или четыре, и имъ Азовъ городъ въ приходъ турскихъ и крымскихъ людей держать можно ли».

Такъ выясняется пока послѣдовательность событій, приведшихъ къ созыву собора 1642 г. Обращаемся къ вопросу объ организаціи этого собора. Соборный актъ начинается изложеніемъ указа о созывѣ собора:

«150, генваря въ 3 день государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи указалъ быти собору, а на соборѣ быти Крутицкому митрополиту и архимандритамъ и игуменамъ и всему освященному собору, и боярамъ и окольничимъ и думнымъ людямъ и стольникамъ и стряпчимъ и дворянамъ и дьякамъ и головамъ и сотникамъ стрѣлецкимъ и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ и гостямъ и гостинныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговымъ и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ, и сказати всякихъ чиновъ людямъ, что идетъ къ государю турской посолъ, а въ вѣстяхъ пишутъ, что идетъ посолъ говорити о Азовѣ: и они бъ выбрали изо всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ и изъ середнихъ и изъ молодчихъ людей, добрыхъ и

умныхъ людей, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ говорити; а кого выберутъ, и тѣмъ людемъ принести имена».

Смыслъ заключительныхъ строкъ указа, гдѣ говорится о выборѣ добрыхъ и умныхъ людей, не вполнѣ ясенъ. Когда и какъ должны производиться эти выборы? Если держаться строго логической послѣдовательности разсказа, то дѣло будетъ представляться такъ: 3 января 1642 г. соберутся люди разныхъ чиновъ, московскихъ и провинціальныхъ, выслушаютъ правительственное сообщеніе о прибытіи турецкаго посла и выберутъ послѣ того изъ своей среды добрыхъ и умныхъ людей, которые дадутъ надлежащій совѣтъ правительству. Согласно такому толкованію надобно различать лицъ, являющихся на засѣданіе 3 января, отъ спеціально выборныхъ людей, которыхъ люди люди разныхъ чиновъ изберутъ 3 января изъ своей среды. Но возможно и другое толкованіе. Люди разныхъ чиновъ, собирающіеся 3 января, — это и будутъ тѣ выборные, о которыхъ говорится въ концѣ указа.

Которое изъ этихъ двухъ толкованій вѣрнѣе? Это должно быть видно изъ анализа послѣдующаго содержанія акта.

«И по Государеву указу соборъ былъ въ Столовой избѣ, а на соборѣ при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Русіи были: Серапіонъ митрополитъ Крутицкой и архимариты и игумены и протопопы и весь освященный соборъ, и бояре и окольничіе и думные люди и стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и діаки и головы и сотники и дѣти боярскіе изъ городовъ и гости и гостиной и суконной и чорныхъ сотенъ торговые люди и всякихъ чиновъ служилые и жилецкіе люди; и говорилъ на соборѣ всѣмъ людямъ вслухъ печатникъ и думный діакъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лихачевъ, а молылъ:

«Государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи указалъ быти собору для того, что идетъ ко Государю турской посолъ, а въ вѣстяхъ во многихъ пишутъ, что идетъ говорити о Азовѣ; да въ вѣстяхъ же пишутъ, что на весну турской Салтанъ хочетъ послать войною на Московское госу-

дарство, осадя Азовъ. И Государь указалъ для того дѣла выбрати изо всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ и изъ середнихъ и изъ меньшихъ, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ говорити: изъ большихъ статей человѣкъ по 20 и по 15 и по 10 и по 7, а не изо многихъ людей человѣкъ по 5 и по 6 и по 4 и по 3 и по 2 человѣка; а кого выберутъ, и тѣмъ людямъ принести имена, и имъ про все объявятъ подлинно».

Рѣчью печатника Лихачева закончилось засѣданіе 3 января. Только что цитированное описаніе этого засѣданія согласуется съ первымъ нашимъ толкованіемъ царскаго указа о созывѣ собора. Дѣйствительно, засѣданіе 3 января, въ присутствіи царя, ограничилось тѣмъ, что освященный соборъ, съ митрополитомъ Серапіономъ во главѣ, члены Боярской Думы и разныхъ чиновъ люди, столичные и провинціальные, выслушали рѣчь Лихачева съ изложеніемъ причины созванія собора и съ предписаніемъ произвести выборы добрыхъ и умныхъ людей, которымъ «про все объявятъ подлинно». Ясно отсюда, что эти выборы должны были происходить послѣ засѣданія 3 января и что должно было состояться другое засѣданіе, на которомъ выборнымъ людямъ, «объявятъ про все подлинно», а они дадутъ правительству отвѣтъ на предложенные имъ вопросы. Что послѣ засѣданія 3 января происходило другое засѣданіе собора, когда выборнымъ людямъ подробно изложили обстоятельства азовскаго дѣла и поставили вопросы,—ясно изъ послѣдующаго разсказа соборнаго акта:

«И выборныхъ людей имена въ Посольской приказъ присланы изъ Разряду, и были тѣ выборные люди въ Столовой избѣ; а въ то время, по Государеву указу, въ Столовой избѣ были бояре и окольничіе думные люди, и о Азовскомъ дѣлѣ и о войнѣ всѣмъ людямъ вслухъ чтено при боярѣхъ по сему письму . . . .» Далѣе приводится текстъ «письма» съ изложеніемъ обстоятельствъ азовскаго дѣла. По прочтеніи письмо «всякихъ чиновъ выборнымъ людямъ для подлиннаго вѣдома роздано порознь при боярѣхъ; а къ крутицкому митро-

политу Серапіону послано таково жъ письмо, чтобъ онъ, собравъ архимаритовъ и игуменовъ и протопоповъ и весь освященный соборъ, о томъ дѣлѣ говоря и написавъ мысль свою на письмѣ, объявили Государю».

Не подлежитъ сомнѣнію, что эпизодъ чтенія «письма» и раздачи его выборнымъ происходилъ не 3 января, а позже, и при другомъ составѣ присутствующихъ. На этомъ второмъ засѣданіи не было ни царя, ни освященнаго собора съ митрополитомъ Серапіономъ во главѣ. Присутствовали только члены Боярской Думы и выборные люди отъ слѣдующихъ чиновъ: стольниковъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ городовыхъ, гостей, торговыхъ сотенъ и слободъ.

Когда происходило второе засѣданіе собора, догадаться трудно. Въ соборномъ актѣ указаны только сроки подачи нѣкоторыхъ депутатскихъ «сказокъ». Духовенство подало свое мнѣніе 13 января, Ник. Беклемишевъ и Тим. Желябужскій — 10 января, Нижегородцы, Муромцы и Лушане — 17 января. Сомнительными остаются сроки подачи мнѣній московскими дворянами и стольниками. Проф. Латкинъ полагаетъ, что московскіе дворяне подали свою «сказку» 3 января[1]). Едва ли это вѣрно. Сказка московскихъ дворянъ начинается такъ: «нынѣшняго 150, генваря въ 3 день, по государеву цареву и вел. князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи указу, велѣно московскимъ дворянамъ говорити и мыслити о государевѣ и о земскомъ дѣлѣ, о пріимкѣ у донскихъ атамановъ и казаковъ города Азова, и мысль имъ свою о томъ велѣно принести къ государю на письмѣ, и ихъ мысль. . . .» Я думаю, что въ данномъ случаѣ 3 января датируется не день подачи мнѣнія, а день перваго засѣданія собора. Наконецъ, въ сказкѣ стольниковъ читаемъ: «150 (года), генваря въ 8 день, государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Русіи указалъ стольникамъ о Азовѣ, по письму, каково дано письмо, помыслить накрѣпко и ему,

1) Земскіе соборы древней Руси, стр. 187.

государю, мысль свою объявить на письмѣ». Прямой смыслъ этихъ словъ будетъ тотъ, что 8 января стольникамъ было приказано думать объ Азовѣ. Не въ этотъ ли день и происходило второе засѣданіе собора?

Итакъ, анализъ соборнаго акта приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ о порядкѣ дѣятельности земскаго собора 1642 г. По царскому указу 3 января собрались въ Столовой палатѣ, въ присутствіи самого царя, освященный соборъ, члены Боярской Думы и разныхъ чиновъ люди, московскіе и провинціальные. Это засѣданіе имѣло чисто формальный характеръ. Печатникъ и думный дьякъ Ѳ. Ѳ. Лихачевъ въ краткой рѣчи изложилъ причину созванія собора и предложилъ произвести выборы добрыхъ и умныхъ людей, депутатовъ отъ разныхъ чиновъ. Спустя нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ происходили выборы, состоялось второе засѣданіе собора, опять въ Столовой палатѣ. Составъ присутствующихъ на этотъ разъ былъ болѣе ограниченный. Собрались только члены Б. Думы и представители разныхъ чиновъ. Это собраніе уже приступило къ дѣлу. Выборнымъ людямъ прочтено было вслухъ длинное «письмо», въ которомъ излагалась сущность азовскаго дѣла и поставлены были вопросы: принимать ли Азовъ и начинать ли войну съ Турціей; и если рѣшаться на войну, то гдѣ найти для нея средства? Затѣмъ это письмо было роздано «для подлиннаго вѣдома» всѣмъ выборнымъ «порознь». Такое же письмо было послано не присутствовавшему на второмъ засѣданіе митрополиту Серапіону съ приглашеніемъ созвать освященный соборъ и, обсудивъ дѣло, изложить свое мнѣніе государю на письмѣ. Черезъ нѣсколько дней стали поступать отъ духовенства и разныхъ группъ выборныхъ людей ихъ мнѣнія....

Остановимся теперь на вопросѣ о порядкѣ выборовъ депутатовъ отъ провинціальнаго дворянства, которыхъ присутствовало 115 человѣкъ изъ 42 городовъ. По аналогіи съ другими земскими соборами слѣдовало бы предполагать, что заблаговременно до 3 января 1642 г. были разосланы по городамъ

призывныя грамоты съ предписаніемъ выбора и присылки депутатовъ на соборъ. Но есть нѣкоторыя основанія предполагать, что въ данномъ случаѣ дѣло происходило нѣсколько иначе. Во-первыхъ, въ соборномъ актѣ ни словомъ не упоминается о заблаговременномъ вызовѣ депутатовъ изъ провинціи, хотя дважды говорится о выборахъ добрыхъ и умныхъ людей и излагаются правила выборовъ. Во-вторыхъ, въ «сказкахъ» двухъ группъ дворянъ и дѣтей боярскихъ находимъ любопытное поясненіе:

«. . . . и владимірцы дворяне и дѣти боярскіе, *которые здѣсь на Москвѣ*, мысль написали. . . .».

«Лѣта 7150 года, генваря въ 17 день, ... сказали дворяне и дѣти боярскіе Нижняго-Новгорода и Муромцы и Лушане, *которые здѣсь на Москвѣ*. . . .»

Что значитъ это поясненіе — «*которые здѣсь на Москвѣ?*» Оно ненужно и непонятно, если эти дворяне и дѣти боярскіе были депутатами, спеціально вызванными для участія въ земскомъ соборѣ. Оно можетъ быть объяснено предположеніемъ, что присутствовавшіе на соборѣ провинціальные служилые люди явились депутатами отъ своихъ земляковъ, проживавшихъ во время собора въ Москвѣ. Дѣйствительно, мы имѣемъ основаніе предполагать, что къ январю 1642 г., ко времени созыва собора, въ Москву съѣхались въ большомъ количествѣ дворяне и дѣти боярскіе изъ разныхъ городовъ. Въ февралѣ 1641 г. послѣдовалъ указъ, которымъ «для службы пожаловалъ государь дворянъ и дѣтей боярскихъ украиныхъ и замосковныхъ и новгородскихъ и сѣверскихъ и полскихъ и понизовыхъ городовъ и бѣлозерцовъ и новокрещеновъ и татаръ всѣхъ городовъ, велѣлъ имъ въ судныхъ дѣлѣхъ отсрочить генваря по 1 число 150 году, которые судные дѣла у нихъ съ московскими и съ монастыри и съ посадцкими и всякихъ чиновъ съ людми для тово, чтобъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ всѣхъ городовъ и иноземцомъ и новокрещеномъ и татаромъ на государеву службу поизготовитца и запасы на Украйну по мѣстомъ

отпустить нынѣ по зимнему пути и самимъ съ службою собратца». Эта была уже не первая отсрочка. Но такъ какъ служилые люди въ назначенные имъ ранѣе сроки не являлись, то указъ оканчивался такимъ категорическимъ предупрежденіемъ: «а хто напередъ указново сроку и на указный срокъ къ Москвѣ не пріѣдетъ, а болные и раненые въ свое мѣсто не пришлютъ, и челобитья своево и ставки въ приказѣ не запишутъ, и тѣхъ, по государеву указу, велѣно винить безъ всякого переводу. А опричь тово указново сроку генваря 1-го числа 150 году въ искѣхъ и новоострочново сроку не будетъ, и онибъ про тотъ государевъ указъ вѣдали»[1]). Надо думать, что указъ этотъ произвелъ надлежащее дѣйствіе, и къ 1 января 1642 года съѣхалось въ Москву много провинціальныхъ служилыхъ людей изъ ближнихъ и дальнихъ городовъ. Эти то дворяне, по нашему предположенію, и были приглашены на засѣданіе 3 января, а затѣмъ черезъ своихъ выборныхъ дали отвѣтъ правительству на поставленные имъ вопросы. Такимъ образомъ, возможное соображеніе о выборахъ депутатовъ отъ провинціальнаго дворянства вполнѣ согласуется съ изложеннымъ ранѣе порядкомъ дѣятельности собора.

Чѣмъ же объяснить всѣ отмѣченныя особенности въ организаціи собора 1642 года? Мы видѣли, что окончательное рѣшеніе азовскаго вопроса поставлено было въ зависимость отъ тѣхъ свѣдѣній о состояніи Азова, которыя должны были привезти въ Москву Желябужскій и Башмаковъ. Но если черезъ мѣсяцъ, не дождавшись возвращенія Желябужскаго и Башмакова съ донесеніями о состояніи Азова, правительство рѣшило обратиться къ такой чрезвычайной мѣрѣ, какъ созывъ земскаго собора, то мы вправѣ предположить, что въ теченіе декабря обнаружилось какое то новое важное обстоятельство. Какое же? Это разъясняется опять соборнымъ актомъ, который выстав-

---

1) Русск. Историч. Библ., т. X, с. 247—249. О прежнихъ отсрочкахъ ibid., 236—237.

ляетъ поводомъ къ созванію собора извѣстіе о прибытіи турецкаго посла для переговоровъ объ Азовѣ. Далѣе, въ письмѣ, прочитанномъ на второмъ засѣданіи собора, изложены полученныя донесенія о серьезныхъ приготовленіяхъ Турціи къ новой осадѣ Азова и войнѣ съ Московскимъ государствомъ. Эти донесенія и извѣстіе о прибытіи турецкаго посла, по всей вѣроятности, получены были послѣ 2 декабря, такъ какъ о нихъ не упоминается ни въ похвальной грамотѣ казакамъ, ни въ соображеніяхъ Боярской Думы объ азовской экспедиціи.

Чрезвычайной поспѣшностью, съ какой должно было дѣйствовать московское правительство въ виду угрожавшаго столкновенія съ Турціей, не объясняются ли всѣ особенности организаціи земскаго собора 1642 г.?

С. Рождественскій.

Творительный падежъ един. ч. въ словацкихъ нарѣчіяхъ

оканчивается у основъ на *a* въ среднемъ нарѣчіи на *ou*: *rybou*, *dušou*, въ западныхъ и тоже въ восточныхъ нарѣчіяхъ на *-ú*: *rybú*, *dušú*. Изъ этихъ основъ перешло окончаніе *-ou* къ основамъ на *ŭ* жен. р. *kostŏu*. Это же окончаніе встрѣчаемъ у мѣстоименныхъ основъ: *mnou*, *tebou*, *sebou*, *tou*, *našou*—въ зап. и восточныхъ говорахъ: *mnú* и т. д.; и въ сложномъ склоненіи: *dobrou*, *božou*, но въ западномъ нарѣчіи: *tú*, *velkú*, въ сѣверо-восточныхъ говорахъ: *z bilu šatku* и т. д.

Является вопросъ, въ какомъ отношеніи формы среднихъ нарѣчій на *-ou* къ формамъ западныхъ и восточныхъ нарѣчій. Т. Д. Флоринскій Лекціи II, 280 объясняетъ одинаковое окончаніе и твердыхъ и мягкихъ основъ *-ou*: *rybou*, *dušou*, говоря: «или *ou* перешло изъ твердаго склоненія въ мягкое, или же въ томъ и другомъ склоненіи *ou* развилось самостоятельно изъ *ú*, которое могло стянуться изъ оыж и изъ ѣыж», и, объясняя *kostŏu*, пишетъ: «хотя возможно допустить, что *ou* = ú стянутому изъ *ĭju* (костиж).

Объясненіе это, будто *ou*=ú, невѣрно уже потому, что оно несогласно съ другимъ для словацкаго нарѣчія важнымъ закономъ «два долгіе гласные не могутъ слѣдовать за собой». Мы встрѣчаемъ *-ou* послѣ долгой: *s vierou Zátur.* 5, *pod mierou* ib 6, *s dobrou vôl'ou* ib. 6, *hrôzou* ib. 31, *lyžícou* ib. 39 и т. д. *ou* совсѣмъ не долгая гласная, но дифтонгъ, и не возникло изъ *-ú*, и не находится ни въ какомъ отношеніи съ окончаніемъ твор. п.

ед. ч. жен. основъ *-ú*, но другаго происхожденія. Фонетически окончаніе твор. п. ед. ч. жен. основъ *-ou* вполнѣ тождественно съ окончаніемъ род. пад. мн. ч. основъ на *-ŭ*, *-o*, которое пишется *-ov*, и съ окончаніемъ прилагательн. им. п. ед. ч. муж. р.

С. Цамбель долженъ былъ поставить простое правило, что въ творит. п. ед. ч. должно писать *-ou*: *s tou ženou*, *dobrou dušou*, а въ родит. п. мн. ч. *-ov*: od tých *chlapov*, od tých *mužov*, не объясняя по чему (Slovenský pravopis стр. 177). Поэты словацкіе служатъ лучшимъ доказательствомъ, что *ou* и *ov* тождественны, напр. читаемъ: plá, z misiek, stred *kalichov*, dym vonný *vlnou tichou* Hviezdoslav II, 208. ja chodil po zboji *pol'anou bezdrahou*, aby som naučil pravde pyšných vrahov; ja chodil po zboji za *svobodou zlatou*, aby som rozrážal putá svojich *bratov* Jan Botto Spevy 24.

Противъ предписаній ороографическихъ все-таки найдется въ твор. пад. *-ov*, напр. въ сказкѣ z Malohonta въ извѣстномъ сборникѣ П. Добшинскаго читаемъ въ вып. VI, стр. 81 pred *krčmov*, хотя въ другихъ мѣстахъ этой сказки по правилу напечатано: pes.. utiekal *dedinou* стр. 78, oparila *vriacou vodou* kvárnika стр. 79 pred *polnocou* стр. 80. Но въ другихъ мѣстахъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ не говорятъ дифтонгъ *ou*, но *ov* или *of*, такъ напр. въ словацкой колоніи Кисач въ южной Венгріи въ уѣздѣ Новосадскомъ говорятъ: a čo by sa oblaky zo *zemóv* bil'i Slov. Pohl'ady XIV, 744. Въ одной деревнѣ округа Липтовскаго Важець говорятъ: *pred krčmof*, Slov. Pohl'ady XIV стр. 192. Интересно, что въ этомъ говорѣ перешло *l* въ прич. прошедш. вр. дѣйств. зал. въ *f*: jach ani *necitif*, jach *šjef*, тоесть ɫ=ŭ<англ. w<v<f. Это указываетъ намъ ясно, какимъ путемъ развилось *of* въ окончаніи твор. п. изъ оu̯.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ гемерскихъ окончаніе творит. п. *ó* Флоринскій II, 332; напр. šiješ s *krivó ihló* Slov. Pohl'. XV. 443, tancoval bašik s *tetkó* v komore pod *geletkó* Slov. písně Slavie 236, *pred královó palotó* Dobšinský Slov. pov. 7, 36, pred *polnocó* ib. 33, za *pecó* ib. 37. Это *ó* развилось изъ оu̯ *-ow*,

род. п. мн. ч.: plno *pánó* pripravených stálo ib. 36, oves— род. п. ед. ч. *ósa* ib. 31, дат. п. ед. ч. k tomu *ósu* ib. 32, мѣстн. п. pri tem *óse* ib. 35., мн. ч. po ósoch ib. 34. Срв. Pastrnek Beiträge zur Lautlehre der slovak. Sprache in Ungarn Stzber. Wien. Ак. т. 115 стр. 256. Твор. п. *-ov* (*of*) записанъ не только въ нынѣшнихъ говорахъ, хотя очень изрѣдка, но встрѣчается тоже въ старыхъ записяхъ конца XVI и начала XVII стол., хотя онѣ написаны языкомъ чешскимъ: *ze všezkoff Radov vašoff poctijvoff* изъ г. 1579 Slovenský letopis III, 59, Z *šablow pozlatitow* изъ г. 1603, ib. I. 227, *medzuow* изъ г. 1616, ib. V, 328. z *vassov milostov* изъ г. 1574, ib. III. 52 (касается города Св. Бенедикъ въ Теков. комит.).

Ошибочно написано: list tento rukuv našich podepsanym a pecety pritisknutim ztrvzený vidali sme изъ г. 1624 ib. I. 237 (изъ Оравы). Въ этой самой грамотѣ читаемъ правильную форму: touže Lu*kou kalamenovou* gduc ib. 237. Въ артикулахъ одного цеха города Жилины тоже читаемъ: Gestližebi kdo w posezený *swogůw nadsrdnost'ou* piwo rozlial ib. II, 260, ma bit trestan, totizto *kaznůw* ib. рядомъ съ magi bitj *dwognasobnů pokutu* trestany ib. 261 изъ г. 1603. takovyto testamént... *mezy sebův* učžinili ib. III, 85 изъ г. 1587. Эти формы творит. п. ед. ч. -úv едвали существовали въ живомъ говорѣ.

Въ этихъ грамотахъ находимъ далѣе еще творит. п. ед. ч. на *-om*, но очень изрѣдка, въ цитированной грамотѣ изъ г. 1624: dolu se tou *Lukom* spuštagic ib. I. 237, z manželkú mogom ib. 241. М. б. позволительно въ этихъ формахъ *-om* видѣть начало новой формы, которая могла тоже въ словацкомъ нарѣчіи войти въ общее употребленіе, какъ въ сербскомъ языкѣ и въ нѣкоторыхъ западныхъ малорусскихъ говорахъ.

Форма творит. п. ед. ч. въ среднемъ нарѣчіи словацкомъ вполнѣ сходна съ формою зап. м-рус. говоровъ: *іс царьськоў прінцьізноў* Етногр. Зб. III, 81, із душеў ib. (Мармар.) ж жоноў ib. 80, за *твойоў душéў* ib. 42 (Берег.), *за твойоў душóў* ib. 46 (Земплин), то се дíяло *зимóвов порóв* ib. VI, 220.

гріѣсѣ *тѣплов душѣв* ib. 31 (Бучац.) и т. д. Академикъ А. И. Соболевскій, приводя въ Лекціяхъ[3], 122 рядъ формъ изъ др.-рус. памятниковъ, написанныхъ въ предѣлахъ древней двинской земли, замѣчаетъ эту же форму въ зап.-м-рус. говорахъ и указываетъ на «однородныя формы твор. п. въ старыхъ сербскихъ памятникахъ *руковь, моковъ*». Эти формы въ нѣкоторыхъ говорахъ сербскаго языка стали уже скоро вымирать отъ начала XIII ст. подъ вліяніемъ основъ на *о* и сохранились только до второй половины XIII в. Но въ другихъ говорахъ сохранились дольше, напр. читаемъ еще въ грамотахъ, написанныхъ во второй половинѣ XV ст. въ сѣверной Далмаціи въ Задрѣ: *писах руков моев* Acta Croatica № 67 стр. 88, № 95 стр. 112. Отчасти сохранились даже до сихъ поръ въ чакавскихъ діалектахъ на Силбѣ, Олибу: *rukōv, ženȏv*, z *ovōv daskōv, ńegȏvov* (J. Milčetić Čakavština kvarnerskih otoka Rad т. 121, стр. 114, 121, 122 тоже въ словинскомъ говорѣ прекмурскомъ: *rokov, ženov, dušov* (V. Oblak Arch. f. slav. Phil. XII, 436) или -o^{u}f (V. Oblak Nešto o megjumurskom narječju Zbornik za nar. život južnih Slavena I, 52).

Теперь вопросъ, въ какомъ отношеніи творит. п. ед. ч. *ou* въ среднемъ нарѣчіи словацкомъ, въ зап. м-рус. говорахъ, въ сербско-хорват. яз. и въ говорѣ прекмурскомъ къ творит. п. ед. ч.—*и* у основъ на *-ā*, ĭ, мѣстоим. и прилагат., который правильный въ западныхъ говорахъ словацкихъ и въ восточныхъ, въ послѣднихъ разумѣется съ утратой древней долготы, далѣе въ ряду говоровъ сербско-хорват. и (-о) въ говорахъ словинскихъ.

Эти формы существовали и отчасти существуютъ и теперь рядомъ въ говорахъ сербо-хорв. Форма *-овъ* рано уже была вытѣснена формою *-ом* подъ вліяніемъ именъ муж. и ср. р. Но рядомъ съ *-ов* существовала еще въ старомъ языкѣ форма -у. Даничић въ извѣстной своей книгѣ Историја облика приводитъ рядъ примѣровъ (стр. 38), главнымъ образомъ изъ старой Александреиды. Форма часто встрѣчается еще въ западныхъ грамотахъ, написанныхъ глаголицею или позже латинскимъ

шрифтомъ напр. писах *мою руку* то писмо Acta Croat. № 261 стр. 257 изъ г. 1554, izpyzal ye *zwoyw rukw* Acta Croat № 294 стр. 284 изъ г. 1581, такъ и теперь въ чакавскихъ говорахъ: *s moju desnu ruku* Kurelac Jačke 381, на островахъ кварнерскихъ: s mojǔ ženǔ (J. Milčetić op. l. c. 114, 122).

Эта форма была тоже измѣнена подъ вліяніемъ именъ рода муж. и сред., чтобы творит. п. больше различался отъ винит. п., и такъ читаемъ: *z bosyum wolyum* Acta Croat. стр. 327 № 32 изъ г. 1562, форму, которая въ теперешнихъ чакав. діалектахъ въ общемъ употребленіи. Въ словинскомъ языкѣ творит. *roko*, *dušo* самый обыкновенный, только въ говорахъ средней и восточной Штиріи говорится: *rokój*. Принимаю объясненіе Миклошича *ribo* изъ *рыбѫ*, *riboj изъ рыбоѭ* за самое лучшее, не соглашаясь съ выводами Облака Archiv f. slav. Phil. XII, 432. Изъ кайкавскихъ писателей XVI в. приводитъ Облакъ примѣры, по которымъ у нихъ была форма *-u*: *ruku*, *bratiu* обыкновенная; встрѣчается до сихъ поръ въ кайкавскихъ діалектахъ, такъ въ говорѣ пригорскомъ: *sêstru* и *sestrû*, *grlicu* и др. V. Rožić Kajkavački dijalekat u Prigorju Rad jugosl Акад. т. 115, стр. 127 сл., изрѣдка различая творит. отъ винит.; тоже въ говорѣ Trebarjevo: *z ruku*, *z glavu* Zbornik za nar. život III, 92, 94.

Предполагаемъ, что творит. п. ед. ч. основъ на *ā* въ древнеслав. языкѣ былъ собственно только рыбѫ: изъ этой формы развились формы сербско-хорв. языка — если въ нѣкоторыхъ юго-восточныхъ говорахъ сербскихъ, напр. въ нишскомъ, алексинскомъ, и др. вообще на востокъ отъ р. Моравы творит. п. тожественъ съ винит.: руку, вообще въ южныхъ говорахъ (Broch Die Dialekte des südlichen Serbiens 62) и въ косовскомъ говорѣ: *сас браћу* (Нушић Косово Опис земље и народа I, 150), то въ этомъ сохранилась древняя черта; этимъ объясняется тоже совпаденіе обоихъ падежей въ болгар. языкѣ—изъ этой самой формы развились формы словин. и формы сѣверо-зап. слав. языковъ, чешск., в. и н.-луж., и польское *rybǫ*, *rękǫ*. Нѣкоторые говоры сѣверо-зап. слав. пользовались этимъ самимъ средствомъ какъ

чакавскіе и кайкавскіе говоры, дополняя творит. п. ед. ч. основъ на -*ā* окончаніемъ твор. п. ед. ч. именъ муж. и сред. р.: и такъ встрѣчаемъ въ сѣверо-восточныхъ говорахъ чешскихъ: *tum dłúhum cestum, za našum stodołum* (Bartoš Dialektologie I, 88, 136, Loriš Rozbor podřečí hornoostravského 41), тоже въ нѣкоторыхъ говорахъ словацкихъ: *s tum palicum*, s *tum červenum kravum* (Slov. Pohl'. XVII, 45; XX, 149).

Только въ древнихъ церк. слав. памятникахъ была общая форма рыбоѭ, доушеѭ и эта форма является правиломъ въ языкѣ русскомъ. Но эта форма новая. Она развилась, чтобы различить творит. п. отъ винит., подъ вліяніемъ флексіи мѣстоименной (Brugmann Grundriss II 630). Изрѣдка сохранилась въ древнихъ памятникахъ старшая форма. Именно читаемъ: прѣдани же бѫдете родителы и братрьѭ и родомь Лук. 21, 16 въ Зогр.; братриѭ Мар., братиѭ Ассем., и только Сав. братиѥѭ. — четврътовластьствоуѭштоу галилеѭ иродоу Лук. 3, 1 Ассем., галилееѭ Мар. Зогр., галил^{е}еѭ Сав. (въ Зогр. ев. Лук, 17, 11 галилѣѭ м. б. только описка). — иже ... напоитъ единого отъ малыхъ сихъ чашѫ воды Мтѳ. 10, 42 Мар. Зогр. Асс. Сав., иже ... напоитъ вы чашѫ воды Марк. 9, 41 Зогр. Мар. Ассем. тоже Ник. чашоу. Едва ли это не рабскій переводъ греч. ὃς γὰρ ἂν ποτίσῃ ὑμᾶς ποτήριον ὕδατος, срв. Miklosich IV^{2}, 389. не сп҃етъ сѧ цр҃ь многѫ силѫ. Пс. Син. 32, 16 (стр. 65).

Въ другихъ памятникахъ болѣе позднихъ надъ сионом горѫ ст҃ѫѭ его Бол. 2, 6, тоже въ серб. ркп. Младѣн. изъ 1. пол. XIV в.: гороу: въ Син. пс. поправлено другою рукой горѫ^{ѫ} (стр. 2). Довольно часто употреблена эта форма въ Бол. срв. Срезневскій Юс. пам. введ. стр. 135. Встрѣчается и въ другихъ памятникахъ: въ ев. Сречковича: подь трапезѫ Марк. 7. 28, гдѣ въ древнихъ текстахъ правильно: подь трапезоѫ, срв. Starine XXIX, 111. Въ Макед. ап. исходатаи клѧтвѫ Евр. 5. 17, согласно съ Карп., Хвал., но въ Шишат. ап. правильно *клетвою* (въ Охрид. ап. другой переводъ: ѡтъ клѧтвы); еще въ Макед.: съ братиѫ (Archiv f. slav. Phil. X, 127). Довольно часто чи-

таемъ эту форму: **тоиж бо мѣрж** и др. въ ев. Добромира (срв. разборъ В. Ягича въ Sitzungsber. Wien. phil.-hist. Cl. т. 138 стр. 62)

Изъ этой же аналогической формы **рꙑбоиж** развились формы, встрѣчающіеся въ древнихъ сербскихъ и хорватскихъ текстахъ, въ нѣкоторыхъ чакавскихъ и словинскихъ говорахъ до сихъ поръ: *ribov* и форма ср.-словацкаго нарѣчія *rybou*. Это *ribov* развилось изъ rybo(j)u—rybǫju ribǫ тѣмъ самымъ путемъ, чисто фонетическимъ, какъ напр. въ алексинскомъ говорѣ 3 л. мн. ч.: *гледав* ђаци, они *немав* изъ *гледају*, такъ еще: *пођев* ђаци, *видив* други ђаци, они почеше да *пијев* и да *зборив* изъ аналог. пођеју, видију (Караџић Лист за српски нар. живот IV, 91, 92). И въ словацкихъ говорахъ перешло -oju въ *ou*, *o͡u*, *ov* -*of*.

Что наше объясненіе формъ творит. пад. серб.-хорв. *рибу*, словин. *ribo*, чеш. зап. и вост. словацк. *rybú*, польск. *rybą* изъ **рꙑбж**, а не стяженіемъ изъ —**оиж** лучше, доказываетъ исторія этого падежа у основъ на -ĭ жен. р.: ц.-слав. **костьиж**, серб.-хорв. *костју*. Разумѣется, что и здѣсь развились новѣйшія формы подъ вліяніемъ аналогіи, отъ XIV в. уже **съ чьстиѭмь** и т. д. (Даничић ор. с. 42), но совсѣмъ нѣтъ формъ, которыя развились у основъ на *a* и тоже у этихъ основъ на=ŭ въ м-рус. говорахъ, нѣтъ *kostiov, и правильная форма сохранилась до сихъ поръ. Есть тоже аналогическая форма *kostjum*: *внетачком обласюм* Act Croat. № 84 стр. 103 изъ г. 1468, *областиум* ib. № 200 стр. 205 изъ г. 1514, такъ и въ нынѣшнихъ чакавскихъ говорахъ.

Въ мрус. говорахъ развились и тутъ новѣйшія формы: есть и солев (и сілев), сільов, сільом и сольом. (Ogonowski Studien 124) за путкоў Етногр. Збірн. III, 157 изъ Земплин. комит. Тоже въ средн. словацкомъ нарѣчіи: majetok ide *so závisť'ou* Zátur. 120, bolesť' *bolesť'ou* zahnaná byt musí ib. 149. Každý kvietok človečou *kosť'ou* pritlačený Dobšinský Povesti IV, 73. Но въ зап. говорахъ -*ú*: s *radostú* Dobšinský VI, 17 (Nitra, Stará Turá), и въ восточныхъ говорахъ въ Земплин. комит. *kóscu*,

tváru, *všu*. Эти аналогическія формы существовали по свидѣтельству грамоты изъ Оравы въ началѣ XVII стол.: mezj geho *Osviczenostiou* panem našym (Slovenský Letopis, I, 230).

Творительный п. ед. ч. личнаго мѣстоимѣнія образовался подъ вліяніемъ основъ на *-á*, и такъ находимъ въ славянскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ: въ др.-ц.-слав. **мъноѭ**, рус. *мною*, серб.-хорв. *мновь*, позже отъ XIV в. *мном*, ср.-словац. *tmou*, въ мрус. говорахъ мнов, мноў, — въ другихъ: въ старомъ языкѣ серб.-хорв.: *преда мну* Acta Croat. стр. 144 № 130 изъ г. 1490; *за ману* ib. стр. 222 № 218 изъ г. 1527, и до сихъ поръ *za tobu*, *s tanu* Kurelac Jačke 329, 332, или по аналогіи: *tànut* въ чакавскихъ говорахъ. Эти же формы встрѣчаемъ въ словинскихъ нарѣчіяхъ: *tenó*, *táno*, въ другихъ: *tenôj*, *tánoj*, въ Венгріи *tenov* и *tenom*; чеш. *tmí* и въ зап. и вост. говорахъ словацкихъ *tmí*, польск. *tną*.

Творит. п. ед. ч. жен. р. въ сложномъ склоненіи былъ **добрѫѭ** и вмѣсто того м. б. подъ вліяніемъ именныхъ основъ *-ā* **доброю**, или тоже подъ вліяніемъ неличнаго мѣстоименія. Изучая развитіе сложнаго склоненія въ слав. языкахъ, видимъ, подъ какимъ громаднымъ вліяніемъ флексіи неличнаго мѣстоименія оно было. Такъ въ серб.-хорв. языкѣ вмѣсто: *всакоју*, *којеју* изъ **всакоѭ**, **коѭ** встрѣчаемъ уже въ древнѣйшихъ текстахъ: *всаковь*, *ковь*, и опять по аналогіи именъ муж. и сред. р., и вѣроятно основъ *-ā*: *всакомь*, и этотъ же падежъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчаемъ въ сложномъ склоненіи, не *добрујуу*, потому что онъ былъ совсѣмъ сходный съ винит. п. ед. ч., но *добромь*. Въ нѣкоторыхъ главнымъ образомъ западныхъ текстахъ употребляются и другія формы срв. Даничић 177, въ грамотахъ: и ту бранише се *бранию велиею* Acta Croat. стр. 155 № 141 изъ г. 1493—м. б. здѣсь было вліяніе церк.-слав., срв. сущи отъ *ишщедиѣ* змаила; с госпу барбару *нашу сестру* ib. стр. 153. № 140 изъ г. 1493. позже: *za wzwm haznom* ib. стр. 265 № 272 изъ г. 1569, *za wzwm haznv* въ этой самой грамотѣ рядомъ: i dayemo... *z prawyczw wekowechnw* da nye imayw i

ladayw *wzom pwnom oblazthyom*. Эта же форма *dobrum* обыкновенная въ чакавскихъ говорахъ, какъ отъ неличнаго мѣстоимѣнія *njum*, *tojum*, *našum* (*-n*).

Въ чеш. языкѣ съ древнѣйшихъ временъ *tú*, *jú* стяженіемъ изъ *toju*, *jeju*, сохранилась только одна форма *mezi tují*, вѣроятно, изъ древне-слав. *tojǫ*. Gebauer Histor. mluvn. III, 1. стр. 445. Такимъ же образомъ развилось въ древне-чешскомъ языкѣ *mú*, *svú* винит. п. ед. ч. рядомъ съ старшей формой *moju*, и въ творит. п. ед. ч. только *mú*, *tvú*, *svú*. Но опять въ род. и мѣст. п. двойств. ч. въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются обѣ формы *mú* и *mojú*. Сохранились, вѣроятно, древнія формы винит. п. ед. ч. *moju* и др. подъ вліяніемъ имен. п. ед. ч. *mój*, какъ предполагаетъ Гебауэръ ор. с. 491, и м. б. подъ этимъ вліяніемъ позже расширились опять, повидимому, старшія формы нестяженныя; важно, что въ древнихъ памятникахъ, написанныхъ въ восточныхъ предѣлахъ области чешскаго языка, т. е. главнымъ образомъ въ Моравіи и въ Силезіи, обыкновенны тоже стяженныя формы, но теперь чаще не стяженныя.

Но въ словацкомъ нарѣчіи трудно предполагать, что были въ старшемъ времени стяженныя формы, по отсутствію данныхъ, нынѣ же въ общемъ употребленіи только полныя формы, или формы иначе сокращенныя: *mojho*, *mojmu*, въ восточныхъ говорахъ тоже: *moho*, *momu* (Broch Studien 59).

Творит. п. ед. ч. жен. р. въ сложномъ склоненіи въ ср.-словацкомъ нарѣчіи опять *dobrou*, *božou*, но въ западныхъ говорахъ согласно съ чешскимъ языкомъ: *dobrú*, тоже въ восточныхъ, напр. въ шариш. говорѣ *krásnu bešedu* nenasýciš hoscí Slov. Pohl'ady XV, 377. И эти формы разнаго происхожденія: *dobrou* изъ *dobroju—dobro(j)u*, *dobrú* изъ *dobrújú*. Пастрънекъ въ извѣстномъ своемъ трудѣ о словацкой фонетикѣ сказалъ совершенно вѣрно, что винит. п. *dobrú* одинаковый во всѣхъ словацкихъ говорахъ могъ развиться только изъ *dobruju -dobrąją*, а творит. п. ср.-слов. говоровъ *dobrou* изъ *dobrojǫ* (l. c. 270). Но этотъ ученый ошибается, говоря: «Die Formen des instr. *dobrú*, *dobru*...

sind aus *dobrają* wie aus *dobroją* erklärbar». Передъ тѣмъ стр. 269 онъ уже объяснилъ *и* изъ *ją*, *ju* ассимиляціею: «ù konte nur auf die Weise aus *ją*, *ju* entstehen, dass *o* sich dem folgenden *u* assimilierte: *uu*, *ú*. Hier behielt die vocalische Kraft des *u* die Oberhand». Зачѣмъ? Это могло быть развѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда былъ на этомъ *и* акцентъ, какъ напр. др.-чеш. *tú* изъ *toji*.

Источникомъ этихъ и подобныхъ смѣлыхъ объясненій постоянно сильное обаяніе, будто древній церк.-слав. языкъ во всемъ своемъ характерѣ самый древній славянскій языкъ, и потому всѣ формы встрѣчающіеся въ немъ самыя древнія, изъ которыхъ *должно* объяснять формы другихъ слав. языковъ. Хотя языковѣды согласны въ самомъ принципѣ, что надо изучать всѣ славянскіе языки и нарѣчія для возстановленія исконныхъ слав. формъ, все-таки не могутъ вполнѣ освободиться отъ великаго авторитета древняго церк.-слав. языка. И къ сожалѣнію лингвисты вообще еще мало обращаютъ вниманія на другіе слав. языки. Изучая равнымъ образомъ всѣ слав. языки, убѣждаемся болѣе и болѣе, что въ древнѣйшихъ временахъ не была только одна форма, но была большая пестрота, большое разнообразіе. И въ живыхъ языкахъ уцѣлѣла то та, то другая форма.

Ю. Поливка.

Прага чешская іюль 1904.

Софійская лѣтопись.

Софійская лѣтопись находится въ Народной Библіотекѣ въ Софіи. Професоръ Т. Флоринскій первый сообщилъ объ ней въ Сборникѣ маститаго юбиляра, изданномъ 25 лѣтъ тому назадъ его учениками по случаю 25 лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности. Т. Флоринскій сдѣлалъ только одно коротенькое замѣчаніе подъ чертою и сообщилъ, что переписалъ лѣтопись, а также и другія юридическія статьи, находившіяся съ ней вмѣстѣ. Нѣсколько времени спустя почтенный професоръ уступилъ свою копію историку Руварцу, чтобы онъ ее напечаталъ. Этотъ послѣдній однако передалъ копію Любоміру Стояновичу, для сборника «Стари српски хрисовули, акти, биографије, летописи, типици, поменици, записи и др.». (См. Споменик Сербской Кралевской Академіи, кн. III, p. 135). Г-нъ Стояновичъ не помѣстилъ цѣлой лѣтописи, такъ какъ по его словамъ она совпадала «потпуно» съ подобною же, которая находилась у Руварца, — сем почетка и свршетка. «Поэтому онъ напечаталъ лѣтопись Руварца, а изъ Софійской отмѣтилъ варіанты и помѣстилъ только ея начало и конецъ.

Изъ сказаннаго, видно, что такъ называемая «Софійская лѣтопись» не опубликована еще вполнѣ. Такъ какъ она представляетъ интересъ для южнаго славянства, особенно для сербовъ и болгаръ, то мы рѣшились опубликовать ее съ полною точностію

тѣмъ болѣе, что и въ обнародованныя части вкрались нѣкоторыя крупныя опечатки въ датахъ и[1]) выраженіяхъ.

Прежде всего надо описать рукопись, въ которой находится издаваемая лѣтопись.

Рукопись находится подъ № 63. Содержитъ 204 листа формата 154×10 см. Текстъ 11×6—65 см. Письмо полууставное. Вѣкъ — XVII-ый. Переплетъ — доски, обвернутыя кожей. По краямъ оттиснутыя золотыя рамы (теперь испорченныя), а въ серединѣ двухглавый орелъ съ короною на верху. И края листамъ позолоченные. Надъ орломъ на первой доскѣ монограмми *S. J.*, а подъ нимъ 1. 7. 2. 8.—навѣрное дата переплета.

Содержитъ л. 1ª—5аª: послѣ небольшой заставки «Ѡ҆гла́вленїе, цр҃а́ Сте́фана» т. е. оглавленіе Душанова законника, который начинается съ л. 61б.

Л. 5ª: «Сїа̀ кни́га гл҃е́ма Сꙋ́даць, Бл҃гочⷭ҇ти́ваго и҆ хрⷭ҇толю́биваго са́модьржа́внаго, великаго цр҃а̀, Костⷭ҇а́тина, и҆ ѹ҆стїа́на гре́часкагѡ, сь ст҃е́йшїи гн҃омь ѡ҆ц҃емь па́трїахомь григо́рїемь, сь кне́зы и҆ са ве̑можи и҆ сь боля́ры бл҃гочⷭ҇ати́вагѡ царства е҆го̀ вь кⷭ҇стан́тинопо́ли».

«За́конъ и҆ ѹ҆ставь поставле́нни цр҃ьствїа ка́кѡ подоба́еть стро́нти цр҃ьстви».

Вотъ первый членъ этого «сꙋ́даць»-а:

«А҆ще та́ко сꙋди́тсе, то́ цр҃ь не соꙋ́даеть, а҆́ще ли тимь ѡ҆сꙋди́тсе, то́ безгрѣхь сꙋдїа̀ пребива́еть. А҆щели сꙋдїа̀ ми́то прие̑м'ьле́ть, и҆ли̑ ве́дꙋще сь непра́вдою сꙋди́ть, та́и сꙋдїа̀ да ли́шитсе прⷭ҇тола, и҆ да васади́тсе вь тамни́цꙋ три̑ лѣ́та, и҆ пото̑ чи́нь сво̑ да при́мить, за жи́вота наеди́не гл҃ѐ бж҃е бг҃ь сꙋ́дь пра́ведень бж҃їи сꙋ́дь е҆́сть».

Всѣхъ членовъ 87 (пз҃:). Послѣ послѣдняго (л. 61 а):

---

1) Объ этой самой лѣтописи вспоминаетъ и покойный Свет. Вуловић въ своемъ «Опис словенских рукописа софијске библиотеке» Ср. «Споменикъ» XXXVII p. 42, № 218(63). Онъ говоритъ «Лѣтопис овај чини ми се с неких страна важан и треба да се испореди».

«Приеше конаць различнаꙗ расꙋжденїꙗ и законъ и ꙋставь блгочтивыхъ црей грьчаскй вь коньстаньтинополи: ⁘: симь вьсѣмь дозде конаць: ⁘».

Л. 61[б]: «Блгочтываго и хрстолюбиваго, маѣедонискаго цра Стефана срьбьскаго блгарскаго, ѹгарскаго, дамацкаго, арбанаскаго, ѹгровлахїискаго, и инимь многимь прѣделомь и землꙗмь самодржца свщаго, мтїю вышнаго бга їиса хрита: Законь и оуставь поставлены вь лето ѕ ѿ нз: (6857—1349) иньдикьтїѡ: в: вь праздникь вьзнесенїа гда нашего їиса ха, Мца маїа ка днь: ~

«Сїиже оуставь и законь поставлени пр҃вним и чтным сьбором нашего смѣренїа сь прешсщенным, господиномь ѿцемь нашимь патрїархомь їѡаникїемь, и вьсеми дховними стройтели црковними, малими и великими, сь митрополити и сь епкопи и мною смѣреннымь цремь Стефаномь, сь кнезы и сь вьсеми властели цртва нашего малими и великими ꙋстави и закони потвьждени бише тогда: ⁘:».

Этотъ законникъ Душана изданъ профессоромъ Т. Флоринскимъ въ «Памятники Законодательной Дѣятельности Душана Царя Сербовъ и Грековъ», Кіевъ 1888, см. подробное описаніе его.

Листъ 122 чистый.

Лл. 123—157 заняты церковными правилами свв. отецъ и вселенскихъ соборовъ.

Л. 158 чистый. Съ л. 159 до конца слѣдуетъ наша лѣтопись Въ концѣ (л. 204[а]) читаемъ запись, которая говоритъ:

«Знаменꙋю что какѡ везїи ханеа мехмет паша прїими на 1739 года аг: 6. днѐ в недѣлю славный главꙋ Сервїи бѣлградъ. Тогда и кꙋга высть. во влашкой Сервїи, сремꙋ бачкой даж досезꙋщи сами пресловꙋщи цр: града вены и держа еднъ годъ «и совыше грѣхъ ради наши много претерпѣ и терпи ѡдна Сервїа и Мавла ѿ рода иже невѣри съ Бгомъ дꙋха своегѡ». Другая прибавляетъ:

«Сїє написа Пр: Мтрѡ: Бѣлг: Стопочившіи Викентїй Стефановић».

Редакція сборника чисто сербская. Онъ писанъ вѣроятно въ 1650 год., такъ какъ лѣтопись доведена какъ разъ до этой даты: «Вь лѣто, з҃, р҃ ни (7158—1650). И по нє брать єго ибрахимь, и, ѹбиєнь бысть ѡ свой». (предпослѣдній листъ на оборотѣ).

Вотъ теперь и точная копія лѣтописи.

Софійская лѣтопись.

Ѡ адама до потопа, лѣть, в҃, тисоуще, с҃: ѯв҃:

Ѡ адама до родатка аврамлєва, г҃: тисоуще, тлв:

Ѡ родаства аврамлєва до исхода сновь исраилевы, ф҃, и є҃, лѣть.

Ѡ адама коупно, г҃, тисоуще, ѡ҃, лз҃. лѣть,

Ѡ адама до саоула прьваго цра исраилева, д҃, тисоуще, ѹ нѕ: лѣ҃:

Ѡ адама до давида цра, д҃, тисоуще, ѡ҃, лѣть,

Ѡ адама до навахѡдоносора цра, д҃, тисоуще, ѡ҃, ли, лѣть.

Ѡ адама до алеѯандра цра великаго македонскаго храбра, и высего свѣта, лѣть, є҃, тисоуще, с҃, и д҃, ~

Ѡ адама до кесара авьгоуста, лѣть, є҃, тисоуще, ѹ҃, ни:

Ѡ адама до хритова родаства, є҃, тисоущь, ф҃: лѣть.

Ѡ адама до стрти га нашего иса ха: лѣть, є тисоущь, .ф҃, лг҃.

Ѡ вьскрсенїа хва до костатина прьваго цра хритїаномь; лѣть, тов҃.

Ѡ адама коупно, є҃, тисоущь, ѡ҃, .г҃. лѣта.

Ѡ адама до цра лава, є҃, тисоущь, ѡ҃, пг҃, лѣть.

Сьборе оуказа,

Пьрвый сьборь бысть, сты ѡць, тиї, вь никей, на злочастиваго арїа, вь лѣто, є҃, тисоущь ѡ҃, ѻа. Вь то лѣто, великаго цра коньстантина, вь лѣто є҃, тисоуще, ца.

Бы́сть вто́рый сьбо́рь, ст҃ыхъ ѿц҃ь. р҃н: вь ц҃ригра́ду на македо́нїа дх҃оборца, при вели́комь ц҃роу Ѳеѡдо́сїю вь лѣ́тѡ е҃, ти́соуще, ц҃ п҃е.

Бы́сть тре́ти сьбо́рь ст҃ы ѿц҃ь, е҃, вь вь ѐфе́се [1]), на злоча́ти́ваго несто́рїа, при ц҃ри Ѳеѡдо́сїй ма́лїй, вь лѣ́то. ѕ, ти́соуще, ц҃, ч҃.

Бы́сть четвьти сьбо́рь, ст҃ы ѿц҃ь, х҃ л҃, и҆же вь халкидо́нѣ на злоча́ти́ваго дїѡско́ра, при ц҃ру мартїа́ноу, вь лѣ́то, ѕ҃, ти́соуще, м҃и.

Бы́сть пе́ты сьбо́рь ст҃ы ѿц҃ь, р҃ѯ, вь ц҃ригра́дꙋ, на злочасти́ваго ѡ҆риге́на, при ц҃рꙋ и҆оу́стиꙗ́нꙋ [2]) вели́комь. вь лѣ́то, ѕ҃, ти́соуще р҃на. бы́сть и҆ пе́рски све́таць мꙋхаме́дь тꙋ́рскы пр҃рокь вь дн҃и ц҃ра констан́ти́на вьнꙋ́ка и҆ра́клиѐва, вь лѣ́то. ѕ҃, ти́сꙋще, р҃ни. —

Бы́сть ше́стый сьбо́р, ст҃ы ѿц҃ь, р҃о, и҆же вь ца́ригра́ду, на злоча́ти́ваго се́ргїа, при ц҃ре конста́нти́не брада́темь.

Вь лѣто ѕ҃, ти́сꙋще с҃м: ѿстꙋ́пи ри́мь ѿ правосла́вїа са̀ про̀чимь за́падн́имь страна́мь, при ц҃ре ла́ве и҆саве́ре и҆коноборци.

Вь лѣто ѕ҃, ти́сꙋще с҃ ч҃е, бы́сть се́дми сьборь, ст҃ы́хъ ѿц҃ь, р҃нг, и҆же вь нике́й, на а҆полинарїꙗ злоча́ти́ваго и҆коноборца, при ц҃ре конста́нти́не, и҆ и҆рине ма́тере ѐго̀. —

Вь лѣ́то ѕ҃, ти́сꙋще, т҃ ѯ҃, написа́шесе на́ша словеса̀ ст҃ы кѵри́ллꙋ фило́софомь на бѣлга́рскы ѐзы́кь при ц҃ре грьча́скомь михаи́ле, и҆ Ѳеѡдо́ри ма́тери ѐго и҆же ꙋ҆твьрди́ше кла́нꙗтисе ст҃ы́мь и҆конамь [3]).

а҆ се ѡ҆ ц҃ри́е

Вь лѣ́то ѕ҃, ти́сꙋще, х҃ м҃з, на̑васе не́ма́нꙗ го̑поди̑ сьрблемь и҆ цр҃твова, м҃в, лѣ́та.

Бы́сть же вели́кый жꙋпа̀нь ѿ пле́мена богоча́ти́ваго ко́рене вѣ́твь ѐго̀ превьнꙋ́кь конста́ти́на вели́каго ц҃ра конста́тина зеле́-

---

1) Предлогъ въ рук. повторенъ.

2) Другой рукой сверху прибавлено ни.

3) Противъ этой даты кто-то позднѣе сдѣлалъ замѣтку «+ зри кога́ се пїса внїга болъгаръска». Внизу той же рукой прибавлено: «Во лѣто а҃ ѱ҃ п҃: п҃ л҃ гоа̑ кабо се писана кнїга̀ болгарска».

нога ѿ да́щери кла́вдиеви ѿ пле́мена ра́шьскаго го҃подства и҆ саро́дства̀ а҆вгꙋста ке́сара бы҃ть роди́тель вь за҆льми теѡ́миль, и҆ стрі҃а чидеми҃, си҃же роди́тель бѣ́ла оу҆рошь е҆мꙋ́же бѣ́хꙋ бѣ́лы вла́сы вьрхꙋ гла́ви е҆го̀, и҆ ма́ти и҆́хь а҆нна да́щи кра́лꙗ фрача́скаго, сего́же роди́тели и҆ предѣ́ды нема́не бл҃гочасти́ваго кон҃стан҃ти́на мꙋчи́телꙗ лики́ні҃а ѿ него́же бы́сть мꙋче́на да́щи е҆го̀.

Сьи҆же сте́фань ро́ди г҃, сн҃а: а҃: сн҃ь е҆го стѐфань, и҆же бы́сть пьрвовѣнча́ни кра́ль ·в҃· сн҃ь і҆го̀ влька́нь и҆же бы́сть вели́ки кне́зь, г҃. сн҃ь е҆го̀ ра́шко нарече́ни сав҃ва и҆же бы́сть а҆рхиеп҃ко́пь срьб҆ле́мь: ~

Вь лѣ́то ѕ҃, ти́сꙋще, х҃ ч҃, постри́жесе Сте́фань нема́нꙗ наречени Симеѡ̑, и҆ ѡ҆тиде вь ст҃ꙋю горꙋ, и҆ сьзи́да хра҃ вели́ки и҆ ча҃тни̑ вьведені҃е пре́ст҃ые бц҃и, зовомь хиланда̀ [1]).

То́же лѣ́то вькра́лисе сн҃ь е҆го̀ сте́фань, и҆ цр҃твова̀. м҃в. лѣ́та, и҆же бы҃ть в҆тори жꙋпа́нь, са́и Сте́фа҃ сази́да ве́ликы хра́мь и҆ ча́стны̑ вьзнесе́ні҃е жи́чꙋ.

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́сꙋще, ѱ҃ к҃з, поста́висе сав҃ва прьвы а҆рхиеп҃ко́пь срьблемь, и҆ свои́мь рꙋ́коположе́ні҃емь по҃тавлꙗ́е

Пьрваго е҆п҃ко́па вь захъ҃мьской земли̑, вь хра҃ ст҃ые бц҃е.

Вто́раго оу҆ сто́не ді҃ѡклитіа́нскомь помо́рі҃ю, вь хра́мꙋ а҆рхистрати́га ми́хаила:

Тре́ті҃аго ва да́брꙋ вь храмꙋ ст҃а́го ни́коли.
Четвьта́го оу҆ бꙋди́ли вь хра́мь ст҃го геѡ҃гі҃а:
Пе́таго вь хра҃ ст҃ы̑ а҆по҃то̑, пе́тра и҆ па́вла.
Ше́стаго оу҆ стꙋ́деници вь хра҃ꙋ прест҃ые бц҃е.
Се́дмаго оу҆ при́зренꙋ, вь храмꙋ прест҃ые бц҃е.
Ѡ҆смаго оу҆ гра҃ча́ници,
Деве́таго оу҆ топли̑ци, вь хра́ме ст҃го ни́коли.
Десе́таго оу҆ брани́чевꙋ.
'Едина́десе́таго ꙋ҆ мора́вици вь хра́мꙋ ст҃а́го а҆рхи́лиа: . ⁘
Дванадесе́таго оу҆ бели́гра́дꙋ, вь хра́мꙋ прест҃ые бц҃е.

---

1) Другой рукой прибавлено на поляхъ: «зри кога се прави хілендаръ».

Повелѣже кѵрь стый савва дрьжати твьдо и непоколебимо стѹю вѣрѹ христїанскѹю.

Сайже стефань роди д҃ сна, пьвы снь его радославь иже бысть краль, Вторы снь его предиславь, втреты снь его владиславь, четврьти снь его стефань, иже сай стефань оурошь:

Вь лето ѕ҃, тисѹще ѱ҃. лв҃: престависе стефань пьвовѣнчани краль.

Тоде лѣто вькралисе снь его радославь, и цртвова а҃ ı҃: лѣть: ∽ —

Вь лѣто ѕ҃, тисѹще ѱ҃. лг҃, престависе радославь краль: ∽ :

Тоде лѣто вькралисе анеѱеи его драгославь, наречени храпави кра҃, и цртвова ·ле҃· лѣть, сьзидаже црковь сопочани, сашьствїе стаго дха.

Сайже роди в҃. сна. а҃. снь его драгѹтинь, в҃, снь его милѹтинь, наречени оурош.

Вь лѣто ѕ҃, тисѹще, ѱ: ов҃, престависе дра(г)славь храпави краль· ∽ :

Тоде лѣто вькралисе снь его драгѹтинь, и цртвова :ı҃. лѣть. Сайже сьзида храмь вьзнесенїе зовомь рачѹ вь ядрь на реци дрине, и сатрь ногѹ подь еллечмомь планиномь. зане вьста на ѿца своего, и братѹ дасть милѹтинѹ цртво: ⁘

Вь лѣто, ѕ҃ тисѹще,ѱ҃, пв҃: вькралисе милѹтин вторы оурошь и цртвова, мв҃, лѣта, много сь нимь мати бысть, и многими странами ѡбладаше, сазидаже црковь стаго пьрвомчника стефана, иже есть баньска, идеже моци его лежеть, и оу призренѹ митрополїю стаго: а҃. мчника стефана. и оу скопию храмь стѹю трерѹчицѹ, и ѡнаже нарицаетсе митрополїа, и оу нагоричиной на жеглигово, црковь стаго великомчника геѡргїа, и вь солѹнѹ храмь стѹю троцѹ, и вь цриградѹ црковь стые бце, и болнице сьтвори, и хрисовѹ, оутврьди, да есть ѡбласть хиландарѹ. ∽

Сай стефанъ роди ·в҃: сна, а҃, снь его стефань, иже бысть третый оурошь, в҃, снь его константинь, сай стефань многи скрьби и ѡзлобленїа ѿ ѿца своего претьпе:

Вь лѣто, ѕ҃ тисѹще, ѡ҃, ке҃, престависе краль милѹтинь, тоде

лѣто вькралисе снъ его стефань третый оурошь, и цртвова, ді, лѣть, и сазида велики и чатьный и ѕѣло красны храмь вьзнесеніе дечани, иже моци его лежеть.

Сай стефань роди :в: сна, а, снъ его стефань, иже бысть прьвы црь срьблемь, нарицаеми доушана, в, снъ его симѡнь иже вь црігрꙋ и конаць прнеть прешцемь своимь. ꙭ :

Вь лѣто ѕ, тисȣще, ѡ, лі, оуби стефань кра, михаила цра вьлгарскаго, на вельблȣжȣ, и пріими вльгаре. ꙭ

Вь лѣто ѕ, тисȣще, ѡ, мд, престависе краль стефань, и оудави во его снъ стефа вь граꙋ звечанȣ :·

Вь лѣто тоде вьцрисе его снъ дȣшань, и цртвова ·к· лѣть, сьзидаже цркову стаго архистратига вь градȣ призренȣ, сай стефань роди сна оуроша и цртвова. ꙁ· лѣт.

Вь лѣто, ѕ, тисȣще, ѡ о, ȣби црь ѡмань храбраго момчила, и пріими периторь, мца авгста, г. днь.

Вь лѣто, ѕ, тисȣще, ѡ, п, оуби црь ѡмань вȣкашина и деспота оуглешȣ на македоніи, на марици се: ѕ, днь. ꙭ

И пріими диенополе (sic) вь лѣто, ѕ тисȣще, ѡ, пв: и престависе црь оурошь декемвріа, в, днь.

Тоде лѣта пріими начелство срьбско кнезь, лазарь ка пренимь вьзвратисе великаго жȣпана стефана снъ вькань велики кнезь, брать пьрвовѣнчаномȣ кралю стефань и рашкȣ и савви.

Сай вькань роди сна дмитра жȣпана, иже бысть инокь, нареченны давидь, сьзда цркову стое бгоявленіе, на лимȣ, сайже дмитр роди братка, и бысть велики кнезь. ꙭ

Сьиже братко роди сна братисава, иже бысть тасть кнезȣ лазарȣ.

Сайже братиславь роди дащерь милицȣ, иже бысть монахіа евгеніа сіа бысть милица вьнȣка ѿ племена и колена немане, даваю аже[1]) бысть вь женȣ кнезȣ лазарȣ. : ꙭ ꙭ

Сьиже кнезь лазарь хди вь ієрлимь, и ва стоую горȣ, вистже ѿтачатво егѡ прилипаць, и сьзда велики храмь вьзнесеніе раваницоу, идеже моци его лежеть. ꙭ

---

1) Такъ. Въ лѣтоп. Руварца: вьдана же кнеть.

Са́йже ла́зарь ро́ди, в҃. сн҃а. и҆ да́щери. е҃, прьвы сн҃ь е҆го̀ сте́фань, и҆́же бы́сть вели́ки де́споть срьбьско́й земли̇̀ и҆ зе́тьской стра́ни и҆ боса́нской, и҆ оу҆гарьско̀, в҃, сн҃ь е҆го̀ влька́нь и҆́же бы́сть девьста́вникь, нейме́е же́ны, а҃, да́щи е҆го̀ ма́ра, и҆́же бы́сть вьда́на вꙋ́кꙋ бранко́виѣоу, в҃, да́щи е҆го̀ да́на бы́сть оу҆ зе́тьскоую земл҃ю̀ за баѡ́ша, г҃, цр҃ю ши́шьма́ноу бьлга́рскомоу, д҃, за оу҆́гре за загре́ѣа[1]) це́лиша, е҃, да́щи е҆го̀ да́на бы́сть цр҃ю паѧзи́тоу: ꙮ

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́соуще, ѡ҆, п҃д, разси́па кне́зь ла́зарь нико́лоу жꙋпа́на оу҆ оужи́цоу. ꙮ

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́соуще, ѡ҆, п҃з, разси́па кне́зь ла́за, ради́ча бра́нько́вича оу҆ брани́чевꙋ; ~

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́соуще, ѡ҆, п҃ѳ, оу҆би̇ чьрпе́й вито́ми̇ тоу҆́ке на дꙋбра́вици. ꙮ

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́соуще, ѡ҆, ч҃д, помьр҃че сл҃нце во вьсе́й земли̇ генуа́рїа, а҃, д҃нь. —

Тоѫ́де лѣ́то при́ми цр҃ь моура́ть плови́нь гра́дь, и҆ дрꙋ́ге гра́дове, и҆ пле́ни бьлга́рскоу земл҃ю̀. ꙮ

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́соуще, ѡ҆, ч҃е, побе́же цр҃ь моу́рать, ѿ кне́за ла́зара, ѿ топли́це и҆ соу́льника. ꙮ

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́соуще, ѡ҆, ч҃з, бы́сть сьни́тїе и҆ сьхраѫде́нїе на ко́совоу тоу̀ поги́бе кне́зь ла́зарь, цр҃ь моу́рать ѿжене̇, бл҃же́ни ко́наць прие́ть ла́за, и҆оу҆нїа, е҃ї, д҃нь.

Тоѫ́де лѣ́то ѡ҆де́спотисе сн҃ь е҆го̀ сте́фань, и҆ цр҃твова̀, л҃и, лѣ́ть, приведе́на бы́сть господ҃а е҆мꙋ̀ ѿ гра́да га́лата, да́щи кантакоузи́на палеѡ҆ло́га, госпо҃да е҆ле́на, са́й бы́ше непло́дны̀. ꙮ

Са́й сте́фань сази́да хра́мь вели́кы, ст҃ꙋ́ю трои́цꙋ на реса́ве.

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́соуще, ц҃а, при́ми цр҃ь паѧзи́ть тьр҃ново, и҆ дрꙋ́ге гра́дове, и҆ю҆нїа з҃ї, д҃нь. ꙮ

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́соуще, ц҃г, разби̇ ми́рчета вла́шки воево́да, ц҃ра паѧзи́та, на ро́вина, тоу̀ поги́бе ма́ркѡ[2]) крале́виѣь, и҆ ко҃та́ндинь, и҆ дра́гашь, ѡ҆кто́мврїа, ї҃, д҃нь ꙮ

---

1) Въ лѣтоп. Руварца: на оугрѣ за Загарѣвика.

2) Другой рукой на поляхъ: «зри + погібе ма́рко».

Вь лѣто, ѕ҃, ти́сꙋще ц҃д, ра҆си́па ц҃рь паꙗ́зи́ть, кра́лꙗ жи́гь-моуни́та на нико́полю ꙮ

Вь лѣто, ѕ҃, ти́сꙋще, ц҃ѕ, и҆зго́ри рава́ница, то҆́де лѣто при́ми ц҃рь паꙗ́зить, бди́нь, и҆ нико́поле: ꙮ

Вь лѣто, ѕ҃, ти́сꙋще, ц҃з, преста́висе вꙋ́кь бра́ньковиѣь оу҆ белигра́ꙋ, ѡ҆ктѡ́врїа. ѕ҃, д҃нь. ꙮ

Са́йже вꙋ́кь ро́ди, г҃, сн҃а, а҃. сн҃ь е҆го̀ ѣꙋ́раѣь, и҆же бы́сть де́споть, ·в҃· сн҃ь е҆го̀ гь́ргоурь, .г҃. сн҃ь е҆го̀ ла́зарь. ꙮ

Вь лѣто, ѕ҃, ти́сꙋще, ц҃ї: де́мирь оу҆́би ц҃ра паꙗзи́та подь ꙗ҆гꙋ́ромь и҆зда̀де е҆го̀ де́споть сте́фань: ⁘

То҆́де лѣто све́за де́споть вꙋ́ка бра́нковиѣа оу҆ ц҃риграꙋ̀. ꙮ

Вь лѣто ѕ҃, тисꙋще, ц҃. а҃ї, ра҆зби де́споть мꙋ́сїю на дрено̀полю, ноемврїа, к҃а д҃нь:

То҆́де лѣто пле́ни де́споть сте́фань ситни́цꙋ то҆́де лѣто оу҆кра́де ра́до̀ ѣꙋ́рка вꙋко́виѣа оу҆ ц҃риграꙋ̀.

Вь лѣто, ѕ҃, ц҃, д҃ї, престависе ми́лица ма́ти де́спота, ноемврїа а҃ї, д҃нь.

Вь лѣто, ѕ, ц҃, ѕ҃ї, пре́ста́висе ѣꙋ́раѣь вꙋко́виѣь. то҆́де лѣто бы́ть злаа̀ зи́ма:

Вь лѣто, ѕ҃, ц҃, з҃ї, пле́ни вꙋ́кь с тꙋ́рци сь́рбле ꙮ

Вь лѣто, ѕ҃, ти́сꙋще, ц҃ї за́кла моусїꙗ, воу́лька кнеже́виѣа и҆ ла́зара вꙋкови́ѣа сестри́чина моу бра́та ѣурѣева оу҆ пловди́ноу, и҆ю́нїа, ѕ҃, д҃нь. ꙮ

Вь лѣто, и҃, тисꙋще, ц҃, к҃а, ц҃рь моусїа ра́зби сте́фана де́спота, на врьбници, и҆ ра́сипа крꙋ́шеваць, и҆ петрꙋ́сь и҆ сталаѣь, и҆ ско́пие, и҆ дрꙋ́ге гра́дове бе́чи́сла, мно́жа́тво ро́да хри́тїанского оу҆би са́блами, то҆́де лѣто дойде ѣꙋ́раѣь из солоу́на: ~

Вь лѣто, ѕ҃, ти́сꙋще, ц҃, к҃в, заги́бе моусїа ѿ брата кричкїе, и҆ ѿ де́спота сте́фана нати́кре ре́це.

Вь лѣто, ѕ҃, ти́сꙋще, ц҃, к҃з, приста́висе мирчета воѐво́да генꙋа́рїа, л҃а, д҃нь.

Вь лѣто ѕ҃, ти́сꙋще, ц҃, к҃д, сꙋльтань кричкїа, пле́ни вла́хе.

Вь лѣто, ѕ҃, ц҃, л҃, оу҆мре ба́оуша го́поди́нъ зе́цкой земли̇, то҆́де лѣто оу҆мре кричкїа.

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹще, ц. л҃а, ходи деспоть по скадарь.

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹще, ц҃, л҃д, ходи моурать по крѹшевацъ, и плени сьрбле.

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹще, ц҃, л҃е. престависе мара вѹковица,

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹще, ц҃, л҃е, престависе стефань, июниа, д҃ і҃, днь, многи плачь ѡстави срьблѣ, ꙗко бити емѹ бесплодьнѹ врьхѹчи землю сестричиѣѹ ѣоурѣѹ вѹковиѣѹ;

Вь лѣто, ѕ҃; тисѹще, ц҃, л҃ѕ, ѿврьжесе еремиꙗ оу голѹбцѹ, и дадесе тѹкомь, и плениша браничево, декеврїа, а҃ і҃, днь, тоже, лѣто, ѡдеспотисе ѣѹраѣь вѹковиѣь, и прьтвова, д҃ і҃, лѣть.

Сайже ѣѹраѣь деспоть, роди, г҃, сна, а҃, снь его гьргоурь, в҃, снь егѡ стефань, г҃, снь его лазарь, прьва дащи егѡ мара, ꙗже дана бысть црѹ мѹратѹ, в҃, дащи его дана бысть оу немьце за харилꙗ, кралꙗ, сиже два сна гьргоурь, и стефань, слепотою ѡдрьжимы бише ѿ цра мѹрата.

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹще, ц҃, л҃и, прими црь мѹрать[1]) солѹнь.

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹще, ц҃, м҃, ходи црь мѹрать по брашо:

Вь лѣто, ѕ, тисѹще, ц҃, м҃а помрьче слнце по вьсей землї, июлїа, з҃ і҃, днь.

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹще, ц҃, м҃д, плени мѹрать срьбле и прими борачь, и расипа ѡстровицѹ, и монатї раваницѹ, тоже лѣто оумре жигмѹньта црь.

Вь лѣто, з҃, ц҃, м҃е, ходи мѹрать до сибинꙗ, и бысть мѹ зли понеделникь.

Вь лѣто ѕ, тисѹще, ц҃, м҃з, прими мѹрать смедерево.

Вь лѣто. ѕ҃, ц҃, м҃и, ходи мѹрать по белигра, и не оуспѣ ничто.

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹще, ц҃, м҃д, прими хамь-паша ново брьдо, і ѡстале градове.

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹще, ц҃а, разби ꙗнькѹль меньзить бега, и оуби егѡ тѹ намѣсто на власе.

---

1) Въ рук. описка: мѹрѹть.

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹщє, ц҃, нѧ҃, разби ꙗньк8ль хадѹмь пашѹ на ꙗловіци, тоже лѣто пленише тоурци влашьк8 землю.

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹщє, ц҃, нв҃, изведє деспоть ђѹраћь кралꙗ влади(са)ва и ꙗньк8лꙗ на златицѹ, тоже лѣто, деспоть ꙗнькоу разби хадѹмь пашѹ оу кѹновици, тоже лѣто мѹрать врати ђѹрђѹ деспотѹ, смєдєрєво, і васѹ сьрбьскѹ землю. ꙳

Вь лѣто, ѕ҃ тисѹщє, ц҃, нг҃, оуби мѹрать владисава на врьновѹ. ~

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹщє, ц҃, нє҃, ѿженисє деспо҃ велики лазарь, и постависє деспоть, декєврїа ѕ҃і, д҃нь.

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹщє, ц҃, нз҃, разби то҃ь, томаша кралꙗ, тоже лѣто [1]) разби мѹрать ꙗнкѹла на косовѹ [2]). ꙳

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹщє, ц҃, нд҃, липса мѹрать фєврѹарїа, д҃, д҃нь. ꙳

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹщє, ц҃, ѯа҃, прими мємєдь црьигра҃ [3]).

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹщє, ц҃, ѯв҃, плени мєме҃ срьблє, и расипа ѿстровицѹ.

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹщє, ц҃ ѯг҃, оувати ꙗньк҃ везирь вега оу крѹшевцѹ тоже лѣто оуби дмита радоєвић петра ковачевића, по҃ срєбрьницомь маїа, є҃, д҃нь. Тоже лѣто прими мємєдъ ново вьрдо и призрень, и ѿсталє градовє, и мнѡжатво хри҃тїань поразі.

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹщє, ц҃, ѯд҃, оувати михайло свилаєвић депота ђѹрђа оу кѹпиникѹ, и свєза єго оу белигра҃у, Ва то лѣто ꙗвисє ѿпашита звѣзда, и быть чѹма по вьсо҃ землꙗ.

Вь лѣто тоже разби ꙗньк8ль мємєда цра по҃ бєлиградомь, іюлїа. кв҃, дьнь. Тоже лѣто прєстависє ꙗньк҃ оу белигра҃у, а҃гста: в҃і, д҃нь.

Вь лѣто, ѕ҃, тисѹщє, ц҃, ѯє҃, погибє депоть ђѹраћь, декєврїа, кд҃, д҃нь, оу дѹброѵникѹ:

---

1) Въ рук. это слово повторено.

2) Въ рук. описка: носовѹ.

3) На поляхъ другой рукой: «а҃ѱп: года: тл҃: годінъ. како ѹзеше тѹрци цариграда тл҃ года».

Тоже лѣто закла ласо ѡрхилꙗ кнеза немацкога, оу белиграду.

Тоже лѣто, закла краль владисавь, ласлова оу бꙋдимꙋ.

Вь лѣто, ѕ҃, тисꙋще, ц҃, ѯѕ҃, престависе лазарь генꙋарїа, к҃, дьнь.

Тоже лѣто прими начелство срьбско, михайло абоговићь, феврꙋарїа, г҃, дьнь, бивьши воевода великь оу деспота лазара, и цртвова вькꙋпе са господомь еленомь деспотовицомь, и са господиномь, стефаномь, са братомь деспота лазара, и низложень бысть михайло, марта, мца лѕ: дьнь.

Вь лѣто ѕ҃, тисꙋще, ц҃, ѯз҃, прими мемедь смедерево.

Тоже лѣто оумре краль владисавь.

Тоже лѣто прими мамоуть паша више савоу голоубаць, и ресавоу, и белоу стеноу.

Тоже лѣто бысть кропась.

Тоже лѣто свеза матеꙗшь краль, михайла свилаевића оу белиграду. ꙳

Вь лѣто, ѕ҃, тисꙋще, ц҃, ѯд҃, ходи црь мехмедь, на оузꙋнь хасана. ꙳

Вь лѣто, ѕ҃, тисоуще, цо, ходи црь мемедь на влахе на владь воеводꙋ, и не полоучи ничто. ꙳

Вь лѣто ѕ҃, тисꙋще, ц҃, оа҃, прими црь мемедь трапезонть.

Тоже лѣто ходи црь на аморею. —

Вь лѣто, ѕ҃, тисꙋще, ц҃, ов҃, воева црь мемедь, преко дрине на босноу, и оуфати кралꙗ стефана, и прими бобоваць, и ꙗиць, и дрꙋге градове босанске, и приде вь скопїе, июлїа, з҃, дьнь. ~

Тоже лѣто престависе тома шоура ћоурћа деспота: ꙳

Вь лѣто, ѕ҃, тисꙋще, ц҃, ог҃, изгори градь ꙗиць.

Вь лѣто, ѕ҃, тисꙋще, ц҃, од҃, ходи црь на харбанасе, и на скендерь бега, и пре нимь побеже, и градь сьзида коню.

Вь лѣто, ѕ҃, тисꙋще, ·ц҃· ое҃, дрꙋги поуть ходи црь на харбанасе, на скендерь бега. ꙳,

Вь лѣто ,ѕ҃, ц҃, пд҃, прими матеꙗшь краль, и воукь деспоть, заслонь градь на сави, зоветсе шаба, феврꙋарїа ·к҃· дьнь.

И посла войскоу, и плени сребьрницоу, и пригна оу сремь. ꙳

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́соу(ще), ц҃, п҃е, хо́ди ц҃рь мѣ́ме́дь, оу҆ зе́цькоу зе́млю, и҆ сази́да гра́дь по҆го́рицоу. ҂

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́сѹще, ц҃, п҃ѕ, оу҆да́ви ц҃рь ꙗ҆нька, и братїю моу, и҆ си́нове моу оу҆ ц҃риграу҆. ҂

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́сѹще, ц҃, п҃з, хо́ди ц҃рь подь ска́дарь, и҆ непри́ми га. а҆ дриво҆ при́ми и҆ кри́ноу. И па́ки по҆стоу́пи ска́дарь, и҆ при́ми га. ҂

Вь лѣто, ѕ҃, ти́сѹще, ц҃, п҃д, оу҆мре ц҃рь мѣ́ме҆.

Тоде лѣ́то, пле́ни брани́чево воу́кь ҂

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́сѹще, ц҃, ч҃, преста́висе воу́кь де́споть· ҂

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́сѹще, ц҃, ч҃д, поги́бе воѐво́да дми́та ꙗ҆кьшиѣь, ноѐмврїа, и҃, днь.

Тоде лѣ́то, бы́сть принесе́нїе мо́щемь ст҃а́го ст҃ртотрьпца сте́фана де́спота, с҃нь де́спота ѣ҆ѹ́рѣа, вь гра́дь кѹпи́никь, февр҆ѹа́рїа, ї҃. д҃нь. ҂

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́сѹще, ц҃, ч҃з, при́ми кра́ль мате́ꙗшь, но́ви гра҆ а҆ѵ҃ста, к҃з, д҃нь. ҂

Вь лѣ́то, ѕ҃, ти́сѹще, ц҃, ч҃з, преста́висе воѐво́да сте́фань ꙗ҆кьшиѣь ва гра҆у бе́чоу, а҆прилїа, ѕ҃, д҃нь, вь в҆то́рникь вели́кы.

Тоде лѣ́то сабра́ше оу҆гарьска госпо́да васа̀, много мно́жа҆тво̀ лю́дїй, и҆ вѣща́ше мно́го. ҂ ,

Вь лѣ́то, з҃, ти́сѹще, ·а҃, хо́ди ц҃рь на х҆абана́се, и при́ми ѐпива́ть, и҆ моуто́нь. ҂

Вь лѣ́то, з҃, ти́сѹще, ·а҃ї· преста́висе і҆ѡва́нь де́споть, деке́мврїа, ї҃ ·д҃нь. ҂

Вь лѣ́то, з҃, ти́сѹще, ·д҃ї, оу҆би дми́тарь михаи́ла воево́дѹ оу҆ си́биню. ҂

Вь лѣ́то, з҃, ти́сѹще, д҃ї, бы́сть бо́й ц҃ра паꙗзи́та сь с҃номь селимь ша́хомь, и҆ю́лїꙗ, л҃а, д҃нь. ҂

Вь лѣ́то, з҃, ти́сѹще, к҃, оу҆мрѐ ц҃рь паꙗзи́ть. ҂

Вь лѣ́то, з҃, ти́соуще, к҃а, оу҆да́ви селимь ша҆, корькоу́та, и҆ а҆хме́та, и҆ васоу̀ бра́тїю свою̀, и҆ ва́сь ро́дь сво́й до ко́рена. ҂

Тоде лѣ́то, оуби́ мѣ́ме́дь бе́гь, вла́дь воево́дѹ, на вла́се҆, геноуа́рїа, к҃е, д҃нь. ҂

Вь лѣто, ѕ҃, тисꙋще, к҃в, ходи ц҃рь селимьша, на шехислама кьзьбаша, и разби га оу негꙋвой земли, авгꙋста, е҃і, д҃нь.

Тоже лѣто изыде секоула, и ћꙋраћь, с тоурци персійскы, и много рода хр҃тіанскога погꙋбише. ꙹ

Вь лѣто, ѕ҃, тисꙋще, к҃г, разби балибегь, юноша хеделскога, по хаваломь. маиа. в҃, д҃нь. ꙹ

Вь лѣто, ·ѕ҃, тисꙋще, к҃д, пр҃стависе маѯимь владика, брать іѡванꙋ деспотоу, геноуаріа и҃і д҃нь. ꙹ

Вь лѣто, ·ѕ҃, тисоуще, к҃е, ходи ц҃рь селимьшахь и прими градь мисирь, сиречь египать, и оумре селимьша. ꙹ

Вь лѣто, ѕ҃, тисоуще, к҃д, паде соултань соулеймань, на рекоу савоу са множатво тоурак и преходахꙋ рѣкоу савоу, якоже по сꙋхоу, сиречь на ѡнь поль срема, иниже корабли плавахꙋ якоже не бѣ моцно рекамь тѣмь с҃нимь измаилтеномь оудрьжати, еже оугрьмеше на тѐ реке, г҃лю савоу, и доунавь, и ѡбрѣтоше ѿ вьсоудоу словоуци белигр҃а, и иные ѡкр҃тные стране, и градове, и лѣтахꙋ якѡже зміе крилате, села и градове палеще, той г҃лю, сремь, дивна села и мѣста запоустише и ц҃ркве, и градове разорише, словоуци белиградь, и неволею оуньгри предаше измаитеномь и вьнидоше вань агаранска чеда, авгоуста, к҃и, д҃нь. ꙹ

А г҃спожда елена бывьшия деспотовица, и неволею ѡстави градь коупиникь, и дадесе бегьствоу преко реке дꙋнава, оу ваноутрію оуньгрію, а славноу и дивноу землю деспотовꙋ, тꙋрци похараше, градь лепы кꙋпиникь разорише, сектемвріа, д҃, д҃нь.

Вь лѣто, ѕ҃, тисꙋще, л҃а, ходи ц҃рь сꙋлейм҃а, оу кораблe по морꙋ, и прими род҃, декемврія, к҃е, д҃нь. ꙹ

Вь лѣто, ѕ҃, л҃д, прими ц҃рь сꙋлейм҃а варадинь на дꙋнавꙋ, и ѿтиде на оуньгре на лаꙋша кралиа, и оуби га на мꙋхачю, и прими вꙋдимь, и стойни гр҃а, и васꙋ землю оугарскꙋ расипа.

Вь лѣто, ѕ҃, тисꙋще, л҃ѕ, ц҃рь сꙋлейм҃а преко оугарьске земле, на немца на градь на бечь, и не полꙋчи ничьто. ⁘

Вь лѣто, ѕ҃, тисꙋще ·м҃ѕ, ходи ц҃рь сꙋлейм҃а на петра воеводꙋ

молдовскога и побеже пре нимь из свое земле тако бо възвратисе посрамлень.

Въ лето, з҃, тисѹще, м҃д: оузе црь бѹдимь.

Въ лето, з҃, н҃д, ходи бегьлерь бегь, на оунгре, и прими бечей, и бечькерекь, и липовѹ, и ине градове, и иде на тамишварь, и ничто не полѹчи него побеже.

Тоде лето приде вра липовь, и немачкы кипь, и примише.

Тоде лето погибе брать его.

Въ лето, з҃, тисѹще, з҃, разби хадѹмь паша, оунгре и петра бакина, на сегединѹ, февруарїа, днь четвьтьі.

Тоде лето, изыде аметь паша, с войскомь великω, и прими тамишьва їюлїа, в҃, днь, ѡтиде пѡ ега, и тамо ничто не полѹчи.

Тоже лето ависе ωпашита звезда.

Въ лето, з҃, тисѹще з҃в, бисть кѹпась.

Въ лето, з҃, тисѹще, з҃г, бысть чѹма по всой земли.

Въ лето, з҃, сисѹще, з҃е, ходи хадѹмь паша по сегеть, и ничто неполѹчи.

Въ лето, з, тисѹще, о҃, ходи црь сѹлеймань по сегеть, и прими га, тѹ и конаць приеть.

Тоде лето иде петань паша на градь ђѹлѹ и прими га.

Въ лето, з҃, тисѹще, ч҃в, бысть сѹшина година:

Въ лето, з҃, тисѹще, ч҃г, бысть сѹшина година по всой срьбско земли.

Въ лето, з҃, тисѹще, р҃г, сажегоше тѹрци стаго саввѹ прьваго архиепкопа срьбскаго сина паша, из монастира милешеве ωдьнеше моци оу ковьчегѹ позлаценомѹ, и сажегоше на врачарѹ више белиграда.

Въ лето, з҃, тисѹще: р҃е, изыде црь мемедь са великомь войскомь, и прими егарь.

Тоде лето оумре црь мемедь.

Въ лето, з҃, тисѹще, р҃, к҃д: ходи тамишварскы паша меме ђапь и прими арадаць, и липовѹ, издаде бо его ветле краль хердельски.

Вь лѣто, ꙁ҃, рл҃а, ходи црь ѡсмань на леха на гра каменицꙋ, и ничто не полꙋчи, вьзвратишесе посрамлены. ⁓

Тоже лѣто погибе црь ѡсмань, а богь вѣть.

Вь лѣто ꙁ҃, тисꙋще, р҃ м҃, ходи црь мꙋрать на багда, и прими его и ꙋмре црь мꙋрать. ⁓

Вь лѣто, ꙁ҃, тисꙋще, р҃, н҃а, примише тꙋрци градь азакь на морꙋ.

Тоже лѣто бить чꙋма по всой земли тꙋско:⁓

Вь лѣто, ꙁ҃, тисꙋще, рн҃ѕ, погибе црь ибраимь брать мꙋратовь, и цртвова беше, и҃, [1]) лѣть и оубиень бысть ѿ свой вельмꙋжи беше бо спеньзꙋ смеѡ и землю. ⁓

Вь лѣто, ꙁ҃, тисꙋще, рнꙁ҃: вьцрисе снь его ибрахимовь мемедь. ⁓

Имена цраграду византиꙗ, костантиграда, цриграда, нови ри. ⁓

ѡ цре тоурске кой е по коемоу биѡ, и кой е кого родиѡ, и колико е кой цртоваѡ и когда преидоше калиполе. ⁓

Вь лѣто, ѕ҃, тисꙋще, ѿ, ѯꙁ, цртвꙋющꙋ вь цриградꙋ црꙋ грьчаскомꙋ михаилꙋ синꙋ калоїѡанина цра, и приеть ѡма мꙋстафа бродь калипольскы и многи страны ка западꙋ, бише же и трꙋси велици вь мѣта хритїанска.

Прьви црь ѡма мꙋстафа и цртова ѯ҃, лѣть.

А син мꙋ ѡрхань кѕ҃, лѣть,

А ѡрхановь снь, мꙋрать, ѯ҃, лѣть:

А мꙋрато снь паѩзи г҃ї, лѣть

По семь демирь снь тогоже, ке҃, лѣть.

По семь мꙋхаме снь паѩзитовь брать демирꙋ, к҃, лѣть:

Пв се брать его мꙋсиꙗ, г҃, лѣта.

По семь брать его крикиꙗ, ꙁ҃, лѣть,

По семь мꙋрать снь мꙋхамедовь цртова. к҃. лѣть.

По семь меме, снь мꙋратовь, л҃, лѣть. ⁓

По се паѩзи снь мемедо. лг҃, лѣта.

По нѐ с҃нь селимь, паѩзито҃, д҃, лѣть.

По нѐ с҃нь сꙋлеймаⷩ селимовь, м҃ѕ, лѣть. ∽

По нѐ и ꙋмре по̀ сегето҃.

Вь лѣто з҃, тисꙋще, ѯ҃д҃, ѡ҃царисе с҃нь селимь, и цр҃твова̀, з҃, лѣть. ~

По немь мꙋраⷩ с҃нь селимовь, к҃, лѣть.

По нѐ мѐмедь с҃нь мꙋрато҃, д҃, лѣть.

По нѐ а҆хмедь с҃нь мѐмедо҃, д҃і҃, лѣть,

По нѐ брать ѐго̀ мꙋстафа, і҃, мц҃и.

По нѐ ѡ҆смань с҃нь, а҆хметовь, д҃, лѣта, млⷣьскы воева на леха, и ѿтꙋдꙋ не прїйде.

По нѐ мꙋраⷩ с҃нь ѡ҆смано҃ є҃і҃, лѣть.

Вь лѣто, з҃, р҃ни҃.

И҆ по нѐ брать ѐго̀ и҆брахимь, н҃, лѣть, и ꙋбиѐнь, бысть ѿ свои҃.

А҆ ѡ҆цари мꙋ се с҃нь ѐго̀ мѐмедь. ∽.,

Въ то̀ вре́ме пе́перь дрьжа́ль е҆сть- в҃і҃ а҆спри:

Е. Спространовъ.

Софія. 30 апрѣля 1904 г.

Испанскіе авантюристы XVI—XVII столѣтій.

Будущему историку испанской культуры XVI—XVII столѣтій предстоятъ не малыя затрудненія, если онъ детально и точно пожелаетъ отвѣтить на вопросъ, каковы были ея существенныя черты? И обиліе матеріаловъ, и богатство моментовъ, изъ которыхъ составится картина — вотъ обстоятельства, съ которыми придется считаться. Пока еще нѣтъ работы, которая дала бы намъ безспорную характеристику культуры временъ трехъ Филипповъ и, въ особенности, выяснила бы намъ, какими принципами и интересами жило тогдашнее испанское общество, какими идеалами руководилось, къ чему стремилось. Несомнѣнно, и у испанцевъ было свое міросозерцаніе, свой катихизисъ, въ положенія котораго вѣрило большинство націи. Вѣдь такое богатство памятниковъ поэзіи и культуры, которое завѣщано намъ старой Испаніей, могло образоваться только при существованіи могучаго стремленія къ извѣстнымъ опредѣленнымъ принципамъ. Эти принципы во многомъ отличаются отъ тѣхъ, которыми живетъ современное общество. Да и самые носители этихъ принциповъ, по крайней мѣрѣ, очень многіе изъ нихъ, едва ли бы нашли мѣсто среди насъ, едва ли бы ужились съ нами.

Нижеслѣдующія строки имѣютъ въ виду познакомить читателя съ нѣкоторыми моментами одного любопытнаго явленія испанской общественности XVI—XVII столѣтій.

I.

Политическая философія испанцевъ изучаемой эпохи имѣла, если такъ можно выразиться, характеръ патріархальный. Безъ дальнихъ разсужденій и простой человѣкъ, не обучавшійся въ школѣ (un ignorante), могъ опредѣлить ее словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи великаго Лопе «El Domine Lúcas»: «я знаю, что на небесахъ есть Богъ, безконечная истина, я вѣрю въ Его благость и справедливость. Я знаю, что земными дѣлами правитъ король, которому помогаютъ судьи. Я знаю, что существуютъ кавалеры, идальго, горожане и ремесленники, и во всемъ для добра имѣется награда, а для зла—наказаніе»[1]).

Земной порядокъ т. об. поставленъ подъ защиту небесъ, и не слѣдуетъ измѣнять того, что установлено Богомъ и поддерживается королемъ. Каждое сословіе имѣетъ свои обязанности и привиллегіи. Купецъ торгуетъ и наживаетъ деньги, главный нервъ государственной жизни, безъ котораго нельзя вести войны. Поэтому горе той мѣстности, гдѣ торговцы (hombres de trato) хотятъ покинуть лавку, сѣсть на коня, т. е. стать рыцаремъ или кавалеромъ. Много людей гибнетъ при такой перемѣнѣ положеній![2]) Рыцарь сражается за вѣру, короля и отечество, является защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ, гдѣ бы тому ни представился случай и т. д.

Лѣтописцемъ этого строго-установленнаго, мы сказали бы, буржуазнаго, если бы этотъ терминъ можно было примѣнить къ Испаніи XVI — XVII столѣтій, общества, бытописателемъ старой Испаніи и былъ главнымъ образомъ Лопе де Вега. Къ свидѣтельствамъ, которыя можно почерпнуть изъ его театра, слѣдуетъ присоединить бытовыя данныя изъ произведеній другихъ драматурговъ, Сервантеса, авторовъ picaresco и т. д. Получится картина, правдоподобіе и историческую цѣнность

1) L. de Vega, Comedias escogidas, т. I, стр. 63, 1 (B. A. Esp. т. XXIV).
2) Ibidem. т. XLI, стр. 286, 1—2 и LII, стр. 312, 2.

которой возможно провѣрить при помощи показаній хроникъ, мемуаровъ и т. п. Но такая работа еще далеко не исполнена.

Однако, ткань общественной жизни имѣла свои прорѣхи. Среди расчисленныхъ свѣтилъ старой Испаніи блуждали безаконныя кометы, дѣятельность которыхъ шла въ разрѣзъ съ правильнымъ функціонированіемъ общественнаго организма, хотя неизбѣжно вызывалась обстоятельствами времени и мѣста и соотвѣтствовала многимъ стремленіямъ національнаго характера. Было немало людей, которые ни за что не подошли бы подъ общественную схему, начертанную въ указанныхъ выше словахъ Лопе. Эти люди не хотѣли или не могли подчиняться установленному порядку вещей и жили по своему. Часть силъ и времени они готовы были отдать отечеству, королю, вѣрѣ. Они могли торговать, заниматься ремеслами, земледѣліемъ, жениться имѣть семью и т. д. Но всего этого не хватало надолго. По неизбѣжнымъ обстоятельствамъ въ одинъ прекрасный день имъ приходилось бросать начатое и разставаться съ прочными устоями гражданской, военной или церковной жизни. Не удавалось сдѣлать правильную карьеру, постепенно повышаясь и богатѣя, приходилось прибѣгать къ особымъ средствамъ удержаться на поверхности моря житейскаго. Въ такихъ случаяхъ годилась всякая профессія: изъ солдата можно превратиться въ сводника, изъ монаха въ солдаты, изъ пажа идти въ актеры. Приходилось иногда покидать родину и пускаться въ отдаленныя странствованія, часто «не шкуру, а животъ спасая». Но и при удачной жизни иные наскучивали однообразнымъ, монотоннымъ существованіемъ и въ свободной дѣятельности, внѣ границъ спокойной жизни, мечтали найти, а иногда и находили широкую арену для примѣненія силъ и развитія дарованій. Такъ создавались искатели приключеній, авантюристы....

Авантюристы существуютъ во всякомъ обществѣ, но въ Испаніи XVI—XVII столѣтій ихъ было особенно много. Искателей приключеній мы видимъ среди самыхъ разнообразныхъ классовъ общества. И кавалеръ, представитель господствующаго

сословія, которому, повидимому, должно было привольно жить въ странѣ, гдѣ король считалъ себя первымъ кавалеромъ, въ странѣ, на знамени которой было написано — защита вѣры, короля и отечества—, и кавалеръ порою превращался въ авантюриста. Донъ-Кихотъ не былъ единственнымъ изъ подданныхъ католическаго короля, который рѣшилъ сдѣлаться «странствующимъ рыцаремъ и отправиться по бѣлу-свѣту, на конѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, искать приключеній»[1]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ эпоху Сервантеса и Лопе де Вега принципы рыцарской жизни и, даже болѣе, рыцарскіе нравы не отошли еще въ область преданія[2]). А кто же усомнится въ томъ, что странствующій рыцарь былъ только разновидностью авантюриста въ изучаемую эпоху, когда существовалъ общественный организмъ, къ правильному функціонированію котораго власти прилагали немалую заботу? И, выйдя изъ рамокъ прочно-установленной жизни кавалера, такой благородный искатель приключеній уже не останавливался ни передъ чѣмъ, спускаясь на самыя нижнія ступени общественной лѣстницы. Одинъ изъ такихъ идальго, оставившій намъ свои записки и извѣстный подъ именемъ «благороднаго кавалера — забулдыги» (Cavallero noble desbaratado), былъ нищимъ въ Сициліи, сводникомъ въ Неаполѣ, мазурикомъ въ Кельнѣ. Но этотъ же самый авантюристъ, котораго звали Алонсо Энрикесъ, будучи въ Перу́, принялъ участіе въ борьбѣ Писарро и Альмагро и сохранилъ въ своихъ запискахъ немало достовѣрныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній объ этомъ эпизодѣ.

Военною службой занимались не одни дворяне. Всеобщей воинской повинности не существовало, и потому путемъ вербовки въ ряды арміи попадали представители всѣхъ сословій, иногда даже лица духовнаго званія. Для всѣхъ нихъ военное время открывало перспективу всевозможныхъ приключеній. Военная среда и поставляла главную массу авантюристовъ.

---

1) Don Quijote, I, 1 (B. A. Esp. т. I, стр. 233, 2).

2) См. Л. Шепелевичъ, Донъ-Кихотъ Сервантеса, стр. 26 и слѣд. и мою статью въ Ж. М. Н. Пр. 1904, мартъ, стр. 170—173.

Въ старой Испаніи всякій офицеръ и даже солдатъ считалъ себя кавалеромъ и гордился высокой миссіей, которая выпадала ему на долю—защищать слабыхъ и угнетенныхъ, сражаться за вѣру, короля и отечество. Военная служба и была любимымъ занятіемъ испанцевъ XVI—XVII ст. Но не всегда удавалось дослужить свой срокъ до конца. Война, какъ и теперь, была полна разнообразныхъ случайностей. Можно было отстать отъ своего отряда, попасть въ плѣнъ. Сражались не каждый день. У солдатъ оставалось много свободнаго времени. Они коротали его игрою въ кости и карты и любовными похожденіями. Какъ всѣ испанцы, отличаясь щепетильностью въ вопросахъ чести, солдаты ссорились между собою, грубили начальству. За этимъ слѣдовали неизбѣжные аресты, дуэли, бѣгство изъ каземата и т. д. Во всѣхъ такихъ случаяхъ солдатъ снималъ съ себя узы правильнаго существованія и становился вольною птицей. Съ момента освобожденія онъ долженъ былъ самъ промышлять о себѣ.

Къ авантюризму вынуждало военнаго иногда само правительство, не платя ему денегъ, или не нуждаясь болѣе въ его услугахъ. Оставшись на свободѣ, военный, и съ незапятнанной честью, далеко не всегда возвращался домой, въ родовое помѣстье (casa solar) или въ деревню, куда-нибудь въ глушь Астуріи или Ламанчи, доживать свой вѣкъ мирнымъ сельскимъ идальго или крестьяниномъ. Какая радость ѣхать домой безъ денегъ? Хотя и говорилось, что умные люди никогда не бываютъ бѣдными (no son pobres los discretos), все-таки одною славою и сознаніемъ исполненнаго долга не проживешь. Нѣтъ спору, что при всей высотѣ міросозерцанія, которую мы должны признать за современниками Лопе и Сервантеса, испанцы очень любили золото. Въ одной комедіи Лопе мы читаемъ слѣдующую наивную похвалу драгоцѣнному металлу: «это—благородный металлъ, царь металловъ за свой блескъ, цвѣтъ и тонкость. Онъ не портится и людямъ приноситъ счастье. Онъ веселитъ глаза и чувства, веселитъ сердце и даже душу человѣка»[1]).

1) Изъ ком. El desposorio encubierto, стр. 155, 1 (Parte XIII, Mad. 1620).

При случаѣ дѣйствовало и мелкое самолюбіе. Хорошо вернуться на родину послѣ долгаго отсутствія, когда въ карманѣ бренчатъ деньги, на шеѣ одѣта богатая цѣпь, а на шляпѣ развѣвается перо! Какъ радостно встрѣчаютъ такого человѣка мужчины и женщины! Но вернись домой бѣднякомъ, и всякій встрѣтитъ тебя съ досадой и печалью... Даже и собаки лаютъ съ особымъ озлобленіемъ: онѣ боятся, что бѣднякъ отниметъ у нихъ пропитаніе. Такъ же смотрятъ и всѣ прочіе, оставшіеся на родинѣ. Они видятъ въ солдатѣ, который вернулся домой со славой, но безъ денегъ, опаснаго соперника[1]). Но и помимо соображеній корыстолюбія и тщеславія, очень многимъ казалась скучною и безславною жизнь у себя на родинѣ, жизнь столь темная и тѣсная по сравненію съ привольнымъ существованіемъ солдата. Поэтому военный человѣкъ, такъ или иначе разставшись съ активной службой, старался, какъ можно скорѣе, опять поступить подъ знамена католическаго короля.... И это было не трудно, потому что въ обширныхъ владѣніяхъ испанской короны всегда гдѣ-нибудь велась война. То сражались во Фландріи съ непокорными еретиками, то изъ приморскихъ городовъ Италіи и Сициліи предпринимались походы противъ турецкихъ пиратовъ, то въ самой Испаніи приходилось усмирять возставшихъ морисковъ.

Наконецъ, въ заокеанскихъ провинціяхъ, въ Мехико, въ Перу́, былъ открытъ широкій просторъ и для неудачника, и для честолюбца, и для любителя легкой наживы. Вербовщикъ открывалъ свою лавочку, билъ въ барабанъ, и всякій желающій могъ записаться въ ряды войска. Начальство не освѣдомлялось особенно строго о томъ, почему такой-то солдатъ находился въ настоящее время безъ дѣла, не совершилъ-ли онъ какого-нибудь преступленія, почему изъ Фландріи, гдѣ въ то время велась война, попалъ онъ въ Сицилію, гдѣ только еще поговаривали о походѣ, и т. д. Нуженъ былъ человѣкъ, умѣющій владѣть ору-

---

1) См. ком. Лопе «Quien todo lo quiere», стр. 13, 2—3 (Parte XXII, Mad. 1635).

жіемъ, и его записывали въ полкъ. Вотъ и все. Т. об. вчерашній авантюристъ превращался въ солдата, въ слугу Его Королевскаго Величества, и исправно несъ военную службу впредь до новаго затора своей мятежной жизни.

Если же не удавалось устроиться такъ, чтобы и отечеству служить, и деньги наживать, и жизнь веселую вести, тогда можно было покинуть родину и отправиться на чужбину, искать себѣ счастья и славы на службѣ у иноземныхъ государей. И вотъ испанскіе авантюристы странствуютъ по далекимъ землямъ, добываютъ славу и деньги, коротаютъ жизнь и, подобно Одиссею, наблюдаютъ чужіе нравы и города. Правда, много приходится испытать тому, кто покинетъ родину и одинъ безъ друзей подвергается всѣмъ ужасамъ военнаго времени, но зато война — лучшая школа, въ которой, какъ въ одной объемистой книгѣ, можно научиться всему тому, что составляетъ содержаніе наукъ, о чемъ говорятъ море и земля, дворецъ и столица[1]). Понятна поэтому похвала войнѣ и военному дѣлу, которую произноситъ Гусманъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Торресъ Наарро «La Soldadesca», рисующей намъ жизнь и нравы солдатъ XVI-го столѣтія. «Горе мнѣ! Весь міръ затихъ и замолкъ. Только со мною однимъ воюетъ миръ... Скажемъ прямо: солдатамъ хорошо только во время войны. Понятно, что мы ждемъ войны, какъ бѣдняки ждутъ лѣта»[2]).

Итакъ, отъ солдата до авантюриста — путь не дологъ. Большею частью они совмѣщаются въ одномъ лицѣ, въ разные, но близко отстоящіе періоды его жизни. Можно быть и честнымъ авантюристомъ, потому что и на чужбинѣ истинный рыцарь будетъ исполнять завѣты своего сословія: защищать слабыхъ и угнетенныхъ и сражаться за католицизмъ въ ту эпоху возможно было подъ всякими широтами. Но случалось, что кавалеру не

---

1) Изъ ком. Лопе «No son todos ruyseñores», стр. 28, 1 (Parte XXII, Mad. 1635).

2) Propaladia I, стр. 297 (Libros de antaño, т. IX).

удавалось устроиться ни на родинѣ, ни на чужбинѣ. Рыцарскіе принципы и добрый мечъ оказывались безсильными прокормить его. Тогда бывшій военный, промышляя уже не о славѣ, а о томъ, какъ бы не умереть съ голоду, спускался пониже и становился въ ряды великой иррегулярной арміи всякаго рода мазуриковъ и приходимцевъ, которыми была полна Испанія и ея владѣнія во всѣхъ частяхъ свѣта.

Военные авантюристы — самые цѣнные для характеристики испанскаго общества, потому что военный элементъ преобладалъ въ старой Испаніи, и военное ремесло считалось самымъ почетнымъ и благороднымъ занятіемъ. Ниже мы познакомимъ читателя съ нѣсколькими эпизодами изъ жизни и странствованій наиболѣе интересныхъ военныхъ авантюристовъ. Но если офицеру или солдату не трудно было превратиться въ искателя приключеній, въ которомъ удивительно могли сочетаться свѣтлыя стороны рыцарства и отрицательные моменты авантюризма и босячества, то и для представителей другихъ сословій существовало достаточно причинъ выходить изъ рамокъ безмятежной жизни мало-мальски устроеннаго общества и дѣйствовать по принципу «рыба ищетъ, гдѣ глубже, человѣкъ, гдѣ лучше». И въ самомъ дѣлѣ, среди авантюристовъ мы находимъ напр. доктора. Изъ представителей ученаго сословія видимъ студента, Хуана Вальядáреса, который, послѣ бурно проведенной жизни, окончилъ свои дни подъ крыломъ Церкви. Онъ изучалъ грамматику и риторику, но девятнадцати лѣтъ отъ роду покинулъ школу и, въ качествѣ солдата, отправился въ Неаполь. Потомъ вновь вернулся въ Испанію и опять предался изученію наукъ. Вновь поступилъ на военную службу, попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, былъ выкупленъ на свободу. Влюбился въ какую-то Майоринду, ранилъ соперника, былъ приговоренъ къ смертной казни, но не казненъ. Какъ сказано, жизнь свою окончилъ въ лонѣ Церкви, будучи священникомъ, но, даже нося это почтенное званіе, остался любителемъ приключеній и веселой жизни... Такимъ образомъ даже церковь, даже монастырь не спасали своихъ вѣрныхъ служителей. Мно-

гихъ тянуло на волю, въ поля и горы, хотя, напр., въ стѣнахъ монастыря можно было вести привольное и безмятежное существованіе. Одинъ монахъ — миноритъ, по имени Гомесъ Аріасъ, который послѣднее время жизни былъ астрологомъ въ Саморѣ (Zamora), передъ этимъ прошелъ, кажется, всѣ ступени общественной лѣстницы. Человѣкъ хорошаго происхожденія, имѣвшій связи среди сильныхъ міра сего, онъ, по его собственнымъ словамъ, «былъ монахомъ, прислуживалъ въ церкви, былъ сеньоромъ, нищимъ, адвокатомъ, солдатомъ, астрологомъ и даже супругомъ, и все это въ очень краткій промежутокъ времени». Случалось, что и монахини покидали свое тихое пристанище и, подобно какому-нибудь капитану или солдату, начинали бродить по бѣлусвѣту, находя себѣ пріютъ въ тѣхъ или иныхъ провинціяхъ испанской монархіи. И женщина въ Испаніи XVI—XVII столѣтій не много уступала мужчинѣ въ храбрости, предпріимчивости и безпокойномъ духѣ. Хулія, героиня драмы Кальдерона «La devocion de la Cruz» — поэтическое изображеніе такихъ бѣглянокъ изъ монастыря, но что онѣ существовали и въ дѣйствительности и иногда отъ однообразной жизни переходили прямо къ вольнымъ приключеніямъ, это доказывается исторіей Каталины де Эраусо, знаменитой монахини-знаменосца [1]).

Само собою разумѣется, что странствующіе актеры, которыхъ такъ много и теперь, изобиловали и въ Испаніи XVI—XVII столѣтій. Вѣдь профессія актера освобождала отъ стѣснительныхъ условій размѣреннаго, буржуазнаго существованія и какъ бы давала законное право быть авантюристомъ. Мы имѣемъ драгоцѣнный памятникъ испанской литературы, рисующій среду странствующихъ актеровъ. Это — «Занимательное путешествіе» (Viaje entretenido) актера Агустина де Рохасъ, произведеніе, достаточно хорошо знакомое любителямъ старинной испанской драмы. Авторъ его въ прологѣ говоритъ читателю: «узнай же, что четыре года я былъ студентомъ, потомъ былъ пажомъ, сол-

1) О ней см. Очерки бытового театра Лопе де Вега, 21—22 и passim.

датомъ, былъ pícaro, былъ плѣнникомъ и гребцомъ на галерѣ, былъ купцомъ, рыцаремъ, писцомъ, и сталъ актеромъ»[1]).

Если прибавимъ теперь, что авантюристами становились, volens—nolens, проворовавшіеся чиновники, раззорившіеся купцы, обѣднѣвшіе крестьяне, всякаго рода люди, которые должны были спасаться отъ правосудія, то окажется, что всякое сословіе поставляло свою дозу авантюристовъ, которые въ правильно устроенномъ обществѣ не хотѣли или не могли найти себѣ постояннаго занятія. Было какъ бы двѣ Испаніи: офиціальная, прочно-установленная, составлявшая главную силу страны, и беззаботная, бродячая, не зарегистрованная, иногда поэтическая мечта и украшеніе національной жизни, большею частью помѣха и препятствіе къ дальнѣйшему прогрессу. Эти двѣ Испаніи стояли лицомъ къ лицу, при чемъ часто вторая существовала на счетъ первой. Изъ авантюристовъ составились дружины конкистадоровъ Новаго Свѣта; они же, пополняя ряды регулярной арміи, поддержали испанское могущество и славу родины на поляхъ Фландріи и Италіи и во время морской битвы при Лепанто. Во многихъ изъ нихъ жили высокіе принципы рыцарства, отъ которыхъ они не отступали и въ самыхъ опасныхъ приключеніяхъ. Знаменитый испанскій роялизмъ, религіозность, часто внѣшняя и дѣйствовавшая по принципу do ut des, но все же искренняя и постоянная, порою удивительное человѣколюбіе, готовность признать свои ошибки, глубокая привязанность къ женщинѣ (матери, женѣ или любовницѣ), забота о меньшей братіи, мелькающая порою тоска по родинѣ — все это былъ способенъ пережить и перечувствовать испанскій авантюристъ. Забота о чести у него стоитъ на первомъ планѣ. Но, какъ и у мирнаго испанца, честь нерѣдко понимается внѣшнимъ образомъ, постоянно переходитъ въ тщеславіе и мелкое самолюбіе, одинаково примѣняясь и на полѣ битвы, и въ компаніи бражниковъ.

---

1) См. Schack, Geschichte der dramatischen Literatur und Kunst in Spanien, т. I, стр. 250 и слѣд.

Рядомъ съ этимъ полный произволъ, часто непониманіе простѣйшихъ общественныхъ обязанностей, мстительность и жестокость, переходящая иногда въ глумленіе надъ врагомъ. Авантюры, наконецъ, поддерживали въ испанцахъ духъ смѣлости и предпріимчивости. Но далеко не всѣ искатели приключеній являлись подобіемъ и напоминаніемъ или идеальныхъ рыцарей добраго стараго времени, или ихъ ослабленнаго, но все же имѣющаго нравственную цѣнность, проявленія въ дѣйствительной жизни. Какъ много было въ испанскомъ авантюристѣ чертъ, которыя приближали его къ герою плутовской новеллы, испанскому босяку, знаменитому pícaro[1]). Не всѣ авантюристы искали только славы; они, живя на чужбинѣ, боролись съ несправедливостью судьбы или невниманіемъ правительства. Жажда наживы, чудовищное развитіе чисто—животныхъ потребностей, развратъ, обманы, картежная игра, убійства вотъ постоянные спутники жизни авантюриста. Авантюристъ—соединительное звено между рыцаремъ и pícaro. Онъ совмѣщаетъ свойства того и другого. Въ какой пропорціи смѣшаны служеніе идеаламъ и служеніе чреву, отъ этого зависитъ физіономія каждаго отдѣльнаго авантюриста.

II.

Итакъ, авантюристъ—человѣкъ, выбитый изъ колеи. Люди такого рода могутъ встрѣтиться въ каждой странѣ и въ каждую эпоху. Важенъ не самый типъ, а его преобладаніе при извѣстныхъ условіяхъ. Почему въ Испаніи временъ трехъ Филипповъ было особенно много авантюристовъ? При современномъ состояніи научныхъ данныхъ по исторіи испанской культуры XVI—XVII столѣтій на этотъ вопросъ можно отвѣчать лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, не выдавая выводовъ за окончательные. Поэтому и мы ограничимся краткими замѣчаніями.

---

1) Типичный авантюристъ-pícaro—Miguel de Castro, оставившій намъ свою автобіографію (См. Biblioteca hispánica, № 2, Madrid, 1900 г.).

Прежде всего не было ли въ самомъ характерѣ испанскаго народа, какимъ выработала его вѣковая исторія, моментовъ, которые неудержимо влекли испанца къ авантюрамъ всякаго рода?

Цѣлые вѣка прошли у испанцевъ въ безпрерывной борьбѣ съ маврами. Военное время развиваетъ въ людяхъ предпріимчивость, смѣлый и неукротимый духъ. Война слагается изъ длиннаго ряда приключеній, въ которыхъ очень часто приходится дѣйствовать въ одиночку, полагаясь на выносливость своего коня, да на крѣпость добраго меча. Какъ ни тяжела война, привыкаютъ и къ ней, и даже начинаютъ любить это занятіе. Въ особенности въ Испаніи, гдѣ война велась для достиженія высокихъ религіозныхъ и національныхъ цѣлей. Исторія создала изъ испанца воина, который если не съ пренебреженіемъ, то во всякомъ случаѣ равнодушно смотрѣлъ на занятія мирной жизни, ремесла и торговлю. Служить идеальнымъ цѣлямъ не то, что наживать деньги, цѣликомъ уйти въ такое дѣло. Конечно, можно прибавить, что воиномъ быть не только благородно и почетно, но и выгодно: вѣдь рыцарь, отбывая натуральную повинность, не платитъ никакихъ податей.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ испанскіе рыцари находили себѣ подходящую арену дѣятельности — борьбу съ маврами. Но вотъ въ 1492 г. палъ послѣдній оплотъ мусульманства — Гранада. Рыцарямъ предстояла опасность — очутиться безъ дѣлъ. Военная эпоха кончилась. Начинается мирная организація страны. Рыцарь, пожалуй, долженъ уступить чиновнику, торговцу, удалиться отъ дѣлъ. Такъ и случилось, въ значительной мѣрѣ, попозднѣе, при Филиппѣ II. Въ царствованіе этого короля-чиновника и начинается нарастаніе количества авантюристовъ, потому что рыцарственный духъ не такъ уже нуженъ, какъ въ средніе вѣка и первую половину XVI-го столѣтія. Но судьбою была дана рыцарямъ отсрочка, на все долгое царствованіе Карла V. Объединеніе страны покончено, уничтоженіе мусульманскаго владычества свершилось. Теперь открывается передъ

Испаніей перспектива міровой политики. Всемірная монархія— вотъ къ чему стремится Карлъ V, вотъ цѣль, которой домогаются, но, конечно, съ меньшей удачей, его преемники. Въ самомъ Карлѣ много чертъ, сближающихъ его съ рыцаремъ. Его царствованіе— золотой вѣкъ испанскаго рыцарства. Тогда-то и вырабатывается окончательно тотъ идеалъ кавалера, которымъ жили лучшіе испанцы временъ Габсбургской монархіи, принципами котораго стремились руководиться и авантюристы. Въ эпоху Карла V, въ военныхъ предпріятіяхъ, которыя ведутся и въ Старомъ и, особенно, въ Новомъ Свѣтѣ, и укрѣпляются за испанскимъ рыцаремъ страсть къ приключеніямъ, неугомонный духъ, жажда наживы и славолюбіе — моменты, весьма характерные для психологіи авантюриста. Обильные задатки всего этого были даны уже средними вѣками. Теперь, при благопріятныхъ условіяхъ, сѣмена приносятъ роскошную жатву.

Но ясно также, что эти рыцари, когда они, по обстоятельствамъ времени, останутся безъ дѣлъ и утеряютъ расположеніе власти, едва ли охотно перейдутъ къ занятіямъ мирной жизни. Ясно, что тихое существованіе у себя на родинѣ, торговля, ремесла, даже служба чиновника — все это будетъ казаться скучнымъ и безцвѣтнымъ, не говоря уже о томъ, что перейти отъ борьбы за славу, родину, религію къ наживанію денегъ медленнымъ путемъ — просто унизительно. Устроиться чиновникомъ самое лучшее, но и это не всегда удается. Понятно, что при такомъ міросозерцаніи вчерашній рыцарь можетъ стать авантюристомъ чистѣйшей воды и свои дарованія, выработанныя долгою военною жизнью, примѣнитъ уже не во славу родины, а на пользу собственному чреву.

Когда же наступилъ моментъ такого превращенія бѣднаго рыцаря въ авантюриста? Мы уже сказали, что это произошло при Филиппѣ II, который унаслѣдовалъ значительную часть обширной монархіи отца, завоевательные планы его и общее направленіе политики, но не унаслѣдовалъ ни малѣйшей дозы личнаго рыцарства. Филиппъ II, повидимому, личной храбростью

не обладалъ и запутанной, тонкой политикой своей предпочиталъ руководить изъ кабинета. Филиппа II окружаютъ уже не рыцари, смѣлые и воинственные, а чиновники, креатуры короля, которыми онъ можетъ распоряжаться, какъ ему угодно. Военный человѣкъ лишается непосредственнаго соприкосновенія съ трономъ. Войны-то ведутся попрежнему, но въ меньшихъ размѣрахъ, и притомъ большею частью неудачно. Народъ еще вѣренъ старинным идеаламъ, но со стороны правительства рыцарямъ уже нѣтъ прежняго почета. Блескъ рыцарства начинаетъ постепенно меркнуть. Насколько трудно кавалеру добиться награды за дѣйствительно-оказанныя услуги, видно изъ примѣра Сервантеса. Поэтъ, яркое воплощеніе лучшихъ сторонъ испанскаго рыцарства, такъ и умеръ бѣднякомъ..... Та же исторія въ большихъ размѣрахъ продолжается при Филиппѣ III. Это былъ тишайшій, но, пожалуй, и глупѣйшій изъ испанскихъ государей. Въ его царствованіе войны замолкаютъ. Государь предается болѣе мирнымъ занятіямъ: ѣздитъ на богомолье и охотится. Дѣла правленія въ рукахъ Лермы и его пособниковъ. Заслуженный рыцарь теперь прямо не нуженъ. Кромѣ того не легко добраться до государя, если желаешь получить пенсію или награду для безбѣднаго существованія у себя на родинѣ. Войны возобновляются при Филиппѣ IV. Но положеніе военного человѣка не улучшается. «Великій Филиппъ», какъ называли его льстивые современники, тоже не очень интересуется дѣлами правленія: все находится въ рукахъ Оливáреса. Государя занимаютъ театръ, поэзія и любовныя приключенія. Заслуженный рыцарь попрежнему—чужой при дворѣ, и очень трудно добиться ему справедливости. Пенсіи и награды прилипаютъ къ рукамъ чиновниковъ и временщиковъ.

Ко всему этому нужно прибавить еще одинъ очень важный моментъ, одинаково дѣйствительный при всѣхъ трехъ Филиппахъ. Это — бѣдность Испаніи. Казна государственная нерѣдко пустуетъ. Военному человѣку не платятъ даже жалованья. А нажиться, какъ бывало при Карлѣ V, гдѣ-нибудь въ Новомъ

Свѣтѣ теперь уже невозможно. И въ Америкѣ теперь грабятъ чиновники; военному ничего не остается. Солдатъ такимъ образомъ является жертвой правительственной эксплоатаціи. Въ услугахъ его нуждаются, но получить ихъ стараются на даровщинку... Вотъ почему въ изучаемую эпоху рыцарь, которому такъ привольно жилось въ героическіе дни Карла V, очень и очень часто, самою волею судебъ, превращается въ авантюриста. Одинъ современный сатирикъ говоритъ «о тысячѣ искалѣченныхъ капитанахъ, которые, разсказывая о своихъ страданіяхъ, и просятъ и грозятъ въ одно время». «Претензіи», съ которыми обиженные солдаты обращались въ присутственныя мѣста и къ вліятельнымъ лицамъ, — обычная тема жалобъ въ бытовыхъ комедіяхъ Лопе и другихъ драматурговъ XVII-го столѣтія.

Конечно, во всякой другой странѣ отставной, обиженный судьбою, военный могъ бы заняться торговлей, какимъ-нибудь ремесломъ, вернуться къ себѣ въ деревню и постараться обрабатывать раціональнымъ образомъ свое помѣстье. Но долгіе вѣка военной жизни убили въ испанцахъ способность существовать и богатѣть мирными способами, а взамѣнъ этого развили въ нихъ лѣнь. Вести обширныя коммерческія предпріятія, заняться литературой могъ не всякій идальго, потому что лишь немногіе обладали достаточной широтой образованія. Да и вообще торговля, равно какъ и ремесло — занятіе, позорное для рыцаря.

Итакъ, или умирай съ голоду, если правительство тебя не поддержитъ, не дастъ тебѣ пенсіи, не поручитъ какого-нибудь выгоднаго предпріятія, или становись рíсаго, либо отправляйся искать счастья на чужбинѣ.... Всякій, конечно, предпочтетъ быть авантюристомъ, чѣмъ умереть до времени.

Такимъ образомъ. особенности національнаго характера и обстоятельства эпохи — вотъ, думается намъ, двѣ главнѣйшихъ причины, породившія испанскій авантюризмъ XVI—XVII столѣтій. Но, разумѣется, ими двумя дѣло неисчерпывается. Необходимо принять въ расчетъ и щекотливость въ вопросахъ чести, и

общую несдержанность характера, и, наконецъ, цѣлый рядъ мелкихъ личныхъ обстоятельствъ, которыя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ставили человѣка во враждебныя отношенія къ обществу, заставляли искать спасенія въ свободной и вольной жизни авантюриста. Главный контингентъ авантюристовъ поставлялся, какъ мы видѣли, людьми военными. Лишь въ этой средѣ мы находимъ массовый авантюризмъ. Но было уже отмѣчено, что авантюризмъ въ значительной мѣрѣ распространялся и на другія сословія. Не говоря уже о частныхъ, вездѣ были причины общаго характера, заставлявшія людей выходить за рамки прочно установленной жизни. Испанская государственная машина уже при Филиппѣ II скрипѣла довольно громко, а при его преемникахъ окончательно склонилась къ упадку. Застой въ торговлѣ, общая бѣдность, неустройства администраціи, продажность суда и т. д. — вотъ причины общаго характера, которыя вынуждали не только идальго, но и купца, и земледѣльца сбрасывать ярмо гражданственности и уходить въ «украину» авантюризма. Нѣтъ сомнѣнія, что авантюризмъ — одна изъ очень многихъ причинъ паденія испанскаго могущества, одинъ изъ яркихъ симптомовъ болѣзненнаго состоянія общественнаго организма. Московскіе неудачники бѣжали въ старину въ Украину, къ казакамъ.... Тамъ сбирались силы, которыя потомъ бывали полезны обще-народному дѣлу. Испанскіе авантюристы во многомъ напоминаютъ казаковъ. Но есть между ними и различіе— въ порядкѣ моментовъ ихъ дѣятельности. За славными подвигами въ далекихъ странахъ и на чужбинѣ для испанскаго авантюриста — часто печальный конецъ гдѣ-нибудь въ харчевнѣ или въ тюрьмѣ въ качествѣ рíсаго или «искалѣченнаго капитана». Дѣятельность казаковъ — восходящая, авантюристы двигаются по линіи нисходящей [1]).

---

1) Ср. съ этимъ Morel-Fatio, Études sur l'Espagne, I, стр. 345 и слѣд., Chandler, Romances of Roguery, I, стр. 19 и слѣд., и Cánovas del Castillo, Artes y letras, стр. 178 и слѣд.

III.

Источниковъ для детальнаго изученія испанскаго авантюризма, какъ и вообще для характеристики культуры XVI—XVII столѣтій, чрезвычайно много, и они почти не разработаны. Эти источники можно раздѣлить на четыре группы: 1) испанскія хроники и лѣтописи, 2) замѣтки иностранцевъ, путешествовавшихъ по Испаніи, 3) памятники литературы, главнымъ образомъ, драма и романъ, 4) автобіографическія сочиненія самихъ авантюристовъ, которые любили иногда на склонѣ лѣтъ передать потомству письменный разсказъ о своихъ приключеніяхъ[1]).

Обратимся къ первой группѣ источниковъ и постараемся извлечь изъ нея нѣсколько данныхъ къ характеристикѣ изучаемаго явленія. Мы будемъ имѣть въ виду лишь въ самыхъ общихъ чертахъ изложить характеристику той среды, въ которой развивались зародыши авантюризма, данные національнымъ характеромъ и эпохой. Одинъ уголокъ испанскаго общества мы уже изучали въ нашемъ изслѣдованіи о бытовомъ театрѣ Лопе де Вега, именно семейные нравы, супружескія отношенія и идеи чести, господствовавшія всюду. Изъ собраннаго въ нашей работѣ матеріала ясно, что одна только семейная жизнь, какъ она создалась и понималась въ Испаніи, должна была способствовать развитію авантюризма. Щепетильность въ вопросахъ чести, несдержанный характеръ мужчинъ и женщинъ, грубость нравовъ и месть за оскорбленія—все это нерѣдко заставляло людей выходить изъ колеи спокойной жизни и, спасаясь отъ преслѣдованія правосудія, дѣлаться авантюристомъ. Такова была напр. судьба герцога Эстрады, который убилъ свою невѣсту и былъ принужденъ покинуть Испанію, куда такъ и не вернулся[2]).

---

1) Объ этомъ см. M. Serrano y Sanz въ предисловіи къ изданію автобіографіи Алонсо Контрерасъ (Madrid, 1900) и Morel-Fatio, Bulletin hispanique, III, стр. 135 и слѣд. (= Études sur l'Espagne, III, стр. 167 и слѣд.).

2) См. Очерки.... стр. 198—235.

Но оставимъ семейную жизнь, взглянемъ на испанскіе нравы съ иныхъ точекъ зрѣнія, и картина получится та же самая. На всемъ протяженіи монархіи католическаго короля, во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ — множество причинъ, которыя поддерживаютъ авантюризмъ, способствуютъ его развитію, и бороться съ которыми правительство почти всегда не въ силахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что испанскія власти занимались часто пустяками, напр., устанавливая форму воротничковъ, обязательную для кавалеровъ, или запрещая мужчинамъ ѣздить въ каретахъ на томъ основаніи, что такой способъ передвиженія изнѣживаетъ человѣка (Se afeminan los hombres andando en ellos)[1]). Но безуспѣшная борьба всѣхъ этихъ честныхъ коррехидоровъ, алькальдовъ, альгвасиловъ съ буйными элементами общества иногда принимаетъ трагическій характеръ. Вчитываясь въ извѣстія Кóрдовы, Пельисера и другихъ современныхъ хроникеровъ, пересматривая переписку іезуитовъ, историкъ видитъ, при какихъ трудныхъ условіяхъ совершалась въ Испаніи культурная работа. Не одна инквизиція и религіозный фанатизмъ привели Испанію къ погибели, какъ полагали въ старину. Не исключительно виновенъ абсолютизмъ королевской власти, который не оставлялъ якобы ни малѣйшей свободы общественной и частной иниціативѣ. Въ иныхъ отношеніяхъ послѣдней было, пожалуй, слишкомъ много, болѣе, чѣмъ нужно для правильной дѣятельности національнаго организма. Авантюристъ — самоуправецъ, міросозерцаніе котораго имѣло ярко-индивидуалистическую окраску, и слышать не хотѣлъ о необходимости служить общему дѣлу, нести государственную тяготу, если это не соотвѣтствовало его личнымъ вкусамъ и потребностямъ данной минуты Въ авантюристѣ, какъ мы знаемъ, были и благородныя свойства рыцаря. Но ихъ онъ постоянно заглушалъ заботою о личныхъ интересахъ, хотя и продолжалъ считать себя истиннымъ рыцаремъ. Между тѣмъ

---

1) Luis Cabrera de Córdoba, Relaciones (1599—1614), стр. 57 и 497, и Morel-Fatio, l. c. III, стр. 231 и слѣд.

среда, съ которою приходилось считаться испанцу, была, дѣйствительно, такова, что авантюризмъ все яснѣе и яснѣе выступалъ на первый планъ общественной жизни, пока, наконецъ, въ совокупности со многими другими причинами не привелъ къ совершенному паденію старой Испаніи.

Что же говорятъ намъ главнѣйшіе изъ современныхъ лѣтописцевъ о нравахъ испанскаго общества? Невеселую, хотя и романтическую картину представляла тогдашняя Испанія. Самоуправство, бродяжничество, столкновенія съ полиціей, убійства, ссоры, драки и днемъ, и ночью, дуэли, разбойничество, воровство, картежная игра и т. д. — вотъ та почва, на которой могли давать обильные всходы сѣмена авантюризма, посѣянные вѣками историческаго развитія, взлелѣянныя въ эпоху Карла V и, при его преемникахъ, искавшія свѣта и тепла если не подвиговъ ратныхъ, то, по крайней мѣрѣ, вольной и свободной жизни.

Всего лучше живется, конечно, авантюристамъ изъ военныхъ. О подвигахъ такихъ «кавалеровъ-авантюристовъ», среди которыхъ было много аристократовъ (caballeros aventureros), о жизни и нравахъ военныхъ вообще наиболѣе интересныя свѣдѣнія находимъ у Пельисера. Уже при вербовкѣ солдатъ совершалось много безчинствъ и безобразій. Одинъ капитанъ, имени котораго Пельисеръ не называетъ, при помощи любовницы заманивалъ рабочихъ съ рынка и держалъ ихъ взаперти и впроголодь, пока они не соглашались поступить къ нему въ полкъ[1]). Число безобразій, творимыхъ солдатами, было просто невѣроятно. Они вызывали волненіе въ цѣломъ Мадридѣ, и иногда приходилось прибѣгать къ послѣднему средству католической Испаніи — выносить изъ церкви чашу съ божественною кровью, чтобъ видомъ святыни хотя нѣсколько усмирить бушующихъ. Открыто вступая въ бой на улицахъ Мадрида, отряды солдатъ производили иногда нападенія на тюрьмы, гдѣ содержались ихъ провинившіеся товарищи. И городская полиція, которой

1) Josef Pellizer y Tobar, Avisos históricos (1639—1644), I, стр. 61.

приходилось отстаивать мѣсто заключенія, нерѣдко рисковала жизнью. Въ іюлѣ 1642 г. повѣсили одного солдата изъ полка графа Молины. Это былъ «величайшій злодѣй» (hombre facinerosísimo), который убивалъ людей для собственнаго удовольствія. Для борьбы съ такими личностями, которыя не останавливались даже передъ противоестественными преступленіями, въ томъ же 1642 г. былъ назначенъ особый алькальдъ, который могъ казнить и миловать, не испрашивая на то разрѣшенія военнаго совѣта [1]). Такъ вели себя солдаты, принадлежавшіе къ регулярной арміи, записанные въ какой-нибудь опредѣленный полкъ! Саламейскій алькальдъ Кальдерона является превосходной иллюстраціей къ современнымъ нравамъ. Совпаденіе поэзіи и дѣйствительности доходитъ до мелочей. Напр. и капитанъ Альваръ у Кальдерона отказывается признать надъ собою власть обыкновеннаго сельскаго судьи: его, капитана, можетъ судить только военный совѣтъ, который и не замедлитъ послать за нимъ. (Актъ III, с. 7-ая и 8-ая). Вѣроятно, на солдатъ, находящихся въ походѣ, не распространялось постановленіе 1642 г., дѣлавшее ихъ подсудными гражданскимъ властямъ. Возможно и то, что оно относилось только къ Мадриду, не касаясь провинцій. Во всякомъ случаѣ, капитанъ Альваръ, имѣющій формальное право сопротивляться сельскому алькальду, совершенно не правъ съ нравственной точки зрѣнія, что въ концѣ драмы признаетъ и король.

Но самоуправство и буйство не были привиллегіей однихъ солдатъ. Было бы излишне перечислять всѣ тѣ столкновенія съ полиціей и властями, гдѣ были замѣшаны люди иныхъ сословій [2]). Мы приведемъ лишь нѣсколько наиболѣе выдающихся случаевъ. Однажды, на бою быковъ въ мѣстечкѣ, имени котораго хроникеръ не указываетъ, собралась большая толпа народа. Произошла

---

1) Ibidem, II, стр. 282—283; III, 9; I, 207; II, 272—273 и I, 228.

2) См. Córdoba стр. 470, 550; Cartas de algunos padres de la Campañia de Jesus, VI, стр. 101—103; 198—199; 210—212; 468; Pellizer, III, 65. Barrionuevo, Avisos (1654—1658), I, стр. 95; II, 301; III, 227 и т. д.

драка. Донъ Хайме, братъ герцога Мáкеда, владѣльца мѣстечка, находясь на праздникѣ, вмѣшался въ драку. Нѣсколько человѣкъ было убито. Мáкеда, преслѣдуя нападавшихъ, кричалъ: «смерть королевскимъ вассаламъ! да здравствуютъ вассалы моего брата!» (mueran los vasallos del Rey, y vivan los de mi hermano!) За такія вольныя рѣчи донъ Хайме былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость[1]). Студенческіе безпорядки уже тогда выходили за предѣлы академическаго зданія. Такъ въ Саламанкѣ въ 1656 г. студенты, недовольные однимъ преподавателемъ, убили его выстрѣломъ изъ аркебуза и при этомъ взломали городскую тюрьму (гдѣ несчастный, вѣроятно, искалъ себѣ защиты)[2]). Послѣ такого приключенія не одинъ питомецъ музъ принужденъ былъ разстаться съ аудиторіями и искать спасенія въ жизни авантюриста!

Нѣчто подобное находимъ мы и среди духовнаго сословія. И здѣсь встрѣчались экземпляры, жизнь и дѣятельность которыхъ какъ-то не вяжется съ высокимъ представленіемъ о священномъ санѣ. Само собою понятно, что и въ этой средѣ господствовали принципы чести и кроваваго отомщенія за обиды. Но и помимо этого часто отъ священника или монаха до авантюриста былъ одинъ шагъ. Одинъ священникъ, по имени Эскóбаръ, только прикрывался духовной одеждой, чтобы пользоваться церковными доходами. На самомъ дѣлѣ его интересы лежали совсѣмъ въ иной области: онъ отлично игралъ въ шахматы и всѣхъ обыгрывалъ[3]). Лѣтописцы сообщаютъ извѣстія о священникѣ—ворѣ и игрокѣ, о другомъ, который изъ любви совершилъ убійство; попадались монахи — фальшивые монетчики и даже разбойники[4]). Одинъ монахъ впалъ въ ересь и занимался колдовствомъ. За такія злодѣянія онъ былъ повѣшенъ. Дѣло происходило въ Гранадѣ въ 1656 г. (grande hechicero, y que tenía seis

1) Córdoba, стр. 390.
2) Barrionuevo, II, стр. 255.
3) Córdoba, стр. 324—325.
4) Pellizer, I, 63; III, 196; Іезуиты, VI, 32 и 124.

sectas, sin contentarse con ser moro, judío, cristiano, hereje, idólatra[1]). Въ г. Антекерѣ въ 1638 г. произошла столь крупная ссора между полиціей и духовенствомъ, что дѣло едва не дошло до открытаго междоусобія. Одинъ священникъ убилъ кавалера, былъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму и приговоренъ къ смертной казни. Его товарищи, тоже священники и клирики, ночью, вооружившись, произвели открытый штурмъ тюрьмы и дома тюремщика, желая освободить виновнаго. Ихъ попытка была замѣчена. На мѣсто преступленія прибыла полиція. Ударили въ набатъ. Посторонніе вмѣшались въ схватку. Одни кричали — да здравствуетъ правосудіе! другіе — да здравствуетъ церковь! Страсти настолько разгорячились, что алькальдъ укусилъ одного священника въ тонзуру и за это получилъ отъ послѣдняго множество щипковъ и ударовъ[2]).

Итакъ, на всемъ протяженіи испанскаго государства шла упорная борьба между представителями власти и людьми вольной и свободной жизни. Трудно было бороться и побѣждать авантюристовъ не только потому, что ихъ было очень много. Мы видѣли уже, что юрисдикція гражданской власти иногда разбивалась о привиллегіи сословій: ни военные, ни духовенство не желали судиться гражданскимъ судомъ. Кромѣ того духъ авантюризма проникалъ и въ высшія сословія. Пельисеръ среди «caballeros—aventureros» отмѣчаетъ много аристократовъ. Но если сами они и не пускались въ авантюры и сидѣли смирно, то, во всякомъ случаѣ, подъ сѣнью ихъ, процвѣтало множество совершенно негодныхъ людей, просто бродягъ (valentones), съ которыми полиція не могла сладить. Въ этомъ отношеніи особенно славился герцогъ Осуна, любимой компаніей котораго были севильскіе бродяги[3]).

Отъ бродягъ, которымъ рѣшительно нечѣмъ дорожить, недалеко до разбойниковъ. XVII столѣтіе—классическій вѣкъ раз-

1) Barrionuevo II, 438.
2) Іезуиты, III, стр. 1—5.
3) Córdoba, стр. 74 и 559.

бойниковъ въ Испаніи. Всѣ тѣ причины общественнаго и нравственнаго характера, которыя колеблющихся толкали въ объятія авантюризма, при нѣсколько измѣнившихся условіяхъ, могли легко сдѣлать ихъ разбойниками. Припомнимъ, что психологія авантюриста размѣщается между двумя крайними точками — истиннымъ рыцаремъ и pícaro. Понятно, что и разбойникъ (bandolero) состоитъ не въ дальнемъ родствѣ съ авантюристомъ. Особенно много разбойниковъ было въ Каталоніи. Въ этой провинціи путешествія были крайне затруднены: въ странѣ бродило 10 или 12 разбойничьихъ шаекъ, и въ самой немногочисленной изъ нихъ было не менѣе 50 человѣкъ. Сохранились извѣстія о женщинахъ — разбойникахъ. Были, наконецъ, и добродѣтельные разбойники, которые бѣдныхъ не грабили. Правительство оказывалось безсильнымъ что-нибудь предпринять противъ нихъ. Но большія дороги были не безопасны и въ другихъ провинціяхъ королевства. Нападенія происходили и въ большихъ городахъ, даже въ самомъ Мадридѣ [1]). Очень часто сообщается о нападеніи замаскированныхъ [2]). Интересно одно указаніе іезуитской переписки о бѣдномъ разбойникѣ изъ благородныхъ. Этотъ случай былъ въ Мадридѣ въ 1643 г.: довольно заслуженный кавалеръ, изъ бѣдности, обокралъ одну сеньору. Потомъ преступленіе было открыто, украденное возвращено, а кавалеръ избѣгъ наказанія, «потому что это былъ человѣкъ порядочный» (por ser persona de reputacion [3]).

Такова картина общественныхъ нравовъ старой Испаніи. Не слѣдуетъ, однако, на основаніи этихъ данныхъ представлять себѣ дѣло въ черезчуръ мрачныхъ краскахъ. Авантюризмъ съ его безпокойною атмосферой былъ только однимъ изъ угловъ жизни. Но имъ однимъ содержаніе ея не исчерпывалось. Хроника преступленій и въ современной газетѣ даетъ лишь одно-

---

1) Córdoba, стр. 501, 542; Іезуиты, III, 112—114; V, 408—409; 462—463 VI, 94; Pellicer, I, 66; Barrionuevo I, 119, 326—327; 332—333; II, 81 и т. д.

2) Іезуиты III, 128, 190, 477 и т. д.

3) Ibidem, IV, 490, 492.

стороннее представленіе о нравахъ общества. Мирное теченіе жизни ускользаетъ отъ нея. Такъ было и въ Испаніи. Только что собраннымъ свидѣтельствамъ, поэтическимъ даннымъ плутовскаго романа, какъ бы внушительны и вѣски они ни были, должно, для правильной оцѣнки, противопоставить бытовой театръ Лопе и другихъ поэтовъ. И тогда картина получится совсѣмъ иная. Сопоставляя *всѣ* эти данныя, мы можемъ сдѣлать слѣдующій выводъ. Склонность къ авантюризму, лежащая въ основѣ испанскаго характера, усилившаяся благодаря политикѣ Филиппа II и его преемниковъ, въ самыхъ нравахъ эпохи не могла найти сильныхъ задерживающихъ моментовъ. Напротивъ, все влекло къ авантюризму, и испанцы охотно вступали на этотъ путь.

IV.

Иностранные путешественники по Испаніи XVI—XVII ст. подтверждаютъ этотъ выводъ. Они сообщаютъ свѣдѣнія о характерѣ народа, о сословной психологіи, и результатъ получается одинъ и тотъ же: авантюризму широко открыта дверь! И чѣмъ далѣе отходимъ мы отъ временъ Карла V, тѣмъ мрачнѣе и мрачнѣе становится картина. Въ характерѣ народа подчеркиваются безпечность, лѣность, нетерпѣливость и тому подобныя отрицательныя свойства. Ихъ гибельное дѣйствіе укрѣплялось невѣжествомъ и плохимъ воспитаніемъ. Юношество, по словамъ m-me d'Aulnoy, не имѣло опытныхъ педагоговъ и ничему не училось, особенно если родители предназначали своихъ сыновей къ военной службѣ. Испанская молодежь проводила время въ безсмысленной праздности, ухаживаніи за женщинами и въ прогулкахъ[1]). Мадридская чернь — сообщаетъ та же путешественница — весьма горда. Всѣ мужчины носятъ шпагу и до работы унижаются только въ крайнемъ случаѣ. Заработавъ необходимое

1) Voyage d' Espagne, стр. 402—403 (по изд. Paris, 1874).

для прожитка, они прекращаютъ трудиться и грѣются на солнцѣ, разсуждая о политикѣ. Очень часто эти разсужденія переходятъ въ ожесточенные споры и оканчиваются драками[1]). Приблизительно то же читаемъ и у другихъ путешественниковъ[2]). Само собою разумѣется, что гордость со всѣми ея послѣдствіями была наиболѣе распространена среди дворянъ или тѣхъ, кто считалъ себя таковыми. Отъ иностранцевъ не ускользнуло и то обстоятельство, что многія печальныя явленія общественности находились въ прямой связи съ этими отрицательными свойствами національнаго характера. Испанія — страна нищихъ, говоритъ m-me d'Aulnoy, и всякій здѣсь хочетъ разбогатѣть на счетъ своего ближняго[3]). Трудиться — обязанность раба. Этотъ принципъ настолько укрѣпился въ сознаніи многихъ испанскихъ землевладѣльцевъ, что даже хлѣбъ у нихъ сѣютъ и убираютъ иностранцы. M-me d'Aulnoy, вѣроятно, нѣсколько увлекается игрою фантазіи, когда рисуетъ намъ слѣдующую картину: «крестьянинъ сидитъ въ креслѣ и читаетъ старинный романъ, а другіе работаютъ за него и обираютъ всѣ его доходы»[4]). Но и другіе путешественники постоянно говорятъ о запущенномъ состояніи земледѣлія, о незасѣянныхъ поляхъ и т. д. И одна изъ причинъ этого печальнаго зрѣлища, по мнѣнію автора Relation de l' Estat d' Espagne — гордость и лѣность народа[5]). Много земель, пишетъ Bertaut, стоятъ необработанными изъ-за лѣности испанцевъ. Большинство народа живетъ изо дня въ день. Часто не хватаетъ хлѣба, и тогда его въ опредѣленные часы раздаетъ полиція[6]). M-me d' Aulnoy, какъ женщина наблюдательная, замѣтила, что и домашнее хозяйство испанцевъ хорошаго

---

1) Ibidem, стр. 428—429.

2) См. Rélation de l' Estat d' Espagne (Кёльнъ, 1667), стр. 18, 54, 16; Bertaut; Journal du Voyage d' Espagne (1659—1660), стр. 54, 186—187; Brunel, Voyage d' Espagne (1657) стр. 309, 311—312 и т. д.

3) Voyage d' Espagne, стр. 14.

4) Ibidem. стр. 497—498.

5) Relation, стр. 18.

6) Journal de Voyage, стр. 186—187.

общества велось не экономично и небрежно[1]). Не въ лучшемъ состояніи находились торговля и государственные финансы Испаніи[2]). Судопроизводство шло медленно. Простому смертному трудно было добиться справедливости, еще труднѣе получить награду за оказанныя отечеству услуги. «Претензіи» никогда не удовлетворялись цѣликомъ. Войны истощили королевскую казну. «Претендентовъ» было чрезвычайно много. Въ ихъ составъ входили не только reformados, т. е. военные, не состоящіе на дѣйствительной службѣ—главный источникъ авантюризма. Казенныя деньги раздавались и грандамъ, и простымъ кавалерамъ, хотя, иногда, они ровно ничего не сдѣлали на пользу отечества. Но это была необходимая мѣра, чтобы дать имъ возможность хоть какъ-нибудь существовать[3]). Просто на всѣхъ претендентовъ не хватало денегъ! Кромѣ того, замѣчаетъ m-me d' Aulnoy, министры были убѣждены, что цѣликомъ удовлетворить просьбу значитъ унизить свое достоинство[4]). Множество претендентовъ жило въ Мадридѣ по цѣлымъ годамъ и только понапрасну тратило тамъ чернила и бумагу[5]). Авторъ Relation de Madrid, повидимому, не вполнѣ владѣвшій испанскимъ языкомъ, или желавшій сострить coûte que coûte, приводитъ слѣдующій отвѣтъ испанскихъ чиновниковъ, которымъ они утѣшали претендентовъ. Вотъ подлинныя слова путешественника: «Если что-либо въ мірѣ можно сравнить съ вѣчностью адскихъ мукъ, то это — медлительность чиновниковъ здѣшней столицы, которые платятъ несчастнымъ претендентамъ только одной монетой, нѣкіимъ «luego» (=тотчасъ =мѣсто), которое найдется только въ Іосафатовой долинѣ»[6]). Brunel занесъ въ свой дневникъ драгоцѣнное свидѣтельство, доказывающее, что и

---

1) l. c. стр. 320—321.
2) См. Brunel, стр. 8, 39—40 и 72.
3) Ibidem, стр. 39—40.
4) l. c. стр. 432.
5) Brunel, стр. 35.
6) Стр. 12. Luego, по испански, не означаетъ «мѣсто» (lugar).

дѣйствительно отъ солдата, состоящаго на военной, активной службѣ, до авантюриста былъ одинъ шагъ. Выѣхавъ изъ Памплоны, путешественники встрѣтили солдатъ изъ гарнизона Памплонской крѣпости, которые просили у нихъ милостыню. Въ отвѣтъ на удивленіе иностранцевъ, солдаты сказали, что Наваррцы, въ землѣ которыхъ находилась Памплона, не платили никакихъ налоговъ, согласно стариннымъ привиллегіямъ своей провинціи. У мѣстныхъ властей поэтому не было денегъ, такъ какъ суммы, сбираемыя путемъ таможенной пошлины, около 24000 écus, были расхищены чиновниками[1]).

Ко всѣмъ этимъ даннымъ надо прибавить многократныя указанія путешественниковъ, что въ странѣ множество разбойниковъ, которые держатъ въ страхѣ цѣлые города.

Итакъ исторія, національный характеръ, общественные нравы — все это создавало изъ испанца авантюриста! Трудно было не пойти по дорожкѣ, которая, хоть и вела въ иныхъ случаяхъ къ тюрьмѣ и висѣлицѣ, могла доставить и деньги, и славу!

V.

Превосходнымъ пособіемъ для характеристики авантюристовъ всякаго рода является поэзія. Одинъ изъ главнѣйшихъ моментовъ испанской литературы XVI—XVII столѣтій — реализмъ, искусство представителей ея рисовать съ натуры. Съ этой точки зрѣнія испанская литература данной эпохи превосходитъ прочія современныя литературы, такъ что ни англійскій, ни французскій, ни итальянскій реализмъ не можетъ идти въ сравненіе съ испанскимъ. Понятно, что, при наблюдательности поэтовъ, такое обширное явленіе, какъ авантюризмъ, привлекло ихъ вниманіе и стало предметомъ художественнаго воспроизведенія. Авантюристы самаго низкаго разбора мастерски изобра-

1) l. c. стр. 335—336.

жены въ знаменитой плутовской новеллѣ, которая воспроизводитъ и нравы ихъ, и міросозерцаніе. Моменты изъ солдатской жизни разной окраски и нравственной цѣнности встрѣчаются у Сервантеса и другихъ романистовъ, которые, придерживаясь принципа реализма, не пожелали, однако, идти по избитой дорожкѣ picaresco и т. д. Въ воспроизведеніи военной жизни вообще и, въ частности, жизни авантюристовъ не отставалъ и испанскій театръ. Мы не станемъ слѣдить за развитіемъ этого отдѣла драмы во всѣхъ подробностяхъ и на всемъ протяженіи. Ограничимся бытовой драмой Лопе де Вега, у котораго найдется нѣсколько піесъ, являющихся превосходнымъ культурно-историческимъ матеріаломъ.

Само собою разумѣется, что почти во всѣхъ бытовыхъ комедіяхъ великаго поэта военная жизнь и авантюризмъ отражаются той или иною стороною своего существа. При той большой роли, которую военный элементъ игралъ въ испанской жизни XVI—XVII столѣтій, оно и понятно. То Лопе де Вега воспроизводитъ жизнь испанской арміи во Фландріи, останавливаясь съ особымъ вниманіемъ на приключеніяхъ молодого офицера (Pobreza no es vileza). То изображаетъ онъ забавный эпизодъ изъ жизни одного мадридскаго семейства, куда обманомъ, выдавая себя за другое лицо, вторгается поручикъ, вернувшійся изъ Фландріи (De cuándo acá nos vino?). Претензіи, жалобы на медленное ихъ удовлетвореніе, мечты устроиться въ столицѣ, опираясь на военныя заслуги, — обычныя темы для разговоровъ въ комедіяхъ Л. де Вега. Кто-нибудь ѣдетъ во Фландрію, кто-нибудь вернулся изъ похода, и вокругъ этого пункта завязывается запутанная интрига комедіи. Однако, въ этихъ піесахъ мы все еще находимся въ предѣлахъ прочно-установленной жизни, не выходимъ за рамки общепризнанной морали. Но въ нѣсколькихъ комедіяхъ Лопе ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ авантюристами чистѣйшей воды, начиная съ самыхъ высшихъ проявленій этого типа и кончая лицами, которыя стали настоящими pícaro. Анализъ этихъ комедій не хуже,

чѣмъ хроники и лѣтописи, дастъ намъ понятіе о психологіи и обстановкѣ авантюризма.

Конечно, въ большинствѣ случаевъ авантюристъ ближе къ рісаго, чѣмъ къ рыцарю. Онъ только прикрывается маской рыцарства. Честному и благородному рыцарю лишь при особой несправедливости судьбы придется стать авантюристомъ-рісаго. Если приключенія встрѣтятся на дорогѣ такого человѣка, то онъ сумѣетъ преодолѣть ихъ, не нарушая завѣтовъ рыцарства. Піеса, гдѣ герой отличается такими именно качествами, явится прославленіемъ не авантюризма, конечно, а испанскихъ добродѣтелей. У Лопе имѣется піеса въ этомъ родѣ. Ея названіе — La Cortesía de España (Испанское вѣжество).

Приключенія молодого испанскаго кавалера, Донъ Хуана де Сильва, на примѣрѣ котораго зрители должны были видѣть, что̀ такое испанское вѣжество, связаны съ довольно обычной у нашего поэта темою семейныхъ неладовъ. Но такъ велика добродѣтель испанскаго рыцаря, что даже этой темѣ, которую Лопе почти всегда разрабатываетъ трагически, здѣсь дается счастливое окончаніе. Поэтъ заканчиваетъ комедію слѣдующимъ обращеніемъ къ публикѣ: «выполнилъ-ли я свое обязательство по отношенію къ чести родины, *ты* это долженъ сказать, о, сенатъ, потому что здѣсь оканчивается комедія подъ заглавіемъ испанское вѣжество»[1]).

Сюжетомъ своимъ піеса Лопе напоминаетъ Отелло или Цимбелина. Въ началѣ драмы мы имѣемъ дѣло съ вполнѣ счастливымъ супругомъ Марсело, который выступаетъ горячимъ панегиристомъ брака. Но бѣда имѣть рядомъ съ собою коварнаго слугу, который такъ мало понимаетъ свое положеніе, что осмѣлился поднять любовныя мысли до своей госпожи. Claudio — такъ зовутъ слугу — ссоритъ супруговъ при помощи клеветы. Сопровождая госпожу домой, Claudio открываетъ ей страшную тайну: мужъ ея влюбился въ другую женщину и приказалъ

1) Parte XII (Madrid, 1619), стр. 95.

покончить съ Лукресіей. Лукресія повѣрила клеветнику, и, когда тотъ, пользуясь беззащитностью женщины, захотѣлъ насладиться ея любовью, на помощь Лукресіи явился добродѣтельный испанецъ. Не достигнувъ желаемаго, Claudio одинъ возвращается къ Марсело и ему въ свою очередь клевещетъ на Лукресію. Она же тѣмъ временемъ отдается подъ покровительство Донъ Хуана, и они вмѣстѣ продолжаютъ свой путь. Ея прелести начинаютъ дѣйствовать на сердце молодого испанца. Донъ Хуанъ не устоялъ противъ ихъ огня, потому что полюбилъ красавицу. Но воля его не поддалась искушенію. Донъ Хуанъ поборолъ свою страсть, потому что не хотѣлъ оскорбить женщину, которую судьба поставила подъ его покровительство. Борьба со страстью въ нѣсколькихъ моментахъ представлена очень удачно. Положеніе донъ Хуана затруднительно тѣмъ болѣе, что слуга его, разбитной малый, когда-то бывшій студентомъ, придерживается совсѣмъ иныхъ принциповъ. Разъ донъ-Хуану и Лукреціи придется ночевать въ харчевнѣ вмѣстѣ и въ одной комнатѣ, потому что двухъ не имѣется, неужели же донъ Хуанъ не воспользуется счастливымъ случаемъ? Донъ Хуанъ отвѣчаетъ: «тотъ, кто цѣнитъ свою честь, пусть страдаетъ и томится! Лукресія довѣрилась мнѣ»![1]) Какъ истый испанскій идальго, донъ Хуанъ руководится принципомъ чести. Приключенія, какъ ни соблазнительны они, не могутъ сдѣлать изъ него вульгарнаго авантюриста.

Другая превосходная комедія Лопе «El galan de la Membrilla», имѣющая отношеніе къ нашей темѣ, отчасти напоминаетъ Саламейскаго Алькальда съ тою разницей, что на мѣстѣ Филиппа II мы видимъ Фердинанда Святого, и что дѣйствіе происходитъ не въ концѣ XVI-го столѣтія, а въ эпоху ожесточенныхъ войнъ съ маврами. Бо́льшая часть піесы разыгрывается въ селѣ Manzanáres, въ домѣ очень богатаго крестьянина Tello. У его дочери Леоноры два поклонника: одинъ тоже богатый

1) Ibidem, стр. 82, 1.

крестьянинъ Рамиро, а другой только что вернувшійся съ войны, красивый, но совершенно бѣдный идальго Феликсъ. Tello предпочитаетъ Феликса, котораго любитъ и молодая дѣвушка, но все-таки отказываетъ ему, ссылаясь на его бѣдность. Феликсъ успокаиваетъ старика указаніемъ на то, что король, отлично зная его военныя заслуги, наградитъ его. Бѣда только въ томъ, что у Феликса нѣтъ ни копѣйки денегъ, чтобы отправиться къ королю. Tello даетъ Феликсу двѣсти дукатовъ и соглашается ждать его возвращенія два мѣсяца. Этотъ срокъ проходитъ. Король не даетъ Феликсу никакой награды. «Теперь, говоритъ онъ, время военное: служите мнѣ, а тамъ посмотримъ»[1]). Не смѣя ослушаться короля, Феликсъ возвращается въ Manzanáres разсказать обо всемъ Леонорѣ и проститься съ нею. Сперва Леонора упрекаетъ Феликса, что онъ слишкомъ мало любитъ ее, потомъ, видя, что его рѣшеніе непреклонно, начинаетъ горько плакать. Она не можетъ остаться одна. Бѣжать съ нимъ—единственное, что остается дѣлать. Леонора вмѣстѣ съ Феликсомъ садится на коня и прощается съ отчимъ домомъ: «прощайте, деревья моего сада, я болѣе васъ не увижу! Прощай, отецъ, прощай! Любовь есть отецъ всего существующаго!». Извѣстіе о бѣгствѣ молодыхъ людей распространилось по окрестнымъ деревнямъ, и Рамиро, отвергнутый любовникъ, мститъ старику тѣмъ, что нанятые имъ музыканты распѣваютъ подъ окнами Tello насмѣшливую пѣсенку. Старикъ спасается въ маленькую усадьбу (cortijo), подальше отъ Мансапáреса. Здѣсь ему выпадаетъ высокая честь принять у себя въ домѣ Фердинанда, который на дорогѣ въ Burgos останавливается у Tello. Король благодаритъ старика за гостепріимство, и тогда Tello рѣшается принести жалобу на своего обидчика. Король обѣщаетъ арестовать Феликса. Между тѣмъ слухъ о насмѣшливыхъ куплетахъ Рамиро проникъ въ лагерь, гдѣ находится Феликсъ и его подруга, послѣдняя въ мужскомъ платьѣ. Феликсъ отправляется въ Ман-

1) Parte X (Madrid, 1621), стр. 15, 3.

санáресъ отмстить насмѣшнику, котораго жестоко ранитъ въ ночной схваткѣ. За различные подвиги Леонору дѣлаютъ знаменосцемъ, и кромѣ того король отдаетъ ей приказъ арестовать капитана Феликса de Trillo, что она охотно исполняетъ, не давая дѣлу, разумѣется, дальнѣйшаго хода. Война съ Маврами принимаетъ грандіозные размѣры. Нужны новые солдаты. Феликсъ и Леонора отправляются на родину вербовать солдатъ. Сюда же прибываетъ и король. Происходитъ узнаніе. Король вспомнилъ свои слова (servidme y quede por muestra), долженъ взять всю вину на себя и щедро вознаграждаетъ пострадавшихъ. Конечно, Tello прощаетъ дочь и зятя.

Съ психологической точки зрѣнія главный интересъ пересказанной комедіи въ роли стараго Tello, котораго во многихъ отношеніяхъ можно сравнить съ Педро-Креспо. Но и для нашей цѣли піеса интересна бытовыми моментами, иллюстрирующими жизнь и нравы авантюристовъ. Бѣдный идальго, котораго обошли по службѣ, невниманіе правительства, похищеніе любимой женщины, лагерная жизнь, военные подвиги, вербовка солдатъ — всѣ эти эпизоды жизни soldadesca представлены весьма ярко. Но, несмотря на затруднительность своего положенія, и Феликсъ все-таки не становится настоящимъ авантюристомъ. Его спасаютъ и собственные принципы чести, и самоотверженная любовь сильной женщины, и, наконецъ, милость короля. За испытаніями для Феликса начнется спокойная и счастливая жизнь.

Не всякому, однако, такъ везетъ. Бываетъ, что и порядочнаго человѣка, идальго, судьба заставляетъ встать въ самые послѣдніе ряды соціальной іерархіи, испить всю чашу униженій почти безо всякой надежды лучшихъ дней. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ авантюристомъ, который, даже находясь на дѣйствительной военной службѣ, не сохранилъ ничего изъ завѣтовъ рыцарства. Такой опустившійся идальго изображенъ въ комедіи El galan Castrucho, художественнымъ достоинствомъ которой, несмотря на весь ея цинизмъ, по справедливости восхищались Грильпарцеръ и Шефферъ. Комедія

эта рисуетъ нравы испанскаго лагеря съ той точки зрѣнія, съ которой во всякомъ воинѣ мы должны признать значительную дозу авантюризма. Въ нашей пьесѣ этого авантюризма, пожалуй, слишкомъ много, такъ что рыцарственныя достоинства испанскаго солдата куда-то улетучились. Всѣ хороши, начиная съ генерала и кончая послѣднимъ солдатомъ. Грубыя страсти и распутство господствуютъ въ этой средѣ. Женщины или дуры, или развратницы, или жертвы. Сводня, ближайшая родственница Селестины, играетъ видную и почетную роль. Женской прелестью торгуютъ безъ зазрѣнія совѣсти. На одну женщину, которая въ рукахъ Кастручо, нѣсколько претендентовъ. Онъ умѣетъ удовлетворить всѣхъ и всѣхъ обмануть. Генералу приводитъ старую сводню, двумъ молодымъ офицерамъ — ихъ покинутыхъ любовницъ, которыя въ мужскомъ платьѣ послѣдовали за похитителями своей чести. Кастручо не знаетъ, что онѣ женщины, принимаетъ ихъ за молодыхъ солдатъ и проситъ сыграть роль, несвойственную мужскому полу. Конечно, эта безстыдная комедія изображаетъ только одну сторону испанской военной жизни, именно ту самую, которою и рыцарь сближался съ проходимцемъ и соприкасался съ героями picaresco. Извѣстную дозу черезчуръ яркихъ и пестрыхъ красокъ надо поставить на счетъ комическаго шаржа и вліянія литературной традиціи: въ лицѣ Кастручо много чертъ столь излюбленнаго Эпохой Возрожденія хвастливаго воина, Кастручо — прямой потомокъ Пиргополиника. Въ немъ только усилены свойства развратника, картежника и весьма грубаго, трусливаго и льстиваго передъ сильными человѣка, который живетъ на счетъ презираемой и мучимой имъ женщины. Но, какъ уже сказано, піеса Лопе имѣетъ интересъ не только психологическій, но и культурно-историческій. Нѣсколько стиховъ піесы проливаютъ свѣтъ на предшествующую исторію Кастручо и показываютъ, какъ дошелъ онъ до теперешняго унизительнаго положенія. Мы слышимъ слѣдующій разговоръ между генераломъ и Фортуной, любовницей и жертвой Кастручо. Генералъ разспрашиваетъ Фортуну о ея приключеніяхъ. Фортуна.

Одинъ человѣкъ, которому я не могла дольше сопротивляться, похитилъ меня, обѣщавъ жениться на мнѣ. Генералъ. И онъ находится здѣсь, этотъ человѣкъ? Фортуна. Да, сеньоръ. Генералъ. Онъ солдатъ? Фортуна. Онъ сталъ авантюристомъ. Я не могу дать ему другого имени (En aventurero ha dado, no le conozco otro nombre) Генералъ. Онъ издалъго? Фортуна. Да, онъ благороднаго происхожденія[1]). Мы не ошибемся, если признаемъ въ Кастручо человѣка когда-то порядочнаго, затѣмъ павшаго, но, можетъ быть, еще способнаго къ исправленію, если возбудить въ немъ какую-нибудь болѣе высокую страсть, напр. честолюбіе, оказавъ ему довѣріе. Нѣтъ сомнѣнія, что Кастручо обладаетъ значительными умственными дарованіями, что сказывается въ его юморѣ и искусствѣ обманывать офицеровъ. Это признаетъ за нимъ и генералъ, который даруетъ ему прощеніе, говоря: «я дѣлаю васъ капитаномъ пѣхоты, потому что надѣюсь когда-нибудь услышать о военныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ человѣкомъ, столь хитроумнымъ, какъ вы»[2]). Въ реализаціи этой надежды генерала позволительно, однако, сомнѣваться. Оставаясь въ атмосферѣ испанскаго лагеря и съ такой безличной и глупо-невинной женою, какова Фортуна, трудненько будетъ Кастручо вернуться на путь добродѣтели, тѣмъ болѣе, что и генералъ едва ли способенъ быть ментором на болѣе продолжительный срокъ.

Послѣдняя комедія, относящаяся къ нашему сюжету, есть El caballero del Milagro (Рыцарь Чуда), напечатанная въ XV-ой части стариннаго собранія комедій Лопе (Madrid 1621) и почти неизвѣстная изслѣдователямъ испанской старины. Дѣло въ томъ, что изображеніе жизни проходимцевъ разнаго рода не было исключительной монополіей плутовского романа. Въ этомъ отношеніи кое-что любопытнаго имѣется и въ театрѣ. El caballero del Milagro — очень удачный примѣръ picaresco въ драматической

1) Parte IV (Madrid, 1614), стр. 211, 4.
2) ibidem, стр. 215, 2.

этимъ подвигомъ. Не открывая Лусману, что она именно и есть Исабелла, хотя хитрецъ превосходно это знаетъ, она спрашиваетъ, что̀ побудило его къ защитѣ женщинъ? Лусманъ. То, что я испанецъ и идальго. Исабелла. Ты знаешь, гдѣ она живетъ? Лусманъ. Я ничего не знаю, но видѣть ее такое блаженство, что изъ-за нея я готовъ рѣшиться и на большее, чѣмъ защищать ее. Исабелла. И ты намѣренъ служить ей? Лусманъ. Хотя я и кавалеръ, мнѣ трудно добраться до такой высоты. Самъ король недостоинъ этого. Исабелла. Что̀ же ты думаешь дѣлать? Лусманъ. Издали смотрѣть на солнце, издали наслаждаться созерцаніемъ ея прекраснаго лица..... Я узнаю, гдѣ она живетъ, когда-нибудь ее увижу и смиренно поцѣлую слѣды ея ногъ..... Я хочу быть, какъ бѣднякъ, который стоитъ у дверей богача: когда-нибудь пожалѣютъ и его![1])». Такимъ романтическимъ языкомъ умѣетъ говорить Лусманъ, когда ему надо обмануть глупенькую женщину (una bobilla) и увѣрить ее въ своей привязанности. Съ мужчинами Лусманъ прибѣгаетъ къ другому средству; онъ льститъ имъ, называя ихъ храбрыми и великодушными, и почти всегда выходитъ сухъ изъ воды. Впрочемъ, эта сторона дѣятельности Лусмана представлена далеко не такъ интересно, какъ его продѣлки съ прекрасной половиной человѣческаго рода. Но повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. Эта пословица оправдывается и на судьбѣ Лусмана. При помощи игры въ любовь, Лусманъ выманилъ у Исабеллы 2000 флориновъ золотомъ. Съ этими деньгами онъ думаетъ отправиться на родину, жениться тамъ и остепениться. Конечно, онъ не хочетъ брать съ собою свидѣтелей своей безпутной жизни, и потому отказываетъ Тристану, давъ ему за долголѣтнюю службу всего одинъ дублонъ. Тогда Тристанъ, который имѣлъ полную возможность украсть всѣ 2000 флориновъ, и не укралъ, потому что считалъ такой поступокъ низостью, недостойной горца (aqui he de ser Montañes—porque gran baxeza es—que le descerrаxe y vea, стр. 292,

---

1) стр. 282, 3—4.

1—2), мститъ своему неблагодарному господину. Онъ разсказываетъ разнымъ кавалерамъ, которые въ свое время были оскорблены и осмѣяны Лусманомъ, о его богатствѣ, и они въ маскахъ нападаютъ на Лусмана, отнимаютъ у него золото и всю одежду, оставивъ его въ одной рубашкѣ. Напрасно теперь «рыцарь чуда» стучится подъ окнами женщинъ, которыхъ обманывалъ, напрасно обращается къ слугѣ, которому за всѣ труды заплатилъ черною неблагодарностью: вездѣ слышитъ онъ насмѣшки и даже угрозы. Одинъ, ночью, въ темнотѣ заканчиваетъ Лусманъ комедію слѣдующими словами: «Ушли, всѣ ушли! что мнѣ дѣлать? Одно осталось — идти въ госпиталь. Чудомъ я возвысился, чудомъ я и упалъ! Горе мнѣ! Какой примѣръ даю я людямъ! О жребій мой, низкій и жестокій! (A ḥumilde fortuna y ḥrava....). Отправлюсь я въ Испанію, потому что въ Римѣ мнѣ скажутъ: «кто худо дѣйствуетъ, тотъ худо и кончаетъ» (quien mal anda, en mal acaba). Вѣдь было яснѣе солнца, что меня ожидалъ *этотъ* конецъ. И такъ-то, сенатъ, оканчивается гордый испанецъ...[1]).

Разсмотрѣнныя комедіи Лопе даютъ намъ почти полную картину жизни испанскихъ авантюристовъ. Всѣ эти господа — рыцари, которые признаютъ идеальное содержаніе идальгіи во всѣхъ моментахъ. Одни и руководятся ими дѣйствительно, служа отечеству и королю, защищая женщинъ и борясь во имя чести съ низменными инстинктами. Другіе только покрываютъ личиной идальгіи беззастѣнчивую жажду жизни, на самомъ дѣлѣ ничѣмъ не отличаясь отъ проходимцевъ и рícаго. Авантюристъ-рыцарь способенъ на высокія чувства, и только неудача въ жизни или несправедливость правительства заставляетъ его выйти изъ границъ спокойной жизни. Авантюристъ-рícаго — лѣнтяй, который предпочитаетъ жизнь на чужой счетъ, не останавливаясь при этомъ ни передъ обманами, ни передъ злодѣяніями. Разно относятся два типа авантюристовъ и къ женщинѣ. Рыцарь слу-

1) стр. 296, 3—4.

житъ дамѣ, страстно и смиренно любитъ ее. При взаимности онъ смѣло совершитъ «дѣяніе любви» (hazaña de amor), даже похититъ женщину, но потомъ не броситъ ея, а будетъ дѣлить съ ней и счастье, и труды своей жизни. «Рыцарь чуда» презираетъ женщину: она для него орудіе наслажденія, инструментъ наживы, и больше ничего.

VI.

Психологія авантюриста и типическіе моменты его дѣятельности выясняются достаточно опредѣленно изъ комедій Лопе. Но для исторіи испанскаго авантюризма есть гораздо болѣе цѣнный источникъ, чѣмъ бытовой театръ даже такого знатока и тонкаго наблюдателя національной жизни, какъ Лопе де Вега. Мы разумѣемъ автобіографіи авантюристовъ, которыя дошли до насъ въ довольно большомъ количествѣ, но совершенно еще не изучены. Нѣкоторыя изъ нихъ до сихъ поръ хранятся въ рукописяхъ. Между тѣмъ историческая цѣнность ихъ громадна. Онѣ не только позволятъ будущему изслѣдователю дать болѣе полную и точную характеристику авантюризма, чѣмъ настоящая, хотя мы и пользовались въ значительной мѣрѣ нашей небольшой начитанностью въ этой области. Детальное знакомство съ автобіографіями авантюристовъ дастъ обширнѣйшіе матеріалы для всей исторіи испанскаго общества XVI—XVII столѣтій, какъ потому, что авантюристы изъ военнаго сословія играли тогда видную роль, такъ и потому, что въ приключеніяхъ своихъ они сталкивались съ людьми всѣхъ сословій и положеній. Въ запискахъ авантюристовъ мы найдемъ любопытныя данныя для исторіи различныхъ провинцій обширнаго испанскаго государства. Наконецъ, автобіографіи займутъ не послѣднее мѣсто среди источниковъ т. н. всеобщей исторіи XVI—XVII ст. Вѣдь авторы этихъ записокъ не только принадлежали къ націи, которая въ тѣ дни стремилась вершить дѣлами міра. Но кромѣ того судьба заносила иногда авантюристовъ въ страны, довольно да-

лекія отъ Испаніи и даже не вполнѣ втянутыя въ водоворотъ ея политики. У испанскихъ авантюристовъ мы найдемъ любопытныя странички, которыя ведутъ насъ въ земли, сопредѣльныя съ міромъ славянскимъ, что дѣлаетъ ихъ не безынтересными и для читателей настоящаго сборника. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о двухъ авантюристахъ, близкихъ современникахъ. Это—капитанъ Алонсо де Контрерасъ и знаменитый донъ Діего, герцогъ де Эстрада.

Контрерасъ описалъ свою жизнь, начиная съ того момента, «когда впервые началъ служить королю» (desde que salí á servir al Rey т. е. съ 1593) и до конца 1630 г. Въ запискахъ Контрерасъ рисуется типичный испанскій авантюристъ, въ которомъ качества рыцаря и идальго безконечно преобладаютъ надъ свойствами pícaro. Кромѣ обычныхъ и хорошо уже извѣстныхъ намъ моментовъ въ жизни и психикѣ авантюриста — принципы чести, служба королю, религіозность и т. д.— у Контрерасъ мы найдемъ еще довольно опредѣленное сознаніе общественныхъ интересовъ, которые не только заставляютъ его служить fé católica, но приходить на помощь бѣднымъ, возбуждать въ нихъ мужество и терпѣніе и являться ихъ ангеломъ-хранителемъ въ годины бѣдствій. Красною нитью проходятъ по запискамъ Контрерасъ патріотизмъ его, любовь къ старой матери и умѣнье не теряться въ самыя затруднительныя минуты. Женщина и любовь не играли въ жизни Контрерасъ замѣтной роли. О своихъ приключеніяхъ въ этой области онъ упоминаетъ только вскользь, такъ что иногда мы не знаемъ даже именъ временныхъ подругъ его жизни. Разгулъ, картежная игра и т. д.— все это занимало Контрерасъ гораздо менѣе, чѣмъ его товарищей. Pícaro онъ становился весьма рѣдко, лишь въ крайнихъ случаяхъ. И чѣмъ старше дѣлался Контрерасъ, тѣмъ все болѣе и болѣе моменты picaresco отступаютъ на задній планъ, и, наоборотъ, нарастаютъ качества честнаго рыцаря, слуга отечества и любителя личной славы. Записки Контрерасъ—драгоцѣнный памятникъ для исторіи испанской души XVI– XVII столѣтій, который заставитъ

изслѣдователей въ значительной мѣрѣ смягчить приговоръ надъ старой Испаніей.

Такова личность Контрерасъ. Надо прибавить еще, что Контрерасъ былъ оцѣненъ уже современниками. Правительство охотно пользовалось его услугами и б. ч. щедро награждало благороднаго авантюриста. Своими привлекательными качествами, особенно добротой и привѣтливостью, Контрерасъ снискалъ любовь и расположеніе почти всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло. Выразителемъ общаго настроенія явился не кто-либо меньшій, а самъ великій Лопе де Вега. Въ одну трудную минуту жизни капитана, когда онъ былъ «бѣднымъ претендентомъ въ столицѣ», Лопе де Вега повстрѣчалъ капитана. Поэтъ никогда не видалъ авантюриста и личнаго знакомства съ нимъ не имѣлъ. Но слава о подвигахъ Контрерасъ распространилась повсюду. Видя, что финансовое положеніе Контрерасъ не изъ очень блестящихъ, Лопе де Вега «взялъ его къ себѣ въ домъ со словами: «сеньоръ-капитанъ, съ такими людьми, какъ Вы, надо раздѣлить послѣдній плащъ». И я прожилъ у него въ домѣ 8 мѣсяцевъ, какъ его товарищъ, и онъ давалъ мнѣ обѣдъ и ужинъ, и даже одежду подарилъ. Господь пусть заплатитъ ему за это! Но этимъ онъ не ограничился. Онъ посвятилъ мнѣ одну комедію въ 20-й части, подъ заглавіемъ «Царь безъ царства» (Rey sin reyno), намекая на мое приключеніе съ Морисками»[1]).

Нѣтъ возможности перечислить всѣ приключенія Контрерасъ. Главнѣйшими этапами въ его жизни были слѣдующіе. Сынъ бѣдныхъ родителей, Контрерасъ явился на божій свѣтъ въ Мадридѣ 6-го января 1582 г. Когда въ школѣ его выпороли, оставивъ безъ наказанія товарища его продѣлки, только потому, что онъ былъ сыномъ полицейскаго, Контрерасъ убилъ мальчика. За это его присудили къ изгнанію изъ столицы на одинъ годъ. Потомъ онъ поступилъ ученикомъ къ ювелиру. Эта обязанность

1) Vida del capitan Alonso de Contreras, стр. 122—123.

ему не нравилась. Ремесло не привлекало Контрерасъ, тѣмъ болѣе, что жена ювелира заставляла его ходить за водою. Контрерасъ видѣлъ въ этомъ униженіе своего достоинства. Онъ хотѣлъ «служить королю». Въ это время принцъ и кардиналъ Альбертъ отправлялся губернаторомъ во Фландрію. Контрерасъ сказалъ своей матери, у которой, кромѣ того, было нѣсколько человѣкъ дѣтей: «позволь мнѣ отправиться искать счастья и удачи съ этимъ принцемъ» (Déjeme ir á buscar mi vida con este príncipe [1]). Съ этого момента начались приключенія Контрерасъ, которыя продолжались болѣе 35 лѣтъ. Вотъ черезъ какія стадіи прошелъ нашъ герой. Онъ былъ поваренкомъ на кухнѣ кардинала, солдатомъ въ южной Италіи и Сициліи. Долгое время служилъ на галерахъ мальтійскаго ордена, совершая, въ качествѣ капитана корабля, а иногда даже начальника небольшой эскадры, далекія и ближнія поѣздки по островамъ и берегамъ Средиземнаго моря, занимаясь бо́льшею частью ловлей турецкихъ корсаровъ. Приключенія нравились ему. Отвага и предпріимчивость Контрерасъ находила въ нихъ обильную пищу. Кромѣ того онъ наживалъ большія деньги на морѣ и беззаботно (alegremente) тратилъ ихъ на сушѣ, въ обычныхъ забавахъ испанскаго солдата. Нѣсколько разъ Контрерасъ возвращался въ Испанію, и почти всегда его «претензіи» находили удовлетвореніе. Говоря современнымъ языкомъ, Контрерасъ постепенно повышался по службѣ. Ему давали различныя отвѣтственныя порученія: вербовать солдатъ, доставить подкрѣпленіе въ одну крѣпость на сѣверномъ берегу Африки, осажденную маврами, ловить голландскій флотъ, который долженъ былъ пройти черезъ Гибралтарскій проливъ въ Средиземное море и т. д. Бывали въ жизни Контрераса и затменія счастья. Не говоримъ о событіяхъ его частной жизни, напр., измѣны женщинъ, которыхъ онъ любилъ. Но вотъ однажды претензія Контрерасъ не была удовлетворена. Понапрасну съѣздилъ онъ въ Эскоріаль, гдѣ тогда (1608) нахо-

1) ibidem, стр. 31.

дился дворъ. Тутъ еще на бѣду поссорился онъ съ однимъ чиновникомъ и ранилъ его. И вотъ печально возвращается онъ въ Мадридъ верхомъ на мулѣ. По дорогѣ Контрерасъ размышлялъ о своей судьбѣ и «рѣшилъ идти въ пустыню, служить Богу, навсегда разставшись со столицей и дворомъ». Онъ и остановился на этомъ рѣшеніи. Друзья и знакомые отговаривали Контрерасъ, указывая на молодость его и на трудность жизни отшельника. Но Контрерасъ отвѣчалъ, что «утомленъ жизнью и желаетъ служить другому царю» (á servir otro poco á otro Rey, que estoy cansado[1]). Онъ купилъ предметы, необходимые для отшельника — власяницу, солнечные часы, много покаянныхъ книгъ, черепъ, лопатку и т. д. — и отправился въ Арагонъ, въ Монсауо. Получивъ разрѣшеніе отъ мѣстнаго епископа, Контрерасъ въ каменныхъ скалахъ, близъ города, устроилъ себѣ келью, одѣлся францисканскимъ монахомъ и прожилъ такъ въ спокойствіи и тишинѣ семь мѣсяцевъ. Въ этомъ мѣстѣ автобіографіи Контрерасъ, не безъ иронiи, прибавляетъ: «и, продолжайся такая жизнь до сегодня, я, навѣрное, сталъ бы творить чудеса»[2]). Но попасть въ святые Контрерасъ не удалось. Его обвинили не въ меньшемъ преступленіи, какъ въ томъ, что онъ хотѣлъ провозгласить себя королемъ Морисковъ. Обвиненіе основывалось на слѣдующемъ подозрѣніи. Будучи еще знаменосцемъ (alférez), Контрерасъ съ своимъ отрядомъ проходилъ мѣстечко Hornachos въ Эстремадурѣ, гдѣ жили Мориски. Здѣсь онъ случайно открылъ складъ оружія. Онъ сообщилъ объ этомъ военному комиссару и еще двумъ солдатамъ. Рѣшено было никому другимъ объ этомъ не говорить. Но о находкѣ провѣдали очень многіе, и вотъ Контрерасъ, который удалился въ Арагонъ въ гористую мѣстность, вблизи которой тоже имѣлись мориски, и обвинили въ томъ, что онъ заготовилъ оружіе въ Hornachos и намѣренъ теперь изъ своего уединенія постепенно начать свою

1) ibidem, стр. 83.
2) Стр. 85.

дѣятельность и потомъ провозгласить себя королемъ морисковъ. Обвиненіе по тѣмъ временамъ весьма страшное! Напрасно Контрерасъ ссылался на свою безупречную службу, на свою вѣрность королю, на то, что онъ удалился отъ суеты мірской, на то, что о находкѣ знали и другія лица и т. д. Ничто не помогло. Контрерасъ арестовали, и начались долгія мытарства его по тюрьмамъ и судамъ, сопровождавшіяся лишеніями всякаго рода и даже пыткой, пока, наконецъ, не была возстановлена полная невинность заслуженнаго капитана. Это былъ самый печальный эпизодъ въ жизни Контрерасъ, за которымъ снова началась блестящая дѣятельность во Фландріи, въ заокеанскихъ владѣніяхъ и въ Италіи, приведшая его къ почетному званію рыцаря мальтійскаго ордена. Записки Контрерасъ обрываются на 1638 г. Гдѣ и когда скончался онъ, неизвѣстно.

Мы сказали, что самое веселое время въ жизни Контрерасъ была его служба на галерахъ мальтійскаго ордена. Это время— самое любопытное и для насъ. Сюда относятся слѣдующія детали автобіографіи Контрерасъ.

Однажды, посланный на развѣдки о турецкомъ флотѣ, Контрерасъ встрѣтилъ близъ одного изъ острововъ Архипелага маленькій бригантинъ. На немъ было десять человѣкъ грековъ. Они сказали, что направляются на островъ Хіосъ. «Гдѣ же у васъ Турки?» Греки сказали, что Турокъ на ихъ бригантинѣ не было. Контрерасъ указалъ на одно кушанье (Tarasines?), которое нашелъ на кораблѣ, и спросилъ: развѣ Греки ѣдятъ это? Греки продолжали стоять на своемъ. Контрерасъ велѣлъ подвергнуть ихъ пыткѣ, но и это не помогло. Контрерасъ пригрозилъ одному пятнадцатилѣтнему мальчику, что отрѣжетъ ему голову, если онъ не покажетъ, гдѣ Турки. Тогда одинъ изъ Грековъ бросился на колѣни и вскричалъ: «ахъ, капитанъ, не убивайте моего сына! Я скажу, гдѣ находятся Турки». Такова любовь къ дѣтямъ! — замѣчаетъ при этомъ Контрерасъ. На суднѣ оказалось трое Турокъ: одинъ господинъ и двое слугъ. Они были изъ Аѳинъ. Зашла рѣчь о выкупѣ. Сторговались на 3000 цехиновъ

золотомъ. Отправились въ Аѳины, гдѣ Турокъ обѣщалъ выплатить сумму, заложивъ для этого двухъ своихъ сыновей. Контрерасъ сталъ на якорѣ недалеко отъ Аѳинъ. Черезъ нѣсколько времени на берегу показался цѣлый отрядъ всадниковъ. «Это было Аѳинское дворянство, верхомъ на коняхъ» (toda la nobleza de Atenas á caballo). Всадники подняли бѣлое знамя мира, Контрерасъ — знамя мальтійскаго ордена. Начались переговоры о выплатѣ денегъ. Контрерасъ разговаривалъ съ человѣкомъ, который былъ, вѣроятно, губернаторомъ города. Губернаторъ сказалъ, что до другого дня не успѣть собрать такую большую сумму. Контрерасъ, который боялся, что о его приходѣ дадутъ знать турецкому пашѣ той мѣстности, пригрозилъ уйти. Тогда губернаторъ поднялъ вверхъ палецъ и произнесъ Hala ylala — т. е. поклялся немедленно заплатить деньги. Въ ожиданіи уплаты стали угощаться телятиной и пить водку изъ коринѳскаго изюма. На берегу турецкіе кавалеры устроили нѣчто въ родѣ турнира. Принесли деньги, но онѣ оказались фальшивыми: снаружи серебро, внутри мѣдь. Турки стали клясться Аллахомъ, что они не виновны въ измѣнѣ, и хотѣли убить венеціанскихъ купцовъ, которые снабдили ихъ фальшивой монетой. Вновь отправили въ городъ четырехъ Турокъ на коняхъ, быстрыхъ какъ вѣтеръ. Въ это время на своемъ суднѣ подъѣхалъ Маратó Ганчо, турецкій паша. Онъ тоже поднялъ бѣлое знамя, чѣмъ успокоилъ напугавшагося было Контрерасъ. Онъ пригласилъ испанца къ себѣ на корабль. Потомъ вмѣстѣ съѣхали на берегъ, куда отправили и плѣннаго турка. Наконецъ, выкупъ былъ уплоченъ чистымъ золотомъ. Кромѣ того, Контрерасъ получилъ два бѣлыхъ шелковыхъ плаща (? mantas), два турецкихъ меча съ серебряными принадлежностями, два лука и два колчана, въ которыхъ было 500 стрѣлъ съ позолоченными наконечниками, много хлѣба, водки и двухъ телятъ [1]).

Изъ этого отрывка видно, что постоянная война между хри-

1) ibidem, стр. 49—51.

стіанами и турками въ бассейнѣ Средиземнаго моря не мѣшала имъ отъ поры до времени дружески провести часокъ вмѣстѣ. Хотя обѣ воюющія стороны руководились одинаково религіозными идеалами и жаждой наживы, хотя война и ознаменовывалась взаимными жестокостями и сопровождалась тягостными послѣдствіями (рабство), однако, въ большинствѣ случаевъ, личной вражды между воюющими не было. Это доказываютъ намъ записки испанскихъ и иныхъ плѣнниковъ въ Алжирѣ: жизнь ихъ была далеко не такъ тягостна, какъ это принято думать[1]). Случалось даже, что подъ сѣнью религіи смиренно сходились и христіане и турки, одинаково безпомощные передъ загадочностью жизни. Объ этомъ интересное свѣдѣніе находимъ у того же Контрерасъ. «На островѣ Ламподоса (нынѣ Лампадуза, недалеко отъ Туниса, къ востоку отъ Мальты) есть гавань, въ которой могутъ найти убѣжище шесть галеръ. Надъ гаванью возвышается башня, очень большая и необитаемая. Говорятъ, что она заколдована, и что на этомъ островѣ произошла битва между Руджіеро и Брадаманте, по моему мнѣнію, выдумки. Но самое интересное, что есть на островѣ, это — пещера, и въ ней икона Богоматери съ Младенцемъ на рукахъ, нарисованная на полотнѣ и очень древняя. Говорятъ, что она творитъ чудеса. Передъ иконой алтарь, и на немъ множество вещей, которыя христіане оставляютъ тутъ для милостыни — черные сухари, сыръ, оливковое масло, ветчина, вино и деньги. Въ другомъ углу пещеры находится могила, гдѣ похороненъ турецкій святой (un morabito turco), и передъ нимъ такіе же предметы, какъ передъ нашей святыней, а также турецкія одежды; конечно, нѣтъ ветчины. Эту ѣду и милостыню оставляютъ христіане и турки для бѣглыхъ рабовъ и плѣнниковъ для того, чтобы они могли просуществовать здѣсь какъ-нибудь, пока не подойдетъ корабль подобрать ихъ, христіанскій для христіанъ, турецкій для турокъ. А пока что, они ѣдятъ эти запасы. Съ башни видны приближающіяся

1) См. наши Очерки.... стр. 352—363.

суда. Ночью плѣнникъ подойдетъ къ берегу и по говору узнаетъ, свои ли то, или чужіе. Если свои, садится на корабль и уѣзжаетъ. Изъ пещеры нельзя взять вещи, цѣнностью хотя бы въ одну булавку: кто возьметъ, тотъ ни за что не выйдетъ изъ гавани. Подтвержденіе этому можно видѣть каждый день. Днемъ и ночью передъ иконой горитъ лампада, хотя бы на островѣ никого не было»[1]).

Понятно, что еще болѣе дружескія отношенія устанавливались между Контрерасъ и греками, обитателями Архипелага. Онъ являлся иногда даже ихъ судьей, такъ что они говаривали: «подождемъ капитана Алонсо», и они звали меня, чтобы я постановилъ рѣшеніе. И когда я приходилъ, они излагали мнѣ суть дѣла, и я постановлялъ рѣшеніе. Ждать меня имъ приходилось иногда цѣлый годъ. Но мое слово было для нихъ такъ же свято, какъ рѣшеніе королевскаго совѣта. И послѣ этого мы устраивали трапезу, обѣ стороны вмѣстѣ»[2]). Контрерасъ пришлось быть героемъ довольно забавнаго приключенія на островѣ Эстампалія (одинъ изъ Цикладскихъ). Однажды, когда онъ прибылъ туда, на встрѣчу ему вышли всѣ обитатели съ капитаномъ Георгіемъ во главѣ, привѣтствуя его словами: o morfo pulicartu (т. е. красивый малый (mozo galan). На берегу толпились дѣвушки и женщины; среди послѣднихъ много такихъ, у которыхъ Контрерасъ крестилъ дѣтей. Всѣ жители были очень печальны и плакали. Они просили капитана заступиться за нихъ. Оказалось, что христіанскіе корсары похитили у нихъ обманнымъ образомъ священника (el páraz) и теперь требовали за выкупъ 2000 цехиновъ золотомъ. Контрерасъ не медля отыскалъ корсаровъ, которые притаились было у одного ближняго островка. Контрерасъ освободилъ священника, а капитана корсаровъ, по имени Іасоро Рапаго, оставилъ одного на островкѣ, безъ одежды и провіанта, чтобы онъ умеръ голодною смертью и такимъ образомъ запла-

1) Vida, стр. 44—45.
2) ibidem, стр. 52.

тилъ за свое злодѣяніе. Вмѣстѣ со священникомъ Контрерасъ вернулся на Эстампалію, гдѣ былъ встрѣченъ благословеніями и выраженіями благодарности. Въ церкви собралось почти все населеніе острова. «Кавалеры сѣли на скамейкахъ, а Контрерасъ посадили отдѣльно на креслѣ и съ ковромъ подъ ногами. Священникъ надѣлъ пасхальныя облаченія и началъ пѣть, а народъ — отвѣчать ему — Cristo saneste, т. е. благодаримъ Господа. Священникъ окадилъ Контрерасъ и поцѣловалъ его въ щеку. Затѣмъ эту церемонію продѣлалъ весь народъ, мужчины и женщины. «И сказать по правдѣ, замѣчаетъ Контрерасъ, среди послѣднихъ было очень много хорошенькихъ, и ихъ поцѣлуи вознаграждали меня за поцѣлуи бородачей, и еще какихъ бородачей!» Послѣ богослуженія состоялся обѣдъ въ домѣ капитана Георгія. Когда Контрерасъ хотѣлъ вернуться на фрегатъ, Греки заперли двери, и священникъ отъ имени всѣхъ сказалъ: «капитанъ Алонсо, мужчины и женщины этой земли, всѣ просятъ тебя сдѣлаться ихъ предводителемъ и начальникомъ и жениться на дочери капитана Георгія. Мы устроимъ, что (турецкій) адмиралъ дастъ тебѣ чинъ и обязанность капитана морской службы. Исполни наше завѣтное, стародавнее желаніе!» Не легко было Контрерасъ отговориться отъ этого приглашенія. Онъ ссылался и на обязанности службы, и на то, что женитьба на чужбинѣ можетъ ему сильно повредить, потому что никто не повѣритъ, что, находясь въ Турціи, онъ женился не на Турчанкѣ, а на христіанкѣ, и т. д. Онъ потихоньку послалъ товарища на фрегатъ извѣстить команду о случившемся. Тѣ догадались. Высадились на берегъ и у вѣтряной мельницы поставили заряженную пушку, пригрозивъ стрѣлять, если Греки не отпустятъ капитана. Грекамъ пришлось подчиниться Они взяли съ Контрерасъ слово, что при первой возможности онъ вернется къ нимъ. Контрерасъ далъ имъ слово и на прощаніе поцѣловался съ дочерью капитана Георгія, которая была красива и привлекательна. «Думаю, прибавляетъ въ этомъ мѣстѣ Контрерасъ, что я тогда же бы могъ насладиться ея любовью, если бы

желалъ». На прощаніе священникъ подарилъ Контрерасъ три ковра, а дѣвушка—двѣ подушки прекрасной работы, четыре носовыхъ платка и двѣ косынки (? bevriolas) изъ шелка, вышитаго золотомъ.

Послѣднее приключеніе Контрерасъ, о которомъ мы сообщимъ читателю, имѣло мѣсто въ Морећ, близъ залива Майна, среди такъ называемыхъ Майнатовъ. Само по себѣ приключеніе не интересно. Контрерасъ высѣкъ мѣстнаго главаря за то, что тотъ взялъ у него грузъ пшена и не заплатилъ за это денегъ. Но любопытны нѣкоторыя бытовыя подробности. По берегу залива Майны живутъ греки — христіане. У нихъ нѣтъ селеній, дома свои они устраиваютъ въ пещерахъ и гротахъ. Эти греки больше разбойники. У нихъ нѣтъ выборнаго начальника, они подчиняются сильнѣйшему, и, хотя по имени христіане, дѣлами своими на христіанъ не похожи. Туркамъ не удалось ихъ подчинить, хотя они и живутъ въ серединѣ турецкихъ владѣній. Напротивъ, они у турокъ крадутъ стада и имъ же продаютъ краденое. Они искусно владѣютъ лукомъ и стрѣлами. И по этому поводу Контрерасъ сообщаетъ объ одномъ случаѣ, напоминающемъ исторію Вильгельма Телля. Вотъ подлинныя слова испанца: «Я видѣлъ однажды, что житель той страны держалъ пари — стрѣлою сбить съ головы своего сына апельсинъ на разстояніи двадцати шаговъ. И задуманное онъ выполнилъ съ такою легкостью, что повергъ меня въ величайшее изумленіе». Эти греки носятъ щиты въ родѣ испанскихъ, но только не круглые, и очень широкія шпаги. Они превосходно бѣгаютъ, а принимаютъ св. крещеніе четыре или пять разъ и даже больше, потому что крестные отцы, по обычаю, должны давать имъ какой-либо подарокъ. Контрерасъ, всякій разъ, какъ бывалъ въ этой мѣстности, крестилъ по нѣскольку человѣкъ[1]).

---

1) ibidem, стр. 61.

VII.

Мы уже пользовались автобіографіей Эстрады для выясненія нѣкоторыхъ существенныхъ моментовъ въ бытовыхъ драмахъ Лопе де Вега. Поэтому желающихъ ближе познакомиться съ этимъ самымъ знаменитымъ авантюристомъ XVII-го столѣтія мы отсылаемъ къ нашему изслѣдованію о Лопе де Вега, гдѣ можно найти и краткую біографію Эстрады. При всемъ, такъ сказать, родовомъ сходствѣ съ другими авантюристами, Эстрада отличается отъ нихъ двумя свойствами. Одно къ его невыгодѣ: это — хвастовство Эстрады. Другое — его недюжинный литературный талантъ, который дѣлаетъ его комментаріи одной изъ самыхъ интересныхъ испанскихъ книгъ. Для нашей цѣли интересны части XIII—XVI его автобіографіи, обнимающія періодъ времени отъ 1626 до 1633 г. За эти годы Эстрада побывалъ въ различныхъ мѣстностяхъ того конгломерата земель, которыя теперь называются Австро-Венгріей. Наиболѣе интересенъ разсказъ о пребываніи при дворѣ Трансильванскаго князя Бетлена Габора († 1629). По словамъ Эстрады, Габоръ попалъ на трансильванское княженіе, какъ ставленникъ турецкаго султана, и уже не въ молодыхъ годахъ. Его предшественникъ Гавріилъ Баторій обезчестилъ его жену. Турецкій султанъ уже давно гнѣвался на Баторія. Пользуясь случаемъ, онъ спросилъ у Габора, котораго очень уважалъ: «отче Бетленъ, желаешь ли ты стать княземъ Трансильванскимъ и отомстить за свою честь?» Габоръ, который былъ самъ знатнаго рода, согласился принять предложеніе султана. Ему удалось завладѣть Трансильваніей. Мстить за позоръ, однако, не пришлось. Габоръ разсчитывалъ вызвать своего обидчика на поединокъ. Но оскорбленная женщина уже ранѣе подумала о мести: Баторій палъ отъ руки подосланныхъ ею убійцъ. По смерти первой жены, Габоръ женился на принцессѣ Бранденбургской, племянницѣ Императора, кото-

рой было всего 23 года въ моментъ прибытія Эстрады [1]). Если вѣрить разсказу Эстрады, Габоръ былъ человѣкъ недюжинный. Въ головѣ его были обширные политическіе планы о союзѣ между императоромъ и королемъ Испанскимъ съ цѣлью завоевать Константинополь. Къ этому союзу должны были присоединиться Венеція и Трансильванія. Если бы счастье улыбнулось союзникамъ, то, по мысли Габора, императоръ долженъ былъ короноваться императорской короной въ Константинополѣ, король испанскій получилъ бы великую Грецію (?), Венеціанцы завладѣли бы частями Далмаціи и Кроаціи, а Габоръ довольствовался лично для себя турецкими владѣніями въ Венгріи [2]). Эстрада изображаетъ Габора государемъ справедливымъ, который держалъ магнатовъ въ уздѣ, но къ простому народу относился съ большою заботливостью. Въ то время, какъ Эстрада жилъ при дворѣ этого государя, онъ уже не пользовался отмѣннымъ здоровьемъ. Габора лѣчилъ какой-то недавно прибывшій нѣмецкій докторъ, большая знаменитость (gran médico). Но Габоръ къ наставленіямъ медицины относился не очень почтительно, позволяя себѣ всякаго рода излишества, напр., пилъ ледяную воду. Габоръ не очень страшился смерти. Еще задолго до конца сталъ онъ готовиться къ ней. Онъ соорудилъ серебряный гробъ, футляръ для другого свинцоваго, въ которомъ должны были покоиться его останки. Заѣзжій венеціанскій скульпторъ устроилъ для него могилу и мавзолей изъ мрамора. Придворныя дамы вышили великолѣпный саванъ изъ парчи. Приготовлено было знамя, которое должно было стоять у него въ ногахъ. Въ послѣднія минуты, по словамъ Эстрады, обнаружилось, что Габоръ былъ тайный католикъ. Онъ скончался 15-го ноября 1629 г. со словами: «Domine, non intres in judicio cum servo tuo, et miserere mei». Владѣнія онъ оставилъ женѣ, прося императора позаботиться о племянницѣ. Впрочемъ, этой послѣдней не долго

1) Memorial histórico Español, т. XII, стр. 291—295.
2) стр. 301—303.

пришлось носить княжескую корону. Вскорѣ послѣ смерти Габора возникли смуты, и престоломъ завладѣлъ Ракоши, родственникъ Баторіевъ [1]).

Эстрада жилъ при дворѣ Габора въ качествѣ камергера, учителя иностранныхъ языковъ и начальника придворныхъ церемоній. За это онъ получалъ 500 эскудо въ годъ, казеннаго коня, казенный столъ для себя и двухъ лакеевъ. Кромѣ того, ему неоднократно дѣлались подарки и самимъ княземъ, и его женою, у которыхъ Эстрадѣ скоро удалось сдѣлаться persona gratissima. Умъ Габора, повидимому, жаждалъ просвѣщенія. Кромѣ Эстрады, который такимъ образомъ долженъ былъ учить сѣвернаго варвара «испанскому вѣжеству» (la cortesía española), и одновременно съ нимъ, были приглашены — два нѣмца, два француза, одинъ итальянецъ (спеціальность этихъ лицъ ближе не указана), два математика (астролога?), два доктора медицины, четыре іезуита, восемь каменьщиковъ, четыре скульптора, шесть стекольщиковъ, десять музыкантовъ, три аптекаря, два ювелира и пять купцовъ [2]). Но разумѣется, по словамъ Эстрады, онъ былъ первымъ и самымъ желаннымъ гостемъ. Послѣ двухмѣсячнаго путешествія, которое началось въ Падуѣ и было сопряжено съ немалыми затрудненіями (напр., переправа черезъ Дунай), прибыли, наконецъ, въ столицу княжества «Альба Юлія, по нѣмецки Вейзенбургъ, по венгерски — Колосваръ, а еще проще Бѣлградъ (los húngaros la llaman Colosvar y commumente Belgrado)». Габоръ со всѣмъ дворомъ находился тогда въ неприступной крѣпости Fogaraix (Фогарачъ), которая была зимней резиденціей государей. Эстрада и товарищи представились Габору въ торжественной аудіенціи. Разговоръ шелъ по латыни. Эстрада вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Сюда входило между прочимъ одѣвать и раздѣвать князя. Эстрада исполнялъ эту обязанность будто бы такъ ловко, что князь поглядывалъ на

---

1) стр. 307—309, 314—315.
2) стр. 286.

рой было всего 23 года въ моментъ прибытія Эстрады [1]). Если вѣрить разсказу Эстрады, Габоръ былъ человѣкъ недюжинный. Въ головѣ его были обширные политическіе планы о союзѣ между императоромъ и королемъ Испанскимъ съ цѣлью завоевать Константинополь. Къ этому союзу должны были присоединиться Венеція и Трансильванія. Если бы счастье улыбнулось союзникамъ, то, по мысли Габора, императоръ долженъ былъ короноваться императорской короной въ Константинополѣ, король испанскій получилъ бы великую Грецію (?), Венеціанцы завладѣли бы частями Далмаціи и Кроаціи, а Габоръ довольствовался лично для себя турецкими владѣніями въ Венгріи [2]). Эстрада изображаетъ Габора государемъ справедливымъ, который держалъ магнатовъ въ уздѣ, но къ простому народу относился съ большою заботливостью. Въ то время, какъ Эстрада жилъ при дворѣ этого государя, онъ уже не пользовался отмѣннымъ здоровьемъ. Габора лѣчилъ какой-то недавно прибывшій нѣмецкій докторъ, большая знаменитость (gran médico). Но Габоръ къ наставленіямъ медицины относился не очень почтительно, позволяя себѣ всякаго рода излишества, напр., пилъ ледяную воду. Габоръ не очень страшился смерти. Еще задолго до конца сталъ онъ готовиться къ ней. Онъ соорудилъ серебряный гробъ, футляръ для другого свинцоваго, въ которомъ должны были покоиться его останки. Заѣзжій венеціанскій скульпторъ устроилъ для него могилу и мавзолей изъ мрамора. Придворныя дамы вышили великолѣпный саванъ изъ парчи. Приготовлено было знамя, которое должно было стоять у него въ ногахъ. Въ послѣднія минуты, по словамъ Эстрады, обнаружилось, что Габоръ былъ тайный католикъ. Онъ скончался 15-го ноября 1629 г. со словами: «Domine, non intres in judicio cum servo tuo, et miserere mei». Владѣнія онъ оставилъ женѣ, прося императора позаботиться о племянницѣ. Впрочемъ, этой послѣдней не долго

1) Memorial histórico Español, т. XII, стр. 291—295.
2) стр. 301—303.

пришлось носить княжескую корону. Вскорѣ послѣ смерти Габора возникли смуты, и престоломъ завладѣлъ Ракоши, родственникъ Баторіевъ [1]).

Эстрада жилъ при дворѣ Габора въ качествѣ камергера, учителя иностранныхъ языковъ и начальника придворныхъ церемоній. За это онъ получалъ 500 эскудо въ годъ, казеннаго коня, казенный столъ для себя и двухъ лакеевъ. Кромѣ того, ему неоднократно дѣлались подарки и самимъ княземъ, и его женою, у которыхъ Эстрадѣ скоро удалось сдѣлаться persona gratissima. Умъ Габора, повидимому, жаждалъ просвѣщенія. Кромѣ Эстрады, который такимъ образомъ долженъ былъ учить сѣвернаго варвара «испанскому вѣжеству» (la cortesía española), и одновременно съ нимъ, были приглашены — два нѣмца, два француза, одинъ итальянецъ (спеціальность этихъ лицъ ближе не указана), два математика (астролога?), два доктора медицины, четыре іезуита, восемь каменьщиковъ, четыре скульптора, шесть стекольщиковъ, десять музыкантовъ, три аптекаря, два ювелира и пять купцовъ [2]). Но разумѣется, по словамъ Эстрады, онъ былъ первымъ и самымъ желаннымъ гостемъ. Послѣ двухмѣсячнаго путешествія, которое началось въ Падуѣ и было сопряжено съ немалыми затрудненіями (напр., переправа черезъ Дунай), прибыли, наконецъ, въ столицу княжества «Альба Юлія, по нѣмецки Вейзенбургъ, по венгерски — Колосваръ, а еще проще Бѣлградъ (los húngaros la llaman Colosvar y commumente Belgrado)». Габоръ со всѣмъ дворомъ находился тогда въ неприступной крѣпости Fogaraix (Фогарачъ), которая была зимней резиденціей государей. Эстрада и товарищи представились Габору въ торжественной аудіенціи. Разговоръ шелъ по латыни. Эстрада вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Сюда входило между прочимъ одѣвать и раздѣвать князя. Эстрада исполнялъ эту обязанность будто бы такъ ловко, что князь поглядывалъ на

1) стр. 307—309, 314—315.
2) стр. 286.

своихъ слугъ, какъ бы говоря: «учитесь!» [1]). На собраніи, куда съѣхались дворяне и чины княжества, Эстрада явился руководителемъ увеселеній. Княгиня указала ему молодую дѣвушку, еврейку, по имени Песи́ Рахиль, которая жила при дворѣ Габора. Рахили было всего пятнадцать лѣтъ. Она была первою изъ трехъ дамъ, которымъ служилъ Эстрада. Онъ такъ великолѣпно танцовалъ съ нею, что Габоръ, повернувшись къ магнатамъ, сказалъ: «призна́емся, что мы варвары» [2]). Потомъ Эстрада танцовалъ соло и такъ заинтересовалъ княгиню, что она пожелала учиться у него испанскимъ и итальянскимъ танцамъ. Для увеселенія своихъ новыхъ господъ Эстрада устроилъ карусель, бой быковъ и т. д., за что и былъ взысканъ милостями Габора и его жены. Впрочемъ, Эстрада держалъ себя независимо и не позволялъ ни князю, ни кому-либо другому наступить себѣ на ногу. Веселье весельемъ, а тамъ, гдѣ это было необходимо, Эстрада дѣйствовалъ согласно принципу чести и лояльности, являясь въ этомъ отношеніи истымъ испанцемъ XVI — XVII ст. Такъ, онъ едва не убилъ венеціанскаго посла, который позволилъ себѣ въ присутствіи Эстрады худо отозваться объ испанскомъ королѣ. Хотя посолъ и не зналъ, что Эстрада — испанецъ, однако, лишь вмѣшательство Габора во время погасило эту ссору [3]). Съ княгинею и придворными дамами Эстрада былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Онъ даже явился яблокомъ раздора между молоденькой еврейкой и баронессой Эстерненбергъ. Но самъ онъ не имѣлъ глубокаго чувства ни къ одной изъ этихъ женщинъ. Онъ только забавлялся съ ними для препровожденія времени, «обманывая ихъ обѣихъ». Отъ рѣшительнаго шага его удерживали слѣдующія соображенія: «онъ былъ католикъ, а онѣ обѣ—еретички, и кромѣ того онъ былъ женатъ» [4]). Рахиль, которая, по его собственнымъ словамъ, была сперва равнодушна къ Эстрадѣ, потомъ полюбила

---

1) стр. 287.
2) стр. 289.
3) 297—301.
4) 304.

его съ того момента, какъ однажды увидѣла Эстраду въ объятіяхъ Эстерненбергъ, и это такъ ее задѣло за живое, что въ слезахъ побѣжала она жаловаться княгинѣ. Та стала громко смѣяться и сказала еврейкѣ: «если ты не показываешь ему любви, будетъ ли онъ искать тебя?» «Ахъ, августѣйшая сеньора, отвѣтила Рахиль, я не думала этого, пока не увидала его съ другою женщиной. Побраните его хорошенько: теперь я, навѣрное, буду любить его» [1]). Однако, спустя немного времени, Рахиль вышла за одного трансильванскаго барона, предварительно принявъ католичество. Во время свадебныхъ увеселеній она нашла время шепнуть Эстрадѣ: «ты видишь, я католичка, и все же не твоя!» Эстрада отвѣтилъ ей: «если ты стала католичкой изъ-за меня, то Господь воздастъ мнѣ за это» [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что и княгиня была сильно расположена къ испанскому авантюристу, хотя онъ, по собственнымъ его словамъ, не смѣлъ вѣрить, чтобы она любила его. Такъ велика была разница ихъ общественныхъ положеній! Эстрада училъ княгиню танцамъ, сопровождалъ ее на охоту и т. д. Однажды, на охотѣ, когда княгиня повредила себѣ ногу, Эстрада, оставшись съ нею наединѣ, снялъ ей сапогъ, поправилъ обувь и даже слегка послюнилъ пораненное мѣсто. Иногда княгиня говорила ему загадочныя слова, изъ которыхъ можно было бы сдѣлать выводъ, что она любила его. Словомъ, Эстрада проводилъ время какъ нельзя лучше. По смерти Габора, онъ сталъ приближеннымъ лицомъ княгини, что вызвало сильное неудовольствіе среди трансильванской знати. Стали распространяться невыгодные для чести княгини слухи. Эстрада почувствовалъ себя въ опасности. Онъ покинулъ Трансильванію тайкомъ съ графомъ Дитрихштейномъ, императорскимъ посломъ, и отправился въ Вѣну, надѣясь найти себѣ тамъ новое поле для дѣятельности и удачи.

Разсказъ Эстрады о пребываніи въ Австріи гораздо менѣе

---

1) стр. 297.
2) стр. 306.

интересенъ для исторіи культуры. Оно и понятно. Эстрада попалъ въ Вѣну какъ разъ въ самые тяжелые годы тридцатилѣтней войны, когда все вниманіе было занято грандіозной борьбой между католичествомъ и протестантствомъ. Эстрада былъ самъ втянутъ въ водоворотъ событій, принялъ участіе во многихъ эпизодахъ войны, былъ знакомъ съ крупными дѣятелями эпохи (напр., Валленштейномъ и др.) и, наконецъ, занялъ довольно высокій постъ губернатора провинціи Будвейсъ. Понятно, что въ его запискахъ очень много свѣдѣній объ этой достопамятной эпохѣ, но мы не беремся оцѣнивать ихъ историческую достовѣрность. Скажемъ только, что Эстрада старался отнестись къ совершавшимся событіямъ по возможности безпристрастно. Конечно, придерживаясь точки зрѣнія католика и роялиста (Фердинандъ II является у него «святымъ государемъ»!), Эстрада сумѣлъ признать достоинства Густава-Адольфа, герцога Веймарскаго и другихъ протестантскихъ вождей. Эстрада даетъ довольно подробную біографію Валленштейна, называя его «чудомъ міра» (monstruo del mundo) и сообщая свѣдѣнія о честолюбіи Валленштейна, его страсти къ астрологіи и т. д. Валленштейнъ, по словамъ Эстрады, такъ любилъ тишину, что посылалъ въ тѣ мѣста, гдѣ долженъ былъ проходить, впередъ палачей, чтобы они убивали собакъ. Настолько несносенъ былъ для него собачій лай! Конечно, въ разсказѣ Эстрады не послѣднее мѣсто принадлежитъ испанцамъ, главнымъ образомъ графу Маррадасъ, который и помогъ Эстрадѣ устроиться при Вѣнскомъ Дворѣ[1]).

Что касается собственно исторіи нравовъ, то лишь немногія мелочи въ разсказѣ Эстрады, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія. Прежде всего интересна аудіенція Эстрады у Фердинанда II. «Я отправился, говоритъ Эстрада, съ графомъ Дитрихштейномъ поцѣловать руку императора. Онъ спросилъ меня, кто я? Я отвѣтилъ: «солдатъ фортуны» (soldado de fortuna, т. е.,

1) стр. 316—330 и 360—390.

говоря просто, авантюристъ). Онъ захотѣлъ узнать, зачѣмъ я прибылъ въ Вѣну? «Искать милости фортуны», отвѣтилъ я»[1]).

Подробно описываетъ Эстрада празднества по случаю бракосочетанія инфанты испанской, доньи Маріи, сестры Филиппа IV, и эрцгерцога австрійскаго, Фердинанда III, тогда короля Чешскаго и Венгерскаго. Это было въ мартѣ 1631 г. Фердинандъ встрѣтилъ свою невѣсту въ Грацѣ, но incognito (disfrazado). Онъ исполнялъ обязанности пажа въ свитѣ князя Эггенберга, которому Императоръ поручилъ привѣтствовать инфанту. Ему пришлось даже снимать нагаръ со свѣчей, при чемъ инфанта сказала: «какой славный пажъ!» (gran paje!). На это король отвѣтилъ: «я пажъ великой сеньоры, передъ которою ничтожны всѣ»[2]). Празднества въ Вѣнѣ длились нѣсколько дней и разнообразіемъ своимъ и великолѣпіемъ едва ли уступятъ знаменитымъ версальскимъ праздникамъ Людовика XIV. Сперва торжественный въѣздъ при громѣ орудій и звонѣ колоколовъ. Вечеромъ блестящій балъ, который закончился музыкальнымъ отдѣломъ. Три итальянскія пѣвицы, сестры Базиле, и ихъ племянница пропѣли испанскій романсъ, сочиненный Эстрадой, въ которомъ Фердинандъ III сравнивался съ пастушкомъ, ищущимъ свою счастливую овечку (la cordera venturosa), стихи банальные, въ господствовавшемъ пасторальномъ вкусѣ. На улицахъ и площадяхъ были устроены всевозможныя увеселенія для народа: комедіи, интермедіи, ярмарочные Геркулесы и т. д. Отмѣтимъ еще кулачный бой, въ которомъ приняли участіе венгры, поляки, чехи, хорваты, далматинцы и обитатели Каринтіи, при чемъ побѣдителями остались венгры. Наконецъ, грандіозный турниръ на площади передъ дворцомъ. Въ немъ приняли участіе Фердинандъ III и знатнѣйшія персоны государства. Рыцари пріѣзжали на площадь въ великолѣпныхъ колесницахъ, изъ которыхъ многія были украшены аллегорическими фигурами. Напр., вокругъ

---

1) стр. 316.
2) стр. 332.

трона, который былъ устроенъ на колесницѣ Фердинанда III, стояли молодые пажи, изображавшіе королевства — Венгерское, Чешское, Далматское и т. д. Другая колесница была запряжена прирученными медвѣдями. Она была въ родѣ облака, которое раскрылось со страшнымъ грохотомъ потѣшныхъ огней. На площадь вырвалось множество собакъ, кошекъ, обезьянъ, пѣтуховъ и т. д. Ко всѣмъ нимъ были прикрѣплены фейерверки и ракеты, которые взрывались отъ движенія животныхъ. Обезумѣвшіе отъ страха, звѣри вступили въ ожесточенный бой, настолько забавный для зрителей, что многіе изъ нихъ отъ смѣха попадали на землю. «Это было пресмѣшное зрѣлище, какого никто никогда не видалъ» [1]). Заключились празднества театральнымъ воспроизведеніемъ Троянской войны. Отчасти живыми людьми, отчасти при помощи фигуръ, за городскою стѣною, къ югу отъ Вѣны, въ спеціально-устроенномъ городѣ и на полянѣ передъ нимъ были повторены знаменитѣйшія сцены Иліады: бой Патрокла и Гектора, смерть Гектора и униженіе его трупа, выкупъ тѣла его Пріамомъ и т. д. Городъ былъ зажженъ съ семи сторонъ. Погибъ Парисъ, виновникъ несчастія, и похищенная Елена; Эней вынесъ своего отца Анхиза. Все это было представлено такъ натурально, что въ душѣ зрителей невольно возникалъ страхъ. . . . . [2]).

Трудно сказать, какъ высоко поднялся бы Эстрада по служебной лѣстницѣ Имперіи. Мы знаемъ, что онъ получилъ мѣсто губернатора одной изъ провинцій. Онъ отправился туда въ сопровожденіи блестящей свиты. По дорогѣ у него упала перчатка. Конь, на которомъ ѣхалъ Эстрада, ни за что не хотѣлъ остановиться. Нѣсколько человѣкъ лакеевъ подобострастно бросились поднимать перчатку господина. Видя это, Эстрада задумался надъ своею судьбою. Давно ли былъ онъ искателемъ приключеній, которому приходилось думать о спасеніи собствен-

---

1) стр. 348.
2) стр. 350.

ной жизни, а не о славѣ и величіи! А теперь? Малѣйшаго движенія его достаточно, и слуги бросаются исполнять его желанія! Какъ непостоянна фортуна! Вѣдь она можетъ и вновь ввергнуть его въ пучину бѣдствій! Волнуемый такими мыслями, Эстрада приближался къ Будвейсу. Здѣсь онъ познакомился съ однимъ монахомъ изъ монастыря св. Доминика. Монахъ поддержалъ въ Эстрадѣ мысли о ничтожествѣ и суетѣ всего земного и посовѣтовалъ, вернувшись въ Италію, зажить спокойною, благочестивой жизнью въ лонѣ семейства. Эстрада такъ и сдѣлалъ. Онъ поспѣшилъ въ Италію, но, къ сожалѣнію, ни жены, ни дѣтей не засталъ въ живыхъ. . . . . .

На этомъ мы заканчиваемъ замѣтки о испанскихъ авантюристахъ. Конечно, онѣ и не полны, и недостаточно ярки. До нѣкоторой степени оправдываемъ себя напоминаніемъ, что испанская культурная исторія XVI и XVII столѣтій — предметъ совершенно неразработанный. Если не ошибаемся, все вышепредложенное есть первая попытка съ нѣкоторой подробностью характеризовать столь сложное явленіе, какъ испанскій авантюризмъ. Поэтому, если наша статья окажется небезполезной для дальнѣйшаго, настоящаго изученія авантюризма, то это, хотя отчасти, объяснитъ ея появленіе въ печати.

Д. К. Петровъ.

21-го іюля 1904. Озерки.

K výkladu třetí a čtvrté konjugace slovanské.

Podává Václ. Vondrák.

Jak o třetí tak i o čtvrté konjugaci se již mnoho psalo, nemůžeme však říci, že bychom se byli dodělali jakýchsi uspokojivých výsledků; to platí ovšem hlavně o výkladu čtvrté konjugace.

Co se týče třetí konjugace, jedná se nám zde hlavně o vzor trьpěti-trьplją, neboť vzor uměti-uměją neposkytuje při výkladu vážnějších obtíží. O výklad uvedeného vzoru trьpěti, trьplją pokusil se před několika lety J. Horák (z konjugace souhláskové. Příspěvek k historické mluvnici slovanské. Č. VII. Spisův poctěných jubilejní cenou král. české společnosti náuk. V Praze. 1896). Horák zde hleděl vlastně více odůvodniti svůj výklad, který byl již dříve podal v Archiv f. slav. Phil. XX str. 406—410. Dle něho měla jak slovanská třída «trьpěti, trьplją» tak i litevská mylėti» v přítomném čase flexi souhláskovou a později zde převzal optativ funkci indikativu hlavně pro nepohodlnost souhláskové konjugace, tak že cksl. imperativ trьpi, trьpite a indikativ trьpite atd. jsou dle něho vlastně totožné tvary co do svého původu. Přiznávám se, že se mi výklad ten dříve poněkud zamlouval, ale nyní po opětném uvážení všech okolností nemohu s ním souhlasiti. Není pravdě podobné, že by byl optativ převzal v takovém rozměru funkci indikativu, když se z něho stal zde jinde všude imperativ. To jest nejzávažnější důvod, který mluví rozhodně proti Horákovu výkladu. Mimo to třeba uvážiti, že indikativ trьpitъ,

trьpite a imperativ trьpi, trьpimъ, trьpite předpokládají různou intonaci samohlásky *i*: srbsky indik. praes. vȉdīm, vȉdiš, vȉdī, vȉdīmo, vȉdīte, vȉdē, imperativ však vȉdi, vȉdite, česky indik. trpím, trpíš, trpí atd. imperat. trp ze staršího trpi atd. Horák uvádí dále na doklad, že zde jde o původní souhláskovou konjugaci, imperativ viždь a chošti, choštь jakožto zbytky bývalé souhláskové konjugace. Ale ty nemohou ničeho dokazovati. Slovesa našeho vzoru časovala se původně, jak ještě podotčeno bude, athematicky, měla původně v 1. osobě sing. koncovku -mь, tedy touž koncovku jako damь, věmь atd. Později však přetvořila se první osoba v thematický tvar na -ją a tu se mohlo snadno státi, že za této přeměny i leckteré původně souhláskové sloveso své -mь nahradilo též novou koncovkou -ją a tak přešlo do skupiny našich sloves, tedy třeba i viděti, tak že by byl imperativ viždь skutečne starý zbytek. Srovn. i v litevštině pa-velmi, pavelt, sẽst atd. Jednotlivé zbytky staré souhláskové konjugace, které se zachovaly ještě u sloves našeho vzoru třetí konjugace, nedokazují nám tedy, že by byl celý tento vzor vznikl ze starší souhláskové konjugace. Již Miklosich viděl v indikativně užívaných možь a choštь optativní tvary souhláskové konjugace. Avšak výklad ten není zajisté — aspoň co se týče tvaru možь — správný. možь může býti zbytek původního imperativního tvaru *móže. Pod důrazným přízvukem na o mohlo se e seslabiti v ь, jako se to stalo ku př. v rьcí, tьcí atd. Co do přízvuku shodoval se tento imperativ spíše s χαῖρε, κέκλυτε atd., ne však s εἰπέ, ἰδέ atd. V době, když začal mizeti starý imperativ v slovanštině, mohly se jednotlivé zbytky zachovati, třeba v pozměněné funkci. Že mohly takové tvary nabýti konečně i indikativní funkce, je známo. V přechodní době, když již optativ začal nabývati funkce imperativní, mohly původní optativní tvary *dadjē (dadjā), *vědjē (vědjā) podléhnouti vlivu oněch starých imperativů jako možь, poněvadž měly přízvuk též na kořeni, a tak mohlo vzniknouti dosud nevysvětlené *dadjь, *vědjь, cksl. daždь, věždь, kdežto staré optativy *nesě, berě atd. měly přízvuk na ě (srbsky:

bèri, bèrimo, bèrite, plèti, plètimo; tòni, srovn. též rьci, tьci atd.), tak že nemohly podléhnouti tomuto vlivu.

Co jsme vyložili o tvaru možь, může ovšem též platiti o tvaru choštь, ač je-li starší než chošti. Toto je utvořeno zcela správně dle teši od tesati, tešą atd., poněvadž sloveso to, jakmile se utvořil nový tvar v 1. os. sing. choštą (či vlastně původně *chotją), přešlo v praesentu pod vlivem této první osoby do konjugace tesati-tešą, glagolją atd. až na 3 osobu plur. chotętъ (tak i ku př. dovьlją, do-vьlješi atd. ale též ještě do-vьlętъ vedle do-vьljątъ), což je ještě starý zbytek. Užívá-li se tvaru chošti též za indikativ (ku př. ašte chošti), není to nic zvláštního, neboť zde třeba předpokládati ještě platnost původního optativu, který se často vyskytuje v kondicionalních (hypotetických) a podobných větách. Kdyby byl výklad Horákův správný, očekávali bychom veskrz ještě imperativní tvary jako viždь u našeho vzoru třetí konjugace, neboť není příčiny, proč by byly měly zaniknouti. Nemáme jich však a to mluví rozhodně proti tomuto výkladu. Horák myslí, že trьpi atd. vzniklo na základě pluralních tvarů trьpimъ, trьpite, ale proč se tak nestalo u daždь, vèždь atd.? Nynější ruské indikativy дадимъ, дадите, ѣдимъ, ѣдите ukazují jen, že byla možnost, aby imperativní tvary převzaly funkci indikativu (a sice zde hlavně pod vlivem našeho vzoru třeti konjugace), tak že na jich místo nastoupily jiné (ѣмь, ѣмьте; давай), ale že by se bylo tak musilo státi pravidelně u všech sloves našeho vzoru hned v praslovanštině, tím není daleko ještě dokázáno. A tak nezbývá nežli vzdáti se docela výkladu Horákova.

Naproti tomu ujímá se v poslední době více a více výklad, dle něhož se třetí konjugace zakládá na thematu tьrpēi, trьpī, tak že -ēi, ī, jest vlastně součástí thematu. V tomto smyslu pojednává o této konjugaci v poslední době H. Reichelt: Beiträge zur Geschichte der indogermanischen konjugation (Bezzenbergers Beiträge, XXVII, 1902, str. 63—105), kde vlastně mluví o eikmenech. Reichelt poukazuje hlavně k souvislosti našich sloves s

nominalní deklinací kmenů na -ei (ku př. ř. χάρις a χαίρω, ἐχάρην, umbr. heris vis'; lit. akìs oko', ř. ὄσσε z *oki-e a ὄσσομαι, slov. lučь «světlo'», skr. rucíḥ «světlo» a ř. λεύσσω, hledím z *λευκι-ω, lat. luceo svítím) jakož i k tomu, že totéž indoeur. sloveso obdrželo v jednotlivých jazycích různé tvary, které ovšem předpokládají společný původ. Reichelt považuje dále ē(i) verbálních ei-kmenů za totožné s ei nominalních kmenů jako jiní identifikovali -ā- verbalních ā-kmenů s ā nominálních kmenů. Slabika s ei pohybuje se dle toho, jak je přízvuk, v různých stupních: ēi: (ē): ei: ī, i. Původně měla přízvuk a tím se vysvětluje velký počet kořenů se slabou samohláskou. Souhlasím dále úplně s Reicheltem, jenž nečítá toto ēi ke kořenu (jako ku př. Hirt), nýbrž považuje je za kmenotvorné, k čemuž poukazuje právě jednak souvislost s nominálními kmeny na ei, jednak mnoho dalších slov utvořených na základě jednoslabičného nerozšířeného kořene (tedy bez -ei). Tak máme ku př. u̯ert-ei vedle u̯ert: skr. vartíh, lit. verczù, slov. vrьštą, vrьtěti vedle vrьsta (z *vьrt-ta), skr. vartti, vr̥ttáh, lat. vorsus.

Jak uvidíme, mluví i slovanské tvary pro to, že měly tak zvané exēi-kmeny vůbec přízvuk v singularu na ēi, jak Reichelt proti Hirtu předpokládá, srovn. skr. gr̥bhāyáti (z *gr̥bhei-, jen že je kmen rozšířen ještě thematickou samohláskou), dále skr. gr̥bhṇā́mi (*greb-n-ḗi-mai). Taktéž předpokládá got. habais, habaith tvar *khəbh-éi-si *khəbh-éi-ti. Naproti tomu vzniklo lat. habēs, habēt a starohornoněm habēm, habēs, habēt z vedlejšího indoevr. tvaru na-ḗ-mi, -ḗ-si, -ḗ-ti (z takových tvarů vzniklo i skr. prā́si, glā́ti, psā́ti a ř. πίμ-πλημι), tak že se v singularu původně takto časovalo:

*khəbh-ḗ(i)-mi
*khəbh-ḗ(i)-si
*khəbh-ḗ(i)-ti

V množném č. předpokládá Hirt tvary: *vidīmés, enkliticky *vidimés, *vidīthé, enkl. vidithé a *vidīnti, *vidi̯ṇ́ti. Na

tvarech s ī se zakládá slov. vidimъ (z *vьdimъ), skr. bravīmah, lat. sagīmus, kdežto z enklitických tvarů vzniklo skr. svapimah, lat. capimus, lit. výdime.

Jest pochopitelno, že se mohla v jednotlivych jazycích provésti uniformace a sice buď na základě singularu neb pluralu. V skr. 9. verbální třídě, (s nasálním infixem) zachovalo se jinak ještě původní časování v sing. a plur.: gr̥bhnấmi, gr̥bhnási, gr̥bhnáti, gr̥bhn̥īmáh, gr̥bhn̥ithá (gr̥bhn̥ánti).

Řekli jsme, že v slovanštině musíme předpokládati též původně *tьrpḗi-mi, *tьrpḗi-si, *tьrpḗi-ti, plur. *tьrpī-més, *tьrpī-té, tьrpī-nti. Mluví pro to následující okolnost. Jak známo, spůsobuje výklad samohlásky i v praesentu čtvrté kunjugace (cksl. vod-i-šь, vod-i-tъ, vod-i-mъ atd. velké obtíže. Brugmann vykládá tyto tvary tak, že vniklo infinitivní i (voditi, vodichъ atd.) do praesentních tvarů (Grundriss, 2, str. 1144). Výklad ten se mi příliš nezamlouvá a nemohu též souhlasiti s tím, že by byla původně tato slovesa měla kmenotvornou samohlásku a vzhledem k litevskému časováni vartaũ- vartýti (str. 1145). Kdyby bylo tomu tak bývalo, nenahlížím, jak by se bylo mohlo praesentní a vytlačiti infinitivním i, vždyt bylo chráněno četnými slovesy dle V třídy 1. odděl., kde též bylo a v praesentn. Myslím tedy, že třeba naše praesentní tvary jinak vykládati. Původně měla tato frekventativní a kausativní slovesa v praesentu éi̯o- (v skr. -áyāmi, áyasi atd., zde zůstal původní přízvuk nezměněn, v got. fra-wardja, -wardeis, řecky -έω, -έεις atd.). Jest velmi pravdě podobné, že tomu bylo v slovanštině původně také tak: vedle *tьrpḗi-si, *tьrpḗi-ti měli jsme zde *vodéi̯esi, *vodéi̯eti. Obdobný přízvuk spůsobil snad, že vodéi̯esi se přeměnilo dle *tьrpḗi̯si v *vodēi̯si (ēi̯ se zdloužilo též náhradou za zaniklé e v éi̯e). Když dvojhlásky začaly v slovanštině zanikati, nemohlo se ovšem ēi udržeti, přešlo tedy bud hláskoslovně v ī, neb bylo původně u třetí konjugace vytěsněno v singularu pluralnim ī (*tьrpīmъ atd.) a odtud se dostalo i do čtvrté konjugace. Pro tento výklad mluví rozhodně nynější kvantita našich

koncovek v češtině. Poněvadž zde máme dlouhé koncovky zříš, zří, zříme, zříte a sice i pod přízvukem, musily míti tyto slabiky původně raženou intonaci (интонація восходящая, intonation rude). Tato mohla se zakládati jednak na dlouhém ī v pluralu (*tьrpīm), hlavně však na ēi̯ singularu (srovn. česky vrána, rusky ворóна, srbsky vrâna, lit. várna z původního *vṓrnā. Tyto délky opětují se v češtině i u čtvrté konjugace: ctíš, ctí, ctíme atd., což nám ukazuje, že tato podlehla vlivu třetí konjugace způsobem, jak právě bylo vyloženo. V češtině, kde je přízvuk stálý, není v praesentu rozdílu mezi slovesy III třídy oddělení 2 a IV. Jinak ovšem v slovanských jazycích, kde je ještě přízvuk pohyblivý. Zde se liší částečně slovesa IV třídy od sloves III. třídy. Následkem svého významu (šlo totiž napřed o frekventativní slovesa) podléhla vlivu sloves jako rusky стону́, стеню̀ a стоню́, сто́нешь, сто́нетъ; вяжу́, вя́жешь; чешу́, че́шешь, srbsky че̏шеш; мечу́, ме́чешь, мета́ть, srb. мѐћеш; лижу́, ли́жешь, inf. лиза́ть, srb, ли̏жеш, inf. ли̏зати. Přízvuk ten vyvinul se již v praslovanštině a zasáhl zde i kausativní slovesa, tedy rusky вожу́, во́дишь, во́дитъ inf. води́ть. srb. во̀диш, во̀дити; гоню̀, го́нишь, inf. гони́тъ atd. za to mají denominativa[1]) přízvuk jako гощу́, гости́шь, inf. гости́ть, говорю́, говори́шь, inf. говори́ть. U třetí třídy je naproti tomu přízvuk stálý a proti onomu čtvrté třídy zajisté starší: гремлю́; греми́шь, inf. грем́ть atd. Že jsou tu i tam výjimky, je známo, zde však se nemůžeme pouštěti do podrobností v tomto ohledu, nýbrž odkazujeme jen k práci Boyerově: De l'accentuation du verbe russe. Paris. 1895 (v «Centenaire de l'École des langues orientales vivantes» a též o sobě) Srovn. též MSL. IX str. 143 násl. Meillet zde předpokládá asi chybně původní intonaci taženou (intonation douce, нисходящая интонація), poněvadž přihlížel jen k srbskému жívīm, жívīmo,

1) Možná dost, že se denominativa původně časovala takto: *gostьją, *gostьješi, gostьjetь atd. a že se teprv později provedla uniformace následkem infinitivních tvarů.

trubīm, trúbīmo, ne však k českým tvarům (Études sur l'etymologie et le vocabulaire du vieux slave. I. Paris. 1902, str. 142). V srbštině očekávali bychom ovšem krátké koncovky a ty zde bezpochyby původně byly a délky se sem dostaly snad vlivem stažených tvarů jako čuvām, čuvāš, atd. Tak máme zde i plètēm, plètēš, plètē atd., bȅrēm, bȅrēš, bèrē atd., kdežto v češtině jsou zde krátké slabiky, jak je právě očekáváme: pleteš, pletē, béřeš, béře atd.

Co se týče 3 osoby mn. čísla cksl. vidętъ, nemohu souhlasiti s Reicheltem, který stotožňuje tento tvar s lat. vídēnt (l. c. str. 73), následuje ovšem výkladu, který podal vlastně již Bartholomae (studien zur idg. sprachgeschichte. II, str. 149). Vidíme totiž, že ve všech praesentních tvarech proniklo konečně thema s i (jež bylo, jak jsme viděli, částečně též původu diphthongického) a tak musíme i ve 3 osobě plur. předpokládati *tьrpīntь. Nosovka n byla zde udržována obdobnými tvary jako *vedontь a pod., čímž se stalo, že se ī zkratilo, tak že později vzniklo *tьrpьntь, z čehož ovšem musilo vzniknouti *tьrpętь, cksl. trьpętъ. Že bylo napřed vzniklo hláskoslovně *trьpitь a vlivem obdobných tvarů jako imątъ že zase znovu byla zde nosovka zavedena, jak dříve vykládal Brugmann, není pravdě podobné, neboť v tomto případě by bylo z *tьrpitь pod vlivem tvarů jako *vedontь, imontь spíše vzniklo *tьrpontь než *tьrpintь, tak jako vznikl v 1 osobě sing. obdobný tvar *tьrpją dle jiných.

Co se týče imperativu, musíme předpokládati v singularu *tьrpī-jēs, v plur. *tьrpī-ī-te poněvadž se slovesa tato athematicky časovala. Z posledního tvaru vzniklo stažením *tьrpīte s taženou intonací. Toť se rozumí, že se *tьrpījēs vedle *tьrpīte nemohlo udržeti, nýbrž vlivem imperativů-optativů *nesoi-nesoite (neb v jakém stadiu se právě nalézala) a *dadjē-dadīte a pod. bylo -jēs zanedbáváno až docela zaniklo, tak že povstal imperativ *tьrpī-tьrpīte. V singularu mělo *tьrpī bezpochyby raženou intonaci, neboť jde zde o jednoduchou samohlásku ī; -jēs

zaniklo jednoduše pod vlivem druhých imperativů, tak že zde nedošlo k žádnému zdloužení za náhradu. O původním imperativu sloves čtvrté třídy by mohly býti všelijaké kombinace možné. Meillet předpokládal, že se slovesa tato původně časovala athematicky, v optativu-imperativu že měla tedy suffix ī, toto se stáhlo s ī na konci thematu a tak že vznikla zde ražená intonace (Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. I. Paris. 1902. str. 144—145). Avšak jednak nemůžeme dokázati, že by se byla naše slovesa athematicky časovala, naopak, někteří jazykozpytci v nich vidí původní thema na ei -+- thematické e, jednak vzniká stažením spíše tažená, než ražená intonace. Proniklo-li v slovanštině v praesentu všude thema na ī, měli bychom v imperativa původně *vodī-ě, *vodī-ě-te, z čehož by vzniklo *vodiję, *vodiję̌te, pak *vodii *vodiite a konečně vodi-vodite. Ať se měla věc tak či jinak, jisto jest, že tyto imperativy podléhly vlivu imperativů sloves třetí konjugace jako celé praesens vůbec. V singularu byla tedy ražená intonace, v pluralu tažená. V imperativu se řídí obyčejně plural dle singularu (česky veď-veďte, rusky ѣшь-ѣшьте atd.) a tak se zde provedla ražená intonace ku př. v srbštině a proto zde máme krátké ī: spí, spímo, spíte; vídi, vídi-mo, vídi-te (proti praesentu: vídīš, vídīmo, vídīte), dále u čtvrté konjugace: žívi, žívimo; trúbí, trúbimo (proti praesentu: žívīm, žívīmo; trúbīm, trúbīmo) atd.

V ostatních imperativech thematických sloves jako vedi, dvigni atd. byla původně tažená intonace, jak nám litevské tvary jako te-sukẽ (=ideur.—oīt) ukazují. Vlivem našich imperativů jako *tьrpi, tьrpite, vodi, vodite přenesla se ražená intonace i na ostatní imperativy, čímž se, jak někteří předpokládají, stalo, že se dle Saussurova pravidla přízvuk poposunul na poslední slabiku a v srbštině se zde původně dlouhé samohlásky zkrátily, tedy rusky toní, toníte (proti tonú, tóneš); vjaží, vjažíte (proti vjažú, vjáže̍š), srbsky tòni, tònite (proti tȍnēm, tȍnēš); véži, véžite (proti véžēm, véže̍š; mrí, mrímo, mríte). Tím

vysvětlíme si i v církevní slovanštině: rьci, pьci, tьci, žьzi. Hirt předpokládal, že zde všude zvítězily tvary athematických sloves na -īmos, -íte (Der idg. akzent, str. 190). Jest ovšem nápadné, že máme v češtině v těchto případech všude krátké samohlásky nebo že se zde aspoň předpokládati musí: trpi, trpite (nyní trp, trpte, vedi (nyní veď); mři, mřete. Buď tedy to odpovídá původní tažené intonaci, která se zde rozšířila i na imperativy třetí a čtvrté konjugace, tak že by se uvedené pravidlo nevztahovalo k západním jazykům slovanským. Aneb byly původně v češtině též délky a zkrátily se teprv později, když byl přízvuk přenesen na první slabiku.

O tvarech participialnich našich konjugací netřeba zde zvláště pojednávati, neboť co bylo řečeno o 3 os. plur., platí i o těchto tvarech.

Litevská konjugace mýliu, mýliu, mýli, mýl, mýlime atd., inf. mylėti nám ukazuje, že zde pronikl vliv pluralnich tvarů. Za to nemůžeme viděti původní praesentní tvar v ródau (inf. ródyti), spíše je později tvořen dle brýdau a pod. Původně zde byly tvary, které též spíše souhlasily se slovanskými. Tak má Szyrwid rodžiu za ródau, pudžiu za púdau atd. (viz Afslav Phil. XXV str. 497). Tak soudí i Reichelt (Bezzenbergers Beiträge, XXVII str. 84), ktery čítá themata čtvrté třídy k thematům na ei: «Für mich unterscheidet sich vraštą, vratiši von vrьštą, vrьtiši s. § 18 nur durch den Vokalismus der Wurzelsilbe». O tom však nechceme zde uvažovati, nýbrž ponecháváme rozluštění této otázky srovnávacímu jazykozpytu.

Dodatek. Nyní je mi pravdě podobné, že ī u 3. konjugace mělo v ind. praes. intonaci raženou, u 4. konjugace však taženou (kontrakcí vzniklou). Později se vyrovnalo v tom neb onom směru (v češtině ku př. 4. konjugace dle 3. v srbštině naopak).

О началахъ городскаго устройства Стараго Города Пражскаго [1]).

Хотя вопросомъ о началахъ городскаго устройства Стараго города Пражскаго занимались многочисленные историки и другіе изслѣдователи [2]), чешскіе и нѣмецкіе, все таки существуютъ разныя мнѣнія о томъ, когда и какимъ образомъ былъ основанъ Старый городъ Пражскій (Staré město), даже и о томъ, былъ-ли онъ вообще основанъ или возникъ, можетъ быть, «мало-помалу», такъ сказать, непримѣтно, наконецъ и о томъ, какія права

1) Настоящая статья вышла въ болѣе широкомъ объемѣ на чешскомъ языкѣ въ Сборникѣ статей, посвященномъ проф. Ант. Рандѣ, Pocta podaná českou fakultou právnickou panu D. Ant. rytíři Randovi k sedmdesátým narozeninám dne 8. července 1904. За помощь, оказанную мнѣ при переработкѣ этой статьи на русскомъ языкѣ приватъ-доцентомъ К. Кадлецомъ, приношу ему искреннюю благодарность.

2) Hájek z Libočan, Kronika Česká, XXVII, XXXIII, XXXIV, XL, CLXXVII; Paprocký, Diadochos (въ 1602 г.), о городскомъ сословіи, стр. 5 и 13; Stránský, De republica Bojema (въ 1645 г.), стр. 14 и послѣд.; Balbin, Miscellanea, lib. III. c. VII. (1679 г.), стр. 67; Beckovský, Kronyka země České I. (1711 г.), стр. 87, 242, 298; Hammerschmid, Prodromus gloriae Pragenae (1723 г.), стр. 3 и 625; Pubitschka, Geschichte Böhmens I. (1770 г.), стр. 10, 240, 299; Schaller, Beschreibung Prags I. (1794 г.), стр. 7, 10, 12, 20, 682, III. (1796 г.), стр. 2 и 558; Dobner, Bohemiae historia II. (1763 г.), стр. 372, 383, 481, VI, стр. 237, 323, 523, 525; Kropf въ книгѣ Schottky, Prag II. 1832). стр. 342 и послѣд.; Tomek, Eine kurze Geschichte der Stadt Prag (1844 г.), стр. 9, Česká a německá národnost v Praze (Časopis Čes. Mus. XIX, въ 1845 г., стр. 217 и послѣд.); Rössler, Deutsche Rechtsdenkmäler I. (1845 г.), стр. XVIII; Legis Glückselig, Ilustrirte Chronik von Böhmen I. (1853 г.), стр. 275; Tomek, Dějepis města Prahy I. (1855 г.), стр. 58,

были ему въ XIII столѣтіи пожалованы. Одни изслѣдователи отождествляютъ общину Стараго города Пражскаго съ нѣмецкой общиной на Порѣчьѣ (Poříčí) и отстаиваютъ мнѣніе, что привилегіи, пожалованныя порѣчьскимъ Нѣмцамъ представляютъ основныя права Стараго города Пражскаго. Нѣмецкая община распространила свое господство на Старый городъ и потомъ соединилась съ новымъ городомъ около Св. Галла (u sv. Havla) въ большую общину Старогородскую. И насчетъ того, когда это произошло, нѣтъ согласія. Община Св. Галлская основана по мнѣнію Запа въ 1232—1234 гг. и соединилась съ сосѣдней общиной уже въ 1235 г. По мнѣнію Зоубка, она основана только въ 1235 г., по мнѣнію же Бахманна — въ 1240 г. и «скоро послѣ того» соединилась съ общиной Стараго города. Напротивъ,

---

63, 66, 161 и послѣд. (II изд. 1892 г., стр. 62, 68, 72, 169 и послѣд.); статьи Томка объ исторіи Праги въ энциклопедическихъ словаряхъ Ригера VI. (1867 г.), стр. 772 и слѣд., и Отто XX, стр. 504; Schlesinger, Geschichte Böhmens (1869 г.), стр. 96 и 165; Pangerl, Über Städtegründer und Städtegründungen in Böhmen und Mähren (Mittheilungen des Vereines für Gesch. d. Deutschen XVI, 1878 г., стр. 35); Werunsky, Die culturhistorische Bedeutung des deutschen Städtewesens in Böhmen (Mittheilungen XX, 1881 г., стр. 63); Haněl, O vlivu práva německého v Čechách a na Moravě (1874 г.), стр. 6; Zoubek, O zakládáni měst v Čechách v XII století (1878), стр. 14 и 15; Zap, Českomoravská Kronika I. (1880), стр. 769, 780, 868; того же автора сочиненіе Praha (1868), стр. 12; Palacký, Dějiny národu Českého (1848 и 1862), II, стр. 14; Čelakovský, Sbirka pramenů práva městského v Království Českém I. (1886 г.), стр. XII—XXIII; Mareš, Mittheilungen des Institutes für österr. Geschichtsforschung VII. (1886 г.), стр. 176; Köpl, Mittheilungen des Institutes VIII. (1887 г.), стр. 309; Čelakovský, Sbirka pramenů práva městského II, стр. 71, и статья въ энциклопедическомъ словарѣ Отто XX. (1903 г.), стр. 522; Grunzel, Über die deutschen Stadtrechte Böhmens und Mährens (Mittheilungen des Vereines f. Gesch. d. Deut. XXX, 1892 г., стр. 130); Lippert, Die Entstehung des deutschen Städtewesens (1890 г.), того же автора Socialgeschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit I. (1896 г.), стр. 62, 92, 95—98, II. (1898 г.), стр. 124, 126, 131, 139, 141, 144, 150, 151; Vacek, Vývoj society a práva slovanského v Čechách (въ журналѣ Aletheia II, 1899, стр. 491, 497, 498, III, стр. 24, 51, 53, 57, 58; Bachmann, Geschichte Böhmens I. (1899 г.), стр. 407, 483, 488, и статья того же автора въ газетѣ Bohemia № 159 (отъ 10 іюня 1893 г.), Die Entstehung der Altstadt und Kleinseite Prags; Schlesinger, Die Ansiedlung der Deutschen in Böhmen (Deutsche Arbeit in Böhmen, 1900, стр. 49, 52, 67); Teige, Almanach Král. hlav. města Prahy IV. (1901 г.), стр. 215 и послѣд.

по мнѣнію Вацка соединеніе совершилось только послѣ того, какъ городъ былъ обведенъ окончательно стѣнами въ 1253 г.

Что касается вопроса о пожалованіи Прагѣ нюренбергскаго права, то Тейге допускаетъ, что положенія пражскаго права одинаковы съ привиллегіями нѣмцевъ; по мнѣнію же Липпперта, это право пожаловано первоначально городу около Св. Галла и перешло потомъ (распространилось) на соединенную общину Стараго города. Но Вацекъ и Бахманнъ думаютъ, что только увеличенная Прага (Старый городъ, возникшій изъ нѣмецкой общины, соединенной съ общиной около Св. Галла) получила это право (по мнѣнію Вацка, во второй половинѣ XIII вѣка). Наконецъ, по мнѣнію Шлезингера, въ Прагѣ образовалось особое городское право, которое возникло изъ привиллегіи князя Собѣслава II и развивалось изъ началъ права нюренбергскаго.

Въ виду этихъ противоположныхъ мнѣній намъ не остается ничего иного, какъ принять въ соображеніе, какимъ образомъ въ другихъ странахъ основывались города, и какъ они устраивали свои особыя учрежденія и права; при этомъ намъ надо придерживаться точно дошедшихъ до насъ отечественныхъ источниковъ по этому вопросу. Нельзя думать, однако, что Старый городъ Пражскій возникъ и организовался совсѣмъ несогласно съ подобнымъ развитіемъ городовъ въ юго-западной Европѣ.

Что же намъ извѣстно объ этомъ развитіи? Въ новомъ изданіи «Исторіи чешскаго права»[1]) я изложилъ, какихъ результататовъ по этому вопросу достигли безчисленныя изслѣдованія отдѣльныхъ литературъ Западной Европы.

Послѣ основательныхъ работъ Пиренна, Зома и Ричеля, воззрѣнія которыхъ по этому вопросу принимаютъ выдающіеся современные историки права (Эсменъ, Віолле, Бриссо во Франціи, Пертиле и Сальвіоли въ Италіи, Шредеръ и Бруннеръ въ Германіи), мы едвали можемъ сомнѣваться въ томъ, что боль-

1) Povšechné české dějiny právní (II. vyd., 1900—1904), стр. 396 и слѣд.

шинство знаменитыхъ городовъ среднихъ вѣковъ, которые не возникли изъ древнихъ римскихъ городовъ, или укрѣпленныхъ мѣстъ (castra), или которые не были основаны «съ корня», зародилось въ колоніяхъ или поселеніяхъ торговцевъ, ищущихъ свое пропитаніе въ торговлѣ и ремеслахъ (mercatores, negotiatores), поселившихся на торговыхъ мѣстахъ, находящихся подъ покровительствомъ замковъ или монастырей, или близко отъ крестьянскихъ общинъ, гдѣ они нашли защиту и потребителей. Только въ исключительныхъ случаяхъ торговое поселеніе зарождалось въ селѣ или замкѣ, вслѣдствіе чего эти мѣста перемѣнились въ города. Торговцы послѣ того, какъ пріобрѣли землю—главнымъ образомъ на рынкѣ—для постройки домовъ, лавокъ и магазиновъ, образовали общество, которое при помощи другихъ поселенныхъ въ городѣ жителей, особенно же людей рыцарскаго происхожденія или министеріаловъ, перемѣнилось въ свободную городскую общину.

Эти члены промышленнаго класса разнаго національнаго происхожденія переобразовали упомянутымъ образомъ въ XII и XIII стол. городскую жизнь во всѣхъ земляхъ Европы, выхлопотавъ себѣ отъ государей признаніе особой автономной организаціи, которая сдѣлалась необходимымъ условіемъ ихъ успѣха и гарантіей процвѣтанія ихъ промышленности и торговли. Организація ихъ состояла въ томъ, что первоначальныя торговыя общины, находившіяся подъ сильной властью господъ (феодальныхъ), сдѣлались въ силу пожалованныхъ имъ привиллегій особыми территоріальными, юридическими и судебными общинами, въ которыхъ добровольный и, какъ кажется, мало крѣпкій общественный союзъ, состоявшій ранѣе изъ торговцевъ, перемѣнился въ прочный общинный союзъ, къ которому какимъ бы то ни было образомъ присоединилось и большинство остальныхъ городскимъ жителей, оказавшихся по отношенію къ гражданской общинѣ въ положеніи охраняемыхъ.

Въ началѣ торговыя поселенія отличаются отъ крестьянскихъ общинъ только тѣмъ, что для нихъ назначаются особые

торговые судьи (judices fori), которые рѣшаютъ дѣла торговли, когда они касаются взаимныхъ споровъ торговцевъ, или ихъ споровъ съ чужими купцами, и которые, кромѣ того, отправляютъ правосудіе относительно недвижимостей, находящихся въ предѣлахъ торговаго города, и относительно преступленій, которыя подходятъ подъ понятіе нарушенія торговаго мира[1]). Такимъ образомъ торговцы начинали составлять какой-то союзъ экономическій и судебный, который сравнительно долго сохранялъ характеръ союза личнаго, общества безъ корпоративныхъ правъ и безъ надлежащей организаціи. Только съ теченіемъ времени это неорганизованное общество пріобрѣтаетъ особое юридическое положеніе въ государствѣ, а наконецъ и возвышается до положенія городской общины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это происходитъ вслѣдствіе свободнаго дѣйствованія членовъ и вопреки господамъ, въ другихъ же мѣстахъ, особенно тамъ, гдѣ чужіе колонисты основываютъ городскія общины, по соглашенію съ ними. При этомъ нѣтъ необходимости, чтобы городская община съ самаго начала получила твердую организацію или представительное устройство. Временно избранные представители гражданъ могли дѣйствовать отъ имени общины. Но нужно было, чтобы существованіе городской общины, города, было признано письменнымъ актомъ или пожалованіемъ ей привиллегіи, или надѣленіемъ ея городскимъ правомъ, примѣняемымъ въ городскомъ судѣ (judicium civitatis), подсудность (компетенція) котораго въ сравненіи съ судомъ торговымъ (judicium mercatorum, j. de negotiationibus) сдѣлалась болѣе широкой и постоянно увеличивалась въ силу уставнаго (статутскаго) права и вслѣдствіе новыхъ привиллегій. Юрисдикція городскаго суда относится не только къ торговцамъ, но и къ другимъ жителямъ города, которые не подчинены особой, привиллегированной юрисдикціи, живутъ постоянно въ предѣлахъ территоріи, огражденной стѣнами, имѣютъ отношенія и связи съ городской жизнью и несутъ тяготу общины. Хотя собственно городская

1) Ср. Mon České dějiny právní, стр. 494.

община состоитъ только изъ гражданъ, именно торговцевъ и владѣтелей городскихъ недвижимостей, лежащихъ вокругъ торжища (базара), гражданамъ все-таки принадлежитъ право принимать въ свое общество и другихъ лицъ, или какъ гражданъ (cives) или какъ «подсусѣдниковъ» и батраковъ, состоящихъ подъ ихъ защитой, которыхъ называли просто жителями (inhabitatores). При преобразованіи торговаго поселенія въ городъ торговый судья уступилъ свое мѣсто судьѣ городскому, и за именитыми гражданами признавалось право какимъ нибудь образомъ принимать участіе въ отправленіи правосудія и въ городскомъ управленіи. Но какъ только общинный союзъ получилъ характеръ мѣстной (территоріальной), реальной общины, имѣвшей точные предѣлы, такъ тотчасъ же онъ пріобрѣлъ обыкновенно и матеріальную защиту сооруженіемъ стѣнъ, чѣмъ отличался отъ сельскихъ общинъ и по внѣшности. Въ тотъ моментъ, когда населеніе торговаго мѣста было изъято, по крайней мѣрѣ, частью изъ земскаго права и изъ вѣдомства общихъ властей и судовъ и подчинено было своему праву, своему городскому управленію и суду, когда дѣйствовало въ немъ особое общинное, торговое и обыкновенно и замковое право, когда населеніе стало пользоваться особымъ миромъ и защитой, для соблюденія которыхъ оно образовало какой-то мировый и присяжный союзъ, и когда оно добилось освобожденія отъ публичныхъ повинностей и имѣло возможность вводить особую систему общинныхъ налоговъ—въ тотъ моментъ были въ наличности условія для того, чтобы торговое поселеніе было признано, какъ городъ въ юридическомъ значеніи слова. По примѣру романскихъ городовъ, такое мѣсто (откуда чешскій терминъ město, нѣм. Stadt = русс. городъ), общество котораго, бывъ признано коллективною личностью, называлось communitas или universitas civium, получило названіе civitas. Его корпоративное положеніе обнаруживалось особенно въ томъ, что городъ имѣлъ право употреблять гербы (arma, insignia), печати (sigilla) и сторожевыя башни, къ чему впослѣдствіи присоединялась еще ратуша (городская дума), на что сельскія общины не

имѣли права. Только въ дальнѣйшемъ развитіи и естественно вездѣ, гдѣ была ратуша, городъ сдѣлался организованной общиной съ постояннымъ представительствомъ общины, которое безпрестанно стремилось распространить свое вѣдомство и независимость по отношенію къ высшимъ и низшимъ. Что касается формы этого постояннаго представительства, то городскія общины въ романскихъ и германскихъ государствахъ добивались часто посредствомъ присяжныхъ союзовъ (conjurationes), или подобныхъ менѣе вызывающихъ оборонительныхъ соединеній, права на учрежденіе городскихъ совѣтовъ, члены которыхъ назывались по итальянскому примѣру consules, или по сѣверофранцузскому и фландрскому примѣру—jurati. Эти совѣты ежегодно обновлялись въ своемъ составѣ и были болѣе или менѣе независимы отъ властей, смотря потому, принадлежало-ли опредѣленіе ихъ состава властямъ, или самимъ горожанамъ, и были-ли члены совѣтовъ обязаны приносить своимъ господамъ присягу, какъ это предписывалъ особенно для Германіи эдиктъ Равеннскій 1232 г., или не были обязаны. При этомъ терминъ consules означалъ вездѣ высшую степень городскаго самоуправленія и свободы, чѣмъ терминъ jurati (присяжные), что обнаруживалось не только въ происхожденіи, но и въ кругѣ вѣдомства городскаго представительства. Если, кромѣ того, въ нѣкоторыхъ городахъ сохранялись суды шёффеновъ (judicia scabinorum), независимые сначала отъ властей, то они съ теченіемъ времени попадали въ подчиненное положеніе по отношенію къ городскимъ совѣтамъ, что происходило и съ должностями рыхтарей (городскихъ судей), фойтовъ (advocati, Vögte) и солтысовъ (Schultheisse, sculteti) [1]).

---

1) Моя работа České dějiny právní, стр. 408, 414, 446, 454, 478, 507 и слѣд. Тамъ есть указанія на то, что consules civitatum встрѣчаются въ Неаполѣ уже въ 1061 г., въ городахъ сѣвероитальянскихъ—съ конца XI стол., въ южной Франціи—въ 1125—1136 гг., jurati же въ сѣверной Франціи и въ Нидерландахъ—съ конца XII стол. Въ Германіи consules или jurati встрѣчаются до изданія эдикта Равеннскаго отъ 1232 г. въ Тревирѣ въ 1161 г., въ Тридентѣ 1171, въ Камбрэ 1184, въ Базелѣ 1185, въ Любекѣ 1188, въ Гамбургѣ 1189, въ Шпейерѣ 1198, въ Страсбургѣ и Фрейбургѣ въ концѣ XII стол., въ Мецѣ 1212—1220, въ

Вотъ картина повсемѣстнаго развитія городскаго устройства въ цѣлой романо-германской Европѣ, хотя относительно отдѣльныхъ городовъ встрѣчаются нѣкоторыя уклоненія и различія, которыя въ средніе вѣка были особенно распространены. Вслѣдствіе того нѣкоторые ученые видятъ въ этихъ явленіяхъ закономѣрность, которая находится въ связи съ развитіемъ экономической и культурной жизни каждаго народа и которая вслѣдствіе того не ограничивается предѣлами отдѣльныхъ государствъ и народовъ, а имѣетъ характеръ всеобщаго института, извѣстнаго многимъ народамъ.

Что же касается уклоненій и особенностей, то, естественно, нельзя установить ихъ одной догадкой, но приходится доказать ихъ неоспоримую наличность источниками. Пока это не сдѣлано, мы можемъ предполагать, что изложенное развитіе совершилось относительно каждаго города, слѣдовательно и относительно города такъ громаднаго историческаго значенія, какъ Старый городъ Пражскій.

Относительно этого города нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что намъ надо искать начало его въ большомъ торжищѣ (базарѣ, antiquum forum) на пространствѣ между двумя замками (mezihradi, пространство между двумя замками), гдѣ въ XI столѣтіи и, навѣрно, уже раньше появляется гостинный дворъ (communis curia hospitum mercatorum, quae vulgariter Thyn vel Laeta curia dicitur), гдѣ иностранные купцы складывали свои товары, и вокругъ котораго рано возникла на государевой землѣ, среди другихъ поселеній разнаго рода, торговая, густо заселенная колонія. Томекъ, сообщая извѣстія «о шумѣ происходившихъ тамъ базаровъ», замѣчаетъ, что въ началѣ XII столѣтія «настоящій посадъ по правой сторонѣ рѣки Велтавы зани-

---

Стендалѣ и Вормсѣ 1215, въ Кельнѣ 1216, въ Бернѣ 1218, въ Майнцѣ и Регенсбургѣ (consules) 1219, въ Вѣнѣ (jurati) 1221. Послѣ изданія эдикта Равеннскаго 1232 г. consules или jurati встрѣчаются въ Магдебургѣ 1244 г., въ Бременѣ 1246, въ Нюренбергѣ (consules рядомъ съ старшими скабинами) 1256, въ Аугсбургѣ 1257, во Франкфуртѣ и Бреславлѣ 1266, въ Пассау въ 1298 г. и т. д.

малъ самую большую часть теперешняго Стараго города Пражскаго» [1]).

Очевидно, что какъ Тынскій дворъ, такъ и большое торжище при немъ не были предоставлены самимъ себѣ: чешскіе князья, извлекавшіе изъ нихъ большіе, по преимуществу денежные доходы, должны были принять рядъ мѣръ для обезпеченія этихъ доходовъ и вслѣдствіе того для поддержанія мира и порядка между своими и иностранными торговцами. Каковы были эти мѣры до XII столѣтія, остается сомнительнымъ, но не для времени съ начала XIII стол. до основанія Стараго города Пражскаго. Полагаютъ, правда, что объ этихъ мѣропріятіяхъ имѣется какое-то указаніе изъ эпохи князя Боривоя II около 1101 г., что даже догадку о предполагаемомъ перенесеніи нѣмецкой рыхты (присутственнаго мѣста) отъ Св. Петра въ Старый городъ можно обосновать этимъ указаніемъ; но подробнѣйшее изученіе происхожденія и текста этой записи о Тынскомъ дворѣ убѣждаетъ насъ въ томъ, что нельзя много полагаться на это указаніе.

Въ одномъ breviarium, имѣющемся въ архивѣ Пражскаго капитула — № 188 — сохранилось именно упомянутое указаніе въ видѣ извѣстія (написаннаго рукой XIV столѣтія) о дарованіи Тынскаго двора Пражскому капитулу и о правилахъ, которыми руководились въ этомъ дворѣ. Такъ какъ дареніе совершилось въ эпоху князя Боривоя II — что и инымъ образомъ

---

1) Tomek, Dějepis města Prahy, I, стр. 23, 25, 28, гдѣ приводятся всѣ древнія извѣстія о теперешней Старогородской площади. Что касается Тынскаго двора, ср. тоже Křížek, Obchod starých Slovanů, въ журн. Osvěta 1880, стр. 642, Winter, Nová Česká Revue 1904, стр. 556, и Život v pražském ungeltě г. 1597, Časopis Čes. Musea 1899, стр. 14 и 105; Nietsche, Ministerialität, стр. 187, гдѣ упоминается о подобнаго рода гостинномъ дворѣ въ Verdun-ѣ, въ которомъ было «negotiatorum claustrum, muro instar oppidi exstructum». — Достойно вниманія, что въ грамотѣ короля Владислава отъ 1500 г. говорится о присутственномъ мѣстѣ въ ungelt-ѣ, къ которому «všecka ohrada a zavřenie *městečka Tejna* i s dvorem přieslušie». (Čelakovský, Sbirka pramenů práva městského v Král. Českém, I, стр. XXX.

удостовѣрено — то эту *цѣлую* запись относили къ году приблизительно 1101[1]). Тамъ въ заключеніи значится, что какой-то Radko далъ свидѣтельство — когда и гдѣ, объ этомъ не упоминается — въ присутствіи 15 лицъ, приведенныхъ большей частью только по имени (безъ фамиліи), въ числѣ которыхъ встрѣчаются два «presbyteri de sancta Maria in Praga» и «Iacobus *civis Pragensis*», — что князь Боривой II (1100—1107) подарилъ Пражской церкви (костелу) «curiam hospitum in medio civitatis Prage, et pondus et tynam et *judicium ad curiam pertinens*», для того, чтобы духовенство этой церкви получало оттуда подробно опредѣленные доходы. Помимо этого, къ записи присоединяются какія-то правила, которыми купцы, складывающіе въ Тынѣ свои товары, должны были руководиться, и которыя большей частью имѣютъ характеръ неоспоримой старины (напр. относительно взиманія части товаровъ in natura, какъ пошлины); но съ другой стороны, нѣкоторыя постановленія съ трудомъ можно согласовать съ нашими знаніями объ эпохѣ упомянутаго князя, такъ что нельзя намъ относить свидѣтельство Радка къ этой старой эпохѣ, но къ позднѣйшему времени, по отношенію къ которому содержаніе его не противорѣчитъ тогдашнимъ обстоятельствамъ.

Постановленіями, дающими поводъ къ сомнѣніямъ, мы считаемъ извѣстныя мѣста о судахъ, которымъ подлежатъ иностранные купцы и граждане. Въ записи значится: «Hospites conveniuntur coram *nostro judice*, cives ab hospitibus *coram richterio* vel camerario. Si quis in *civili jure* debet jurare solus, in *curia* jurat unus; si *ibi* ipse unus, in *curia* ipse XX-us unus, si *ibi* ipse XX-us unus, in *nostro jure* ipse LXXIII-us. — Si quis vulneratus aut qui vulnerat alium aut perniciosus quocunque modo fuerit in *curia*, non a *camerario* aut *richterio* aut ab alio quocunque invadiatur, deprehensus in fornicacione solvit LXXII marchas». Слѣдовательно, здѣсь устанавливается различіе между судомъ, въ который вызываются гости или иностранные купцы, кажется,

1) Erben, Regesta I, стр. 84; Jireček, Codex juris bohemici I, стр. 28.

въ спорныхъ дѣлахъ между собой или съ мѣстнымъ населеніемъ, и тѣмъ, который произноситъ тоже приговоры по поводу преступленій, совершенныхъ въ Тынскомъ дворѣ; этотъ судъ происходитъ «in curia» и называется также «*judicium ad curiam pertinens*». Такъ какъ, по словамъ записи, этотъ судъ былъ уступленъ Пражской церкви, то слѣдовало бы слова «in *nostro* jure» и «coram *nostro* judice» понимать собственно такъ, что Пражскій капитулъ назначалъ судью, который имѣлъ въ Тынѣ каузальную юрисдикцію. Но я считаю невозможнымъ, чтобы капитулъ пользовался когда бы то ни было правомъ подобнаго рода. Иностранные купцы стояли вездѣ подъ покровительствомъ государя и подлежали или его судебной власти, или суду ими самыми избираемыхъ старшинъ. И привиллегированный судъ въ Тынѣ могъ зависѣть только отъ князя или короля чешскаго, котораго вслѣдствіе того и надо имѣть въ виду при словѣ «*noster* judex» или «nostrum jus». Что касается капитула, то рѣчь могла заходить максимумъ о взиманіи части судебныхъ доходовъ, но не о чемъ-либо другомъ. Camerarius или richterius не смѣли преслѣдовать виновнаго во дворѣ; они не имѣли вслѣдствіе того никакой судебной власти во дворѣ. Но если дѣло касается особаго государева судьи въ Тынѣ, то постановленіе о немъ находится только въ косвенной связи съ остальнымъ содержаніемъ записи и, кажется, было заимствовано. При этомъ упоминается, что Тынскій дворъ находится «in *medio civitatis Prage*», въ числѣ свидѣтелей встрѣчается «civis Pragensis», и приводится еще другой судъ, въ который иностранные купцы, hospites, вызываютъ горожанъ, cives. Состязаніе гостей съ гражданами производится «in civili jure» или «coram richterio vel camerario», и предполагается, что уже тогда дѣйствовало начало «actor forum rei sequitur», которымъ руководились прежде всего въ судахъ духовенства. Говорится здѣсь, очевидно, о городскомъ судѣ, въ которомъ предсѣдательствуетъ рыхтарь или camerarius, а о судѣ такого рода не могла заходить рѣчь въ началѣ XII столѣтія. Да и терминъ «richterius», кажется, въ эту эпоху будетъ такимъ же анахронизмомъ, какъ «cives Pragen-

ses», какъ «civile jus» и «in medio civitatis». Въ виду того я полагаю, что свидѣтельство Радка, которое, впрочемъ, имѣетъ подозрительную таинственную форму, нельзя относить къ эпохѣ князя Боривоя II, но ко второй половинѣ XIII столѣтія или же къ первой половинѣ XIV столѣтія, когда уже несомнѣнно существовалъ городской судъ въ Старомъ городѣ, когда существовали пражскіе граждане, и когда Тынскій дворъ, послѣ сооруженія городскихъ стѣнъ, стоялъ въ срединѣ города[1]).

Причины же, почему дѣло дошло до составленія этого свидѣтельства въ формѣ столь архаистической, возможно объяснить изъ сохранившихся источниковъ о Тынскомъ дворѣ. Изъ нихъ видно, что Пражскій капитулъ дѣйствительно имѣлъ права на этотъ дворъ, хотя они не были точно опредѣлены, и что вслѣдствіе того онъ находился въ частыхъ спорахъ съ общиной Стараго города, которая не охотно видѣла привиллегированное положеніе двора со всѣмъ, что къ нему принадлежало. Капитулъ давалъ горожанамъ въ аренду доходъ двора и уступалъ имъ также дома, находившіеся во дворѣ, съ обязанностью уплаты ежегоднаго оброка, и вотъ община въ январѣ 1297 г. требовала отъ этихъ горожанъ и отъ капитула, чтобы горожане несли тягло общины и участвовали въ городскихъ повинностяхъ. Но король Вячеславъ II рѣшилъ въ 1298 г. споръ въ томъ смыслѣ, что община не въ правѣ требовать это. Горожане, которые держатъ въ арендѣ отъ капитула части двора Тынскаго, должны нести подати только

---

1) Терминъ richterius мы встрѣчаемъ въ чешскихъ источникахъ еще одинъ разъ: въ формулярѣ Генрика Италика изъ эпохи Вячеслава II, гдѣ «richterius et civitatis Pragensis cives» пишутъ королю «de invasionibus bonorum episcopalium» (Tadra, Věstnik Král. České Společnosti Nauk, 1889, стр. 115). Du Cange, Glossarium VII, стр. 186, знаетъ только «richtrones» какъ «judices seu assessores judicii» и приводитъ примѣръ отъ 1156 г.; привиллегію императора Фридриха I, пожалованную городу Вормсу, гдѣ значится: «Super integritate hujus pacis conservanda primos et praecipuos adjutores et consiliarios habere debetis, videlicet vicedominum, *richtrones*, scultetum, praefectum et judices de civitate». Слово richtrones употребляется здѣсь, повидимому, коллективно для обозначенія лицъ, которыя впослѣдствіи приводятся и которыя участвовали въ судѣ.

съ своихъ собственныхъ домовъ въ городѣ, но не съ домовъ въ Тынѣ, такъ какъ князь Боривой II подарилъ капитулу дворъ со *всѣми* доходами[1]). Въ этой грамотѣ короля не упоминается о свидѣтельствѣ Радка. Въ послѣдующіе годы община Стараго города пріобрѣла новыя права на извѣстный доходъ, взимаемый съ товаровъ, привозимыхъ изъ заграницы, и на разнаго рода пошлины, вслѣдствіе чего доходъ капитула, получаемый отъ Тынскаго двора, постоянно уменьшался[2]). Когда же въ 1348 г. былъ основанъ Новый Пражскій городъ, часть этого дохода перешла въ свою очередь къ общинѣ Новаго города. Въ 1351 г. совѣтъ Стараго города сдѣлалъ постановленіе о строгомъ надзорѣ за товарами, ввозимыми въ Тынскій дворъ (in den fronhof)[3]), что, вѣроятно, могло быть причиной того, что капитулъ, желая сохранить право на доходъ съ этого двора, по возможности неурѣзанное, выхлопоталъ у Карла IV 31 марта 1352 г. утвержденіе даренія князя Боривоя II, «prout hujusmodi donacio et concessio de ipsa curia et suis pertinenciis predictis prefate ecclesie facta in libris, registris et *breviariis* librorum ipsius Pragensis ecclesie continetur». Свидѣтельство Радка въ томъ текстѣ, какъ онъ сохранился въ упомянутомъ breviarium капитула, въ первый разъ повторяется буквально въ грамотѣ короля въ доказательство даренія Боривоя, но съ исключеніемъ замѣчанія, что оно исходитъ отъ Радка[4]). Карлу IV, слѣдовательно, не была

---

1) Emler, Regesta II, стр. 746, 779 и 865. О современныхъ спорахъ Пражскихъ горожанъ съ вышгородскимъ капитуломъ относительно права патроната надъ Тынской церковью см. Tomek, l. c. I, стр. 404. — Интересно, что и вышгородскій капитулъ въ 1298 г. имѣлъ притязанія къ Тыну; уступилъ именно члену и пробошту (пробсту, praepositus) Тынскому магистру Раполѣ госпиталь Тынскій. Рапола же въ свою очередь уступилъ на одинъ годъ нотаріусу Альберту «theloneum in Leta curia in civitate Pragensi ad idem hospitale pertinens ab antiquo una cum curia ejusdem hospitalis sita circa ecclesiam beate Marie in Thyn». (Loserth, Das St. Pauler Formular, 1896, стр. 57).

2) Čelakovský, Sbirka pramenů práva měst. I. стр. 19, 26, 31, 38, 177; II, стр. 357, 442, 443, 818; Winter, въ журналѣ Nová Česká Revue 1904, стр, 562.

3) Tomek, Základy starého mistopisu Pražského I, стр. 147.

4) Подлинникъ находится въ архивѣ капитула Пражскаго X. 4. — Грамоту

представлена на подтвержденіе дарственная грамота князя Боривоя, но одна запись, имѣвшаяся въ рукахъ капитула, о которой мы съ основаніемъ можемъ предполагать, что она была составлена съ тою цѣлью, чтобы капитулъ могъ успѣшно отстаивать свои права на Тынскій дворъ, и составитель которой воспользовался при этомъ, кажется, какими-то старинными записями, которыя онъ дополнилъ или измѣнилъ сообразно обстоятельствамъ, существовавшимъ до 1352 г. Вслѣдствіе того, конечно, нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что упомянутый въ этой грамотѣ judex noster или richterius — тождественныя лица съ judex Theutonicorum, и что нѣмецкая рыхта была перенесена къ Тыну уже въ эпоху князя Боривоя II или когда-нибудь позднѣе[1]). Встрѣчаются здѣсь особые судьи Тынскій и городской, которые существовали, вѣроятно, въ XIII вѣкѣ параллельно, при чемъ нѣтъ повода сомнѣваться въ томъ, что и въ древнѣйшее время существовалъ особый торговый судья въ Тынѣ. Для вопроса объ *основаніи* Стараго города Пражскаго Тынская грамота не имѣетъ, однако, никакой важности.

Теперь мы возвратимся къ торжищу Стараго города и къ извѣстіямъ, которыя дошли до насъ о немъ и о Пражскомъ городѣ изъ первой половины XIII стол. Они поразительно бѣдны, и скудость ихъ подтверждаетъ мнѣніе, что, если пропали частныя грамоты Пражскія, особенно тѣ, которыя происходили изъ времени до 1278 г., то и общинныя не находились въ лучшемъ состояніи.

Карла IV подтвердилъ и король Вячеславъ IV, въ Прагѣ 24 апрѣля 1384 (копія отъ 1501 г. хранится въ государственномъ архивѣ въ Вѣнѣ. Boh. № 1069).

1) Постановленіе Собѣславской привилегіи о нѣмецкомъ рыхтарѣ не служитъ вѣскимъ доказательствомъ, будто бы онъ былъ свободно избираемъ. Значится тамъ: «Plebanum, quem ipsi libenter elegerint ad ecclesiam eorum, concedo, et *judicem similiter*, et episcopus peticioni eorum nullomodo contradicat». (Sbírka pramenů práva městského I, стр. 1). Слова «et judicem similiter» — это, кажется, позднѣйшая вставка, такъ какъ епископъ не имѣлъ никакого отношенія къ должности рыхтаря, а фраза «quem ipsi libenter elegerint» относится только къ плебану, а не къ рыхтарю.

Въ грамотѣ 1212 г., въ которой король Премыслъ Оттокаръ I подтвердилъ и расширилъ церкви вышегородской ея права, значится: «Haec statuta praesentibus et futuris nota esse cupientes, in *foro* per fideles nostros Zlavconem magnum (summum camerarium), Cyrninum camerarium, Budivoj judicem curiae et Boguzlaum subcamerarium *publico preconio proclamari* jussimus». Въ corroboratio же грамоты приводится, что жалованіе совершилось «sub his testibus: — Blasey, *forensi judice*, Woyzla, Gogol, Hirdon, Reynhardo judice reginae, Boguzlao de *Praga*»[1]).

Эта грамота служитъ важнымъ свидѣтельствомъ о существованіи въ названную эпоху особаго торговаго судьи въ Пражскомъ посадѣ, который заодно съ епископомъ Даніиломъ, многими дворянами и нѣсколькими жителями Пражскими (de Praga) былъ приглашенъ королемъ въ свидѣтели даренія извѣстнаго дохода вышгородской церкви, — даренія, публично объявленнаго на торжищѣ пражскомъ въ присутствіи трехъ чиновниковъ казны и надворнаго судьи. Тотъ-же король Премыслъ Оттокаръ I воспрещаетъ въ 1222 г., въ общей утвердительной грамотѣ монастырскихъ привиллегій, *ne marescalcus noster junior* pauperes, in *foro vendentes res suas*, in aliquo audeat molestare, excepto, quod a quolibet homine panem, picam, milium et salem vendente, semel in septimana, scilicet VI feria, unum denarium vel aequipollens recipiat et non ultra»[2]). — Изъ этого мы узнаемъ, что на Пражскомъ торжищѣ — этого дѣло и касалось прежде всего — продавали съѣстные припасы также и люди подчиненные

---

1) Regesta I, стр. 243. Palacký счелъ, правда, тамъ же, стр. 624, эту грамоту подозрительной — безъ привденія причинъ, но издатель сборника грамотъ, касающихся чешской исторіи, Dr. Friedrich, послѣ тщательнаго изслѣдованія подлинника, увѣрилъ меня въ томъ, что нельзя сомнѣваться въ ея подлинности. — Что касается до объявленія на торжищѣ, то имѣется еще старшее указаніе въ другой грамотѣ вышгородской отъ 1187 г. — Regesta I, стр. 179.

2) Regesta I, стр. 302. — Раньше этого въ грамотѣ жалованной въ 1220 г. монастырю бревновскому мы читаемъ: *Et marscalcus noster junior* in *foro Pragensi* vel alias racione beneficii sui pauperes Brevnovienses, ecclesie, res suas vendentes, in nullo audeat molestare» (Reg. I, стр. 291).

монастырямъ, у которыхъ *младшій маршалекъ* взималъ въ пятницу 1 денаръ, или часть съѣстныхъ припасовъ стоимостью въ 1 денаръ, имѣя, повидимому, и въ другомъ отношеніи наблюденіе надъ базаромъ. Вслѣдствіе того въ упомянутую эпоху въ дѣлахъ торговыхъ дѣйствовали еще *особые чиновники короля*, торговый судья и младшій маршалекъ, навѣрно подъ надзоромъ чиновниковъ казны, тогда какъ нѣсколькими десятилѣтіями позднѣе мы видимъ, что въ этой области дѣйствуютъ городской рыхтарь и представитель городской общины. Грамота 1212 г. интересна сверхъ того и тѣмъ, что нѣсколько жителей «de Praga»— большей частью чешской народности встрѣчается въ числѣ свидѣтелей въ королевской грамотѣ, что служитъ доказательствомъ того, что эти жители съ торговымъ судьею Блажеемъ во главѣ стали участвовать въ публичныхъ дѣлахъ. Подобнымъ образомъ въ началѣ правленія Вячеслава I въ 1231 г., встрѣчаются въ грамотѣ аббата Осецкаго монастыря между свидѣтелями «Sigfridus Pucazicz *de Praga* et filius ejus et alii quam plures»[1]); въ 1233 г. король Вячеславъ I датируетъ одну грамоту «*in civitate Pragensi*», хотя въ другихъ грамотахъ отъ этихъ лѣтъ употребляется для замка названія «Prage» или «apud Pragam», тоже «in urbe Praga»[2]), и отъ 1234 г. сохранился текстъ очень важной для нашего вопроса грамоты, датированной «apud Pragam», которою король Вячеславъ I, по просьбѣ своей матери, королевы Констанціи, и сестры Агнесы, освобождаетъ 29 марта «Reynardum magistrum, *civem Pragensem*, et liberos ejus, *ab omni exactione*, specialem graciam *extra ordinem suorum concivium* secum facientes». Между свидѣтелями этой грамоты приводятся «*Sifridus judex*, Conradus cum socio suo Olrico Plazensi, Persic, Sifridus filius Wrovini et alii quam plures»[3]). Упомянутый въ

1) Reg. I, стр. 363.

2) Regesta I, стр. 387; ср. стр. 265, 316, 322, 622, 339, 358, 376, 390, 391, 396, 397, 401 и 411. Только въ 1214 и 1229 гг. мы читаемъ «in urbe Praga», т. е. въ замкѣ Пражскомъ (Reg. I, стр. 258 и 347). Ср. тоже Fontes rerum bohem. II, стр. 136, 209, 234, 261.

3) Palacký, Formelbücher I, стр. 299; Reg. I, стр. 391.

грамотѣ magister Reynardus, гражданинъ Пражскій, который состоялъ, какъ кажется, въ 1212 г. судьею королевы, и которому дается свидѣтельство въ томъ, что онъ оказывалъ вѣрныя службы сестрѣ короля Агнесѣ, освобождается здѣсь королемъ отъ всѣхъ пошлинъ, которыя платили его сограждане; рыхтарь Зифридъ рядомъ съ другими, повидимому, согражданами свидѣтельствуетъ объ этомъ освобожденіи. Считаю несомнѣннымъ, что этотъ Зифридъ—первый намъ извѣстный *judex Pragensis*, городской рыхтарь, у котораго были судебныя и административныя полномочія по отношенію къ гражданамъ, считаю даже вѣроятнымъ, что онъ—тождественное лицо съ упомянутымъ выше Зифридомъ Пугашичемъ изъ Праги 1231 г., о которомъ Томекъ сдѣлалъ замѣчаніе, что его фамилія «имѣетъ, очевидно, чешскую форму»[1]).

То обстоятельство, что онъ приводится просто, какъ судья (judex), правда, бросается въ глаза; но, по моему мнѣнію, оно не можетъ объясниться тѣмъ, что будто бы этотъ Зифридъ былъ раньше *нѣмецкимъ* судьею въ Порѣчьѣ и будто бы онъ переселился съ своей рыхтой въ средину Пражскаго посада — вѣдь, нѣтъ никакихъ доказательствъ этого—но оно объясняется тѣмъ, что годъ 1234 былъ, вѣроятно, еще переходнымъ годомъ, когда торговое поселеніе преобразовалось въ городъ и когда только вслѣдствіе того judex forensis становился и судьею городскимъ. По этой причинѣ, кажется, онъ обозначается просто какъ judex. Что въ это время дошло до таковаго преобразованія торговаго поселенія въ городскую общину, до организаціи этой общины и вообще до систематическаго *основанія* Стараго города и пожалованія ему городскаго права, то вѣскимъ доказательствомъ этого служатъ «*concives*», *сограждане*, которые по жалованной грамотѣ составляли союзъ, который взималъ и вручалъ королю отъ своихъ

---

1) Dějepis města Prahy I, стр. 173. Этому противорѣчитъ, когда Томекъ, l. c. стр. 174, думаетъ, что judex Зифридъ былъ «первый извѣстный *нѣмецкій* рыхтарь въ Прагѣ».

членовъ exactionem, пошлины. Что это происходило съ цѣлями общественными и по опредѣленнымъ правиламъ, принятымъ гражданами (juxta ordinem civium), это мы ясно видимъ. Гдѣ же встрѣчаются въ это время *concives Pragenses*, тамъ — и *civitas Pragensis*, Пражскій городъ, о существованіи котораго въ этомъ, а, можетъ быть, и въ предшествующемъ году, мы имѣемъ, слѣдовательно, первыя надежныя извѣстія. Если же въ извѣстной уже грамотѣ короля Іоанна 1315 г. говорится о «*prima fundatio* Majoris *civitatis* Pragensis», то это первое основаніе города и вмѣстѣ съ тѣмъ пожалованіе ему нюренбергскаго права могло совершиться или въ началѣ 1234 г. или въ одномъ изъ предыдущихъ лѣтъ въ эпоху правленія короля Вячеслава I, но не послѣ 1234 г. Если Зифридъ Пугашичъ тождественное лицо съ рыхтаремъ Зифридомъ, то это могло произойти только послѣ 1231 г., такъ какъ Пугашичъ не называется еще civis, но только «de Praga». Такимъ образомъ мы получаемъ достовѣрное время основанія общины Стараго города Пражскаго въ 1232—1234 г. Надѣленіе городскимъ правомъ сложившейся Пражской общины не могло имѣть другаго значенія, какъ возвышеніе ея въ городъ и признаніе за ней привиллегированнаго положенія въ дѣлахъ судебныхъ и торговыхъ и предоставленіе ей извѣстнаго самоуправленія въ городскихъ дѣлахъ, чѣмъ пользовались граждане, или временные ихъ представители, по примѣру города Нюренберга. Самоуправленіе, которымъ пользовались тогда нюренбергскіе граждане, было сравнительно меньше, чѣмъ автономія, полученная, напр., гражданами епископскаго города Регенсбурга, съ которыми Нѣмцы на Порѣчьѣ, навѣрно, въ XII стол. находились въ торговыхъ сношеніяхъ[1]). Пражскому городу не доставало только обнесенія стѣнами, но и къ этому было приступлено въ первые годы правленія короля Вячеслава I. Объ этомъ королѣ мы читаемъ въ лѣтописи, что съ теченіемъ времени, когда уже умеръ отецъ его Премыслъ (1230), онъ обнесъ

1) Sbírka pramenů práva městského I, стр. XVI, замѣч. 26.

Пражскій городъ стѣнами и велѣлъ укрѣпить деревянными или каменными стѣнами другія торговыя деревни, которыя-де въ обыденномъ языкѣ называются городами, принуждая и духовныхъ къ сооруженію стѣнъ и рвовъ тѣхъ городовъ[1]). Лѣтописцу было, повидимому, хорошо извѣстно различіе между Пражскимъ городомъ и торговыми поселеніями, которыя народъ называлъ городами, хотя они городами еще не были. Для него городомъ было огражденное торговое поселеніе; подобно тому и въ канцеляріи королевской въ это время еще дѣлалось упомянутое различіе, такъ какъ выраженіе civitas перестало употребляться для обозначеніе замка (castrum, castellum), а обозначало только городъ[2]).

Обнесеніе Пражскаго города стѣнами, требуя значительныхъ матеріальныхъ средствъ, не совершилось, навѣрно, въ непродолжительное время; оно тоже не происходило, кажется, вездѣ на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ впослѣдствіи стояли стѣны, ворота и башни Стараго города. Но какъ только сложилась городская община, король и граждане заботились, естественно, объ опредѣленіи (городскихъ) границъ по отношенію къ окрестностямъ или предмѣстіямъ и объ окруженіи города стѣнами. Они должны были при этомъ выкупать многія земли, изыскивать средства на сооруженіе стѣнъ и на внутреннее устройство торжища и города, при

---

1) Значится тамъ: «Igitur rex Wenceslaus anno primo et pluribus annis regni sui clerum multum dilexit. Procedente autem tempore, patre suo jam viam universae carnis ingresso, *civitatem Pragensem* fecit murari, et alias villas forenses, quae juxta vulgare nostrum dicuntur civitates, muniri praecepit lignis vel lapidibus, compellens religiosos et seculares clericos ad earundem civitatum munitates vel fossata construenda». (Fontes rerum boh. II, стр. 303). Тамъ же подъ 1253 г. мы читаемъ: «eodem anno civitas Pragensis murata est versus aquilonem et occidentem», что относится, вѣроятно, къ *новому* позднѣйшему сооруженію стѣнъ. Tomek, l. c. I. стр. 175, замѣчаетъ, что «годъ этого сооруженія неизвѣстенъ, что только по нѣкоторымъ обстоятельствамъ можно предполагать, что это сооруженіе не совершилось гораздо позднѣе. Предполагаю, что въ направленіи къ теперешнему Новому Городу надо различать сооруженіе стѣнъ въ два срока: около 1234 г., и въ 1253 г.

2) Кажется, что слово «civitas» употребляется для обозначенія замка послѣдній разъ въ 1235 г. (Reg. I. стр. 415).

чемъ доходило, кажется, до заселенія и продажи отдѣльныхъ участковъ свободной королевской земли, изъ которой лишнія площади и улицы становились общинными землями. Король одинъ за недостаткомъ доходовъ не могъ нести всѣ издержки безъ содѣйствія гражданъ и смотрѣлъ вообще на организацію городской общины и на надѣленіе ея городскимъ правомъ съ точки зрѣнія преимущественно своего хозяйственнаго интереса. Вслѣдствіе того граждане ужъ въ 1234 г. производили между собой сборъ, вслѣдствіе того они имѣли ужъ, очевидно, общую кассу, и вслѣдствіе того король, который по отношенію къ городу еще въ XIII вѣкѣ черезъ чиновниковъ казны простиралъ большую юрисдикцію, могъ выдающагося гражданина, который принадлежалъ раньше къ придворной дружинѣ, освободить отъ участія въ повинностяхъ.

Получивъ такимъ образомъ твердую почву для отвѣта на вопросъ, когда былъ основанъ Старый городъ, и когда было ему пожаловано нюренбергское право, мы имѣемъ возможность составить себѣ надежное сужденіе о содержаніи какъ подтвержденія привилегіи Нѣмцевъ Пражскихъ, пожалованной имъ королемъ Вячеславомъ I, такъ и грамоты 1265 г., которая относится къ новому городу окола Св. Галла.

Существуетъ общераспространенное мнѣніе, что подтвержденіе привиллегій Нѣмцевъ совершилось въ первые годы правленія кор. Вячеслава I, такъ какъ въ немъ не упоминается еще о Пражскомъ городѣ; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что его просили, правда, не «cives Pragenses», но все таки «Theutonici *Pragenses, cives nostri*», слѣдовательно и нѣкоторые, можетъ быть, члены городской общины Пражской, и по тому можно согласиться съ тѣмъ, что, пожалуй, незадолго до 1234 г. Нѣмцы получили утвержденіе правъ, «que a prima ipsorum vocacione in Boemiam obtinere per principes meruerunt». При этомъ король, одобривъ «libertas», которой они до тѣхъ поръ пользовались, даетъ имъ три новыя привиллегіи, которыя именно во время основанія Пражскаго города могли имѣть для нихъ значеніе. При каждомъ

юридическомъ правилѣ надо искать причину его введенія, такъ и здѣсь умѣстенъ вопросъ относительно ratio legis. Король Вячеславъ I разрѣшаетъ нѣмецкимъ пражскимъ гражданамъ, чтобы они и впредь свободно владѣли землями, купленными или сдаваемыми имъ въ оброкъ, или подаренными имъ королями (possessiones emptas vel expositas seu a principibus eis collatas), которыми они владѣютъ въ теченіи трехъ лѣтъ и трехъ дней безъ заявленія претензіи съ какой бы то ни было стороны — безразлично, находятся-ли эти земли въ посадѣ или въ деревняхъ (seu in suburbio sive in villis); чтобы по отношенію къ Нѣмцамъ пражскимъ никто не прибѣгалъ къ самоуправству, не нападалъ и не разрушалъ ихъ жилища въ томъ случаѣ, если бы они какимъ нибудь образомъ провинились, но чтобы каждый судился съ ними передъ королемъ или коморникомъ (о нѣмецкомъ рыхтарѣ не упоминается), и наконецъ чтобы Нѣмцы были освобождены отъ всѣхъ земскихъ повинностей, которыя несутъ остальные жители земли, равно какъ и отъ подати, называемой миромъ[1]).

Спрашивается, почему Нѣмцы нуждались тогда въ такихъ привиллегіяхъ? Почему же король Вячеславъ I утверждаетъ за ними владѣніе недвижимостями въ формѣ столь торжественной, какъ будто-бы у кого-то было намѣреніе лишить ихъ владѣнія? И почему король отказывается отъ права на «tributum, quod mir vocatur, et alias exacciones»? Можно допустить, что дарованіе этихъ новыхъ привиллегій, по крайней мѣрѣ, частью было въ связи съ задуманнымъ или же съ уже производимымъ тогда основаніемъ Стараго города. Вопросъ о пріобрѣтеніи этихъ привилегій за деньги мы оставляемъ въ сторонѣ. Мы имѣемъ достаточно доказательствъ, что при основаніи городовъ совершались многія несправедливости. Извѣстно, что и у монастырей отнимались земли, и что только впослѣдствіи они получали вознагражденіе за убытки, что на Малой Сторонѣ (пражской) мѣстные жители были прогнаны изъ посада, и ихъ земли были уступлены нѣмецкимъ колонистамъ. Извѣстно,

1) Sbírka pramenů práva městského I, стр. 4.

что постройка городскихъ стѣнъ (ср. русс. градодѣланіе, городовое дѣло) была «земской работой» (земскимъ издѣліемъ), и что и монахи и бѣлое духовенство были принуждаемы нести ее. У нѣмецкихъ гражданъ, слѣдовательно, было довольно причинъ опасаться, что при основаніи городовъ будутъ поступать съ ними и съ имуществомъ ихъ произвольно, и что послѣ основанія городовъ привилегіи ихъ лишатся силы для тѣхъ изъ нихъ, которые останутся въ предмѣстьѣ или гдѣ-нибудь внѣ города. Вслѣдствіе того во время основанія Стараго города они добились, кажется, подтвержденія древнихъ и дарованія новыхъ привиллегій, чтобы обезпечить себѣ личную и имущественную безопасность, чтобы получить освобожденіе отъ издѣлій и податей, особенно отъ древней пошлины «миръ», поступающей въ казну, имѣвшей характеръ подушной подати, и чтобы принимать участіе только въ тѣхъ сборахъ, на которые они сами согласятся. Не менѣе важно было для нихъ обезпеченіе права собственности и эмфитевзиса къ земельнымъ участкамъ, которые они пріобрѣли или хотѣли пріобрѣсти въ городѣ или въ другомъ мѣстѣ въ посадѣ или въ деревняхъ, и сохраненіе свободнаго положенія особенно своего Порѣчьскаго поселенія, которое послѣ основанія города становилось предмѣстьемъ и могло легко попасть въ подчиненное положеніе, напр. по отношенію къ монастырю ордена Крестоносцевъ съ красной звѣздой. Слѣдовательно, то, что *остальные* граждане — навѣрно населеніе мѣстное и пришлое вновь изъ заграницы — могли защитить посредствомъ организованной общины и въ силу пожалованнаго городскаго права, т. е. свободу имущества и лица, то они желали имѣть подтвержденнымъ и письменно. Потому можно смотрѣть на ихъ привиллегію, какъ на доказательство того, что и при основаніи Стараго города обращали на нихъ вниманіе, что даже вели съ ними переговоры относительно условій, при которыхъ они были готовы содѣйствовать основанію города. Въ постановленіи объ уничтоженіи мировой подати можно тоже видѣть нѣкоторое объясненіе, почему въ Пражскихъ городахъ не платились съ гражданскихъ недвижимостей наслѣдствен-

ные ежегодные оброки въ казну, какъ въ другихъ королевскихъ городахъ. Граждане, повидимому, пріобрѣли эти недвижимости отъ королей въ собственность. Нѣмецкая привиллегія касалась, слѣдовательно, интересовъ и одной части Пражскихъ гражданъ, которыхъ, впрочемъ, съ начала не было много; но несмотря на это, мы снова повторяемъ, она не была учредительной грамотой Стараго города.

Этотъ городъ, основанный въ тѣсныхъ предѣлахъ, нуждался, кажется, въ расширеніи, къ чему принуждали какъ потребности усиливающейся торговли, такъ и интересы прихожихъ колонистовъ, которыхъ, кажется, первоначальное гражданское общество не особенно охотно принимало. Это повело къ основанію новаго торжища и города около церкви св. Галла (quum nova civitas circa Gallum — magnifice est constructa) еще въ правленіе короля Вячеслава I и при содѣйствіи минцмейстера Эбергарда и его друзей, которые «construccionis ipsius nove civitatis pars maxima exstiterunt». Новооснованному городу король пожаловалъ, вѣроятно, въ общихъ словахъ всѣ привиллегіи и права, которыми пользуются другіе королевскіе города [1]). Время основанія этого *Новаго* города неизвѣстно, но дѣло дойти могло до него только послѣ 1234 г., когда рядомъ съ нимъ существовалъ уже *старый* городъ, и конечно до смерти короля Вячеслава I, въ 1253 г. Если мы разсмотримъ всѣ извѣстія о событіяхъ 1248 и 1249 гг., то мы можемъ осмѣлиться высказать, по крайней мѣрѣ, предположеніе, что основаніе новаго города могло быть въ связи съ ними. Тогда во время мятежа Премысла Оттокара противъ его отца Вячеслава I и граждане Пражскіе дѣлились на партіи, и, по извѣстію лѣтописца, въ

1) «Institutis in ea juribus et libertatibus universis, quibus *aliae civitates regni nostri* solitae sunt gaudere». (Sbírka práv měst. I, стр. 720) Какія права имѣлись въ виду, на это показываетъ грамота короля Премысла Оттокара II, пожалованная въ 1263 г. «civitati in Latomysl», «quod civitas *jure fori, jure civili, jure judicii* ceterisque juribus ac libertatibus gaudeat, quibus civitas nostra Grecz et alie civitates nostre per regnum Boemie sunt contente (Regesta II, стр. 160).

1248 г. многіе дома въ городѣ сгорѣли[1]). Городъ, который находился во власти Премысла Оттокара, вслѣдствіе измѣны нѣкоторыхъ Пражскихъ гражданъ, былъ взятъ войскомъ короля 5 августа 1249 г., и когда 16 августа отецъ съ сыномъ помирились и сдѣлали постановленіе о утвержденіи мира и лучшаго порядка въ странѣ (de reformacione pacis et statu terrae), то они вмѣстѣ даровали и гражданамъ города Иглавы и другихъ горнозаводскихъ городовъ, которые принимали участіе во взятіи Пражскаго замка, значительныя права, которыя считались привиллегіями, пожалованными цѣлому городскому сословію[2]). Вѣроятно, тогда велись подробные переговоры между Вячеславомъ I и его сыномъ о городскихъ дѣлахъ, и при этомъ, кажется, подверглись разбору и отношенія Пражскаго города, который измѣнилъ королю и былъ взятъ. Управленіе городомъ попало въ руки вѣрнаго королю рыхтаря, и часть гражданъ, которая вѣрно держалась короля, могла получить вознагражденіе, состоящее въ томъ, что ей позволено было имѣть своихъ представителей, которые, по примѣру иглавскому, стали называться *jurati*, присяжными или присягою обязанными королю гражданами, тогда какъ въ Нюренбергѣ въ это время только шультгейсъ съ шеффенами отправлялъ правосудіе, и до учрежденія должности консуловъ дошло только впослѣдствіи. Къ партіи, вѣрной королю, принадлежалъ и Эбергардъ съ своими друзьями, которымъ вслѣдствіе того въ награжденіе позволено было основать новый городъ около св. Галла, который получилъ особое торжище съ своимъ, кажется, рыхтаремъ и присяжными, и который, навѣрно, соперничалъ съ городомъ старымъ. Доказательствомъ является то обстоятельство, что новому городу было даровано не право города Пражскаго, не право нюренбергское, которое тогда не могло еще считаться гарантіей развитаго городскаго самоуправленія, но права, которыми пользуются *другіе королевскіе города*, что могло быть

1) «Multae domus in civitate Pragensi combustae sunt». (Fontes II, стр. 286).

2) Tomek, Dějepis m. Prahy I, стр. 184 и послѣд.; Fontes II, стр. 305 и 307; Sbírka práva měst. II, стр. 7.

намекомъ на привиллегіи, пожалованныя Иглавѣ и другимъ городамъ. Въ которомъ году этотъ новый городъ около св. Галла соединился съ городомъ старымъ, этого мы не знаемъ. Въ грамотѣ 1265 г., правда, даруются новыя права его гражданамъ; но это, кажется, еще не можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ того, что эта городская община существовала до того времени независимо. Эбергардъ или Эберлинъ приводится въ грамотѣ 1253 г. въ числѣ свидѣтелей, какъ monetarius и civis Pragensis [1]), что допускаетъ такое толкованіе, что онъ уже тогда состоялъ членомъ городской общины Пражской, соединеніе которой съ общиной около св. Галла, слѣдовательно, могло совершиться до этого года. И послѣ соединенія обоихъ городовъ при церкви св. Галла осталось большое торжище, т. наз. novum forum, и бывшій городъ перемѣнился въ приходъ, который имѣлъ и впослѣдствіи своихъ старшинъ [2]), чѣмъ объясняется то, что грамота короля Премысла Оттокара II, въ которой минцмейстеру Эбергарду и его согражданамъ разрѣшалось «habere salas», хранилась въ приходѣ св. Галла [3]).

Слѣдовательно, въ 1249—1253 гг. новая община около св. Галла соединилась въ одну городскую общину съ первоначальнымъ Пражскимъ городомъ, который до 1253 г. со всѣхъ сторонъ былъ обнесенъ общими стѣнами. Это соединеніе совершилось, кажется, такимъ образомъ, что члены новой общины были приняты въ общество главнаго города и подчинены власти его городскаго рыхтаря и его городскому праву, которое въ это время еще большей частью было въ согласіи съ правомъ нюренбергскимъ, за исключеніемъ формы городскаго представительства. Такимъ образомъ названіе *новаго* города этимъ уничтожилось и могло въ 1257 г. перейти на вновь основанный городъ на Малой Сторонѣ (nova civitas sub castro Pragensi) [4]).

---

1) Regesta I, стр. 611.
2) Tomek, Dějepis města Prahy I, стр. 232, II, стр. 28.
3) Sbírka práv městských I, стр. 721.
4) Sbírka I, стр. LIII.

Во время короля Премысла Оттокара II, Пражскій городъ, впослѣдствіи Старый Городъ, имѣлъ ужъ одно устройство. Во главѣ его стоялъ *judex Pragensis* или *judex civitatis Pragensis*, гражданинъ, которому городская рыхта была сдаваема королемъ въ аренду на одинъ или больше годовъ, и который совокупно съ присяжными гражданами (jurati cives, jurati) [1]), избиравшимися на болѣе продолжительные сроки времени, вѣроятно, рано уже имѣлъ полномочія судебныя и административныя. Засѣдали-ли въ его судѣ только эти jurati или избирались для этой должности, по примѣру Нюренберга, съ теченіемъ времени особые кметы (шеффены, scabini), это остается относительно XIII стол. сомнительнымъ. Бросается, правда, въ глаза, что въ источникахъ нашихъ имена jurat-овъ приводятся только съ 1279 г., послѣ паденія Оттокара, въ количествѣ 11—15 человѣкъ [2]), хотя мы

---

1) Въ грамотѣ жалованной королемъ Премысломъ Оттокаромъ II, въ 1254 г., евреямъ постановляется: «Si Judei inter se discordiam moverint aut gwerram *judes civitatis nostre* nullam sibi jurisdiccionem vindicet in eosdem; sed rex aut dux aut summus terre vel regni camerarius judicium exercebit». (Sbirka I, стр. 6).— Самый древній извѣстный рыхтарь соединенной общины Пражской во время короля Вячеслава I, — это *Chunradus judex Pragensis*, о которомъ упоминается въ 1260 г., и который, вѣроятно, еще и въ 1264 и 1265 г. занималъ свою должность; позднѣе встрѣчаются: въ 1279 г. «*Michael quondam* judex et alii quam plures cives Pragenses, въ 1282 г. «*Wrovinus* judex, jurati et universitas civium civitatis Pragensis», въ 1288 г. «*Wolframus* judex Pragensis (in judicio Prage Wolframo existente judice atque presente judicie in presencia juratorum et aliorum civium)», въ 1296, 1303 и 1304 гг. *Franciscus* judex, jurati et cives (или cives jurati) civitatis Pragensis; въ 1301 и 1302 гг. *Heinricus* judex et jurati cives civitatis Pr., въ 1306 г. *Fridericus* judex—cives jurati civ. Prag. (Sbirka II, стр. 51, Reg. II, стр. 104, 182, 205, 502, 555, 626, 627, 736, 812, 853, 865, 906, 1207, 1210).—Преемниковъ ихъ приводитъ Томекъ I, стр. 607. Во время короля Вячеслава II. въ одномъ формулярѣ говорится, что даруется на одинъ годъ «judicatus officium in civitate Pragensi» съ правомъ «in *quolibet*, quibus expedit, jus dicendi» (Reg. II, стр. 1046), и въ 1287 г. король Вячеславъ II постановляетъ: «quod judex Pragensis causas omnes determinet et judicet *secundum jus civitatis* et *de consilio juratorum civitatis* (Sbirka I, стр. 726).

2) Ср. списки ихъ у Томка I, стр. 607 и въ Regesta II, стр. 1383. Изъ эпохи короля Премысла Оттокара II мы имѣемъ только нѣкоторыя указанія на существованіе городскаго совѣта. Въ грамотахъ на право откупа и пробировки монеты въ Чехіи упоминается о cives jurati и jurati civitatis Pragensis (Reg. II, стр. 1014, 1018), и Томекъ видитъ l. c. I, стр. 268, справедливо самое древнее

едвали можемъ сомнѣваться въ томъ, что Пражскіе граждане имѣли своихъ представителей уже раньше — по крайней мѣрѣ, въ 1258 г.[1]). Несмотря на то, само названіе и то обстоятельство, что во время Премысловичей употребляется для нихъ названіе только исключительно *consules*[2]), свидѣтельствуютъ о томъ, что компетенція ихъ была съ начала ограничена, тогда какъ власть чиновниковъ королевской казны и власть городскаго рыхтаря были въ то время очень значительны, что извѣстно и изъ другихъ источниковъ[3]). Рядомъ съ присяжными гражданами встрѣчаются *старшины общины* (cives seniores, majores, potio-

---

указаніе на нихъ. Эти cives jurati появляются въ Прагѣ первый разъ въ то время, когда упомянутый Эбергардъ былъ минцмейстеромъ въ Чехіи, именно въ 1258—1265 гг. (Reg. II, стр. 78, 79, 81, 111, 119 и 1018) и когда онъ имѣлъ трехъ товарищей, съ которыми совокупно взялъ отъ короля въ откупъ чеканку монеты въ Чехіи. Въ 1275 г. упоминается о немъ какъ объ умершемъ, тогда какъ онъ до смерти своей держалъ на откупѣ чеканку монеты въ Моравіи (Reg. II, стр. 411, 580, 808 и 1015). Въ извѣстномъ постановленіи сейма, которое относятъ къ 1266 г., говорится, что человѣкъ, лишенный гражданскихъ правъ (proscriptus), королю «*per civitatum consules* adjudicabitr in persona et rebus suis» (Reg. II, стр. 207); но дата этого постановленія не надежна. Въ такъ называемомъ Старопражскомъ правѣ короля Премысла Оттокара II, отъ 1263 г. (der Prager recht, das Kunic Ottacker gegebin hat) говорится о рыхтарѣ, 12 присяжныхъ (gesworne, czwelf in der stat) и о совѣтѣ шеффеновъ (der scheppin rat), но происхожденіе этого памятника до сихъ поръ не объяснено (Rössler, Über die Bedeutung u. Behandlung der Geschichte des Rechts in Oesterreich, X, XI, XIII, XIX, XXI, XXV). Только послѣ изданія источниковъ нюренбергскаго права, надъ которымъ директоръ городскаго архива въ Нюренбергѣ Мумменгофъ давно работаетъ, будетъ возможно опредѣлить отношеніе этого источника къ нюренбергскому праву.

1) *Jurati* встрѣчаются въ Оломуцѣ уже въ 1240 г., въ Брнѣ въ 1243 г., въ Иглавѣ въ 1249 г. (Regesta I, стр. 466, 506, 509, 566 и 605).

2) *Consules* мы находимъ (кромѣ постановленія сейма отъ 1266 г.) въ грамотѣ короля Рудольфа отъ 1280 г. «judicibus, *consulibus* et civium universitatibus Prage et aliarum civitatum regni Bohemie» (Regesta II, стр. 526); въ чешской лѣтописи, гдѣ мы подъ 1282 г. читаемъ: «congregati sunt itaque omnes *consules* et majores civitatis Pragensis» (Fontes II, стр 361); въ привилегіи кор. Вячеслава II, данной городамъ въ 1285 г., говорится, что имена лицъ, лишенныхъ гражданскихъ правъ (proscriptorum) слѣдуетъ объявить «per universas civitates judicibus et *consulibus*» (Sbírka práv městských I, стр. 14) и въ 1297 г. «judices, *consules* et jurati cives civitatis Pragensis» (Roessler l. c., стр. 171).

3) Sbírka práv městských I, стр. XIV. Ср. тоже Loserth, l. c. I, стр. 32 и 76.

res)[1]), которые принадлежатъ къ городскому патриціату; къ нимъ причисляются особенно бывшіе члены городскихъ совѣтовъ. Наконецъ, городская община начинаетъ называться communitas, universitas, собираясь въ главной городской церкви св. Николая на торжищѣ[2]), пользуется собственной печатью, кромѣ печати рыхтаря, она имѣетъ, слѣдовательно, и свой гербъ, пожалованный ей королемъ, и намѣревается уже въ 1296 г. купить, съ разрѣшенія короля, ратушу, въ которой бы присяжные и граждане разбирали тяжбы и дѣла общины, и гдѣ бы писарь городской имѣлъ постоянное мѣстопребываніе и могъ служить общинѣ составленіемъ грамотъ, веденіемъ городскихъ книгъ и другимъ образомъ[3]). Такимъ образомъ община Пражскаго города является во второй половинѣ XIII стол. автономной организованной общиной, представители которой уже въ 1281 г. призываются въ сеймы[4]), и которая, пріобрѣтая новыя права, постоянно старается усовершенствовать свободныя общинныя учрежденія.

Проф. Яромиръ Челяковскій.

---

1) Tomek, l. c. I, стр. 271.

2) Sbírka práv městských I, стр. 16. Ср. тоже Tadra въ Věstnik-ѣ Král. České Společnosti nauk 1889, стр. 99.

3) Sbírka práv městských I, стр. 15, 19, 722; Tadra, l. c., стр. 97, 98, 102, 105.

4) Anno 1281 Otto marchio Bramburiensis celebravit colloquium cum Thobia, episcopo Pragensi, et nobilibus terrae, militibus, baronibus necnon *civibus munitarum civitatum* (Fontes II, стр. 353).

ΣΥΜΒΟΛΗ
ΕΙΣ ΤΗΝ ΙΣΤΟΡΙΑΝ ΤΗΣ ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΗΣ ΑΧΡΙΔΟΣ.

Τὰ ἑπόμενα ἔγγραφα, ἔχοντα σχέσιν ἄμεσον πρὸς τὴν ἱστορίαν τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Ἀχρίδος ἐν τῷ δεκάτῳ καὶ τρίτῳ αἰῶνι, παραλαμβάνονται καὶ ἐκδίδονται ἐκ τοῦ ἐν τῇ Αὐτοκρατορικῇ Δημοσίᾳ Βιβλιοθήκῃ Πετρουπόλεως ἐξαιρέτου κώδικος Ἰσαὰκ τοῦ Μεσοποταμίτου [1]).

Τὸ πρῶτον αὐτῶν, εὑρισκόμενον μεταξὺ τῶν φύλλων 71^{b}—72^{a}, παριστᾷ πρᾶξιν συνοδικὴν τοῦ Δημητρίου Χωματιανοῦ, ἀρχιεπισκόπου Ἀχρίδος, περὶ τῆς μεταξὺ τῶν ὁμοζύγων Μαρίας Ὀψικιάνου καὶ Θεοδώρου Μακρεμβολίτου διαφορᾶς διά τι συμβόλαιον προικῷον, ὅπερ ὁ Θεόδωρος ἐν ἀγνοίᾳ τῆς Μαρίας ἀποδημούσης ἐξέθετο πρὸς ὄφελος τῆς ἀδελφῆς αὐτῆς Ἑλένης. Τῆς πράξεως ταύτης τὸ κύριον μέρος εἶναι μὲν ἤδη γνωστὸν ἐκ τοῦ ἐν Μονάχῳ κώδικος τῶν κανονικῶν τοῦ Χωματιανοῦ γραμμάτων [2]), ἀλλ' ἐν τῷ κώδικι Μεσοποταμίτου ἔχομεν αὐτῆς ἀντίγραφον ἐκ τοῦ πρωτοτύπου τέλειον, δυνάμενον οὕτω νὰ φανερώσῃ καὶ τὸν χρόνον καθ' ὃν ἡ πρᾶξις ἐγένετο, καὶ τὸν τόπον ἐν ᾧ συνετάχθη, καὶ τοὺς μετασχόντας τῆς ἐξετάσεως τῆς ἐν αὐτῇ τῇ πράξει ἐκτιθεμένης ὑποθέσεως. Οὕτως ἐκ τοῦ προλόγου μανθάνομεν, ὅτι ἡ περὶ τῆς ὑποθέσεως ταύτης συνοδικὴ συζήτησις

1) Φέρει τὸν ἀριθμὸν 250. Ὅρα περὶ τοῦ κώδικος τούτου В. Г. Васильевскій, Описаніе Порфиріевскаго сборника византійскихъ документовъ. СПБ., 1885.

2) I. B. Pitra, Analecta sacra et classica. Parisiis 1891, τ. 6, σ. 225—228.

τοῦ Δημητρίου ἐγένετο ἐν τῷ καθολικῷ ναῷ τῆς ἐν Μακεδονίᾳ ἐπισκοπῆς Σθλανίτζης, ἐξαρτωμένης ὡς γνωστὸν ἀπὸ τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Ἀχρίδος [1]), μηνὶ Ἰουνίῳ 7, ἡμέρᾳ Παρασκευῇ ἰνδικτιῶνος 3-ης, ἄρα ἔτει 1230-ῷ· διότι τοῦ Δημητρίου Χωματιανοῦ ἡ ἀρχιερατεία ἐν Ἀχρίδι ἄρχεται περίπου ἀπὸ τοῦ 1217-ου ἔτους, ὅτε ὑπῆρχεν ἰνδικτιὼν 5-η, μέχρι δὲ τοῦ τέλους τῆς ἀρχιερατείας αὐτοῦ ἅπαξ μόνον συνέπεσεν ἰνδικτιὼν 3-η ἐν τῷ 1230-ῷ ἔτει. Ἐκ τοῦ προλόγου τῆς αὐτῆς πράξεως μανθάνομεν καὶ τὰ ὀνόματα δύο ἐπισκόπων ἀγνώστων ἡμῖν ἄλλοθεν, Μιχαὴλ Σθλανίτζης καὶ Θεοδώρου Γρεβενοῦ· ἀλλὰ καὶ τὸ τέλος αὐτῆς εἶναι διδακτικόν. Ἐντεῦθεν δηλαδὴ μανθάνομεν, ὅτι ἐδόθη τῇ Μαρίᾳ Ὀψικιάνου ἀντίγραφον τῆς πράξεως ἐπίσημον, φέρον τὴν ὑπογραφὴν ἀγνώστου ἐπίσης ἄλλοθεν ὑπομνηματογράφου τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Ἀχρίδος, Μιχαὴλ τοῦ Γλυκέος, ἔτι δὲ μολυβδίνην τοῦ ἀρχιεπισκόπου Δημητρίου σφραγῖδα.

Τὰ λοιπὰ ἑπτὰ ἔγγραφα παριστῶσιν ἁπλῶς τοῦ ἐν Ναυπάκτῳ μητροπολίτου Ἰωάννου τοῦ Ἀποκαύκου πρὸς τὸν ἀρχιεπίσκοπον Δημήτριον ἐπιστολὰς φιλικὰς καὶ γράμματα περί τινων ὑποθέσεων· νῦν δὲ τὸ πρῶτον σαφηνίζεται δι' αὐτῶν ἡ μεταξὺ ἀμφοτέρων τῶν ἀρχιερέων τούτων σχέσις, ἂν καὶ γινώσκεται ἄλλοθεν ὅτι ὁ Δημήτριος γνωστὸς ὢν ἁπλῶς τῷ Ἀποκαύκῳ «ἐκ μακροῦ» ἐτιμᾶτο παρ' αὐτοῦ καὶ μεγάλως [2]). Ἡ πρώτη τῶν ἐπιστολῶν τούτων (ἀριθ. 2) εὑρίσκεται ἐν τῷ κώδικι Μεσοποταμίτου μεταξὺ τῶν σελίδων 39^a — 39^b, ἡ κατόπιν (3) ἐν τῇ σελίδι 41^a, ἡ δὲ μετ' αὐτὴν ἐν τῇ σελίδι 54^a· ἀφορᾷ δὲ ἡ τελευταία αὕτη (4) εἰς εἴδησιν, ὅτι ἡ ἐν Ναυπάκτῳ σύνοδος τὸν Ἀχρίδος χαρτοφύλακα Μανουὴλ Μακρῆν ἐψήφισεν ἐπίσκοπον Βελᾶς [3]). Τῶν λοιπῶν τεσσάρων ἐπιστολῶν τοῦ Ἰωάννου ἡ μὲν πρώτη (5) εἶναι κολοβὴ ἐν τῷ κώδικι Μεσοποταμίτου (φύλλ. 11^b)· κολοβὴ δὲ

---

1) Πρβλ. H. Gelzer, Der Patriarchat von Achrida. Leipzig 1902, σ. 10.

2) Ὅρα τὴν ὑπὲρ τοῦ Δημητρίου ἀπολογίαν τοῦ Ἰωάννου Ἀποκαύκου πρὸς τὸν οἰκουμενικὸν πατριάρχην Μανουὴλ ἐν ἐπιστολῇ αὐτοῦ τοῦ ἔτους 1222, ἐκδοθείσῃ ὑπὸ Β. Γ. Βασιλειέβσκι. Визант. Временникъ, τ. 3, σ. 272—273.

3) Ὁ Μανουὴλ οὗτος ἄνευ ἐπωνυμίου ἀναφέρεται ὡς ἐν ἐνεργείᾳ ἐπίσκοπος Βελᾶς ἐν γράμματι τοῦ Δημητρίου Χωματιανοῦ. I. B. Pitra, Analecta sacra et classica, τ. 6, σ. 366—367.

εὑρίσκεται καὶ ἐν τῷ κώδικι Δοσιθέου [1]), ὅπου ἐγράφη μέρος αὐτῆς ἀπὸ τῆς ἀρχῆς ἄχρι τῶν λέξεων· «πῦρ ἐγκάρδιον κατακαῖον τὸν δίκαιον». Καὶ ἡ κατόπιν ἐκτενεστάτη ἐπιστολὴ (6) εὑρίσκεται κολοβὴ ἐν τῷ κώδικι Μεσοποταμίτου (φύλλ. 22^b — 23^b). Οὐχ ἧττον αὕτη διασαφεῖ ὅσα ἔπασχεν ὁ Ἀπόκαυκος ἐκ τῆς αἱρεσίας Κωνσταντίνου τοῦ Δούκα, δυνάστου τῆς Ναυπάκτου [2]). Καὶ ἡ μετ' αὐτὴν ἐπιστολὴ (7) σχετίζεται πρὸς τὴν αὐτὴν ὑπόθεσιν, ἀλλ' εἶναι δυστυχῶς αὕτη ἀκέφαλος ἐν τῷ κώδικι (φύλλ. 27). Ἡ δὲ τελευταία ἐπιστολὴ τοῦ Ἰωάννου (8), σχετιζομένη ὡσαύτως πρὸς τὴν αὐτὴν ὑπόθεσιν, ἀπευθύνεται τῷ Καστορίας ἐπισκόπῳ Κωνσταντίνῳ, ὃν ὁ Δημήτριος Χωματιανὸς ὑπαινισσόμενός που χαρακτηρίζει ὡς δικαιοσύνης ἀγωνιστὴν καὶ παντοδαπεῖ κεκοσμημένον σοφίᾳ [3]).

1.

(Συνοδικὴ πρᾶξις Δημητρίου Χωματιανοῦ, ἀρχιεπισκόπου Ἀχρίδος).

Μηνὶ Ἰουνίῳ ζ', ἡμέρᾳ ς', ἰνδικτιῶνος γ', προκαθημένου Δημητρίου τοῦ παναγιωτάτου ἡμῶν δεσπότου, τοῦ ἀρχιεπισκόπου πάσης Βουλγαρίας, ἐν τῷ προτεμενίσματι τῆς ἁγιωτάτης ἐπισκοπῆς Σθλανίτζης, συνεδριαζόντων τῇ μεγάλῃ ἁγιωσύνῃ αὐτοῦ ἱερωτάτων ἐπισκόπων, Μιχαὴλ Σθλανίτζης καὶ Θεοδώρου Γρεβενοῦ, παριστα-μένων καὶ θεοφιλεστάτων δεσποτικῶν ἀρχόντων, τοῦ τε ὀδεῖνος καὶ τοῦ δεῖνος καὶ ἑτέρων.

---

1) Ὅρα τῆς ἡμετέρας Ἱεροσολυμιτικῆς Βιβλιοθήκης τ. 1, σ. 342, ἀριθ. 64.

2) Σχετικὰ πρὸς τοῦτο εὑρίσκονται καὶ ἐν ἑτέραις ἤδη γνωσταῖς ἐπιστολαῖς τοῦ Ἀποκαύκου, ἐκδοθείσαις ὑπὸ τοῦ μακαρίτου Βασιλειέβσκι καὶ ὑπ' ἐμοῦ αὐτοῦ. Византъ. Временникъ, τ. 3, σ. 280—282. Ἁρμονία. Ἐν Ἀθήναις 1902, τ. 3. σ. 287. Ὁ Ἀπόκαυκος συνεφιλιώθη κατόπιν μετὰ Κωνσταντίνου τοῦ Δούκα, καὶ πρὸς τοῦτο συνετάχθη συνοδικῶς ἴδιον «σημείωμα χρισιμόγραφον», ὅπερ ὅρα ἐν τοῖς ἐμοῖς Ἀναλέκτοις Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, τ. 4, σ. 121—123. Αὐτόθι ἐν σελ. 122,13, ἀντὶ «ἀσυμβιβάστως» ἀνάγνωθι «ἀσυμβάτως»· κατόπιν ἐν γραμμῇ 25 ἀντὶ τοῦ «αὐτοὶ» γράφε κατὰ τὸν κώδικα «αὐτὴν» (=ἐξουσίαν). Καὶ πάλιν ἐν γραμμῇ 27 ἀντὶ τῶν «αὐτῷ καὶ λογιζομένων» ἀνάγνωθι κατὰ τὸν κώδικα «αὐτῷ, λογιζομένην» (=τὴν ἐξουσίαν).

3) Pitra Analecta sacra et classica, τ. 6, σ. 379.

+ Πρόθυμον καὶ ἀνδρικὸν ἔχουσα τὸ πνεῦμα ἡ ἀπὸ τῆς νήσου Κερκύρας ὁρμωμένη Μαρία ἡ τοῦ Ὀψικιάνου, οὐδαμῶς ἐμποδὼν εὗρε τὸ τοῦ θήλεος ἀσθενὲς πρὸς τὸν κόπον, ὃν ἀνεδέξατο, πέλαγός τε πλεύσασα καὶ γῆν τεμοῦσα μακράν, ὥστε τὴν καθ' ἡμᾶς ταύτην καταλαβεῖν καὶ παραστῆναι τῇ ἡμῶν μετριότητι καὶ ἀνενεγκεῖν τὰ δοκοῦντα αὐτῇ. Τούτου δὴ χάριν καὶ ἐδέχθη ἡ ταύτης πρόσοδος τῇ ἡμῶν μετριότητι τὴν σήμερον προκαθημένῃ συνοδικῶς, καὶ πρός γε τὰ παρ' αὐτῆς ἀνενεχθέντα συνοδικὸν ἡμέτερον ἐδέξατο ψηφοφόρημα. Ἦσαν οὖν τὰ τῆς ἀναφορᾶς αὐτῆς αἰτίασίς τε κατὰ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς, Θεοδώρου δηλαδὴ τοῦ Μακρεμβολίτου, ὅτι τοι μὴ κατὰ γνώμην καὶ θέλησιν αὐτῆς προικῷον συμβόλαιον ἐξέθετο, ἀποδημούσης αὐτῆς, καὶ τῶν διαφερόντων αὐτῇ ἀκινήτων ἀνάγραπτα εἰς προῖκα τῇ αὐταδέλφῃ αὐτῆς καὶ γυναικαδέλφῃ αὐτοῦ τῇ Ἑλένῃ ἔθετο, καὶ ταῦτα ξένος καὶ ἔπηλυς ἐν τῇ χώρᾳ ταύτῃ γνωσθείς· καὶ ἐρώτησις, εἰ δηλαδὴ τὸ τοιοῦτον προικῷον συμβόλαιον μὴ συναινούσης αὐτῆς γεγονὸς ἰσχὺν ἔχει βοηθεῖν τῇ πορισαμένῃ τοῦτο αὐταδέλφῃ αὐτῆς. Ἐπεὶ δὲ παρῆν καὶ ὁ τῆς Μαρίας ἀνήρ, ὁ Μακρεμβολίτης, καθωμολόγει μὲν ὡς ἐξέθετο οὑτωσὶ τὸ συμβόλαιον, οἰόμενος ὡς τῇ πράξει ταύτῃ συνέπαινος καὶ ἡ τούτου γενήσεται σύμβιος διά τε τὸ ἀδελφικὸν σπλάγχνον καὶ διὰ τὴν ἀπαιδίαν, ἥτις αὐτοῖς καὶ εἰς γῆρας ἤδη παρομαρτεῖ, καὶ μέντοι καὶ ὅτι ἡ οὕτως εὐεργετηθεῖσα γυναικαδέλφη αὐτοῦ σὺν τῷ ταύτης ἀνδρὶ εὐγνώμονες πρὸς αὐτοὺς ἔσονται καὶ τὴν χάριν ὁμολογήσουσι, καὶ δὴ καὶ ἀντιχάριτας διαπραττόμενοι φανήσονται, καθὰ δὴ καὶ ὑπέσχοντο. Ἀλλ' αὐτοὶ οὗτοι οὐ μόνον ἀχαριστίαις ἀλλὰ καὶ ὕβρεσιν, ἃς τε χεὶρ ἐπάγει καὶ ἃς προφέρει στόμα, τὴν εὐεργεσίαν ἠμείψαντο· οὗ δὴ ἕνεκα καὶ αὐτός φησιν ἑαυτῷ μέμφεται, ὅτι καὶ τὰ μὴ δοκοῦντα τῇ συζύγῳ αὐτοῦ δέδρακε καὶ πρὸς ἀχαρίστους καὶ πονηροὺς τὴν εὐεργεσίαν πεποίηκεν. Ἃ μὲν οὖν ἐξελάλησαν τὰ ἀναγε<γ>γραμμένα <τ>ῶν ὁμοζύγων πρόσωπα, ἦσαν ἐν τούτοις· ἡ μετριότης δὲ ἡμῶν μετά γε τῶν συνεδριαζόντων

4) τεμοῦσα] ἐν τῷ κώδ. τεμοῦσαν.
16) ἔχει] ἐν τῷ κώδ. ἔχειν.
24) ἀχαριστίαις] ἐν τῷ κώδ. ἀχαριστείαις.
25) προφέρει] ἐν τῷ κώδ. προφέρη.

αὐτῇ ἱερωτάτων ἀρχιερέων, ἐν Κυρίῳ ἀγαπητῶν ἡμῖν ἀδελφῶν καὶ συλλειτουργῶν, τὰ τοῦ πράγματος διασκεψαμένη καὶ τὰς νομικὰς ἀνελίξασα βίβλους, πρὸς ταῦτα τοιάνδε τὴν ἀπόφασιν ἐξενήνοχεν· ὡς αἱ τῶν φιλευσεβῶν νόμων διατάξεις περὶ πολλοῦ ποιοῦνται τῶν προικιμαίων πραγμάτων φυλακὴν καὶ συντήρησιν, καὶ οὔτε συγχωροῦσιν συνυπάγεσθαι ταύτας ταῖς τοῦ ἀνδρὸς λειτουργίαις καὶ ὁποιαισοῦν ἐνοχαῖς, καὶ εἰς ἀπορίαν δὲ τούτου ὅσον οὐκ ἤδη λήγοντα ἀνακαλεῖσθαι ταύτην παρὰ τῆς προικοφόρου γυναικὸς διορίζονται, ὡς ἐν πᾶσι ταύτην διατηρεῖσθαι καθόλου ἀμείωτον· οὐ μὴν ἀλλ' οὐδ' ὁπωσοῦν ἐκδίδοσθαι ταύτην ἐξ ὁλοκλήρου ἢ κατὰ μέρος, ἢ ἐκποιεῖσθαι ἀνέχονται παρὰ τοῦ ἀνδρὸς ἄνευ νομίμου γνώμης τῆς γυναικός. Τούτων δὲ οὕτως ὁμολογουμένων ἐν ταῖς νομικαῖς διατάξεσιν, ἀπρακτήσει καθόλου καὶ ἀντ' οὐδενὸς λογισθήσεται καὶ τὸ προικῷον συμβόλαιον, ὅπερ ὁ εἰρημένος Μακρεμβολίτης ἄνευ γνώμης τῆς οἰκείας ὁμευνέτιδος εἰς τὴν ἑαυτοῦ γυναικαδέλφην ἐποίησε· μετὰ τῶν ἄλλων γὰρ ὁ νόμος καὶ ἐν βιβλίῳ κθ', τίτλῳ ς', κεφαλαίῳ δ', ταὐτό φησιν· «οὔτε ὁ ἀνὴρ οὔτε ὁ μνηστὴρ δύναται τὸν ἀδιατίμητον ἀγρὸν ἐκποιεῖν ἢ ὑποτίθεσθαι». Καὶ ἐν τῷ ζ' τίτλῳ τοῦ αὐτοῦ βιβλίου ταῦτα, ὅτι «εἰ καὶ συναινέσουσιν αἱ γυναῖκες τῇ ἐκποιήσει καὶ μετὰ δύο ἔτη δευτέραν συναίνεσιν ποιήσουσιν, οὐ προκρίνονται, ἐὰν μὴ ἐκ τῶν λοιπῶν πραγμάτων τοῦ ἀνδρὸς δύναται τὸ ἱκανὸν εὑρεῖν». Ναὶ μὴν καὶ ἐν βιβλίῳ ν', τίτλῳ <γ'>, κεφαλαίῳ μβ' ταῦτα οὕτω φησί· «τὸ προικιμαῖον οὐδὲ ἀγνοοῦντι καλῶς παρὰ τοῦ ἀνδρὸς πιπράσκεται· εἰ δὲ κερδάνῃ ὁ ἀνὴρ τὴν προῖκα, βεβαιοῦται ἡ πρᾶσις, ὥσπερ καὶ <εἰ> τὸ κλοπιμαῖον ἀγοράσας τις κληρονομήσῃ τοῦ δεσπότου». Ἐξ ἐπιμέτρου δὲ ὥσπερ καὶ ἡ ὕβρις καὶ ἡ ἀθέτησις τῶν ὑπεσχημένων ἔκπτωσιν τῆς δωρεᾶς τῶν λαβόντων ταύτην καταψηφίζονται κατὰ τὴν περίληψιν τοῦ ι' κεφαλαίου τοῦ β' τίτλου τοῦ μζ' βιβλίου, ταῦτα οὕτω διακελευομένου· «Πᾶσα δωρεὰ τελεία γενομένη οὐκ ἀνατρέπε-

---

10) ὁπωσοῦν] ἐν τῷ κώδ. ὁποσοῦν || ἐξ ὁλοκλήρου] ἐν τῷ κώδ. ἐξολοκλήρου.

17) ταὐτό φησιν] ἐν τῷ κώδ. ταυτὸσ φησίν || Basilic. τ. 3, σ. 488 Heimbach.

23) Basilic. τ. 5, σ. 61.

25) τις κληρονομήσῃ] ἐν τῷ κώδ. τίς κληρονομήσει || ἐξ ἐπιμέτρου] ἐν τῷ κώδ. ἐξεπιμέτρου.

29) Synopsis Basilicorum, ἐκδ. Zachariae σ. 273.

ται, εἰ μὴ ἐξ ἀχαριστίας· οἷον ἐὰν σφοδρῶς ὑβρίσῃ, ἢ χεῖρας ἐπιβάλῃ, ἢ ζημίαν μεγίστην ἐπενέγκῃ, ἢ εἰς τὴν ζωὴν ἐπιβουλεύσῃ, ἢ τινα σύνθηται ποιῆσαι καὶ μὴ ποιήσῃ, ἐκ τούτων τῶν αἰτιῶν ἀνατρέπονται». Οὕτω πανταχόθεν τῆς πράσεως τοῦ Μακρεμβολίτου σαλευομένης, ὡς μηδέν τι ἐχούσης κατὰ νόμον βέβαιον, εὐλόγως ἡ ἀναπεφωνημένη σύζυγος τούτου, ἡ Μαρία, τῶν οἰκείων πραγμάτων ἐπιδράξεται, τῶν δηλονότι κατὰ λόγον προικὸς δεδωρημένων τῇ αὐταδέλφῃ αὐτῆς, καὶ τὴν αὐτῶν αὖθις κατοχὴν καὶ νομὴν ἀδήριτον ἕξει καὶ ἀστασίαστον, καθὰ καὶ τὸ πρότερον, ἐπείπερ οὐδὲ τὸ ἱκανὸν εὑρεῖν ἐκ τῶν πραγμάτων τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς δύναται, καθὼς ὁ νόμος ἀνόπιν διακελεύεται, ὡς παροίκου καὶ παρεπιδήμου γεγονότος ἐν τῇ Κερκύρᾳ μετὰ τὴν ἅλωσιν τῆς πατρίδος, τῆς περιωνύμου δηλαδὴ Κωνσταντινουπόλεως, καὶ μηδέν τι μηδαμῶς ἔχοντος.

Ταῦτα παρεκβληθέντα ἀπὸ τῶν συνοδικῶν παρασημειώσεων καὶ τῇ ὑπογραφῇ τοῦ θεοφιλεστάτου ὑπομνηματογράφου ὑποσημανθέντα, ἔτι δὲ καὶ τῇ δεσποτικῇ σφραγῖδι βεβαιωθέντα, ἐδόθη μηνὶ καὶ ἰνδικτιῶνι τοῖς προγεγραμμένοις +

+ Ὁ ὑπομνηματογράφος τῆς ἁγιωτάτης ἀρχιεπισκοπῆς Βουλγαρίας Μιχαὴλ ὁ Γλυκύς.

Καὶ ἐν τῇ μολυβδίνῃ βούλλᾳ γράμματα ταῦτα.

Σωτηρίου πλῆσόν με χαρᾶς, Παρθένε,
Δημήτριον γῆς Βουλγάρων ἀρχιθύτην.

2.

(Ἐπιστολὴ Ἰωάννου Ναυπάκτου).

Πρὸς τὸν ἀρχιεπίσκοπον Βουλγαρίας κῦρι Δημήτριον.

«Τί ἀνταποδώσω τῷ Κυρίῳ περὶ πάντων ὧν ἀνταπέδωκέ μοι»; ἀγαθῶν δηλαδή· ἡ γὰρ τῆς ἀνταποδόσεως ἀπορία τῶν ἀγαθῶν εἰσάγει τὴν ἀφθονίαν. Ἔν γοῦν ἐμοὶ τῶν πρὸς θεοῦ ἀγαθῶν καὶ ἡ

---

3) ἤ τινα] ἐν τῷ κώδ. ἤ τινά.
20) μολυβδίνῃ] ἐν τῷ κώδ. μολιβδίνω.
26) Ψαλμ. ριε', 3.

τῆς σῆς ἁγιότητος ἐπὶ τὸν μακαριώτατον θρόνον τῆς Βουλγαρίας ἀναγωγή, ἀνδρὸς πάλαι μὲν ἐμοὶ φίλου διὰ τὸν λόγον (ταῦτα δὲ τὰ καίρια αἴτια τῆς σῆς ἀναβάσεώς τε καὶ παρυψώσεως, καὶ καλῶς ἤλπιζον ὡς «οὐκ εἰς τέλος παρὰ θεοῦ ἐπιλησθήσεται ὁ πτωχός», ἁμαρτιῶν δηλονότι), οὐχ ἧττον δὲ καὶ νῦν ποθητοῦ διὰ τὴν ἴσην χρῖσιν τοῦ πνεύματος· καὶ εἰ μή με κολακικὸν ὑπέλαβες εἶναι καὶ τῷ καιρῷ χαριζόμενον (πάλαι δὲ τοῦ κόμματος τούτου διέγραψα ἐμαυτόν), ἢ τὸ πρός χάριν πρόχειρον τοῖς πολλοῖς μετὰ τὸ τέλος τὰ πρὸ τοῦ τέλους ὡς εἰδότα καυχώμενον, λόγου ποτὲ κινηθέντος περὶ τοῦ ἐπισκοπήσοντος Βουλγαρίας ἄλλοι μὲν ἄλλους, ὡς ἑκάστῳ ἐδόκει, τῆς ἀναβάσεως ταύτης ἀξίους εἶναι εἰσῆγον· ἐγὼ δὲ πάντων ἀποδοκιμάσας τὰς δόξας σὲ τὸν ἐμὸν παρῆγον Δημήτριον, γνωστὸν μὲν ἐμοὶ πρὸ πολλοῦ, πεῖραν δὲ δεδωκότα καὶ τῆς ἐνούσης σοι λογιότητος ἐξ ὧν πολλάκις ἐνταῦθα ἐπέστειλας· ὧν, ἀναγινωσκομένων ἐπὶ κοινοῦ, πάντες εἴχομεν ἄμφω τὰ ὦτα αὐτίκα ἠχοῦντα. Οὕτως εἶχον ἐγὼ περὶ σὲ καὶ πάλαι καὶ νῦν· σὺ δὲ τοσοῦτον ἐγένου περὶ τὸ γράφειν βραδύς, ὁ περὶ τοῦτο πάντων ταχύτερος, ὡς ῥῖψαι μὲν τὴν μελανοδόχην παρὰ γωνίαν τὰ εἰς ἡμᾶς, φυλακὴν δὲ θεῖναι τῷ στόματι καὶ θύραν περὶ τὰ χείλη περιοχῆς, καὶ μήτε τὸν φίλον ὁπωσοῦν προσειπεῖν, μήτε γράμματι δηλῶσαι τὰ ἐκ τῆς ἀναβάσεως χαροπά. Ἀλλὰ πολλῶν μοι καὶ ἄλλων ἐπιφορτιζομένων ἀνιαρῶν καὶ τὴν σὴν ἀγραφίαν εἰς ἐπίθεμα δέξομαι· ἀλλὰ λῦσον τὴν τρανὴν γλῶσσαν καὶ βάψον τὸν κάλαμον οὐκέτι μὲν εἰς ἀπόφασιν τοῦ μὴ γράφειν τῷ φιλοῦντι Ναυπάκτου, εἰς δέ γε κατάφασιν, θέλησιν δηλαδὴ τοῦ φιλεῖν ὡς φιλοῦμεν καὶ τοῦ τοῖς γράμμασιν ἀνασκάλλειν τῆς φιλίας τοὺς ἄνθρακας. Ταῦτα δὴ ἐν τοσούτῳ καὶ ὅσον γνωρίσαι οἷός εἰμι περὶ σὲ καὶ τὸ ἐπιστολιμαῖον ὅριον μὴ παρεξελθεῖν· παρεμπλέκω δὲ ὅμως καί τι διήγημα· ἦν δὲ μηκυνθῇ λόγος, σύγγνωθι δέσποτα. Δεκαέτες παι-

---

4) Ψαλμ. θ', 19.
8) τέλος] ἐν τῷ κώδ. τέλους.
18) μελανοδόχην] ἐν τῷ κώδ. μελανοδόκην π. γονίαν.
18) φυλακὴν—περιοχῆς] πρβλ. Ψαλμ. ρμ', 3.
26) εἰμι] ἐν τῷ κώδ. εἰμὶ.
28) καί τι — ἦν] ἐν τῷ κώδ. καίτοι — ἦν.
28) ἦν... δεκαέτες] ἐν τῷ κώδ. ἦν... δεκάετες.

δίον Ναυπάκτιον (ἀχάριστον δὲ τοῦτο τὸ γένος καὶ πρὸς τοὺς εὐεργέτας ἀντίξουν ὡς τὰ πολλά), Μιχαὴλ ὄνομα, Στειριόνην ἐπώνυμον, προσελαβόμην· τὸ μὲν ὅθεν καὶ οἷον οὐ καιρὸς λέγειν, πλὴν ὅτι ξυληφόρον ἀπό τινος συγκειμένου τῇ πόλει βουνοῦ καὶ μετὰ μόνου χιτῶνος ἐπιῤῥύπου καὶ τετριμμένου, κεκαθειμένου καὶ τούτου ἕως γονάτων, τὰ σκέλη δὲ τὰ δοιὰ ἀναξυρίδος χωρὶς καὶ ὑποδημάτων ἄνευ τὼ πόδε· ἡ σύνοικος γὰρ πενία καὶ τὸ τοῦ παιδὸς ἀπωρφανισμένον ἐκ ταύτης τῆς ἐργασίας καὶ τοῦ περιβολαίου ἐφαίνοντο. Οὗτος οὖν ἐκ λαϊκοῦ εἰς κληρικὸν ὑπ' ἐμοῦ ἐκάρη, καὶ τῷ κλήρῳ κατελέγη τῆς Ἐκκλησίας, καὶ τὰ ἱεροψαλτικὰ (πῶς ἂν εἴποις;) ἐπιμελῶς δαπάναις ἐκκλησιαστικαῖς ἐπαιδεύθη, καὶ μετὰ ἥβην καὶ ἀνδροτῆτα καὶ εἰς λαοσυνάκτην προεβιβάσθη· τὸ δ' ἀπ' ἐκείνου, πόθεν οὐκ οἶδα, γενόμενος ἐρασίπλουτος, σύννους τε ἦν ἀεὶ καὶ τὸ ἀφηνιαστικὸν παρέφαινεν ἐκ τῆς ὄψεως, καὶ τῷ κυρίῳ ἐμοὶ βάρος διὰ ταῦτα ἐδόκει καὶ σὴς ὀστέων τὸ κυριώτερον· ὅμως ἐπείχετο, οὐδὲ γὰρ ἀπέρρει μνῆστις ἐμοῦ, τῶν ἐπ' αὐτῷ πονημάτων. Τέλος δὲ ὅμως ἐγεγόνει τοῦ βούλεσθαι, καὶ ἄλλοτε ἄλλον τῶν ὑφ' ἡμᾶς περιερχόμενον ἀδελφῶν ἐψωμίζετό τε καὶ προσεδέχετο· ὡς δ' ὁ κανὼν οὐκ εἴα τοῦτόν τινι τῶν ἐπισκοπῶν ἐνταγῆναι·—οἱ γὰρ πρόεδροι τούτων τὸν παῖδα ἐγίνωσκον καὶ ἡμᾶς ᾐδοῦντο καὶ τὴν ἐκ τῶν κανόνων ὑλαβοῦντο βαρύτητα, οἳ οὐκ ἐῶσι τὸν ἀλλότριον κληρικὸν ἑτέρᾳ ἐκκλησίᾳ κατακληροῦσθαι· καταλέγειν δὲ περιττὸν πρὸς τὴν σὴν λογιότητα τὰς ἐκ τῶν κανόνων ἐπιτιμήσεις, ὅπως οἱ μὲν τὸν δεχθέντα καθαιροῦσι καὶ τὸν δεξάμενον, οὗτοι δὲ ἀφορίζουσιν, ἕτεροι δὲ καὶ (τὸ βαρύτερον) ἀναθεματίζουσι. Ταύτας οὖν τὰς ἐκ τῶν κανόνων ἐπιφορὰς οἱ ὑφ' ἡμᾶς ὑποστελλόμενοι ἀδελφοὶ τῷ φυγάδι τούτῳ τὰς θύρας τῶν ἰδίων ἐκκλησιῶν ἐπεζύγωσαν· ὁ δὲ μὴ κανονικὴν ἡγούμενος τὴν ἀποπομπήν, τῷ δὲ ὑφ'

---

7) ἀπωρφανισμένον] ἐν τῷ κώδ. ἀπορφανισμένον.
10) εἴποις] ἐν τῷ κώδ. εἴπης.
13) τε] ἐν τῷ κώδ. τὲ· οὕτω καὶ ἀλλαχοῦ.
15) ἀπέρρει] ἐν τῷ κώδ. απέρρη.
16) οὐδὲ γὰρ—ἐμοῦ] πρβλ. Σοφοκλέους Αἴαντα, στίχ. 1269.
19) τινι] ἐν τῷ κώδ. τινὶ.
23) ἐπιτιμήσεις] πρβλ. Νικαίας α' συνόδου καν. 15, 16. Χαλκηδ. καν. 5, 20. Τρούλ. καν. 17.

ἡμᾶς τετάχθαι τοὺς ἀδελφοὺς ἐπιγραφόμενος τὴν ἀποβουκόλησιν, ἐποιήσατο βάδον ἕως τῆς σῆς Ἀχρίδος, ὡς πύθομαι, καὶ τὸ ἀξιωματικὸν τῆς σῆς ἐκκλησίας καὶ τὸ πρὸς τὴν ἡμετέραν ἐπαρχίαν ταύτης ἀπόξενον, ἀστεμφὲς ὡς ἔοικεν, ὑπ‹ελογ›ίσατο κάτοχον. Ἀλλ' ὁ ἐμὸς Βουλγαρίας οὐ μόνον ἔστι τῶν ἱερῶν κανόνων ἀκροατής, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἄλλοις πάντως τούτων διδάσκαλος, καὶ ὑποθέσθαι ἔχει τῷ ἡμετέρῳ τῆς οἰκείας πάλιν γενέσθαι καὶ πατρίδος καὶ ἐκκλησίας. Συνηνέχθη δέ τι καὶ ἕτερον. Ἔστιν ἐν Ναυπάκτῳ τις νεανίας, κληρικὸς καὶ αὐτός, ἀναγνώστης τὴν τάξιν, καὶ γυναῖκα γήμας ἐννόμως τὸν περὶ οὗ ὁ λόγος κακὸν ἐγνώρισε γείτονα, καὶ πῆμα εὗρεν ἐκ τούτου τὴν παρ' αὐτοῦ μοιχείαν τῆς γυναικὸς καὶ τὴν διὰ ταύτην τοῦ συνοικεσίου διάλυσιν. Ταύτης ὡς κισσὸς δρυὸς ἔχεται καὶ περιάγει ταύτην, ὡς ὁ Πυθαγόρας τὴν Θεανώ, τὸ δ' ἀληθὲς περιάγεται, ἐπαοιδαῖς καὶ μαγγανείαις τῆς τε μητρὸς τὸν νοῦν κλαπεὶς καὶ τῆς θυγατρός (ἀμφότεραι γὰρ δεξιαὶ περὶ τὰ τοιαῦτα, ὡς κατεφάνη, καὶ πανεπίσημοι), καὶ φάρμακον ἐξ ἀμφοτέρων πιών, οὐχ οἷον ἡ ὁμηρικὴ Ἑκαμήδη ἐσκεύαζε, «νηπενθὲς ἄχολόν τε, κακῶν ἐπίληθες ἁπάντων», ἀλλ' ἐγκεφάλου θολωτικὸν καὶ ταρακτικὸν λογισμοῦ καὶ διανοίας συγχυτικόν· ἀμέλει καὶ ἣν ἐμοίχευεν ἔλαβε καὶ ἔχει τὸ κακὸν αὐτοδίδακτον. Εἰ ταῦτα ἡ σὴ πόριμος λύσει γλῶσσα καὶ τοῦτον μὲν ὑποθήκαις εἰς ἡμᾶς ποιήσεις παλίνστροφον, τὸ φαρμακὸν δὲ γύναιον αὐτοῦ ἀποδιαστήσεις, γράμματι δὲ ἡμῖν ἀνανεώσεις τὰ φιλικὰ καὶ ὁ μακάριος οὐκ ἀπαξιώσεις καὶ ἀντιγράψαι καὶ προσειπεῖν, δείξεις πάντως ἐκεῖνος εἶναι, ὃν ἠπιστάμην. Μηδὲν τὸ ἦθος παραβλαβῇς ἐκ τῆς παρυψώσεως· εἰ δ' ἄλλως διατεθῇς, τὸ μὲν βαρύτερον ὀκνῶ λέγειν, πιστώσει δὲ ὅμως ἄμφω τὰ παλαιά, τό τε μηδὲν εὐμάραντον εἶναι ὡς ἀνθρωπίνην φιλίαν καὶ τὸ δεικνύειν ἄνδρα ἀρχήν.

---

2) Ἀχρίδος] ἐν τῷ κωδ. ἀχρίδας.

4) ὑπελογίσατο] μικρὸς τόπος τετριμμένος ἐν τῷ κώδικι μεταξὺ τῶν στοιχείων π καὶ σ.

8) τις] ἐν τῷ κώδ. τίς.

16) Ἑκαμήδη] πρβλ. Ἰλ. Κστίχ. 624—643.

17) Ὀδυσ. δ, 221.

24) παραβλαβῇς] ἐν τῷ κώδ. παραβλαβεῖς.

27) τὸ δεικνύειν ἄνδρα ἀρχήν] Corpus paroem. τ. 2, σ. 148, 310.

3.

(Ἑτέρα τοῦ αὐτοῦ).

Πρὸς τὸν ἀρχιεπίσκοπον Βουλγαρίας.

+ Ὡς εἰς καιρὸν ἡμῖν ἀντελάλησας, θεία μοι καὶ ἱερὰ κεφαλή, καὶ τὰ πρῶτα τῶν φίλων καὶ τῶν ἡνωμένων κατὰ πνεῦμα τὰ κράτιστα· ἀντεφώνησας δέ μοι ὡς χελιδὼν καὶ ὡς περιστερὰ τὰ ἀπολογητικὰ ἐμελέτησας, καὶ πέπεικάς με τῇ πειθανάγκῃ τῶν γεγραμμένων ἐνδόντα καὶ καλῶς ἡττηθέντα τὴν φίλην ἥτταν καὶ ἥμερον· ὃ καὶ παράλογον. Καὶ ἀρίστως ἤδειν ἐγώ, ἄνδρα εἶναι τῆς ἡμετέρας ταύτης ἕνα καὶ μόνον, τὸν ἐμὸν καὶ μέγαν Δημήτριον, σοφὸν τοὺς λόγους, τὸν βίον σοφώτερον, εἴ γε «σοφία πρώτη βίος ἐπαινετὸς καὶ θεῷ κεκαθαρμένος», ὥσπερ ἠκούσαμεν. Ὥστε, εἴ τις καὶ ἐπὶ σοῦ ὡς ὑποκειμένου κατηγορήσει τὸ σοφὸν καὶ τὸ καθαρόν, αὖθις δὲ ἀντιστρέψαι θελήσει πρὸς ταῦτα δὴ τὰ κατηγορούμενα σὲ τὸν καθ' οὗ κατηγόρηνται, ἰσάζοντα εὑρήσει ταῦτα διόλου, ὡς ἀνθρώπου καὶ τὸ μυστικὸν τοῦ βοὸς καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων ἑτερογενῶν τὰ γνωριστικὰ τῶν οὐσιῶν αὐτῶν καὶ τὰ ἴδια· ὡς γὰρ εἴ τι γελαστικὸν ἄνθρωπος καὶ ἀνάπαλιν, οὕτω καὶ τὸ σοφὸν τοῦ ἐμοῦ Βουλγαρίας καὶ οὗτος αὖθις εἴ τι σοφόν. Καὶ ταῦτά σοι προὐξένησεν εὐφυία τε καὶ σπουδή, ἐξ ὧν ἐπιστῆμαι καὶ τέχναι τὸ κράτος ἔχουσιν. Ἀλλὰ ταῦτα ἐν τούτοις καὶ πρέπον οὐκ οἶμαι ἐν τοῖς προδήλοις πολυλογεῖν. Ὡς δ' εἰς τὴν τοῦ γράμματος ἐπανελθεῖν προβολήν, ὡς εἰς καιρὸν ἡμῖν ἀφίκετο τοῦτο, μᾶλλον δ' ἐρρύη ὥσπερ ἀπ' οὐρανοῦ τοῦ μεταρσίου σοῦ τὸν βίον τὸν λόγον, ἢ «ὡς δρόσος Ἑρμὼν ἡ καταβαίνουσα ἐπὶ τὰ ὄρη Σιών». Τροπολογεῖτο δ' ἂν εἰς ὄρος ἅπας ἐπίσκοπος, ὡς ἄρα δὴ καὶ ἡμεῖς· σκοπιὰ γὰρ οὗτοι τοῦ ἰδίου λαοῦ, ἢ ἐπισκοπιῶν, καθὰ δηλοῖ καὶ τὸ

---

11) σοφία — κεκαθαρμένος] Γρηγορίου Ναζιανζηνοῦ λόγ. 15, § 6. Migne τ. 35, σ. 936.

17) γελαστικὸν ἄνθρωπος] πρβλ. Λουκιανοῦ βίων πρᾶσιν, § 26.

19) προὐξένησεν] ἐν τῷ κώδ. προὐξένισεν.

24) Ψαλμ. ρλβ', 3.

ὄνομα, ἢ «ὡς ὄμβρος ἐπ' ἄγρωστιν», ξηρὰν καὶ ταύτην καὶ ἄνικμον, ὁποῖοι δὴ καὶ ἡμεῖς ἐπηρειῶν καὶ νόσων ἐξαυανθέντες τῷ καύματι, καὶ ἐψυχαγωγήθημεν, δέσποτα, καὶ τὸ κυριώτερον ἐδροσίσθημεν, καὶ ἐλπίς ὅτι «καὶ τὰ ὀστᾶ ἡμῶν ὡς βοτάνη ἀνατελεῖ», ἐὰν ἐπινοτίσῃς αὖθις ἡμῖν τὰ δροσοποιά σου προσφθέγματα. Ταῦτα δὴ ἥ τε τῶν ἔξωθεν ἐπιβουλὴ ὀχληρῶν καὶ τὸ προσηλῶσθαι τῇ κλίνῃ βραχυλογεῖν ἀναγκάζουσιν, τὰ μὲν εἰς ἑαυτὰ τὸν νοῦν μετάγοντα καὶ μεθέλκοντα, ἡ δὲ φέρουσα τὸ σῶμα ἐρριζωμένον παρ' ἑαυτῇ, ὡς αἱ κατὰ θάλασσαν πέτραι τὰ παρὰ ταύταις ζῳόφυτα. Σὺ δ' εἰπὲ λόγον καὶ ἰαθήσεταί σου ὁ ἀδελφός, καὶ τρανώσει γλῶσσαν τὸ ἀπ' ἐκείνου, καὶ περὶ τῶν λαληθέντων ἑτέρῳ τῷ ἐλαχιστοτέρῳ πάντων ἐμοὶ ἀπολογήσεται πλατυκώτερον· πλὴν ὅτι πρὸς μὲν τὴν τοῦ Σερβίων χειροτονίαν ἔχομεν πολλὰ ὑποδείγματα, καὶ ὅτε καιρός, τιμηθήσεται, ὡς οἱ νόμοι, ἐκ τῶν ὁμοίων τὰ ὅμοια· ἐπὶ δὲ τῷ ἐμῷ κληρικῷ οὐκ ἄλλως ἐκαραδόκουν γενέσθαι, ἢ ὡς αὐτὸς ὁ μακαριώτατος ἔγραψας.

4.

(Ἑτέρα τοῦ αὐτοῦ).

Πρὸς τὸν Βουλγαρίας.

+ Ὅρα κἀν τούτῳ, μακαριώτατε δέσποτα, τὸ πρὸς τὴν σὴν μεγάλην ἁγιωσύνην τιμητικὸν καὶ ἐμοῦ τοῦ σοῦ Ναυπάκτου ποτὲ καὶ τῆς ὑπ' ἐμὲ ἁγίας ἐν Χριστῷ ἀδελφότητος· τῆς γὰρ ὑφ' ἡμᾶς ἁγιωτάτης ἐπισκοπῆς Βελᾶς χηρευσάσης καὶ ψήφου προβάσης, ἐμνήσθησαν ἐν ταύτῃ τοῦ θεοφιλεστάτου σου χαρτοφύλακος κῦρι Μανουὴλ τοῦ Μακροῦ· καὶ ἡμεῖς μὲν τιμῶντες οὕτω τὸν μέγαν Βουλγαρίας καὶ μεγαλύνοντες τὴν ψῆφον ἐπ' αὐτῷ ἐξηνέγκαμεν, ἡ δὲ σὴ μεγαλειότης οἶμαι ὡς ἀποδέξεται τὸ γενόμενον καὶ τῆς ἰδίας ἀπολύσει τὸν ψηφισθέντα χειρός, εὔκλειαν οἰκείαν λογισαμένη τὴν τοῦ ὑπὸ σὲ

---

1) Δευτερ. λβ', 2.
4) Ἡσαΐου νη', 12.
8) ἐρριζωμένον] ἐν τῷ κώδ. ἐρριζομένον.
9) εἰπὲ—ἀδελφός σου] πρβλ. Λουκᾶ ζ', 7.
22) ἐμνήσθησαν] ἐν τῷ κώδ. ἐνμνήσθησαν.

προκοπήν, ὅτι καὶ μεγαλειότης πατέρων ἡ τῶν υἱῶν εὐδοκίμησις. Χαρίζου ταῖς Ἐκκλησίαις τοῦ Θεοῦ καὶ ἡμῖν πολυχρόνιος.

5.

Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν ἀρχιεπίσκοπον Βουλγαρίας τὸν κῦρι Δημήτριον.

Καυτῆρα τῇ Ἀχρίδι ἡ Θεὸς ἢ δαίμων, ὡς κλύω, ἐπήνεγκε· συλλογίζομαι δὲ ὡς, εἰ μὲν Θεός, σοῦ τε εἵνεκα καὶ τοῦ σύγκλυδος τῶν Ἀχριδηνῶν, ἵνα τάχα τὸν ἔμπυρόν σε πρὸς τὰ καλὰ καὶ πρὸς τὴν τῆς ἀρετῆς ἀντίληψιν ἔνθερμον τῷ συγγενεῖ γνωρίσῃ καὶ τοῖς μακράν, ὡς οἱ καίοντες τὰ πυρὰ παραδηλοῦσι τοῖς ποῤῥωτέρω τὰ ἀγνοούμενα. Ζῆλος δὲ ἔνθερμός τις τοῦ θυμικοῦ κίνησις, ἡνίκα δίκαιος ἄνθρωπος θεωρῶν ἀνομίαν πληθυνομένην κατὰ τῶν ἀνομούντων ἀγανακτεῖ· οὕτω γὰρ Ἠλίας μὲν ζηλῶν ἐζήλωκε κυρίῳ παντοκράτορι καὶ τοὺς τῆς αἰσχύνης ἀπέκτεινεν ἱερεῖς, Φινεὲς δὲ γυναῖκα παρανομοῦσαν τῷ παρανομοῦντι συνεξεκέντησε. Καὶ ἔστιν ὥσπερ ὁ ζῆλος οὗτος πῦρ ἐν καρδίᾳ κατακαῖον τὸν δίκαιον, ἡνίκα τὸ πλῆθος τῷ τοιούτῳ τοῖς ἔργοις μὴ συμφωνεῖ καὶ Θεὸς διαιτῶν ἄνωθεν αὐτοῦ μὲν τὴν ἀρετὴν θριαμβεύει, τοὺς δὲ τῷ στοιχείῳ τούτῳ παιδεύει, δι' οὗ τὴν τοῦ κατορθοῦντος ἀρετὴν ἐθριάμβευσε. Νῶέ σοι καὶ ἡ κατ' ἐκεῖνον λογικὴ καὶ ἄλογος σὰρξ τὸν λόγον τοῦτον πιστούτω· ἀνερράγησαν γὰρ αἱ ἄβυσσοι τότε καὶ οἱ καταῤῥάκται τοῦ οὐρανοῦ ἀνεῴχθησαν, καὶ Νῶε μὲν τὴν ἀρετὴν ἐνὶ παιδευτηρίῳ καὶ τῷ αὐτῷ ἐδημοσίευσεν ὁ Θεός, κακίαν δὲ τοῖς πράκτορσι συγκατέκλυσε. Μήποτε γοῦν πρὸς τὴν λάμψιν τῆς σῆς ἀρετῆς ὁ ὑπὸ σὲ λαὸς τοὺς ὀφθαλμοὺς ἐκάμμυσε, τοῦ μὴ βλέπειν καὶ τῷ φωτὶ τοῦ σοῦ προσώπου πορεύεσθαι, καὶ παρὰ τοῦτο σοῦ μὲν τὸν ζῆλον ἀναλογοῦντα πυρὶ ὁ ζηλωτὴς Θεὸς διὰ πυρὸς αὐτοῖς ἐγνώρισε καὶ ἡμῖν, αὐτοῖς δὲ τοῦτ'

---

9) ποῤῥωτέρω] ἐν τῷ κώδικι Δοσιθέου πόρρω.

12) Ἠλίας] πρβλ. Βασιλ. 3, ιθ', 10, 14.

13) αἰσχύνης] παρὰ τῷ Δοσιθέῳ ἰεζάβελ || αἰσχύνης — ἱερεῖς] πρβλ. Βασιλ. 3, ιθ', 40.

20) ἀνερράγησαν—ἀνεῴχθησαν] πρβλ. Γεν. η', 2.

24) ἐκάμμυσε] ἐν τῷ κώδ. ἐκάμυσε.

αὐτὸ ἀνῆψεν εἰς παίδευσιν; Καὶ τῷ μὲν φωτιστικῷ τοῦ πυρὸς τὸ τῆς σῆς ἀρετῆς καὶ τῆς γνώσεως ἡμῖν ἐγνώρισε φῶς, ἡ καυστικὴ δὲ....

6.

Τοῦ αὐτοῦ ἐπιστολὴ πρὸς ⟨τὸν⟩ ἀρχιεπίσκοπον Βουλγαρίας κῦρι Δημήτριον.

+ Αἰτῶ παρὰ σοῦ χάριν, τὸ πράως δέξασθαι τὴν ἐπιστολὴν καὶ καταξιῶσαι ἀναφωνῆσαί μοι πρῶτον, καὶ δεύτερον τὸ μνήμην ἔχειν κἀμοῦ, ἡνίκα δὴ καὶ Θεοῦ. Ταῦτα δ' ἔχω ἀεί, ὅ τι καὶ σύ, τὸ πάντοτε μεμνῆσθαι Θεοῦ· ταῦτα δὴ λαβὼν ἔχω καὶ διχόθεν ὠλβίσθην, δηλαδὴ καὶ γλώσσῃ σῇ καὶ χειρί, ὅθ' ἡ μὲν γράμματά μοι τυποῖ, ἡ δ' ἀναφέρει τὰ πρὸς Θεόν. Εἰ δ' ἐξονυχίσαι πρέπει τὴν ἔννοιαν, ἡ γλῶσσα πλεονάζει τὴν χεῖρα ὁμιλοῦσα Θεῷ, φωνοῦσα τὸ ἀντιλάλημα· καὶ χεὶρ μὲν τυποῖ καλάμῳ τὰ παρὰ γλώσσης λαλούμενα, γλῶσσα δὲ διαρθροῖ τὰ παρὰ τοῦ νοὸς ἐκπεμπόμενα· νοῦς δέ, ἡνίκα δεῖ εἰπεῖν λόγον, ἐνορᾷ τῷ πινακίῳ τῆς μνήμης, ἐν ᾧ τὰ ἐκ μαθημάτων, τὰ ἐξ ἀκουσμάτων, ἀσυγχύτως γεγράφαται, καὶ λαβὼν ἐκεῖθεν λόγον γεννᾷ καὶ συντίθησι· καὶ τοῦτο πάντως ἐστὶ τὸ τὰ γραφόμενα τῶν ἐν τῇ φωνῇ ὁρίζεσθαι σύμβολα καὶ τὰ ἐν τῇ φωνῇ τῶν ἐν τῇ ψυχῇ, καὶ οὐκ ἔξω τοῦ τῶν λόγων κανόνος πρὸς τὸν γεννήτορα νοῦν κατὰ ἀναπόδισιν ἀναβῆναι, ἐπεὶ καὶ Λουκᾶς γενεαλογῶν τὸν Χριστὸν τούτῳ τῷ τρόπῳ ἢ ὡς ὁ Ματθαῖος αὐτὸν γενεαλογεῖ. Ταῦτα δὴ καὶ ἔχω καὶ ἔχοιμι· εἰ δὲ σὺ τῶν αἰτημάτων πλούσιος πάροχος, ἀλλὰ κἀγὼ ἐπαινέτης τούτων ἐνδέλεχής. Καὶ δὴ παρίσταμαί σου τῇ φλιᾷ τῆς ἀκουστικῆς, καὶ θλίβω ταύτην αἰτῶν μετὰ κατηφοῦς καὶ τρόπου καὶ σχήματος, ὁποῖον δὴ καὶ τὸν Ὀδυσσέα Ὅμηρος ῥαψῳδεῖ, ἡνίκα τῆς ἅλης ἐκείνης καὶ τῆς ἅλμης ἀπολυθεὶς Ἰθάκης ἀποθρώσκοντα καπνὸν ἰδεῖν ἐπεθύμησεν, καὶ δὴ καὶ τετύχηκε, καὶ ὡς πτωχός τις πανδήμιος παραστὰς τῷ τοῦ οἰκείου οἴκου προδόμῳ τὸ μὲν δοκεῖν ἄρτον ᾔτει θλιβόμενος, ἔσω δὲ τοὺς Πηνελόπης περιεσκόπει μνηστῆ-

---

25) Ὅμηρος] πρβλ. Ὀδυσ. ξ, 1—20.

ρας καὶ ὅπως οἶκος ὄλλυται οἱ καὶ κτήματα, καὶ νευστάζων κάραν τοῖς ὀλετῆρσιν ἐκείνοις κακὰ φρεσὶ βυσσοδόμευεν. Ἀλλὰ τρόπον ἐκεῖνον κἀγὼ πλανήτης, καὶ ὁ πλάνος καὶ εἰς Βελάν με κατήγαγε, καὶ πλέω θάλασσαν θλίψεων, καὶ καπνοῦ βόστρυχον ἀπὸ Ναυπάκτου ἀναπλεκόμενον ἐπιθυμῶ μὲν ἰδεῖν, οὐκ ἐπιτυγχάνω δέ· διατί; ἵνα καὶ τῶν Ἑλλήνων ἡ πίστις ἔλαττον ἔχῃ, καὶ γέρων ἱεροθύτης ἐν τούτῳ ⟨τῷ⟩ μέρει ἑλληνικῶν προσώπων καθυστερῇ. Τὸ μέντοι σοι παριστάναι, τὸ θλίβειν ὤμους, τὸ ἐπαιτεῖν καὶ τὸ στυγνάζειν ἐπὶ τοῦ σχήματος καὶ πάνυ τι σύντροχα, καὶ δὴ τὴν ἱκετείαν ἐκτραγῳδῶ καὶ παραπλέκω ταύτῃ τὴν αἴτησιν. Ἐξῆλθον τῆς χωρικῆς κελλάθρας, ᾗ παροικῶ, ἐν Σεπτεμβρίῳ τῷ προσεχεῖ, καὶ τὸ πρῶτον κίνημα τοῦ νοὸς ἦν Πελαγονίαν ἰδεῖν, Ἀχρίδα τε συνιδεῖν καὶ σὲ τὸν ἐμόν, τοῖς τε κυρίοις περιτυχεῖν καί τι τῶν ἐμῶν θεραπευθῆναι τραυμάτων· τὰ ὑπογάστρια δὲ νόσῳ βαρείᾳ πληγέντα χρονοτριβεῖν κἀκεῖθεν ἔνθεν ἡμᾶς ἠνάγκασαν, καὶ τὸν καιρὸν τῆς ὁδοιπορίας ἐντεῦθεν παρέτειναν, ὡς τοὺς μὲν πρὸς ἐκστρατείαν μερισθῆναι καὶ πρὸς ἐπαύλεις ἑτέρας, τὴν δὲ νόσον καὶ τὸν χειμῶνα ἀπευκτὸν ἐμοὶ μεσολάβημα γενέσθαι τῆς ἐντυχίας· τὸ δὲ γράμμα τοῦτο πρόσωπον τὸ ἐμὸν ὑποδύν, ταῦτα τὴν μακαριότητά σου αἰτεῖ, τὸ ἐντυχεῖν ὑπὲρ ἡμῶν τοῖς δεσπόταις, τὸ ἀνειπεῖν αὐτοῖς μετὰ θάρρους, ὡς οὐ καλὸν ἱερέα καὶ γέροντα καὶ παρανόμως ὕβρεσι πλύνεσθαι καὶ πολυτρόπως διώκεσθαι· προσθεῖναι καὶ ὅσα ἐπικρέμανται ἐπιτίμια παρὰ τῷ τρισκαιδεκάτῳ κανόνι τῆς δευτέρας ἐν Νικαίᾳ συνόδου κατὰ τῶν τὰ ἐπισκοπεῖα κοινοποιούντων καὶ πορνεῖα ταῦτα ποιούντων καὶ κοσμικὰ καταγώγια, καὶ δημοτικὰς τὸ σύμπαν ἐπαύλεις, καὶ τόπον θυμέλης διὰ τῶν ἐν αὐτοῖς πραττομένων· καὶ ὡς κατὰ μέρος ἔχῃς λαλεῖν τὰ ἐμὰ δυστυχήματα, αὐτό τε τοῦτό ἐστι καὶ ὅσα ἐκτίθεμαι. Τὸν ὅλον

---

2) κακὰ—βυσσοδόμευεν] Ὀδυσ. 3, 273.
3) πλανήτης] ἐν τῷ κώδ. πλανίτης.
6) ἔχῃ] ἐν τῷ κώδ. ἔχει.
7) καθυστερῇ] ἐν τῷ κώδ. καθυστερεῖ.
13) καί τι] ἐν τῷ κώδ. καὶ τί.
18) ὑποδύν] ἐν τῷ κώδ. ὑπόδυν.
27) τε — ἐστι] ἐν τῷ κώδ. τὲ — ἐστὶ.

ὄρον τοῦ ἡμετέρου ἐπισκοπείου (περιτετείχισται δὲ τοῦτο καὶ τῷ ἐκ τιτάνου καὶ λίθων θριγγῷ περισφίγγεται) κατασχὼν ὁ Δούκας, οἰκοδομὰς εἰς ὕψος ἡρμένας ἐν αὐτῷ συνεστήσατο εἵς τε δίαιταν ἑαυτοῦ καὶ τινων ὑπ' αὐτόν· τὰς περὶ τὴν αὔλειον θύρας αὐτοῦ περιεῖλεν, ⟨οὔσας⟩ ἐκ ξύλων ἀσήπτων καὶ περιεζωσμένας σιδήρῳ, καὶ νῦν τὸ κένωμα τῶν πυλῶν, πᾶσιν ἄθυρον ἐπιχαῖνον, πάν⟨τ⟩ας εἰσδέχεται, ὡς τὰ ἐν πόλεσιν ἄμφοδα, τὰ εἰς ἐμβόλους παρωνυμούμενα· ἑτέραν ἐκαινούργησε πύλην, τὸ ἐπισκοπικὸν θριγγίον περιελών, ὡς εἶναι τὰ ἐν αὐτῷ διχόθεν βατὰ γυναιξίν, ἀνδράσι, παιδίοις, τῷ συμμιγεῖ στρατιωτικῷ, τοῖς ἐξ ἀλλοδαπῶν παραβάλλουσι· καὶ οὐδεὶς ἐκεῖ θυρωρός, οὐδεὶς ὁ τοῖς ἐντὸς ἀγγέλλων τὰς ἐκτὸς παρουσίας, ἀλλ' ὡς ἐν πλατείᾳ ὁδῷ οὗτοι, τούτῳ κἀκεῖνοι ἄλλοις περιτυγχάνουσι, καὶ ἔστιν οἶκος ἐμπορίου καὶ κοινὸν ἀπροσερώτητον καταγώγιον ὁ οἶκος οὗτος τοῦ πατρὸς τοῦ Χριστοῦ. Τὰς τῶν ἀποβιούντων κληρικῶν στάσεις εἰς ἑτέρους νεοταγεῖς οὐ συγχωρεῖ διαβαίνειν, ἀλλὰ τοῖς ὑπ' αὐτὸν τὰς πάσας καταμερίζεται· καὶ οἱ κληρικοί, οἷς ἐπὶ πόλλ' ἔπαθον καὶ πόλλ' ἐμόγησα προσλαβόμενος, ἀναθρεψάμενος, μαθητεύσας, κληρώσας, μὴ ἔχοντες ὅπῃ γῆς ἐργάσονται καὶ πορίσονται, ἄλλος ἄλλῃ διεσκεδάσθησαν· ἐκ τῶν ὑπολελειμμένων δὲ πριμμικήριον καὶ δομέστικον γυναιξὶ συνοικοῦντας, εὐφυῶς ἱεροψαλτοῦντας, σιδήρῳ πεδήσας, πύργῳ ἐνθείς, ἐπὶ τετραμήνῳ ἤδη καὶ θλίβει καὶ κακουχεῖ. Κήπους ἐν τῷ κώδικι καταγεγραμμένους τῆς ἐκκλησίας τοῖς ὑπηρετουμένοις τούτῳ ἀποχαρίζεται· ἱερεῦσιν ἐξ ἀλλοδαπῶν παραβάλλουσι δίχα γνώμης ἡμῶν ἐν τῷ τοῦ ἐπισκοπείου ναῷ ἱερουργεῖν ἐγκελεύεται· ἀναφέρειν ἡμᾶς τῷ ἑαυτοῦ ἱερεῖ οὐ παραχωρεῖ· τὴν ἐν ταῖς πανδήμοις τελεταῖς εὐφημίαν ἡμῶν ἀναφωνεῖσθαι οὐκ ἐπιτρέπει.

---

1) τῷ] ἐν τῷ κώδ. τό.
4) καί τινων] ἐν τῷ κώδ. καὶ τινῶν.
7) ἐν πόλεσιν] ἐν τῷ κώδ. ἐμπόλεσιν.
8) θριγγίον] ἐν τῷ κώδ. θρηγγίον.
10) παραβάλλουσι] ἐν τῷ κώδ. περιβάλλουσι.
13) οἶκος ἐμπορίου] πρβλ. Ἰωάν. β', 16.
16) ἔπαθον—ἐμόγησα] πρβλ. Ἰλ. Ψ, 607 || ἐμόγησα] ἐν τῷ κώδ. ἐμόγησαν.
25) ταῖς] ἐν τῷ κώδ. τοῖς.

Κληρικοῦ ἑτέρου πεφθακότος εἰς ἡλικίαν καὶ χειροθεσίαν ἐγγίσαντος, περιήγαγεν ὀπίσω τὼ χεῖρε, καὶ σχοινίῳ δεσμήσας σχοινίον ἄλλο μακρὸν τοῦ τραχήλου ἐξήρτησε, καὶ προσδήσας ἵππου οὐρᾷ ὀξεῖ τῷ δρόμῳ ἀνῆγεν εἰς φυλακήν· ὁ δὲ συρόμενος καὶ τοῖς παρὰ τὴν ὁδὸν λίθοις καὶ δένδροις παρακρουόμενος καὶ παρατριβόμενος, οὕτως ὡς εἶχε μετὰ τοῦ συνήθους τοῖς κληρουμένοις ἐνδύματος αὐτὰ μὲν καὶ πέπονθε καὶ ἐπὶ πάντων ἠτίμωται, τὴν δὲ φυλακὴν συγκεχώρηται. Οὕτως οἶδε καὶ ἐπισκόπους ἱερωμένους τιμᾶν ὁ κάκιστ' ἀπολούμενος ἡμέτερος τύραννος. Ἀγρίδιον πρὸ χρόνων ἤδη καὶ ἑβδομήκοντα ἐκ βασιλικῶν προσταγμάτων ὑπὸ τῶν προτοῦ μητροπολιτῶν νεμηθὲν καὶ ὁρισμοῖς καὶ τοῦ ἀοιδίμου Κομνηνοῦ κῦρι Μιχαὴλ καὶ τοῦ σήμερον κρατοῦντος ἡμῶν τῇ ἐκκλησίᾳ προσκυρωθέν, πρὸ χρόνων πέντε κατασχὼν ἀκρίτως καὶ νέμεται καὶ καρπίζεται. Εὐγενὴς θανοῦσα γυνὴ τὰ κατὰ Ναύπακτον προικῷα ἐπιτελευτίῳ ἐγγράφῳ τῇ μητροπόλει ἥρμοσεν· ἀλλὰ καὶ ταῦτα ὁ εὐσεβὴς οὗτος τῇ ἑαυτοῦ χειρὶ περισφίγγων, μικρὸν οἴεται εἰ μὴ ἀδικεῖ καὶ θανόντας. Καὶ φίλους ἔχει τοὺς (ὅ φασιν ὁ Δαυίδ) ἐν ταῖς ἐπιθυμίαις αὐτοῦ ἐπαινοῦντας αὐτὸν καὶ ἐν ἀδικίαις ἐνευλογοῦντας· εἰ δέ που καὶ ἔστι τις ὅπιν ἔχων Θεοῦ, ἐχθρὸς αὐτῷ καὶ ἀπόστοργος. Οὕτως ἐξερράγη πρὸς πᾶν πονηρόν, οὕτω τὰ ἀνὰ χεῖρα ἠχρείωσε. Προσθετέον καὶ ταῦτα. Μονὴν ὑφ' ἡμᾶς βοσκήμασι καὶ προσόδοις εὐθηνουμένην, τοῦ προεστῶτος χηρεύσασαν ἐπὶ πέντε ἡλίοις ἀνηγούμενον καταλειφθῆναι παρεβιάσατο, καὶ δέον ὃν τὸν ἐπίσκοπον καὶ ἐπιλέξασθαι καὶ ἀντεισαγαγεῖν προεστῶτα διὰ σφραγῖδος, ὅδε καὶ λίχνον τῇ μονῇ ἐνιδών, ἵνα τὸ συλλεγόμενον ἐκ τῶν προσόδων χρυσίον ἀποκερδαίνῃ, τὸν μὲν τοῦ τόπου ἐπίσκοπον ἐν Καρὸς μοίρᾳ θέμενος, ἀγελαῖόν τινα μοναχὸν καὶ ἀγράμματον οἰκονόμον τῇ μονῇ ἐγκατέστησε· καὶ ὃς ἐξαργυριζόμενος τὴν ὅλην ὕπαρξιν τῆς μονῆς, τῷ καλῷ τούτῳ Δούκᾳ κατὰ καιρικὴν ἐγγύτητα προσεκόμιζε· καί ποτε μανδύᾳ περιστείλας αὐτὸν καὶ

---

17) Δαυίδ] πρβλ. Ψαλμ. 9', 24.
18) τις ὅπιν] ἐν τῷ κώδ. τίς ὅπιν.
22) καταλειφθῆναι] ἐν τῷ κώδ. καταληφθῆναι.
24) ἐνιδὼν] ἐν τῷ κώδ. ἐν ἰδὼν.
26) ἐν Καρὸς μοίρᾳ] πρβλ. Ἰλ. Ι, 378. || τινα] ἐν τῷ κώδ. τινὰ.

ράβδον χειρίσας, «"Εσο» φησίν «εἰς ἡγούμενον καὶ τῷ μητροπολίτῃ ἐπὶ σχήματος οὕτω καὶ τῆς ῥάβδου προσκύνησον». Καὶ ἂν ἐποίησε ταῦτα ὁ μοναχὸς καὶ τὴν ἀνὰ χεῖρας ῥάβδον ποιμαντικὴν εὗρεν αὐτίκα παιδευτήν, εἰ μή τις τῶν ἐχεφρόνων ἐκώλυσε τὴν προσέλευσιν, τούτῳ περιτυχὼν ἐν τῇ μητροπόλει· ἐκεῖσε γὰρ ταῦτα ἐπράττετο· προσεῖπόν τε, ὡς εἰκός, καὶ ὃ καλεῖτ<αι> ὄνομα μοναχικὸν ἀνηρώτων· ὁ δὲ πάντῃ ὢν ἀγροῖκος καὶ ἀναλφάβητος ἀντὶ Βαρθολομαίου Χαρταλαμαῖος ἀπ<ε>λογήσ<ατ>ο. Γέλως ἐπὶ τῷ λόγῳ ὥρτ᾽ ἀεικὴς καὶ τὸν προβαλλόμενον καὶ τὸν προβληθέντα ἀξίους ἀλλήλων εἶναι ἀπέσκωψ<αν· ἀλλ᾽ οὕτως ἡγου>μενεύων ἐπὶ τῷ εἰρημένῳ καιρῷ καὶ μικρὰ φροντίζων τοῦ ἐπισκόπου, Κομνηνικὸν ἡγούμενον ἑαυτὸν ἐπωνόμαζε· τὰ τῆς μονῆς τοῖς χρῄζουσιν ἀπεδίδου καὶ τῷ ἑαυτοῦ προστάτῃ ἐδίδου. Οὕτως οἶδε τὰ θεῖα τιμᾶν, οὕτως ἐκ τῶν ἱερῶν παρακερδαίνειν διευλαβεῖτο. Ἀλλὰ καὶ ἐν τῇ σῇ ποτε Ἀχρίδι στρατηγὸς καταστὰς καὶ σχολάσας, ἐκεῖθεν ἱερὰ τῆς σῆς Ἐκκλησίας (κρατῆρες ἦσαν ταῦτα καὶ δίσκοι) ἐμοὶ ἐν Βονδίτζῃ ἐπώλει· ἀλλ᾽ ὑπερτιμῶν τὴν ἀπόδοσιν εἶδεν ἐμὲ τὴν ἀγορασίαν ἀπαναινόμενον, καὶ συναναπλεύσας εἰς τὰ Ἔῳα τῷ αἰχμαλωτισθέντι βασιλεῖ κῦρι Ἀλεξίῳ συνανήγαγεν ἐκεῖ τὰ ἱερά. Τί ἄν τις εἰπὼν περὶ τοῦ ἄρχοντος τούτου ἀξίως ἔσται εἰπών; Μιᾶς δὲ οὔσης τῆς εἰς τὸν βίον εἰσαγαγούσης πυλίδος, καὶ νοεῖς τῆς γενέσεως, καὶ τῆς ἐξαγούσης ἑτέρας, καὶ ταύτης κατὰ σχίζαν διπλῆν, ἡ γὰρ ἀνακλώθεται ἡμῖν ὁ τοῦ βίου λῖνος καὶ θνήσκομεν εἰς τὴν τρίχα κειρόμενοι καὶ μελανειμονοῦντες καὶ οὕτω παρὰ μέρος τῆς ζωῆς ἐξαγόμεθα, ζῶθαπτοί τινες ἐντεῦθεν γινόμενοι καὶ καθ᾽ ὁπόσον τῶν βιωτικῶν ἀφιστάμενοι, ἐπὶ τοσοῦτον καὶ θνήσκοντες. Τούτων ἀμφοτέρων αὐτοχειροτόνητον ἑαυτὸν ὁ εὐγενὴς καθίστησι πυλωρόν, καὶ ἀπαιτεῖται φιλότιμα καὶ τῆς αὐτοῦ εὐγενείας ἰσάξια καὶ τὰ εἰσβατήρια καὶ τὰ ἐκβατήρια· τῶν γὰρ γεννωμένων ἀνάδοχος ἐκ τοῦ βαπτίσματος γίνεται, καὶ ἵππους ὑπὲρ τῆς ἀνα-

---

8) ἀπελογήσατο] ἐν τῷ κώδ. ἀπ|||λογῖσ|||||ο.

10) ἀπέσκωψαν — ἡγουμενεύων] μεταξὺ τοῦ ψ καὶ τοῦ μ τόπος ἐφθαρμένος καὶ διάτρητος ἐν τῷ κώδικι.

23) κειρόμενοι] ἐν τῷ κώδ. κειρώμενοι.

28) γεννωμένων] ἐν τῷ κώδ. γενναμένων.

δοχῆς ἀπαιτεῖται καὶ θηρίων, οἷς ἐν χειμῶνι ἀμφιεννύμεθα, τὰ κάλλιστα δέρματα· συγκαταβαίνων δὲ τοῖς τῶν τικτομένων γεννήτορσι, καὶ χῆνας καὶ ἐκτομίας ἀλέκτορας καὶ νῆττας σιτευτὰς ἀποδέχεται. Τῶν δέ γε θνησκόντων ἢ κειρομένων βαρύτερος εἰσπράκτωρ ἐστίν, εἰς ἑκατὸν ἔστιν οὗ χρυσίνους κατὰ τὸν μυθευόμενον Χάροντα τὸ πορθμεῖον αὐτῶν ἀπαιτούμενος, καὶ εἰς εἴκοσι τέσσαρας ἔστιν ὅτε τὸ τῶν κειρομένων περιιστάς· οὐ μὴ γὰρ οὐ μὴ ὁ μὲν ταφήσεται, ὁ δὲ καρήσεται, εἰ μὴ τὰ πορθμεῖα πρῶτον καταβαλοῦνται. Τοῦ δὲ κανόνος ὑποβάλλεσθαι προστάσσοντος ἀναθέματι τοὺς ὅσοι ἐκ στρατιωτικῶν κειράμενοι μοναχοὶ εἰς φαρέτραν πάλιν καὶ ξίφος ἐστράφησαν ἐν τῇ ἀπεκδύσει τοῦ σχήματος, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τούτοις ἔχθιστος ὁ ἐπίσκοπος, ὅτι μὴ τοῖς τοιούτοις συνεύχεται, καὶ τὴν ἀποφυγὴν τῆς συνεύξεως παραίρεσιν καὶ παρακοπὴν ἐγκαλεῖται τῆς φάλαγγος, καὶ τὰ χείριστα πάσχει καὶ ὑπὲρ τούτου τοῦ ἀτοπήματος. Ἀλλ' οἶδα τὸν μὲν ὅρον τῆς ἐπιστολῆς παρελθών, τῶν δὲ τοῦ ἐμοῦ διώκτου κακῶν δακτύλῳ μόνον ἁψάμενος· εἰ γάρ τις ἐξηγεῖσθαι βούλεται τὰ αὐτοῦ, γλώσσας αἰτησάτω δέκα, πλουτῆσαι καὶ στόματα τόσα, καὶ βίον ζῆσαι Ἰαπετοῦ πρὸς ἐξήγησιν. Ἐν τῷ παρόντι δὲ ὀκνῶ καὶ γλῶσσαν μολῦναι καὶ χάρτην ῥυπῶσαι τὰ τούτου λαλῶν καὶ καταγραφόμενος· σὺ δὲ μοι ὅμως ὁ μισο.....

7.

.....δὶς ἐπὶ τὸ αὐτὸ νομοθετῶν ἐκδικεῖν, καὶ τὴν ἔμβιον ταύτην ἐκδικίαν ἐπαγάγει μοι καὶ τὴν μετάβιον ταμιεύεται. Ἀλλὰ λογίζομαι καὶ τὸ τρίτον, καὶ κἂν οὐκ εὖ φρονῶν διὰ χαυνότητα λογισμοῦ, ὡς γίνεσθαί μοι παίδευμα τὴν πληγήν· ἀλλ' «Ἐλπὶς» (ἐγκαίρως φάναι τὸ ἡσιόδειον) «ἐν ἀῤῥήκτοισι δόμοισι μίμνει» καρδίας μου, καὶ τὴν ἐπιμελῆ παῖδαν ταύτην καὶ τὴν μαστίγωσιν κυριακῆς

---

1) ἀμφιεννύμεθα] ἐν τῷ κώδ. ἄμφιλον νύμεθα.
2) συγκαταβαίνων] ἐν τῷ κώδ. συγκαταβαῖνον.
4) εἰσπράκτωρ] ἐν τῷ κώδ. εἰσπράκτορ.
7) καρήσεται] ἐν τῷ κώδ. καρείσεται.
22) ἐπὶ τὸ αὐτὸ] ἐν τῷ κώδ. ἐπιτοαυτό.
26) ἡσιόδειον] πρβλ. Ἡσ. ἔργ. 96—97.

παραδοχῆς σημεῖον κρίνω καὶ ἀγαπήσεως. Ταῦτα κατὰ λογισμὸν ἔστησα, καὶ διελὼν ἀνὰ μέρος πλημμεληματῶν πλῆθος καὶ πειρασμῶν καὶ τὴν ἐπαινετὴν Θεοῦ ἐπιπόθησιν, ταύτῃ μᾶλλον ἐθέμην καὶ τίθεμαι, ὅθ' ἡ μὲν ὁδός ἐστι πρὸς ἀνάνευσιν, τὸ δ' ἕτερον σκέλος ἀχανὴς βυθὸς ἀπογνώσεως. Ἀλλ' ἐγὼ μὲν ἐν τούτοις τὸ τοῦ λογισμοῦ κλυδώνιον ἵστημι, τὰ δὲ τῆς Ἐκκλησίας κυμαίνεται. Ὅμηρός μοι χρησάτω ἔπος μικρόν· συνέπεσε γὰρ αὐτοῖς Εὖρός τε Νότος Ζέφυρός τε δυσαὴς καὶ Βορέης αἰθρηγενέτης, κῦμα μέγα τούτοις τοῦτο κυλίνδων. Ὁ ἐμὸς ταῦτα τύραννος (λεγέσθω γὰρ ὁ ἐμός), ὁ ἐν πᾶσι πολέμιος, καὶ ὡς ἰδιάσω τὰ παρ' αὐτοῦ, προσεταιρίζεται κληρικούς, οἷς ἔτι πόλλ' ἔπαθον καὶ πόλλ' ἐμόγησα. Ὑποσπᾶται ἀγροὺς οὐδὲν αὐτῷ διαφέροντας· ἀνονομάστους ἀπαιτεῖται τοὺς φόρους, οὐδὲ γὰρ ἔχουσιν ὑποκείμενον. Λοιδοριῶν δὲ πέρι καὶ ὕβρεων πάρεργόν μοι ταὐτολογεῖν πρὸς τὸν πολλάκις ἀκούσαντα· ἀλλ' οὗτος μὲν δι' ἁμαρτίας χειλέων εἰς θείαν (κἂν ὀψὲ) ἐμπεσεῖται παγίδα, ἐμοὶ δὲ τάφος ἀνεῳγμένος ὁ λάρυγξ αὐτοῦ· ἀλλὰ καὶ τὴν ἐπ' ἀγγέλων αἰσχύνην οἶδα παρυποτέμνει μοι. Ἐν τούτοις ὧν οὐ τρίβω τὴν αὐθεντικὴν τοῦ ἐπισκοπείου καθέδραν, ἣν καὶ ταύτην αὐτὸς κοινωσάμενος ἀντὶ ἐπισκοπείου πορνεῖον καὶ ἀνθ' ἱεροῦ ἰδιωτικὸν αὐτὸ κατεστήσατο, καὶ σὺν τοῖς ἄλλοις ᾠκοδομήσατο καὶ σουφᾶν. Οἰκίας ὄνομα περσικῆς ὁ σουφᾶς· δηλοῖ δέ, ὡς εἰκάζειν ἔστιν ἀπὸ τοῦ σχήματος, ἐν ταὐτῷ παρύψωσιν καὶ ὑπόβασιν· ἔστι γὰρ τὸ οἰκημάτιον πρόμηκες, καὶ τούτου «κλέος οἷον ἀκούομεν οὐδέ τι ἴδμεν». Τούτου γοῦν τὴν ἔκτασιν καθ' ἓν τῶν ἄκρων παρατεμόμενος, καὶ τῷ τμήματι τούτῳ χῶμα ἐπιστοιβάσας καὶ τοῦ λοιποῦ προσανασπάσας ἐδάφους, λίθοις τε τὸ

---

2) ἀνὰ μέρος] ἐν τῷ κώδ. ἀναμέρος.
4) ἔστι] ἐν τῷ κώδ. ἐστί.
6) Ὅμηρος] πρβλ. Ὀδυσ. ε, 295—296.
8) αἰθρηγενέτης] ἐν τῷ κώδ. αἰθριγενέτης.
9) κυλίνδων] ἐν τῷ κώδ. κιλίνδων.
10) προσεταιρίζεται] ἐν τῷ κώδ. προσετερίζεται.
14) δι' ἁμ. χειλέων παγίδα] πρβλ. Παροιμ. ιβ', 13.
15) τάφος— αὐτοῦ] πρβλ. Ψαλμ. ε', 10.
23) Ἰλ. Β, 436.
24) παρατεμόμενος] ἐν τῷ κώδ. παρατεμώμενος.

χῶμα διαλαβὼν ὡς μὴ πρὸς τὸ ὑποβεβηκὸς καταρρῇ, κιγκλίδας ἄνω τούτου τοῦ διαστήματος ἐστήσατο στοιχηδὸν καὶ σχῆμα ἐπισκοπικοῦ θρόνου, ὃς δὴ κοινῶς καλεῖται στασίδιον, διὰ τούτων ἐκαινουργήσατο, ὡς ἀριστᾷ μὲν αὐτὸς ἐν τῷ μετεώρῳ καὶ ἀπ' ἐκείνου ῥήγνυσι τὸν διάλογον, καὶ ὡς ἀπ' οὐρανοῦ τεχνητοῦ βροντᾷ ὡς ὁ Σαλμωνεύς· τὸ δ' ὑποβεβηκὸς καὶ τὸ πρόσγειον εἰς δίαιταν εἰς ἀκρόασιν τοῖς τὴν τύχην ταπεινοτέροις ἀπένειμεν. Εἰ δέ που τινὸς εἰς πλῆθος αὐτῷ ἐντυγχάνοιεν, ἀλλ' αὐτὸς ἀριστίνδην τούτους ἀπολεγόμενος ἑαυτῷ συνιστᾷ, τῷ χυδαίῳ δὲ τὸν κάτω δίδωσι τόπον καὶ τοῖς ὁμοτύχοις συνίστησιν· ὕψος δὲ τῷ ἀνασπάσματι τούτῳ, ὅσον τὸν κάτω τῷ ἄνω διαλεγόμενον τὸ χεῖλος ἔχειν πρὸς τοῖς ἐκείνου ποσίν· καὶ ταύτην τὴν θέσιν καὶ τοῦτο τὸ σχῆμα καλοῦσι Πέρσαι σουφᾶν. Οὕτως ὁ κράτωρ τῶν ἡμετέρων, ὡς δ' αὐτὸς συνέθετο κοινόν τι τοῦτο ἀξίωμα, ὁ ῥηγοκρατάρχης, ἀνὰ μέσον διαστέλλων ταπεινότατός τε καὶ ὑψηλότατος, δέον ὂν ἀνὰ μέσον ἁγίου καὶ βεβήλου μᾶλλον ποιεῖσθαι διαστολὴν καὶ μὴ μιγνύειν ταῦτα τὰ ἄμικτα. Ἀλλ' αὐτὸς μὲν οὕτως· ἐγὼ δ' ἐφάπαξ τῆς ἐπισκοπῆς ἐκκρουσθεὶς καὶ ἀπὸ μητροπολίτου εἰς χωρεπίσκοπον καταβάς, ἐν παροικίᾳ ὑπὸ τὴν ἐκκλησίαν ποιοῦμαι τὴν δίαιταν, καὶ σύνειμι χωρικοῖς καὶ παρὰ βόας ἔχω καὶ βῶλον καὶ ἄροτρον, καὶ πονοῦμαι περὶ ὑδραγωγούς, καὶ ὀρχάτους ἀνακαθαίρω φυτῶν, καὶ δίκας δικάζω ὁ μητροπολίτης (ὁ γνώριμος ἐν Ἑῴᾳ, ὁ ἐν Ἑσπέρᾳ μὴ ἄγνωστος, ὁ ἐν τῇ Βασιλευούσῃ πάλαι ὑποβλεπόμενος, ὡς οἱ πολλοὶ μὴ ὀρθῶς δοξάζουσιν, ὁ ἐλλόγιμος), ὅσας κλοπὴ συνίστησιν ἁμαξῶν, ὅσας ὄνοι ἀλλότρια βρωματιζόμενοι λήια καὶ τὰς οὐρὰς ἐντεῦθεν ἀποκοπτόμενοι, καὶ ὅσας φώριόν τι σκεύους γεωργικοῦ· φούρτιβον δὲ τὸ κλέμμα γλῶσσα καλεῖ ῥωμαΐζουσα. Ἤδη δὲ καὶ χαλκεὺς πάρεστί μοι κριθησόμενος, ὅτι τὴν τοῦ γείτονος ὕνιν οὐ κατὰ τέχνην ἐχάλκευσεν, οὐδὲ σχῆμα ταύτῃ τὸ πρέπον

---

2) στοιχηδὸν] ἐν τῷ κώδ. στοιχιδόν.
3) θρόνου] ἐν τῷ κώδ. ὀρθρόνου.
5) Σαλμωνεύς] ὅρα Σουΐδαν ἐν λ.
9) τὸν κάτω] ἐν τῷ κώδ. τονκάτω.
24) ὅσας κλοπὴ] ἐν τῷ κῶδ. ὅσα κλοπῇ.
27) πάρεστι] ἐν τῷ κώδ. παρέστι.
28) ὕνιν] ἐν τῷ κώδ. ὕννιν.

ἐνέθετο, οὐδὲ κατὰ βραχὺ τοῦ πυρὸς ἐξάγων χειρολαβίδι καὶ σφύρᾳ τύπτων εἰς ἐντελὲς αὐτὴν ἐξειργάσατο, ἀλλὰ τῷ πυρὶ λιπάνας εἰς διαρκὲς καὶ καταχαυνώσας οὕτω τὸν σίδηρον, εἶτα σφυρηλατῶν τὸν ὄγκον ταύτης ἠλάττωσε. Ταῦτα τὰ κρίματά μου, τοῦ ποτὲ τὰ κρίματα τῆς περιβλέπτου συνόδου χειρογραφοῦντος εἰς ‹εὐ›στοχίαν, ὡς που ἐλέγετο. Ὁ δὲ τόπος, ὃν παροικῶ, καθήλιος, δέσποτα, καὶ καταυγάζει τοῦτον τὸν τόπον οὗτος ὁ γίγας, ἀφ' οὗ τὸν ἑῷον ὁρίζοντα ὑπεραναβὰς σκεδάσει τὴν ἀκτῖνα πρὸς γῆν, ἕως καὶ τὸν ἑσπέριον παραμείψεται· καὶ ὑπόψυχρον ἐγὼ γεράνδριον ὤν, τῶν ὑψηλοτέρων ἐμῶν παρὰ ταῦτα ἐξείρπυσα φωλεῶν, ἔνθα συνεσπειραμένος ἤμην ὡς ὄφις καὶ «πέντε σισύραις ἐγκεκορδυλημένος», ὡς ὁ Φειδιππίδης Ἀριστοφάνους. Ἀλλ' ἐν τούτῳ δαψιλεστέραν ἐπιδέχομαι τὴν ἀλέαν, καὶ τὸ τοῖς γέρουσι τροχαλὸν εἰς ὀρθίαν ἐκ τῆς θερμότητος ἀναδρομὴν μετασχηματίζομαι· καὶ ὡς αὐτὸν διαγράψασθαι, αὐλαία μεγάλη τετράγωνός ἐστι καὶ ἰσόπλευρος, καὶ διαλαμβάνουσι τὰ μήκη καὶ τῶν τεσσάρων πλευρῶν ταπειναὶ οἰκίαι καὶ παλαιαί, διαιρεταὶ εἰς κελλάθρας, αἷς ἐνσκηνούμεθα. Ἀδιαίρετον δὲ ὂν τὸ τοῦ τετραγώνου τούτου χωρίον, ὡς δὲ γεωμέτραι λέγουσιν ἐμβαδόν, καὶ μὴ διαιρεθὲν ὡς ἐχρῆν εἰς αὐλὴν αὐτὴν καὶ εἰς μέσαυλον, ὡς ἐν τούτῳ μὲν τὴν ἐκ ζῴων ἡμετέραν ὕπαρξιν ἐνοικίζεσθαι, ἡμᾶς δὲ τῷ ὑπολοίπῳ μέτρῳ τῆς αὐλῆς ἐνσκηνοῦν, ἐσμὲν ὁμοῦ χρήματα πάντα, ἄνθρωπος ἵππος νῆττα καὶ χὴν καὶ σύες, περιστεραὶ πρόβατα βοῦς τε καὶ κύων, σῖτος κριθὴ καὶ κέγχρος, ὄσπριον λῖνον ἄχυρον ἥ καὶ χόρτος, ὣς δὲ καὶ ξύλον· καὶ ἔνθεν μὲν βληχᾶται τὸ πρόβατον, ἐκεῖθεν δὲ μυκᾶται ὁ βοῦς, ἵππος τε χρεμετίζει καὶ παππάζει ὁ χήν, καὶ περιγρυλλίζουσι τὰ δελφάκια, καὶ φωνεῖ τορὸν ὁ μεγιστόφωνος ὄρνις, καὶ διαλέγεται ἄνθρωπος, καὶ περιλαλούντων ἡμᾶς τὴν μὲν ὁμιλίαν ἐπικοπτόμεθα, ὄνομα δὲ ἡμῖν περιάπτεται, ὁποῖον καὶ τοῖς αὐτάρκως τούτων ἔχουσι χωρικοῖς τὸ

---

3) σφυρηλατῶν] ἐν τῷ κώδ. σφυριλατῶν.
11) πρβλ. Ἀριστοφ. Νέφες 10.
15) ἐστι] ἐν τῷ κώδ. ἐστὶ.
18) διαιρεθὲν] ἐν τῷ κώδ. διαιρὲν.
21) ἄνθρωπος... ξύλον] ἐν τῇ ᾠᾷ τοῦ κώδ. «στίχοι δ'».
25) παππάζει] ἐν τῷ κώδ. παπάζει.
26) μεγιστόφονος ὄρνις] πρβλ. Ησίδ. εἰς Ἐξαήμ., στ. 1087.

ἀλογώτερον ἐπεφήμιξαν. Οἰκοδεσπότης τοῦτο τὸ ὄνομα, ὅτι πολλὰ ἡμῖν ἑτερογενῆ καὶ ἐπηετανὰ τὰ ἐγκείμενα. Ἀλλ' ὅτε τῆς Κωνσταντίνου ηὔγει ὁ λύχνος καὶ τὸ σεβαστὸν τῆς Σοφίας μέγα τέμενος ηὔγαζε, περὶ χοροὺς φιλοσόφων, περὶ ῥητόρων ξυλλογὰς ἐστρεφόμεθα καὶ ὑπ' αὐτῶν περιελαλούμεθα, καὶ πλέον ἢ φοιτῶντες ἐς διδασκάλων αὐτίκα ἐδιδασκόμεθα, ἄλλου ἄλλο προβαλλομένου θεώρημά τε καὶ ζήτημα ἐπιστήμης ἀφ' ἑκατέρας ταύτης καὶ τέχνης· ὅτε δὲ εἰς τὴν ἐπισκοπικὴν ἀψῖδα ἀναβεβήκαμεν καὶ διδάσκαλοι τῆς ἐπιστήμης κατέστημεν (ἐπιστήμην δὲ καλοῦσιν οἱ πατέρες τὰ δόγματα), τότε δὴ τότε τῶν ἐνάρθρων ἐκείνων καὶ φιλοσόφων φωνῶν τὰς ἀνάρθρους τῶν ζῴων τὰς ἀσημάντους ἀντηλλαξάμεθα, καὶ τοῦτο δὴ τὸ τῆς παροιμίας ἀφ' ἵππων εἰς ὄνους μεταπεπτώκαμεν, καὶ ὅπῃ τύχῃ πλανώμεθα καὶ ἄλλοι ἄλλοτε ἐνσκηνούμεθα. Καὶ πῶς ἀπορεῖς, ὡς οὐκ ἐνωπίῳ στήσομαί σοι ἐνώπιος, καὶ συντάττεις ταύτην τὴν ἐντυχίαν τοῖς ἀμηχάνοις, ἡνίκα κατὰ τοὺς ἀπλανεῖς τῶν ἀστέρων τῷ ἡμετέρῳ ἐπισκοπείῳ οὐ στηριζόμεθα, ἀλλ' ἐξ ἀνατολῶν εἰς δυσμὰς καὶ ἐκ τούτων ἐκεῖσε καὶ κατὰ τοὺς ἑτέρους ἀστέρας ὡς οἱ ἐκ τούτων πλανώμενοι διακυκλοῦμέν τε καὶ διαδινεύομεν; Εἶεν. Ὡς φόρτον δὲ τὰ ἡμέτερα πάθη, ὅσα καὶ πλοίῳ, τῷ χάρτῃ τούτῳ ἐνθέμενοι, ὡς εἰς λιμένα εὐάγκαλον τὴν σὴν Ἀχρίδα καταχθῆναι θεοκλυτοῦμεν. Τούτῳ σὺ καὶ περιτυχὼν καὶ μυριοφόρον οὕτω τὸ πλοῖον ἰδών, ἐλπίσαις ὡς ἐξ Ἰνδῶν ἡμῶν ἀναπλεῦσαν πολλὰ διακομίζειν τὰ ἀναγκαῖα καὶ τὰ δυσπόριστα, τὰ σοὶ ἀναγκαῖα, τὰ ἐμὰ εὐπαθῆ· τῷ δὲ ὁ φόρτος ἐστὶ συμφοραὶ καὶ τὰ ἀγώγιμα δάκρυα· πείθομαι γὰρ ἐπιδακρύσαι με τοῖς ἐμοῖς κἀκ τῶν ἀδελφικῶν συμφορῶν ἰδίας λύπας καρπώσασθαι. Οὔριον μέντοι τὸ πνεῦμα καὶ ὑπερλίαν θέλω τούτῳ ἐμπνεῦσαι, ὡς τῇ συντόμῳ καταγωγῇ παρὰ τῆς σῆς τελειότητος ἀντιναυλοχηθῇ μοι τὰ εὔθυμα.

8.

Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν ἐπίσκοπον Καστορίας κῦρι Κωνσταντῖνον καὶ πρωτόθρονον τῆς κατὰ Βουλγαρίαν συνόδου.

---

12) ἀφ' ἵππων εἰς ὄνους] Corpus paroem. Graecorum, τ. 2, σ. 9.
26) ὑπερλίαν] ἐν τῷ κώδ. ὑπὲρ λίαν.

Τὸ μὲν νοσῆσαι εἰς θάνατον καὶ τὸ τὴν ἐμὴν ζωὴν ἐγγίσαι τῷ Ἅιδῃ οὐκ ἔφυγέ μου τὸν μνήμονα· φύσει γὰρ τὰ δεινὰ παραμόνιμα καὶ τῷ πινακίῳ τῆς μνήμης μετὰ δριμύτητος ἐγγεγράφαται, καὶ παρὰ τοῦτο καὶ δυσεξάλειπτα, ὡς καὶ τὰ ἐκκεχυμένα |||λιαδο||| τοῖς σκεύεσιν ἐντυπούμενα. Τοῦ δὲ τὴν σὴν ἁγίαν ψυχὴν ἀλγῆσαι ὑπὲρ ἡμῶν, ὑφ' ἡμετέρας γραφῆς νυχθεῖσαν εἰς δάκρυα, καὶ πάνυ τι ἐκλελήσμεθα· διάστημα γὰρ μεταξὺ πενταέτες χρονικόν, ἀφ' οὗ ἐγένετο ταῦτα καὶ θανάτου μέχρις ἐμαλακίσθημεν καὶ τὸ παρὰ σοῦ γλυκὺ πρὸς ἡμετέρας χεῖρας ἔπεσεν ἀντιλάλημα. Πῶς δὲ οὐκ ἔμελλες ὁ ἀκριβὴς τῶν θείων ἀκροατὴς ἐπὶ φίλῳ μικροῦ πεσόντι παθήνασθαι καὶ παρὰ βραχὺ τὸ φῶς ἐκλιπόντι τοῦτο τὸ γλυκερὸν μὴ πόρους μὲν συμμύσαι καρδιακούς, δάκρυον δὲ δνοφερὸν ἐν ὀφθαλμοῖς ἀναθλῖψαι, ὁποῖον καὶ κρήνη χέει μελάνυδρος, ἣν ἡ τοῦ Ὁμήρου ῥαψῳδεῖ Καλλιόπη, ἔνθα ποιεῖ δακρυῤῥοοῦντα τὸν Ἀγαμέμνονα; Πρόφασιν δὲ στερῤῥοτέραν τοῦ γράμμασιν ἡμῖν προσλαλεῖν ἄλλην τινὰ ζητεῖς, τῆς παλαιᾶς ἐκείνης φιλίας καὶ συνουσίας, ἡνίκα τὸ πατριαρχικὸν πατῶν ἔδαφος ἐκεῖνο τὸ περιμαρμάρεον καθ' ἑβδοματικὰς περιόδους γνησίως τε προσεφύου μοι τῷ σῷ Ἰωάννῃ, καὶ περιπλεκόμενος ὥσπερ ἐλευθέρᾳ τῇ γλώσσῃ ἐλευθέρῳ τῷ πνεύματι προσελάλεις τὰ φιλικά· ἀλλὰ καὶ προβαίνων εἰς ἱερέα καὶ τὸ τῶν ὑπὸ σοῦ φιλουμένων ἐκλόγιον προσκαλούμενος, κἀμὲ διὰ φιλίαν ἐποιήσω συλλειτουργόν. Μείζονα τούτων αἰτίαν πρόφασιν ἀφορμὴν μήτ' αὐτὸς ζήτει, μήθ' ἡμᾶς ἀπαίτει διδόναι, ἀλλὰ τὰ φιλικὰ συντηρῶν, ἐπαυξηθέντα τῷ χρόνῳ καὶ εἰς πνευματικὴν ἀδελφότητα, τὴν ἱερὰν κίνει χεῖρα καὶ ὀξυγράφει μοι τὰ προσρητικά, νῦν μᾶλλον, ὅτε καὶ νόσοις καὶ συμφοραῖς πολυειδέσι κακούμεθα· ἐβαρύνθη γὰρ ἐφ' ἡμᾶς ἡ χειρ τοῦ Θεοῦ, ὅτι καὶ ψυχὴν ἡμεῖς καὶ σῶμα ταῖς ἁμαρτίαις κατεβαρύναμεν, καὶ τὴν ἰδίαν ὀργὴν

---

4) ἡ μεταξὺ τῶν ἐκκεχυμένα καὶ τοῖς λέξις ὑπέστη φθορὰν ἐν τῷ κώδικι.
6) ἡμετέρας] ἐν τῷ κώδ. ὑμετέρας.
7) πενταέτες] ἐν τῷ κώδ. πεντάετες.
13) Ὁμήρου] πρβλ. Ἰλ. Ι, 13—15.
15) στερῤῥοτέραν] ἐν τῷ κώδ. στεροτέραν.
20) ἱερέα] ἐν τῷ κώδ. ἱερεία.
26) ἐβαρύνθη — θεοῦ] πρβλ. Ψαλμ. λα', 4.

ἐξέκαυσε καθ' ἡμῶν, δοὺς ἡμῖν ἄρχοντα κατὰ τὴν ἡμετέραν καρδίαν, ἄνδρα πάντας τοὺς ἀπ' αἰῶνος κακοὺς ὑπερβαλέσθαι φιλονεικοῦντα. Ἔχετον νοήσεις πάντως καὶ Φάλαριν καὶ τὸν Σικελικὸν Διονύσιον καὶ ὅσοι ἄλλοι μοχθηρὰ ὑπομνήματα τῷ βίῳ τούτῳ καταλελοίπασιν, οὐ μίαν πάντως παρατροπὴν μιᾶς παθόντες ὀρθότητος, ἀλλὰ πασῶν πάσας, καθά τις βορβόρου μία δεχὰς πολυειδῆ σαπρίαν καὶ τόσον βδέλυγμα δέχεται. Ἤθελον τοῖς αὐτοῦ δοῦναι γλῶσσαν, ἐπέχει δὲ ὁ καιρός, Θεῷ κελεύων ἀδολεσχεῖν καὶ ἁγιάζειν μᾶλλον αὐτὴν ταῖς θείαις μελέταις, ἀλλὰ μὴ καταχραίνειν τοῖς πονηροῖς διηγήμασι. Χάριν δὲ καὶ αὐτὸς ὀφείλω τῷ καλῷ Βουκαρᾷ, ἀμφοτέροις γενομένῳ προσλαλιᾶς μεσολάβημα. Χαῖρε γοῦν καὶ ἔντεινε καὶ κατευοδοῦ, προσθήσω δὲ καὶ βασίλευε, ὡς ἐν τοῖς δηλαδὴ προτερήμασιν, οὕτω δὴ καὶ καθήκουσι φιλικοῖς καὶ τοῖς ἄλλοις, ὁπόσα νόμος φιλικὸς ἐγκελεύεται· ὧν ἓν καὶ ἡ πρὸς τοὺς φιλοῦντας καὶ φιλουμένους πέμψις τῶν γραμμάτων καὶ ἀντίπεμψις.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

Ἐν Πετρουπόλει, 1 Σεπτ. 1904.

Клятва у языческихъ болгаръ.

Между извѣстіями о существованіи клятвы у языческихъ болгаръ придунайскихъ, какъ по времени, такъ и по важности на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить извѣстіе «отвѣтовъ папы Николая I на вопросы болгаръ». Въ 67-ой статьѣ этихъ «отвѣтовъ» читаемъ слѣдующее: «Вы утверждаете, что у васъ былъ обычай всякій разъ, когда вы собирались связать кого-либо клятвой по какому-либо дѣлу, класть передъ собою мечъ, имъ и клялись; теперь же вы требуете, чтобы мы опредѣлили, кѣмъ вы должны клясться. Но мы прежде всего считаемъ недостойнымъ клясться не только мечемъ, но также и другимъ чѣмъ либо созданнымъ. Ибо тотъ, кто клянется чѣмъ-нибудь, конечно, не только любитъ и благоговѣетъ (передъ нимъ), но и и свое упованіе поручаетъ ему въ твердой увѣренности. Поэтому должно клясться Богомъ, Котораго люди должны любить и почитать, на Котораго слѣдуетъ возлагать всякую надежду и упованіе и отъ Котораго прежде чѣмъ отъ какихъ-либо тварей всегда должно ожидать помощи, потому что, если Господомъ заповѣдуется не клясться небомъ, землею, головою и Іерусалимомъ, то, безъ сомнѣнія, запрещается исключительно клятва тварью. Что намъ предписывается клясться именемъ Бога, мы узнали изъ Его заповѣди. Конечно, мы можемъ клясться и тварью, не только тою, которая посвящена божественному по-

читанію, какъ-то храмомъ и алтаремъ, которыми кто клянется, клянется въ нихъ и Тѣмъ, Кто обитаетъ въ нихъ, и что-либо подобное. Поэтому по праву должно клясться Евангеліемъ, въ которомъ все содержаніе явно относится къ Богу, о существованіи Котораго въ немъ пишется и читается; ибо оно нашъ законъ, оно нашъ завѣтъ, который законодатель и завѣщатель, Господь и Искупитель нашъ, опредѣлилъ своимъ избраннымъ, и если мы любимъ его, то также имъ клянемся; а всякій, кто говоритъ правду, клянется тѣмъ, кого онъ любитъ. Итакъ, если мы клянемся Евангеліемъ, то (этимъ) доказываемъ, что мы почитаемъ какъ завѣщателя, такъ и самое завѣщаніе, и безъ сомнѣнія показываемъ, что мы не желаемъ отступать отъ Его заповѣдей» [1]). Эта статья не только констатируетъ существованіе клятвы у языческихъ болгаръ, но также рисуетъ намъ, когда и какъ совершалась она: всякій разъ, когда присуждали подвести кого-нибудь подъ клятву за какое бы то ни было дѣло, приносили передъ всѣми мечъ, надъ которымъ совершалась клятва.

На ряду съ извѣстіемъ папскихъ «отвѣтовъ» нужно поставить и извѣстіе продолжателя Θеофана объ обстоятельствахъ, при которыхъ былъ заключенъ 30-лѣтній миръ въ 817 году между болгарскимъ княземъ Омортагомъ и византійскимъ императоромъ Львомъ V Армяниномъ. Вотъ что этотъ продолжатель разсказываетъ въ 20-ой главѣ своей хронографіи: «Къ вѣрѣ онъ (Левъ) до того страшно свирѣпствовалъ, что ему казалось лучшимъ не признавать Бога. Ибо, когда онъ клятвенно заключалъ 30-лѣтній миръ съ гуннами, такъ называемыми болгарами, и составилъ мирныя соглашенія, такъ какъ съ клятвою нужно было ихъ утвердить и скрѣпить, не употребилъ нашихъ обычаевъ, Бога и небесныя силы или сдѣлавшуюся по плоти Матерь Христа Бога привести какъ очевидцевъ и свидѣтелей сказаннаго

1) Responsa papae Nicolai ad consulta bulgarorum, Migne, Patrologia, series latina, t. 119, col. 1005.

и сдѣланнаго, но, какъ какая нибудь варварская душа, лишенная благочестія, употребилъ собакъ, которыми нечестивые народы приносятъ жертвы, въ свидѣтели сдѣланнаго и разсѣкъ (ихъ); и не почувствовалъ онъ отвращенія произнести для подтвержденія то, чѣмъ они (варвары) служатъ себѣ, а христіанскую вѣру повѣрилъ тѣмъ, которые, какъ видно, должны были нѣкогда нами быть обращены въ нее; и, очевидно, такимъ образомъ не посрамился этотъ, достойный презрѣнія, безбожный мужъ своего безбожнаго поступка, потому что онъ бросилъ бисеръ вѣры, по изреченію Господа, передъ свиньями и заставилъ ихъ ѣсть» (Мато. VII, 6) [1]). Это извѣстіе также рисуетъ намъ, какимъ образомъ совершалась клятва болгарами, когда они скрѣпляли мирный договоръ 817-го года съ Византіей, а именно клятва совершалась надъ какими-то жертвенными собаками, которыхъ разсѣкали; слѣдовательно, предметъ, употребленный въ данномъ случаѣ — собаки, совсѣмъ отличается отъ того, который намъ даетъ 67-ой «отвѣтъ» папы.

Какъ же можно и должно объяснить это различіе, когда въ «отвѣтѣ» папы, или, лучше, въ вопросѣ болгаръ прямо сказано, что болгары всякій разъ, т. е. при всякой клятвѣ за что бы то ни было, употребляли мечъ? И которому изъ этихъ двухъ извѣстій о клятвѣ болгаръ слѣдуетъ дать предпочтеніе, и нужно ли ихъ поставить въ нѣкоторой связи, какъ это находимъ у г. Иречка? [2]).

На эти вопросы мы отвѣтимъ, если постараемся опредѣлить источники, откуда заимствовано каждое изъ этихъ извѣстій. Объ автентичности извѣстія «отвѣтовъ» папы не можетъ быть пока никакого сомнѣнія, такъ какъ оно вышло прямо изъ устъ самихъ болгаръ, слѣдовательно, остается провѣрить извѣстіе продолжателя Θеофана. При составленіи четырехъ первыхъ книгъ своей хронографіи продолжатель Θеофана, какъ это пока-

---

1) Theophanis continuatus, ed. Bon., p. 31.
2) См. Исторія болгаръ, одес. изд., стр. 163.

залъ Гиршъ [1]), взялъ въ основу, какъ главный источникъ, хронику другого византійскаго писателя — Генесія, которую онъ произвольно или распространилъ своими личными соображеніями, или сокращалъ или же дополнилъ извѣстіями изъ другихъ источниковъ, имѣющихъ однако не одинаковую историческую цѣнность. Тотъ же самый пріемъ онъ употребилъ и при изложеніи болгарскихъ событій царствованія Льва Армянина: онъ взялъ въ основу извѣстія Геннсія, которыя онъ также или распространилъ своими субъективными разсужденіями, или же пополнилъ народными легендами и собственными выдумками [2]). Въ данномъ мѣстѣ онъ имѣлъ

---

1) F. Hirsch, Bizantinische Studien, Leipzig, 1876, стр. 224—225.

2) Hirsch, ibidem, стр. 183, 185—186, 190 — 191. — Этотъ пріемъ продолжателя выступаетъ особенно рельефно въ слѣдующемъ разсказѣ объ отношеніяхъ Льва Армянина къ болгарскому князю Круму въ 813-мъ году. — Въ 13-ой главѣ (ed. Bon. стр. 24) продолжатель Θеофана разсказываетъ, что Левъ по восшествіи своемъ на престолъ, узнавъ о новыхъ опустошеніяхъ и плѣненіяхъ Крума, рѣшилъ сначала мирнымъ образомъ избавиться отъ него, предложивъ ему миръ; но когда тотъ не принялъ, императоръ началъ укрѣпляться стѣнами, «возстановивъ разрушенныя имъ части стѣнъ (столицы), и, прибывъ въ городъ Месемврію, употребилъ такую военную хитрость. Укрѣпившись валомъ около этого города, онъ расположился лагеремъ, доставляя себѣ въ изобиліи провіантъ изъ византійскихъ владѣній. Однако узнавши, что расположенные вблизи болгары нуждались въ провіантѣ, Левъ ночью удалился изъ лагеря съ достаточнымъ количествомъ испытанныхъ въ силѣ и твердыхъ воиновъ и, открывъ только одному свое намѣреніе, скрылся въ засадѣ за какимъ-то холмомъ. На другой день стратигъ, не найдя императора и думая, что онъ убѣжалъ, тоже повернулъ тылъ. Въ это время болгары, выйдя изъ своихъ предѣловъ, напали съ цѣлью завладѣть византійскимъ лагеремъ. На слѣдующую ночь, когда болгары, успокоенные мнимымъ бѣгствомъ византійцевъ, спали не приготовленные къ сраженію, Левъ вышелъ изъ своей засады и вмѣстѣ съ другими войсками напалъ на нихъ со всѣхъ сторонъ и произвелъ страшное истребленіе и избіеніе, «такъ что погибло все ихъ (болгаръ) войско, и ни одинъ огненосецъ, какъ говорится, не спасся. Кромѣ того, чрезъ нападеніе и плѣненіе уведши силою всѣхъ въ цвѣтущемъ возрастѣ, а дѣтей ихъ бросая на камни и землю, въ скоромъ времени онъ вернулся во-свояси. Поэтому съ тѣхъ поръ тотъ холмъ названъ Львовымъ, и проходящіе мимо болгары, качая головой, перстомъ указываютъ и никогда не забудутъ тогдашняго несчастія». Этотъ разсказъ мы находимъ у Генесія (ed. Bon. p. 12—13) въ слѣдующемъ видѣ: «Такъ какъ враждебные болгары ободрились прежнею побѣдою, то послѣдовало немалое опустошеніе, причиненное имъ во многихъ мѣстахъ и селеніяхъ пожаромъ и плѣномъ, такъ что благоразумно было то,

источникомъ опять Генесія, только и тутъ онъ счелъ нужнымъ дополнить и подробнѣе развить его извѣстіе. Генесій, говоря о непочитаніи Львомъ Армяниномъ христіанскихъ догматовъ, продолжаетъ: «такъ, онъ дѣйствительно ихъ нарушилъ при мирныхъ соглашеніяхъ съ гуннами, предоставивъ имъ совершать наши

что императоръ, склонный къ миру, послалъ къ самому болгарину заключить миръ. Но когда болгаринъ, какъ всякій варваръ и надменникъ, не согласился съ этимъ, императоръ Левъ поспѣшилъ выступить походомъ противъ нихъ. И когда завязалось упорное сраженіе, по царской заповѣди наши войска обратились въ бѣгство, да и самъ императоръ пустился бѣжать. Послѣ того какъ болгары неосторожно пустились преслѣдовать, императоръ сразу повернулся и сталъ противъ нихъ со всѣмъ своимъ войскомъ и, набросившись на нихъ, показалъ себя весьма храбрымъ. Такъ онъ одержалъ побѣду надъ начальникомъ болгаръ, а дѣтей ихъ однихъ бросалъ на камни, а другихъ тяжко наказалъ на площади». О недостовѣрности и даже неправдоподобности приведенныхъ разсказовъ того и другого автора здѣсь нечего и говорить, потому что они не согласуются съ извѣстіями современныхъ писателей, Θеофана (ed. De Boor, I, стр. 503) и неизвѣстнаго писателя (scriptor incertus въ Бон. изданіи Leo Grammaticus, стр. 342 и пр.), которые не упоминаютъ ни о какихъ другихъ дѣйствіяхъ Льва Армянина, въ самомъ началѣ его царствованія, противъ Крума, а только о засадѣ, устроенной имъ болгарскому князю подъ Константинополемъ въ іюлѣ 813-го года; тутъ мы укажемъ только на взаимныя отношенія обоихъ разсказовъ. Сравнивая ихъ, не трудно убѣдиться, что продолжатель Θеофана при изложеніи своего разсказа воспользовался Генесіемъ, но въ то же время у перваго есть многое, чего нѣтъ у второго. Такъ прежде всего продолжатель прибавляетъ, что Левъ возстановилъ разрушенныя болгарами стѣны столицы и затѣмъ отправился въ походъ противъ болгаръ, при чемъ опредѣляетъ мѣсто около Месемвріи, т. е. на границѣ болгарской, гдѣ укрѣпился и ждалъ непріятеля, тогда какъ по Генесію Левъ отправился въ походъ сразу послѣ отказа Крума, и онъ совсѣмъ не опредѣляетъ мѣста дѣйствія. Далѣе, устройство самой засады у продолжателя изложено иначе, нежели у Генесія: въ то время какъ послѣдній говоритъ, что Левъ, устроивъ засаду, послѣ того какъ завязалъ сраженіе, увлекъ болгаръ въ преслѣдованіе мнимымъ бѣгствомъ и вслѣдъ за этимъ повернулъ назадъ и нанесъ имъ полное пораженіе, первый представляетъ дѣло такъ, будто Левъ, не вступая въ сраженіе, устроилъ засаду и то тайно отъ своихъ, при чемъ причиною этой засады выставляетъ то, будто императоръ захотѣлъ воспользоваться затрудненіемъ болгаръ въ провіантѣ, который онъ де имѣлъ въ изобиліи, въ чемъ онъ успѣлъ, такъ какъ болгары поддались обману и вышли изъ своихъ предѣловъ съ цѣлью овладѣть византійскимъ лагеремъ. Несообразность этой подробности очевидна, такъ какъ трудно предположить, чтобы болгары, находясь въ своей землѣ, могли имѣть недостатокъ въ провіантѣ. Засада, по обоимъ авторамъ, вышла вполнѣ удачною—ночнымъ истребленіемъ болгарскаго войска и вторженіемъ

обычаи, а себѣ и своимъ подчиненнымъ ихъ обряды»[1]). Это извѣстіе въ свою очередь Генесій почерпнулъ изъ біографіи константинопольскаго патріарха Никифора, написанной діакономъ Игнатіемъ, ученикомъ патріарха Тарасія (784 — 806), около середины первой половины IX столѣтія, слѣдовательно, современникомъ самого событія, а отсюда и самая біографія является важнымъ и цѣннымъ источникомъ[2]).

Игнатій, разсказывая о Львѣ Армянинѣ и его отношеніяхъ къ церкви и иконопочитателямъ, пишетъ: «о совершенной такъ безсрамно и неприлично дружбѣ или мирномъ договорѣ, который онъ (Левъ) заключилъ съ близкограничущими гуннами, кто не сталъ бы проливать горячихъ слезъ? Ибо онъ употребилъ ихъ законы, а они наши, и такимъ образомъ заручилъ взаимныя соглашенія. При этомъ возможно было видѣть ромейскаго императора руками совершающимъ возліяніе водою изъ чаши на землю, саморучно (αὐτουργῶς) поворачивающимъ сѣдла (ἐπισάγματα) лошадей, хватающимъ тройносплетенные ремни (ἱμάντων

въ болгарскіе предѣлы, откуда Левъ вернулся съ массою плѣнныхъ (объ этихъ дѣйствіяхъ Льва у Генесія говорится весьма кратко и не совсѣмъ ясно), съ дѣтьми которыхъ онъ поступилъ весьма жестоко, хотя и тутъ замѣчается различіе и у обоихъ авторовъ. Но главное у продолжателя то, что весь свой разсказъ онъ связываетъ съ какимъ-то холмомъ, названнымъ Львовымъ. Эта именно особенность показала бы намъ, что продолжатель Θеофана взялъ свой разсказъ изъ какой нибудь народной легенды, объяснявшей, почему извѣстный холмъ названъ Львовымъ. Однако еще Гиршъ (ibidem, стр. 126) указалъ на легендарный характеръ приведеннаго выше разсказа Генесія, но у послѣдняго нѣтъ никакого упоминанія ни о какомъ Львовомъ холмѣ, ни объ его связи съ дѣйствіемъ разсказа, а это прямо указываетъ на то, что или продолжателю Θеофана была извѣстна та же самая легенда въ болѣе распространенной редакціи, или же, что вѣроятнѣе намъ кажется, чтобы дать своему разсказу болѣе историческій характеръ въ сравненіи съ Генесіевымъ, онъ самъ сочинилъ указанныя выше добавленія и подробности. Какъ бы то ни было, и то и другое ясно показываетъ, во 1-хъ, насколько источники, которыми продолжатель пользовался для своей хронографіи, ненадежны, а, во 2-хъ насколько произвольно онъ относился къ извѣстіямъ своего главнаго и основного источника—Генесія.

1) Genesius, ed. Bon. стр. 28.

2) Hirsch, ibidem, стр. 20, 128 и 172.

ἐντρίτων), подымающимъ вверхъ траву (χόρτον) и всѣмъ этимъ навлекающимъ на себя проклятіе, а язычниковъ — дотрогивающимися нечестивыми руками нашихъ божественныхъ символовъ и клянущимися ихъ силою. Не стало ли это отъ жестокости? не явное ли это безуміе противъ Христа и ослѣпленіе? не навожденіе ли это справедливаго Божьяго наказанія? И свидѣтельствуютъ чудесныя и неестественныя знаменія тогдашняго времени» и далѣе описываются эти знаменія [1]).

При сопоставленіи этихъ трехъ извѣстій названныхъ авторовъ объ одномъ и томъ же событіи не трудно замѣтить въ нихъ сходство въ общей мысли, а также установить ихъ взаимную связь, а именно: Генесій, очевидно, заимствовалъ свое извѣстіе отъ Игнатія, выпустивъ подробности и отмѣтивъ только то, въ чемъ главнымъ образомъ выразилось безбожіе Льва Армянина, т. е., что онъ помѣнялся съ варваромъ-язычникомъ въ роляхъ при клятвенномъ заключеніи мирнаго договора; продолжатель же Θеофана заимствовалъ извѣстіе Генесія цѣликомъ и дополнилъ его собственными разсужденіями, не имѣя, очевидно, подъ рукою біографіи патріарха Никифора, потому что, если сравнить разсказъ Игнатія съ разсказомъ продолжателя, то увидимъ, что въ подробностяхъ о совершеніи самой клятвы, или лучше, обрядовъ при заключеніи мирнаго договора они существенно различаются между собою: по біографіи патріарха Никифора, Левъ, заключая договоръ, дѣлалъ возліяніе водою изъ чаши на землю, поворачивалъ сѣдла лошадей, хваталъ какіе-то тройносплетенные ремни и поднималъ вверхъ траву, а по продолжателю Θеофана, разсѣкалъ жертвенныхъ собакъ и произносилъ какія-то слова. Нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ скорѣе мы должны дать предпочтеніе современному писателю—Игнатію, нежели продолжателю Θеофана, писавшему въ серединѣ X столѣтія [2]), и извѣ-

1) Ignatii Diaconi, vita Nicephori въ appendices къ Nicephori opuscula historica, ed. C. De Boor, Lipsiae, 1880, pag. 206 и 207.

2) Hirsch, ibidem, стр. 180 — 181. — K. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur, München, 1897, 2-oe Aufl., стр. 347—348.

стіе котораго объ употребленіи собакъ при совершеніи договорной клятвы у болгаръ-язычниковъ, очевидно, должно отнести къ его собственнымъ догадкамъ и добавленіямъ: онъ, быть можетъ, слыхалъ или прочелъ гдѣ нибудь объ обычаѣ употреблять собакъ при клятвѣ у другого какого-нибудь языческаго народа и приписалъ его болгарамъ [1]). Естественно, что при такихъ отношеніяхъ продолжателя Θеофана къ своему главному источнику — Генесію въ изложеніи событій изъ болгарской исторіи его извѣстіе о клятвѣ болгаръ-язычниковъ не имѣетъ для насъ никакой исторической цѣнности и его нужно выбросить, какъ совершенно невѣрное.

Намъ остается еще разсмотрѣть извѣстіе діакона Игнатія и сравнить его съ извѣстіемъ «отвѣтовъ» папы. Въ сущности, разсказъ Игнатія не излагаетъ намъ, въ чемъ состояла договорная клятва болгаръ, а просто описываетъ, какими языческими обрядами сопровождалась самая клятва при клятвенномъ заключеніи мирнаго договора, слѣдовательно, извѣстіе папскихъ «отвѣтовъ» объ употребленіи меча у болгаръ вообще при совершеніи клятвы не исключаетъ этихъ обрядовъ, о которыхъ намъ сообщаетъ Игнатій — это съ одной стороны, а съ другой — извѣстіе Игнатія не только не вноситъ никакого недоразумѣнія въ пониманіи 67-го «отвѣта» папы, но еще оно, какъ вышедшее изъ-подъ руки современнаго самому событію автора, знакомитъ насъ съ другой бытовой чертой языческихъ болгаръ.

Итакъ, въ приведенныхъ выше извѣстіяхъ о клятвѣ языческихъ болгаръ слѣдуетъ различать два вида клятвы: 1) клятву мечемъ и 2) договорную клятву. Клятва мечемъ была общая, самая распространенная, потому что, по словамъ самихъ болгаръ, къ ней прибѣгали при всякомъ дѣлѣ и всякій разъ, когда присуждали кого-нибудь поклясться. Эта клятва сопро-

---

1) Быть можетъ, о жертвенныхъ собакахъ и о разсѣченіи собаки онъ вычиталъ, наприм., у Павзанія, ср. Descriptio Graecae, lib. III, cap. XIV, 9 и liber VI, cap. II, 4.

вождалась, вѣроятно, установленной для случая формулой, при чемъ, можно полагать, мечъ означалъ, что тотъ, кто нарушитъ клятву, станетъ жертвою того же самаго меча, которымъ онъ клялся [1]). Какимъ образомъ давалась клятва, въ текстѣ «отвѣта» папы не указано; но употребленное въ немъ выраженіе *spatham in medium afferre* даетъ намъ достаточно основанія утверждать, что клятва совершалась открыто, публично, въ присутствіи по крайней мѣрѣ близкихъ и родственниковъ заинтересованныхъ сторонъ и тѣхъ, кто назначалъ клятву. Кѣмъ собственно назначалось принесеніе клятвы, тоже не находимъ въ «отвѣтѣ» папы; однако исходя изъ того, что языческая клятва болгаръ, какъ религіозный обрядъ, насколько можно судить по «отвѣту» папы, имѣла въ государственной и общественной жизни значеніе для поддержанія взаимнаго довѣрія между людьми и служила необходимымъ условіемъ правосудія, мы склонны думать, что присуждали произнести клятву извѣстное лицо съ одной стороны представители власти вообще, и въ частности представители судебной власти — судьи, о существованіи которыхъ у болгаръ язычниковъ узнаемъ изъ 86-ой статьи папскихъ «отвѣтовъ» [2]). Этимъ пока исчерпываются всѣ данныя, относящіяся къ общей языческой клятвѣ болгаръ, хотя при этомъ возникаютъ и другіе вопросы, какъ-то: въ какихъ случаяхъ присуждали принести клятву, кто изъ тяжущихся

---

1) Такую формулу во всякомъ случаѣ мы находимъ у аваръ, которые клялись также мечемъ. Аварскій хаганъ, чтобы увѣрить ромеевъ, что онъ наводитъ мостъ на Саву не съ цѣлью нападать на нихъ, по предложенію самихъ ромеевъ, далъ клятву. Менандръ описываетъ эту клятву такъ: «Онъ (хаганъ) произнесъ ее, слѣдуя закону аваровъ: обнаживъ мечъ, онъ произнесъ на себя и на весь народъ аварскій слѣдующія проклятія: «Да будетъ онъ самъ и все племя аварское истреблено мечемъ; небо и Богъ на небѣ сущій, да пустятъ на нихъ сверху огонь; да падутъ на нихъ окрестные горы и лѣса; рѣка Сай (Сава) разлившись, да покроетъ ихъ, — если онъ строитъ мостъ на Саѣ съ какимъ либо дурнымъ намѣреніемъ противъ римлянъ». Такія проклятія произнесъ по варварскому обычаю хаганъ. (Менандръ, стр. 65 въ рус. переводѣ Спирид. Дестуниса, С.-Петербургъ, 1861, стр. 460).

2) Migne, ibidem, col. 1010.

давалъ клятву и пр.—вопросы не менѣе важные въ общественномъ и юридическомъ быту болгаръ, но на которые пока невозможно отвѣтить вслѣдствіе отсутствія не только положительныхъ данныхъ, но и малѣйшихъ указаній и намековъ.

Что же касается до второго вида клятвы — договорной, которая имѣла частный, спеціальный характеръ и рѣзко отличается отъ общей обыкновенной клятвы, то слѣдуетъ замѣтить, что и она пока извѣстна намъ только съ внѣшней стороны, именно, со стороны обрядовъ, сопровождавшихъ самую клятву; однако, каково ихъ значеніе, т. е. что означало возліяніе водою изъ чаши на землю, или поворачиваніе сѣделъ лошадей, или хватаніе тройносплетенныхъ ремней, или же, наконецъ, подыманіе вверхъ травы, то все это остается необъясненнымъ, или же по крайней мѣрѣ мы затрудняемся объяснить это пока по непмѣнію какихъ бы то ни было болѣе или менѣе достаточныхъ данныхъ о религіи и вѣрованіяхъ болгаръ язычниковъ. Быть можетъ оріенталисты заинтересуются этимъ вопросомъ и укажутъ на нѣкоторыя параллели у другихъ тюрко-татарскихъ языческихъ народовъ. Возможно однако, что болгары и при заключеніи договоровъ, подобно аварамъ, употребляли также обнаженный мечъ [1]). Неизвѣстной остается также формула договорной клятвы, которая бы пролила немало свѣта не только на политическія отношенія болгаръ къ Византіи въ данной эпохѣ, но и на ихъ бытъ и религію, и мы можемъ только пожалѣть, что при такомъ количествѣ договоровъ болгаръ съ Византіей отъ языческой эпохи, по крайней мѣрѣ она не дошла до насъ даже въ такомъ видѣ, въ какомъ сохранилась русская договорная клятва въ договорахъ князей Олега, Игоря и Святослава съ византійцами.

В. Н. Златарскій.

Софія, 31. VIII. 904.

---

1) См. указанное выше мѣсто у Менандра, стр. 65

Обычай «умыканія» невѣстъ въ древнѣйшее время и его переживанія въ свадебныхъ обрядахъ у современныхъ народовъ.

I.

Въ ряду матеріаловъ, съ которыми всегда приходится имѣть дѣло этнографу, очень важное мѣсто отводится, между прочимъ, наблюденіямъ надъ современнымъ бытомъ народностей, достигшихъ уже болѣе или менѣе высокой степени культурнаго развитія. Пользуясь данными изъ быта такъ называемыхъ первобытныхъ народовъ, привлекая на помощь извѣстныя историческія свидѣтельства, этнографія изслѣдуетъ всевозможныя явленія современной обрядовой жизни и, установивъ на эти явленія взглядъ, какъ на пережитки или окаменѣлости былой первобытной дѣйствительности, стремится раскрыть картину этой дѣйствительности, чтобы ею объяснить себѣ болѣе сложныя явленія современной жизни. Такимъ образомъ, въ наукѣ постепенно создается рядъ теорій, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, но несомнѣнно полезныхъ въ томъ случаѣ, если мы, не довольствуясь отдѣльными фактами, попытаемся рядъ аналогичныхъ фактовъ поставить въ извѣстную связь, т. е. попытаемся намѣтить исторію развитія того или иного интересующаго насъ сложнаго явленія. Если этотъ методъ изслѣдованія можетъ быть признанъ и вполнѣ правильнымъ, тѣмъ не менѣе, пользуясь имъ, приходится быть

весьма осторожнымъ тамъ, гдѣ въ формулу необходимо вложить жизненное содержаніе, тамъ, гдѣ теорія входитъ въ живую дѣйствительность. Въ самомъ дѣлѣ, данныя этнографіи первобытныхъ народовъ рисуютъ обыкновенно заманчивыя перспективы, въ которыхъ изслѣдователь готовъ видѣть исходные пункты культурнаго развитія современныхъ европейскихъ народовъ; историческія показанія современниковъ о болѣе раннемъ бытѣ родственныхъ намъ народностей представляются обыкновенно настолько непогрѣшимыми, что, кажется, не можетъ быть и рѣчи о степени ихъ правдивости и, главное, точности; наконецъ, наблюденія надъ пережитками современной обрядовой жизни въ большинствѣ случаевъ настолько совпадаютъ съ фактами, наблюдаемыми въ жизни первобытныхъ народовъ, и съ показаніями историческихъ документовъ, что у изслѣдователя не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что наблюдаемый имъ обрядъ есть, дѣйствительно, пережитокъ былой старины, замѣна обычая, симуляція факта, имѣвшаго когда-то свое мѣсто въ дѣйствительности. А между тѣмъ, ссылаться на культуру первобытныхъ племенъ, какъ на исходный пунктъ развитія общечеловѣческой культуры, не всегда можетъ быть удобнымъ, въ виду того, что сами-то современныя первобытныя племена давно ужъ утратили свою первобытность, и современныя формы ихъ быта не первичны, а представляютъ извѣстный результатъ долгаго развитія ихъ былой первобытности; съ другой стороны, историческія показанія, которыми пользуются изслѣдователи, часто нуждаются въ болѣе точномъ толкованіи; наконецъ, въ объясненіи обрядовъ изслѣдователями принимаются во вниманіе иногда не всѣ факторы, воздѣйствующіе на формы быта и междуродовыхъ отношеній, а потому многіе любопытные обряды получали часто нѣсколько иное освѣщеніе, чѣмъ можно было бы ожидать, принявъ во вниманіе большій кругъ дѣйствительныхъ причинъ, которыя въ современной жизни приняли форму различныхъ переживаній.

Въ такомъ положеніи въ современной этнографической лите-

ратурѣ находится, между прочимъ, вопросъ объ обычаѣ умыканія невѣстъ въ древнѣйшее время и его пережиткахъ въ свадебныхъ обрядахъ у современныхъ народовъ. Дружина жениха-князя, часто вооруженная, сопротивленіе рода невѣсты при пропускѣ въ домъ сватовъ и поѣзжанъ жениха, крики, шумъ и стрѣльба, которыми сопровождается увозъ невѣсты, и т. под. частности свадебнаго ритуала, подкрѣпленные нѣсколькими историческими показаніями, поставленные въ связь съ аналогичными фактами изъ жизни первобытныхъ народовъ, дали всѣ основанія изслѣдователямъ народнаго быта говорить объ умыканіи невѣстъ, какъ объ одной изъ формъ заключенія браковъ, и если до сихъ поръ и оставалось въ этомъ вопросѣ какое-либо сомнѣніе, то оно касалось только вопроса о преемственности различныхъ формъ заключенія брака и о ея обязательности для всѣхъ народовъ.

Первыми изслѣдователями, заявившими объ умыканіи невѣстъ, какъ объ одной изъ формъ брака, были Бахофенъ, М. Ленанъ и Л. Морганъ.

М. Ленанъ въ своей теоріи исходилъ изъ предположенія существованія у первобытныхъ племенъ обычая убивать дѣвочекъ, въ силу чего, по его мнѣнію, возникала необходимость добывать себѣ женъ изъ чужихъ родовъ, чего можно было достигнуть только насильственнымъ путемъ, т. е. путемъ вооруженнаго захвата; Л. Морганъ и вмѣстѣ съ нимъ Мэнъ допускали, что первобытный человѣкъ запретилъ браки между родственниками, т. е. между членами одной и той же группы, исходя изъ убѣжденія о вредѣ кровосмѣсительныхъ браковъ. Къ этому мнѣнію впослѣдствіи примкнулъ и Гроссе. Вестермаркъ пытался объяснить происхожденіе экзогаміи, а слѣдовательно и браковъ путемъ похищенія, присутствіемъ у первобытнаго человѣка безсознательнаго отвращенія къ бракамъ съ близкими родственниками. Леббокъ вопросъ о похищеніи женъ ставилъ въ связь съ развитіемъ индивидуальныхъ союзовъ: при господствѣ у первобытныхъ народовъ коммунальнаго брака мужчина, по его

мнѣнію, не могъ имѣть никакихъ притязаній на одну какую-либо женщину своего племени, но въ то же время первобытный человѣкъ пріобрѣталъ всѣ права на женщину, захваченную имъ на войнѣ; такая женщина становилась собственностью опредѣленнаго мужа, который не могъ не видѣть превосходства этого рода сожительства надъ сожительствомъ коммунальнымъ, а потому сталъ постепенно искать себѣ женъ на сторонѣ и добывать ихъ путемъ похищенія. По мнѣнію Липперта, женщинъ похищали съ тою цѣлью, чтобы основать семью на принципахъ отцовскаго права; изъ обычая похищенія женщинъ возникла и экзогамія; если жена оставалась свободною, она не покидала своей семьи, но мужъ ея входилъ въ эту семью, и дѣти отъ такого брака принадлежали женѣ; женщина же, пріобрѣтенная путемъ захвата у другого племени, становилась собственностью похитителя, и дѣти отъ такого брака принадлежали уже мужу. Въ тѣсной связи съ Липпертомъ во взглядѣ на возникновеніе экзогаміи изъ обычая похищенія женщинъ стоитъ Спенсеръ, который съ бракомъ путемъ похищенія связываетъ кромѣ того, мотивъ героизма, играющій извѣстную роль у воинственныхъ народовъ[1]). Максимъ Ковалевскій въ своемъ изслѣдованіи «Первобытное право» даетъ новое объясненіе возникновенія экзогаміи; причину ея возникновенія онъ видитъ въ чувствѣ ревности: желаніе избѣжать раздоровъ внутри племени привело, по его мнѣнію, къ обычаю заключенія браковъ съ чужеродками, а такъ какъ *первобытныя группы живутъ между собою въ состояніи не прекращающагося междуусобія*, поддерживая въ то же время каждая въ собственной средѣ относительный миръ и спокойствіе (II, 82), то, очевидно, говоритъ онъ, что при такой враждебности женщины рѣдко когда пріобрѣтались мирнымъ путемъ, и обыкновеннымъ способомъ ихъ добыванія былъ гра-

1) Не имѣя подъ рукою оригиналовъ, пользуюсь изложеніемъ этихъ взглядовъ у Максимова — Что сдѣлано по исторіи семьи? М. 1901; у Харузина— Этногр. вып. II, СПБ. 1903; Зиберъ—Очерки первоб. экон. культуры, СПБ. 1899, гл. VIII и др.

бежъ, практикуемый или въ формѣ нападенія на сосѣднія чужеродныя поселенія цѣлою толпою лицъ одного и того же сообщества, или же въ формѣ открытой кражи той или другой дѣвушки или женщины ищущимъ ея руки мужчиною; бытъ австралійскихъ и африканскихъ дикарей, продолжаетъ онъ, знакомитъ насъ въ равной степени какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ порядкомъ добыванія женщинъ (купля—продажа и умыканіе), а лѣтописныя свидѣтельства объ уводѣ побѣдителемъ женщинъ покореннаго имъ народа и о раздѣлѣ ихъ наравнѣ съ прочей добычей между участниками похода, отнынѣ вступающими съ ними въ брачное сожительство, не оставляютъ сомнѣнія въ общераспространенности порядка заключенія брака путемъ похищенія женщинъ одинаково въ древности и въ средніе вѣка (II, 83, 84). Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи Ковалевскій отмѣчаетъ распространенность на всей поверхности земного шара брака путемъ умычки и, пользуясь показаніями свода Ману объ индусахъ, Плутарха о спартанцахъ и т. под. данными, а также отзвуками того же явленія въ памятникахъ древнѣйшей поэзіи славянъ, германцевъ, кельтовъ и въ ихъ законодательныхъ сборникахъ, въ переходящихъ изъ рода въ родъ обычаяхъ и въ до сихъ поръ держащихся свадебныхъ обрядахъ, — онъ приходитъ къ заключенію, что похищеніе невѣстъ было нѣкогда общераспространеннымъ явленіемъ (I, 90). По мнѣнію Старке, экзогамія возникла вслѣдствіе несовмѣстимости юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ брака, съ тѣми отношеніями, которыя существуютъ между близкими родственниками. Тэйлоръ и Ностъ полагали, что экзогамія служила средствомъ упрочить связи между отдѣльными родами, способствовать установленію большей солидарности и мира между отдѣльными группами, а Ностъ вмѣстѣ съ тѣмъ похищеніе женщинъ считалъ средствомъ добыть жену изъ чужого племени. Проф. Петри и Дюркгеймъ экзогамію ставятъ въ связь съ тотемизмомъ; первый исходной точкой развитія экзогаміи считаетъ почитаніе одного и того же тотема, второй причину развитія экзогаміи видитъ въ ритуаль-

ныхъ тотемическихъ ограниченіяхъ (табу). Къ этому же мнѣнію примыкаетъ, повидимому, и покойный русскій ученый Н. Харузинъ въ курсѣ своихъ лекцій по Этнографіи (вып. II, гл. IV, стр. 95).

Мы назвали далеко не всѣхъ изслѣдователей, которые останавливались на вопросѣ объ экзогаміи и старались такъ или иначе объяснить возникновеніе брака путемъ похищенія; но если бы мы имѣли возможность назвать здѣсь и другихъ изслѣдователей, что, впрочемъ, не входитъ въ задачу настоящей замѣтки, то и тогда должны были бы прійти къ заключенію, что обычай «умыканія» невѣстъ, сохранившій повсемѣстно глубокіе слѣды въ современныхъ свадебныхъ обрядахъ, остается до сихъ поръ не выясненнымъ.

Приводя выше взгляды нѣкоторыхъ изслѣдователей на причины возникновенія экзогаміи и развитія обычая похищенія женъ, мы подробнѣе остановились, между прочимъ, на мнѣніи М. Ковалевскаго, изложенномъ имъ въ работѣ, изданной почти двадцать лѣтъ тому назадъ, и повторенномъ затѣмъ въ его лекціяхъ—«Очеркъ происхожденія развитія семьи и собственности», въ виду того, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій были помѣщены его же лекціи, читанныя имъ въ Оксфордскомъ Университетѣ, подъ заглавіемъ—«Этюды о современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ Россіи»[1]), въ которыхъ авторъ, исходя изъ своихъ теоретическихъ положеній, даетъ любопытную картину эволюціи формъ брака, а въ связи съ этимъ и семейно-родовыхъ отношеній, господствовавшихъ у древнихъ славянъ. Въ названныхъ трудахъ Ковалевскаго мы имѣемъ прекрасный примѣръ того, какъ та или иная теорія, т. е. обобщеніе, созданное на основаніи широкаго и разнообразнаго матеріала, примѣняется къ опредѣленному кругу явленій, ограниченному извѣстными историческими и географическими рамками своего распространенія. Такимъ путемъ, обыкновенно,

---

1) «Всем. Вѣст.», 1903. № 1, 2.

теоріи входятъ въ жизнь и пріобрѣтаютъ всеобщее признаніе. А между тѣмъ, часто бываетъ, что сама-то теорія еще нуждается въ дальнѣйшей разработкѣ. Такъ обстоитъ дѣло и въ данномъ случаѣ. Что древніе славянскіе роды практиковали экзогамные браки, не подлежитъ сомнѣнію, но что для пріобрѣтенія себѣ женъ они должны были совершать другъ на друга вооруженныя нападенія, т. е. другъ у друга воровать себѣ невѣстъ, этотъ вопросъ несомнѣнно нуждается въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи, а вѣдь враждебными междуродовыми отношеніями нашихъ предковъ изъ-за добыванія себѣ женъ, или, наоборотъ, вооруженными столкновеніями другъ съ другомъ отдѣльныхъ родовъ съ цѣлью добыванія себѣ женъ, въ виду вообще господства враждебныхъ междуродовыхъ отношеній у первобытныхъ племенъ, — характеризуется обыкновенно древнѣйшій періодъ эволюціи семейно-родовыхъ отношеній у славянъ. Вспомнимъ при этомъ, что даже такой изслѣдователь, какъ М. Ковалевскій, состояніе не прекращающагося междуусобія, въ какомъ родовыя группы живутъ между собою, поддерживая въ то же время каждая въ собственной средѣ относительный миръ и спокойствіе, считаетъ, повидимому, аксіомой и пользуется ею въ своихъ заключеніяхъ, какъ основною посылкою.

А что мы широко воспользовались готовою формулою, принявъ ее безъ всякихъ обиняковъ, это не трудно показать на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Въ извѣстномъ болгарскомъ изданіи «Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина» кн. III (1890), кн. IV (1891), кн. V (1891), кн. VIII (1892) напечатано обширное и обстоятельное изслѣдованіе Ѳ. К. Волкова — «Свадбарскитѣ обреди на славянскитѣ народи», въ которомъ авторъ, поставивъ своею цѣлью привести въ систему извѣстный ему этнографическій матеріалъ и по возможности объяснить его съ соціологической точки зрѣнія въ интересахъ содѣйствія его дальнѣйшему, болѣе систематическому и болѣе научному собиранію, разсматриваетъ свадебные обряды на Украйнѣ и въ Болгаріи и высказываетъ мысль, что

въ древнѣйшее время и русскіе славяне пережили форму брака путемъ похищенія невѣстъ, которое постепенно исчезло вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, но оставило живые слѣды въ свадебныхъ обрядахъ, которые сохраняются въ народномъ быту, какъ симуляція того, что происходило нѣкогда на самомъ дѣлѣ [1]).

Въ «Этногр. Об.» за 1895 г. тѣмъ же авторомъ напечатана статья — Свадебные обряды въ Болгаріи. — Повторяя здѣсь въ общемъ то же, что мы имѣли въ предыдущей статьѣ, авторъ, разсматривая свадебные обряды въ Болгаріи, останавливается подробно на пережиткахъ «завличанія», или «засурнуванія», т. е. похищенія невѣсты, и приходитъ къ заключенію, что эти обряды не что иное, какъ слѣды древнѣйшей формы брака, дѣйствующей, между прочимъ, и по настоящее время въ своемъ чистомъ видѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи и сохранившейся только въ видѣ переживаній въ свадебныхъ обрядахъ у прочихъ славянъ.

Съ этой же точки зрѣнія разсматриваетъ свадебные обряды и г. Довнаръ-Запольскій въ двухъ своихъ статьяхъ—«Женская доля въ пѣсняхъ пинчуковъ» (Этн. Об. 1891) и «Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ» (Этн. Об. 1893), отмѣчая при этомъ въ разсматриваемыхъ имъ пѣсняхъ слѣды похищенія, какъ наиболѣе важный и древній мотивъ свадебныхъ пѣсенъ.

Въ томъ же журналѣ за 1891 и 1892 гг. помѣщена обширная статья В. Охримовича—Значеніе малорусскихъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ въ исторіи эволюціи семьи. — Обращая вниманіе на то, что въ свадебныхъ пѣсняхъ дочь проситъ защиты обыкновенно у матери, а объ отцѣ въ тѣхъ же пѣсняхъ нѣтъ никакого упоминанія, авторъ находитъ, что это явленіе соотвѣтствуетъ былой бытовой подкладкѣ пѣсни, которая наглядно изображаетъ умыканіе невѣсты,— обычай, ведущій свое проис-

---

1) См. т. III, стр. 151 — 152, 154; IV, 194, 196, 198, 199; V, 213 — 231; VIII, 227.

хожденіе, по мнѣнію автора, отъ временъ матріархальныхъ, какъ и обычай купли невѣстъ, возникшей изъ умыканія. Оба эти обычая, говоритъ онъ, были важнѣйшей причиной переворота, разрушившаго матріархальный строй и замѣнившаго его строемъ патріархальнымъ; оба обычая лежатъ въ основѣ малорусской свадьбы. . . . Въ другомъ мѣстѣ своей статьи тотъ же авторъ говоритъ: то, что теперь осталось лишь обрядомъ, когда-то было жизненной правдой, и то, что теперь составляетъ свадебную драму, было драмою жизни. А было все это правдою и жизненною драмою именно во времена женитьбы черезъ умыканіе и покупку. Оба эти періода отразились въ обрядѣ выкупа очень вѣрно и наглядно, и именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ смѣняли они другъ друга въ своемъ историческомъ развитіи. Слѣдовательно, въ обрядахъ и пѣсняхъ, въ данномъ случаѣ, сохранился генетическій порядокъ, а это фактъ очень важный и интересный. Итакъ, заключаетъ авторъ, дружко и бояре сначала силою хотятъ взять невѣсту, а братъ защищаетъ ее: это намекъ на умыканіе невѣсты. Потомъ дружко и бояре покупаютъ невѣсту, а братъ торгуется и продаетъ ее: это отголосокъ періода купли невѣстъ. Эту же мысль авторъ затѣмъ повторяетъ нѣсколько разъ и въ другихъ мѣстахъ своей статьи.

Г. Штернбергъ, отмѣчая существованіе обычая похищать невѣстъ у современныхъ сахалинскихъ гиляковъ, замѣчаетъ: современный способъ пріобрѣтенія женъ выработался постепенно изъ старыхъ родовыхъ порядковъ, изъ коллективнаго и индивидуальнаго похищенія женщинъ чужого рода и послѣдующаго примиренія въ видѣ выкупа, преобразовавшагося съ теченіемъ времени въ современный калымъ. . . . (Э. Об. 1893).

Въ обрядахъ «ловли уточки» у лопарей извѣстный изслѣдователь быта этого народа Н. Харузинъ видитъ сильныя воспоминанія объ эпохѣ похищенія невѣстъ [1]). Въ другой своей работѣ

1) Н. Харузинъ. Русскіе лопари. М. 1890, стр. 287 и друг. Аналогичную постановку вопроса объ умыканіи см. также въ изслѣдованіи проф. Сумцова о свадебныхъ обрядахъ. Х. 1881 г.

болѣе общаго характера тотъ же изслѣдователь говоритъ: бракъ похищеніемъ сохранился до сихъ поръ въ очень многихъ мѣстностяхъ, у болѣе же цивилизованныхъ народностей онъ оставилъ ясные слѣды въ свадебномъ ритуалѣ. Его можно считать универсальнымъ, хотя и есть указанія на народности, которыя его не практиковали. . . . Нельзя не согласиться, говоритъ авторъ, съ большинствомъ изслѣдователей, что похищеніе было весьма распространено въ прежнее время у большинства современныхъ цивилизованныхъ народностей, и что оно встрѣчается весьма часто среди современныхъ культурныхъ племенъ. Это вполнѣ понятно. Не только постоянныя или, по крайней мѣрѣ, частыя войны приводили къ похищенію женщинъ; была и другая причина, вѣроятно, даже болѣе важная: это возникновеніе представленій о родствѣ и развитіе запретительныхъ законовъ о бракахъ. Первобытныя территоріальныя группы не велики; вслѣдствіе этого, когда появляются воззрѣнія, ограничивающія свободу сожительства, мужчины группы вынуждены искать себѣ женъ среди сосѣднихъ группъ, и они весьма часто прибѣгаютъ для этого къ похищеніямъ. Предположеніе двухъ нѣмецкихъ этнографовъ-экономистовъ Гильдебранда и Мукке, что похищеніе, сопряженное всегда съ рискомъ, могло встрѣчаться только какъ явленіе исключительное, не оправдывается, говоритъ онъ, данными этнографіи. Похищеніе предпринимается не единичнымъ лицомъ, а всегда болѣе или менѣе многочисленной группой товарищей, считающихъ себя часто въ правѣ, въ награду за помощь, воспользоваться невѣстой раньше жениха, какъ это наблюдается, наприм., иногда въ Австраліи, въ Америкѣ и многихъ другихъ мѣстахъ. Частыя войны, имѣющія своимъ результатомъ похищеніе женщинъ, желаніе получить въ индивидуальное обладаніе женщину — рабочую силу, стремленіе выказать свою храбрость и воинскую доблесть путемъ полученія наиболѣе цѣннаго въ глазахъ первобытнаго дикаря трофея, женщины,—все это вмѣстѣ взятое поддерживаетъ обычай умыканія женъ. Благодаря тому же, когда дѣйствительное похищеніе, вслѣдствіе новыхъ

условій жизни племени, теряетъ свой реальный смыслъ, оно дѣлается фиктивнымъ: дѣйствительность переходитъ въ обрядъ. Быть можетъ, именно, стремленіе выказать храбрость заставило похищеніе вытѣснить другіе способы брака, устраивать фиктивное похищеніе съ тѣмъ, чтобы потомъ внести плату или подарки за невѣсту [1]).

Ограничимся пока этими немногими данными и перейдемъ къ ближайшему нашему вопросу — объ источникахъ развитія обычая умыканія невѣстъ и его симуляціяхъ въ современной свадьбѣ, а для этого разсмотримъ сначала, какой характеръ носитъ похищеніе женщинъ въ жизни современныхъ первобытныхъ народовъ, затѣмъ — въ какой формѣ практикуется въ бракахъ дѣйствительное похищеніе невѣстъ у народовъ, населяющихъ нашъ материкъ, и, наконецъ, постараемся установить общую точку зрѣнія на свадебные обряды, симулирующіе похищеніе невѣстъ и представляющіе собою, по мнѣнію изслѣдователей, переживанія былой дѣйствительности.

II.

Обращаясь къ формамъ брака у современныхъ первобытныхъ народовъ, воспользуемся тѣми данными, которыя собраны у Летурно въ его Соціологіи. Начнемъ съ Австралійскихъ племенъ.

Въ Меланезіи практикуется экзогамическій бракъ; онъ считается здѣсь законной формой половыхъ сношеній. Но кромѣ этого законнаго брака въ Меланезіи допускается и самое широкое безпорядочное смѣшеніе половъ, что является даже какъ бы излюбленной формой половыхъ сношеній, такъ какъ экзогамный бракъ въ Австраліи имѣетъ единственной цѣлью пріобрѣтеніе въ собственность рабыни, вьючнаго животнаго, которое будетъ

---

1) Этнографія, вып. II, стр. 280.

носить воду, дрова, тяжести. Такого рода похищеніе женщины, конечно, не можетъ быть названо формою брака; это просто грабежъ цѣннаго имущества, которое кстати можетъ служить и для удовлетворенія половыхъ потребностей. Съ аналогичнымъ явленіемъ мы неоднократно будемъ встрѣчаться и у другихъ племенъ, гдѣ оно практикуется на ряду съ той или иной господствующей формой брака. Въ Тасманіи женщина предупреждается заранѣе, и похищеніе бываетъ только фиктивное. Въ Новой Каледоніи бракъ черезъ похищеніе, замѣчаетъ Летурно, случается, повидимому, не часто. Экзогамическаго похищенія нѣтъ у Готтентотовъ въ Африкѣ; родители здѣсь вымѣниваютъ своихъ дѣвочекъ на корову или вола. У кафровъ практикуется покупка дочерей у родителей еще въ раннемъ дѣтствѣ, и экзогаміи здѣсь, какъ общаго правила, повидимому, не существуетъ, если только не приравнивать къ экзогаміи похищенія женщинъ, совершаемаго дамарами у готтентотовъ намака, или отвращенія бакалагари жениться на женщинѣ родственнаго племени. Продажа дѣвушекъ практикуется и въ Габунѣ. Во многихъ округахъ Судана мужчины покупаютъ дѣвочекъ за нѣсколько кувшиновъ пальмоваго вина, за ткани и т. д. У племени мандинго мужчины, порѣшивъ дѣло, уносятъ дѣвушку съ помощью своихъ друзей. Покупка дѣвочекъ практикуется также въ Яррибѣ и въ Куранко. У туземцевъ Огненной земли и у арауканцевъ господствуетъ эндогамическое похищеніе. У послѣднихъ, между прочимъ, женщины всегда защищаютъ дѣвушку, а если родители ея не согласны на бракъ, то молодой человѣкъ звуками рожка созываетъ своихъ пріятелей и такимъ образомъ предпринимаетъ охоту за желаемой дѣвушкой. Къ числу этихъ же фактовъ надо отнести и тѣ случаи экзогамныхъ разбойничьихъ похищеній, когда туземецъ Южной Америки, пріобрѣтая себѣ женщину, за которую уплачиваетъ большую цѣну, старается устроить вмѣстѣ съ тѣмъ у себя еще и гаремъ изъ плѣнницъ. Желаніе, вообще, имѣть нѣсколькихъ женъ отмѣчается у американскихъ туземцевъ, какъ мотивъ къ похищенію женщинъ, потому что въ

большей части Америки преобладаетъ эндогамія и браки между родственниками; похищеніе же женщинъ вызываетъ у этихъ племенъ войны и переселенія. У гвіанскихъ индѣйцевъ господствуетъ экзогамія, основанная, повидимому, на табу. У калифорнійскихъ индѣйцевъ царствуетъ безпорядочное смѣшеніе половъ. Но характерною чертою быта краснокожихъ служитъ экзогамія, такъ какъ у нихъ воспрещаются браки внутри одной и той же тотемической группы. Миролюбивая экзогамія господствуетъ у сѣверо-американскихъ племенъ шейеновъ, іова, коу, осаговъ, черноногихъ, кри, миниtери, вороновъ и т. д. Въ Канадѣ мужъ, послѣ того какъ бракъ его скрѣпленъ начальникомъ, несетъ жену въ свою палатку при громкихъ крикахъ зрителей. У эскимосовъ практикуется фиктивное похищеніе при фиктивномъ сопротивленіи невѣсты послѣ полюбовнаго соглашенія мужчины съ родителями невѣсты. Въ Полинезіи бракъ заключался на основаніи мирной сдѣлки между мужчиной и родителями дѣвушки. Въ Новой Зеландіи господствуетъ строгая эндогамія съ похищеніемъ и притворной битвой. По этому поводу Летурно замѣчаетъ: церемонія брака съ похищеніемъ не служитъ, слѣдовательно, непремѣннымъ признакомъ или слѣдомъ экзогаміи, какъ утверждалъ Ленанъ. Эндогамія не присуща также только расамъ мирнымъ, какъ говоритъ Спенсеръ, потому что нѣтъ никого воинственнѣе ново-зеландцевъ. На архипелагѣ Тихаго океана жены обыкновенно покупаются у родителей. На Филиппинскихъ островахъ сохранился церемоніалъ брака съ похищеніемъ, и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ, отдѣльныя племена дикарей не представляютъ въ настоящее время однородной массы; рѣзко отличаясь другъ отъ друга степенью развитія своей примитивной культуры, они въ общемъ давно ужъ вышли изъ своей первобытности, а что касается высказываемаго нѣкоторыми изслѣдователями положенія, что эти первобытныя группы должны были добывать себѣ женъ непремѣнно путемъ похищенія, такъ какъ они жили въ состояніи непрекращающагося междуусобія, то это не под-

тверждается фактическими данными; напротивъ, наиболѣе господствующей формой брачныхъ отношеній у большинства первобытныхъ племенъ на ряду съ безпорядочнымъ сожительствомъ является эндогамія по предварительному всякій разъ соглашенію мужчины съ родителями дѣвушки, сопровождаемая иногда установленіями, симулирующими въ нѣкоторомъ родѣ похищеніе; у тѣхъ же племенъ, которымъ извѣстны запретительные тотемическіе законы, практикуется экзогамія, повидимому, смѣнившая собою эндогамію и удержавшая во всякомъ случаѣ установленія, господствовавшія при эндогаміи: полюбовное соглашеніе мужчины съ родителями дѣвушки и обряды, симулирующіе похищеніе; наконецъ, на ряду съ господствомъ безпорядочнаго сожительства, эндогаміи и экзогаміи, у отдѣльныхъ племенъ несомнѣнно практикуется и хищническое, разбойническое нападеніе отдѣльныхъ личностей на членовъ своей же группы или нападеніе отдѣльныхъ группъ другъ на друга съ цѣлью похищенія цѣннаго товара, какимъ первобытному человѣку представляется женщина, какъ раба, которою онъ въ то же время можетъ пользоваться, имѣя у себя уже законную, такъ сказать, жену, и какъ своею наложницей.

Такимъ образомъ, въ формахъ брака, господствующихъ среди первобытныхъ племенъ, мы должны различать два явленія: во-первыхъ, обряды, симулирующіе похищеніе невѣсты, которыми сопровождается какъ эндогамный, такъ и экзогамный бракъ, случаи разбойническихъ нападеній съ цѣлью похищенія или увода женщины, практикующіеся у различныхъ племенъ параллельно съ господствующей той или иной формой брака, эндогаміей или экзогаміей. Въ первомъ случаѣ, т. е. въ обрядахъ, симулирующихъ похищеніе, мы имѣемъ дѣло, несомнѣнно, съ ритуальнымъ похищеніемъ разбойничьимъ, которое, возникнувъ изъ единичныхъ случаевъ и принимая съ теченіемъ времени болѣе широкіе размѣры, нашло себѣ до нѣкоторой степени санкцію въ первомъ и, быть можетъ, въ виду этого стало распространяться еще съ большей настойчивостью, не имѣя въ то же

время никакой связи съ экзогаміей, но способствуя развитію у мирныхъ вначалѣ племенъ враждебныхъ междуродовыхъ отношеній.

Что воспоминанія о похищеніи женъ живы среди массы какъ древнихъ, такъ и современныхъ народностей, это отмѣчалось неоднократно въ этнографической литературѣ. Такъ, напр., М. Ковалевскій ссылается на одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ индусовъ, сводъ Ману, которому извѣстны восемь формъ заключенія брака, и въ одной изъ нихъ—«рикшазѣ»—онъ видитъ форму брака черезъ похищеніе; слѣды заключенія браковъ уводомъ онъ находитъ затѣмъ у древнихъ грековъ, римлянъ, у современныхъ черногорцевъ, въ Сербіи, въ Болгаріи, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, у чеховъ, поляковъ, руссиновъ, у древнихъ германцевъ по извѣстіямъ Тацита и по современнымъ свадебнымъ обрядамъ, у древнихъ кельтовъ. Извѣстный изслѣдователь быта нашихъ поволжскихъ инородцевъ, И. Н. Смирновъ, отмѣчаетъ слѣды умыканія женъ, практиковавшагося у пермяковъ[1]). Н. А. Янчукъ и другіе изслѣдователи отмѣчаютъ обряды, указывающіе на существованіе нѣкогда умыканія невѣстъ въ современной свадьбѣ малороссовъ[2]); поморы, по словамъ Г. Вершепова, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ, стараются устроить свадьбу попроще и подешевле, нерѣдко невѣсту просто крадутъ... Обыкновенно родители сами устраиваютъ комедію похищенія и, посердившись для приличія на молодыхъ недѣльку-другую, оканчиваютъ дѣло миромъ и любовью[3]); кража невѣстъ существуетъ въ Тотемскомъ, Устюгскомъ, Вельскомъ, Сольвычегодскомъ и Яренскомъ уу.[4]); И. В. Яковлевъ отмѣчаетъ, какъ очень распространенный способъ, умыканіе невѣстъ у вотяковъ[5]);

1) См. его моногр. о пермякахъ. К. 1891 г., гл. 4-я.

2) Труды Эт. Отд. Кн. VII, стр. 64.

3) Э. Об. 1901, № 1.

4) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. II. Труды Эти. Отд., т. XI, вып. I. М. 1890 г. Н. А Иваницкій.—Матеріалы по этнографіи Вологодской губ.

5) Изв. О-ва Арх., Ист. и Этн. при Импер. К. У.; XIX, в. 3—4.

свящ. Прокопьевъ то же явленіе находитъ у чувашей[1]); В. А. Мошковъ отмѣчаетъ кражу невѣстъ у гагаузовъ бендерскаго у.[2]); Мендіаровъ находитъ ее у черемисъ уфимской губ.[3]); о похищеніи невѣстъ у астраханскихъ калмыковъ говоритъ г. Житецкій[4]); К. Поповъ находитъ похищеніе невѣстъ у зырянъ Яренскаго и Устьсысольскаго у.[5]); случаи похищенія невѣстъ у киргизовъ и каракиргизовъ Сыръ-дарьинской области отмѣчаетъ Н. И. Гродековъ[6]); намеки на похищеніе сохранились въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ пинчуковъ[7]); Б. Миллеръ говоритъ объ увозѣ дѣвицъ у карачаевцевъ[8]); обычай похищать невѣстъ сильно распространенъ, по словамъ А. В. Комарова, въ Дагестанской области[9]); кража дѣвушекъ и симуляція ея въ свадебныхъ обрядахъ существуетъ у чеченцевъ Терской обл.[10]); то же явленіе г. Грабовскій отмѣчаетъ у горцевъ-ингушей[11]); Н. Львовъ—у дагестанскихъ горцевъ аварскаго племени[12]); похищеніе невѣстъ практикуется у лаковъ[13]); Дж. Шанаевъ говоритъ о похищеніи невѣстъ у сѣверныхъ осетинъ[14]); увозы дѣвушекъ встрѣчаются у жителей кумыкской плоскости[15]); у даргинскихъ обществъ[16]); въ Кюринскомъ округѣ[17]); въ Табасаранскомъ

---

1) Тамъ же, вып. I-ый.

2) Эт. Об. 1901, № 1.

3) Тамъ же, 1894, кн. XXII.

4) Труды Эти. Отд., т. XIII, вып. 1, стр. 25.

5) Труды Эт. Отд., кн. 3, вып. 1, стр. 67.

6) Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. Т. I. Ташк. 1889.

7) Д. Г. Булгаковскій. Записки Имп. Р. Г. Об., т. XIII. Пинчуки. Этнограф. сборникъ.

8) Эт. Об., 1902, № 1.

9) Сборн. свѣд. о Кавказск. горцахъ, 1868 г., вып. I-ый.

10) Тамъ же, ст. А. Ипполитова «Этнографическіе очерки Аргунскаго Округа».

11) Сбор. свѣд. о кавказскихъ горцахъ, вып. 3-й.

12) Тамъ же.

13) Сборн. свѣд. о Кавк. горцахъ, вып. 4.

14) Тамъ же.

15) Тамъ же, вып. VI.

16) Тамъ же, вып. VII.

17) Тамъ же, вып. VIII.

округѣ [1]); у ингушей [2]); у южно-дагестанскихъ обществъ [3]); у черкесъ Кубанской обл. [4]); у курдовъ въ Персіи [5]) и т. д., и т. д.

Мы назвали рядъ народностей, у которыхъ въ настоящее время еще встрѣчается обычай дѣйствительнаго или фиктивнаго похищенія дѣвушекъ при заключеніи браковъ. Но если мы обратимъ вниманіе на каждый въ отдѣльности изъ отмѣченныхъ случаевъ похищенія, а также на дѣйствующія у разныхъ народовъ по этому вопросу установленія, мы прійдемъ къ заключенію, что случаи похищенія дѣвушекъ могутъ быть строго разграничены и сведены къ двумъ группамъ похищенія: ритуальной и хищнической, т. е. въ однихъ случаяхъ въ обычаѣ похищенія дѣвушки и въ его симуляціяхъ чувствуется нѣчто ритуальное, въ другихъ — рѣзко выступаютъ хищническіе мотивы въ соединеніи съ мотивами дикой удали и геройства, при чемъ въ этихъ случаяхъ похититель прибѣгаетъ къ тѣмъ же пріемамъ, какими онъ привыкъ пользоваться вообще въ своихъ разбойничьихъ нападеніяхъ.

Такъ, напр., въ Болгаріи и въ особенности въ Македоніи похищеніе дѣвушекъ происходитъ очень часто даже въ такихъ случаяхъ, когда въ немъ не представляется никакой надобности, когда не существуетъ никакихъ препятствій къ браку ни со стороны невѣсты, ни со стороны родителей. Иногда же родители притворно не соглашаются на выдачу замужъ своей дочери, тогда также съ вѣдома родителей невѣсту похищаютъ [1]). Но на ряду съ этимъ мирнымъ похищеніемъ въ Болгаріи же практикуется и насильственное, противъ воли дѣвушки. У поморовъ, какъ мы отмѣтили выше, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ, — обычный въ устахъ народа мотивъ, которымъ онъ оправдываетъ похищеніе, — невѣсту крадутъ, при чемъ родители невѣсты сами же

---

1) Тамъ же.
2) Тамъ же, т. IX.
3) Тамъ же, VIII.
4) Ѳ. Леонтовичъ. Адаты Кавказ. горцевъ. Одесса. Отд. III, стр. 172.
5) Изв. Кавк. Отд. Импер. Р. Геогр. О-ва, т XVII, № 1, 1904 г.

устраиваютъ дѣло похищенія, а затѣмъ на нѣкоторое время, для вида, ссорятся съ молодыми и оканчиваютъ дѣло миромъ и любовью. Похищенія по предварительному полюбовному соглашенію мужчины съ дѣвушкой практикуются и у сахалинскихъ гиляковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ у гиляковъ же встрѣчаются и случаи насильственнаго похищенія. Когда гиляку, говоритъ Л. Штернбергъ, понравится женщина, дѣвушка или замужняя, а въ то же время пріобрѣсть ее мирнымъ путемъ оказывается невозможнымъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, онъ сговаривается съ компаніей своихъ сородичей, и въ одинъ прекрасный день, обыкновенно лѣтомъ, когда мужчины внѣ юрты, лодка похитителя приближается къ селенію и, улучивъ время, когда мужчины въ отсутствіи, увозитъ искомую женщину... Похищенія, конечно, вызываютъ контръ-похищенія, даже вооруженною рукой... Нерѣдко похищеніе совершается самимъ отцомъ женщины или по его наущенію въ томъ случаѣ, когда зять не выполнилъ всѣхъ условій калыма и въ то же время не возвращаетъ добровольно купленной имъ женщины[2]). Среди русскихъ лопарей, по словамъ Н. Харузина, похищенія дѣвушекъ противъ ихъ воли не встрѣчается вовсе, вообще же къ нему прибѣгаютъ въ случаяхъ несогласія на бракъ родителей невѣсты. Въ нѣкоторыхъ у. Вологодск. губ. молодой человѣкъ, условившись съ дѣвушкой, отправляется къ священнику, исповѣдуется, пріобщается, и того же дня между 8 и 12 час. священникъ ихъ вѣнчаетъ. На другой день новобрачные вмѣстѣ съ священникомъ отправляются въ домъ родителей просить прощенія... родители обыкновенно охотно даютъ это прощеніе, а бываетъ и такъ, что, зная заранѣе о состоявшемся похищеніи, выходятъ встрѣчать молодыхъ съ хлѣбомъ, солью и образомъ[3]). У вотяковъ парень, сойдясь съ дѣвушкой, уговорившись съ ней и предварительно увѣдомивъ о

---

1) Ѳ. Волковъ. Эт. Об. XXVII.
2) Эт. Об. XVII, 1893, № 2.
3) Труды Эт. От., т. XI, в. 1, М. 1890 г.

томъ своихъ родителей, тайно ночью увозитъ невѣсту къ себѣ въ домъ [1]). У чувашей брачный ритуалъ бываетъ полный и неполный. Первый — когда чувашинъ женитъ сына по предварительному согласію и договору съ невѣстой и ея родителями; второй—когда чувашинъ женитъ сына, похищая невѣсту, при чемъ эти краденыя свадьбы устраиваются не только съ согласія невѣсты, но и съ вѣдома ея родителей [2]). У черкесъ Кубанской области молодой человѣкъ, уговорившись съ дѣвушкой, въ назначенный день увозитъ ее въ компаніи своихъ друзей, при чемъ дѣвушка, одѣвшись прилично, ожидаетъ жениха ночью, вблизи аула [3]). Такого же рода кража невѣсты практикуется у чеченцевъ Терской области; здѣсь же кража бываетъ и въ случаѣ согласія родителей на бракъ дочери; насильственныхъ похищеній въ Чечнѣ нѣтъ [4]). У горцевъ-ингушей на ряду съ мирнымъ похищеніемъ въ широкихъ размѣрахъ практикуется и похищеніе изъ удальства [5]). У лаковъ молодой человѣкъ, получивъ отказъ, стремится во что бы то ни стало отомстить за такое оскорбленіе, нападаетъ съ товарищами на дѣвушку, когда она идетъ по воду, и похищаетъ ее [6]). Аналогичное явленіе мы встрѣчаемъ и у сѣверныхъ осетинъ, гдѣ въ случаѣ неудачнаго сватовства молодой человѣкъ мститъ похищеніемъ дѣвушки [7]). Насильственное похищеніе на ряду съ мирнымъ практикуется у ингушей [8]). М. Ковалевскій приводитъ изъ сербскаго словаря В. Караджича ниже слѣдующее описаніе «отмицы»: ... молодые парни очень охотно идутъ на похищеніе и часто одинъ подстрекаетъ другого: пойдемъ отымемъ себѣ ту или другую невѣсту. На отмицу выходятъ съ оружіемъ, какъ на войну. Иногда похитители поджидали

---

1) Изв. О-ва Археол., Ист. и Этногр. при Импер. К. У. т. XIX, вып. 3—4.
2) тамъ же, вып. 1.
3) Ѳ. Леонтовичъ. Назв. соч.
4) Сбор. свѣд. о Кавк. горц., вып. 1-ый.
5) Сборн. свѣд. о Кавк. горц., вып. 3-ій;
6) Тамъ же, вып. 4.
7) Тамъ же.
8) Тамъ же, вып. IX.

дѣвушку у стада, или когда она пойдетъ за водою, хватали ее и уводили, а иногда нападали на домъ ночью, какъ разбойники, окружали домъ и связывали отца и братьевъ, пока не находили дѣвушки и не уводили ея... Когда похитители захватятъ дѣвушку въ руки, они не хотятъ ее оставить, хотя бы всѣ погибли; если же дѣвушка не захочетъ идти и станетъ сопротивляться, тянутъ ее за косы и бьютъ палкою, какъ вола у капусты... Такъ описываетъ В. Караджичъ сербскую отмицу. Несомнѣнно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ типичный примѣръ вырожденія первоначальнаго ритуальнаго похищенія въ разбойническое нападеніе съ дикимъ примѣненіемъ грубой физической силы, на ряду съ широко практикующейся у сербовъ же и особенно на далматинскомъ побережьи и по настоящее время, какъ обязательной формы, брака путемъ похищенія невѣсты по предварительному уговору молодого человѣка съ нею же и съ ея родителями.

Итакъ, мы не ошибемся, если, резюмируя свое заключеніе, скажемъ, что у тѣхъ изъ современныхъ народностей, у которыхъ практикуется хищническое похищеніе женщинъ, это послѣднее возникло изъ первоначальнаго ритуальнаго похищенія, какъ его вырожденіе, и иногда существуетъ на ряду съ нимъ же, и что этнографіи извѣстны народности, у которыхъ дѣйствуетъ только ритуальное похищеніе въ его первоначальномъ видѣ, т. е. похищеніе послѣ полюбовнаго соглашенія мужчины съ дѣвушкою, а иногда и съ ея родителями.

Что такое разграниченіе случаевъ похищенія невѣстъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ взгляда на разныя формы брака, какой проводится въ различныхъ законодательныхъ народныхъ установленіяхъ, какъ, напр., въ индусскомъ сводѣ Ману, въ постановленіяхъ различныхъ статутовъ и правдъ, въ адатахъ кавказскихъ горцевъ и т. п. Такъ, напр., по адатамъ дагестанскихъ горцевъ, при разборѣ дѣлъ по увозу женщинъ различаются слѣдующіе случаи: 1) увезена ли незамужняя женщина съ ея согласія или насильно; 2) согласны ли родители или опекуны на ея бракъ съ

томъ своихъ родителей, тайно ночью увозитъ невѣсту къ себѣ въ домъ [1]). У чувашей брачный ритуалъ бываетъ полный и неполный. Первый — когда чувашинъ женитъ сына по предварительному согласію и договору съ невѣстой и ея родителями; второй—когда чувашинъ женитъ сына, похищая невѣсту, при чемъ эти краденыя свадьбы устраиваются не только съ согласія невѣсты, но и съ вѣдома ея родителей [2]). У черкесъ Кубанской области молодой человѣкъ, уговорившись съ дѣвушкой, въ назначенный день увозитъ ее въ компаніи своихъ друзей, при чемъ дѣвушка, одѣвшись прилично, ожидаетъ жениха ночью, вблизи аула [3]). Такого же рода кража невѣсты практикуется у чеченцевъ Терской области; здѣсь же кража бываетъ и въ случаѣ согласія родителей на бракъ дочери; насильственныхъ похищеній въ Чечнѣ нѣтъ [4]). У горцевъ-ингушей на ряду съ мирнымъ похищеніемъ въ широкихъ размѣрахъ практикуется и похищеніе изъ удальства [5]). У лаковъ молодой человѣкъ, получивъ отказъ, стремится во что бы то ни стало отомстить за такое оскорбленіе, нападаетъ съ товарищами на дѣвушку, когда она идетъ по воду, и похищаетъ ее [6]). Аналогичное явленіе мы встрѣчаемъ и у сѣверныхъ осетинъ, гдѣ въ случаѣ неудачнаго сватовства молодой человѣкъ мститъ похищеніемъ дѣвушки [7]). Насильственное похищеніе на ряду съ мирнымъ практикуется у ингушей [8]). М. Ковалевскій приводитъ изъ сербскаго словаря В. Караджича ниже слѣдующее описаніе «отмицы»: ... молодые парни очень охотно идутъ на похищеніе и часто одинъ подстрекаетъ другого: пойдемъ отымемъ себѣ ту или другую невѣсту. На отмицу выходятъ съ оружіемъ, какъ на войну. Иногда похитители поджидали

---

1) Изв. О-ва Археол., Ист. и Этногр. при Импер. К. У. т. XIX, вып. 3—4.
2) тамъ же, вып. 1.
3) Ѳ. Леонтовичъ. Назв. соч.
4) Сбор. свѣд. о Кавк. горц., вып. 1-ый.
5) Сборн. свѣд. о Кавк. горц., вып. 3-ій;
6) Тамъ же, вып. 4.
7) Тамъ же.
8) Тамъ же, вып. IX.

или родственниковъ, но безъ желанія на то самой похищенной, хотя бы она впослѣдствіи и согласилась остаться женою увезшаго ее, то родители или родственники, а также похититель подвергаются взысканію денежнаго штрафа: первые въ размѣрѣ 50, а послѣдній 100 руб.; 3) если похищеніе произошло безъ согласія похищенной и безъ вѣдома родителей или родственниковъ, и притомъ дѣвушка не была обезчещена, то послѣдняя немедленно возвращается въ домъ свой, а виновный подвергается взысканію въ пользу родственниковъ похищенной полнаго калыма—105 руб. и штрафа въ 150 руб.; 4) за похищеніе просватанной уже невѣсты родственники похищенной платятъ обиженному жениху полный калымъ —105 руб. и всѣ убытки, невѣста возвращаетъ полученную часть калыма, а похититель обязанъ заплатить потерпѣвшему двойной калымъ — 210 руб., за безчестье 300 руб. и штрафъ 50 руб.; 5) за похищеніе или отбитіе чужой жены полагается то же взысканіе, какъ за прелюбодѣяніе съ чужой женой. Такимъ образомъ, адатомъ осуждается хищническое похищеніе женщины и не налагается никакого наказанія въ томъ случаѣ, если похищеніе совершено съ согласія невѣсты и ея родителей [1]). По адатамъ южно-дагестанскихъ обществъ, если похищеніе дѣвушки было совершено съ ея согласія, то похититель записываетъ своей женѣ кебинъ, посылаетъ въ домъ похищенной разной матеріи на одежду, а спустя два дня послѣ этого отецъ похитителя приглашаетъ въ домъ свой родителей и родственниковъ похищенной, угощаетъ ихъ и мирится. Если же похищенная не желаетъ совершенія кебина съ похитителемъ, то ее возвращаютъ обратно въ домъ родителей, а похититель обязанъ удалиться изъ деревни дней на сорокъ; по истеченіи же этого времени, возвратясь домой, онъ обязанъ принять присягу съ 40 человѣками въ томъ, что онъ, похищая названную дѣвушку, не имѣлъ никакой лукавой цѣли, а его желаніе было совершить съ нею кебинъ; въ противномъ случаѣ платитъ роди-

1) Сб. свѣдѣній о Кавк. горц. т. IX.

похитителемъ или нѣтъ; 3) побѣгъ женщины къ мужчинѣ; 4) увозъ женщинъ, имѣющихъ жениховъ или замужнихъ. Изъ этихъ четырехъ случаевъ первые два могутъ быть объединены вмѣстѣ, такъ какъ наличностью этихъ двухъ условій опредѣляется обыкновенно возможность ритуальнаго похищенія; третій случай составляетъ форму брака, извѣстную въ Болгаріи подъ именемъ «пристанки»; четвертый случай, выдѣляемый адатами дагестанскихъ горцевъ, есть форма брака путемъ хищническаго нападенія. При согласіи похищенной и ея родителей на бракъ съ похитителемъ, адатомъ разрѣшается свадьба, при чемъ женихъ долженъ дать: 1) альхамъ = подарки невѣстѣ, которые онъ обязанъ былъ бы сдѣлать послѣ сватовства; 2) калымъ — приданое невѣстѣ, состоящее изъ верхняго платья, надѣваемаго невѣстою въ день свадьбы, постели, игрушекъ, одѣялъ; 3) кебинъ-ханкъ = обезпеченіе, даваемое женихомъ невѣстѣ на случай своей смерти или развода. При несогласіи же невѣсты на бракъ или ея родителей, она возвращается въ домъ родителей, т. е. разбойническое похищеніе женщины адатомъ не признается фактомъ, санкціонирующимъ установленіе брака между мужчиной и женщиной [1]). То же самое встрѣчаемъ мы и у жителей кумыкской плоскости: если увезенная женщина или дѣвушка не пожелаетъ выйти замужъ за увезшаго ее, то она возвращается назадъ, а виновный платитъ кебинъ-ханкъ [2]). Обычай похищенія невѣсты широко примѣняется у ингушей; здѣсь это чуть ли не исключительная форма заключенія браковъ, между тѣмъ по адатамъ ингушей налагаются слѣдующія взысканія: 1) за похищеніе дѣвицы по согласію ея, но безъ вѣдома родителей или родственниковъ, виновный подвергается денежному взысканію въ 50 руб. въ пользу родственниковъ похищенной и 50-ти рублевому штрафу за нарушеніе общественной тишины и спокойствія; 2) если похищеніе произошло по наущенію или съ согласія родителей

1) Сборн. свѣд. о Кавк. горц., вып. 1.
2) То же, вып. 6.

или родственниковъ, но безъ желанія на то самой похищенной, хотя бы она впослѣдствіи и согласилась остаться женою увезшаго ее, то родители или родственники, а также похититель подвергаются взысканію денежнаго штрафа: первые въ размѣрѣ 50, а послѣдній 100 руб.; 3) если похищеніе произошло безъ согласія похищенной и безъ вѣдома родителей или родственниковъ, и притомъ дѣвушка не была обезчещена, то послѣдняя немедленно возвращается въ домъ свой, а виновный подвергается взысканію въ пользу родственниковъ похищенной полнаго калыма—105 руб. и штрафа въ 150 руб.; 4) за похищеніе просватанной уже невѣсты родственники похищенной платятъ обиженному жениху полный калымъ —105 руб. и всѣ убытки, невѣста возвращаетъ полученную часть калыма, а похититель обязанъ заплатить потерпѣвшему двойной калымъ — 210 руб., за безчестье 300 руб. и штрафъ 50 руб.; 5) за похищеніе или отбитіе чужой жены полагается то же взысканіе, какъ за прелюбодѣяніе съ чужой женой. Такимъ образомъ, адатомъ осуждается хищническое похищеніе женщины и не налагается никакого наказанія въ томъ случаѣ, если похищеніе совершено съ согласія невѣсты и ея родителей [1]). По адатамъ южно-дагестанскихъ обществъ, если похищеніе дѣвушки было совершено съ ея согласія, то похититель записываетъ своей женѣ кебинъ, посылаетъ въ домъ похищенной разной матеріи на одежду, а спустя два дня послѣ этого отецъ похитителя приглашаетъ въ домъ свой родителей и родственниковъ похищенной, угощаетъ ихъ и мирится. Если же похищенная не желаетъ совершенія кебина съ похитителемъ, то ее возвращаютъ обратно въ домъ родителей, а похититель обязанъ удалиться изъ деревни дней на сорокъ; по истеченіи же этого времени, возвратясь домой, онъ обязанъ принять присягу съ 40 человѣками въ томъ, что онъ, похищая названную дѣвушку, не имѣлъ никакой лукавой цѣли, а его желаніе было совершить съ нею кебинъ; въ противномъ случаѣ платитъ роди-

---

1) Сб. свѣдѣній о Кавк. горц. т. IX.

телямъ похищенной 60 руб. и мирится. Если похититель съ похищенною скроется въ другую деревню, то родители дѣвицы посылаютъ къ ней людей и спрашиваютъ, согласна ли она на совершеніе кебина или нѣтъ; если согласна, то отъ родителей зависитъ тотчасъ разрѣшить совершеніе кебина и позволить похитителю возвратиться домой; въ противномъ же случаѣ виновный остается внѣ своей деревни 40 дней и болѣе, при чемъ дѣвушка живетъ въ одномъ домѣ, а похититель въ другомъ; они не имѣютъ сообщенія до тѣхъ поръ, пока виновный черезъ посредство почетныхъ жителей не склонитъ родителей ея на совершеніе кебина. . . . и т. д. [1]). Въ церковномъ уставѣ Ярослава за умычку предписывается платить штрафъ епископу (= штрафу, налагаемому адатами горцевъ за нарушеніе общественнаго спокойствія), а съ другой—вознагражденіе женщинѣ за «соромъ». Въ варварскихъ правдахъ, меровингскихъ и карловингскихъ формулахъ, говоритъ М. Ковалевскій, не трудно найти нѣкоторыя переживанія такого порядка вещей, когда уводъ невѣсты считался достаточнымъ основаніемъ къ признанію законности брака. Такъ, законы туринговъ грозятъ женщинѣ, вступившей въ бракъ безъ согласія отца или опекуна, иначе говоря — бракъ уходомъ, одной лишь потерей того имущества, какое должно было поступить ей въ приданое (= калымъ). Законы же фризовъ только полагаютъ въ этомъ случаѣ штрафъ— большій или меньшій, смотря по сословному положенію ушедшей изъ родительскаго дома дѣвицы. Ни тѣ ни другіе ни слова не говорятъ о недѣйствительности заключеннаго такимъ путемъ брака [2]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности подробнѣе остановиться на этихъ документахъ, чтобы выяснить себѣ болѣе детально, что преслѣдованію и взысканію подвергаются только случаи разбойничьяго похищенія, ритуальное же похищеніе допускается, какъ вполнѣ законная форма брака.

---

1) Сбор. свѣд. о Кавк. горцахъ, в. VIII.
2) М. Ковалевскій, Первоб. Право, т. II-ой, стр. 101, 104.

Въ тѣсную связь съ ритуальнымъ похищеніемъ должны быть поставлены и всѣ обряды, на которые принято смотрѣть, какъ на обряды, симулирующіе это похищеніе [1]).

Молодой человѣкъ, поется въ пѣсняхъ пинчуковъ, собираетъ всю «родныну у громаду», чтобы всѣмъ вмѣстѣ поѣхать на тестя, стать «своимъ полкомъ пудъ га́нкомъ» (крыльцомъ), выбить «краменну стѣну», взять «дѣвоньку изъ вѣнкомъ», «звоеваты» тестя; родъ невѣсты въ свою очередь принимаетъ мѣры, чтобы узнать, когда зять придетъ «воевать» [2]). У бѣлоруссовъ Тверской губ. утромъ въ день свадьбы дружко садится въ передній уголъ, и отецъ жениха обращается къ нему: «Я тебѣ даю одного, а ты привези мнѣ пару». Дружко предлагаетъ привезти четырехъ, но отецъ заявляетъ, что ему нужно только пару. Затѣмъ дружко приглашаетъ одѣть жениха «обряду палажитсь». Жениха одѣваютъ . . . Послѣ этого ставятъ на землѣ сковороду, въ нее становится женихъ обѣими ногами, а тѣ, которымъ назначено ѣхать за невѣстой, числомъ 6 — 8 человѣкъ, ставятъ вокругъ него на сковороду только правыя ноги. Тогда всѣ, стоящіе на сковородѣ, цѣлуютъ образъ, и дружко произноситъ: Ну, цалуйте Божіе милосердіе, щобъ стоятсь другъ за друга, братъ за брата, за единую кровь каплю. Затѣмъ начинается обрядъ «кликанія», т. е. собиранія денегъ въ пользу молодого. Прибывъ къ невѣстѣ и найдя ворота запертыми, сваты жениха добиваются войти въ домъ невѣсты, входятъ въ избу въ шапкахъ, дружки съ кнутомъ черезъ плечо разгоняютъ невѣстиныхъ гостей и садятся сами; хозяинъ удаляется изъ дому, предоставивъ его побѣдителямъ [3]). У лопарей молодой долженъ увезти свою невѣсту къ себѣ; пока

---

1) Они подробно перечислены, между прочимъ, въ изслѣдованіи о свадебныхъ обрядахъ проф. Сумцова.

2) Эт. Об. 1891, № 2; 1893, № 1.

3) Эти. Об. 1893, № 1 (кн. XVI). Въ этой же статьѣ отмѣчается обычай собирать дружину для пріобрѣтенія жены у древнихъ индусовъ, въ современной французской свадьбѣ, въ Германіи, Ирландіи, у Кавказскихъ горцевъ, у чувашей, мордвы, вотяковъ.

ее одѣваютъ, она бьется, кричитъ, бѣгаетъ по тупѣ; всѣ родственники жениха гонятся за ней, ловятъ ее и привязываютъ къ столбу. Затѣмъ, когда кережи для отъѣзжающихъ готовы, ее выносятъ, кладутъ въ кережу, привязываютъ къ ней и накрываютъ молодую мѣхами и одѣялами, мужчины кричатъ и стрѣляютъ въ воздухъ.

Среди этого шума и крика двигается поѣздъ къ дому или погосту, гдѣ живетъ семья жениха [1]). У чеченцевъ Терской обл. за четыре дня до свадьбы невѣсту везутъ въ домъ родственниковъ жениха. За нею посылаютъ на арбѣ старую женщину, которую сопровождаютъ человѣкъ 20, 30 молодежи, любителей всякаго рода скандаловъ и бурныхъ сценъ. Вся эта толпа недалеко отъ дома невѣсты встрѣчается крикомъ и бранью мальчишекъ, камнями и выстрѣлами; но, несмотря на это, отшучиваясь и защищаясь каждый, какъ сумѣетъ, посланные подъѣзжаютъ къ ея дому. У дверей ея комнаты они обыкновенно встрѣчаютъ одного изъ родственниковъ дѣвушки, который при ихъ приближеніи запираетъ дверь и требуетъ подарка. Ему дается кинжалъ, и завѣтная дверь отворяется. Но тамъ ихъ встрѣчаетъ другое препятствіе: вмѣсто цербера мужского пола въ комнатѣ невѣсты ожидаетъ ихъ множество церберовъ женщинъ, которыя встрѣчаютъ посланныхъ за невѣстою истинно по женски — иглами, булавками, ножницами, рвутъ на нихъ черкески и бешметы, отнимаютъ шапки, такъ что половина изъ нихъ выходитъ изъ комнаты безъ рукавовъ и безъ одной или обѣихъ полъ платья. Когда достаточно пошумѣли, посланные за невѣстою угощены и поѣздъ вмѣстѣ съ нею тронулся въ обратный путь, его провожаютъ снова камни мальчишекъ и ружейные выстрѣлы взрослыхъ [2]). У сѣверныхъ осетинъ дружки жениха, прибывъ къ невѣстѣ, извѣщаютъ о своемъ пріѣздѣ выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ и громкими возгласами радости. Стрѣльбой прово-

---

1) Н. Харузинъ. Русскіе лопари:
2) Сборн. свѣд. о Кавк. горц., вып. I.

жается и поѣздъ невѣсты, когда она ѣдетъ въ аулъ жениха, выстрѣлами же поѣзжане извѣщаютъ своихъ односельчанъ о пріѣздѣ жениха съ молодой [1]). Джигитовкой и стрѣльбой сопровождаютъ свой свадебный поѣздъ ингуши [2]). У гагаузовъ бендерскаго уѣзда въ субботу вечеромъ родственники жениха, парни, дѣвушки, мужчины и женщины вмѣстѣ съ «деверемъ» жениха отправляются къ невѣстѣ заплетать ей косы. Приближаясь къ дому невѣсты, «деверь» стрѣляетъ изъ револьвера и кричитъ «и ху-ху!». Стрѣльба и тотъ же крикъ бываетъ и тогда, когда деверь отъ жениха возвращается къ невѣстѣ для одѣванія ея къ вѣнцу. По окончаніи бракосочетанія всѣ выходятъ на улицу, деверь стрѣляетъ изъ револьвера. Когда свадебный кортежъ приблизился къ дому жениха, то одинъ изъ парней беретъ у «деверя» револьверъ и даетъ выстрѣлъ [3]). Г. Кажешевъ такъ описываетъ свадебные обряды кабардинцевъ: когда тарантасъ съ невѣстой выѣхалъ изъ аула невѣсты и направляется въ домъ жениха, то сопровождающая его молодежь устраиваетъ джигитовку съ стрѣльбой, стараясь отнять другъ у друга шапки. То же происходитъ при въѣздѣ въ аулъ жениха. По пріѣздѣ домой невѣсту снимаютъ съ тарантаса, и нѣсколько женщинъ ведутъ ее медленно на женскую половину. Пока ее ведутъ въ ея помѣщеніе, на дворѣ не умолкаютъ ружейные выстрѣлы. Послѣ того какъ невѣста введена въ комнату, во дворѣ устраивается бой конныхъ всадниковъ съ пѣшими, вооруженными длинными жердями. Нѣсколько такихъ пѣшихъ стоятъ у входа въ саклю и отражаютъ натискъ конныхъ, которые стараются прорваться въ саклю. Когда кому-либо изъ конныхъ удается ворваться верхомъ на лошади въ саклю, его тамъ угощаютъ, и бой прекращается. Шумомъ, стрѣльбой и пѣснями сопровож-

---

1) Тамъ же, вып. 4.

2) Тамъ же, вып. 9.

3) Эт. Об. 1901, № 1. Въ этой же статьѣ въ примѣчаніяхъ указывается аналогичный обычай у болгаръ, сербовъ, черногорцевъ, абхазцевъ, оренбургскихъ ногайцевъ и кое-гдѣ у поляковъ.

дается выводъ молодой изъ того помѣщенія, въ которомъ она находилась въ теченіе первой недѣли послѣ замужества, въ домъ, т. е. въ помѣщеніе хозяина и хозяйки. Стрѣльбой провожаютъ до дома и молодого, который первые дни послѣ свадьбы долженъ скрываться въ какомъ-либо другомъ домѣ [1]). Наканунѣ дня свадьбы у ингилойцевъ во время пирушки у жениха, онъ выходитъ во дворъ, окутанный въ бурку, при появленіи его раздается ружейный выстрѣлъ, послѣ котораго подходятъ къ жениху прежде старшіе, а потомъ и остальная родня, и каждый цѣлуетъ его въ лобъ. . . . Выѣздъ посольства отъ жениха за невѣстою сопровождается однимъ выстрѣломъ. На длинномъ шестѣ, прикрѣпленномъ къ забору двора невѣсты, воткнуто очищенное яблоко . . . Посланные отъ жениха мужчины должны стрѣлять въ это яблоко и пулею сбить его. Стрѣлять можно только три раза, послѣ чего отпираются ворота, и всѣ вступаютъ во дворъ. . . . Когда одѣтая невѣста съ закрытымъ лицомъ, поддерживаемая подругами, выходитъ во дворъ, раздается ружейный выстрѣлъ. Когда поѣздъ съ невѣстой подходитъ къ воротамъ жениха, ворота запираются и на воротахъ на длинномъ шестѣ выставляется пылающая плошка. Члены свиты невѣсты выстрѣломъ должны сбить ее. Послѣ трехъ выстрѣловъ ворота отпираются. На третій день послѣ вѣнца устраивается у жениха обѣдъ; послѣ обѣда на палку втыкается очищенное яблоко и привязывается къ какому-нибудь большому на дворѣ дереву. Въ это яблоко сначала стрѣляютъ члены свиты невѣсты (гамотане булебы), и если они за третьимъ выстрѣломъ не собьютъ его, то предоставляютъ это право желающему показать свое искусство. Выстрѣлы должны производиться изъ ружья, заряженнаго пулею [2]).

У великоруссовъ Вологодской губ. когда поѣздъ отъ невѣсты направляется въ церковь, то, обыкновенно, ѣдутъ скоро, шумно,

---

1) Эт. Об. 1892, № 4.
2) Сб. свѣд. о Кавк. горц., вып. 4.

съ веселыми пѣснями, сливающимися съ звономъ колокольчиковъ, звонковъ и бубенцовъ, давая знать о свадебномъ поѣздѣ на большое разстояніе [1]).

Итакъ сваты и поѣзжане жениха, иногда переодѣтые [2]) и вооруженные нагайками или громадными палками [3]), по мнѣнію этнографовъ, — это дружина жениха, при помощи которой онъ завоевываетъ тестя и добываетъ себѣ дѣвушку; при появленіи въ домѣ невѣсты эта дружина встрѣчаетъ сопротивленіе и вступаетъ въ борьбу съ родственниками невѣсты; борьба и увозъ невѣсты сопровождаются стрѣльбой, шумомъ, иногда разбоемъ и похищеніемъ имущества родственниковъ невѣсты [4]). Словомъ, въ свадебныхъ обрядахъ мы имѣемъ, повидимому, полную картину похищенія со всѣми его аксессуарами. Къ сожалѣнію, картину эту приходится нѣсколько видоизмѣнить, лишивъ ее существенныхъ частностей. Извѣстно, что у весьма многихъ народовъ распространено воззрѣніе на свадьбу, какъ на особенно благопріятное время для чародѣйства или колдовства, воззрѣніе, которое должно быть поставлено въ связь съ общими религіозно-культовыми представленіями первобытнаго человѣка. Съ такимъ взглядомъ на свадьбу мы встрѣчаемся, напримѣръ, у поморовъ; поэтому во время свадьбы у нихъ всѣ зорко слѣдятъ другъ за другомъ и никто ничего не сдѣлаетъ безъ крестнаго знаменія и молитвы [5]). Въ свадебныхъ обрядахъ, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей народнаго быта, проглядываетъ то же сердечное желаніе обезпечить всѣми мѣрами счастье сочетавшихся бракомъ, воспротиводѣйствовать лиходѣямъ, злоумышляющимъ на ихъ благосостояніе, здоровье и самую жизнь. . . . Недобрые люди стараются надѣлать бѣдъ крестьянину особенно въ наисчастливую для него пору — во время свадьбы. . . . Въ нѣкоторыхъ

---

1) Эт. Об. 1900, № 2.
2) Эт. Об., кн. VII.
3) Труды Эт. От., кн. VII.
4) См. напр. въ болгарской свадьбѣ. Эт. Об. 1898, кн. 3.
5) Эт. Об. 1901 № 1.

мѣстахъ Россіи, въ виду болѣе вѣрнаго расчета, приглашаютъ на свадьбу особаго знахаря и всячески чествуютъ его. Тогда онъ главнымъ образомъ беретъ на себя роль защитника и покровителя новобрачныхъ и всего свадебнаго поѣзда, и въ продолженіе всей свадьбы своими заговорами и другими извѣстными ему средствами отгоняетъ всякую порчу [1]). П. Демидовичъ въ Этн. Об. за 1897 г. кн. XXIX — XXX, въ статьѣ — «Изъ области вѣрованій и сказаній бѣлоруссовъ», приводитъ много любопытныхъ въ этомъ отношеніи народныхъ повѣрій и мѣропріятій, направленныхъ противъ дѣйствій во время свадьбы злой силы. О мѣрахъ противъ чародѣйства во время одѣванія жениха къ вѣнцу среди крестьянъ Елатомскаго у. Тамбовск. губ. говоритъ въ Трудахъ Этн. Отд. (кн. IX, в. 1) А. П. Звонковъ: Несчастные люди колдуны, не надо знаться съ ними, но не слѣдъ и раздражать ихъ: случится ли праздникъ или какой-нибудь торжественный случай въ семьѣ — надо звать колдуна: какъ бы худого чего не случилось. Такъ и на свадьбѣ. Родители жениха всегда позаботятся объ этихъ гостяхъ и съ поклонами отправятъ къ нему поддружье. Колдунъ не отказывается, но приходитъ послѣ священника: не боится онъ его самого, да боится креста его съ Божіимъ распятіемъ. На всякій случай хозяева принимаютъ нѣкоторыя мѣры отъ порчи: осѣняютъ крестомъ комнату, пишутъ кресты на притолкахъ входной двери. Попадутся удалые сваха съ дружкой и настроятъ подчасъ самыхъ пренепріятныхъ вещей для колдуна. Заткнутъ подъ столъ ножикъ, воткнутъ топоръ на порогѣ или перевернутъ рогачи съ ухватами. . . . Въ матеріалахъ по этнографіи Вологодской губ. г. Иваницкій приводитъ три заговора для огражденія свадебнаго поѣзда отъ колдуновъ; здѣсь же, кромѣ того, практикуется съ тою же цѣлью цѣлый рядъ различныхъ предупредительныхъ мѣръ; такъ, напр., во время срядовъ къ вѣнцу молодые кладутъ себѣ въ сапоги льняное сѣмя; голое тѣло обвязываютъ поясомъ, связаннымъ

1) Труды Эт. Отд. кн. VII, стр. 58. Статья Н. А. Покровскаго.

собственно для этого. Когда молодые идутъ изъ избы, чтобы садиться въ сани, передъ ними метутъ полъ и дверные пороги и обметаютъ косяки [1]). У гагаузовъ бендерскаго уѣзда въ воскресенье въ день вѣнчанія женихъ не застегиваетъ на своемъ платьѣ ни одной пуговицы, ни одной застежки, чтобы кто-либо его не околдовалъ [2]). Въ Череповецкомъ у., когда новобрачныхъ ведутъ изъ церкви, то кладутъ подъ порогъ замки. Когда новобрачные перешагнутъ чрезъ незапертый замокъ, то сейчасъ его поднимаютъ и запираютъ, а ключъ бросаютъ въ рѣку или въ колодезь [3]). О порчѣ, которую напускаютъ на молодыхъ, говоритъ г. Костоловскій, описывая обряды, примѣты и повѣрья крестьянъ Ярославской губ. [4]). У Закавказскихъ гурійцевъ—мусульманъ, по нашимъ наблюденіямъ, весь свадебный ритуалъ представляетъ изъ себя рядъ мѣропріятій, направленныхъ противъ дѣйствій надъ молодыми колдуновъ [5]). Среди туземнаго населенія закатальскаго округа также сильно развита вѣра въ дѣйствіе злыхъ духовъ; противъ нихъ рекомендуется множество средствъ; такъ, напр., чтобы бѣсы не могли имѣть никакого вліянія на родильницу, при разрѣшеніи ея отъ бремени, ее обкладываютъ черною веревкою, похожею на змѣю, и безпрестанно стрѣляютъ изъ ружей, такъ какъ злые духи боятся змѣй и выстрѣловъ [6]). У киргизовъ существуетъ, между прочимъ вѣрованіе въ божество Альбоста, это злой духъ роженицъ. Онъ нападаетъ на роженицу, душитъ ее... Чтобы оградить несчастную женщину отъ этого злого духа, киргизы стараются произвести какъ можно большій шумъ: бѣгаютъ вокругъ юрты, громко кричатъ,

---

1) Труды Эт. Отд., т. XI, в. 1.

2) Эт. Об. 1901, № 1. Въ этой же статьѣ г. Мошкова приводятся дѣйствія противъ колдовства во время свадьбы, практикующіяся у турецкихъ сербовъ, у русскихъ въ Галиціи и Буковинѣ, у малороссовъ, русскихъ евреевъ, у великороссовъ и т. д.

3) Эт. Об. 1900, № 3.

4) Эт. Обозр. 1901, № 3.

5) Сборникъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, т XXX.

6) Сборн. свѣд. о Кавк. горц., вып. 4. «Природа и люди Закат. Округа» А. Фонъ-Плоттъ.

стучатъ палками или бьютъ въ самодѣльные барабаны, стрѣляютъ изъ ружьевъ; если всѣ эти средства не помогаютъ, то стараются достать и принести въ юрту беркута: киргизы вѣрятъ, что Албоста боится этой птицы, и увидѣвъ ее, уходитъ [1]). И такъ, стрѣльба практикуется у разныхъ народовъ не только въ опредѣленныхъ случаяхъ во время свадьбы, какъ то: когда женихъ съ поѣзжанами ѣдетъ къ невѣстѣ, когда поѣздъ съ невѣстою отправляется въ церковь и затѣмъ возвращается обратно или же ѣдетъ въ домъ жениха, словомъ, не только во время свадьбы, но такъ же и въ другіе моменты, какъ, напримѣръ, въ закатальскомъ округѣ, въ Абхазіи и у ингушей стрѣльбой сопровождаются родинные обряды; у многихъ народовъ, въ томъ числѣ и у славянъ, стрѣльбой сопровождаются непремѣнно извѣстныя народныя празднества и т. д. Поэтому свадебная стрѣльба представляется намъ только однимъ изъ видовъ ритуальныхъ дѣйствій, имѣющихъ цѣлью предотвратить происки злыхъ духовъ и ихъ представителей; вотъ почему, если мы обратимъ вниманіе на свадебную стрѣльбу, мы легко замѣтимъ, что она практикуется въ тѣ моменты, когда молодые, оба вмѣстѣ или одинъ изъ нихъ, бываютъ внѣ дома. Это весьма любопытный фактъ въ томъ отношеніи, что онъ объясняетъ намъ происхожденіе свадебной стрѣльбы. Народная миѳологія строго различаетъ силы, дружественныя человѣку: это, обыкновенно, силы домашняго очага; и силы, враждебныя человѣку. Такъ, напримѣръ, абхазцы чтятъ божества ажахара=покровителя домашняго очага, дающаго человѣку, жизнь и здоровье, и божество—а́бна-икоу- въ переводѣ на русскій языкъ=то, что находится на дворѣ; это сила, приносящая, обыкновенно, всевозможныя болѣзни [3]). Вотъ противъ этихъ то внѣшнихъ силъ и направлены стрѣльба, шумъ, крики и т. п. явленія, такъ обычныя въ каждой народной свадьбѣ.

---

1) Эти. Об. 1891, кн. XI. Поярковъ. «Изъ области Киргизскихъ вѣрованій».
2) Изъ нашихъ рукописныхъ матеріаловъ, подготовляемыхъ къ изданію.
3) Труды Эти. Отд., кн. VII, стр. 64. Н. Янчукъ. Малорусская свадьба...

Когда молодые выходятъ изъ подъ опеки своего покровителя-бога домашняго очага, они подпадаютъ власти внѣшнихъ силъ и нуждаются въ защитѣ до того момента, пока они пріобщатся къ новому очагу. Народныя вѣрованія въ силу чародѣйства, насылающаго на молодыхъ во время свадьбы всевозможныя болѣзни, или такъ называемыя порчи, мы ставимъ въ тѣсную связь съ первобытными религіозными представленіями, отмѣченными нами, между прочимъ, въ воззрѣніяхъ современныхъ абхазцевъ. Что свадебная стрѣльба не отголосокъ или пережитокъ былой дѣйствительности, а одна изъ частностей культа, въ этомъ мы можемъ убѣдиться отчасти и путемъ аналогіи разсматриваемаго явленія съ другими частностями свадебнаго ритуала, хотя бы, напримѣръ, съ свадебнымъ пѣтухомъ, который служитъ обыкновенно предметомъ свадебныхъ забавъ и играетъ большую роль въ малорусской[1]) и болгарской[2]) свадьбахъ. Выше мы видѣли, какую роль въ народныхъ вѣрованіяхъ киргизовъ играетъ беркутъ; такая же роль у другихъ народовъ принадлежитъ пѣтуху. Такъ, напр., по воззрѣнію крестьянъ пудожскаго у. Олонецкой губ. пѣтухъ — птица вѣщая[3]); въ другомъ мѣстѣ пѣтухъ называется вѣстникомъ свѣтоноснаго и благодѣтельнаго бога[3]). Поѣздъ невѣсты, отправляющейся въ домъ къ молодому, у болгаръ сопровождается не только выстрѣлами, шумомъ и криками, но и пѣтухомъ, т. е. въ данномъ случаѣ мы имѣемъ точное воспроизведеніе того, что практикуется у киргизовъ противъ злого духа Альбосты. Свадебный пѣтухъ ввѣряется одному изъ родственниковъ жениха, который получаетъ титулъ «петелджія» и всячески обязанъ оберегать ввѣренную ему птицу. Въ малорусской же свадьбѣ пѣтухъ предшествуетъ молодымъ не только во время ихъ перехода изъ дома невѣсты въ домъ жениха, при чемъ молодыхъ не сейчасъ же вводятъ въ домъ, а помѣщаютъ на ночь

---

1) Этногр. Об. 1898 г. кн. 3. наше описаніе болгарской свадьбы въ Бердянскомъ уѣздѣ.

2) Труды Эт. Отд., IX, вып. 1, стр. 138.

3) тамъ же, кн. VII, статья Н. А. Покровскаго.

въ какомъ либо сараѣ (клуня), и на другой день утромъ, когда ихъ изъ клуни переводятъ въ домъ стариковъ, передъ ними опять несутъ пѣтуха[1]).

Если же свадебную стрѣльбу и сопутствующія ей явленія мы поставимъ въ связь съ ритуальными дѣйствіями, направленными на защиту молодыхъ отъ дѣйствія злыхъ духовъ, то и первобытное похищеніе невѣсты должны будемъ поставить въ связь не съ формами первобытныхъ международныхъ отношеній, а съ религіозными воззрѣніями первобытнаго человѣка, который чтилъ своего дѣдушку покровителя, освящающаго и соблюдающаго цѣлокупность семьи, боялся его гнѣва и въ то же время тайкомъ отъ него устраивалъ свои личныя дѣла то подъ прикрытіемъ фактивнаго похищенія, то прибѣгая къ привычнытъ для себя средствамъ умилостивленія разгнѣваннаго бога путемъ всевозможныхъ подарковъ и приношеній. Такой характеръ носило первобытное умыканіе невѣстъ. въ виду чего оно и было охарактеризовано нами какъ умыканіе ритуальное. Что же касается свадебныхъ обрядовъ, на которые принято смотрѣть какъ на обряды, симулирующіе первобытное похищеніе, то, будучи тѣсно связаны, такъ же какъ и обычай ритуальнаго похищенія, съ первобытными религіозными представленіями народа, обряды эти вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть разсматриваемы только какъ мѣропріятія, имѣющія цѣлью огражденія свадебнаго поѣзда отъ дѣйствія на него злыхъ духовъ.

Н. С. Державинъ.

Кавказъ. 1904 г. Августъ.

---

1) Сравни дѣйствія шамановъ противъ злыхъ духовъ, въ ряду которыхъ переодѣванье, кнутъ, палка, шумъ стукъ. и т. п. занимаютъ существенное мѣсто. См. «Шаманство» В. М. Михайловскій Тр. Эт. Отд. т. XII, вып. I, стр. 78, но и др.

Житіе папы Климента въ древнемъ церковно-славянскомъ переводѣ.

Нѣсколько позднихъ русскихъ сборниковъ и списки ноябрьской Четьи-Минеи (а также Макарьевскія Четьи-Минеи подъ 25 ноября) сохранили намъ церковно-славянскій переводъ такъ называемаго Житія папы Климента, или посланія Климента къ апостолу Іакову о томъ, что случилось съ нимъ при участіи апостола Петра [1]), и о борьбѣ Петра съ Симономъ волхвомъ. Его заглавіе: «Житіе святаго священномученика Климента, епископа римскаго, ученика святаго апостола Петра», а начальныя слова — «Климентъ Іакову, господню епископу и епископомъ епископу, соблюдаа яже въ Іерусалимѣ святую христіаньскую церковь и яже всюду». — Греческій оригиналъ этого Житія, впрочемъ не вполнѣ соотвѣтствующій церковно-славянскому переводу (послѣдній — подробнѣе), — «Epitome de rebus gestis sancti Petri», одна изъ редакцій такъ называемыхъ Клементинъ, изданная въ греческой части Патрологіи Миня (т. II, стр. 470 сл.).

1) Событія описанныя Климентомъ (утрата имъ родителей и братьевъ въ дѣтствѣ, встрѣча въ зрѣломъ возрастѣ, при участіи ап. Петра, сначала съ матерью, потомъ съ братьями и наконецъ съ отцомъ), — вполнѣ во вкусѣ древне-греческаго романа. Срв. приключенія Евстаѳія Плакида и его семейства въ Житіи Евстаѳія.

Всѣ памятники съ именемъ папы Климента, въ виду связи этого святаго съ славянскими первоучителями, заслуживаютъ особеннаго съ нашей стороны вниманія и разносторонняго изслѣдованія. Въ виду этого мы полагаемъ, что наши замѣтки о Житіи—не лишнія, хотя мы пользуемся лишь однимъ спискомъ (Имп. Публ. Библ. Погод. № 657, первой половины XVI вѣка, л. 55 слѣд.).

Переводъ Житія сдѣланъ, безъ сомнѣнія, въ глубокой древности. Списокъ, изъ котораго мы извлекаемъ данныя, не смотря на свое позднее происхожденіе, сохраняетъ нѣкоторое количество древнихъ фонетическихъ и морфологическихъ особенностей: раз*д*рушится 55, раз*д*рѣшати 96 об. и т. п. (съ вставочнымъ *д*), въ нез*аа*пу 83 об. и др. (съ двумя *а*), всю благодать урѣ*ш*ню ти πίστεις σοι παρέξω βεβαίας, недомы*ш*люся διαπορῶ 93 об. (съ *ш*), нечленныя формы: книгамъ глаголющ*а*мъ 65 об., мал*о*мъ въстязаніемъ (твор.) 78, въ толик*а*хъ бѣдахъ 80, всяц*ь*мъ произволеніемъ 97, формы: звѣр*и* великому (дат.) 75, звѣр*и* бесловеснаго 96 об., съ близнят*е*ма чядома 83, заклинанми 63, попеченми 99 (твор.), с трема сынъ*ми* 89 об., ини *ціи* ἄλλοι τινὲς 86, о иномъ потребы не имѣа ни ин*ь*хъ ник*ы*их*ъ*ждо οὐδὲ ἄλλων τινῶν 75, с*іи* убо ταῦτα 55, бѣяст*е* ми руцѣ 76 об., руцѣ раз*ъ*слабист*е*ся 78 [1]).

На такую же древность указываетъ словарный матеріалъ. Его данныя, вообще довольно безцвѣтныя, въ значительномъ количествѣ—тѣ же, что въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ текстахъ: въ Евангеліи, Апостолѣ, Псалтыри. Особенно любопытно *дня*=днѣ (внутри); см. Словарь; отъ рода Тивиріа кесар*ь* 68.

Изъ нихъ стоитъ отмѣтить лишь тѣ, которыя находятся въ переведенныхъ съ латинскаго Бесѣдахъ папы Григорія Великаго и Никодимовомъ Евангеліи [2]):

---

1) Нельзя не отмѣтить нѣкотораго количества средне-болгарскихъ чертъ въ этомъ спискѣ.

2) Смотри нашу статью: «Церковно-славянскіе тексты моравскаго происхожденія» (*Р. Филол. Вѣстн.* 1900 г., № 1).

всемогый πάντα δυνάμενος 65 об. (при *всесильнъ* παντοδύναμος 60 об.),

грай βοὴ 93 (срв. Ник. Ев.),

инокостынъ μεμονωμένος 80 (срв. Бес. Гр.).

Есть четыре глагола съ префиксомъ *вы-* (см. Словарь); но не знаемъ, можно ли имъ придавать значеніе впредь до болѣе тщательнаго изслѣдованія списковъ.

Качество перевода — не изъ высокихъ. Переводчикъ не всегда даетъ удобопонятный текстъ; ошибки у него не рѣдки. Напримѣръ: добрѣ бо речено есть *нѣкому* εἴρηταί τινι 70, въ тмахъ бѣдахъ ἐπὶ μυρίαις συμφοραῖς 80, *дволичьнъ* διαφόρος 58, *двоеличьнъ* διπρόσωπος 64 об. Впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ могли возникнуть изъ описокъ оригинала: отъ *въздушнаго* образа ἐξ ἐαρινῆς τροπῆς 56, ἔαρος ἀρχομένου 56 об. (срв. ἀήρ), *пища* τρυφή 84 (срв. τροφή), помысломъ *помазанъ* λογισμῷ χρησάμενος 67 (срв. χρι-).

Отношеніе переводчика къ оригиналу довольно свободное. Стоитъ отмѣтить: *безъ врѣда* ἀβλαβής, *прѣдъ всѣми* δημοσίᾳ 94, *бес правды* ἀδίκως 94 об., *подъ рукою пріимъ имамъ* ὑποχειρίους ἔλαβον 64, *иже съ мужи лежать* παιδερασταί 69, *о треблаженнѣмъ имѣньствѣ* τῇ μακαρίᾳ τῆς τριάδος ἐπικλήσει, брату брата *ратника поставлю* τῷ ἀδελφῷ τὸν ἀδελφὸν ἐκπολεμώσω 79, *вечеря въспріимъ* δειπνήσας 93, нощи *прямо зарямъ сущи* τῆς νυκτὸς ὑπαυγαζομένης 93 об., дондеже *яко Симонъ видимъ еси* ἐν ὅσῳ τὴν μορφὴν ἔτι Σίμωνος περιφέρεις 94, *на въсточную страну* κατὰ ἀνατολάς 95, *всю благодать урѣшню ти* πίστεις σοι παρέξω βεβαίας. Но особенно любопытны слѣдующія мѣста:

прѣданъ буду *огневи палящу и скрежту яко уродъ и яко несмыслъ или яко злодѣй и разбойникъ* Πυριφλεγέθοντι καὶ Ταρτάρῳ ὡς Σίσυφος ἢ Τίτυος ἢ Ἰξίων ἢ Τάνταλος 56,

въ дрождіа (Зевсъ ввергъ отца—) εἰς Τάρταρον 69,

мужатица въсхыщаетъ (Зевсъ —) Γανυμήδην 69,

гнусъ Μῆτις (божество) 69,

новородная влъшба νεκρομαντία 56 (срв. νεο-),

незаходимымъ святовѣщателемъ вѣдружуся τοῖς τῶν ἀδύτων ἱεροφάνταις φιλιωθήσομαι 56,

полученіе глаголемое рожденіе εἱμαρμένη λεγομένη γένεσις 68 об.,

цесарскаго Діоса τοῦ βασιλικωτάτου Διός 69,

ко *вратомъ* устремися εἰς Πόρτον (рѣчь идетъ о Portus Romanus) 57 [1]); срв. *прибрежіе* πόρτος (пристань) 76.

Переводчикъ не стѣсняется передавать одно и то же греческое слово разными славянскими и употреблять одно славянское слово для разныхъ греческихъ. См. въ Словарѣ *поновленіе* и *порожденіе* (ἀναγέννησις), *намѣстіе, сѣдалище* и *сѣданіе* (καθέδρα) съ одной стороны, *верста, лицемѣріе, ошествіе* съ другой.

Кое-гдѣ въ текстѣ Житія есть глоссы, принадлежащія, можетъ быть, не переводчику: святить *рекше хиротонисаетъ* 96 об., *нашея* вѣры житіе τῆς πίστεως 83 об.

Наконецъ отмѣтимъ еще нѣсколько словъ: прямо *сущімъ* дѣлесемъ πρὸς τὰς ἐσομένας πράξεις 66 об., [2]) *Корсунь* Χερσόνησος 100, *святити* ἁγιάζειν, *составъ* ὑπόστασις.

---

1) Переводчикъ зналъ латинское porta?

2) Срв. употребленіе церк.-славянскаго причастія настоящ. вр. на мѣстѣ латинскаго причастія буд. врем. въ Бесѣдахъ п. Григорія и другихъ древнихъ переводахъ съ латинскаго.

СЛОВАРЬ
къ Житію папы Климента.

Аггли божіи ἄγγελοι θεοῦ 94 об.
отъ адамантина ἐξ ἀδάμαντος 69.
адъ ἅδης 64 и др.

Баснь μῦθος 68 об., 90.
безумно ἀμέτρως 61 об.
безбѣдне ми есть ἀκινδυνότερόν ἐστι 56.
безчастьнъ ἀτυχής 79 об.
бесчестіе ἀσέβεια 63 об., 87.
бесѣдовати διαλέγεσθαι 94.
благовѣстити εὐαγγελίζεσθαι 95.
благовѣстовати—56 об.
благодарити εὐχαριστεῖν 61.
благодатница εὐεργέτις 80.
—— ый θεοδώρητος 95.
—— ть χάρις 57, 59 об., εὐχαριστία 74.
благородный εὐγενής 96.
благословити εὐλογεῖν 61.
—— статне εὐσταθῶς 73 об.
благочьстити εὐσεβεῖν 68.
—— честне εὐσεβῶς 56, 65 об.
благъ ἀγαθός 65 об.
блаженъ μακάριος 59 об.
безъ блазна ἀσφαλῶς 87 об.
блазньнъ ἐμπόδιος 59 об.
ближній ὁ πλησίον 80 об., —яя Антіохія ἡ π. 94 об.
близнець δίδυμος 75 об., 88.
близнята чада δίδυμοι παῖδες 83.
блудство πορνεία 60.
блядство λῆρος 57 об.
богочестный τῆς θεοσεβείας 85.
богочестіе θεοσέβεια 61 об.
болѣзнь ἀσθένεια 76 об., πόνος 88 об.
—— ьна печаль ἄπαυστος λύπη 55.
боляре ὁ σύγκλητος (въ Римѣ у цесаря) 95 об.
боятися αἰδεῖσθαι 79.
болъванъ ἴνδαλμα.
брашно ὄψον 75, τροφή 61 и др., ἅλες 85 и др.
не брѣзи ἔα (повел.) 79.
бѣда κίνδυνος 61, ἀνάγκη 84, περίστασις 84.
бѣдновати κινδυνεύειν 58 об.
бѣситися μαίνεσθαι 58; бѣсянся δαιμονῶν 73 об.
бѣсъ δαίμων 64 и др.
бытіе γένεσις 86 об. и др.

Валятися κυλίεσθαι 64 об.
варваръ βάρβαρος 68.
варваріа нѣкоего β—ος 58.
варити φθάνειν 55 об. и др., варивъ προλαβών 92.

кромѣ васньства вѣры божія χωρὶς τῆς εἰς θεὸν εὐσεβείας 84.
велѣти θέλειν 94, βουλεύειν 94 об., ἐπιτρέπειν 93.
толико величьство морское τοσοῦτος θαλάσσης βυθός 76.
въ истину велицѣ рече ἀληθῶς μέγα ἔφης 87 об.
веселіе εὐθυμία 84.
весло κώπη 84 об.
вечеря δεῖπνον 64 об.
вечеряти съ кѣмъ συνδειπνεῖν.
вещь πρᾶγμα 55 об.
вещная истина τοῦ πρ. ἀλήθεια 56 об.
война στρατεία 79 об.
корабленое влаание ὁ ἐκ τοῦ πλοῦ σκυλμός 61 об.
владыка δεσπότης 69 и др.
властель ἐξουσιαστής 60 об.
видимъ и невидимъ ὁρώμενος καὶ ἀόρατος.
видъ ὅρασις 60, ἰδέα 64 об.
видѣніе θεώρημα 89.
вина αἰτία 91 об. πρόφασις 68 об., ζημία 58.
виньнъ αἴτιος 61 об.
витаніе ξενία 78.
враждебникъ 93 об., —ца ἐχθρά 80.
враждебный ἐχθρός 90 об.
врачь ἰατρός 96 об.
врѣдно βλάβη 58.
въборзѣ ἐναργῶς 64.
вгодный κεχαρισμένος, 88 об., въ *вгодно* время εὐκάιρως 94 об.
вдовьствовати χηρεύειν 78.
въздаяніе ἀμοιβή 80.
възрастъ ἡλικία 93.
въздухъ ἀήρ 89 об.
въздыхати στενάζειν 76.
въздѣланіе βᾶσις 72 об.
възъострити παροξύνειν 94.
възывати καλεῖν 94.
взысканіе ζήτημα 60 об., ἐπιζήτησις 93, ἀνα—94.
взъхвъ μάγος 56, 61 и др.
взъшба μαγεία 63 об., ἡ μάγος τέχνη 62 об.
внезапу ἀπηνῶς 93 об., εὐθύς 67 об.
въобразихъ ἀνετυπωσάμην 88 об.
въобротайся (повел.) φιμώθητι 67.
вепль βοά 65 об.
въпрашаніе ζήτησις 89.
въскресоша ἀνέστησαν 95.
вслѣдно ἀκολούθως 87 об.
въспитѣніе ἀνατροφή 80.
—— нъ 70 и др.
въспріатіе ἀμοιβή 80.
въсточная страна ἀνατολαί 95.
въстязаніе ὑποψία 78.
въстязати ἐξετάζειν 64, —яжу ἀνακρινῶ 85 об.
въстязѣвати ἀνακρίνειν 81.
въсхотѣвши рабу ἐρασθεῖσα τοῦ δούλου 87 об.
вчинити ἐπιτάσσειν 64.
вѣчѣчьшееся слово ἐνανθρωπήσας λ. 61.
выгнати 66 (цитата изъ В. Зав.).
вылѣзы и въслѣдова ἐκβάς ἠκολούθησε 86.
выплути ἐκπλεῖν 76 об.
вышедъ ἐκβάς 84, ἐξιών 91 об.
выя τράχηλος 95 об.
верстникъ и по бозѣ братъ σύναιμος (только!) 75.
верста σύστημα 74 (разстояніе), σχοῖνος 62 об., μίλιον 90 об.
вседръжитель παντοκράτωρ 60 об.
всевидець παντέποπτος 69.
вселичьскый παντοδαπός 64 об.
всесильнъ παντοδύναμος 60 об.
весь χώρα 90 об.
весь ὅλος 76 об.
всяко πάντως 84 и др.
всячьскъ ὅλος 58, ἅπας 83 об.
вѣдѣ ἐπίσταμαι 80.
вѣждьство γνῶσις 68 об.
вѣкъ αἰών 57, κόσμος 80 об.
вѣра πίστις 96 об.
вѣсть ἀγγελία 57, — и дѣяти διαλέγεσθαι 64.
вѣщаніе δόγμα 92 об.

Гананіе πρόβλημα 58.
глаголю ἐντέλλομαι 94.
гладъ λιμός 84 об.
гласъ φωνή 93 об.
говѣинъ нравомъ 96 об.
горній ἀνώτατος 63.

господинъ κύριος 89.
господи мой κύριε μου 94.
грай βοή 93.
учящеися грамотамъ 69 об.
гробъ τάφος 88 об.
грѣхъ ἁμαρτία 87 об.

В малѣ *давно* μακρῷ πρόσθεν 88 об.
далечая мѣста μακροὶ τόποι 79 об.
даровати χαρίζεσθαι 74 об.
дворъ αὐλή 65.
дверь θύρα 60 об.
діаволъ 67 об.
діаконъ 74.
Діосъ (Зевсъ).
доблестнѣ γενναίως 96 об.
добродѣяніе εὐεργεσία 80.
—— жизніе εὐδαιμονία 88.
доброта καλόν 84, κάλλος 95.
доброугаждати εὐεργετεῖν 80.
добръ (мужь) ἄριστος 89.
доволно ἱκανῶς 75 об.
домашніи съсуды τὰ ἐν τῇ οἰκίᾳ σκεύη 64 об.
гдн единого не достоятъ словесе οὐκ ἄξια 58 об.
дружина οἱ συνόντες 73.
дружебница φίλη 80.
—— бенъ сы φιλιωθείς 87 об.
другоици ἐνίοτε 64 об.
другъ φίλος и др., ἑταῖρος 61 об., σύντροφος 75 об.
душа ψυχή 55 об.
из дѣдъ ἐκ προγόνων 87.
—— дѣтства ἐκ παίδων 75.
дѣтель δημιουργία 58
дѣаніе πρᾶξις 87 об.
дѣяти ἐργάζεσθαι 76 об., не дѣйте мене ἐάσατέ με 83 об.
длъготръпѣливъ μακρόθυμος 96 об.
двѣсугубо διπλάσιον 90 об.
двоеличенъ διπρόσωπος 64 об. (!)
дволичьнъ διαφόρος 58 (!)
дщица πῖναξ 100.
дня ἔνδοθεν 60, дня сы храма ἐντὸς ὢν ἐν τῷ οἴκῳ 60 об., дня огня ἐντὸς τοῦ πυρός 60 об.

до днешняго дне μέχρι νῦν 76.

Еда како μή πως 89, μὴ ἄρα 83 об.
единако σχεδόν 74.
единогласно συμφώνως 66 об.
—— мысленъ ὁμόφρων 89 об.
—— —— никъ ὁμογνώμων 90.
—— спребывалникъ ὁμοδίαιτος 89 об.
единочадый μονογενής 60 об.
единочьство, единьство } μοναρχία 65 об. 91 об.
епископъ 'ε— 55 и др.
естьство φῦσις 79 об.

Граду *жаждущу* любовію ἀκμαζούσῃ τῷ πόθῳ 94 об.
желя πένθος 66 об. и др.
желѣти πενθεῖν 67.
женихъ 82 об.
женитва 98.
животворящихъ таинъ ζωοποιῶν μυστηρίων 74.
животно ζῶον 66 об.
животъ ζωή 57.
живитися σώζεσθαι 76 об.
жизнь βίος 57.
жити πολιτεύεσθαι 83 об.
житіе πολίτεια 56 об., ἀκρίβεια 83 об.
житель πολίτης 55.
жрѣти θύειν 84.

За крещеніе ὑπὲρ τοῦ βαπτίσματος 85 об.
за неизученіе δί' ἀμαθίαν 89.
завидѣти φθονεῖν 66.
зависть φθόνος 74, ζῆλος 66 об.
зазорьнъ περίβλεπτος 74.
зазрѣти ἐπιστρέφεσθαι 75.
заклинати ἐξορκίζειν 64.
заклинаніе ὅρκος 63.
заключенъ κεκλεισμένος 64 об.
замедлити ἐγχρονίζειν 67 об.
запинати ἐμποδίζειν 87 об.
заповѣдь ἐπιταγή 64.
звѣздословіе ἀστρολογία 87.
—— чьтьць —— ос 87.
звѣрь θηρίον 96 об.

Зевсъ Ζεύς 69.
зелiе λάχανον 75, φάρμακον 78, 79.
зиждитель οἰκονόμος 61 об.
змiй, —я ὄφις.
знаменiе τεκμήριον 76, φυγή (?!) 93 об., σημεῖον 59.
знаемъ γνώριμος 93 об.
зло δυσθυμία 84.
золъ φαῦλος 94 об., πονηρός 69 об., κακός 64 об.

Игемонъ ἡγέμων 95 об.
идолъ εἴδωλον 64 об.
избыватися περιβλέπεσθαι 65 об.
изволенiе προαίρεσις 66.
изволити αἱρεῖσθαι 78, 73, 85 об.
извѣстити βεβαιοῦν 89.
извѣстовати βεβαιοῦν 55 об., πληροφορεῖν 85, 61 об.
извѣстно ἀκριβῶς 62 об.
извѣсъ (= вѣсы) 98 об.
изметный ἔχθιστος 94.
изъмрети θανεῖν 79 об.
измыслъ ἔννοια 55.
измѣнятися ἀπαλλάσσεσθαι 79.
измѣна ἀπαλλαγή 82 об.
изъобразити ἱστορεῖν 87 об.
изрядиѣе ἐξαιρέτως 84 об.
изрядьнъ ἐξαίρετος 73.
изумленъ μετέωρος 78.
изьлтрьюду ἐκ βάθους 60 об.
изъученiе μάθημα 89.
iерей 61 об.
икона εἰκών 63 об.
имовѣрливъ πειθήνιος 76 об.
иночадъ μονογενής 79.
инъ — инъ ἄλλος — ἕτερος 64.
иногда ποτέ 94 об.
искати ζητεῖν 93.
искусный δόκιμος 63, δοκιμώτατος 68.
искусъ πειρασμός 96 об.
исписати ἱστορεῖν 64.
исповѣдати ὁμολογεῖν 94 об. и др.
исправити ἀκριβοῦν 89.
—— вленiе κατόρθωμα 81.
испроверженiе ναυαγία 76, 83.
испрометатися μεταβάλλεσθαι 64 об.
испростовати ἀκριβοῦν 66.
исполнь πλήρης 100.
исперва ἀπ' ἀρχῆς 83 об.
истина ἀλήθεια 68 об.
—— нный богъ ὁ ὢν θεὸς 59 об.
истиновати ἀληθεύειν 89.
—— ньновати —— 80.
—— ньствовати ἀκριβοῦν 89.
истиха ἠρέμα 93.
истовъ βέβαιος 55 об.
истово ὀρθῶς 68 об.
близъ истокъ πηγαί 73 об.
истѣти διαφθαρεῖν 87 об.
исцѣлити θεραπεύειν 95, ἰᾶσθαι 87.
ити за рабъ τὸν δοῦλον γαμεῖν.
ити πορεύεσθαι 93.

Казнити τιμωρεῖν 66, μαστιγοῦν 94 об.
каятися μετανοεῖν 66 и др.
кесарь καῖσαρ 93 и др.
клевета διαβολή 81.
клецати πάλλεσθαι 83 об.
клюдити ἀπαγορεύειν 56.
Климъ Κλήμης 59 об.
козелъ αἶξ 64 об.
колесница ὄχημα 83.
нѣсть коли οὐκ εὔκαιρον 58.
корабльникъ ναύτης 78.
корабль πλοῖον 75 об.
котора 76 об.
краситися τέρπεσθαι 63 об.
кромѣ ἐκτὸς 87, ἄνευ 80.
крѣпость σθένος 66 об.
— цѣ ἰσχυρῶς 94, γενναίως 84 об.
крещенiе βάπτισμα 60 об.
где *кождо* ихъ видѣ ποῦ τις ἴδοι 76.
кознь μηχανή 93 об.
кто любо τίς 81.
кумиръ ἀνδριάς 68 и др.
курный гласъ ἡ τῶν ἀλεκτρυόνων ᾠδή.

Ласкати κολακεύειν 79 об.
лихоиманiе 98 об.
лице πρόσωπον 93 об.
лицемѣрiе ὑπόληψις 64, πρόληψις 93, ὑποψία 64.

лише πλέον 76 об.
лишенъ ταλαίπωρος 84.
лодіи σκάφος 84 об.
ложе κοίτη 79.
лоно κόλπος 62 об.
лъжь ψευστής 92 об.
неложный ἀψευδής 94 об.
лукавый (= діяволъ) 97.
без лукы ἀπανούργως 57 об.
луна σελήνη 63.
лесть πλάνη 84 об.
льстець πλάνος 67 об. и др.
лѣтати πέτασθαι 64 об.
лѣто χρόνος 55, ἐνιαυτός 76.
любленикъ περιπόθητος 79.
любо есть φίλον ἐστί 90 об.
о любимиче ὦ φίλτατε 89 об.
любити ἀγαπᾶν 66.
любовный φίλτατος 62 об.
любодѣаніе μοιχεία 69 об., 84 и др.
любодѣй μοιχός 69.
любосѣстель (люб. сидѣть на видн. мѣстѣ) 96 об.
любоистиненъ φιλαληθής 93.
любоученъ словесемъ 96 об.
любы φιλία 68 об., 80, ἀγάπη 80 об., πόθος 94 об.
в людехъ δημοσία 56 об.
людьскъ δημόσιος 65 об.
лютъ χαλεπός 76 об.
лютѣй χείρων.
лютѣ δεινῶς 94 об.

Миловати ἐλεεῖν 59.
милость ἔλεος 78.
весь миръ κόσμος 56 об., 79 об., 94 об., миръ κόσμος 55 и др.
младеньць νήπιος 64.
молити ἀξιοῦν 99 об., παρακαλεῖν 94 об.
мольба ἱκεσία 72 об.
мука κόλασις 64 об.
мучити κολάζειν 56.
мучимъ ὀχλούμενος 91 об.
мълва θρύλλος 59.
многостроинъ πολυτελής 75.
множество πλῆθος 58 об.
мысль φρόνημα 93, βουλή 66, βούλησις 59.
мышлю φρονῶ 92 об.
мытарь τελώνης 61 об.
мьзда μιτθός 73 об.
мнѣніе δόκησις 68 об.
мнѣти νομίζειν 91 об.
мерзостьнъ μοχθηρός 66.
мѣсячный μηναῖος 63.

Подъ надбѣніемъ ὑπὸ φροντισταῖς 76.
навитати ἐπιξενοῦσθαι 67 об.
надръжати ἐπικρατεῖν 93.
наказаніе παραίνεσις 84,—ти διδάσκειν 67.
намѣстіе καθέδρα 96 об.
напасть συμφορά 80.
наричемъ καλούμενος 63.
народъ ὄχλος 63, 86 и др., въ н — ѣ δημοσία 94 об.
нарочитъ περιφανέστερος 96.
наслѣдникъ κληρονόμος.
настоя ἐφεστώς 69.
из начала κατ' ἀρχῆς 89.
начатокъ 97.
начаятися προσδοκεῖν 64.
небоно οὐκοῦν 70.
невѣгласъ ἰδιώτης 92, ἀμαθής 99 об., — сный народъ ἰδιώτης ὄχλος 65 об.
невѣдьство ἄγνοια 55 об.
невѣстіе ἄγνοια 85 об.
недомысленъ ἔκθαμβος 76.
недоумѣніе ὑπόνοια 92.
недугъ πάθος 71.
недужьнъ ὁ κακῶς ἔχων 95.
некли εἴποτε 55.
неключимъ ἀθέμιτος 81.
ненависть μῖσος 94 об.
ненаукъ ἀμαθία 89.
неправедьнъ ἄδικος 80 об.
непріазнь (= дьяволъ) 99.
неугодьствіе ἀταξία 79 об.
неука же οὔπω δὲ 88 об.
нечистота ἀσέλγεια 87.
нечестьнъ ἀσεβής 62.
нечьстивъ ἀσεβής 94.
неявимъ ἀφανής 84.
да не убо блудъ въ васъ свое въвержеть неясытьство 98.
нищета πενία 75 и др., ἔνδειαι 73 об.

нравъ γνώμη 71, τρόπος 71, не по нраву παρὰ γνώμην 66.
нужда ἀνάγκη 74.
нынѣ ἀρτίως 93.
вътече нѣкто ὑπεισέδραμέ τις.
ини нѣціи ἄλλοι τινές 94.

Обавити ἐκφαίνειν 85, ἀποδεῖξαι 87, δηλοῦν 99 об.
обаче ὅμως 85 и др., ὁμοίως 63 об., πλὴν 75 и др., οὖν 64.
обитель ξενία 59 об., 83, οἰκία 65, —ынъ ὁ τῆς ξενίας 72.
область ἐπαρχία 94.
обличати ἐλέγχειν 66, 84 об.
обличеніе ἔλεγχος 66.
обличіе εἶδος 93 об.
облобызати κατασπάζεσθαι 95, καταφιλεῖν 88 об.
обогатити πλουτεῖν 63 об.
образъ μορφή 93, εἰκών 63, τρόπος 60, σχῆμα 76 об.
въ прьвѣмъ образѣ τὴν πρώτην ἡλικίαν 55.
обрѣтаю (!) своего мужа ложе ὑβρίζω 79.
обручати πιστεύειν 96 об.
обувь ὑπόδημα 75.
обуя, 3 л., περιεπλέκετο 88 об.
обычай ἔθος 75, συνήθεια 60, ἦθος 60.
обычьнъ συνήθης 91 об.
обещникъ κοινωνός 88 и др.
обѣдовати κινδυνεύειν 68.
обѣтованіе ἐπάγγελμα 87, ὑπόσχεσις 78.
—— ти ἐπαγγέλλεσθαι 63 об.
обѣщаніе ὑπόσχεσις 82.
—— тися συντίθεσθαι 63 об.
—— евати ἐπαγγέλλεσθαι 87.
овъ — овъ ὁ μὲν — ὁ δὲ 84 об.
огласити κατηχεῖν 59.
одръ κλίνη 71.
ожещи καίεσθαι 64 об.
окаяньнъ ταλαίπωρος 76 об. и др.
опечалити λυπεῖν 74.
опоздитися βραδύνειν 86.
оприсны ἰδίᾳ 61.
осквернити μιαίνειν 87 об.
ослабивъ плача ἐπισχών τοῦ πένθους 95 об.
особь кат' ἰδίαν 93 об.
остати кого ἀπολείπεσθαί τινος 74 об.
островъ νῆσος 76 об. и др.
осужденникъ 81 об.
отврещися ἀρνεῖσθαι 67 об.
отврънь τοὐναντίον 80 об.
отвѣщати ἀπολογεῖσθαι 61 об. и др.
отъвѣтъ ἀπολογία 69.
отлученіе χωρισμός 89 об.
—— нъ ἀπηλλαγμένος 65 об.
—— чити χωρίζειν 64.
отнудь, отнюдь πάνυ 74, 79 и др.
отроковица παιδίσκη 95 об. (=раба).
отрочя παιδίον 63.
отрѣвати ἀποσείεσθαι 79.
отступити от кого ἀποστῆναί τινος 74 об.
оттоли ἐξ ἐκείνου 76.
оттрясти ἀποτινάσσεσθαι 65.
отхожденіе ἀποδημία 89.
отечьство πατρίς 79.
охабитися мужа (отстать).
охапитися περιπλέκεσθαι 83 об.
ошествіе χωρισμός 62, ἀποδημία 88, ἀπαλλαγή 87 об.

Пагубный πανολέθριος 75 об.
пакость ἀδίκημα 91.
паличіе (= палки) 71 об.
печяловати λυπεῖν 74 об.
—— ся —— εἶσθαι 89 об.
печаленъ ἀθυμῶν 88.
пиво жаждущему подати (греч. abs.) 82 об.
пировати εὐωχεῖσθαι 74.
сътворити пиръ εὐωχεῖν 95 об.
писаніе γράμματα 88, γραφαί (=Св. Пис.) 92 и др.
плачь κραυγή 88 об.
плеснѣ τὰ ἴχνη 95.
племя φῦλον 87.
поваръ μάγειρος 75.
повелѣніе πρόσταξις 94, δόγμα 89 об.
повинути πείθειν 79 и др.
—— ньнъ αἴτιος 81, — есть ὀφείλει 90 об.

—— инкъ αἴτιος 74 об. и др.
—— инца (= виновница) 98 об.
повѣси, 2 л., διδάξεις 79.
повѣсть ὁμιλία 60 и др., προσηγορία 63, διάλογος 68 об.
—— творити διαλέγεσθαι 83 об.
поганъ βάρβαρος 61 об., 68, 69 об., ἐθνικός 83 об.
погрѣшати πταίειν 89.
погыбель καταστροφή 66.
подобіе ὁμοίωσις 66.
—— енъ ἐπιτήδειος 74 об., ὅμοιος 75 об.
подобно προσήκει 55 об.
подлежьнъ ὑποκειμένος 66.
подруга φίλη 79 об.
—— жіе ἡ σύμβιος 87 об.
позорованіе ἱστορία 76 об.
—— ти ἱστορεῖν 92 об., θεωρεῖν 76 об.
поисканіе ζήτησις 76.
покаяніе μετάνοια 94.
—— ятися μεταμέλεσθαι 69.
поклоньнъ προσκυνητός 67 об.
покорити πείθειν 85.
покровьнъ σκεπηνός 86 об.
помазати ἀλείφεσθαι 93.
помазъ μύρον 93, 93 об.
помиловати ἐλεεῖν 86 об.
помыслъ, помышленіе } λογισμός 99 об., 55 об.
поновленіе ἀναγέννησις 95 (срв. порожденіе).
поносити μέμφεσθαι 88.
поносъ ψόγος 87 об.
—— ьнъ κατάφωρος 88 об.
поношеніе ὀνειδισμός 79.
понѣ хѫ̆ 80, 79.
попъ πρεσβύτερος 74.
порожденіе ἀναγέννησις 74.
поруганіе ὕβρις 79 об.
посивнаа τὰ δοκοῦντα 72 об.
посивно (= удобно?) 79 об.
посланникъ πρεσβευτής 59 об.
божій посолникъ θεοῦ ἄγγελος 56 об.
бога послуха сътворше μαρτυράμενοι τὸν θεὸν 62 об.
послушникъ μάρτυς 92, ὑπηκόων 90 об.
посмѣхъ πεῦσις 56.
пострадати κινδυνεύεσθαι 85.
постеля κοίτη 87 об.
постится νηστεύειν 61, 67 об., 85 и др
не потворенный ἀμάγευτος 93 об.
потреба χρεία 64 и др., χρῆμα 79 об.
потщатися σπουδάζειν 72 об.
поученіе διδασκαλία 65.
похвала ἔπαινος 93.
похоть ἔρως 87 об., ἐπιθυμία 84 и др.
похотникъ ἐραστής 79.
починати ἐπιχειρεῖν 80 об., ἄρχεσθαι 92.
жити правостію βιοῦν ἀνεπιλήπτως 83 об.
правъ εὐθύς 66 об., ὀρθός 68 об.
бес правды ἀδίκως 94 об.
праведьнъ δίκαιος 80 об. и др.
—— нѣ —— ίως 65.
праздникъ ἑορτή 59, 95 об.
праздно мѣсто εὔκαιρος τόπος 86.
прѣзвитеръ πρ — 55.
прибрежіе αἰγιαλός 86, πόρτος 76.
привидѣніе φαντασία 63.
пригорьнъ ὕπαιθρος 65.
въ пріидущее лѣто 97.
прикрывальница χιτών 90 об.
приобидѣнъ ἠδικημένος 80 об.
приобрѣтеніе κέρδος 93.
приобщатися κοινωνεῖν 72 об.
—— щи —— —— 96 об.
—— щеніе κοινωνία 88.
приснъ αἰώνιος 60 об.
пристанище λιμήν 57.
пристигъ καταλαβών 93 об.
притещи προστρέχειν 95, 96.
притча παράδειγμα 69 об., δεῖγμα 90 об.
причастіе προῖξ 65.
пришелница προσήλυτος 84 об. (= прозелитка).
пришествіе ἐπιδημία 93.
провѣденіе πρόγνωσις 66 об.
произволеніе προαίρεσις 75, 86 об.
произъвѣщеніе πληροφορία 93.
прокаженъ λεπρός 56 об.
проказивъ πανοῦργος 64.
промыслъ πρόνοια 65 об., διάνοια 55.
промысленикъ προνοητής 60 об.
пронырывый вѣкъ 96 (греч. abs).
пронырьство ἐπιβουλή 93 об.
проповѣданіе κήρυγμα 74.
—— тель κήρυξ 58 об., 95.

—— ти κηρύσσειν 67.
—— дникъ κήρυξ 75 об., 79, 94 об.
проразумливъ προγνωστικός 65 об.
—— зумѣніе πρόγνωσις 80 об.
пророкъ προφήτης 56, 81.
пророчьствіе προφήτεια 90 об.
прослъзитися δακρύειν 76.
прослезь бывши ἐπίδακρυς γενομένη 83.
простота ἐπιτομή 100.
въпростѣ ἐν ἐπ-ῇ 99 об.
противьнъ ἐνάντιος 66.
проуверзеніе προαίρεσις 68.
проуміе προαίρεσις 58 об. (?)
проявленъ πρόδηλος 66 об.
—— вити δηλοῦν 89.
добрѣпребываніе εὐδαιμονία 88 об.
превышній ὁ ἀνωτάτω 65 об.
предваривъ προλαβών 67 об., 94.
прѣдвожда не требуеть 91 об.
предсѣдя προκαθεζόμενος 96 об.
прѣдръжа περιέχων 83 об.
предѣляти (= разд-) 82.
преизобиловати περισσεύεσθαι 75.
предомити (хлѣбъ) κλάζειν 73 об., 88.
прелесть ἀπάτη 63 об., πλάνη 60.
—— никъ μάγος 94.
—— льстити
—— лыцати } ἀπατᾶν 84, 64.
прелюбы не сътвори μὴ μοίχευε 71.
премудрость σοφία 59 об.
преобразоватися μεταμορφοῦσθαι 64 об.
преставитися τελευτᾶν 87 об.
преступникъ περιβάτης 66.
прѣспалъ есмь κεκοίμημαι 93 об.
путный прѣходъ ὁδοιπορία 75.
предходя πρόοδος 94 и др.
прямо симъ πρός αὐτὰ 89.
прѣтися μάχεσθαι 63.
пустошьнъ ἐνδεής 65 об.
путьствовати ὁδεύειν 66 об., сп- συνοδ- 96 об.
пучина πέλαγος 85.
пущь χείρων 56 и др.
пытати πυνθάνεσθαι 78.
первый ἀρχαῖος 95.
перстень δακτύλιον 75.

Работный ὁ δοῦλος 74 об.
рабъ δοῦλος 75 об.
рабыни παιδίσκη 79 об., δούλη 75 об.
радость χαρά 93 об.
разбивати λῃστεύειν 84 об.
разбойникъ πειράτης 85.
развѣ писаніа ἀγράφως 65 об.
вельми разгнѣвався πολυμανής 63.
разгнѣваніе χόλος 74 об.
кораблю раздрушающуся διαῤῥαγέντος 84 об.
желѣзо разливаеть σίδηρον λύει 64 об.
различіе διαφορά 80 и др.
разноличьнъ ποίκιλος 75.
размыслъ σκέψις 66.
разно споráбнн 74.
разумъ γνῶσις 73.
неразумивъ ἀγνοῶν 66.
рай παράδεισος 66.
разумѣти ὑπονοεῖν 89.
ранѣе ὀρθριαίτερον 95.
раскаятися μεταμελεῖσθαι 66.
расматряти ὑποπτεύειν 89.
распамятоваховѣ (1 дв.), κατεστοχαζομεθα 83 об.
ратоборець πολέμαρχος 65.
ревнитель ζηλωτής 69.
—— ость ζῆλος 58.
ремество 98.
реченіе ῥῆσις 67.
риза ἱμάτιον 75.
рискати πλανᾶσθαι 76 об.
родители γονεῖς 75 об.
родъ γένος 58 об. и др.
въ рожденіи сы кесаревѣ συγγενής ὢν 88 об.
рождьство γέννησις 61.
ротитися 91 об.
ругота ὕβρις 84 и др.
рыкати βρύχειν 94.
рѣчи разньствомъ διαλεκτικῇ τέχνῃ 57 об.
рѣчное теченіе ῥεῦμα ποταμοῦ 72 об.

Самарянинъ Σαμαρεὺς 62 об.
свара ἔρις 55 об.
сваръ μάχη 92 об.

свитати ἐπιφώσχειν 67.
свой ἴδιος 73, οἰκεῖος 93.
святити ἁγιάζειν 86.
—— щати —— 83 об.
сестреница ἀδελφή 69 об.
сильнъ δυνατός 94.
сиродство ὀρφανία 75.
скваръ κνίσση 66.
скверногласный μιαίφονος 94.
скверный ῥυπαρός 72 об.
скоро τὸ τάχος 95 об.
скорбь λύπη 76.
славити δοξάζειν 92 об.
сладость, сласть } ἡδονή 93 об., 84 и др.
служити λατρεύειν 67 об., ὑπουργεῖν 94.
служба ὑπηρεσία 74 об.
служебникъ, слуга } διάκονος 55, 91 об.
слуга ἱκέτης 71.
слезя (прич.) δάκρυς (?) 84 об.
слезнъ ἐπίδακρυς 75.
слѣпъ τυφλός 66.
собьство ὑπόστασις 62, 73, 95.
старъ ἀρχαῖος 90 об.
старець γέρων 84, 89.
старѣйшина ἡγούμενος 88 об.
стражь σκοπός 70 об.
страньнъ ξένος 59 об., 80, 83.
страннолюбивъ φιλόξενος 79 об.
страннопріемница, -имн- ἡ ξενοδόχος 85, 79 об., 80.
страсть πάθος 55, 66
стройно ἀκολούθως 89 об.
столпъ στῦλος 76 об.
стѣнь (муж.) σκιά 68.
судіа κριτής 92 об.
судба κρίσις 70.
судъ δίκη 70, κρίσις 60 об. и др.
безъ соблазна ἀκριβῶς 89.
съблюдати διέπειν 55.
соборище σύστημα 56 об.
въ соборѣ δημοσίᾳ 92.
събыватися ἀποβαίνειν 89.
събысться συνέστηκε 89.
съвъпрашатися συζητεῖν 65 об., συνομιλεῖν 93 об.
съвершати πληροῦν 93.
съвершенъ τέλειος 65 об., 74, несъвершенъ ἀτελής 65 об.
свѣдѣтель μάρτυς 57 об.
—— ство μαρτυρία 92.
—— вати μαρτυρεῖν 65.
съвѣсть συνείδησις 87 об.
съвѣтъ διαβολή 67, διαλογισμός 57 об. βουλή 56 об.
—— щати συμβουλεύειν 56, φθέγγεσθαι 85.
—— щевати συμβουλεύειν 74.
сьгрѣшати ἁμαρτάνειν 66.
съдѣлати ὑπουργεῖν 64.
съдѣтель δημιουργός 60 об., 66 и др., δημιουργήσας 60, σύνευνος 84.
съдѣяти πράττειν 63 об.
съжалѣніе συμπάθεια 76.
създавіе ἁρμονία 93.
създати κτίζειν 65, πλάζειν 66.
сказаніе ἐξήγησις 88 об., ἀπόδειξις 87 об.
складникъ σύντροφος 85.
истинный солъ 97 об.
смыслъ φρόνημα 79, σύννοια 83 об.
смышленіе συλλογισμοί 55 об.
соніе ὄνειρος 75 об., въ снѣхъ δι' ὀνείρων 75 об.
съмнище διατριβή 55 об.
съодѣтися ἀποδύεσθαι 93.
спасеная истина ἡ σώζουσα ἀλήθεια 74 об.
спасеніе σωτηρία 61 и др.
спиратися διαλέγεσθαι 65 и др.
съпрѣніе ζήτησις 67 и др.
сподобити προσομιλεῖν 64.
—— ся καταξιοῦσθαι 72 об.
спознаніе ἀναγνωρισμός 89 об., 95 об.
съпроста ἁπλῶς 85.
спутникъ συνοδοίπορος 74 об.
сристатися συντρέχειν 79, 93, ὑποτρέχειν 89.
сродникъ συγγενής 74 об.
праздникъ съставити ἑορτὴν ποιεῖσθαι 95 об.
сстаатися συνιστάναι 89.
съставъ ὑπόστασις 57, 60 об. (богословск.), σύστασις 72.
сътворити πλάζεσθαι 88, -ся γίγνεσθαι 93 об.

стязаніе διάλεξις
сытость χόρος 83 об.
сѣдалище καθέδρα 99 об.
сѣданіе καθέδρα 99 об.
сѣмя γονή 69.

Таче ἄρα 80 об. (вопрос.).
тещи ὁρμᾶν 65.
тихо ἠρέμα 90 об.
тлѣньнъ θνητός 71.
толма τοσοῦτον 55.
трапеза тр- 71, 85 и др.
требѣ есть ὀφείλει 73.
трезвитися νήφειν 73 об.
трепетенъ σύντρομος 75.
трупъ πτῶμα 76.
трусъ σεισμός 71 об.
трястися πάλλεσθαι 78.
не тужи (пов.) μὴ κάμνε 94 об.
тръжище ἀγορά 68 и др.
тщаніе σπουδή 72.
тщатися σπεύδειν 88 и др.
тщетьнъ κενός 76.
тълстость πᾶχος 76 об.
тръпѣти στέγειν 84.
терпѣніе ὑπομονή 66.

Не у οὔπω 80 об.
убогъ πένης 95 об.
увязенъ χρώμενος 66 об. (?)
добрый угодникъ εὐεργέτης 82 об.
угодьнъ ἀρέσκων 65 об.
удивляти ἐκπλήττειν 68.
удобь ῥᾳδίως 68 об.
ужасть ума ἔκστασις φρενῶν 83 об.
ужасъ ἔκπληξις 78 об.
како уже πῶς ἄρα 88 об.
въ ужницы = въ темницѣ (?) 82 об.
указъ ἀπόδειξις 90 об., 92.
уласканъ κολασθείς 80.
уловити πρὸς ἀπάτην 68 об.
умучити κολάζειν 93.
унасиляемъ = подверг. насилію 81 об.
унылъ ἄθλιος 78, τάλας 79 об. и др.
уподобитель божій μιμητὴς θεοῦ 80 об.
упоенъ μεμεθυσμένος 79 об.
уродный μωρός 64.
усматряти συνορᾶν 93.
усмихатися καταγελᾶν 64.
урѣшиню (1 л. ед., = удостовѣрю).
ускокъ (= преступникъ) 99.
уставъ κανών 96 об. и др.
устрабити (успокоить) 84 об.
не имѣа усрѣдіа ἄσπλαγχνος 85.
съ усердіемъ προθύμως 88 и др.
утро, утрѣ αὔριον 86, 72.
утѣха, утѣшеніе παραμυθία 74 об. и др., 75 об.
ученіе παιδεία 68 и др.
уязвитися ἐκπλήττεσθαι 64.

Философія φιλοσοφία 90 об.

Хананѣаныни χαναανῖτις 67 об.
хвалу исповѣдати χάριν ὁμολογεῖν 61.
хвалити бога εὐχαριστεῖν τῷ θεῷ 74 об.
хлѣбъ ἄρτος 64 об.
ходити περιπατεῖν 64 об.
хотѣніе θέλημα 66, βούλημα 94.
храмина οἶκος 63 об.
храмъ οἰκία 72, οἶκος 60.
христіаный χριστιανός 68.
хулити βλασφημεῖν (Бога) 87 об.
холмъ χρημνός 77.
хитръ τεχνικός 75.
хитрець τεχνίτης 89.

Царь βασιλεύς 95 об.
цесаревъ βασιλικός 93, καίσαρος 94.
—— ьскъ —— 93 об. —— 95 об.
церкы ναός 63 об., къ церкви πρὸς τὸ ἐκκλησιάζειν 95.
цѣловати προσαγορεύειν 93.
цѣломудріе τὸ σωφρονεῖν 69.
—— ити σωφρονεῖν 83 об. и др.
—— енѣ σωφρόνως 55.

Чадолюбець φιλότεκνος 75 об., 84 и др.
чародѣй γόης 94.
чинъ τᾶξις 66 об., 92.

число ἀριθμός 63.
чистота ἁγνισμός 73 об.
чистъ καθαρός 68 об., 95, σεμνός 87 об.
человѣколюбіе φιλανθρωπία 90 об.
—— ивъ —— ος 96 об.
—— ческъ ἀνθρωπεῖος 64.
чрѣсъ всю нощь δι' ὅλης νυκτός 93 об.
чьстити τιμᾶν 83 об.
чтити σέβειν 73.
чьстьнъ τίμιος 92.
чего любо (род.) τι 80 об.
чюдитися θαυμάζειν 95 об.
чюдо θαῦμα 64 об.

Щадити φείδεσθαι 65.
щедрота οἰκτιρμός 65.

Юноша νεανίσκος 78 об.

Языкъ ἔθνος 67 и др.
—— чникъ ὁμοεθνής 59.
ярость θυμός 96 об.

Нѣсколько цитатъ изъ Свящ. Писанія.

Евангеліе.

Біющему и по ланитѣ обратити и другую, и вземлящему ризу его подати и *прикрывальницу* свою..., повелѣвающему же *врѣсту* ити... 90 об. (Мѳ. V, 40—41);

Мнози пріидуть отъ въстока и запада и сѣвера и моря и възлягуть съ Авраамомъ и Ісаакомъ (и) Іаковомъ 72 (Мѳ. VIII, 11);

Отраднѣе будеть земли Содомстѣй и Гоморьстѣй въ день судный 65 (Мѳ. X, 15);

Горе вамъ, книжници и фарисѣие лицемѣри, яко очищаете сткляници и блюда внѣшнее, утрьудуже *исполнь* скверны. Фарисѣю слѣпый, очисти прежде внутренее сткляници и блюду, да будеть има внѣшнее чисто 73 об. (Мѳ. XXIII, 25—26);

Иже вѣру иметь и крестится и спасенъ будеть 95 (Мрк. XVI, 16);

Право глаголю вамъ: аще не обновитеся водою и духомъ, не имате внити въ царство небесное 61 (Іо. III, 5).

Бытіе.

Отъ древа же сего, еже разумѣти добро и зло, не вкусите 66 об.;

Выженѣмъ его, еда како простеръ руку своею прикоснется древѣ животнѣмь и ясть и живъ будеть въ вѣкы 66;

Помяну Богъ, яко сътвори человѣка 66;

Обоняся Богъ вонею благоюханіа 66;

Вѣдаа вѣжды, яко пришелцы будуть племя твое на земли не своей и поработять е и озлобять и смѣрять я лѣта четыреста. Языкъ же, емуже аще поработають, сужду азъ. По сихъ же изидуть сѣмо съ имѣніемъ многымъ. Ты же отидеши къ отцемь своимъ съ миромъ, въспитанъ въ старости добрѣ. Четвертое же колѣно обратится сѣмо 67 об.

А. Соболевскій.

Нѣсколько замѣчаній по поводу русскаго правописанія.

Святые апостолы Славянъ, Кириллъ и Меѳодій, въ половинѣ IX-го вѣка принесли въ Моравію для западныхъ Славянъ христіанскую вѣру и славянскій переводъ св. евангелія и другихъ богослужебныхъ книгъ, написанный славянскимъ письмомъ и правописаніемъ кирилловскимъ. Западные Славяне въ Моравіи и Чехіи съ радостью приняли славянскихъ учителей вѣры и ихъ священные дары, принесенные имъ въ начало и залогъ христіанскаго просвѣщенія; но не долго процвѣталъ тамъ молодой разсадникъ православія и славянской культуры. Послѣ разоренія великоморавскаго государства соединенными силами Нѣмцевъ и Мадьяръ въ концѣ того же IX-го стол. западные Славяне, лишенные славянскихъ учителей, священниковъ и епископовъ, и притѣсняемые корыстолюбивыми епископами нѣмецкими, мало по малу приняли католическое вѣроисповѣданіе съ богослуженіемъ на непонятномъ имъ латинскомъ яз. и римско-нѣмецкую культуру съ латинскимъ шрифтомъ и безобразнымъ правописаніемъ, которое поправилъ только Гусь въ началѣ XV-го стол. съ помощію паерка кириллицы.

Не удались и позднѣе попытки завести славянское богослуженіе въ Чехіи: Сазавскій монастырь св. Прокопія въ XI-мъ стол. былъ скоро послѣ смерти своего основателя и настоятеля у сла-

вянскихъ монаховъ отнятъ и отданъ нѣмецкимъ; а Славянскій (Эмаузскій) монастырь, основанный Карломъ IV-мъ въ 1347 г. для богослуженія на славянскомъ яз., былъ въ началѣ гуситской войны въ 1419 г. ограбленъ и разоренъ. «Et libri linguae eorum (slavorum) deleti omnino et disperditi nequaquam ulterius in eodem loco recitabuntur» (Anonymus Sazaviensis. Script. rer. bohem. I., p. 102).

Счастливѣе были восточные Славяне. Великій русскій народъ со св. крещеніемъ въ Кіевѣ при Владимирѣ подъ конецъ X-го стол. съ православной вѣрой получилъ въ залогъ своего христіанскаго просвѣщенія тоже славянскій переводъ св. писанія и богослужебныхъ книгъ съ письмомъ и правописаніемъ кирилловскимъ. А русскій народъ эти завѣтные дары св. апостоловъ Славянъ до сихъ поръ тщательно бережетъ и вѣрно соблюдаетъ и православіе, и письмо, а отчасти и правописаніе.

Кирилловское письмо Русскіе въ теченіе столѣтій по своему яз. и его фонетикѣ упростили, выпустивъ изъ азбуки ненужныя имъ др.-славянскія буквы, какъ юсы и др., а въ петровскую эпоху тогдашнюю церковную кириллицу для скорѣйшаго и соединеннаго писанія словъ въ гражданскомъ употребленіи закруглили наподобіе латинскаго шрифта.

Но совершеннѣйшее, идеальное др.-славянское правописаніе, составленное еще въ Царьградѣ ученымъ «учителемъ словѣньска языка, Константиномъ философомъ», дополненное св. Меѳодіемъ и его сотрудниками при переводѣ св. писанія въ Моравіи, въ теченіе вѣковъ по разнымъ причинамъ очень измѣнилось, не въ свою пользу, многими неправильными уклоненіями и противъ духа русскаго яз. Нѣкоторыя изъ такихъ неправильностей теперь хотя и считаются ошибочными, а все-таки по привычкѣ терпятся и удерживаются дальше.

Многія такія уклоненія въ русское правописаніе ввели еще древнѣйшіе русскіе монахи X—XVII в., списывая разные переводы церковной литературы по ошибочнымъ сербскимъ и болгарскимъ спискамъ, другія такія ошибки по незнанію законовъ

русскаго яз. и его фонетики ввели русскіе грамотеи XVIII-го вѣка по примѣру польскаго и нѣмецкаго правописанія.

Въ послѣдніе же годы въ русской печати все чаще и смѣлѣе появляются покушенія нѣкоторыхъ смѣльчаковъ, дерзающихъ портить русское правописаніе еще и тѣмъ, что они опускаютъ букву ъ послѣ согласныхъ въ концѣ словъ.

Возставать противъ закоренѣлой и вжившейся привычки къ старымъ ошибкамъ русскаго правописанія было бы трудно и напрасно, а можетъ быть и опасно, подобно тому, какъ было исправленіе церковныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ причиной раскола. Но противъ замышляемой новой порчи русскаго правописанія и языка, противъ ероборцевъ, нужно возставать серіозно и энергично и за букву ъ бороться каждому и всѣмъ благоразумнымъ и понимающимъ дѣло русскимъ ученымъ и писателямъ, а главное Имп. Академіи Наукъ, высшему авторитету въ этомъ вопросѣ.

Если осмѣлюсь здѣсь разобрать нѣкоторыя неправильности русскаго правописанія, то я не имѣю въ виду практическаго успѣха, а пишу эту замѣтку изъ чистой любви къ русскому яз., который считаю для насъ, нерусскихъ Славянъ, до извѣстной степени живымъ вознагражденіемъ за мертвый яз. древне-славянскій, и желаю, чтобъ онъ былъ и оставался во всемъ по возможности похожимъ на своего старшаго брата.

1. Руководство Я. К. Грота учитъ: «Почти всѣ русскія согласныи могутъ произноситься двояко, т. е. твердо или мягко, смотря по тому, стоитъ ли за ними твердая или мягкая гласная. Отъ твердости или мягкости слѣдующей гласной зависитъ то или другое произношеніе предшествующей согласной и въ концѣ слова: *данъ*, *плотъ* и *дань*, *плоть*».

Это общее, органическое правило надо ограничить и объяснить. Не всѣ согласныя относятся одинаково къ слѣдующимъ за ними гласнымъ, и не всѣ гласныя одинаково дѣйствуютъ на предыдущія согласныя. Только зубныя *д*, *т*, плавныя *н*, *л*, *р* и свистящія *з*, *с* могутъ произноситься передъ слѣдующей твердой

а, *о*, *у*, *ъ*, *ы* твердо, а передъ мягкой *я* (=ѧ), *е* (=ѥ), *и*, *і*, *ё*, *ю*, *ѣ*, *ь* мягко. Притомъ эти согласныя сливаются съ нёбнымъ элементомъ (і) мягкихъ гласныхъ такъ тѣсно, что гласныя послѣ смягченныхъ ими согласныхъ (зубныхъ, плавныхъ и свистящихъ), лишенныя ими своей мягкости, слышатся твердо: *дядѣ*=*дьадьэ*, чеш. d'ad'e, *тётю*=*тьотьу*, чеш. t'ot'u и т. д., какъ и поль. пишется: las (лѣсъ), w lesie (въ лѣсѣ), rzeka (рѣка), rzadko (рѣдко) и т. п.

Къ іотованнымъ[1]) гласнымъ *я* (=ꙗ), *е* (=ѥ), *и*, *ё*, *ю*, *ь* относятся эти согласныя другимъ образомъ.

Совсѣмъ другое соотношеніе замѣтно между гласными и предыдущими согласными губными, гортанными и нёбными.

2. Губныя согласныя *б*, *п*, *в*, *ф*, *м* вполнѣ индиферентны къ слѣдующей гласной твердой, мягкой и іотованной. Поэтому и *мягкія* гласныя послѣ губныхъ, не теряя при нихъ своей мягкости, произносятся вполнѣ какъ іотованныя, какъ въ началѣ словъ и слоговъ послѣ гласной: *тебя* (=tëbia), *Пётръ* (=Pjotr), *вёрстъ*(=vjorst), *вѣсть* (=vjest'), *мѣра* (=mjera) и т. д.

По той же причинѣ послѣ губныхъ передъ іотованными гласными вставляется *л*, которое, вмѣсто индиферентныхъ, перенимаетъ мягкость слѣдующей гласной: *земля*, *рубли*, *куплю*, *ловленъ* и т. д.

(По той же причинѣ и съ той же цѣлью и въ чешскомъ яз. послѣ *м* передъ *ѣ* въ живой рѣчи — не на письмѣ — вставляется *н*: *země* (=zemně), *město* (mněsto), *měsíc* (=mněsíc) и т. д.).

Но вставное *л* въ концѣ словъ передъ *ь* въ живой рѣчи большею частью не слышится (*рубль*=*рубъ*, почти какъ *рупъ*, *журавль*=*журавъ*, почти какъ *журафъ* и т. д.), потому что *л* послѣ согласныхъ въ концѣ словъ и передъ *ъ* вообще опускается и на письмѣ (*грёбъ*, *гребла*, *-ло*, *нёсъ*, *несла*, *-ло* и т. д.), а *ь* на губныя согласныя никакъ не дѣйствуетъ (*кровь* и *ровъ*, *дробь* и *гробъ* и

---

1) Такъ какъ *й* пишется правильно только *послѣ* гласныхъ, то пишу *іота* (іота), а не йота, ни ёта, ср. Іосифъ Іорданъ, Іена, іезуитъ.

т. д.) Поэтому вѣроятно и въ м. и т. п. ед. муж. и ср. р. мѣстоименій, прилагательныхъ и существительныхъ въ окончаніи возникло *-мъ* вм. др.-слав. *-мь: о нёмъ*, съ *нимъ*, въ *новомъ*, подъ *густымъ дубомъ* и т. д., какъ и *дамъ*, *пмъ* вм. *дамь*, *пмь*.

Въ заимствованныхъ иностранныхъ словахъ пишется послѣ губныхъ тоже *и* вм. подлиннаго *ы: физика*, *миѳъ* (mythus), *мирта* (myrtus), *мирра* (myrha), *Вавилонъ* (Babylon) и т. д., такъ же и въ польскомъ яз.

Послѣ губныхъ внутри предложныхъ словъ можно было бы и не писать *ъ* передъ гласными *я*, *ё*, *ю*, потому что губные ими не смягчаются, а эти гласныя послѣ нихъ такъ и произносятся іотованно: *обявить*, *обяснить*, какъ *обязать*, *обятіе*, *обёмъ*, *обискъ*, *объздъ*, *обусловить*.

Итакъ, губные согласные ни тверды, ни мягки, но какъ индиферентные никакъ не мѣшаютъ слѣдующимъ за ними гласнымъ твердымъ звучать твердо, а мягкимъ мягко, т. е. іотованно, что грамматики, не только русскія, считаютъ и называютъ твердостью и мягкостью самихъ губныхъ согласныхъ. Qui bene distinguit, bene docet.

Причина индиферентизма губныхъ согласныхъ физіологическая: они образуются при помощи губъ, отстоящихъ слишкомъ далеко отъ нёба, гдѣ образуются мягкія и іотованныя гласныя, такъ что невозможно столь тѣсное соединеніе мягкихъ гласныхъ съ губными согласными, т. е. умягченіе губныхъ, какъ это бываетъ у зубныхъ, плавныхъ и свистящихъ.

3. «Гортанные согласные *г*, *к*, *х* (по Руководству) никогда не допускаютъ при себѣ *еря*, хотя передъ мягкой гласной и произносятся мягко». Но если послѣ *г*, *к*, *х* не допускается *ь*, то послѣ нихъ не могутъ устоять и другія мягкія гласныя; а если послѣ нихъ все-таки пишутся *настоящія* мягкія гласныя *и*, *ь* (*бьги*, *теките*, на *ноги*, въ *руки*, о *мухи*), то почему не могъ бы послѣ нихъ стоять и *ь*, законный замѣститель всѣхъ мягкихъ гласныхъ послѣ согласныхъ, какъ *й* послѣ гласныхъ? А если отъ глагола *сѣсть*, *сяду*... повелительное накл. *сядь*, *сядьте*, то

и отъ глагола *лечь, лягу...* непремѣнно должно быть повелительное накл., *ляг, ляжте* (а не лягъ, лягте!), вѣдь (по Руководству) гортанные «передъ мягкой гласной произносятся мягко». Если же *г, к, х* передъ *и, ъ* и произносятся мягко, то притомъ все-таки не смягчаются въ *з, ц, с*, какъ напр. въ др.-славянскомъ яз., и потому вѣроятнѣе только эти гласныя послѣ нихъ произносятся мягко, а гортанные согласные остаются притомъ твердыми, какъ въ словацкомъ языкѣ.

«Въ древнемъ (русскомъ) языкѣ послѣ *г, к, х* писалось *ы*: гыбель, Кыевъ, хытръ». Но позднѣе Русскіе (вѣрно по примѣру тогдашней польской орѳографіи) стали писать послѣ *г, к, х* тоже *и* вм. *ы*: *ноги, руки, муки, други, луки, духи...* и по этой неправильной (польской) орѳографіи и Русскіе привыкли[1]) слоги *ги, ки, хи*—собственно говоря, неправое *и* въ этихъ слогахъ,—произносить мягко, какъ Чехи произносятъ *ы* подобно *и*.

Что *и* въ слогахъ *ги, ки, хи* этимологически *ы* и до сихъ поръ твердо, явствуетъ изъ слѣдующаго:

а) Существительныя на твердыя гласныя *а, о, ъ* принадлежатъ къ твердому склоненію, которое въ окончаніяхъ падежей р. ед. ж., и. в. мн. м. ж. послѣ всѣхъ другихъ согласныхъ, кромѣ *г, к, х*, имѣетъ органическое *ы* (а не *и*): *рыбы, домы*, слѣдовательно, надлежало бы по древне-русскому правописанію писать *ногы, рукы, духы*.

b) Что это *и* послѣ *г, к, х* до сихъ поръ есть дѣйствительно твердое *ы*, видно изъ того, что ударяемое *е* передъ слогами *ги, ки, хи*, какъ передъ всѣми твердыми гласными, расширяется въ *ё*: *щёки, намёки, тетёхи*, какъ *пчёлы, сёстры* и т. д.

с) Въ окончаніи и. ед. м. мѣстоименій и прилагательныхъ послѣ *г, к, х* пишется *ъ* («*ъ* послѣ нихъ никогда не допускается»): *высокъ, убогъ, тихъ*, а изъ этой формы образуется т. наз. полная (двучленная) прибавленіемъ второго члена *и, я, е*: *высок+и,*

---

1) Какъ плохое произношеніе дѣйствуетъ вредно на правописаніе, такъ и неправильная орѳографія имѣетъ вредное вліяніе на произношеніе.

-ка+я, *-ко+е*, *убогъ+и*, *тихъ+и*, что пишется ошибочно *высокій*, *-кая*, *кое*, *убогій*, *тихій* и т. д.

d) Что *і* въ этихъ окончаніяхъ до сихъ поръ твердо, т. е. =*ы*, доказываетъ опять и то, что ударяемое *е* передъ нимъ, какъ передъ твердыми гласными, расширяется въ *ё*: *далёкій*, *далёкая*, *далёкое*, *далёкіе*, *далёкія*, какъ *зелёный*..., *весёлый*... и т. д.—И въ глаголахъ на *ывать* пишется послѣ *г*, *к* ошибочно *и* вм. *ы*, ибо и тамъ предыдущее ударяемое *е* переходитъ въ *ё*: *застёгивать*, *подчёркивать*, какъ *причёсывать*, *завёртывать* и т. д. противъ *склéивать* и т. п.

e) Руководство учитъ, что «дифтонгъ *ій*, равно какъ и *ый*, не любимъ русскимъ яз. и въ произношеніи, а отчасти и на письмѣ, замѣняется звуковыми группами *ой*, *ей;* такъ, вм. *нагій*, *судій* говорятъ и пишутъ *нагой*, *судей*». Но причина этого не въ томъ, будто дифтонги *ій*, *ый* не любимы (ср. *синій*, *мнѣній*, *новый* и т. д.), а въ удареніи. Дифтонгомъ *ей* замѣняется только ударяемый *настоящій* дифтонгъ *ій* (судей), а не *ій* послѣ *г*, *к*, *х*, который подъ удареніемъ переходитъ въ *ой (нагой*, *такой*, *глухой*, какъ *прямой*, *святой* и т. д.), что опять доказываетъ, что *ій* послѣ *г*, *к*, *х* пишется ошибочно вм. *ый*.—Окончаніе *-ій* послѣ *г*, *к*, *х* переходитъ тоже въ *овъ*: Долгорукій и Долгоруковъ, Безухій и Безуховъ, какъ Безсонный и Безсоновъ, Сѣрый и Сѣровъ, Мудрый и Мудровъ и т. д., тогда какъ настоящій *ій* переходитъ въ *евъ;* Безстужій=Бестужевъ.

Законъ русской фонетики, что ударяемые дифтонги *ый* и *ій* произносятся и пишутъ *ой*, *ей*, владѣетъ вообще всѣмъ русскимъ языкомъ. Поэтому и ударяемое *ы* (=ъи) передъ іотованной гласной *я*, *е*, *и*, *ю*, *ь* разлагается въ дифтонгъ *ой*, *й* котораго соединяется съ нёбнымъ элементомъ слѣдующей гласной: *мы-ть*, (*мы́-ю*=*мо́й-ю*=*мой-ју*=) *мо́-ю*, *мо́-ешь*, *мо́-йся*, *мо́-ясь* и т. д. (ср. чеш. mý-ti, me-ju, me-ješ, me-jse atd.). Такъ и ударяемое *и* передъ іотованной гласной переходитъ въ *е: бри-ть*, (бри́-ю=) *бре́-ю* (ошибочно брѣю), *бре́-ешь*, *бре́-йся*, *бре́-ясь; шея* (др.-слав. шиꙗ, чеш. šije), *змей* (ошиб. змѣй), *сей* (сiя́, сiе́), *чей*, *пей*, *Сергей*

(ошиб. Сергѣй, изъ Сéргій), *Алексей* (ошиб. Алексѣй, изъ Алéксій), людей (др.-сл. людій), соловей (славій), библейскій (библія), и т. д.

4. О шипящихъ согласныхъ Руководство учитъ, что «небные *ж*, *ш* всегда произносятся твердо, даже и передъ мягкими гласными (*ложь*, *рѣжь*, *говоришь*). Напротивъ, звуки *ч*, *щ* всегда слышатся мягко, даже и тогда, когда за ними *ъ* (*мечъ*, *свищъ*, *тощъ*)». Какое смѣшеніе, какое противорѣчіе! Не только *ч*, *щ*, но и *ж*, *ш* нёбные согласные, образованные при помощи нёбнаго *и*, которое, поглощенное ими, въ нихъ содержится. Слѣдовательно, всѣ нёбные суть органически смягченные согласные и потому не могутъ произноситься твердо, что подтверждается и тѣмъ, что послѣ нихъ пишутся, за изъятіемъ *я*, *ю*, всѣ мягкія гласныя, не только *ь*, но и *е*, *ё*, *и*, *ѣ*. Но всѣ эти гласныя, какъ и *я*, *ю*, послѣ всѣхъ нёбныхъ слышатся чисто, твердо, потому что нёбная ихъ часть въ произношеніи сливается съ нёбною же частью шипящихъ согласныхъ, послѣ которыхъ такимъ образомъ слышны только чистыя, твердыя гласныя, какъ отчасти и пишутся (*а* вм. *я*, *у* вм. *ю*): древне-русски *душя*=(душ-ја=) *душ-а*, *кожю* (=кож-ју=) *кож-у*, *рощь* (=рощ-је=) *рощ-э*, *свѣчёй* (=свѣч-јой=) *свѣч-ой* и т. д.

Поэтому нёбные согласные и передъ *ь* слышатся такъ же, какъ и передъ *э*: *ложь* и *ножъ*, *вошь* и *кошъ*, *течь* и *мечъ*, *вещь* и *лещъ*. Даже *и* послѣ шипящихъ слышится не мягко, а скорѣе какъ *ы* (какъ въ польскомъ яз. и пишется: *duszy*, *kożу*, *rzeczy*, *szczyt*).

То же самое происходитъ съ мягкими гласными послѣ свистящаго *и*, которое тоже есть смягченный согласный нёбнымъ *и*, поэтому и послѣ *и* пишутся по произношенію всегда только твердыя гласныя *а*, *о*, *у*, *э*, *ы* (вѣроятно, по польскому примѣру); и *е*, *ѣ* послѣ *и* слышится твердо, какъ *э*: *цѣль*, *цехъ*.

А такъ какъ мягкія гласныя послѣ всѣхъ шипящихъ, лишаемыя ими своей мягкости, слышатся твердо, то многимъ кажется, что нёбные согласные тверды. Опять qui pro quo, какъ у губныхъ.

5. На томъ, что нёбные согласные передъ *ь* слышатся какъ передъ *ъ*, основывается большая ошибка русскаго правописанія: послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* писать фонетическое *ъ* вм. древняго органическаго *ъ*: въ и. ед. м. существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій: *мужъ*, *палецъ*, *мечъ*, *грошъ*, *плащъ*; *пригожъ*, *горячъ*, *хорошъ*, *блестящъ*; *нашъ*, *вашъ*; и въ р. мн. ж. и ср. существительныхъ: *кожъ*, *крышъ*, *тысячъ*, *ручищъ*; *плечъ*, *сокровищъ* и т. д.

Но если, какъ Руководство учитъ, а) «самый звукъ конечной согласной указываетъ, которая изъ двухъ буквъ, *ъ* или *ь*, должна за нею слѣдовать», и b) такъ какъ, «шипящія произносятся одинаково, будутъ ли онѣ отмѣчены *еромъ* или *еремъ* (*ложъ* и *ложь*, *камышъ* и *мышь*, *кличъ* и *кличь*, *лещъ* и *вещь*)», то уже по этимъ правиламъ слѣдовало бы послѣ шипящихъ и *ц* безъ изъятія вездѣ писать только *ь*, потому что нёбные суть смягченные согласные, послѣ которыхъ *е* до сихъ поръ въ русскомъ яз. вездѣ обличаетъ древній органическій *ерь*.

Но есть еще и другая, болѣе важная, внутренняя, органическая причина такого правописанія: что же такое *ъ* и *ь*? *Еръ* ослабленная, онѣмѣвшая твердая гласная *о*, съ которымъ чередуется: дубъ, дубомъ, дубовъ, дубовый и т. д. А *ерь* тоже сокращенная ослабленная, онѣмѣвшая мягкая гласная *и*, *е*, съ которыми чередуется: левъ, льва, кость, кости, костей, конь, коней, конёкъ, коневина, коневодство и т. д. Итакъ, послѣ шипящихъ и *ц* слѣдуетъ вездѣ писать только *ь*, потому что онъ послѣ нихъ вездѣ замѣняетъ полную мягкую гласную, преимущественно *е*: мужъ, мужемъ, мужей, мужегубецъ, палецъ, пальцемъ, пальцевъ; плачъ, плачемъ, плачевный; грошъ, грошей, грошевой; плащъ, плащей, плащевой; пригожъ, пригоже, горячъ, горячее, хорошъ, похорошѣ, хорошее, блестящъ, блестяще; нашъ (=нас+ь), наша (=нас+я), наше (=нас+е): кожъ, кожею, кожевенный, тысячъ, тысячею, тысячелѣтіе, плечъ, плечевой, сокровищъ отъ сокровище(!); ужъ=уже, межъ=межи (М. ед. ж. отъ межа, какъ между М. дв. отъ др.-слав. межда).

Кромѣ того, ложный *ъ* послѣ нёбныхъ и *ц* противится тоже

правилу, что ударяемое *е* передъ твердой гласной, слѣдовательно и передъ ъ, расширяется въ *ё:* лёдъ, котёлъ и т. д. Но напр. отéцъ произносится не отёцъ, какъ слѣдовало бы по орѳографіи, а какъ правильно писанное *отéць*; такъ и мечъ не мёчъ, а *мечь*, плечъ не плёчъ, а *плечь*, лещъ не лёщъ, а *лещь* и т. д. Только ежъ и ершъ произносятся ёжъ и ёршъ, но тутъ дѣло не въ ъ, а въ *ж*, *ш*, ср. молодёжь, дёшево и т. п.

Конечный ь вліяетъ тоже не только тѣмъ, что передъ собой смягчаетъ *к* въ *ц*, но и тѣмъ, что предыдущее *о* суживаетъ въ *е:* вѣнóкъ, и вѣнéць (ошиб. вѣнéцъ), дворокъ и дворéць (ошиб. дворéцъ), какъ конёкъ и конéць (ошиб. конéцъ), ребёнокъ (робѧ) и младéнецъ (младѧ, ошиб. младéнецъ) и т. д.

Неосновательное желаніе древнихъ *еромъ* и *еремь* различать муж. и жен. родъ существительныхъ и т. д. а) противится организму языка, в) излишне, потому что (и безъ того) муж. и жен. родъ существительныхъ и т. д. достаточно разнится и понятенъ, а с), смѣшиваетъ жен. родъ съ муж. и сред. въ Р. мн. (кожъ, плечъ, глазъ) и мягкое съ твердымъ склоненіемъ. Incidit in Scyllam, qui vult vitare Charybdim.

Но я захожу, хотя по старой, вѣрной дорогѣ, слишкомъ далеко въ подробности въ чащѣ неправильностей русскаго правописанія, и потому, хотя можно было бы еще о многомъ говорить, вернусь уже къ той мысли, которая побудила меня написать эту статью.

6. Правило Руководства, что, «вообще говоря, самый звукъ конечной согласной указываетъ, которая изъ двухъ буквъ, ъ или ь, должна за нею слѣдовать», не вѣрно, какъ мы видѣли выше у губныхъ, гортанныхъ и нёбныхъ, и противится другому, органическому правилу того же Руководства, что «отъ твердости или мягкости слѣдующей *гласной* зависитъ твердое или мягкое произношеніе предыдущей согласной, напр., *данъ* и *дань*, *плотъ и плоть*».

А ероборцы въ послѣдніе годы стали пренебрегать *еромъ*, стали отбрасывать и опускать его послѣ согласныхъ въ концѣ

словъ! Почему же такъ? Чѣмъ же древнее, кирилловское ъ провинилось передъ ними? Послѣ тысячелѣтняго употребленія не охраняетъ его священная традиція?

Букву ъ и ь для означенія слабыхъ, онѣмѣвшихъ гласныхъ, твердыхъ и мягкихъ, главное *о* и *е*, выдумалъ и въ славянскую, кирилловскую, азбуку ввелъ глубокій ученый, великій знатокъ очень многихъ языковъ, европейскихъ и азіатскихъ, и даже коптскаго въ Африкѣ, «учитель словѣньска языка, Константинъ философъ» въ Цареградѣ. Выдумалъ онъ ихъ или по примѣру вѣроятно старшей славянской азбуки глагольской, или по примѣру санскритскаго письма *dēvanagiri*, потому что ни въ какомъ другомъ извѣстномъ языкѣ нѣтъ ничего подобнаго, чтобъ и слабыя, онѣмѣвшія гласныя означались на письмѣ. Въ древней глаголицѣ есть тоже двѣ буквы тѣхъ же кирилловскихъ глухихъ гласныхъ: ⰻ = ъ, похожа на глагольское ⰷ = о, со значкомъ нѣмоты ◦, а ⰹ = ь, была когда то вѣроятно похожа на глагольское ⰵ = е, со значкомъ нѣмоты ⌐. Въ хорватской глаголицѣ есть по его фонетикѣ только одна такая буква ⱅ, похожая на санскритское ⱅ = а, которое въ сербско-хорватскомъ языкѣ замѣняетъ еровое *о* и еровое *е* древне-славянскаго и русскаго языковъ. Въ санскритскомъ письмѣ есть тоже только одинъ знакъ нѣмоты гласной, называемый *virāma* [1]) ◝, который для означенія короткаго, онѣмѣвшаго *а* ставится только подъ конечнымъ согласнымъ; внутри словъ безгласные согласные соединяются, образуя сложные согласные. Санскритскому короткому *а* равняется славянское *о* и суженное въ *е*.

Буквы ъ и ь въ кириллицѣ настоящіе бисеры, доказывающіе необыкновенное остроуміе своего изобрѣтателя; они составляютъ безцѣнное преимущество славянскаго письма передъ каждымъ другимъ письмомъ на свѣтѣ; безъ нихъ нельзя объяснять богатую фонетику славянскихъ языковъ, безъ нихъ нельзя обойтись

1) Ruhe, Schweigen, Ruhezeichen—Bopp, *vi-rama* Ausruhen, ср. литов. *rimti* sich beruhigen—Schleicher.

ни чешскому, ни польскому, ни хорватскому, ни другимъ славянскимъ филологамъ.

А такой древней, такой важной и нужной славянской буквой ероборцы брезгаютъ, опуская ее послѣ согласныхъ въ концѣ словъ. Они вѣрно не понимаютъ ея, считая ее даже не буквой, а только давно и совсѣмъ мертвымъ знакомъ, который, по ихъ разумѣнію, лишь мѣшаетъ скорѣйшему письму. Такъ поверхностно судятъ ероборцы о ъ, такъ легкомысленно портятъ кирилловское письмо и остроумную систему древне-славянско-русскаго правописанія. Русское письмо безъ конечнаго *ера* противно глазамъ обыкновеннаго читателя и разуму образованныхъ и ученыхъ. Писать по русски безъ *ера* мнѣ кажется подобнымъ тому, какъ считать безъ *нуля*, напр. *в* (вм. въ) какъ 6 (вм. 60), *из* (вм. изъ) какъ 17 (вм. 170), *год* (вм. годъ) какъ 189 (вм. 1890) и т. д.

Не удивительно, если кое-какіе русскіе, а за ними и другіе журналисты, которые вездѣ портятъ орѳографію, синтаксисъ и языкъ, перестали писать конечное ъ, вѣдь «они не знаютъ, что дѣлаютъ», а странно въ высшей степени, что даже нѣкоторые русскіе профессора славянской филологіи пишутъ безъ *ера!* Тутъ нечего уже говорить, остается только пожать плечами. Неужели и они не знаютъ, что а) ъ буква, означающая короткую, слабую, глухую гласную *о*, которая по мѣрѣ надобности вездѣ оживаетъ въ звучное *о:* домъ, домой, домомъ, домовъ, домокъ, домовый, домовой, домоводство и т. д. b) что *-ъ, -а, -о* родовое указательное мѣстоименіе, означающее родъ существительныхъ, какъ *-ь, -я, -е*, слѣдовательно это ихъ членъ, служащій единственной основой ихъ склоненія. Гласная ъ = (о) до сихъ поръ и дѣйствуетъ на предыдущую согласную такъ, что она, по мѣрѣ возможности, слышится твердо, и на предыдущую гласную *е*, которая подъ удареніемъ расширяется въ *ё*: лёнъ, ячмéнь и т. д.

Изъ вышеприведеннаго явствуетъ, что если въ кириллицѣ есть и пишется ь, то въ ней долженъ писаться и ъ, и наоборотъ, безъ *ера* въ ней не имѣетъ смысла и *ерь*. Ероборцы отбрасы-

ваютъ ъ, подражая иностранцамъ, употребляющимъ латинскій шрифтъ, въ которомъ конечно нѣтъ и никогда не было *ера*, ни *еря*. Но Чехи и Поляки, принявшіе съ католицизмомъ тоже недостаточный для Славянъ латинскій шрифтъ, «нуждаются безъ *еровъ* и писать» а еще больше теоретически объяснять разныя перемѣны словъ и ихъ формъ. Такъ, Поляки по древне-чешскому примѣру твердость согласнаго *л*, вмѣсто *ера*, означаютъ косой чертой *ł* (*był* = былъ), а вмѣсто *еря* Чехи, Поляки и Словаки употребляютъ кирилловскій паерокъ: чеш. *měď* = мѣдь, польск. *oś* = ось, словац. *kráľ* (= король), *soľ* (= соль) и т. д. Въ неславянскихъ языкахъ *ерь* не пишется, потому что тамъ нѣтъ и *еря*, т. е. мягкихъ гласныхъ, а слѣдовательно и мягкихъ согласныхъ, хотя и тамъ есть неударяемая, нѣмая гласная *e*, которая то пишется безъ произношенія, какъ во французскомъ яз. (le mond*e* belle-vue), или отчасти ужъ и не пишется, какъ въ нѣмецкомъ яз. Но для теоретическаго объясненія разныхъ формъ напр., готскаго яз. очень выгодно употреблять ъ и ь для означенія ослабленныхъ, нѣмыхъ гласныхъ: мягкихъ *i*, *e* и твердыхъ *a*, *o*.

Если-бъ ероборцамъ удалось изъ русской азбуки навсегда устранить ъ, то они потомъ послѣдовательно постарались бы вытѣснить и ь, замѣнивъ его паеркомъ, а чего добраго наконецъ бросили бы совсѣмъ и кириллицу и стали бы писать убогимъ латинскимъ алфавитомъ съ безобразной орѳографіей, какъ было у старыхъ Чеховъ. Princip̈s obsta!

7. Если ероборцамъ и еще кому-либо древняя, органически нужная буква ъ мѣшаетъ скоро писать по русски или занимаетъ слишкомъ много мѣста въ письмѣ и печати, то тѣмъ и такимъ ужь лучше, выгоднѣе и разумнѣе избѣгать совсѣмъ не нужнаго, вполнѣ лишняго, безсмысленнаго, такъ называемаго фонетическаго удвоенія согласныхъ, чего не было ни въ древне-славянскомъ, ни въ старорусскомъ яз., потому что оно противится духу и фонетикѣ славянскихъ языковъ вообще, а только въ петровскую эпоху и потомъ по примѣру иностранныхъ языковъ, осо-

бенно нѣмецкаго и французскаго, введено и въ русское правописаніе а тѣмъ и въ русскій языкъ.

Руководство говоритъ: «Удвоеніе безъ всякаго этимологическаго основанія звука *н* между двумя гласными у насъ весьма обыкновенно: а) въ полной, т. е. двучленной формѣ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ причастій на *-нъ*, *-на*, *-но: сдѣланный*, *снесенный* и т. д. Но *многія* подобныя прилагательныя *сохранили еще болѣе древнюю*, *первоначальную форму*, не принявъ позднѣйшаго удвоеннаго *н: вареный*, *жареный*, *раненый*, *ученый*, *мороженое*, *приданое* и т. д. Многія изъ такихъ принадлежатъ преимущественно народному языку и встрѣчаются въ пословицахъ и поговоркахъ: береженаго Богъ бережетъ;

b) съ ложно удвоеннымъ *н* пишутся и нѣкоторыя существительныя, произведенныя отъ причастій на *-нъ*, *-на*, *-но*: *воспитанникъ*, *воспитанница*, *избранникъ*, *священникъ* и т. д., тогда какъ *другія* такія существительныя *сохраняютъ древнюю форму: ученикъ*, *мученикъ*, *труженикъ*, *масленица*, *гостиница* и т. д.;

c) въ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ причастій на *-венъ* и отъ существительныхъ на *-ство: обыкновенный*, *откровенный*, *вдохновенный*, *собственный*, *свойственный*, *преимущественный* и т. д. А такъ какъ русскіе филологи такъ называемую краткую (т. е. одночленную) форму прилагательныхъ производятъ отъ такъ называемой полной (т. е. двучленной), считая эту первообразною(!), то ошибочно пишутъ и нарѣчія (средній родъ прилагательныхъ краткихъ) съ удвоеннымъ *н*: *обыкновенно*, *откровенно*, *собственно*, *преимущественно* и т. д. (ср. *рано*, *нужно*, *серіозно*, *слѣдовательно* и т. д.). Да, отъ этого ошибочно писаннаго нарѣчія (сред. рода) производится ошибочно же и муж. и жен. родъ и множ. число прилагательныхъ «краткихъ»: *обыкновененъ*, *обыкновенна обыкновенны* вм. обыкновенъ, обыкновена, обыкновено, обыкновены и т. д.;

d) и въ прилагательныхъ на *-яный* пишется ошибочно удвоенное *н: деревянный*, *оловянный*, *стеклянный* и т. д.; «нын-

че же пишутъ *основательно: серебряный, кожаный, глиняный* и т. д.;

е) кромѣ *н* удвояютъ фонетически, т. е. фиктивно, ошибочно, тоже *т* въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола *ити*, вм. чего пишутъ *итти, идти* и даже *идтить!* «*Древняя* форма, основанная на *правильномъ* производствѣ этого глагола отъ корня *и* (ср. тоже лат. *i-re*), была *ити*». «Лучшимъ доказательствомъ, пишетъ Руководство, что въ неопр. наклоненіи глагола *иду* звукъ *д* (конечно и звукъ *т*) не принадлежитъ къ корню, служатъ предложныя формы его, требуемыя самимъ произношеніемъ: *взойти, войти, дойти, зайти, изойти, найти, обойти, перейти, подойти, пройти, разойтись, сойтись*»—а всетаки само пишетъ *итти!* Bonum video proboque et deteriora sequor.

Въ заимствованныхъ иностранныхъ словахъ, не только собственныхъ, но и общихъ, Русскіе, по примѣру иностранной орѳографіи подлинниковъ, удвояютъ и многія другія согласныя, безъ нужды и противъ славянской фонетики, потому что «въ болѣе или менѣе отдаленное время, даже еще и въ петровскую эпоху, такія слова писались просто, безъ удвоенія согласныхъ: *аресть, атака, грамота, камерерь, канцелярія, карета, команда, офицеръ, панихида* и мн. др. На основаніи этихъ разумныхъ примѣровъ нѣкоторые и въ наше время стали, во всѣхъ заимствованныхъ словахъ, и старыхъ и новыхъ, гдѣ въ подлинникѣ есть двойная согласная, писать одну только букву: *колегія, комисія, професоръ, Одеса, Прусія*», и т. д. Руководство этого не одобряетъ по двумъ фиктивнымъ причинамъ сладкой привычки. Но вѣдь Русскіе (и Поляки) пишутъ иностранныя имена и слова по ихъ произношенію своей русской орѳографіей для русскихъ читателей, а не для иностранцевъ: *комисія* слышится какъ *лысыя*, (а не какъ *Мизія*), *Одеса* какъ *Odessa* (а не какъ *gelesen*) и т. д. Впрочемъ удвоеніе согласныхъ въ чужихъ словахъ вообще не послѣдовательно, въ нѣкоторыхъ такихъ словахъ его вовсе нѣтъ, а въ нѣкоторыхъ одинъ согласный удвоенъ, а другой нѣтъ.

Но удивительно, что Русскіе даже славянскія имена пишутъ по нѣмецкой орѳографіи, напр. *Гуссъ* вм. *Гусь* (чеш. Hus, P. Husi), а удивительнѣе всего, что Русскіе и свое собственное имя пишутъ по нѣмецки: *Руссъ* даже *Россъ*(!) по грецизованному Максимомъ Грекомъ: *Россія* и *Россея!* вм. *Русъ*, *Русія* (ср. анг. Russia, фр. Russie), какъ *Русь*, *обрусѣть* и т. д.

О. Коларь.

Чешская Прага 10 (23) Августа 1904 г.

Опытъ изданія греческихъ церковныхъ писателей древнѣйшаго времени въ русской патрологической литературѣ.

Блаженный Діадохъ (V-го вѣка), епископъ Фотики древняго Эпира и его творенія. Томъ первый. Творенія бл. Діадоха. Греческій текстъ, редактированный по древнимъ греческимъ рукописямъ, съ предисловіемъ, русскимъ переводомъ, разночтеніями, примѣчаніями и приложеніями. К. Поповъ. Кіевъ 1903 г. I—XXXIV+1—620.

Книга, подробное заглавіе которой мы выписали, представляетъ, сколько намъ извѣстно, первую въ русской патрологической литературѣ попытку систематическаго и цѣльнаго изданія въ свѣтъ произведеній восточнаго церковнаго писателя. Потребность въ этого рода изданіяхъ со стороны православныхъ и въ частности нашихъ отечественныхъ патрологовъ чувствовалась и созпавалась въ наукѣ давно, а посему первое начинаніе въ этомъ родѣ заслуживаетъ полнаго вниманія и со стороны представителей богословской науки въ нашемъ отечествѣ, и научной критики. Настоящая книга тѣмъ больше обращаетъ на себя вниманіе, что внѣшнія данныя ея — изящная бумага, чоткій крупный шрифтъ греческій и русскій, отсутствіе опечатокъ (ихъ насчи-

тано всего на всего издателемъ 13), чѣмъ часто грѣшатъ наши отечественныя книги; всѣ атрибуты лучшихъ западныхъ изданій — предисловіе, свидѣтельства о блаженномъ Діадохѣ, его твореніяхъ вообще и особенно о словѣ аскетическомъ, указатель сокращеній, тексты твореній съ переводомъ на русскій языкъ, съ варіантами къ нему, по различнымъ спискамъ, самыми незначительными, съ обширными схоліями иногда въ нѣсколько страницъ подъ текстомъ, указатель мѣстъ Св. Писанія, указатель предметовъ, изъясненныхъ въ примѣчаніяхъ къ аскетическому слову бл. Діадоха и фото-цинкографическіе и литографическіе образцы письма греческихъ рукописей, по которымъ редактировались тексты твореній названнаго писателя — все это, вмѣстѣ взятое, рекомендуетъ настоящую книгу съ самой выгодной стороны и ставитъ ее въ число не заурядныхъ явленій въ отечественной литературѣ не только богословской, но даже свѣтской (Изданія Академіи Наукъ въ счетъ нейдутъ). Но, къ сожалѣнію, едва ли не здѣсь указанными внѣшними прекрасными качествами и исчерпываются почти всѣ достоинства настоящаго изданія, несомнѣнно претендующаго слѣдовать недостижимому пока для русскихъ ученыхъ образцу въ этомъ родѣ — изданіямъ нѣмецкихъ и англійскихъ ученыхъ. Содержаніе настоящей книги и научные пріемы, которые приложены проф. Поповымъ къ изданію твореній *малоизвѣстнаго* въ патрологической литературѣ, а для многихъ ученыхъ даже *и доселѣ сомнительнаго* писателя V-го вѣка блаженнаго Діадоха (стр. IV), не позволяютъ настоящее изданіе ставить хотя бы въ какую-нибудь параллель съ упомянутыми западными образцами, вызываютъ со стороны научной критики цѣлый рядъ серьезныхъ возраженій и даже приводятъ къ печальному сознанію въ безплодности этого ученаго предпріятія не только въ настоящемъ, но даже въ будущемъ, если бы издатель пожелалъ, какъ обѣщается, продолжить свой научный трудъ.

I.

Testimonia externa.

Первыя пятнадцать страницъ книги посвящаются проф. Поповымъ «внѣшнимъ свидѣтельствамъ о блаженномъ Діадохѣ, его твореніяхъ вообще и особливо о словѣ аскетическомъ» въ оригинальныхъ текстахъ съ русскимъ переводомъ съ тою цѣлью, чтобы «читатель съ бо́льшимъ удобствомъ самъ могъ судить объ отношеніи къ нимъ изслѣдователя» (V—VI). Такихъ свидѣтельствъ удалось проф. Попову собрать всего на всего *десять*, при чемъ *три* свидѣтельства: 7 — ямбическое стихотвореніе монаха Аѳанасія, списателя рукописи М. Синод. библ. 899 г. № 145, 9—извлеченіе изъ Хлудовскаго стишного Пролога 1370 г. и 10—изъ великихъ Макарьевскихъ Четьи-Миней о мученической кончинѣ Діадоха подъ 31 числомъ мѣсяца Августа «привлекаются къ изслѣдованію и печатаются» имъ въ первый разъ, а всѣ прочія «уже принимались во вниманіе учеными мужами, составлявшими о бл. Діадохѣ краткія замѣтки» (стр. VI). Проф. Попову кажется, что всѣ эти «внѣшнія свидѣтельства» можно считать «указателями пути, по которому должно направить изслѣдованіе о бл. Діадохѣ, могущее подкрѣпить и прояснить ихъ другими, болѣе ясными и рѣшительными данными (внѣшними и внутренними свидѣтельствами), добываемыми разностороннимъ изученіемъ твореній и заключающагося въ нихъ ученія бл. Діадоха» (стр. VII). Но въ дѣйствительности можно ли признать эти «указатели пути» достаточно надежными, и приводятъ ли они къ желаннымъ для автора результатамъ—это, по нашему крайнему разумѣнію, подлежитъ еще большому сомнѣнію.

О первыхъ двухъ внѣшнихъ свидѣтельствахъ: о подписи епископовъ древняго Эпира подъ посланіемъ ихъ къ императору Льву (послѣ 457 г.) относительно достоинства халкидонскаго собора и съ порицаніемъ монофизитовъ и о прологѣ къ «Historia persecutionis africanae provinciae», написанной въ 487 г. еписко-

помъ Викторомъ Витенскимъ, самъ проф. Поповъ заявляетъ, что «важность первыхъ (двухъ) *значительно умаляется* ихъ недостаточною ясностію и опредѣленностію, напр., въ первомъ свидѣтельствѣ имя епископа Фотики извращено (подпись: *Didacus, episcopus Phocae*, similiter), второе свидѣтельство, также искажающее имя нѣкоего знаменитаго писателя и учителя, не содержитъ указанія на епископскую каѳедру его (beato Diadoco). Оба эти свидѣтельства пріобрѣтутъ особую важность въ томъ случаѣ, *если будутъ представлены свидѣтельства, показывающія, что въ V-мъ вѣкѣ дѣйствительно жилъ бл. Діадохъ — писатель*, котораго называютъ епископомъ Фотики рукописи, содержащія аскетическое твореніе его, и что этотъ епископъ могъ принимать участіе въ составленіи посланія эпирскихъ епископовъ» (стр. VI). Иными словами говоря, это значитъ, что научная важность этихъ свидѣтельствъ выяснится, лишь послѣ появленія въ свѣтъ второго тома труда г. Попова, отложеннаго нынѣ, какъ нужно думать, ad graecas calendas, но весьма желательнаго для пытливаго читателя его настоящаго перваго тома, полнаго загадокъ, недомолвокъ, томительныхъ ожиданій и едва ли когда-нибудь сбыточныхъ надеждъ...

Въ *третьемъ* свидѣтельствѣ аввы Филимона, который приводитъ «изреченіе изъ аскетическаго сочиненія бл. Діадоха», проф. Поповъ уже прямо отсылаетъ своего читателя *къ несуществующему второму тому*. «Это свидѣтельство, по его словамъ, проявляетъ силу только *послѣ изслѣдованія о времени жизни виновника его*», «такъ какъ, по нашему изслѣдованію, *представленному во второмъ томѣ* (?), авва Филимонъ» «славился своими подвигами во второй половинѣ V-го вѣка и умеръ въ концѣ его» (стр. VII).

Нисколько не лучше и *четвертое* или, по счету проф. Попова, *шестое* свидѣтельство, пріобрѣтающее значеніе «указателя пути» для изслѣдователя о блаженномъ Діадохѣ и его твореніяхъ лишь въ безвѣстномъ будущемъ, послѣ того, какъ этотъ профессоръ удосужится подарить русскую богословскую науку таин-

ственнымъ вторымъ томомъ. «Свидѣтельство (6-е) патріарха Фотія о томъ, что въ прочитанной имъ книгѣ свидѣтельствъ о двоякомъ дѣйствованіи во Христѣ Іисусѣ заключалось изреченіе Діадоха, епископа Фотики, и что этотъ епископъ помѣщенъ между отцами, жившими до халкидонскаго собора (451 г.), во время его и послѣ него, пріобрѣтетъ хронологическое значеніе лишь тогда, по словамъ проф. Попова, *когда будетъ опредѣлено время происхожденія сборника изреченій о двухъ дѣйствованіяхъ во Христѣ Іисусѣ и доказано, что въ этомъ сборникѣ бл. Діадоху отведено мѣсто между отцами, жившими во время или послѣ четвертаго вселенскаго собора*» (стр. VII).

Всѣ указанныя нами свидѣтельства съ несомнѣнностію устанавливаютъ тотъ фактъ, что издатель «твореній» блаженнаго Діадоха поступилъ бы болѣе цѣлесообразно, если бы многое изъ второго тома помѣстилъ въ предисловіи къ настоящему первому тому, или даже прямо издалъ цѣликомъ весь второй томъ, служащій, по мысли проф. Попова, базисомъ для многихъ вопросовъ, связанныхъ съ личностію избраннаго имъ писателя и его твореній.

Свидѣтельство *пятое*—изъ «Библіотеки» патріарха константинопольскаго Фотія, утверждающее, что «отцомъ слова (λόγος ἀσκητικός) *надписаніе* называетъ Діадоха, епископа Фотики въ древнемъ Эпирѣ» (стр. 8), свидѣтельство *седьмое* — стихотвореніе игумена Аѳанасія, списателя рукописи М. Синод. библ. № 145, помѣщающаго слова бл. Діадоха *на третье мѣсто* (стр. 13), и свидѣтельство *восьмое* — ямбическое стихотвореніе Нила, аввы Грота-Ферратскаго монастыря, обращающагося къ Спасителю, по молитвамъ Діадоха (стр. 14), ничего не прибавляютъ намъ новаго къ тому, что можно получить объ этомъ писателѣ и его твореніяхъ изъ многочисленныхъ рукописей, содержащихъ въ себѣ хорошо извѣстное въ аскетической письменности его произведеніе подъ именемъ «λόγος ἀσκητικός».

Девятое и десятое свидѣтельства изъ Хлудовскаго стишного Пролога 1370 г. и Макарьевскихъ великихъ Четьи-Миней, съ

указаніемъ на мученическую кончину Діадоха 31 Августа посредствомъ усѣченія мечемъ «во оудіе» (стр. 15), впервые «привлеченныя къ изслѣдованію» о блаженномъ Діадохѣ, какъ имѣющія «важное значеніе» для опредѣленія и выясненія его «мученической кончины, дня смерти и прославленія» Церковью (стр. VI), проф. Поповымъ, представляютъ, по нашему мнѣнію, плодъ глубокаго недоразумѣнія со стороны послѣдняго, и оба эти свидѣтельства отношенія къ изучаемому церковному писателю не имѣютъ никакого. Никто изъ древнихъ писателей не называетъ Діадоха, епископа Фотикійскаго, *мученикомъ*. Не усвояютъ ему этого почетнаго титла и многочисленныя рукописи, содержащія въ себѣ его творенія, называя его или «τοῦ ἁγίου Διαδόχου», или чаще «τοῦ μακαρίου ἀββᾶ Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς» (ркп. XII в. Ватоп.-Аѳон. библ. № 405; XIII в. ркп. Лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ № 40 Γ′; ркп. XV — XVI в. № 124 Κ′; ркп. XV в. Ватоп. библ. № 243; 1510 г. ркп. Иверск.-Аѳон. библ. № 1337), или «ὁ ὅσιος πατὴρ ἡμῶν» (анонимный схоліастъ стр. 529). И самъ издатель твореній бл. Діадоха проф. Поповъ, всюду именующій этого писателя «*блаженнымъ*», конечно, хорошо освѣдомленъ относительно того, насколько въ рангѣ святыхъ стоитъ выше *священномученикъ* (если бы, конечно, съ несомнѣнностію было извѣстно, что епископъ Фотикійскій Діадохъ окончилъ свою жизнь *мученически*)[1]) предъ блаженнымъ и даже преподобнымъ. Что же касается *дня прославленія* памяти писателя Діадоха, то на этотъ счетъ мы положительное указаніе имѣемъ теперь въ весьма любопытномъ грузинскомъ пергаменномъ Си-

---

1) Проф. Попову, рѣшившемуся отожествлять Didacus, episcopus Phocae, который подписался въ числѣ эпирскихъ епископовъ-протестантовъ въ посланіи къ св. императору Льву I (457—474) по поводу волненій изъ-за монофизитской ереси, съ мученикомъ Діадохомъ, усѣченномъ мечемъ «во оудіе» 31 Августа, не лишне, конечно, въ будущемъ *второмъ томѣ* своего труда разъяснить недоумѣвающимъ читателямъ причины, которыя привели Фотикійскаго епископа Діадоха къ столь печальному концу, какъ усѣченіе мечемъ «во оудіе», и Эпиръ, во время правленія св. императора Льва I, представлялъ ли подходящее мѣсто для проявленія мученическихъ подвиговъ въ родѣ указаннаго...

наксарѣ XI вѣка, переведенномъ съ греческаго языка извѣстнымъ аѳонскимъ книжникомъ, игуменомъ Аѳоно-Иверской обители св. *Георгіемъ II Мтацминдели* († 1066). Въ этомъ Синаксарѣ подъ *пятымъ числомъ Марта* мѣсяца вмѣстѣ съ памятями Марка монаха, извѣстнаго въ аскетической письменности своимъ стоглавомъ[1]), мученика Евлогія Палестинскаго, святого Григорія, епископа Констанціи Кипра, мы находимъ и память *«святого Діадоха, епископа Фотики въ Иллирикѣ, написавшаго сто главъ аскетическаго ученія»*[2]). Ясно, слѣдовательно, что Діадохъ мученикъ, празднуемый Церковью 31 Августа, и Діадохъ блаженный, епископъ Фотики, авторъ «Λόγος ἀσκητικός», празднуемый 5 Марта, — два лица совершенно различныя, и смѣшивать ихъ или отожествлять нѣтъ никакихъ основаній.

Остается, такимъ образомъ, послѣднее *четвертое* свидѣтельство — тропарь въ 8 пѣсни канона св. Ѳеодора Студита въ субботу сырную. Здѣсь воспѣвается нѣкій *Діадохъ* вмѣстѣ съ Николаемъ священнопроповѣдникомъ (τῷ ἱεροκηρύκῳ), съ медоязычнымъ (μελιγλώσσῳ) Софроніемъ и отцеверховными (τοῖς πατροκορυφαίοις) Евстафіемъ и Ювеналіемъ (стр. 6). Само по себѣ и это свидѣтельство не отличается опредѣленностію, и ничѣмъ прямо не заявляетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о блаженномъ Діадохѣ, авторѣ λόγος ἀσκητικός. Только эпитеты — *священнопроповѣдникъ* и *медоязычный* при тѣхъ отцахъ, среди которыхъ стоитъ имя Діадоха, даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что рѣчь идетъ о церковныхъ писателяхъ, къ разряду которыхъ относится и зани-

---

1) Не этимъ ли сближеніемъ бл. Діадоха съ Маркомъ-монахомъ и однородностію ихъ литературной дѣятельности и нужно объяснять существующее въ нѣкоторыхъ рукописныхъ памятникахъ надписаніе: «τοῦ μακαρίου Μάρκου τοῦ Διαδόχου» (стр. 574)? Неизвѣстный схоліастъ «λόγος ἀσκητικός» повидимому не чуждъ видѣть преемственную связь этихъ двухъ писателей-аскетовъ (стр. 530).

2) Ркп. Церковн.-археолог. Музея въ Тифлисѣ № 193, л. 165. Указаніемъ на это любопытное свидѣтельство древней письменности мы обязаны о. *К. С. Кекелидзе*, канд. богословія нашей Академіи, коему и приносимъ нашу глубокую благодарность за него.

мающій насъ Діадохъ. Никодимъ Святогорецъ несомнѣнно на этомъ основаніи въ своей Филокаліи и помѣстилъ названный тропарь канона въ число свидѣтельствъ, говорящихъ о блаженномъ Діадохѣ.

Вотъ и все, что можно пока сказать объ этихъ «*указателяхъ пути*, по которому, по мнѣнію проф. Попова, должно направить изслѣдованіе о блаженномъ Діадохѣ». Признать эти указатели вполнѣ надежными или, по крайней мѣрѣ, достаточными, такъ какъ въ нихъ лишь «намѣчаются основные (sic) элементы біографіи, библіографіи и оцѣнки ученія бл. Діадоха» (стр. VI), не рѣшается и самъ издатель твореній бл. Діадоха, пытающійся «подкрѣпить и прояснить ихъ другими, *болѣе ясными и рѣшительными данными* (внѣшними и внутренними свидѣтельствами), добываемыми разностороннимъ изученіемъ твореній и заключающагося въ нихъ ученія бл. Діадоха» (стр. VII). Нужно полагать, что къ числу такихъ «ясныхъ и рѣшительныхъ данныхъ» проф. Поповъ относитъ и мѣсто въ словѣ на вознесеніе бл. Діадоха: «πῶς δὲ νῦν οἱ τοῦ Χριστοῦ λειτουργοί... ἀπεκδεχόμεθα» (стр. 558), въ которомъ, по его словамъ, «можетъ быть усматриваемо *указаніе самого автора на свое епископское достоинство*» (тамъ же прим. 1; Сн. стр. XXXI). Никто, сколько намъ извѣстно, не сомнѣвался въ Діадохѣ, писателѣ λόγος ἀσκητικός, какъ епископѣ Фотики, о чемъ единодушно свидѣтельствуютъ и древніе писатели (см. testimonia externa), и многочисленныя греческія рукописи, содержащія въ себѣ творенія этого автора, а посему останавливаться и возбуждать этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, совершенно безполезно. Что же касается самого выраженія въ словѣ на вознесеніе: οἱ τοῦ Χριστοῦ λειτουργοί, то оно для знающаго греческій языкъ даетъ съ одинаковымъ правомъ «усматривать указаніе самого автора» и на свое епископское достоинство, и *пресвитерское*, и даже діаконское, такъ какъ всѣ члены церковной іерархіи суть *служители Христовы* и ожидаютъ въ равной степени пришествія Христова на землю для суда. Съ такими «ясными и рѣшительными данными» и вопросы, не возбуждающіе сомнѣній,

признаемся, становятся запутанными и сомнительными. Все же сказанное, вмѣстѣ взятое, приводитъ насъ къ печальному убѣжденію, что дѣло собиранія «*основныхъ элементовъ*» *біографіи бл. Діадоха* для будущаго второго тома у проф. Попова обстоитъ не вполнѣ благополучно.

II.

Λόγος ἀσκητικός бл. Діадоха въ различныхъ спискахъ восточныхъ книгохранилищъ — на Аѳонѣ и въ Константинополѣ. Надписаніе слова и его составъ.

Большею популярностію въ древней аскетической письменности пользовалось «аскетическое слово» бл. Діадоха, раздѣленное на сто главъ, съ присоединеніемъ къ нему въ началѣ десяти опредѣленій (ὅροι). Слово это, говоритъ проф. Поповъ, «уже существуетъ въ печатныхъ изданіяхъ» (стр. VIII). Не выяснивъ, однако, хорошо темный довольно вопросъ о первомъ печатномъ изданіи аскетическаго слова бл. Діадоха, сдѣланномъ якобы ученымъ іезуитомъ *Франциском*ъ *Турріаном*ъ во Флоренціи въ 1578 году, проф. Поповъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на изданіи его извѣстнымъ аѳонскимъ ученымъ инокомъ Никодимомъ Святогорцемъ въ «Филокаліи», напечатанной въ Венеціи въ 1782 году, при матеріальной поддержкѣ просвѣщеннаго мецената Іоанна Маврокордато. Въ этомъ изданіи онъ обращаетъ вниманіе 1) на то, что въ основаніе текста Никодима Святогорца положены рукописи позднѣйшаго времени XV—XVI в. (стр. XVII, XIV), въ которыхъ и текстъ аскетическихъ главъ, и составъ аскетическаго слова якобы подверглись «значительному измѣненію» и «позднѣйшимъ поправкамъ» (стр. XIV), и 2) на то, что не сдѣлано указаній «на рукописный матеріалъ, принимавшійся во вниманіе, при исправленіи текста» (стр. XVII), въ силу чего проф. Поповъ заподозриваетъ высокую научную цѣнность

печатнаго текста и желаетъ ему противопоставить свой текстъ, «исправленный по возможности и очищенный отъ позднѣйшихъ наслоеній» (стр. XVIII). Въ оправданіе себя, издатель высказываетъ такого рода соображенія. «Какъ всякая новая редакція текста твореній какого-либо древняго церковнаго писателя, стремящаяся къ возможно точному воспроизведенію первоначальнаго текста ихъ, никогда не признавалась безполезною, такъ и новая редакція текста твореній бл. Діадоха, произведенная *по многимъ* (на счетъ 9 или 10 рукописей) и не принимавшимся прежде во вниманіе *древне-греческимъ* рукописямъ, пишетъ онъ, не можетъ быть объявляема излишнею и тѣмъ болѣе, что все, что сдѣлано было въ прежнихъ изданіяхъ (?) по исправленію текста твореній бл. Діадоха, не только не исключаетъ новой редакціи ихъ, но, напротивъ, указываетъ на необходимость ея. Въ справедливости сказаннаго каждый можетъ убѣдиться такъ называемыми разночтеніями, отмѣченными въ настоящей книгѣ подъ греческимъ текстомъ твореній бл. Діадоха. Для русской же богословской литературы предлагаемое изданіе твореній сего епископа въ новой редакціи греческаго текста ихъ *ни въ какомъ случаѣ не будетъ излишнею роскошью*» (стр. VIII).

Если разсматривать намѣренія проф. Попова съ точки зрѣнія потребностей русской богословской литературы, то справедливость требуетъ сознаться, что его трудъ по изданію твореній малоизвѣстнаго писателя не только будетъ «излишнею роскошью» для нея, но и прямо напрасною тратою труда и матеріальныхъ средствъ. Въ нашей богословской литературѣ тщетно и давно ожидаютъ своихъ издателей такіе корифеи патрологической письменности, какъ свв. Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Григорій Богословъ и многіе другіе, и, конечно, съ громадною пользою для науки должны быть направлены и труды, и матеріальныя затраты скорѣе всего на изданіе твореній этихъ авторовъ. Но разъ, изданіе существуетъ въ литературѣ, критика, оставляя въ сторонѣ вопросъ о благовременности его, должна опредѣлить его научную значимость и оцѣнить по достоинству тѣ научные

пріемы, которые примѣнены были издателемъ, при выполненіи имъ задуманнаго научнаго предпріятія.

Выпуская въ свѣтъ «новую редакцію текста» аскетическаго слова бл. Діадоха, проф. Поповъ спѣшитъ предупредить своего читателя слѣдующею, по нашему мнѣнію, довольно странною оговоркою. «Аскетическое слово бл. Діадоха сохранилось въ многочисленныхъ греческихъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекахъ Россіи (въ Московской Синодальной библіотекѣ), Западной Европы и Востока. Число списковъ этого сочиненія настолько велико, что мы, заявляетъ издатель новой редакціи, *не имѣли ни времени для прочтенія всѣхъ ихъ* (sic!), ни средствъ для посѣщенія всѣхъ книгохранилищъ; впрочемъ, *въ прочтеніи всѣхъ этихъ списковъ и не было настоятельной нужды;* ибо это твореніе, какъ пользовавшееся большимъ уваженіемъ среди древнихъ и позднѣйшихъ аскетовъ, нерѣдко переписывалось ими весьма старательно; ихъ заботливости въ этомъ отношеніи обязано значительное число столь прекрасныхъ рукописей, въ сравненіи съ которыми другія, менѣе исправныя и совсѣмъ худыя, теряютъ всякое или почти всякое значеніе» (стр. XVIII). Безспорно, со стороны критики было бы большою притязательностію, если бы отъ издателя, берущаго на себя тяжелый трудъ обнародованія того или иного памятника древней отеческой письменности, она потребовала посѣщенія всѣхъ извѣстныхъ библіотекъ Востока и Запада и пересмотра въ нихъ всѣхъ имѣющихся на лицо списковъ издаваемаго въ свѣтъ творенія (Къ великому нашему утѣшенію, и въ такого рода труженикахъ недостатка нынѣ нѣтъ на Западѣ — въ Германіи и въ Англіи), но эта критика безспорно обязана учесть всѣ наличныя научныя средства издателя, чтобы дать правильную и надлежащую оцѣнку новаго труда, выпускаемаго въ свѣтъ.

«Аскетическое слово» бл. Діадоха, какъ показываетъ и его наименованіе, относится къ тому роду древне-церковной письменности, широкій кругъ читателей и списателей которой находилъ главнымъ образомъ въ средѣ иноковъ христіанскихъ обителей.

Здѣсь, въ библіотекахъ ихъ, списковъ этого слова, какъ это не безызвѣстно и г. Попову, хранится и доселѣ громадное количество. Въ библіотеки Аѳона, Патмоса, Синая и др., какъ намъ кажется, и должна была направиться научная любознательность нашего издателя прежде всего, такъ какъ здѣсь скорѣе всего могли быть разысканы списки этого слова, отличающіеся древностію, орѳографическими и каллиграфическими достоинствами, важностію и интересомъ надписаній вообще и въ частности надъ каждою главою и разнообразіемъ любопытныхъ варіантовъ и т. п. Но издатель, игнорируя совершенно библіотеки восточныхъ монастырскихъ книгохранилищъ, могъ, конечно, свою наблюдательность ограничить и списками библіотекъ М. Синодальной и Императорской Вѣнской, куда рукописи хотя и случайно, но въ большей своей части попали все же главнымъ образомъ изъ библіотекъ восточныхъ монастырей, если бы изучаемые имъ списки «новой редакціи текста» аскетическаго слова въ дѣйствительности были «столь прекрасны», что, въ сравненіи съ ними, «другія, менѣе исправныя и совсѣмъ худыя», теряли бы «всякое или почти всякое значеніе». Къ глубокому сожалѣнію, о спискахъ проф. Попова, положенныхъ имъ «въ основу напечатаннаго имъ аскетическаго слова» (стр. XX), мы этого сказать не можемъ, и на основаніи его же собственной характеристики этихъ списковъ.

«Рукопись игумена Аѳанасія, пишетъ проф. Поповъ о древнѣйшемъ спискѣ λόγος ἀσκητικός въ рукописи 899 г. Моск. Синод. библ. № 145 (184/CLV), *по двумъ причинамъ* не можетъ быть признана достаточною для возстановленія первоначальнаго состава и текста аскетическаго сочиненія бл. Діадоха. Въ ней, во-первыхъ, это сочиненіе представлено не въ полномъ составѣ, такъ какъ въ немъ нѣтъ ни ὅρι, ни слѣдующей за ними *части* (Διὰ ποίας δεῖ γνώστεως), *связующей ихъ* (sic!) *съ аскетическими главами*. Опущеніе этихъ частей сдѣлано было не игуменомъ Аѳанасіемъ, старательнымъ копировщикомъ переписанныхъ имъ сочиненій; онъ *неудачно* выбралъ рукопись, изъ которой заимствовалъ аскетическое слово бл. Діадоха, ибо современникъ Аѳа-

насія — патріархъ Фотій читалъ такую рукопись, въ которой это слово находилось въ полномъ объемѣ. Во-вторыхъ, игуменъ Аѳанасій допустилъ *много грамматическихъ ошибокъ*, большею частію неважныхъ и очевидныхъ для читателей, а *иногда искажающихъ смыслъ нѣкоторыхъ выраженій;* онѣ чаще всего проявляются въ безразличномъ употребленіи гласныхъ и двоегласныхъ; *встрѣчаются и пропуски словъ и цѣлыхъ выраженій*» (стр. XX). Такъ характеризуется издателемъ *основной текстъ* напечатаннаго имъ аскетическаго творенія бл. Діадоха.

Не выше по своимъ внутреннимъ достоинствамъ и второй древнѣйшій кодексъ — вѣнскій (cod. vindobonensis) XI—XII № 93 (158). Списокъ аскетическаго слова въ этомъ кодексѣ, по словамъ издателя, «страдаетъ такого же рода погрѣшностями, на какія указано въ первомъ» (стр. XXI) и, помимо того, имѣетъ значительный дефектъ *болѣе чѣмъ въ десять главъ*: отсутствуютъ въ рукописи главы съ конца LVI главы до половины LXVII.

Пятый кодексъ Моск. Синод. библ. № 273 (^{422}/ССLX) XVI в. содержитъ въ себѣ λόγος ἀσκητικός «въ текстѣ очень близкомъ къ тексту Филокаліи» (стр. XXII) Никодима Святогорца, слѣдовательно, для «новой редакціи» его не пригоденъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ «весьма пригодными для исправленія многочисленныхъ ошибокъ, встрѣчающихся въ кодексахъ, написанныхъ людьми малограмотными» (стр. XXII) (Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о двухъ старѣйшихъ кодексахъ — синодальномъ 899 г. и вѣнскомъ XI—XII в.), оказались подъ руками нашего издателя всего на всего только три кодекса: 1) вѣнскій № 104 (240) 1400 года, 2) московскій синодальный № 307 (^{419}/ССХСIV) XV в. и вѣнскій № 274 (237) XV в. Въ отдѣлѣ разночтеній приняты издателемъ во вниманіе еще два кодекса XVI в. Вѣнской библіотеки № 88 (159) и № 192 (234) (стр. XXIII, прим. 2). Такое ограниченное количество списковъ аскетическаго слова уже никоимъ образомъ нельзя признать достаточнымъ для «новой редакціи» его (стр. VIII), тѣмъ болѣе, что большинство этихъ списковъ позднѣйшаго времени XV—XVI

вѣковъ, т. е. того времени, къ которому относятся списки этого слова, принятые во вниманіе Никодимомъ Святогорцемъ, при изданіи имъ своей Филокаліи, жестоко осужденной проф. Поповымъ.

Но списки, положенные въ основу новаго текста аскетическаго слова бл. Діадоха, помимо отмѣченныхъ недостатковъ, оказываются неудовлетворительными, съ точки зрѣнія проф. Попова, и въ другихъ отношеніяхъ. «Ὅροι, говоритъ онъ о текстѣ этого слова въ Филокаліи Никодима Святогорца, вопреки ясному (sic), напечатанному въ этой книгѣ свидѣтельству патріарха Фотія, отдѣлены отъ аскетическихъ главъ особыми надписаніями, поставленными надъ первыми (Ὅροι τοῦ μακαρίου Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς) и вторыми (Τοῦ αὐτοῦ μακαρίου Διαδόχου) и представляющими ихъ какъ бы въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій. Замѣчаніе (?) бл. Діадоха (Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως) въ болѣе древнихъ и исправныхъ рукописяхъ, стоящее между ὅροι и главами и служащее связью между ними, опущено въ Филокаліи и замѣнено словами, встрѣчающимися въ болѣе позднихъ рукописяхъ (Κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως πνευματικῆς)» (стр. XIV в.). Присматриваясь теперь ближе къ спискамъ аскетическаго слова въ рукописяхъ, извѣстныхъ издателю, мы видимъ, что въ полномъ и желательномъ для него составѣ это слово бл. Діадоха имѣется только лишь *въ одномъ* вѣнскомъ кодексѣ XI—XII в. № 93 (158). Въ вѣнскомъ же кодексѣ 1400 г. № 104 (240) хотя и находятся всѣ составныя части слова, но въ совершенно иномъ распорядкѣ: 1) надписаніе: «Τοῦ μακαρίου Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῆς Ἠπείρου» и непосредственно «Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως»; 2) ὅροι въ количествѣ десяти; 3) второе надписаніе: «Κεφάλαια» (у Никодима Святогорца прибавлено только: πρακτικὰ) γνώσεως καὶ διακρίσεως πνευματικῆς ἑκατόν» и 4) сто главъ. Въ четырехъ остальныхъ кодексахъ изъ шести ὅροι и Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως совершенно отсутствуютъ. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія требованій проф. Попова, вполнѣ пригоднымъ для его цѣлей, если забыть на время о весьма важномъ дефектѣ въ десять главъ съ лишнимъ

и объ орѳографическихъ и другихъ погрѣшностяхъ, къ «числу прекрасныхъ рукописей, въ сравненіи съ которыми другія менѣе исправныя и совсѣмъ худыя теряютъ всякое значеніе», можно причислить *лишь одинъ вѣнскій кодексъ XI—XII в. № 93 (158)*, а этого, безъ всякаго сомнѣнія, слишкомъ недостаточно, чтобы взять на себя смѣлость издавать «новую редакцію» текста аскетическаго слова и развязно заявлять, что «въ прочтеніи всѣхъ списковъ», извѣстныхъ нынѣ въ библіотекахъ Запада и Востока, якобы «и не было настоятельной нужды» (стр. XVIII). Напротивъ, наше личное, непосредственное знакомство съ списками этого слова въ рукописяхъ библіотекъ Аѳона и Константинополя, на пространствѣ времени съ IX в.—XIX вѣкъ, убѣдило насъ въ полной несостоятельности такого самонадѣяннаго и неосновательнаго взгляда проф. Попова, допустившаго въ своихъ сужденіяхъ не мало крупныхъ промаховъ, именно благодаря только такому пренебрежительному взгляду на списки аскетическаго слова въ различныхъ библіотекахъ. То совершенно вѣрно, что λόγος ἀσκητικός «пользовалось большимъ уваженіемъ среди древнихъ и позднѣйшихъ аскетовъ, нерѣдко переписывалось ими весьма старательно» (стр. XVIII), но все это нисколько не исключало съ ихъ стороны самостоятельнаго сознательнаго отношенія (болѣе, чѣмъ отношеніе копіиста къ оригиналу) къ этому уважаемому памятнику. Разнообразныя надписанія общія и частныя въ началѣ слова и надъ каждою главою въ отдѣльности, несходныя расположенія составныхъ его частей, множество весьма существенныхъ разночтеній, иной распорядокъ главъ, иногда схоліи къ нѣкоторымъ главамъ — все это свидѣтельствуетъ объ указанномъ отношеніи древнихъ списателей этого слова и краснорѣчиво, по нашему мнѣнію, говоритъ, что игнорировать хотя бы одинъ и даже позднѣйшій списокъ его не слѣдуетъ, въ виду вполнѣ естественной возможности натолкнуться въ нихъ на весьма любопытные подробности и варіанты, которые могутъ принести громадную пользу всестороннему изученію этого труднаго для пониманія древняго аскетическаго произведенія. Чтобы читатели могли

убѣдиться въ этомъ, мы предложимъ здѣсь наши личныя наблюденія надъ списками λόγος ἀσκητικός, по рукописямъ библіотекъ Константинополя и Аѳона, выражая заранѣе глубокое сожалѣніе о томъ, что намъ не удалось изучить этотъ памятникъ въ библіотекахъ Синая, Іерусалима, Патмоса и въ другихъ мѣстахъ православнаго Востока.

I. Самый древнѣйшій IX в. списокъ аскетическаго слова бл. Діадоха находится въ библіотекѣ Лавры пр. Аѳанасія Аѳонскаго подъ № 42 Γ′[1]). Писанъ онъ превосходнымъ уніціальнымъ письмомъ. Надписаніе слова — весьма интересно и читается такъ: «Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῆς παλαιᾶς Ἠπείρου τοῦ Ἰλλυρικοῦ, κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως πνευματικά». Т. е. въ этомъ древнѣйшемъ спискѣ находимъ то самое надписаніе, которое принято Никодимомъ Святогорцемъ въ Филокаліи и которое проф. Поповымъ признано *«встрѣчающимся въ болѣе позднихъ* рукописяхъ» (стр. XIV). Ὅροι отсутствуютъ, нѣтъ и надписанія: «Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως». Стоглавъ писанъ безъ соблюденія орѳографіи, нѣтъ и знаковъ препинанія, удареній и придыханій. Особенности текста этого списка отмѣчены большею частію у проф. Попова подъ строкою.

II. Превосходный по письму и въ орѳографическомъ отношеніи списокъ слова содержитъ въ себѣ рукопись 6581=1073 г.[2]) Святогробскаго іерусалимскаго подворья въ Константинополѣ № 45 (431). Въ самомъ началѣ слова надписаніе: «Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῆς Ἠπείρου, λόγος ἀσκητικός», а въ концѣ: «Τοῦ ἁγίου Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῆς Ἠπείρου τοῦ Ἰλλυρικοῦ, λόγοι ἀσκητικοί». Составъ слова такой: 1) надписаніе, 2) ὅροι—10, 3) Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως и 4) сто главъ.

III. Въ пергаменной рукописи XII в. Аѳоно-Ватопедской библіотеки № 405 помѣщается только стоглавъ бл. Діадоха, безъ

---

1) См. снимокъ № 1 въ концѣ.

2) Въ рукописи приписка: «ἐτελειώθη ἡ βίβλος αὕτη ἰνδικτιῶνος ια′ ἔτους ,σφπα (1073), οἱ ἀναγινώσκοντες εὔχεσθε τὸν γράψαντα» (л. 91 об.).

ὅροι и Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως, съ любопытною надписью: «Τοῦ μακαρίου ἀββᾶ Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῆς Ἠπείρου τοῦ Ἰλλυρικοῦ, κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως πνευματικῆς» (Сн. ркп. IX в. Лавры пр. Аѳанасія Аѳонскаго № 42 Γ′). Надъ каждой главой, *за исключеніемъ 92*, сдѣланы особыя надписанія въ видѣ заглавій, о которыхъ особая рѣчь у насъ будетъ впереди.

IV. Λόγος ἀσκητικός въ томъ же составѣ, съ такимъ же надписаніемъ и съ подобными оглавленіями, какъ и въ предыдущемъ кодексѣ, имѣется въ пергаменной рукописи XIII в. Лавры пр. Аѳанасія Аѳонскаго № 40 Γ′[1]). Оглавленія надъ главами написаны киноварью по полямъ рукописи и имѣютъ незначительные варіанты, отмѣченные нами ниже.

V. Въ бомбицинномъ, весьма обширномъ по объему, кодексѣ Аѳоно-Ватопедской библіотеки XIII в. № 52, содержащемъ въ себѣ творенія 22-хъ церковныхъ писателей-аскетовъ, найдено нами аскетическое слово бл. Діадоха въ полномъ объемѣ съ такимъ заглавіемъ: «Τοῦ μακαρίου Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῆς Ἠπείρου Ἰλλυρικοῦ, λόγοι ἀσκητικοί, κεφάλαια ἑκατόν, ὅροι δέκα προλεγόμενοι» (Надписаніе это повторено дважды). Непосредственно за этимъ заглавіемъ слѣдуютъ ὅροι въ количествѣ десяти, далѣе новое надписаніе: «Τοῦ μακαρίου ἐπισκόπου Φωτικῆς Διαδόχου κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως πνευματικῆς ἑκατόν» и сейчасъ же «Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως» и вслѣдъ затѣмъ сто обычныхъ главъ. Текстъ слова отличается не только рѣдкою правильностію и изяществомъ письма, но и представляетъ попытку со стороны списателя, задуманную серьезно и на широкихъ началахъ, на поляхъ и надъ текстомъ свести въ одно цѣлое все существующее разнообразіе списковъ этого слова и не только въ отношеніи къ тексту его, но даже въ отношеніи ороографическихъ особенностей. Поразительный примѣръ этого рода стремленій въ этомъ кодексѣ (л. 104) можно видѣть въ 14 главѣ стоглава бл. Діадоха. Списатель, такимъ образомъ, собралъ весьма цѣн-

---

1) Фотографическій снимокъ съ рукописи см. ниже подъ № 2.

ный матеріалъ для изслѣдователя и издателя текста аскетическаго слова, и нужно весьма пожалѣть, что проф. Попову этотъ списокъ остался неизвѣстенъ. Читатели аѳоно-ватопедскаго кодекса хорошо понимали высокую цѣнность списка λόγος ἀσκητικός и въ свою очередь дополняли его комментаріями. Противъ 100 главы, возбуждавшей сомнѣніе патріарха Фотія (стр. 9), комментаторъ XV в. приписалъ въ качествѣ схоліи: «Ἐρώτησις τοῦ ἁγιωτάτου Θαλασίου πρὸς τὸν ἐν ἁγίοις Μάξιμον τὸν ὁμολογητήν».

VI. Въ рукописи Аѳоно-Ксенофской библіотеки 6822=1314 года № 36 аскетическое слово надписывается такъ: «Τοῦ ἁγίου Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῆς Ἠπείρου τοῦ Ἰλλυρικοῦ, κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως πνευματικῆς ἑκατόν. Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως», κ. τ. λ. За этимъ надписаніемъ слѣдуютъ ὅροι ι′ προλεγόμενοι и далѣе непосредственно сто главъ съ надписаніями надъ каждой главой, не исключая и 92 главы. Въ надписаніяхъ, какъ это указано будетъ ниже, встрѣчаются значительные варіанты сравнительно съ рукописями Аѳоно-Ватопедской библіотеки XIII № 405 и XII в. Лавры преп. Аѳанасія Аѳонскаго № 40 Γ′. Въ текстѣ слова тоже не мало весьма важныхъ варіантовъ, не извѣстныхъ проф. Попову.

VII. Въ рукописи Аѳоно-Ватопедской библіотеки XV в. № 369 стоглавъ блаж. Діадоха безъ ὅροι и Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως и надписывается слѣдующимъ образомъ: «Τοῦ μακαρίου Διαδόχου λόγοι ἀσκητικοί, κεφάλαια ἑκατόν». Текстъ обычный.

VIII. Слово аскетическое въ рукописи XV в. Аѳоно-Иверской библіотеки № 365 полнаго состава и надписывается такъ: «Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτιστικῆς (sic) τῆς Ἠπείρου, ἀπόδειξις ὅρων καὶ λόγος ἀσκητικὸς τοῖς ἀκριβὲς σπεύδουσιν». Текстъ полонъ весьма важныхъ варіантовъ не только въ стоглавѣ, но даже и въ ὅροι.

IX. Рукопись XV в. библіотеки Лавры пр. Аѳанасія Аѳонскаго № 85 Ω′ заключаетъ въ себѣ полный текстъ λόγος ἀσκητικός съ надписью: «Τοῦ ἁγίου Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς Ἠπείρου τοῦ Ἰλλυρικοῦ, λόγοι ἀσκητικοί, φημί δη κεφάλαια ἑκατὸν πάνυ ὠφε-

λιμα», слѣдующей послѣ ὅροι и Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως. Распорядокъ главъ въ стоглавѣ нѣсколько иной: 22 глава слита съ 21 главою, въ силу чего и счетъ главъ съ 22 главы на единицу ниже противъ обычнаго и только лишь 45 глава, раздѣленная на двѣ главы 45 и 46, возстановляетъ обычный порядокъ въ счетѣ стоглава.

X. Въ рукописи XV в. Аѳоно-Ватопедской библіотеки № 243, какъ показываетъ и надписаніе: «Ἐκ τῶν κεφαλαίων[1]) τοῦ μακαρίου ἀββᾶ Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῆς Ἠπείρου τοῦ Ἰλλυρικοῦ», имѣются только извлеченія изъ стоглава бл. Діадоха, а именно: главы 31—33, 57—59 и 85—88 (л. 235—237). Въ этой рукописи находимъ и «Τοῦ ἁγίου Διαδόχου καθιερωτήσεις καὶ ἀποκρίσεις», надписываемые въ другихъ кодексахъ: «Διάλογος σχολαστικοῦ τινὸς πρὸς Συμεὼν τὸν νέον θεολόγον» (ркп. Святогробскаго подворья въ Константинополѣ XVI в. № 303 (55) л. 242—244 и ркп. XVII в. Аѳоно-Діонисіатской библ. № 278 л. 36—40).

XI. Въ рукописи XV—XVI в. Лавры преп. Аѳанасія Аѳонскаго № 124 Κ′, слово аскетическое предваряется ὅροι безъ Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως и подписывается просто: «Τοῦ ἀββᾶ Διαδόχου».

XII. Кодексъ 7018=1510 г. № 1337 Аѳоно-Иверской библ. содержитъ въ себѣ извлеченія изъ стоглава блаж. Діадоха въ такомъ порядкѣ: 1—2, 16, 18, 28, 31—40, 47—53, 70, 73, 76—77, 84—85, 94, 96—100 съ надписаніемъ: «Ἐκ τῶν τοῦ ἁγίου ἀββᾶ Διαδόχου τῶν ἀσκητικῶν λόγων τῶν ρ′ κεφαλαίων».

XIII. Одинъ стоглавъ безъ ὅροι и Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως имѣется въ рукописи XVI—XVII в. библіотеки Лавры пр. Аѳанасія Аѳонскаго № 128 Κ′, Надписаніе его слѣдующее: «Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῆς παλαιᾶς Ἠπείρου, κεφάλαια ἀσκητικά ρ′».

XIV. Въ рукописи той же лавры XVIII в. № 121 Γ′ имѣют-

---

1) Намъ извѣстно еще подобное извлеченіе изъ слова въ рукописи XV—XVI в. Лавры пр. Аѳанасія Аѳонскаго № 122 Ω′. Здѣсь содержатся слѣдующія главы и въ такомъ порядкѣ: 59, 16, 17, 12—15, 24—25, 21, 23, 89—91.

ся: 1) «Τοῦ μακαρίου Διαδόχου ὅροι», 2) Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῆς παλαιᾶς Ἠπείρου τοῦ Ἰλλυρικοῦ, κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως. Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως κ. τ. λ. и 3) сто главъ, о которыхъ замѣчается: ἐν τῇ Φιλοκαλίᾳ δὲ ὂν, οὐκ ἔγραψα ἐνταῦθα.

XV. Въ библіотекѣ русскаго Аѳоно-Пантелеимоновскаго монастыря подъ № 791 [1]) мы натолкнулись на любопытныя черновыя работы по изданію аскетическихъ твореній св. отцовъ извѣстнаго греческаго ученаго дидаскала и іерокирикса Великой константинопольской церкви Дороѳея Вулизмы, скончавшагося въ концѣ первой четверти истекшаго XIX столѣтія. Тетрадь мелкаго убористаго письма и довольно значительнаго объема носитъ такое надписаніе: «Ἀββαδικὰ διάφορα, ἐν οἷς καὶ τὸ περὶ νηστείας καὶ ἕτερα». Здѣсь на лл. съ 113 — 144 рукою Дороѳея Вулизмы помѣчено: 1) «Ἐκ τοῦ πρώτου κώδικος τῆς καισαρικῆς βιβλιοθήκης· Ἀσκητικὸν τοῦ ἁγίου Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῶν Ἠπείρων и 2) Ἐκ τοῦ γ΄ κώδικος ἐπιγραφὴ τῆς καισαρικῆς βιβλιοθήκης, ,αψπγ΄ αὐγούστῳ. Τοῦ μακαρίου Διαδόχου, ἐπισκόπου φωτιστικῆς τῆς παλαιᾶς Ἠπείρου, κεφάλαια φωτιστικὰ ρ΄». На основаніи этихъ замѣчаній и путемъ сличеній текстовъ настоящей тетради съ напечатанными у проф. Попова, мы пришли къ несомнѣнному убѣжденію, что о. Вулизма ранѣе проф. Попова на цѣлое столѣтіе съ лишнимъ трудился надъ изданіемъ въ свѣтъ произведеній бл. Діадоха и *въ августѣ мѣсяцѣ 1783 года* въ Императорской Вѣнской библіотекѣ отмѣчалъ варіанты въ свою тетрадь по двумъ кодексамъ № 93 (158) XI—XII в. и № 193 (234) XVI в., которые были подъ руками и у проф. Попова (стр. XX—XXI, XXIII, прим. 2). Изъ варіантовъ о. Дороѳея Вулизмы обнаружилось, что въ его время древнѣй-

---

1) Объ этой тетради и слѣдующей за нею № 168 мы узнали изъ рукописи Аѳоно-Пантелеимоновской библ. № 516, содержащей въ себѣ подробный перечень всѣхъ тетрадей и писемъ, оставшихся послѣ смерти о. Дороѳея Вулизмы. Въ этомъ перечнѣ прямо говорится: «Διαδόχου μετὰ δύο τοῦ αὐτοῦ πατρὸς τετράδια κεφάλαια ἀνεγέγραπται, μεθ' ἃ γραφικαί (Sic) τε καὶ πατρικά».

шій вѣнскій кодексъ XI в. не имѣлъ еще дефекта. Откуда взятъ о. Дороѳеемъ основной текстъ творенія бл. Діадоха, этого опредѣлить намъ не удалось.

Λόγος ἀσκητικός въ тетради о. Вулизмы получило наименованіе: «Ἐκ τῶν κεφαλαίων τοῦ μακαρίου Διαδόχου, ἐπισκόπου Φοτικῆς τῆς Ἠπείρου, οὐ καὶ οἱ δέκα οὗτοι ὅροι» и на самомъ дѣлѣ представляетъ лишь извлеченіе изъ него нѣкоторыхъ главъ, съ опущеніемъ главъ: 20, 26—35, 49—51, 61, 67—69, 71—72, 74, 83—84. Главы 90 и 91 слиты въ одну въ такомъ видѣ: «ἔχειν τὴν ἁγίαν ἀγάπην, ὡς τε μετὰ τὸ ἐλθεῖν εἰς τὴν τοιαύτην ἕξιν καὶ αἴσθησιν κ. τ. λ». Въ 98 главѣ заключительныя слова почему-то отсутствуютъ.

XVI. Во второй тетради о. Дороѳея Вулизмы подъ № 168 той же библіотеки имѣется начисто переписанный текстъ λόγος ἀσκητικός въ количествѣ лишь первыхъ 65 главъ. На поляхъ указаны варіанты изъ другихъ рукописей: ἐν ἑτ(έροις), но безъ обозначенія ихъ буквами β′ и γ′, какъ въ первой тетради.

На основаніи изученія этихъ, все же сравнительно немногочисленныхъ, списковъ λόγος ἀσκητικός бл. Діадоха въ библіотекахъ Константинополя и Аѳона, даже съ присоединеніемъ сюда списковъ, бывшихъ подъ руками издателя «новой редакціи» этого памятника, мы затруднились бы сказать хотя бы и объ одномъ изъ нихъ, что во внимательномъ «прочтеніи» его для насъ «не было настоятельной нужды». Напротивъ, изъ представленнаго краткаго обозрѣнія «прочитанныхъ» нами кодексовъ ясно видно, что каждый изъ списковъ λόγος ἀσκητικός, помимо новыхъ многочисленныхъ и весьма любопытныхъ варіантовъ, даетъ не мало цѣнныхъ данныхъ относительно надписаній, состава и распорядка.

Надписаніе: «Κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως πνευματικῆς» встрѣчается чаще въ лучшихъ и древнѣйшихъ спискахъ аскетическаго слова (IX в. ркп. Лавры пр. Аѳанасія № 42 Γ′; 1073 г. ркп. Свят.-гроб. библ. въ Константинополѣ № 45 (431); XIII в. ркп. Аѳоно-Ватоп. библ. № 52; 1314 г. ркп. Аѳоно-Ксеноф. № 36 и др.), а не такъ, какъ думаетъ проф. Поповъ,

ся: 1) «Τοῦ μακαρίου Διαδόχου ὅροι», 2) Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῆς παλαιᾶς Ἠπείρου τοῦ Ἰλλυρικοῦ, κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως. Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως κ. τ. λ. и 3) сто главъ, о которыхъ замѣчается: ἐν τῇ Φιλοκαλίᾳ δὲ ὄν, οὐκ ἔγραψα ἐνταῦθα.

XV. Въ библіотекѣ русскаго Аѳоно-Пантелеимоновскаго монастыря подъ № 791 [1]) мы натолкнулись на любопытныя черновыя работы по изданію аскетическихъ твореній св. отцовъ извѣстнаго греческаго ученаго дидаскала и іерокирикса Великой константинопольской церкви Дороѳея Вулизмы, скончавшагося въ концѣ первой четверти истекшаго XIX столѣтія. Тетрадь мелкаго убористаго письма и довольно значительнаго объема носитъ такое надписаніе: «Ἀββαδικὰ διάφορα, ἐν οἷς καὶ τὸ περὶ νηστείας καὶ ἕτερα». Здѣсь на лл. съ 113 — 144 рукою Дороѳея Вулизмы помѣчено: 1) «Ἐκ τοῦ πρώτου κώδικος τῆς καισαρικῆς βιβλιοθήκης· Ἀσκητικὸν τοῦ ἁγίου Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῶν Ἠπείρων и 2) Ἐκ τοῦ γ΄ κώδικος ἐπιγραφὴ τῆς καισαρικῆς βιβλιοθήκης, ͵αψπγ΄ αὐγούστῳ. Τοῦ μακαρίου Διαδόχου, ἐπισκόπου φωτιστικῆς τῆς παλαιᾶς Ἠπείρου, κεφάλαια φωτιστικὰ ρ΄». На основаніи этихъ замѣчаній и путемъ сличеній текстовъ настоящей тетради съ напечатанными у проф. Попова, мы пришли къ несомнѣнному убѣжденію, что о. Вулизма ранѣе проф. Попова на цѣлое столѣтіе съ лишнимъ трудился надъ изданіемъ въ свѣтъ произведеній бл. Діадоха и *въ августѣ мѣсяцѣ 1783 года* въ Императорской Вѣнской библіотекѣ отмѣчалъ варіанты въ свою тетрадь по двумъ кодексамъ № 93 (158) XI—XII в. и № 193 (234) XVI в., которые были подъ руками и у проф. Попова (стр. XX—XXI, XXIII, прим. 2). Изъ варіантовъ о. Дороѳея Вулизмы обнаружилось, что въ его время древнѣй-

---

1) Объ этой тетради и слѣдующей за нею № 168 мы узнали изъ рукописи Аѳоно-Пантелеимоновской библ. № 516, содержащей въ себѣ подробный перечень всѣхъ тетрадей и писемъ, оставшихся послѣ смерти о. Дороѳея Вулизмы. Въ этомъ перечнѣ прямо говорится: «Διαδόχου μετὰ δύο τοῦ αὐτοῦ πατρὸς τετράδια κεφάλαια ἀνεγέγραπται, μεθ' ἃ γραφικαί (Sic) τε καὶ πατρικά».

шій вѣнскій кодексъ XI в. не имѣлъ еще дефекта. Откуда взятъ о. Дороѳеемъ основной текстъ творенія бл. Діадоха, этого опредѣлить намъ не удалось.

Λόγος ἀσκητικός въ тетради о. Вулизмы получило наименованіе: «Ἐκ τῶν κεφαλαίων τοῦ μακαρίου Διαδόχου, ἐπισκόπου Φοτικῆς τῆς Ἠπείρου, οὗ καὶ οἱ δέκα οὗτοι ὅροι» и на самомъ дѣлѣ представляетъ лишь извлеченіе изъ него нѣкоторыхъ главъ, съ опущеніемъ главъ: 20, 26—35, 49—51, 61, 67—69, 71—72, 74, 83—84. Главы 90 и 91 слиты въ одну въ такомъ видѣ: «ἔχειν τὴν ἁγίαν ἀγάπην, ὡς τε μετὰ τὸ ἐλθεῖν εἰς τὴν τοιαύτην ἕξιν καὶ αἴσθησιν κ. τ. λ». Въ 98 главѣ заключительныя слова почему-то отсутствуютъ.

XVI. Во второй тетради о. Дороѳея Вулизмы подъ № 168 той же библіотеки имѣется начисто переписанный текстъ λόγος ἀσκητικός въ количествѣ лишь первыхъ 65 главъ. На поляхъ указаны варіанты изъ другихъ рукописей: ἐν ἑτ(έροις), но безъ обозначенія ихъ буквами β′ и γ′, какъ въ первой тетради.

На основаніи изученія этихъ, все же сравнительно немногочисленныхъ, списковъ λόγος ἀσκητικός бл. Діадоха въ библіотекахъ Константинополя и Аѳона, даже съ присоединеніемъ сюда списковъ, бывшихъ подъ руками издателя «новой редакціи» этого памятника, мы затруднились бы сказать хотя бы и объ одномъ изъ нихъ, что во внимательномъ «прочтеніи» его для насъ «не было настоятельной нужды». Напротивъ, изъ представленнаго краткаго обозрѣнія «прочитанныхъ» нами кодексовъ ясно видно, что каждый изъ списковъ λόγος ἀσκητικός, помимо новыхъ многочисленныхъ и весьма любопытныхъ варіантовъ, даетъ не мало цѣнныхъ данныхъ относительно надписаній, состава и распорядка.

Надписаніе: «Κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως πνευματικῆς» встрѣчается чаще въ лучшихъ и древнѣйшихъ спискахъ аскетическаго слова (IX в. ркп. Лавры пр. Аѳанасія № 42 Γ′; 1073 г. ркп. Свят.-гроб. библ. въ Константинополѣ № 45 (431); XIII в. ркп. Аѳоно-Ватоп. библ. № 52; 1314 г. ркп. Аѳоно-Ксеноф. № 36 и др.), а не такъ, какъ думаетъ проф. Поповъ,

считая его принадлежностію «болѣе *позднихъ рукописей*» (стр. XIV). Это простое и удобопонятное надписаніе несомнѣнно замѣнило другое, болѣе сложное, вышедшее изъ рукъ составителя аскетическаго слова: «Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως», которое въ цѣломъ видѣ, по нашему переводу, читается такъ: «Какимъ, по водительству Господню, вѣдѣніемъ надлежитъ намъ достигать предъявленнаго совершенства, чтобы каждый изъ насъ произрастилъ, по образу евангельской притчи, сѣмя слова?» (у Попова стр. 21—22). Иногда аскетическое слово бл. Діадоха не имѣетъ и никакого надписанія (см. № 1 фотолитографическій снимокъ у проф. Попова).

Составъ слова не одинаковъ. «На первомъ мѣстѣ, пишетъ проф. Поповъ о λόγος ἀσκητικός, поставляется блаженнаго Діадоха, епископа Фотики, что въ Эпирѣ Иллирійскомъ слово аскетическое, заключающее въ себѣ, по замѣчанію Фотія, *введеніе, состоящее* изъ десяти краткихъ главъ или опредѣленій, краткое *замѣчаніе* о способѣ достиженія духовнаго плодоношенія по образу евангельской притчи (п. Фотій ни слова не говоритъ объ этомъ замѣчаніи) и *сто главъ*» (стр. IX). «*Замѣчаніе* (Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως), по наблюденіямъ проф. Попова, въ болѣе *древнихъ и исправныхъ рукописяхъ* (не худо бы перечислить ихъ), стоящее между ὅροι и главами и служащее связью между ними, опущено въ Филокаліи» (стр. XIV). Въ рукописи 899 года, М. Синод. библ. № 145 ($^{184}/_{CLV}$), самой древней изъ извѣстныхъ проф. Попову, «это сочиненіе (λόγος ἀσκητικός) представлено не въ полномъ составѣ, такъ какъ въ немъ нѣтъ ни ὅροι, *ни слѣдующей за ними части* (Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως), связующей ихъ съ аскетическими главами» и что, по его словамъ, «патріархъ Фотій читалъ такую рукопись, въ которой это слово находилось въ полномъ объемѣ» (стр. XX), т. е. со всѣми указанными проф. Поповымъ частями. «Особенностію этого кодекса, говоритъ проф. Поповъ о вѣнскомъ кодексѣ 1400 года № 104 (240), по отношенію къ аскетическому сочиненію бл. Діадоха, служитъ то, что въ немъ *третья часть* (Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως) *сочиненія* поставлена на

Что же касается надписанія: «Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως», то оно при стоглавѣ встрѣчается значительно рѣже, чѣмъ другое, болѣе краткое и болѣе удобное для запоминанія: «Κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως πνευματικῆς», которое мы находимъ даже чаще въ спискахъ болѣе древняго времени, чѣмъ позднѣйшихъ. Нерѣдко это послѣднее надписаніе замѣняется еще болѣе краткимъ: «λόγος ἀσκητικός» и «λόγοι ἀσκητικοί». Списковъ, содержащихъ въ себѣ аскетическое слово бл. Діадоха съ ὅροι, Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως и стоглавомъ, сравнительно мало.

III.

Надписанія къ ста главамъ аскетическаго слова блаженнаго Діадоха.

Весьма ограниченнымъ кругозоромъ наблюденій надъ списками аскетическаго слова бл. Діадоха слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, объяснять и довольно поверхностное отношеніе издателя «новой редакціи» къ надписаніямъ надъ каждою главою стоглава. Такъ какъ «во всѣхъ поименованныхъ (т. е. въ книгѣ) и другихъ извѣстныхъ намъ (но почему-то замолченныхъ) греческихъ рукописяхъ нѣтъ, говоритъ проф. Поповъ, надъ аскетическими главами *надписаній, указывающихъ на содержаніе каждой главы*», то, при изданіи λόγος ἀσκητικός бл. Діадоха, «греческія надписанія онъ извлекъ изъ анонимныхъ схолій, находящихся въ Оксфордской рукописи XII в. (Cod. Laudianus № 84)» (стр. XXIII—XXIV). Извѣстныя въ наукѣ надписанія, по латинскому тексту аскетическаго слова бл. Діадоха, въ изданіи XVI в. Турріана нашъ издатель игнорировалъ совершенно, такъ какъ, по его мнѣнію, «можно сомнѣваться въ греческомъ происхожденіи этихъ надписаній» (стр. XXIV).

Важность такого рода надписаній сознавали и другіе изда-

тели и переводчики [1]) аскетическаго слова, такъ какъ они, по словамъ покойнаго епископа Θеофана, «не мало будутъ способствовать къ уразумѣнію и запоминанію премудраго ученія бл. Діадоха» (Добротолюбіе въ русскомъ перев., изд. Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ М. 1899, стр. 11, прим.). И хотя нашъ покойный ученый затворникъ и знатокъ аскетической письменности и заподозрилъ греческое происхожденіе надписаній въ Турріановскомъ изданіи аскетическаго слова и назвалъ ихъ «придуманными латинскимъ переводчикомъ» (тамъ же), тѣмъ не менѣе въ своемъ «Добротолюбіи» онъ воспользовался именно этими надписаніями. Попытку проф. Попова позаимствовать надписанія надъ главами изъ Оксфордской рукописи XII в. № 84 у анонима, сомнѣвающагося даже въ существованіи Діадоха, какъ исторически опредѣленнаго лица (стр. IV и прим. и стр. 529), нельзя ни въ какомъ случаѣ признать удачною. Отъ этихъ надписаній анонима «новая редакція» аскетическаго слова бл. Діадоха скорѣе проиграла въ своемъ научномъ достоинствѣ, чѣмъ выиграла, такъ какъ соединены въ одно цѣлое предметы не одинаковой цѣнности [2]) и научной значимости.

Болѣе разностороннее знакомство со списками аскетическаго слова бл. Діадоха, нѣсколько болѣе широкій горизонтъ наблюденій, чѣмъ какой отмежевалъ себѣ проф. Поповъ, вмѣстѣ съ опасеніемъ пройти невниманіемъ хотя бы и одинъ предлежащій на пути списокъ этого творенія, къ какому бы времени онъ ни

---

1) Въ ркп. XVI в. Соловецкой библ. № 531 (202) главы бл. Діадоха 36 и 37 надписываются: «о сонномъ видѣніи», глав. 42 — «о воздержаніи», гл. 47 — «о постѣ», 48 — «о піанствѣ», 52 — «о иже въ бани мытися», 53 — «о врачехъ» (Описан. ркп. Солов. монаст., находящихся въ библ. Казан. дух. Академіи. Каз. 1885, ч. II, стр. 259). Въ ркп. XVII в. М. Синод. библ. № 459, по словамъ проф. Попова, «надписанія буквально сходны съ тѣмъ, что въ этомъ отношеніи находится въ Турріановомъ латинскомъ переводѣ аскетическаго творенія бл. Діадоха» (стр. XXIV).

2) Какъ назвали бы издательскій подвигъ, если бы кому-нибудь изъ почитателей графа Л. Н. Толстого пришла нелѣпая мысль главы обычнаго Евангелія (въ русскомъ Синодальномъ переводѣ) надписать оглавленіями изъ мнимаго евангелія этого маститаго корифея русской литературы?

относился по своему происхожденію, избавили бы его отъ указанной неестественной операціи и привели бы къ результатамъ инымъ и для науки весьма не безразличнымъ. Въ рукописяхъ аѳонскихъ библіотекъ за свой трудъ, сверхъ ожиданія, мы пріятно были вознаграждены нахожденіемъ даже *трехъ списковъ* надписаній надъ главами аскетическаго слова бл. Діадоха. Въ рукописи XIII в. Лавры пр. Аѳанасія Аѳонскаго № 40 Γ′ *надписанія* къ главамъ сдѣланы киноварью по полямъ рукописи, въ ркп. XII в. Аѳоно-Ватопедской библ. № 405 тѣ же надписанія съ незначительными варіантами помѣщены въ текстѣ рукописи надъ самыми главами, а въ ркп. 1314 г. Аѳоно-Ксенофской библіотеки № 36 мы нашли *новый и полный списокъ* надписаній и уже съ значительными варіантами противъ первыхъ двухъ. Названныя нами рукописи со всею очевидностью показали намъ, какихъ богатыхъ научныхъ результатовъ можетъ ожидать изслѣдователь въ данномъ направленіи, если онъ, оставивъ высокомѣріе («въ прочтеніи всѣхъ списковъ и не было настоятельной нужды») и вооружившись терпѣніемъ, направитъ свою научную пытливость въ библіотеки, напр., Патмоса, Іерусалима, Синая и др. Но, направляя въ эту сторону будущихъ издателей и изслѣдователей аскетическихъ твореній бл. Діадоха, мы считаемъ полезнымъ для читателей книги проф. Попова, интересующихся аскетическою письменностію, и въ интересахъ науки вообще издать теперь же полный текстъ открытыхъ нами въ греческихъ рукописяхъ надписаній къ ста главамъ бл. Діадоха, съ указаніемъ важнѣйшихъ варіантовъ, по выше названнымъ аѳонскимъ рукописямъ, и съ отмѣткою наиболѣе несоотвѣтствующихъ имъ надписаній у схоліаста XII в. въ такомъ видѣ: «См. у Попова стр. такая-то». Параллельно съ греческимъ текстомъ мы даемъ и русскій переводъ этихъ надписаній.

κεφ. α′	глав. I
Περὶ πίστεως, ἐλπίδος καὶ ἀγάπης.	О вѣрѣ, надеждѣ и любви.

κεφ. β′	глав. II
Τί τὸ φύσει ἀγαθόν, καὶ τί τὸ ἐξ ἐπιμελείας; см. у Попова стр. 23.	Что такое благо по природѣ, и что такое благо въ силу старанія?
κεφ. γ′	глав. III
Ὅτι οὐκ ἔστι φύσει τὸ κακόν.	О томъ, что зла по природѣ не существуетъ.
κεφ. δ′	глав. IV
Τί ἐστι κατ' εἰκόνα καὶ τί ἐστι[1]) τὸ καθ' ὁμοίωσιν;	Что значитъ по образу и что означаетъ бытіе по подобію?
κεφ. ε′	глав. V
Τί ἐστι τὸ αὐτεξούσιον;	Что такое самовластіе?
κεφ. ς′	глав. VI
Τί ἐστι τὸ φῶς γνώσεως ἀληθινῆς. См. у Попова стр. 26.	Что такое свѣтъ истиннаго вѣдѣнія?
κεφ. ζ′	глав. VII
Τί ἐστιν ἐν ἐνεργείᾳ[2]) τοῦ πνευματικοῦ λόγου; см. у Попова стр. 27.	Какое дѣйствіе (или Что заключается въ дѣйствіи) духовнаго слова?
κεφ. η′	глав. VIII
Πῶς δεῖ προσιέναι τοῖς πνευματικοῖς θεωρήμασιν; см. у Попова стр. 29.	Какъ должно приступать къ духовнымъ разсужденіямъ?
κεφ. θ′	глав. IX
Τίς ἡ τῶν ἐνεργειῶν τοῦ Πνεύματος διαφορά; см. у Попова стр. 30.	Какое различіе дѣйствій (Святого) Духа?
κεφ. ι′	глав. X
Οἵους ἡμᾶς χρὴ εἶναι κατὰ τὸν[3]) καιρὸν τῶν παθῶν; см. у Попова стр. 32.	Каковы мы должны быть во время страстей?

1) Въ указаніи разночтеній мы три рукописи будемъ цитовать просто подъ ихъ номерами. № 40 ἐστί — нѣтъ. 2) № 36 читается такъ: Τίς ἡ ἐνέργεια.
3) Тамъ же нѣтъ члена τόν.

κεφ. ια΄

Ὅτι ἡ κενοδοξοῦσα ψυχὴ οὐκ ἔχει λόγον ταπεινόν[1]). См. у Попова стр. 33.

глав. XI

О томъ, что тщеславная душа не имѣетъ смиреннаго слова.

κεφ. ιβ΄

Περὶ ἀγάπης καὶ ὅτι ὁ ἀγαπῶν τὸν Θεὸν κατὰ Ἰωάννην ἐστὶ τὸν Βαπτιστήν. См. у Попова стр. 34.

глав. XII

О любви и о томъ, что любящій Бога подобенъ Іоанну Крестителю.

κεφ. ιγ΄

Περὶ ἀνδρὸς τὸν Θεὸν ἀγαπῶντος. См. у Попова стр. 36.

глав. XIII

О мужѣ, любящемъ Бога.

κεφ. ιδ΄

Τί ἐστιν[2]) ὁ ὑπὸ τοῦ Θεοῦ ἐγνωσμένος; см. у Попова стр. 38.

глав. XIV

Что значитъ: познанный Богомъ?

κεφ. ιε΄

Ὅτι ὁ ἀγαπῶν καθαρῶς τὸν Θεόν, ἀγαπᾷ καὶ τὸν πλησίον. См. у Попова стр. 39.

глав. XV

О томъ, что любящій Бога неподдѣльно, любитъ и своего ближняго.

κεφ. ις΄

Πῶς ἀγαπήσει (τίς[3]) τὸν Θεόν, καὶ τί φόβος καὶ ἀγάπη;

глав. XVI

Какимъ образомъ нѣкто будетъ любить Бога, и что такое страхъ и любовь?

κεφ. ιζ΄

Ὅτι τοῦ φόβου τοῦ Θεοῦ ἡ ψυχὴ δι' ἐπιμελείας αἰσθάνεται.

глав. XVII

О томъ, что душа ощущаетъ страхъ Божій путемъ тщательнаго старанія.

κεφ. ιη΄

Πῶς ἀγαπήσει τίς τὸν Θεὸν καὶ βδελύξεται τὸν διάβολον; см. у Попова стр. 46.

глав. XVIII

Какимъ образомъ нѣкто будетъ любить Бога и гнушаться діавола?

---

1) ταπεινόν замѣнено πνευματικόν. 2) Нѣтъ этого слова. 3) Прибавлено это слово.

κεφ. ιθ΄

Τί ἴδιον ψυχῆς καθαρᾶς;

глав. XIX

Каково свойство чистой души?

κεφ. κ΄

Ποία πίστις καὶ ποῖον ἔργον οὐκ ἀποδοκιμάζονται[1]); См. у Попова стр. 48.

глав. XX

Какая вѣра и какое дѣло не отвергаются?

κεφ. κα΄

Τίς γνησίως πιστεύει καὶ ἐργάζεται; См. у Попова стр. 48.

глав. XXI

Кто искренно вѣруетъ и трудится?

κεφ. κβ΄

Πῶς δεῖ θεωρεῖν (τὴν[2]) πίστιν; См. у Попова стр. 49.

глав. XXII

Какимъ образомъ должно изслѣдовать вѣру?

κεφ. κγ΄

Πῶς γνησίως νοηθήσεται[3]) ὁ πιστός; См. у Попова стр. 53.

глав. XXIII

Какимъ образомъ будетъ узнанъ искренно вѣрующій?

κεφ. κδ΄

Πῶς ἕλκεται ὁ γευσάμενος τῆς γλυκύτητος[4]) τοῦ Θεοῦ; См. у Попова стр. 63.

глав. XXIV

Какимъ образомъ привлекается вкусившій Божественной сладости?

κεφ. κε΄

Ὅτι ἡ μία λογικὴ οὐσία[5]) εἰς δύο διῃρέθη διὰ τῆς παραβάσεως.

глав. XXV

О томъ, что единая разумная сущность чрезъ грѣхопаденіе раздвоилась.

κεφ. κς΄

Ὅτι χρὴ τὸν διακρίνειν[6]) θέλοντα λογισμοὺς ἀτάραχον[7]) εἶναι. См. у Попова стр. 67.

глав. XXVI

О томъ, что слѣдуетъ быть невозмутимымъ желающему различать помыслы.

κεφ. κζ΄

Πῶς καὶ τὰ λεπτὰ τῶν ἁμαρτημάτων ἐπιγνώσεται τίς; См. у Попова стр. 84.

глав. XXVII

Какимъ образомъ и кто будетъ познавать малое изъ своихъ прегрѣшеній?

---

1) ἀποδοκιμάζεται. 2) Прибавленъ членъ. 3) γνωσθήσεται. 4) χρηστότητος. 5) ἡμῶν αἴσθησις. 6) διακρίναι. 7) λογισμὸν ἀτάραχον.

κεφ. κη′	глав. XXVIII
Πῶς καθαρισθήσεται ὁ νοῦς;	Какимъ образомъ будетъ очищаться умъ?
κεφ. κθ′	глав. XXIX
Περὶ αἰσθήσεως. См. у Попова стр. 92.	О чувствѣ.
κεφ. λ′	XXX
Τί ἐστιν αἴσθησις τοῦ νοῦ;	Что такое чувство разума?
κεφ. λα′	глав. XXXI
Πότε καὶ πῶς ἀπέρχεται[1]) τοῖς ἀγωνισταῖς ὁ διάβολος; См. у Попова стр. 97.	Когда и какимъ образомъ удаляется діаволъ отъ подвижниковъ?
κεφ. λβ′	глав. XXXII
Γνῶσις πνευματικὴ[2]) διακρίσεως καὶ ἀγάπης δαιμονιώδους. См. у Попова стр. 99.	Вѣдѣніе духовнаго разсужденія и демонической любви.
κεφ. λγ′	глав. XXXIII
Σκοπεῖν[3]) δεῖ, οἵα ἡ τοῦ Πνεύματος[4]) παράκλησις.	Должно наблюдать, какое утѣшеніе отъ Духа (Святого).
κεφ. λδ′	глав. XXXIV
Τίς ἡ διαφορὰ φυσικῆς καὶ πνευματικῆς ἀγάπης; См. у Попова стр. 111.	Какое различіе между плотскою любовью и духовною?
κεφ. λε′	глав. XXXV
Ὅτι τῶν κακῶν ἡ πνευματικὴ ἀγάπη κοιμιτική ἐστιν. См. у Попова стр. 112.	О томъ, что духовная любовь чужда всѣхъ золъ.
κεφ. λς′	глав. XXXVI
Ὅτι οὐ δεῖ τὸν ἀσκητὴν ἐλπίζειν αἰσθητῶς βλέπειν (τί)[5]) τῶν ἐπουρανίων. См. у Попова стр. 114.	О томъ, что аскету не слѣдуетъ надѣяться видѣть чувственно нѣчто изъ небеснаго.

1) ἐπέρχεται. 2) πνευματικῆς. Въ переводѣ мы держимся этого варіанта. 3) Нѣтъ: σκοπεῖν δεῖ. 4) Прибавлено: ἁγίου. Ркп. № 40 имѣетъ эту же прибавку. 5) Взято нами изъ Ксеноф. код. № 36, какъ необходимое дополненіе.

κεφ. λζ′

Διάκρισις καλῶν καὶ φαύλων ὀνείρων.

глав. XXXVII

Распознаваніе сновъ хорошихъ и дурныхъ.

κεφ. λη′

Ὅτι καλὸν μηδεμίᾳ ὅλως πείθεσθαι ὁράσει. См. у Попова стр. 123.

глав. XXXVIII

О томъ, что хорошо совершенно не вѣрить ни одному видѣнію.

κεφ. λθ′

Παράδειγμα τοῦτο. См. у Попова стр. 124.

глав. XXXIX

Доказательство этого.

κεφ. μ′

Οἵα ἐστὶν ἡ ὑπὸ τοῦ Θεοῦ ἐνεργουμένη ψυχή[1]), καὶ ὅτι οὐ δεῖ προσέχειν ὁράσεις, ἀλλ' ἀγαπᾷν τὸν Θεόν. См. у Попова стр. 125.

глав. XL

Какая душа воздѣйствуется Богомъ, и о томъ, что не должно обращать вниманія на видѣнія, но слѣдуетъ любить Бога.

κεφ. μα′

Ὅτι[2]) ἡ ὑπακοὴ ἀρίστη τοῖς εἰσαγωγικοῖς.

глав. XLI

О томъ, что послушаніе превосходнѣйшая (добродѣтель) для вступающихъ (въ монастырь).

κεφ. μβ′

Ὅτι περιεκτικὴν ἐγκράτειαν ὀφείλει ἔχειν ὁ σωτηρίας ἐπιμελούμενος.

По ркп. № 36: Ὅτι οὐκ ἐγκρατής, ὁ μὴ πάντα ἐγκρατευόμενος, καὶ τίς ἡ ἀσχημοσύνη τοῦ τοιούτου. См. у Попова стр. 132.

глав. XLII

О томъ, что заботящемуся о спасеніи должно имѣть совершенное воздержаніе.

О томъ, что невоздержный тотъ, кто невоздержанъ во всемъ, и какое безобразіе въ этомъ самомъ.

κεφ. μγ′

Περὶ τῆς ἐν τροφαῖς διακρίσεως.

глав. XLIII

Относительно различенія въ пищѣ.

---

1) Тамъ же прибавлено: καὶ ἀγαπῶσα τὸν Θεόν. 2) καλὴ ἡ ὑπακοή.

κεφ. μδ΄

Ὅτι διακριτικὸν τὸ τῶν παρατιθεμένων ἡδέων ἀπέχεσθαι. См. у Попова стр. 150.

глав. XLIV

О томъ, что воздерживаться отъ предлагаемыхъ удовольствій разсудительно.

κεφ. με΄

Ὅτι χρὴ πρὸς τὰς κινήσεις τοῦ σώματος προσφέρεσθαι τῆς τροφῆς τὴν ποσότητα. См. у Попова стр. 150.

глав. XLV

О томъ, что, согласно потребностямъ тѣла, должно принимать и количество пищи.

κεφ. μς΄

Πῶς τις διώκει[1])τὸν τῆς κενοδοξίας διάβολον[2]); См. у Попова стр. 152.

глав. XLVI

Какимъ образомъ нѣкто преслѣдуетъ діавола (демона) тщеславія?

κεφ. μζ΄

Ὅτι οὐ χρὴ μαγαλαυχεῖν ἐπὶ νηστείαις ὅλως. См. у Попова стр. 167—168.

глав. XLVII

О томъ, что не слѣдуетъ совершенно превозноситься относительно (соблюденія) постовъ.

κεφ. μη΄

Ὅτι ἄριστον[3]) τὸ τῶν τροφῶν μέτρον[4]). См. у Попова стр. 176.

глав. XLVIII

О томъ, что мѣра въ пищѣ—самое лучшее.

κεφ. μθ΄

Ὅτι ὁ μὴ ποθῶν τὸ μέτρον οὐ μόνον ἀπὸ[5]) τῶν δαιμόνων, ἀλλὰ καὶ ἀπὸ[6]) τῆς ἰδίας ἀκρασίας κατακρημνίζεται. См. у Попова стр. 184.

глав. XLIX

О томъ, что не соблюдающій мѣры истязуется не только демонами, но и собственнымъ своимъ невоздержаніемъ.

---

1) διώξει. 2) δαίμονα. Слово это стоитъ въ обоихъ кодексахъ: № 40 и № 36. 3) Въ ркп. № 40 опущено это слово. 4) Въ ркп. № 36 надписаніе все читается такъ: Ὅτι τὸ μέτρον ἐν τοῖς βρώμασι κάλλιστον.
5) Ркп. № 36 ὑπό. 6) То же самое.

κεφ. ν′

Ὅτι ἀπόβλητος ὁ κατασκεύαστος οἶνος. См. у Попова стр. 192.

глав. L

О томъ, что искусственно приготовленное вино—достойно презрѣнія.

κεφ. να′

Ὅτι οὐ δεῖ[1]) τοῖς ἡδύνουσι χρῆσθαι, ἀλλ'[2]) ἀφορᾷν πρὸς τὸν ὑπὲρ ἡμῶν ὄξος καὶ χολὴν ἐνεγκόντα καὶ μαργῶσαν τὴν ὄρεξιν συστέλλειν. См. у Попова стр. 203.

глав. LI

О томъ, что ищущимъ наслажденія не должно пользоваться (имъ), но взирать на Понесшаго за насъ уксусъ и желчь и ограничивать ненасытный аппетитъ.

κεφ. νβ′

Ὅτι οὐκ ἄτοπον τὸ παραβάλλειν λουτρῷ.

глав. LII

О томъ, что хожденіе въ баню—не постыдно.

κεφ. νγ′

Ὅτι οὐκ ἄτοπον τὸ ἰατρεύεσθαι.

глав. LIII

О томъ, что лѣченіе (болѣзней)—не постыдно.

κεφ. νδ′

Ὅτι τὸ δυσφορεῖν ἐπὶ ταῖς σωματικαῖς νόσοις γνώρισμα (ἐστὶ)[3]) ψυχῆς φιλοσωμάτου. См. у Попова стр. 226.

глав. LIV

О томъ, что сѣтованіе во время тѣлесныхъ болѣзней служитъ признакомъ души, любящей (свое) тѣло.

κεφ. νε′

Ὅτι οὐκ ἂν ἡδέως τίς τὸν θάνατον δέξοιτο, μὴ προθανὼν ἑκουσίως διὰ πίστεως τῶν αἰσθήσεων. См. у Попова стр. 230.

глав. LV

О томъ, что если бы кто не принялъ смерти кротко, то не считался бы умершимъ добровольно въ доказательство чувствованій.

κεφ. νς′

Ὅτι οὐ χρὴ συναπατᾶσθαι[4]) ταῖς αἰσθήσεσιν. См. у Попова стр. 246.

глав. LVI

О томъ, что не слѣдуетъ обманываться чувствами.

---

1) χρὴ. 2) Отсюда и до конца надписанія пропускъ. 3) Взято изъ ркп. № 36. 4) Тамъ же συναπάγεσθαι.

κεφ. νζ′

Ἐν πνεύματι[1]) περιπατεῖ ὁ μηδεμίαν διδοὺς παρείσδυσιν τῷ σατανᾷ. См. у Попова стр. 248.

глав. LVII

Не поддающійся никакому обольщенію сатаны ходитъ духовно.

κεφ. νη′

Πῶς τοὺς ἀκηδίας ἀποκρουσώμεθα δαίμονας; См. у Попова стр. 265—268.

глав. LVIII

Какимъ образомъ мы будемъ отражать демоновъ безпечности?

κεφ. νθ′

Πῶς τὸν Κύριον ἀγαπήσωμεν[2]); См. у Попова стр. 285—286.

глав. LIX

Какимъ образомъ будемъ любить Господа?

κεφ. ξ′

Ὅτι νηπιῶδες τὸ φαντάζεσθαι. См. у Попова стр. 304.

глав. LX

О томъ, что неразумно отдаваться на волю фантазіи.

κεφ. ξα′

Ὅτι χρὴ[3]) ἀτάραχον εἶναι τὸν νοῦν τοῦ ἀγωνιστοῦ. См. у Попова стр. 305.

глав. LXI

О томъ, что подвижнику слѣдуетъ имѣть невозмутимый умъ.

ξβ′

Ὅτι κάλλιστον ὁ μετὰ λογισμοῦ θυμός, καὶ[4]) ὅτι ῥαθυμήσαντες τούτου τὴν ἀρχὴν ἐξεπέσαμεν. См. у Попова стр. 308.

глав. LXII

О томъ, что самое лучшее—гнѣвъ съ разсудкомъ, и о томъ, что, пренебрегши этимъ началомъ, мы пали.

κεφ. ξγ′

Ὅτι τῷ ὀφειλομένῳ[5]) τὸ ἱμάτιον καὶ τὸν χιτῶνα προσαποδύεται[6]) ὁ γνώσεως μετασχὼν ἁγίας. См. у Попова стр. 330.

глав. LXIII

О томъ, что пріобщившійся святого вѣдѣнія отдаетъ должнику сверхъ того верхнее платье и рубашку.

---

1) Прибавлено: Ὅτι πνεύματι. 2) Разстановка словъ иная: Ἀγαπήσωμεν πῶς τὸν Κύριον; въ ркп. № 36 и № 40. 3) Ркп. № 36 δεῖ. 4) Отсюда и далѣе до конца совершенно отсутствуетъ текстъ надписанія. 5) ἀφελομένῳ. 6) προσαπολύεται.

κεφ. ξδ΄

Ὅτι ἀναρμόδιον τῷ ἀγωνιστῇ τῶν διαρπαγέντων ἀντιλαμβάνεσθαι. См. у Попова стр. 346.

глав. LXIV

О томъ, что подвижнику не прилично получать назадъ что-либо изъ похищенныхъ вещей.

κεφ. ξε΄

Ὅτι λίαν ὠφέλιμον τῷ μέλλοντι ἀποτάσσεσθαι τὸ σκορπίζειν ὅσα προσῇ αὐτῷ πάντα, ἵνα ἐκ τούτων ἐλευθερωθείς, γυμνὸς ὑπὸ τῆς σκέπης καταφυγὴ τοῦ Κυρίου, ἐπ᾽ αὐτῷ πᾶσαν τεθέμενος ἐλπίδα.

глав. LXV

О томъ, что весьма полезно намѣревающемуся отрекаться (отъ міра) раздать все, что имѣется у него, дабы, освободившись отъ сихъ, лишенный крова, (онъ искалъ) прибѣжища у Господа, возлагая на Него всю надежду.

Ркп. № 36: Ὅτι ἅμα τῇ ἀποταγῇ δεῖ πάντα σκορπίζειν. См. у Попова стр. 348.

О томъ, что вмѣстѣ съ отреченіемъ слѣдуетъ все раздавать.

κεφ. ξς΄

Ὅτι ἡ ταχεῖα τῶν οἰκείων[1]) διανομὴ τὰ δυσθήρατα ἡμῖν ἀγαθὰ προξενεῖ[2]). См. у Попова стр. 350.

глав. LXVI

О томъ, что быстрая раздача собственности приноситъ намъ неизреченныя блага.

κεφ. ξζ΄

Ὅτι τοῖς βουλομένοις σωθῆναι οὐδὲν τῆς ἀληθοῦς θεολογίας[3]) ἁρμοδιώτερον. См. у Попова стр. 353.

глав. LXVII

О томъ, что желающимъ спастися, ничего нѣтъ приличнѣе истиннаго богословія (истинной философіи).

κεφ. ξη΄

Τίς ἡ ὄνησις τοῦ μεμακαρισμένως[4]) θεολογοῦντος[5]). См. у Попова стр. 374.

глав. LXVIII

Какая польза богословствующему преблаженно (раздѣльно)?

---

1) τῶν ἰδίων. 2) Ркп. № 40 прибавлено: ὁμολογητὴς δὲ ὁ ὑπὸ χριστιανοῦ κακοδόξου, οἵος ἦν καὶ ὁ οὐχ ἁλής (;). 3) Ркп. № 36 философіас. 4) Τοῦ μεμερισμένως. Чтеніе это, кажется, болѣе правильное. 5) Въ ркп. № 40 находимъ слѣдующее, неудобовразумительное дополненіе: ὡς θαῦμα στοίουσιν (;) οἱ λόγοι ἀνδρὸς τοῦ Θεοῦ, καὶ λόγος μέλιτος γλυκάζων.

κεφ. ξθ′

Ὅτι ἑτέρως ἡ χάρις ἐπιφοιτᾷ τῷ ἀγωνιστῇ περὶ[1]) τὴν ἀρχὴν καὶ τὰ μέσα καὶ τὰ τέλη τῶν ἀγώνων. См. у Попова стр. 378.

глав. LXIX

О томъ, что иначе подвижнику приходитъ благодать въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ подвиговъ.

κεφ. ο′

Ὅτι ἐκ πολυλογίας οὔ τις ἐκφεύξεται ἁμαρτίαν, καὶ ὅτι ἄμεινον τὸ σιωπᾶν.

Ркп. № 36: Ὅτι μήτηρ ἐννοιῶν ἡ εὔκαιρος σιωπή. См. у Попова стр. 388.

глав. LXX

О томъ, что отъ многоглаголанія никто не избѣжитъ грѣха, и что молчаніе лучше.

О томъ, что мать разсудка— благовременное молчаніе.

κεφ. οα′

Ὅτι τῇ θεολόγῳ ψυχῇ ὁ θυμὸς καὶ τὸ μῖσος ἐνοχλεῖν[2]) εἴωθεν.

глав. LXXI

О томъ, что богословствующей душѣ мѣшаютъ гнѣвъ и ненависть.

κεφ. οβ′

Ὅτι ἡ ταπείνωσις καὶ ἡ διάκρισις πλεῖστα χαρίζεται[3]). См. у Попова стр. 392.

глав. LXXII

О томъ, что смиреніе и разсужденіе доставляютъ весьма много пріятности.

κεφ. ογ′

Ὅτι διάφορος τῶν ἀγωνιζομένων ἡ ψαλμῳδία. См. у Попова стр. 393—394.

глав. LXXIII

О томъ, что псалмопѣніе подвижниковъ разнообразно.

κεφ. οδ′

Ὅτι ἄλλη ἡ φυσικὴ σοφία καὶ ἄλλη ἡ ἀληθινή, ἡ ἐκ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος ἐνεργουμένη. См. у Попова стр. 399.

глав. LXXIV

О томъ, что иная естественная мудрость и иная истинная, содѣйствуемая Духомъ Святымъ.

κεφ. οε′

Πῶς τις ἑαυτὸν καθαρὸν ἐπι-

глав. LXXV

Какимъ образомъ кто-либо

---

1) Ркп. № 36 παρὰ. 2) παρενοχλεῖν. 3) χαρίζονται. Чтеніе это болѣе правильное.

γνώσεται κατὰ τῶν Εὐχητῶν; См. у Попова стр. 403.

κεφ. ος′

Ὅτι ἡ μὲν χάρις μετὰ τὸ βάπτισμα ἔνδον ἐστίν, ὁ δὲ σατανᾶς ἔξωθεν ἐνεργεῖ. См. у Попова стр. 404—406; Сн. стр. 431.

будетъ почитать себя чистымъ, согласно съ ученіемъ Евхитовъ?

глав. LXXVI

О томъ, что послѣ крещенія, съ одной стороны, находится благодать внутри, а съ другой со внѣ дѣйствуетъ сатана.

κεφ. οζ′

Ὅτι ἡ ψυχή, γευσαμένη τῆς χάριτος, πάντων καταφρονεῖ τῶν τοῦ κόσμου ἀγαθῶν[1]). См. у Попова стр. 431.

глав. LXXVII

О томъ, что душа, вкусившая благодати, презираетъ всѣ блага міра.

κεφ. οη′

Ὅτι ὁ νοῦς ἐστι τὸ κατ' εἰκόνα.

глав. LXXVIII

О томъ, что умъ есть то, что по образу (Божію).

κεφ. οθ′

Κατασκευὴ τῶν εἰρημένων, καὶ ὅτι τὴν ἡμετέραν ἔχουσι ῥᾳθυμίαν ἀφορμὴν οἱ δαίμονες. См. у Попова стр. 436.

глав. LXXIX

Подтвержденіе сказаннаго и о томъ, что демоны имѣютъ причину въ нашей безпечности.

κεφ. π′

Ἀνατροπὴ τοῦ τῶν Εὐχητῶν δόγματος. См. у Попова стр. 438.

глав. LXXX

Опроверженіе догмата Евхитовъ.

κεφ. πα′

Ὅτι δύο γένη δαιμόνων εἰσίν. См. у Попова стр. 441.

глав. LXXXI

О томъ, что двухъ родовъ бываютъ демоны.

κεφ. πβ′

Ὅτι οὐκ ἐν τῷ βάθει τῆς ψυχῆς τὸ κακόν, καὶ πῶς τις οἶκος γίνεται τοῦ Ἁγίου Πνεύματος. См. у Попова стр. 449—450.

глав. LXXXII

О томъ, что зло находится не въ глубинѣ души, и какимъ образомъ кто-либо дѣлается жилищемъ Духа Святого.

1) καλῶν.

κεφ. πγ΄

Πῶς[1]) τινες ὑπενόησαν τὴν πλάνην συνεῖναι τῷ ἀγαθῷ, καὶ τί κοινοῖ τὸν ἄνθρωπον; См. у Попова стр. 456.

глав. LXXXIII

Какимъ образомъ нѣкоторые подумали, что заблужденіе случается и съ хорошимъ человѣкомъ, и о томъ, что оскверняетъ человѣка (Матѳ. XV, 18).

κεφ. πδ΄

Ὅτι ἀδύνατον συνεῖναι τὸν πονηρὸν τῇ ἀγνοίᾳ. См. у Попова стр. 458.

глав. LXXXIV

О томъ, что не возможно, чтобы лукавый приступалъ (къ человѣку) въ невѣдѣніи.

κεφ. πε΄

Ὅμοιον τῷ ἄλλῳ. Ὅτι[2]) πῶς παραχωροῦνται οἱ δαίμονες ἐνοχλεῖν[3]) τῇ ψυχῇ. См. у Попова стр. 459.

глав. LXXXV

Подобна предыдущей. О томъ, какимъ образомъ демоны попускаются тревожить душу.

κεφ. πς΄

Πῶς παιδεύεται ὁ ἄνθρωπος; См. у Попова стр. 462.

глав. LXXXVI

Какимъ образомъ воспитывается (наказывается) человѣкъ?

Ркп. № 36: Ὅτι οὐ χρὴ[4]) τὸν σατανᾶν κοινὸν οἰκητήριον μετὰ τοῦ Κυρίου[5]) κεκτῆσθαι τὸν ἀνθρώπινον νοῦν. Это почти дословно сходно съ хоріастомъ См. у Попова стр. 462.

О томъ, что не подобаетъ, чтобы сатана имѣлъ въ умѣ человѣческомъ общее обиталище съ Господомъ.

κεφ. πζ΄

Τίς ἡ κατὰ παίδευσιν καὶ τίς ἡ κατὰ ἐπιστροφὴν παραχώρησις; См. у Попова стр. 465.

глав. LXXXVII

Какое попущеніе бываетъ для воспитанія и какое для обращенія (къ Богу).

Ркп. № 36: Διαφορὰ τῶν παραχωρήσεων.

Различіе попущеній.

---

1) πόθεν. 2) Опущено: Ὅμοιον τῷ ἄλλῳ. Ὅτι 3) ὀχλεῖν. 4) У схоліаста-анонима читается это надписаніе съ слѣдующею прибавкою: ὡς ἀστραπὴν ἐκ τοῦ οὐρανοῦ διὰ τὴν ἔπαρσιν πεσόντα (у Попова стр. 462). 5) Тамъ же τοῦ ἰδίου Δεσπότου.

κεφ. πη′

Ὅτι ἐστὶ πολλάκις τὴν καρδίαν μερικῶς μὲν φωτίζεσθαι, καὶ μερικῶς δὲ καταλιμπάνεσθαι. См. у Попова стр. 468.

глав. LXXXVIII

О томъ, что много разъ случается, что сердце отчасти просвѣщается, а отчасти предоставляется себѣ.

κεφ. πθ′

Πῶς ὁ λαβὼν τὴν εἰκόνα καὶ τὴν ὁμοίωσιν κτήσεται; См. у Попова стр. 471.

глав. LXXXIX

Какимъ образомъ получившій образъ пріобрѣтетъ и подобіе?

κεφ. ϟ′

Ὅτι ὁ ἔχων τὴν ἀγάπην οὔτε βρώσεως ὀρέγεται εὐχερῶς. См. у Попова стр. 475.

глав. XC

О томъ, что имѣющій любовь легко не протягиваетъ рукъ къ пищѣ.

κεφ. ϟα′

Πῶς γνωσθήσεται ὁ κτησάμενος τὴν ἀγάπην; См. у Попова стр. 477.

глав. XCI

Какимъ образомъ будетъ узнанъ пріобрѣтшій любовь?

κεφ. ϟβ′

Ркп. № 36 [Πῶς[1]) δράμοι τις ἐπὶ τὴν ἁγίαν ἀγάπην;]. См. у Попова стр. 491.

глав. XCII

Какимъ образомъ достигъ бы кто-либо святой любви?

κεφ. ϟγ′

Ὅτι τραχεῖαν τὴν ὁδὸν τῆς ἀρετῆς[2]) ἡ ἡμετέρα φαυλότης ὑπονοεῖ. См. у Попова стр. 493—494.

глав. XCIII

О томъ, что наше ничтожество предполагаетъ, что путь добродѣтели суровъ.

κεφ. ϟδ′

Ὅτι ἔγνωσταί ὑπὸ τοῦ Θεοῦ ὁ ὑπομένων τὰ ἐπερχόμενα. См. у Попова стр. 496—497.

глав. XCIV

О томъ, что терпящій находящія (бѣды) познанъ Богомъ.

---

1) Въ рукописяхъ № 40 и № 40б этого надписанія не имѣется. 2) Подчеркнутыя слова читаются и въ надписаніи этой главы у анонима-схоліаста (см. у Попова стр. 93—494).

κεφ. ϟε′	глав. XCV
Ποσαχῶς ἡ ταπεινοφροσύνη; См. у Попова стр. 502.	Какъ разнообразно смиренномудріе?
κεφ. ϟς′	глав. XCVI
Πῶς οἱ ἀνόητοι διαρπάζονται τὰς ψυχάς [ркп. № 36 прибавлено: καὶ πῶς χρὴ τὸν φιλόθεον διαιτᾶσθαι]; См. у Попова стр. 508.	Какимъ образомъ безумцы терзаютъ свои души, [и какимъ образомъ слѣдуетъ проводить жизнь боголюбцу]?
κεφ. ϟζ′	глав. XCVII
Ὅτι χρὴ δι' ὅλου προσεύχεσθαι. См. у Попова стр. 511.	О томъ, что должно молиться обо всемъ.
κεφ. ϟη′	глав. XCVIII
Περὶ ἀπαθείας[1]). См. у Попова стр. 513.	О безстрастіи.
κεφ. ϟϑ′	глав. XCIX
Τίνες προκόψαντες μάχονται δαίμονας. См. у Попова стр. 516.	Нѣкоторые преуспѣвшіе (въ добродѣтеляхъ) борются съ демонами.
Ркп. № 36: Τίνες προκόψαντι μάχονται δαίμονες.	Нѣкоторые демоны борются съ преуспѣвающимъ (въ добродѣтеляхъ).
κεφ. ρ′	глав. C
Περὶ ἐξομολογήσεως. См. у Попова стр. 521.	Объ исповѣди.

Представленныя нами здѣсь надписанія къ ста главамъ аскетическаго слова бл. Діадоха, напечатанныя главнымъ образомъ по рукописи XII в. Аѳоно-Ватопедской библіотеки № 405, отличаются ясностію и опредѣленностію мысли, по изложенію большею частію кратки, а по этому въ научномъ отношеніи цѣннѣе подоб-

1) Въ ркп. № 36 это надписаніе читается въ такомъ видѣ: Τί ἐστιν ἀπάθεια; Что такое безстрастіе?

ныхъ надписаній анонима-схоліаста XII в. въ его πίναξ'Ѣ, страдающемъ многословіемъ, излишними повтореніями и даже нѣкоторымъ риторизмомъ. Указанные недостатки съ особенною силою выступаютъ, по нашему мнѣнію, въ послѣднихъ главахъ (съ 94—100) стоглава. Здѣсь въ надписаніяхъ главная мысль главы передается въ самыхъ общихъ и иногда даже туманныхъ чертахъ. Впрочемъ, это не мѣшаетъ намъ предполагать, что анонимъ-схоліастъ былъ знакомъ со списками надписаній къ стоглаву по греческимъ рукописямъ и, быть можетъ, даже почерпнулъ ихъ отсюда, хотя и въ нѣкоторой передѣлкѣ. На это наводятъ насъ сопоставленія надписаній у анонима-схоліаста съ надписаніями, по Аѳоно-Ватопедской рукописи XII в. № 405, въ главахъ начальныхъ 1, 3, 4, 5, и отчасти 93, а особенно *въ 86 главъ*, по рукописи 1314 года Аѳоно-Ксенофской библіотеки № 36.

Продолжая далѣе дѣлать сопоставленія вновь открытыхъ нами, по аѳонскимъ рукописямъ, надписаній къ стоглаву бл. Діадоха съ извѣстными въ латинскомъ текстѣ подобными надписаніями XVI в. Франциска Турріана, мы нашли, что надписанія послѣдняго въ главахъ 6, 7, 8, 19, 20 и др. почти дословно сходны съ издаваемыми нами надписаніями по греческимъ рукописямъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (глав. 34, 41, 57, 81, 87) сходство замѣчено лишь по мыслямъ. Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, съ настойчивостію выдвигаетъ снова на очередь вопросъ, отъ рѣшенія котораго отказался проф. Поповъ (стр. XII), что Турріанъ въ 1578 году дѣйствительно издавалъ *греческій текстъ* аскетическаго слова бл. Діадоха и даже по тремъ рукописямъ (стр. X), и что Казиміръ *Уденъ* († 1717) не стремился вводить ученыхъ въ заблужденіе, говоря неоднократно объ этомъ editio princeps (стр. X, прим. 2). *Придумывать* надписанія латинскому переводчику аскетическаго слова бл. Діадоха, какъ выражается еп. Ѳеофанъ, не было никакой надобности; эти надписанія онъ могъ свободно перевести прямо съ греческаго оригинала, по которому было имъ сначала издано λόγος ἀσκητικός. Конструкція рѣчи, краткость и ясность мысли въ

Турріановскихъ надписаніяхъ не противорѣчатъ настоящему предположенію.

Вотъ сколько важныхъ въ научномъ отношеніи вопросовъ поднимаетъ серьезное изученіе различныхъ списковъ λόγος ἀσκητικός и существующихъ въ рукописяхъ разнообразныхъ списковъ надписаній къ его ста главамъ. Для проф. Попова, по причинамъ, достаточно нами выясненнымъ, всѣхъ этихъ вопросовъ не можетъ существовать.

IV.

Variationes къ аскетическому слову бл. Діадоха.

«Новая редакція» λόγος ἀσκητικός, какъ и принято на Западѣ въ подобнаго рода работахъ, сопровождается множествомъ «разночтеній» подъ текстомъ. По поводу этихъ «разночтеній» проф. Поповъ далъ довольно подробныя объясненія. «Особый отдѣлъ въ настоящемъ изданіи твореній бл. Діадоха, находящійся непосредственно подъ греческимъ текстомъ ихъ, говоритъ онъ, образуютъ, такъ называемыя, *разночтенія*, *иночтенія* (variationes). Отмѣтки этого отдѣла троякаго рода: *одни* изъ нихъ показываютъ слова въ такой формѣ, въ какой они читаются въ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ, и въ какой они не приняты въ текстъ, какъ неправильно, по мнѣнію издателя, написанныя... Въ этихъ случаяхъ предлагается матеріалъ, могущій располагать читателя принять или отвергнуть редакціонную поправку издателя. *Другія* указываютъ пропуски словъ и выраженій, замѣчаемыя въ нѣкоторыхъ рукописяхъ... *Третьи* имѣютъ въ виду разности, проявляющіяся въ измѣненіи формы словъ, въ перестановкѣ словъ и замѣнѣ ихъ другими, въ прибавленіи новыхъ словъ и выраженій, въ многочисленныхъ грамматическихъ ошибкахъ и опискахъ» (стр. XXVII).

Не возражая, поэтому, по существу противъ принятаго въ наукѣ и имѣющаго неоспоримую важность пріема изданія памятниковъ древней христіанской письменности, мы не можемъ вполнѣ согласиться съ издателемъ лишь относительно варіантовъ *третьяго рода*, изъ коихъ многіе могли бы съ удобствомъ быть подведены къ категоріямъ первыхъ двухъ группъ (напр., формы словъ, прибавленія новыхъ словъ и выраженій и др.), а нѣкоторые безъ чувствительнаго ущерба и даже съ пользою для дѣла (разумѣемъ многочисленныя грамматическія ошибки[1]) и описки) могли бы быть совершенно игнорированы. Послѣднее сдѣлать тѣмъ болѣе было необходимо, что проф. Поповъ въ концѣ концовъ долженъ былъ согласиться, что, «несмотря на *незначительное количество* сравниваемыхъ рукописей (вотъ откровенное и справедливое признаніе), число замѣчаемыхъ въ нихъ разночтеній *весьма велико*» и, «ради уменьшенія» количества ихъ, «неправильности въ постановкѣ надстрочныхъ знаковъ, явныя, не имѣющія смысла рѣчи, описки и грамматическія ошибки, слова извращенныя до безсмыслицы, совсѣмъ опущены были, какъ не дающія ничего полезнаго для исправленія» (стр. XXVII—XXVIII). Нельзя не пожалѣть также, что не были опущены совершенно издателемъ глагольныя формы третьяго лица настоящаго времени, оканчивающіяся ν (напр., ἐστίν вм. ἐστί) и признанныя имъ почему-то даже «характеристическою особенностію для той или другой рукописи» (стр. XXVIII).

Относительно собранныхъ въ своей книгѣ варіантовъ къ λόγος ἀσκητικός проф. Поповъ держится самыхъ оптимистическихъ взглядовъ, считая этотъ отдѣлъ книги чуть ли не идеальнымъ.

---

1) Подобный трудъ списателя рукописи XIII в. Аѳоно-Ватопедской библіотеки № 52, помѣщавшаго находимыя въ рукописяхъ особенности правописанія нѣкоторыхъ словъ и даже прямыя ошибки иногда даже надъ текстомъ, привелъ насъ въ восторгъ и умиленіе и заставилъ глубоко пожалѣть, что издатель «новой редакціи» аскетическаго слова незнакомъ съ трудомъ своего alter ego, который, быть можетъ, освободилъ бы его отъ безполезной работы въ *критическомъ изданіи* XX столѣтія...

«Отдѣлъ разночтеній, требующій кропотливости и напряженнаго вниманія отъ своего составителя, по словамъ нашего издателя, не исключаетъ *недосмотровъ* (въ видѣ, напр., пропусковъ разно читающихся словъ); онъ могъ бы быть *доведенъ до совершенства* въ томъ случаѣ, если бы сравнимыя рукописи находились (особенно при печатаніи сего отдѣла) въ мѣстѣ жительства составителя его или въ близкихъ къ нему мѣстахъ. Это условіе, заключаетъ онъ, для насъ только умопредставляемое» (стр. XXVIII). Но мы лично на этотъ счетъ нѣсколько иного мнѣнія. «Умопредставляемое» не перешло бы у издателя въ реальный фактъ, по нашему мнѣнію, даже и въ томъ случаѣ, если бы, велѣніемъ фортуны, въ мѣстѣ своего жительства онъ имѣлъ бы подъ руками всѣ желательныя для него рукописи. Доказательство у насъ на лицо. «Литографическіе и фото-цинкографическіе образцы письма нѣкоторыхъ греческихъ рукописей, по коимъ редактировался текстъ твореній» бл. Діадоха, приложенные теперь въ концѣ книги, безспорно находились передъ глазами издателя въ его ученомъ кабинетѣ, и однакоже не видно, чтобы, при печатаніи издаваемыхъ текстовъ, онъ справлялся бы съ этими снимками, достовѣрнѣйшими показателями правильности чтенія текстовъ издаваемыхъ имъ памятниковъ. Такъ, въ его разночтеніяхъ мы не нашли отмѣтокъ: διὰ ποίας δή вм. διὰ ποίας δεῖ; ἐλευθερικῆς вм. εὐαγγελικῆς (Сп. № II, стр. 1, 5. Слич. стр. 21, строк. 15 и 22); οἱ δέ γε κἂν вм. οἱ δὲ κἂν (Сп. № IV, стр. 4; слич. 525, 9) и др.

При просмотрѣ варіантовъ вѣнскихъ рукописей по копіямъ о. Дороѳея Вулизмы, какъ это видно будетъ ниже изъ нашихъ разночтеній, проф. Поповъ въ составленіи своихъ variationes оказывается весьма не безупречнымъ, и оставляетъ желать многаго въ смыслѣ возможной ихъ полноты. Если же имѣть въ виду списки λόγος ἀσκητικός аѳонскихъ и константинопольскихъ рукописей, совершенно неизвѣстные нашему издателю, то variationes можно довести до такихъ внушительныхъ размѣровъ, о которыхъ едва ли могъ и мечтать проф. Поповъ. Многіе изъ

этихъ варіантовъ не только важны, но и довольно сложны въ текстуальномъ отношеніи, а поэтому далеко не безразличны для изучающихъ твореніе, «отличающееся тонкостію богословской мысли и точностію и своеобразностію выраженій» (стр. XXVIII). Желая теперь придти на помощь будущимъ изслѣдователямъ твореній бл. Діадоха въ дѣлѣ ихъ всесторонняго изученія, мы даемъ мѣсто здѣсь важнѣйшимъ варіантамъ, собраннымъ нами въ восточныхъ книгохранилищахъ, съ точнымъ указаніемъ на самыя рукописи, изъ которыхъ эти варіанты извлекаются, чтобы имѣть такимъ образомъ возможность безошибочно судить о состояніи текста изучаемыхъ твореній въ то или иное время. Описи, орѳографическія неправильности и варіанты, научнаго значенія не имѣющіе, нами совершенно игнорируются.

Стр.	Стрк.	У проф. Попова:	Въ рукописяхъ:
19	8	ἔννοια περὶ Θεοῦ ἀπαθής	ἔννοια ἀτελεία [1]) περὶ Θεοῦ ἀγάπης
20	14	ἐκστῆναι Θεῷ	ἐκστῆναι τῶν βιωτικῶν, καὶ ἑνωθῆναι τῷ Θεῷ [2])
20	17	προσεχής	προσέχειν [3])
21	2— 3	πολλὴ μὴ ὀργίζεσθαι	πολλὴ τοῦ μὴ ὀργίζεσθαι, ἀλλὰ κινητὸν παντὶ εἶναι προσθύμιον [4])
—	6	Θεῷ	Θεῷ, ὡς ἐραστοῦ στοργὴ πρὸς ἐρωμένας [5])
—	9	ὑβρίζοντας	ὑβρίζοντας, καὶ πόθος μέγας καὶ ἄτρωτος [6])

1) Ркп. XV в. Иверск. мон. № 365. № 85 Л'. 2) Ркп. лавры Аѳан. Аѳон. XV в. 3) Ркп.Ивер. мон. № 365. 4) Тамъ же. 5) Тамъ же. 6) Тамъ же.

—	15	δεῖ	δὴ [1])
22	4	εὐαγγελικῆς	ἐλευθερικῆς
24	1— 2	ὡς ὁ Πατὴρ ὑμῶν, ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς	ὥσπερ [2]) ὁ Πατὴρ ὑμῶν ὁ οὐράνιος οἰκτίρμων ἐστίν [3])
—	17—18	δυνατωτέρα γάρ ἐστιν ἡ φύσις τοῦ καλοῦ τῆς ἕξεως τοῦ κακοῦ	Эти слова опущены [4]).
25	9	τοῦ Θεοῦ τὸ δὲ	τοῦ Θεοῦ κατὰ τὸ αὐτεξούσιον [5]), или τοῦ Θεοῦ τῷ νοερῷ τῆς ψυχῆς κινήματι [6])
28	12	ἐνεργουμένη	ἐνεργούμενον [7])
29	10	πενία	πεῖνα [8])
30	6	θεηγόρους	θεωρίαν [9])
31	19	ἐπειδὴ ἡ μὲν	ἐπειδὴ ἡ ἀγάπη, ἡ μὲν [10])
32	6	καὶ πρῶτον ἡ χάρις τοῦ δόντος Θεοῦ	διδόντος Χριστοῦ [11]), или: Καὶ πρὸ πάντων ἡ χάρις τοῦ ὄντος Θεοῦ [12])
—	12	Ὅτε μὲν τὸ θυμῶδες	ὅτε τὸ θυμιτικὸν [13])
33	9	τῇ ἐξουδενώσει ταπεινώσῃ	ἐξουδενώσῃ καὶ ταπεινώσῃ [14])
35	7	τὴν τοῦ Θεοῦ	τὴν ἀγάπην τοῦ Θεοῦ [15])
—	22	τοῦ Κυρίου	τοῦ Χριστοῦ
36	1	ἡμᾶς ἐλαττοῦσθαι	ἐμὲ ἐλαττοῦσθαι [16])

---

1) О. Дороѳей Вулизма, поправляя это слово, читаетъ: ἴσως δεῖ. 2) Ркп. лавры Аѳан. Аѳон. IX в. № 42 Γ′. 3) Тамъ-же № 85 Ω′. 4) Тамъ же № 42 Γ′; № 85 Ω′ и въ ркп. XIII в. Аѳоно-Ватоп. библ. № 52. 5) Ркп. 1314 г. Аѳоно-Ксеноф. № 36. 6) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω′. 7) Тамъ же и въ ркп. Вѣнск. библ. (по Дороѳею Вулизмѣ) № 193. 8) У Дороѳ. Вулизмы ркп. Вѣн. библ. № 93 и № 193. 9) Вѣн. Импер. библ. ркп. № 193. 10) По Дороѳ. Вулизмѣ изъ ркп. Вѣн. библ. 11) Ркп. Свят.-гроб. библ. 1073 г. № 45. 12) У Дороѳ. Вулизмы по Вѣнск. ркпп. 13) Ркп. Ват. библ. № 52. 14) Тамъ же. 15) Ркп. Ватоп. библ. XII в. № 405. 16) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 85 Ω′.

	7— 8	οὐκ ἀγαπῶ, ὡς θέλω	ἀγαπᾷ οὐ καθὼς θέλει [1]
	15	ἥδεται	τέρπεται [2]
37	5	τῆς φιλοθείας	τῆς θεοφιλίας
	12—13	παὰ ἑαυτῷ τῇ διανοίᾳ διὰ παντὸς	παὰ ἑαυτῆς παντὰς τῇ ὑπονοίᾳ [3]
39	1	αἴσθηται	αἰσθάνηται [4]
	5	ἐν τῷ βίῳ καὶ οὐ πάρεστιν	ἐν τῷ δὲ τῷ βίῳ οὔκ ἐστιν ἐν αὐτῷ [5]
40	5	αἱ Ἁγίαι Γραφαὶ	πᾶσαι αἱ Ἁγίαι Γραφαί [6]
41	1— 2	ἀναλίσκει τῆς ἔριδος	ἀναλίσκεται [7] τῆς ἔριδος καὶ τῆς μάχης [8]
	7	οὐδεὶς δύναται	Μὴ φοβούμενος [9]
43	1	οἱ ἅγιοι	οἱ ὅσιοι [10]
	10	ἔκκαυσις	ἔκχυσις [11]
44	11	κεκαλυμμένη	κεκολυμμένη
46	1— 4	Ἔστω... λοιπὸν δὲ	опущены [12]
	15	φορτικόν	φροντικόν [13]
48	1	ἀκριβῶς	ἁπλανῶς [14]
49	5	τὴν πίστιν	τὴν ταπείνωσιν [15]
	8	μὴ ἐνεργούμενος	μὴ ἐρευνόμενος καὶ ἐνεργούμενος [16] и μὴ ἐνεργουμένης [17]
50	1	λήθης	λήθη [18]

1) Ркп. Свят. гроб. библ. № 45. 2) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 85 Ω. 3) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 4) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; № 40 Γ′; ркп. Ват. библ. № 405; 5) Ркп. Ват. библ. № 52; № 405; ркп. Аѳан. Аѳон. № 122 K′. 6) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. № 122 K′; ркп. Ват. библ. № 52. 7) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 8) Ркп. Вѣн. библ. (по Дороѳ. Вулизмѣ). 9) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 10) Вѣн. ркп. (по Дороѳ. Вулизмѣ). 11) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 12) Тамъ же и въ ркп. № 85 Ω′. 13) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′. 14) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 15) Ркп. Вѣн. библ. № 193 (по Дороѳ. Вулизмѣ). 16) Тамъ же. 17) Ркп. Аѳоно-Ксеноф. библ. № 36. 18) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′; ркп. Имп. Вѣн. библ. № 193 (по Дороѳею Вулизмѣ).

62	3	τευξόμεθα	ἀρξόμεθα [1])
65	17	λογικὴν	нѣтъ [2])
	19	τῆς ἁγίας γνώσεως	τῆς ἁγίας ἡμᾶς ἑνώσεως [3])
66	6	εἰδέναι	γνῶναι
67	2	ἀπαλλαττόμενοι	ἑαυτοὺς ἀπαλλάττοντες [4])
	9	χρηστότητος	ἀγάπης [5])
	12	οἰκείας	ἰδίας
78	2	αὐτοὺς σχεδὸν	αὐτοῖς [6])
85	14	τῇ προσοχῇ	προσευχῇ [7])
86	1	ἐπὶ δακρύῳ	ἐπὶ δακρύων [8])
	2	φέρει	προσφέρει
88	2	φονικὸν	φανικὸν [9])
91	2	ὁ δυνατὸς	ὁ ἰσχυρὸς [10])
	17	καὶ ἐνδόξου	нѣтъ [11])
96	5	ἁπλανοῦς	нѣтъ [12])
97	16	παρακλήσεως	χρηστότητος καὶ παρακλήσεως, [13])
101	1	μέσης	μεσότης [14])
	5	τῆς ψυχῆς	нѣтъ [15])
	8	κλέπτειν	καλύπτειν [16])
	13	ὡς εἶπον	нѣтъ [17])
	15	Ἰησοῦ	нѣтъ [18])
102	4	τὴν χάριν	τὴν πεῖραν [19])

---

1) Ркп. Ват. библ. № 52. 2) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; № 85 Ω; ркп. Аѳоно-Ксеноф. библ. № 36. 3) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 4) Ркп. Имп. Вѣн. библ. № 93 (по Дороѳ. Вулизмѣ). 5) Тамъ же № 93 и № 193 (по Дороѳ. Вулизмѣ). 6) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′. 7) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω′. 8) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; № 85 Ω′. 9) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 10) Ркп. Ват. библ. № 52. 11) Тамъ же. 12) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 13) Ркп. Ватоп. библ. XV в. № 42; ркп. XVI в. Иверск. библ. 1510 г. № 1337. 14) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′. 15) Ркп. Ватоп. библ. № 43; ркп.Ивер. м. № 1337. 16) Ркп.Ивер. мон. № 1337. 17) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 18) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′. 19) Тамъ же.

	16	ἀφράστου	ἀῤῥήτου [1])
	18	ὑπὸ τῆς θείας χάριτος ἐνεργουμένου	нѣтъ [2])
103	1	εἰδέναι δεῖ	ἱστέον [3])
	6	ἀνενδότῳ τινί	ἀνενδότως τότε [4])
108	2	ἄποιός ἐστι	ἀποίητός ἐστι [5])
110	2	χρηστοφανέσι	προφανέσι [6])
111	15	ἐκκαίει	ἐκχέει [7])
112	19	ἐγκολλᾶσθαι	συγκολλᾶσθαι [8])
	8	ἤγουν ἱλαρύνεται	нѣтъ [9])
	14	νεκρουμένης τῆς ζάλης	νικωμένη τὴν ζάλην [10]), или νικωμένης τῆς ζάλης [11])
115	9	ἐξ ἀγνοίας	ὡς ἔγνων (sic) [12])
116	7	αὐτοῦ	αὐτοῦ θεαμάτων [13]), или θαυμάτων [14])
120	6	στρατιωτῶν	στρατιωτικόν [15])
122	9	ἡδεῖαν	ἡδυτάτην [16])
123	4	ὦσιν	εἰσὶν [17])
124	1	ἢ εἴδωλα	ἢ ὄνειροι [18])
—	4	ὁπότε	ὀψὲ δὲ ποτὲ [19])
	11	προειρημένη	προειρήκαμεν [20])
	14	ἀνεπαισθήτως	ἀνεπαισθήτου [21])

---

1) Ркп. Ват. библ. № 42, № 243, № 405; ркп. Ксеноф. библ. № 36; ркп. лавры Аѳан. Аѳон. № 122 К′. 2) Ркп. Андреев. скита на Аѳонѣ XII в. № 866. 3) Тамъ же. 4) Тамъ же. 5) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 6) Тамъ же. 7) Ркп. лавры Аѳан. Аѳон. № 42 Г′. 8) Тамъ же. 9) Ркп. XVII в. Аѳоно-Діонис. библ. № 278. 10) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Г′, № 128 К′; ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Ватоп. библ. № 52; № 405. 11) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 85 Ω′. 12) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Г′. 13) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 85 Ω′; ркп. Ксеноф. библ. № 36. 14) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Г′; ркп. Ватоп. библ. № 369, № 405. 15) Ркп. Ватоп. библ. № 52. 16) Ркп. Имп. Вѣнск. библ. № 93 и № 193 (по Дорое. Вулизмѣ). 17) Ркп. Аѳоно-Діон. библ. № 278. 18) Ркп. Импер. Вѣн. библ. № 93 и № 193 (по Дорое. Вулизмѣ). 19) Тамъ же. 20) Ркп. Ивер. библ. № 1337. 21) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. л. № 42 Г′.

	21	πιστεύειν	πιστότατον [1])
	23	ὦσι	εἰσὶ [2])
—	25	ἤτω	ἔστω γὰρ [3])
125	10	ἐπεπίστευτο	πεπίστευται [4]), или πεπίστευτο [5])
126	2	φωτὸς ἐνεργεῖσθαι	φωτὸς ὅλος γίγνεσθαι τὸ ἑαυτοῦ πλησίον ὁρᾷ οὐδεὶς ἀμφιβάλλει [6])
	9	εἴτε φῶς, εἴτε πῦρ	εἴτε ὡς φῶς, εἴτε ὡς πῦρ [7])
129	5	ἀντεχομένοις	ἀνεχομένης [8])
130	6	τῷ ἑαυτοῦ Πατρὶ καὶ ταῦτα ἐν οὐδενὶ	τῷ ἰδίῳ Πατρὶ [9]) καὶ ταῦτα κατ' οὐδὲν [10])
131	3	ἐκλύσας	ἑλκύσας [11]), или ἐγκλύσας [12]), или λύσας [13])
—	7	ἐπιμελεῖσθαι	ἐπιμελητέον [14])
132	2	ἀναδεχομένους τὴν πάλην	ἀναδεξαμένους [15]) τὴν πλάνην [16]), или ἀναδεδεγμένους [17])
—	3	αὕτη προϊοῦσα	αὕτη σαφῶς [18]) προσιοῦσιν [19])
134	1	ἀγωνιζόμενον	ἐγκρατευόμενον [20])

---

1) Ркп. Аѳон.-Діон. библ. № 278. 2) Тамъ же. 3) Ркп. Импер. Вѣн. библ. № 193 (по Дорое. Вулизмѣ). 4) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. л. № 42 Γ'. 5) Ркп. Ксеноф. библ. № 36. 6) Ркп. Импер. Вѣн. библ. № 193 (Дорое. Вулиз.). 7) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 8) Ркп. лав. Аѳан. Аѳон. № 40 Γ'; ркп. Ксеноф. библ. № 36. 9) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω'; ркп. Ватоп. библ. № 52. 10) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω'. 11) Ркп. Свят.-гроб. № 45; ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 40 Γ'; ркп. Ватоп. библ. № 369, № 405. 12) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 122 K'. 13) Ркп. Имп. Вѣн. библ. (по Дор. Вулиз.). 14) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 85 Ω'. 15) Тамъ же № 42 Γ'. 16) Ркп. Имп. Вѣн. библ. (по Дорое. Вулизмѣ). 17) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 85 Ω'. 18) Ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 85 Ω'. 19) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 40 Γ'; ркп. Ватоп. библ. № 405. 20) Ркп. лавры Аѳан. Аѳон. № 42 Γ', № 40 Γ'; ркп. Свят.-гроб. № 45; ркп. Андр. скита на Аѳонѣ № 723; ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Ксеноф. библ. № 36; ркп. Діон. библ. № 278.

136	2—3	τὸ λειπόμενον τοῦ σχήματος	τὸ λεῖπον σχῆμα [1])
141	3	ἐπιμελησάμενος μήτε βραχείας ἀνεχόμενος θλίψεως	μὴ ἐπιμεληθεὶς ἐκφυγεῖν [2]), μήτε μιᾶς [3]) ἀποσχόμενος [4]) θλίψεως
142	1	δικαιοσύνης	δικαίας [5])
145	2	καὶ χρηστῶς	τε καὶ ἡδέων [6])
146	2	μέρη	μέλη [7])
150	7	οὕτω καὶ ἐξατονοῦν	οὕτως καὶ ἐξασθενοῦν [8])
171	1	θέλοντας	ἔχοντας [9])
172	2	τῇ τοῦ Θεοῦ	παρὰ τοῦ Θεοῦ [10])
183	1	φέρει	ἀναφέρει [11])
184	7	εὐπρεπεῖς	ἁπρεπεῖς [12])
185	3	ἐμπαθῶς	опущено [13])
188	1	παριστᾷν ἑαυτῷ	παριστᾶναι αὐτῷ [14])
189	1	χρωμένους	κεχρῆσθαι [15])
191	2	τῆς ἁμαρτίας	τοῦ πάθους [16])
192	1	τὸ κρεῖττον	καθόλου [17])
194	1	εἰς γαστέρα	опущено [18])
196	1— 2	οὐ γὰρ μόνον ἡ ποιότης αὐτῶν ἐπιβλαβὴς τοῖς ἀγωνιζομένοις σώμασι γίνεται	οὐ γὰρ δὴ [19]) μόνον ἡ παράλογος αὐτῶν ποιότης τυγχάνει τοῖς ἀγωνιζομένοις σώμασιν, ἀλλὰ.. [20])

---

1) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; № 85 Ω′; ркп. Діон. библ. № 278. 2) Ркп. Вѣнск. Импер. библ. № 93 и № 193 (по Дороѳ. Вулизмѣ). 3) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 4) Ркп. Ксеноф. библ. № 36. 5) Ркп. Ват. библ. № 405. 6) Тамъ же и ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω′. 7) Ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Ксеноф. библ. № 36; ркп. лавры Аѳан. Аѳон. № 122 К′; ркп. Діон. библ. № 278. 8) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Діон. библ. № 278. 9) Ркп. Діон. библ. № 278. 10) Тамъ же. 11) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 12) Ркп. Діон. библ. № 278. 13) Ркп. Ивер. библ. № 1337; ркп. Аѳан. Аѳон. № 122 К′. 14) Ркп. Ватоп. библ. № 405; ркп. Ивер. библ. № 1337. 15) Ркп. Ватоп. библ. № 52. 16) Тамъ же. 17) Ркп. Діон. библ. № 278. 18) Ркп. Ватоп библ. № 52. 19) Ркп. Діон. библ. № 278. 20) Ркп. Ват. библ. № 52.

199	1	θεοφόρον συνείδησιν	θεόφοβον συνείδησιν [1]
200	1	ἆρα	ἂν εἴη [2]
203	7	ὁ Κύριος ἡμῶν	ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς [3]
	12	πεπότισται	πεπότιστο [4]
	15	διαθέσεως	ἀγωνισταῖς [5]
204	3— 4	τοῦ πικροῦ τῆς μάχης	τῶν πικραινόντων τὴν αἴσθησιν [6]
206	3	τὸ... ἀπέχεσθαι	τὸν... ἀπεχόμενον [7]
207	2	ἐκθηλύνει ἡ ἐνήδονος	ἐκθηλύνει καὶ ἐνηδύνει [8]
208	2	ἀδόξου	ἀδόξου ἐκείνης [9]
209	1	ἐξωλείας	ἐξ ὅλης ἀγνοίας [10]
	4	ὀφείλομεν	ὀφείλοντας [11]
213	2— 3	διὰ τοῦτο καὶ προϋπῆρχε τὰ φάρμακα	διὰ τοῦτο θεόθεν τὸ κατ' ἀρχὰς τῇ γῇ προκατεβλήθη τὰ φάρμακα [12]
215	3	τὸν σκοπὸν τῆς ἐγκρατείας κατορθοῦσι	τὸν ἀσκητικὸν κατορθοῦσθαι [13]
219	2	ἀναχωρητικὸν βίον	μονήρη βίον [14]
220	1— 3	ματαξὺ δύο ἢ τριῶν ὁμοτρόπων ἀδελφῶν κατορθοῖ, ἑαυτὸν τῷ Κυρίῳ	ματαξὺ δύο μόνον ἢ τριῶν [15] ὁμοτρόπων τὴν ἀρετὴν ἀδελφῶν [16] κατορθοῖ τόποις μόνῳ τῷ Κυρίῳ ἑαυτὸν [17]

---

1) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; ркп. Ксеноф. библ. № 36; ркп. Діон. библ. № 278. 2) Ркп. Діон. библ. № 278. 3) Тамъ же. 4) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; ркп. Діон. библ. № 278. 5) Ркп. Діон. библ. № 278. 6) Тамъ же. 7) Тамъ же. 8) Ркп. Ватоп. библ. № 52. 9) Ркп. Діон. библ. № 278. 10) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′. 11) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 40 Γ′; № 85 Ω′; ркп. Ватоп. библ. № 52; ркп. Ивер. библ. № 1337. 12) Ркп. Діон. библ. № 278. 13) Ркп. Ват. библ. № 52. 14) Тамъ же; ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω′. 15) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; ркп. Ксеноф. № 36; ркп. Діон. № 278. 16) Ркп. Ват. библ. № 405. 17) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; ркп. Ксеноф. библ. № 36; ркп. Діон. библ. № 278.

225	1	κεχρημένος	κεκτημένος [1])
227	4	τὰς ὑλώδεις	τὰς ὑλικὰς [2])
228	2	ἀσχολίαν	ἀστοχίαν [3])
229	6	ἀπεκδέχεται	ἀποδέχεται [4])
232	1	γίνονται	ἀντέχονται [5])
	2	μελλόντων	опущено [6])
245	2	ὁδοῦ	ζωῆς [7])
246	10	ὑπὲρ τὸ μέτρον χρησώμεθα	ἀμέτρως χρώμεθα [8])
247	1	ὁμιλεῖ	ὁμιλεῖ καὶ τρανῶς διδάσκει [9])
	14	διηθύνθη	διηδύνθη [10])
	19	καρποῦ	отсутствуетъ [11])
248	4	τοῦ Θεοῦ	τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ [12])
	7	ἴδιον	ἴδιον τοῦτο [13])
256	1	ὁ τοιοῦτος	нѣтъ [14])
257	1	ὥσπερ	ἅσπερ [15])
258	1	ἔχων	ἔχει [16])
260	1	παρ' αὐτῷ	ἐπ' αὐτὸν [17])
263	1	καταφθάσωσι	καταφθάνει [18]), или καταφθάσῃ [19]), или καταφθάνωσι [20])
271	1	τοῦ λόγου αὐτῇ	опущено [21])
275	1	ἔργον ἀρετῆς	ὄργανον ἀρετῆς [22])

---

1) Ркп. Ват. библ. № 52. 2) Тамъ же. 3) Ркп Ксеноф. библ. № 36. 4) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Г′; ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Ватоп. библ. № 52. 5) Ркп. Діон. библ. № 278. 6) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Г′. 7) Ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Имп. Вѣн. библ. № 93 (по Дороѳ. Вулизмѣ). 8) Ркп. Ват. библ. № 52. 9) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω′. 10) Тамъ же; ркп. Ксеноф. библ. № 36; ркп. Аѳан. Аѳон. № 40 Г′. 11) Ркп. Діон. библ. № 278. 12) Ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω′. 13) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Г′. 14) Ркп. Діон. библ. 278. 15) Тамъ же. 16) Тамъ же. 17) Тамъ же. 18) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Г′. 19) Ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Ксеноф. библ. № 36; ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 122 К′. 20) Ркп. Ват. библ. № 369; ркп. Діон. библ. № 278. 21) Ркп. Ват. библ. № 52. 22) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45.

276—277	1	τέλειον ἐπαγγελλομένην ἡμῖν	τελείως ἐπαγγελλόμενα σημαίνειν ἔχειν ἡμῖν[1]), или ἐπαγγελλομένης[2]), или σημαίνειν вм. ἡμῖν[3])
279—280	1	εἶγε εἰς στενοὺς ἄγαν πόρους ἐπιστήσομεν	εἰ ἐκτενῶς ἄγαν ἐπιστήσομεν[4]) ὅρους[5])
285	1	ἐκείνης	ἐκείνης τῆς λοιμώδους[6])
286	7	ἀπαιτεῖ	ἀπατεῖ[7])
	13	Ἰησοῦ μόνον	Ἰησοῦ Χριστέ[8])
288	1	φησί, λέγει	φησὶ δύναται ἐπεῖν λέγει[9])
290	2	θεωρείτω	θεωρεῖται[10])
292	1	μερίμνῃ	μνήμῃ[11])
294	1	ῥύπον	ὕπνον[12])
299	1	τὴν ψυχὴν	нѣтъ[13])
301	1	πολυπόθητον	ἅγιον[14])
303	1	λοιπὸν	нѣтъ[15])
304	6	εἰσαγωγοῦ χαρὰς	εἰσαγωγικὴ χαρὰ[16])
	13	λύπη θεοφιλὴς καὶ ἐνεργὲς δάκρυον	λύπης θεοφιλοῦς ἐνεργέστατον δάκρυον[17]), или καὶ ἐναλλαγὴ δακρύων[18])
	19	τῇ εἰσαγωγῷ χαρᾷ	ἐν τῇ εἰσαγωγικῇ χαρᾷ[19])

1) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 40 Г′. 2) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Аѳан. Аѳон. № 122 К′; ркп. Ксеноф. № 36. 3) Ркп. Діон. библ. № 278. 4) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω′. 5) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Г′; № 40 Г′; ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Ватоп. библ. № 405; ркп. Ксеноф. библ. № 36; ркп. Діон. библ. № 278. 6) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Діон. библ. № 278. 7) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Г′. 8) Ркп. Діон. библ. № 278. 9) Тамъ же. 10) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 11) Ркп. Ват. библ. № 52. 12) Ркп. Импер. Вѣн. библ. № 93 (по Дорое. Вулизмѣ). 13) Ркп. Ват. библ. № 52. 14) Ркп. Діон. библ. № 278. 15) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 16) Ркп. Имп. Вѣнск. библ. № 93 (по Дорое. Вулиз.). 17) Тамъ же. 18) Ркп. Ксеноф. библ. № 36; ркп. Діон. библ. № 278. 19) Ркп. Импер. Вѣн. библ. № 93 (по Дорое. Вулизмѣ).

305	12	ἐν θερμῇ μνήμῃ τοῦ Θεοῦ	καὶ ζεούσῃ μνήμῃ τοῦ Χριστοῦ [1]
	20	ἡ ὑπὸ κραιπάλης	ἢ πικρίας θολοῦται [2]
	23	ὅπως αὐτὸν	ὁποσοῦν [3]
306	1	ἐσκοτωμένος ὅλως	ἐσκοτωμένος γὰρ [4] ὅλως ὢν [5]
	15	πολυποθήτου	ποθουμένου [6]
	19	συγκράζουσαν	συγκρατοῦσαν [7]
	22	τὸ πάτριον	τὸ πατερικὸν [8]
307	19	Θεοῦ καὶ Πατρὸς	Κυρίου [9] καὶ Σωτῆρος [10]
	20	κινηθῶμεν	ἐρχόμεθα [11]
312	2— 3	βαρέως ὀργισθέντες	βάρος, ὡς ὀργισθέντες [12]
313	3	πνεύματι	πνευματικῶς
314	1	ἀθυμίᾳ	ἀθυμίᾳ δαίμονι [13]
316	2	ἀταράχῳ	ἀταράχως
318	3	παρασχεθῆναι	παρέχεσθαι ὥσπερ [14]
320	1	ἐνεργεῖτο	ἐδελιάζετο [15]
	2	φαίνεται	δοκεῖ
321	3	ἀνταποδόσεων	ἀνταποδόσεως ὤφθη [16]
322— 323	2	ὁ μὲν γὰρ	ἐπειδὴ ὃς μὲν ἀγύμναστον [17]
323	2	ἔχων φαίνεται	φέρεται [18]
326	2	θεσπεσίου	θεσβήτου [19]

---

1) Тамъ же № 193 (по Дороѳ. Вулиз.). 2) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. л. № 85 Ω′. 3) Тамъ же. 4) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′; № 40 Γ′; № 85 Ω′; № 122 Κ′. 5) Ркп. Аѳон.-Діон. библ. № 278. ὢν опущено. 6) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 7) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′; Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Діон. библ. № 278. 8) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 42. 9) Ркп. Ват. библ. № 52. 10) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′. 11) Тамъ же. 12) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 13) Ркп. Ват. библ. № 405; ркп. Аѳан. Аѳон. № 40 Γ′; ркп. Діон. библ. № 278. 14) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; № 40 Γ′; ркп. Ват. библ. № 405. 15) Ркп. Имп. Вѣн. библ. (по Дороѳ. Вулиз.). 16) Тамъ же. 17) Ркп. Діон. библ. № 278. 18) Тамъ же. 19) Ркп. Ват. библ. № 52.

	3	εὑρίσκομεν	εὑρίκαμεν [1])
327	2	τῶν τεσσάρων	τῶν χερουβικῶν τεσσάρων [2])
329	2— 3	ὡς ἵπποις ταῖς οἰκείαις, ἐμοὶ δοκεῖ	ὡς οἶμαι ταῖς οἰκείαις χρησάμενος [3])
330	9	αὐτῷ	αὐτῷ γένοιτω (sic) [4])
332	2	ἠμφίεσται	ἀμφιέννυται [5])
341	2	καὶ ὑπὲρ τῆς σωτηρίας	καὶ ἵνα τὸ μεῖζον εἴπω ὑπὲρ τῆς σωτηρίας [6])
346	18	ἀναξικακοῦμεν, γινώμεθα	ἀναξίκακοι γινώμεθα [7])
	20	ὦ ἀλόγου προφάσεως!	Μετὰ ἀλόγου προφάσεως [8]), или μετ' εὐλόγου προφάσεως [9])
347	2	δίκας	θελήσω δίκας [10])
	6	δῆλον ὅτι	ὡς δῆλον εἶναι [11])
	16	λόγιον	λόγον
348	10—13	οὐχὶ τὸ πλεονεκτηθὲν ὑπολαβόντες ἀπὸ τῆς ἁμαρτίας διὰ τὴς μετανοίας ἐλευθερώσωμεν	ἀλλὰ τὸν πλεονέκτην ἀπολάβωμεν ποτὲ διὰ τῆς μετανοίας τῆς ἁμαρτίας ἐλεύθερον [12])
351	2	τοῦ Θεοῦ χρηστῶς διασπείρω	τοῦ θείου [13]) ἐλλείπει κελεύσματι [14])
	13	κτίσμα οὔτε γὰρ πρὶν οὗτος ἢ ἐκεῖνος	πλάσμα [15]) οὓς ὄντως εἰ ἐκεῖνος [16])

---

1) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 2) Тамъ же. 3) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω′; № 40 Γ′; ркп. Ват. библ. № 52. 4) Ркп. Діон. библ. № 278. 5) Ркп. Имп. Вѣн. библ. № 93 и № 193 (по Дороѳ. Вулизмѣ). 6) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 40 Γ′. 7) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′. 8) Тамъ же; ркп. Аѳан. Аѳон. № 40 Γ′; № 108 Β′; № 122 Κ′; ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Ват. библ. № 52, № 405; ркп. Ксеноф. библ. № 36. 9) Ркп. Аѳоно-Діон. библ. № 278. 10) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 40 Γ′. 11) Ркп. Вѣн. Имп. библ. № 93 и № 193 (по Дороѳ. Вулизмѣ). 12) Ркп. Ксеноф. библ. № 36; ркп. Аѳан. Аѳон. № 106 Β′. 13) Ркп. Діон. библ. № 278. 14) Ркп. Вѣнск. библ. № 93 (Дороѳ. Вулизм.). 15) Ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω′. 16) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′.

	18	τὴν ἐπίγνωσιν	τὴν ἐπίγνωσιν τῆς ἀληθείας [1]
	21	τὰς οἰκείας ἐπιθυμίας? μισήσοντα	τῆς οἰκείας ἐπιθυμίας μισήσαντα [2]
352	4	γὰρ χρημάτων	γὰρ ποῦ τῶν χρημάτων [3]
	16	καθ' ἡμέραν	нѣтъ [4]
	17—18	διὰ τῆς ἐπιμόνου εὐχῆς	ἐκ [5] τῆς ἐπὶ πόνου εὐχῆς [6]
353	2	ἀποκτᾶσθαι	ἀποκτίσασθαι [7]
	6	εὐαγγελίζηται	ἐργάζηται [8]
	13	σημαίνει	ἐπισημαίνεται [9]
359	1	χάριτος	ἀγαθότητος [10]
361	1	χαίροντας	нѣтъ [11]
365	1	εἰς τοῦτο	εἰς αὐτὴν [12]
377	2— 3	οὐδὲ γὰρ ἴδια αὐτὸν	οὔτε γὰρ τοιοῦτον τοῦτο [13], или οὔτε γὰρ ἑαυτῶν [14]
	8	διαφορηθέντα διὰ τῆς πολλῆς	διαφθονηθέντα ὑπὸ τῆς πολλῆς [15]
378	5	θείοις	θεϊκοῖς [16]
	10	πλάτους	πλούτου [17]
382	1	προκαλεῖται	προσκαλεῖται [18]
389	6	πάντα καλὰ λέγῃ	πάντοτε [19]) καλὰ λίαν λαλῇ

---

1) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω′; ркп. Ват. библ. № 52. 2) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; № 85 Ω′; № 122 К′; № 108 В′; Діон. библ. № 278. 3) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45 и Діон. библ. № 278. 4) Ркп. Діон. библ. № 278. 5) Тамъ же; ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; ркп. Ват. библ. № 52; Свят.-гроб. библ. № 45. 6) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; Ватоп. библ. № 405. 7) Тамъ же и ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 40 Γ′. 8) Ркп. Діон. библ. № 278. 9) Ркп. Ват. библ. № 52. 10) Тамъ же. 11) Тамъ же. 12) Тамъ же. 13) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 14) Ркп. Діон. библ. № 278. 15) Тамъ же. 16) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′. 17) Тамъ же. 18) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Ват. библ. № 52 и № 405. 19) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′; ркп. Діон. библ. № 278. 20) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 85 Ω′; ркп. Ватоп. библ. № 52.

	7	μνήμην	θέρμην [1])
	18—19	φαντασίας ξένον	φαντασίας ἐκτὸς [2]) и φαντασίας πρόξενον [3])
390	7	διενοχλεῖν	διενοχλεῖν πάθη [4])
	8	τῆς γνώσεως	τῆς θεογνωσίας [5])
	15	τοῦ κόσμου φρονήματι	τοῦ κόσμου ἡ ψυχὴ φρονήματι [6])
	23	τῶν παρόντων	τῶν ῥεόντων [7])
391	2	οὔτε ἐν ὀνείρῳ	οὔτε ἐν ἑαυτῇ [8]), или ἐν ἑαυτῷ [9])
392	14	ἐν εὐκαίροις	ἐν καιροῖς [10])
394	5	ἐν εὐθυνίᾳ ᾖ	Нѣтъ [11]), или εὐθυνῆται [12])
395	1	θέλει	βούλεται [13])
397	1	ἠπίους ἐννοίας	ἠπίας ἐννοίας [14]) или νηπίους [15])
402	5	τῇ ἐγκρατείᾳ	τῆς ἐγκρατείας [16])
403	21	φύσεως	αὔρας [17])
	22—23	τὰς νεφέλας κατὰ πάσης ἐπιφέροντος τῆς οἰκουμένης	τὰς νεφέλας ἐπάγοντος κατὰ πάσης τῆς κτίσεως [18])
409	1	ἓν πρόσωπον	ἓν πνεῦμα [19])
	3	εὐθὺς	εὐθέως [20]), или опущено [21])
418	2	ἔσωθεν	ἔνδοθεν [22])

1) Ркп. Діон. библ. № 278. 2) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ'. 3) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 4) Ркп. Ват. библ. № 52. 5) Ркп. Діон. библ. № 278. 6) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; Ват. библ. № 52; ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω'; ркп. Діон. библ. № 278. 7) Ркп. Діон. библ. № 278. 8) Тамъ же. 9) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ'. 10) Ркп. Діон. библ. № 278. 11) Ркп. Иверск. библ. № 1337. 12) Ркп. Діон. библ. № 278. 13) Тамъ же. 14) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ'. 15) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 16) Тамъ же. 17) Ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω'. 18) Тамъ же. 19) Ркп. Иверск. библ. № 1337; ркп. Ксеноф. библ. № 36; ркп. Ват. библ. № 403. 20) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 21) Ркп. Діон. библ. № 278. 22) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ'.

422	1	χειρῶ δὲ	χειρῶδες [1])
431	18	προθέσεως ἐρᾷν τοῦ	προαιρέσεως [2]) ἀγα-
432	14	Θεοῦ	πᾷν τὸν Θεόν [3])
		κατακέκρυπται	κατακρύπτεται
432	12	ἐρρυπώθησαν	ἠμαυρώθησαν [4])
434	2	σωτήριον	σωτηρίου [5])
435	14	ῥύπον	πιλὸν [6])
	15	νῦν	νοῦν [7])
437	12	σαρκὸς	σώματος
	14	ἡμῶν κατὰ	ἡμῶν ἀεὶ κατὰ [8])
438	2	ἄῤῥητον	ἀπόῤῥητον [9])
	6	μάλιστα	ἀμελεῖς [10])
440	1	ῥήματι	σχήματι [11])
	3	ἐπάγει	ἐπάγει λέγων [12])
441	1	οὐ κατέλαβεν	οὐκ ἔλαβεν [13])
	10	γὰρ ἀλλότριος	γὰρ φησὶν ἀλλότριος [14])
	16—18	τὴν ἐσκοτισμένην αὐ-	τὴν ἐσκοτισμένην ἀπά-
		τῶν καρδίαν τῷ φωτὶ	τὴν τῆς ἑαυτῆς καρ-
		τῆς γνώσεως αὐτοῦ διὰ	δίας καὶ τὸ φῶς τῆς
		τοῦ λόγου ἀξίως ἀτι-	γνώσεως αὐτοῦ διὰ τοῦ
		μάζει	λόγου αὐτῶν ἀτιμίζον-
			ται [15])
442	7	πολεμεῖ	παρενοχλεῖ [16])
443	1	ματεωρισμοὺς... σχι-	λογισμοὺς ... σχημα-
		ματιζόμενοι	τίζονται [17])

1) Ркп. Иверск. библ. № 1337. 2) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′; ркп. Вѣн. библ. № 193 (по Дорое. Вулизмѣ). 3) Ркп. Діон. библ. № 278. 4) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′. 5) Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 122 Κ′; ркп. Діон библ. № 278. 6) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′. 7) Ркп. Діон. библ. № 278. 8) Тамъ же и ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 9) Ркп. Діон. библ. № 278. 10) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 11) Рпк. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; Свят.-гроб. библ. № 45; Діон. библ. № 278. 12) Ркп. Ват. библ. № 52. 13) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 14) Ркп. Діон. библ. № 278. 15) Ркп. Импер. Вѣн. библ. № 93 и № 193 (по Дорое. Вулизмѣ). 16) Ркп. Ват. библ. № 52; ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω¹· 17) Ркп. Діон. библ. № 278.

	4	τὴν χάριν αὐτὸν ὁμιλίας ἀποσπῶσιν	χάρις αὐτονομίας ἀποσπάσωσιν [1])
	7	εἰς τὰ ψυχικὰ ἐκπυρούμεθα	τὰ φυσικὰ [2]) ἐκφερώμεθα [3]), или ἐκπερώμεθα [4])
444	4	φιλοδοξίας	κενοδοξίας [5])
445	1	ἀναζέειν	ἀναφλέγειν [6])
	2, 6	ἐνθύμησις	ἐπιθύμησις [7])
446	1	ἀνθρωπείας	ἀνθρωπίνης [8])
	3— 4	ἀξίας διὰ τὸν τῆς σαρκὸς λόγον	ἀξίας λόγου διὰ τὴν σάρκα [9])
447	2	ἐνθυμώμεθα μήτε	ἐνθυμεῖσθαι μηδὲ [10])
448	1	πικρὸν καὶ ζοφῶδες	φρικτὸν καὶ γνοφῶδες [11])
449	3	ἐπιστύφωμεν	ἐπιστρέφωμεν [12])
450	4	διδάσκει	διδάσκει λέγων ὅταν [13])
	6	σεσαρωμένον	σεσαρωμένον καὶ κεκοσμημένον [14])
	10—11	εἰσέρχεται εἰς αὐτὴν καὶ ἐμφωλεύει	εἰσελθόντα κατοικεῖ ἐκεῖ [15])
	12—13	отсутствуютъ [16])	
	14	ποιῶν	ἐργαζόμενος [17])
	17	σῆς ψυχῆς	нѣтъ [18])
451	6	οὕτω λέγει	φησί [19])
452	1	σατανᾶς	нѣтъ [20])

---

1) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 2) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 3) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 4) Ркп. Діон. библ. № 278. 5) Ркп. Ват. Библ. № 52; ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω′. 6) Ркп. Діон. библ. № 278. 7) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. 42 Γ′. 8) Ркп. Ват. библ. № 52. 9) Тамъ же и ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 85 Ω′; № 122 K′. 10) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′. 11) Ркп. Діон. библ. № 278. 12) Тамъ же и ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′; № 85 Ω′; ркп. Вѣн. Имп. библ. (по Дорое. Вулизмѣ). 13) Ркп. Ватоп. библ. № 52; ркп. Аѳан. Аѳон библ. № 85 Ω′. 14) Тамъ же. 15) Тамъ же. 16) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 40 Γ′. 17) Ркп. Діон. библ. № 278. 18) Тамъ же. 19) Ркп. Ват. библ. № 52. 20) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45.

	10	ἀναλαβόντες	ἀναλάβεσθε [1])
453	13	πτερῷ δυνηθῇ	πτερῷ καταβαλεῖν δυνηθῇ [2])
	14	ἐπειδὴ	πάλιν ἐπειδὴ [3])
454	1	ἐφίπταται	ἐφάπτεται [4]) и ἀφίπταται [5])
	9	προσήκει πείθεσθαι	προσήκει νοεῖν καὶ πείθεσθαι [6])
	14	ἡδέως διὰ τὴν ἑαυτῆς	нѣтъ [7])
	20	Θεοῦ τε καὶ διαβόλου	Θεοῦ φημὶ καὶ διαβόλου [8])
	25	ἵστατο	ἵστανται [9])
	27	ἡδέως	нѣтъ [10])
455	1	προσίετο	προσίεται [11])
	10	ἀγῶνα ἀνθισταμένων	ἀγῶνα εἶναι τῶν ἀνθισταμένων [12])
	14	ὑπεκλύειν	ὑπεκλύουσιν [13])
	16	ἐπιχειροῦσι	σπουδάζουσι [14])
	23	φρονήματος	φυράματος [15])
	25—26	λοιπὸν γίνεται οἶκος τοῦ Ἁγίου Πνεύματος	λοιπὸν ὁ τοιοῦτος γίνεται τοῦ Ἁγίου (въ ркп. Діон. № 278: τοῦ ἀγαθοῦ) Πνεύματος οἰκητήριον [16])
456	1	καὶ ἀγωνίζονται	нѣтъ [17])
	6	ὑποτίκτειν	ἀποτίκτειν [18])

---

1) Ркп. Діон. библ. № 278. 2) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 3) Ркп. Ват. библ. № 52. 4) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Діон. библ. № 278. 5) Ркп. Ват. библ. № 405. 6) Ркп. Ват. библ. № 52. 7) Тамъ же; ркп. Діон. библ. № 278. 8) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 9) Тамъ же. 10) Ркп. Діон. библ. № 278. 11) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; Свят.-гроб. библ. № 45; Ват. библ. № 52. 12) Ркп. библ. Свят.-гроб. № 45. 13) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 14) Ркп. Аѳан. Аѳон. № 85 Ω′. 15) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 16) Ркп. Ват. библ. № 52. 17) Тамъ же. 18) Ркп. Діон. библ. № 278.

	10	οὐ καλοὺς	οὐ καλούς τε καὶ κακούς [1])
457	5	διαλογισμοί	λογισμοί [2])
	22	φαίνονται	λέγονται [3])
458	6	ἄδηλον	εὔδηλον [4])
	8	ἐννοίας	διανοίας [5])
	23	οἰκοδεσπότῃ	δεσπότῃ [6])
	24	ὡς ἐὰν καὶ θέλῃ ἀναπαυομένῳ	нѣтъ этихъ словъ [7])
459	2	τὸν ἀντιστάμενον αὐτῷ	ἀντιστάντα αὐτὸν [8]), или ἀναστάντα [9])
	8	τιμωρίαν	ἐξορίαν [10])
	10	στρατεύμασιν	нѣтъ [11])
460	2	ὅτι τοῦτο	ὁ τοιοῦτος [12])
	3	μηδέπω	οὔπω [13])
	4— 5	γεγεῦσθαι καὶ ἑωρακέναι, ὅτι χρηστὸς ὁ Κύριος	γεύσασθαι τῆς χρηστότητος τοῦ Κυρίου [14])
	18	καταφθάνειν	καταφανείῃ [15])
	25	Ἰησοῦν	нѣтъ [16])
461	3	γῆς	πληγῆς [17])
	5	βολαί	τότε ἐπιβουλαί [18])
	7— 8	τὸ ἐμπαθὲς τῆς πληγῆς	τὸ ἐμπαθὲς τῆς ψυχῆς μέρος [19])
462	15	προκοπῇ	τῇ προσθήκῃ [20])

1) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 2) Ркп. Діон. библ. № 278. 3) Тамъ же. 4) Тамъ же. 5) Тамъ же. 6) Тамъ же. 7) Ркп. Ват. библ. № 52. 8) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 9) Ркп. Ват. библ. № 405; ркп. Иверск. библ. № 1337; ркп. Діон. библ. № 278. 10) Ркп. Ват. библ. № 405; ркп.Ивер. библ. № 1337. 11) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 12) Ркп. Ватоп. библ. № 52. 13) Тамъ же. 14) Ркп. Импер. Вѣн. библ. (по Дороѳ. Вулизмѣ). 15) Ркп. Импер. Вѣнск. библ. № 93 (по Дороѳ. Вулизмѣ). 16) Ркп. библ. лавры Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 17) Ркп. Импер. Вѣнск. библ. (по Дороѳ. Вулизмѣ). 18) Ркп. Ват. библ. № 52 просто: βουλαί; ркп. Ват. библ. № 405; лавры Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′; № 122. 19) Ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Импер. Вѣнск. библ. (по Дороѳ. Вулизмѣ). 20) Ркп. Ват. библ. № 52.

463	2	ἐνδιαιτήματα	нѣтъ [1])
	20	αὐτὴν τὴν ἐκ τοῦ Θεοῦ βοήθειαν	τὴν τὸν Θεὸν καὶ τὸν ἐξ αὐτοῦ βοήθειαν [2])
	22	κατ' ὀλίγον	κατὰ τὸν λόγιον [3])
464	18	καὶ πυκναῖς παρακλήσεσι	нѣтъ [4])
465	2	ἐλθεῖν	εἰσέλθειν [5])
466	7	ἐπάγει	нѣтъ [6])
	15	καὶ κατὰ	нѣтъ [7])
467	3	μετὰ τῆς ἀπολογίας	διὰ τῆς ἐξομολογήσεως [8])
	5	γνώμης	γνώσεως [9])
	18	συμβολὴν	συμβολῇ [10])
468	5	ἐπιδείξῃ	ἐπιδεικνύοιτο [11])
469	6	ἀμοιρῇ	ἄμοιρά ἐστιν [12])
470	5	γνώσεως	γνώμης [13])
	8	περιφέρειν	φέρειν [14])
	11	σπεύδει	σπουδεῖ [15])
471	3	κατὰ σάρκα	σαρκικὰ [16])
	6	συνεχῶς	συχνῶς [17])
	8— 9	τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ	нѣтъ[18]), или τοῦ Θεοῦ[19])
	22	ὑπερβάλλει	ὑπερέχει [20])
472	18	χροιᾷ	χροιαί [21])
472	3	ὁμοιώσεως	ὁμοιότητος [22])

---

1) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 2) Ркп. Ват. библ. № 52. 3) Ркп. Импер. Вѣнск. библ. № 93 и № 193 (по Дороѳ. Вулизмѣ). 4) Ркп. Діон. библ. № 278. 5) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 6) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ'. 7) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ', Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Діон. библ. № 278. 8) Ркп. Ват. библ. № 405. 9) Ркп. Діон. библ. № 278. 10) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ'. 11) Ркп. Діон. библ. № 278. 12) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ'. 13) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 14) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ'. 15) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 16) Тамъ же; ркп. Ват. библ. № 405; ркп. Діон. библ. № 278. 17) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 18) Ркп. Ват. библ. № 52, № 43. 19) Ркп. Ват. библ. № 405. 20) Ркп. Діон. библ. № 278. 21) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 22) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ'.

473	11	δηλοῖ ἡμῖν	δὴ δεῖ ἡμᾶς [1])
	17	ῥυθμόν	βαθμὸν [2])
	20	ἐν πάσῃ πληροφορίᾳ	ἐν ἀργεῖ πληροφορίᾳ [3])
474	19—21	οὔτε γὰρ ἀπάθειαν ἄλλη ἀρετὴ δύναται περιποιῆσαι τῇ ψυχῇ	οὔτε γὰρ ἄλλη (иногда ἅπαξ [4]) ἀρετὴ ἀπαθῆ δύναται ποιήσασθαι τὴν ψυχήν [5])
	22	μόνη	μόνον [6])
475	1	ταύτης	αὐτῆς [7])
	11	γεύει	νεύει [8])
	20	κρύπτει δὲ λοιπὸν	нѣтъ [9])
	24	ἑαυτοὺς	ἑαυτὰς [10])
476	12	τὴν τῶν τελειοτάτων	τὴν τελειοτάτην [11])
477	1	τῆς γνώσεως	τοῦ Πνεύματος [12])
	6	τῶν οὐρανῶν	τοῦ Θεοῦ [13])
	13	προκόπτοντες	φθάσαντες [14])
478	4	τοσοῦτον	τοσαύτης [15])
479	1	τῆς θείας	нѣтъ [16])
482	1	μέλλον διαπονεῖσθαι	μέλλοντα [17]), или μελλόντων [18]) διαπόλλυσθαι [19])
485	3	ἐκδικεῖ	ζητεῖ [20])
491	1	ὡς ὅλως ὢν ἐν πόθῳ	нѣтъ [21])
492	20	λαλούντων	ἀλγούντων [22])
493	10	ἀποπληροῦν	ἀποπληροῦν χρὴ [23])

---

1) Тамъ же. 2) Ркп. Діон. библ. № 278. 3) Тамъ же и ркп. Ват. библ. № 52. 4) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Діон. библ. № 278. 5) Ркп. Ват. библ. № 405. 6) Ркп. Діон. библ. № 278. 7) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 8) Ркп. Ват. библ. № 405. 9) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 10) Ркп. Діон. библ. № 278. 11) Ркп. библ. Аѳон. Аѳон. № 42 Γ′. 12) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 13) Тамъ же и ркп. Діон. библ. № 278. 14) Ркп. Діон. библ. № 278. 15) Тамъ же. 16) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 17) Ркп. Ват. библ. № 52; № 405; ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 122 Κ′. 18) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 19) Ркп. Діон. библ. № 278. 20) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 21) Тамъ же. 22) Ркп. Діон. библ. № 278. 23) Тамъ же.

495	20—21	εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν	εἰς τὴν ζωὴν [1]
496	23	τῆς εὐδοκίας	τῆς εὐδοξίας [2]
497	4	τῷ θεσπεσίῳ	τῷ θαυμασίῳ [3]
	18—18	Αὐτὸς δὲ ὁ ἀπόστολος	Ὅθεν αὐτὸς [4] ὁ ἀπόστολος Παῦλος [5]
498	8	Σταυροῦ	нѣтъ [6]
	12	τῇ ὑπεροχῇ	διὰ τὴν ὑπερβολὴν [7]
	13	ἐμμένωσι	ἐνέμενον [8]
499	2	νυνὶ	нѣтъ [9]
	6	τὸ σῶμα	τὸ σῶμα θλίβεσθαι [10]
	20	εὐχαριστοῦντας	εὐχαριστοῦντας ἡμᾶς [11]
501	3	τοῦ Θεοῦ	τοῦ Χριστοῦ [12]
505	6	ἀθυμίαν	εὐθυμίαν [13]
508	3	παθῶν	πόνων [14]
509	22	φιλοδοξίαν	κενοδοξίαν [15]
510	6	ὑπάρχωσιν	εἰσίν [16]
	15	ἀμέτρως	нѣтъ [17]
511	2	φησὶν	нѣтъ [18]
512	19—	о п у щ е н ы [19]	
515	2	ἅπαντα	нѣтъ [20]
	8	τοῦ ἁγίου	τοῦ Ἁγίου Πνεύματος [21]
515	18	κατὰ κράτος ἀθετῆσαι τὰ κακὰ	нѣтъ [22]

1) Тамъ же. 2) Ркп. Ват. библ. № 405. 3) Ркп. Діон. библ. № 278. 4) Тамъ же. 5) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 6) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′; ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; Ват. библ. № 52, № 405; ркп. Ивер. библ. № 1337; ркп. Діон. библ. № 278. 7) Ркп. Ватоп. библ. № 52, № 405; ркп. Ивер. библ. № 1337. 8) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; Ивер. библ. № 1337. 9) Тамъ же. 10) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. скит. русск. Андр. библ. на Аѳонѣ № 723. 11) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 42 Γ′; ркп. Ват. библ. № 52, № 405; ркп. Иверск. библ. № 1337. 12) Ркп. Діон. библ. № 278. 13) Тамъ же. 14) Тамъ же и ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ. 15) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 16) Тамъ же. 17) Тамъ же и ркп. Ивер. библ. № 1337; ркп. Діон. библ. № 278. 18) Ркп. Діон. библ. № 278. 19) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ′. 20) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Ват. библ. № 52, № 405. 21) Ркп. Ват. библ. № 52, № 405; ркп. Ивер. библ. № 1337. 22) Ркп. Импер. Вѣн. библ. (по Дороѳ. Вулизмѣ).

517	11	αὐτῷ	αὐτῆς [1])
	12	ἐνεργείᾳ	ἐνεργεῖ [2])
518	2	παιδογονίαν εὐχερῶς	παιδοποιίαν [3]) δυσχερῶς [4])
521	5	ἐν Κυρίῳ	нѣтъ [5])
522	3	μετεωρισμῶν ἁπάντων	μετεωρισμοῦ [6])
	5	φησὶν ὁ Ἰὼβ	καθὼς ὁ Ἰὼβ [7])
524	5	παντὸς	нѣтъ [8])
	7	τότε	нѣтъ [9])
	15	ἀναλύσεως	ἀναπαύσεως [10])
		πασῶν	нѣтъ [11])
525	1	ἐπτέρωται	ἐπέρωται [12])
	14	δοκιμασθέντες	καθαρισθέντες [13])
526	2	αὐτοῖς	нѣтъ [14])
	11	σύμπαντας	ἅπαντας [15]) и въ нѣкоторыхъ кодексахъ нѣтъ [16])

Предложенный вниманію нашихъ читателей списокъ variationes, по рукописямъ восточныхъ книгохранилищъ (Константинополя и Аѳона), убѣждаетъ насъ прежде всего въ томъ, что весьма важный матеріалъ для изученія текста даннаго творенія бл. Діадоха и его воззрѣній на сущность христіанскаго аскетизма въ книгѣ проф. Попова собранъ далеко не полно. Мы увѣрены, что многіе изъ нашихъ варіантовъ, извлеченные изъ извѣстныхъ намъ рукописей, будущему изслѣдователю твореній бл. Діадоха

---

1) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ'. 2) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 3) Ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Ивер. библ. № 1337. 4) Ркп. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ'. 5) Тамъ же. 6) Ркп. Ивер. библ. № 1337. 7) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45. 8) Тамъ же и ркп. Ват. библ. № 52. 9) Ркп. Діон. библ. № 278. 10) Ркп. библ. лавр. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ'. 11) Ркп. Діон. библ. № 278. 12) Ркп. Ивер. библ. № 1337. 13) Ркп. Свят.-гроб. библ. № 45; ркп. Ват. библ. № 405. 14) Ркп. Ват. библ. № 405; ркп. Иверск. библ. № 1337. 15) Ркп. Діон. библ. № 278. 16) Ркп. Ват. библ. № 405; ркп. Аѳан. Аѳон. № 42 Γ'.

и ихъ схоліасту въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ дать совершенно иное направленіе мысли и указать нѣчто новое въ воззрѣніяхъ изучаемаго писателя. . . . Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, теперь, послѣ изученія новыхъ списковъ λόγος ἀσκητικός, по рукописямъ съ IX—XIX вѣка, для насъ становится вполнѣ понятенъ суровый приговоръ проф. Попова о трудѣ своего знаменитаго предшественника по изданію настоящаго памятника, Никодима Святогорца, въ его Филокаліи. Приговоръ этотъ объясняется недостаточнымъ знакомствомъ издателя «новой редакціи» λόγος ἀσκητικός съ лучшими и древнѣйшими его списками. Въ противномъ случаѣ проф. Поповъ не призналъ бы «за позднѣйшія поправки» (стр. XIV), «передѣлки и позднѣйшія наслоенія» (стр. XVII), явившіяся чуть ли не изъ-подъ пера издателя Филокаліи, такія разночтенія, которыя въ дѣйствительности можно находить въ рукописяхъ IX, XI, XIII вѣковъ. Изъ числа варіантовъ, отмѣченныхъ г. Поповымъ въ Филокаліи, какъ «слѣды позднѣйшихъ поправокъ», читаются въ древнѣйшихъ рукописяхъ (указаніе см. въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ) слѣдующіе:

20	2	ἐν ἀγάπῃ	нѣтъ [1]
	7	καρτερεῖν	ἐγκαρτερεῖν [2]
29	8	τοῦ ἁγίου Πνεύματος	τοῦ παναγίου Πνεύματος [3]
33	11	Θεοῦ διηγεῖσθαι	διαλέγεσθαι Θεοῦ [4]
94	5	τῆς ψυχῆς	τῆς καρδίας [5]
306	21—22	κνωδάλῳ	τέκνῳ [6]
341	2	ὑπὲρ τῆς σωτηρίας	ὑπὲρ τῆς ἡμῶν σωτηρίας [7]

1) Ркп. Ватоп. библ. XII в. № 52; ркп. Аѳан. Аѳон. библ. XV—XVI в. № 124 К′ и XVII в. № 121 J′; ркп. Ивер. библ. № 1337. 2) Ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Ксеноф. библ. 1314 г. № 36. 3) Тамъ же и ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 122 К′. 4) Ркп. Ват. библ. № 52; ркп. Аѳан. Аѳон. библ. XV в. № 85 Ω′. 5) Ркп. Аѳан. Аѳон. библ. IX в. № 42 Г′. 6) Ркп. Діон. библ. XVII в. № 278. 7) Ркп. IX в. библ. Аѳан. Аѳон. № 42 Г′.

346 14—18 переставлены на мѣсто 16—17 строки [1])
374 1— 2 τὰς θεολογίας τοῦ Θεοῦ τὰς δυναστείας τοῦ Θεοῦ (Κυρίου) [2])

Мы лично не нашли оправданій въ древнихъ рукописяхъ лишь для *трехъ* чтеній въ Филокаліи Никодима Святогорца, а именно: 96, 17 χάριτος вмѣсто παρακλήσεως; 91, 21: κακὰ λογιζόμενοι вм. κακολογιζόμενοι и 248, 3 для прибавки ἡμῶν μή (стр. XIV—XV).

Въ третьихъ, наконецъ, оставляя въ сторонѣ неполноту собранныхъ варіантовъ и пристрастное отношеніе къ труду своего предшественника, при внимательномъ разсмотрѣніи variationes въ книгѣ проф. Попова и при сопоставленіи ихъ съ основнымъ текстомъ λόγος ἀσκητικός, нельзя не видѣть и того, что напечатанные варіанты являются лишь аксессуарами, излишнею роскошью, которая нашла себѣ мѣсто въ разбираемомъ нами трудѣ въ силу желанія подражать западнымъ ученымъ изданіямъ памятниковъ древне-христіанской письменности, но не вызываются настоятельною необходимостію самого изданія и мало оказываютъ вліянія на основной текстъ памятника. Въ своихъ варіантахъ проф. Поповъ лишь «предлагаетъ матеріалъ, могущій *располагать читателя принять или отвергнуть* редакціонную поправку издателя» (стр. XXVII). Иными словами говоря, это значитъ, что издатель значительную долю тяжелой редакціонной работы сваливаетъ съ себя на неповиннаго ни въ чемъ читателя, которому, безъ всякаго сомнѣнія, не легко будетъ разобраться въ указанныхъ издателемъ съ ревностію, достойною лучшаго примѣненія, многочисленныхъ пропускахъ словъ, орѳографическихъ и грамматическихъ неправильностяхъ, глагольныхъ формахъ съ ν на концѣ и безъ него и т. д. и т. д. Только этимъ легкимъ отношеніемъ

---

1) Тамъ же и ркп. Аѳан. Аѳон. библ. № 85 Ω'. 2) Тамъ же и ркп. Аѳан. Аѳон. XIII в. № 40 Γ'; ркп. Аѳоно-Ксеноф. библ. 1314 г. № 36; ркп. Аѳоно-Діон. библ. XVII в. № 278.

къ своимъ издательскимъ обязанностямъ проф. Попова мы и объясняемъ тотъ непонятный на первый взглядъ фактъ, что въ основномъ текстѣ λόγος ἀσκητικός допускаются иногда *прямо невѣрныя чтенія*, хотя въ варіантахъ и указаны чтенія лучшія и болѣе вразумительныя. Къ числу такого рода чтеній мы относимъ слѣдующія: 24, 1 ὡς вм. ὥσπερ (Матѳ. V, 48); 36, 1 ἡμᾶς вм. ἐμὲ (Іоан. III, 30); 30, 7—8 οὐκ ἀγαπῶ, ὡς θέλω вм. οὐκ ἀγαπᾷ, ὡς θέλει; 96, 8 χρηστός вм. Χριστός; 97, 3 ἅγιον вм. ἅγιον ἀπόστολον Παῦλον; 127, 4 ἑτοίμην вм. ἕτοιμον; 146, 2 μέρη τῆς σαρκός вм. μέλη τῆς σαρκός; 199, 1 τὴν θεοφόρον συνείδησιν вм. θεοφόβον συνείδησιν; 280, 1 πόρους вм. ὄρους; 292, 1 μερίμνη вм. μνήμῃ; 346, 20 ὦ ἀλόγου προφάσεως вм. μετὰ ἀλόγου προφάσεως; 352, 18 ἐπιμόνου вм. ἐπὶ πόνου; 378, 10 εὐχή вм. ψυχή, πλάτους вм. πλούτου; 397, 1 ἡπίους ἐννοίας вм. ἡπίας или νηπίους ἐννοίας; 486, 1 τιμῇ αἰωνίῳ вм. τιμῇ αἰωνίᾳ; 498, 11 τῇ ὑπερβολῇ вм. διὰ τὴν ὑπερβολὴν (2 Коринѳ. XII, 7); 514, 2 ἐκ τοῦ κόσμου вм. τοῦ κόσμου (1 Коринѳ. V, 10).

Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, довольно рѣдкихъ случаяхъ приводятся издателемъ «новой редакціи» λόγος ἀσκητικός и доказательства, «оправдывающія предпочтеніе одного чтенія другому» (стр. 372), но эти доказательства весьма кратки и не всегда убѣдительны, такъ какъ отличаются субъективизмомъ издателя, личнымъ его вкусомъ, но не черпаются имъ, какъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы поступать въ подобныхъ случаяхъ, изъ лучшихъ древнѣйшихъ рукописей. Такъ, напр., ссылка издателя на Шестодневъ св. Василія Великаго, при объясненіи чтенія 27, 3 τῆς δικαιοσύνης ἥλιον (стр. 27, прим. 1), и отмѣтка иного чтенія въ евангеліи Іоанна, при чтеніи 36, 1 ἡμᾶς δὲ ἐλαττοῦσθαι вм. ἐμὲ ἐλαττοῦσθαι (стр. 36, прим. 1), *теряютъ всякое значеніе* послѣ того, какъ въ первомъ случаѣ мы обратимся къ лучшимъ спискамъ этого слова въ ркп. библіотеки лавры Аѳанасія Аѳонскаго IX в. № 42 Γ; ркп. XII в. библ. Ватоп. № 52, XII в. № 405; ркп. 1314 г. Ксеноф. библ. № 36, а во второмъ къ ркп. 1073 г. Свято-гробской въ Константинополѣ библ. № 45

(431) и ркп. XII Аѳоно-Ватопед. библ. № 52, въ которыхъ желательныя и совершенно правильныя чтенія находятся на лицо. Ясно поэтому, что попытка издателя рецензировать текстъ издаваемаго памятника, при помощи книгъ Св. Писанія или памятниковъ древней свято-отеческой письменности, помимо лучшихъ рукописныхъ списковъ самого памятника, — трудъ по меньшей мѣрѣ напрасный.

V.

Схоліи проф. Попова къ твореніямъ блаж. Діадоха, ихъ прототипы и источники.

Такъ называемыя схоліи или комментаріи къ λόγος ἀσκητικός блаженнаго Діадоха занимаютъ въ книгѣ проф. Попова большую часть ея объема. Составленныя на основаніи изученія свято-отеческой и, главнымъ образомъ, аскетической письменности древнѣйшаго времени и широкаго знакомства съ агіологическою литературою, эти схоліи для незнакомыхъ съ характеромъ этого рода работы и тѣхъ превосходныхъ пособій, какія даетъ намъ древне-греческая аскетическая письменность, могутъ казаться трудомъ высокой научной цѣнности и глубокой богословской эрудиціи. Мы лично, однакоже, не раздѣляемъ восторговъ цѣнителей [1]) научныхъ схолій въ книгѣ проф. Попова и по слѣдующимъ соображеніямъ.

Прежде всего, намъ непонятенъ и кажется и даже прямо страннымъ планъ построенія многихъ схолій въ книгѣ проф. Попова. «*Трудно допустить*, пишетъ издатель «новой редакціи»

---

1) Къ числу таковыхъ мы относимъ обоихъ офиціальныхъ рецензентовъ книги проф. Попова, которые не безъ восхищенія подсчитали даже количество страницъ каждой схоліи, а равно и пропорціональное отношеніе всего объема страницъ этого отдѣла книги къ остальнымъ ея частямъ (Извлечен. изъ журналовъ совѣта Кіевск. дух. Акад. за 1903—1904 учебный годъ, Кіевъ. 1904 стр. 75, 88—89).

«λόγος ἀσκητικός», чтобы столь обширное сочиненіе, трактующее о предметѣ (аскетизмѣ), обстоятельно и всесторонне обработанномъ и теоретически и опытно въ IV и въ первой половинѣ V-го вѣка, могло стоять внѣ всякой литературной зависимости отъ сочиненій предшественниковъ и современниковъ автора его и не отражать въ себѣ идей и опытовъ подвижничества своего времени, особенно, если взять во вниманіе заявленіе самого автора, что онъ предлагаетъ въ своемъ сочиненіи дознанное изъ Св. Писанія и изъ собственнаго опыта, слышанное отъ другихъ и вычитанное, *можетъ быть*, у церковныхъ писателей, сочиненія которыхъ должны, по его мнѣнію, читать монахи. Съ другой стороны, *весьма вѣроятнымъ казалось предположеніе*, что аскетическое сочиненіе бл. Діадоха, высоко цѣнившееся церковными писателями VII вѣка, должно было оставить свои слѣды въ аскетическихъ сочиненіяхъ писателей, жившихъ во второй половинѣ V вѣка и въ VI-мъ вѣкѣ» (стр. XXIX). А такъ какъ въ сей земной юдоли никто изъ смертныхъ, за исключеніемъ праотца Адама, не появился на свѣтъ Божій безъ предшественниковъ, а равно и всякій, чѣмъ-либо полезнымъ ознаменовавшій себя въ своей дѣятельности, не остается и безъ послѣдователей или продолжателей его трудовъ, то со всякаго рода «весьма вѣроятными предположеніями» и крайне растяжимымъ «можетъ быть» слѣдуетъ еще положительно удивляться, что схоліи проф. Попова, написанныя по этой своеобразной схемѣ, заняли, какъ добросовѣстно высчиталъ одинъ изъ офиціальныхъ рецензентовъ книги его, «въ общей сложности *400 страницъ*, т. е. 25 печатныхъ листовъ плотнаго петита» (Извлеч. изъ журн. совѣта Кіев. дух. Акад. за 1903—1904 г. стр. 88), а не цѣльный томъ въ 620 страницъ, или въ 38 печатныхъ листовъ. Многіе вопросы христіанской аскетики, разсматриваемые проф. Поповымъ въ его схоліяхъ, могутъ послужить и на самомъ дѣлѣ предметомъ цѣльныхъ диссертацій, каковы напр., *смиренномудріе* (ἡ ταπεινοφροσύνη) и *послушаніе* (ἡ ὑπακοή), называемыя проф. Поповымъ «*главными* изъ десяти основъ аскетики» (стр. 502) и

«*первымъ благомъ* во всѣхъ вводныхъ добродѣтеляхъ для новоначальнаго инока» (стр. 128—129), или *похоть къ соитію* (ἡ ἐπιθυμία συνουσίας), «включавшаяся древними аскетами въ число *главныхъ восьми пороковъ*» (стр. 517, прим. 1), и др. Въ книгѣ же проф. Попова эти главные вопросы христіанской аскетики, разсмотрѣнные по принятому плану съ ссылкою на возможныхъ предшественниковъ — аскетовъ и послѣдователей, скромно ютятся: первая схолія всего на всего *на шести* половинныхъ страницахъ книги (стр. 502 — 503), вторая *на пяти* (стр. 128 — 129), а третія даже на *четырехъ съ половиною* (стр. 517—521) страницахъ.

Научная эрудиція, разсѣянная въ книгѣ проф. Попова по разнообразнымъ схоліямъ и эффектная при поверхностномъ чтеніи книги, также не подкупаетъ насъ въ свою пользу. Считать эту эрудицію исключительно плодомъ продолжительнаго и всесторонняго изученія издателя твореній бл. Діадоха древней свято-отеческой и особенно аскетической письменности мы не можемъ, такъ какъ она является въ большей своей части *заимствованной изъ готовыхъ пособій*, бывшихъ подъ руками нашего издателя. Древніе аскетическіе рукописные сборники, извѣстные подъ именами «Γεροντικά», «Εὐεργετινός», «Πανδέκτη τῆς ἁγίας Γραφῆς» и т. п., подготовили для него обширный матеріалъ, который проф. Поповъ и использовалъ въ своемъ трудѣ весьма старательно. Знакомство съ этого рода пособіями не отрицается и проф. Поповымъ: превосходный Патериконъ XIII в. Московской Синодальной библіотеки № 202 (348)[1]) цитуется въ разбираемой нами книгѣ весьма часто (стр. 25, 47 и др.).

Въ названныхъ нами аскетическаго характера сборникахъ иноческія добродѣтели и пороки излагаются по такимъ рубрикамъ: περὶ τῆς ἐγκρατείας, περὶ τῆς ὑπακοῆς, περὶ τῆς ἀνεξικακίας, περὶ τῆς ἀγάπης и т. д. Подъ каждою изъ этихъ руб-

1) См. подробное описаніе этой рукописи у арх. (нынѣ епископа) Владиміра. Системат. описан. ркп. М. Синод. библ. М. 1894, ч. 1, стр. 508—509.

рикъ неизвѣстными составителями, согласно надписанію, собраны различныя воззрѣнія отцовъ и учителей христіанской церкви и нравоучительные примѣры изъ агіологической письменности. Въ число извлеченій изъ твореній христіанскихъ писателей-аскетовъ нерѣдко попадали и отрывки изъ стоглава бл. Діадоха. Вотъ для образца примѣры. Въ рукописномъ сборникѣ XII в. № 723 библ. русск. Андр. скита на Аѳонѣ подъ рубрикою περὶ ἐγκρατείας дѣлаются слѣдующія ссылки: 1) ἐν τῷ βίῳ τοῦ ἁγίου Παχωμίου, 2) ἐν τῷ Γεροντικῷ, 3) τοῦ ἀββᾶ Ἡσαίου, 4) τοῦ ἀββᾶ Μάρκου, 5) τοῦ ἁγίου Διαδόχου и 6) τοῦ ἀββᾶ Ἰσαάκ; подъ рубрикою о хожденіи въ баню — ссылки: 1) ἐν τῷ βίῳ τοῦ ἁγίου Ἀντωνίου, 2) ἐν τῇ διηγήσει τῶν ἁγίων πατέρων τῶν ἐν Ῥαϊθῷ καὶ Σινᾷ, 3) ἐν τῷ βίῳ τοῦ ἁγίου Ἰωάννου, 4) τοῦ ἁγίου Ἐφραίμ, 5) τοῦ ἀββᾶ Ἡσαίου, 6) τοῦ ἁγίου Διαδόχου, 7) ἐν τῷ Γεροντικῷ о Палладіи Еленопольскомъ; подъ рубрикою о тѣлесныхъ аномаліяхъ — ссылки: 1) Γρηγορίου τοῦ Διαλόγου, 2) τοῦ ἁγίου Διαδόχου, 3) ἐν τῷ βίῳ τῆς ἁγίας Συγκλιτικῆς, 4) τοῦ ἀββᾶ Ἡσαίου, 5) ἐκ τοῦ ἁγίου Βαρσανουφίου, 6) ἐν τῷ Γεροντικῷ, 7) τοῦ ἁγίου Ἐφραίμ; подъ рубрикою о непрестанномъ пребываніи въ сердцѣ своемъ — ссылки: 1) ἀπὸ τοῦ μεγάλου Θεοδοσίου τοῦ κοινοβιάρχου, 2) τοῦ μεγάλου Ἀρσενίου, 3) τοῦ ἁγίου Παύλου τοῦ ἐν τῷ Λάτρῳ, 4) τοῦ ἀββᾶ Ἀγάθωνος, 5) τοῦ ἁγίου Μάρκου πρὸς Νικόλαον, 6) τοῦ τῆς Κλίμακος, 7) τοῦ ἀββᾶ Ἡσαίου, 8) τοῦ Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου и 9) Συμεὼν τοῦ νέου θεολόγου и т. д. Проф. Попову, слѣдовательно, оставалось, вооружившись терпѣніемъ и индексами твореній отцовъ и учителей церкви въ изданіи Миня и др., разыскать указываемыя въ сборникахъ мѣста твореній и сказаній житій святыхъ, проставить точную цитацію и расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, поставляя, согласно съ задачею своей работы, точкою отправленія извѣстную главу стоглава бл. Діадоха, который въ названныхъ сборникахъ занимаетъ большею частію далеко не первое мѣсто. Иногда, впрочемъ, аскетическіе сборники увольняютъ издателя и отъ этой работы, давая матеріалъ, расположенный въ желательной для

нашего издателя системѣ. Разумѣемъ въ этомъ случаѣ второй примѣръ, т. е. трактацію о хожденіи иноковъ въ баню, въ которой выдержки отцовъ по данному вопросу сохраняютъ въ книгѣ проф. Попова свои мѣста безъ всякихъ перемѣнъ. Конечно, отрицать труда и въ этого рода схоліяхъ нельзя, но трудъ здѣсь у издателя скорѣе *мускульный*, чѣмъ интеллектуальный...

Справедливость требуетъ, однакоже, сказать, что вышеназванные сборники аскетическаго характера не всегда объясняютъ намъ происхожденіе въ книгѣ проф. Попова существующихъ схолій, изъ коихъ нѣкоторыя, несомнѣнно, оригинальны. Къ такимъ схоліямъ мы относимъ его обширныя трактаціи о псалмопѣніи (ἡ ψαλμῳδία) (стр. 394—399, прим.) и объ особомъ чинѣ (ἡ τάξις) псалмопѣнія (стр. 397—399), о молитвѣ Іисусовой (Κύριε Ἰησοῦ) (стр. 286—303, прим.) и др. Но эти схоліи въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ почти никакого отношенія къ изучаемому писателю, не уясняютъ смысла даннаго творенія, но написаны, какъ намъ думается, лишь съ цѣлью незаслуженно возвеличить бл. Діадоха, какъ писателя-аскета, и доказать, что его воззрѣнія имѣли важное значеніе въ христіанской аскетикѣ. Такъ, напр., схолія о псалмопѣніи начинается общими разсужденіями объ уваженіи среди христіанъ въ древности книги Псалмовъ и о способахъ пѣнія псалмовъ или о чинахъ псалмопѣнія у древнихъ аскетовъ. Отыскавъ затѣмъ у Григорія Синаита крайне неопредѣленное указаніе на τάξις бл. Діадоха, о которомъ самъ этотъ писатель въ стоглавѣ не обмолвился ни единымъ словомъ, проф. Поповъ ведетъ обширную рѣчь объ этомъ несуществующемъ *чинѣ псалмопѣнія блаженнаго Діадоха*. Въ выраженіи 68 главы стоглава: «станемъ *весьма часто* (τὰ πλεῖστα) заниматься псалмопѣніемъ», по мнѣнію проф. Попова, якобы «можно видѣть указаніе *на дневное и ночное псалмопѣніе*» (стр. 397), а въ другомъ выраженіи: ὑπὸ τῶν ἀνέμων τοῦ μέλους, употребляемомъ часто въ примѣненіи къ пѣснопѣнію,— указаніе на то, что блаженный Діадохъ якобы «придавалъ значеніе *не содержанію* только псалмовъ, но и самому *напѣву*» (δεῖ ὀλίγον μείζονι τῇ φωνῇ πεῖσθαι)

(стр. 398), совершенно упуская изъ вниманія, что бл. Діадохъ повторяетъ по даннымъ вопросамъ ученіе апостола Павла (Іак. V, 13; Ефес. VI, 18; Колос. III, 16) и новаго ничего не говоритъ.

Нисколько не лучше схолія и о молитвѣ Іисусовой, которой проф. Поповъ придаетъ, очевидно, весьма важное значеніе, помѣстивъ ее въ журналѣ «Труды Кіевской духовной Академіи» за 1903 г. въ качествѣ самостоятельной статьи. Въ дѣйствительности и эта схолія прямого отношенія къ твореніямъ бл. Діадоха не имѣетъ. Проф. Поповъ, забывъ о текстѣ аскетическаго слова, ставитъ въ данной схоліи своею цѣлью собрать «наставленія и разсужденія церковныхъ писателей и подвижниковъ о молитвѣ Іисусовой» и ведетъ трактаціи по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) о названіи молитвы, 2) о ея составѣ, 3) о способѣ занятія ею и 4) цѣляхъ, достигаемыхъ твореніемъ ея (стр. 287). Выводы его въ общемъ не лишены научнаго значенія и любопытны для читателя. «У подвижниковъ первыхъ поколѣній, по словамъ проф. Попова, молитва Іисусова не имѣла строго установленнаго состава» (стр. 292). «Подвижники первой половины V-го вѣка еще не передаютъ намъ молитвы Іисусовой въ полномъ ея объемѣ, но ихъ свидѣтельства о ней показываютъ, что составъ ея уже опредѣлился (хотя проф. Поповъ и нигдѣ и ни у кого изъ аскетовъ[1]) не нашелъ заключительныхъ ея словъ: «Υἱὲ τοῦ Θεοῦ, ἐλέησον ἡμᾶς» или με), но что неизмѣняемость ея еще не была признанною» (стр. 293). Въ полномъ своемъ нынѣшнемъ составѣ молитва Іисусова «вытѣсняетъ изъ употребленія болѣе краткія формулы» только къ VI вѣку и то лишь «повидимому» (стр. 295). Блаженному Діадоху она тоже не извѣстна и приводится у него въ краткой *только* (μόνον) формулѣ: «Κύριε Ἰησοῦ» (тамъ же).

---

1) «Неизвѣстнаго составителя сказаніе о скитскомъ подвижникѣ аввѣ Филимонѣ», содержащее въ 10 главѣ молитву: «Господи Іисусе» въ полномъ видѣ, въ счетъ мы не принимаемъ, такъ какъ достовѣрность это сказаніе получитъ, по выходѣ въ свѣтъ *многообѣщающаго* второго тома проф. Попова, а главное потому, что въ V вѣкѣ, когда жили и блаженный Діадохъ и авва Филимонъ, молитва Іисусова не была извѣстна аскетамъ въ цѣльномъ своемъ видѣ.

Въ журнальной и спеціальной статьѣ о молитвѣ Іисусовой не только съ интересомъ будутъ прочитаны приведенные сейчасъ выводы, но и всѣ другія его разсужденія по данному вопросу, «проливающія свѣтъ на происхожденіе нѣкоторыхъ своеобразныхъ мнѣній XIV столѣтія о твореніи молитвы Іисусовой» (стр. 297), въ спеціальной же работѣ по изъясненію текста твореній бл. Діадоха всѣ они являются обременительнымъ балластомъ. Такихъ, не относящихся прямо къ изученію твореній бл. Діадоха, схолій, написанныхъ лишь *къ случаю* и между прочимъ, въ книгѣ проф. Попова много.

Къ числу схолій въ книгѣ проф. Попова слѣдуетъ отнести также и многочисленныя выдержки подъ текстомъ изъ твореній христіанскихъ аскетовъ древнѣйшаго и даже позднѣйшаго времени съ цѣлью опредѣлить, въ первомъ случаѣ, зависимость воззрѣній блаженнаго Діадоха отъ воззрѣній его предшественниковъ, а во второмъ литературную и идейную зависимость отъ изучаемаго автора послѣдующихъ писателей-аскетовъ, пользовавшихся въ своихъ трактатахъ выдержками изъ его «λόγος ἀσκητικός». Такихъ схолій-выдержекъ въ книгѣ проф. Попова много, и онѣ несомнѣнно имѣютъ научную цѣнность, особенно въ смыслѣ установленія или редактированія основного текста творенія бл. Діадоха, но имъ довѣрять можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы издатель твореній бл. Діадоха пользовался лучшими рукописями, содержащими въ себѣ тексты извѣстныхъ аскетическихъ произведеній, а не изданіями ихъ пресловутаго Миня, далеко не всегда разборчиваго въ выборѣ оригиналовъ для нихъ. Благодаря излишнему преклоненію предъ авторитетомъ Миня, и получилось въ книгѣ проф. Попова то разнообразіе текстовъ въ λόγος ἀσκητικός бл. Діадоха, какое мы видимъ въ принятомъ издателемъ текстѣ и въ выдержкахъ изъ позднѣйшихъ аскетическихъ произведеній и какое лучшими древнѣйшими рукописями не подтверждается. Вотъ для этого примѣры. Текстъ главъ 64, 65 и 66 аскетическаго слова читается въ 15 и 19 словахъ Пандектъ извѣстнаго монаха Антіоха и, по книгѣ проф.

Попова, съ значительными весьма варіантами. Желая провѣрить наблюденія издателя, мы обратились къ превосходному списку Пандектъ монаха Антіоха въ рукописи XI в. Лавры преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго № 108 Β′ и нашли, что разницы въ текстахъ не существуетъ никакой, если не принимать во вниманіе приписку на поляхъ рукописи слѣдующаго содержанія: «Τὸν Διάδοχον λέγεται καλεῖν εἶναι δι' ὀλίγου χρόνου διαδοῦναι, ἅπερ διὰ πολλοῦ βουλόμεθα διαδοῦναι τοῖς πένησι· μὴ ἔχοντες γὰρ μετὰ τὴν τούτων διάδοσιν δοῦναι ἐλεημοσύνην ταπεινοφρονοῦμεν». Это привело насъ къ мысли, что если бы извлеченія изъ Лѣствицы Іоанна Климака и другихъ писателей заимствовались прямо изъ лучшихъ рукописей, то сходство текстовъ извлеченій изъ бл. Діадоха съ оригинальнымъ текстомъ наблюдалось бы чаще, чѣмъ теперь. Думается намъ, что въ этомъ случаѣ скорѣе всего достигало бы своей цѣли и намѣреніе издателя, оставшееся почему-то теперь лишь pium desiderium и не перешедшее въ фактъ реальный, — обращаться къ этимъ выдержкамъ изъ твореній христіанскихъ аскетовъ послѣ VI вѣка и позднѣе, какъ къ «хорошему пособію для рецензіи текста твореній бл. Діадоха» (стр. XVIII).

Безспорно цѣнное значеніе въ книгѣ проф. Попова имѣютъ, по нашему мнѣнію, лишь схоліи, въ которыхъ даются «изъясненія аскетики, терминологическихъ словъ и выраженій бл. Діадоха, кажущихся нынѣ неясными или представляющихъ догматическій, нравственно-аскетическій, біографическій и библіографическій интересъ» (стр. XXX). Чтобы свести къ единству разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ твореній бл. Діадоха однородныя мысли и по нимъ представить болѣе или менѣе цѣльное воззрѣніе на тотъ или иной вопросъ христіанской аскетики, автору не мало пришлось потрудиться, и за эти схоліи, написанныя въ большинствѣ случаевъ самостоятельно, отъ спеціалистовъ ему будетъ воздана достодолжная признательность. Но и эти схоліи могли бы быть еще цѣннѣе въ научномъ отношеніи, если бы проф. Поповъ, къ величайшей досадѣ читателей его перваго

тома, не заявилъ теперь, что «*обобщеніе всего* сказаннаго въ примѣчаніяхъ объ аскетикѣ бл. Діадоха, *обсужденіе ея построенія и содержанія* отнесены ко второй части изслѣдованія объ этомъ писателѣ» (стр. XXXI), когда, слѣдовательно, и представится читателямъ уже полная возможность судить о научномъ значеніи схолій настоящей первой части книги проф. Попова.

«Указатель предметовъ, изъясненныхъ въ примѣчаніяхъ къ аскетическому сочиненію епископа Фотики, напечатанный въ концѣ» перваго тома (тамъ же), на который (т. е. указатель) возлагаются проф. Поповымъ чрезмѣрно большія надежды, ни въ какомъ случаѣ не замѣнитъ *обѣщанныхъ* обобщеній. Къ тому же слѣдуетъ прибавить, что «указатель», составленный, очевидно, торопливо, на скорую руку, насъ лично не всегда могъ оріентировать въ матеріалѣ, содержащемся въ книгѣ, и мы весьма часто обращались непосредственно къ тексту аскетическаго слова и скорѣе по нему отыскивали необходимые трактаціи и предметы, чѣмъ въ существующемъ указателѣ.

Едва ли и слѣдуетъ прибавлять, что и среди этого рода схолій находится не мало такихъ, научное значеніе которыхъ подлежитъ сомнѣнію даже и при бѣгломъ съ ними знакомствѣ. Такъ, напр., трудно согласиться съ толкованіемъ проф. Попова οἱ λειτουργοὶ τοῦ Χριστοῦ въ словѣ на вознесеніе (стр. 558, прим. 1), ὅροι въ прологѣ аскетическаго слова (стр. 19, прим. 3) и др.

VI.

Переводъ на русскій языкъ твореній блаж. Діадоха.

Въ книгѣ проф. Попова всѣ напечатанныя имъ творенія бл. Діадоха сопровождаются русскимъ переводомъ. Повидимому, настоятельной потребности въ *новомъ* переводѣ *всѣхъ* твореній бл. Діадоха не было, такъ какъ главнѣйшее изъ его произведеній λόγος ἀσκητικός переводилось на русскій языкъ уже неодно-

кратно. Проф. Попову извѣстенъ переводъ Паисія Величковскаго, изданный въ Москвѣ въ 1793 году, переводъ, напечатанный редакціею «Христіанскаго Чтенія» за 1839 г. (ч. XXVIII) и, наконецъ, изданный русскою Пантелеймоновскою обителью на Аѳонѣ переводъ, сдѣланный великимъ знатокомъ аскетической письменности и греческаго языка, покойнымъ затворникомъ епископомъ Ѳеофаномъ (XXXIII—XXXIV). Остался неизвѣстенъ ему переводъ Добротолюбія «съ еллинно-греческаго языка на славянскій языкъ *въ семинаріи Свято-троицкія Сергіевскія лавры*» 1793 [1]), напечатанный «на коштъ Спасо-Преображенскаго Валаамскаго монастыря игумена Назарія». Но проф. Поповъ думаетъ на этотъ счетъ иначе. «Такъ какъ напечатанный въ настоящей книгѣ греческій текстъ аскетическаго сочиненія во многомъ (sic) отличается отъ греческаго текста Филокаліи, то и нашъ переводъ этого сочиненія, говоритъ онъ, въ *значительной степени отличается* отъ упомянутыхъ русскихъ переводовъ. Русскій же переводъ слова на вознесеніе Господа и слова противъ аріанъ *впервые*, насколько намъ извѣстно, появляется въ настоящей книгѣ» (стр. XXXIV). Указываемая, однакоже, «значительная степень отличій» въ переводахъ г. Попова ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана дальнѣйшимъ поступательнымъ шагомъ впередъ, а, напротивъ, во многихъ случаяхъ стоитъ даже ниже [2])

---

1) Едва ли не этотъ переводъ проф. Поповъ считаетъ трудомъ Паисія Величковскаго. См. замѣчаніе о переводахъ Добротолюбія у А. С. Родосскаго въ Христ. Чтен. 1904, № 11, стр. 752.

2) Снисходительные офиціальные рецензенты книги проф. Попова даютъ весьма нелестные отзывы о переводѣ его твореній бл. Діадоха. «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевода, по словамъ одного рецензента, замѣчается *неточность или стремленіе переводчика слишкомъ буквально переводить смыслъ (Sic!) подлинника*» (Извлеч. изъ журн. Совѣта Кіев. дух. Акад. 1903—1904 учебн. г. стр. 77—78). «Близость къ подлиннику, по словамъ другого рецензента, доводится иногда до излишества и *переходитъ въ построеніе рѣчи нескладное и даже неуклюжее* (см. напр., переводъ XXVI гл. аскетическаго слова). Встрѣчаются и такія мѣста, въ которыхъ мысль подлинника передается *невразумительно*, можетъ быть *даже невѣрно*» (слѣдуютъ примѣры) (тамъ же стр. 86—87). Сдѣланная однимъ рецензентомъ уступка, что эти недостатки якобы «падаютъ на первую поло-

существующихъ въ печати переводовъ, и особенно перевода епископа Θеофана. Для примѣра мы рекомендуемъ сдѣлать сличеніе 49 главы аскетическаго слова въ переводахъ проф. Попова и епископа Θеофана. Но если нельзя признать удовлетворительными переводы твореній блаж. Діадоха, сдѣланныя при пособіи старыхъ славяно-русскихъ переводовъ въ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ и позднѣйшихъ русскихъ переводовъ—редакціи журнала «Христ. Чтеніе» и епископа Θеофана, то уже переводы, *впервые* появившіеся въ книгѣ проф. Попова и ему лично принадлежащіе, стоятъ еще ниже по своимъ литературнымъ достоинствамъ. Не останавливаясь подробно на разсмотрѣніи перевода слова противъ аріанъ, которое, по словамъ проф. Попова, «по меньшей мѣрѣ должно считаться сомнительнымъ въ отношеніи къ принадлежности его бл. Діадоху, епископу Фотики Древняго Эпира» (стр. XXXIII) и которое, въ виду тонкостей догматическаго характера, представляетъ не мало вполнѣ естественныхъ для переводчика трудностей, мы желаемъ обратить вниманіе нашихъ читателей на слово бл. Діадоха на вознесеніе, признаваемое за «подлинное» и «принадлежащее бл. Діадоху, епископу Фотики Древняго Эпира» (стр. VIII), и переводъ котораго, въ виду его въ большей части историческаго содержанія, особыхъ затрудненій представлять не могъ. Къ сказанному можно прибавить и слѣдующее. Если бы издатель «твореній блаженнаго Діадоха» обнаружилъ большую научную любознательность и не проявилъ неизвинительной для него небрежности въ дѣлѣ изученія славяно-русской библіографіи по предмету его настоящаго труда, то онъ легко могъ бы раздобыть себѣ въ пособіе и переводы этого слова въ славяно-русскихъ и южно-славянскихъ рукописяхъ

вину аскетическаго слова» и что будто бы «дальнѣйшая часть перевода болѣе или менѣе отъ нихъ свободна» (стр. 88) въ дѣйствительности не оправдывается наличными фактами. Кто возьметъ на себя нелегкій трудъ сопоставить переводы проф. Попова и во второй части слова съ греческимъ оригиналомъ и съ существующими въ русской литературѣ переводами, тотъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ принять эту благожелательную уступку за фактъ, близкій къ истинѣ...

древнѣйшаго времени. Въ этомъ случаѣ мы прежде всего должны отмѣтить рукопись XIV в. сербскаго Хиландарскаго монастыря на Аѳонѣ № 85 (75), описанную ученымъ инокомъ этой обители, чехомъ по національности, Саввою Хиландарскимъ. Въ брошюрѣ[1]) подъ заглавіемъ: «Sava Chilandareg. Rukopisy starotisky Chilandarske. v Prase 1896», при описаніи указанной рукописи о. Саввою, было, между прочимъ, отмѣчено и слово на вознесеніе блаж. Діадоха съ такимъ заглавіемъ: «**Диадоха ѥ҃пкпа фотикинскаго. сло҃. д҃. на вьзнесениѥ Г҃а нашего І҃с Х҃а**». (pag. 26). Въ бытность свою на Аѳонѣ, мы познакомились съ указаннымъ сборникомъ и находящимся въ немъ словомъ бл. Діадоха и, въ виду древности перевода и нѣкоторыхъ любопытныхъ варіантовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи иныхъ оригиналовъ, чѣмъ изданный у кардинала Маія (Spicilegium Romanum t. IV), у Миня (Curs. complet. t. LXV) и въ исправленіи у проф. Попова (стр. 557—569), рѣшаемся теперь издать его, по Хиландарской рукописи № 85 (75), въ цѣльномъ видѣ[2]).

Чтобы показать, насколько переводъ слова на вознесенія неудовлетворителенъ въ смыслѣ точности и правильности языка и близости къ оригиналу, мы сдѣлаемъ для примѣра три выдержки изъ этого слова, противопоставивъ переводу проф. Попова переводъ свой:

Начало слова:	*Переводъ г. Попова:*	*Нашъ переводъ:*
Φέρε μοι νῦν τοὺς ἰουδαϊκοὺς ἱερεῖς· ὥρα γὰρ ἐπινικίων λόγων. Φέρε ὧδε, ἐκκλησιαστὰ καὶ Χριστοῦ κήρυξ,	Нынѣ — ко мнѣ іудейскихъ священниковъ: ибо время побѣдныхъ словъ; сюда—и ты, пропо-	*Приведи* ко мнѣ нынѣ іудейскихъ священниковъ, потому что насталъ часъ хвалебныхъ

1) Брошюра эта составляетъ оттискъ изъ журнала «Věstník král. české. společnosti náuk».

2) См. прилож. I.

существующихъ въ печати переводовъ, и особенно перевода епископа Θеофана. Для примѣра мы рекомендуемъ сдѣлать сличеніе 49 главы аскетическаго слова въ переводахъ проф. Попова и епископа Θеофана. Но если нельзя признать удовлетворительными переводы твореній блаж. Діадоха, сдѣланныя при пособіи старыхъ славяно-русскихъ переводовъ въ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ и позднѣйшихъ русскихъ переводовъ—редакціи журнала «Христ. Чтеніе» и епископа Θеофана, то уже переводы, *впервые* появившіеся въ книгѣ проф. Попова и ему лично принадлежащіе, стоятъ еще ниже по своимъ литературнымъ достоинствамъ. Не останавливаясь подробно на разсмотрѣніи перевода слова противъ аріанъ, которое, по словамъ проф. Попова, «по меньшей мѣрѣ должно считаться сомнительнымъ въ отношеніи къ принадлежности его бл. Діадоху, епископу Фотики Древняго Эпира» (стр. XXXIII) и которое, въ виду тонкостей догматическаго характера, представляетъ не мало вполнѣ естественныхъ для переводчика трудностей, мы желаемъ обратить вниманіе нашихъ читателей на слово бл. Діадоха на вознесеніе, признаваемое за «подлинное» и «принадлежащее бл. Діадоху, епископу Фотики Древняго Эпира» (стр. VIII), и переводъ котораго, въ виду его въ большей части историческаго содержанія, особыхъ затрудненій представлять не могъ. Къ сказанному можно прибавить и слѣдующее. Если бы издатель «твореній блаженнаго Діадоха» обнаружилъ большую научную любознательность и не проявилъ неизвинительной для него небрежности въ дѣлѣ изученія славяно-русской библіографіи по предмету его настоящаго труда, то онъ легко могъ бы раздобыть себѣ въ пособіе и переводы этого слова въ славяно-русскихъ и южно-славянскихъ рукописяхъ

вину аскетическаго слова» и что будто бы «дальнѣйшая часть перевода болѣе или менѣе отъ нихъ свободна» (стр. 88) въ дѣйствительности не оправдывается наличными фактами. Кто возьметъ на себя нелегкій трудъ сопоставить переводы проф. Попова и во второй части слова съ греческимъ оригиналомъ и съ существующими въ русской литературѣ переводами, тотъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ принять эту благожелательную уступку за фактъ, близкій къ истинѣ...

μονογενὴς Υἱὸς τοῦ Θεοῦ καὶ ἀνελθὼν ὑπεράνω τῶν οὐρανῶν, ὅπλα τοῖς θέλουσι δικαιοσύνην (βασιλεὺς γάρ ἐστι δόξης) ηὐτρεπίσατο, λογικοῖς θώραξι τοὺς παρ' αὐτοῦ ἐν σφραγῖδι ταπεινοφροσύνης στρατολογουμένους καθ' ἡμέραν ἀσφαλιζόμενος· ἔπρεπε γὰρ αὐτὸν ἐκ στόματος νηπίων καὶ θηλαζόντων καταρτίσασθαι αἶνον, τοὺς τῇ οἰήσει τελεῖσθαι νομίζοντας ἀποδοκιμᾶσαι εἰς τέλος· σφραγὶς γὰρ ὄντως εὐσεβείας ταπείνωσις, διόπερ ἐκεῖνοι μὲν ἀπειθοῦντες τὸ κατασκηνῶσαι κατὰ τὴν προφητείαν διὰ τῆς ἀναστάσεως τοῦ Χριστοῦ ἐν τῷ φωτὶ τῶν ζώντων τῆς ἑαυτῶν κομιοῦνται ἀνοίας τοὺς καρπούς.

плѣна смерти и восшедши превыше небесъ, уготовалъ для желающихъ правды оружіе (Ибо онъ есть Царь славы) разумными бронями ежедневно укрѣпляя набираемымъ Имъ печатію смиренномудрія. Ему именно подобало *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершить хвалу*, (и) окончательно отвергнуть думающихъ, что усовершаются гордостію; ибо подлинно печать благочестія есть смиреніе. Почему именно они, отвергая обитаніе, по пророчеству, чрезъ воскресеніе Христово во свѣтѣ живыхъ, получатъ плоды своего неразумія.

небесъ, Единородный Сынъ Божій желающимъ правды (ибо Онъ есть Царь славы) уготовалъ оружіе, укрѣпляя повседневно воинствующихъ за Него словесными бронями печатью смиренномудрія. Ибо Ему прилично было: *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершити хвалу*; намѣревающихся въ самомнѣніи извѣдать совершенно привести (въ ничтожество), — ибо по истинѣ смиреніе есть печать благочестія, — по сему они, отрицая обитаніе во свѣтѣ живыхъ, согласно съ пророчествомъ, ради воскресенія Христова, кичатся плодами собственнаго безумія.

Конецъ слова:

Ἀγαπητοὶ γὰρ ὄντως εἰσὶ τοῦ Κυρίου

Ибо подлинно пріобщившіеся во

Ибо по истинѣ возлюбленные *Гос-*

πρῶτον λόγον
αὐτοῦ πάθος διὰ
ων κοινωνήσαν-
αὶ αὐτόπται καὶ
ες γενόμενοι τῆς
ῦ μεγαλειότη-

στε ἕνα μὲν καὶ
αὐτὸν οἱ προφῆ-
τήρυττον Κύριον,
ἐ σαρκώσεως αὐ-
ὸ σχῆμα εἰς μί-
ς τινες εἰσηγοῦν-
ῦν, οὐ συνέχεαν
. Ἀλλὰ τὰ μὲν
ότητι αὐτοῦ δια-
ντα ῥήματα θεο-
ῶς ἔλεγον, τὰ
ὸ σώματι αὐτοῦ
ωποπρεπῶς, ἵνα
ωσι σαφῶς, ὅτι
βάς, ἤτοι ὁ ἐπαρ-
ἐπὶ τοὺς οὐρανούς
ος, ὅ μὲν ἔστιν,
ῦ Πατρὸς ὑπάρ-
ὃ δὲ γέγονεν ἐκ
Παρθένου, μένει
ωπος, εἰς ὢν ἐν
καὶ εἰς ἐν ὑπο-
ει· ὁ γὰρ ἀσώ-
ς ἑαυτὸν τῇ προσ-
ι τῆς σαρκὸς εἰ-
ήσας, ἐμφανῶς

всемъ страданію Его и содѣлавшіеся самовидцами и вѣстниками Его величія, преимущественно суть возлюбленные Его.

Слѣдовательно, пророки возвѣщали единаго и того же Господа, но образа воплощенія Его они не сливали въ одно естество, какъ нынѣ учатъ нѣкоторые. Но они избирали боголѣпно реченія, относящіяся къ божеству, а (относящіяся) къ тѣлу-человѣколѣпно, дабы научить ясно, что восшедшій, т. е. вознесенный на небеса Господь, что Онъ по сущности, — отъ Отца имѣетъ бытіе, а что произошло отъ Дѣвы, — пребываетъ человѣкомъ, будучи единымъ по виду и

пода, согласно съ первымъ словомъ, суть во всемъ пріобщившіеся Его страданію и бывшіе самовидцами и проповѣдниками Его величія.

Такъ какъ пророки, съ одной стороны, проповѣдали Того Единаго Господомъ, съ другой, образъ воплощенія Его не сливали въ одно естество, какъ нѣкоторые нынѣ толкуютъ, но *различными* словами боголѣпно выразили какъ то, что относится къ божеству Его, такъ человѣколѣпно и то, что — къ плоти Его, дабы ясно показать, что восшедшій, т. е. взятый на небеса Господь, какимъ есть, отъ Отца начинается, а какимъ былъ, — отъ Дѣвы, пребываетъ человѣкомъ, будучи единымъ по виду и

μονογενὴς Υἱὸς τοῦ Θεοῦ καὶ ἀνελθὼν ὑπεράνω τῶν οὐρανῶν, ὅπλα τοῖς θέλουσι δικαιοσύνην (βασιλεὺς γάρ ἐστι δόξης) ηὐτρεπίσατο, λογικοῖς θώραξι τοὺς παρ' αὐτοῦ ἐν σφραγῖδι ταπεινοφροσύνης στρατολογουμένους καθ' ἡμέραν ἀσφαλιζόμενος· ἔπρεπε γὰρ αὐτὸν ἐκ στόματος νηπίων καὶ θηλαζόντων καταρτίσασθαι αἶνον, τοὺς τῇ οἰήσει τελεῖσθαι νομίζοντας ἀποδοκιμᾶσαι εἰς τέλος· σφραγὶς γὰρ ὄντως εὐσεβείας ταπείνωσις, διόπερ ἐκεῖνοι μὲν ἀπειθοῦντες τὸ κατασκηνῶσαι κατὰ τὴν προφητείαν διὰ τῆς ἀναστάσεως τοῦ Χριστοῦ ἐν τῷ φωτὶ τῶν ζώντων τῆς ἑαυτῶν κομιοῦνται ἀνοίας τοὺς καρπούς.

плѣна смерти и восшедши превыше небесъ, уготовалъ для желающихъ правды оружіе (Ибо онъ есть Царь славы) разумными бронями ежедневно укрѣпляя набираемымъ Имъ печатію смиренномудрія. Ему именно подобало *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершить хвалу*, (и) окончательно отвергнуть думающихъ, что усовершаются гордостію; ибо подлинно печать благочестія есть смиреніе. Почему именно они, отвергая обитаніе, по пророчеству, чрезъ воскресеніе Христово во свѣтѣ живыхъ, получатъ плоды своего неразумія.

небесъ, Единородный Сынъ Божій желающимъ правды (ибо Онъ есть Царь славы) уготовалъ оружіе, укрѣпляя повседневно воинствующихъ за Него словесными бронями печатью смиренномудрія. Ибо Ему прилично было: *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершити хвалу*; намѣреваюшихся въ самомнѣніи извѣдать совершенно привести (въ ничтожество), — ибо по истинѣ смиреніе есть печать благочестія, — по сему они, отрицая обитаніе во свѣтѣ живыхъ, согласно съ пророчествомъ, ради воскресенія Христова, кичатся плодами собственнаго безумія.

Конецъ слова:

Ἀγαπητοὶ γὰρ ὄντως εἰσὶ τοῦ Κυρίου

Ибо подлинно пріобщившіеся во

Ибо по истинѣ возлюбленные *Гос-*

κατὰ πρῶτον λόγον οἱ τὸ αὐτοῦ πάθος διὰ πάντων κοινωνήσαντες καὶ αὐτόπται καὶ κήρυκες γενόμενοι τῆς ἑαυτοῦ μεγαλειότητος.

всемъ страданію Его и содѣлавшіеся самовидцами и вѣстниками Его величія, преимущественно суть возлюбленные Его.

пода, согласно съ первымъ словомъ, суть во всемъ пріобщившіеся Его страданію и бывшіе самовидцами и проповѣдниками Его величія.

Ὥστε ἕνα μὲν καὶ τὸν αὐτὸν οἱ προφῆται ἐκήρυττον Κύριον, τῆς δὲ σαρκώσεως αὐτοῦ τὸ σχῆμα εἰς μίαν, ὡς τινες εἰσηγοῦνται νῦν, οὐ συνέχεαν φύσιν. Ἀλλὰ τὰ μὲν τῇ θεότητι αὐτοῦ διαφέροντα ῥήματα θεοπρεπῶς ἔλεγον, τὰ δὲ τῷ σώματι αὐτοῦ ἀνθρωποπρεπῶς, ἵνα διδάξωσι σαφῶς, ὅτι ὁ ἀναβάς, ἤτοι ὁ ἐπαρθεὶς ἐπὶ τοὺς οὐρανοὺς Κύριος, ὅ μὲν ἔστιν, ἐκ τοῦ Πατρὸς ὑπάρχει, ὃ δὲ γέγονεν ἐκ τῆς Παρθένου, μένει ἄνθρωπος, εἰς ὃν ἐν εἴδει, καὶ εἰς ἐν ὑποστάσει· ὁ γὰρ ἀσώματος ἑαυτὸν τῇ προσλήψει τῆς σαρκὸς εἰδοποιήσας, ἐμφανῶς

Слѣдовательно, пророки возвѣщали единаго и того же Господа, но образа воплощенія Его они не сливали въ одно естество, какъ нынѣ учатъ нѣкоторые. Но они избирали боголѣпно реченія, относящіяся къ божеству, а (относящіяся) къ тѣлу – человѣколѣпно, дабы научить ясно, что восшедшій, т. е. вознесенный на небеса Господь, что Онъ по сущности, — отъ Отца имѣетъ бытіе, а что произошло отъ Дѣвы, — пребываетъ человѣкомъ, будучи единымъ по виду и

Такъ какъ пророки, съ одной стороны, проповѣдали Того Единаго Господомъ, съ другой, образъ воплощенія Его не сливали въ одно естество, какъ нѣкоторые нынѣ толкуютъ, но *различными* словами боголѣпно выразили какъ то, что относится къ божеству Его, такъ человѣколѣпно и то, что — къ плоти Его, дабы ясно показать, что восшедшій, т. е. взятый на небеса Господь, какимъ есть, отъ Отца начинается, а какимъ былъ, — отъ Дѣвы, пребываетъ человѣкомъ, будучи единымъ по виду и

ἀνέβη διὰ τοῦτο, ὅθεν ἀφανῶς καταβὰς ἐσαρκώθη. Διόπερ ἀνελήφθη μὲν ἐν δόξῃ, ἐπιστεύθη δὲ ἐν δυνάμει, προσδοκᾶται δὲ ἐν φόβῳ, τὴν νεφέλην πάλιν προσδοκώμενος σχεῖν τὴν προφητικὴν εἰς τὴν ἑαυτοῦ κάθοδον ὑπηρέτην. Καὶ γὰρ τότε νεφέλην αὐτῷ ὑπηρετήσασθαι οἱ προφῆται προεῖπον, ἵνα σωματώδης τις καὶ ἐλαφρὰ οὐσία τὸν σεσωματωμένον φανείη πάλιν βαστάζουσα Κύριον· βαστάζει μὲν γὰρ ἐν τῇ αὐτοῦ βουλήσει, ὡς ἔφην, τὰ σύμπαντα ὡς Θεός, ὑπὸ δὲ τῆς νεφέλης βασταχθήσεται ὡς καὶ ἄνθρωπος, ἵνα μήτε τοὺς νόμους, ἧς προσέλαβεν, ἀρνήσηται ὁ φιλόψυχος φύσεως.

единымъ по ипостаси; ибо безтѣлесный, принятіемъ плоти давъ себѣ видъ, явно посему восшелъ (туда), откуда невидимо нисшедши воплотился. Потому Онъ вознесся во славѣ, увѣровали же въ Него въ силѣ, а ожидается въ страхѣ, будучи ожидаемъ имѣющимъ въ возвращеніи своемъ опять пророческое облако служителемъ. Ибо пророки предсказали, что и тогда облако будетъ находиться въ услуженіи Его, дабы нѣкая тѣловидная и легкая сущность явилась опять держащею Господа. Ибо Онъ, какъ я сказалъ, держитъ все волею своею, какъ Богъ, а облакомъ Онъ будетъ держимъ, какъ и

единымъ по ипостаси. Ибо безплотный, принятіемъ плоти измѣнивъ въ себѣ самомъ видъ, ради этого явно вошелъ (туда), откуда, сошедъ тайно, воплотился. Посему Онъ, съ одной стороны, вознесся во славѣ, съ другой, могуществомъ заставилъ увѣровать, съ третьей, со страхомъ ожидается, чая имѣть снова пророческое облако слугою для своего сошествія. И въ самомъ дѣлѣ, пророки предсказали, что тогда облако будетъ служить Ему, дабы явилась нѣкая матеріальная и тонкая сущность, снова носящая *воплощеннаго Господа*. Ибо Онъ, какъ Богъ въ своемъ хотѣніи, какъ я сказалъ, содержитъ все, облакомъ же будетъ носимъ, какъ человѣкъ, чтобы Душе-

человѣкъ, чтобы Онъ, душелюбивый, не отрекся и тогда отъ законовъ естества, которое Онъ воспринялъ.

любецъ не отказался отъ законовъ естества, которое принялъ.

Διόπερ καὶ τοὺς ἁγίους ἐν νεφέλαις ἁρπαχθήσεσθαι προσεδίδαξεν ἡμᾶς ὁ θεσπέσιος Παῦλος, ὅταν ἔρχηται ὁ ἐπὶ νεφέλης ἐλθεῖν προσδοκώμενος Κύριος· ὃ γὰρ ἁρμόττει τῷ σαρκωθέντι Θεῷ διὰ τὸσῶμα[1]), τοῦτο καὶ τοῖς θεοθησομένοις διὰ τὸν πλοῦτον τῆς χάριτος αὐτοῦ, θεοὺς τοὺς ἀνθρώπους ποιῆσαι φιλοτιμησαμένου Θεοῦ. Μηδεὶς οὖν ὑπολαμβανέτω τὴν πυκνότητα τῆς ἀνθρώπου φύσεως, ἥσπερ οὐσιωδῶς κοινωνήσας ὁ ἅγιος τοῦ Θεοῦ Λόγος ἐγνώρισται, ἐκ τῶν μαρμαρυγῶν τῆς θείας αὐτοῦ καὶ ἐνδόξου οὐσίας, ἀδελφοί, ἠλλοιῶσθαι, τὴν τῶν ἑκατέρων ἐν αὐτῷ

Почему божественный Павелъ научилъ насъ *еще*, что и святые будутъ восхищены на облакахъ, когда ожидаемый пріити Господь пріидетъ. Ибо что приличествуетъ воплотившемуся Богу по тѣлу, то — и имѣющимъ содѣлаться богами по богатству благодати Его, такъ какъ Богъ благоволитъ содѣлать людей богами. Поэтому пусть никто не думаетъ, братіе, что плотность человѣческаго естества, коего существенно пріобщившимся, познавалось святое Слово Божіе, сіяніями Его божественнаго существа

Поэтому божественный Павелъ научилъ насъ, что и святые будутъ восхищены на облацѣхъ, когда явится Господь,ожидаемый, что Онъ придетъ на облакѣ. Ибо что приличествуетъ воплощенномуБогу по причинѣ плоти, то тоже —и обоженнымъ по причинѣ богатства благодати Его, чтобы, Богу благоволившу, сдѣлать людей богами. Итакъ, братіе, пусть никто не подумаетъ, что плотность человѣческаго естества, пріобщившись коего существенно, святое Слово Божіе позналось, потерпѣла измѣненіе отъ блеска божественной и слав-

ἀχωρίστως ἀλήθειαν φύσεων· οὐ γάρ, ἵνα τὸ ἑαυτοῦ πλάσμα φαντάσῃ, ἐσαρκώθη ὁ ἔνδοξος, ἀλλ' ἵνα τὴν ἐνσπαρεῖσαν ἐν αὐτῷ ἕξιν ἐκ τοῦ ὄφεως τῇ ἑαυτοῦ κοινωνίᾳ ἀναλώσῃ εἰς τέλος. Ὥστε ἕξιν, οὐ γὰρ φύσιν ἤλλαξεν ἡ σάρκωσις τοῦ Λόγου, ἵνα μὲν μνήμην ἐκδυσώμεθα τοῦ κακοῦ, τὴν δὲ ἀγάπην ἐνδυσώμεθα τοῦ Θεοῦ· οὐκ εἰς ὅπερ μὴ ἦμεν ἀλασσόμενοι, ἀλλ' εἰς ὅπερ ἦμεν τῇ ἀλλαγῇ μετὰ δόξης ἀνακαινιζόμενοι.

измѣнилась, — истинность одного изъ двухъ (сущихъ) въ Немъ нераздѣльно естествъ; ибо Славный воплотился не для того, чтобы показать призракъ свой, но чтобы общеніемъ своимъ окончательно уничтожить всѣянный въ него (человѣческое естество) зміемъ навыкъ. Слѣдовательно, навыкъ, а не естество измѣнило воплощеніе Слова, дабы мы совлекли съ себя памятованіе о злѣ, но облеклись любовію къ Богу, не измѣняясь въ то, чѣмъ мы не были, но измѣненіемъ обновляясь со славою въ то, чѣмъ мы были.

ной Его сущности, (сохраняя) истину обѣихъ въ Немъ естествъ нераздѣльно. Ибо Славный воплотился не для того, чтобы свое созданіе возвысить, но чтобы своимъ пріобщеніемъ истребить въ конецъ посѣянную въ немъ змѣемъ способность (ко грѣху). Посему въ дѣйствительности воплощеніе Слова измѣнило способность, а не естество, дабы мы, съ одной стороны, освободились бы отъ воспоминанія о грѣхѣ, съ другой, облеклись бы любовію Божіею, измѣняясь не въ то, чѣмъ мы не были, но чѣмъ мы были, обновляясь со славою измѣненіемъ.

---

1) Очевидно, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто διὰ τὸ σῶμα читается: διὰ τὸ σωτήριον, такъ какъ въ Хиландарской рукописи № 82 (75) л. 127 это мѣсто переводится такъ: спсенїа рад. Это послѣднее чтеніе, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ признать болѣе правильнымъ.

Итакъ, неумѣнье распорядиться причастными формами и частицами μέν и δέ и др., свободное обращеніе съ временами глаголовъ, *довольно частые пропуски* почему-нибудь неудобныхъ словъ и выраженій, неудачный подборъ синонимовъ, произвольное удаленіе отъ подлинника, а отсюда отсутствіе точности,— вотъ существенные недостатки всѣхъ переводовъ твореній блаженнаго Діадоха въ книгѣ проф. Попова. Въ частности, въ словѣ на вознесеніе мы замѣтили пропуски слѣдующихъ словъ: 557, 6 и 8 φέρε (двукратно), 365, 27 κατὰ πρῶτον λόγον, 565, 17 τοὺς ἀποστόλους αὐτοῦ, 566, 11 διαφέροντα, 567, 10—11 τὸν σεσωματωμένον, 568, 3 ἐπὶ νεφέλης, 568, 15 καὶ ἐνδόξου. Изъ указанныхъ нами пропусковъ два не только имѣютъ важное значеніе для изучающаго творенія бл. Діадоха, но и заслуживали бы, по нашему мнѣнію, особыхъ схолій, на которыя вообще не скупъ проф. Поповъ. Выраженіе: κατὰ πρῶτον λόγον говоритъ намъ, что напечатанное въ книгѣ проф. Попова (тоже у Маія и Миня) слово не единственное у бл. Діадоха, и можетъ, по нашему мнѣнію, подтверждать свидѣтельство епископа Виктора Витенскаго о томъ, что отъ этого автора «остаются многочисленные словесные памятники *каѳолическаго ученія*» (стр. 4). Не лишено значенія въ словѣ, направленномъ противъ монофизитовъ, и опущенное причастіе τὸν σεσωματωμένον при словѣ Κύριον, такъ какъ этимъ эпитетомъ ясно различаются двѣ природы Іисуса Христа — божеская и человѣческая, сливаемыя названными еретиками.

VII.

Схоліи анонима къ аскетическому слову бл. Діадоха.

«Въ качествѣ приложенія къ аскетическому творенію бл. Діадоха, пишетъ проф. Поповъ, напечатаны анонимныя схоліи, находящіяся въ Оксфордской рукописи (Codex laudianus 84 ol. 737 saec. XII ineuntis.). Неизвѣстный авторъ этого толкованія

хотѣлъ изъяснить все твореніе блаженнаго Діадоха, но *закончилъ свои схоліи на 41 главѣ.* Введеніе къ схоліямъ, трактующее объ имени бл. Діадоха, о прозваніи Маркъ, десяти ὄροι и ихъ отношеніи къ главамъ имѣетъ значеніе для нѣкоторыхъ (какихъ?) научныхъ выводовъ; объясненіе же самыхъ аскетическихъ главъ есть не что иное, какъ *маловажный парафразъ* ихъ, иногда, впрочемъ, довольно удачно воспроизводящій мысль бл. Діадоха» (стр. XXXI).

Вся эта тирада вызываетъ и сама по себѣ на нѣкоторыя педоумѣнія и возраженія. Въ самомъ дѣлѣ, если анонимъ этихъ схолій сомнѣвается въ существованіи блаженнаго Діадоха, какъ исторически извѣстнаго и опредѣленнаго лица, «и подвергаетъ сомнѣнію даже самое имя его» (стр. IV и 529—530), то едва ли проф. Попову среди «твореній блаженнаго Діадоха» слѣдовало бы давать мѣсто этимъ схоліямъ. Отмѣтить существованіе схолій анонима въ отдѣлѣ, напр., testimonia externa, въ видахъ хотя бы то и полноты обозрѣнія источниковъ для изученія личности даннаго писателя и существующихъ въ литературѣ на него противоположныхъ воззрѣній, — дѣло естественное и даже, пожалуй, не лишнее, но отводить имъ самостоятельное мѣсто въ книгѣ едва ли были у издателя основательныя причины. Проф. Поповъ даетъ этимъ схоліямъ совершенно правильную оцѣнку, когда говоритъ, что онѣ «не что иное, какъ маловажный парафразъ» аскетическихъ главъ бл. Діадоха и только лишь «*иногда* довольно удачно воспроизводятъ мысль» автора.

Но разъ этимъ малоцѣннымъ въ научномъ отношеніи схоліямъ проф. Поповъ рѣшился удѣлить мѣсто въ своей и безъ того внушительной по объему книгѣ, на немъ лежалъ нравственный долгъ сообщить самыя подробныя и *достовѣрныя* свѣдѣнія о нихъ. Къ глубокому сожалѣнію, этого-то долга передъ наукою издатель твореній бл. Діадоха и не выполнилъ и, по нашему глубокому убѣжденію, даже не былъ въ силахъ, такъ какъ свѣдѣнія объ этихъ схоліяхъ онъ почерпнулъ изъ каталоговъ и

чрезъ вторыя руки, а не непосредственно изъ рукописей, о чемъ по какимъ-то причинамъ онъ не счелъ долгомъ даже заявить своимъ читателямъ. Заявленіе это до нѣкоторой степени извиняло бы допущенные проф. Поповымъ недосмотры по вопросу о схоліяхъ анонима, теперь же, благодаря указанному упущенію, всѣ эти недосмотры всецѣло имъ приняты на себя.

Копіистъ Лавдіанскаго кодекса въ Оксфордѣ, прославшій проф. Попову, по его заказу, списокъ съ схолій анонима, очевидно, не сообщилъ заказчику подробнаго описанія сборника, содержащаго въ себѣ эти схоліи, и этимъ самымъ поставилъ его въ большія затрудненія. Только этимъ слѣдуетъ объяснить странности его заявленій, съ одной стороны, что «неизвѣстный авторъ этого толкованія *хотѣлъ* изъяснить все твореніе блаж. Діадоха, *но закончилъ свои схоліи на 41-ой главѣ*» (стр. XXXI), а съ другой, что этотъ авторъ какимъ-то непостижимымъ чудомъ ухитрился «*надписанія*, указывающія на содержаніе каждой главы, *сдѣлать надъ всѣми 100 главами*» (стр. 531, прим. 2), т. е. даже и надъ несуществующими въ Лавдіанскомъ кодексѣ главами съ 42—100. Всѣ эти странности легко устраняются, если мы обратимся непосредственно къ рукописямъ, содержащимъ въ себѣ схоліи анонима, и познакомимся съ подробнымъ расположеніемъ въ нихъ статей, такъ или иначе относящихся къ твореніямъ бл. Діадоха и въ частности къ его аскетическому слову.

Для насъ въ этомъ отношеніи неоцѣненную услугу оказала хотя и позднѣйшая по времени написанія, но превосходная по составу рукопись Аѳоно-Діонисіатской библіотеки № 278, краткое описаніе которой извѣстно въ наукѣ уже болѣе десяти лѣтъ, по каталогу Аѳонскихъ рукописей проф. Аѳинскаго Университета Спиридона Ламброса: «Catalogue of the Greek manuscripts on mount Athos. Cambridge. 1892 vol. I, pag. 399». Подробное описаніе этой замѣчательной рукописи въ настоящемъ случаѣ дѣло, по нашему мнѣнію, настоятельной необходимости и вноситъ въ рѣшеніе многихъ вопросовъ, относящихся къ схоліямъ анонима, существенныя поправки.

Рукопись Аѳоно-Діонисіатской библіотеки № 278, въ 24 долю листа, 227 листовъ, писана четкимъ красивымъ почеркомъ XVII столѣтія. Первые 69 листовъ содержатъ произведенія другихъ авторовъ, листы же съ 70 по 211 заняты исключительно аскетическимъ словомъ бл. Діадоха въ слѣдующемъ составѣ: 1) надписаніе: «Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ σοφωτάτου Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῆς Ἠπείρου τοῦ Ἰλλυρικοῦ, περὶ ὅρων, 2) Σχόλιον καὶ προοίμιον περὶ τοῦ ὀνόματος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ σοφωτάτου Διαδόχου· ὁμοίως καὶ περὶ τῆς τοῦ Μάρκου προσηγορίας, 3) надписаніе къ стоглаву: Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως κ. τ. λ. (обычное), 4) πίναξ τῶν κεφαλαίων съ заключеніемъ въ концѣ: Τέλος τοῦ πίνακος τῶν κεφαλαίων τοῦ ἁγίου Διαδόχου и 5) *весь полностію сто главъ.*

Текстъ ὅροι съ надписаніемъ «περὶ ὅρων» и «Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως»[1]) предъ стоглавомъ ничѣмъ не разнятся отъ текста ихъ въ лучшихъ древнѣйшихъ рукописяхъ.

Σχόλιον καὶ προοίμιον περὶ τοῦ ὀνόματος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ σοφωτάτου Διαδόχου· ὁμοίως καὶ περὶ τῆς τοῦ Μάρκου προσηγορίας. Текстъ напечатанъ у проф. Попова стр. 529—531.

Πίναξ τῶν κεφαλαίων, т. е. оглавленіе главъ, а не *надписанія*, какъ невѣрно выражается проф. Поповъ (стр. 531, прим. 2), составляетъ самостоятельную часть въ трудѣ схоліаста-анонима, находящуюся впереди текста самыхъ главъ, которыя въ дѣйствительности изложены имъ въ цѣльномъ видѣ въ количествѣ ста, но безъ всякихъ надписаній. Текстъ оглавленій тотъ самый, который заблагоразсудилось проф. Попову разбить по всему стоглаву въ качествѣ *надписаній* къ каждой его главѣ въ отдѣльности. Впрочемъ, въ Аѳоно-Діонисіатской рукописи № 278 мы нашли и любопытную особенность, относящуюся къ оглавленію 85 главы. Въ этомъ оглавленіи опущены (строк. 12—17,

---

1) Анонимъ не касался надписанія къ стоглаву, и о немъ, вопреки увѣреніямъ проф. Попова (стр. 21), ему и не было надобности трактовать, такъ какъ онъ цѣликомъ взялъ его изъ существующихъ рукописей.

стран. 459) мысли, съ небольшими отличіями повторяющіяся потомъ въ оглавленіи 87 главы, благодаря чему самое оглавленіе 85 главы пріобрѣло краткость, прямое отношеніе къ тексту главы и лишилось излишняго повторенія. Чтобы видѣть разницу въ обоихъ оглавленіяхъ въ изложеніи, по тексту напечатанному у проф. Попова, мы сдѣлаемъ ихъ сопоставленія въ параллельныхъ столбцахъ:

κεφ. πε′	κεφ. πζ′
Ὅτι ἡ παιδευτικὴ παραχώρησις λύπην τῇ ψυχῇ καὶ ταπείνωσιν φέρει· ἡ δὲ κατὰ ἀποστροφὴν τοῦ Θεοῦ γινομένη, ἀπελπισμὸν καὶ ἀπεστίαν καὶ ὀργὴν καὶ τῦφον ἐμποιεῖ.	Ὅτι ἡ παιδευτικὴ παραχώρησις φέρει μὲν λύπην καὶ ταπείνωσιν καὶ ἀπελπισμὸν σύμμετρον τῇ ψυχῇ, εὐθέως δὲ φόβον Θεοῦ καὶ δάκρυον ἐξομολογήσεως· ἡ δὲ κατὰ ἀποστροφὴν Θεοῦ γινομένη ἀπελπισμὸν καὶ ἀπεστίαν καὶ ὀργὴν καὶ τῦφον.

Оглавленіе 85 главы въ рукописи Аѳоно-Діонисіатской № 278 начинается прямо такъ: «Ὅτι ἀμήχανόν ἐστι καθόλου αὐτό τε τὸ Ἅγιον Πνεῦμα καὶ τὸν διάβολον ὁμοῦ ἐνοικεῖν ἐν τῷ ἡμετέρῳ νοΐ· ὁ δὲ τοῦτο ὑπολαμβάνων οὐδέπω ᾔδει, οὔτε μὴν ἐγεύσατο, ὅτι Χριστὸς (у Попова: χρηστὸς) ὁ Κύριος».

Аскетическое слово блаженнаго Діадоха въ рукописи Аѳоно-Діонисіатской № 278 содержится въ полномъ своемъ составѣ *ста главъ*, при чемъ первыя сорокъ одна глава въ изложеніи *парафрастическомъ*, какъ онѣ напечатаны въ книгѣ проф. Попова стр. 529—554, а остальныя съ 42—100, за исключеніемъ 47 главы и отчасти 51, 52 и 53 главъ, въ обычномъ изложеніи, какое можно видѣть въ большинствѣ лучшихъ древнѣйшихъ списковъ λόγος ἀσκητικός. Чтобы указать разности въ изложеніи 47 и 52 главъ у схоліаста-анонима, мы сдѣлаемъ сопоставленія

ихъ (въ нѣкоторыхъ частяхъ) съ обычнымъ текстомъ этихъ главъ, напечатаннымъ въ книгѣ проф. Попова:

κεφ. μζ′ у Попова стр. 173	въ ркп. № 278
...Οὔτε γὰρ οἱ τῶν οἰωνδήποτε τεχνῶν ἐπιστήμονες ἐκ τῶν ἐργαλείων τὸ τοῦ ἐπαγγέλματος ἀποτέλεσμα καυχῶνταί ποτε, ἀλλὰ περιμένει τούτων ἕκαστος τὸ εἶδος τοῦ ἐγχειρήματος, ἵνα ἐξ ἐκείνου τὸ ἀκριβὲς τῆς τέχνης ἐνδείξηται.	Οὐδὲ οἱ τῶν οἰωνδηποτοῦν τεχνῶν ἐπιστήμονες ἐκ τῶν ἐργαλείων καυχῶνταί ποτε, ἀλλ' ἐκ τοῦ τούτων ἀποτελέσματος περιμένων ἕκαστος αὐτῶν τὸ εἶδος καὶ τὸ σχῆμα καὶ τὸ κάλος τοῦ ἐγχειρήματος, ἵνα ἐκ τούτων πάντων τὸ ἀκριβὲς τῆς ἑαυτοῦ τέχνης ἐνδείξηται
κεφ. νβ′	
Τῷ λουτρῷ παραβάλλειν οὐκ ἄν τις ἁμαρτωλὸν ἢ παράλογον ἀποφαίνοιτο· τὸ δὲ δι' ἐγκράτειαν καὶ τούτου ἀπέχεσθαι, καὶ ἀνδρεῖον λέγω...	Τῷ λουτρῷ παραβάλλειν δι' ἀσθένειαν οὐκ ἄν τις εὐφρονῶν ἁμαρτωλὸν ἢ παράλογον ἀποφαίνοιτο· τὸν δὲ δι' ἐγκράτειαν καὶ τούτου ἀπεχόμενον καὶ ἀνδρεῖον λέγω...

Особенности текста главъ 51 и 53 отмѣчены нами выше (IV глава) въ отдѣлѣ variationes, гдѣ нашли себѣ мѣсто и всѣ остальныя разночтенія, по рукописи Аѳоно-Діонисіатской № 278. Относительно этихъ особенностей описываемаго Аѳоно-Діонисіатскаго кодекса трудно пока что-нибудь сказать положительное—принадлежатъ ли онѣ исключительно анониму-схоліасту, или же попали сюда изъ обычныхъ древнихъ списковъ аскетическаго слова блаженнаго Діадоха. Большинство разночтеній, впрочемъ, какъ это можно видѣть и теперь изъ отдѣла variationes и подстрочныхъ къ нимъ указаній, своимъ происхожденіемъ обязано разнообразію древнихъ списковъ аскетическаго слова.

Главы 65 и 66 переставлены одна на мѣсто другой, что

отразилось и на πιναξ'ѣ τῶν κεφαλαίων. Это обстоятельство, не отмѣченное проф. Поповымъ, заставляетъ предполагать, что въ Лавдіанскомъ кодексѣ № 84 указанной перестановки въ главахъ не имѣется.

Кто составитель занимающихъ насъ схолій, а главное, когда онѣ появились на свѣтъ Божій — эти далеко не праздные вопросы въ изслѣдованіи о блаженномъ Діадохѣ—для проф. Попова не существуютъ, или отложены имъ опять до появленія въ свѣтъ *многообѣщающаго* въ будущемъ второго тома книги.

Свѣривъ текстъ схолій, взятый изъ Оксфордской рукописи, съ текстомъ ихъ въ Аѳоно-Діонисіатской рукописи № 278, мы замѣтили слѣдующія не лишенныя интереса разночтенія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и даже прямыя ошибки:

стран.	строк.	у Попова	Въ рук. № 278.
97	13	διαφεύγομεν	διαφύγωμεν (sic)
112	8	ἤγουν ἱλαρύνεται	нѣтъ
123	4	ὦσιν	εἰσίν
184	7	εὐπρεπεῖς	ἀπρεπεῖς
205	2	σῶφρον	σώφρονα
330	9	αὐτῷ	αὐτῷ γένοιτο
346	8	αἱρουμένους	αἱρουμένοις
403	6	ὑπὸ βορρᾷ	ὑπὸ βορρέως
436	7— 8	ἐνάλλεταί τε καὶ ἐμφωλεύει	ἐνάλλονταί τε καὶ ἐμφωλεύουσιν
441	23	τῷ σώματι	τὸ σῶμα
456	6	ὑποτίκτειν	ἀποτίκτειν
459	12—17		нѣтъ этихъ строкъ
	23	χρηστὸς	Χριστός
471	12	τοῦ βαπτίσματος	τοῦ ἁγίου βαπτίσματος
471	16	ἵνα σὺν ἡμῖν ἐργάσηται	нѣтъ
475	6	'ἐξ αὐτῆς	ἐξ ἑαυτῆς
530	30	ἀπογεγραμμένον	ἀπογεννᾶν

533	4	ἐκάλεσεν	ἀνεκάλεσεν
	16	τ(ὸ διαχ)ωρίζειν	τοῦ γνωρίζειν
	20—21		Скобокъ нѣтъ.
534	29—30		То же самое.
537	7	ταπεινώσεως καλύπτεται	ταπεινώσεως αὐτοῦ καλύπτων
538	5	δι' ἡμᾶς καὶ τοῦτο ποιοῦμεν	нѣтъ
539	21	καθαρισθέντος	καθαρθέντος
540	13	πολὺ	παχὺ
541	29	τοῦ θελήματος	τοῦ θελήσαντος
542	12	καὶ ἐπιπονωτέρας	нѣтъ
543	5	οὐδεὶς εἰδέναι δύναται	οὐδεὶς οἶδεν, οὐδὲ εἰδέναι δύναται
544	30	παναγίου	ἁγίου
545	3	λέγονται	λέγεται
546	11	κοινωνήσει	κοινωνῆσαι
	14	γευστικῆς	γευτικῆς
	31	λέγοντα	λέγον (sic)
548	11	᾽εξάπτεται	ἐξάπτηται
549	22	διὰ καὶ	διὸ καὶ
551	15—16	ἤτοι πλησιάζουσιν	нѣтъ
552	9	πνευμάτων	πατέρων
	17	εἴπομεν	εἴπαμεν.

VIII

Произведенія, приписываемыя въ рукописяхъ блаженному Діадоху.

Въ книгѣ проф. Попова съ заглавіемъ: «Блаженный Діадохъ (V-го вѣка), епископъ Фотики Древняго Эпира, и *его творенія*»

и въ частности «т. I *твореніи блаженнаго Діадоха*», къ удивленію нашему, мы встрѣтили «блаженнаго *Марка Діадоха* слово противъ аріанъ» (Τοῦ μακαρίου Μάρκου τοῦ Διαδόχου κατὰ Ἀρειανῶν λόγος) (стр. 573—606), которое, и по заявленію самого издателя, «*по меньшей мѣрѣ* (курсивъ подлинника) должно считать сомнительнымъ въ отношеніи къ принадлежности его бл. Діадоху, епископу Фотики Древняго Эпира» (стр. XXXIII). И издатель, очевидно, сознавалъ неумѣстность этого слова среди твореній бл. Діадоха, когда въ предисловіи прямо заявилъ, что «значеніе примѣчаній къ слову бл. Марка противъ Аріанъ *нуждается въ нѣкоторомъ поясненіи, оправдывающемъ напечатаніе этого слова вмѣстѣ съ твореніями бл. Діадоха*» (стр. XXXI). Но ни эти «оправдывающія поясненія», которыя нашли себѣ мѣсто на страницахъ разбираемаго нами перваго тома, ни интригующія читателя заманчивыя обѣщанія многообъемлющаго второго тома, въ которомъ «будетъ разсмотрѣнъ болѣе подробно вопросъ о подлинности твореній бл. Діадоха» (стр. XXXIII), нисколько не могутъ поколебать «сомнительность *по меньшей мѣрѣ*» въ принадлежности бл. Діадоху даннаго слова, и нимало не оправдаютъ настоятельной необходимости переизданія этого слова. Но наше удивленіе переходитъ уже въ положительное недоумѣніе, когда мы видимъ слово противъ аріанъ снабженнымъ множествомъ схолій и притомъ обширныхъ, какими сопровождаетъ проф. Поповъ изданіе и подлинныхъ твореній бл. Діадоха. Въ схоліяхъ этихъ проф. Поповъ пытается даже сопоставлять выраженія и мысли слова противъ аріанъ съ подобными мыслями и выраженіями бл. Діадоха въ его λόγος ἀσκητικός (стр. 579, прим. 1; 586, прим. 1; 591, прим. 1; 597, прим. 1 и др.). Какъ эти сопоставленія, такъ равно и выраженія, довольно часто встрѣчающіяся въ схоліяхъ къ данному слову, а именно: «слово бл. Діадоха» (стр. 573, 574, 576), или «блаженный Діадохъ говоритъ» (стр. 584, прим. 1), или «блаженный Діадохъ указываетъ» (стр. 588 прим.) и др., невольно наводятъ читателя на мысль, что проф. Поповъ какъ бы колеблется относительно автора слова

противъ аріанъ и не прочь допустить мысль, что это слово принадлежитъ бл. Діадоху, писателю V-го вѣка (стр. XXXIII, VIII).

Но, выражая свое недоумѣніе по поводу напечатанія слова противъ аріанъ, «усвояемаго другому писателю» (стр. VIII) и «по меньшей мѣрѣ сомнительнаго» въ отношеніи его принадлежности бл. Діадоху (стр. XXXIII), среди твореній послѣдняго, мы, однакоже, этимъ вовсе не желаемъ отрицать научное значеніе произведеній апокрифическихъ, приписываемыхъ бл. Діадоху. Напротивъ, въ произведеніяхъ, надписываемыхъ въ рукописяхъ именемъ Діадоха, мы видимъ весьма ясное доказательство популярности среди читателей имени даннаго писателя и его произведеній, степень распространенности его воззрѣній и вліяніе его идей, какъ на современниковъ, такъ и на отдаленное потомство, а поэтому находимъ не только естественнымъ и вполнѣ резонным автору, добросовѣстно изучающему даннаго писателя, обслѣдовать всесторонне произведенія, несомнѣнно ему принадлежащія, но и апокрифическія, лишь приписываемыя ему. Поэтому-то намъ совершенно непонятнымъ кажется перепзданіе въ свѣтъ слова противъ аріанъ и въ то же время игнорированіе или, вѣрнѣе, откладываніе до второго тома, «въ которомъ изслѣдуются вопросы о подлинности *всѣхъ* извѣстныхъ подъ именемъ бл. Діадоха твореній», двухъ другихъ, извѣстныхъ проф. Попову съ именемъ Діадоха произведеній: 1) Ἐρωτήσεις καὶ ἀποκρίσεις τοῦ ἁγίου Διαδόχου и 2) Ὅρασις τοῦ ἁγίου Διαδόχου, ἐπισκόπου Φωτικῆς τῆς Ἠπείρου (стр. VIII). «Сочиненія, несомнѣнно подложныя» (тамъ же), и сочиненіе, подлинность котораго «по меньшей мѣрѣ сомнительная» (стр. XXXIII), какъ характеризуетъ эти произведенія проф. Поповъ, не дѣлаетъ между настоящими статьями существенной разницы, и научная цѣнность ихъ совершенно одинакова.

Признавая за апокрифическими статьями вышеуказанное значеніе, мы, во время изученія твореній бл. Діадоха въ библіотекахъ Аѳона и Константинополя, удѣляли вниманіе и этого рода твореніямъ и относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ въ насто-

ящее время можемъ уже представить не лишенныя научнаго значенія заключенія.

I. Τοῦ ἁγίου Διαδόχου κατιερωτήσεις καὶ ἀποκρίσεις[1]) (ркп. Аѳоно-Ватоп. библ. № 243 л. 249—250), или Τοῦ αὐτοῦ Διαδόχου[2]) ἐρώτησις καὶ ἀπόκρισις (ркп. Императ. Вѣнск. библ. № 274 сн. IV фот.-цинк. снимокъ), начинающіеся такъ: Ἐρώτησις· Τί ἦν ἐν τῷ κόσμῳ πρὸ τοῦ τὸν κόσμον γενέσθαι; Ἀπόκρισις· Ὁ Θεός, ὁ τὸν κόσμον ποιήσας и т. д. Статья эта, отложенная проф. Поповымъ до второго тома, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ имени блаженнаго Діадоха въ надписаніи не указываетъ, а называетъ творцомъ ея *нѣкоего схоластика*. Такъ, напр., въ рукописи Свято-гробской библіотеки въ Константинополѣ XVI в. № 303 (55) и въ рукописи XVII в. Аѳоно-Діонисіатской библіотеки № 278 та же статья носитъ слѣдующее любопытное надписаніе: «Διάλογος σχολαστικοῦ τινὸς πρὸς Συμεὼν τὸν νέον θεολόγον». Можно полагать, что и статья, списанная въ Вѣнѣ о. Дороѳеемъ Вулизмою въ одну изъ своихъ тетрадей съ заглавіемъ: «Σχολαστικοῦ τινὸς διάλογος ἐκ τῆς καισαρικῆς ἐν Βιέννῃ βιβλιοθήκης» (ркп. Аѳоно-Пантел. мон. на Аѳонѣ № 516 л. 1691), по содержанію однородна съ указанною.

Количество вопросовъ въ данной статьѣ далеко не всегда одинаково; и по изложенію эти вопросы не отличаются въ извѣстныхъ намъ спискахъ устойчивымъ однообразіемъ. Приложеніе № II къ настоящей нашей статьѣ можетъ служить тому убѣдительнымъ доказательствомъ. Рукопись же Свято-гробской библіотеки XVI в. № 303 (55) даетъ намъ образчикъ тѣхъ иногда довольно обширныхъ дополненій, какими эта статья обилуетъ. Вотъ эти дополнительныя вопрошанія, черпающія иногда отвѣты и изъ аскетическаго слова блаженнаго Діадоха[3]):

---

1) См. Прилож. № II.

2) Подъ тѣмъ же заглавіемъ эту статью указываетъ В. Н. Бенешевичъ въ двухъ рукописяхъ XIV и XV в. (Извѣст. Импер. Акад. Наукъ. Историк.-филологич. отд. т. XVIII, 1903. Спб., стр. 029).

3) Отвѣты, обширные по изложенію, за недосугомъ, намъ не удалось списать.

Τί ἐστι ταπεινοφροσύνη;

Ἐάν τις πολλάκις ἁμαρτήσας μετανοεῖν ἐπιχειρήσειε, καὶ πάλιν μετανοήσας, εἰς ἁμαρτίαν ἔπεσε, μέχρι πόσων πταισμάτων πάλιν μετανοοῦντα ὁ Θεὸς προσδέχεται αὐτόν;

Πόσοι τρόποι εἰσὶν οἱ τῆς μοιχίας;

Λέγουσι τινὲς συγγνώμην ἔχει ἡ σωματικὴ ἁμαρτία ὑπὲρ πάσας ἁμαρτίας, ὡς φυσικῆς ὑπαρχούσης ἐν τῷ ἀνθρώπῳ τῆς κινήσεως;

Πολλῶν ἐν τῇ Παλαιᾷ δικαίων δύο γυναῖκας τρεῖς ἐχόντων, πῶς ἡμῖν οὐκ ἐπιτέτραπται δύο γυναῖκας ἔχειν, ἀλλὰ οὐδὲ πολλακὴν κτήσασθαι;

II. **Впрос̑ и по Ѿвѣтѡ̑ бесѣда ст҃го Діадоха Ѿкровеніа**[1])—второе произведеніе, приписываемое блаженному Діадоху. «Греческій текстъ ихъ, пишетъ объ этихъ вопросахъ В. Н. Бенешевичъ, еще не изданъ и даже нигдѣ не отмѣченъ среди твореній Діадоха Фотикійскаго, вѣроятно, вслѣдствіе своей чрезвычайной рѣдкости. Послѣ произведенныхъ мною тщательныхъ розысковъ по каталогамъ библіотекъ и въ самыхъ библіотекахъ оказалось, что онъ находится только въ Bodlejan. Canonician. 15, cart. XV saec. f. 168^{b}—174 Ὅρασις τοῦ αὐτοῦ ἁγίου Διαδόχου и въ Bodl. Baroccian, 69 chart. XIV saec. exeuntis Αἱ παρὰ τοῦ θείου Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου λυθεῖσαι ἀπορίαι τῷ ἁγίῳ Διαδόχῳ ἐν ὁράσει, насколько можно судить по начальнымъ словамъ: «Τί δὴ τοσοῦτον τὴν ἔρημον ἐθαύμασας»... (Передъ указанной статьей въ обоихъ спискахъ находятся: «Τοῦ αὐτοῦ ἁγίου Διαδόχου ἐρωτήσεις καὶ ἀποκρίσεις incip. Τί ἦν ἐν τῷ κόσμῳ πρὸ τοῦ τὸν κόσμον γενέσθαι[2])», т. е. первая изъ статей, приписываемыхъ бл. Діадоху.

Но въ указанныхъ статьяхъ сходство въ мысляхъ съ произведеніями бл. Діадоха, несомнѣнно ему принадлежащими, все же довольно слабое, поэтому гораздо большее значеніе должны имѣть тѣ статьи, въ которыхъ зависимость отъ этихъ твореній чувствуется гораздо сильнѣе. Къ такимъ статьямъ слѣдуетъ

---

1) См. Прилож. № III.

2) Извѣст. Импер. Академіи Наукъ т. XVIII, 1903 г., стр. 29.

отнести вопрошанія въ рукописи XVI в. Аѳоно-Діонисіатской библіотеки № 232, которыя слѣдуютъ за 87 главою аскетическаго слова бл. Діадоха съ надписью: «Διαδόχου ἐκ τῶν ἀσκητικῶν κεφαλαίων» и которыя начинаются такъ: «Ἐρώτησις· Πόθεν ὁρῶμεν τινὰς σωματικὰ πάθη πταίσματα ποιοῦντας, ὑπὸ δὲ τοῦ Θεοῦ εὐεργετουμένους καὶ κινδύνου διασωζομένους». Статья эта довольно обширная по объему (л. 603—610), а потому и осталась не скопированною нами. Сюда же относится и статья: «Τοῦ ἁγίου Διαδόχου περὶ φόβου Θεοῦ» въ рукописи XIX в. библ. Аѳоно-Пантелеимоновскаго монастыря № 204[1]).

Заключеніе.

Заканчивая разсмотрѣніе книги проф. Попова, мы находимъ необходимымъ всѣ высказанныя нами замѣчанія по различнымъ вопросамъ, затронутымъ въ ней, свести къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ:

1) Біографическій и библіографическій матеріалъ относительно личности и твореній блаженнаго Діадоха, суммированный проф. Поповымъ въ testimonia externa, не только не даетъ ничего новаго и несомнѣнно достовѣрнаго для рѣшенія этого рода вопросовъ, но, наоборотъ, нерѣдко вноситъ положительную путаницу и даже сомнѣнія въ то, что доселѣ въ наукѣ казалось болѣе или менѣе вѣроятнымъ и не вызывающимъ возраженій. По прочтеніи книги проф. Попова въ цѣломъ ея объемѣ, невольно закрадывается сомнѣніе даже въ томъ, что авторомъ λόγος ἀσκητικός былъ *епископъ* Фотикійскій, и что православная Церковь считала его святымъ или *блаженнымъ*.

2) Проф. Поповъ *несомнѣнно смѣшалъ* двухъ Діадоховъ—*блаженнаго Діадоха*, епископа Фотикійскаго древняго Эпира,

---

1) См. Прилож. № IV.

признаваемаго рукописями за автора λόγος ἀσκητικός и нѣкоторыхъ другихъ произведеній, и *Діадоха мученика*, о которомъ только и извѣстно, что онъ «скончался мечемъ», «посѣченъ бысть во оудіе» въ 31 день мѣсяца августа.

3) Память блаженнаго Діадоха нынѣ празднуется въ нашей Церкви вмѣстѣ съ отцами, просіявшими въ постѣ, въ субботу сырную, а въ древне-византійской Церкви *самостоятельно праздновалась пятаго марта*, одновременно съ памятью другого подвижника и писателя аскетическаго стоглава, Марка подвижника.

4) Критическое отношеніе къ тексту λόγος ἀσκητικός, напечатанному въ Филокаліи Никодима Святогорца, въ книгѣ проф. Попова нельзя признать безпристрастнымъ и основаннымъ на изученіи лучшихъ и древнѣйшихъ списковъ этого творенія бл. Діадоха. Надписаніе: «Κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως πνευματικῆς» и громадное большинство варіантовъ, признанныхъ имъ за чтенія позднѣйшаго происхожденія, находятъ для себя полное оправданіе въ лучшихъ и древнѣйшихъ рукописяхъ IX, XI, XII вв.

5) *Новая редакція* λόγος ἀσκητικός въ книгѣ проф. Попова издана по весьма недостаточному количеству списковъ этого творенія и притомъ главнымъ образомъ позднѣйшаго происхожденія—XV—XVI вѣковъ, каковыми списками пользовался и Никодимъ Святогорецъ въ своей Филокаліи.

6) Составъ λόγος ἀσκητικός и взаимное соотношеніе его частей представлены проф. Поповымъ невѣрно. «Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως» — общее надписаніе къ стоглаву, нерѣдко замѣнявшееся болѣе удобнымъ для запоминанія: «Κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως πνευματικῆς», самостоятельною, а тѣмъ болѣе связующею ὅροι и стоглавъ, *частью* считать нельзя ни въ какомъ случаѣ.

7) Попытку проф. Попова воспользоваться изъ «πίναξ τῶν κεφαλαίων» анонима-схоліаста оглавленіями, въ качествѣ надписаній къ стоглаву, слѣдуетъ признать неудачною. Лучшіе и древ-

нѣйшіе списки аскетическаго слова аѳонскихъ библіотекъ содержатъ въ себѣ, вопреки ни на чемъ не основанному сомнѣнію издателя *новой редакціи* аскетическаго слова, свои собственныя надписанія и притомъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Надписанія эти, отличаясь краткостію и ясностію опредѣленій, позволяютъ намъ сдѣлать нѣсколько, не лишенныхъ научнаго значенія, заключеній относительно надписаній у латинскаго издателя твореній бл. Діадоха, Турріана XVI в., и у анонима-схоліаста по рукописи XII в.

8) Весьма недостаточное знакомство проф. Попова съ лучшими и древнѣйшими списками λόγος ἀσκητικός лишило его возможности собрать болѣе обстоятельный списокъ варіантовъ къ «новой редакціи» этого слова, имѣющихъ безспорно важное значеніе для всесторонняго изученія и отчетливаго пониманія ученія бл. Діадоха о христіанскомъ аскетизмѣ. Приложенныя къ книгѣ фото-цинкографическіе снимки и копіи о. Дороѳея Вулизмы, сдѣланныя послѣднимъ въ Вѣнѣ въ 1783 г., показываютъ, что матеріалъ этого рода изъ извѣстныхъ проф. Попову списковъ исчерпанъ далеко не съ желательною полнотою.

9) Весьма обширныя и не лишенныя научной эрудиціи, какъ это кажется съ перваго взгляда, при бѣгломъ знакомствѣ съ книгою проф. Попова, схоліи къ твореніямъ бл. Діадоха нельзя признать въ большей ихъ части оригинальными и вполнѣ самостоятельными. Аскетическіе сборники древнѣйшаго времени: Πατερικόν, Γεροντικόν, Εὐεργετινός, Πανδέκτη и др. являются предшественниками въ этомъ отношеніи труда г. Попова, и оказали на него несомнѣнно громадное вліяніе, служа не только образцами, но и предлагая иногда готовый матеріалъ для схолій

10) Схему построенія схолій — указать возможныхъ предшественниковъ и преемниковъ по тому или иному пункту ученія блаж. Діадоха объ аскетизмѣ—едва ли можно признать удачной, а его схоліи о такихъ коронныхъ добродѣтеляхъ христіанской аскетики, какъ, напр., послушаніе, смиренномудріе и др., и о такихъ важныхъ и общераспространенныхъ порокахъ, какъ,

напр., блудъ, въ объемѣ пяти-четырехъ половинныхъ страницъ — представляются намъ положительно непонятными.

11) Сопоставленія текста «новой редакціи» λόγος ἀσκητικός съ выдержками изъ этого памятника въ сочиненіяхъ монаха Антіоха, Іоанна Лѣствичника и др. по изданіямъ Миня и другихъ мы считаемъ излишними и въ научномъ отношеніи безполезными, такъ какъ лучшіе древнѣйшіе рукописные списки твореній этихъ аскетическихъ писателей не подтверждаютъ чтеній существующихъ печатныхъ въ наукѣ изданій.

12) Схоліи, направленныя къ уясненію словъ и терминовъ въ нелегкомъ для пониманія аскетическомъ трактатѣ бл. Діадоха, можно бы признать и полезными въ книгѣ, если бы авторъ ея представилъ намъ хотя бы и краткую оцѣнку всего разсѣяннаго въ этихъ схоліяхъ матеріала.

13) Переводъ λόγος ἀσκητικός мы находимъ излишнимъ и, по литературнымъ достоинствамъ, стоящимъ ниже существующихъ въ печати. Переводы словъ на вознесеніе и противъ аріанъ принадлежатъ проф. Попову, но сдѣланы они не вполнѣ удовлетворительно. Пропуски словъ и выраженій, имѣющихъ иногда весьма важное значеніе для пониманія міросозерцанія писателя и почему-нибудь неудобныхъ для перевода, пренебреженіе глагольными формами и частицами, неумѣнье подобрать подходящіе синонимы и постоянное удаленіе отъ текста подлинника — вотъ недостатки этихъ переводовъ.

14) Трудъ анонима-схоліаста по отношенію къ λόγος ἀσκητικός бл. Діадоха представленъ проф. Поповымъ *отъ начала до конца ошибочно*. Причина этого кроется въ личномъ незнакомствѣ издателя съ рукописями, содержащими въ себѣ эти схоліи. Вопросъ о времени написанія этихъ схолій анонимомъ въ книгѣ проф. Попова остается открытымъ.

15) Слово объ аріанахъ, принадлежность котораго бл. Діадоху «по меньшей мѣрѣ сомнительна», вызываетъ съ логическою необходимостію изданіе въ свѣтъ и другихъ статей, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ этого писателя. Проф. Поповъ

былъ бы болѣе послѣдователенъ, если бы и это слово отложилъ печатаніемъ до II тома, или же первый томъ наполнилъ и въ дѣйствительности «твореніями бл. Діадоха» подлинными и сомнительными.

Проф. Поповъ свой настоящій первый томъ считаетъ *подготовительною работою* по отношенію ко второму важнѣйшему тому и находитъ, что въ отношеніи такого писателя, какъ бл. Діадохъ, «совершенно неизслѣдованный и настолько неизвѣстный древне-церковный писатель, что даже самое имя иногда подвергалось прежде *и нынѣ подвергается сомнѣнію*» (стр. III—IV), «принятый въ патрологическихъ монографіяхъ путь изученія и изложенія, открывающійся изложеніемъ біографическихъ данныхъ о писателѣ и обозрѣніемъ его твореній (библіографіею) и богословскихъ воззрѣній, непримѣнимъ» (стр. 111). «Обращающійся нынѣ въ патрологической литературѣ матеріалъ, по словамъ проф. Попова, недостаточенъ для рѣшенія біографическихъ, библіографическихъ и богословскихъ вопросовъ о бл. Діадохѣ, и для болѣе успѣшнаго уясненія ихъ необходимо собрать *возможно полный матеріалъ* и сообщить ему и заключающимся въ немъ даннымъ такую обработку, при которой они могли бы служить *прочною опорою для проясненія личности и богословско-литературной дѣятельности названнаго писателя*» (стр. V). Послѣ всего вышеизложеннаго нами по поводу разсматриваемой книги, думается намъ, довольно ясно, какъ далеко разошлись благія намѣренія и широкіе планы проф. Попова съ дѣйствительнымъ ихъ выполненіемъ. Въ данной *подготовительной работѣ* мы лично не видимъ обѣщаннаго собранія «*возможно* полнаго матеріала», который остается неисчерпаннымъ въ громадномъ количествѣ, и весьма далеки отъ мысли собранный въ ней матеріалъ признать «*за прочную опору* для проясненія личности и богословско-литературной дѣятельности» блаженнаго Діадоха. Такимъ образомъ, настоящій опытъ изданія въ русской патрологической

литературѣ твореній писателя восточной церкви мы считаемъ неудачнымъ. И намъ думается, что проф. Поповъ гораздо цѣлесообразнѣе поступитъ, въ интересахъ научныхъ и съ громадною пользою для дѣла, если, откинувъ въ сторону излишнюю самоувѣренность, вмѣсто второго *обѣщаннаго* тома, *переиздастъ* свой неудачный во многихъ отношеніяхъ первый томъ, направивъ научную любознательность въ библіотеки православнаго Востока, совершенно имъ игнорированныя. Только здѣсь и нигдѣ болѣе и можно надѣяться собрать «возможно полный матеріалъ» для изученія личности бл. Діадоха и его твореній.

Приложеніе № I.

(по ркп. XIV в. Хиландарскаго монастыря № 82 (75) л. 122).

Диадоха єпкпа фотикиискаго. сло҃. д҃. на вьзнєниѥ г҃а нашего Іс҃ Ха҃. бл҃ви ѿче : .

Приведи ми нн҃ꙗ ноудеискыѥ жьрце. годь бо побѣдныихь словесъ. принеси сѣмо цр҃ковниче и Хв҃ь проповѣдниче. гл҃ыи и написоуи твоѥи крѣпкои истинѣ. како бо ѡни сребро тѣхъ злосьвѣтиꙗ, на воины прѣложише, льжью несьгледаноую мнеще покрыти истиноу. какоже нн҃ꙗ хв҃и слоужителѥ изь мрьтвыхъ вь трети дн҃ь вьставша и вьшьша на нб҃са, ждемъ Г҃а Сп҃са им'же (повторено это слово) непрѣстанно хвалещесе. ѥго (об.) же нб҃са оубо приѥмше бг҃олѣпномъ тѣмъ прѣставше чюдесемъ. землꙗ же понести ꙗко ѿ того хотѣниꙗ носимаа трьпѣти не можаше. ѥгоже ѡблакь оубо подьѥ свѣта ꙗвлено, ѡбразь скончати прр҃чства. анг҃лы же пѣсньми даже до ѿчьскаго доспѣше прѣстола. Гь҃ силамъ тъи ѥ҃ цр҃ь славѣ, непрѣстанно вьпиюще. ѥго же и пѣснивьць ѥже ѿ землѥ на нб҃са вьсходь. ст҃ымь прозираѥ дх҃омь. вьзиде Бь҃ (вь) вьскликновени. Гь҃ вь гласѣ троуб'нѣмь поꙗше. провидѣше бо и ст҃ыхь еу҃лии пѣснь блажены. а иже ѡц҃а вѣрнаго авраама хвалещесе. вьскр҃ноути всѣмъ Сп҃са не хотеть изьмрьтвыхь. непостоꙗнныимъ гласомь всежде ѡканныи. непщоующе добротоу толикыѥ истины ѡскврьнити. прослоу бо рє҃ ѿ ноудеи слово се҃, даже до дн҃ь.

ѥже бѣсове оубо познаше. заповѣди же б҃жие (л. 123) вьсприѥмати исповѣдавше, ниже понѣ словомь почисти изволише. и се прр҃коу гл҃юштоу. Г҃и Г҃ь нашь ꙗко чюдно име твоѥ по всѣи земли. ꙗко вьзетсе вельлѣпота твоꙗ превыше н҃бсь. и пакы. вьзнесысе на н҃беса Б҃е и по всѣи земли сл҃а твоꙗ. ꙗже никако злобѣ моудрьцы развратити ѡбрѣщоуть; аще и како льжоу ѡ҃ца своѥго оумоудреть. вьзетыи оубо и вьзнесысе выше н҃бсь. и вѣсто ꙗко прьвѣѥ сьш҃ь на землю, вьзиде на н҃беса. тѣмже и индѣ провьзгласи прр҃кь гл҃е. Г҃и преклони н҃беса и сниди, косни горамъ и вьскоуретсе. бльсни мльниѥ и расточити ѥ. се гл҃аше адьскымь силамъ скроушениѥ бл҃говѣствоуѥ. иже вь сѣни ѥще сьмрьтнѣи сѣдещиимъ. ѥже дѣѥмо г҃нимь погребениѥмь и вьскр҃сениѥмь, ѿ многыхъ оувѣрихомсе. тѣмъ же и вь дроузѣи паки главизнѣ пл҃мьника имамы гл҃юща. Вьш҃ь на высотоу, плѣнилъ ѥси плѣнь. и даль ѥси даꙗ (об.) ниꙗ ч҃лвкомъ. ѿ плѣниѥниꙗ бо смр҃тнаго своимь вьскр҃сениѥмь приѥмь ч҃лвчьство, ѥдиночедыи с҃нь Б҃жіи. и вьш҃ь прѣвыше н҃бсь, ѡроужиѥ хотещиимь правдоу, ц҃рь бо ѥсть славѣ оуг҃ова. словесным щитомь, ѿ нѥго печатию смѣреномоудриꙗ воиньствоующиимъ на всакь д҃нь оутврьждаѥ.

Подобаше бо томоу ѿ оусть младѣнчь и сьсоущиихъ сврьшиль ѥси хвалоу, непщеваниѥмь сьврьшати; мнещиимъ искоусити до конца. печать бѡ вьистиноу бл҃говѣриꙗ смѣрениѥ. имже ѡни оубо не повиноующесе вьселитисе по пророчствоу вьскрсениꙗ ради х҃ва, вь свѣ живоущиихъ своимъ приносеще безоумиѥмь плоды.

Мы же ѱальмника и пакы братиѥ гл҃ы. ꙗко да оузримъ и пакы очесы словесными, ѥже на ѡблацѣ н҃бснѣмь вьшьша Г҃а. апостолское свѣтелство. ѡбаче мльчати ми повелѣваѥть слово, да не ꙗвлю (л. 126) се ѿ безоумныхъ себѣ поспѣшьствовати. вьнег҃а всако ап҃лскоѥ слово ѿ прр҃ческыѥ послоушьствоуѥтсе истины. ищединѣ бо соуще тѣхъ словеса сказаютсе прр҃чьскыми повѣстми. ꙗкоже бо проразоумѣниѥмь прр҃цы ѡ вьч҃лвчени г҃ни ѡбразише. сіи, ап҃лы познаниѥмь ст҃го Д҃ха проповѣдаше.

вьнѥга̑ бо ре̑ приближитисе лѣтомъ, познань боудеши. вьнѥга̑ придеть врѣме ꙗвисе. Рцѣмь оубо пакы: Ги̑ Гь̑ нашь ꙗко чюдно и̑ме твоѥ по всѣи земли, ꙗко вьзетсе вельлѣпота твоꙗ прѣвыше нб̑сь, ꙗко да разоумѣѥмь ꙗсно, ꙗко вьчл̑вчениѥ Гн̑ѥ ѥже ѿ землѥ на нб̑са вьсхожениѥ его. ѥгоже паметь дн̑ь празноуѥмь, бж̑твнаго разоума мирь и̑спльнивь. дондѣже бо бѣ на земли, вь малѣ ѡ̑ семь величьствию славы ѥго мнозы непщевахоу. нь понѥже ꙗвьствьно вьзиде на нб̑са, всѧко ѿчь̑скоѥ (об.) ꙗко достоꙗше сьврьшивь хотѣниѥ. чюдесы в̑са и разоума и̑спльнисе тварь, вьсходеща ѥже и̑ вьсприѥмлѥма всѣмъ г̑а видещіи. Вьзетсе, ѥже вьзнесе прѣвыше всѣхь нб̑сь. по прр̑очьствоу ꙗко чл̑вкь вьзиде Бь̑. вьзиде бо ре̑ Бь̑ вь вьскликновени Гь̑ вь гласѣ троубнѣмь. не бо би сими трѣбоваль прр̑кь гл̑ы, а̑ще не бивь схожениѥ провидѣль о̑чима неблазньно проразоумѣниѥмь. Гдѣ бо бивь послѣднѥе томоу рещи. Вьзнесысе на нб̑са Бе̑ и̑ по всѣи земли слава твоꙗ. и̑ли пакы. Вьзиде Бь̑ вь вьскликновени Гь̑ вь гласѣ троубнѣмь. А̑ще не би схожениѥ ѥго и̑ вьсхождениѥ ѥго быль видѣвь Бг̑ословьць проразоумѣниѥмь Дх̑а. сего ради оубо ꙗкоже прѣжде рѣхь, гдѣ же того вьзета гл̑ѥть каможе ли вьшьша. ꙗко да Ба̑ и̑ чл̑вка вѣроуѥмь Га̑ вь ѥдиномь сьставѣ. Бж̑тва оубо ради вьзиде, пльти же ра̑ вьзетсе гл̑еть. ѥже ѥ̑, вьзнесесе. не ѡ семь ли оубо по̑баѥть разоумѣти; ꙗко сьшьдыи ть и̑ ѥ̑ и̑ вьшьдыи прѣвыше нб̑сь всѣхъ, ѧко да в̑са и̑спльнить своѥе благости. а̑постолы своѥ прьвѣѥ ѿ страсти грѣховныѥ, Дх̑а ра̑ ст̑го нашьствиемь и̑збавивь вь кон̑ць вьзнесеть. Что бо ре̑. вьзнесысе на нб̑са Бе̑ и по всѣи земли сла̑ твоꙗ. ꙗко да и̑збавлени боу̑ть вьзлюблѥныи твои. Вьзлюблѥныи бо вьи̑стиноу соуть Гм̑ь по прьвомоу словоу, иже того ст̑ртемъ по всемъ приѡбщившемсе. и самовидцы и проповѣдницы бывьше того величствию. ꙗко ѥдиного того проповѣдаше Га̑. вьпльщениꙗ же ѥго ѡ̑бразь вь ѥдино ꙗкоже нѣцыи и̑сповѣдають нн̑ꙗ; не размѣсише ѥ̑ство. нь̑ бж̑тва ѥго различныѥ гл̑ы бг̑олѣпно гл̑ахоу. пльтска же ѥго чл̑вколѣпно. ꙗко да наоучеть ꙗвѣ. ꙗко вьшьдыи ѥже вьзетыи на нб̑са Гь̑.

ѥже ѥсть (об.) ѿ ѡ҆ц҃а сый. а҆ ѥже бы҃ ѿ дв҃ы прѣбываѥть чл҃вкь. ѥдинь сыи вь видѣни. и҆ ѥдинь сыи вь сьставѣ. беспльтныи бо себе приѥтиѥмь телеснымь самь ѡ҆дѣвь. ꙗсно вьзиде симь ѿноу҆же невидимо сьшь҃ вьпльтисе: Тѣмже вьзнесе вь славѣ. оу҆вѣрижесе вь силѣ. чаѥтже се вь страсѣ. ѡблакже пакы чаѥ приѥти прр҃чьскыи на своѥ с҆хожениѥ слоугоу. и҆бо тогда ѡ҆блакь ѥмоу прр҃цы послужи҃ прорѣше. ꙗко да пльтскоѥ нѣкоѥ льг҃коѥ соущество вьпльщенаго ꙗвитсе пакы носеще Га҃. носить своимь хотѣниѥмь ꙗкоже рѣхь все ꙗко Бь҃. ѡблакомже носимь боудеть ꙗко чл҃вкь. ꙗко да ни тогда же законы юже приѥть ѿретсе дш҃елюбць ѥ҃ства. И҆мже и ст҃ыѥ на ѡ҆блацѣхь вьсхыщеномь быти наоу҆чи на҃ бож҃твный Павль, вьнѥга приидеть на ѡ҆блацѣ приходе чаѥмы Гь҃. Ѥже бо прилежно ѥ҃ Бо҃у вьпльщеномоу сп҃сениꙗ ради (л. 127). се и ѡ҆бж҃енымь богатства ра҃ благости. ѥже Богь і чл҃вкы створи҃ любочьстиѥмь Бж҃иѥмь. Да никомоу же оу҆бо мнитсе честотоу чл҃вчьскаго ѥ҃ства юже соущьствомь приѡ҆бщивьсе ст҃оѥ Бж҃іѥ слово познасе. ѿ свѣта бж҃твнаго своѥго и҆ славнаго соущ҃ства братиѥ, и҆зьмѣнꙗти ѡ҆бои҆хь вь нѥмь нераздѣлноу и҆стиноу ѥ҃ствомь. да своѥ сьзд҃ниѥ оу҆мь чтить вьпльтисе славныи, нь да вьсѣꙗвьшїисе вь нѥмь с҆мысль ѿ змиѥ своимь приѡ҆бщениѥмь погоубить до конца, ꙗко с҆мысль. не ѥ҃ство бо и҆змѣни вьпльщениѥ слова, ꙗко да памети сьвлѣчемсе злобѣ, вь любовь же ѡ҆блѣчемсе Бж҃ию. не вь немже не бѣхомь и҆змѣнꙗющесе. нь вь нѥмже бѣхомь прѣмѣнѥниѥмь сь славою ѡ҆бнавлꙗѥми. Томоу ѹбо сла҃ и҆ дрьжава; сьшь҃шомоу с нб҃се невидимо. вьшь҃шоумоу же на нб҃са ꙗвьствьвно прѣжде вѣкь. нн҃ꙗ и҆ присно и҆ вь вѣкы вѣкомь. 'Аминь ⁘

Приложеніе № II.

(по рукописи XIV в. Аѳоно-Ватоп. библ. № 243 л. 249—250).

Τοῦ ἁγίου Διαδόχου κατερωτήσεις καὶ ἀποκρίσεις.

Ἐρώτησις· Τί οὖν [1]) ἐν τῷ κόσμῳ πρὸ τοῦτον κόσμον γενέσθαι;

Ἀπόκρισις· Θεός, ὁ τὸν κόσμον ποιήσας.

Ἐρώτησις· Μήπω ὄντος τοῦ κόσμου, πῶς ἦν ἐν τῷ κόσμῳ;

Ἀπόκρισις· ὅτι καὶ πρὸ τοῦ γενέσθαι ἐν τῷ Θεῷ πάντως, ὡς γεγονὼς ἦν ὁ κόσμος, καθὸ καὶ οἱ μὴ [2]) παραδεχθέντες ἄνθρωποι ἐν τῷ κόσμῳ, ὡς ἤδη γεγενημένοι εἰσὶ παρὰ τῷ Θεῷ· συνέστηκε γὰρ ἐν αὐτῷ τὰ πάντα καὶ μήπω κτισθέντα, εἰ καὶ μὴ καταλαμβάνονται παρ' ἡμῶν.

Ἐρώτ. Τί [3]) οὖν, ὡς λέγεις, ἐν τῷ κόσμῳ ἦν ὁ Θεὸς πρὸ τοῦτον κόσμον γενέσθαι παρ' αὐτοῦ, τί γέγονεν ὁ Θεός, ὅτε τὸν κόσμον τοῦτον παρήγαγε· ἆρα διέστη τοῦ κόσμου ἢ καὶ αὖθις ἐν τῷ κόσμῳ ἐστίν;

Ἀπόκρ. Τόπῳ [4]) μὲν οὐδεῖ [5]) ἔστηκε τῶν αὐτοῦ ποιημάτων ὁ ταῦτα ποιήσας Θεός· ποῦ γὰρ ὁ πανταχοῦ παρὼν καὶ τὰ πάντα τῆς ἰδίας πληρῶν θεότητος μεταστήσεται, τῇ δὲ φύσει καὶ τῇ ὑποστάσει καὶ τοῖς λοιποῖς ἰδιώμασι πάσης κτιστῆς ὑπέρκειται φύσεως καὶ ἀμέτριτος [6]) καὶ ἀκατάληπτος παντὶ καθέστηκε.

Ἐρώτ. Πῶς τόπῳ μηδεῖ [7]) ἐστηκώς, ἀλλὰ πανταχόθεν [8]), ὡς λέγεις, παρὼν ἀποκεχωρισμένος τῶν πάντων ἐστίν;

Ἀπόκρισις· Δυσνόητον μὲν τὸ ἐρώτημα· οὐ μέντοι γε δὲ καὶ δύσφραστον, Θεῷ δὲ ἀδυνατεῖ [9]) οὐδέν, ὅθεν δυνατός ἐστι, καὶ περὶ τούτου πληροφορῆσαί σε, ἀλλ' ἄκουε συνετῶς, καθάπερ ὁ νοῦς ἡμῶν [10]) οὔτε συνέχεται ὑπὸ τοίχων, οὔτε τόπῳ περιορίζεται, ἀλλὰ τὸ μὲν σῶμα οἰκίσκῳ ἐγκλείεται καὶ δεσμοῖς περισφίγγεται, Αὐτὸς δὲ ἐκτός ἐστι τούτων καὶ ἐλευθερίως πανταχοῦ περιΐησι, μήτε τοῦ

---

1) Варіанты по ркп. Аѳоно-Діон. № 278 ἦν 2) μήπω 3) εἰ 4) τότε 5) οὐ διέστη 6) ἀμετρήτως καὶ ἀκαταλήπτως ταύτης διέστηκε 7) μὴ διεστηκὼς 8) πανταχοῦ 9) ἀδύνατον 10) τῶν ἀνθρώπων

σώματος χωριζόμενος, μήτε τῆς οἰκίας μακρὰν γενόμενος, ἀλλ'οἱονεὶ καὶ σύνεστι τούτοις κεχωρισμένος, καὶ κεχώρισται ἡνωμένος αὐτοῖς, οὕτω καὶ ὁ Θεὸς πανταχοῦ καὶ ἐν πᾶσίν ἐστι, καὶ ἔξω πάντων καὶ οὐδαμῶς [1]) τῇ φύσει καὶ τῇ οὐσίᾳ καὶ τῇ δόξῃ ἐστίν· ἀπερίγραπτος γάρ.

Ἐρώτ. Ὁ οὖν [2]) ἀπερίγραπτος πῶς τὰ πάντα πληροῖ, ὁ δὲ πάντα πληρῶν πῶς ἀπερίγραπτος καὶ οὐδαμοῦ ἔστιν;

Ἀπόκρισις· Ἔτι μὲν οὖν ὁμολογουμένως πανταχοῦ ὁ Θεὸς καὶ τὰ πάντα πληροῖ, οὐ συγκεκραμένος δὲ ὅλως τοῖς ὁρωμένοις, ἀλλὰ κεχωρισμένος τῷ τρόπῳ, ὅπερ [3]) εἰρήκαμεν, οὐδαμοῦ δὲ ἔτι τὸ καθ' ἡμᾶς· οὐδεὶς γὰρ οἶδεν, οὐδὲ οἱ ἄγγελοι, ποῦ ἐστιν ὁ Θεός· εἰ γὰρ ἀκούεις παρεστάναι, ἀλλὰ τῷ θρόνῳ τῆς δόξης, καὶ πρὸς τὴν ἐκφερομένην [4]) λαμπρότητα, ἀντιβλέπειν, μὴ ἐξισχύοντες [5]) φόβῳ τὰ ἑαυτῶν κατακαλύπτουσι πρόσωπα, καὶ ἐκθαμβούμενοι τὸν θεῖον ὕμνον ἀσιγήτως ἀεὶ ἀναπέμπουσι· τῷ γὰρ ἀστέκτῳ τῆς δόξης καταπλητόμενοι, οὐδὲν ἐν περινοίᾳ γενέσθαι ἢ ἐννοῆσαι δύναται, ποῦ ὁ Δεσποτης ἤ ὁποῖος αὐτὸς [6]) ἐκεῖνός ἐστιν· εἰ γὰρ πρὸς τὴν ἀστράπτουσαν [7]) αἴγλην ἀντοφθαλμεῖν οὐκ ἰσχύουσι, πῶς ἄρα ποῤῥωτέρω περιεργάσασθαι δύνανται ἄν. Ὅτι μὲν [8]) ἐστὶν ὁ Θεὸς καὶ πανταχοῦ ἐστὶ καὶ τὰ πάντα πληροῖ, καὶ οἱ ἄγγελοι καὶ οἱ καθάραντες ἑαυτοὺς ἅγιοι, ἐλαμφθέντες [9]) ὑπὸ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἴσασι, τόδε ποῦ, ἢ πῶς, ἢ ποία [10]) ἐστίν, οὐδεὶς τῶν ἁπάντων γινώσκει, εἰ μὴ ὁ Πατὴρ τὸν Υἱόν, καὶ ὁ Υἱὸς τὸν Πατέρα καὶ τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον, καὶ τὸν Πατέρα καὶ τὸν Υἱὸν ὡς συναΐδιον τούτοις καὶ ὁμοούσιον· ταῦτα γὰρ τὰ τρία, ὡς ἓν ὄντα, καὶ γινώσκουσιν ἑαυτά, καὶ γινώσκονται ὑπ' ἀλλήλων, ὡς αὐτὸς εἶπεν, ὁ φύσει Θεὸς καὶ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ οὐδεὶς οἶδε τὰ τοῦ ἀνθρώπου, εἰ μὴ τὸ Πνεῦμα τὸ ἐν αὐτῷ [11]). Οὕτω [12]) καὶ τὰ τοῦ Θεοῦ οὐδεὶς οἶδεν, εἰ μὴ τὸ Πνεῦμα τοῦ Θεοῦ. Καὶ πάλιν οὐδεὶς γινώσκει τὸν Πατέρα, εἰ μὴ ὁ Υἱός, καὶ οὐδεὶς γινώσκει τὸν Υἱόν, εἰ μὴ ὁ Πατὴρ καὶ ᾧ ἐὰν βούλεται ὁ Υἱὸς [13]) ἀποκαλύψει.

---

1) οὐδαμοῦ 2) Εἰ οὖν 3) οὗπερ 4) ἐκπεμπομένην 5) ἰσχύοντες 6) αὐτοῖς. 7) ἀπαστράπτουσαν 8) прибавлено οὖν 9) καὶ φωτισθέντες 10) ὁποῖος 11) τὸ πνεῦμα τοῦ ἀνθρώπου τὸ οἰκοῦν ἐν αὐτῷ 12) опущены слова: οὕτω καὶ τὰ τοῦ Θεοῦ 13) ὁ Θεὸς

Ἐρώτησις· Καὶ πῶς φησὶν ὁ Χριστός· μὴ καταφρονήσητε ἑνὸς τῶν μικρῶν τούτων· οἱ γὰρ ἄγγελοι αὐτῶν διὰ παντὸς βλέπουσι τὸ πρόσωπον τοῦ Πατρός μου, τοῦ ἐν οὐρανοῖς. Καὶ πάλιν· Μακάριοι οἱ καθαροὶ τῇ καρδίᾳ, ὅτι αὐτοὶ τὸν Θεὸν ὄψονται. Σὺ δὲ λέγεις, ὅτι καὶ οἱ ἄγγελοι ἀγνοοῦσιν, ὁποῖος καὶ ποῦ ἔστιν ὁ Θεός;

Ἀπόκρισις· Ὥσπερ τοῦ ἡλίου ἐν μεσημβρίᾳ λάμποντος, τὸ ἐκπεμπόμενον μὲν αὐτοῦ [1]) φῶς τρανῶς καθορῶμεν, αὐτὸν δὲ ἐκεῖνον κἂν ποσῶς κατιδεῖν καὶ καταμαθεῖν οὐκ ἰσχύομεν, ὅμως δὲ βλέπειν αὐτὸν ἐπ' ἀληθείας λέγομεν, οὕτω καὶ οἱ ἄγγελοι καὶ οἱ ἅγιοι, τὴν ἀστράπτουσαν [2]) δόξαν καθορῶντες τοῦ Πνεύματος ἐν αὐτῇ, καὶ τὸν Υἱὸν καὶ τὸν Πατέρα ὁρῶσιν. Οὐχ οὕτως οἱ ἁμαρτωλοὶ καὶ ἀκάθαρτοι· ἐκεῖνοι γὰρ τυφλοῖς καὶ ἀναισθήτοις ἐοίκασιν· ὥσπερ γὰρ οἱ τυφλοὶ τὸ φῶς τοῦ αἰσθητοῦ ἡλίου λάμπον οὐ βλέπουσιν, οὕτω δὴ καὶ αὐτοὶ τὸ θεῖον φῶς φαῖνον [3]) οὐ καθορῶσιν, οὔτε μὴ ἐπαισθάνονται τῆς θέρμης αὐτοῦ.

Ἐρώτησις· Τί οὖν βλέπουσιν οἱ κεκαθαρμένοι τὸν νοῦν καὶ τὴν καρδίαν;

Ἀπόκρισις· Ἐπειδὴ ὁ Θεὸς φῶς ἐστὶ καὶ φῶς τὸ ἀκρότατον, ἕτερον οὐδὲν ὁρῶσιν οἱ αὐτὸν βλέποντες, εἰμὴ φῶς, καὶ τοῦτον δῆλον ἔκ τε τῶν ἰδόντων [4]) λάμψαν τὸ πρόσωπον αὐτοῦ [5]), ὡς τὸν ἥλιον, τὰ δὲ ἱμάτια αὐτοῦ τοῦ Χριστοῦ [6]) γενομένα, ὡς τὸ φῶς· καὶ ἐκ Παύλου ἀποστόλου· Φῶς ἰδόντος (sic) τὸν Θεὸν καὶ εἰς τὴν αὐτοῦ ἐπίγνωσιν ἐπιστρέψαντος καὶ ἐκ μυρίων ἑτέρων ἁγίων [7]).

Ἐρώτησις· Πῶς οὖν οὐ πᾶσιν ὁρᾶται, ἐπεὶ ἀίδιον καὶ ἀειλαμπὲς φῶς [8]) ὁ Θεός;

Ἀπόκρισις· Ἐπειδὴ οὕτως ᾠκονομήθη [9]) ὁ Θεός, ἵνα μηδεμίαν κοινωνίαν ἔχει τὸ σκότος μετὰ τοῦ φωτός [10]), μηδὲ ἐναγὴς καὶ βέβηλος μετὰ τοῦ ἁγίου καὶ καθαροῦ, διὸ καὶ ὡς μέγα χάσμα καὶ τεῖχος διείργουσιν ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ Θεοῦ αἱ ἁμαρτίαι ἡμῶν, μᾶλλον δὲ αἱ πονηραὶ ἐνθυμήσεις, καὶ οἱ μάταιοι ἡμῶν διαλογισμοί, οἷα

---

1) ἐξ αὐτοῦ 2) ἀπαστράπτουσαν 3) ἀεὶ φαῖνον 4) εἰδότων 5) τοῦ Χριστοῦ 6) нѣтъ этого слова 7) μεγάλων вм. ἁγίων 8) ἐστὶν вм. φῶς 9) ᾠκονόμησεν ἐξ ἀρχῆς 10) ἐν τῷ φωτί.

δὴ τεῖχος ὑψηλὸν γίνονται καὶ διϊστῶσιν ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ φωτὸς τῆς ὄντως ζωῆς· ὁ γὰρ Θεὸς φῶς ἐστι καὶ ζωή [1])· ὅσοι τοιγαροῦν ἐστέρηνται τούτου, νεκροί εἰσι τῇ ψυχῇ καὶ τοῦ αἰωνίου πυρὸς [2]) συγκληρονόμοι τε καὶ συμμέτοχοι.

Ἐρώτησις· Καὶ οὐκ ἔστιν σωτηρίας τυχεῖν τὸν μὴ εἰς ταῦτα πεφθακότα [3]) μέτρα;

Ἀπόκρισις· Τοῦ Κυρίου λέγοντος· πολλαὶ μοναὶ παρὰ τῷ Πατρί μου εἰσίν, εὔδηλον, ὅτι καὶ πολλαὶ σωτηρίας ὁδοί, πᾶσαι δὲ ἐν μιᾷ τῇ τῆς μετανοίας ὁδῷ τελειοῦνται, διὰ τῆς τοῦ κακοῦ ἀποχῆς· εἴτε τὴν τῆς ἐλεημοσύνης εἴπῃς, εἴτε τὴν τῆς ξενιτείας, εἴτε πάσης ἑτέρας τῆς τοῦ ἀγαθοῦ πράξεως ἐκπλήρωσιν πρὸς τὴν τῶν κρειττόνων ἐπιτυχίαν

Въ рук. Аѳон.-Діон. библ. дополняется: ὧν γένοιτο πάντας ἡμᾶς ἐπιτυχεῖν χάριτι τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Ἀμήν.

Приложеніе № III.

(По рук. Кормчей 1519 г. Соловецкой библ. № 495 (476).

Впро҇ и по ѻ҇вѣто҇ [4]) беседа ст҃го діадоха ѻ҇кровеніа [4]). въпро҇: Что м҃нѣ толико [5]) в пустыни удалилсѧ [6]) еси рци ми, молюсѧ нощію в тишинѣ [7]) дш҃и моей. въпраша҇ ꙗко се҇ пришеша премудраго іѡанна ѿ многохвалны ти цр҇кви. что ѡдивьи [8]) ѡномь. и неприлѣжиѣ гл҃ѣхъ [9]). тако тепле [10]) древле прилежаше мѣстѣ. или что чл҃чьскаа слуха. услажающіи гл҃а бездушнѣи пустыни. тако сладко въпіаше, и той тако҇ къ м҃нѣ приступль. беседоваша [11]) словесы: ѻ҇вѣ. ꙻО како [12]) гл҃ти к тебѣ въмногу [13]) иже внѣ сый нѣгдѣ тлѣннаго вѣка сего. и еіще тебѣ в не҇ пребывающу, донде҇

---

1) ἐστιν 2) καὶ σκότους 3) ἐφθακότα. 4) Варіанты изъ ркп. Кормчей XV—XVI в. Кіевск. церк.-археол. музея № 138 по вопросѡ и по ѿвѣтѡ 5) толко 6) удивилсѧ 7) прибавлено: сѫщи 8) ѡдивнѣмъ 9) гл҃аху 10) топлѣ древле прилежаеше 11) безъсѣдоваше словеси 12) прибавлено: ре҇ 13) к тобѣ возмогу

во[1]) хощ о друже: въпро. Можеши реко дивне (л. 359) рачение[2]) твоеа мудрости. яко хощеши явити ми прошение[3]) словесъ. и аще[4]) хощеши беседую с тобою. в самое то достигъ место словесъ. да ты убо научиши и азже навыкну. что ра усладилъ еси тако словесы и житиемъ словеси доблественѣ[5]). гра добродетели тамо съставикъ: отв. Житиа убо ради[6]) чтаго ре слѣ пустынаа вонѧ граскы же обычаи изменение. тамо сущаго молчаниѧ. благообразное веселие. и сего ра бурю члчьскы помыслъ. тамо разрушаѧ, силою терпениа пребывати[7]) въ дсе гла ожидаѧ. его помянулъ еси гласъ: въпро. Добре что убо обра гла. се бо и еще о тебе уведети хощу: отв. И нлътескому ре последоваше[8]) безумию. поне бо они ѧ неразумнии гви.[9]) заткошѧ уши свои. срѣвающи глы разума вышнаго зверообразныѧ языкы о пусти[10]) место (—ъ) на сретение того веры призва притчею явьственою въображаа видениѧ: въпро. Верно нъ како. его ненавидѣшѧ позвавше рци ми: отв. Съобра[11]) члка видѣхъ державу бжию: въпро. Аз же дерзновению твоему рѣхъ удивися предивно:, отв[12]). Коему ре:, впро[13]). Яко члкъ сын сна крщаше бжиѧ:, отв. Послушанием ре дерзновениемъ[14]) уврачева. послушаниа бо ре ничтоже смирение:, впро. Зело о срца съкрушена. въ истину послушание ражается:, отв. Право[15]) глеши:, въпро. Аз же пакы рѣ, како блаженьства разумелъ еси стого дха, и тако въ обра слетевшу ему с нбсъ на га. въ голубине бо видении. и того видевъ свительствовалъ еси:, отв. Ветри нѣции ре радость его (об.) провъзвещаху неизреченное пришествие твое[16]). и с нбсъ[17]) прочее сшедыи гла. иже яко и пръсто сна показаша. о стго дха свѣтелствуема[18]). яве показаеми голубь того бесчисленое:[19]), впро. Довольно убо реко то самъ отчь[20])

1) Бъ 2) рение 3) вопрошение 4) пропускъ отъ аще хощеши до — да ты оубо наоучиши 5) доблестни 6) ради — нѣтъ 7) пребыва 8) последовати 9) неразоумнии Гни 10) Ѡпости местна стрѣти того вѣры. призыва 11) въ ѡбразъ 12) отвѣ — нѣтъ 13) Ѡвѣтъ 14) дръзновение 15) прибавлено: во ре 16) твое — опущено 17) и нбси 18) Свѣдительствоуемъ 19) бесчисленіѧ 20) ѿць безъ гласа

вѣ гла възгласивыи. или силы нѣкыѧ ѿ лица бжїа въгласиша:, ѿвѣ. Самого оца:, въпро. І какъ реко[1]) рци ми чювственаго гла. хотѧше потребовати. в бесплотнѣ си невидѣмѣ ествѣ:, ѿвѣ. Се ꙗко[2]) органо нѣкы гласо[3]) бжтво вѣщае ре. но ега хощеть свѣту своему слышану быти. ꙗко гла свѣ свѣщавае[4]). иже ѿ бжїа дѣиства пострѣкаемы тѣ. имже слышати убо хоще[5]) слыши. аще купно гдѣ будоу должни слышати[6]). тѣмже и на единѣ токмо мѣстѣ то. идѣ кртисѧ гь слышанъ бы гла. аще не бы сице было всь убо миръ чюлъ бы ѿ толикы высоты гласу изшедшу. аще и агглькский[7]) бы былъ гла. се еуалїа[8]) паче. иже ѿ бжественаго марка. лѣ е хотѧщему навыкнути. и бо на горѣ егда преобразисѧ гь. сшешїи гласъ поминаеть глѧ. и[9]) бы облакъ осѣнѧаи. и бы гла ѿ ѡблака глѧ. се е снъ мои възлюбленыи того послушаите:, впро. Перво реко научилъ еси. е в видѣнїи ꙗвитисѧ стму дху и животворѧщему. како[10]) разумѣти. присносущенъ бо е и непреложенъ, ꙗко ре кто убо е[11]) каково е бжтвеное ество:, ѡвѣ. І се ре иже ѡ гласѣ[12]) оцѣ. тамо дивитисѧ видѣнїю. не дха бо стго невидимо. и непреложно ество. в голубинъ преложисѧ[13]) ѡбраз, да се ꙗко хотѧше ꙗви (л. 360) тисѧ. но того[14]) сподобившисѧ видѣти доброты. внемже ꙗвитисѧ члка. бжтвеныи дхъ сходѧ с нбсъ всхотѣ. ꙗко хотѣнїа ре ѡбраз ꙗвитисѧ видѧщему. а неизреченное и недомыслимое оно ество рече. аще в тои кто смиреныи зракъ. ꙗко по съкровенїю въѡбразсѧ видѣти си оубо ре ѡбраз въ видѣнїи зрака. видѣшѧ прроци бга. ибо не са въ ѡбраз прелагаасѧ ꙗвлѧше[15]) имъ. но ти ꙗко въ зрацѣ славы. видѧху[16]) безоѡбразнаго. хотѣнїю тѣмъ а не еству въ зрацѣ. показа ему. ибо хотѣнїю дѣиство ꙗко зракъ[17]) тѣ ꙗви. в видѣнїи ꙗвлѧшесѧ. всхотѣвшаго ра въ зрацѣ свѣта ꙗвитисѧ имъ

---

1) рци ми 2) Не ꙗкоже 3) глны 4) вѣщаеть 5) хощемъ слышать 6) прибавлено: и слышанїѧ того не достоини сѫще не слышать 7) не аггельскїи 8) ѿ еуалїа 9) нѣтъ: и бы облакъ ѡсѣнѧѧи. и бы гла ѿ ѡблака глѧ 10) прибавлено: подобаеть 11) вѣсть каково есть бжно естество 12) ѡ гсѣхъ ѡчи 13) в' голоубинѣ преложитисѧ ѡбразѣ 14) но того сподобишасѧ 15) ꙗвльшесь 16) видѣхо 17) прибавлено: славы

ѻноу:, впро. Како[1]) убо явитися реко в нетлѣннѣ вѣцѣ члкѡ бъ:, ѻѣ. Нетлѣніе[2]) ре телеси бли бга быти рече[3]) творить. члку. по йстинному словеси. тако и тога явитса члко бъ. яко може пакы члкъ видѣти бга:, впро. Реко не ѡбрали[4]) пакы явитса:, ѻѣ. Сіи речено[5]) в силѣ бжтвеныя славы. тѣмь иже сего хотящией ся[6]) сподобити. въ свѣтѣ убо бжіи будоу всегда. любве прно въ славѣ наслажающе бжтвеному свѣту ѡблистающій ества бжественаго. каковое есть разумѣти немогуще. имже ѡбразо вмѣщаеся[7]) бъ. идеже хоще пребывала невмѣсти. и тако видится[8]) иде хоще пребывати[9]) невидимъ:, въпро. Что подобае мнѣти силу бжію:, ѻѣ. Доброту рече невидимую. въ славѣ[10]) токмо познаему:[11]), впро. Нѣк же реко славу. яко лице нѣкое предивно. члкы[12]) разумѣетса:, ѻѣ. Се тако[13]) разумѣвающи (об.) ре. бесплотнаго бо ѡнаго блженнаго ества. па[14]) видѣніа быти доброта увѣряетса. многыа ра чтоты. тѣмже и николи бывшая. и яко будущая единъ бъ види. аще бо бывъ въ ѡбразѣ нѣкоемь. было ество ѡно неизреченное не бы николи бывшы зрѣлъ[15]). яко будущи:, впро. тако глеши. ѻѣ. Яко въ ѡбразѣ сыи нѣкое. ѻну никако хотящи быти. глати или бывати. проповѣдити[16]) неможе. поне е въ ѡбразѣ ества ѻну аще и все свое ество. яко лице има. тѣмже и нашъ оумъ. ѡкомъ убо нѣкы богатно[17]) вся ѡзаряе. хотящи быти ничто. видѣти можеть[18]). ни по разлученіи дша ѿ телеси. егда вся яко нѣкое быти ѡко вѣруетса. е и ѿ нбныи силъ. подобае разумѣвати. имже зракъ въ йстину. все ество быти вмѣняеса:, впро. Что убо яко и нбныи силамъ и дши паче видѣніа быти и мнѧ[19]) нѣціи:, ѻѣ. Далече ре ѡни помышляю словесе. поне бо ни агглъ ни дшу[20]) увидѣти немощно безѡбразны сіа исповѣдаа. подобае разумѣти[21]) жи вотна. подобае же вѣдѣти. яко въ ѡбразѣ нѣкое суть. и оума добротою и видѣніемъ

1) Тако ѡбоя аще явитися 2) оубо ре 3) нѣтъ 4) не во ѡбразѣ ли паки явитися 5) Сице ре. но в силѣ 6) хотящи сподоби 7) совѣщаетса 8) явитса 9) пребываеть. 10) въ славѣ 11) познаваему 12) члческій 13) Не тако 14) паки 15) зрѣло 16) провидѣти 17) богатьи. но вся 18) не можеть 19) нѣтъ—и мнѧ 20) ни дшю видѣти 21) прибавлено: быти

ꙗ҆ко̑ бы́ти разумо̑[1]) бл҃голѣпїю зра́ку и҆хъ. и҆ добротѣ сицевы̑ ра́ди. е҆г҃а у҆бо добраа мы́слить[2]) дш҃а, с҆вѣтла е҆ всѧ и҆ призра́чна. е҆г҃а же злаа мы́слить[3]), не с҆вѣтла е҆ и҆ неди́вна. ꙗ҆ко̑ бо о҃ зѣници о҆чныа. въсхыщаемыѧ сѣни мно́гыѧ р҃а, быстрѣе[4]) ꙗ҆сности. е҆же чю́вство по́добаѥ. г҃ли[5]) разли́чныѧ си́лы. лѣпо бо и҆ о҃ ꙗ҆вле́наго оу҆казанїа. неꙗ҆вле́ное се̑ ꙗ҆ко̑ мощно бесѣдовати видѣнїѧ. (л. 361) ꙗ҆ко̑ о҆бра́зы того ꙗ҆влѧю́сѧ дѣи́ства. та́коже и҆ ꙗ҆ко̑ а҆ще похо́тное у҆мъ о҆ се̑бѣ въсхыти̑ помышле́нїе, се̑[6]) ꙗ҆ко̑ о҆бра̑ бы́ваѥ дѣи́ства дш҃е́внаго. и҆же е҆ и҆ мно́гыа р҃а тонкости[7]), о҆ бесплотны̑ у҆бо е҆ствѣ. е҆же а҆ще и҆ма̑ дѣи́ства. се ꙗ҆ко многыа р҃а е҆ства то́нкости[8]) бы́ваѥ. а҆ще съ сла́вою. а҆ще стр҃тїю се̑му прикл҃ючитсѧ бы́ти е҆же и҆ о҃ступлѣ́ши[9]) а҆гг҃лѣхъ. по́добаѥ ра́зумѣти. дойде̑ бо с҆мышлѧху[10]) подо́бнаа а҆гг҃ло̑. та добро́та разумѣи[11]). въ зра́къ сла́вы бываѥ[12]). поне̑ бо о҆ б҃голюбивы̑ нера̑шѧ помышле́нїи то безумїе и҆хъ въ зра́къ сътво́рисѧ студа:, в҆про̑. Не тако ли у҆бо ꙗ҆ко̑ к҆ на́шего телеси чт҃отѣ. и҆ дш҃ѧ[13]) и҆ а҆гг҃ли бесплотныѧ. и҆ невидимыа живо̑ты по̑баѥ г҃ли[14]) ꙗ҆ко̑ бж҃вена́го е҆ства и҆ к҆ бесчисленои чт҃отѣ не ꙗ҆влѧе́тсѧ:, о҃ в҃ѣ. Всѧ́кому у҆бо бы́тїю съвръшенїю[15]) зра́къ ре̑ пр҃носущему же бы́тїа[16]) не́имущему. па́че зра́ка пр҃но[17]). токмо доброта у҆вѣрѧе́тсѧ[18]). не о҃ бы́тїа бо свершисѧ. но̑ о҃ того е҆же бы́ти и҆ма̑. о҃ па́че е҆ствена́го е҆ства:, в҆про̑. Нн҃ѣ же и҆ е҆ще̑ о҆ томъ ре́кохъ хотѧще́му оу҆вѣдѣти[19]) ска́жи. что ра́ди добро́ту г҃лемъ о҆вѣи̑[20]) о҆бра́за не г҃лемъ. вь о҆бра́зѣ бо весма[21]) и҆ доброта дивна е҆:, о҃ в҃ѣ. Поне̑ доброта б҃жїа. сла́ва е҆ существа б҃жїа:; въпро̑. Сї[22]) ре̑ о҃ пр҃рка ре́чено бы́сть. не ꙗ҆ко в҆ лицѣ нѣкое́мъ. и҆ли въ о҆бра́зѣ сущу. бж҃твенаго существа. но̑ въ з҆ра́цѣ и҆ въ сла́вѣ. с҃на невидимыи о҃ц҃ь, намъ ꙗ҆витсѧ, сего р҃а бл҃говоли б҃ъ сло́ву е҆го съ ч҃лкы[23]) прїити. пл҃скы̑[24]) зра́ко̑ пребыва́а, ка̀ (об.) ко у҆бо не видѣ во в҆сеси́л-

---

1) разоумъ 2) смы́слить 8) смы́слить 4) бы́стрыѧ 5) г҃лти зрачныѧ си́лы лѣпо е́сть 6) и҆ ꙗ҆ко̑ 7) тенекости 8) тонекости бы́ваю́ть 9) еже и҆ на ѿстоу́пльши̑ 10) слы́шахоу 11) разоу́мѣнїи 12) бываше и҆мъ 13) и҆доу́щей 14) г҃лти 15) совръшенїе 16) бы́ти 17) просить 18) вѣрꙋетсѧ 19) ꙋ҆вѣдѣ скажи чего ради 20) ѡ҆ б҃зѣ. и҆ ѡ҆браза 21) е҆сѣма 22) Сїце ре́че 23) въ ч҃лки 24) пло̑скихъ зраковъ пребы́вающю

нѣи своеи сла́вѣ. да на чи́стоту ѻ҆бра́за сла́вныѧ ѻ҆ноѧ[1]) плоти чл҃къ в҆зираа. з҆ра́къ бо з҆ра́ка видить. по ѻ҆цѣщенїи въскр҃нїемъ може҃ добро́ту видѣти ꙗ҆ко ѻ҆ бз҃ѣ. та́ко[2]) ѻ҆ц҃ь та́ино ꙗ҆вленїемь ѻ҆бра́зо҃ ꙗвитсѧ пра́ве҃ны. и҆мже ѻ҆бра́зо҃ нн҃ѣ ꙗ҆влѧетсѧ. а҆гг҃ло҃ сн҃ъ же ꙗ҆витсѧ тѣло҃ ꙗ҆вѣ. лѣпо[3]) е҃ въ и҆стину хотѧщимъ в҆ вѣкы цр҃твова́ти по҃ бг҃о. зна҆ема хо́тѣти пр҃но видѣти с҆воего кн҃зѧ. е҆же немощ҃но бѣа́ше. а҆ще не бы въчл҃ченїемь свои. въ зра́къ пришелъ бг҃ъ сло́во:, ѻ҆ в҃ѣ. Вѣрнїи[4]) по словеси реко҃ нау́чил мѧ е҆си сло́веси[5]). і҆о́ановъ ми ѻ҆бра́з в҆сегда показуѧ. конечнѣ[6]) е҆же про́чее реко҃. и҆же ѻ҆ а҆гг҃лѣхъ молютисѧ пода҃ ми сло́во видѣнїа е҆же и҆ ѻ҆ дш҃и мн҃ю. подо́бно бы́ти по въскр҃нїи сло́во[7]) телеси:, въпро҃. Ко́торыи[8]) се҃ е҃ ре҃:, въпро҃. А҆гг҃ли в҆ чюв҃ствѣ ли суть и҆ли ни҃:, въпро҃. По разумному ре҃ сло́веси в҆ раздѣлѣ[9]) нѣкое҃ бѣа́ху разуми. по са́мовластному сло́веси. тѣмже и҆ нѣцїи ѻ҆ни҃. стр҃ти пора҃тавше па́доша. понеже ѻ҆ бж҃твенаго и҆ сла́внаго дх҃а сла́вословїа. не прило҃шеисѧ къ ѻ҆ступле́нїю невре҃ни съхра́нишасѧ. в҆ вестр҃тїи. вѧщ҃ше суть ѻ҆ чюв҃ствъ. в҆ сла́дости нѣкоеи неприложныѧ сла́вы суть. тѣмже и҆ подо́бнаа и҆ суть ѻ҆ все҃ разумѣнїа. не токмо[10]) по҃бно се́бѣ ви́дѧ до́браа. но̀ та́ко и҆ не разумѣю[11]). та́коваа симъ про́тивна. е҆же и҆ ѻ҆ праве҃ны на въскр҃нїи бы́ти надѣю́тсѧ, (листъ 362-ой) е҆гда пло҃ са́мовласт҃ны. в҆ покоренїи с҆вершенїа ѻ҆ ни҃ приноситсѧ[12]) бв҃и:, впро҃. Пра́во ре́ко҃ гла́со҃ ли творѧ҃ пѣнїа нб҃ныѧ[13]) ст҃ыа си́лы. и҆ли въ ѻ҆бра́зѣ[14]) сло́веси. ꙗ҆ко нѣцїи помышлѧю́ть сїе:[15]), ѻ҆ в҃ѣ. Гл҃со҃ ре҃ а҆ще и҆ пла́мень ѻ҆гненъ ꙗ҆ко пи́санїе ꙗ҆влѧетсѧ, и҆сповѣдаю҃ се бы́ти ꙗ҆вѣ е҃. ꙗ҆ко гл҃со҃ пресла́вны пою҃ бг҃а. тѣмже мно́зи ѻ҆ ст҃ы мно́жицею. гл҃а и҆ в҆ видѣнїи с҆лы́шашѧ. ꙗ҆ко писанїа ꙗ҆влѧю҃:, впро҃. Ꙗ҆вѣ е҃ ре҃. но̀ е҆ди́наче ре҃ку нѣцїи ꙗ҆ко и҆ ѻ҆ бж҃твенѣ гл҃сѣ, по ѻ҆да́но҃[16]) сло́веси. и҆ ѻ҆ а҆гг҃льско҃ гл҃сѣ сло́во дл҃ъжно е҃ с҆мотрити:, ѻ҆ в҃ѣ. Бв҃и ре҃ поне҃ всѧ може҃. се́го

---

1) Нѣтъ этого слова 2) та́ко же ѹбо 3) лѣпо бо е҆сть во и҆стинноу 4) вѣрно и҆ по словеси 5) ѡ҆ сло́ве 6) конечное прочее реко҃ 7) по воскр҃нїи тѣлꙋ. 8) которое 9) в раздѣленїи 10) не токмо бо подобна собѣ 11) и҆ неразоумѣть 12) принесе́тсѧ 13) прибавлено: о҆ны 14) во ѡ҆бра́знѣ 15) помы́шлѧютсѧ 16) пѡ҃даномъ словеси. и҆ ѡ҆ а҆гг҃льстѣмъ гл҃сѣ

ра҃ глеть[1]). егда хощеᷮ показаетсѧ на тѣми пребываѧ, единъ[2]) сыи невещественъ[3]). аггло же сего немощно творити. аще бо не глще и ти. ꙗко глющеᷮ, могли бышѧ ега хотѧ, показатисѧ[4]). могли бышѧ и еже аще хотѧ. ѿ небытїа сътворити;, въпро. И па добрѣ что и ѡ дши реко. разлучающусѧ ѿ телеси подобаеᷮ разумѣти;, ѿвѣ. Дша рѐ разлучившисѧ ѿ телеси. доиде[5]) въскрнїемь прїимеᷮ пакы тѣло. въ ѡбразнѣ словеси испобѣдаемь[6]) ꙗко по[10]бае ба поне е телеси ѡну. еже глати прїала е. аггли же[7]) въ простѣ нѣкоемꙋ соу. и любогласнѣ естьвѣ. сътворени сꙋть[8]). непрестанными гласы. ꙗко разумѣхо поють. не ꙗко ѻргано[9]) телесны вѣщающе. но то само ꙗко прно подвиженїе. к винѣ гласа нѣкоего имꙋще дивно і въздухобидно ихъ ество зѣло. пѣснолюбно сыне непрестанно повелѣваеть имъ ꙗсно въпити;, въпро. Кы[10]) ѡбразо подобае разумѣти. е видѣнїе (и)мъ[11]) прилагатисѧ. (об.) ега ѿ ба нѣкоемꙋ сты[12]) посылаеми бываю;, ѿвѣ. Странну[13]) рѐ слоухꙋ въпрашанїе. того ради и ѿ свѣта погрѣшае. ѡбаче подобае помышлати. ꙗко боиже аще повелѣнїи быше помыслити ѡбра, готово е того привидѣнїе входѧ. оудобно еству ихъ хотѣнїю работающе. многыа ради рѣкости. часту[14]) бывающу оучащающусѧ силою[15]) хотѣнїа. ѿ неꙗвленаго вь ꙗвленїе, беспакостно привидѣнїе имѣю и иможе[16]) ѡбразо ꙗко реко. чтѣи дши ꙗвити въсхотѧ. чтое же е токмо дшю дховнаго ѡбра видѣти. възмощи разумно привидѣнїе. аще бо къ привидѣнїю призываемаго. не снидетсѧ любовь къ творѧщемꙋ привидѣнїе. никако не може аггלꙋ съ члко ꙗвѣ быти съвокуплєнїе. тогда[17]) бо чювственаго требꙋеть гласа. ѡбра привидѣнїа и гласꙋ подобисѧ. рѐныѧ ра ꙗко мнѣ мнисѧ;, епро. Разумно[18]) реко и еще молютисѧ скажи ми оучитлю словесе. пре даже не настане днь. вѣдъ[19]) бо ѿсьтꙋпиши авїе нашешꙋ емꙋ нетерпиши

1) ꙗко глю 2) ꙗко единъ 3) вещественъ 4) нѣтъ словъ: показатисѧ· могли бышѧ и еже аще хотѧ 5) доиде егда 6) доидеже испокѣданиемъ ꙗко поеть Ба 7) прибавлено: понеже 8) Нѣтъ этого слова 9) ѻрганомъ нѣкї телесні 10) Кїкѣ кимиже реки ѡбразѡ 11) во видеиїи имъ 12) ѿ сты 13) странно оубо рѐ 14) честоу бываю 15) ꙗкѡ силою 16) имже аще 17) тѣмъ и чювъственаго тогда 18) и разоумно се рѐ 19) видѣ бо ѡ нашешю емоу авїе ѿстоупиши. нетръпиши бо

бо пре́стоѧти дши глюци къ ѿвѣту. прочее. иже в ча житїи-ськаго ѿступль ѡбраза. въпрошаю посылаеми [1]) ѿ ба аггли на землю елико время буду в мирѣ. не ѡставлаю ли ѿ нбны [2]) пребыванїи ;, ѿвѣ. Невъзможно ре [3]) вне время в мирѣ быти и. тѣмже ѡбразо и превыше на нбсе се во єдиному въчлчьшуса бгу слову свое е еже и на зе ѧвлающуса бес прївидѣнїа. и на нбны не ѡставлающу, но и все дръжащу, неѡписанїа ради бжтвенаго єства. подобаеть же вѣ (л. 363) дати [4]) идеже аще боудоу. вса ѡны аггльскыа сїлы, ѧко [5]) нбныѧ вса. и сущаа в мирѣ видѧ вещи ѧко вни ѡноу. пребывающе, ибо въздушно [6]) єство и. и ѧко [7]) зракъ имъ ѿвсюду имѣти. блгтїю паче стго дха сице вса [8]) творити имъ и видѣти. въ же єдинъ и хотѧща быти, бли видї ѧко преволїи вса сы, не токмо сущаа но [9]) и єгда хотящее что быти. ѧко уже вышшее видї славою прїимыи все. тѣмже єдинъ съвѣты срчныѧ вѣдае ;[10]), впро. Дшѧ [11]) различившиса ѿ тѣла. не по словеси ли реньмъ ѿ аггелѣ. не токмо бесплотны видї страну. но и все ѧ суть в мирѣ. тако зри ;, ѿвѣ. Никако ре ѡни [12]) поне въ єдиносугубнѣ [13]) въ простѣ єдиною сътворени быша єствѣ не токмо сущаѧ вмѣстѣ. но [14]) и превыше мѣстъ могоу спроста видѣти. рекому бо єство свое е. невидиму быти ѿ сущихъ в чистотѣ єства. видѣти все таковое єство. дша же ѡнели различаеса ѿ тѣла. ктому не може сущи в тѣлѣ видѣти. ѧко дхъ бо ре пройде в не не буде. и не позна ктому мѣста своего. поне съвокупленїа ради с телесе бывае вмѣстѣ нужа всѧко различившиса єи ѿ телеси. ктому си невидї. ѧже видѧше с телесе. ѧко члкъ [15]) в совокупленїи цѣлость има. аггли же въ простотѣ єства. рекше въ єдиносугубїи. Сїа токмо и нѣчто другое їѡанновы

---

1) опущены слова: посылаеми ѿ ба аггли на землю 2) ѿ не бжтвены 3) бо ре вне же время суть въ мирѣ быти имъ 4) видѣти ѧко 5) тако 6) безъдшное 7) и еже 8) сътворити 9) пропущены слова: но и єгда хотящие 10) свѣдаеть 11) Дша оубо реко разлоучившиса ѿ телеси 12) ѡни 13) во єдиногубнѣ. рекше во простѣ 14) но ѧко сѫть и превыше мѣстъ. могоуть весма видѣти 15) прибавлено: оубо

премудрость[1]). сказавъ ѧви слово. ѿ многовѣнечнѣи и свѣтоносн҃ѣи цр҃ю. наставшу же дн҃и ищезе жажуща мѧ пакы своеѧ (об.) ѡстави служ҃бы. Конець[2]) ѿкровенїа ѿ г҃ѣ. ст҃го дїадо.

Приложеніе № IV.

(По рук. XIX в. Аѳоно-Пант. мон. на Аѳонѣ № 204 л. 351—353).

Τοῦ ἁγίου Διαδόχου περὶ φόβου Θεοῦ.

Ἐρώτησις· Τί εἶναι, πάτερ, ὁποῦ βοηθᾷ τὸν μοναχὸν εἰς κάθε πειρασμὸν καὶ θλίψιν;

Ἀπόκρισις· Τὸ νὰ πιστεύῃ βεβαίως εἰς τὴν ψυχήν του, ὅτι ὁ Θεὸς εἶναι πάντοτε σιμά του καὶ βλέπει τὸν ἄνθρωπον, τί κάμνει.

Ἐρώτ. Καὶ ἐὰν δὲν ἔχῃ τινὰς ταύτην τὴν ἔννοιαν, δὲν δύναται νὰ σωθῇ;

Ἀπόκρ. Χωρὶς ταύτης τῆς ἐννοίας πᾶσα ἐργασία καὶ κόπος εἶναι ἀβέβαιος.

Ἐρώτ. Τί λοιπὸν αἱ ἀναγνώσεις καὶ οἱ κόποι δὲν ὠφελοῦν;

Ἀπόκρ. Αἱ ἀναγνώσεις καὶ οἱ κόποι εἶναι ὁδηγοὶ πρὸς τὴν ἔννοιαν ταύτην.

Ἐρώτησ. Ἰδοὺ λοιπὸν ὁποῦ κρατεῖ τινὰς τὴν ἀνάγνωσιν καὶ ἀκόμη δὲν ἔχει τὴν ἔννοιαν ταύτην, δὲν ὠφελεῖται τίποτε;

Ἀπόκρ. Χωρὶς ταύτης τῆς ἐννοίας οὐδεμίαν ὠφέλειαν πέρνει, διότι ὅποιος ἀναγινώσκει πολλὰ βιβλία καὶ δὲν ἔχει ταύτην τὴν ἔννοιαν εἶναι ὅμοιος ἑνός, ὁποῦ μετρᾷ ὁλομερὴς ξένον σιτάρι πολύ, καὶ αὐτὸς χάνεται ἀπο τὴν πεῖναν. Ἀλλὰ καὶ ὅσοι δὲν ἔχουν ταύτην τὴν ἔννοιαν, οὐδὲ τὴν διάνοιάν τους ἔχουν καθαράν, ἀλλ' ἀῤῥωστοῦν τὴν λήθην καὶ τὴν ἄγνοιαν, ἤγουν τὴν ἀλησμονησίαν καὶ ἀγνωσίαν, καὶ ἀνεμποδίστως πολεμοῦνται ἀπὸ τὰ αἰσχρὰ πάθη. Ἀμὴ ὅσοι ἐκατ-

---

1) ми мѫдро 2) конець Дїахода (вм. Дїадоха) Ѿкровенїѧ.

ηξιώθησαν νὰ τὴν ἔχουν ταύτην τὴν ἔννοιαν, καὶ εἰς τοὺς πολλοὺς καὶ εἰς τοὺς ὀλίγους φυλάγουν ταύτην κατὰ τὸ κρυπτόν. Ἀμὴ ἐκεῖνοι, ὁποῦ ἀναγινώσκουν καὶ ὑποκρίνονται, ὅτι ἔχουν τὴν γνῶσιν καὶ τὴν θεωρίαν, ἀπὸ τοῦτο καταλαμβάνονται, ὅτι ἀκόμη μολυσμένον τὸν ἔχουν τὸν νοῦν τους. Καὶ ὅταν εἶναι μοναχοί τους χωρὶς φόβον, τελειώνουν ταῖς ὄρεξαίς τους, διότι ἡ θεωρία καὶ ἡ γνῶσις, ὁποῦ λέγουν, ὅτι ἔχουν, εἶναι νόθος καὶ πλαστὴ καὶ δὲν ἔχει οὐδεμίαν δύναμιν νὰ φυλάξῃ τὴν ψυχὴν ἄγγιστον εἰς τὸν καιρὸν τοῦ πολέμου. Ὅθεν καὶ διὰ νὰ θαῤῥῇ εἰς ταύτην τὴν ψευδώνυμον γνῶσιν, ἐγκρεμνίζεται εὐκολώτερα ποτὲ μὲν εἰς τὴν πόῤῥωσιν καὶ τυφλότητα τῆς καρδίας, ποτὲ δὲ καὶ εἰς αὐτὰ τὰ αἰσχρὰ πάθη τῆς ἀτιμίας. Καὶ καθὼς ὅταν ἰδῇ τινὰς τὸ πρόσωπον τοῦ βασιλέως ζωγραφισμένον εἰς κανένα σανίδι, δὲν ἔχει κανένα φόβον ἀπ' αὐτό, διότι εἶναι νεκρὸν καὶ ἀνενέργητον, οὕτως εἶναι καὶ ἡ ψευδώνυμος αὕτη γνῶσις, μία ἀνάπλασις τῆς διανοίας εἶναι κατώτεχνος, ὁποῦ φέρει τὴν ψυχὴν εἰς ἀφοβίαν, μᾶλλον καὶ καταφρόνησιν, ἡ δὲ ἀληθινὴ θεωρία προξενᾷ φόβον Θεοῦ καὶ ἀγάπην, καὶ ἀπάθειαν καθαράν, καὶ ἐλάφρυνσιν τῶν πολέμων καὶ τελείαν εἰρήνην.

Ἐρώτησις· Καὶ δύναται τινὰς νὰ τὴν ἔχῃ ταύτην τὴν ἔννοιαν πάντοτε;

Ἀπόκρ. Ἡ ἔννοια αὕτη ἀπὸ τὴν πολλὴν ἀγάπην, ὁποῦ ἔχει τινὰς εἰς τὸν Θεόν, γίνεται· διοτὶ καὶ ὅποιος ἀγαπᾷ τινὰ ἄνθρωπον δυνατὰ πάντοτε τὴν ὄψιν ἐκείνου φαντάζεται καὶ ἀνατυπώνει καὶ βλέπει. Λοιπὸν ὁ Θεὸς εἶναι φιλάνθρωπος καὶ δὲν μᾶς προστάζει ποτὲ τίποτε ἔξω τῆς δυνάμεώς μας. Καὶ ἐὰν δὲν ἦτον δυνατὸν νὰ κρατοῦμεν ταύτην τὴν ἔννοιαν, δὲν ἔλεγεν εἰς τὴν θείαν Γραφήν· Ἀγαπήσεις Κύριον τὸν Θεόν σου ἐν ὅλῃ τῇ καρδίᾳ σου καὶ ἐν ὅλῃ τῇ ἰσχύει σου. Ἀγάπησον λοιπὸν καὶ ἐσὺ στερεὰ καὶ ἀχώριστα τὸν Κύριον, καὶ δὲν θέλεις λησμονίσῃ ποτὲ ταύτην τὴν ἔννοιαν, ἐπειδὴ καὶ ὁ προφήτης ἄνθρωπος ἦτον, ἀλλ' ὅμως εἶχε ταύτην τὴν ἔννοιαν, διὰ τοῦτο καὶ ἔλεγε· Προσωρώμην τὸν Κύριον ἐνώπιόν μου διὰ παντός, ὅτι ἐκ δεξιῶν μου ἐστίν, ἵνα μὴ σαλευθῶ. Ἄλλα καὶ ὁ Κύριος ταύτην τὴν ἔννοιαν θέλοντας νὰ βάλλῃ εἰς τοὺς πιστοὺς ἔλεγε· Σὺ δὲ ὅταν προσεύχησαι, εἴσελθε εἰς τὸ ταμεῖόν σου καὶ

ἀπόκλεισον τὴν θύραν σου κ. τ. λ. Καὶ καθὼς ὁποιος κλείσει τὰ ὀμμάτιά του νὰ τρέχῃ εἶναι ἀδύνατον νὰ μὴν σκοντάψῃ, οὕτως εἶναι ἀδύνατον χωρὶς ταύτης τῆς ἐννοίας νὰ κάμῃ τινὰς ποτὲ τίποτε ἢ μέγα ἢ μικρόν, χωρὶς νὰ σφάλλῃ. Ἀλλὰ καὶ πᾶς τις, ὁποῦ τρέχει εἰς τὸ στάδιον καὶ εἶναι πληροφορημένος, ὅτι εἶναι ὁ βασιλεὺς ἐκεῖ καὶ τὸν κυττάζει, οὗτος τρέχει ὥστε νὰ ἀρέσῃ τοῦ βασιλέως, ὁποῦ κάθεται ἐπὶ θρόνου ὑψηλοῦ καὶ βλέπει καθενὸς τὸν δρόμον καὶ ἀγῶνα.

Ἐρώτ. Τί γοῦν νὰ κάμῃ τινὰς διὰ νὰ ἀποκτήσῃ τὴν ἔννοιαν ταύτην εἰς ἑαυτόν;

Ἀπόκρ. Πρέπει νὰ δεηθῇ τοῦ Κυρίου ἡμέρας καὶ νυκτὸς καὶ νὰ ἔχῃ φύλαξιν ἀκριβεστάτην καὶ τὴν γλῶσσάν του καὶ εἰς τὰ βλέφαρα, καὶ νὰ εἶναι ἄοκνος εἰς πᾶν ἔργον ἀγαθὸν καὶ εἰς ὅλας τὰς ἐντολὰς μὲ ταπεινοφροσύνην καὶ ἀλήθειαν καὶ ὄχι πλαστός.

Ἐρώτησις· Πόθεν γνωρίζεται ἐκεῖνος, ὁποῦ ἔχει ταύτην τὴν ἔννοιαν;

Ἀπόκρ. Ὅποιος ἔχει ταύτην τὴν ἔννοιαν εἰς τοῦ λόγου του εἶναι ταπεινὸς εἰς τὴν καρδίαν, εἰρηνικὸς εἰς τὴν ψυχήν, ἀτάραχος εἰς τὰ ἤθη του. Ὅτι καὶ τὸν εἰποῦν ἢ ἀκούσῃ, δὲν συγχύζεται, ἀκολάκευτος εἰς τὸ στόμα καὶ εἰς τὸν λόγον ὠφέλιμος. Ἂς σπουδάσωμεν λοιπὸν νὰ ἀποκτήσωμεν ταύτην τὴν ἔννοιαν διὰ νὰ εἴμεσθεν ὑπομονητικοὶ εἰς τὴν ἡσυχίαν, εἰς τὴν ἄσκησιν ἀπόκοτοι, νὰ χαιρόμεσθεν διὰ τὴν ἐλπίδα, καὶ νὰ εἴμεσθεν πρὸς ἀνάλυσιν τοῦ βίου ἄφοβοι καὶ μὲ καλὴν προθυμίαν, καὶ θέλομεν εὕρῃ εἰς τὸν Θεὸν τὴν ἄληκτον εὐφροσύνην. Αὐτῷ ἡ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας. Ἀμήν.

Чудеса св. Артемія.

Я. И. Смирновъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обратилъ мое вниманіе на «Исповѣданіе чюдесъ святаго и славнаго мученика и чюдотворца Артемія», помѣщенное, вслѣдъ за его Житіемъ, въ «Великихъ Минеяхъ Четьихъ» подъ 20 октября (Памятники славяно-русской письменности, изданные Археографическою Коммиссіею. I. Великія Минеи Четіи, октябрь, дни 19—31, Спб. 1880, столб. 1633—1675). Памятникъ этотъ, по ближайшемъ съ нимъ ознакомленіи, оказался представляющимъ для меня лично существенный интересъ: въ значительномъ большинствѣ описанныхъ въ «Исповѣданіи» чудесъ упоминается, несомнѣнно, тотъ обрядъ *врачебной инкубаціи*, который былъ широко распространенъ въ языческой древности и изслѣдованію котораго посвящена моя работа «Религіозное врачеваніе въ древней Греціи» (Спб. 1893).

Въ концѣ моего изслѣдованія были даны краткія указанія о томъ, что обрядъ врачебной инкубаціи, съ тѣми или иными измѣненіями, перешелъ отъ язычниковъ къ христіанамъ и удержался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ, Востока и по сіе время. Позже вопроса о христіанской инкубаціи широко коснулся L. Deubner въ своей книгѣ «De incubatione capita quattuor» (Lips. 1900), 4-ая глава которой (стр. 56—109) посвящена разсмотрѣнію христіанской инкубаціи. Здѣсь Дейбне-

ромъ сопоставлены сначала различныя свидѣтельства, подтверждающія широкое распространеніе инкубаціи въ Средніе Вѣка, а затѣмъ подвергнуты спеціальному разсмотрѣнію данныя, касающіяся совершенія инкубаціи въ храмахъ арх. Михаила, свв. Козьмы и Даміана, Кира и Іоанна, Θеклы и Θерапонта; «Похвала» чудесамъ послѣдняго издана впервые Дейбнеромъ по мессинской рукописи. Чудеса св. Артемія, въ ихъ славянской редакціи, остались Дейбнеру, разумѣется, неизвѣстными [1]).

Пока эта славянская редакція «Исповѣданія» и является единственнымъ источникомъ ознакомленія съ этимъ важнымъ, во многихъ отношеніяхъ, памятникомъ, такъ какъ греческій оригиналъ его, восходящій, по основательному предположенію Крумбахера (Gesch. d. byz. Litt.² 667), къ концу VII в., еще не изданъ. Надо надѣяться, что изданіе это — дѣло недалекаго будущаго, и мы будемъ имъ обязаны неутомимой и плодотворной энергіи А. И. Пападопуло-Керамевса, у котораго уже имѣются списки, съ одной іерусалимской и двухъ парижскихъ рукописей, чудесъ 1—17 и 20 (по славянской редакціи). Списки эти, однако же, не полны, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что въ славянской редакціи дано изложеніе 34 чудесъ, въ одной мессинской рукописи, по сообщенію А. И. Пападопуло-Керамевса, имѣется описаніе 45 чудесъ. Я душевно признателенъ А. И. Пападопуло-Керамевсу, который, съ обычной своей любезностью, предоставилъ въ мое распоряженіе имѣющіеся у него списки съ греческихъ рукописей чудесъ, и не хочу скрывать того, что, безъ этой помощи, пониманіе многихъ мѣстъ славянской редакціи чудесъ было бы для меня почти недоступно.

Вопросъ о точномъ опредѣленіи времени составленія греческаго оригинала «Исповѣданія», объ отношеніи къ этому ориги-

---

1) Дейбнеръ не упоминаетъ и о томъ, что извлеченіе изъ этихъ чудесъ — всего пять числомъ—помѣщено, въ греческой мѣсячной минеѣ вслѣдъ за прологомъ. См. Συναξαριστὴς τῶν δώδεκα μηνῶν τοῦ ἐνιαυτοῦ, πάλαι μεν ἑλληνιστὶ συγγραφεὶς ὑπὸ Μαυρικίου, διακόνου τῆς μεγάλης ἐκκλησίας и пр., ἐν Ζακύνθῳ, 1869, I, 173 сл.

налу славянской редакціи возможно будетъ рѣшить послѣ того, какъ этотъ оригиналъ будетъ изданъ. Для моей ближайшей цѣли — прослѣдить сущность инкубаціи, поскольку она отражается въ чудесахъ св. Артемія — достаточно и славянской редакціи. Не бѣда, что въ ней дано, надо думать, описаніе не всѣхъ чудесъ, имѣющихся въ греческомъ оригиналѣ: чудеса, какъ будетъ видно далѣе, отличаются болѣе или менѣе однороднымъ характеромъ.

Сущность инкубаціоннаго обряда въ христіанское время сводилась къ слѣдующему: больной являлся провести ночь въ храмѣ того или иного святого, къ его иконѣ или мощамъ; во время сна святой являлся больному и исцѣлялъ его или силою своей благодати или путемъ указанія больному тѣхъ или иныхъ, обыкновенно очень несложныхъ, средствъ. Христіанская инкубація, какъ отмѣтилъ уже Дейбнеръ (стр. 109), имѣетъ свой прототипъ, несомнѣнно, въ инкубаціи языческой; «перемѣнивъ одежду», говоритъ Дейбнеръ, языческая инкубація изъ оракуловъ, гдѣ она совершалась въ древности, перешла въ христіанскіе храмы. «Исповѣданіе» чудесъ св. Артемія представляетъ интересъ именно въ томъ отношеніи, что въ немъ исцѣленія не только, такъ сказать, регистрируются, но описывается, иногда довольно подробно, та обстановка, при которой исцѣленія происходили. Мало того: самая редакція чудесъ св. Артемія, какъ они описываются въ «Исповѣданіи», невольно напоминаетъ намъ, конечно, mutatis mutandis, ту редакцію чудесъ языческихъ, которая намъ теперь хорошо извѣстна по эпидаврскимъ ἰάματα τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ τοῦ Ἀσκλαπιοῦ (см. о нихъ: Религ. врачеваніе, 34 л.).

Св. Артемій, къ разсмотрѣнію чудесъ котораго мы теперь обращаемся, лицо историческое: онъ упоминается, какъ dux Aegypti, въ послѣдніе годы Констанція [1]). Св. Артемій поддер-

1) См. сопоставленіе свидѣтельствъ у Seeck'a въ Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie, II, 1444, nr. 2.

живалъ вооруженною силою аріанскаго епископа Александріи Георгія и разрушалъ или грабилъ языческіе храмы. Въ 362 г. онъ былъ, по обвиненію александрійцевъ, вызванъ Юліаномъ въ Антіохію и тамъ послѣ страшныхъ мученій обезглавленъ. Житіе св. Артемія (Act. Sanct. Octobr. VIII, 856 — 884 = Migne, Patr. gr. XCVI, 1251 — 1320) упоминаетъ, что тѣло св. Артемія было отдано Юліаномъ діакониссѣ антіохійской церкви Аристѣ, которая перевезла его въ Константинополь, намѣреваясь соорудить тамъ храмъ въ честь святого [1]). Повидимому, сооруженіе отдѣльной церкви въ память св. Артемія, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не состоялось. У насъ есть свидѣтельства (Анонима Бандури и Кодина, см. J. P. Richter, Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte, Wien, 1897, 184, ср. Н. П. Кондаковъ, Визант. церкви и памятники Константинополя, 33), что мощи св. Артемія хранились въ церкви во имя Іоанна Предтечи, построенной Анастасіемъ Дикоромъ (491 — 518) на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ, будучи силенціаріемъ [2]).

Въ Житіи св. Артемія упоминается (гл. 66) о томъ, что въ послѣдній моментъ жизни святого съ неба послышался голосъ: ἡ χάρις τῶν ἰαμάτων σοι δεδώρηται. Къ краткому изложенію тѣхъ чудесъ св. Артемія, которыя имѣютъ *непосредственное отношеніе къ инкубаціи*, совершавшейся въ храмѣ, гдѣ хранились его мощи, я теперь и приступлю, причемъ буду слѣдовать порядку изложенія ихъ въ Великихъ Минеяхъ Четьихъ.

---

1) Гл. 67: οὗ [Ἀρτεμίου] τὸ μακάριον καὶ ἅγιον σῶμα ἐξητήσατο παρὰ τοῦ βασιλέως Ἰουλιανοῦ γυνή τις πιστή, ὀνόματι Ἀρίστη, διάκονος ὑπάρχουσα τῆς ἐν Ἀντιοχείᾳ Ἐκκλησίας· καὶ ἐπέτρεψε δοθῆναι αὐτῇ· ἣ καὶ ποιήσασα γλωσσόκομον καὶ σμυρνίσασα τὸ ἅγιον αὐτοῦ καὶ μακάριον σῶμα, καὶ πολυτιμίοις ἀρώμασι καὶ μύροις εὐωδιάσασα, κατέθετο ἐν τῷ γλωσσοκόμῳ, καὶ ἀνέπεμψεν ἐν τῇ πανευδαίμῳ Κωνσταντινουπόλει, ἐν τόπῳ ἐπισήμῳ καταθεμένη, ὡς βουλομένη οἶκον ἄξιον τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Ἀρτεμίου, πρὸς τὸ σύναξιν ἐπιτελεῖσθαι εἰς μνημόσυνον τῆς ἀοιδίμου μαρτυρίας αὐτοῦ.

2) Анонимъ Бандури говоритъ, что церковь Іоанна Предтечи, послѣ того какъ въ ней помѣщены были мощи св. Артемія, была наименована въ память его. Въ «Исповѣданіи» чудесъ упоминается, однако, какъ увидимъ ниже, постоянно церковь Іоанна Предтечи, такъ что если она и была переименована,

1.

20-лѣтній сынъ старшаго врача Аѳоимія «недугова близнецема своима бѣднѣ, ꙗко ни на потребу свою не приходити» (ἐνόσησε τοὺς διδύμους ἐπικινδύνως, ὡς μήτε εἰς χρειάν αὐτοῦ ἴσχυεν δι' ἑαυτοῦ ἀπιέναι). Аѳоимій, принеся сына къ мощамъ св. Артемія, исполнилъ, «ꙗкоже обыкоша творити вси, такоже недугующе» (ἅπερ εἰώθασιν ποιεῖν πάντες οἱ τὰ ὅμοια νοσοῦντες). Сколько времени больной провелъ въ храмѣ, неизвѣстно. Однажды ночью больному явился во снѣ (φαίνεται κατ' ὄναρ) св. Артемій въ образѣ отца его и сказавъ: «востани, да вижду, что есть, еже имаши», «ꙗ за оба близнеца и съжа и крѣпцѣ» (ἐκράτησεν αὐτοῦ τοὺς διδύμους καὶ ἔσφιγξεν γενναίως). Больной, проснувшись отъ страха, думалъ «на горшее педуговати», но, осязавъ больное мѣсто, нашелъ «близнеца своя здрава суща».

2.

Нѣкто, болѣя «близнецема», «ꙗко ни спати мощи отъ болѣзни», совершилъ инкубацію у раки св. Артемія. Подъ утро приснилось ему, будто онъ спитъ со своею женою, причемъ у него оказалось уже не два, а три «близнеца» опухшихъ. Святой, явившись къ нему въ образѣ врача, «ꙗ за близнеца его и стисну». Больной вскрикнулъ отъ боли такъ, что проснулись другіе больные, совершавшіе инкубацію, и, посмотрѣвъ на больное мѣсто, «себе обрете здрава».

то это произошло уже послѣ составленія «Исповѣданія». Въ чудѣ 4-омъ мѣстоположеніе церкви опредѣляется такъ: «у святаго Іоанна Крестителя, на Остремѣ, близъ Домниовъ улицъ» (εἰς τὴν Ὀξείαν, πλησίον τῶν Δομνίνου ἐμβόλων). Richter опредѣляетъ мѣстоположеніе церкви такъ: «in der nördlichen Zone nach der alten Eirene und dem Patriarcheion zwischen dem Bastos und dem heil. Prokopios Chelone». Близкое отношеніе имп. Анастасія къ св. Артемію засвидѣтельствовано глоссой Свиды (п. сл. Ἀρτέμιος), на основаніи которой другое имя Анастасія было Артемій: Ἀρτέμιος ὁ καὶ Ἀναστάσιος.

3.

Нѣкоему, родомъ изъ Амастриды, «слючися на близницу изметь имѣти» (τοῦτον ἔτυχεν κατὰ τῶν διδύμων πώρωμα ἐσχηκέναι). Лѣченію врачей болѣзнь не поддавалась. Дѣло шло все хуже и хуже. Тогда больной, по совѣту одного лица, обратился къ св. Артемію и провелъ въ храмѣ три дня. Мучимый болью, онъ просилъ церковнослужителей «дати отъ предтеча воска и масла» (δοθῆναι ἐκ τοῦ Προδρόμου καὶ μάρτυρος κηρωτῆς). Сдѣлавъ пластырь (ἔμπλαστρον), недугующій положилъ его на больное мѣсто. Въ полночь явился (ἐπέστη) ему святой и, осязавъ больное мѣсто, далъ больному «мечь на усѣченіе». «Изметь» отпала, а храмъ наполнился смрадомъ. Прислужники отерли теплою водою «гнойный смрадъ». Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ въ храмѣ совѣтовали больному уйти оттуда, но онъ наотрѣзъ отказывался, говоря: «отсюду не исхожду, смѣшениемъ симъ помаждуся святаго мученика воскомъ». Въ результатѣ больной выздоровѣлъ.

5.

Хіосецъ Евпоръ, «отъ многъ лѣтъ долу отягченъ сый, худѣ боля» (καταβαρὴς δὲ ὢν καὶ οὐ μετρίως ὀδυνώμενος), пріѣхавъ въ Константинополь ради торговыхъ интересовъ, пробылъ у св. Артемія три мѣсяца, но безуспѣшно. Когда Евпоръ плылъ на кораблѣ обратно домой, ему явился во снѣ святой и, поднявъ его одежду, коснулся «близнецовъ» его (ἥψατο τῶν διδύμων). Болѣзнь прошла. Евпоръ, взявъ дары, отправился, невзирая на отговариванія спутниковъ, снова къ св. мученику и «похвали Бога».

6.

Исидоръ «корабленикъ», 53 лѣтъ, «лѣтъ многъ пріимъ бѣду близнецема своима» (κινδυνεύων τοὺς διδύμους), пришелъ къ св. Артемію. Исидоръ не подозрѣвалъ, что онъ страдалъ «и отъ

духа злаго». Въ одну ночь св. Артемій явился Исидору «очивѣсть» (ὀφθαλμοφανῶς), и многіе изъ совершавшихъ инкубацію видѣли то, что случилось: Исидоръ всталъ съ своего ложа и побѣжалъ къ иконѣ святого; простерши руки вверхъ, Исидоръ повисъ, «ако ужы желѣзны связанъ рукама, надъ землею стоя, локте единого, вопія вельми». Въ такомъ положеніи Исидоръ оставался «многы часы», изо рта его текла пѣна; наконецъ, громко закричавъ, онъ «паде на постели своей, на земли». Когда Исидоръ пришелъ въ себя, онъ на вопросъ присутствующихъ, что съ нимъ было, сказалъ: «хламиду нѣкто нося и сановую ризу, двѣма ужема свѣси мя. . . . много мученъ быхъ, прикосну бо ся десною рукою чрева моего, шуйцею же раму моею и трижды сотище мя» (ἔσφιγξέν με), повелѣвая нечистому духу выйти. И видѣлъ Исидоръ, будто изъ устъ его вышла черная ворона. Затѣмъ святой, перекрестивъ Исидора, снялъ съ него узы и онъ упалъ; «обаче пождите, да вижду близняти мои и да поверженіемъ тѣла како вредишася»; «близнецы» оказались здоровыми. По прошествіи нѣсколькихъ дней, когда Исидоръ все еще оставался въ храмѣ, явился ему снова святой, «имѣя с собою дѣлателя нѣкоего (ἐργάτην τινα), и нѣкто жена бѣ с ними во образѣ черноризици». Они повелѣли Исидору принести благодареніе Богу и отправиться восвояси.

7.

Юноша Платонъ, понадѣявшись на молодость и силу, побился о закладъ «возняти камень и древо продалнаго вѣса (μετεωρῆσαι τὸν λίθον τῆς ξυλοπρατινῆς τρυτάνης) и положити на рамѣ своемъ». Случилось несчастіе—Платонъ надорвался, такъ что «вредишася вся внутреняя его» (κατασπῶνται πάντα τὰ ἐντὸς αὐτοῦ). Придя къ св. Артемію, Платонъ, по прошествіи немногихъ дней, увидѣлъ во снѣ святого, который сказалъ: «и чесо ради любиши залоги творити. . . . и заповѣда ему ктому залога не творити, и се рекъ, въступи на чрево его» (πατεῖ αὐτοῦ ἐπάνω τῆς κοιλίας αὐτοῦ). Проснувшись, Платонъ нашелъ себя здоровымъ.

8.

Фригіецъ Георгій, «отягчена близнеца имѣя и послѣднее боля пребываше, да исцѣленъ бы былъ у святаго страстотерпца» (ἐξογκωμένους ἔχων τοὺς διδύμους καὶ τὰ ἔσχατα ὀδυνώμενος προσεκαρτήρει τῷ ἁγίῳ ὥστε ἰαθῆναι). Отличаясь большою болтливостью, Георгій не давалъ «починути никому же». Святой, явившись ему во снѣ, повелѣлъ, съ наступленіемъ дня, уйти изъ храма, а если онъ останется, то онъ усилитъ его болѣзнь, такъ какъ ненавидитъ болтающихъ. На утро Георгій выздоровѣлъ.

9.

Родосецъ Θеодоръ, «долу тяжкій» (καταβαρής), пробывъ у святого «время нѣкое, в лѣность впаде»; болѣзнь его не улучшалась, по роднымъ онъ тосковалъ, да и средства его изсякали. Въ ночь, предшествующую тому дню, когда Θеодоръ думалъ уже уѣхать, онъ увидѣлъ во снѣ святого, держащаго его за руку и благословляющаго. Проснувшись, больной «обрѣте себе здрава».

12.

Сынъ одной женщины «внезаапу бысть долу отяжьчалъ, обѣма близнецема его отекшима» (ἐξαίφνης καταβαρὴς ἐγένετο τῶν δύο αὐτοῦ διδύμων ἐξογκωθέντων). Женщина пришла въ церковь «Богородицы Кировы». Тамъ во снѣ она получила повелѣніе свести сына къ св. Артемію. Такъ она и поступила и, «сътворивши обычнаа», видѣла во снѣ святого, прикоснувшагося къ «близнецамъ» сына. Проснувшись, мать нашла сына выздоровѣвшимъ.

15.

У одного вельможи было двое слугъ. Одинъ изъ нихъ прилежно пѣлъ по субботамъ въ храмѣ Іоанна Предтечи. Другой,

Нарциссъ по имени, смѣялся надъ поющими и хулилъ св. Артемія, говоря: «ей, святый Артемій срамновредныя исцѣляеть». Несмотря на предупрежденія, Нарциссъ не переставалъ смѣяться и хулить святого. Случилось, у Нарцисса заболѣли τὰ αἰδοῖα (τὰ αἰδοῖα ὀγκωθῆναι). Тотъ слуга, надъ которымъ Нарциссъ смѣялся, посовѣтовалъ ему идти къ св. Артемію. Тамъ, у гроба святого, Нарциссъ принесъ раскаяніе. Во снѣ онъ однажды увидалъ «нѣкоего, носяща патрикиевъ образъ и грядуща отъ притвора, и предъ нимъ летяше голубъ бѣлъ, бескверненъ»; войдя въ церковь, онъ остановился предъ болящимъ и, взявъ голубя, «закла надъ близнецема» его. Больной проснулся и попросилъ подвести его къ ракѣ святого, желая, по обычаю, «пити отъ кандила святаго». Поднявъ одежды, чтобы не запнуться, больной почувствовалъ что-то мокрое на колѣняхъ и думалъ, что онъ, при умываніи, пролилъ на себя воду. Но оказалось, что и одежда Нарцисса мокрая. «И минувшю часу и осязавъ близнеца своя разрѣшена на три персты, кровию же и гноемъ голени и ризы суще мокры». Нарцисса обмыли и приложили къ больному мѣсту «подобно пластырю воска смѣшеніе святаго мученика». Въ результатѣ больной выздоровѣлъ.

17.

Родственникъ патриція Сергія, 40 лѣтъ, «бѣ долу тяжекъ». По совѣту одного лица, родственникъ былъ отведенъ къ св. Артемію. Съ ними вмѣстѣ пожелалъ идти нѣкто изъ Александріи, актеръ по профессіи. Больной просилъ дозволить ему спать «долѣ у святыя раки». Актеръ, «много смѣяся», также хотѣлъ лечь у раки, но, такъ какъ ему это не было дозволено, онь помѣстился на верху «предъ иконою святаго Іоанна». Въ полночь актеру захотѣлось сходить за малою нуждою. Не найдя выхода изъ церкви, актеръ «проходъ водный сътвори у десныя двери церковныя, у неиже кладязь есть и написаніе — Самаряныня». Сдѣлавъ то, что надо, актеръ съ ужасомъ увидалъ, что его «близнецы» такъ распухли, что достигали колѣнъ. Тогда онъ

сталъ поносить святого: «насилникъ есть съи святый и вредотворець есть». Больной, спавшій у раки святого, увѣщевалъ актера, не зная, что̀ съ нимъ, перестать кричать. Актеръ, попросивъ больного поднять его одежду, нашелъ его здоровымъ, а затѣмъ показалъ свою бѣду. Съ наступленіемъ дня оба отправились въ патрицію Сергію и тамъ разсказали о всемъ случившемся, а затѣмъ актеръ, по желанію присутствующихъ, показалъ свои «близнецы». Во время всеобщаго недоумѣнія «погибе скиника страсть» (ἀφανὲς τοῦ σκηνικοῦ τὸ πάθος ἐγένετο).

20.

Нѣкоему Георгію «бысть болѣзнь люта страсти вострастьши, ꙗже страсть глаголется сукаменія» (γέγονεν ἀρρώστημα πάθους ἀναφυέντος κατὰ τοῦ βαλαντίου τοῦ μορίου αὐτοῦ· ὅπερ πάθος λέγεται συκαμινέα). Продолжительное лѣченіе у многихъ врачей не принесло никакой пользы, и Георгій обратился къ св. Артемію. Святой, явившись ему во снѣ въ первую же ночь, спросилъ Георгія, что̀ съ нимъ, повелѣлъ ему снять одежду и сказалъ: «сукаменее суть семъ, велико ли что, вижду, в какомъ недузѣ недоумѣша врачеве... остави, да принесуть ти оцетъ велми бѣлъ и въсыпи въ онь соль и намочи сукно тонко въ немъ и положи на мѣстѣ, идеже есть страсть, и здравъ будеши». Чрезъ два дня больной выздоровѣлъ и потомъ «многимъ, в той же недугъ впадъшимъ не точію мужемъ, но и женамъ повелѣваше тою же врачбою мазатися, иже и сътворше тако, здрави бываху».

22.

Нѣкто, впадшій въ «недугы лютыя» и безуспѣшно лѣчимый врачами, не только не получилъ отъ нихъ какой-либо пользы, но, въ довершеніе всего, «близнеца его преторгоша ниже колѣну его, ꙗкоже ни вкупѣ мощи ему съвокупити колѣну, ни на десно, ни на шуе обратитися»; длина опухоли была «персть 20, а широта

персть 30». Врачи объявили болѣзнь неизлѣчимою. Больной явился тогда къ св. Артемію. Въ ночь на Рождество Христово больной увидѣлъ во снѣ святого въ образѣ своего друга. Святой, «сомжаривъ очи, устну же къ устнѣ счетавъ и главу на шуе рамо свое преклонь, ста убо нѣмъ и аки отвращаяся, десное имѣаше око взирати на недужнаго ѥсно, и воспрянувъ, юже ношаше ризу, обѣ части, десную свою руку во свою пазуху вложивъ, выня врачебьскій ножь, возгбавъ о себѣ недужнаго покрывала, ѥже ношаше ложныа, персты, острѣемъ коснуся плоти деснаго близнеца недужнаго. Онъ же восклонися видѣти, что сътворитъ, видѣ себя здрава». Но, проснувшись, больной увидѣлъ, что болѣзнь не прошла, а съ того мѣста, котораго коснулся святой, «капля малы искапаа непрестанно и одръ его весь мокроты исполни. И бѣ смрадная исходящія мокрота». По случаю праздника «врачеве к вечеру не пріидоша, но бѣ празнуя кождо в дому своемъ». Одному изъ слугъ, во время послѣобѣденнаго сна, явился святой въ образѣ старшаго врача и сказалъ: «теци в гостинницю и прилеми о недужнемъ близнецама, и сказа ему во снѣ, что подобаше сътворити». Слуга такъ и сдѣлалъ. «Воскрывъ недужного и видѣвъ, удився... И тако вси ужасни бѣаху. Воздвиже со одра и, посадивый на спаннемѣмъ сѣдалищи, видѣ близнеца его, не бѣ в малѣ чину суща, но до персть отъ перстъ отъ имуща отсѣченіе, еже отъ святаго мученика бывшаго, висяаху гноеви тонци, еже персты пріимъ, слуга влече и елико же влечааше, толщьшая и исхожааше простерта локте единого; и изем же его близнеца два сосуда наполни отъ гноѥ же и отъ крове; потер же по слову его и приложивъ ко усѣченному мѣсту, якоже повелѣно бѣ по ѥвленію святаго, положи на постели своей... И внезаапу исполнися вся гостинница смрада и преже смердящій одръ благоуханенъ бысть». Утромъ старшій врачъ, совершая обходъ больныхъ, былъ удивленъ, не зная откуда идетъ благовоніе. По приглашенію слуги, врачъ осмотрѣлъ больного и дивился совершенному чуду. До св. Богоявленія слуга «прилежно творяше, елико отъ святаго повелѣно ему бѣ». Въ результатѣ больной выздоровѣлъ.

24.

Дочь одной женщины, «по обрученіи браку, долу отягчена внезаапу бысть». Мать и дочь пробыли у св. Артемія 10 дней и «лѣншися, отъидоста безъ успѣха в домъ свой». Въ ту же ночь святой явился во снѣ матери и повелѣлъ свести больную къ его сестрѣ Февроніи: «та исцѣлить ю». Въ церкви Іоанна Крестителя подъ алтаремъ была рака св. Артемія, а по правую сторону алтаря «притворъ святыя мученици Февроніи». Въ одну изъ ночей мать видѣла во снѣ «жену благовзорну, въ мнишеское облеченную одѣяніе, сътворьшю смѣшеніе отъ воска и приложьши къ тайнымъ удомъ отроковица». Въ эту минуту проснулись и мать и дочь. Мать, «осязавши свою дщерь, обрѣте смѣшеніе убо воска лежаща, ꙗкоже видѣ отроковицу здраву, ꙗкоже отъ рожества бывши».

25.

Нѣкто Георгій, «недугуя близнецема своима отъ многъ лѣтъ», часто бывалъ у св. Артемія, но исцѣленія не получалъ. Ему совѣтовали даже дать врачамъ «урѣзати близнеца». Георгій указывалъ на то, что такія операціи оканчивались обыкновенно смертью, и рѣшилъ предать себя волѣ Божіей. Въ ту же ночь «явися ему святый во образѣ мѣсници, держа прикуту мясничю и сосудъ» съ водою. Святой «ножемъ прободе чрево» больного, «изятъ вся внутреняа его; посемъ истреби я и, измый, изъврати прутъ»; наконецъ, когда «внутреняа его, ꙗкоже годѣ бѣ, отребляшеся, ꙗко единъ свитое, паки положи я во чревѣ недужнаго». Проснувшись, больной нашелъ себя здоровымъ.

26.

Нѣкто, 60-лѣтній старецъ, съ 30-ти лѣтъ «долу отягченъ», явился къ св. Артемію. Во снѣ святой повелѣлъ больному идти къ кузнецу Ѳеодору, «иже есть въ Домновахъ улицахъ»; отъ

него онъ получитъ исцѣленіе. Больной повиновался, но кузнецъ сказалъ, что лѣчить онъ не умѣетъ. Больной вторично совершилъ инкубацію и святой далъ то же повелѣніе. На этотъ разъ кузнецъ, разсердившись, прогналъ больного. Когда, по совѣту святого, больной въ третій разъ пришелъ къ кузнецу, онъ засталъ его держащимъ молотъ на раскаленной наковальнѣ. Кузнецъ, выйдя изъ себя, приказалъ больному положить «вредъ» его на наковальню, размахнулъ молотомъ со всею силою «добле ему устрегнути». Но въ этотъ моментъ у больного «все исчезе таковое близнецю его режженіе».

29.

70-лѣтній старикъ «долу отягченъ бысть, единому близнецу его отекшу и болящю». Во время совершенія инкубаціи онъ видѣлъ мужа въ багряницѣ, который «вложиша руку свою десную на то мѣсто близнеца, идеже боляше, и перстомъ своимъ коснувся болящаго близнеца долняго начатка и втокша ему палца въ внутреняа его горѣ крѣпко». Больной, проснувшись, выздоровѣлъ.

30.

Мужъ «хитростью усмарь, именемъ Зонтъ», 55 лѣтъ, «той тако, по повелѣнію ему бывшю, утверженія недугъ, спяшу в нощи, держа окляникъ корчажьки чисты, иже нарицаются масло в сосудѣ свѣтлѣ, и наполни четыре, едину давъ ему, глаголя: испій ю. И испи ю во снѣ; дасть же ему прочая три и рече ему: даждь я тремъ близнецемъ тебѣ, да спиють я, рекъ ему имена, кому и кому хотяше дати скляницю масла». По просьбѣ дать и четвертому, Θеодору, святой сказалъ: «остави; Θеодоръ здѣ хощеть быти. Бѣ же той Θеодоръ единъ отъ четырь винною таковаго недуга его терпя в той же церкви. Недужный же в томъ снѣ дасть тремъ купно свѣданіе, и испиша е, и возбнувъ, видяше естество востати къ водному проходу, и въста бес потыканіа, иако

забывъ, ꙗко болѣ когда». Точно такъ же оказались исцѣленными и трое другихъ. Ѳеодору, оставшемуся у раки святого, явился въ одну ночь святой, далъ ему «сосудъ масла омьфаканьска и хлѣбы четыри и глагола ему: имѣй се; аще потребуеши ми добрѣ, не оскудѣеши ни в чемъ же, и вкупѣ се рече ему. Возбну и видѣ себе здрава».

32 [1]).

а.

Нѣкто надорвался, поднимая какую-то тяжесть, вслѣдствіе чего его «оба близнеца уторгьшася отъ кости и болѣзни неослабныя». По совѣту ранѣе получившихъ исцѣленіе, онъ отправился къ св. Артемію, пробылъ у него два дня, исполняя «иже на обычаи бывающая» и на третью ночь увидѣлъ во снѣ «нѣкоего багряноносна и стихарь носяща и сановитую ризу», который, приказавъ больному поднять одежду, коснулся тремя перстами правой руки его «чрева, потиснувъ велми на обою бедру», послѣ чего больной выздоровѣлъ.

б.

Александріецъ Мина, 20-ти лѣтъ, былъ сильно ушибленъ мачтою корабля, такъ что всѣ внутренности его «вредишася». По совѣту друга, Мина отправился къ св. Артемію, «сътвори обычая на томъ мѣстѣ». Въ первую же ночь онъ увидѣлъ святого, который приказалъ больному поднять одежду, коснулся его пупа и чрева. Проснувшись, Мина нашелъ себя здоровымъ.

33.

«Нѣкто, именемъ Ѳеодоръ, имѣя сына, долу отягчена и болѣзнующа литѣ», отправился къ св. Артемію вмѣстѣ съ другомъ

---

1) Заключаетъ два чуда.

своимъ Θеогніемъ, который болѣлъ «перьсми своими и кашель его лютѣ растерзааше». Во время совершенія инкубаціи Θеогній увидѣлъ во снѣ св. Артемія, сказавшаго ему: «въстани и обивающаго воска пріимъ, помажи си перси и глѣдь отъ него, помажи же и близнеца с тобою возлежащему отрочатѣ, и добрѣ здрава будета». Такъ и случилось, когда они, проснувшись, исполнили повелѣніе святого.

Таковы чудеса св. Артемія, сотворенныя имъ во время совершенія больными инкубаціи. Остается замѣтить, что и въ описаніи остальныхъ чудесъ больные, въ большинствѣ случаевъ, болѣютъ «*близнецами*», исцѣленіе имъ подается не въ храмѣ, но *всегда во время сна* [1]).

Сравнивая обычаи, практиковавшіеся при инкубаціи или религіозномъ врачеваніи у св. Артемія, мы находимъ въ нихъ много общихъ чертъ съ обычаями, имѣвшими мѣсто при инкубаціи у свв. Козьмы и Даміана, Кира и Іоанна и, надо полагать, другихъ

---

1) Чудо 4-ое: больной исцѣленъ «изгаромъ кадилнымъ»; чудо 10-ое: семилѣтній мальчикъ, «долу тяжекъ», исцѣленъ святымъ въ его домѣ; чудо 11-ое: грудной ребенокъ «внезапу близнецема возболѣ»; чудо 13-ое: 50-лѣтній мужъ, «недугомъ близнецю одержимъ», пробылъ у святого 50 дней, исцѣленіе получилъ около общественныхъ бань; чудо 14-ое: «корабленикъ, въ той же недугъ впадъ», пробывъ у святого 30 дней, получилъ исцѣленіе на кораблѣ; чудо 16-ое: александріецъ Сергій, 60-ти лѣтъ, «долу тяжекъ», исцѣленъ въ Александріи воскомъ, даннымъ ему святымъ; чудо 21-ое: у Стефана діакона «на близнецю отверженіе бысть, ли отъ клиданія, или отъ тяготы», исцѣленіе получилъ въ то время, когда мылся въ банѣ; чудо 23-ье: священникъ, «долу отягченный», исцѣленъ на дому; чудо 27-ое: «Θеотекнъ нѣкто, хитростію древодѣля.... боля близнецема, имѣя отекша», исцѣленъ на кораблѣ; чудо 31-ое: сынъ жены нѣкоей, болѣвшій «близнецема своима», пробывшій долгое время въ церкви св. Артемія, исцѣленъ на дому. Въ чудѣ 34-омъ разсказывается объ исцѣленіи одной женщины отъ оспы (черной смерти). Въ чудѣ 19-омъ повѣствуется объ исцѣленіи хромого. Наконецъ, въ чудѣ 18-омъ святой указываетъ одному пѣвчему въ церкви Іоанна Предтечи, кто его обокралъ; такой же случай обнаруженія воровства въ чудесахъ св. Θеклы, см. Deubner, De incubatione, 100. Исцѣленія во время сна, но не въ храмѣ, упоминаются среди чудесъ свв. Козьмы и Даміана (Deubner, 74), Кира и Іоанна (Deubner, 85 сл.), Θеклы (Deubner, 99).

святыхъ, подававшихъ исцѣленія во снѣ. Около храмовъ свв. Козьмы и Даміана, Кира и Іоанна, Ѳеклы были или купальни, или источникъ, или колодезь (Deubner, 70, 80, 99). Существованіе бань вблизи храма Іоанна Предтечи засвидѣтельствовано, повидимому, чудомъ 13, гдѣ разсказывается, какъ больной, пробывъ у св. Артемія 50 дней и не надѣясь, за преклонностью лѣтъ, получить исцѣленіе, «вземъ ложе свое, отъиде. Томимъ же недугомъ и временемъ ложнымъ лѣнивѣ како хождаше. Достигъ же людьскыя бани. . . . изнемогъ» и пр. До полученія исцѣленія у св. Артемія больные тщетно обращаются къ врачамъ: пользы никакой (чудеса 3, 20, 22); то же самое при описаніи врачеваній у свв. Козьмы и Даміана (Deubner, 70). Послѣдніе, равно какъ и свв. Киръ и Іоаннъ и св. Ѳекла и св. Ѳерапонтъ, являются, какъ и св. Артемій, больнымъ во снѣ (Deubner, 70, 80, 99). Св. Артемій въ большинствѣ случаевъ является во снѣ самъ (чудеса 3, 5 — 10, 12, 20, 32, 33), но иногда онъ принимаетъ образъ другого и является: въ видѣ отца больного и въ то же время врача (чудо 1), въ видѣ врача (чудо 2), въ видѣ патриція (чудо 15), въ видѣ друга больного (чудо 22), наконецъ, въ видѣ мясника (чудо 25). Также и свв. Козьма и Даміанъ являются «sub specie aliena» (Deubner, 73), свв. Киръ и Іоаннъ принимаютъ на себя образъ монаховъ (Deubner, 84). Въ одномъ случаѣ (чудо 6) св. Артемій является въ сопровожденіи какого-то работника и монахини. Врачеваніе заключается обыкновенно въ томъ, что святой касается своими руками больной части тѣла (чудеса 1, 2, крѣпко сжалъ «близнецы»; чудо 6 — коснулся правою рукою чрева, лѣвою — плечъ; чудо 7 — вступилъ на чрево; чудеса 12, 29 — прикоснулся къ близнецамъ; чудо 32 — коснулся чрева). О такомъ же способѣ врачеванія упоминается и въ описаніи чудесъ свв. Козьмы и Даміана, Кира и Іоанна (Deubner, 72, 82). Въ описаніи чуда 25-го имѣется въ виду настоящая операція: святой вскрываетъ животъ больного, вынимаетъ внутренности, обмываетъ ихъ и снова кладетъ въ животъ. То же въ описаніи чуда 22-го. Въ чудѣ 15-омъ святой закалываетъ

надъ близнецами больного голубя [1]). Въ результатѣ такихъ операцій или манипуляцій святого отъ больного мѣста обыкновенно вытекаетъ гной (чудеса 3, 13, 15, 22). Рѣже святой указываетъ больному во снѣ то или иное средство. Таковымъ служитъ обыкновенно пластырь изъ воска и масла, или изъ одного воска (чудеса 3, 15, 24, 33). То же средство примѣняютъ свв. Козьма и Даміанъ (Deubner, 72), Киръ и Іоаннъ (Deubner, 72). Въ описаніи чуда 20-го упоминается компрессъ изъ уксуса съ разведенной въ немъ солью. Излѣченіе послѣ посѣщенія святого бываетъ обыкновенно немедленно: больной просыпается и находитъ себя здоровымъ (чудеса 1, 2, 7 — 10, 12, 17). Но иногда больной выздоравливаетъ спустя нѣсколько дней послѣ совершенія инкубаціи: чрезъ два дня (чудо 20), чрезъ двѣ недѣли (чудо 22), въ теченіе которыхъ больной лѣчится указаннымъ ему средствомъ. Въ описаніи чуда 8-го, наконецъ, не упоминается ни о прикосновеніи святого къ больному мѣсту, ни объ указаніи ему какихъ-либо средствъ. Въ двухъ случаяхъ святой является не самому больному, а его матери (чудеса 10, 12). Такъ же свв. Козьма и Даміанъ указываютъ иногда средство не самому больному, но другому лицу, совершающему инкубацію въ томъ же храмѣ (Deubner, 71 сл.). Въ чудѣ 32-мъ описывается, какъ святой, прежде чѣмъ приступить къ больному, усердно молится объ исцѣленіи. Интересны чудеса 15 и 17, свидѣтельствующія о томъ, что иногда болѣзнь посылалась лицамъ, смѣявшимся надъ святымъ и силою его благодати. Въ такомъ же родѣ разсказывается нѣчто и о свв. Кирѣ и Іоаннѣ (Deubner, 87). Количество времени, проведеннаго больными у св. Артемія, различно: день (чудо 20), два дня (чудо 32), три дня (чудо 3), десять дней (чудо 24), три мѣсяца (чудо 5). Равнымъ образомъ различенъ возрастъ больныхъ, получившихъ исцѣленіе отъ святого. Мы видимъ одного грудного младенца (чудо 11), и семилѣтняго мальчика

1) О голубяхъ и другихъ птицахъ упоминается при описаніи чудесъ св. Θеклы, Deubner, 99.

(чудо 10), и двадцатилѣтняго юношу (чудеса 1, 32), и сорокалѣтняго мужа (чудо 17), и стариковъ, имѣющихъ за 50 (чудеса 6, 30), 60 (чудо 26) и 70 лѣтъ (чудо 29). Во всѣхъ чудесахъ исцѣленные—особы мужского пола. Лишь въ чудѣ 24 разсказывается объ исцѣленіи дѣвушки, но она получаетъ помощь не отъ св. Артемія, а отъ сестры его Февроніи. Иногда, какъ повѣствуется въ чудѣ 5-омъ, инкубація сначала совершается безуспѣшно, но, въ концѣ концовъ, больной все же получаетъ исцѣленіе. Слава мученика была такъ велика, что къ нему стекались больные отовсюду: изъ Амастриды (чудо 1), Хіоса (чудо 5), Фригіи (чудо 8), Родоса (чудо 9), Александріи (чудеса 16, 32). Изъ описанія чудесъ 2-го и 6-го мы видимъ, что стеченіе больныхъ у св. Артемія было велико и что многіе заразъ, одновременно, совершали инкубацію. То же самое происходило и въ храмѣ свв. Козьмы и Даміана (Deubner, 70). По полученіи исцѣленія, исцѣленному часто повелѣвается принести благодареніе Богу, а иногда исцѣленный приноситъ въ храмъ и дары. Это какъ бы тѣ же ἴατρα, деньги за лѣченіе, за правильностью взноса которыхъ тщательно наблюдали языческіе жрецы (см. Религ. врачеваніе, 29 сл.).

Нѣкоторыя чудеса (особенно 6, 26, 30), даже какъ таковыя, поражаютъ насъ своею фантастичностью. Зато одно чудо, именно 22-ое, позволяетъ сдѣлать нѣкоторыя интересныя наблюденія. Припомнимъ, что въ немъ разсказывается: больной «близнецами» видитъ во снѣ на Рождество Христово, какъ святой, въ образѣ его друга, остріемъ докторскаго ножа коснулся «плоти праваго близнеца недужнаго». Проснувшись, больной увидѣлъ, что недугъ его не прошелъ, но что съ того мѣста, котораго коснулся святой, капала «каплями малыми» жидкость, что весь одръ его исполненъ «смрадныя мокроты». А далѣе разсказывается, что въ тотъ день, по случаю праздника, *врачи* не пришли вечеромъ въ храмъ и что святой явился во снѣ одному изъ прислужниковъ, надо полагать, врачей и приказалъ ему идти въ *гостинницу* и позаботиться о больномъ, причемъ

указалъ, что̀ именно надо сдѣлать. Прислужникъ такъ и поступилъ. А на утро *старшій врачъ*, совершая обходъ больныхъ, осматриваетъ, по приглашенію прислужника, недужнаго близнецами. Изъ этого повѣствованія мы заключаемъ, прежде всего, что при храмѣ или вблизи его находилась какая-то «гостинница», гдѣ больные проводили время, вѣроятно, и до совершенія инкубаціи и, если надобно было, и послѣ нея; существованіе такой «гостинницы» допустимо и a priori, такъ какъ — на это было указано и выше — больные проводили у св. Артемія иногда довольно продолжительное время. Но самое важное и интересное въ повѣствованіи 22-го чуда, это то, что упоминаются *врачи, старшій врачъ*. Значитъ, больные, бывшіе у св. Артемія, не оставляемы были совершенно и *безъ настоящей медицинской помощи*. Въ какой степени и какъ эта медицинская помощь подавалась, намъ остается неизвѣстнымъ. Но самый фактъ ея, поскольку о немъ сохранилось упоминаніе въ чудесахъ, является не подлежащимъ сомнѣнію. А это обстоятельство сближаетъ практику врачеванія у св. Артемія съ практикою языческихъ іатромантическихъ оракуловъ (см. Религ. врачеваніе, 59 сл.) О томъ, что леченіе у св. Артемія *не ограничивалось одной лишь инкубаціей*, свидѣтельствуютъ и такія выраженія при описаніи чудесъ, какъ: больной исполнилъ все то, «іакоже обыкоша творити вси, такоже недугующе» (чудо 1), женщина «сътворивши обычная» (чудо 12), священникъ больной «сътворивъ обычаи на недужныхъ бывающи» (чудо 23), больной исполнилъ «иже на обычаи бывающая», Мина «сътвори обычая на томъ мѣстѣ» (чудо 32). Что это были за «обычаи», касались ли они только совершенія какихъ-либо церковныхъ и религіозныхъ обрядовъ, или они заключали въ себѣ и нѣчто болѣе существенное, какъ, напримѣръ, необходимость являться къ врачу, бывшему при храмѣ, или что-либо подобное, мы, конечно, не знаемъ, да и догадываться не можемъ.

За исключеніемъ чудесъ 7-го, гдѣ разсказывается о томъ, какъ исцѣленъ былъ надорвавшійся, 34-го, гдѣ рѣчь идетъ объ ис-

цѣленіи отъ оспы, 33—исцѣленіе кашля, 19-го—исцѣленіе хромого и 18-го—указаніе вора, за исключеніемъ этихъ чудесъ, всѣ остальныя имѣютъ въ виду только одного рода болѣзнь—*страданіе «близнецами»*. Въ чудѣ 1-мъ больной страдаетъ задержаніемъ мочи; чудо 2-ое имѣетъ въ виду опухоль яичекъ; то же чудо 8-ое, 12-ое, 22-ое; затверденіе яичекъ—чудо 3 (ср. также описаніе чудесъ 6-го, 15-го, 25-го, 32-го, 24-го). Часто встрѣчающееся въ чудесахъ (5. 9. 10. 17. 26. 29. 33) выраженіе «долу тяжекъ» (καταβαρής) также, какъ видно изъ контекста, имѣетъ въ виду страданіе половыхъ органовъ. Въ чудѣ 26-мъ упоминается болѣзнь «сукаменія», которая, какъ видно изъ греческаго текста чуда «πάθους ἀναφυέντος κατὰ τοῦ βαλαντίου τοῦ μορίου αὐτοῦ», заключалась въ опухоли мошонки.

Такая исключительная спеціализація въ лѣченіи св. Артеміемъ больныхъ, страдающихъ половыми органами, главнымъ образомъ, яичками, невольно должна обратить на себя вниманіе. Тщетно думалъ я найти объясненіе этому факту какъ въ житіи святого, такъ и въ церковныхъ службахъ ему. Въ житіи св. Артемія разсказывается, между прочимъ, что Юліанъ придумалъ, въ числѣ мученій, сдѣлать со святымъ слѣдующее: онъ приказалъ каменотесамъ разсѣчь огромный камень, положить святого на одну часть камня и бросить на него другую часть; что при этомъ всѣ кости мученика были переломлены, внутренности его выпали, всѣ члены его сломались и глаза выскочили изъ орбитъ. Святой остался живъ. Но и эта деталь мученій, при которыхъ пострадала у святого, конечно, и та часть тѣла, которую онъ позже спеціально врачевалъ, мало объясняетъ дѣло[1]).

Итакъ, ни изъ жизни (святой Артемій, въ противоположность свв. Козьмѣ и Даміану, Киру и Іоанну, не былъ при жизни вра-

---

1) Въ риторическомъ послѣсловіи къ чуду 24-му упоминается также «и съкрушися удъ у святаго». Но это, надо полагать, намѣренно прибавлено авторомъ «Исповѣданія», который, можетъ быть, такъ же, какъ и мы, былъ пораженъ спеціальнымъ характеромъ врачеваній святого.

чемъ), ни изъ исторіи страданій святого мы не можемъ почерпнуть объясненія того страннаго факта, почему св. Артемій былъ врачемъ той части тѣла, которая имѣетъ ближайшее отношеніе къ половой жизни человѣка. И приходится искать объясненія этому факту, какъ намъ думается, совсѣмъ въ иномъ, имѣющемъ отдаленное лишь отношенія къ св. Артемію.

Дейбнеръ въ не разъ указанной книгѣ обратилъ вниманіе на слѣдующее: свв. Козьма и Даміанъ замѣнили собою въ христіанское время представленіе объ языческихъ божествахъ Касторѣ и Полидевкѣ (De incubatione, 76 л.); свв. Киръ и Іоаннъ давали исцѣленія во время инкубаціи въ томъ храмѣ, который воздвигнутъ былъ на мѣстѣ языческаго храма въ честь Исиды, гдѣ въ древности совершалась также инкубація (De incubatione, 88 сл.); св. Ѳекла «заняла мѣсто того божества, которое нѣкогда давало прорицанія въ Селевкіи посредствомъ инкубаціи», именно Сарпедона (De incubatione, 100 сл.). Эти наблюденія Дейбнера, съ достаточною убѣдительностью имъ обоснованныя, побуждаютъ меня и въ указанныхъ врачеваніяхъ св. Артемія искать подобнаго же характера аналогій.

Едва ли кто будетъ сомнѣваться въ томъ, что имя Ἀρτέμιος стоитъ въ связи съ именемъ Ἄρτεμις. Ἄρτεμις, по замѣчанію Fick'a (Die griech. Personennamen², 439), «verhält sich zu ἀρτεμής «frisch, heil»... ἀρτεμής selbst ist nicht sicher zu deuten; vielleicht ist es in ἀρ- = ἀρι- und τεμεσ -zu zerlegen und dies mit τημε-λέω «pflege, besorge», ἀ- τμήν «Diener» zusammenzustellen... ἀρτεμής hat passiven Sinn «besorgt» αρταμος activen «besorgend». Уже древніе ставили имя Ἄρτεμις въ связь съ ἀρτεμής (см. Wernicke у Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie, II, 1337). Но это не такъ важно, потому что этимологія имени Ἄρτεμις остается все-таки спорною. Гораздо важнѣе то, что Артемида въ древнѣйшемъ представленіи грековъ, помимо другихъ функцій, имѣетъ также и функціи *врачебныя*: въ Иліадѣ (IV, 447 сл.) Латона и Артемида лѣчатъ раненаго Энея и лѣчатъ въ храмѣ Аполлона:

«Фебъ же, Энея похитивъ изъ толпищъ, его полагаетъ
«Въ собственномъ храмѣ своемъ, на вершинѣ святаго
Пергама.
«Тамъ Анхизиду и Лета и сребролюбивая Феба
«Сами, въ великомъ святилищѣ, мощь и красу возвращали»[1])
(переводъ Гнѣдича).

Если врачебныя функціи Артемиды, съ теченіемъ времени, пришли въ забвеніе, и Артемида не можетъ быть, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея культа, причисляема къ числу божествъ съ вполнѣ опредѣленными врачебными функціями, то отношеніе Артемиды къ половой жизни человѣка нашло себѣ яркое выраженіе въ томъ обстоятельствѣ, что она считалась постоянно божествомъ, покровительствующимъ *браку*, а въ частности богиней покровительницей женщинъ-*роженицъ*. На это указываютъ многія ея прозвища, сопоставленіе съ Илиѳіей—въ сущности ипостасью Артемиды и пр. (см. Wernicke, ук. ст. 1347).

Въ древности культъ Артемиды пользовался широкимъ распространеніемъ въ Византіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ: посвященный Артемидѣ византійскій мѣсяцъ Артемисіонъ, изображенія Артемиды на византійскихъ монетахъ императорскаго періода, нѣсколько святынь, посвященныхъ Артемидѣ въ различныхъ частяхъ города (см. Kubitschek у Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie, III, 1146). Уже Геродотъ (IV, 87) упоминаетъ о существованіи въ Византіи алтаря Ἀρτέμιδος Ὀρθωσίης. Прозвище Ὀρθωσία, по значенію, тожественно ὀρθία, а это послѣднее, по толкованію Артемидора (у Schol. Pind. Ol. III 54a = Schol. in Pind. I, p. 121 Drachmann), объясняется тѣмъ, что Артемида или ὀρθοῖ εἰς σωτηρίαν или ὀρθοῖ τοὺς γεννωμένους (ср. Schol. Pind. Ol. III 54b: ἤτοι τῇ ὀρθούσῃ τὰς γυναῖκας καὶ ὀρθωσία καλεῖται; ἤτοι τῇ ὀρθούσῃ τὰς γυναῖκας καὶ εἰς σωτηρίαν ἐκ τῶν τοκετῶν

1) Другія свидѣтельства о врачебныхъ функціяхъ Артемиды см. у Wernicke въ Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie, II, 1351.

ἀγούσῃ, также Etym. M. 631, 1. Schol. Plat. 633 b)[1]). Итакъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ Византіи, уже въ довольно раннее время, Артемида почиталась и какъ божество, имѣющее отношеніе къ акту рожденія человѣка, а слѣдовательно и къ половой его жизни. А въ расположенномъ недалеко отъ Византіи, на ѳракійскомъ берегу, городѣ Γάνος'ѣ, Артемида, несомнѣнно, почиталась, какъ цѣлительница важнѣйшаго органа половой жизни: А. И. Пападопуло-Керамевсъ упоминаетъ въ Ἑλλην. Φιλολ. Σύλλογος, IZ′ (1886), 101 сл. видѣнный имъ въ школѣ Γάνος'а рельефъ съ изображеніемъ «яичка и какого-то медицинскаго инструмента» и надписью: Ἀρτέμιδι Γανήᾳ; очевидно, этотъ рельефъ былъ посвященъ Артемидѣ кѣмъ-то, получившимъ исцѣленіе отъ той же болѣзни «близнецовъ», о которой постоянно почти говорятъ и чудеса св. Артемія.

Въ заключеніе позволю себѣ напомнить, что въ приписываемомъ св. Григорію словѣ «о томъ, како первое погани суще языцѣ кланялись идоломъ и требы имъ клали», по крайней мѣрѣ, въ той редакціи слова, которая представлена въ Паисіевомъ сборникѣ (Н. С. Тихонравовъ, Лѣтописи русской литературы и древности, IV (1862), 96 сл.), читается, между прочимъ: «извыкоша елени класти требы Артемиду и Артемидѣ, рекше роду и рожеництѣ»[2]). Что это за *Артемидъ*? Языческая древность о немъ ничего не знаетъ. И есть ли этотъ Артемидъ *исключительно* праздный домыселъ книжника?

С. Жебелевъ.

---

1) Schreiber у Roscher, Lex. d. Myth. I, 586 склоненъ толковать прозвище Ὀρθία въ приложеніи къ «phallischer Dienst» Артемиды. Можетъ быть, и въ этомъ предположеніи есть доля вѣроятности.

2) Ѳ. И. Буслаевъ, Истор. христоматія, Москва 1861, 540: замѣчалъ «Роду и Рожаницамъ дается здѣсь происхожденіе иноземное (греч. γένος καὶ γένεα). Артемида (т. е. Діана) переводится рожаницею, а Артемидъ (муж. ф. отъ Артемида)—родомъ».

Къ изученію древне-хорватской глаголицы.

Во главѣ памятниковъ древнѣйшей хорватской глаголицы можно поставить въ настоящее время извѣстные *Вѣнскіе Листки*, изданные и изслѣдованные Ягичемъ (Glagolitica. Wien 1890). Памятникъ этотъ въ палеографическомъ отношеніи стоящій очень близко къ древнѣйшимъ ц.-слав. памятникамъ обнаруживаетъ уже и точки соприкосновенія съ угловатой хорватской глаголицей, являя въ себѣ такимъ образомъ какъ-бы начальный періодъ развитія этой послѣдней.

Тѣ двѣ страницы, которыми листки были вклеены въ книгу, сохранились не въ особо хорошемъ видѣ: нѣкоторыя мѣста здѣсь неясны или совсѣмъ ихъ разобрать невозможно. Мнѣ кажется, что наиболѣе сохранившаяся изъ этихъ страницъ *Ав* можетъ быть прочитана нѣсколько иначе, чѣмъ то мы находимъ въ изданіи ак. Ягича. Привожу собственное чтеніе этой страницы и нѣкоторые комментаріи къ ней.

1. ес
2. ом истин
3. П А Ц
4. гда же на страш^тнѣмъ с
5. ищи: седетъ г҃ъ: съ: б҃
6. пл҃ма въ ер҃слмѣ· тоу бо ест
7. н҃ езикъ и б҃ езикома А

8. ᵀи свое на нѣхъ д ж
9. да начᵀнетъ гла҃ти г҃ъ к
10. нѣмъ езикомъ· о по пос
11. лоушасте заповѣди моѩ
12. самт бо бѣх посл л
13. ап҃ли и прр҃оки стого евѣл
14. голатъ к вамъ· самъ бѣ
15. оу васъ: почто не послоу
16. сᵀте заповѣди мо
17. дресели оунивъше предъ
18. а видите лъ слад

Къ 1 стр. послѣ ес виднѣется остатокъ еще буквы, но врядъ ли н; 2—трудно сказать, что за буква послѣ м—т или ъ, такъ какъ виднѣющаяся черта наверху принадлежитъ, повидимому, стертому письму, 3—передъ стин ясно и; 3—пац представляетъ собою сокращеніе изъ пропацнѣ, а послѣднее слово мнѣ удалось отмѣтить въ хорватскихъ служебникахъ; 4—и здѣсь и дальше мы ставили ъ, потому что *Вѣнск. л.* отмѣчаются исключительнымъ употребленіемъ этой буквы, а не ь; 6—совершенно ясно здѣсь бо ест; 11—своеобразный буквенный знакъ послѣ мо состоящій какъ бы изъ двухъ е—эє, при чемъ одно обращено въ обратную сторону, мы считаемъ отзвукомъ іѧ, подобную фигуру мы встрѣчаемъ въ такомъ значеніи въ нѣкоторыхъ древне-ц-сл. памятникахъ; видѣть здѣсь намѣренное обозначеніе (для краткости) двухъ е мы не соглашаемся, если же здѣсь (по смыслу *дополняемыхъ* строчекъ) мы и ожидали бы моее изъ моеіѧ, то мы можемъ предполагать и послѣднюю форму, причемъ е при перепискѣ было пропущено; 13—предъ ап҃ли виднѣется не то ни, не то си; ясно стого; 17—скорѣе предъ, а не прѣдъ.

Пергаменъ В. Л. шероховатый; происходитъ это оттого, что памятникъ палимпсестъ. Предыдущее письмо также глаголица, только не такая крупная. Разбирая этотъ первоначальный текстъ,

можно говорить лишь объ отдѣльныхъ буквахъ, но и по нѣкоторымъ изъ нихъ опредѣляется уже характеръ уничтоженнаго письма.

На *Аа* особенно хорошо стерто первоначальное письмо. Здѣсь только въ двухъ случаяхъ можно разобрать (и то въ *оригиналѣ*, въ фототипіи же не видно) нъї (подъ ари 2 стр.) и м (надъ млимъ 7 стр.). Кружочки въ ъ близки къ слитію, м—обыкновенное.

На *Ав* замѣчаемъ больше слѣдовъ первоначальнаго текста. И на фототипіи ясно выступаютъ остатки стертыхъ строчекъ. Надъ 14 стр., въ концѣ, мы видимъ начертанія ъ, при чемъ кружки раздѣляются; здѣсь же выступаютъ к и, повидимому, ѣ; если дѣйствительно это ѣ, то начертаніе является нѣсколько своеобразнымъ: первая половина дѣлается угловатой, сравнительно съ тѣмъ, что находимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ, оставаясь въ то же время, какъ въ этихъ послѣднихъ, меньше второй; подъ 16 стр. (заповѣди) видно ж по формѣ такое же, какъ въ древ.-ц.-сл. пам. Надъ 2 стр. въ оригиналѣ болѣе ясно выступаютъ слѣды какъ бы ъ, ь, м, ясно видно (и на фототипіи) д; въ другихъ мѣстахъ также можно видѣть признаки извѣстныхъ буквъ, такъ подъ 6 стр.—си, надъ 10—видно ясно а, причемъ оно больше другихъ буквъ.

На *Ва* особенно ясно выступаютъ буквы на краю. Здѣсь мы видимъ три начертанія большого в, написаннаго скошеннымъ почеркомъ; около 2 стр. в҃ом; около расписан. буквы большое н и еще с (святой?), ри (о виднѣющихся передъ и послѣ ри буквахъ трудно сказать что-либо съ опредѣленностью); послѣднія буквы, очевидно, входили въ составъ словъ, относившихся къ рисунку. Между строкъ особенно ясны начертанія: надъ 2 — же, подъ 8 — т, 10 — с, 12 — с, 13 — г, 14 — о, 15 — ѣ. Въ концѣ страницы особенно ясно выступаетъ общій обликъ первоначальнаго текста; здѣсь можно отмѣтить сіѧ, при чемъ ѩ не вполнѣ сохранилось, ѣ, м; около большого в можно видѣть маленькія

ѧ, ѣ (при чемъ въ ѣ ясно отличіе отъ ъ при вертикальной черточкѣ полукружокъ).

На *Bв* гораздо менѣе видны слѣды прежняго письма. Видны начертанія ѧ, с. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого листа пергаменъ до того тонокъ, что видны буквы другой страницы, особенно разрисованныя.

Слѣды уничтоженнаго письма показываютъ, что по характеру своему послѣднее было близко къ тому, которое наблюдаемъ въ древнѣйшихъ ц.-сл. памятникахъ глаголической письменности. Такимъ образомъ трудно думать, что въ этомъ текстѣ могло быть непосредственное звено между древнѣйшими памятниками и текстомъ В. Л. Есть, впрочемъ, одна любопытная деталь въ стертомъ текстѣ, это на *Aв* (надъ 14 стр.) начертаніе нѣсколько похожее на значекъ В. Л., имѣющее только форму угольника. Если этотъ угольникъ употребленъ въ значеніи апострофа, тогда изъ этой фигуры легко вывести нѣсколько загадочное по своему происхожденію начертаніе значка В. Л. Сравнивать послѣднее начертаніе съ острымъ греческимъ придыханіемъ ни въ какомъ отношеніи не приходится; можетъ быть, это измѣненіе апострофа, при чемъ посредствующей формой и является находящаяся въ первоначальномъ письмѣ В. Л.

Въ В. Л. мы видимъ употребленіе значка т и букв. ъ; что между этимъ значкомъ и буквой ъ не было разницы по *существу* указываютъ такіе примѣры, какъ м҃п, самт и др. Послѣдній примѣръ кажется намъ очень характернымъ, потому что значекъ поставленъ не наверху, какъ въ другихъ случаяхъ, а является своего рода самостоятельной буквой. Намъ и кажется, что вся разница между т и ъ заключалась въ томъ, ъ ставился главнымъ образомъ на концѣ. Собственно какъ апострофъ т долженъ былъ бы съ теченіемъ времени исчезнуть за ненужностью, но это напечатаніе въ виду удобства для написанія удерживается въ качествѣ также ненужнаго, но сильно утвердившагося въ концѣ словъ ъ, которое чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе исчезаетъ, а вмѣсто него и является отвѣсная черта позднѣй-

шихъ хорватскихъ памятниковъ, явившаяся дальнѣйшимъ развитіемъ т. Преобладаніе этого знака не мѣшало появленію также апострофа, потому что первоначальное значеніе т было забыто и т обратилось уже въ букву.

Вотъ нѣкоторыя изъ наблюденій, вызванныя непосредственнымъ изученіемъ В. Л., теперь же перейду къ другимъ любопытнымъ памятникамъ, являющимся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ переходными отъ В. Л. къ хорватской глаголицѣ XIV—XV ст.

Въ собраніи глаголич. рукоп. отрывковъ Берчича, находящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ, имѣется небольшой отрывокъ, по языку смѣшанный — славянскій и греческій, при чемъ нѣкоторыя греческія слова трудно понять, вѣроятно, за искаженной ихъ передачей; по содержанію хвалебная церковная пѣснь.

1. инъ грчки а други слов
2. ски велнем гласом' сию пѣс
3. петонъ ставронъ просит
4. анъ· пароломитонъ кирион'
5. съ доксисъ· Єгда на крж
6. чистивн пригвоздише гā
7. ви· Єво апросатусти им
8. ъ идиклисасъ· иентини па
9. гисанъ· Рече к ним' что

Первыя двѣ строчки написаны сравнительно большими буквами и наведены были киноварью, какъ и начальныя буквы далѣе. Типъ буквъ начертаній таковъ же, какъ и въ хорватской глаголицѣ XIV ст., но только нѣтъ упрощеннаго глухого въ видѣ отвѣсной черты, употребляется ъ и апострофъ; ъ- имѣетъ кружокъ, сблизившійся съ основной фигурой. До чего привыкли ставить ъ на концѣ, показываетъ транскрипція греческихъ словъ. Такимъ образомъ здѣсь мы не видимъ знака, подобнаго т В. Л. Близкій къ послѣднему мы находимъ дальше

1. Азъ ви извѣсъ от [1]) земле еюп
2. Потопивт параона и вое
3. в мори чръмнѣемт· а ви ме пр
4. сте архиерѣом҆· Люди мои
5. створихъ вамъ· ѾВѢТЪ
6. Агиосъ искиросъ
7. Азъ прѣд [1]) вами отвр҆зъ море
8. отвръзосте коптем҆ ребра
9. ѾВѢТЪ· Ст҃и крѣпки

Здѣсь мы видимъ ъ довольно похожее на ъ В. Л., основная фигура этой буквы отличается, впрочемъ, угловатостью, но горизонт. линія, заканчивающаяся неправильнымъ четыреугольникомъ, не сливается съ этой фигурой. Такимъ образомъ начертаніе здѣсь ъ — *непосредственное* измѣненіе ъ В. Л. Затѣмъ аналогію можно продолжить. Мы видимъ здѣсь употребленіе знака, очень похожаго на т В. Л., при чемъ этотъ знакъ, сближаясь съ подобнымъ знакомъ позднѣйшихъ хорватскихъ памятниковъ, является какъ бы посредствующимъ звеномъ. Состоитъ онъ изъ вертикальной черты, при чемъ черта эта *менѣе* по размѣру другихъ буквъ, наверху ея небольшая горизонтальная черта. Подобную какъ бы недописанную фигуру мы наблюдаемъ и въ дальнѣйшихъ хорватскихъ памятникахъ.

Я остановлюсь еще на одномъ памятникѣ, относящемся, по моему мнѣнію, скорѣе всего къ концу XIII ст., находящемся какъ бы въ предверьи образованія типа глаголицы XIV—XV в. Ранѣе приведенныя отрывки Берчича я считаю относящимися, по всей вѣроятности, тоже къ XIII в.—началу и серединѣ его. Въ одномъ глаголическомъ служебникѣ Вѣнской Придв. библіот. (№ 4), неправильно отнесенномъ къ XV ст., на самомъ дѣлѣ относящемся къ XIV, есть добавочный листъ (232-й), не имѣю-

---

1) Пишутся вмѣстѣ, потому безъ ъ; нѣкот. слова, напис. вмѣстѣ, раздѣлены здѣсь.

щій отношенія къ памятнику. Этотъ листъ можетъ служить образчикомъ дальнѣйшаго развитія палеографич. пріемовъ послѣ привед. памятниковъ. Онъ, наряду съ 2-мя добавочными листами къ Служебнику Новака (рук. Вѣн. П. б. № 8), составляетъ какъ бы переходный мостъ къ ранѣе упомян. служебнику и служ. Новака — памятникомъ XIV в. Затѣмъ уже можно поставить такіе памятники, какъ глагол. часословъ (той же библіот., № 3) 1396 г., который въ палеограф. отношеніи является дальнѣйшимъ развитіемъ указанныхъ служебниковъ, и можетъ быть отнесенъ вполнѣ къ памятникамъ уже XV ст.

По содержанію 232 л. отрывокъ славянскаго гимнологія, съ интересными терминами, указывающими на тѣсную зависимость отъ латинскаго оригинала. Написанъ на блестящемъ грубомъ пергаменѣ, въ 2 столбца, большими не особенно красивыми буквами. Красокъ нѣтъ. Начальныя буквы отличаются величиной и только нѣкоторыя съ двойными чертами. Одна буква съ орнаментомъ. Слова пишутся раздѣльно и только немногія соединяются. Въ лигатурахъ обыкновенно 2 буквы, Замѣстителемъ ъ выступаетъ преимущественно упрощенный знакъ въ видѣ вертикальной черты.

Подаждъ то нам· Б҃р· Гласъ впиющаго в поустини· Готоваите поутъ гн҃ъ прави творѣте ст҃зи его Ан҃ Дх҃ъ ст҃и снидетъ на те мр҃ие· не бои се имѣти въчнеши в҆чрѣвѣ сн҃ъ бж҃и алѣ ПС БЛ҃НЪ Г҃Ъ Б҃Ъ И О҃РЦ Взбоуди просимъ г҃и силоу твою· и приди да отъ належещихъ грѣхъ нш҃ихъ· пагоубъ тобою оутегли бихомъ· защищающимъ избавитисе· и тобою избавлающимъ сп҃стисе. иже живеши и црствоуеши съ бг҃омъ о҃цемъ въ единени дх҃а ст҃аго въ все вк҃и вк҃ъ· Ам҃нъ· Къ ПРѢМѢ ЇМНА· Юже свѣта възъш҆дшоу звѣздоу бг҃а просѣмъ покорни да въ дънънихъ дѣѣнихъ схранил би ни о҃ пакостоующихъ· Єзикъ обоуздае оумлъчитъ да не пъръ страхъ възванитъ видѣние питѣе· · · · · покриетъ да ешоути не почрѣпаетъ· Боудѣте чиста срд҃чна внутрн҆на о҃стоупи и забитъ тѣм· сатри гр҆достъ питиѣ· Ѣдш же скоупостъ· Да егда дн҃ъ пристоупитъ нощъю

же жрѣби ѿведетъ мира· Правдр'жение самомоу поемъ сл҃воу Бо҃у оц҃оу боуди сл҃ва его же единомоу сн҃оу съ дх҃омъ параклитомъ· и нн҃е и всъгда· и въ вк҃и вѣкомъ А҃мн҃ъ Бр҃ Спсителa пожи П҃С Б҃е б҃е мои въи'ми П҃С Г҃ъ пасетъ ме П҃С Гн҃а естъ П҃с к тебѣ г҃и взв П҃С Соуди ми г҃и П҃С Б҃е въ име твое П҃С Г҃ъ вц҃рисе П҃С Бж҃ии непороч П҃с Вздаждъ П҃с Иже колиждо А҃Н Спасителa пожидаемъ г҃а нашего сп҃са х҃а иже прѣобразитъ тѣло смѣрениѣ нашего единако съобразно тѣла свѣтлости своего· К҃П Ги пм҃лоуи насъ бо пожидахомъ боуди мишца наша въ ютръ· ицѣли нш҃а въ врѣме печъли· Р҃Ѣ Х҃е сп҃е б҃а жива пмлоуи насъ Бр҃ Иже сѣдеши одесноую оц҃а. Сл҃ва·

Изъ дальнѣйшаго отмѣчу: С Злаблоудихъ ѣко овче погибшее. Взищи раба твоего ѣко заповѣди твоихъ незабихъ ЧТИ ВѢроую· Д҃К С Азъ к тебѣ взапихъ· · · ·

Въ приведенномъ текстѣ обращаютъ на себя вниманіе особенно термины: бр҃—очевидно *бершъ* изъ *вершъ*—versus. Въ служебникѣ Новака (edicio princeps) мы встрѣчаемъ *верши*, *вѣрши*. Ор҃ц очевидно oratium; рѣ = слову *рѣшпони* (отвѣты), встрѣчающіеся въ Часословѣ 1396 г. (л. 203); прѣмѣ їмна несомнѣнно передача латинск., при чемъ въ прѣмѣ ѣ стоитъ вм. и; ан (антифонъ), алѣ (аллѣлоуиѣ) заимствованы также черезъ латинск. текстъ. К҃п—пока для меня не ясный терминъ; я нашелъ лишь ему аналогичное к҃пли въ упомянутомъ часословѣ (л. 161). с҃—*стихъ*. Интересно, что термины в҃ и с҃ мы встрѣчаемъ въ Синайскомъ Требникѣ.

Н. Грунскій.

Происхожденіе десятисложнаго стиха южныхъ и западныхъ Славянъ.

Десятисложный стихъ у Славянъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ десятисложнымъ, который часто является у Французовъ еще съ X в. на смѣну одиннадцатисложнаго въ качествѣ лишь случайной его разновидности: несмотря на вольное, по большей части, такъ называемое слоговое (силлабическое) построеніе такихъ стиховъ у Славянъ и Французовъ, при которомъ ихъ ритмическій складъ, т. е. стопный составъ, сказывающійся въ пѣніи, можно угадать, помимо помощи отъ напѣва, только изъ конца стиховъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, у Французовъ и Поляковъ ритмическое удареніе обязательно совпадаетъ съ разговорнымъ, или же путемъ извлеченія господствующаго строя изъ большинства наиболѣе ровно текущихъ стиховъ, не трудно все-таки придти къ тому выводу, что французскій десятисложный стихъ построенъ по образцу двусложнаго восходящаго (ямбическаго) ритма, а славянскій — по образцу двусложнаго нисходящаго (трохаическаго), или, если мы прибѣгнемъ къ изображенію этого стиха метрическими знаками, принимая въ расчетъ только ритмическое значеніе отдѣльныхъ слоговъ при обыкновенномъ чтеніи (не при пѣніи), у Французовъ онъ представляется въ видѣ

⏑⏑⏑ ⏑⏑⏑⏑⏑ ,

а у Славянъ —

⏑⏑⏑ ⏑⏑⏑⏑⏑.

Всего болѣе распространенъ этотъ размѣръ — десете́рац — у Сербо-Хорватовъ, но, на сколько извѣстно, лишь въ позднѣйшія времена, такъ какъ въ XV вѣкѣ мы его не находимъ ни у Дубровчанъ, ни у Хорватовъ въ тѣсномъ смыслѣ этого названія, а въ XVI — только у Гекторовича въ Ribanje, именно, что̀, можетъ быть не лишено значенія для вопроса о происхожденіи этого размѣра, въ застольной пѣснѣ (počašnica), ст. 233—235:

Majka mu je lipo ime dila,
svitla sunca gledajući,
Ljuba mu je zlatom venčac vila,
uz konjića poticući.
Lipo ti je, brajo, pogledati

и т. д. въ осмерцахъ, съ которыми десетерцы вообще чередуются въ этомъ мѣстѣ (ср. Н. Петровскій, О сочиненіяхъ Петра Гекторовича стр. 158 слѣд., примѣч. 4). Ничего общаго съ тѣмъ, что̀ принято называть десетерцемъ, не имѣютъ десятисложные стихи Динка Ранины 361, 5 и 8 и 362, 2 и 11, обусловленные исключительно строемъ этихъ двухъ стихотвореній изъ то уменьшающихся, то увеличивающихся на одинъ слогъ строчекъ и предполагающіе при пѣніи совсѣмъ иной ритмъ:

Da mogu kušat, kako se prima.
Sve što joj bolje život moj dvori.
Dav se vili moj u dvor za slugu.
Tugome jadnom zla boles moja,

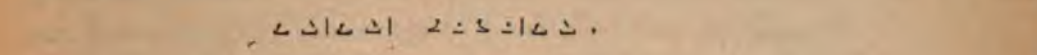
о чемъ ниже. Впрочемъ возможно, что десятисложнаго стиха въ то время не было именно только у Дубровчанъ и у Хорватовъ, а что̀ касается собственно Сербовъ, то отъ нихъ мы не имѣемъ такихъ старыхъ стихотворныхъ памятниковъ. Нынѣшняя распространенность этого размѣра среди всего сербохорватскаго племени и, отъ него, среди Словѣнцевъ, преимущественно шти-

рійскихъ, подвергшихся непосредственному вліянію Хорватовъ, наводитъ на мысль, что онъ уже съ давнихъ поръ былъ въ употребленіи у Сербо-Хорватовъ, хотя, можетъ быть, не повсемѣстно или, по крайней мѣрѣ, лишь для пѣсенъ опредѣленнаго рода, случайно не дошедшихъ до насъ, а впослѣдствіи, приблизительно въ XVII вѣкѣ, началъ мало по малу, вмѣстѣ съ соотвѣтствующими напѣвами, расширять область своего примѣненія, захватывая все новыя мѣстности и все новые отдѣлы народнаго творчества. Есть предположеніе, что десятисложный стихъ проникъ въ лирическія пѣсни и еще болѣе — въ эпическія (откуда онъ также «jȕнāчкī») изъ обрядныхъ. Это допустимо, но едва-ли можетъ быть доказано неопровержимыми данными, да и не особенно нужно, такъ какъ о стихотворныхъ размѣрахъ собственно сербскихъ мы знаемъ довольно мало чуть-ли не до XVIII в. и даже до XIX в., когда «десетерац» уже, можно сказать, заполонилъ сербо-хорватскую народную поэзію вообще. Во всякомъ случаѣ, какъ указываетъ г. Петровскій тамъ-же, уже въ XVIII в. у Качича-Міочича этимъ стихомъ сложены не только собранныя или передѣланныя имъ народныя пѣсни, но и Razgovor, и тотъ-же размѣръ употребленъ монахомъ Лаврентіемъ (F. Lovro iz Ljubuška) въ Pisna od pakla, изданной въ 1727 г. Какъ-бы то ни-было, нельзя считать его какимъ-то новымъ пришельцемъ чисто мѣстнаго происхожденія, не стоящимъ ни въ какой исторической связи съ общими сербо-хорватскими размѣрами. Сербо-хорватскій «десетерац» по напѣву старинныхъ народныхъ пѣсенъ построенъ на слѣдующемъ ритмѣ:

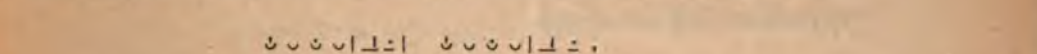
⊥ ⏑|⊥ ⏑| ⏑ ⏑ ⏑ ⏑|⊥ ⏑ ,

т. е. состоитъ изъ двухъ раздѣленныхъ постояннымъ сѣченіемъ (цезурой) частей, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ двѣ стопы (два такта) въ $^2/_4$, а вторая — также двѣ стопы того-же размѣра, но въ первой стопѣ четверти раздѣлены на осьмыя. Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ не столько о дѣйствительной длительности каждаго распѣваемаго слога, сколько

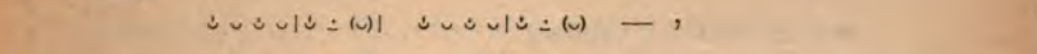
о взаимномъ отношеніи этихъ слоговъ по длительности, почему возможна, напр., и такая размѣтка:



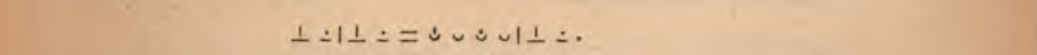
т. е. полунотами вмѣсто четвертей и четвертями вмѣсто осьмыхъ; но ради простоты въ употребленіи метрическихъ знаковъ остановимся на первой размѣткѣ, которую условно примѣнимъ по возможности и къ другимъ размѣрамъ. Во всякомъ случаѣ вторая часть десятисложнаго стиха совершенно тождественна съ каждой изъ двухъ частей двѣнадцатисложнаго (дванаесте́рца)—



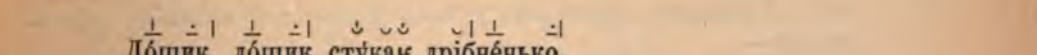
любимаго размѣра Дубровчанъ въ XV — XVII в. и до сихъ поръ еще употребительнаго какъ у Сербовъ, такъ и у Хорватовъ, откуда онъ зашелъ и къ Словѣнцамъ, и вполнѣ совпадающаго съ польскимъ краковякомъ — кромѣ синкопы въ послѣднемъ:

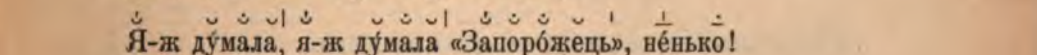


широко распространеннымъ также у Чеховъ и Словаковъ и отчасти у Лужичанъ. Но и первая часть десятисложнаго стиха можетъ восходить къ тому же первообразу, такъ какъ она по длительности равняется первой-же его части (которая впрочемъ не отличается отъ второй):



Какъ легко могло совершиться такое стяженіе, показываетъ малорусская пѣсня


Дóщик, дóщик стýкає дрібнéнько,


Я-ж дýмала, я-ж дýмала «Запорóжець», нéнько!

Оба эти стиха сложены совсѣмъ по-сербски: первый есть безусловно правильный десете́рац, второй — четирнаесте́рац (по Суботичу—до̀долскӣ + кра̀личкӣ), которымъ сложены почти всѣ хороводныя пѣсни (од кола), сохраненныя, передѣланныя или сочиненныя дубровницкими поэтами XV—XVII в. *). И оба эти стиха ритмически между собою равны, какъ и вторая часть каждаго, равная половинѣ двѣнадцатисложнаго (до̏долскōга ве̏ħēга), равна первой части каждаго изъ нихъ. Сознательность или, такъ сказать, свѣжесть стяженія первой части въ малорусскомъ примѣрѣ выдаетъ себя сѣченіемъ между стопами, которое свойственно не четырехсложному члену, а осьмисложному, какъ дальше въ той же пѣснѣ

⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑|| ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑| ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑| ⊥ ⊥̇|
Коли́-б зна́ла, коли́-б зна́ла, звідкіль виглядáти

и помимо повторенія:

⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑|| ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑| ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑| ⊥ ⊥̇
Ой, хма́риться, тума́ниться, до́щик накрапа́ѥ

и т. п., какъ и у Сербовъ:

⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑|| ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑| ⏑ ⏑́ ⏑| ⊥ ⊥̇
Ше́тō сам се го̏ре, до̏ле по̀ зелѐнōј ба̑шчи,
⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ || ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ | ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ ⊥ ⊥̇
Тра́жио сам, ко̀јӯ во̏лӣм, хо̀ħу ли је на́ħи.

То-же правило соблюдается по большей части и въ десятисложномъ стихѣ, напр.:

---

*) Но у Ганнибала Луцича 15:

Не̏харну слу̑жӣм го̏споју, за̀ мани да̑нке тра̏ħу,
За ви̑рнӯ слу̀жбу јер мо̀ју не̑ħē ми да̏ти пла́ħу,

и т. д., размѣромъ, извѣстнымъ у Византійцевъ подъ названіемъ политическаго —

⏑ | ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ | ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ | ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ | ⊥ ⊥̇ —

и встрѣчающимся также у Итальянцевъ въ XIII в.

Тѐжко до̀ьи, гди се во̀да сли̏ва̄,
Тѐжко мо̀мку, ка̀д мо̀лӣ ђѐво̄јку,
О̄н је мо̀лӣ, о̀на се ђаво̀лӣ,
О̄н је сле̑ће̄, а о̀на га не̑ће̄,

но не всегда, потому что стяженіе въ первой половинѣ установилось давно, а четыре слога сами по себѣ легко могутъ обойтись безъ дѣленія пополамъ. То-же дѣленіе и въ малорусской пѣснѣ «Ой, піду́ я до млина́», гдѣ есть такіе стихи (по напѣву):

Ме́ле, ме́ле, на кіш насипа́є
И на ме́не пи́льно погляда́є,

изъ которыхъ во второмъ оно, впрочемъ, уже нарушено, какъ въ томъ-же стихѣ дальнѣйшей пары, стянутомъ еще болѣе:

Ме́ле, ме́ле, ретету́є,
Обе́рнется й поцілу́є.

Любопытна судьба этого стиха у Болгаръ, къ которымъ онъ перешелъ, вѣроятно, отъ Сербовъ, а не на оборотъ. Есть болгарскія пѣсни, сложенныя сплошь этимъ стихомъ, но онѣ производятъ впечатлѣніе чуть не перевода съ сербскаго, напр. у Дозона 38:

Дѣво́йка је смѝл по по́ле бра́ла,
Берешко́м је в го́ри замърна́ла.
Намѣри́ла петстоти́н хайду́ци

и т. д., но чаще десятисложные стихи являются у Болгаръ въ пестрой смѣси съ другими стихами, однако, по напѣву, того-же ритма и числа стопъ, напр. у Дозона 42, гдѣ есть между прочимъ и такія сочетанія:

Разсѣ́рди ся Моско́вска кралѝца,
Яхня́ко́ня с коса́ расплете́на,

Бо́й ми ся ѥ би́ла три дни́ и три но́щи
Че ми погу́била седемдесе́т паши́.

Особенно поучительно у Шапкарева 1199:

Зажени́ла се чельу́шка девойкьа,
Покани́ла три́ста вра́пци сфатци;
Пупу́нкьо ку́м је кани́ла;
Ста́ра бу'ели́на, старо́йкьа кани́ла,
Па 'вана́ли през го́ра зеле́на,

если такая ритмическая размѣтка вѣрна, такъ какъ при этомъ условіи одна и та-же пѣсня содержала бы въ себѣ и древній складъ, сходный съ русскимъ, и новый, слоговой, который въ послѣднемъ стихѣ, допускающемъ однако чтеніе и по-старинному— ⏑́ ⏑| –́ ⏑́ ⏑ –́ ⏑́ ⏑| ⏑́ –́ —, предположенъ только потому, что ему предшествуетъ несомнѣнно слоговой стихъ. Если бы подтвердилось, что эта пѣсня поется именно такъ, она доказывала-бы лучше цѣлыхъ ученыхъ сочиненій то, что между древнѣйшимъ славянскимъ стихосложеніемъ и новѣйшимъ, не смотря на всѣ слѣды постороннихъ вліяній, все-таки нѣтъ пропасти, что wieść gminna, какъ говоритъ Мицкевичъ, служитъ и въ этомъ отношеніи

arką przymierza

Między dawnemi i młodszemi laty,

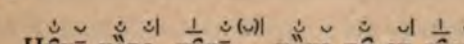
и въ безпорядочныхъ слоговыхъ стихахъ, похожихъ на стихи только при помощи напѣва, неизмѣнно

Žije, žije duch slovanský.

Живетъ и память о родствѣ стараго двѣнадцатисложнаго стиха съ позднѣйшимъ десятисложнымъ, такъ какъ Сербы постоянно превращаютъ одинъ въ другой, распѣвая то

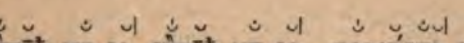
Цр̑на̄ го̏ро, пу̏на ти̑ си ла̑да

(Kuhač 51), то



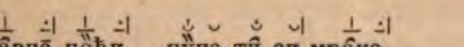
Цр̑на̄ го̏ро, цр̑на̄, пу̏на ти̑ си ла̑да,

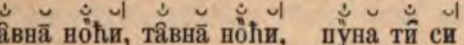
иногда разлагаютъ первую половину вполнѣ посредствомъ повторенія, напр. (К. 132):



Си̏но̄ћ ми се, си̏но̄ћ ми се разср́дио дра̑гӣ,

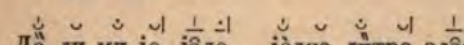
очень часто въ предѣлахъ одной пѣсни, какъ

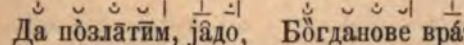




Та̑вна̄ но̏ћи, пу̏на ти̑ си мра̑ка,
Та̑вна̄ но̏ћи, та̑вна̄ но̏ћи, пу̏на ти̑ си мра̑ка *),

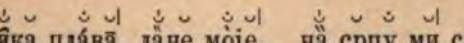
а иногда достигаютъ того-же вставкой словъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ смыслу рѣчи,—ја̑до (см. Вуковъ словарь), ср̏це мо̀је, ла̏не мо̀је, напр.:





Да̏ ли ми је, ја̑до, јѐдна ли̏тра зла̑та,
Да по̀зла̄тӣм, ја̑до, Бо̏гданове вра́та!

или (К. 10 ср. 86):

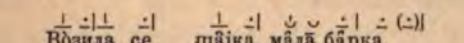


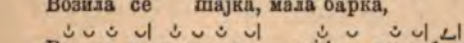
Ди̑ка пла́ва̄, ла̏не мо̀је, на̏ срцу ми спа̑ва̄.

Таковы, съ одной стороны, слѣды памяти о связи десятисложнаго стиха съ двѣнадцатисложнымъ и черезъ него — съ

---

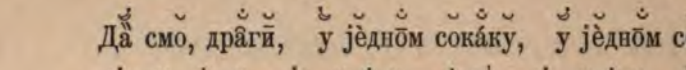
*) Путемъ такого повторенія иногда возстановляется первоначальный ритмъ первой половины, нарушенный въ первомъ стихѣ напѣвомъ, напр.:



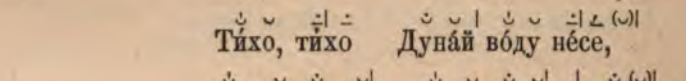


Во̀зила се ша̑јка, ма̑ла̄ ба̑рка,
Возила се, возила се ша̀јка, мала барка.

четырнадцатисложнымъ; но, съ другой стороны, при долгомъ и частомъ употребленіи десятисложнаго стиха нечего удивляться тому, что въ сознаніи нѣкоторыхъ пѣвцевъ голое число слоговъ наконецъ возобладало надъ ритмической истинной длительностью каждаго изъ нихъ и потому одно принималось иногда въ расчетъ въ новыхъ или измѣненныхъ напѣвахъ, переносимыхъ на этотъ стихъ, напр.



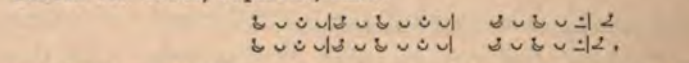
Въ этой письменной передачѣ ритма стихъ — не считая повторенія — раздѣленъ пополамъ на основаніи сѣченія, а не напѣва, въ которомъ оба полустишія составляютъ одно предложеніе, однако сѣченіе не только вездѣ соблюдено, но и такъ живо чувствовалось творцомъ напѣва, что онъ повторилъ не больше и не меньше слоговъ, чѣмъ сколько ихъ содержится послѣ четвертаго, обязательно совпадающаго съ концемъ слова. Еще понятнѣе забвеніе подлиннаго ритма въ десятисложномъ стихѣ у Малороссовъ, которые вообще употребляютъ его рѣдко, напр.



гдѣ второй стихъ, несмотря на сѣченіе въ словахъ, по напѣву слитъ въ одно предложеніе; но замѣчательны послѣдніе стихи этой пѣсни:

---

*) Такъ у Кухача 214; но тактъ $\frac{10}{8}$ или $\frac{5}{4}$ не даромъ былъ неизвѣстенъ древнимъ Грекамъ, хотя они признавали $\frac{5}{8}$: тактъ $\frac{5}{4}$, не поддающійся правильной ритмической размѣткѣ, есть обыкновенно $\frac{3}{4}$ (⏑ –) + $\frac{3}{4}$ (– ⏑ –). Поется эта пѣсня, вѣроятно, такъ:



можетъ быть, съ задержкой (ферматой) въ концѣ второго стиха.

Пливи́, ко́со, ти́м Дуна́ѥм про́сто,
Зада́й ту́гу зеле́ному лу́гу,
Зада́й жа́лю зеле́ному га́ю

съ риѳмой въ обѣихъ половинахъ, какъ часто у Сербовъ:

О̏чи пи̏јӯ, у тра́ву се кри̏јӯ.
О̏мах по̂ђе, у та̀збину до̂ђе.
Ди̂вно збо̀рē, а ди̂вно ме дво́рē

и т. п., съ чѣмъ поучительно сравнить риѳму въ двѣнадцатисложномъ стихѣ, напр. у Шишка Менчетича (1457—1507 г.):

О сла̏ва од го̏спōј, а̂нгельска̄ ли́пости,
Ка̂ но̏сӣш ва̏с о̀пōј љу̀венē кри̏пости!
О сла̏ва и хва́ла, ко̀јā с' гла̂с и пра̂вӯ
Племенштину да́ла на̏шему на́раву!

и т. д., а въ старинной чешской пѣснѣ Bůh naš všemohúcí даже такъ:

Ležal tři dni v hrobě, dal proklati sobě
Rucě, nozě obě na spasenie tobě,

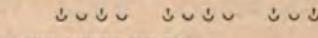
впрочемъ такъ-же случайно, гдѣ придется, какъ и въ десятисложномъ стихѣ сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Встрѣчается этотъ стихъ и у Поляковъ, но, хотя съ остановкой послѣ четвертаго слога, кажется, уже безъ признаковъ стяженія въ первой части и только въ соединеніи съ равнымъ ему въ этомъ видѣ стянутымъ стихомъ:

Kiedy ja szedł od swojéj dziewczyny, miesiąc świécił wysoko.

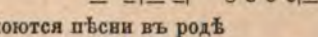
Итакъ десятисложный стихъ встрѣчается у Сербо-Хорватовъ, у Словѣнцевъ, у Болгаръ, у Малоруссовъ и у Поляковъ. Наиболѣе онъ распространился среди Сербо-Хорватовъ, но не вездѣ одинаково и одновременно: едва-ли было бы ошибкой предполо-

жить, что всего употребительнѣе онъ у Сербовъ Балканскаго полуострова съ Черногорцами включительно. Выше мы видѣли, что и отсутствіе этого размѣра у старыхъ Дубровчанъ и Хорватовъ, будучи сопоставлено съ появленіемъ его въ тѣ времена, къ которымъ относятся старѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ балканско-сербскихъ пѣсенныхъ памятниковъ, свидѣтельствуетъ, по видимому, также о происхожденіи этого размѣра гдѣ-то ближе къ юго-восточному предѣлу сербо-хорватской области. Отсюда онъ могъ съ одинаковой легкостью распространиться какъ на западъ и сѣверо-западъ, къ Хорватамъ и далѣе—къ Словѣнцамъ, такъ и на югъ и юго-востокъ, къ Болгарамъ. Естественно, что въ первомъ направленіи онъ долженъ былъ встрѣтить болѣе воспріимчивую почву, чѣмъ во второмъ, гдѣ онъ попалъ къ племени, правда, близкому по языку къ его создателямъ, но все-таки чужому и притомъ уже находившемуся подъ иными вліяніями. Но, если десятисложный стихъ выработался изъ двѣнадцатисложнаго въ особый, самостоятельный размѣръ именно у балканскихъ Сербовъ, трудно объяснить его появленіе у Малорусовъ и Поляковъ переносомъ изъ этого источника. Къ тому-же здѣсь онъ даже въ качествѣ случайнаго видоизмѣненія двѣнадцатисложнаго стиха попадается еще рѣже, чѣмъ у Болгаръ. Въ такомъ объясненіи и нѣтъ необходимости: онъ могъ возникнуть у того или другого изъ этихъ племенъ изъ того-же двѣнадцатисложнаго стиха помимо всякой посторонней помощи, какъ онъ возникъ и у Шведовъ, можетъ быть, изъ старинной скандинавской строфы Ljódaháttr *). Впрочемъ только при бли-

*) Эта строфа состоитъ изъ трехъ стиховъ, изъ которыхъ два первые—о двухъ удареніяхъ, а третій о трехъ,—т. е., въ стопномъ видѣ,



откуда, при пѣніи, уже недалеко до



какъ, вѣроятно, поются пѣсни въ родѣ

Jag kan intet dansa ryska-polska

и, по крайней мѣрѣ, могли бы исполняться стихотворенія Рунеберга, написанныя этимъ размѣромъ.

жайшемъ знакомствѣ съ исторіей сношеній между славянскими народами можно несомнѣнно и безповоротно разрѣшить вопросъ о зависимости малорусскаго и польскаго десятисложнаго стиха отъ сербскаго или объ ихъ исконной связи, допущенію которой нисколько не мѣшаетъ позднее появленіе этого размѣра, такъ какъ вообще чуть не все, что относится къ пѣснямъ новыхъ народовъ, извѣстно намъ изъ временъ, болѣе или менѣе позднихъ. Предположеніе исконной связи кажется въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что двѣнадцатисложный стихъ, изъ котораго, какъ мы уже видѣли, стянулся десятисложный, есть, какъ было также замѣчено выше, достояніе Славянъ и южныхъ и западныхъ, что уже безспорно указываетъ на общность происхожденія этого размѣра или на его передачу южными Славянами западнымъ или наоборотъ. На этотъ разъ возможность непосредственной передачи очевидна, такъ какъ всѣ тѣ славянскія племена, которыя пользуются имъ, непосредственно соприкасаются или соприкасались другъ съ другомъ: Болгаре — Сербо-Хорваты со Словѣнцами — Чехо-Словаки — Поляки съ Лужичанами — Малорусы. Самостоятельно, въ видѣ особаго размѣра, которымъ слагаются цѣлыя пѣсни и стихотворенія, двѣнадцатисложный стихъ встрѣчается, съ одной стороны, у Сербо-Хорватовъ и Словѣнцевъ, съ другой — у Чехо-словаковъ и у Поляковъ. Который же изъ этихъ двухъ концовъ славянскаго міра слѣдуетъ признать мѣстомъ происхожденія этого размѣра или, если онъ, хотя-бы лишь въ основѣ, возникъ еще прежде распаденія общеславянскаго племени на отдѣльныя племена, мѣстомъ его разработки до степени опредѣленнаго, неизмѣннаго стиха, едва-ли мыслимой въ пору славянскаго единства? Извѣстенъ онъ намъ и тамъ и здѣсь приблизительно съ одного и того-же времени — съ XV в. Что въ Дубровникѣ онъ былъ употребителенъ раньше XV в., можно заключить изъ его широкаго распространенія въ тамошней письменности того-же XV в., куда онъ могъ проникнуть только изъ народной пѣсни, такъ какъ у Итальянцевъ, которымъ дубровницкіе поэты подражали, нѣтъ ничего похожаго

на этотъ стихъ. Но что и у западныхъ Славянъ онъ существовалъ задолго до того времени, когда мы находимъ его въ письменныхъ памятникахъ, можно заключить не только изъ его также народнаго происхожденія — такъ какъ и у Германцевъ его нѣтъ —, но еще изъ слѣдующихъ трехъ обстоятельствъ: 1) у Поляковъ есть не только этотъ размѣръ, но и пляска къ нему (krakowiak), которая, по всей вѣроятности, однообразно и окончательно опредѣлила самый строй его; 2) этотъ стихъ очень употребителенъ у Мадяръ, хотя ихъ исконный размѣръ есть, повидимому, осьмисложный стихъ, общій имъ съ Вогулами и Остяками, у которыхъ онъ впрочемъ, какъ и естественно, содержитъ въ себѣ то нѣсколько больше, то нѣсколько меньше слоговъ; 3) двѣнадцатисложный стихъ—правда, отчасти со случайными стяженіями, сокращающими его на слогъ или на два — извѣстенъ и Лужичанамъ, стихосложеніе которыхъ въ общемъ уже издавна подверглось нѣмецкому вліянію. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній слѣдуетъ, кажется, предположить, что истинная родина или, по крайней мѣрѣ, мѣсто выработки и выдѣленія этого стиха изъ ритмически ему равныхъ слоговыхъ соединеній въ особую, самостоятельную величину находится гдѣ-то въ области западныхъ Славянъ, и что оттуда онъ перешелъ черезъ Словѣнцевъ и Хорватовъ на Адріатическое побережье и въ предѣлы нынѣшней Сербіи, гдѣ отчасти сохранился въ первоначальномъ видѣ, отчасти стянулся въ десятисложный стихъ. Итакъ со значительной долей вѣроятности можно допустить, что источникомъ двѣнадцатисложнаго стиха, какъ особаго и неизмѣннаго размѣра, были края,

V ktorýh teče Dunaj, Visla i Morava,

можетъ быть, еще во времена krála Svatopluka,

Ked' tu panovala jeho mocná ruka,

какъ говоритъ извѣстная словацкая пѣсня (впрочемъ, искусственная), которая кстати и сложена этимъ размѣромъ. Прежде чѣмъ

окончательно отлиться въ это число слоговъ (по четыре ритмически короткихъ и по два ритмически долгихъ въ каждомъ полустишіи взамѣнъ прежнихъ видовъ этого стиха — отъ осьми ритмически короткихъ слоговъ до четырехъ ритмически долгихъ на полустишіе), этотъ стихъ могъ еще долго колебаться въ своемъ строѣ, то здѣсь, то тамъ возвращаясь къ старинной свободѣ, однако не во всей ея широтѣ, а лишь до такихъ предѣловъ, внутри которыхъ эти вольности, именно лишнія стяженія, казались только случайными уклоненіями отъ общепризнаннаго склада, не мѣняющими размѣра, подобно тому, какъ такія случайныя стяженія не разрушаютъ стиха, соотвѣтствующаго дубровницкому «четирнаестерцу» въ малорусской пѣснѣ:

Ой, бу́в, та нема́; поі́хав на рі́чку;
Коли́-б ёго́ чорти́ взяли́, поста́вила-б свічку

или въ великорусскомъ ея отраженіи:

Мой му́жъ нехоро́шъ,— пое́халъ на ре́чку;
Дай Бо́гъ, ка-бъ издо́хъ: поста́вила-бъ све́чку.

Въ числѣ возможныхъ стяженій двѣнадцатисложнаго стиха естественно было на ряду съ установленнымъ или, вѣрнѣе, устанавливающимся видомъ его появляться иногда и десятисложному, и притомъ скорѣе съ такимъ распредѣленіемъ слоговъ:

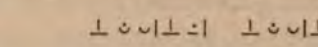
⊥ ∴|⊥ ∴| ◡ ◡ ◡ ◡|⊥ ∴ ,

какъ у Сербо-Хорватовъ, а не съ противоположнымъ —

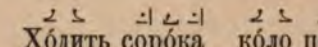
◡ ◡ ◡ ◡|⊥ ∴| ⊥ ∴|⊥ ∴ ,

съ какимъ онъ, кажется, не употребителенъ нигдѣ, потому что всѣ народы обыкновенно стремятся къ возможной ясности ритма въ концѣ стиха, а скопленіе ритмическихъ долготъ и вообще

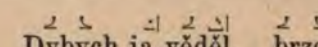
однообразіе составныхъ частей ритма легко ведетъ къ недоразумѣніямъ относительно его строя. Сюда-же можетъ относиться и еще одинъ видъ десятисложнаго стиха, съ сѣченіемъ послѣ пятаго слога, попадающійся у Сербо-Хорватовъ (самый старый примѣръ, но между другими размѣрами, въ XVI в., какъ указано выше, у Ранины, а безъ примѣси — чуть-ли не въ XVII в. у Бунича), у Болгаръ, у Чеховъ, у Малорусовъ (но и у новыхъ Грековъ), если только онъ измѣрялся первоначально



а не такъ, какъ, напр., въ малорусской пѣснѣ:



или въ валашской (ганацкой):



что̀ весьма вѣроятно, потому что двухчетвертной ритмъ, очевидно, древнѣе трехчетвертного вслѣдствіе парности не только нашихъ конечностей и естественно производимыхъ ими движеній, напр. ходьбы, но и членовъ противоположенія, какими въ ритмическихъ стопахъ являются сильныя и слабыя ихъ части.

Какъ бы то ни было, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что двѣнадцатисложный стихъ перешелъ въ разные концы занятой Славянами области, повидимому, изъ того самаго края, изъ котораго въ IX и X в. распространилось между Славянами христіанство и съ нимъ—кирилловская азбука и «почитаніе книжное». Если такое предположеніе вѣрно, вліяніе этого края на духовную жизнь окрестныхъ славянскихъ племенъ было еще шире, чѣмъ можно было думать на основаніи исторіи распространенія славянскихъ церковныхъ книгъ. Что и грамота и двѣнадцатисложный стихъ проникли въ Дубровникъ, посредственно или непосредственно, изъ этого источника, позволительно

заключить изъ древнѣйшаго дубровницкаго образчика такихъ стиховъ, обнародованнаго академикомъ И. В. Ягичемъ (Изв. отдѣл. р. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ т. I, кн. 3, стр. 466): это четверостишіе написано не глаголицей и не латиницей, а кириллицей. Не лишено значенія и то, что въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ этотъ размѣръ встрѣчается, повидимому, особенно часто на лѣвомъ берегу Дуная, гдѣ сравнительно нерѣдокъ и упомянутый выше десятисложный стихъ съ сѣченіемъ по серединѣ, какъ

Пло̀вӣ Ду̏навом ла̂ђа ла̏гана.

Ѳ. Коршъ.

Замѣтки къ описаніямъ петрковскаго избирательнаго сейма 1492 г.

Въ 1902 г. были опубликованы профессоромъ Михаиломъ Езѣницкимъ[1]) по cod. Lat. misc. Monac. 4422 s. XV два латинскія стихотворенія силезскаго гуманиста Laurentius Corvinus (Lorenz Rabe), написанныя въ 1492 г., первое по поводу избранія Яна-Ольбрахта польскимъ королемъ, второе по поводу его же коронованія. Корвинъ состоялъ въ то время преподавателемъ «extraneus», т. е. какъ бы приватъ-доцентомъ краковскаго университета, въ которомъ раньше учился (съ 1484 г.) и отъ котораго получилъ затѣмъ ученыя степени бакалавра и магистра, притомъ какъ разъ въ эпоху, когда Konrad Celtes дѣлалъ свою попытку способствовать преобразованію университета изъ схоластическаго въ гуманистическій. Оба разумѣемыя стихотворенія Корвина, невзирая на свою шаблонность, на чрезмѣрное злоупотребленіе въ одномъ изъ нихъ античнымъ миѳологическимъ аппаратомъ, вообще на коренное отсутствіе въ нихъ поэзіи, представляютъ нѣкоторый интересъ, частью историко-литературный, частью въ отношеніи политической исторіи. Съ одной стороны, являясь произведеніями подготовленнаго въ самомъ Краковѣ наставника

---

1) Въ сборникѣ: «Księga pamiątkowa ku uczczeniu... Prof. D-ra Ludwika Ćwiklińskiego. We Lwowie. 1902».

тогдашней университетской молодежи и отражая степень его начитанности въ классикахъ, а также вынесенной изъ общенія съ Конрадомъ Celtes освѣдомленности въ вопросахъ латинской стилистики и метрики, они служатъ показателями успѣховъ, какіе въ соотвѣтственной отрасли занятій достигались въ Польшѣ за послѣднія десятилѣтія XV в.[2]). Съ другой стороны, вирши эти принадлежатъ современнику описываемыхъ въ нихъ событій, и, въ виду упомянутаго характера обѣихъ темъ, трудно допустить, чтобы при всей безжизненности, неизбѣжно присущей подобнаго рода фабрикатамъ, въ которомъ либо изъ нихъ не сохранилось хотя бы и одной только, но по существу своему не безразличной для исторіи черточки.

Правда, проф. Езеницкій держится иного мнѣнія. Высказываясь снисходительно о коронаціонной одѣ, онъ признаетъ повѣствованіе de electione весьма слабымъ по формѣ и крайне бѣднымъ историческими данными, тамъ же, гдѣ оно приводитъ фактическія подробности, прямо нелѣпымъ.

Такъ какъ у насъ явилось подозрѣніе, что нѣкоторое подобіе предметной несообразности, усмотрѣнное уважаемымъ изда-

---

2) Изъ произведеній магистра Laurentius Corvinus Novoforensis (т. е. «z Nowego Targu») упоминаются еще *Idioma Latinum* (не раньше 1489 г.: первое изданіе этихъ латинскихъ разговоровъ, по словамъ Вишневскаго *Hist. lit. Polsk.* III, 319, «jest niewiadome»), *Epicedium elegiacum* на смерть Казиміра IV (рукоп. Имп. Публ. Библ. Л. Ф. IV. 19: см. ниже), *Cosmographia* (s. l. et a.), *De carminum structura* (1496) съ лат. прозодіей (тутъ также стихотвореніе въ честь Яна-Ольбрахта), *Hortus elegantiarum* (Crac. 1502), гдѣ впервые напечатана его *Ode Saphica de Polonia et de eius metropoli Cracovia* (намъ извѣстна она по тексту, который даетъ Писторій въ базельскомъ *Hist. Pol. Corp.* 1582, t. I p. 167), *Carmen de Apolline et novem Musis* (Vratisl. 1503), *Epicedium* на смерть короля Александра (Краковъ 1506), *Epithalamium* (Cracov. 1518) на бракъ Сигизмунда I съ Bona Sforza. Вернувшись уже въ 1493 г. въ Силезію, Корвинъ сталъ въ 1518 г. секретаремъ бреславльскаго магистрата, фигурировалъ въ различныхъ дипломатическихъ миссіяхъ (къ Владиславу чешскому, къ Сигизмунду I), способствовалъ введенію реформаціи въ Бреславѣ, умеръ 1527. Проф. Езеницкій, обѣщающій издать всѣ стихотворенія Лаврентія Корвина, отсылаетъ къ монографіи G. Bauch, Laurentius Corvinus, der Breslauer Stadtschreiber und Humanist (въ Zeitschr. d. Vereins f. Gesch. u. Alterthum Schlesiens t. XVII. 1883, S. 235). Ср. у К. Эстрейхера, *Bibliografia Polska* t. XIV.

телемъ въ стихахъ, посвященныхъ избранію Ольбрахта, стоитъ въ связи съ поврежденіемъ соотвѣтственнаго текста, то мы сперва коснемся этого вопроса. О формѣ изложенія въ обоихъ стихотвореніяхъ мы кое-что скажемъ затѣмъ и въ заключеніе сопоставимъ историческія свидѣтельства объ избирательномъ сеймѣ 1492 г. Разсмотрѣніе нѣкоторыхъ данныхъ, освѣщающихъ развитіе элекціонной теоріи въ Польшѣ за время съ 1319 по 1492 г., мы предполагаемъ произвести въ другой работѣ, толчокъ къ коей и дала настоящая статья.

I.

Проф. Езеницкій, справедливо находя въ carmen de electione большую «materiae sterilitatem ieiunitatemque», ссылается на то, что Корвинъ опустилъ «multas res graviores scituque dignas». Такъ, напр., онъ «neque locum, quo electores convenerunt, neque candidatos regios eorumque potentissimos fautores nominavit, neque quidquam de electorum dissensione commemoravit». Что избирательный сеймъ состоялся въ Петрковѣ, не сказано, быть можетъ, потому, что авторъ считалъ это всѣмъ извѣстнымъ. Но, въ самомъ дѣлѣ, почему не поименовываются вожди различныхъ фракцій собранія и прочіе члены послѣдняго, съ наибольшею горячностью поддерживавшіе кандидатуру того или другого изъ братьевъ Яна-Ольбрахта, а также князя мазовецкаго? Почему не упоминается вовсе объ этихъ кандидатурахъ и о бурныхъ распряхъ, предшествовавшихъ избранію? Намъ думается, что нужно тутъ принять во вниманіе слѣдующее. Во-первыхъ, днемъ избранія было 27-ое августа, стихотвореніе же написано въ промежутокъ времени между полученіемъ разумѣемаго извѣстія въ Краковѣ и коронаціей, совершенной 23 сентября: Корвинъ, вѣроятно, не признавалъ за собой права говорить по недостаточно провѣреннымъ слухамъ о боевой роли, сыгранной опредѣленными избирателями на сеймѣ. Во-вторыхъ, онъ, должно быть, опасался, что въ такую минуту и въ такого свойства изложеніи

было бы неумѣстно противопоставлять новаго короля его родным братьямъ и кандидату архіепископа гнѣзненскаго или обличать партіи конкурентовъ Яна-Ольбрахта въ излишней запальчивости. Въ третьихъ, окончательный актъ избранія былъ произведенъ все-таки *единогласно* тѣми сенаторами, которые въ соотвѣтственный день пришли въ собраніе, о чемъ со словъ прискакавшаго изъ Петркова Яна Тарновскаго и сообщили публикѣ съ понятнымъ желаніемъ разсѣять толки о сильной оппозиціи, какую повидимому встрѣтило сначала предложеніе избрать Яна-Ольбрахта: между тѣмъ, единогласіе это обусловливалось, собственно, обстоятельствомъ, которое стихотворецъ, при составленіи своего повѣствованія, быть можетъ, и зналъ, но о которомъ, какъ увидимъ, было рѣшительно неудобно распространяться въ панегирикѣ. Итакъ, если Корвинъ умалчиваетъ о нѣкоторыхъ «res graviores», то едва ли слѣдуетъ винить за то искусство поэта: кое-о чемъ онъ былъ плохо освѣдомленъ, другого не рѣшался говорить, ибо самымъ литературнымъ родомъ своихъ стиховъ былъ обреченъ на замалчиваніе наиболѣе живого и любопытнаго.

И однако, если мы только не ошибаемся, Корвинъ сохранилъ въ одномъ мѣстѣ своего панегирика главный аргументъ сторонниковъ кандидатуры великаго князя литовскаго Александра, аргументъ, направленный въ равной мѣрѣ противъ избранія Яна-Ольбрахта и противъ компромисса избранника большинства (кто бы таковымъ ни оказался) съ которымъ либо изъ конкурентовъ. Мы разумѣемъ тѣ именно стихи, на которые проф. Езеницкій въ слѣдующихъ словахъ (p. 6) указываетъ основательно, какъ на звучащія нынѣ абсурдно: «Ineptas vero res, quae et ab argumento carminis temporumque rationibus abhorrent et fidem historicam offendunt, inserere non dubitavit. Tali generi est imprimis adnumeranda oratio pro contione electorum habita (v. 17—41), qua ipsis *uno* tantummodo rege opus esse persuadetur; unde quis recte concludere possit quosdam electores fuisse, qui *duos* reges creandos esse censerent, quam tamen sententiam neminem electorum habuisse constat».

У Корвина сказано, что сужденія на сеймѣ были открыты рѣчью, въ которой «prior heroum» развивалъ мысль о преимуществахъ единодержавія по столь извѣстной схемѣ: «Какъ въ природѣ одна власть, и потому царитъ гармонія: такъ и въ людскихъ отношеніяхъ порукой мирнаго сосуществованія различныхъ *народностей* и охраной интересовъ и правъ различныхъ *сословій* служитъ личное единство государственнаго управленія». Вотъ контекстъ:

Ignea concordant caeli rectore sub uno
Sidera et aeterno peragunt optata meatu
Foedera, nec pictum turbat discordia mundum[3])...
Sic bene conveniunt[4]) uno sub principe *gentes*,
Securusque tenet nullo sua iura vetante
Nobilis, et Cereri multa pro messe benignae
Spicea serta parat *Corydon*[5]), nec *civibus urbis*
Bellica semirutos contundit machina muros.
Quantum Romulidae divo sub Caesare[6]) fortes
Florucrint, nobis sit edax pro teste vetustas,
Dum sua[7]) ab Hispanis intonsi Solis ad ortum
Atque ad Caucaseos tendebant iura colonos.

---

3) Подъ «pictus-mundus» нужно разумѣть небесный сводъ, испещренный по ночамъ узорами, которые образуются созвѣздіями. Cf. *c. de coron.* v. 63 sq. (цитуются дальше).

4) Проф. Езеницкій предлагаетъ «convivunt», но «convenire» значитъ здѣсь «подходить другъ къ другу», «быть взаимно въ ладу». Оборотъ заимствованъ изъ Ovid. *Met.* II 846 sq.: «Non bene conveniunt nec in una sede morantur Maiestas et amor».

5) Именемъ Вергиліева пастушка обозначенъ поселянинъ вообще, котораго авторъ противополагаетъ какъ землевладѣльцу-шляхтичу (v. 29: «Nobilis»), такъ и горожанину (v. 30: «civibus urbis»). Выборъ имени объясняется тѣмъ, что во 2-ой эклогѣ Вергилія Corydon горестно восклицаетъ: «Rusticus es, Corydon» (v. 56), что тамъ имѣетъ оттѣнокъ: «Ты деревенщина; ты недостаточно изященъ, чтобы понравиться». Если субстантивировать «rusticus» у Вергилія, то получается смыслъ, усмотрѣнный Корвиномъ: «Коридонъ, ты простой хлопъ». Какъ видно изъ «Liber diligentiarum» факультета artium краковск. университета (изд. W. Wisłocki, Крак. 1886), Корвинъ объяснялъ съ каѳедры и буколики Вергилія.

6) Ошибочнымъ сочетаніемъ «divus Caesar» указывается не на диктатора Цезаря («divus Iulius»), а на императора Августа («divus Augustus»).

7) Мы не рѣшились конъектурно исправить: «Dum *(It)ala*... iura». Что касается «dum», то въ смыслѣ «cum» это слово употреблено Корвиномъ уже v. 4.

Ergo uno tellus contenta est rege, nec umquam,
Ut bene multarum probat experientia rerum,
Stare diu ducibus potuerunt regna duobus.

Въ приведенной редакціи, воспроизводящей чтеніе мюнхенской рукописи, предпослѣдній стихъ оставляетъ, дѣйствительно. грустное впечатлѣніе. Но признаки порчи довольно серьезны. Ораторъ доказываетъ вѣдь справедливость своего тезиса («nec umquam — Stare diu ducibus potuerunt regna duobus») ссылкой на чей-то убѣдительный («bene-probat») историческій опытъ: значитъ, приводилось въ назиданіе то государство, въ которомъ одновременное правленіе *двухъ* царей было явленіемъ *нормальнымъ*, т. е., очевидно, была названа *Спарта*. Между тѣмъ, этотъ конкретный примѣръ исчезъ, а вмѣсто него красуется безотрадное «*multarum*—rerum». Мы и думаемъ, что возстановить нужно:

Ergo uno tellus contenta est rege, nec umquam,
Vt bene (*A*)*myc*larum probat experientia rerum,
Stare diu ducibus potuerunt regna duobus [8]).

8) «Amyclarum-res» сказано въ значеніи: «исторія Спарты». Римскіе поэты императорской эпохи не стѣсняются называть Амиклы вмѣсто Спарты. Равнымъ образомъ «Amyclaeus» употребляется у нихъ безразлично въ смыслѣ словъ Laconicus, Lacedaemonius, Spartanus. Такъ какъ Амиклы находились всего въ 5 километрахъ отъ Спарты и служили въ дорическія времена средоточіемъ ея государственнаго культа Аполлона, то риторическое отожествленіе обоихъ пунктовъ вполнѣ понятно. Приведемъ лишь Sil. Ital. IV 358 sqq.: (сыновья Ксаноиппа отъ кароагенянки были исполнены гордости, т. к. имъ вспоминался) «ductorque parens ac nobile Amyclae Nomen et iniectus Spartanis Colla catenis Regulus» (о побѣдителѣ Регула ср. Polyb. I 32: Ξάνθιππόν τινα Λακεδαμόνιον, ἄνδρα τῆς Λακωνικῆς ἀγωγῆς μετεσχηκότα). Stat. *Silv.* II 2, 90: «Amyclaei-Lycurgi». V 3, 153: «tetricis Alcman cantatus Amyclis» (тутъ эпитетъ доказываетъ, что имѣется въ виду Спарта, хотя, конечно, исполнялся Алкманъ и въ Амиклахъ). Claudian. *de b. Pollent.* 192 sq. (о появленіи вестготовъ въ Лаконикѣ): «equitataque summi Culmina Taygeti trepidae vidistis Amyclae» (вся соль эпитета въ томъ, что трепещущей передъ варварами представлена Спарта: сл. v. 186 sqq.—о Ѳермопилахъ; что Амиклы въ тѣсномъ смыслѣ взволновались, не представляло риторическаго интереса). Dracont. *rapt. Hel.* 29 sq.: «quae causa nocentem Fecit Alexandrum (Париса), raptu *ut* spoliaret Amyclas» (такъ Duhn).— Не рекомендуемъ читать въ концѣ v. 37 у Корвина — «regum».

Если настоящая догадка основательна, то авторъ въ ст. 36 понималъ «tellus» о польскомъ государствѣ[9]). Намъ, кромѣ того, думается, однако, что со своей стороны ораторъ разумѣлъ весь комплексъ земель польско-литовскаго союза. Еслибъ оно было такъ, мы бы изъ атмосферы ученой піитики и общихъ мѣстъ переносились стихотвореніемъ сразу въ живую *исторію*, ибо какъ же отрицать тогда, что въ стихахъ Корвина слышится (хотя бы для него самого не вполнѣ ясный) отголосокъ тѣхъ надеждъ, заботъ и опасеній, которыя волновали не одинъ Краковъ во время петрковскаго сейма 1492 года?

Охотно допускаемъ, что ни о катастерисмахъ (vv. 20—25), ни о Римѣ и Спартѣ на сеймѣ не говорилось[10]): эти цвѣты краснорѣчія пусть будутъ насаждены тутъ рукой гуманиста. Но такъ ли ужъ нелѣпъ своимъ несоотвѣтствіемъ тогдашней исторической обстановкѣ призывъ къ предотвращенію двоевластія? Смѣемъ думать, что нѣтъ. Ниже мы приводимъ полностью повѣствованіе источниковъ о занимающемъ насъ событіи; здѣсь же ограничимся немногими, отвѣчающими прямо на данный вопросъ, выписками. Ваповскій (бывшій уже въ 1493 г. студентомъ краковскаго университета) пишетъ въ своей хроникѣ: «Erant plerique ex Polonis summatibus, qui Alexandrum regem declarandum Lituaniamque rursus regno Poloniae iungendam censebant... Curandum quam maxime, ne per amplissimae provinciae scissionem res publica Polona maius aliquod patiatur detrimentum... Expedire itaque, utramque gentem unum habere principem, unum modera-

---

9) Въ самомъ дѣлѣ, не утверждалъ же Корвинъ или тотъ, чьи слова онъ пересказываетъ, что на всю вселенную полагается одинъ государь. «Ergo», минуя стихи о Римѣ (vv. 32—35), примыкаетъ къ vv. 27—31, гдѣ уже разумѣется Польша. Но и въ примѣрѣ о Римѣ ср. v. 33: «*nobis* sit—pro teste vetustas».

10) Позднѣе (уже въ половинѣ XVI в.) классическія цитаты и сопоставленія съ фактами изъ жизни античныхъ народовъ входятъ въ моду на сеймахъ. Кромѣ того, при систематическихъ описаніяхъ государственнаго строя Рѣчи Посполитой ее стали сравнивать именно со Спартой и Римомъ: Кромеръ даже въ «исторіи» своей уподобляетъ «земскихъ пословъ» эфорамъ и плебейскимъ трибунамъ.

torem» eqs. Кромеръ въ «исторіи» сообщаетъ, что противники Яна-Ольбрахта и Александра предпочитали дѣлежъ: «Haberet sibi Alexander Lituaniam, Ioannes Albertus Silesiam a Wladislao fratre... promissam: Sigismundum... Polonis regem relictum esse... Idem sentire videbatur... archiepiscopus Gnesnensis... Tametsi creditum est, eum... re vera... Ioanni Masoviorum duci studuisse». Въ приписывавшихся весьма рано Филиппу Буонаккорси (Каллимаху) «тайныхъ совѣтахъ королю Ольбрахту» читается (пг. 31): «Brata Zygmunta przy sobie chować *non est tutum* (т. е. остерегайся мысли устроить ему въ Польшѣ удѣлъ): wsadź go na województwo wołoskie[11])... Mazowieckie xięstwo ze tak mężne..., myśl o tym, abyś był w tym *unus rex, unus grex*». О далеко не исчезнувшемъ къ концу XV в. антагонизмѣ Великой и Малой Польши мы ужъ не говоримъ.

Самъ-то Корвинъ, повторяемъ, не отдавалъ себѣ въ томъ отчета, что и противъ избранія *Ольбрахта* говоритъ основной тезисъ нашумѣвшей рѣчи, ходъ мысли которой онъ указалъ по

---

11) Пресловутый молдаванскій походъ, окончившійся буковинскою катастрофой, и проектируется вѣдь далѣе (пг. 33) Каллимахомъ въ связи съ этимъ совѣтомъ. Если Каллимахъ соотвѣтственныхъ 35 пунктовъ и не редактировалъ латинскаго текста ихъ мы вообще не знаемъ: на какомъ языкѣ была написана рукопись 1492 г., принадлежавшая библіотекѣ Залускихъ, изъ Вишневскаго, III, 455 и 478, не видать), то все же они выражаютъ воззрѣнія партіи, сочувствовавшей укрѣпленію монархической власти въ Польшѣ и въ лицѣ наставника Ольбрахта имѣвшей вліятельнаго поборника. — Опечатку «non est *totum*» у Вишневскаго (III, 458) мы въ текстѣ исправили. — Относительно Сигизмунда ср. еще изъ Карамзина (т. VI, гл. 5 в. f.) подъ 1495 г.: «услышавъ, что Александръ, по совѣту Думныхъ Пановъ, готовъ отдать въ удѣлъ меньшему брату, Сигизмунду, кіевскую область, Іоаннъ писалъ къ Еленѣ, чтобы она всячески старалась отвратить мужа отъ намѣренія столь вреднаго». Приводится затѣмъ, по письму Ивана III къ дочери, слѣдующее: «Я слыхалъ о неустройствахъ, какія были въ Литвѣ отъ Удѣльнаго Правленія. И ты слыхала о нашихъ собственныхъ бѣдствіяхъ, произведенныхъ разновластіемъ въ княженіе отца моего; помнишь, что и самъ я терпѣлъ отъ братьевъ. Чему быть доброму, когда Сигизмундъ сдѣлается у васъ особымъ Государемъ?» Наконецъ, въ 1500 г. Сигизмундъ «ducatum Glogoviensem — per reges Wladislaum — conferentem, — Ioannem Albertum cedentem atque resignantem obtinuit» (Matth. Miechow. IV c. 79).

первымъ извѣстіямъ изъ Петркова. Корвинъ объ Александрѣ литовскомъ не помышлялъ, считая его положеніе окончательно опредѣлившимся, а думалъ о соперничествѣ Ольбрахта и Януша мазовецкаго: противъ послѣдняго онъ и толковалъ разумѣемую рѣчь, а потому преспокойно продолжаетъ, что выслушавшіе ее обратились къ небу съ мольбой вразумить ихъ, вслѣдствіе чего Юпитеръ поручаетъ Меркурію внушить имъ единодушное желаніе избрать *Ольбрахта*. Профессоръ Езеницкій (p. 6) говоритъ, что еслибъ Корвинъ только желалъ, то могъ бы «de rebus in illo conventu gestis a quolibet electionis teste facile doceri». Намъ кажется, что всей правды тогда еще Корвинъ ни отъ кого бы не услышалъ; ее знали весьма немногіе, ибо на сеймѣ ораторы нерѣдко говорили въ пользу не того кандидата, котораго тайно поддерживали. Вотъ почему вполнѣ естественнымъ представляется, что стихотворецъ не былъ надлежаще оріентированъ относительно истиннаго настроенія лица, высказавшаго въ началѣ общія соображенія. Тѣмъ болѣе цѣнно лишенное тенденціозности отношеніе Корвина къ разумѣемой рѣчи.

Спрашивается, почему стихотвореніе не было напечатано? А кто знаетъ, не потому ли какъ разъ, что въ него вошелъ «неумѣстный» пересказъ изложеннаго на сеймѣ противникомъ Ольбрахта? Могло случиться слѣдующее, напр.: скромный extraneus выждалъ возвращенія изъ Петркова епископа краковскаго, королевича Фрыдерыка, состоявшаго вѣдь канцлеромъ университета, и наивно поднесъ ему свою рукопись, прося благословенія на ея публикацію. Фрыдерыкъ, узурпаторски присвоившій себѣ на сеймѣ предсѣдательство и совершившій тамъ (должно быть, по рецепту Каллимаха) тотъ «zamach zbrojny» (выраженіе Іосифа Шуйскаго), который доставилъ престолъ Ольбрахту, посовѣтовалъ, скорѣе всего, поэту держать свои стихи при себѣ. Узналъ ли затѣмъ Корвинъ кое-что́ изъ содѣяннаго въ Петрковѣ, мы сказать не въ состояніи; но ему стало ясно, что онъ въ чемъ-то промахнулся; онъ постарался тогда исправить свою оплошность сочиненіемъ коронаціонной оды. Только тутъ бѣдняга

окончательно попалъ, кажется, впросакъ. По нѣсколько загадочному поводу, въ одѣ его расхваливается красота двухъ «puellae»: легко возможно, что въ этомъ усмотрѣли новую безтактность автора и приписали ему даже намекъ на очередныхъ дамъ сердца короля и епископа, которые вѣдь были одинаково извѣстны своими эротическими наклонностями. Если затѣмъ Корвинъ и клялся, что ничего подобнаго въ мысляхъ не имѣлъ, а былъ, напротивъ, одушевленъ самыми лойяльными намѣреніями, когда писалъ инкриминированные стихи (см. ниже § II 10), то все-таки оправдаться магистру Лаврентію не удалось: гонорара за свою коронаціонную оду онъ, должно быть, не получилъ, и она осталась тоже ненапечатанной. Въ слѣдующемъ году Корвинъ покинулъ Краковъ.

II.

Формальныхъ несовершенствъ въ обоихъ опубликованныхъ проф. Езеницкимъ стихотвореніяхъ Корвина, безспорно, много. Но мы позволяемъ себѣ думать, что впредь до появленія обѣщаннаго полнаго изданія слѣдуетъ воздержаться отъ окончательнаго сужденія о синтаксисѣ, слогѣ и метрикѣ автора. Теперь недостаетъ часто матеріала для сравненія. Впрочемъ, уже теперь можно сказать одно. Неповиненъ, вѣроятно, Корвинъ въ такихъ метрическихъ промахахъ, какъ *Elect.* 47: «Despicit, *tum* vocat» (читай: «inde») и 93: «Laetitia arctoas *passim impleverat* urbes» (читай: «passim *iam* impleverat»). Нѣкоторыхъ сомнѣній мы не могли подавить и по поводу мѣстъ, гдѣ критикѣ текста приходится руководствоваться соображеніями не формальнаго свойства. Къ нимъ и переходимъ.

1.

Elect. 7 sqq.: Inde *pharetratis* ubi roscida[12]) Luna *puellis*

12) Рукоп.: rossida. Исправилъ проф. Езеницкій. Ср. въ *carm. de coron.* v. 23 sq.: «Plena nocturni sua dum tuetur Cornua roris» (scil. Luna). Вспоминаемъ также изъ оды Корвина на Краковъ v. 34: «Roscidus lunae globus». Восходитъ это къ Plin. *n. h.* XVIII 277: «(*luna*) per se roscida quotiens alget, infinitum quantum illo tempore cadentes pruinas congelat».

Vecta bis algentem *renovabat* cornibus orbem Noctivagisque[13]) iterum media plus parte recrevit, Convenere duces arctoae gentis in unum Oppidum, ut eligerent regem, qui sceptra[14]) teneret Imperii, adversos et *sit* laturus in hostes Arma nec horrendo populandas traderet oras[15]) Turco, sed populos bello tueretur et urbes.

«Inde» значитъ «со смерти Казиміра», т. е. съ 7 іюня 1492 года. Сеймъ открылся 15 августа. Прошло, стало быть, въ промежуткѣ 2 мѣсяца и 8 дней. Проф. Езеницкій замѣчаетъ, что «temporis spatium poeta non satis accurate definit», такъ какъ говоритъ, что прошло *болѣе* («plus») двухъ съ половиною мѣсяцевъ. Это справедливо, но мы склонны думать, что Корвинъ представлялъ читателю весь періодъ сейма въ нѣкоторомъ поэтическомъ *raccourci*, т. е. не противополагалъ вообще дня открытія засѣданій сената дню избранія, а отожествилъ оба дня, т. е. считалъ съ 7 іюня *по 27 августа* свои «два съ половиной мѣсяца слишкомъ»[16]). Гораздо болѣе смущаетъ «pharetratis-puellis». Сліяніе образовъ Lunae и Dianae, разумѣется, не удивляло бы. Но что продуктъ такого сліянія—скажемъ, Phoebe—разъѣзжаетъ по небу на колесницѣ, въ которую впряглись лѣсныя и горныя нимфы въ охотничьемъ костюмѣ, этого мы признать подлиннымъ не въ силахъ, ибо подобная картина не пришла бы никогда въ голову подражавшему древнимъ писателю.

Пытаясь излѣчить v. 7, мы сперва подумали о схемѣ: «Inde *per astralis* ubi roscida Luna *pruinas* Vecta», но эта комбинація ведетъ на совсѣмъ ложный путь: въ 8-омъ стихѣ имѣется «algentem», лишать же «vecta» стоявшаго при немъ, по всѣмъ признакамъ, аблятива нераціонально. Послѣднее замѣчаніе и подсказы-

---

13) Рукоп.: Noctifagis que. Исправилъ проф. Езеницкій.

14) Рукоп.: ceptra. Исправилъ проф. Езеницкій.

15) Рукоп.: horas. Исправилъ проф. Езеницкій.

16) Издатель съ v. 9 сличаетъ Ov. *Her.* 2, 5: «Luna quater latuit, pleno quater orbe recrevit». Намъ вспоминается Ovid. *Met.* VII 530 sq.: «Dumque quater iunctis explevit cornibus orbem Luna, quater plenum tenuata retexuit orbem».

ваетъ надлежащую эмендацію. Богиня луны изображена и на вещественныхъ памятникахъ, и въ литературныхъ описаніяхъ очень часто на колесницѣ, которую везутъ двѣ *телки*. Вспомнивъ это, мы ужъ неизбѣжно приходимъ къ выходу, что Корвинъ написалъ: «roscida Luna *iuvencis* Vecta»[17]). Остается, значитъ, исправить эпитетъ. Принимая во вниманіе столь распространенное у грековъ и римлянъ отожествленіе Селены съ Изидой, мы бы предположили, что подъ «pharetratis» кроется обозначающее Египетъ слово. Возстановить, кажется, можно:

Inde *Paraetoniis* ubi roscida Luna *iuuencis* 7
Vecta bis algentem renovarat cornibus orbem
Noctivagisque iterum media plus parte recrevit,
Convenere duces Arctoae gentis in unum
Oppidum, ut eligerent regem, qui sceptra teneret
Imperii, aduersos *esset*[18]) laturus in hostes
Arma nec horrendo populandas traderet oras
Turco, sed populos bello tueretur et urbes.

Искаженіе прежде всего коснулось мало понятнаго для переписчиковъ[19]) эпитета: когда изъ него создалось болѣе популярное «pharetratis», то небесныхъ коровъ замѣнили нимфами.

---

17) На концѣ гекзаметра имѣется дважды у Авсонія сочетаніе «Luna iuvencas» (*epist.* 5, 3 и 19, 3); см. также у Клавдіана *R. Pros.* III 403 и *Phoenix* 60 sq.

18) Проф. Езеницкій говоритъ: *sit* pro *esset*; Corvinus saepius leges consecut. temp. offendit». Но здѣсь мы имѣемъ поставленное *четыре* раза прошедшее время (eligerent, teneret, traderet, tueretur): правдоподобно *ли*, чтобы, при такихъ условіяхъ, особнякомъ стояло *sit?* Очень подозрительно намъ и ошибочное согласованіе временъ vv. 51—53 (предшествуютъ слова Юпитера къ Меркурію): «Albertoque, mone, dent sceptra potentes Heroes». *Capiebat enim* nunc affore tempus, Quo *sibi* magnarum post multa pericula rerum Sidera robustae *permittant* gentis habenas. Проф. Езеницкій говоритъ: «*capiebat*, sc. mente (Юпитеръ), i. e. percipiebat, intellegebat.—*sibi* pro ei, i. e. Ioanni Alberto». Намъ приходило въ голову, что идущее послѣ *heroes* нужно относить тоже къ словамъ Юпитера, читая напр.: «*Constat, iuveni* nunc affore tempus» и т. д.

19) Ср. разобранное въ § I превращеніе «Amyclarum» въ «multarum». Здѣсь Корвинъ помнилъ повидимому Ovid. *Amor.* II 13, 7 sq.: «Isi, Paraetonium... quae colis», но заимствовалъ начало своего гекзаметра у Лукана X 9: «Inde Paraetoniam fertur securus in urbem».

2.

Elect. 66 sqq.: (Меркурій собравшимся praecordia mulcet... Albertum in corda reducens,) Qualiter hibernae patiens nivis atque gelatae *Lunae* ad piscosam fera bella Borysthenis undam Gesserit, innumeros valido et cum milite Turcos Straverit.

Читать нужно: «atque gelatae *Zonae*». Ср. Lucan. IV 106 sq.: «mundi pars—, Quam zona nivalis Perpetuaeque premunt hiemes».

3.

Elect. 98—102: Tympana delubris pulsantur inania sacris, Quis se Martis in *arma* solent animare Quirites Armigeri; auratus redimita lychnus[20]) in ara Fumat, praerupti iubar ad fastigia templi *Summittitur*, dextro datur hostia multa Tonanti.

Въ 99-омъ стихѣ недопустимо «arma» въ виду дальнѣйшаго «Armigeri». Въ стихѣ 100-омъ «lychnus» прекрасная догадка проф. Езеницкаго. Тутъ же онъ измѣняетъ «auratus» на «auro tus»: намъ, однако же, кажется, что «auratus lychnus[21]) fumat in redimita ara» вполнѣ удовлетворяетъ. Что касается метрически немыслимаго «summittitur», то мы бы читали:

Quis se Martis in *ausa* solent animare quirites
Armigeri; auratus redimita lychnus in ara
Fumat, praerupti iubar ad fastigia templi
*Fund*itur ⟨*et*⟩ dextro datur hostia multa Tonanti[22]).

20) Рукоп.: «litemus». Исправилъ проф. Езеницкій.

21) Cf. Stat. *Theb.* I 521: «auratis — lychnis».

22) Cf. Verg. *Aen.* II 683: «Fundere lumen». X 270 sq.: «flamma Funditur». Къ «Spargitur» (Ov. *Fast.* I 77 sq.: «Flamma nitore suo templorum verberat aurum Et tremulum summa spargit in aede iubar») нѣтъ надобности прибѣгать. Должно зато признаться, что возможно и чтеніе: «iubar ad fastigia templi Summa it, *dum* dextro datur hostia multa Tonanti» или: «*Sursum it, dum*».

4.

Elect. 104—114:—At ubi obscura *totas* caligine terras Astra minora poli lustrabant igne sereni Exiguo, et rarae campo incubuere tenebrae, Ter centum in celsa flagrant (mirabile visu) Turre faces: *Indos* Phoebum lustrasse putares. Per totam appositis structus rogus ignibus urbem Vritur *exhaustique adolentur* pocula Bacchi. Per picis ardentem subito crepitantis acervum Traiciunt iuvenes animosi corpora, circum Ignes annosae tremula cum voce canebant Matres immemores gibbosae *saepe* senectae.

Описываются иллюминація и народныя увеселенія. Въ началѣ слѣдуетъ исправить: «*tectas* caligine terras». Въ 108-омъ ст. рукописная редакція создаетъ неловкость: если въ эту ночь жителямъ Кракова казалось, что солнце освѣщаетъ, вѣроятно, Индію, то они находились во мракѣ. Читай: «*lu*dos Phoebum lustrasse putares», т. е.: «можно было подумать, что игры происходятъ при дневномъ свѣтѣ». Объ этихъ играхъ и повѣствуется дальше.

Стихъ 110-ый увѣряетъ, что «выпитое вино сожигалось» на кострахъ. Это излѣчивается съ помощью хроники Матвѣя Мѣховскаго, который говоритъ: «*Te Deum laudamus* in crastino electionis Cracoviae (mirum in modum omnibus gratulantibus et gaudentibus, ignes multis locantibus, vasa quoque vini et cerevisiae exponentibus) decantatum est». Корвинъ написалъ: «exhaustisque add*un*tur pocula Bacchi». Были выставлены бочки пива: какъ только ихъ осушитъ народъ, приносили новыя.

Въ 113-омъ стихѣ, какъ замѣчаетъ пр. Езеницкій, Корвинъ неправильно сказалъ «*cum* voce» вмѣсто простого «tremula — voce». Примѣрами плеонастическаго *cum* авторъ могъ считать Verg. *A.* IV 514. VI 359. IX 816 и т. п. [что̀ касается *venit* у Корвина, v. 74, то это значитъ videtur, occurrit, какъ Verg. *G.* I 29. *A.* V 344]. Подозрительнѣе *saepe* въ 114-омъ стихѣ: пока молодежь прыгала черезъ костры, старухи пѣли своимъ

дребезжащимъ голосомъ, забывая при этомъ «часто» о своихъ лѣтахъ. Должно быть: «*ne*(m)pe».

5.

Elect. 124—127: (даже деревенскія божества ликовали: пастухъ, прилегшій спать на траву,) Pana ait imparibus calamis *tetigisse* choreas Et dryadum turbam satyros tenuisse bicornes. Sic *noctemque* diem ducebant omnia laetam, *Acta quod* auspicii bona sint praesaga futuri.

Проф. Езеницкій толкуетъ «calamis tetigisse choreas» словами: «quasi cecinisse modos ad saltandum excitantes». Читать, кажется, можно: «rexisse», «flexisse» или просто: «calamis *eg*isse choreas». Мѣсто, во всякомъ случаѣ, заимствовано изъ (Verg.) *Cul.* 115 sqq.: «Hic etiam viridi ludentes Panes in herba Et Satyri Dryadesque choros egere puellae Naïadum coetu».

Къ v. 125 находимъ у проф. Езеницкаго объясненіе: tenuisse, quasi «movisse (scil. cantu) Pana» (accus. subiecti). Послѣ *turbam* издатель ставитъ запятую: у него са́тиры являются, стало быть, охарактеризованными аппозиціей: «dryadum turba». Такъ вотъ, этихъ сатировъ Панъ *tenet*, *m. e. movet.* Но субъектомъ глагола *tenuisse* служитъ, вѣроятно, *satyros*, а объектомъ— *dryadum turbam.* Здѣсь «tenere» имѣетъ свой обычный смыслъ: танцуя съ дріадами, сатиры *держатъ ихъ* [23]).

Два послѣдніе стиха издатель былъ вынужденъ комментировать такъ: «Omnia *animantia* sic (=tam) laetam diem noctemque ducebant, ut [«*quod* pro *ut* consec. usurpavit»] bona acta (=facta) auspicii (*scil. boni*) futuri praesagia sint (pro *essent*), i. e. ut gaudia ab omnibus percepta Ioannis Alberti dominationem felicem fore portenderent».

---

23) Уже въ Иліадѣ Σ 593 sq. читается:

ἔνθα μὲν ἠίθεοι καὶ παρθένοι ἀλφεσίβοιαι
ὠρχεῦντ', ἀλλήλων ἐπὶ καρπῷ χεῖρας ἔχοντες.

Нужно дивиться находчивости проф. Езеницкаго, который изъ самыхъ темныхъ текстовъ умѣетъ добывать подходящій смыслъ. Мы думаемъ, впрочемъ, что конъектурная поправка была бы и здѣсь умѣстна. Намъ приходило въ голову слѣдующее:

Sic noctem ⟨*at*⟩que diem ducebant omina laeta:
*Sider*aque auspicii bona sint praesaga futuri!

«Такъ день и ночь сопровождались радостными примѣтами: и счастливая планида начáла да будетъ предвѣстницею будущаго!» Слово «auspicium» употреблено въ смыслѣ простого «initium» (здѣсь «primordia regni»), какъ неоднократно у позднихъ писателей. «Futuri» сказано субстантивно. Если «Sidera» было написано сокращенно («Sid'a»), то могло легко исказиться въ «Acta». Затѣмъ, и «que» и «quod» писались вѣдь тоже компендіозно. Полное отсутствіе астрологической нотки было бы даже ненормально для этой эпохи, когда врачъ Матвѣй Мѣховскій (а за нимъ Ваповскій) считаетъ даже долгомъ отмѣтить, при какой констелляціи появился morbus Gallicus въ Европѣ въ 1493 году. Не рекомендовали бы мы чтенія: «*Macte* quod auspicii» и т. д.

6.

Coronat. 1—8: Pinguibus postquam nebulosus uvis Venit autumnus, *spatioque* Phoebi Ignibus *novo* caluere iustae Pondera Librae, Magni ab Arctoae regionis ora Principes, forti solium daturi Regium Alberto, subiere *celsi Moenia muri.*

Ода написана сапфическимъ размѣромъ; въ ней сто стиховъ, изъ коихъ только въ третьемъ встрѣчается просодическая ошибка «nŏvo». Что за нее, однако, не отвѣчаетъ Корвинъ, видно изъ v. 19 и v. 55, гдѣ «novo» и «nova» употреблены правильно съ краткимъ *o* въ первомъ слогѣ. Поражаетъ затѣмъ въ концѣ 2-ой строфы «moenia muri». Мы бы читали:

Pinguibus postquam nebulosus uuis
Venit autumnus statioque Phoebi,
Ignibus nonis caluere iustae ⟨et⟩
Pondera Librae,
Magni ab Arctoae regionis ora
Principes, forti solium daturi
Regium Alberto, subiere cels(a)e
Moenibus urbis.

«Statio Phoebi»=solstitium. Сочетаніе «autumnus statioque Ph.» создаетъ ἓν διὰ δυοῖν, равносильное выраженію «aequinoctium autumnale». «Девятыми огнями» солнца въ году будутъ огни девятаго раздѣла года (коронація Ольбрахта состоялась 23 сентября), когда оно вступило въ зодію вѣсовъ («Librae»). Въ концѣ стиха *et*, съ элизіей предыдущаго слога, поставлено по образцу Горація, у котораго это допущено неоднократно и въ томъ-же размѣрѣ (*c.* II 6, 2. 16, 37. III 27, 22. 29. 46. cf. III 8, 3. IV 6, 11), и въ другихъ (въ одной лишь одѣ III 29 трижды).

Итакъ, Корвинъ, если не ошибаемся, говоритъ, что отправившіеся отовсюду на коронацію польскіе магнаты съѣхались въ Краковѣ, «когда пришла осень, отуманенная обиліемъ своего винограда, а вмѣстѣ съ ней солнцестояніе, и (*когда*) девятыми огнями (*года*) нагрѣлись гири вѣрныхъ Вѣсовъ»[24]). Съ предположеннымъ v. 7 sq.: «subiere celsae Moenibus urbis» ср. Verg. *Aen.* III 292 sq.: portuque subimus Chaonio et celsam Buthroti accedimus urbem. VII 161: muroque subibant (но R: murosque). IX 371: muroque subibant (но P: murosque). VIII 125: subeunt luco.

---

24) Весь оборотъ заимствованъ у Лукана IV 56 sqq.: Sed *postquam* vern calidum Titana recepit Sidera respiciens delapsae portitor Helles (мартовск равноденствіе, въ знакѣ Овена), Atque iterum aequatis ad *iustae pondera libr* Temporibus vicere dies, tunc» eqs. [у Лукана издатели напрасно пишутъ зд «Librae» большой буквой: имѣется въ виду отнюдь не сентябрьское созвѣз ибо Афраній и Петрей сдались уже 2 авг. 705 г.=9 іюня 49 г. Слова Лук сл. съ *Paneg. Mess.* 41: «Iusta pari premitur veluti cum pondere libra»].

7.

Coron. 37—40: Hinc sibi fulvo *decorato in* auro Imperi sceptrum trifidum et corona Lucida *ornatis* datur e lapillis Divitis Indi.

Проф. Езеницкій полагаетъ, что «decorato *in auro*» сказано въ смыслѣ: «(regi) ornato vestibus auro intextis», а что «corona lucida *ornatis e lapillis*» значитъ: «corona ornata lucidis lapillis». Мы бы предположили чтеніе:

Hinc sibi, fulvo decora*men* auro,
Imperi sceptrum trifidum et corona
Lucida ornat*u* datur *et* lapillis
Divitis Indi.

И тутъ оказалась бы, при намѣчаемой редакціи мѣста, фигура, именуемая «hendiadys»: дѣйствительно, «lucida ornatu et lapillis»=lucida lapillorum ornatu (какъ Вергиліево «patera libamus et auro»=paterae libamus auro, patera libamus aurea). Иначе Ovid. *Met.* XIII 704: «claramque auro gemmisque coronam» (Verg. *A.* I 655).

8.

Coron. 75 читается рукописью «comministrabant». Такого слова нѣтъ. Нужно въ концѣ 72-ого стиха поставить (вмѣсто точки) запятую: тогда можно v. 75 читать «*cu*m ministrabant».

Coron. 77 преданіе «Plebs, velut sacros *initura* thyrsos» очень затрудняетъ. Корвинъ сказалъ, кажется: «velut sacros (*s*)*ecu*tura thyrsos».

Coron. 93 sq. рукописное чтеніе гласитъ: «Miles *adducta* celer in palaestra Martis exercet studio lacertos». Проф. Езеницкій поясняетъ это посредствомъ: «admota, propinqua». Не сказалъ-ли авторъ: «adduct*os*»? Cf. *Aen.* 9, 402 (5, 141).

9.

Coron. 89—92: Hic gerens *sacram* diadema *frontem* Rex fidem nullo *interituram* in aevo A senatorum recipit cohorte Iura *probando.*

Въ 90-омъ стихѣ нѣтъ цезуры. Проф. Езеницкій думаетъ, что она имѣется послѣ «inter». Но не иное ли дѣло Hor. *c.* I 2, 34: «Quam Iocus circum volat et Cupido»[25])? Нельзя ли:

Hic, gerens sacr*um* diadema fronte,
Rex fidem, null*um* perituram in aev*u(m)*,
A senatorum recipit cohorte
Iura proba*tque.*

Онъ принимаетъ ихъ присягу и въ свою очередь утверждаетъ сословныя и должностныя привилегіи. Перестановка союза *que* не можетъ шокировать у Корвина, которому приписываются именно въ этомъ отношеніи чрезвычайно жесткіе обороты[26]).

10.

Coronat. 57—60: Quae prius taetro Casimiri amictu Fata lugebant graciles puellae, Induunt rursus Tyrio rubentes Murice vestes. 61—64: Inter has pulchro Iove digna vultu, Flora, fulgebas, veluti coruscus Lucifer, picti vaga dum repellit Sidera mundi.

---

25) Въ одѣ Корвина есть еще одинъ стихъ безъ цезуры: «Saepe mirata *insolitum* nitorem» (v. 22). Проф. Езеницкій усматриваетъ и здѣсь сѣченіе «post praepositionem, quae priorem vocis compositae partem efficit». Но «*in* privativum» авторъ могъ не признавать предлогомъ. Остроумно предположеніе, что странная цезура допущена поэтомъ, «ut ipsa versus structura insolitum — nitorem indicaret». Мы бы читали, однако: «Saepe mirata *est subi*tum nitorem».

26) Вмѣсто *Coron.* 81 sq.: «Hic piae *matresque viri* nurusque Passibus plaudunt» eqs. мы бы даже читали: «matres *choreas* nurusque *Gres*sibus plaudunt». (Verg. *A.* VI 644: «pedibus plaudunt choreas». «Passibus» въ смыслѣ «pedibus» могло ли тутъ стоять?).

65—68: Non minor[27]) *casti* fueras cohortis, Delia, ornatus, rubicunda cuius Gemmeus fulgor, color et rosarum Occupat ora.

Тѣ «graciles puellae» которыя со смерти короля Казиміра носили трауръ, облекаются къ торжеству коронаціи снова въ яркіе наряды. Можно догадываться (прямо оно не сказано), что это были имѣвшія извѣстное отношеніе ко двору дамы. «Среди нихъ блистала Ты, Флора, достойною Юпитера красой, словно денница, когда передъ ея сіяніемъ меркнутъ бродящія по звѣздному небу свѣтила». Мы этой строфы коснулись въ концѣ § I-аго. Выдвигая неожиданно лучезарную Флору, ставя ее какъ бы на ряду съ героемъ стихотворенія Ольбрахтомъ, Корвинъ подавалъ злымъ языкамъ несомнѣнный поводъ пускаться въ пикантныя сопоставленія именъ. Сосѣднее четверостишіе сохранено рукописью съ ошибками. Проф. Езеницкій исправилъ ихъ вполнѣ убѣдительно: «casti» (v. 65) онъ передѣлалъ въ: «castae». Нѣтъ сомнѣнія, что по мысли Корвина «casta cohors» обозначало просто «дѣвицъ» и «молодыхъ женщинъ». Но могло случиться, что онъ именно только *задумалъ* свой текстъ въ такомъ видѣ. Если же дошедшее до насъ испорченное чтеніе «casti» стояло и въ экземплярѣ оды, представленномъ на одобреніе епископа Фрыдерыка, то докладчикамъ послѣдняго открывалось поле и для собственныхъ догадокъ. Какъ этой цензурой былъ прочитанъ стихъ, мы не знаемъ. Но достаточно допустить, напр., что она приписала Корвину намѣреніе сказать «castri», и тотчасъ станетъ яснымъ одно: такая, сама по себѣ некорректная редакція позволяла, однако, упрекнуть категорически автора въ легкомысліи, могущемъ, въ случаѣ напечатанія оды, породить толки о нѣкоторыхъ лицахъ придворнаго штата королевы-матери. Вѣдь «cohors castri» въ данномъ контекстѣ, гдѣ говорилось о двухъ краковскихъ дамахъ, обратившихъ на себя красотой своей вниманіе въ день коронаціи, могло быть недоброжелателями поэта истолко-

27) Рукоп.: mino'. Исправилъ проф. Езеницкій.

вано о свитныхъ Фрейлинахъ[28]), ибо «castrum» было установленнымъ обозначеніемъ королевскаго зáмка[29]). Естественную пищу для подобной инсинуаціи доставлялъ чувственный нравъ 33-лѣтняго короля и 24-лѣтняго епископа[30]).

Кого же, однако, разумѣлъ Корвинъ въ дѣйствительности

---

28) «Cohors» значитъ часто: «свита». Такъ именуются и «состоящіе» при римскихъ провинціальныхъ губернаторахъ, и Діонисовъ кортежъ сатировъ и менадъ, и сопровождающіе философа ученики, и почитатели, провожающіе оратора на форумъ, и т. п. Но понятно, что если говорится cohors praetoria, cohors Socratica, cohors Vlixei, то правильно было бы въ соотвѣтственномъ смыслѣ развѣ cohors regia или reginae [«когорта замка» уже не «свита» лица, а отрядъ, стоящій въ зданіи].

29) Напомнимъ хоть изъ Длугоша *Hist.* X, 457 (ed. Crac.) извѣстный эпизодъ: королеву Ядвигу, при живомъ мужѣ Вильгельмѣ австрійскомъ, выдаютъ противъ ея воли за Ягайло, а Вильгельма изгоняютъ «tam ex arce, quam ex thalamo» королевы; «Hedvigis autem regina, exclusionem Wilhelmi *ex castro* moleste ferens, in civitatem ad illum facere parabat descensum. Cumque *portas castri* baronum cura et mandato clausas offendisset (т. е. оказалась арестованной), violare illas, petita dataque securi, manu propria nitebatur». Ср. также Matth. Miechow. IV с. 80, гдѣ болѣе полная форма: «in regiam castri Graccoviensis est perductus» (новый король).

30) О Янѣ-Ольбрахтѣ ср. Матв. Мѣховск. *Chron.* IV с. 76: «voluptatibus et libidini indulgebat». Ваповск. p. 44 ed. a. 1874: «cum esset in venerem proclivis, uxorem duxit nullam». Первый текстъ [съ присоединеніемъ къ нему анекдота по Светонію *Ner.* 36] послужилъ источникомъ для Кромера XXX p. 820 ed. Basil. a. 1582 (подъ 1497 г.). Второй текстъ легъ въ основаніе замѣтки Кромера ibid. p. 824. О Фрыдерыкѣ ср. Матв. Мѣховск. IV с. 81: «Friderico Cardinali longa aegritudine malae Franczosae fatigato»; с. 83 (подъ 1503): Fridericus Cardinalis presbyter S. R. Ecclesiae... primasque Gneznensis et Episcopus Cracoviensis... vitam... finivit. Causa fuit resolutio virtutum [«силъ организма»] ex pernicioso morbo Gallico, cum inobservatione regiminis: bibit siquidem ultra modum et mensuram fortia potagia [«крѣпкіе напитки»] et, ut saepe, nocte, spreta philosophorum doctrina et obedientia [«церковное послушаніе» нарушалось несоблюденіемъ обѣтовъ]. Матвѣй изъ Мѣхова (на котораго, какъ на врача, въ данномъ случаѣ прямо ссылается Кромеръ XXX p. 826) не былъ еще лейбъ-медикомъ при Ольбрахтѣ, но уже призывался къ королю въ серьезныхъ случаяхъ. Ср. IV с. 76: авторъ не можетъ попасть въ Торнъ къ умирающему королю, т. к. экипажъ застрялъ въ непролазной грязи, хотя вытаскивается «octo equis podvodorum»: врачу приходится вернуться въ Краковъ, но въ Петрковѣ населеніе узнаетъ придворную прислугу и осыпаетъ ее побоями изъ ненависти къ Ольбрахту, о послѣдовавшей смерти котораго уже имѣлось извѣстіе; такимъ обр. «molestias plures-passi, in Graccoviam *inconsolati et insalariati* reversi sumus». Подчеркнутыя слова опущены во 2-омъ изданіи.

подъ Флорой и Делiей? Проф. Езеницкій говоритъ: «sunt ficta nomina puellarum, *quas poeta noverat*». Въ томъ, что Корвинъ счелъ удобнымъ воспѣть въ этой одѣ свои приватныя «знакомства», да позволитъ намъ уважаемый издатель не быть твердо увѣреннымъ. Да и встрѣчается ли вообще такой случай, что въ одномъ и томъ же стихотворенiи поэтъ прославляетъ двухъ возлюбленныхъ? И не обидѣлъ ли бы кровно Делiю почтенный магистръ, объявивъ всѣмъ, кому вѣдать не надлежитъ, что нравятся ему и Флора, и Делiя, но что наружность Флоры онъ все же предпочитаетъ?

Мы думаемъ, что Корвинъ имѣлъ въ виду обѣихъ незамужнихъ сестеръ короля, Варвару и Елизавету. Изъ нихъ старшей въ день коронацiи было 14 лѣтъ 2 мѣсяца и 8 дней (род. 15 iюля 1478 г.: Длугошъ XIII p. 675 ed. Crac.): ее и сравниваетъ ода съ утренней звѣздой; о младшей королевнѣ Корвинъ могъ сказать въ 1492 г. только то, что она краснощекая (въ 1505 г. она отказала въ своей рукѣ молдавскому господарю, воеводѣ Iоанну Богдану, «quod esset homo alterius ritus ac monoculus» Miechow. IV c. 82; ср. *Acta Tomiciana* I, append. p. 19, подъ 1506 г.; въ 1515 г. она вышла за кн. Лигницы: Decius II s. f., III). Такъ какъ изъ стиховъ Корвина рѣшительно не видать, о комъ онъ, собственно, говоритъ, то ему, безъ сомнѣнiя, указали, что эти таинственныя незнакомки неудобны. Стихотворецъ, вѣроятно, протестовалъ горячо противъ превратныхъ толкованiй соотвѣтственныхъ строфъ и пояснилъ свою мысль, сославшись при этомъ, пожалуй, на Horat. *c.* III 14, гдѣ сперва упомянуто, что Августъ возвращается побѣдителемъ изъ Испанiи, а затѣмъ Ливiя и Октавiя приглашаются торжественно встрѣтить мужа и брата. Но если авторъ прикрылся Горацiемъ, то, конечно, съ рискомъ получить въ отвѣтъ указанiе, что римскiй поэтъ, во первыхъ, ясно выразился («soror clari ducis»), а во вторыхъ, оцѣнки внѣшности жены и сестры императора себѣ не позволилъ. Какъ бы то ни было, а къ печатанiю оды авторъ не приступилъ.

Образчикомъ практиковавшихся позднѣе цензурныхъ строгостей можетъ служить отмѣна Сигизмундомъ I-ымъ своего разрѣшенія продажи хроники Матвѣя Мѣховскаго, вслѣдствіе чего изданіе 1519 г., уже напечатанное Дециемъ съ королевской привилегіей на шесть лѣтъ, и замѣнилось изданіемъ 1521 г., въ которомъ произведены всѣ потребованныя властями и нѣкоторыя другія измѣненія[31]). Извѣстно также (Bielowski, Mon. Pol. hist. II, p. XIII), что Сигизмундъ III въ 1615 г. пріостановилъ изданіе Длугоша и запретилъ распространеніе изданныхъ уже книгъ его исторіи («mandamus, ut eiusmodi libros, ubicunque reperti fuerint, aresto subiiciant neque eos publice proponi vel venundari sinant»).

11.

Нѣтъ, впрочемъ, прямыхъ указаній, что Корвину возбранили печатаніе обѣихъ вышеразобранныхъ вещицъ его. Формальнаго распоряженія въ этомъ смыслѣ, вѣроятно, и не послѣдовало. Автору могли просто отсовѣтовать публикацію и отказать въ субсидіи. Ненапечатаннымъ осталось и третье (хронологически — первое) стихотвореніе той-же серіи, а именно *epicedion* на смерть Казиміра, признанное, должно быть, безтактнымъ изъ за v. 47 sq., гдѣ предрѣшается избраніе Яна-Ольбрахта. Такъ какъ элегія эта представляетъ матеріалъ для сужденія о версификаціи и слогѣ Корвина, сообщаемъ текстъ по рукоп. Имп. Публ. Библ. Lat. F. IV, 19. Комментарія не даемъ, расчитывая найти таковой въ ожидаемомъ изданіи проф. Езеницкаго, который, надѣемся также, исправитъ насъ, если мы тутъ въ чемъ ошиблись.

---

31) Въ припискѣ къ опечаткамъ 2-го изданія Матвѣя Мѣховскаго Децій говоритъ: «*In Alberti Alexandrique regum vita* quaedam cum indice non concordant, quod biennio, posteaquam opus absolutum est, addita quaedam sunt, *quaedam etiam reiecta, senatus iussu accedente*». Ср. Hirschberg, *O życiu i pismach Justa Ludwika Decyusza* въ «Przewodnik naukowy i literacki» Lwów 1873 p. 756 sq., гдѣ приведенъ и текстъ новой привилегіи (см. въ ней слова: «Cronicam... excussam quidem ante, sed per Nos nonnulla ex causa vetitam, denuo vero recognitam»). Неизвѣстнымъ осталось намъ: Bostel, *Zakaz Miechowity*.

Epicedion elegiacum pentametrum magistri Laurenti Corvini Novoforensis editum in nobile funus Serenissimi Casimiri olim regis Poloniae, Magni ducis Lithuaniae, Russiae Prussiaeque domini et heredis.

Regia Sarmatiae resecavit stamina gentis
Effera Tartareo Parca sepulta solo
Hic, ubi frondiferis degens Lithuanus in arvis
Dura saetigeros cuspide figit apros,
Quaque iubet catulis circumdare Delia saltus
Tendere et in summo retia rara iugo.
O miseram lucem, stabili qua lege Tonantis
Per sua rex fortis fata vocatus erat!
Roscida plus solito pallebant cornua lunae
Et sol ignivomo condidit orbe iubar.
Saepe aliquis pavidus subita ex caligine terrae
Misit ad intonsum talia verba deum:
«Phoebe, quid a nostro removes modo lampada vultu?
Occiduo nondum surgit in axe Venus;
Rustica falcifero primum Galatea marito
Aspera in arentes allia portat agros.
Anne cohors iterum montes structura Gigantum
Tendit ab aetheria pellere sede Iovem?
Anne Thyesteae redeunt convivia cenae
Aut tua subducit lumina cara soror?»
Astra fuere, chaos veluti subitura vetustum,
Fatorum nebulis ordine tecta nigris;
Quattuor interitum flebant elementa benigni
Regis et irriguo flebat in imbre polus;
Auster ab aestiva Garamantum turbidus ora
Atra procellosis nubila duxit aquis;
Carpati montes etiam tremuisse feruntur,
Istula nec liquidis ibat, ut ante, vadis;
Atque ululasse deas perhibent (mirabile dictu),
Quae nemorum rivos et iuga montis habent.
Nec vaccae gelidam gustarunt fluminis undam,
Nec pecus agrestes attigit ore cibos;
Gaetulos etiam reor ingemuisse leones
Hyrcanasque simul collacrimasse tigres.

Заглавіе: Penthametru ⁝ polonie ⁝ lithuanie Russie Prussieqꝫ

Ст. 1 resecavit. Эта форма встрѣчается у бл. Августина, Симмаха, Марціана Капеллы, Эннодія. 5 catlos Cf. Verg. *E.* 10, 52: «Partheniosque canibus circumdare saltus». *G.* I 140. 9. Rossida. См. примѣч. 12. lune. Въ рукописи употребляются преимущественно формы на *e* (на *ae* лишь v. 1). 11 Sepe ⁝ terre 12 tlia 13 Phebe 15 galathea 18 etherea 19 Nonne thiestee ⁝ cene 23 Quatuor 25 estiva 30 Que 31 uacce 33 Getulos 34 Hircanosque *первою рукой* ⁝ collachrimasse.

Funere ubi fortis ventum est ad moenia Gracci,
Vndique in aeriis turribus aera sonant;
Civis et armigeris errabat in urbe lacertis,
Volnifica in celsis moenibus hasta micat:
Quaeque diu in tenebris iacuerunt arma, sub auras
Longaevus subito tristia portat avus.
Flebant cum senibus pueri innuptaeque puellae,
Omnia femineo maesta fuere sono:
Stant tremulae matres palmasque ad sidera nectunt,
Regis et annosae fata queruntur anus.
Flebat Caesareo regina e sanguine creta,
Flebat et obductis filia parva comis;
Defuncti flebat patris illustrissima proles,
Quam regni Arctoi sceptra superba manent.
Non sic Martigenae populi gemuere Quirini,
Brutus ut extincti Caesaris optat opes.
Pontifices taetrum praecedunt *ag*mine currum,
Maesta sacerdotum carmina turba canit;
Ter deni deinceps pretioso vellere Serum
Velati et Tyria veste sequuntur equi:
Magnanimus fulvo sonipes redimitus in auro
Cum stricto armiferum *sus*tinet ense virum,
Praeter*itum* aurato simulantem tegmine regem,
Cui fuit a Rubro lucida concha mari.
Turrigeram curru sublime cadaver ad arcem
Ducitur et sacra conditur illud humo.
Postera cum roseum linquens Aurora cubile
Duxit ab Oceani gurgite Solis equos,
Triginta auriferis celsa ibat ab arce feretris
Regina, innumeris concomitata viris,
Sanctaque cum lychnis delubra petuntur opimis:
Concidit ad superos hostia magna deos.

35 menia 36 era 38 menibus 39 Queqȝ 40 Longeuus 41 Flebāt cesareo cum senibus (второе слово, попавшее сюда изъ v. 45, перечеркнуто) 43 sydera 44 annose 45 cesareo 49 Martigene 50 cesaris 51 tetrum precedunt flamine 52 Mesta 53 preciose Сл. Math. Miechov. IV c. 64: «Erat-maxima pompa—in exequiis, cohonestante et funebria peragente regina Elizabeth cum filiis, praelatis pontificibus et baronibus regni. Aderant processiones totius urbis et *equites armati cum vexillis secundum numerum provinciarum, quibus, dum viveret, imperabat.* Aderat et Universitas Studii Cracoviensis Clerici et plebis multitudo copiosa». 54 thiria 55 fulue *m. 1* redimittus 56 cōtinet 57 Pretereo Относительно *praeteritus*=*mortuus* сл. Prop. II 13, 52: «Fas est praeteritos semper amare viros» eqs. 58 Cp. Tibull. II 4, 29 sq: «Hic dat («*Addit*» *Korsch*) avaritiae causas et Coa puellis Vestis et e Rubro lucida concha mari». 61 cf. Verg. *G.* I 447, *A* IV 585. IX 460: «Tithoni croceum linquens Aurora cubile» 62 occeani 63 pharetris *m. 1*, pheretris *m. 2*

Exequias celebrant regis cum stirpe Quirites:
Auro siderei spargitur ara Iovis,
Templaque sudantem fumant bene olentia myrrham,
Succenso crepitant tura Sabaea foco.
Annuit omnipotens de caelo Iuppiter alto
Aspiciens: umbram regis ad astra vocat.
Extemplo laetos sumpserunt omnia voltus,
Lucidior visa est, quam fuit ante, dies.
Ergo age pro! populum, Casimire, tuebere longa
Pace, velut dulcis dum tibi vita fuit.
Dum solet intonsum capro placare Lyaeum
Rusticus et Cereri spicea serta dare,
Nostra manus placido tibi solvere vota quotannis
Discet et agricolas saepe ferire boves;
Dum vagus Arctoum descendens Rhenus in aequor
Pinguia caeruleis alluit arva vadis,
Ensifer observat dum frigida Plaustra Bootes,
Eximium nobis es, Casimire, decus.

68 sydereii 69 mirrham 70 thura sabea 71 celo 73 letos 75 cf. Claudian. *in Rufin.* II 330: «Pro! surge toro» 76 velud 77 licum 78 Cerei 80 cf. Prisc. *perieg.* 181: «agricolasque boves». sepe 81 equor 82 Pigwia ceruleis.

III.

Не позволяя себѣ историческаго повѣствованія, которое вышло бы за предѣлы нашей скромной задачи, мы въ нижеслѣдующемъ сопоставляемъ лишь свидѣтельства источниковъ объ избраніи Яна-Ольбрахта польскимъ королемъ, причемъ сопровождаемъ весьма немногія мѣста примѣчаніями, такъ какъ нѣкоторыя соображенія выскажемъ въ § IV-омъ.

1.

Ioann. Vrsini Cracoviensis *Modus epistolandi* [4°, s. l. et a.][32]), fol. 17 b, cap. XXXV:

---

32) Проф. Езеницкій, по перепечаткѣ котораго l. l. p. 5[1] воспроизводимъ текстъ Урзына, полагаетъ, что книжка издана въ Краковѣ около 1495 г., и прибавляетъ: «cuius rarissimi libelli unum exemplar num X. b. 46½ signatum nunc in Bibliotheca Iagellonica Cracov. asservatur». У Вишневскаго (*Hist. lite-*

Post regis Casimiri obitum funusque de more illi peractum longa optimatum deliberatio fuit, quem ex filiis in demortui locum crearent. Sed cum eo tempore electores omnes convenire minime potuissent, reiecta res est ad XVIII Cal. Septembres, quo die Petricoviam, ut vetus est mos, eligendi gratia se conferrent. In eo itaque conventu permagna fuit altercatio. Maior enim pars optimatum ac [33]) omnes civitates universaque nobilitas Ioanni Alberto suffragium dat. Pauci admodum Sigismundum postulant. Sbigneus autem archiepiscopus cum plerisque fautoribus suis Vladislaum, regem Ungariae, summo studio diligentiaque eligendum censet. Verum eius consilio vehementer ab omnibus reclamatum est. Cum igitur aliquot dies altercatione mutua consumpti fuissent, vicit tandem eorum sententia, qui Albertum eligendum suadebant. Quod videns archiepiscopus animum suum in Albertum cum suis omnibus deflexit. Itaque cum admirabili populi [34]) optimatumque consensu rex est creatus Albertus.

---

rat. Polskiéj III 309) читается тоже: «Wydanie bez miejsca i roku», но прибавлено (примѣч. 192): «Piérwsze to wydanie z r. 1496 podobno *nie w Krakowie* i nie u Hallera; bo tu wyrazy greckie są drukowane, kiedy w wydaniu drugiém: *impressum Cracouie ex officina Ioannis Haller 1522* zostawione są miejsca próżne, w które późniéj te wyrazy piórem dopisowano». Экземпляръ 2-го изд. имѣется въ библ. Варш. университета. Для сужденія о направленіи Урзына сл. Wiszniewski l. l. p. 308: «miał ściśle związki z Kallimachem [*т. е. Филиппомъ Буонаккорси*], Drzewickim, Albertem Brutus [*т. е. Брудзевскимъ*] sekretarzem W. X. Alexandra. Niemniéj szczycił się względami królewicza kardynała Fryderyka». Цитуемое здѣсь обозрѣніе того, что̀ предшествовало провозглашенію Ольбрахта королемъ, стоитъ именно въ письмѣ къ Каллимаху. Обращаетъ вниманіе, что оба главные конкуррента Ольбрахта (Александръ и Янушъ Мазовецкій) не названы; объ архіепископѣ утверждается, что онъ въ концѣ сейма «animum suum in Albertum—deflexit», тогда какъ въ день голосованія Збигневъ не пришелъ вовсе въ собраніе, а позднѣе не скрывалъ, что считаетъ ренунціацію Ольбрахта произведенной незаконно; объ угрожающемъ положеніи, занятомъ войсками Ольбрахта, тоже не упомянуто. Болѣе цѣны имѣютъ данныя, заключающіяся въ первыхъ строкахъ приводимаго извлеченія.

33) Если разсказъ этотъ, при опубликованіи книжки, былъ по указаніямъ свыше, кастрированъ авторомъ, то онъ, пожалуй написалъ первоначально «Maior enim pars optimatum *Alexandro*, omnes civitates» eqs. (сл. дальше изложеніе Ваповскаго).

34) Слово «populi» въ противопоставленіи «оптиматамъ» является здѣсь какъ бы эквивалентомъ сочетанія: «nobilitas (шляхта) atque civitates». Взяла

2.

Matthiae de Michovia *Chronicorum regni Poloniae* l. IV c. 74 [35]):

Ad eligendum novum Regem, posita conventione pro festo Assumptionis Mariae in Piotrkow eodem anno Domini 1492, convenere Optimates et Satrapae regni Poloniae, Praelati, Magnifici et Nobiles. Et quia Alexandrum quarto genitum Lithuani, mortuo Kazimiro tertio [36]) rege Poloniae, statim asciverunt et in Magnum Ducem ⟨*ex sententia et voce eiusdem regis viventis, sed moribundi et tunc ab Lithuanis istud optantis*⟩ sibi praefecerunt, et duobus [37]) super remanentibus, alterum Poloni in regem cum

---

на Урзына, быть можетъ, классическая формула: «senatus populusque», однако «admirabilis consensus», наступившій въ концѣ, отмѣчался въ этой формѣ гораздо понятнѣе, если раньше было сказано (см. прим. 33), что сначала «оптиматы» были сторонниками *не* Ольбрахта.

35) Текстъ Краковск. изданія 1519 г. (коего единственный дошедшій экземпляръ находится въ библ. ягеллонскаго университета) намъ извѣстенъ по перепечаткѣ Шуйскаго въ *Scriptores rer. Polonicar.* t. II (Crac. 1874), p. 257 sq. Текстъ 2-ого изд. (Crac. 1521) любезно сообщилъ намъ проф. С. И. Вѣховъ, которому приносимъ свою искреннюю благодарность (экземпляръ изд.: 1521 г., хранящійся въ библ. Варш. университета, какъ видно изъ каталога пр. Ѳ. Ф. Вержбовскаго *Polonica XV ac XVI ss.* I, p. 12, имѣетъ сигнатуру: 28. 2. 2. 2ª). Добавленія къ тексту 1519 г., внесенныя въ изданіе 1521 г., отмѣчаемъ курсивомъ и ставимъ въ ⟨*скобки*⟩. Одно мѣсто, стоявшее въ изданіи 1519 г., но затѣмъ опущенное въ изд. 1521 г., указываемъ въ примѣчаніи. Бревіатуръ, знаковъ препинанія и нѣкоторыхъ другихъ особенностей типографіи Вietора (напр., въ употребленіи прописныхъ буквъ) мы не придерживались. Кромѣ того, мы пользовались Матвѣемъ Мѣховскимъ по воспроизведенію его «Сарматіи» и его «Хроники» въ сборникѣ Писторія: «*Polonicae historiae Corpus*» (Basileae, per Sebast. Henricpetri. 1582): Писторій даетъ «хронику» по тексту 1521 г.

36) Казиміромъ IV-ымъ его стали называть гораздо позднѣе (послѣ Варшевицкаго), когда забыли, что Казиміръ Справедливый «королемъ» не былъ. Въ Вислицкомъ статутѣ 1347 г. Казиміръ Великій именуетъ себя Казиміромъ вторымъ (такъ-же его всегда называетъ Длугошъ: XI p. 218 Lips., p. 11 Cr. и т. п.). У Кромера исторія правленія Казиміра Ягайловича озаглавлена (въ XXII кн.): «Cazimirus tertius rex».

37) За послѣдовавшею въ 1483 г. смертью второго сына короля (т. е. канонизованнаго въ 1520 г. Казиміра), оставалось въ 1492 г., сверхъ четвертаго сына, Александра (род. 1460), еще *четыре* сына Казиміра Ягайловича въ жи-

quadam animorum infensione et controversia eligere adnitebantur. Communitas nobilium familiaque Rosarum et urbs Cracoviensis [38]) cum aliis civitatibus regni Ioannem Albertum, tanquam maiorem natu, regnare voluerunt, in contrarium Sbigneo de Olesznicza [39]) archipraesule Gneznensi [40]) (ducibus Mazoviae Conrado et Ianussio, Raphaele Iaroslawski marsalco regni, et omnibus de armis bipennium [41]) caeterisque ei assistentibus) adnitente et Sigismundum minorem natu deligere et erigere ‹*seu, sicut communitas cum sibi adhaerentibus rebatur, electionem regiam* [42]) *in eundem Ianussium ducem Mazoviae, qui personaliter cum eodem archiepiscopo campestraliter post villam anteurbii Piotrkoviensis per omne tempus electionis egit, transferre*› conante [43]):

выхъ: Владиславъ (род. 1455, кор. чешск. 1471, кор. угорск. 1490), Янъ-Ольбрахтъ (род. 1459), Сигизмундъ (род. 1467) и Фрыдерыкъ (род. 1468, еп. крак. 1488). Матвѣй изъ Мѣхова говоритъ, что, если не считать Александра, оставалось *два* сына: онъ значитъ, признаетъ, что нечего принимать въ расчетъ Фрыдерыка и Владислава; изъ нихъ первый (епископъ), естественно, къ кандидатамъ на престолъ и не причислялся; зато не лишено значенія, что Матвѣй игнорируетъ кандидатуру Владислава, какъ не серьезную.—Первая вставка, дополнившая текстъ 1519 года («ex sententia—regis—moribundi» eqs.) сдѣлана не столько съ цѣлью т. ск. оправдать литовцевъ въ глазахъ поляковъ, сколько въ видахъ поясненія, что, разъ Александръ былъ уже пристроенъ согласно послѣдней воли отца, то для петрковскихъ избирателей не было основанія относить его къ кандидатамъ на польскій престолъ.

38) Ed. a. 1519: «Graccoviensis». Такъ и въ дальнѣйшемъ (тоже: «Graccovia»).

39) Этотъ Zbigniew Oleśnicki былъ племянникомъ знаменитаго одноименнаго кардинала, умершаго въ 1455 г.

40) Ed. a. 1519: «Gnesnensi». Такъ и дальше.

41) Рѣчь идетъ главнымъ образомъ о Топоръ-Тенчинскихъ; см. ниже разсказъ Бѣльскаго.

42) Въ изд. 1521 г.: «regina», что̀ мы конъектурно исправили.

43) Въ перепечаткѣ 1874 г. слово «conante» набрано курсивомъ въ знакъ того, что это есть чтеніе 1519 г., замѣненное другимъ въ 1521 г. Между тѣмъ «conante» стоитъ и во второмъ изданіи. Проф. Езеницкій пересказываетъ изложеніе 1521 г.; характерны вставки, какими оно отличается отъ редакціи 1519 г.: оказывается, что Збигневъ поддерживалъ, собственно, не Владислава (какъ читается въ письмѣ Урзына), и не Сигизмунда (какъ первоначально думалъ Maciéj z Miechowa), а князя Мазовецкаго. Справедливо ли, при такихъ условіяхъ, ставить Лаврентію Корвину въ вину замалчиваніе въ 1492 г. именъ

donec dux Ioannes Albertus, ‹*hac campestrali statione archiepiscopi et ducis Mazoviae provocatus,*› iuvamine genitricis suae Elizabeth reginae Poloniae ‹*ad illustrissimum et reverendissimum dominum Fridericum, electum et confirmatum Cracoviensem* [44]), *germanum suum, in curia paterna atque regia cum auctoritate praesidentiae, tanquam sub illa archiepiscopi in campo statione usurpari simulata* [45]), *ac ad alios praelatos et proceres, in locis*

кандидатовъ и ихъ главныхъ сторонниковъ. Не умѣемъ себѣ объяснить упрековъ, направленныхъ у г. Kniaziolucki, *Iohann I Albrecht, König v. Polen, in seinen ersten Regierungsjahren* (Leipzig 1875), стран. 52, примѣч. 9, противъ повѣствованія Мѣховиты въ изд. 1521 г.: основательны они только по отношенію къ тексту 1-аго изд. Къ тому-же, на стр. 53, примѣч. 22, г. Князёлуцкій самъ говоритъ: «in der zweiten Ausgabe — stellt er diesen Vorgang richtiger vor».

44) Правà капитуловъ на избраніе епископовъ неоднократно попирались Казиміромъ; съ другой стороны, доходило при немъ по поводу замѣщенія епископскихъ каѳедръ до рѣзкихъ конфликтовъ короны съ Римомъ (ср. подъ 1462 г., сцену у Длугоша XIII p. 306 L., p. 361 Cr.: кóроль въ негодованіи заявляетъ, «satius regnum Poloniae perditum iri, quam Iacobum ad possessionem episcopatus Cracoviensis admittere», а легатъ отвѣчаетъ, «minus fore iacturae, si etiam tria regna depereant, quam Sedes Apostolica iura sua confundat»). Въ данномъ же случаѣ королю удалось провести единогласное избраніе двадцатилѣтняго сына (Ваповскій подъ 1488 г.: «ad patris regis postulationem... per Cracovienses praelatos et canonicos, *nemine discrepante*, est electus»). Утвержденіе послѣдовало лишь черезъ 4 года, какъ разъ въ 1492 г. (Vapouius ibid. p. 8 ed. Szujski: «Quam electionem Alexander eius nominis sextus... ratam fecit»). Какъ извѣстно, между папской конфирмаціей избранія и консекраціей полагается трехмѣсячный срокъ.

45) Слова, «in curia - simulata» темны. Ожидаешь текста, въ родѣ: «Albertus... ad... Fridericum..., in curia paterna atque regia cum auctoritate praesidentiae ‹*residentem*›, tanquam sub‹*dole*› illa‹*m*› archiepiscopi in campo statione usurpari ‹*in*›simula*ret*, ac ad alios ...armato milite... misso, electioni suae renitentes ...compescuit». Указывался официальный предлогъ насилія, къ которому прибѣгнулъ Ольбрахтъ: онъ обвинялъ Збигнева въ коварномъ (ср. «astu» у Ваповскаго) присвоеніи себѣ съ мазовецкою помощью значенія предсѣдателя («illam» = auctoritatem praesidentiae). Собственно же, наоборотъ, краковскій епископъ захватилъ то предсѣдательство, которое принадлежало de iure архіепископу гнѣзненскому. Сдѣлалъ это Ф., ссылаясь на то, что поселился «in curia paterna atque regia», почему въ ней и является де хозяиномъ. Проф. Езеницкій въ своемъ пересказѣ приписываетъ Матвѣю Мѣховскому слишкомъ наивную идеализацію Ольбрахта: «I. Albertum, sollicitum, ne ex gravi electorum dissensione tumultus aut caedes oriretur, ...milites... misisse». Въ хроникѣ ясно сказано: «renitentes - compescuit».

consuetis residentiarum anteurbii illius electionem repraesentantes,> armato milite in Piotrkow misso [46]), electioni suae renitentes et spolia [47]) parti eius inferentes compescuit. Die itaque Lunae 27 mensis Augusti, luna applicante ad ascendens radicis eius [48]), Ioannes Albertus in Piotrkow rex Poloniae proclamatus et publicatus est, Ioanneque de Tarnow filio palatini Cracoviensis ad electum ducem Albertum velocissime in Cracoviam advolante et electionem publicante, Te Deum laudamus in crastino electionis Cracoviae (mirum in modum omnibus gratulantibus et gaudentibus, ignes multis locantibus, vasa quoque vini et cervisiae exponentibus) decantatum est. Coronatio tandem eius in regem Poloniae Dominica in crastina Mauricii, quae fuit 23 Septembris, celebrata. Coronatus autem et inunctus est per Sbigneum Gneznensem archiepiscopum debilem et hydropicum, assistentibus ei praedicto [49]) Friderico electo Cracoviensi confirmato, Petro Moscznski Cuiaviensi, Vriele de Gorka Posnaniensi episcopis caeterisque pontificibus et praelatis, regina quoque Elizabeth genitrici ipsius inspectante ac multitudine copiosa, Sbigneo archiepiscopo Gneznensi, marsalco regni Iaroslawski aliisque eius coronationem dedignantibus [50]) depost brevi mortuis.

---

46) Въ изд. 1519 г. стояли между «misso» и «electioni» слова: «ad minus trecentorum stipendiariorum». Гораздо болѣе крупную цыфру даетъ Ваповскій: см. ниже.

47) Слово употреблено въ смыслѣ «damna», если только не искажено изъ «negotia» («negotia inferre» = n. facessere) или «dispendia».

48) Астрологическія замѣтки, сообразно съ тогдашней модой, сопровождаютъ повѣствованіе о цѣломъ рядѣ событій. Дециій *(de Sigism. regis temporibus* p. 325 t. II базельск. Corp.) говоритъ, что Матвѣй Мѣховскій былъ «astrorum praescientia (si his certa fides esse debet) nulli sua aetate secundus» и приводитъ его точно исполнившееся «vaticinium» о томъ, что король, двинувшійся въ путь въ началѣ марта 1515 г., не увидитъ императора раньше половины іюля. На счетъ Матвѣя содержалась особая каѳедра астрологіи.

49) Слово стоитъ въ текстѣ 1519 г., потому что сар. 73 говорится уже о Фрыдерыкѣ.

50) Сказано ли это въ смыслѣ: «которые не хотѣли (нѣкогда) удостоить его короны»? или авторъ написалъ: «denigrantibus»?

3.

Изъ Iodoc. Ludov. Decii l. II [51]):

Ad superos Kazimiro principe... relato, comitia senatus consulto apud Piotrkoviam habita: Ioannes Albertus ad rem publicam tutandam in regem assumptus est. Fuere tunc qui (antequam universorum animi in Albertum eveherentur) Sigismundi principis res intrepide tuerentur. At regina quod ad rem publicam attinet fideliter persuasit et de Sigismundo coeptum mitigavit. Ita Albertus rerum sine discrimine potitus est.

Изъ Iodoc. Lud. Decii l. III [52]):

Patre Kazimiro mortuo atque a Lithuanis Alexandro in ducem assumpto, Sigismundus Ioannis Albertí pro paterno regno competitor, sed Elizabeth reginae parentis adhortationibus expugnatus, Alberto cessit [53]).

---

51) Деций цитуется нами по t. II базельскаго *Polonicae historiae Corpus* (1582). Мѣсто изъ 2-ой кн. напечатано p. 290. Первая книга Деція озаглавлена: «De vetustatibus Polonorum liber», вторая: «De Jagellonum familia», третья: «De Sigismundi regis temporibus» (изложеніе доведено до конца 1516 года, а въ припискѣ обозрѣваются событія до 1521 г.). Деций род. въ 1485 г., ум. въ 1545 г.

52) ibid. p. 300.

53) Отсюда вытекаетъ, что Сигизмундъ выступилъ настоящимъ соискателемъ («competitor») престола въ 1492 г. (ср. у Ваповскаго: «ambiebant»), и что мать исторгла лишь «съ бою» его согласіе взять свою кандидатуру назадъ («reginae — adhortationibus *expugnatus* — cessit»). Decius былъ въ числѣ секретарей короля Сигизмунда I и свое сочиненіе посвятилъ ему: не сталъ бы онъ на такую тему говорить тутъ зря. Какъ усматривается изъ приводимаго ниже (подъ № 7) угорскаго источника, вдова Казиміра склонила и старшаго сына, Владислава, къ заявленію, что онъ не имѣетъ притязаній на польскую корону. Изъ Матвѣя Мѣховскаго (№ 2) и Ваповскаго (№ 4), которымъ слѣдуютъ Кромеръ и Бѣльскій (№№ 5—6), видно, что Елизавета-же дала Ольбрахту деньги, позволившія ему отправить наемниковъ въ Петрковъ. Яницкій (ум. 1543 г.) былъ, слѣдовательно, вполнѣ правъ, когда въ своихъ *Vitae principum Polonorum* писалъ:

Ducis, Ioannes Alberte binominis, agmen
Sarmaticum, matre id perficiente tua.

У насъ, къ сожалѣнію, подъ руками лишь тотъ текстъ стихотворенія, который напечатанъ въ базельскомъ Corpus, t. II p. 398—401; приведенный пентаметръ гласитъ тамъ: «S., m. id *perfidente* tua», что̀ мы конъектурно измѣнили.

4.

Изъ хроники Бернарда Ваповскаго (ум. 1535 г.)[54]:

Poloni optimates Casimiro rege optimo fatali necessitate absumpto pro summo habuerunt negotio, ut pro rege novo deligendo regalia comitia quam primum fierent Petricoviae apud Sidones[55], ubi conventus procerum fieri et regis Poloniae declarandi mos est. Albertus, Alexander et Sigismundus fratres[56] avitum paternumque regnum ambiebant. Alexander post patris in Lituania decessum ab eius gentis proceribus Vilnae in Galindis Sudinis[57] Magnus Dux est appellatus ac sollemni caerimonia sublimatus; ubi[58], paterno corpore in Poloniam ad sepulchra regum remisso, ipse apud Lituanos substitit. Erant plerique ex Polonis summatibus, qui Alexandrum regem declarandum Lituaniamque rursus regno Poloniae iungendam censebant, utriusque rei publicae commodo, tam Polonae quam Lituanae, quibus si principes diversi imperarent, futurum, ut ad resistendum barbaris hostibus infirmiores redderentur. Curandum quam maxime, ne per amplissimae provinciae scissionem res publica Polona maius aliquod patiatur detrimentum. Vtriusque gentis invicto commilitio maxi-

---

54) Мы пользовались обнимающимъ «czasy podługoszowskie» (т. е. время съ 1480 г.) изданіемъ I. Шуйскаго въ «Scriptores rerum Polonicar.» t. II (1874) p. 14 sqq. На стран. XXX введенія сказано о рукописи гр. Баворовскаго, послужившей единственной основой изданія: «Text przez kopistę z innego nie zawsze, widać, czytelnego rękopismu odpisywany poprawiała inna ręka, spiczastą i ogoniastą kursywą z końca XV i początku XVI wieku pisząca... Wodne znaki pisma... wskazują lata między 1540 a 1555». Самъ Ваповскій умеръ въ 1535 г. Текстъ кодекса гр. Б. списанъ съ другой рукописи. Бумага изготовлена въ половинѣ XVI в. Поправки второй руки отнесены, значитъ, лишь вслѣдствіе опечатки къ концу XV или началу XVI в., читать же, вѣроятно, слѣдуетъ: «z końca XVI i początku XVII w.». Воспроизводя текстъ Ваповскаго, мы не держались орѳографіи кодекса гр. Б. («que» = quae, «apellatus» и т. п.).

55) «Sulones»? Но слѣдовало бы выяснить, какимъ изданіемъ Птолемея пользовался Ваповскій.

56) О Владиславѣ нѣтъ рѣчи.

57) «Galindis Sudinis⟨ve⟩»?

58) «*u(n)de* p. corpore — remisso»?

mos saepe fusos esse hostium exercitus, clarissimos reportatos triumphos. Expedire[59]) itaque, utramque gentem unum habere principem, unum moderatorem, qui iunctis utriusque populi viribus firmiori rerum suarum[60]) stabilimento fulciatur. Quae sententia etsi optima videbatur, Albertus tamen aetatis privilegio, et quia, profligatis[61]) aliquoties Tartaris, egregiae indolis et spectatae virtutis experimentum edidisset, eam deprimebat. Nec Sigismundo iuniori suae deerant in senatu partes, singularis prudentiae et virtutis opinione, quoniam, ut pater, erat abstemius[62]), pura lympha sitim restinguere solitus, quae res vegetioris eum futurum ingenii et per haec consilii maioris ad[63]) gubernandum aptioris spondebat. Venerat ad ea quoque comitia Ianusius, Masoviae dux, mille equitum comitatu: tentoriisque patenti campo ante Petricoviam positis, astu et potentia regnum ambire videbatur, ex regum veterum Poloniae prosapia se esse iactitans[64]). Nec propterea suae *isti*[65]) deerant in senatu partes: Sbigneus Olesnicius, Gnesnensis metropolita, secretis consiliis ac crebris conventiculis ei regnum astruebat, et erant equites multitudine formidabiles, coeperantque Masovii insolentius agere. Qua re Elisabeth regina intellecta, mille sexcentos[66]) equites armatos ad

---

59) Ed. a. 1874: «expeditque», что мы исправили, такъ какъ знакомство автора съ построеніемъ косвенной рѣчи видно даже изъ этого контекста.

60) «sociatarum»? «rerū *unitarum*»?

61) Ed. a. 1874: «profligatus».

62) Ed. a. 1874: «absten-cius» (т. е. съ переносомъ въ слѣдующую строку). Что Ольбрахтъ охотно предавался «conviviis et compotationibus amoribusque mulierum», отмѣчаетъ Кромеръ l. XXX p. 820 ed. 1582 (см. выше, пр. 30).

63) Выпалъ союзъ; можно бы читать: «maioris ⟨*ac*⟩ ad gubernandum aptioris», такъ какъ тогда не стѣснялись ставить *ac* передъ гласными.

64) Выраженіе заимствовано изъ разсказа Длугоша IX p. 192 Cr. (подъ 1339 г.) о томъ, какъ на совѣщаніи Казиміра Великаго съ прелатами и баронами о назначеніи наслѣдника престола многіе рекомендовали «Semovitum Ducem Masoviae, alii Ianussium etiam Masoviae principem, alii Wladislaum Opoliensem Ducem —, tamquam *ex semine et prosapia veteri regum Poloniae satos*».

65) Ed. a. 1874: «sibi».

66) Въ изд. 1874 г.: «sexingentos» (такъ и p. 16: «Posnaniam — invisit mille sexingentorum equitum aulicorum comitatu»). Ср. пр. 75. Даже относительно

Fredericum Cardinalem [67]), qui in regali [68]) curia comitiis praesidebat, ex Cracovia Petricoviam transmisit: quorum pars maxima erant [69]) qui cum Alberto principe non multo antea in Vngaria militaverant. Quorum accessu Alberti partes insigniter superiores esse coeperunt, Sbigneo [70]) metropolitae et Masoviis [71]), adversae

---

«octuaginta» (напр., въ изд. рѣчи Ваповскаго отъ 1523 г.), что̀ вѣдь приписывается съ одной стороны Колумеллѣ (XI 2, 40), съ другой же стороны встрѣчается въ изданномъ текстѣ письма Сигизмунда I къ папѣ Льву X отъ 1514 г. [«octuagasimo» напр. въ полномочіяхъ за подписью Яна Собѣскаго: Dogiel IV p. 511], должно сомнѣваться: по крайней мѣрѣ, въ *стихахъ* Ваповскій сказалъ навѣрное «octoginta» (*Paneg.* v. 11), правда, съ ошибочною краткостью конечнаго *a* (стихи эти также нуждаются въ эмендаціи; приведемъ лишь v. 51: «Disce tuo exemplo claves non *tempore* Petri», гдѣ, очевидно, слѣдуетъ возстановить: «non tem*nere*», согласно Verg. *A.* VI 620).

67) Это, на первый взглядъ, странная антиципація. Хотя еще Казиміръ въ 1490 г. просилъ черезъ Каллимаха кардинальской шляпы для сына у Иннокентія VIII, однако эта миссія успѣха не имѣла. Ваповскій далѣе (p. 17 sq.) самъ разсказываетъ: «Sbigneus Gnesnensis metropolita, qui haud multo postea [*читай: «antea»*] in comitiis regalibus Masoviae duci regnum astruebat, ...vita decessit. In cuius locum Fridericus Casimiriades... omnium suffragiis est suffectus. Quam electionem ut Alexander Rom. Pontifex eius nominis sextus assensu suo ratam faceret, Petrus Vapowski Radochoviensis, decanus Cracoviensis [*это дядя историографа*], qui non postremum gratiae locum apud electum principem obtinebat, in Italiam est missus... Qui... Fridericum metropolitam Gnesnensem pronuntiari et inter supremi ordinis antistites ascribi Cardinalemque presbyterum creari obtinuit». Назначеніе состоялось 20 сент. 1493 года (Miechowita, IV c. 77 p. 244 Bas.; Decius, *de Iagell. fam.* p. 294 t. II баз. «Corp.»). Ваповскій, назвавъ пролептически Фрыдерыка при описаніи петрковскаго сейма 1492 г. кардиналомъ, не думалъ ли предотвратить у читателя вопросъ: «а почему же предсѣдательствовалъ не Збигневъ?». Не надо, конечно, терять изъ виду близкихъ отношеній Ваповскихъ къ Фрыдерыку; однако, тутъ могла сказаться и просто небрежность. Ср. напр. стр. 19: Ваповскій, говоря подъ 1494 годомъ о съѣздѣ въ Левочѣ, называетъ Сигизмунда «Glogoviensis Opaviensisque dux», забѣгая такимъ образомъ впередъ на шесть лѣтъ.

68) Ed. a. 1874: «regalia».

69) Ed. a. 1874: «erat».

70) Послѣ «Sbigneo» легко могло выпасть ожидаемое здѣсь «иего».

71) Въ 1493 г. Конрадъ Мазовецкій «прислалъ въ Москву Варшавскаго Намѣстника... сватать за него одну изъ дочерей Великаго Князя... Государь не хотѣлъ вдругъ изъявить согласія и самъ отправилъ пословъ въ Мазовію для заключенія предварительнаго договора съ ея княземъ: 1) о вспоможеніи, которое онъ даетъ Россіи противъ сыновей Казиміровыхъ; 2) о назначеніи вѣна для будущей супруги его: то есть, Іоаннъ требовалъ, чтобы она имѣла

factionis hominibus, animus concidit. Liberioribus [72]) deinceps in senatu actum suffragiis. Postremo, Friderico cardinali antistite adnitente [73]), consensu procerum et favore populari⟨*um*⟩ [74]), qui elatis vocibus Albertum regem foris vociferabantur, Albertus Casimiriades, quod faustum felixque sit, in regem est electus ac proclamatus die mensis Augusti vicesima sept⟨*im*⟩a [75]) eius anni, quo Casimirus pater in humanis esse desiit.

5.

Изъ Martini Cromeri *De origine et rebus gestis Polonorum* libri XXX [76]).

въ собственномъ владѣніи нѣкоторые города и волости въ Мазовіи» (Карамзинъ, т. VI, гл. 5, стр. 246 изд. 1852 г.). Переговоры эти ни къ чему не привели: но характерно, что Конрадъ рѣшился вообще возбудить ихъ. Подъ 1495 г. Ваповскій пишетъ (p. 21): «Ioannes Plocensis in Masovia dux..., qui in regalibus comitiis regnum ambiebat («*ambierat*»?), vita decessit. Post cuius obitum, quoniam virilis sexus liberos... nullos reliquit, Albertus (dux iure feudalis, ut aiunt, praeeminentiae) Plocensem terram... obtinuit ac mensae suae regiae adiecit». Cf. Miechow. IV c. 78. Конрадъ въ 1496 г. получилъ черскую землю и пожизненно Варшаву, Вышогродъ, Закрочимъ, Цехановъ, Ломжу и Новый Дворъ по договору, установленному на петрковскомъ сеймѣ того-же года. Въ 1497 г. Конрадъ принесъ въ Люблинѣ ленную присягу, обязавшись, между прочимъ, прекратить измѣнническія сношенія съ врагами Польши (Kniaziołucki l. l. pp. 30. 59 Anm. 101).

72) Ослѣпленный пристрастіемъ къ Фрыдерыку, авторъ даже не маскируетъ противорѣчія въ своемъ изложеніи.

73) Значитъ, до послѣдней минуты «proceres» не давали своего согласія: «усилія» епископа были направлены на то именно, чтобы добиться *ихъ* голосовъ: соотвѣтственно тому, раньше сказано «in senatu». Ср. § IV.

74) Ed. a. 1874: «populari».

75) Ed. a. 1874: «septa». Ср. прим. 66.

76) Приводимъ текстъ по кельнскому изданію 1589 г. (страницы коего и указываемъ). На заглавномъ листѣ сказано: «Omnia nunc ultimo ab ipsomet auctore recognita, ac multis locis emendata et aucta». Кромеръ въ этомъ-же году умеръ. Посвящено новое изданіе еще, впрочемъ, королю Стефану въ 1586 г. Оно обнимаетъ также обѣ книги «De situ, populis, moribus, magistratibus et republica regni Poloniae», которымъ до тѣхъ поръ было спеціально присвоено наименованіе: «Polonia», распространенное издателемъ 1589 г. на весь сборникъ. Трехъ первыхъ изданій *исторіи* Кромера (Basileae, ex offic. Ioannis Oporini,

Lib. XXIX (*p. 437 b*): (Cazimirus) ubi animadvertit supremum vitae diem sibi instare, testamentum condidit, quo Vuladislaum filium exhaeredavit. ...mense Iunio animam exhalavit. Lib. XXX (*p. 437 a*): Cazimiro sepulto, ad medium Augustum Petricoviam novi regis creandi causa itum est. (*p. 437 b*) Ibi varia fuere studia procerum [77]), in regis defuncti filios absentes partita. Iohanni [78]) Alberto favebant plerique pro- (*p. 438 a*) pter aetatis praerogativam et specimen virtutis bello Tattarico [79]) editum. Nonnulli elatiore animo et supercilio eius offensi, partae de Tattaris victoriae Vngaricum bellum adverso eventu gestum opponebant: illam virtuti militum et fortunae, hoc imperitiae ducis acceptum ferentes. Hi vero partim Alexandro natu proximo, suavioribus moribus et liberalitate praedito, partim Sigismundo iuniori regnum destinabant. Pro Alexandro erat foedus, quo Poloni et Lituani [80]) Iagellonis regis opera coniuncti, sub unius imperio semper se fore promiserant, et expedire id maxime regno videbatur. Iam autem Lituani patris morientis iussu, quemadmodum dictitabant, Alexandrum ducem sibi creaverant. Refellebant hoc alii: Lituanos contra pacta conventa uenisse [81]), qui inconsulto senatu Polonico ducem sibi creassent: indignum esse, Polonos in

---

1555. 1558. 1568) мы не видали (изданіе 1555 г. есть то, которымъ пользовался Бѣльскій). Но, предположивъ, что въ базельскомъ «Corpus» 1582 г. она перепечатана изъ 3-ьяго базельскаго изданія 1568 г. («libri... tertium ab authore diligenter recogniti»), мы съ кельнскимъ текстомъ соотвѣтственныхъ отрывковъ Кромера сличили базельскій 1582 г., читаемый въ Писторіевомъ «Corpus», варіанты котораго сообщаемъ въ примѣчаніяхъ (умалчивая, однако же, о бревіатурахъ).

77) Ed. Basil. a. 1582 t. II p. 814: «procerum et equitum». Не слѣдуетъ думать, что два послѣднія слова опущены по типографскому недосмотру въ кельнскомъ изданіи: см. § IV.

78) Въ сборникѣ Писторія: «Ioanni», что затѣмъ является орѳографіей и кельнскаго изданія.

79) У Писторія: «Tartarico», и такъ-же дальше.

80) У Писторія: «Lithuani», и такъ-же дальше.

81) Выраженіе «venire contra» не разъ употребляетъ аналогично Цицеронъ; «sciuisse» не сказано, такъ какъ разумѣемый глаголъ (если намъ только память не измѣняетъ) Кромеръ примѣняетъ не иначе, какъ въ сочетаніи: «tributa sciscere».

rege creando eorum sequi sententiam, quibus ipsi praeire deberent. Haberet sibi Alexander Lituaniam, Ioannes Albertus Silesiam a Vuladislao fratre assentientibus Vngaris et Boemis[82]) proceribus pacto promissam cum spe regni Vngarici: Sigismundum fato quodam aut providentia divina Polonis regem relictum ac destinatum esse: et vegetioris autem[83]) animi eum esse et generosioris indolis. Huius autem sententiae authores erant Raphael Iaroslauius marsalcus regni ac Tencinii, quos sequebatur cuncta Topororum familia. Idem sentire videbatur Sbigneus Olessnicius archiepiscopus Gnesnensis[84]), qui Iacobo Sennenio successerat[85]). Tametsi creditum est, eum hoc quidem prae se tulisse, re vera autem Ioanni Masouiorum[86]) duci studuisse: cum quo, fixis in patenti campo tentoriis, stativa habebat. Non obscure enim Ioannes, velut vetusto regum Polonorum sanguine oriundus, regnum ambire videbatur: et mille equitibus comitatus una cum fratre Conrado ad comitia venerat. Res ad vim spectare videbatur, insolentius et ferocius sese gerentibus Masoviis. Quo comperto, regina Elizabetha mille sexcentos equites aere suo Cracoviae raptim conductos ad Fridericum filium episcopum Cracoviensem et caeteros, qui Ioannis Alberti partes tuebantur, praesidii causa misit. Ex his complures erant, qui sub Ioanne Alberto in Vngaria stipendia meruerant. Ibi tunc superiores esse coeperunt Ioannis Alberti partes. Cumque frequens senatus in aulam regiam, ubi Fridericus diver- (*p. 438 b*) tebat, convenisset, et Fridericus, archiepiscopo non veniente, comitiis praesideret[87]),

---

82) У Писторія: «Bohemis»; такъ и дальше.

83) «saltem»? «siquidem»? Слово могло уже въ 1-омъ изд. исказиться или попасть сюда изъ слѣдующаго. Если это тогда же не обратило на себя вниманіе автора, то первое «autem» и переходило безпрепятственно въ дальнѣйшія изданія.

84) У Писторія: «Gneznensis».

85) Слова «qui — successerat» въ баз. изд. 1582 г. отсутствуютъ.

86) У Писторія: «Mazouiorū» (и дальше: «Mazouijs»).

87) Въ отличіе отъ Матвѣя Мѣховскаго и Ваповскаго, Кромеръ представляетъ дѣло такъ, что предсѣдательствованіе только случайно перешло къ

vicesima septima die mensis Augusti Ioannes Albertus rex renunciatus est, non magis procerum suffragiis, quam populi foris circum comitium [88]) stantis clamore adiutus. Cracoviam deinde reditum est: ibique de more novus rex, a Sbigneo archiepiscopo ritu solenni unctus, diadema suscepit. Et quoniam non satis securus erat ab iis, qui ipsi [89]) in adipiscendo regno adversati erant, sive adeo quod ulcisci ipse eos cogitabat, et potentiam tamen eorum reformidabat, cum Vuladislao fratre Vngarorum et Boemorum rege secreto foedus icit per oratores: quo diserte cautum est, ut mutuam sibi opem ferrent reges contra rebelles subditos. Nam et hic erat suis contemptui [90]). Verum non ita multo post, nempe post insequentis anni principium, Raphael Iaroslauius marsalcus et Sbigneus Olessnicius archiepiscopus, principes eorum, qui Ioanni Alberto adversati erant, obiere, angore [91]) animi, quemadmodum creditum est, confecti. Tametsi Sbigneus grandaevus aqua intercute, qua iam inde [92]) ante comitia laborare coeperat, extinctus est.

6.

Изъ Marcina Bielskiego *Kroniki Polskiey* ks. IV [93]).

Po pogrzebie Krola Kazimirza ziechali sie Polacy do Piotrkowa

---

Фрыдерыку вслѣдствіе неявки архіепископа. Не пришелъ же Збигневъ въ день выборовъ врядъ ли по болѣзни (такъ Бѣльскій): скорѣе всего онъ надѣялся выиграть время и парализовать обнаружившееся съ прибытіемъ наемниковъ намѣреніе Ольбрахта понудить сенаторовъ къ подачѣ голосовъ въ его пользу. О городахъ и въ (данной редакціи) шляхтѣ Кромеръ вовсе не говоритъ по поводу сейма 1492 г., если не считать словъ: «populi — clamore adiutus».

88) У Писторія опечаткой: «comitum». См. § IV.

89) У Писторія еще «sibi», что̀ авторъ безъ нужды измѣнилъ.

90) Слова: «Nam et hic erat suis contemptui» въ базельск. изд. 1582 г. отсутствуютъ. Бѣльскій — сынъ ихъ утилизовалъ («bo też y Węgrowie niektorzy na krola Węgierskiego brykali»).

91) Въ Кельнскомъ изданіи опечаткой: «angori». У Ваповскаго р. 17 сказано, что Збигневъ умеръ «curis et senio conflictatus».

92) «pride(m)»? Ср. пр. 83.

93) Цитуемъ по Варшавск. изд. 1830 г., стр. 34—36 т. XVI-аго (часть V)

miesiąca Sierpnia na wybieranie nowego Krola. gdzie tam rożne vota były: iedni chcieli Olbrachta, zwłaszcza Rycerstwo, iż otrzymał dobrą sławę gdy Tatary po dwakroć poraził: lecz drudzy go niechceli, iż stracił bitwę w Węgrzech, maiąc go też za pysznego: ale chcieli Alexandra, iako pokornieyszego y szczodrzeyszego: drudzy chcieli Zygmunta, iako statecznieyszego, przy ktorym stał Raphał Jarosławski Marszałek, y Tęczyńscy ze wszystką Toporow Familią. Acz Litwa iuż była wybrała Alexandra za Wielkiego Księdza, iako ociec roskazał, ale Polacy wsparli sie o to z Litwą, dowodząc tego prawem, iż oni bez Polakow nie mogą sobie Pana obierać, takież Polacy bez nich: boby to iuż było przeciw Uniey. Przyiechał też Janusz X. Mazowieckie z bratem Konradem do Piotrk. na ellekcyą, w tysiącu koni: namioty im szeroko rozbito po polu, maiąc tę nadzieię aby Janusza za Krola wybrano, iako potomka starych Krolow Polskich: z ktorym gdy Mazurow sie pełno naiechało ięli przewodzić, y otym przemyślawać, iakoby gwałtem Janusza Xiążę swoie obrali: iakoż miał potaiemnie życzliwego sobie Zbiszka Oleśnickiego Arcybiskupa. obaczywszy to Krolowa Helżbieta zebrała za swe peniądze ludzi służebnych w Krakowie pułtora tysiąca, ktore posłała synowi Fryderykowi Biskupowi Krakowskiemu, aby bronił strony Olbrachtowey z drugimi ktorzy iego stronę dzierżeli: a miedzy temi służebnymi było tych wiele co Olbrachtowi do Węgier służyli. Gdy tedy Senatorowie Polscy y ślachta wszystka do koła sie zeszła dnia 27 miesiąca Serpnia, gdzie Fryderyk sam na ten czas presidował (bo Zbiszka Arcybiskupa nie było, zachorował był) [94]), obrali wszyscy iednostaynie Olbrachta, na ktorego ludzie Rycerscy co około namiotu stali naprzod krzyknęli. Także znim prosto do Krakowa iechali: gdzie od Zbiszka Arcybiskupa, iuż na ten czas

---

коллекціи: «Zbiór pisarzow polskich». Воспроизводимъ съ точностью орѳографію изданія. — M. Бѣльскій ум. въ 1575 г., хроника его издана впервые въ 1597 г. въ Краковѣ его сыномъ Іоахимомъ, въ значительной мѣрѣ переработавшимъ ее.

94) Замѣтка: «zachorował był» имѣетъ совершенно голословный характеръ

opuchłego, koronowan był, y pomazan według starego zwyczaiu. acz nie z chęci to czynił: bo był przeciw temu, y z Raphałem Jarosławskim Marszałkiem, y z innemi nektoremi Pany: y przetosz sie iawnie przeciw temu protestował, iakoby nie był Krol wolnie obrany. Zaczym Krol Olbracht, posławszy do Władysława brata Krola Węgierskiego, uczynili Confederacyą miedzy sobą taiemną, że gdzieby znich ktoremu poddani wierzgać chcieli, tedy sobie przeciw im pomoc mieli: bo też y Węgrowie niektorzy na Krola Węgierskiego brykali. Wszakże ci Panowie, to iest Arcybiskup y Mazszałek, prędko po koronacyey pomarli.

7.

Изъ Ludov. Cervarii Tuberonis *Commentar.* lib. VI[95]):

Albertus... regnum non tam senatus procerumque voluntate, quam matris iniit suffragatione. Polonorum enim bona pars principum, veriti ferox Alberti ingenium, studiis suis in Wladislaum Hungarorum regem inclinabat, ius gentium timori suo praetendentes: erat enim Wladislaus... liberorum Casimiri omnium natu maximus. Igitur uxor Casimiri, tametsi Polonos principes magna ex parte conciliasset Alberto, rata tamen, uti se res habebat, nonnisi Wladislai interposita auctoritate Polonos passuros Albertum in Polonia quiete regnum obtinere, regni Polonici rebus simul et liberorum prospiciens concordiae, hominem ex suis, cuius fidem erga Albertum exploratam habebat, oratorem ad Wladislaum filium in Hungariam mittit... Facile Wladislao (simul in omnem humanitatem suapte natura propenso, simul quieti dedito) Polonus orator persuasit, quum praesertim nollet fraternum amorem ulla iniuria exhaustum videri[96]). Huc accedebat, quod in rem suam fore arbitrabatur, fratrem (aliena opera regem consti-

95) Воспроизводимъ по извлеченію изъ угорскихъ источниковъ въ «Scriptores rerum Polon.», t. II (1874): Шуйскій слѣдуетъ здѣсь тексту изд. 1784 г. (Racusii).

96) Янъ-Ольбрахтъ при отцѣ добивался вѣдь угорской короны и совершилъ противъ брата два неудачные похода.

tuendum moxque potentia aequalem prope sibi futurum) tanto beneficio benevolum potius reddere caeterisque hanc praeripere gratiam, quam ei nequicquam forsan et non sine proprio adversari periculo... Itaque legatos ad Albertum confestim misit, qui ei de regno gratularentur, simul et ad mutuum eum amorem hortarentur[97]).

IV.

Сравненіе вышеприведенныхъ отрывковъ наводитъ на нѣкоторыя соображенія какъ относительно историческаго достоинства соотвѣтственныхъ разсказовъ объ избраніи Яна-Ольбрахта королемъ, такъ и по существу вопроса о польскихъ избирательныхъ «комиціяхъ» къ концу XV и въ началѣ XVI в.

1.

Значеніе самостоятельныхъ источниковъ имѣютъ въ данномъ случаѣ преимущественно Мѣховита и Ваповскій. Децію мы обязаны замѣткой, что Сигизмундъ домогался серьезно престола въ 1492 г. и отказался отъ кандидатуры лишь вслѣдствіе настояній

97) Когда Ольбрахтъ умеръ (1501), преждевременно явилось къ Владиславу польское посольство, не имѣвшее отъ сейма полномочій, и просило его занять вакантный престолъ въ качествѣ старшаго сына Казиміра. Владиславъ согласился и разослалъ письма къ папѣ, Максиміліану, Людовику XII фр. и другимъ съ извѣщеніемъ, что Господь возвезъ его и на третій, — отцовскій престолъ. Между тѣмъ на сеймѣ избрали Александра. Въ изданіи 1519 г. Матвѣй Мѣховскій говоритъ о дальнѣйшемъ (l. IV c. 80): «Celerrimo itaque ac velocissimo nuncio super hoc [т. е. объ избраніи Александра] rex Wladislaus certificatus, maxima cum festinatione dromedarios [«dro(m)*ess*edarios»?] et cursores revocatum ire et intercipere suas literas regibus destinatas misit... Et quum Poloni multas super hoc rationes electionis Alexandri regi Wladislao scripserunt, *moleste tamen et male tulit*». Въ изданіи 1521 г., согласно требованію короля Сигизмунда, поставлено, вмѣсто послѣднихъ словъ: «non moleste tulit». Сигизмундъ щадилъ память умершаго въ 1516 г. брата, такъ какъ, во первыхъ, получилъ нѣкогда (ср. прим. 11) удѣлъ отъ него, во вторыхъ же, такъ какъ Владиславъ, по смерти Александра, еще въ концѣ 1506 г. при посредствѣ посла своего заявилъ сейму, что отказывается отъ всякаго соперничества съ Сигизмундомъ. У Ваповскаго, примѣнительно къ изд. 1519 г., сказано: «Qui etsi graviter tulit eo sibi modo illusum, dolorem tamen conceptum dissimulavit». У Кромера, на основаніи редакціи 1521 г., читается: «factumque moderate tulit».

матери. Отъ Туберона узнается объ однородномъ вліяніи Елизаветы на Владислава и о томъ, что сторонники послѣдняго[98]) указывали на его *старшинство*, какъ на *правовой* аргументъ въ его пользу[99]). Бѣльскаго мы можемъ оставить безъ вниманія: онъ всецѣло зависитъ отъ Ваповскаго и Кромера, отъ себя же сдѣлалъ только произвольное добавленіе, что 27 августа архіепископъ не пришелъ «по болѣзни» въ собраніе. Равнымъ образомъ сохранившаяся редакція Урзына, за исключеніемъ, конечно, упоминанія городовъ и шляхты, не представляетъ цѣны во всемъ, что касается событій въ Петрковѣ: авторъ либо не знаетъ о нихъ, либо искажаетъ факты (по собственному ли намѣренію, или вынужденно). Зато, какъ лицо, проживавшее въ Краковѣ въ іюлѣ 1492 г., Vrsinus заслуживаетъ вниманія въ первой части своего повѣствованія: «Post regis Casimiri — funus — longa optimatum deliberatio fuit, quem ex filiis[100]) in demortui locum crearent[101]). Sed cum eo tempore electores[102]) omnes convenire minime potuissent, reiecta res est ad XVIII Cal. Septembres, quo die Petricoviam, ut vetus est mos, eligendi gratia se conferrent».

---

98) Но преувеличеніемъ представляются слова Туберона: «Polonorum-bona pars principum... in Wladislaum inclinabat».

99) Ср. Мѣхов.: «Albertum, tanquam maiorem natu (сравнительно съ Сигизмундомъ), regnare voluerunt»; Ваповск.: за Ольбрахта (сравнительно съ Александромъ) говорило «aetatis privilegium»; Кромеръ: за Ольбрахта (сравнительно съ Александромъ и Сигизмундомъ) были plerique propter aetatis praerogativam». Но одинъ Туберонъ свидѣтельствуетъ, что старшинству (Владислава) отдавали предпочтеніе во имя «ius gentium», что̀ тутъ значитъ просто ius publicum.

100) Этимъ признается обязательное въ принципѣ примѣненіе династическаго начала.

101) Подлежащимъ является *optimates*: этимъ послѣднимъ, стало быть, въ предѣлахъ соблюденія династическаго принципа присваивается нераздѣльное право замѣстить королевскую вакансію.

102) Полноправные *electores* были, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ и членами собранія «оптиматовъ», т. е. сената. Въ дальнѣйшемъ изложеніе Урзына осложняетъ эту теорію, ибо на сеймѣ въ Петрковѣ у него фигурируютъ города и шляхта, по отношенію къ которымъ употреблено даже выраженіе «suffragium dare» (но, вѣроятно, лишь въ смыслѣ suffragandi). Юридическую сторону дѣла авторъ письма рисуетъ себѣ довольно смутно.

Остается такимъ образомъ Кромеръ. Собственно, источниковъ, помимо Мѣховиты и Ваповскаго, Кромеръ тутъ не имѣлъ. Но такъ какъ онъ, по сознательному отношенію къ вопросамъ государственнаго права, стоитъ несравненно выше обоихъ и ихъ изложеніемъ въ извѣстныхъ пунктахъ прямо недоволенъ, считая его ошибочнымъ, то онъ молчаливо «исправляетъ» его съ точки зрѣнія своей теоріи. Кромеръ одушевленъ уже заботами своего времени, для котораго элекціонныя проблемы представляли жгучій интересъ. Вотъ почему и мотивы его отступленій отъ тѣхъ хроникъ, коими онъ здѣсь пользовался, вводятъ насъ въ самую такъ сказать сердцевину контроверсы о польской избирательной коронѣ. О томъ, *кого* съ половины XIV в. до конца XV-аго полагалось избирать въ польскіе короли, при Кромерѣ уже не спорили; о томъ, *кто* имѣетъ право *участвовать* въ избраніи короля и *какъ* производить выборы, вели въ XVI в. оживленную борьбу, а потому на исторію глядѣли тогда въ данномъ отношеніи различныя партіи, какъ на арсеналъ, поставляющій имъ боевые доводы и прецеденты.

2.

Теорія, проводимая Кромеромъ, сказалась у него, съ одной стороны, въ его *исторіи* («De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX»), а именно въ констатированныхъ нами выше модификаціяхъ версій Мѣховиты и Ваповскаго, но также и собственнаго первоначальнаго разсказа о петрковскомъ избирательномъ сеймѣ 1492 г., съ другой же стороны, въ нѣсколькихъ мѣстахъ второй книги его сочиненія «Polonia, sive de situ, populis, moribus, magistratibus et re publica regni Polonici libri duo». Этотъ послѣдній трактатъ написанъ при Сигизмундѣ II Августѣ и былъ готовъ до люблинской уніи 1569 г., но оставался еще неизданнымъ: послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ Кромеръ сдѣлалъ нѣсколько добавленій, обусловленныхъ введеніемъ уніи и заявлявшихъ всюду о себѣ, какъ о позднѣйшихъ вставкахъ, и при посредствѣ епископа Влоцлавскаго Станислава Карнковскаго

поднесъ свою рукопись Генриху Валуа для ознакомленія новаго короля [103]) со страной и ея государственнымъ устройствомъ (1573). Работа безъ вѣдома автора была напечатана въ Франкфуртѣ, а затѣмъ, снабженная предисловіемъ Кромера отъ января 1576 г., появилась въ Кельнѣ въ 1577 г. [104]). Мы пользовались перепечаткой текста въ т. I-омъ базельскаго «Polonicae historiae Corpus» (1582).

Въ «liber alter» сочиненія «Polonia», озаглавленномъ: «De re publica et magistratibus Polonorum», читается (p. 96 t. I ed. a. 1582): «Porro leges novas condere, pecuniam extra ordinem publice imperare, monetam signare, *successorem sibi designare* ne cum senatu quidem potest (король) *absque consensu... equestris... ordinis...* Ius *creandi reges* penes *senatum* est... Atque *id etiam equester ordo sibi vindicare coepit* ita, *ut tum demum in eo ratum sit senatus iudicium, si assentiatur caetera nobilitas*». Если около 1568 г. Кромеръ писалъ, что шляхта только «coepit» присваивать себѣ участіе въ избраніи короля, требуя, чтобы лицо, намѣченное сенатомъ, не считалось избраннымъ, пока шляхта не признаетъ его, то могъ послѣ повторнаго изученія вопроса полагать, что разумѣемыя притязанія для 1492 г. не доказаны: въ такомъ случаѣ это мнѣніе и побудило его выпустить въ ближайшемъ послѣ 1568 г. авторскомъ изданіи своей исторіи [105])

---

103) Невольно приходитъ на умъ тотъ Commentarius εἰσαγωγικός, который Варронъ написалъ нѣкогда для Помпея, также вѣдь ничего не понимавшаго въ учрежденіяхъ того государства, которымъ хотѣлъ управлять.

104) Въ означенномъ предисловіи Кромеръ говоритъ: «Ex illo autem exemplari castigatissimo (*т. е. съ врученнаго Генриху Анжуйскому*) descriptum est postea a nescio quo (nec scio an a pluribus deinceps) opusculum. Quod nactus Vechelus, typographus Francofurtensis, ut erat descriptum, ita excudit: nempe mendosissime, non solum propriis et vernaculis hominum, locorum et magistratuum nominibus ab imperito quopiam Polonicae linguae, sed etiam Latinis verbis ab illiterato prorsus scriptore depravatis atque corruptis, ita ut a nemine intelligi, a me vero vix agnosci posset». Мы позволили себѣ привести эти слова въ свое извиненіе какъ доказательство того, что критика текста имѣетъ несомнѣнное право относиться скептически къ изъянамъ, встрѣчаемымъ въ тогдашнихъ латинскихъ спискахъ и печатныхъ изданіяхъ.

105) Т. е. въ вышедшемъ Coloniae Agrippinae въ 1589 г., но, какъ мы ви-

слова «et equitum» изъ фразы, гласившей первоначально въ его описаніи соотвѣтственнаго сейма: «Ibi varia fuere studia procerum et equitum, in regis defuncti filios absentes partita». Тутъ, стало быть, онъ примкнулъ тѣснѣе къ Ваповскому и отошелъ отъ Матвѣя Мѣховскаго.

По вопросу о *предсѣдателѣ* сейма въ той-же II-ой кн. «Poloniae» (у Пистория t. I, p. 100), сказано: «Archiepiscopus Gnesnensis... legatus natus Sedis apostolicae appellatur... et praerogativa primas regni et princeps senatus. Proinde penes eum est *potestas indicendi comitia, convocandi senatum senatusque consulta definiendi et edicendi*, absenti rege et *regno vacante*». Кромеръ, при такомъ взглядѣ, не могъ допустить (см. примѣч. 87) правильности изложенія Мѣховиты и Ваповскаго, у которыхъ епископъ краковскій выведенъ поселившимся въ качествѣ королевича «in curia paterna atque regia cum auctoritate praesidentiae»[106]), представилъ же его Кромеръ какъ бы «товарищемъ

дѣли (примѣч. 76), подготовленномъ къ печати еще въ 1586 г. Перепечатка *исторіи* и того сочиненія, которое называлось дотолѣ «Polonia», въ Писторіевомъ «Corpus» (Basil. 1582) произведена безъ участія Кромера, а слѣдовательно безъ всякихъ, съ его стороны, редакціонныхъ измѣненій.

106) Такъ Матвѣй Мѣховскій. У Ваповскаго: «in regali curia comitiis praesidebat». Фактически они, вѣроятно, правы. Збигневъ противъ этого и протестовалъ, повидимому, когда переѣхалъ въ мазовецкій лагерь. Почувствовалъ себя, естественно, обиженнымъ и маршалъ Ярославскій. Ср. Cromer, *Poloniae* lib. II, t. I, p. 100 Corp. Bas.: «Maresalcus quidem magister est aulae regiae et administer consilii publici, penes quem ius est *convocandi senatum iussu regis vel primatis*, praestandi silentium et audientiam, faciendi potestatem dicendae sententiae, legatos externos introducendi, eiiciendi e consilio eos, qui ad id non pertinent, . . . *promulgandi ad populum senatusconsulta*, . . . compescendi motus inquietorum atque turbulentorum non modo circum senatum et in publico, sed etiam in privatis principis cenaculis et habitaculis, animadvertendi in delicta, quae in loco et oppido domicilii sive hospitii regii vel comitiorum admittuntur, denique *in comitiis* et in comitatu regio *diversoria distribuendi*». Мы избѣгаемъ сопоставленій съ фактами болѣе поздней эпохи, но позволимъ себѣ напомнить въ подтвержденіе того, какъ чувствительно было должностное самолюбіе соотвѣтственныхъ сановниковъ, что когда 11 мая 1573 г. архіепископъ гнѣзненскій провозгласилъ самъ Генриха избраннымъ въ короли, то, независимо отъ бури, порожденной тѣмъ въ виду недостигнутаго соглашенія съ диссидентами, послѣдовалъ протестъ формальнаго свойства со стороны короннаго маршала Фир-

предсѣдателя», заступившимъ лишь отсутствовавшаго 27 августа архіепископа[107]).

Выключивъ изъ своего описанія сейма категорическое упоминаніе шляхты («equitum»), какъ составного элемента избирательнаго собранія, Кромеръ все же не отрицаетъ вліятельной роли, которую она сыграла въ Петрковѣ. Придерживаясь и тутъ Ваповскаго по существу, но совершенствуя его терминологически, Кромеръ говоритъ, что Ольбрахтъ былъ провозглашенъ королемъ, «non magis procerum suffragiis, quam populi foris circum comitium stantis clamore adiutus»[108]). Это противопоставленіе «голосовъ» (suffragia) можновладства («procerum») аккламаціи шляхты (populi)[109]), стоявшей (stantis)

лея. См. письмо отъ 14 мая 1573 г., написанное изъ Варшавы Антоніемъ Граціани, секретаремъ кардинала-легата Коммендоне, къ этому послѣднему (опубликовалъ изъ ватик. архива проф. Ѳ. Ф. Вержбовскій въ т. IV своихъ «Uchańsciana, p. 88): «На risposto (Фирлей делегатамъ сената) . . . che di piu si faccia una nuova publicatione del rè da lui, come gran-mareschal del regno. A questa ambasciata l'Arcivescovo rispose . . . quanto al far una nuova publicatione, che non la tolereria mai, perche tocca a lui e che l'aveva fatta legitimamente» (сохранено старинное правописаніе). 16-го мая Фирлей и литовскій маршалъ, не взирая на протестъ Уханскаго, произвели, какъ извѣстно, все таки вторую ренунціацію (Трачевскій, *Польское безкоролевье*, стр. 504 и прим. 28, гдѣ даны ссылки на источники; прибавимъ, что у Гвагнина все скомкано, но подлежатъ сличенію слова: «commoti sunt domini Marschalci . . . , ad quos hoc officium pertinebat»).

107) Послѣ смерти Ольбрахта избирательный сеймъ 1501 г. состоялся «Friderico — archiepiscopo Gnesnensi . . . praesidente assistenteque eidem in praesidentia Creslao de Curosvanki, episcopo Wladislaviensi et regni Poloniae Cancellario» (Matth. Miechov. IV c. 80 изд. 1521 г.).

108) Ваповскій сказалъ: «Friderico-adnitente, consensu procerum et favore populari(*um*), qui elatis vocibus Albertum regem foris vociferabantur, Albertus ... est electus». Vrsinus: «cum admirabili populi optimatumque consensu rex est creatus Albertus». Бѣльскій перевелъ «populi», что̀ нашелъ у Ваповскаго и Кромера, посредствомъ: «ludzie rycerscy».

109) Cf. Dług. XIII p. 17 t. II ed. Lips. (*Hist.* t. V p. 20 ed. Crac.) подъ 1446 г. (на сеймѣ за Фридриха бранденбургскаго высказались мотивированно архіепископъ и три епископа, за князя мазовецкаго епископъ плоцкій, каштелянъ краковскій, воеводы краковскій и познанскій): «Hunc.... palatinus Sandomiriensis secutus, et Boleslai virtutes, praecipue in administranda iustitia ‹*elucentes extollebat, et ipsum a prosapia*› throno dignum regio iudicabat. In caeteris

снаружи [110]), даетъ ключъ къ пониманію всей тактики Фрыдерыка. Разъ тогда въ подачѣ голосовъ участвовала законно одна «рада», то сочувствія шляхты и городовъ было, конечно, мало для легальнаго возведенія Ольбрахта на престолъ. Нужно было терроризовать большинство знати, стоявшее на сторонѣ Александра. И вотъ, на это большинство производится давленіе какъ присылкой войска въ Петрковъ, такъ и побужденіемъ съѣхавшейся шляхты къ настойчивымъ манифестаціямъ въ пользу Ольбрахта. Маіоризовать сенаторовъ голосами шляхты никому въ ту пору и въ голову прійти не могло. Да и Ольбрахтъ былъ слишкомъ заинтересованъ въ формальной неоспоримости выборовъ, чтобы компрометтировать ее допущеніемъ къ голосованію кого-либо сверхъ полноправныхъ членовъ: гораздо практичнѣе оказалось *заставить* этихъ послѣднихъ подать свои голоса за Ольбрахта.

Съ этимъ изображеніемъ хода дѣла на избирательномъ сеймѣ цѣлесообразно сличить слѣдующее изложеніе всей «comitiorum ratio» во II-ой кн. «Poloniae» (у Писторія t. I p. 112 sq.): «Cum-Polonis-ea potissimum forma rei publicae placuisset, in qua

---

palatinis et dignitariis, sententiam dicere iussis, divisa vota erant inter Boleslaum et Fridericum. Maior tamen pars [*стало быть, «рады»*] et *praesertim multitudo nobilium*, quae aderat (*но не голосовала*) *concordi acclamatione et voce* Boleslaum regem Poloniae declarabat. Itaque et *pontifices*, qui Fridericum eligebant, videntes maiorem partem in Boleslaum consensisse, ut fortior esset electio *mutato voto*, Boleslaum elegerunt. Cumque nullo dissentiente ab omnibus Boleslaus electus esset, Vincentius archiepiscopus Gnesnesis, a caeteris mandato recepto, Boleslaum, ducem Masoviae, regem Poloniae futurum pronuntiat et eius canonicam, iustam et uniformem universis publicat electionem». Оговариваемся, впрочемъ, еще разъ: историческихъ сравненій мы тутъ вообще избѣгаемъ.

110) Даже въ эпоху «вольной элекціи» отличали, какъ извѣстно, «szopę» сената отъ т. н. «kola rycerskiego». Слѣдъ дѣленія на «засѣдающихъ» сенаторовъ и «стоя присутствующихъ» шляхтичей мы находимъ, м. пр., въ заглавіи книги (1573 г.): «Legatio Sacrae Caesareae Maiestatis Catholicae, Warszauiae in Conuentu Regni generali, ad electionem regis designato, nona die mensis Aprilis coram *residentia senatorum* et *astantia ordinis militaris* per certos oratores ipsius Caesareae Mtatis idiomate Bohemico in castris habita» (это рѣчь Вильгельма Розенберга).

penes unum quidem esset iudiciorum et rerum omnium in bello (въ «Corpus» опечаткой: «libello») et in pace summa, sed ut is rerum agendarum et iudicandarum consilia cum compluribus *consiliariis* communicaret: hi porro cum propter alias functiones publicas[111]), tum etiam propter curam rei suae familiaris ad latus principis assidui esse non possent, placuit, ut ii ad certum locum et diem convocarentur a principe ad exercenda cum ipso iudicia consiliaque de re publica capienda. Haec sunt comitia publica: quae etiam generales *regni* conventus vocant.[112])... Atque haec fuit *vetustorum* comitiorum ratio. Posteriori tempore, hoc est *avorum fere nostrorum memoria* cum universa *nobilitate* et una de omnibus *civitate Cracoviensi* communicata sunt comitia: coeperuntque adhiberi legati nobilitatis, sive, ut vulgo loquuntur, *nuntii terrarum*, hoc est, satrapiarum atque territoriorum et civitatis Cracoviensis, principio quidem *unam* ob rem, quemadmodum in historia ex Dlugosso retulimus: nempe *sciscendi in bellum tributi causa*[113]). Deinde vero.... *ad alias* etiam consulta-

---

111) Выше (p. 98 sq.) Кромеръ объяснилъ: «Sunt autem in senatu *antiquitus* archiepiscopi duo, septem episcopi, palatini quindecim, castellani quinque et sexaginta», кромѣ того 2 маршала, канцлеръ и подканцлеръ, скарбій и оба гетмана (хотя, какъ онъ прибавляетъ: «perraro usu venit, ut ii non aliquo alio honore senatorio praediti sint»). Итого 96 человѣкъ [p. 100: «Palatini munera sunt esse ductorem copiarum suae satrapiae in expeditionibus bellicis», въ мирное же время воевода обязанъ «in sua cuiusque satrapia *conventus nobilitatis instituere* iisque et iudiciis praesidere.... Castellani quasi legati sunt palatinorum ductoresque et praesides nobilitatis sub suo quisque palatino»]. Члены рады дѣлятся на старшихъ и младшихъ: «Sunt autem *maiores* archiepiscopi, episcopi, palatini, primarii aliquot satrapiarum castellani usque ad Siradiensem fortassis [это была пятая по списку]: caeteri omnes *minores*, qui *posterius* in consilium adhiberi coeperunt: et excluduntur nonnunquam a consiliis secretioribus... [позднѣе прибавлены прусскіе и литовскіе сенаторы].... Convocantur autem senatores a principe ad consilium, praesentes quidem quoties opus est: qui vero longius absunt, nonnisi arduis de causis, utpote *ad comitia*, vel celebritatis alicuius gratia,...».

112) Итакъ, по этой теоріи созвать сеймъ значило въ эпоху «comitia vetusta» созвать раду въ ея полномъ составѣ.

113) Первое упоминаніе земскихъ сеймиковъ, предшествующихъ общему сейму королевства, относится, какъ извѣстно, къ 1404 г. (Dlug. X p. 180 ed. Lips.=*Hist.* t. III p. 558 ed. Crac.). Что же касается нововведенія 1468 г. и

tiones de re publica accedere coeperunt, non ut consiliarii, sed ut monitores principis atque consiliariorum et custodes libertatis et praerogativarum nobilitatis ac legum publicarum.... *Nunc igitur sine nuntiis terrarum non habentur legitima comitia.* Atque eam ob rem, quotiens ea debent institui, indicuntur prius a rege nobilitati *conventus*, quos vocant *particulares* [тутъ избираются «земскіе послы» даннаго воеводства по числу его территорій]..., mox instituuntur alii conventus, quos *generales* vocant: in Maiore quidem Polonia Coli, in Minore autem Corcini.... Et ad hunc quidem Cracoviensis, Sandomiriensis, Russicae, Podolicae, Belsensis et Lublinensis satrapiarum, ad illum vero reliquarum *proceres* et *nuntii recens creati* ac *de nobilitate qui volunt*, constituta itidem a principe die, conveniunt, auditisque iterum mandatis regiis, *mandata nobilitatis* et quae postulat usus rei p. *inter se conferunt.* Atque inde itur ad *maiora comitia.* Quo ubi conventum est, re sacra solenni in templo publice peracta, itur ad aulam. Ibi principe et *consiliariis* in corona *considentibus*, *astantibusque* pone secretariis et *nuntiis*, Cancellarius vel Procancellarius principis nomine proponit in medium, quibus de rebus in commune consuli operae pretium sit. Deinde *consiliarii*, ab archiepiscopis et episcopis orsi, ordine dicunt sententias. Hinc *nuntii*, petita a rege venia, *secedunt* in aliud conclave, iisdem de rebus inter se consultaturi. *Reversique* (sive eadem sive alia die) *per unum aliquem exponunt id, quod ipsis in commune visum est*, quid probent quidve requirant. Nonnunquam pluribus mandant, si plura sint negotia.... Non modo iis de rebus, quae principis nomine propositae fuere, sed etiam siquid aliud ipsis in mentem venit de re p. postulant vel admonent. Id vero si est eiusmodi, ut consultationem requirat et ab eorum [т. е. сенаторовъ] functione non alienum esse videatur, *dicuntur etiam de eo sententiae*

вопроса, правильно ли Кромеръ въ своей «исторіи» (ed. Pistor. t. II, 778 sq.) понялъ Длугоша (XIII p. 431 t. II ed. Lips=*Hist.* t. V p. 511 ed. Crac.), на котораго здѣсь ссылается, то см. A. Pawiński, *Sejmiki ziemskie*, str. 113. 121 (Warszawa 1895).

a senatoribus, exclusis nuntiis: interdum etiam *non* exclusis. In omnibus autem consiliis postremus omnium dicit princeps. Et quod ei placuit, decreti comitialis et legis habet vigorem, dummodo prioribus legibus nobilitatisque aut sacri ordinis praerogativis ne adversetur. Tunc enim refragari placito principis non solum senatui, sed etiam nuntiis fas est. Itaque in eiusmodi consultationibus suspendit fere sententiam suam rex, *donec inter nuntios et senatores maioremve eorum partem conveniat*. Sed hoc iam aliter modificatum est. *Caetera* autem consilia de re p., quae legibus diserte excepta non sunt, nec praerogativis nobilitatis praeiudicant, *cum senatu solo* princeps communicat. Quemadmodum *iudicia* quoque cum eo solo exercet....».

Настоящій отрывокъ достаточно характеризуетъ взглядъ Кромера, который, конечно, приходится имѣть въ виду и при оцѣнкѣ его разсказа о сеймѣ 1492 г.

Выше (II, 4) по поводу Corvin. *c. de elect.* 110: «exhaustique adolentur pocula Bacchi» высказана догадка, помимо которой можно бы также предположить (съ отступленіемъ лишь въ одномъ словѣ отъ преданія): «exhaustique adolentur *dolia* Bacchi» (сожигались тѣ бочки, которыя народъ опорожнилъ).

Г. Зенгеръ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
501	8 сн.	звучащія	звучащіе
505	18 »	латинскаго	(латинскаго
509	15 »	*sit*	«*sit*
523	2 »	num	num.

Мистическое познаніе и „вселенское чувство".

(Читано въ Философскомъ Обществѣ при Императорскомъ СПБ. Университетѣ 2-го ноября 1904 г.).

Оставь, о духъ мой, вскорѣ всѣ земляныя мѣста,
Взойди, духъ мой, на горы, гдѣ правда живетъ свята;
Гдѣ покой, тишина отъ вѣчныхъ царствуетъ лѣтъ;
Гдѣ блещетъ та страна, въ коей неприступный свѣтъ.
Григорій Сковорода.

Въ самое послѣднее время появился рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій по психологіи мистики, среди которыхъ особенно выдаются удивительная по глубинѣ и богатству содержанія книга Джэмса: «The varieties of Religious experience», выдержавшая въ первый же годъ *пять* изданій, и замѣчательно интересная «Философія религіи» Гёффдинга. Оба сочиненія, заключая въ себѣ много поучительнаго и для теоріи познанія, однако не изслѣдуютъ ближайшимъ образомъ особенностей мистическаго воспріятія съ гносеологической точки зрѣнія. Настоящее изслѣдованіе имѣетъ цѣлью указать нѣкоторые выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ психологическаго изученія этого явленія для теоріи познанія. Для этой цѣли я попытаюсь, исходя изъ описаній мистическаго воспріятія, даваемаго наиболѣе яркими пред-

ставителями мистики, показать слѣдующее: 1) Описаніе мистическаго воспріятія характеризуется у мистиковъ *отрицаніемъ всѣхъ или почти всѣхъ основныхъ условій раціональнаго познанія* — противоположности субъекта и объекта, временнаго и пространственнаго характера состояній сознанія и постоянства законовъ мышленія. 2) *Буквальное* пониманіе подобнаго описанія, то-есть, признаніе отрицательныхъ положеній мистицизма абсолютными, а не относительными, не имѣетъ никакого смысла и отнюдь не раскрываетъ передъ нами природы тѣхъ замѣчательныхъ психическихъ явленій, которыя обозначаются именемъ мистическаго воспріятія. 3) Однако стремленіе придать такимъ безсмысленнымъ абсолютнымъ отрицаніямъ систематическую форму находитъ себѣ объясненіе въ томъ фактѣ, что такія отрицанія основываются на психологическихъ иллюзіяхъ, постоянно и законосообразно дѣйствующихъ въ человѣческомъ духѣ. 4) Если отказаться отъ буквальнаго истолкованія мистическихъ отрицаній и признать ихъ *метафорическими*, то въ мистическомъ воспріятіи можно будетъ отмѣтить нѣкоторыя особенности, представляющія глубокій интересъ. 5) Интересъ этотъ заключается въ общихъ чертахъ между мистическимъ воспріятіемъ и немистическими состояніями человѣческаго духа, играющими очень важную роль въ нашей душевной жизни.

I) Мистическое воспріятіе есть *сверхразумное* познаніе Бога или Абсолюта. Такимъ его характеризуютъ: *Плотинъ*, называя его ἔκστασις, ἁπλωσις, ἀφή, *Соломонъ*—somnium, *Іоаннъ*—σιγή, *Іовъ* — suspensio, *Экхартъ* — Fünckleiп, *Гюго С. Викторъ* и *Ришаръ С. Викторъ* — contemplatio, *Бернардъ* — excessus [1]) *Рюисбрёкъ* — unio mystica, *Бонавентура* [2]) — apex mentis, συντέρεσις, *Жанъ де-Ла-Круа* — buelo de espiritu, *г-жа Гюйонъ* —

---

1) См. А. Вертеловскій: «Западная средневѣковая мистика и ея отношеніе къ католичеству», ч. I, 1888, стр. 123—126, гдѣ приведено описаніе «сліянія» съ Богомъ.

2) «Extasis est deserto exteriore homine sui ipsius supra se voluptuosa quaedam elevatio ad superintellectualem divini amoris fontem».

jouissance du centre, *Франсуа* — sainte indifference [1]), *Жеромъ Граціанъ* — contacto de la divinidad, *Николай Кребсъ* — comprehentia incomprehensibilis [2]). Я приведу здѣсь цѣликомъ описаніе этого душевнаго состоянія у перваго изъ поименованныхъ мистиковъ, такъ какъ это описаніе мнѣ кажется особенно типичнымъ. Плотинъ даетъ слѣдующее великолѣпное описаніе мистическаго экстаза: «Такъ какъ въ моментъ лицезрѣнія Бога исчезаетъ всякая двойственность, такъ какъ созерцающій духъ отожествляется до такой степени съ созерцаемымъ, что, собственно говоря, не созерцаетъ его, а сливается съ нимъ воедино, то понятно, что лишь тотъ можетъ сохранить въ себѣ образъ Бога, кто можетъ сохранить цѣлымъ воспоминаніе о томъ, какимъ самъ онъ былъ во время лицезрѣнія Божія; бываетъ же самъ онъ тогда въ состояніи такого объединенія, сосредоточенія, въ которомъ не сознаетъ никакого различія ни въ себѣ самомъ, ни по отношенію ко всему другому; въ этомъ экзальтированномъ его состояніи никакая душевная дѣятельность не проявляетъ себя — ни гнѣвъ, ни пожеланіе, ни разсудокъ, ни даже мышленіе; можно сказать, что онъ и самъ тутъ весь какъ бы исчезаетъ, ибо восхищенный и изступленный, очутившись въ полномъ уединеніи ото всего и въ совершенной тишинѣ, погрузившись всецѣло въ глубину собственнаго существа, не обращая вниманія ни на что другое, даже на самого себя, онъ словно столбенѣетъ, весь обращается въ полный чистый покой; даже ничто прекрасное не привлекаетъ его въ то время, какъ духъ его воспаряетъ выше самой красоты, выше всего сонма добродѣтелей, подобно тому, какъ проникшій во внутреннее святилище оставляетъ позади себя статуи, стоящія въ храмѣ, какъ такіе

---

1) Онъ различаетъ въ экстазѣ слѣдующія ступени: 1) созерцаніе, 2) recueuillement amoureux, 3) sainte quietude, 4) escoulement et liquefaction de l'âme en Dieu и 5) полное поглощеніе души Богомъ — sainte indifference («Traité de l'amour en Dieu», 1616) См. Luthardt: «Geschichte der Christlichen Ethik», 1893.

2) См. Récéjac: «Essai sur les fondements de la connaissance mystique», 1897, p. 58. Также Rousselot: «Les mystiques espagnols» 1867.

предметы, которые предстанутъ первыми его взору уже послѣ того, какъ онъ узрѣлъ сокровенное святая святыхъ и наслаждался общеніемъ не съ образомъ или изваяніемъ, которому принадлежитъ лишь второстепенное значеніе, а съ самимъ Божествомъ. Собственно говоря, слова: «созерцаніе», «зрѣлище» (θέαμα, θέα) не выражаютъ вполнѣ (характера этого состоянія души въ общеніи съ Богомъ), ибо это есть скорѣе всего экстазъ, превращеніе себя въ нѣчто совершенно простое и чистое, *приливъ силы*, жажда тѣснѣйшаго единенія, напряженіе ума въ стремленіи къ возможно полному сліянію съ тѣмъ, котораго желательно зрѣть во святая святыхъ единенія, а въ концѣ-концовъ полнѣйшее успокоеніе (ἔκστασις καὶ ἁπλωσις καὶ ἐπίδοσις αὐτοῦ καὶ ἔφεσις πρὸς ἀφὴν καὶ στάσις καὶ περινόησις πρὸς ἐφαρμογήν, εἴπερ τις ἐν τῷ ἀδύτῳ θεάσεται), а кто разсчитываетъ какъ-либо иначе узрѣть Бога, тотъ едвали успѣетъ достигнуть общенія съ нимъ»[1]).

Ямвлихъ «совѣтуетъ часто сосредоточивать въ единство множественность нашихъ мыслей, возвращать къ центру то, что излучается къ периферіи, и приближаться въ этомъ состояніи единства и разумѣнія къ тому, что едино и разумно, чтобы охватить его единою, великою, недѣлимою, умопостигаемой мыслію[2])».

Проклъ развиваетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: «Достигнувши научнаго познанія, оставимъ въ сторонѣ анализы, синтезы и различныя операціи дискурсивной мысли и направимъ нашу душу къ простымъ (непосредственнымъ) интуиціямъ интеллектуальной способности. Наука въ сущности не есть наивысшая степень познанія; надъ нею есть еще Интеллигенція: я не говорю здѣсь объ Интеллигенціи, отдѣленной отъ души (такова

---

1) Bibliotheca scriptorum graecorum: Plotini Enneades, Enneadis VI liber IX, 11. 1855, изд. Didot, стр. 539-я. Цитата приведена изъ русскаго перевода проф. Малеванскаго: «Вѣра и разумъ». 1900, филос. отд., ч. II-я, стр. 419—20: «Избранные трактаты Плотина».

2) Plotin: «Enneades», trad. par Bouillier, II, 640.

верховная Интеллигенція), но объ *озареніи*, которое душа получаетъ отъ послѣдней..... Подобное повсюду познается подобнымъ: раціональныя вещи — разумомъ, интеллигибельныя — Интеллигенціей..... Это высшій изъ нашихъ актовъ: черезъ него мы становимся вдохновенными (ἔνθεοι), когда, избѣгнувъ всякой множественности, всецѣло предаваясь объединенію самихъ себя (ἕνοσις ἡμῶν), мы становимся единствомъ и получаемъ форму Единаго»[1]).

Спрашивается, какъ понимать, это *сліяніе субъекта съ объектомъ?* Его можно понимать, или какъ состояніе сознанія, или какъ *абсолютно безсознательную* дѣятельность. Первое пониманіе сводится не къ реальному растворенію субъекта въ объектѣ, но къ потерѣ возможности наблюдать за своимъ «я», то есть, къ *блаженному самозабвенію*, въ полномъ поглощеніи вниманія объектомъ созерцанія. Но мистицизмъ настаиваетъ на *реальномъ* отожествленіи субъекта съ объектомъ, то есть, на полной безсознательности. О безсознательности же можно говорить, имѣя въ виду или абсолютно безсознательныя психическія состоянія, или перерывъ въ сознаніи, то есть временное отсутствіе его и существованіе взамѣнъ его однихъ физіологическихъ процессовъ. Однако послѣднее пониманіе несовмѣстимо съ мистицизмомъ, ибо онъ характеризуетъ экстазъ, какъ *блаженное* состояніе души, а не какъ движеніе частицъ матеріи. Слѣдовательно, здѣсь надо допустить *абсолютно безсознательныя психическія состоянія* вслѣдствіе полнаго *растворенія* индивидуальнаго сознанія въ высшей Интеллигенціи, въ Абсолютѣ. А такія состоянія допущены быть не могутъ потому, что это выраженіе, понимаемое буквально, не имѣетъ никакого понятнаго смысла и въ настоящее время подвергнуто въ психологіи вполнѣ заслуженному остракизму. «Когда безсознательному представленію приписываютъ реальное существованіе, то «въ такомъ случаѣ престу-

---

1) Ibid, II, 641. Подобное же описаніе мистическаго воспріятія у Порфирія, см. ibid. стр. 622.

паютъ предѣлъ его эмпирически дозволеннаго употребленія. Очевидно, при этомъ превращеніи образныхъ выраженій въ реальности участвовало все еще обычное въ психологіи субстанціализированіе представленій. О какомъ-нибудь волевомъ дѣйствіи мы не употребимъ поверхностнаго выраженія, что оно исчезло изъ сознанія, коль скоро оно окончилось; или, коль скоро повторяется тотъ же самый волевой актъ, не скажемъ, что онъ возвращается въ сознаніе. Каждое единичное хотѣніе остается особымъ актомъ. Если оно возвращается, то оно должно возникать вновь, но ни въ какомъ случаѣ мы не допускаемъ, что оно продолжало существовать въ промежуточный періодъ какъ безсознательное хотѣніе. А такъ какъ представленія относятся къ предметамъ, то утверждается, что сами они — предметы, которые исчезаютъ и появляются, но никогда не перестаютъ существовать. Сравненіе сознанія со сценой принимается здѣсь не только за образное выраженіе, но и за соотвѣтствующее самой дѣйствительности» (Вундтъ, «Система Философіи», пер. Водена, стр. 344-я. Также Штёррингъ: «Психопатологія etc.», 1903, стр. 147).

Наряду съ указанной формой мистическаго экстаза, гдѣ мистикъ констатируетъ свое *реальное* отожествленіе съ Абсолютомъ, существуетъ созерцаніе Абсолюта, *не сопровождающееся сліяніемъ съ нимъ*, какъ *низшая ступень* того же душевнаго состоянія. Вотъ что справедливо замѣчаетъ по этому поводу англійскій психіатръ Маудсли: «Формы, въ которыхъ въ различныхъ странахъ въ различныя эпохи сверхъестественное сообщалось различнымъ людямъ, могутъ быть въ грубыхъ чертахъ раздѣлены на три главныхъ класса: I) Видимое появленіе божества, или его вѣстника, ангела, который при помощи видимыхъ знаковъ или членораздѣльной рѣчи сообщаетъ лицу пользующемуся благоволеніемъ, то, что́ ему надлежитъ вѣдать, причемъ у каждаго народа велѣнія его бога или боговъ соотвѣтствуютъ его чаяніямъ и отвѣчаютъ интеллектуальному уровню и моральнымъ стремленіямъ; II) таинственная и непреодолимая

одержимость божествомъ индивидума, который, будучи охваченъ сильнымъ психическимъ и тѣлеснымъ возбужденіемъ или погрузившись въ безсознательность по отношенію къ окружающему, подобную той, какая встрѣчается въ состояніи «транса», произноситъ безсознательно, или повинуясь неудержимому импульсу, рядъ сентенцій, которыя иногда въ силу своей совершенной непонятности и безсвязности требовали поясненій со стороны спеціальнаго толкователя или пророка, чтобы быть понятыми, иногда же были достаточно связны, чтобы впослѣдствіи, будучи записаны, быть принятыми за высшее откровеніе; III) экзальтація индивидума, достигающая формы духовнаго экстаза, въ теченіе котораго онъ, будучи обособленъ отъ чувственныхъ вещей и внѣ себя, но *въ непосредственномъ общеніи съ божествомъ*, познаетъ сверхразумныя истины духовнаго міра, которыя совершенно недоступны для обычнаго познанія при помощи чувствъ и разсудка. При обзорѣ этихъ трехъ формъ сверхъестественнаго общенія сразу бросается въ глаза прогрессивное развитіе способовъ такого общенія въ смыслѣ прогрессирующей утонченности. Въ первыхъ двухъ способахъ общенія съ божествомъ ихъ грубый характеръ не вяжется съ утонченными воззрѣніями современной мысли на таковое. За исключеніями, встрѣчающимися въ непросвѣщенныхъ массахъ, въ малокультурныхъ странахъ или въ глуши провинціи, исключеніями, рѣдкость которыхъ лишь подтверждаетъ общее правило, лицо, которое вздумало бы утверждать, что оно видѣло божество или вѣстника божія, было бы скорѣе признано подходящимъ паціентомъ для психіатра, чѣмъ человѣкомъ, достойнымъ канонизированія въ качествѣ святого или вдохновеннаго пророка... Только третій видъ общенія съ богомъ, экстатическая интуиція божества, сохраняетъ жизненность среди просвѣщенныхъ людей въ культурныхъ странахъ» [1]).

---

1) «Natural causes and supernatural seemings», by Henry Maudsley, 1887, part III, Theopneusticism: the attainement of supernatural knowledge by divine inspiration, section 1. Ecstatic Intuition, p. 269—271.

Гомперцъ въ превосходной маленькой статьѣ: «Къ пониманію мистиковъ» освѣщаетъ явленіе «сліянія субъекта съ объектомъ» съ нѣсколькихъ сторонъ. Во первыхъ, по его мнѣнію, съ этимъ явленіемъ связанъ первичный фактъ сознанія *гносеологическаго порядка*, именно, переходъ отъ реалистической точки зрѣнія на міръ *къ идеалистической*. Зарожденіе мысли, что «*міръ есть мое представленіе*», можетъ быть, составляетъ опорный пунктъ для мнимаго «сліянія» субъекта съ объектомъ. Рядомъ съ этимъ фактомъ Гомперцъ отмѣчаетъ въ мистическомъ экстазѣ первичный фактъ сознанія *этическаго* порядка, заключающійся въ слѣдующемъ: «чѣмъ шире у человѣка кругъ объектовъ, который ощущается имъ принадлежащимъ его «Я», тѣмъ интенсивнѣе будетъ переживаемое имъ *чувство мощи*. Но именно сфера принадлежащаго нашему «Я» сама по себѣ очень измѣнчива. Она можетъ ограничиваться крайне узкимъ кругомъ такихъ интересовъ, которые служатъ самосохраненію, а также и такими объектами, которые могутъ или удовлетворять этимъ интересамъ, или препятствовать ихъ осуществленію. Но эта же самая сфера можетъ расширяться безпредѣльно черезъ рядъ посредствующихъ ступеней, прежде всего черезъ «участіе» въ отдѣльныхъ людяхъ и черезъ расширеніе въ сферахъ различнаго рода житейскихъ дѣятельностей; далѣе черезъ возрастающій интересъ къ вопросамъ «общаго характера» и судьбамъ человѣчества, наконецъ, черезъ отожествленіе себя съ продуктами собственнаго творчества въ творческомъ процессѣ или съ неограниченнымъ кругомъ существъ въ любви. Чѣмъ ближе къ первой ступени этого рода стоитъ жизнь человѣка, тѣмъ болѣе «бѣдной» мы ее называемъ, тѣмъ зато болѣе «богатой», чѣмъ ближе стоитъ она къ послѣдней ступени ряда». Эти градаціи соотвѣтствуютъ степенямъ чувства силы и полноты:... эти чувства выростаютъ съ «расширеніемъ» нашего «Я» въ нѣчто «сверхъиндивидуальное» и умаляются въ нѣчто «личное» по мѣрѣ съуженія нашего «Я». Вотъ потому то преодолѣніе этого «личнаго» нашего «Я» связано съ «расширеніемъ» общечелов

ческаго чувства жизни, которое заявляетъ себя преимущественно въ качествѣ «вдохновителя» нашего сознанія»[1]). Это явленіе имѣется налицо и въ вышеприведенномъ описаніи экстаза у Плотина, гдѣ говорится о *приливѣ силы*.

Итакъ, состояніе экстаза въ его высшей формѣ предполагаетъ, согласно мистикамъ, полное сліяніе субъекта съ объектомъ, такъ сказать, уничтоженіе или раствореніе одного въ другомъ. Такое сліяніе сопровождается непремѣнно освобожденіемъ отъ пространственно-временныхъ условій, которыя чужды Абсолюту, какъ таковому; пріобщаясь къ Абсолюту въ блаженномъ экстазѣ, мы преодолѣваемъ пространственно-временныя преграды: всякая множественность, связанная съ пространствомъ и временемъ, исключила бы полное сліяніе съ единствомъ абсолютнаго.

II) «Было бы логично, говоритъ Плотинъ, измѣрять прошедшее, когда оцѣниваютъ время, относящееся къ тому, что́ уже не существуетъ, напримѣръ, къ покойникамъ; но было бы нелогично называть блаженство въ прошедшемъ бо́льшимъ блаженства въ настоящемъ, потому что это значило бы считать блаженство чѣмъ-то случайнымъ. Какъ бы ни было продолжительно время, предшествовавшее настоящему, единственное, что о немъ можно сказать — это, что оно не существуетъ болѣе. Принимать въ расчетъ длительность, говоря о блаженствѣ, значило бы раздроблять то нѣчто, что́ едино въ настоящемъ. Вотъ почему по справедливости говорится, что время, образъ вѣчности, какъ бы стремится въ своемъ разсѣяніи уничтожить то, что въ ней неизмѣнно. Если отнять отъ вѣчности ея неизмѣняемость, то она, ставши пребывающей во времени, исчезнетъ, ибо она сохраняется именно въ силу этого постоянства и съ его прекращеніемъ перестаетъ существовать. А такъ какъ блаженство

---

1) Пользуюсь любезно предоставленнымъ въ мое распоряженіе русскимъ переводомъ статьи Гомперца Е. Г. Форстенъ, печатающимся въ настоящее время.

состоитъ въ благой жизни, то есть, въ той жизни, которая присуща бытію (ибо эта жизнь есть наилучшая), то она не должна быть измѣряема временемъ, но разсматриваема съ точки зрѣнія вѣчности. Въ вѣчности же нѣтъ ни «больше», ни «меньше», ни какой-либо «длины», ея сущность исключаетъ понятія разстоянія и времени (τὸ ἀδιάστατον καὶ τὸ οὐ χρονικόν εἶναι). Посему не слѣдуетъ смѣшивать бытіе съ небытіемъ, вѣчность со временемъ, пребывающее во времени съ абсолютно вѣчнымъ, или распростирать непротяженное (οὐδὲ παρεκτατὲον το ἀδιάστατον)».

Такимъ образомъ, другая черта мистическаго воспріятія, указанная въ вышеприведенной цитатѣ изъ Плотина, это — *внѣвременность* экстаза. Эта черта представляетъ величайшій философскій интересъ, такъ какъ въ ней, можетъ быть, коренится столь часто высказывавшійся въ философіи взглядъ на *трансцендентную идеальность времени*. И мистики, и схоластики въ средневѣковой литературѣ сходятся въ томъ, что Богъ внѣвременъ и, соединяясь съ нимъ, мы погружаемся въ вѣчность. Эта мысль о временности явленій этого міра и внѣвременности потусторонняго міра, его пребыванія въ «nunc stans et non movens», составляетъ освященную вѣками и традиціей привычку религіознаго мышленія и встрѣчается у мыслителей, лишь отчасти причастныхъ мистицизму. Такъ, напримѣръ, мы находимъ намеки на нее уже у *Парменида* и *Платона*. Въ «Тимеѣ» въ миѳологической формѣ описывается, какъ Деміургъ замышляетъ *сотворить время*, «*подобіе вѣчности*».

По *Плотину* время первоначально не существовало для умопостигаемаго: оно есть результатъ *процессіи* универсальной души (Bouillier, III, 7, 10).

Августинъ говоритъ о происхожденіи времени слѣдующее: «Nec patiar quaestiones hominum, qui poenali morbo plus sitiunt quam capiunt et dicunt: Quid faciebat Deus antequam faceret coelum et terram, aut quid ei venit in mentem, ut aliquid faceret, quum antea nunquam aliquid fecerit? Da illis, Domine, bene cogitare quid dicant et invenire quia non dicitur nunquam

ubi non est tempus. Videant itaque nullum tempus esse sine creatura et desinant istam vanitatem loqui» («Confessiones», XI, 30).

Angelus Silesius говоритъ слѣдующее:

Man redt von Zeit und Ort, von Nun und Ewigkeit,
Was ist denn Zeit und Ort und Nun und Ewigkeit?
Der Mensch der macht die Zeit.
Hemmstu die Unruh nur, so ist die Zeit von hinnen.

Вотъ что пишетъ объ этомъ *Эккартъ:*

«Zeit ist das was sich wandelt und manngfaltigt. Ewigkeit hält sich einfarb». «In der Ewigkeit ist nicht Zahl». «Zeit und Statt sind Stücke, Gott ist eins». «Ein jeglich geistlih Ding mag wohnen in dem andern.—Ein jeglicher Engel ist mit aller seiner Freude so vollkommen in jedem andern Engel als in sich selber». «Если-бы мое лицо было вѣчно и находилось бы передъ зеркаломъ, то отражалось бы оно во времени, а само было бы вѣчно»[1]).

«Гдѣ есть измѣненіе и смѣна, тамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ человѣческій опытъ, существуетъ также страданіе и мука, тамъ находится убѣжище золъ, какъ говорили древніе. Неученый, но глубокомысленный *Яковъ Бёме* чувствовалъ это, когда сопоставлялъ: Qualität (качество) и Quale (мука) и говорилъ, объ измѣненіи, какъ о Qualiren, Inqualiren (мученія)». См. Куно Фишеръ: «Гегель», т. I, стр. 409-я, 1901, пер. Н. О. Лосскаго. По словамъ Я. Бёме[2]):

Wem Zeit wie Ewigkeit und Ewigkeit wie Zeit,
Der ist befreit vom allem Streit.

---

1) Preger: «Geschichte der deutschen Mystik», B. I, 1872, S. 400.
2) Chr. Ernst Luthardt: «Geschichte der Christlichen Ethik. 1893, B. II, S. 277.

Баадеръ заявляетъ: «Я считаю вѣчное время за вѣчный адъ» [1]).

С. Мартенъ въ своемъ мистическомъ ученіи развиваетъ слѣдующее воззрѣніе на время. *До грѣхопаденія человѣка времени не было.* Время есть результатъ первороднаго грѣха, оно — необходимый спутникъ рожденія и смерти. Но въ то же время оно есть «источникъ нашего возстановленія», такъ какъ, не имѣй мы времени, чтобы искупить грѣхъ, наша погибель была бы вѣчной. «Одна изъ самыхъ величественныхъ и самыхъ утѣшительныхъ идей, какія только можетъ себѣ человѣкъ представить,—это идея о томъ, что время есть только *деньги вѣчности.* Да, время есть только подраздѣленная вѣчность, и это-то и должно сообщать человѣку столько радости, столько мужества и надежды. Въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы жаловаться на то, что не обладаемъ болѣе вѣчностью, если, давъ намъ денегъ (т. е. время), намъ дали въ то же время средства пріобрѣсти ее?» [2]).

«Убивать время! Это оно васъ убило и убиваетъ, ибо это оно, отнявъ у васъ, уноситъ въ качествѣ трофея всѣ ваши богатства, умъ, силы, добродѣтели, просвѣщеніе.... Безумцы, предаваясь порочнымъ радостямъ, вы не знаете, что законъ времени есть страданіе, ибо время есть не что иное, какъ слеза Бога... Время — деньги вѣчности; счастливъ тотъ, кто на эти деньги покупаетъ вѣчность» («Esprit des choses», t. II, p. 56) [3]).

Эта идея отъ схоластовъ богослововъ и мистическихъ писателей, вѣроятно, перешла по наслѣдству и къ Канту [4]). Кантъ,

---

1) Baader: S. W., B. XV, S. 185.

2) Ad. Franck: «La philosophie mystique en France à la fin du XVIII-ème siècle». Saint Martin. 1866, p. 168—169.

3) Caro: «Essai sur la vie et la doctrine de Saint Martin», 1852, pp. 255—256.

4) Haurёau: «Histoire de la philosophie scholastique», глава объ Альбертѣ Великомъ.

какъ извѣстно, обнаруживаетъ упорное стремленіе сохранить для «вещей въ себѣ» внѣвременность, какъ будто утвержденіе, что вещи въ себѣ внѣвременны, *не заключаетъ уже въ себѣ хотя бы отрицательнаго знанія!* Между тѣмъ слѣдующее мѣсто «въ Лекціяхъ по метафизикѣ» (изданныхъ Пэлицомъ), на которое указываетъ Гореб, свидѣтельствуетъ, повидимому, о связи кантовской точки зрѣнія со средневѣковыми традиціями: «Твореніе есть единство, нѣтъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ твореній, но всѣ субстанціи сотворены сразу. Послѣдовательность, дѣйствительно, есть въ самомъ мірѣ условіе для детерминаціи вещей, но послѣдовательность не можетъ быть условіемъ существованія субстанціи міра и, слѣдовательно, результатомъ божественнаго акта. Время со всѣми слѣдованіями не входитъ въ составъ условій творенія, какъ акта Бога. Богъ не могъ творить послѣдовательно; твореніе, слѣдовательно, единство». Весьма возможно, что и мистическіе писатели (напримѣръ, Сведенборгъ) оказали вліяніе на образованіе кантова ученія о внѣвременномъ и внѣпространственномъ характерѣ «умопостигаемаго міра» духовныхъ существъ, этого «corpus mysticum der vernünftigen Wesen» (См. Vaihinger: «Commentar» etc. B. II, 1892, S. 512). Само собою разумѣется, что это еще отнюдь не даетъ намъ права причислять Канта къ мистикамъ, какъ это дѣлаетъ Дю-Прель.

Ученіе объ трансцендентной идеальности времени нашло себѣ поддержку у многихъ послѣдующихъ нѣмецкихъ метафизиковъ частію, можетъ быть, подъ вліяніемъ традиціи, а частію благодаря присущей человѣческой природѣ наклонности къ мистикѣ. Не даромъ Шопенгауэръ говорилъ: «*Поскоблите нѣмецкаго метафизика — и вы найдете богослова*». Впрочемъ, и самъ Шопенгауэръ раздѣлялъ ученіе объ идеальности времени. Одна изъ важнѣйшихъ психологическихъ причинъ, породившихъ это мистическое воззрѣніе на внѣвременность потусторонняго міра, мѣтко указана Гёффдингомъ въ его «Философіи религіи»: «Легко понять, почему религіозное сознаніе *должно находить*

во временной послѣдовательности существенное несовершенство. Несчастіе развитія во времени состоитъ въ томъ, что здѣсь одинъ жизненный періодъ неизбѣжно выступаетъ, какъ средство для другого. Средство и цѣль раздѣлены, и жизнь распадается на періоды безрадостной работы и празднаго наслажденія. Время въ большинствѣ случаевъ наполняется чѣмъ-либо такимъ, что пріобрѣтаетъ цѣнность лишь благодаря своимъ результатамъ и не раньше, чѣмъ эти результаты дѣйствительно наступятъ. Всякій прогрессъ въ искусствѣ воспитанія, этикѣ и соціологіи направленъ къ тому, чтобы устранить этотъ дуализмъ, *самый тяжкій изъ всѣхъ видовъ дуализма*»[1]). Это обстоятельство дѣлаетъ понятнымъ возникновеніе представленій о внѣвременномъ абсолютно-совершенномъ духовномъ мірѣ, о концѣ всемірнаго процесса, когда «времени больше не будетъ», и т. п.

Съ нимъ также тѣсно связана пессимистическая идея о Времени-Разрушителѣ—«Tempo Destruttore», уничтожающемъ все, даже самое великое, дорогое, цѣнное, идея, часто поражавшая воображеніе поэтовъ и философовъ пессимистовъ. Ее мы встрѣчаемъ у Шопенгауэра, Мильтона, Шелли, Державина, Ленау. «Все растворяется въ потокѣ времени, пишетъ 18-ти лѣтній Шопенгауэръ своей матери, минуты, безчисленные атомы мелочныхъ моментовъ, на которые распадается всякое дѣйствіе, это — черви, пожирающіе все великое и смѣлое. Чудовище-повседневность унижаетъ все, что стремится подняться выше». Тогда же онъ переводитъ нижеприведенное стихотвореніе Мильтона. Примѣры отраженія этой идеи въ поэзіи можно умножать до безконечности; я ограничиваюсь нѣсколькими яркими образчиками. У однихъ поэтовъ только подчеркивается мысль о бренности всего земного, другіе же, какъ Мильтонъ, указываютъ на внѣвременность потусторонняго міра постоянныхъ цѣнностей, на побѣду Вѣчности надъ Временемъ:

---

1) Философія религіи, стр. 55, 1902.

Мильтонъ: «On time» (to be set on a clock-case).

Fly, envious Time, till thou run out thy race
Call on the lazy leaden-stepping hours,
Whose speed is but the heavy plummet's pace
And glut thyself with what thy womb devours,
Which is no more than what is false and vain
And merely mortal dross;
So little is our loss
So little is thy gain.
For when as each thing bad thou hast entombed
And last of all thy gready self consumed,
Then long eternity shall greet our bliss
With an individual kiss;
And joy shall overtake us as a flood,
When every thing is sincerely good
And perfectly divine
With truth and peace and love shall ever shine
About the supreme throne
Of him to whose happy making sight alone
When once our heavenly guided soul shall climb,
Then all this earthy grossness quit,
Attired with stars we shall for ever sit
Triumphing over Death, and Chance, and thee, O Time.

Шелли: «Время».

Пучина вѣчная, въ которой волны — годы,
Всегда шумятъ твои рыдающія воды,
Онѣ горьки отъ горькихъ слезъ людскихъ!
Потокъ безъ береговъ, ты плещешь неустанно
Въ границы вѣчности приливомъ волнъ морскихъ:
Добычей пресыщенъ, ты жаждешь безпрестанно
Все новыхъ жертвъ и воешь и ревешь,
О скалы мертвыя остатки труповъ бьешь!

Влечешь ты къ гибели всѣхъ, кто тебѣ повѣритъ,
Въ затишье ты таишь обманъ,
И кто пойметъ, и кто тебя измѣритъ, Бездонный Океанъ!

Державинъ:

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Отъ звуковъ лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы.

Ленау: «Vergangenheit».

Hesperus der blasse Funken
Blinkt und winkt uns traurig zu
Wieder ist ein Tag gesunken
In die Stille Todesruh'
Leichte Abendwölkchen schweben
Hin im sanften Mondenglanz,
Und aus bleichen Rosen weben
Sie dem todten Tag den Kranz.
Friedhof der entschlafnen Tage,
Schweigende Vergangenheit,
Du begräbst des Herzensklage,
Ach, und seine Seligkeit!

Но, мнѣ кажется, къ соображеніямъ Гёффдинга нужно присоединить еще указаніе на психологическіе факты, которые также, повидимому, должны бы оказать вліяніе на возникновеніе ученія объ идеальности времени. Это въ особенности касается мистиковъ.

1) Субъективная оцѣнка времени, какъ извѣстно, подчинена ому закону, что *время, заполненное мучительными состояніями ознанія, кажется болѣе длиннымъ, время же, занимаемое пріятными состояніями сознанія, кажется болѣе короткимъ.* Это здавна было подмѣчено поэтами и выражено въ стихотвореіяхъ, гдѣ a) отмѣчается *мучительная длительность* времени, b) *внѣвременность или кратковременность блаженныхъ, счастливыхъ моментовъ.*

a) Примѣры, иллюстрирующіе *первый* случай:

Лессингъ: «Emilia Galotti».

Ja, wenn die Zeit nur aussen uns wäre!
Wenn eine Minute am Zeiger sich in uns nicht in Jahre ausdehnen könnte!

Пушкинъ: «Воспоминаніе».

.... въ то время для меня *влачатся въ тишинѣ часы томительнаго* бдѣнья.

Пушкинъ: «Элегія».

Медлительно влекутся дни мои.

Шелли: Прометей упоминаетъ о трехъ тысячахъ «какъ будто вѣчныхъ лѣтъ,
Наполненныхъ безсонными часами,
Мгновеньями такихъ жестокихъ пытокъ,
Что *каждый мигъ казался дольше года*».

b) Примѣры, иллюстрирующіе *второй* случай:

Гете: «Фаустъ».

Пойдемъ, потушимъ жаръ страстей
Въ восторгахъ чувственныхъ, тѣлесныхъ,

И пусть въ чаду волшебствъ чудесныхъ
Я потону душой моей,
И *время пусть летитъ для насъ стрѣлою*,
И жизнь охватитъ насъ собою.

Шиллеръ: «Wallenstein».

Die Uhr schlägt keinem Glücklichen.

Шелли: «Возмущеніе Ислама», VII, 1.

. . . . Такъ мы сидѣли въ утреннихъ лучахъ
Веселые, какъ этотъ блескъ разсвѣта,
Прогнавшій ночь, горящій въ облакахъ;
Трава была росой полуодѣта,
И въ ней игралъ чуть слышный вѣтерокъ.
Свѣтили намъ созвучья словъ и ласки,
И нашъ восторгъ настолько былъ глубокъ,
Что *время*, видя роскошь этой сказки,
Забыло, что мгновенія летятъ,
Забыло стрѣлъ своихъ смертельный ядъ.

Шелли: «Царица Мабъ», стр. 349 и 351.

. . . . Отъ чаянья онъ къ чаянью идетъ,
Сокровища несчетныя сбираетъ,
Которыя для разума благого
Толпой неисчерпаемой растутъ
И, *время для него уничтожая*,
Въ его живой душѣ рождаютъ вѣчность,
Которая смѣется надъ безсильемъ
Сѣдыхъ столѣтій.

Байронъ: «Островъ или христіанинъ и его товарищи», II, 15.

О прошломъ и о будущемъ забывъ,
Лишь въ настоящемъ жилъ онъ съ ней всецѣло;

Песокъ морской да вѣрный волнъ приливъ
Слѣдили лишь, какъ *время ихъ летѣло.*
Не циферблатъ часовъ, а солнца ликъ
Указывалъ имъ время, не считая
Мгновеній, и за мигомъ мчался мигъ,
И *день казался часомъ*, пролетая:
Вотъ вечера предвѣстникъ соловей
Запѣлъ ужъ розѣ пѣснь любви своей,
И солнце сѣло. . . . .
Торквиль и Нейга встали, посмотрѣли
На небосводъ, на тихій свѣтъ ихъ глазъ
И подивились, что ужъ день угасъ,
И что часы такъ быстро пролетѣли.

Описываемый психологическій фактъ далъ поводъ къ возникновенію ходячаго мотива народной легенды, въ которой разсказывается о святомъ, заслушавшемся пѣнія райской птички и успѣвшемъ состариться, такъ какъ десятки лѣтъ пролетали для него незамѣтно подъ вліяніемъ очарованія, которое вызывало въ немъ пѣніе сверхъестественнаго существа. Этимъ мотивомъ воспользовался для картины одинъ нѣмецкій художникъ — Шёнгерръ («Petrus Forschegrund»).

2) Нѣкоторые мистики, допускающіе для нашего духа «соприкосновеніе мірамъ инымъ», не отрицаютъ временной смѣны въ потусторонней области, но приписываютъ ей *другую скорость* — такъ называемую *трансцендентную* скорость времени. Это мы встрѣчаемъ у *Фихте младшаго*[1]), который ссылается на такое явленіе, какъ *«Я» умирающихъ*. Вотъ примѣръ подобнаго явленія. Англійскій адмиралъ Бофоръ упалъ однажды въ молодости въ пьяномъ видѣ въ воду; за испугомъ наступило чувство полнаго покоя, при чемъ происходила очень интенсивная психическая дѣятельность въ видѣ переживанія въ воспоминаніи до мелочей

1) «Anthropologie» 1856, S. 409—410.

всей жизни въ интуитивной формѣ—*панорамическій обзоръ* всего своего существованія, несмотря на то, что прошло всего 2 минуты. Великолѣпное описаніе подобнаго состоянія даетъ Л. Н. Толстой въ: «Севастополѣ», гдѣ онъ передаетъ вихрь мыслей и чувствъ, переживаемыхъ Краснухинымъ и Михайловымъ въ тотъ моментъ, когда возлѣ нихъ упала бомба, и они ждутъ, что она вотъ-вотъ сейчасъ разорвется. Краснухинъ вспоминаетъ въ двѣ секунды, предшествовавшія взрыву, о неуплаченномъ долгѣ, о цыганской мелодіи, которую онъ пѣлъ вечеромъ, о любимой женщинѣ, о неотомщенномъ оскорбленіи и о многомъ другомъ. Михайловъ также «необъятно много передумалъ и перечувствовалъ въ эти двѣ секунды, во время которыхъ бомба лежала неразорванной». «*Я*» *умирающихъ* было предметомъ подробнаго психологическаго анализа въ статьяхъ Виктора Эггера («Le moi des mourant», Revue Philosophique, 1896, XLI et XLII). Эггеръ приводитъ любопытный примѣръ сближенія этого состоянія съ внѣвременнымъ состояніемъ въ мистическомъ экстазѣ: Дерепá (Derepas) разсказываетъ въ своей книгѣ: «Les théories de l'inconnaissable et les degrés de la connaissance», 1883), что раненый въ сраженіи 2 декабря 1870 года онъ, подвергаясь смертельной опасности, пережилъ воспоминанія о всей своей прошлой жизни. «Въ такихъ случаяхъ, говоритъ онъ, какъ разсказываютъ, люди переживаютъ въ интенсивной формѣ одновременно всѣ событія своего прошлаго. Мнѣ, какъ пережившему подобное состояніе, это вполнѣ понятно. По этому поводу можно, измѣнивъ знаменитую формулу Платона, сказать: время есть неподвижный образъ неподвижной вѣчности. Такимъ-то путемъ отъ образа я могу подняться къ соотвѣтствующей ему реальности и представить вѣчность Бога. Представьте вышеописанное состояніе въ человѣкѣ непрерывнымъ, устраните послѣдовательность и теченіе времени, и то, что ускользало, не поддаваясь мысли, оказывается фиксированнымъ, головокружительный вихрь прекращается, и духъ нашъ устанавливаетъ безъ сомнѣній, безъ колебаній и тѣмъ болѣе безъ противорѣчій вѣчное

настоящее». Эггеръ вполнѣ основательно доказываетъ, что Дерепа въ данномъ случаѣ сдѣлался жертвою иллюзіи, принимая воспоминанія о событіяхъ, слѣдовавшія чрезвычайно быстро другъ за другомъ, за сознававшіяся имъ одновременно.

3) *Дюпрель* ссылается, какъ на этотъ фактъ, такъ и на *измѣненія скорости времени во снѣ* для подтвержденія той же мысли. Этою послѣднею идеей неразъ пользовалось народное творчество. Такъ, напримѣръ, Адиссонъ приводитъ одну турецкую сказку, фабула которой представляетъ, повидимому, ходячій мотивъ. Въ ней повѣствуется объ одномъ египетскомъ султанѣ, который прожилъ длинную полную приключеній жизнь, оказавшуюся сновидѣніемъ, занимавшимъ всего нѣсколько секундъ времени [1]). Мистическій ореолъ, которымъ многіе психологи окружаютъ это явленіе, давно уже разсѣянъ. «Жизнь во снѣ, говоритъ Фолькманнъ, имѣетъ вообще гораздо болѣе скорое теченіе, чѣмъ на яву» и при этомъ ссылается на разсказы вродѣ приводимаго Аберкомбри о длинномъ путешествіи, совершенномъ имъ въ Америку и обратно въ теченіе десятиминутнаго сна. На это совершенно основательно возражаетъ Гильдебрандтъ [2]): «Въ дѣйствительности, вѣдь, не событія слѣдовали съ такою скоростью, а только живыя картины и представленія событій» [3])... Мы переживаемъ лишь аббревіатуру, краткій конспектъ событій. «Развѣ мы не пробѣгаемъ, замѣчаетъ по тому же поводу проф. Н. Я. Гротъ, мысленно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на яву цѣлыхъ десятковъ лѣтъ съ ихъ разнообразными происшествіями, когда читаемъ какой-нибудь романъ или смотримъ театральную піесу». Здѣсь въ сущности происходитъ «*фиктивное отожествленіе скорой смѣны идей со скорой смѣной событій*». Впрочемъ, эти разсужденія дѣлаются совершенно излишними, если вспомнить остроумныя психофизическія измѣренія скорости

---

1) «Философія мистики».

2) Н. Я. Гротъ: «Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа», 1878, стр. 30-я.

мысли, сдѣланныя Вундтомъ». По Вундту, «въ одну минуту могутъ смѣнить другъ друга 480 представленій, въ 10 минутъ—4800, достаточное количество, чтобы совершить весьма обстоятельное воображаемое путешествіе въ Америку и обратно. Итакъ, признакъ скорости сновидѣній основанъ на недоразумѣніи». Подобныя же соображенія высказывалъ еще ранѣе Гильдебрандта и Грота проф. L. Strümpell въ своей интересной брошюрѣ: «Die Natur und Entstehung der Träume», 1874, S. 67—74. Онъ также ссылается на данныя психометріи, указывая, что можно вполнѣ осмысленно прочитывать до 240 словъ въ минуту.

III) Третья черта мистическаго познанія—это *внѣпространственность* или допущеніе пространствъ съ другими свойствами, напримѣръ, *съ 4-мя измѣреніями*.

Абсолютъ для Плотина есть нѣчто такое, къ чему неприложимы ни временныя, ни пространственныя опредѣленія[1]): «Бытіе сверхчувственное, говоритъ онъ (Энн. VI-я, книга V, § 2), какъ вѣчное, есть бытіе нераздѣленное,—оно остается всегда равнымъ себѣ и тождественнымъ, не происходитъ и не гибнетъ, не занимаетъ никакого пространства, не заключается ни въ какомъ опредѣленномъ мѣстѣ, не входитъ никуда и ни откуда не выходитъ, но пребываетъ всегда въ себѣ самомъ». Слѣдовательно, и сліяніе съ Абсолютомъ отрѣшаетъ насъ отъ пространственныхъ условій. Абсолютъ—*Единое*—какъ высшій принципъ всего бытія, невыразимый, несказанный, къ которому неприложимъ даже признакъ «бытія» въ обыденномъ смыслѣ слова, соединяется съ отдѣльными *душами* черезъ посредство *міровой души и Интеллигенціи*. Эти три начала (*Единое*, *Интеллигенція* и *міровая душа* съ отдѣльными душами, эманирующими изъ нея) не находятся между собою въ какихъ-либо пространственныхъ отношеніяхъ. Они, какъ монады Лейбница, суть какъ-бы метафизическіе пункты: они—другъ въ другѣ, взаимопроникаютъ другъ друга и

1) См. Владиславлевъ: «Философія Плотина», стр. 67-я.

въ тоже время обладаютъ извѣстной условной самостоятельностью. «Для большей ясности представленія (этой формы существованія) очень часто прибѣгаютъ къ образу круга, въ которомъ изъ одного центра исходитъ множество радіусовъ; подобно этому, говорятъ и *тамъ* (въ сверхчувственномъ мірѣ) отъ первоединаго происходитъ множество существъ; но къ положенію, что происходящее тамъ многое существуетъ разомъ и вмѣстѣ, необходимо присовокупить слѣдующую оговорку: даже въ кругѣ сливающіеся въ одно (въ центрѣ) радіусы могутъ быть принимаемы за особые (отдѣльные) даже въ центрѣ, такъ какъ кругъ все-таки есть поверхность; но, гдѣ нѣтъ пространства и протяженія, свойственнаго даже поверхности, гдѣ имѣютъ мѣсто однѣ лишь непротяженныя силы и сущности, тамъ эти силы и сущности легко могутъ быть представлены, какъ такіе особые центры, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ одинъ и тотъ же единственный центръ, наподобіе того, какъ и всѣ радіусы, представляемые въ самомъ началѣ до распространенія ихъ въ пространствѣ, должны составлять изъ себя одну точку съ центромъ». Если сопоставить эту курьезную попытку представить въ образной формѣ взаимопроникновеніе въ Единомъ Интеллигенціи и черезъ міровую душу всѣхъ живыхъ существъ, съ описаніемъ экстаза, какъ сліянія съ Единымъ, какъ погруженія каждой единичной души въ Единомъ и, слѣдовательно, какъ *сліяніе* хотя бы потенціальное *всѣхъ сознаній въ Единой Интеллигенціи*, то можно предположить, что внѣпространственное бытіе мистику необходимо постулировать:

1) Для оправданія вездѣсущія Бога и безтѣлесности чистыхъ духовъ. Если не считать Бога тѣлеснымъ, какъ Тертулліанъ, или не называть пространство — sensorium commune Бога, какъ Ньютонъ, то придется приписать Богу повсюдное одновременное сосуществованіе, но не въ пространствѣ, или, какъ выражается Кантъ: «omnipraesentia potentialis aber nicht localis». Богъ— по Августину «ubique totus et nusquam locorum»[1]). «Господинъ,

1) Г. Гёффдингъ: «Философія религіи», стр. 45-я.

спрашиваетъ у Сузо его ученица, гдѣ Богъ?». Отвѣтъ гласитъ: у Бога нѣтъ «гдѣ». Богъ какъ-бы круглое кольцо, центральная точка кольца вездѣ, окружность — нигдѣ.

2) Для преодолѣнія пространственныхъ преградъ, обособляющихъ, повидимому, сознанія живыхъ существъ. Въ мистическомъ экстазѣ должно происходить всеобщее «сліяніе» душъ, а оно возможно лишь въ томъ случаѣ, если пали матеріальныя пространственныя перегородки, отдѣляющія одну отъ другой духовныя жизни. Иллюзія такого отожествленія себя съ чужими сознаніями помимо пространственныхъ преградъ создается благодаря *эстетическому одухотворенію* міра (Einfühlung), выражающемуся въ мысленной подстановкѣ своего «Я» во всѣ окружающіи мистика существа.

3) Къ этому нужно прибавить, что, повидимому, источникъ иллюзіи внѣпространственности всего духовнаго заключается въ *мимолетности и смутной локализаціи явленій внутренняго чувства*, благодаря которой кажется, будто они внѣпространственны.

4) Кромѣ того, она поддерживается ссылками на фактъ *телепатическихъ сновъ и галлюнацій*, въ которыхъ одна душа какъ-бы непосредственно воздѣйствуетъ на другую на разстояніи. Можно допустить, что телепатическія явленія существуютъ, хотя это отнюдь не доказано опытнымъ путемъ, но во всякомъ случаѣ для объясненія ихъ нѣтъ надобности прибѣгать къ мистической гипотезѣ внѣпространственнаго общенія духовъ — вполнѣ достаточно гипотезы резонанса[1]).

Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія во время всеобщаго увлеченія спиритизмомъ опыты Слэда съ завязываніемъ узловъ на безконечномъ ремнѣ дали поводъ Цöллнеру построить гипотезу не о мыслимости въ качествѣ фикціи, а о реальности многомѣр-

---

1) См. мою статью: «*Телепатія*» въ Словарѣ Брокгауза и Ефрона.

ныхъ пространствъ. Цöллнеръ самъ указываетъ на тѣ мистическія идеи, которыя до него были связаны съ этой гипотезой у швабскаго теософа Oetinger'a, который указывалъ на существованіе 4-го измѣренія пространства, ссылаясь на нѣкоторыя мѣста Св. Писанія: Ап. Павелъ упоминаетъ о *ширинѣ, длинѣ, глубинѣ и высотѣ*. Іовъ (XI, 7—9) говоритъ: «Длиннѣе земли мѣра его и шире моря». Любопытная связь между ученіемъ о 4-хъ измѣреніяхъ пространства и мистическими стремленіями наблюдается у Генри Моруса[1]) въ его: «Enchiridion Metaphysicum» 1677-го года, глава 28, § 7.

IV) Наклонность разсматривать Абсолютъ какъ нѣчто, лежащее выше всѣхъ конечныхъ опредѣленій мысли, выше не только множественности пространства и времени, но также и законовъ мышленія, напримѣръ, закона противорѣчія, составляетъ черту, характерную для всѣхъ наиболѣе выдающихся представителей мистицизма: она проходитъ черезъ всю исторію мистицизма, какъ показалъ Гомперцъ въ своей книгѣ: «Die Lebensauffassung der griechischen Philosophen und das Ideal der inneren Freiheit»[2]). Неопредѣлимость Абсолюта, неприложимость къ нему даже предиката бытія, сверхлогическій характеръ его природы одинаково защищаются индійской философіей, Плотиномъ, Ѳомою Аквинскимъ, Мейстеромъ Эккартомъ, арабскими мистиками (Альфараби). Въ болѣе позднюю эпоху эта мысль о неприложимости законовъ разсудочнаго мышленія къ Абсолюту находитъ себѣ выраженіе у Николая Кузанскаго, который въ ученіи о *тождествѣ противоположностей* провозглашаетъ неприложимость закона противорѣчія къ Абсолюту, ибо «mensurae rationales non attingunt res a

---

1) См. весьма интересную статью R. Zimmermann'a: «Henry More und die vierte Dimension des Raumes». См. Sitzungsber. der Wiener Akad. d. Wiss. philos.-hist. Classe. B. 98 S. 403—448.

2) См. вышеупомянутое приложеніе: Einige Beiträge zum Verständniss der Mystiker, S. 302, 1904.

temporе absolutas» [1]). Таже мысль возобновляется впослѣдствіи Шеллингомъ.

Если природа Абсолюта сверхлогична, то и познаніе его сверхчувственно и сверхлогично. На это также указываетъ большинство мистиковъ. Такъ, напримѣръ, Гуго С. Викторъ говоритъ про мистическое воспріятіе: «Это не можетъ быть описано словами, такъ какъ это невыразимо, немыслимо, это только ощущается это — «supra sensualitatem et rationem, insensibilitas et irrationabilitas». У Анатоля Франса есть чрезвычайно образная иллюстрація принципа «совпаденія противоположностей» въ Абсолютѣ. Фра Джіованни, герой одного изъ его разсказовъ, видѣлъ страннаго человѣка, явившагося ему въ видѣ призрака, который сообщилъ монаху, что истина *была*. Послѣ этого вскорѣ монаху приснился сонъ. Ему грезилась огромная, прекрасная «мистическая» роза по формѣ въ родѣ тѣхъ, которыя дѣлаются при украшеніи готическихъ церквей, но эта гигантская роза при болѣе близкомъ разсмотрѣніи оказалась состоящею изъ толпы людей самаго разнаго званія и положенія, изъ которыхъ каждый держалъ во рту девизъ своей философіи. Когда монахъ сталъ прочитывать девизы, написанные на клочкахъ бумаги, то замѣтилъ, во первыхъ, что каждая изъ безчисленныхъ бумажекъ, видимыхъ имъ, имѣетъ свой единственный ей лишь присущій оттѣнокъ цвѣта, такъ что въ цѣломъ роза представлялась блещущей всѣми цвѣтами радуги; во вторыхъ, оказалось, что всѣ девизы были между собой *въ самыхъ вопіющихъ противорѣчіяхъ:* не было двухъ одинаковыхъ девизовъ, однако, на всѣхъ бумажкахъ девизы неизмѣнно заканчивались одною и тою же добавочной фразой:—*«такова истина»*. Колесо, на которомъ была прикрѣплена

---

1) См. R. Falkenberg: «Aufgabe und Wesen der Erkenntniss bei Nicolaus von Cusa», 1880, S. 13: . . . proposuerunt etiam Deum circa differentiam oppositorum quaerendum, volentes venationem eius includi intra ambitum principii illius «quodlibet est vel non est» ipsum non quaesiverunt in campo possest.

роза, вращалось сначала медленно, но потомъ все скорѣе и скорѣе, такъ что, наконецъ, роза приняла сплошной ослѣпительно бѣлый цвѣтъ, и монахъ услышалъ голосъ: «Созерцай *бѣлую* истину, которую ты хотѣлъ познать, и знай, что она такъ же состоитъ изъ всѣхъ противоположныхъ истинъ, какъ бѣлый цвѣтъ состоитъ изъ всѣхъ цвѣтовъ»[1]).

Не вмѣщаясь въ рамки обычныхъ категорій, мистическое познаніе не можетъ примириться и съ законами мышленія. *Суррогатомъ* представимости для этого познанія являются описанія *противочувствій* вродѣ того описанія любви, которое мы находимъ въ «Ромео и Джульетѣ» у Шекспира:

«Рядъ крайностей: свинцовый пухъ, блестящій
И вмѣстѣ мрачный дымъ, холодный пламень,
Здоровый недугъ, бодрствующій сонъ,
Всегдашнее не то, чего мы жаждемъ,
— Вотъ та любовь, отъ коей всѣ мы страждемъ».

Или въ изображеніи *«сумеречныхъ»* настроеній души послѣ смерти, какое даетъ мистикъ Лагардъ:

Lichtlose Unnacht ist's die um sie waltet
Sie *sieht nicht, ist nicht blind, nicht taub und höret nicht*
Und alles vor ihr däucht sie nicht gestaltet.

Или въ характеристикѣ спокойнаго «дѣйственнаго» состоянія Абсолюта у Вл. С. Соловьева[2]):

Колеблется воля людей, что волна,
Но есть неизмѣнная Воля, святая,

---

1) A. France: «Le puit de St. Claire» 1900, pp. 218—222.

2) Приводимое стихотвореніе впервые появляется въ печати. Оно было мнѣ подарено незабвеннымъ Вл. С. въ 1877 году.

Превыше временъ и пространства одна
Красою сіяетъ Идея живая,
И въ вѣчной тревогѣ одинъ недвижимъ
Духъ мощный все движетъ покоемъ своимъ.

Въ приведенныхъ стихотвореніяхъ мы имѣемъ передъ собою лишь метафоры, и, слѣдовательно, не реальныя, но кажущіяся противорѣчія. Таковы, также, слѣдующія выраженія: ἀληθινὸν ψεῦδος — правдивая ложь — обозначеніе «матеріи» у Платона, «*невозможно-возможное*, странно-бывалое» (Фетъ), «*Das mogliche, was doch unmöglich ist*» (Тикъ), *самое уязвимое и самое непобѣдимое* — обозначеніе «вещи въ себѣ» у Ницше, *медленно спѣшить* (βραχέως σπεύδειν), *достовѣрный лжесвидѣтель*, и т. п. Подобное *contradictio apparens* еще не есть *contradictio realis*. Такими выраженіями изобилуютъ сочиненія мистиковъ, при чемъ при ихъ чрезмѣрномъ нагроможденіи нерѣдко дѣло сводится въ концѣ-концовъ къ «музыкѣ словъ». На это указываетъ Джэмсъ, приводя въ качествѣ примѣра разсужденія Блаватской о «голосѣ молчанія» и «беззвучномъ звукѣ». См.: «The varieties of religious experience», 1902, p. 420—421.

Невыразимость, несказанность, непередаваемость мистическаго познанія естественно ведетъ, съ одной стороны, къ тщетнымъ, завѣдомо безплоднымъ усиліямъ придать ему раціональную, научную форму, съ другой, къ той высокой оцѣнкѣ безмолвія, молчанія, тишины, какая часто встрѣчается у мистиковъ. Характернымъ образчикомъ попытки придать мистическимъ откровеніямъ раціональную форму, закрѣпить ихъ, фиксировать въ общепонятной терминологіи мы встрѣчаемъ въ словарѣ святой Гильдегарды (1098—1179), который хранится въ Висбаденѣ и представляетъ опытъ систематически выдержанной терминологіи для мистическихъ сверхразумныхъ переживаній. «Единственный мистическій языкъ человѣка, говорятъ другіе мистики — это молчаніе». Напоминаю о мистическомъ толкованіи молчанія у Карлейля, Поэ (Silence), у Метерлинка («Silence»), у Тютчева

(«Silentium»), у Лѣскова («тишина»), у Блаватской («The Voice of Silence»).

Итакъ, если языкъ мистиковъ понимать буквально, то мистическое познаніе сведется къ отрицанію необходимыхъ условій всякаго познанія: нашего «Я», пространства, времени и законовъ мышленія. Никакого мистициста нельзя убѣдить въ томъ, что за безсмысленнымъ наборомъ словъ, которыми онъ пытается охарактеризовать природу сверхразумнаго познанія, не скрывается никакого положительнаго содержанія *для него самого*. Но мистицистъ не можетъ претендовать на какое-либо значеніе его индивидуальныхъ психическихъ переживаній *для другихъ людей* въ качествѣ *знанія*, всего менѣе въ качествѣ знанія, могущаго имѣть универсальное, *научное* значеніе. Мы доказали это и сверхъ того объяснили психологическое происхожденіе того иллюзорнаго познанія, которымъ мистицистъ претендуетъ замѣнить раціональное познаніе. Но на этомъ намъ нельзя останавливаться. Огромная роль, которую играютъ мистика и мистицизмъ, какъ *настроеніе* и *теорія* въ исторіи человѣчества, свидѣтельствуетъ о томъ, что мистическое воспріятіе, которымъ такъ дорожатъ мистики, есть душевное состояніе, родственное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чрезвычайно важнымъ, *человѣчески значительнымъ* психическимъ процессамъ интеллектуальнаго и аффективнаго порядка. Мистицизмъ есть какъ-бы *утрированное* выраженіе такихъ сторонъ человѣческаго существа, которыя признавались самыми важными въ жизни человѣка большинствомъ представителей раціональнаго познанія. Покуда мистицистъ говоритъ о познаніи сверхчувственномъ и притомъ лишь одному ему доступномъ, невыразимомъ, несказанномъ, онъ, быть можетъ, обладаетъ сокровищами, но, «какъ Мидасъ, среди золота и серебра за невозможностью обмѣна рискуетъ остаться безъ всякихъ средствъ къ жизни». Крайняя неопредѣленность духовнаго содержанія, которое мистикъ обозначаетъ блаженнымъ состояніемъ экстаза, ведетъ къ тому, что, какъ показываетъ исторія мистики, ея представители нерѣдко смѣшивали боже-

ственное съ прямо противоположнымъ: возвышенный пафосъ — съ самыми грубыми[1]), а подчасъ и уродливыми формами чувственности. По поводу несостоятельности мистицизма очень цѣнныя замѣчанія имѣются у Тейхмюллера въ его: «Religionsphilosophie». Тейхмюллеръ указываетъ, что у мистиковъ чувство, сопровождающее экстазъ, *не имѣетъ никакого опредѣленнаго познавательнаго коррелята.* Для нихъ *всѣ пріятныя ощущенія равноцѣнны.* По Шлейермахеру: «es giebt keine Empfindung die nicht fromm wäre». Этимъ объясняется то, что мистика нерѣдко вырождается въ культъ грубой чувственности. По этой же причинѣ мистика приводитъ не къ переживанію мыслей о постоянныхъ, вѣчныхъ цѣнностяхъ и связанныхъ съ этими мыслями чувствъ, а къ мимолетнымъ, скоро-преходящимъ возбужденіямъ экстаза. Въ этомъ отношеніи онъ сходится и по той же причинѣ съ поэтами декадентами, изъ которыхъ одинъ говоритъ: «Только мимолетности я влагаю въ стихъ». Шлейермахеръ замѣчаетъ, что наши мистическія чувства суть «kaum in der Zeit». По словамъ Тейхмюллера, они въ такомъ случаѣ «смѣхотворно коротки», между тѣмъ какъ Гёте глубоко вѣрно замѣчаетъ: «Die uns das Leben gaben herrliche Gefühle erstarren in dem irdischen Gewühle». Обладая личной привилегированной интимностью съ Абсолютомъ въ экстазѣ, мистикъ естественно начинаетъ относиться индифферентно къ жизни, становящейся Katzenjammer, «*скучнымъ интермеццо*» между скоро-преходящими моментами само-

---

1) На это намекаетъ Мефистофель:

О, наслажденье жизнью неземной!
Лечь на траву, промокнуть подъ росой,
Землей и небомъ страстно упиваться,
До божества въ мечтаньяхъ возвышаться,
Къ звѣздамъ душой благоговѣйно рваться,
Весь божій міръ въ душѣ вмѣстить пытаться,
Въ тщеславной силѣ чѣмъ-то наслаждаться,
Въ своей любви блаженной расплываться,
А о себѣ, червѣ земномъ, забыть,
Чтобъ послѣ думъ высокихъ не гнушаться,
Стыжусь сказать я, чѣмъ все это заключить.

забвенія. *Историческая реальность*, героическія усилія человѣчества, направленныя къ утвержденію въ мірѣ высшихъ, постоянныхъ цѣнностей, теряютъ для него всякій интересъ, что вполнѣ естественно при отсутствіи *всякаго масштаба для цѣнности чувствованій* и склонности къ самодовольному *квіетизму* («Religionsphilosophie», 1886, S. 454, 465 — 466). Гносеологическая неопредѣленность «интеллектуальной интуиціи» съ другой стороны справедливо побудила Гегеля сказать: «Es ist die bequemste Manier die Erkenntniss darauf zu setzen — auf das, was einem einfällt.» (Geschichte der Philos. III, 655). Совершенно въ иномъ видѣ намъ представятся стремленія мистиковъ, если мы попытаемся отбросить ихъ претензіи на сверхразумное познаніе и попытаемся *перевести ихъ темную рѣчь на общепонятный философскій языкъ*. Такая попытка, мнѣ кажется, должна привести къ весьма плодотворнымъ результатамъ. Она объяснитъ намъ то на первый взглядъ странное противорѣчіе, которое существуетъ между психологической значительностью стремленій мистиковъ и полнымъ безсиліемъ ихъ выразить эти стремленія въ сколько-нибудь понятной формѣ. Для этой цѣли придадимъ тѣмъ отрицательнымъ признакамъ «мистическаго» воспріятія, которые выставляются мистиками, не *абсолютное*, а *относительное* значеніе, чѣмъ сразу же упразднятся всѣ претензіи на «сверхразумность» познанія, и въ то же время описываемое ими душевное состояніе окажется сходнымъ съ психическимъ явленіемъ, которое я назвалъ бы, по примѣру Дюринга, *«универсальнымъ аффектомъ»* или *«вселенскимъ чувствомъ»*, и заключающимъ въ себѣ слѣдующіе признаки:

1) *Мысль о наивысшихъ цѣнностяхъ, имѣющихъ постоянное значеніе* для меня и для всѣхъ остальныхъ людей, а также и другихъ живыхъ существъ, поскольку послѣднимъ нѣкоторыя изъ этихъ цѣнностей доступны, мысль объ этихъ цѣнностяхъ, какъ уже осуществленныхъ или неизбѣжно подлежащихъ осуществленію въ будущемъ — мысль о summum bonum.

2) *Конкретное содержаніе сознанія*, въ видѣ представленій,

иллюстрирующихъ эту мысль. Такимъ *опорнымъ пунктомъ* для «универсальнаго аффекта» могутъ быть самыя разнообразныя представленія. Въ мистическомъ искусствѣ фигурируютъ два традиціонныхъ образа для возбужденія экстаза: звѣздное небо и живая природа при яркомъ сіяніи солнца[1]). Въ новѣйшемъ искусствѣ можно указать нѣсколько произведеній, принадлежащихъ, на мой взглядъ, къ вершинамъ искусства и представляющихъ до нѣкоторой степени сознательную попытку дать опорный пунктъ для «универсальнаго аффекта». Къ таковымъ можно отнести: финалъ девятой симфоніи Бетховена на гимнъ Шиллера «Къ радости», дуэтъ изъ «Тристана и Изольды» и финалъ «Парсифаля» Вагнера, «Невидимый градъ Китежъ» Римскаго-Корсакова[2]), «Обитель блаженныхъ» Бёклина и «Преддверіе рая» Васнецова. О литературныхъ иллюстраціяхъ рѣчь будетъ ниже.

3) Чувство *блаженства*, радости, восхищенія, связанное съ этимъ конкретнымъ содержаніемъ сознанія[3]).

4) *Самозабвеніе*, поглощенность вниманія созерцаемымъ образомъ и связаннымъ съ нимъ понятіемъ summi boni.

5) *Мысленная*, а не *фактическая* отрѣшенность отъ данныхъ условій *пространства* и *времени*, то есть, стремленіе видѣть въ

---

1) Объ этомъ см. книгу Peltzer'a: «Deutsche Mystik und Kunst».

2) Превосходное либретто этой оперы нашего геніальнаго композитора принадлежитъ В. И. Бѣльскому.

3) Это чувство скорѣе можетъ быть названо *энтузіазмомъ*, чѣмъ *экстазомъ*. «Въ психической сферѣ, говоритъ проф. И. Оршанскій, здѣсь, хотя и имѣется одна господствующая идея или образъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдается крайне оживленное теченіе идей и образовъ, связанныхъ съ господствующей идеей. При экстазѣ сознаніе поглощено всецѣло однимъ образомъ, который устраняетъ изъ поля сознанія всякія другія представленія. Энтузіазмъ есть состояніе эмоціональное т. е. сопровождается непрерывающимися колебаніями душевнаго тона, въ общемъ стоящаго выше средняго, нормальнаго уровня. Экстазъ, наоборотъ, представляетъ статическое неподвижное напряженіе чувствъ на крайней высотѣ ихъ подъема». См. Словарь Брокгауза и Ефрона. Статья: *Энтузіазмъ*. Изъ психологической литературы объ экстазѣ, кромѣ упомянутыхъ въ другомъ мѣстѣ сочиненій, можно назвать устарѣлую книгу Desages'a: «De l'extase» (1866) и популярную брошюру Мантегаццы: «Экстазы человѣка» (1898). См. также упоминаемую ниже книгу Achelis'a и отдѣльныя мѣста въ сочиненіяхъ Рише, Шарко, Маудсли и др.

данномъ душевномъ состояніи не только нѣчто, происходящее во *мнѣ*, *здѣсь* и *теперь*, но нѣчто, что пріурочивается къ міру-представленію какъ цѣлому, иначе говоря, нѣчто сверхличное, всевременное и всепространственное.

6) Чувство *мощи*, проистекающее отъ сознанія: a) *доступности* мнѣ мысли объ этихъ постоянныхъ цѣнностяхъ, *ибо она дана въ моемъ сознаніи*, и b) моей *способности* ихъ *увеличивать* и споспѣшествовать ихъ утвержденію въ качествѣ универсальныхъ и постоянныхъ.

Эта черта «вселенскаго чувства» особенно важна въ томъ отношеніи, что она въ связи съ указываемой ниже отличаетъ это душевное состояніе отъ безсодержательнаго квіетизма мистиковъ. Чувство мощи обусловлено дѣйствительнымъ *пониманіемъ* высшихъ постоянныхъ цѣнностей и наличностью въ человѣкѣ способности активно **содѣйствовать** утвержденію этихъ цѣнностей въ мірѣ.

7) Чувство гармоническаго *покоя*, въ связи съ сознаніемъ примиренности съ жизнью, съ міромъ-представленіемъ, какъ цѣлымъ.

При эпилепсіи, при опьяненіи, когда временно поражается дѣятельность высшихъ центровъ мозга, появляется, какъ извѣстно, нерѣдко чувство легкости и примиренности съ жизнію. Тоже наблюдалъ въ себѣ послѣ пріема дозы закиси азота Джэмсъ[1]), но въ этихъ случаяхъ для чувства примиренности съ жизнію нѣтъ никакого разумнаго повода, оно имѣетъ случайный и преходящій характеръ. Разсматриваемое нами душевное состояніе есть результатъ, наоборотъ, *повышенія* интеллектуальной дѣятельности и оставляетъ глубокій, неизгладимый слѣдъ въ воспоминаніи.

Слѣдуя классификаціи Виндельбанда[2]), примемъ за типичныя формы цѣнностей, которыя дороги людямъ, четыре: *гедоническія*,

---

1) «Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи», 1904, стр. 338-я.

2) «Прелюдіи», 1904, пер. С. Франка.

эстетическія, *этическія* и *интеллектуальныя*, и разсмотримъ нѣкоторыя конкретныя формы, въ которыхъ переживаются людьми представленія и чувства, связанныя съ мыслью объ этихъ цѣнностяхъ.

Но прежде чѣмъ обращаться къ многочисленнымъ иллюстраціямъ, я долженъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ разъясненій, которыя могли бы предотвратить возможныя возраженія:

1) Можно выразить сомнѣніе вообще даже въ *возможности* такого душевнаго состоянія, какое описано мною. На это я отвѣчу указаніемъ на то, что оно не противорѣчитъ ни одному изъ извѣстныхъ мнѣ психологическихъ законовъ.

2) Многочисленныя иллюстраціи, приводимыя мною и свидѣтельствующія о *реальности* этого явленія, заимствованы главнымъ образомъ изъ художественной литературы. Указанное обстоятельство можетъ дать поводъ нѣкоторымъ лицамъ предположить относительно поэтическихъ описаній «вселенскаго чувства», что все это, выражаясь словами Смердякова, «про неправду написано», и такъ же относится къ человѣческой психологіи, какъ черти, русалки и драконы—къ зоологіи, мистическая «роза»—къ ботаникѣ и философскій камень—къ химіи. Но развѣ великіе художники не предвосхищали въ инстинктивной, неопознанной формѣ психологическія открытія? Спору нѣтъ, пользованіе художественными иллюстраціями въ психологическомъ изслѣдованіи требуетъ большой осторожности и извѣстнаго такта, но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ душевнымъ явленіемъ, которое описывалось не одними поэтами, и показанія послѣднихъ замѣчательны лишь въ томъ отношеніи, что *въ особенно яркой и выпуклой формѣ* подтверждаютъ наблюденія, встрѣчаемыя въ біографіяхъ, мемуарахъ и, какъ мы увидимъ ниже, въ психологическихъ и философскихъ сочиненіяхъ.

3) Заслуживаетъ вниманія *единодушіе* литературныхъ свидѣтельствъ. Описанія «вселенскаго чувства» у Гёте или Байрона совершенно совпадаютъ съ описаніями Фета или Толстого. Это

обстоятельство могутъ отнести на счетъ «литературной традиціи», на счетъ, напримѣръ, вліянія «романтики». Но такой взглядъ представлялъ бы преувеличенную оцѣнку элемента традиціи и былъ бы необъяснимъ, даже для признающаго роль традиціи въ данномъ случаѣ, еслибы въ основѣ его не лежала *однородность психическихъ переживаній*, сущность которой коренится въ общихъ свойствахъ духовной природы человѣка. Вліяніе традиціи съ такой точки зрѣнія можно усмотрѣть (и въ извѣстныхъ предѣлахъ съ полнымъ основаніемъ) и въ показаніяхъ *мистиковъ* о природѣ мистическаго экстаза, показаніяхъ, поразительно единодушныхъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, и однако, какъ справедливо указываетъ Гомперцъ [1]), сама живучесть традиціи здѣсь основывается на тожествѣ психическихъ переживаній.

4) Нѣкоторыя иллюстраціи *не вполнѣ подходятъ* къ указанному описанію «вселенскаго чувства», но я привожу ихъ, видя въ нихъ извѣстныя *степени приближенія къ нему*. Такъ, въ нѣкоторыхъ изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ нѣтъ налицо полнаго самозабвенія, «сліянія» съ объектомъ созерцанія (примѣры изъ Гейне, Андерсена и другіе).

5) Могутъ замѣтить, что въ понятіи «вселенскаго чувства» *смѣшаны въ одну кучу психическія явленія совершенно разнородныя*, между которыми нѣтъ общихъ чертъ, дающихъ возможность называть ихъ общимъ именемъ. Чтобы доказать эту мысль, нужно было бы показать, что мысль о постоянныхъ цѣнностяхъ *четырехъ разныхъ типовъ* не можетъ сопровождаться совокупностью всѣхъ остальныхъ указанныхъ нами психическихъ признаковъ. Факты показываютъ обратное.

6) Можно *признать искусственнымъ пріурочиваніе нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ къ опредѣленной изъ намѣченныхъ рубрикъ*, напримѣръ, гедонической, эстетической или моральной, ссылаясь на то, что она болѣе подходитъ подъ другую

---

1) См. вышеупомянутую статью.

рубрику. Но, само собою разумѣется, что дѣленіе на рубрики и пріуроченіе къ той или другой имѣютъ условное значеніе, такъ какъ самыя разграниченія типовъ цѣнностей не безусловны, и тотъ же примѣръ можетъ входить сразу въ нѣсколько рубрикъ.

7) Можно признать *неудачнымъ обозначеніе* анализируемаго душевнаго состоянія *терминомъ: «вселенское чувство»*. Но я ничего не имѣлъ бы противъ и какого-нибудь другого названія, еслибы оно оказалось болѣе подходящимъ.

8) Можно спросить, почему авторъ не воспользовался *экспериментомъ*, а ограничивается однимъ наблюденіемъ. Но, я думаю, всякому, знакомому съ современнымъ состояніемъ экспериментальной психологіи, очевидно, что ея методы неприложимы непосредственно къ изслѣдованію такихъ сложныхъ душевныхъ явленій, какъ разсматриваемое нами. Здѣсь дѣло обстоитъ такъ, какъ и въ психологіи творчества (см. книгу Рибо: «О творческомъ воображеніи»). Другое дѣло — косвенное руководство экспериментальными данными. Этими данными тамъ, гдѣ было возможно, я пользовался (см. стр. 581-ю).

I) *Гедоническія* цѣнности. Къ нимъ относятся пріятныя, ощущенія, какъ таковыя: вкусы, запахи, а также и всѣ остальныя ощущенія, когда они доставляютъ наслажденіе, *не являясь еще въ строгомъ смыслѣ объектомъ эстетическаго созерцанія, моральной, научной или философской дѣятельности*. Съ такими ощущеніями можетъ иногда ассоціироваться чувство «универсальнаго аффекта», восхищенія передъ міровымъ цѣлымъ; вотъ яркій примѣръ приводимый Джэмсомъ[1]) изъ романа *де Сенанкура:* Оберманнъ: Письмо XXX, Парижъ, марта 7-го: «Было темно и немножко холодно. Мнѣ взгрустнулось, и отъ нечего дѣлать я пошелъ прогуляться. На дорогѣ мнѣ попались на стѣнѣ на высотѣ моей груди цвѣты. Тутъ былъ нарцисъ въ цвѣту. Это было исполненіемъ завѣтнѣйшаго желанія: первый весенній ароматъ.

---

1) См. приложеніе къ книгѣ Джэмса: «Talks to teachers», 1901: «Talks to Students», p. 243.

Я ощутилъ все счастіе, доступное человѣку. Невыразимая гармонія душъ, фантомъ идеальнаго міра возникли предо мною во всей своей полнотѣ. Я никогда не ощущалъ чего-либо столь громаднаго и мгновеннаго. Я не знаю, какая форма, какая аналогія, какое таинственное отношеніе побудило меня видѣть въ этомъ цвѣткѣ безпредѣльную красоту. Я никогда не буду въ состояніи охватить въ понятіе эту силу, эту необъятность, не поддающуюся никакому выраженію, эту форму, не вмѣщающую никакого содержанія; этотъ идеалъ лучшаго міра, который ощущается нами, но который, казалось бы, природа не осуществила». На почвѣ обоготворенія гедоническихъ цѣнностей въ видѣ чувственности развивается то психологическое явленіе «донъ-жуанизма», которое такъ мѣтко описано *А. Толстымъ*. Исходный пунктъ у Донъ-Жуана въ его любовныхъ похожденіяхъ—поиски высшаго идеала, высшихъ цѣнностей, имѣющихъ универсальное значеніе. Онъ говоритъ про половую любовь:

Я въ ней искалъ не узкое то чувство,
Которое, два сердца съединивъ,
Стѣною ихъ отъ міра отдѣляетъ:
Она меня роднила со вселенной,
Всѣхъ истинъ я источникъ видѣлъ въ ней,
Всѣхъ дѣлъ великихъ первую причину;
Черезъ нее я понималъ ужъ смутно
Чудесный строй законовъ бытія,
Явленій всѣхъ сокрытое начало.
Я понималъ, что всѣ ея лучи,
Раскинутые врозь по мірозданью,
Въ другомъ я сердцѣ вмѣстѣ бъ съединилъ,
Сосредоточилъ бы ихъ блескъ блудящій
И сжатымъ свѣтомъ ярко бъ озарилъ
Моей души неясныя стремленья!
О, еслибы то сердце я нашелъ!
Я съ нимъ одно бы цѣлое составилъ,

Одно звено той безконечной цѣпи,
Которое въ связи со всей вселенной
Восходитъ вѣчно выше къ божеству
И оттого лишь слиться съ нимъ не можетъ,
Что путь къ нему, какъ вѣчность, безъ конца.

Однако пресыщеніе и неудовлетворенность въ конечномъ итогѣ приводитъ его къ простому культу чувственности.

Яркое описаніе универсальнаго аффекта съ чувственной окраской даетъ *Новáлисъ*: «Astralis»:

An einem Sommermorgen ward ich jung.
Da fühlt'ich meines eignen Lebens Puls
Zum erstenmal, — und wie die Liebe sich
In tiefere Entzückungen verlor,
Erwacht ich immer mehr, und das Verlangen
Nach innigerer gänzlicher Vermischung
Ward dringender mit jedem Augenblick.
Wollust ist meines Daseins Zeugungskraft;
Ich bin der Mittelpunct, der heil'ge Quell,
Aus welchem jede Sehnsucht stürmisch fliesst,
Wohin sich jede Sehnsucht mannigfach
Gebrochen, wieder still zusammen zieht.
Ihr kennt mich nicht und saht mich werden.—
Wart ihr nicht Zeugen wie ich noch
Nachtwandler mich zum erstenmale traf
An jenem frohen Abend? Flog euch nicht
Ein süsser Schauer der Entzückung an?
Versunken lag ich ganz in Honigkelchen;
Ich duftete, die Blume schwankte still
In goldner Morgenluft. Ein innres Quellen
War ich, ein sanftes Ringen, alles floss
Durch mich und ueber mich und hob mich leise.
Da sank das erste Stäubchen in die Narbe,

Denkt an den Kuss nach aufgehobnem Tisch.
Ich quoll in meine eigne Flut zurück —
Es war ein Blitz,—nun konnt'ich schon mich regen,
Die zarten Fäden und den Kelch bewegen,
Schnell schossen, wie ich selber mich begann,
Zu ird'schen Sinnen, die Gedanken an
Noch war ich blind, doch schwankten lichte Sterne
Durch meines Wesen wunderbare Ferne,
Nichts war noch nah, ich fand mich nur von weiten
Ein Anklang alter so wie künft'ger Zeiten
Aus Wehmut, Lieb und Ahnungen entsprungen
War der Besinnung Wachstum nur ein Flug
Und die Wollust Flammen in mir schlug
Ward ich zugleich vom höchsten Weh durchdrungen
Die Welt lag blühend um den hellen Hügel,
Die Worte des Propheten wurden Flügel,
Nicht einzel mehr:—nur Heinrich und Mathilde
Vereinten beide sich zu einem Bilde.
Ich hob mich nun gen Himmel neugeboren
Vollendet war das irdische Geschick
Im seligen Verklärungs Augenblick.
Es hatte nun die Zeit ihr Recht verloren
Und forderte was sie geliehn zurück.
Es bricht die neue Welt herein
Und verdunkelt den hellsten Sonnenschein.
Man sieht nun aus bemoossten Trümmern
Eine wunderseltsame Zukunft schimmern,
Und was vordem alltäglich war
Scheint jetzo fremd und wunderbar.
Der Liebe Reich ist aufgethan
Die Fabel fängt zu spinnen an
Das Urspiel jeder Natur beginnt,
Auf kräftige Worte jedes sinnt,
Und so das grosse Weltgemüt

Ueberall sich regt und unendlich blüht.
Alles muss ineinander greifen,
Eins durch das Andere gedeihn und reifen
Jedes in allen dar sich stellt
Indem es sich mit ihnen vermischet
Und gierig in ihre Tiefen fällt,
Sein eigenthümliches Wesen erfrischet
Und tausend neue Gedanken erhält,
Die Welt wird Traum, der Traum wird Welt,
Und was man glaubt es sei geschehn,
Kaum mann von weit erst kommen sehen
Frei soll die Phantasie erst schalten,
Nach ihrem Gefallen die Fäden erst verweben
Hier manches verschleiern, dort manches enfalten
Und endlich in magischem Dunst verschweben.
Wehmut und Wollust, Tod und Leben
Sind hier in innigsten Sympathie,—
Wer sich der höchsten Lieb ergeben,
Genest von ihren Wunden nie
Schmerzhaft muss jedes Band zerreisen
Was sich ums innere Auge zieht,
Einmal das treuste Herz verwaisen,
Eh' es der trüben Welt entflieht.
Der Leib wird aufgelöst in Thränen
Zum weiten Grabe wird die Welt,
In das verzehrt von bangem Sehnen,
Das Herz als Asche niederfällt.

2) Въ универсальномъ аффектѣ *эстетическаго* типа *опорнымъ пунктомъ* является созерцаніе красотъ природы, прекраснаго человѣческаго образа или художественнаго произведенія.

Само по себѣ восхищеніе природою еще не представляетъ «вселенскаго чувства», если оно не связано съ *мыслями о постоянныхъ цѣнностяхъ*, выраженными въ художественной

формѣ или съ размышленіями, вызываемыми чувствомъ и сопровождающими его. Уже Руссо указывалъ, что восхищеніе красотами природы доступно нерѣдко самымъ простымъ людямъ, какая-нибудь деревенская старуха, застывая въ нѣмомъ восторгѣ передъ закатомъ солнца, уже переживаетъ чувство, родственное религіозному самосознанію. Горькій приводитъ сцену, подтверждающую наличность такихъ высокихъ движеній души у «босяка», сцену, въ которой нѣтъ никакихъ основаній видѣть романтическую идеализацію. («Коноваловъ»).

Но въ данномъ случаѣ отсутствуетъ то сознательное отношеніе къ энтузіазму, тотъ «опознанный» и обобщенный характеръ послѣдняго, который имѣется налицо во «вселенскомъ чувствѣ».

Примѣры можно найти у Фета, Жоржъ Зандъ, Байрона, Леопольда Шефера, Эйхендорфа, Гейне, Тютчева, Новáлиса, Гёте, Гауптманна, Башкирцевой, Вересаева и др.[1]).

Подобно Шеллингу, *Новáлисъ* считаетъ способность къ слiянію съ міровымъ цѣлымъ въ эстетическомъ экстазѣ аристократическою привилегіей избранныхъ натуръ. «Тщетно учить пониманію природы и проповѣдывать его: сколько бы мы ни вздумали разсказывать о цвѣтахъ, свѣтовыхъ впечатлѣніяхъ и разсматриваніи предметовъ на разстояніи слѣпорожденному, все равно онъ не научится видѣть. Точно такъ же не пойметъ природы тотъ, кто не обладаетъ органомъ познанія природы, внутреннимъ орудіемъ для порожденія и выдѣленія изъ себя природы, кто самъ по себѣ во всемъ не познаетъ и отличаетъ природы и съ прирожденнымъ ему сладострастіемъ черезъ посредство ощущенія въ многообразномъ внутреннемъ сродствѣ со всѣми тѣлами природы не сливается со всѣми существами, перенося въ нихъ

---

1) Пользующееся извѣстностью, но мало научное трехтомное изслѣдованіе Laprade'a: «Le sentiment de la nature» (1870) ничего не даетъ по интересующему насъ вопросу.

въ то же время всѣ свои чувства»[1]). Это то состояніе, когда человѣкъ, «дрожа въ сладкой тоскѣ, погружается въ темное манящее лоно Природы, а бѣдная личность растворяется въ заливающихъ ее волнахъ блаженства»[2]). Въ подобномъ эстетическомъ экстазѣ «сліяніе» Я съ Не-*я*, личности поэта съ природой («Все во мнѣ, и я во всемъ» — Тютчевъ) обусловлено *эстетическимъ одухотвореніемъ* — перенесеніемъ субъективныхъ чувствъ на внѣшніе предметы, тѣмъ, что нѣмцы называютъ: «*Gefülsuebertragung*» или «*Einfühlung*». На связь между «пантеистическимъ стремленіемъ къ сліянію съ міромъ» и эстетическимъ одухотвореніемъ указывалъ уже Робертъ Фишеръ (Vischer)[3]).

Фетъ:

Какъ нѣжишь ты, серебряная ночь,
Въ душѣ разсвѣтъ нѣмой и тайной силы!
О! Окрыли и дай мнѣ превозмочь
Весь этотъ тлѣнъ бездушный и унылый.
Какая ночь! алмазная роса
Живымъ огнемъ съ огнями неба въ спорѣ.
Какъ океанъ разверзлись небеса,
И спитъ земля и теплится, какъ море.
Мой духъ, о ночь, какъ падшій серафимъ,
Призналъ родство съ нетлѣнной жизнью звѣздной
И окрыленъ дыханіемъ твоимъ
Готовъ летѣть надъ этой тайной бездной.

Жоржъ Зандъ:

«Минуты, когда я, охваченная и увлеченная внѣ себя силою внѣшнихъ впечатлѣній, могу отвлечься отъ жизни моего рода

---

1) См. интересную книгу P. Stern'a: «Einfühlung und Association in der neueren Aesthetik», 1898, S. 3. Также Бизе: «Историческое развитіе чувства природы» («Die Entwickelung des Natur-Gefühls»), 1891, пер. Д. Коробчевскаго, стр. 375, гдѣ приведена великолѣпная цитата изъ «Гиперіона» Новалиса.

2) Stern, Ibid, S. 3.

3) Ibid, S. 23.

(т. е. человѣческаго) абсолютно случайны, и невсегда въ моей власти заставить мою душу перейти въ существа, которыя не суть «я». Когда это наивное явленіе возникаетъ самопроизвольно, то я не могу сказать, подготовило ли меня къ этому какое-нибудь обстоятельство психологическое или физіологическое. — Конечно, для этого нужно отсутствіе какого-либо живо интересующаго занятія; малѣйшій поводъ къ безпокойству устраняетъ этотъ родъ внутренняго экстаза, который представляетъ какъ бы непроизвольное и непредвидѣнное забвеніе своей собственной жизнедѣятельности. — Это случается, вѣроятно, со всѣми, но я желала бы встрѣтить кого-нибудь, кто могъ бы мнѣ сказать: со мною это бываетъ именно такъ. Бываютъ часы, когда я ускользаю отъ самой себя *(je m'échappe de moi)*, когда я живу въ растеніи, когда я чувствую себя травой, птицей, вершиной дерева, облакомъ, проточной водой, горизонтомъ, цвѣтомъ, формой и ощущеніями измѣнчивыми, преходящими, неопредѣленными; часы, когда я бѣгаю, летаю, плаваю, пью росу, простираюсь на солнцѣ, сплю подъ листвой, ношусь съ ласточками, ползаю съ ящерицами, блещу со звѣздами и свѣтляками, когда я, короче сказать, живу въ томъ, что составляетъ среду развитія, являющагося какъ бы расширеніемъ моего собственнаго существа.... etc. («Impressions et souvenirs», 1-re page. См. книгу Souriau: «La suggestion dans l'art», p. 305).

Байронъ: «Островъ»:

Когда экстазъ фанатикомъ владѣетъ,
И міръ, и время позабывъ, онъ млѣетъ.
Онъ воспарилъ душой въ нездѣшній свѣтъ.
Такъ и любовь сильна; ея дорога
Стремится къ небесамъ, къ престолу Бога,
Къ другому «Я», чье счастье, чьи стремленья
Превыше нашихъ; *пламя упоенья*,
Зажженное не нами, *сладко жжетъ*

Намъ сердце, и костеръ тотъ создаетъ,
Гдѣ, какъ брамины, сладко улыбаясь,
Влюбленные сгораютъ не терзаясь.
Какъ часто мы, оставшися одни
Лицомъ къ лицу съ природой, забываемъ
О времени и цѣлые лишь дни
Красой лѣсовъ иль водъ свой взоръ ласкаемъ
И сладостнымъ общеньемъ дорожимъ
Межъ разумомъ природы и своимъ!
Безжизненны ль свѣтила, горы, волны?
Ужели нѣтъ души въ нихъ? Тихій гротъ,
Росистыхъ слезъ и влажной нѣги полный,
Ужели насъ съ любовью не зоветъ?
Нѣтъ, къ намъ они взываютъ неизмѣнно,
Чтобъ наше тѣло, этотъ глины комъ,
Разбилось раньше срока, а потомъ
И духъ нашъ потонулъ въ душѣ вселенной.

Байронъ: «Чайльдъ Гарольдъ», III, 72:

Я самъ — ничто; я — лишь частица
Того, что вижу я вокругъ;
Со мной бесѣдуетъ денница,
Мнѣ шепчутъ сказки горы, лугъ . . . . .
Лишь пробуждаетъ содроганье
Во мнѣ жизнь въ шумныхъ городахъ.
Нѣтъ въ мірѣ злѣе наказанья,
Какъ быть овцой въ людскихъ стадахъ,
Тогда какъ духъ свободный рвется
Къ сліянью съ небомъ, съ цѣпью горъ,
Его влечетъ полей просторъ,
Къ полночнымъ звѣздамъ онъ несется,
И хочетъ — власти не дано —
Съ природой жить онъ заодно.

Байронъ: «Чайльдъ Гарольдъ», IV, 78:

Въ лѣсахъ есть много наслажденья,
Какъ на пустынныхъ берегахъ;
Есть музыка и упоенье
Въ морскомъ прибоѣ и валахъ.
Привязанъ сильно я къ народу,
Но больше я люблю природу
Съ тѣхъ поръ, какъ я ее узналъ.
Чѣмъ былъ я прежде, чѣмъ я сталъ —
Она сказала мнѣ, и съ нею
Я всѣми чувствами слился,
Ей всей душою отдался.
Хоть чувства выразить не смѣю,
Хоть не умѣю передать,
Но не могу о нихъ молчать.

Леопольдъ Шефферъ: «Laienbrevier»:

Nur wer die ganze Stimme der Natur
Heraushört, dem wird sie zur Harmonie.
Hier nah'vor meinem Füssen weint ein Kind—
Und rings im Grünen singen hundert Vögel;
Dort morschet eine altbejahrte Eiche —
Und drunter nicken junge Blüthenbäume
Sich freundlich zu; dort schallen Grabgesänge
Vom Schlafgemach der Todten—und vom Walde
Her seh' ich eine lust'ge Hochzeit schweben;
Nun seh ich selbst durch den halboffnen Sarg
Den Todten liegen—sieh, und durch den Spalt
Zwei kleine blühnde Kinder still sich wundern,
Und oben zieh'n die Wolken, unbekümmert
Um all' das unten, ihren ew'gen Weg.
Wie mischen die Gefühle sich im Herzen

Zu schönem Ebenmass und Götterruhe!
Der Geist des schönen All's ist mir geworden;
Von Freud und Schmerz gleich fern, steh' ich bereit,
Was auch das Leben bringt, recht zu empfangen.

Эйхендорфъ: «Mondnacht» (на эти слова есть удивительный романсъ Шумана):

Es war, als hätt' der Himmel
Die Erde still geküsst,
Dass sie im Blüthen schimmer
Von ihm nur träumen müsst'
Die Luft ging durch die Felder
Die Aehren wogten sacht
Es rauschten leis' die Wälder
So sternklar war die Nacht
Und meine Seele spannte
Weit ihre Flügel aus
Flog durch die stillen Lande,
Als flöge sie nach Haus.

Гейне: «Этотъ разговоръ (съ нѣмою природою) часто облегчаетъ мнѣ душу, особенно по вечерамъ, когда горы одѣваются призрачно-милыми тѣнями, и водопады шумятъ, и всѣ растенія благоухаютъ, и быстрыя молніи сверкаютъ то тутъ, то тамъ....

О, природа, нѣмая дѣвственница! Я хорошо понимаю твое сверканіе—эту напрасную попытку заговорить, пробѣгающую въ видѣ молній по твоему прекрасному лицу, и ты повергаешь меня въ такое глубокое волненіе, что я плáчу. Но въ эти минуты и ты понимаешь меня, и проясняешься и улыбаешься мнѣ золотыми глазами. Прекрасная дѣвственница! Я понимаю твои звѣзды, а ты понимаешь мои слезы» (Сочиненія Генриха Гейне, изд. 2-е, пер. подъ ред. П. И. Вейнберга, т. II, стр. 262—3. H. Heinés S. W. hggb. v. Kurpeles., 3 B. S. 342—343).

Марія Башкирцева: «Дневникъ» стр. 506—507. Человѣкъ слишкомъ несчастенъ, чтобы не надѣяться, что существуетъ Богъ, который сжалится надъ нами; но что такое сдѣлала я, что такъ несчастна?

Можно вѣрить только въ одного Бога, абстрактнаго, философскаго, великую тайну земли, неба, всего — *Пана*.

Этого Бога созерцаютъ и представляютъ себѣ, глядя на звѣзды и думая о научныхъ вопросахъ, духовно, какъ Ренанъ.... Но Богъ, который все знаетъ и у котораго можно всего просить.... Я очень бы хотѣла вѣрить въ такого Бога.

Вторникъ 11-е марта 1884 г. Идетъ дождь. Но не только это.... мнѣ нездоровится.... Все это такъ несправедливо. Небо слишкомъ жестоко ко мнѣ.

Я еще въ тѣхъ годахъ, когда можешь входить въ нѣкоторый *экстазъ* даже при мысли о смерти.

Мнѣ кажется, что никто не любитъ всего такъ, какъ я люблю: искусство, музыку, живопись, книги, свѣтъ, платья, роскошь, шумъ, тишину, смѣхъ, грусть, тоску, шутки, любовь, холодъ, солнце, всѣ времени года, всякую погоду, спокойныя равнины Россіи и горы вокругъ Неаполя, снѣгъ зимою, дождь осенью, весну съ ея тревогой, спокойные лѣтніе дни и прекрасныя ночи съ сверкающими звѣздами.... *я все люблю до обожанія*. Все представляется мнѣ со своихъ интересныхъ и прекрасныхъ сторонъ: я хотѣла бы все видѣть, все имѣть, *все обнять, слиться со всѣмъ* и умереть, если надо черезъ два года или въ 30 лѣтъ, умереть съ экстазомъ, чтобы извѣдать эту послѣднюю тайну, этотъ конецъ всего или божественное начало.

Эта *всемірная любовь* не есть чувство чахоточной: я всегда была такая, и я помню какъ разъ, десять лѣтъ тому назадъ, я писала (1874), перечисливъ прелести различныхъ временъ года: «Напрасно захотѣла бы я выбрать: всѣ времени года хороши, всѣ возрасты, вся жизнь.

Надо все!

Надо природу, передъ ней все ничтожно». Однимъ словомъ,

все въ жизни мнѣ нравится, мнѣ все пріятно и, прося счастія, я нахожу свою прелесть и въ несчастьи. Мое тѣло плачетъ и кричитъ, но что-то, что́ выше меня, радуется жизни, не смотря ни на что.

Гёте: «Eins und Alles» [1]).

Im Grenzenlosen sich zu finden
Wird gern der Einzelne verschwinden
Da lös't sich aller Ueberdruss;
Statt heissem Wünschen, wildem Wollen,
Statt läst'gem Fordern, strengem Sollen
Sich aufzugeben ist Genuss.
Weltseele, komm uns zu durchdringen!
Dann mit dem Weltgeist selbst zu ringen,
Wird unsrer Kräfte Hochberuf
Teilnehmend führen gute Geister,
Gelinde leitend höchste Meister
Zu dem, der alles schäfft und schuf.
Und umzuschaffen das Geschaff'ne,
Damit sich's nicht zum Starren waff'ne
Wirkt ewiges lebend'ges Thun,
Und was nicht war, nun will es werden,
Zu reinen Sonnen, farb'gen Erden
In keinem Falle darf es ruhn.
Es soll sich regen, schaffend handeln,
Erst sich gestalten, dann verwandeln,
Nur scheinbar stehts Momente still.
Das Ew'ge regt sich fort in allen:
Denn alles muss in nichts zerfallen
Wenn es im Sein beharren will.

---

1) См. замѣчанія по поводу этого стихотворенія въ книгѣ Thomas Achelis'a: «Die Extase in ihrer kulturellen Bedeutung» въ серіи: «Kulturprobleme der Gegenwart», herausgegeben von Leo Berg, 1902, S. 214—215 (VI Kapitel: Ueber die Bedeutung der Extase für die Kunst).

Гауптманнъ: «Потонувшій колоколъ».

Подъ смутный шорохъ шелковыхъ знаменъ
Ряды существъ идутъ въ мой храмъ блестящій,
И дивный колокольный перезвонъ,
Мой звонъ въ пѣвучихъ страстно-нѣжныхъ звукахъ,
Сквозь воздухъ блещетъ звонкою игрой,—
Въ груди у всѣхъ звеня дрожитъ рыданье
Отъ боли наслажденья: это пѣсня
Погибшая, забытая, родная,
Возставшая изъ ясной дали дѣтства,
Найденная въ глубокомъ родникѣ
Прозрачныхъ сказокъ—вѣдомая всѣмъ,
Но до сихъ поръ не спѣтая ни разу.
И чуть она начнется тихо, тайно,
То выражая му́ки соловья,
То воплощая нѣжный смѣхъ голубки—
Въ сердцахъ у всѣхъ внезапно вспыхнетъ ледъ
И вскро́ется—и ненависть, и скорби,
И бѣшенство, и мракъ тоски, и пытки
Раста́ютъ въ ласкѣ теплыхъ, теплыхъ слезъ.

У *Вересаева* есть очень интересный маленькій разсказъ: «Передъ завѣсою». Герой этого разсказа описываетъ то душевное состояніе, которое внезапно было вызвано въ немъ исполненіемъ въ домашнемъ кругу друзей квартета Гайдна: «Семь послѣднихъ словъ Христа»: «И вотъ что-то странное произошло со мною: передъ глазами какъ будто распахнулась какая-то невидимая завѣса. Все кругомъ вдругъ одухотворилось: *природа и люди слились въ единую жизнь*, и огромная тайна почуялась въ этой общей проникающей все жизни.... Играть кончили. Мы сидѣли на террасѣ за самоваромъ, разговаривали, смѣялись. И я болталъ и смѣялся, а въ душѣ было прежнее необычное ощущеніе, что все кругомъ живо, и что передо мною начинаетъ раскрываться большая, *радостная* тайна этой всеединой жизни».

Это чувство единой универсальной жизни однако возбуждаетъ сомнѣнія, не есть ли оно простая иллюзія. «Но почему же такъ неудержимо рвется къ этому единству душа? Почему хочется *широко раскрыть руки передъ міровымъ просторомъ* и сказать: да, ты живъ, живъ не собраніемъ жизней, а единою могучею жизнью, *способною на великую мысль, на великую радость и скорбь;* и въ этой общей жизни братья мои — и тотъ мужикъ, который пашетъ тамъ за погостомъ, и его лошадь, и дубъ за оврагомъ, и облачко на небѣ, и въ этой общей жизни — оправданіе жизни и ея цѣль. *Падаютъ, сами собою рѣшаясь, самыя ея непонятныя и тяжкія загадки.* Какъ можно принять настоящее во имя далекаго будущаго? Чѣмъ можетъ быть искуплено калѣченіе или гибель хоть одной жизни? Какъ не отчаяться видя, что твоя «свободная душа» — только тѣнь, бросаемая на землю неподвластною тебѣ жизнью? *Все становится радостно-понятнымъ*, потому что нѣтъ ничего отдѣльнаго, *нѣтъ прошедшаго и будущаго*, все заключается въ каждомъ и каждое во всемъ»... Въ концѣ-концовъ «позитивистъ» герой однако не усматриваетъ въ пережитомъ настроеніи ничего, кромѣ иллюзіи, «насъ возвышающаго обмана», которому предпочитаетъ горькую правду, реальный міръ «низкихъ истинъ».

Я опускаю здѣсь безчисленныя описанія энтузіазма, вызываемаго «созерцаніемъ Бога», у тѣхъ поэтовъ, которые не вводятъ въ это созерцаніе оттѣнка «сліянія», но ограничиваются обращеніемъ къ Высшему Началу, какъ чему-то *внѣшнему* имъ и міру. Могу упомянуть здѣсь о созерцаніи Троицы въ заключеніи «Рая» *Данте*, о стихотвореніи «Extase»: «J'étais seul près de flots par une nuit d'étoiles» *Виктора Гюго*, XVI-мъ «Meditation» *Ламартина*, «Когда волнуется желтѣющая нива», *Лермонтова* и др.

3) Въ универсальномъ аффектѣ *этическаго* типа первостепенную роль играетъ стремленіе расширить симпатическія чувства въ активной формѣ на всѣхъ людей. Это — чувство, которое Достоевскій называлъ *дѣятельной любовью*, Соловьевъ — *вселен-*

ской жалостью, Ницше — *любовью къ дальнимъ*, Гюйо — *расширеніемъ* (expansion) нашего существа.

Примѣры можно найти въ произведеніяхъ: Л. Н. Толстого, Достоевскаго, Бёкке, Гете, А. Толстого, Андерсена, Фета, Андреева и др.

Герой повѣсти *Толстого* «Казаки» Оленинъ, забравшись въ лѣсную чащу на охотѣ, прилегъ на землю. «Ему было прохладно и уютно; ни о чемъ онъ не думалъ, ничего не желалъ. И вдругъ на него нашло такое *странное чувство безпричиннаго счастія и любви ко всему*, что онъ, по старой дѣтской привычкѣ сталъ креститься и благодарить кого-то. Ему вдругъ съ особенной ясностью пришло въ голову, что вотъ я, Дмитрій Оленинъ, такое особенное ото всѣхъ существо, лежу теперь одинъ Богъ знаетъ гдѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ олень, старый олень, красивый, никогда, можетъ быть, не видавшій человѣка, и въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ никто изъ людей никогда не сидѣлъ и того не думалъ. . . . . ; около меня . . . . стоятъ въ воздухѣ и жужжатъ комары: одинъ, два, три, четыре, сто, тысяча, милліонъ комаровъ, и всѣ они что-нибудь и зачѣмъ-нибудь жужжатъ около меня, и каждый изъ нихъ такой же особенный отъ всѣхъ Дмитрій Оленинъ, какъ и я самъ. Ему ясно представилось, что́ думаютъ и жужжатъ комары. — Сюда, сюда, ребята! Вотъ кого можно ѣсть, жужжатъ они и облѣпляютъ его. И ему ясно стало, что онъ нисколько не русскій дворянинъ, не членъ московскаго общества, а просто такой же комаръ или такой же фазанъ или олень, какъ и тѣ, которые живутъ вокругъ него» [1]).

«Высоко на свѣтломъ небѣ стоялъ полный мѣсяцъ. Лѣса и поля, невидные прежде внѣ расположенія лагеря, открывались теперь въ дали. И еще дальше этихъ лѣсовъ и полей виднѣлась свѣтлая, колеблющаяся, зовущая въ себя безконечная даль. Пьеръ взглянулъ въ небо, въ глубь уходящихъ играющихъ звѣздъ. «И все это мое, и все это во мнѣ, и все это — я!» думалъ Пьеръ. «И все это они поймали и посадили въ балаганъ, загоро-

1) Сочиненія Л. Н. Толстого, т. II-й, стр. 367—368 («Казаки»).

женный досками!» Онъ улыбнулся и пошелъ укладываться спать къ своимъ товарищамъ» [1]).

Достоевскій:

«Есть секунды, ихъ всего заразъ приходитъ пять или шесть, и *вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой.* Это — не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо перемѣниться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Какъ будто вдругъ *ощущаете всю природу* и вдругъ говорите: да, это правда. Богъ, когда міръ создавалъ, то въ концѣ каждаго дня созданія говорилъ: «да, это правда, это хорошо». Это... это не умиленіе, а только такъ, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то, что любите, о, — тутъ выше любви! Всего страшнѣе, что такъ ужасно ясно и *такая радость!* Если болѣе пяти секундъ, то душа не выдержитъ и должна исчезнуть. Въ эти пять секундъ я проживаю жизнь и за нихъ *отдамъ всю мою жизнь*, потому что стóитъ» [2]).

Канадскій психіатръ *Бёкке* (*Bucke*) посвятилъ цѣлую книгу тому, чтó онъ называетъ «cosmic consciousness». По его словамъ, однажды во время поѣздки въ кэбѣ онъ пережилъ слѣдующее: «Мой духъ, находясь подъ глубокимъ вліяніемъ мыслей, образовъ и эмоцій, вызванныхъ чтеніемъ и разговорами (на философскія и поэтическія темы), былъ спокоенъ и невозмутимъ. Я переживалъ состояніе покойнаго почти пассивнаго наслажденія, не активно размышляя, но предоставляя мыслямъ, образамъ и эмоціямъ какъ-бы самопроизвольно смѣнять другъ друга въ моемъ сознаніи, какъ вдругъ я совершенно неожиданно почувствовалъ себя окутаннымъ облакомъ огненнаго цвѣта. На мгновенье у меня мелькнула мысль о

1) Соч. Л. Н. Толстого, т. VIII, стр. 118 («Война и миръ»).

2) Слова Кириллова, см. романъ «Бѣсы», часть II, глава 5-я: «Путешественница», отдѣлъ VI-й.

пожарѣ, гдѣ-нибудь случившемся въ большомъ городѣ, но я тотчасъ же убѣдился, что огонь этотъ во мнѣ. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ меня охватило чувство экзальтаціи, огромной радости, сопровождаемой неописуемымъ интеллектуальнымъ просвѣтлѣніемъ. Между прочимъ, я не только увѣровалъ, но увидѣлъ, что вселенная состоитъ не изъ мертвой матеріи, но есть наоборотъ живое Присутствіе (Presence); я призналъ въ себѣ присутствіе вѣчной жизни. Это не было убѣжденіе, что я буду имѣть вѣчную жизнь, но сознаніе того, что я тогда обладалъ ею; я увидѣлъ, что всѣ люди безсмертны, что космическій порядокъ таковъ, что помимо всякой случайности *все ведетъ къ благополучію всѣхъ; что основной принципъ міра, всѣхъ міровъ есть то, что́ мы называемъ любовью, и что счастіе рѣшительно всѣхъ людей въ конечномъ итогѣ абсолютно достовѣрно.* Видѣніе продолжалось нѣсколько секундъ; но воспоминаніе объ немъ и чувство реальности того, чему оно научило меня, осталось неизмѣннымъ въ теченіе четверти вѣка, протекшей съ тѣхъ поръ. Я зналъ, что видѣніе раскрыло передо мною истину. Я занялъ точку зрѣнія, съ которой было видно, что оно должно быть истиннымъ» [1]).

Гете: «Фаустъ»—предсмертный монологъ Фауста:

Конечный выводъ мудрости одинъ—
И весь я преданъ мысли этой чудной:
«Лишь тотъ свободной жизни властелинъ,
Кто дни свои въ борьбѣ проводитъ трудной».
Пускай въ борьбѣ всю жизнь свою ведетъ
Дитя, и крѣпкій мужъ и старецъ хилый,
И предо мной возстанетъ съ чудной силой
Моя земля, свободный мой народъ!
Тогда скажу я: Чудное мгновенье,
Прекрасно ты, продлися же! постой!
И не сметутъ столѣтья, безъ сомнѣнья,

1) James: «Varieties of Religious Experience», 1902, p. 399.

Тогда слѣда, оставленнаго мной.
Въ предчувствіи минуты дивной той
Я высшій мигъ теперь вкушаю свой!

А. Толстой: «Іоаннъ Дамаскинъ»:

. . . . . .

О, еслибъ могъ всю жизнь смѣшать я!
Всю душу вмѣстѣ съ вами (явленіями окружающаго міра) *слить!*
О еслибъ могъ въ свои объятья
Я васъ, друзья, враги и братья
И всю природу заключить!

Андерсенъ: «Въ минуту смерти»:

Блескъ вижу необъятный, и мысль смѣлѣй летитъ!
Свѣтъ, свѣтъ необъяснимый мои глаза слѣпитъ!
Въ усильяхъ мощныхъ духа поникъ я головой. . . .
Свободнѣе на сердцѣ, яснѣе мыслей строй,
И крылья, крылья воли даны нежданно мнѣ.
Несусь быстрѣе мысли къ надзвѣздной тишинѣ,
Въ лазоревыхъ пространствахъ мнѣ звѣздъ не сосчитать,
И Божій ликъ я вижу. . . . . его не описать!
Безсмертье ощущаю во всемъ, въ своей груди!
Весь мракъ и всѣ туманы остались позади..
И ясно познаю я сердца людей другихъ:
Всѣ немощны, всѣ слабы, но нѣтъ совсѣмъ дурныхъ.
О, еслибъ можно было въ сердцахъ людей читать
При жизни, здѣсь, и раньше, чѣмъ станешь умирать!
Какъ знали бы мы ближнихъ, чтобъ все и вся прощать!
Зачѣмъ же только въ смерти дано намъ познавать?
И вотъ я умираю. . . . душа моя вольна. . . .
Стремленья въ ней и трепетъ, и миръ и тишина.

Фетъ:

Въ долгія ночи, какъ вѣжды на сонъ не сомкнуты,
Чудныя душу порой посѣщаютъ минуты.
Духъ окрыленъ, никакая не мучитъ утрата,
Въ дальней звѣздѣ отгадалъ бы отбывшаго брата.
Близкой души предо мною всѣ ясны изгибы:
Видишь, какъ были, и видишь, какъ быть бы могли бы.
О, если ночь унесетъ тебя въ міръ этотъ странный,
Мощному духу отдайся, о другъ мой желанный.
Я отзовусь, но, внемля безтѣлесному звуку,
Вспомни меня, какъ невольную помнятъ разлуку.

С. А. Адріановъ въ своей замѣчательной статьѣ[1]) объ *Леонидѣ Андреевѣ* приводитъ то мѣсто изъ его разсказа: «Мысль», гдѣ описывается картина, видѣнная однажды осенью въ погожій солнечный день Керженцевымъ, страдающимъ духовнымъ одиночествомъ и мучимымъ исканіемъ смысла жизни: «Крохотная дѣвочка въ ватномъ пальтецѣ и капюшонѣ, изъ-подъ котораго только и видны были розовыя щечки и носикъ, хотѣла подойти къ совсѣмъ ужъ крохотной собаченкѣ на тонкихъ ножкахъ, съ топенькой мордочкой и трусливо зажатымъ между ногами хвостомъ. И вдругъ ей стало страшно, она повернулась и, какъ маленькій бѣлый клубочекъ, покатилась къ тутъ же стоящей нянькѣ и молча, безъ слезъ и крика, спрятала лицо у нея въ колѣняхъ, а крохотная собаченка ласково моргала и пугливо поджимала хвостъ, и лицо няньки было такое доброе, простое. — Не бойся, говорила нянька и улыбалась мнѣ, а лицо у нея было такое доброе, простое». И вотъ, «при взглядѣ на эту милую группу подъ яснымъ осеннимъ солнцемъ, у меня явилось странное чувство, какъ будто разгадка чего-то, и задуманное мною убійство показалось мнѣ холодною ложью изъ какого-то другого

1) «Самообразованіе» 1904.

совсѣмъ особаго міра. И то, что обѣ онѣ—и собаченка, и дѣвочка, были такія маленькія и милыя, и то, что солнце такъ тепло свѣтило — *все это было такъ просто и такъ полно кроткой и глубокой мудростью, будто именно здѣсь, въ этой группѣ заключается разгадка бытія.* И я сказалъ себѣ: «надо объ этомъ подумать», но такъ и не подумалъ. А теперь я не помню, что же это было тогда такое, и мучительно стараюсь понять, но не могу».

4) Универсальный аффектъ *научнаго* типа выражается въ радости, сопровождающей процессъ преодолѣнія чувственнаго многообразія вещей въ *формулахъ*, *обобщеніяхъ* и *законахъ*, ведущихъ къ концентраціи, сосредоточеніи всего познанія въ нѣкоторое стройное единство *внѣвременное* и *внѣпространственное.* Умъ математика, историка, натуралиста въ процессѣ творчества радостно предвосхищаетъ ту *конечную формулу*, въ которой должно сосредоточиться познаніе всего безконечнаго многообразія міра, тѣ *послѣднія вещи*, основныя силы и элементы природы, на которые должно разложиться все сложное и производное. О такой формулѣ мечтаетъ Раймондъ Луллій съ его «Ars Magna», и Лапласъ съ его сверхчеловѣческимъ геніемъ, обладающимъ одной механической формулой, въ которой, подставляя любое t, можно узнать любой моментъ въ исторіи міра; можно сказать, когда сгоритъ въ Англіи послѣдній кусокъ каменнаго угля, и когда будетъ водруженъ крестъ на куполѣ св. Софіи въ Царьградѣ. Тѣ же «послѣднія вещи» дразнятъ воображеніе Дюбуа-Реймона [1]), Гельмгольца [2]), Тэна [3]), Риккерта [4]). У каждаго ученаго съ широкими взглядами на міръ и познаніе есть этотъ Sehnsucht къ божественному всевѣдѣнію, представляющій нѣчто родственное Платоновскому *Эросу.*

Близко подходитъ къ понятію универсальнаго аффекта

---

1) См. рѣчь: «О границахъ познанія природы».

2) Ueber die Erhaltung d. Kraft, 1847.

3) «Sur les éléments derniers des choses», Revue Philosophique, 1895, II, 1.

4) Риккертъ: «О границахъ образованія естественно-научныхъ понятій», 1903.

четвертаго типа и Аристотелевская *эвдемонія* — блаженство мудреца:

1) Въ составъ ея входитъ *мысль* о *постоянныхъ цѣнностяхъ научнаго порядка*, ибо она есть блаженство, сопровождающее процессъ научныхъ и философскихъ обобщеній: «Философія доставляетъ удивительныя по силѣ и чистотѣ наслажденія, и естественно, что знающіе пріятнѣе проводятъ время, чѣмъ стремящіеся»; «созерцаніе истины есть самая пріятная изъ всѣхъ добродѣтелей»[1]).

2) Это блаженство, если не *внѣвременно*, то, по крайней мѣрѣ, представляетъ приближеніе къ внѣвременному блаженному созерцанію истины божествомъ: «движеніе не можетъ быть внѣ времени, наслажденіе же можетъ, ибо то, что существуетъ въ настоящемъ, есть нѣчто цѣлое»[2]).

3 и 4) Оно связано съ чувствомъ *мощи* и *покоя*, оно есть дѣйственный покой: «блаженство заключается въ покоѣ, ибо мы безпокоимся ради пріобрѣтенія покоя, подобно тому, какъ ведемъ войну ради мира»[3]). «Еслибы природа человѣка была проста, то однообразная дѣятельность была бы ему наиболѣе пріятною. Поэтому-то божество наслаждается постоянно однимъ и простымъ наслажденіемъ, ибо *существуетъ энергія не только движенія, но и неподвижности*, а наслажденіе болѣе заключается въ покоѣ, чѣмъ въ движеніи. Измѣненіе же «наиболѣе сладко», по словамъ поэтовъ, въ силу того, что природа человѣка испорчена, и подобно тому какъ испорченный человѣкъ есть самый измѣнчивый, такъ природа нуждается въ измѣненіи, такъ какъ она непроста и несовершенна»[4]).

5) Это блаженство, если и не предполагаетъ реальнаго сліянія съ божествомъ, сверхличнымъ, внѣвременнымъ и внѣпространственнымъ перводвигателемъ, то, по крайней мѣрѣ, есть

---

1) «Этика» (Къ Никомаху), пер. Э. Л. Радлова, стр. 202, 1884.
2) «Этика», стр. 195-я.
3) «Этика», стр. 202-я.
4) «Этика», стр. 203-я.

приближеніе къ нему: «Слѣдуетъ какъ можно болѣе стремиться къ безсмертію и дѣлать все возможное, чтобы жить сообразно съ тѣмъ, что́ въ насъ наиболѣе сильно и значительно, ибо хотя оно по объему и незначительно, но по силѣ и значенію превышаетъ все остальное. Можно даже сказать, что каждый человѣкъ и есть только *это*, такъ какъ оно въ немъ самое властвующее и лучшее». «Созерцательная дѣятельность разума отличается значительностью, существуетъ ради себя самой, не стремится ни къ какой цѣли и заключаетъ въ себѣ ей одной свойственное наслажденіе, которое усиливаетъ энергію; если она сверхъ того является самоудовлетворенною, заключающею въ себѣ покой и лишенною треволненій, насколько это возможно человѣку, и имѣющею всѣ остальныя качества, какія можно приписать блаженству, и которыя свойственны подобной дѣятельности, то она-то и есть совершенное блаженство человѣка, если продолжается всю жизнь, ибо ничто неполное не свойственно блаженству. Однако такая жизнь окажется, пожалуй, болѣе значительною, чѣмъ это возможно человѣку; и прожилъ бы онъ ее не потому, что онъ человѣкъ, а потому что въ немъ есть нѣчто божественное» etc.

Творческій энтузіазмъ *Раймунда Луллія* прекрасно изображенъ Алексѣемъ Толстымъ въ его неоконченной поэмѣ: «Алхимикъ»:

Вы, моря шумныя пучины,
Ты, неба вѣчнаго просторъ,
И ты, свѣтилъ блестящій хоръ,
И вы, родной земли вершины,
Поля и пестрые цвѣты,
И съ горъ струящіяся воды,
Отдѣльно взятыя черты
Всецѣльно дышащей природы!
Какая васъ связала нить
Одну другой свѣтлѣй и краше?!

Какимъ закономъ объяснить
Родство таинственное наше?
Ты, всесторонность бытія,
Неисчерпаемость явленья!
Въ тебѣ повсюду вижу я
Того же свѣта преломленья.
Внутри души его собрать
Его лучей блудящій пламень
Въ единый снопъ всесильно сжать—
Вотъ Соломонова печать,
Вотъ Трисмегиста дивный камень!
Тотъ всеобъемлющій законъ,
Которымъ все живетъ отъ вѣка—
Онъ въ насъ самихъ, онъ заключенъ
Незримо въ сердцѣ человѣка.
Его любовь, и гнѣвъ, и страхъ,
Его стремленья и желанья,
Все, что кипитъ въ его дѣлахъ,
Чѣмъ онъ живетъ и движетъ прахъ,
Есть также сила мірозданья.
Не въ пыльной кельѣ мудреца
Я смыслъ ея найду глубокій,
Въ живыя погрузить сердца
Я долженъ мысленное око.
Среди борьбы, среди войны,
Средь треволненія событій
Отдѣльныхъ жизней сплетены
Всечасно рвущіяся нити.
И, кто безсмертье хочетъ пить
Изъ мимолетнаго фіала,
Тотъ микрокосма изучить
Спѣши кипящія начала!

Взглядъ на вселенную, какъ на гармоничное законосообраз-

ное цѣлое, могъ окончательно утвердиться лишь со времени паденія схоластики. Только устраненіе аристотелевскихъ представленій о земномъ и небесномъ, верхѣ и низѣ, какъ абсолютныхъ противоположностяхъ, и о землѣ, какъ центрѣ вселенной, могло *безгранично раздвинуть* картину Космоса, обнаружить воочію его безпредѣльность; въ тоже время только великія открытія Коперника и Галилея могли вполнѣ утвердить мысль о его безусловной законосообразности. «Расширеніе нашихъ чувствъ» при помощи телескопа, микроскопа и другихъ приспособленій еще болѣе *подчеркнуло* мысль о постоянствѣ математическихъ и физическихъ законовъ въ большомъ и маломъ, въ видимомъ и невидимомъ, въ доступномъ непосредственно и познаваемомъ лишь косвеннымъ образомъ. Вотъ почему новѣйшее естествознаніе своими успѣхами особенно содѣйствовало пробужденію и развитію «вселенскаго чувства» четвертаго научнаго типа [2]). Первымъ и величайшимъ героемъ мысли новаго времени, который сознательно ввелъ въ философію это понятіе подъ именемъ «героическаго энтузіазма» былъ несравненный Джіордано Бруно. Джіордано понималъ Бога, не какъ личное лежащее внѣ міра начало, но какъ сокровенную сущность Космоса [2]). Постиженіе этого Божественнаго начала для мудреца возможно лишь путемъ научной мысли, научнаго творчества, сопровождаемаго величайшимъ энтузіазмомъ. Этотъ энтузіазмъ направленъ на Цѣлое, какъ сферу непрестаннаго утвержденія *цѣнностей интеллектуальнаго, эстетическаго* и *моральнаго порядка* (ибо красота и добро неотдѣлимы отъ истиннаго познанія) [3]). Историческое происхожденіе этого понятія *героическаго энтузіазма* или «*интеллектуальной любви*», *amore intelligibile*, слѣдуетъ видѣть: 1) въ Платоновскомъ эросѣ (Phaedrus 249—251 и Sympos.

---

1) См. В. Гумбольдтъ: «Космосъ» т. II-й.

2) Брунгоферъ сближаетъ понятіе о Богѣ у Бруно и Гёте. См. книгу: «Giordano Bruno's Weltanschauung und Verhängniss, Herm. Brunnhofer, 1882, S. 257.

3) Brunnhofer, S. 277—278.

203 и дальше), 2) въ Плотиновскомъ экстазѣ, 3) у Данте («Convito», III, 13) и 4) у средневѣковыхъ мистиковъ[1]): Бруно сближаетъ amore intelligibile съ «Synteresis» и «scintilla». «Интеллектуальная любовь» есть высшая ступень любви вообще, но, въ то время какъ любовь обыкновенно направляется на тотъ или другой отдѣльный объектъ, интеллектуальная любовь есть чувство, направленное на божественное начало міра, на абсолютное *единство* истины, добра и красоты.

У *Джордано Бруно* есть слѣдующій сонетъ «Къ любви»[2]).

О, ты, любовь, источникъ правды чистой,
Очей моихъ врата не ты ли отомкнула?
Не ты ль въ мой духъ и истину вдохнула,
И не твоею ль онъ живетъ красой лучистой?
Небесъ временъ не ты ль мнѣ смыслъ открыла,
Смирила умъ и изъ стальныхъ оковъ
Мой духъ огнемъ своимъ навѣкъ освободила?
Внемли жъ, народъ, и ты, и истину поймешь:
Я научу тебя правдиво безъ обмана.
Открой глаза твои, сбрось съ нихъ покровъ тумана,
Младенцемъ ты любовь не испытавъ зовешь,
Измѣнчивъ ставши, самъ пустой ее считаешь
И, самъ слѣпой — слѣпою величаешь.

Восторгъ ученаго при *мысли о конечной формулѣ всего существующаго*, о смыслѣ бытія во всемъ его многообразіи, восторгъ, сопровождающійся *чувствомъ сліянія съ божественнымъ началомъ міра*, *чувствомъ мощи* и *примиренности съ жизнію*, Браунингъ приписываетъ умирающему *Парацельсу*:

---

1) Kirchmann: Giordano Bruno: «Von der Ursache, dem Princip und dem Einen», 1872, примѣчаніе: 2-е и 10-е. Также Brunnhofer, S. 265.

2) Переводъ Н. Я. Грота изъ статьи: «Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Бруно», 1881.

....the secret of the world was mine,
I knew, *I felt* (perception unexpressed
Uncomprehended by our narrow thought,
But somehow felt and known in every shift
And change in the spirit,—nay in every pore
Of the body even),—*what god is*, what we are,
What life is—*how god tasts an infinite joy*
In infinite ways—one everlasting bliss,
From whom all being emanates, all *power*
Proceeds etc [1]).

Разсмотрѣнное нами душевное состояніе, включающее въ себя и интеллектуальные, и аффективные, и волевые элементы въ чрезвычайно своеобразномъ сочетаніи, представляетъ на нашъ взглядъ высокій интересъ не только съ общей психологической, но и со спеціальной историко-философской точки зрѣнія. Сдѣланная нами характеристика его даетъ сразу драгоцѣнную путеводную нить для *установки аналогій* между верховными пунктами въ самыхъ различныхъ метафизическихъ системахъ, между мыслями, представленіями и настроеніями, которыми опредѣляется «unum necessarium», «святая святыхъ» того или другого философа.

I) Начнемъ со **Спинозы.** Въ міросозерцаніи Спинозы есть, какъ извѣстно, понятіе, играющее роль заключительнаго аккорда, понятіе «*amor dei intellectualis*», связанное съ извѣстными представленіями и сопровождаемое извѣстнымъ настроеніемъ. Какъ извѣстно, Спиноза считаетъ подчиненность аффектамъ *рабствомъ* человѣка. Высшею цѣлью мудреца является преодолѣніе аффектовъ и полная побѣда надъ ними. Такая побѣда достижима путемъ размышленія надъ ними. «Аффектъ, который есть страсть, перестаетъ быть страстью, какъ только мы составимъ о немъ ясную и отчетливую идею». Познаніе раскрываетъ передъ нами пути къ подавленію одного аффекта при помощи другого, помогаетъ

1) The Poetical Works of Robert Browning. 1898, v. I, p. 69: «Paracelsus».

намъ водворить въ нашей душѣ преобладаніе того единственнаго высшаго утонченнаго аффекта, которому нѣтъ противоположнаго, и который заключается въ полномъ и совершенномъ познаніи Бога. Этотъ аффектъ и есть интеллектуальная любовь къ Богу. Богъ есть все, какъ natura naturans, первопричина вещей, единая безконечная субстанція съ безконечнымъ числомъ аттрибутовъ; въ него входитъ и міръ — natura naturata съ его аттрибутами протяженія и мышленія и со всѣми модусами этихъ аттрибутовъ тѣлами и душами. Какіе же элементы входятъ въ понятіе интеллектуальной любви къ Богу? [1])

1) Мысль о *постоянныхъ цѣнностяхъ*, какъ осуществленныхъ и притомъ по возможности для всѣхъ людей. Такими постоянными цѣнностями для Спинозы является адэкватное познаніе Бога, проистекающее изъ наиболѣе полнаго *познанія міра*. «Чѣмъ больше мы познаёмъ отдѣльныя вещи, тѣмъ болѣе мы познаёмъ Бога». Но для полнаго познанія міра важно соучастіе другихъ людей. Ибо пониманіе невозможно безъ сохраненія нами нашей истинной природы, а для такого сохраненія полезно то, что согласно съ нашей природой. Но «поскольку люди живутъ по руководству разума, постольку лишь они необходимо сходствуютъ между собою по природѣ». Поэтому «въ природѣ вещей нѣтъ ничего отдѣльнаго такого, что могло бы быть болѣе полезно для человѣка, чѣмъ человѣкъ, живущій по руководству разума» (Eth., IV, 35, corr., I).

2) *Конкретное представленіе* о соучастіи въ актѣ любви къ Богу другихъ людей: .... «Любовь къ Богу не можетъ быть омрачена аффектомъ ни зависти, ни ревности, но она тѣмъ болѣе

---

1) Исторіи пантеизма въ новѣйшей философской литературѣ, насколько мнѣ извѣстно, не существуетъ. До сихъ поръ еще сохраняетъ интересъ единственное старое сочиненіе по этому вопросу Готтлоба Іеше (Jäsche): «Der Pantheismus nach seinen verschiedenen Hauptformen, seinem Ursprung und Fortgange, seinem speculativen und practischen Werth und Gehalt». 1832. Въ этомъ трудѣ отмѣчены и нѣкоторыя точки соприкосновенія между пантеизмомъ и мистицизмомъ.

подкрѣпляется, чѣмъ большее число людей мы воображаемъ соединенными тою же связью любви съ Богомъ» (Eth., V, 20) [1]).

3) *Аффектъ* [2]) (laetitia concomitante idea dei tanquam causa) и притомъ единственный по прочности и неуничтожимости . . . . . «Мы можемъ показать, что нѣтъ ни одного аффекта, который былъ бы прямо противоположенъ этой любви и который могъ бы уничтожить ее, а потому мы можемъ заключить, что эта любовь къ Богу есть самый постоянный изъ всѣхъ аффектовъ, а поскольку она относится къ тѣлу, можетъ разрушиться только вмѣстѣ съ самимъ тѣломъ» («Ethica», V, 20, Sch.).

4) *Сліяніе съ Богомъ.* «Интеллектуальная любовь къ Богу есть сама любовь Бога, которою Богъ любитъ самого себя, не поскольку онъ безконеченъ, но поскольку онъ можетъ выражаться сущностью человѣческой души, подъ формою вѣчности, т. е. интеллектуальная любовь къ Богу есть часть безконечной любви, которою Богъ любитъ самого себя» (Eth., V, 36) [3]).

5) Преодолѣніе случайныхъ условій *времени.* Интеллектуальная любовь къ Богу *вѣчна*, слѣдовательно, не связана данными условіями времени, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку душа сознаетъ себя сопричастной вѣчной субстанціи Бога.

---

1) См. C. Lüllmann: «Ueber den Begriff *amor dei intellectualis* bei Spinoza», 1884, S. 21.

2) Фолькельтъ указываетъ на то, что было бы заблужденіемъ сближать стоическую *апатію* съ высшимъ аффектомъ у Спинозы. «Стоическій мудрецъ выше противоположности наслажденія и страданія: какъ то, такъ и другое, представляются ему болѣзненными и ничтожными. Мудрецъ Спиноза наоборотъ видитъ лишь въ печали слабость души, въ радости же, поскольку она проявляется въ своей чистѣйшей, совершеннѣйшей формѣ, онъ видитъ высшее благо, которое даруетъ человѣку мощь и блаженство». («Pantheismus und Individualismus im Systeme Spinoza' s», von Johannes Volkelt, 1872, S. 88). Тоже утверждаетъ Тейхмюллеръ: «Religionsphilosophie, 1886, S. 479.

3) О *сліяніи съ Богомъ*—«union avec Dieu», какъ элементѣ интеллектуальной любви къ Богу, см. также трактатъ Спинозы: «Dieu, homme et la béatitude» (переводъ Поля Жане), 1878, p. 112—113.

6) Чувство *мощи* и *свободы*. «Когда душа представляетъ себѣ саму себя и *свою способность къ дѣятельности*, то она радуется, и тѣмъ больше, чѣмъ отчетливѣе она воображаетъ себя и свою способность къ дѣятельности». А такъ какъ при мысли о Богѣ и о себѣ, какъ входящей въ него, ея познаніе достигаетъ наивысшей ясности, то ея радость достигаетъ наивысшей степени отъ сознанія наивысшей способности къ дѣятельности.

II) Очень значительную роль «вселенскому чувству» въ сферѣ религіознаго самосознанія отводитъ **Руссо.** Въ этомъ отношеніи, какъ справедливо указываетъ Гаральдъ Гёффдингъ, особенно заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя мѣста въ «Исповѣди», въ «Перепискѣ» и въ «Мечтахъ одинокаго любителя прогулокъ».

Горячо любя природу, Руссо былъ способенъ проводить цѣлые дни за созерцаніемъ ея красотъ. Гербаризируя или катаясь на лодкѣ, онъ иногда впадалъ въ состояніе глубокаго восхищенія окружающимъ. Такія настроенія онъ называетъ *chères extases, douces extases.* Въ составъ этихъ душевныхъ состояній входили слѣдующіе элементы:

1) Мысль о *постоянныхъ цѣнностяхъ:* «О, какъ жаль, что судьбы, выпавшей на мою долю, не раздѣляетъ весь остальной свѣтъ! Каждый пожелалъ бы себѣ такой же участи, миръ воцарился бы на землѣ, люди не стремились бы болѣе причинять другъ другу зло, злые перестали бы существовать, такъ какъ не было бы разсчета быть злымъ! Но чѣмъ же, наконецъ, наслаждался я въ одиночествѣ? Собою, цѣлымъ міромъ, всѣмъ, что́ есть, всѣмъ, что́ можетъ быть, *всѣмъ, что́ есть прекраснаго въ чувственномъ мірѣ* и воображаемаго въ мірѣ умопостигаемомъ».....[1]).

2) *Чувство блаженства*: дни, когда Руссо переживалъ описываемое настроеніе, онъ называетъ «самыми очаровательными, какіе только доступны человѣческому существу».

---

1) Oeuvres completes de J. J. Rousseau, ed. de Ch. Lahure, 1857—58. v. 6, p. 478.

3) *Конкретное содержаніе сознанія* въ видѣ картинъ природы: «Въ такомъ настроеніи я чувствовалъ себя нерѣдко на островѣ С. Пьеръ, мечтая въ одиночествѣ или лежа въ лодкѣ, которую я предоставлялъ на произволъ теченія, или сидя на берегу волнующагося озера, на берегу живописной рѣчки или ручейка, журчащаго по камнямъ»[1]).

4) *Внѣвременный* характеръ...: «всѣ наслажденія здѣсь на землѣ преходящи; сомнѣваюсь, чтобы людямъ было доступно постоянное счастіе. Едва въ самыхъ сильныхъ нашихъ наслажденіяхъ найдется мгновенье, когда сердце воистину могло бы сказать намъ: *Я хочу, чтобы этотъ мигъ длился вовѣки*». Между тѣмъ моменты вышеописаннаго экстаза, по словамъ Руссо, именно таковы: «по скольку это состояніе продолжается, тотъ кто переживаетъ его, можетъ быть названъ счастливымъ не тѣмъ несовершеннымъ, бѣднымъ и относительнымъ счастьемъ, которое человѣкъ находитъ въ житейскихъ удовольствіяхъ, но счастіемъ себѣ довлѣющимъ, совершеннымъ и полнымъ, не оставляющимъ въ душѣ никакой пустоты, которая нуждалась бы въ заполненіи»[2]).

5) и 6) *Самозабвеніе*, мысленное отожествленіе себя съ міровымъ цѣлымъ, связанное со стремленіемъ преодолѣть въ воображеніи *пространственныя преграды:* «Глубокая и сладкая грёза овладѣваетъ чувствами созерцателя (красотъ природы), въ дивномъ опьяненіи онъ теряется въ необъятности этой дивной системы (міра), съ *которою онъ чувствуетъ себя тожественнымъ*». «Я ощущаю экстазы, упоенія, неподдающіяся описанію растворяясь въ системѣ существъ, отожествляясь съ цѣлою природой»[3]).

7) Безпредѣльное воображаемое *расширеніе* собственнаго существа сопровождается чувствомъ *мощи* и *примиренности съ*

---

1) Ibid., v. 7, p. 217. Письмо къ Мальзербу 1762 г. 26 января.
2) Ibid., v. 6, p. 462. Reveries d'un promeneur solitaire, 5-ième prom.
3) Ibid., v. 6, p. 478, 7-ième promenade.

жизнью. «Вскорѣ отъ поверхности земли я поднимаюсь мысленно ко всѣмъ существамъ природы, къ универсальной системѣ вещей, къ непостижимому Существу, которое включаетъ въ себя все. Тогда, теряясь моимъ духомъ въ этой необъятности, я не думалъ, не разсуждалъ, не философствовалъ, съ нѣкоторымъ чувствомъ удовольствія я ощущалъ себя обремененнымъ тяжестью этой вселенной, я съ упоеніемъ предоставлялъ смѣшиваться этимъ великимъ идеямъ, я любилъ *теряться воображеніемъ въ пространствѣ*, сердце мое, стѣсненное границами существъ, *не находило въ этихъ границахъ достаточнаго простора, я задыхался во вселенной* и *хотѣлъ бы распростереть себя въ безконечность.* Еслибы я, думается мнѣ, разгадалъ всѣ тайны природы, то я очутился бы въ менѣе восхитительномъ состояніи, чѣмъ это поразительное состояніе экстаза, которому мой духъ предавался неудержимо, и подъ вліяніемъ котораго я могъ только въ минуты возбужденія и очарованія восклицать по временамъ: «О Великое Существо! О Великое Существо!» не находя болѣе никакихъ словъ и никакихъ мыслей» [1]). Такія минуты заставляютъ Руссо, не смотря на всѣ пережитыя имъ несчастія, говорить, что жизнь хороша, что стóитъ жить [2]).

III) «Двѣ вещи, говоритъ Кантъ, наполняютъ мою душу всегда новымъ *удивленіемъ и благоговѣніемъ*, которыя поднимаются тѣмъ выше, чѣмъ чаще и настойчивѣе занимается ими наше размышленіе: это *звѣздное небо надъ нами* и *нравственный законъ въ насъ.* Какъ то, такъ и другое не нѣчто закутанное мракомъ или лежащее внѣ моего горизонта; я вижу ихъ передъ собою и непосредственно соединяю ихъ съ сознаніемъ своего существованія. Первое начинается съ того мѣста, которое я занимаю во внѣшнемъ чувственномъ мірѣ, и въ необозримой величинѣ *расширяетъ мое единеніе среди міровъ надъ мірами и системами изъ системъ*, въ безграничномъ времени ихъ періодическаго движенія, въ ихъ

---

1) Ibid. v. 7, p. 218. Тоже письмо къ Мальзербу.

2) См. Гёффдингъ: «Ж. Ж. Руссо», пер. Л. Давыдовой, стр. 131-я.

началѣ и продолжительности. Второй начинается съ моего невидимаго «Я», съ моей личности, и представляетъ меня въ мірѣ, который воистину безконеченъ, хотя его слѣды замѣтны только въ разсудкѣ, и *съ которымъ* (а черезъ это и со всѣми видимыми мірами) *я сознаю себя не только въ случайномъ, какъ тамъ, но въ полномъ и необходимомъ единеніи.* Первый взглядъ на это безчисленное множество міровъ какъ бы *уничтожаетъ мое значеніе*, какъ животнаго созданія, которое снова должно отдать планетѣ (только точкѣ въ міровомъ цѣломъ) ту матерію, изъ которой оно возникло, послѣ того, какъ эта матерія короткое время (какимъ образомъ—неизвѣстно) была одарена жизненной силой. Второй, напротивъ, *безконечно возвышаетъ мое значеніе*, какъ интеллигенціи, черезъ мою личность, въ которой моральный законъ открываетъ *мнѣ жизнь, независимую* отъ животности и *даже ото всего чувственнаго міра,* поскольку это можно видѣть изъ цѣлесообразнаго назначенія моего существованія черезъ этотъ законъ, который не ограничивается условіями и границами этой жизни» (Критика практическаго разума, пер. Н. М. Соколова, заключеніе).

Въ этомъ замѣчательномъ мѣстѣ «Критики практическаго разума» дано описаніе такого душевнаго состоянія, которое близко подходитъ къ разбираемому нами явленію «вселенскаго чувства». Здѣсь есть въ подчеркнутыхъ мною словахъ и 1) мысль о постоянныхъ цѣнностяхъ (нравственный законъ), и 2) конкретное содержаніе сознанія («звѣздное небо надо мною»), и 3) подъемъ *чувства*, и 4) расширеніе собственной личности, которая какъ бы теряется въ созерцаніи звѣздныхъ міровъ, и 5) чувство мощи, проистекающее отъ сознанія причастности иному міру, и, наконецъ, 6) мысленная причастность внѣвременному и внѣпространственному «умопостигаемому» міру. Было бы заблужденіемъ думать, что Кантъ даетъ здѣсь сознательное описаніе мистическаго экстаза: онъ категорически осуждаетъ мистицизмъ и не далѣе какъ въ томъ же сочиненіи, гдѣ говорится о «мистическомъ сліяніи съ Богомъ», какъ о «бредняхъ». Въ этомъ отно-

шеніи Кантъ составляетъ рѣзкую противоположность Шопенгауэру, Шеллингу и Гартманну, которые сознательно сближаютъ съ мистическимъ экстазомъ первый — «лучшее сознаніе», второй — «интеллектуальную интуицію», третій — «чувство единства съ Абсолютомъ». Кантовская идея о мысленномъ «соприкосновеніи» умопостигаемому внѣвременному и внѣпространственному міру, хотя и ведетъ свое происхожденіе частію отъ мистики, частію отъ раціональной метафизики, занимаетъ по отношенію и къ раціональной, и къ ирраціональной метафизикѣ (т. е. мистицизму) своеобразное положеніе, въ качествѣ: «метафизики вѣры», котораго мы разбирать здѣсь не будемъ.

IV) Если мы обратимся къ религіозной философіи **Фихте**, особенно въ ея второмъ періодѣ, то встрѣтимъ въ ней наличность всѣхъ психическихъ элементовъ, образующихъ представленіе о summum bonum и универсальный аффектъ. Для Фихте Богъ не есть внѣ-мірная творческая и личная сила, deus extramundanus, но предѣльная Идея, *къ реализаціи которой* Абсолютное «Я», сознающее себя во мнѣ въ моемъ эмпирическомъ «Я» въ видѣ объективнаго Не-Я, *ассимптотически приближается*. Фихте въ этомъ смыслѣ рѣзко расходится съ Кантомъ, для котораго личный Богъ и безсмертныя души образуютъ mundus intelligibilis, лежащій внѣ чувственнаго міра, недоступный познанію, но доступный вѣрѣ. Такого дуализма у Фихте нѣтъ. Мое «Я», встрѣчая въ «Не-Я» другія отображенія Абсолютнаго «Я» въ видѣ чужихъ сознаній, вступаетъ съ ними въ закономѣрное взаимодѣйствіе, сводящееся къ реализаціи въ чувственномъ мірѣ началъ истины, права, справедливости, любви и красоты. Конечнымъ идеальнымъ пунктомъ въ этомъ непрерывномъ процессѣ реализаціи «царствія Божія на землѣ» является окончательное торжество началъ правды, добра и красоты. Самый процессъ въ философіи Фихте дедуцируется логическимъ путемъ изъ самой природы нашего духа и нашего познанія. Послѣднее, то есть познаніе, раскрываетъ передъ нами путь для утвержденія божественнаго міропорядка. Но служеніе этому

идеалу не представляетъ скучнаго заполненія данаидиной бочки. Для Фихте человѣческій индивидуумъ вовсе не является, какъ для Герцена, каріатидой, уныло поддерживающей балконъ, на которомъ будутъ танцовать отдаленные потомки. Всякій изъ насъ, уразумѣвшій свое тождество съ «Не-Я», съ Богомъ-міромъ, уразумѣвшій не внѣшнимъ поверхностнымъ образомъ, а всѣмъ своимъ существомъ, тотчасъ же проникается божественнымъ блаженствомъ, самъ становится, такъ сказать, причастнымъ Богу. Люди стремятся къ утвержденію *постоянныхъ цѣнностей*; это стремленіе Фихте называетъ «*Sehnsucht nach dem Ewigen*». Но они заблуждаются, перенося эти постоянныя цѣнности въ потусторонній міръ. Вѣра въ безсмертіе есть заблужденіе. Загробное блаженство—химера. Мы можемъ стать причастными вѣчнымъ, постояннымъ цѣнностямъ, не обращаясь къ посредничеству бюро похоронныхъ процессій, не дожидаясь смерти, въ любое мгновенье: «царствіе божіе внутри меня» въ томъ Не-Я, которое образуетъ систему взаимодѣйствующихъ сознаній и проэкціонный образъ такъ называемаго внѣшняго міра [1]). Разсмотримъ отдѣльныя черты этого постиженія постоянныхъ цѣностей.

1) Подъ постоянными, вѣчными цѣнностями Ф. разумѣетъ то, что нравится безконечно болѣе, чѣмъ что-либо другое; что составляетъ реализацію божественной сущности. Сюда относятся три типа указанныхъ нами цѣнностей: эстетическій, этическій и научный. «Сокровенная и абсолютная сущность Бога проявляется, какъ *красота*; она проявляется, какъ *полное господство человѣка надъ всею природою;* она проявляется, *какъ совершенное государство*. . . . . она проявляется, какъ *наука*» [2]), она проявляется, какъ *любовь*. Такимъ образомъ, идея Бога есть мысль объ этихъ постоянныхъ цѣнностяхъ, какъ осуществленныхъ на

---

1) См. удивительную книгу Фихте: «Die Anweisungen zum seeligen Leben», 6-ю лекцію.

1) Löwe, 140.

2) Ibid., 9-я лекція.

землѣ и притомъ во всей цѣлокупности человѣчества въ томъ, что Ф. называетъ «die Totalität aller Iche».

2) Подобная мысль о красотѣ, добрѣ и истинѣ, какъ божественныхъ началахъ, можетъ находить для себя *образное символическое выраженіе* въ произведеніяхъ искусства. Напримѣръ, красота, какъ божественный идеалъ, можетъ найти воплощеніе во вдохновенной картинѣ художника въ образѣ Мадонны, созерцая которую, мы будемъ чувствовать себя причастными вѣчнымъ постояннымъ цѣнностямъ [1]).

3) Мысль о постоянныхъ цѣнностяхъ, поддерживаемая представленіями, такъ или иначе иллюстрирующими ее, наполняетъ нашу душу *безграничнымъ блаженствомъ*. «Одинъ единственный часъ наслажденій эстетическаго и научнаго порядка далеко превосходитъ цѣлую жизнь, заполненную чувственными наслажденіями, и при одномъ присутствіи при картинѣ подобнаго счастія человѣкъ, преслѣдующій чувственныя наслажденія, высохнетъ отъ желанія обладать подобнымъ счастьемъ и отъ зависти» [2]).

4) Восхищеніе передъ божественными цѣнностями ведетъ къ тому *самозабвенію*, которое мистики называли сліяніемъ съ Богомъ, то, что Фихте по ихъ примѣру называетъ: «die gänzliche Vernichtung des Individuums und Verschmelzung desselben in die absolut reine Vernunftform d. i. in Gott». Ясное познаніе и любовь къ человѣчеству, какъ идеальной системѣ сознаній, входитъ въ эту любовь. Такое сліяніе съ Богомъ отрѣшаетъ человѣка отъ случайныхъ условій *пространства* и *времени*, дѣлаетъ его хотя бы идеально причастнымъ къ жизни вѣчной, *всевременной* и *всепространственной* [3]).

5) Сліяніе съ Богомъ сопровождается *чувствомъ мощи* и свободы. Его мы испытываемъ, когда проявляемъ *творчество въ наукѣ и искусствѣ*, а также въ актахъ дѣятельной любви [4]).

---

1) Ibid., 9-я лекція.
2) Ibid., 9-я лекція.
3) Ibid., 6-я лекція.
4) Ibid., 9-я лекція.

V) «Всѣмъ намъ, говоритъ **Шеллингъ**, присуща нѣкая таинственная удивительная способность углубляться внѣ теченія времени въ наше интимнѣйшее «Я», освобожденное ото всего, что проникло въ него извнѣ, и тамъ въ неизмѣнной вѣчности предаваться самосозерцанію. Это созерцаніе есть глубочайшій, интимнѣйшій опытъ, отъ котораго зависитъ все, все, что составляетъ предметъ нашей вѣры и нашего знанія о сверхчувственномъ мірѣ. Это созерцаніе впервые убѣждаетъ насъ, что нѣчто въ собственномъ смыслѣ слова *есть*, между тѣмъ какъ все остальное къ чему мы примѣняемъ это слово, только *является*. Это созерцаніе отличается отъ всякаго чувственнаго тѣмъ, что достижимо лишь при посредствѣ *свободы* и чуждо и неизвѣстно всякому, кѣмъ она подъ напоромъ проникающихъ въ сознаніе объектовъ не достаточно ясно сознана. Впрочемъ, даже и у тѣхъ, кто лишенъ этой свободы самосозерцанія, имѣется по крайней мѣрѣ приближеніе къ ней, опосредствованный опытъ, при помощи котораго они догадываются о своей сущности. Существуетъ нѣкоторое самоуглубленіе (Tiefsinn), которое тщетно стремиться развить въ себѣ тому, кто его самъ не испыталъ. Якоби описалъ его.... Эта *интеллектуальная интуиція* появляется тогда, когда мы перестаемъ быть для самихъ себя объектомъ, когда созерцающее «Я», обратившись на самого себя, становится тождественнымъ съ созерцаніемъ. Въ этотъ моментъ созерцанія для насъ *исчезаютъ пространство и время:* не мы оказываемся во времени, но время или вѣрнѣе чистая абсолютная безконечность — въ насъ. Не мы теряемся въ созерцаніи объективнаго міра, но онъ въ нашемъ созерцаніи» (Schelling, Werke, B. I, S. 318).

VI) Ко всякой религіи чувства, не координированнаго ни съ какимъ опредѣленнымъ масштабомъ цѣнности, **Гегель** относится съ безусловнымъ осужденіемъ. Такъ, напримѣръ, онъ замѣчаетъ по адресу Шлейермахера, выводившаго религіозное самосознаніе изъ чувства зависимости, что въ такомъ случаѣ собака является наилучшимъ христіаниномъ; ей также знакомо и чувство иску-

пленія, когда поголодавъ она получаетъ кость. Это не мѣшало однако Гегелю и въ юношескіе годы, и въ зрѣлый періодъ творчества признавать значеніе за аффектами наряду съ извѣстными интеллектуальными элементами. Полное выраженіе «универсальнаго аффекта» можно найти въ его поэтическомъ гимнѣ: «Элевсисъ Гельдерлину», написанномъ въ 1796 году: «Мой взоръ устремленъ къ своду вѣчнаго неба, къ вамъ, сверкающія созвѣздія ночи! Изъ вашей вѣчности вытекаетъ забвеніе всѣхъ желаній, всѣхъ надеждъ. Умъ теряется въ созерцаніи. То, что я называлъ *своимъ*, исчезаетъ. Я отдаюсь безконечному, *я* въ немъ живу, *я*— *все*, *я только его олицетворяю собой*. Возвратившейся мысли чужда, страшна безконечность: изумленная она не можетъ постигнуть глубины этого созерцанія». Но зато «Фантазія приближаетъ вѣчное къ разуму, сочетаетъ его въ формою. Привѣтствую васъ, всевышніе духи, высокія тѣни, чело которыхъ сіяетъ совершенствомъ. Вы не страшны мнѣ. Я даже чувствую озаряющіе васъ блескъ и величіе. Ахъ, еслибы разверзлись врата твоего святилища, о Церера, надъ которыми ты владычествуешь въ Элевсисѣ! Опьяненный восторгомъ, я ощущаю трепетъ вблизи тебя; я бы понялъ твои откровенія, я истолковалъ бы высокій смыслъ образовъ, услышалъ бы гимны при трапезѣ боговъ, высокія изреченія ихъ совѣта. — И въ эту ночь я чувствовалъ тебя, святое божество! Тебя нерѣдко открываетъ мнѣ также и жизнь твоихъ дѣтей. Я часто чувствую тебя, какъ душу ихъ дѣяній! Ты — высокій умъ, крѣпкая вѣра, которая, хотя и все погибаетъ, не колеблется у божества»[1]). Въ этомъ произведеніи особенно подчеркивается вѣра въ постоянныя цѣнности эстетическія — второго типа и особенно четвертаго научнаго типа: Гегель увѣщеваетъ своего друга быть вѣрнымъ союзу, не скрѣпленному присягой и требующему *жить только свободною истиною* и никогда не заключать мира съ рѣшеніями, подчиненными мнѣнію и чувству. Въ «Философіи религіи», относящейся къ

1) См. Куно Фишеръ: «Гегель», т. I-й, пер. Н. О. Лосскаго.

позднему періоду творчества, Гегель выдвигаетъ представленіе конечнаго состоянія земного человѣчества, какъ *царства духа*, какъ вселенской общины христіанской, гдѣ окончательно утверждены постоянныя цѣнности третьяго типа — *этическія*. Мысль о такомъ состояніи міра сопровождается тѣмъ чувствомъ *блаженства*, о которомъ упоминается въ нагорной проповѣди: «*Блаженны чистые сердцемъ, такъ какъ они увидятъ бога*». Видѣніе бога и есть мысленное пріобщеніе къ идеѣ Царствія Божія. «Такія слова принадлежатъ къ величайшимъ изреченіямъ: они составляютъ послѣдній центральный пунктъ разрушенія всякаго суевѣрія, всякой несвободы въ человѣкѣ» [1]).

VII) Шопенгауэръ считаетъ земную жизнь, какъ результатъ грѣховности рожденія, чѣмъ-то позорнымъ, результатомъ утвержденія единой міровой воли къ жизни, наказаніемъ за вину, которая подлежитъ искупленію въ формѣ отрицанія воли къ жизни; это отрицаніе выражается въ дѣятельномъ состраданіи и отреченіи отъ всего плотскаго. Человѣкъ, у котораго въ горнилѣ страданія перегорѣли всѣ страсти, все, заставляющее жадно припадать къ кубку жизни, такой человѣкъ умирая навсегда погружается въ божественную нирвану единой міровой воли. Эта нирвана не есть пустопорожнее небытіе, но дивное claire-obscure между бытіемъ и небытіемъ въ родѣ описаннаго Лермонтовымъ («Выхожу одинъ я на дорогу»). Мистическое предвосхищеніе, постиженіе, такого «возвращеннаго рая» міровой воли сопровождается универсальнымъ аффектомъ, который Шопенгауэръ называетъ «*лучшимъ сознаніемъ*». Оно проявляется:

1) Въ *реальномъ сліяніи* индивидуальнаго сознанія съ міровою волей и черезъ нее съ сознаніями другихъ существъ («tat Twam asi») въ актахъ состраданія и дѣятельной любви (этическая геніальность).

2) Въ освобожденіи отъ оковъ *пространства* — телепатія.

---

1) См. Куно Фишеръ: «Гегель», т. II-й, пер. Н. О. Лосскаго.

3) Въ освобожденіи отъ оковъ *времени* и *причинности* — пророческій даръ.

4) Въ эстетическомъ прозрѣніи въ сущность воли въ художественномъ творчествѣ и созерцаніи — эстетическая геніальность.

5) и 6) Въ чувствѣ *мощи, свободы и примиренности съ жизнію* при мысли о наступленіи «*царства благодати*», какъ называетъ Шопенгауэръ искупленную и возвращенную въ себя волю. Когда мы пріобщаемся «лучшему сознанію», то «вмѣсто безпрестанной борьбы и сутолоки, вмѣсто постояннаго перехода отъ желанія къ страху и отъ радости къ страданію, вмѣсто никогда не удовлетворяемой и никогда не умирающей надежды—въ чемъ и проходитъ сонъ жизни волящаго человѣка—вмѣсто всего этого намъ представится тотъ миръ, который выше всякаго разума, та полная тишина духа, тотъ глубокій покой, несокрушимая увѣренность и ясность, одно только отраженіе которыхъ на лицѣ, какъ его воспроизвели Рафаэль и Корреджіо, есть полное и вѣрное Евангеліе, осталось только познаніе — воля исчезла».

VIII) **Гартманнъ** называетъ вселенское чувство — «*чувствомъ непосредственнаго единства съ Абсолютнымъ*»[1]). Сущность мистическаго заключается въ «наполненіи сознанія содержаніемъ (чувство, мысль, желаніе), которое независимо отъ нашей воли всплываетъ изъ безсознательнаго»[2]). А такъ какъ всякіе продукты оригинальнаго *творчества* въ сферѣ мысли, искусства и морали слѣдуетъ относить къ продуктамъ дѣятельности Единаго Безсознательнаго, то мистическій элементъ непремѣнно привходитъ во всякій процессъ утвержденія въ человѣчествѣ новыхъ цѣнностей, которымъ суждено стать постоянными. Мистическій экстазъ есть наиболѣе тѣсная форма сближенія индивидума съ Безсознательнымъ. Онъ характеризуется слѣдующими признаками:

---

1) «Философія Безсознательнаго», пер. А. А. Козлова, ч. I-я, стр. 254.
2) Ibid., стр. 254.

1) Чувство *реальнаго сліянія* съ Абсолютомъ: «Единство индивидума съ Абсолютомъ можетъ быть понятно и для *сознательной мысли;* три абстракціи: *Я*, *абсолютное* и *единство*, могутъ быть съ вѣроятностью *соязаны въ сужденіе* обыкновеннымъ методомъ разсудочнаго мышленія, но имъ никогда не достигается *непосредственное чувство этого единства.* Это живое чувство не достигается извнѣ ни философіею, ни даже вѣрою въ авторитетъ откровенія, но рождается только въ глубинѣ духа, то есть путемъ мистическимъ» [1]).

2) Чувство *блаженства.* «Въ этомъ чувствѣ, какъ подтверждаютъ многіе примѣры мистиковъ, заключается для нихъ величайшее блаженство, а потому изъ него и вытекаетъ стремленіе поднять его на такую высоту, чтобы соединеніе «Я» съ Абсолютнымъ было все тѣснѣе и тѣснѣе, и, наконецъ, чтобы индивидумъ, такъ сказать *растворился* въ абсолютномъ» [2]).

3) и 4) *Внѣпространственность* и *внѣвременность.* «Даже существенныя формы сознанія, пространство и время, исчезаютъ для охваченнаго этимъ чувствомъ: «день и ночь исчезли для меня на подобіе молніи, я разомъ обнималъ вѣчность передъ міромъ и послѣ міра, такъ что тысячи лѣтъ и одинъ часъ стали одно и тоже» [3]).

IX) Въ религіозной философіи **Конта** своеобразную роль играетъ понятіе Человѣчества. Человѣчество, какъ совокупность нынѣ живущихъ людей, отличается имъ отъ Человѣчества — Grand Être, Высшаго Существа, идеальнаго единства, совмѣщающаго въ себѣ всѣ существа свободно содѣйствующія «совершенствованію всемірнаго порядка». Такимъ образомъ, мысль о Высшемъ Существѣ заключаетъ въ себѣ:

1) Мысль о *постоянныхъ цѣнностяхъ*, осуществляемыхъ въ настоящемъ и будущемъ лучшею (дѣятельною въ смыслѣ

---

1) Ibid., стр. 254.
2) Ibid., стр. 254.
3) Ibid., стр. 255.

научномъ, моральномъ и художественномъ) частью человѣчества.

Къ ней долженъ присоединяться у философа

2) *Энтузіазмъ*, «une expansion habituelle de nos principales émotions surtout de la plus decisive et de la plus douce à la fois». «Я глубоко убѣжденъ, что всѣ высокія вдохновенія интеллектуальныя и моральныя самопроизвольно связаны между собою и взаимно другъ друга поддерживаютъ. Красота тѣлесная, моральная и интеллектуальная могутъ быть оцѣнены надлежащимъ образомъ при совокупномъ воздѣйствіи благодаря ихъ постепенному внутреннему сродству» [1]).

3) *Опорнымъ пунктомъ* для пробужденія такого энтузіазма могутъ быть произведенія искусства (которымъ Контъ отводилъ въ этомъ смыслѣ значительную роль въ религіозномъ культѣ Великаго Существа) или образъ любимаго существа (такимъ для Конта была Клотильдаде Во, въ которой онъ видѣлъ вдохновительницу своей философіи).

4) *Мысленное сліяніе* съ этимъ всечеловѣческимъ единствомъ, субъективное пріобщеніе къ нему: «Объективно Великое Существо такъ же внѣшне по отношенію къ каждому изъ насъ, какъ и любое реальное существо, между тѣмъ какъ *субъективно мы составляемъ часть его*, по крайней мѣрѣ потенціально («du moins en esperance») [2]).

5) Великое Существо мыслится нами, и мы субъективно пріобщаемся ему, какъ *внѣвременному* и *внѣпространственному* единству, такъ какъ въ него входятъ не только нынѣ живущіе люди служащіе истинѣ, добру и красотѣ, но и *умершіе благодѣтели человѣчества*. Въ этомъ смыслѣ есть нѣкоторое сходство между Кантовскимъ ноуменальнымъ внѣвременнымъ и внѣпространственнымъ «умопостигаемымъ» міромъ духовъ и Великимъ

---

1) См. статью Dugas: «Auguste Comte etude critique et psychologique», Revue Philosophique, 1895, v. XL, p. 384.

2) Вл. С. Соловьевъ: Собраніе сочиненій, т. VIII-й: «Идея человѣчества у Августа Канта», стр. 238-я.

Существомъ. Считалъ ли Контъ свое Великое Существо нѣкоторымъ *реальнымъ* единствомъ, какъ это думаетъ Вл. С. Соловьевъ?[1]) Этого вопроса мы не будемъ здѣсь рѣшать. Замѣтимъ только, что, быть можетъ, самъ Контъ *не отдавалъ себѣ вполнѣ яснаго отчета*, имѣетъ ли онъ дѣло съ метафизической реальностью или только съ *гипостасированной абстракціей мысли*.

X) **Спенсеръ** въ своей «Синтетической философіи» задается цѣлью доказать на основаніи законовъ біологіи необходимость прогресса. По его мнѣнію, можно съ большой вѣроятностью ожидать, что человѣчество въ силу необходимаго механизма природы будетъ все болѣе совершенствоваться и въ интеллектуальномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ, пока не достигнетъ состоянія наивысшаго блаженства. Мысль о томъ, что такъ именно должно рано или поздно случиться, что ходъ всемірной исторіи приведетъ къ «царствію божію на землѣ», а также мысль о томъ, что каждый можетъ быть дѣятельнымъ участникомъ въ подготовленіи такого состоянія, можетъ ускорить его наступленіе, вызываетъ въ немъ настроеніе, родственное состоянію универсальнаго аффекта. «Опытъ показываетъ, говоритъ онъ въ заключительныхъ строкахъ «Этики», что преслѣдованіе совершенно безкорыстныхъ цѣлей можетъ доставить радость, а съ теченіемъ времени будутъ встрѣчаться все чаще и чаще такіе люди, для которыхъ дальнѣйшее развитіе человѣческаго рода будетъ представлять безкорыстную цѣль. Взирая съ высотъ мысли на далекій образъ жизни человѣческаго рода, наслаждаться которымъ имъ самимъ никогда не придется, и который осуществится лишь въ отдаленномъ будущемъ, они будутъ испытывать тихую радость отъ того, что содѣйствовали его пришествію».

XI) «Система, говоритъ **Дюрингъ**, повидимому, уже выходящая за предѣлы заключительнаго періода эры религій, должна быть чѣмъ-то бо́льшимъ, нежели простой кругъ знаній; она должна въ глазахъ тѣхъ, кто продумываетъ и переживаетъ ея истин-

---

1) Ibid., стр. 236-я.

ность, получить значеніе, далеко оставляющее за собою вліяніе стараго религіознаго энтузіазма и стать едвали сравнимою съ этою формою универсальнаго аффекта, уже ставшею невозможной. Хотя для такой системы разсудокъ является высшей инстанціей, однако она коренится въ аффектахъ лучшаго рода, которые возвышаютъ человѣчество до болѣе благороднаго типа и опираются на всякое симпатическое чувство, возбужденіе котораго можетъ принять размѣры истинной и глубокой страсти, особенно когда эта страсть является не чѣмъ инымъ, какъ *универсальнымъ аффектомъ, направленнымъ на облагороженіе и утвержденіе достоинства самого человѣчества во всей его совокупности*. Сила и упорство, съ которыми личность защищаетъ дѣло, далеко выходящее за предѣлы ея личной судьбы, измѣряются частію поступками, частію особенными жертвами, въ которыхъ обнаруживается подчиненіе личныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни высшей цѣли» («Cursus d. Philosophie», 1875, 546—547). По мнѣнію Дюринга, понятіе *универсальнаго аффекта* необходимо связано съ установкою «закона опредѣленнаго числа», согласно которому число элементовъ, образующихъ міръ, конечно. Только по установленіи этого закона, по устраненіи нелѣпаго понятія «безконечности» изъ системы міровыхъ элементовъ и послѣ признанія матеріальности основы всего существующаго стало ясно, что міръ подчиненъ безусловнымъ неизмѣннымъ логическимъ и физическимъ законамъ, что онъ для насъ насквозь доступенъ познанію, а затѣмъ только изъ вытекающаго отсюда уразумѣнія строя вселенной возможенъ космическій оптимизмъ въ высшемъ и лучшемъ значеніи этого слова. «Универсальный аффектъ, говоритъ Дюрингъ въ заключеніе своей системы, для коего объектомъ является міръ, какъ цѣлое, только въ нашей системѣ, *впервые вводящей его, какъ спеціальное понятіе*, могъ быть сведенъ къ обосновывающимъ его исходнымъ пунктамъ системы. Вполнѣ раціональный смыслъ онъ могъ имѣть не какъ нѣчто, непосредственно направленное на Вселенную, но въ отношеніи къ жизни и притомъ въ отношеніи

къ совокупности чувствъ, слѣдовательно, какъ нѣчто, включающее въ себя представленіе объ универсальномъ паѳосѣ жизни. Въ этомъ смыслѣ онъ обусловливаетъ патетическое міропониманіе, составляющее отличительную черту философіи дѣйствительности, въ противоположность результатамъ половинчатой критики и половинчатаго просвѣщенія» [1]).

XII) Авенаріусъ [2]) съ методологической цѣлью разсматриваетъ психическую жизнь индивидуума и окружающихъ его сочеловѣковъ въ свѣтѣ непрерывнаго біологическаго комментарія. Въ психической жизни человѣка, въ E-значеніяхъ, происходятъ непрерывныя перемѣны подъ вліяніемъ воздѣйствія окружающей среды R на центральную систему C. Эта система подъ напоромъ внѣшнихъ воздѣйствій претерпѣваетъ постоянныя измѣненія, причемъ однако не разрушается, но до извѣстной степени снова и снова возстановляется. Въ этомъ заключается ея *жизнесохраненіе*. Это возстановленіе однако неполно: жизнесохраненіе всеже уменьшается, причемъ одни условія существованія ведутъ къ отклоненію, другія приближаютъ къ максимуму жизнесохраненія. Максимумъ жизнесохраненія слѣдуетъ понимать, какъ предѣльную *логическую фикцію*: «въ жизни постоянство ея величины недостижимо». «Психологически ее можно сравнить съ Нирваною буддизма, понимаемой какъ абсолютное прекращеніе тѣлесной и умственной активности, связанной съ личнымъ существованіемъ, какъ абсолютный покой, который на востокѣ считается величайшимъ счастіемъ». Около этой идеальной точки жизнь совершаетъ постоянныя колебанія. Одни вліянія окружающей среды увеличиваютъ отклоненіе отъ максимума жизнесохраненія (*жизнераз-*

---

1) Понятіе универсальнаго аффекта заимствовано Дюрингомъ, повидимому, у Джіордано Бруно («furori eroici», «amore intelligibile»). Терминъ «универсальный аффектъ» встрѣчается послѣ Дюринга у Гижицкаго («Moralphilosophie», 1888, S. 529).

2) См. мою статью: *Авенаріусъ* въ первомъ дополнительномъ томѣ Энциклопедическаго Словаря Брокгауза и Ефрона.

ность), другіе уменьшаютъ. Стремленіе къ абсолютному, истинному, вѣчному, постоянно цѣнному, внѣвременному, неизмѣнному, достовѣрному, могутъ съ такой точки зрѣнія разсматриваться, какъ высшая, сложнѣйшая форма приспособленія C къ R. Если мы вспомнимъ, что, по Авенаріусу, уменьшеніе жизнеразности связано въ E-значеніяхъ съ чувствомъ удовольствія, а увеличеніе — съ чувствомъ страданія — *положительный* и *отрицательный аффекціоналъ*, — то стремленіе къ устраненію жизнеразности можно будетъ также понимать, какъ и стремленіе къ полной гармоніи C съ R и къ высшему счастію и блаженству. *Исканіе* такого вида приспособленія системы C къ міру можетъ, конечно, проявляться у людей въ весьма разнообразныхъ формахъ. Мы замѣняемъ въ истолкованіи міра неизвѣстное извѣстнымъ, стремимся упорядочить, привести въ соотвѣтствіе съ нашей физико-психической организаціей внѣшній міръ и въ этихъ цѣляхъ такъ или иначе истолковываемъ его природу, строимъ метафизическія гипотезы о его сущности, противопоставляемъ въ познаніи истинное, достовѣрное, цѣнное ложному, недостовѣрному, безцѣнному, дурному и т. п. Здѣсь мы имѣемъ какъ разъ нѣчто подобное тому, что́ Фихте называлъ «Sehnsucht nach dem Ewigen». Система C такимъ путемъ вырабатываетъ себѣ извѣстную *предохранительную форму* (Schutzform), соотвѣтствующую въ E-значеніяхъ идеальному, истинному, абсолютно цѣнному. Въ направленіи къ этой свѣтлой неподвижной точкѣ человѣкъ строитъ всю свою жизнь, то есть, измѣняетъ систематически все свое отношеніе къ міру. Такіе процессы приспособленія высшаго по рядка можно иллюстрировать слѣдующими примѣрами: Sehnsucht къ Нирванѣ у Буддистовъ, у Платона Эросъ, направленный на вѣчно тождественную самой себѣ сущность (міръ идей), у греческихъ философовъ времени упадка Sehnsucht къ высшему откровенію, у раннихъ христіанъ стремленіе спасти душу и преодолѣть прахъ и тлѣнъ, у Спинозы amor erga rem aeternam et infinitam, у натуралистовъ стремленіе къ установкѣ родовыхъ понятій и законовъ природы. Если мы вспомнимъ, что

Авенаріусъ и все человѣчество разсматриваетъ, какъ систему взаимодѣйствующихъ другъ съ другомъ и претерпѣвающихъ вліяніе R центральныхъ нервныхъ системъ, и если мы допустимъ съ нимъ, что возможно отношеніе къ міру и другъ къ другу этихъ центральныхъ системъ наиболѣе цѣлесообразное, ведущее къ наисовершеннѣйшему коллективному приспособленію, а, слѣдовательно, къ наивысшему счастію и наидостовѣрнѣйшему пониманію міра, то окажется, что *радостное мысленное предвосхищеніе* такого состоянія и есть именно то, что мы называли универсальнымъ аффектомъ со стороны E-значеній, а со стороны C-значеній это стремленіе есть видъ процессовъ приспособленія эндосистемнаго характера, входящихъ въ составъ жизненнаго ряда высшаго порядка.

«Предоставленная самой себѣ, т. е. непрерываемая никакой гибельной катастрофой работа системы C. неминуемо должна привести къ полному «обмозгованію», такъ сказать, міра, къ полной гармонизаціи соотвѣтственно выросшихъ и расширившихся функцій мозга и всѣхъ возможныхъ явленій среды. Человѣчество не движется въ безконечность, но идетъ къ вполнѣ опредѣленной, поставленной самымъ устройствомъ системы C цѣли, именно къ гармонизаціи ея отправленій въ нашей многообразной средѣ, къ претворенію. такимъ образомъ, среды въ «святилище сохраненія жизни». При этомъ человѣкъ оказался бы въ собственныхъ глазахъ вѣнцомъ, зрѣлымъ плодомъ міра, міръ воспринимался бы, какъ совершенно *насквозь* понятный, и притомъ какъ источникъ наслажденія». «*Вершины экстазовъ человѣчества, величайшія эсхатологическія пророчества суть антиципаціи отраженнаго въ сознаніи біологическаго факта конечной гармонизаціи мозга*» [1]) (курсивъ мой—И. Л.).

---

1) См. очень интересную книгу А. Луначарскаго: «Критика чистаго опыта», 1905 г. стр. 123—125. Аффекту, сопровождающему мысль о конечной гармоніи, *совершенной константѣ* соотвѣтствуетъ до нѣкоторой степени «Allsehnsucht» у Гольцапфеля. См. тамъ же, стр. 141-ю. Однако между ними есть и существенное различіе.

XIII) У **Гюйо** есть стихотвореніе: «Единеніе», выражающее его религіозное «credo» и заканчивающееся слѣдующими стихами:

Жизнь—сочетаніе, гармонія вещей,
И лучшій мигъ, когда, сливаясь стройно съ вами,
Родные отзвуки несутся къ вамъ, звуча,
Когда вибрируешь съ другими существами
Пылинкой, атомомъ единаго луча!
Принадлежать себѣ никто не въ состояньи.
Онъ безъ другихъ—ничто, въ природѣ всѣ равны,
Всѣ тайно связаны и въ цѣпь заключены;
Мы всѣ—ея одной, Всесильной, достоянье.
Я расцвѣтаю самъ съ довѣрчивымъ цвѣткомъ,
Я самъ надъ розой вьюсь съ влюбленнымъ мотыльком ъ . . .
Быть можетъ, въ мірѣ нѣтъ печали одинокой,
Нѣтъ личной радости: все связано глубокой,
Незримой общностью страданій и любви!
Мое—не чуждо вамъ, все ваше—мнѣ родное,
И чувства всѣхъ людей должны быть и мои!
Мнѣ счастьемъ можетъ быть лишь счастье міровое;
Пусть сердцу хрупкому разбиться суждено—
Все человѣчество вмѣстить оно должно!
Двойная радость тамъ, гдѣ радуются двое,
И вѣрю я душой: желанный день придетъ,
Никто не скроется въ уединеньи гордомъ,
Всѣ звуки радостей, сомнѣній и заботъ
Сольются, разрѣшась торжественнымъ аккордомъ,
Всѣ люди сблизятся, соединясь въ одно,
И образуютъ цѣпь, гдѣ каждое звено,—
Живое, чуткое, — невольнымъ сотрясеньемъ
Откликнется другимъ едва задѣтымъ звеньямъ,
Забьются въ унисонъ всѣ нѣжныя сердца,
И общей жалостью, не знающей конца,

Страданье общее смягчится безконечно!
Расширимъ же себя, откликнемся сердечно
На каждый искренній затрепетавшій звукъ!
Живыя существа изнемогли отъ мукъ.
Потребуемъ себѣ частицу ихъ страданій,
Потребуемъ себѣ частицу ихъ желаній,
Надеждъ, иллюзій ихъ,—во всемъ есть наша часть.
Преградѣ вѣчной—«Я»—велимъ отнынѣ пасть!
И, отражая все, малѣйшее сіянье
На небѣ, на землѣ, свой долгъ осуществимъ:
Дать міру зрѣніе, быть окомъ міровымъ!

XIV) «Мнѣ кажется, говоритъ **Ницше**, что большинство людей вообще не вѣритъ въ высокія настроенія, развѣ только въ краткія высокія настроенія, длящіяся самое большое по четверти часа, — за исключеніемъ тѣхъ немногихъ людей, которые изъ опыта знаютъ бо́льшую продолжительность высокаго чувства. Но быть вполнѣ человѣкомъ одного какого-нибудь высокаго чувства, воплощеніемъ одного великаго настроенія — это пока еще мечта и очаровательная возможность: исторія не представляетъ еще ни одного достовѣрнаго тому примѣра. Несмотря на это, она можетъ когда-нибудь произвесть и подобныхъ людей, тогда, когда толпа создастъ и сохранитъ подходящія условія, которыхъ теперь не могла бы накопить даже самая счастливая случайность» («Веселая Наука»: «La gaya scienza», § 288).

Мгновенья экстаза, въ которыя человѣкъ чувствуетъ себя въ гармоническомъ сліяніи съ міровымъ цѣлымъ, со всѣми живыми существами, описаны Ницше въ «Происхожденіи трагедіи»: «Колесница Діониса вся покрыта цвѣтами и гирляндами, ее везутъ запряженные въ одно ярмо пантера и тигръ. Пусть изобразятъ картиною торжествующую пѣснь Бетховена о «Радости» и употребятъ при этомъ всю силу своего воображенія, такъ какъ милліоны людей отъ страха лежатъ ничкомъ къ землѣ: картина эта дастъ нѣкоторое понятіе о томъ, что́ значитъ ученіе

Діониса. Теперь *рабъ дѣлается свободнымъ человѣкомъ; теперь уничтожаются всѣ крѣпкія мѣшающія чувствамъ пріязни перегородки между людьми*, которыя были установлены между ними, благодаря необходимости, своеволію или «смѣлой модѣ». Теперь, услыша благую вѣсть о гармоніи міровъ, всякій чувствуетъ себя не только въ союзѣ со своимъ ближнимъ, примирившимся и во всемъ согласнымъ съ нимъ, *но слившимся въ одно цѣлое, какъ будто бы разорвалось покрывало Майи*, одни только обрывки его развѣваются по вѣтру, и передъ человѣкомъ открылось первобытное *цѣлое*».

Въ позднѣйшій періодъ творчества, когда Ницше нашелъ *побѣду надъ пространствомъ и временемъ* въ ученіи о «вѣчномъ круговоротѣ», онъ въ великолѣпной картинѣ описываетъ чувство восхищенія передъ міровымъ цѣлымъ и вѣчнымъ повтореніемъ мірового процесса.

Ученики Заратустры собрались у пещеры позднимъ вечеромъ, подъ покровомъ неба, на которомъ загорались звѣзды.

«И вотъ они наконецъ стояли безмолвно всѣ въ сборѣ; это были все старые люди, но сердца ихъ утѣшились, исполнились рѣшимости, и они сами дивились про себя, что имъ такъ хорошо было въ этотъ часъ на землѣ; а тайна ночи все глубже проникала въ ихъ души»....

«И тогда произошла наиболѣе изумительная вещь изо всего, что случилось въ этотъ долгій и изумительный день: самый уродливый изъ всѣхъ людей во второй и въ послѣдній разъ принялся пыхтѣть и клокотать, но когда онъ наконецъ добрался до словъ, то изъ устъ его вдругъ отчетливо и чисто вылетѣлъ вопросъ, славный, глубокій, ясно поставленный вопросъ, отъ котораго у всѣхъ слышавшихъ его шевельнулось въ груди сердце».

«Друзья мои, что теперь у васъ у всѣхъ на душѣ? спросилъ самый уродливый изъ людей — про себя скажу, что ради этого дня я впервые за всю свою жизнь доволенъ тѣмъ, что жилъ».

«И, по моему, еще мало засвидѣтельствовать это. Жить на

землѣ стбитъ: одинъ день, одинъ праздникъ, проведенный съ Заратустрой, научилъ меня любить землю!»

«Такъ *это* было—жизнь?!» скажу я смерти: Ну, что жъ—еще разъ! друзья мои, что у васъ на душѣ? не скажете ли смерти подобно мнѣ: Такъ *это* было—жизнь? Ну, что жъ, ради Заратустры въ такомъ случаѣ: еще разъ!»

Пробудивъ восторженное чувство *примиренности съ жизнію* въ самомъ презрѣнномъ человѣкѣ, торжествующій Заратустра, при двѣнадцати ударахъ часовъ, возвѣщающихъ полночь, въ мистическомъ гимнѣ сообщаетъ своимъ ученикамъ идею вѣчнаго круговорота:

Eins!
O, Mensch, gieb Acht!
Zwei!
Was spricht der tiefe Mitternacht?
Drei!
«Ich schlief, ich schlief,
Vier!
Aus tiefem Traum bin ich erwacht:
Fünf!
«Die Welt ist tief»
Sechs!
«Und tiefer als der Tag gedacht»,
Sieben!
«Tief ist ihr weh;»—

---

1) «Вставай, человѣкъ! Что говоритъ глубокая полночь? Я спалъ, я спалъ и проснулся отъ глубокаго сна:—міръ глубокъ, глубже, чѣмъ полагаетъ день.—Глубока его боль, а радость еще глубже, чѣмъ страданіе. Боль говоритъ: исчезни! Но радость всегда желаетъ вѣчности, глубокой, глубокой вѣчности!». См. Лихтенберже: «Философія Ницше, 1901, пер. Невѣдомскаго, стр. 206—207».

Acht!
«Lust — tiefer noch als Herzeleid»
Neun!
«Weh' spricht: Vergeh!»
Zehn!
«Doch alle Lust will Ewigkeit»
Elf!
«Will tiefe, tiefe Ewigkeit!»
Zwölf!

XV) Мы закончимъ нашъ обзоръ философскихъ системъ незабвеннымъ Владиміромъ Сергѣевичемъ **Соловьевымъ**, который также отводитъ извѣстное мѣсто «вселенскому чувству» въ своемъ міровоззрѣніи. Оно характеризуется имъ то (подъ вліяніемъ Шеллинга) какъ *интеллектуальная интуиція*, то какъ *сизигія*.

1) Это понятіе отнюдь не совпадаетъ съ экстазомъ мистиковъ, такъ какъ оно не заключаетъ въ себѣ *реальнаго сліянія* съ Абсолютомъ до полной безсознательности и полнаго растворенія собственной индивидуальности человѣка въ божествѣ. Соловьевъ не видитъ никакой цѣнности въ подобномъ экстазѣ: «Между живымъ человѣкомъ и мистическою «Бездною» абсолютнаго безразличія, по совершенной разнородности и несоизмѣримости этихъ величинъ, не только жизненнаго общенія, но и простой совмѣстности быть не можетъ: если есть предметъ любви, то любящаго нѣтъ — онъ исчезъ, потерялъ себя, погрузился какъ бы въ глубокій сонъ безъ сновидѣній, а когда онъ возвращается въ себя, то предметъ любви исчезаетъ, и вмѣсто абсолютнаго безразличія воцаряется пестрое многоразличіе дѣйствительной жизни на фонѣ собственнаго эгоизма, украшеннаго духовною гордостью» [1]).

---

1) «Смыслъ любви». Собраніе соч. т. VI, стр. 380.

2) Въ интеллектуальную интуицію входитъ «соприкосновеніе мірамъ инымъ» [1]), *мысль о мірѣ постоянныхъ цѣнностей:* «человѣкъ, какъ принадлежащій обоимъ мірамъ (чувственному и сверхчувственному), актомъ умственнаго созерцанія можетъ и долженъ *касаться міра божественнаго* и, находясь еще въ мірѣ борьбы и смутной тревоги, вступать въ общеніе съ ясными образами изъ царства славы и вѣчной красоты» [2]).

3) *Опорнымъ пунктомъ* для интеллектуальной интуиціи, *конкретнымъ содержаніемъ сознанія* при прозрѣніи въ сокровенную сущность міра, можетъ быть созерцаніе красоты какъ это видно изъ того, что говоритъ Соловьевъ, продолжая ту же мысль: «Въ особенности же это положительное, хотя и неполное познаніе или проникновеніе въ дѣйствительность божественнаго міра свойственно поэтическому творчеству. Всякій истинный поэтъ долженъ необходимо проникать «въ отчизну пламени и слова», чтобы оттуда брать первообразы своихъ созданій и вмѣстѣ съ тѣмъ то *внутреннее просвѣтленіе* (курсивъ мой—И. Л.), которое называется вдохновеніемъ, и посредствомъ котораго мы и въ нашей природной дѣйствительности можемъ находить звуки и краски для воплощенія идеальныхъ типовъ, какъ одинъ изъ поэтовъ говоритъ:

И просвѣтлѣлъ мой темный взоръ,
И сталъ мнѣ видѣнъ міръ незримый,
И слышитъ ухо съ этихъ поръ,
Что́ для другихъ неуловимо,
И съ горней выси я сошелъ,
Проникнутъ весь ея лучами,
И на волнующійся долъ
Взираю новыми очами,
И слышу я, какъ разговоръ

---

1) Выраженіе, встрѣчающееся и у Достоевскаго, и у Соловьева.
2) «Чтенія о Богочеловѣчествѣ». Собр. сочин. т. III, стр. 109-я.

Вездѣ немолчно раздается,
Какъ сердце каменное горъ
Съ любовью въ темныхъ нѣдрахъ бьется,
Съ любовью въ тверди голубой
Клубятся медленныя тучи,
И подъ древесною корой
Съ любовью въ листья сокъ живой
Струей подъемлется пѣвучей.
И вѣщимъ сердцемъ понялъ я,
Что все, рожденное отъ Слова,
Лучи любви кругомъ лія,
Къ нему вернуться жаждетъ снова,
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытія
Неудержимо къ Божью лону,
И всюду звукъ, и всюду свѣтъ,
И всѣмъ мірамъ одно начало,
И ничего въ природѣ нѣтъ,
Что́ бы любовью не дышало.

4) и 5) Аффектъ любви, направленный на Бога и идеальный міръ духовъ, на «Всеединое Сущее», Соловьевъ въ позднѣйшій періодъ творчества называетъ *сизигіей*, то есть, сочетаніемъ (συζυγία), и указываетъ, что тяготѣніе къ единству этого идеальнаго міра наталкивается на двойную *непроницаемость*, подлежащую преодолѣнію — *пространства* и *времени:* «Истинному бытію или всеединой Идеѣ противополагается въ нашемъ мірѣ вещественное бытіе — то самое, что́ подавляетъ своимъ безсмысленнымъ упорствомъ и нашу любовь и не даетъ осуществиться ея смыслу. Главное свойство этого вещественнаго бытія есть *двойная непроницаемость:* 1) непроницаемость во *времени*, въ силу которой всякій послѣдующій моментъ бытія не сохраняетъ въ себѣ предъидущаго, а исключаетъ и вытѣсняетъ его собою

изъ существованія, такъ что все новое въ средѣ вещества происходитъ на счетъ прежняго или въ ущербъ ему, и 2) непроницаемость *въ пространствѣ*, въ силу которой двѣ части вещества (два тѣла) не могутъ занимать заразъ одного и того же мѣста, т. е. одной и той же части пространства, а необходимо вытѣсняютъ другъ друга. Такимъ образомъ, то, что лежитъ въ основѣ нашего міра, есть бытіе въ состояніи распаденія, бытіе, раздробленное на исключающія другъ друга части и моменты. Вотъ какую глубокую почву и какую широкую основу должны мы принять для того рокового раздѣленія существъ, въ которомъ все бѣдствіе и нашей личной жизни. Побѣдить эту двойную непроницаемость тѣлъ и явленій, сдѣлать внѣшнюю реальную среду сообразною внутреннему всеединству идеи — вотъ задача мірового процесса, столь простая въ общемъ понятіи, сколько сложная и трудная въ конкретномъ объединеніи» [1]).

6) Источникомъ *примиренности съ жизнію* въ интеллектуальной интуиціи для Соловьева, какъ и для Достоевскаго, является мысленное предвосхищеніе той *всеобщей гармоніи*, которая, по ихъ мнѣнію, осуществится *въ потусторонней дѣйствительности*, и о которой говорится въ Апокалипсисѣ: «И видѣхъ небо ново и землю нову: первое бо небо и земля первая преидоша, и моря нѣсть ктому. И азъ Іоаннъ видѣхъ градъ Святый Іерусалимъ новъ, сходящъ отъ Бога съ небесе, приготованъ, яко невѣста мужу своему. И слышахъ гласъ великій съ небесе глаголющъ: се скинія Божія съ человѣки и вселится съ ними: и тіи людіе его будутъ, и самъ Богъ будетъ съ ними Богъ ихъ. И отниметъ Богъ всяку слезу отъ очію ихъ и смерти не будетъ ктому: ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ ктому, яко первая мимоидоша».

Въ описанныхъ нами размышленіяхъ о «высшемъ благѣ» и сопровождающихъ эти размышленія чувствахъ и стремленіяхъ различныхъ философовъ меня поражаетъ удивительное сходство

---

1) «Смыслъ любви», Собр. сочин. т. VI, стр. 412-я.

психическаго содержанія при всемъ разнообразіи тѣхъ, такъ сказать, техническихъ, спеціально философскихъ оболочекъ, въ которыя это содержаніе заключено въ отдѣльныхъ системахъ.

Религіозное самосознаніе человѣчества, поскольку оно проявляется въ описанномъ явленіи «вселенскаго чувства», оказывается въ существенныхъ чертахъ тожественнымъ у людей принадлежащихъ самымъ разнообразнымъ религіознымъ и метафизическимъ направленіемъ. Помимо всякихъ вѣроисповѣдныхъ, церковныхъ и историко-культурныхъ перегородокъ мудрецы разныхъ временъ и народовъ, повидимому, сходятся въ сокровенной сущности религіознаго самосознанія. Послѣднее родственно по своей психологической природѣ у «пантеиста» Спинозы, «деиста» Руссо, «теистовъ» Канта и Вл. Соловьева, «буддиста» Шопенгауэра, «мистициста» Шеллинга, «позитивиста» Конта, «агностика» Спенсера, «атеистовъ» Дюринга и Ницше, «эмпиріокритициста» Авенаріуса. Невольно вспоминается по этому поводу глубокомысленное замѣчаніе Руссо, согласно которому представители самыхъ различныхъ религіозныхъ міросозерцаній могли бы, собравшись вмѣстѣ, прійти къ полюбовному соглашенію въ вопросахъ вѣры, но подъ однимъ условіемъ: *чтобы среди нихъ не было ни одного богослова.*

Задача настоящаго изслѣдованія заключалась лишь въ *описаніи* этого содержанія, а не въ его *оцѣнкѣ*. Тѣмъ не менѣе я хотѣлъ бы въ заключеніе сказать два слова о томъ, при какихъ условіяхъ могло бы имѣть особенное значеніе «вселенское чувство» съ имманентной точки зрѣнія. Для этого: I) нужно показать, что возможна такая *имманентная* точка зрѣнія на міръ, одинаково чуждая и всякой раціональной метафизикѣ, и всякой ирраціональной метафизикѣ, то есть, мистицизму; доказательству этой мысли и посвящено наше изслѣдованіе: «Законы мышленія и формы познанія» Но сверхъ того, II) *реализацію постоянныхъ цѣнностей*, о которыхъ была рѣчь, надо понимать не въ *абсолютномъ*, а *въ относительномъ смыслѣ*, то есть, понятія абсолютнаго добра, красоты и т. п. понимать, какъ идеальный пре-

дѣлъ, къ которому человѣчество неопредѣленно приближается. III) Путемъ біологическаго, психологическаго и историческаго анализа дѣйствительности установить, *какъ вѣроятную истину*, что человѣчество, дѣйствительно, приближается, хотя и медленно, къ предѣльному идеальному состоянію вещей [1]), которое описано Шелли въ слѣдующихъ восхитительныхъ стихахъ:

Земля - Эдемъ! дѣйствительность небесъ!
Тѣ души неустанныя, что вѣчно
Проходятъ сквозь вселенную людей,
Къ тебѣ стремятся, ты предѣлъ желаній,
Награда воли слѣпо-неуклонной,
Что яркіе лучи, разсѣеваясь
Сквозь безпредѣльность времени и мѣста,
Къ одной блестящей точкѣ тяготѣютъ
И всѣ въ единой слиты навсегда:
Чистѣйшихъ духовъ свѣтлое жилище,
Куда войти не смѣютъ ни болѣзнь,
Ни скорбь, ни преступленье, ни безсилье.
Земля-Эдемъ, дѣйствительность небесъ!
Тебя увидѣлъ геній въ страстныхъ снахъ,
И, посѣщая сердце человѣка,
Предчувствія твоихъ высокихъ чаръ
Въ него внѣдрили твердую надежду
На то, что есть уютъ обѣтованный,
Гдѣ дружба и любовь, однажды встрѣтясь,
Уже не разлучаются навѣки.
Да, ты — конецъ всѣхъ думъ и всѣхъ желаній,
Созданіе всѣхъ дѣйствій благородныхъ;

---

1) «*Новый Іерусалимъ*» — Апокалипсиса, *mundus intelligibilis* — Канта, *всеобщая гармонія* — Соловьева и Достоевскаго, «*царство сверхчеловѣка*» — Ницше, «*совершенная константа*» — Авенаріуса, «*царство благодати*» — Шопенгауэра, «*царство духа*» Гегеля и т. п.

И души, что̀ путями восхожденья
Достигли мирной гавани твоей,
Тамъ отдыхаютъ отъ усилій вѣчныхъ,
Построившихъ законченность твою [1]).

И. Лапшинъ.

1) «Царица Мабъ», пер. Бальмонта въ собран. соч. Шелли, т. I-й, стр. 350—351.

Опредѣлители корней въ тибетскомъ языкѣ.

Сравнительная грамматика индоевропейскихъ языковъ въ послѣднее время опять занялась вопросомъ, которымъ интересовались изслѣдователи въ первый періодъ развитія этой науки и который, затѣмъ, долгое время оставался въ пренебреженіи, — я разумѣю вопросъ о такъ называемой «анатоміи» корней. Между тѣми звуковыми сочетаніями, которыя называются корнями, есть не мало такихъ, которыя допускаютъ и даже вызываютъ дальнѣйшій анализъ. Корни обладаютъ, такъ сказать, наростами, которые появляются съ обѣихъ сторонъ корня, спереди и сзади; эти наросты по примѣру Курціуса[1]), называются опредѣлителями корней (Wurzeldeterminativ). Правда, Фикъ[2]), а за нимъ и большинство изслѣдователей допускаютъ существованіе такихъ опредѣлителей только въ концѣ корней, однако, до тѣхъ поръ пока не удалось найти разумнаго объясненія такихъ чередованій, какъ сскр. *aj-ā* и слав. *к-оза*, сскр. *a-çru* и греч. δ-ακρυ[3]), возможность индоевропейскихъ префиксовъ не можетъ быть оспариваема. Что касается приставокъ въ концѣ корней, или индоевропейскихъ аффиксовъ, то слѣдуетъ

1) См. Grundzüge der griech. Etymologie, 5. изд., стр. 69.

2) См. A. Fick, Vergleichendes Wörterbuch, 3. изд., т. IV, стр. 14.

3) См. Meringer, Beiträge zur Geschichte der Indogermanischen Declination. Sitz.-Ber. Akad. Wien, philos.-hist. Classe, B. CXXV.

замѣтить, что они могутъ чередоваться между собой, и такимъ образомъ получается варіація, или измѣненіе одного и того же корня, въ зависимости отъ присоединенія къ нему того или другого аффикса.

Относительно происхожденія и первоначальнаго значенія индоевропейскихъ префиксовъ и аффиксовъ существуютъ только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Вопросъ этотъ совсѣмъ еще не разъясненъ, тѣмъ болѣе, что часто бываетъ совершенно невозможно отдѣлить корневую наставку отъ словообразовательнаго элемента, или суффикса, а въ связи съ этимъ оказывается часто совершенно невозможнымъ опредѣлить, какой же собственно элементъ слѣдуетъ считать корнемъ.

Всѣ помянутыя явленія, констатированныя сравнительной грамматикой индо-европейскихъ языковъ, легко прослѣдить и въ корняхъ тибетскаго языка. Этотъ фактъ не лишенъ нѣкотораго интереса и для изслѣдователей арійскихъ языковъ, такъ какъ въ тибетскомъ языкѣ, какъ языкѣ односложномъ, корень или корневой слогъ имѣетъ гораздо болѣе живое значеніе въ сознаніи говорящаго, чѣмъ въ историческихъ арійскихъ языкахъ; таковое же значеніе имѣлъ корень, вѣроятно, и въ ту доисторическую эпоху арійскаго языка, къ которой относится возникновеніе корней.

Въ послѣдующемъ мы укажемъ, какіе звуковые элементы являются въ тибетскомъ языкѣ въ роли опредѣлителей корней (префиксовъ и аффиксовъ), затѣмъ укажемъ, какія комбинаціи возможны между ними, а въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько выводовъ относительно происхожденія и значенія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Тибетское слово состоитъ изъ одного, гласнаго звука, къ которому спереди присоединяется одинъ или нѣсколько согласныхъ, а на концѣ могутъ присоединяться, хотя не обязательно, одинъ или два согласныхъ звука. Туземныя тибетскія грамматики считаютъ всѣ согласные, стоящіе на концѣ слова, аф-

фиксами, а стоящіе въ началѣ, кромѣ одного, коренного, префиксами [1]).

Слова такого типа какъ *ka* «столбъ», *sa* «земля», *na* «больной», *ra* «коза» и т. п. представляютъ собою по этой теоріи основной типъ тибетскаго слова; съ другой стороны, слова *lag sems*, *stobs*, *grugs* и т. п. представляютъ собою производный типъ, гораздо болѣе многочисленный.

Основной типъ тибетскаго слова, слѣдовательно, очень близокъ къ тому составу, въ которомъ Фикъ видѣлъ основной типъ индоевропейскаго корня [2]).

Относительно префиксовъ въ тибетскихъ корняхъ долгое время держалось мнѣніе, что они имѣютъ лишь графическое значеніе, почему они уподоблялись китайскимъ іероглифамъ: напримѣръ, слогъ *ka* съ префиксомъ *b* — *bka'* означаетъ «приказъ», съ префиксомъ *d* — *dka* — «трудный», и съ префиксомъ *bs* — *bska*—«кислый» и т. п. Академикъ Шифнеръ [3]) не допуская такого чисто графическаго значенія за префиксами, надписывавшимися сверху корневого согласнаго, въ виду прямыхъ свидѣтельствъ, что знаки эти въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ произносились, все-таки допускаетъ возможность его для такъ называемыхъ нѣмыхъ согласныхъ, или префиксовъ, которые пишутся рядомъ съ кореннымъ согласнымъ. Въ дѣйствительности и эти послѣдніе префиксы ничѣмъ не отличаются, кромѣ способа написанія, отъ первыхъ, какъ это ясно видно изъ того, что они чередуются между собою, какъ напримѣръ: *gtim-pa* (གཏིམ་པ) при *stim-pa* (སྟིམ་པ), *gtor-ba* (གཏོར་བ) при *stor-ba* (སྟོར་བ), *lbu-ba* (ལྦུ་བ), при *dbu-ba* (དབུ་བ) и т. д.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже префиксы эти (нѣмые согласные) сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ, т. е. вмѣстѣ

---

1) См. Schiefner, Bull. Classe hist.-phil. l'Acad. St. Pétersbourg, t. VIII, стр. 264 слл.

2) Loco cit., стр. 15.

3) Loco cit. стр. 217.

съ гласнымъ элементомъ, который очевидно сопровождалъ первоначально каждый изъ нихъ[1]). Такъ напримѣръ, нельзя отдѣлять слова *ga-ża* «смѣхъ» отъ *gżad* въ томъ же значеніи. Въ послѣднемъ случаѣ префиксъ *ga* превратился въ «нѣмой» *g*.

Первоначальное значеніе всѣхъ префиксовъ совершенно не ясно. Префиксъ *s* придаетъ иногда глаголу каузативное значеніе, какъ напримѣръ *'gren-ba* «стоять» при *sgren-ba* «ставить». Префиксы *g* и *b* служатъ для образованія причастій разныхъ временъ или видовъ глагола, напоминая въ этомъ отношеніи приставку *ga* въ германскихъ нарѣчіяхъ, а также такіе факты, какъ *дѣлаю* при *сдѣлаю* въ русскомъ языкѣ.

Гораздо важнѣе вопросъ объ наставкахъ въ концѣ тибетскихъ корней, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и обращаемся. Тибетское слово можетъ оканчиваться на слѣдующіе 9 согласныхъ: g, n̄, d, n, b, m, r, l, s. Десятая конечная согласная ' = ྈ въ счетъ не идетъ, такъ какъ на концѣ она имѣетъ только графическое значеніе.

Мы приведемъ теперь рядъ примѣровъ, изъ которыхъ явствуетъ, что эти согласные иногда совершенно исчезаютъ на концѣ слова, иногда же чередуются въ томъ же корнѣ съ другими такими же согласными.

Опредѣлитель *g* встрѣчается, напримѣръ, въ слѣдующихъ случаяхъ:

bkra-ba «красота», *bkrag-pa* «блескъ»

ko-ba, *kog-pa* «кожа»

'khri-ba «страсть», *'khrig-pa* «плотская любовь»

rgyu-ba «идти», *rgyug-pa* «бѣжать», сюда же относятся *rgyun* «теченіе» и *rgyud* «нить»

n̄a-(ra) «шумъ», *n̄ag* «рѣчь»

'ji-ba «разлагающійся», *'jig-pa* «разрушенный»

---

1) Какъ намъ передавалъ ученый лама Агинскаго дацана Зурбайнъ приставные, т. н. нѣмые, согласные произносятся ясно въ восточномъ Тибетѣ, провинціяхъ Камъ и Дерге, тамъ они слышатся въ сопровожденіи глухого вокала. Тоже подтвердилъ намъ и А. Н. Казнаковъ, посѣтившій въ 1902 г. эти мѣстности.

'ju-ba «захватить», *'jug-pa* «вступить»

ña-mo, *ñag-mo* «жена»

bdo-ba, *bdog-pa* «богатство»

phu «возвышенность», *phug-pa* «пещера въ скалѣ»; сюда же относится *phuñ-po*, см. ниже

'thso-ba «жить», *sog-pa* «живой», переходъ *ths* въ *s* весьма обыченъ, относительно формы *srog* см. ниже

gzi «свѣтъ», *gzigs-pa* «видѣть»

gzu «столбъ», *gzug* «вершина», и т. д.

Опредѣлитель ñ встрѣчается въ слѣдующихъ примѣрахъ:

gta'-ma, *gtañ-ma* «залогъ»

smyo-ba, *myoñ-ba*

rtsa-ba, *rtsañ* «корень»

lu-ma, *luñ-ma* «долина»

dbu, *dbuñ* середина, то же слово встрѣчается и съ опредѣлителемъ *s: dbus*.

rgya-ba «даль», *rgyañ-ma* «разстояніе»

'byi-ba «быть стерту», *byiñ-ba* «провалиться»

lha богъ, *lhañ-ñe* «величественный».

Опредѣлитель *d* распространенъ болѣе всѣхъ другихъ. Иногда онъ придаетъ корню, къ которому присоединяется каусативное значеніе, какъ напр.:

skye-ba «рождаться», *skyed-pa* «порождать»

'gye-ba «дѣлиться», *'gyed-pa* «дѣлить»

'bye-ba «открываться», *'byed-pa* «открывать»

'du-ba «собираться» *sdud-pa* «собирать»; въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ кромѣ аффикса *d*, придающаго глаголу каусативное значеніе, еще и префиксъ *s*, имѣющій такое же вліяніе, какъ напр. *lañ-ba* «подниматься», *slan-ba* «поднимать» и мн. др.

Въ другихъ же случаяхъ каусативное значеніе этого аффикса утратилось, напр.:

sku-ba, *skud-pa* «лизать»

'phyi-ba, *'phyid-pa* «стереть»

'byi-ba, *'byid-pa* «б. стерту»
žе-ba, *bžed-pa* «желаніе, желать»;
rko-ba, *rkod-pa* «копать»
bgo-ba, *bgod-pa* «дѣлить»
gci-ba, *gcid-pa* «mingere»
nu-ba, *nud-pa* «сосать».
phyi «потомъ», *phyid-pa* «задерживать»

Этотъ же опредѣлитель встрѣчается во многихъ словахъ безъ замѣтнаго вліянія на ихъ значеніе:

rga-ba, *rgad-pa* «старый»
na, *nad* «болѣзнь»
lci-ba, *lcid-pa* «тяжелый»
rmo, *rmod* «чудо»
rtsa-ba, *rtsad-pa* «корень», см. выше то же слово съ опредѣлителемъ n̄
rtse-ba, *rtsed-pa* «играть»
thsa-ba, *thsad-pa* «горячій»
du-ba, *dud-pa* «дымъ»
dro, *drod-pa* «горячій»
gtso, *gtsod* «антилопа» и т. д.
yi, *yid* «сердце»
ba-mo, *bad* «иней»

Опредѣлитель *n* встрѣчается также очень часто, напр.

rku-ba, *rkun-po* «воровать, воръ»
mgo «голова», *mgon-po* «владыка»
bgo-ba, *gon-pa* «одѣть, одежда»
n̄a-ba, *n̄an-pa* «дурной
che-ba, *chen-po* «большой»
ñi-ma «солнце», *ñin-mo* «день»
ñe-ba «близкій» *ñen* «родственникъ»
rma-ba, *rman-pa* «ранить»
dma'-ba, *dman-pa* «б. низкимъ, низкій»
rmo-ba, *rmon-pa* «пахать»

thsa-ba, *thsan-pa* «горячій», ср. выше тотъ же корень съ опредѣлителемъ *d*

yo-ba, *yon-pa* «кривой»

za-ba, *gzan-pa* «ѣсть»

dro, *dron-mo* «горячій», ср. выше тотъ же корень съ опредѣлителемъ *d*

nu-ba, *snun-pa* «сосать», ср. выше тотъ же корень съ опредѣлителемъ *d*

lha «богъ» *lhan-ne* «величественный», ср. выше тотъ же корень съ опредѣлителемъ *n*

ču-ba «снимать кожу», *čun* «кожа»

sñi-bo, *sñin* «мягкій»

žе, *žen-pa* «желаніе, желать», ср. выше тотъ же корень съ опредѣлителемъ *d*.

sgre-bo, *sgren-po* «голый»

mtho, *mthon* «высокій»

bde-ba «счастье», *bden-pa* «истина»

'phra, *'phran* «малый»

phyi «сзади» *phyin* «потомъ», ср. выше тотъ же корень съ опредѣлителемъ *d*

Опредѣлитель *b* встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ два предшествующіе, напр.:

'gru-ba «стараться, совершить», *'grub-pa* «б. совершену»

sna «носъ», *snabs* «сопля»

thu-bo «господинъ», *thub* «сила»

ža «нога», въ *ža-'brīn*, при *žabs*

chu и *chab* «вода»; переходъ *a* въ *u* встрѣчается нерѣдко, ср. *'gran-pa* = *sgrun-pa*. Сюда быть можетъ слѣдуетъ отнести и тѣ случаи, гдѣ аффиксъ *b* чередуется съ другими аффиксами, при чемъ чистая форма корня безъ аффикса въ языкѣ не сохранилась, а должна быть возстановляема путемъ сравненія формъ съ разными аффиксами. Если формы *thsan-pa* и *thsad-pa* дѣйствительно происходятъ отъ болѣе простой формы *thsa-ba*, то

наличность такихъ чередованій какъ *rgyag-pa*, *rgyab-pa* «бросать», *chud-pa*, *chub-pa* «всосанный», *gzed-ma*, *gzeb-ma* «клѣтка» и т. д. даютъ намъ право постулировать существованіе формъ *rgya-ba* и *chu-ba* и т. д., которыя въ соотвѣтственныхъ значеніяхъ въ языкѣ не сохранились, или намъ до сихъ поръ неизвѣстны. Однако чередованіе *b* и *d* имѣло повидимому въ тибетскомъ языкѣ и болѣе широкое распространеніе. Если такіе случаи какъ *bru-ba* = *dru-ba*, *'brid-pa* = *'drid-pa*, *'breg-pa* = *'dreg-pa*, *'bred-pa* = *'dred-pa*, *'brim-pa* = *drim-pa* и могутъ быть объяснены чередованіемъ префиксовъ *b* и *d*, на что указываетъ напр. существованіе формы *reg-pa* рядомъ съ *breg-pa* и *dreg-pa*, то въ другихъ случаяхъ такое объясненіе недопустимо и приходится допустить существованіе до сихъ поръ необъясненнаго чередованія *b* и *d* въ самомъ корнѣ, таковы глаголы *'bor-ba* = *'dor-ba*, *'bobs-pa* = *'dobs-pa* и др. Допуская чередованіе префиксовъ, мы можемъ сблизить и слѣдующіе два корня: *bri-ba* «уменьшаться» и *'grib-pa* въ томъ же значеніи.

Опредѣлитель *m* мы находимъ напр. въ слѣдующихъ случаяхъ:

tha, *tham* «весь, цѣлый»

sna «носъ», *snam-pa* «нюхать»

ri-mo «линія», *rim-pa* «порядокъ»

ȝa «нога» въ *ȝa-'briṅ*, при *ȝam-'briṅ*, ср. выше то же слово съ опредѣлителемъ *b*

lha «богъ», *lham-me* «величественный», ср. выше то же слово съ опредѣлителемъ *ṅ* и *n*.

Опредѣлитель *r* встрѣчается напр. въ слѣдующихъ случаяхъ:

skyu-ba «искусственная перемѣна» *skyur-ba* «перемѣнять»

gte-pa «залогъ» *gter-ba* «казна»

'phya, *'phyar-kha* «брань»

smo-ba, *smar-ba* «говорить».

Формы подобныя *smar* представляютъ собою сокращенный infinitivus вмѣсто *sma-bar* (о сокращеніяхъ см. ниже). Изъ формы

thsa-ba, *thsan-pa* «горячій», ср. выше тотъ же корень съ опредѣлителемъ *d*

yo-ba, *yon-pa* «кривой»

za-ba, *gzan-pa* «ѣсть»

dro, *dron-mo* «горячій», ср. выше тотъ же корень съ опредѣлителемъ *d*

nu-ba, *snun-pa* «сосать», ср. выше тотъ же корень съ опредѣлителемъ *d*

lha «богъ» *lhan-ne* «величественный», ср. выше тотъ же корень съ опредѣлителемъ *n*

çu-ba «снимать кожу», *çun* «кожа»

sñi-bo, *sñin* «мягкій»

žе, *žen-pa* «желаніе, желать», ср. выше тотъ же корень съ опредѣлителемъ *d*.

sgre-bo, *sgren-po* «голый»

mtho, *mthon* «высокій»

bde-ba «счастье», *bden-pa* «истина»

'phra, *'phran* «малый»

phyi «сзади» *phyin* «потомъ», ср. выше тотъ же корень съ опредѣлителемъ *d*

Опредѣлитель *b* встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ два предшествующіе, напр.:

'gru-ba «стараться, совершить», *'grub-pa* «б. совершену»

sna «носъ», *snabs* «сопля»

thu-bo «господинъ», *thub* «сила»

ža «нога», въ *ža-'brīn*, при *žabs*

chu и *chab* «вода»; переходъ *a* въ *u* встрѣчается нерѣдко, ср. *'gran-pa* = *sgrun-pa*. Сюда быть можетъ слѣдуетъ отнести и тѣ случаи, гдѣ аффиксъ *b* чередуется съ другими аффиксами, при чемъ чистая форма корня безъ аффикса въ языкѣ не сохранилась, а должна быть возстановляема путемъ сравненія формъ съ разными аффиксами. Если формы *thsan-pa* и *thsad-pa* дѣйствительно происходятъ отъ болѣе простой формы *thsa-ba*, то

наличность такихъ чередованій какъ *rgyag-pa*, *rgyab-pa* «бросать», *chud-pa*, *chub-pa* «всосанный», *gzed-ma*, *gzeb-ma* «клѣтка» и т. д. даютъ намъ право постулировать существованіе формъ *rgya-ba* и *chu-ba* и т. д., которыя въ соотвѣтственныхъ значеніяхъ въ языкѣ не сохранились, или намъ до сихъ поръ неизвѣстны. Однако чередованіе *b* и *d* имѣло повидимому въ тибетскомъ языкѣ и болѣе широкое распространеніе. Если такіе случаи какъ *bru-ba* = *dru-ba*, *'brid-pa* = *'drid-pa*, *'breg-pa* = *'dreg-pa*, *'bred-pa* = *'dred-pa*, *'brim-pa* = *drim-pa* и могутъ быть объяснены чередованіемъ префиксовъ *b* и *d*, на что указываетъ напр. существованіе формы *reg-pa* рядомъ съ *breg-pa* и *dreg-pa*, то въ другихъ случаяхъ такое объясненіе недопустимо и приходится допустить существованіе до сихъ поръ необъясненнаго чередованія *b* и *d* въ самомъ корнѣ, таковы глаголы *'bor-ba* = *'dor-ba*, *'bobs-pa* = *'dobs-pa* и др. Допуская чередованіе префиксовъ, мы можемъ сблизить и слѣдующіе два корня: *bri-ba* «уменьшаться» и *'grib-pa* въ томъ же значеніи.

Опредѣлитель *m* мы находимъ напр. въ слѣдующихъ случаяхъ:

tha, *tham* «весь, цѣлый»

sna «носъ», *snam-pa* «нюхать»

ri-mo «линія», *rim-pa* «порядокъ»

ža «нога» въ *ža-'briṅ*, при *žam-'briṅ*, ср. выше то же слово съ опредѣлителемъ *b*

lha «богъ», *lham-me* «величественный», ср. выше то же слово съ опредѣлителемъ *ṅ* и *n*.

Опредѣлитель *r* встрѣчается напр. въ слѣдующихъ случаяхъ:

skyu-ba «искусственная перемѣна» *skyur-ba* «перемѣнять»

gte-pa «залогъ» *gter-ba* «казна»

'phya, *'phyar-kha* «брань»

smo-ba, *smar-ba* «говорить».

Формы подобныя *smar* представляютъ собою сокращенный infinitivus вмѣсто *sma-bar* (о сокращеніяхъ см. ниже). Изъ формы

шать вопросы, касающіеся столь отдаленной эпохи, какъ та, въ которую сложился корневой составъ тибетскаго языка. Извѣстно, что каждый звуковой законъ дѣйствуетъ только на протяженіи сравнительно очень короткаго періода въ жизни языка.

Мы уже выше обратили вниманіе на сходство въ постановкѣ вопроса о корневыхъ опредѣлителяхъ въ арійскихъ языкахъ, съ одной стороны, и тибетскомъ языкѣ, съ другой. Такое же сходство замѣчается и въ попыткахъ рѣшенія этого вопроса. Если мы, напримѣръ, въ тибетскомъ языкѣ имѣемъ форму *rga*, со значеніемъ «старый, стариться», и рядомъ съ ней формы *rgan*, *rgad*, *rgas*, въ томъ же значеніи, то въ индоевропейскихъ языкахъ мы также имѣемъ корень *sta* со значеніемъ «стоять» и рядомъ съ нимъ корни *stap*, *star*, *stal*, въ такомъ же или сходныхъ значеніяхъ. Спрашивается, произошли ли болѣе полныя формы отъ краткой, или, наоборотъ, краткія получились путемъ отпаденія всѣхъ конечныхъ согласныхъ болѣе полной формы. Что касается тибетскаго языка, то на первой точкѣ зрѣнія стоятъ тибетскія туземныя грамматики, а на второй академикъ Шифнеръ. Въ индоевропейскихъ языкахъ вопросъ можетъ считаться въ настоящее время рѣшеннымъ въ пользу первоначальности краткой формы корня, хотя не всѣ трудности, соединенныя съ рѣшеніемъ вопроса, устранены. Курціусъ первый выразилъ мнѣніе, что онъ совершенно не можетъ себѣ представить, чтобы группа корней *stap*, *star*, *stal* могла повести къ образованію корня *sta*. Этотъ argumentum ex impossibili былъ принятъ всѣми позднѣйшими изслѣдователями [1]), несмотря на то, что, напримѣръ, Максъ Мюллеръ [2]) отлично себѣ представлялъ, что группа корней *mark'*, *marg*, *mard*, *mardh*, со значеніемъ «давить», путемъ отвлеченія отъ конечнаго согласнаго элемента, ведетъ къ образованію корня *mr̥*, съ тѣмъ же значеніемъ, но безъ всякаго согласнаго элемента на концѣ. Вопросъ былъ бы рѣшенъ

1) Fick, loco cit, стр. 15, Persson, Wurzelerweiterung, стр. 3, Brugmann, Grundriss, II, стр. 880.

2) Max Müller, Chips, IV, стр. 129; Lectures, II, стр. 312.

окончательно, если бы удалось опредѣлить самостоятельное значеніе тѣхъ звуковыхъ элементовъ, которые являются намъ только въ роли несамостоятельныхъ аффиксовъ. Но тутъ индоевропейскія грамматики располагаютъ только кое-какими гипотезами, и то только относительно нѣкоторыхъ опредѣлителей [1]), въ сущности же такъ называемые опредѣлители индоевропейскихъ корней остаются, какъ выразился одинъ изслѣдователь «голыми согласными, не сопровождаемыми гласными элементами, звуками, которыхъ самостоятельно даже нельзя произнести, какими-то идеальными звуковыми монадами» [2]).

Мы вполнѣ раздѣляемъ соображеніе Курціуса и по отношенію къ тибетскому языку. Трудно себѣ представить, чтобы языкъ этотъ обладалъ, для обозначенія одного понятія «старый», формами *rgan*, *rgad*, *rgas*, изъ которыхъ уже потомъ образовалась форма *rga*. Гораздо легче себѣ представить, что языкъ первоначально обладалъ для обозначенія этого понятія формой *rga*, и затѣмъ уже къ этой формѣ, такъ сказать, прирастали элементы *n d s*, которые имѣли какую-то самостоятельную функцію и во многихъ другихъ случаяхъ, кромѣ сочетаній съ корнемъ *rga* — мы и дѣйствительно встрѣчаемъ ихъ въ цѣломъ рядѣ словъ. Все дѣло въ томъ, чтобы выяснить, какую роль играли въ организмѣ языка эти элементы *d n s* до своего слія-нія съ корнями.

Для отвѣта на этотъ главный, въ данномъ случаѣ, вопросъ, тибетскій языкъ находится въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ языки арійскіе, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы можемъ прямо прослѣдить процессъ превращенія самостоятельнаго слова или частицы въ несамостоятельнаго опредѣлителя постороннихъ корней.

Независимо отъ корней, имѣющихъ самостоятельное значеніе, въ тибетскомъ языкѣ имѣется еще цѣлый рядъ корней-частицъ,

---

1) См. Persson, loco cit., стр. 202 и слѣд., а съ нимъ согласенъ и Brugmann, loco cit., стр. 880.

2) См. Corssen, Beiträge zur lateinischen Formenlehre, стр. 116.

имѣвшихъ вѣроятно нѣкогда самостоятельное значеніе, но утерявшихъ его и исполняющихъ служебную роль по отношенію къ корнямъ самостоятельнымъ. Эти частицы и были предшественницами коренныхъ опредѣлителей, и къ разсмотрѣнію ихъ мы теперь приступимъ.

Опредѣлителю *g* соотвѣтствуютъ частицы *ga*, *ge*, *gu*. Изъ нихъ послѣдняя придаетъ уменьшительное значеніе тому слову, къ которому присоединяется, значеніе остальныхъ не ясно: напримѣръ, *ña-ga* при *ñag* «безменъ», *yi-ge* при *yig* «буква», *'chi-gu* при *'chig* «пестикъ», *sgro-gu* при *sgrogs* «цѣпь».

Опредѣлитель $\bar{n}$ соотвѣтствуетъ частицѣ $\bar{n}a$, самостоятельное значеніе ея не ясно, напримѣръ, *sgo-*$\bar{n}a$ при *sgo*$\bar{n}$ «яйца».

Значеніе опредѣлителя *d* ясно изъ приведенныхъ выше примѣровъ; во многихъ случаяхъ онъ придаетъ глаголу каузативное значеніе. По всей вѣроятности, онъ представляетъ собой остатокъ глагола *byed-pa*, остатокъ, получившійся благодаря столь обычному въ тибетскомъ языкѣ сокращенію. Подобно тому, какъ *yin-pas-na* получается путемъ сокращенія изъ *yin-pa-de-bas-na*, или окончаніе оруднаго падежа *pas* изъ *pa-gyis*, такъ же и *skyed-pa* могло получиться изъ *skye-bar-byed-pa*. Конечно, такое объясненіе допустимо только для нѣкоторой части словъ, имѣющихъ этотъ опредѣлитель, къ тому же и глаголъ *byed-pa* уже является, согласно вышеупомянутой тибетской теоріи, снабженнымъ такимъ опредѣлителемъ.

Первоначально опредѣлитель *d* вѣроятно обязанъ своимъ происхожденіемъ частицѣ *du*, посредствомъ которой образуется одинъ изъ косвенныхъ падежей; отсюда уже элементъ *d* распространился на всю систему формъ даннаго корня, такъ отъ *yi-du* можетъ получаться сначала *yid*, затѣмъ *yid-kyi* и т. д.

Опредѣлитель *n* могъ получиться такимъ же образомъ отъ частицы *na*, посредствомъ которой образуется также одинъ изъ косвенныхъ падежей. Замѣтимъ здѣсь, что опредѣлитель *n* имѣетъ, по всей вѣроятности, гораздо болѣе широкое распространеніе, чѣмъ то, на которое указываетъ тибетское право-

писаніе. Извѣстны случаи, когда школьная грамматика учитъ, что знакъ ' между двумя словами слѣдуетъ произносить какъ *n*. Звуковой переходъ ' въ *n*, и притомъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вслѣдствіе неизвѣстной причины, мало вѣроятенъ. Гораздо естественнѣе предположить, что во всѣхъ такихъ случаяхъ въ языкѣ существовалъ опредѣлитель *n*. Напримѣръ, *ñe-'khor* произносится какъ *ñen-khor*, но рядомъ съ формой *ñe* имѣется и форма *ñen*, которая въ дѣйствительности и произносится вмѣсто правописнаго *ñe-*. Точно такъ же слѣдуетъ объяснять и извѣстное произношеніе слова *ганжуръ*: *bka'-'gyur*, гдѣ вмѣсто *bka'* языкъ пользовался формой *bkan*.

Опредѣлитель *b* произошелъ отъ частицы *bu*, придающей слову уменьшительное значеніе и встрѣчающейся также какъ самостоятельное слово въ значеніи «сынъ», напримѣръ, *gdu-bu* при *gdub*.

Опредѣлитель *m* произошелъ отъ частицы *ma*, *mo*, какъ это видно, напримѣръ, изъ *ri-mo* при *rim-pa*.

Опредѣлитель *r*, какъ то уже было указано выше, является часто сокращеніемъ частицы *bar*, которая образуетъ неопредѣленное наклоненіе. Въ свою очередь эта частица произошла отъ сложенія частицы *ba* съ частицею *ru*; послѣдняя служитъ для образованія особой формы мѣстнаго (терминативнаго) падежа, который не отличается отъ такъ называемаго неопредѣленнаго наклоненія.

Опредѣлитель *l* встрѣчается сравнительно очень рѣдко, роль его совершенно не ясна. Онъ вѣроятно является лишь видоизмѣненіемъ предшествующаго опредѣлителя, какъ на то указываетъ параллельное существованіе формы *skur-ba* и *skul-ba*.

Наконецъ, опредѣлитель *s* могъ произойти отъ частицы *sa*, которая, хотя очень рѣдко, но встрѣчается какъ самостоятельная частица, напримѣръ, *pho-sa* «гордость». Такъ *ris* при *ri-mo* произошелъ изъ *ri-sa*. Гораздо чаще встрѣчается этотъ опредѣлитель, какъ знакъ причастія прошедшаго времени. Устано-

вить первоначальное его значеніе въ настоящее время не представляется возможности.

Всѣми изложенными соображеніями подтверждается только теорія тибетскихъ ученыхъ, по мнѣнію которыхъ тибетскій корень состоитъ изъ согласной и гласной. Къ этому основному составу корня присоединяются съ обѣихъ сторонъ приставки и наставки, которыя служатъ для приданія его значенію большей ясности, или для дифференціаціи значенія. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы мы должны были представлять себѣ дѣйствительно существовавшимъ такое состояніе тибетскаго языка, въ которомъ весь словарь сводился бы къ нѣсколькимъ десяткамъ словъ, количество которыхъ можетъ быть даже опредѣлено математически путемъ вычисленія возможныхъ комбинацій согласныхъ (изъ числа которыхъ слѣдовало бы исключить небныя и свистящія, какъ не первоначальныя) съ гласными. Такъ, повидимому, представлялъ себѣ дѣло Фикъ въ области языковъ индоевропейскихъ, когда сводилъ почти всѣ индо-европейскіе корни къ типу consonans+sonans. Въ настоящее время понятію корень придается болѣе подвижное и субъективное значеніе[1]), какъ звуковому элементу, имѣющему жизнь въ сознаніи говорящаго только въ извѣстный періодъ развитія языка. Какъ таковые элементы, тибетскіе корни существовали очевидно въ тотъ періодъ, когда этотъ языкъ получалъ свой нынѣшній односложный строй [2]).

Ѳ. Щербатской.

---

1) Ср. Brugman, Grundriss, 2 изд. I, § 24.

2) Статья эта была уже окончена, когда проф. П. К. Коковцовъ указалъ намъ на работу проф. M. Philippi, Ueber den Grundstamm des starken Verbums im Semitischen. Morgenl. Forsch., стр. 71 и слѣд., гдѣ тотъ же вопросъ объ опредѣлителяхъ корней разсматривается въ области семитскихъ языковъ; принципіальные вопросы тамъ возбуждаемые очень близки къ тѣмъ, къ которымъ ведетъ разсмотрѣніе состава какъ арійскихъ, такъ и тибетскихъ корней.

Дополнительная замѣтка къ статьѣ „Творительный падежъ ед. ч. именъ ж. р.“ и т. д.

Только послѣ написанія и напечатанія моей статьи я успѣлъ познакомиться съ трудомъ С. М. Кульбакина «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка», въ которомъ между прочимъ доказывается объясненіе творит. пад. ед. ч. именъ ж. р. и личнаго мѣстоименія, противъ котораго я высказался. С. М. Кульбикинъ соглашается вполнѣ съ объясненіемъ п. gyḅǫ, ч. gyḅú, gyḅou изъ gýḅojǫ или gýḅojǫ и съ правиломъ, которое поставилъ Фр. Лоренцъ: «Носовые въ конечномъ открытомъ слогѣ сокращаются, независимо отъ ударяемости или неударяемости, также отъ долготы. Гдѣ конечный носовой является въ видѣ ą, тамъ онъ происходитъ изъ стяженія, или первоначально не былъ въ открытомъ концѣ слова» (стр. 141 сл.). Доказательства приводитъ именно изъ флексіи основъ на -ā и изъ окончанія 3 л. мн. ч. польск. ǫ, чешс. ú—ou изъ др.-сл. ǫtь, но этотъ вопросъ опять же спорный и рѣшеніе его представляетъ большія трудности. На стр. 195 приводится *já* долгое въ чешск., съ закрытымъ á—o въ польскихъ діалектахъ, *jô* кашуб. и тоже серб. jâ; авторъ самъ не считаетъ объясненіе изъ *jaz* совсѣмъ удовлетворительнымъ и ищетъ другое объясненіе.

Въ южно-слав. языкахъ были и существуютъ до сихъ поръ обѣ формы творительнаго *u*, изъ того *-um* и *ov*, изъ того *om* въ серб.-хорв. языкѣ, *o* и *oj* сокращено изъ *ojǫ* въ словин., и

едва ли можно предполагать, что рядомъ удержалась нестяженная, или дальше развилась старая форма и тоже развилась стяженная форма. Въ чеш. яз. важно, что отчасти сохранились нестяженныя формы и находятся въ древнѣйшихъ памятникахъ: винит. ед. ч. *tú* и *toju*. Стало быть стяженіе *oju* въ *ú* произвелось уже на почвѣ самостоятельнаго развитія чешскаго языка, и не совсѣмъ. Трудности представляетъ еще *ú* изъ oju (ją): не у формъ какъ *tojù*, гдѣ былъ акцентъ на *ù*, но у формъ *-ójǫ* (*ženòjǫ*). Ожидая въ виду ударяемости перваго элемента изъ **oja* — *ō*, а не *ā*, какъ *aje* и *aje* послѣ ударенія даетъ *ā* (см. Кульбакинъ ор. с. 145 сл.), не можемъ объяснять *ú* изъ *óju*, oju послѣ ударенія **ženóju*, **rýboju*. Въ виду этихъ трудностей едва ли не лучше будетъ оставаться при объясненіи, котораго и я держусь въ своей статейкѣ.

Ю. Поливка.

Декабрь 1904.

Дополнительная замѣтка къ статьѣ „Опытъ изданія греческихъ церковныхъ писателей древнѣйшаго времени въ русской патрологической литературѣ“.

Addenda ad testimonia externa.

Благодаря любезности молодого грузинолога *К. С. Кекелидзе*, услугами коего мы уже имѣли случай пользоваться выше, мы получили весьма любопытную приписку писца къ грузинской рукописи, называемой «пчелою» XIII в. № 60 (Ѳ. Э. Жорданія. Описаніе рукописей Тифлисскаго церковнаго музея карта линокахетинскаго духовенства. Тифл. 1903, кн. I, стр. 50), содержащей въ себѣ между прочими статьями и «епископа діодоха Фотикскаго, древняго Апиро (sic)» «объ опредѣленіяхъ» и «сто главъ аскетическихъ». Приписка писца рукописи въ концѣ названныхъ аскетическихъ главъ читается въ русскомъ переводѣ такъ: Знай, что «Діадохосъ» по переводу съ греческаго означаетъ преемникъ (მოსდებელი), «фотика» же свѣтъ. Согласно съ этимъ *святой владыка нашъ Іоаннъ, архіепископъ антіохійскій*, воспѣвая его, слагаетъ въ честь его слѣдующій ямбическій стихъ:

«Когда освѣтилось сердце твое, какъ проповѣдника высокихъ дарованій, соименникомъ коихъ ты сдѣлался по справедливости, тогда оно изрекло *лучезарныя слова* (შრავნდოეგრნი სიტყვანი). Въ этомъ убѣждаетъ насъ названіе престола твоего, возводящаго на высоту небесной жизни неизмѣнно руководящихся вос-

принятой тобою божественною благодатью и одержимыхъ желаніемъ свѣтозарныхъ и души просвѣщающихъ добродѣтелей. При содѣйствіи свѣтлой, какъ чистое зеркало божественнаго свѣта, твоей благодати, даруй мнѣ успѣшное разумѣніе ихъ (т. е. словъ или главъ), такъ какъ особенное стремленіе къ нимъ, по тщательномъ приготовленіи, побудило меня къ рукописанію ихъ. Хотя не обладающему внутренней благодатью и невозможно писать правильно, но недостатки письма не въ состояніи умалить не вполнѣ нами сознаваемую цѣнность твоихъ словъ».

Если *святой Іоаннъ архіепископъ антіохійскій*, о которомъ говорится въ данной припискѣ,—тожественное лицо съ первымъ архіепископомъ Антіохіи, носившимъ это имя (423—440) и въ нѣкоторыхъ памятникахъ признаваемымъ за святого (Арх. Сергій. Полный мѣсяцесловъ Востока. Влад. изд. 2, 1901 г. т. II, стр. 146—147), то въ этомъ ямбиконѣ мы имѣемъ теперь свидѣтеля-современника блаженнаго Діадоха, автора λόγος ἀσκητικός [1]).

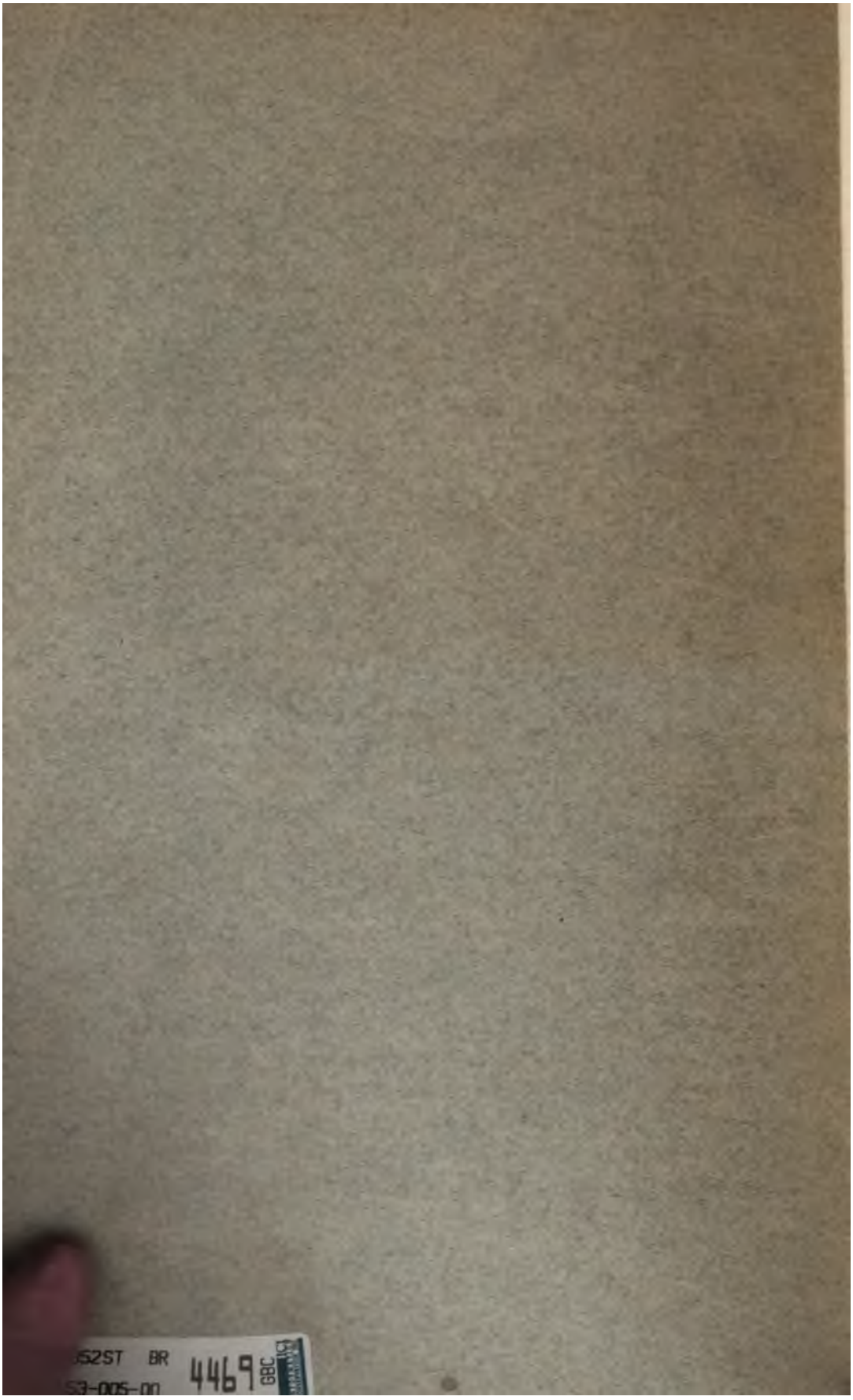
А. А. Дмитріевскій.

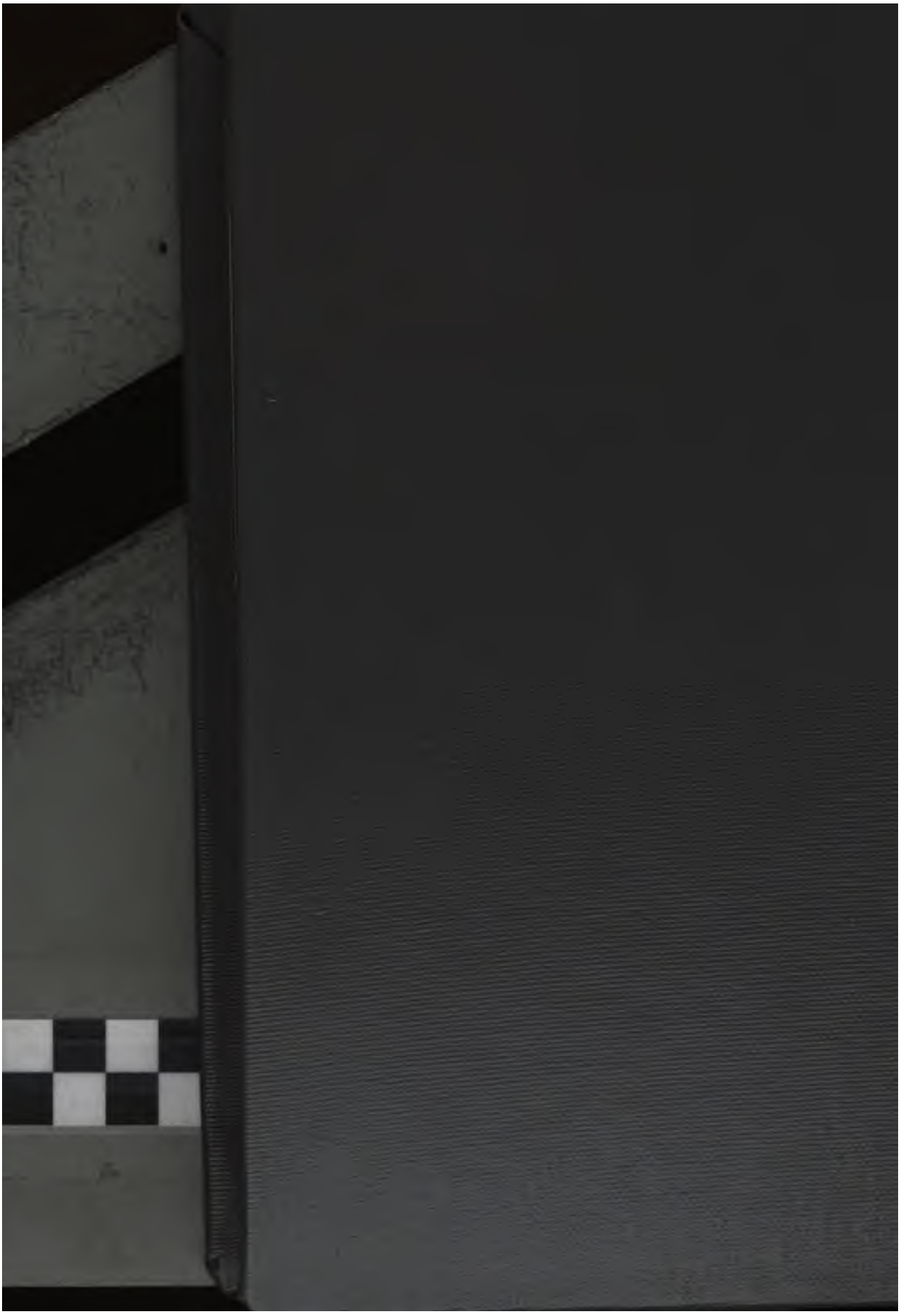
---

1) Предполагавшіеся къ статьѣ А. А. Дмитріевскаго снимки не приложены вслѣдствіе неясности отпечатковъ. П. Лавровъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
265	27	Ностъ	Постъ.
274	24	такъ и экзогамный бракъ, случаи разбойническихъ нападеній	такъ и экзигамный бракъ, во вторыхъ, случаи разбойническихъ похищеній
—	30	съ ритуальнымъ похищеніемъ разбойничьимъ	съ ритуальнымъ похищеніемъ, во вторыхъ, съ разбойничьимъ
275	20	Вершепова	Вертепова
281	15	кебинъ-ханкъ	кебинъ хаакъ
291	28	всевозможныя болѣзни [3])	всевозможныя болѣзни [2])
292	15	въ малорусскои [1])	въ малорусской [3]) пред. стр.
—	—	болгарской [2])	болгарской [1])
—	19	птица вѣщая [3])	птица вѣщая [2])
293	13	къ привычнытъ	къ привычнымъ
313	25	согласныи произносяться	согласныя произноситься
316	12	муки	мухи
—	31	*высок-+-и*	высокъ-+-и
319	11	ложъ	ножъ
—	22	кости	костію
320	15	в	b


52ST BR
53-005-00
4469
GBC

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004